ГОДЪ СЕДЬМЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7 и 8. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1869.

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ

ПИСЬМА ГЕРМАНСКОЙ ПРИНЦЕССЫ О РУССКОМЪ ДВОРѢ.

1795 годъ.

Въ Виртембергскомъ журналѣ „Morgenblatt“ напечатанъ рядъ писемъ, относящихся ко времени Императрицы Екатерины II-й и представляющихъ картину Русскаго Двора въ 1795 г. Письма эти писаны изъ Петербурга супругою наслѣднаго герцога Саксенъ-Кобургскаго къ мужу, въ Германію. Извѣстно, что въ 1795 г. герцогиня пріѣхала въ Петербургъ съ тремя дочерьми своими, изъ коихъ одну предположено было выбрать въ невѣсты молодому внуку Екатерины, Великому Князю Константину Павловичу. Выборъ палъ на младшую принцессу, которая и была въ слѣдующемъ году обвѣнчана съ Великимъ Княземъ подъ именемъ Анны Ѳеодоровны; но черезъ четыре года вернулась въ Германію, и потомъ жила въ разводѣ съ своимъ супругомъ.

Письма эти писаны въ видѣ журнала, въ котороми жена передаетъ мужу свои ежедневныя впечатлѣнія и встрѣчи. Первое письмо писано 18 Октября, на другой день по пріѣздѣ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ блеска и великолѣпія, которымъ ослѣплена была принцесса Кобургская при большомъ Дворѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ гостей въ зимній дворецъ, Екатерина встрѣтила ихъ въ отведенныхъ имъ комнатахъ и поразила ихъ съ перваго разу своимъ величіемъ. „Она приняла насъ—пишетъ герцогиня—чрезвычайно милостиво и любезно, осмотрѣла каждую изъ нашихъ дѣвицъ проницательнымъ взглядомъ и остановила его на младшей, Юліи. Разсказываютъ, что, когда гости подъѣхали ко дворцу и выходили изъ экипажа, Императрица смотрѣла на нихъ изъ окна: старшая принцесса быстро выскочила изъ экипажа на лѣстницу; вторая хотѣла сдѣлать тоже, оступилась и упала; но послѣдняя вышла изъ экипажа и взошла на ступеньку спокойно и съ достоинствомъ—это понравилось Екатеринѣ, и она сказала про себя: c'est la dernière. „Я нашла, продолжаетъ герцогиня, что всѣ описанія Екатерины, какія до насъ доходили, не вѣрны. Опишу ее тебѣ по первому впечатлѣнію. Она немного пониже меня, только полнѣе, осанка ея величественна; такою воображала я себѣ въ дѣтствѣ волшебницу. Лицо у нея широкое и полное; съ виду нельзя ей дать 60 лѣтъ. Волосы и брови у ней не крашеные, совсѣмъ сѣдые и густые; прическа совершенно соотвѣтствуетъ ея лѣтамъ. Головной уборъ приколотъ двумя огромными брилліантами. Выраженіе лица очень пріятно, ротъ до сихъ поръ необыкновенно красивъ, носъ не великъ, но прекрасной формы и чудные голубые глаза, безъ которыхъ нельзя вообразить ее. Она слегка румянится, но кожа такъ свѣжа у нея, что навѣрное она никогда не бѣлилась. Поступь у нея удивительно легкая, не по лѣтамъ, и вообще ее можно назвать олицетвореніемъ крѣпкой старости, хотя у насъ за границею часто говорятъ объ ея болѣзняхъ.

Съ первыхъ же дней, принцессы освоились со Дворомъ и вошли въ обыкновенную жизнь его. Повидимому туалеты ихъ не отличались ни полнотою, ни пышностью, и Екатерина прислала имъ двѣ корзины великолѣпныхъ шелковыхъ матерій и

полдюжины портнихъ, которыя тотчасъ же принялись за работу. 20-го Октября Императрица прислала матери и дочерямъ бриллыянтовые знаки ордена св. Екатерины и въ тотъ же день привела къ нимъ въ первый разъ Великаго Князя Константина, о которомъ герцогиня пишетъ: „Константину на видъ кажетъ не менѣе 23 лѣтъ (ему было тогда около 16), и видно, что онъ еще выростетъ. У него широкое, круглое лицо; и если бы не курносый носъ его, онъ былъ бы очень красивъ; у него большіе голубые глаза, въ которыхъ много огня и ума; рѣсницы и брови почти совсѣмъ черные; небольшой ротъ и губы совсѣмъ пунцовые; очень пріятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжій цвѣтъ лица. У обоихъ братьевъ такія здоровыя лица, такое крѣпкое, мускулистое тѣлосложеніе, что они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ ясномъ взглядѣ ихъ видна чистая кровь и душа неиспорченная. Константинъ, кажется, воинъ и душой и тѣломъ, со всею военною ловкотью... Александръ замѣчательно красивъ, высокаго роста, но граціозность не мѣшаетъ мужественному его виду, и выраженіе лица у него гораздо прелестнѣе чѣмъ у брата, хотя у нихъ общій air de famille. У Константина болѣе блеску въ глазахъ и глаза красивѣе, но у Александра черты лица совершенно правильныя; у него придворныя располагающія манеры, и онъ разговорчивѣе брата въ обществѣ. Жаль только, что при этой необыкновенной любезности есть какая-то лѣнь и вялость въ его манерѣ... Братья чрезвычайно привязаны другъ къ другу и постоянно вмѣстѣ. Константинъ имѣетъ больше характера и отъ того владѣетъ совершенно старшимъ братомъ, что не мѣшаетъ однакоже взаимному ихъ довѣрію“.

Великій Князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Гатчины познакомиться съ принцессами. Герцогиня съ дочерьми должна была итти къ нему для перваго знакомства, въ его комнаты, черезъ весь дворецъ, но осталась довольна его любезностью; потомъ онѣ были у В. Князя Александра Павловича. Герцогиня пишетъ, что она устала до крайности отъ этихъ визитовъ, потому что надо было пройти по дворцу по крайней мѣрѣ три мили. Только что успѣли онѣ вернуться въ свои комнаты, какъ В.К. Павелъ Петровичъ пришелъ отдать имъ визитъ. Въ тотъ же день герцогиня описываетъ блестящій балъ и театръ въ Эрмитажѣ. Начиная съ Императрицы, всѣ удивляются красотѣ дочерей ея, о чемъ она пишетъ съ восторгомъ.

Разсказъ становится интереснѣе съ 5-го письма, отъ 24 Октября. „Все рѣшено—пишетъ герцогиня,—и рѣшено такъ, какъ ты ожидалъ. Звѣзда Юліина взяла верхъ, и лучше что такъ вышло. У Юліи больше достоинства и характера, чѣмъ у нашей милой, слишкомъ доброй Натты. На взглядъ Императрицы всѣхъ красивѣе Софія, и она сказала другу нашему генералу Будбергу: Si je pouvais, je les garderais toutes les trois; mais comme c'est Constantin qui se marie, il choisira“ (Еслибъ можно было, я оставила бы всѣхъ трехъ; но Константину жениться—пусть онъ выбираетъ). Въ итальянской оперѣ Императрица сказала мнѣ: Il vous faut quelques jours de repos (Надо вамъ отдохнуть нѣсколько дней). Эти дни отдыха я приняла съ благодарностью и пробыла дома среду и четвергъ (21 и 22)“.

„Въ пятницу утромъ мы поѣхали кататься по городу. Трудно себѣ представить что нибудь прекраснѣе новаго города и набережной Невы. Въ полдень къ намъ собралась вся наша обыкновенная обѣденная компанія. Послѣ обѣда мы пошли съ генерал. Будбергомъ въ Эрмитажъ, смотрѣть картины и разныя произведенія искусства. Картинъ здѣсь множество, но

онѣ очень разнообразнаго достоинства. Очень хороши картины Анжелики Кауфманъ, но болѣе всего понравилась мнѣ картина „Смерть Отца". Въ безконечной амфиладѣ залъ и галерей всего прежде бросается въ глаза обширный видъ на Неву, покрытую множествомъ большихъ и малыхъ судовъ и, по ту сторону рѣки, на Васильевскій островъ, съ прекраснѣйшими зданіями, кадетскимъ корпусомъ, Академіей и пр.: всѣ они кажутся такими чистыми и свѣжими—точно модели".

„Изъ большой столовой съ колоннами мы вошли въ билліардную и здѣсь застали Константина одного. Онъ смутился немного, но тотчасъ оправился и сказалъ, что Императрица велѣла ему показать намъ собраніе рѣдкостей. Со мной онъ разговаривалъ безъ перерыву; но съ дѣвицами не имѣлъ духу сказать ни слова. Онъ отлично говоритъ по французски и имѣетъ много свѣдѣній для своихъ лѣтъ".

„Когда мы кончили, я пригласила Константина пить съ нами чай. Онъ покраснѣлъ до ушей, но съ большимъ удовольствіемъ пошелъ съ нами въ наши комнаты, и мнѣ показалось точно я у себя дома въ Кобургѣ. Все еще не рѣшаясь заговорить съ дѣвицами, онъ обращался все ко мнѣ и къ Будбергу. Будберга онъ безмѣрно любитъ и всякую минуту беретъ его за руку, чтобы показать, какъ онъ цѣнитъ его. Je le crains extrêmement — говорилъ онъ мнѣ—et je n'ai jamais craint que lui; car M. Sacken, je le mettais en poche. (Я ужасно боюсь его, и его только одного всегда боялся: съ Сакеномъ я что хотѣлъ, то и дѣлалъ). *Будбергъ*: Mais, monseigneur, je n'étois point auprès de vous. (Но я вѣдь не былъ при васъ, Ваше Высочество). *Константинъ*: Mais on venait vous chercher pour me laver la tête. (Да, только за вами посылали, когда нужно было побранить меня). При всякомъ случаѣ Константинъ повторяетъ: Le général Budberg est le plus honnête homme que nous ayons (Ген. Будбергъ у насъ самый честный человѣкъ). Александръ тоже очень къ нему привязанъ, и оба брата выказываютъ къ нему любовь свою самымъ лестнымъ для него образомъ. Съ другими придворными они просто учтивы, но съ генераломъ обращаются какъ съ отцомъ. Только съ однимъ Зубовымъ они въ близкихъ отношеніяхъ, и это уклоненіе отъ прочихъ придворныхъ помогаетъ имъ соблюдать чистоту душевную".

„Екатерина, во всемъ предусмотрительная, устроила какъ нельзя болѣе разумно воспитаніе обоихъ молодыхъ людей и теперь видитъ себѣ награду въ нихъ: оба они вышли превосходны. У Константина такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствія ко всему великому, и въ тоже время столько скромности. Самое сильное его желаніе—сдѣлать кампанію. A la tête de votre regement? (Съ вашимъ полкомъ) спрашиваетъ Будбергъ. Non, mon ami, отвѣчаетъ онъ, je ne suis pas fait encore pour commander un regiment, je veux apprendre obéir, pour servir un jour ma patrie. (Нѣтъ, мой другъ, я еще не доросъ до того, чтобы командовать полкомъ, я хочу еще учиться слушать другихъ, чтобы послужить своему отечеству). И когда онъ говорилъ это, столько прямоты и благородства выражало его лицо. Будбергъ взглянулъ на меня съ восторгомъ. Привязанность братьевъ другъ къ другу замѣчательна. Константинъ говоритъ мнѣ: Je ne sais pas si mon frère peut se passer de moi: moi, sans Alexandre, je ne pourrais point vivre. (Не знаю, можетъ ли братъ обойтись безъ меня, а я жить не могу безъ Александра). Вчера Александръ спрашивалъ меня, довольна ли я его братомъ: Il est un peu étourdi, mais il est si bon. (Онъ немного легкомысленъ, но такъ добръ!) Они, кажется, дополняютъ другъ друга своимъ различіемъ въ характерахъ. Чего нельзя ожидать со временемъ отъ

этихъ молодыхъ людей! Императрица слѣдитъ за ними съ восторгомъ. Оба они чрезвычайно привязаны къ дому, и оба, особливо младшій, ненавидятъ придворныхъ. Въ разговорѣ со мною, Константинъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ высказывалъ презрѣніе свое къ людямъ, которые гонятся за милостями высочайшихъ особъ, и выражалъ свое опасеніе, какъ бы братъ его не подчинился вліянію этихъ людей. Будбергъ улыбнулся и сказалъ: Il vous auront également, Monseigneur. (Они достанутъ и васъ, Ваше Высочество). Тутъ начались увѣренія, что этого никогда не будетъ, и я дивилась, какъ разумно говорилъ Великій Князь и какъ судилъ вѣрно. Pas les gentilshommes de la chambre, mais les officiers vous auront, — замѣтилъ Будбергъ (у васъ будутъ только не кавалеры придворные, а офицеры). — Au moins, pas ceux des gardes (только ужь не гвардейскіе) возразилъ Константинъ; но потомъ, когда со стороны Будберга было еще нѣсколько замѣчаній, прибавилъ: Il est vrai, que je suis jeune et sans experience; mais il se trouvera pourtant quelque honnête homme qui me montera les pièces. Vous viendrez à mon secours, Budberg. (Правда, что я молодъ и неопытенъ: но найдется же честный человѣкъ, кто мнѣ приготовитъ оружіе. Вы мнѣ поможете, Будбергъ). Онъ протянулъ руку Будбергу, который прижалъ ее къ сердцу со слезами на глазахъ. Я разсказываю все это съ подробностями, чтобы дать тебѣ понятіе о характерѣ Вел. Князя. Правда, что въ немъ по временамъ видится еще много дѣтскаго. Онъ весь покраснѣлъ, когда Будбергъ съ улыбкою посмотрѣлъ на него".

„Передъ ужиномъ Вел. Князь взялся за трость и за шляпу и хотѣлъ уходить; но, кажется, очень обрадовался, когда я пригласила его остаться. За столомъ пажъ хотѣлъ служить ему, но Вел. Князь сказалъ пажу съ величайшей учтивостью: „Je vous prie, Monsieur, ne vous incommodez pas; je n'aime pas qu'un gentilhomme qui sera un jour mon camarade, soit derrière ma chaise. N'est ce pas, Monsieur, nous servirons ensemble? (Прошу васъ, сударь, не безпокоиться: мнѣ непріятно думать, что дворянинъ, который будетъ мнѣ послѣ товарищемъ, стоитъ у меня за стуломъ. Не правда ли, мы будемъ служить вмѣстѣ?) Молодой пажъ, лѣтъ 18-ти, отодвинулся, краснѣя; но на лицѣ его, казалось, можно было прочесть: вся жизнь моя готова вамъ на службу".

„Константинъ гуляетъ каждое утро по городу въ сопровожденіи одного только офицера, безъ служителя, ходитъ между народомъ, вступаетъ въ разговоры, и когда замѣчаетъ какіе нибудь безпорядки, тотчасъ сообщаетъ Императрицѣ. Сама она мнѣ объ этомъ разсказывала, замѣтивъ при томъ: Il se trompe parfois, et nous causons très serieusement tous les matins pour le moins une heure (иногда онъ обманывается, и мы съ нимъ бесѣдуемъ по крайней мѣрѣ часъ каждое утро). Совершенное довѣріе, которое Великій Князь питаетъ къ Императрицѣ, сердечное, нѣжное обращеніе всѣхъ членовъ этой семьи другъ съ другомъ, отдаленіе отъ придворныхъ, которые всегда представляются мнѣ точно зрителями въ партерѣ — вотъ что меня поражаетъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство глубокой радости, когда подумаю, что оставляю въ такомъ семействѣ дитя мое. Вотъ почему я совершенно довольна, что судьба Юліи такъ устроилась. До свадьбы она будетъ жить съ молодыми Великими Княжнами. Къ Александрѣ и къ Еленѣ она уже привязалась съ обыкновенною своею горячностью; съ ними она и останется на попеченіи умной ихъ воспитательницы г-жи Ливенъ. Это женщина съ характеромъ, знаетъ въ совершенствѣ, что требуется для воспитанія молодыхъ дѣвицъ и умѣетъ внушить имъ достаточно къ себѣ уваженія".

Въ слѣдующемъ письмѣ герцогиня говоритъ: „Вчера послѣ обѣда Константинъ опять пришелъ къ намъ, и принесъ гравированный портретъ Императрицы, который я видѣла въ Эрмитажѣ. Въ этотъ вечеръ онъ себя чувствовалъ болѣе по домашнему и совершенно занялся дѣвицами, но смотрѣлъ все на одну Юлію. Она была чудесно хороша, въ атласной рубашкѣ небесно-голубаго цвѣта; волосы перевиты гирляндой изъ бѣлыхъ розъ. Вел. Князь непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онѣ играли на фортепьяно и пѣли. Ты знаешь, какъ Юлія умѣетъ аккомпанировать. Софія стала рисовать пирожницу, какъ она стоитъ на углу улицы. Константину хотѣлось, чтобъ она нарисовала двухъ гусаровъ—онъ былъ въ восторгѣ: такъ и сказывались въ немъ 16 лѣтъ. Софія прибавила ему гусаровъ, потомъ музыканта, потомъ кучера въ Русскомъ костюмѣ. Константинъ — онъ немножко близорукъ—сидѣлъ за плечомъ у нея позади и поправлялъ костюмъ въ рисункѣ, и говорилъ все по-нѣмецки, замѣтивъ, что его ломанная нѣмецкая рѣчь забавляетъ дѣвицъ. Онъ шутилъ безпрестанно съ Софіей и съ Антуанеттой, — ни разу съ Юліей. Въ этотъ вечеръ онъ ужиналъ съ нами. И сегодня онъ пришелъ бы, Императрица позволила ему, но сказала: Il faut demander à votre ami Budberg (спросись у своего друга). Вел. Князь не рѣшился спросить самъ и, когда мы вернулись изъ французскаго спектакля, послалъ къ Будбергу гр. Зубова. Зубовъ, смѣясь, передалъ порученіе, но вернулся, увы! съ рѣшительнымъ отказомъ. Генералъ имѣлъ на это свои причины, и былъ правъ. Великому Князю Александру позволяли видѣться часто съ принцессою Баденскою, и генералъ замѣтилъ по этому случаю: Il vaut mieux faire désirer le bonheur au petit; il lui en sera plus cher. (Лучше пусть молодой человѣкъ потомится въ ожиданіи счастья — тѣмъ оно будетъ ему дороже). Зубовъ — другъ и довѣренный человѣкъ у обоихъ Великихъ Князей, и они могутъ всегда разсчитывать на добрую его услугу. Теперь Константинъ постоянно ходитъ съ нимъ рука объ руку."

Наконецъ 24 Октября рѣшена была участь принцессы. 25 Октября (7-е письмо) герцогиня пишетъ: „Юлію обручили вчера вечеромъ. Это была картина самая трогательная. Какъ былъ тронутъ, какъ былъ нѣженъ добрый, неиспорченный юноша! Ни одного зятя не буду я любить столько, сколько люблю этого. Не найдешь другаго такого — отличнаго, умнаго, съ такимъ чистымъ сердцемъ!"

„Вчера послѣ обѣда, около 6 часовъ, Константинъ пришелъ ко мнѣ дѣлать формальное предложеніе. Онъ провелъ цѣлый день съ гр. Зубовымъ, который, вмѣстѣ съ Будбергомъ, долго читалъ ему наставленія по случаю чрезмѣрной его живости. Онъ вошелъ въ комнату блѣдный, опустивъ глаза, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: Madame, je viens vous demander la main de Madame votre fille. (Сударыня, я пришелъ у васъ просить руки вашей дочери). Я было приготовила на этотъ случай прекрасную рѣчь, но вмѣсто того зарыдала. Онъ вмѣстѣ со мною прослезился и молча прижалъ къ губамъ мою руку. Когда я опомнилась, я стала говорить, что его попеченію поручаю счастье своей дочери, что чувствительность ея души поможетъ ему дать ей необыкновенное счастье, но прибавитъ ей и страданья въ несчастьи. Я сказала: въ такой дали отъ родины и отъ родныхъ, я поручаю вамъ судьбу ея. Съ этой минуты ея участь и счастіе зависитъ отъ васъ".

„Дальше не помню, что́ я говорила ему и что́ ему внушило отвѣчать мнѣ его доброе сердце. Я слишкомъ была взволнована. Будбергъ прижалъ его къ груди своей и вышелъ изъ комнаты, тоже въ слезахъ. Послали за Юліей.

Она вошла въ комнату блѣдная. Онъ молча поцѣловалъ у ней руку; она тихо плакала: — я никогда не видала ее такою хорошенькой какъ въ эту минуту. N'est ce pas, vous m'aimerez un jour? (Не правда ли, вы со временемъ меня полюбите?) сказалъ Константинъ. Юлія взглянула на него такъ выразительно-нѣжно и сказала: Oui, je vous aimerai de tout mon coeur. (Да, я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ)".

„Невольно я вскрикнула: Боже мой! отъ чего отецъ не можетъ всего этого видѣть? Тутъ Юлія, которая такъ тебя любитъ, громко заплакала. Константинъ взялъ ее за обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и сказалъ съ полнымъ выраженіемъ той прямоты, на которую мы такъ крѣпко можемъ положиться: Je vous jure, Madame, devant Dieu, que vous reverrez votre père, je vous promets de vous mener en Allemagne, je ne sais pas quand; cela dépend de Sa Majesté, mais je tiens fidelement à ce que je promets, vous reverrez votre père et je le verrai aussi. (Клянусь вамъ передъ Богомъ, что вы увидите батюшку; обѣщаю вамъ, что повезу васъ въ Германію; не знаю когда, это зависитъ отъ Ея Величества; но чтó я обѣщаю, того крѣпко держусь — вы увидите батюшку, и я его увижу). Потомъ, обратясь ко мнѣ, онъ поцѣловалъ мою руку и сказалъ: Oui, Madame, vous la reverrez, je vous le promets. (Да, вы ее увидите, обѣщаю вамъ)".

„Мы сидѣли вмѣстѣ цѣлый вечеръ и были такъ счастливы, но въ груди у меня была боль, такъ что я едва могла говорить. Молодой человѣкъ сидѣлъ возлѣ своей скромной невѣсты, или возлѣ меня, на ручкѣ дивана и, цалуя мою руку, повторялъ: Que je vous aime (какъ я васъ люблю). Разумѣется, это относилось къ Юліи".

„Сегодня большое празднество. Я видѣла, столько ужъ проѣхало великолѣпныхъ экипажей. Я сижу и пишу, въ великолѣпномъ уборѣ — сейчасъ идемъ въ церковь".

Послѣ обѣда герцогиня пишетъ: „Сейчасъ только вышли отъ меня оба брата, Вел. Князья. Что они за милые молодые люди! Какъ счастливъ Александръ счастьемъ брата, съ какимъ сердечнымъ сочувствіемъ онъ встрѣчаетъ его — это просто трогательно! Безгранична и довѣренность младшаго брата къ старшему, и по лѣтамъ и по мысли. Не часто можно встрѣтить такую сердечную нѣжность, какова между этими братьями. Александръ увѣряетъ меня, что братъ его совсѣмъ влюбленъ: они сидѣли вчера до поздней ночи въ бесѣдѣ, и Александръ давалъ брату много добрыхъ совѣтовъ; Юлія будетъ очень счастлива въ этомъ семействѣ".

Тутъ же описывается свиданіе съ Екатериною. „Императрица послала за нами, и мы застали ее въ концѣ парадного туалета—она надѣвала послѣдній орденъ. Она приняла насъ съ необыкновенною любезностью, цѣловала Юлію по крайней мѣрѣ разъ двадцать и сказала мнѣ: Je puis vous dire qu'elle plait au public autant qu'à Constantin. (Могу вамъ сказать, что она нравится публикѣ столько же, сколько и Константину). Когда туалетъ окончился, Императрица пошла къ обѣднѣ, и мы пошли за нею." Затѣмъ описываются торжественный выходъ Императрицы и поздравленія. 7-го Ноября назначенъ былъ обратный выѣздъ герцогини изъ Петербурга. „Я могу спокойно оставить здѣсь Юлію, пишетъ она. Здѣсь объ ней заботятся, какъ лучше желать нельзя. Будущею Dame d'honneur назначена къ ней нѣмка изъ Лифляндіи, жена генерала Рейнера. Нельзя довольно благодарить Бога, что все такъ отлично устроилось. Подлинно, принцъ Фридрихъ (герцогъ Кобургъ-Заальфельдскій, Австрійскій генер.-фельдмаршалъ, умеръ 1815 г.) всегда называлъ Императрицу: Le héros de votre famille (герой вашей фамиліи)." Дѣйствительно, все семейство герцогини осыпано было

милостями и подарками. Передъ маскарадомъ, 5-го Ноября, Императрица прислала герцогинѣ цѣлую корзину съ брилльянтовыми вещами: ей самой брилліантовое ожерелье, серги, цвѣтокъ на голову, пару жемчужныхъ браслетъ и кольцо съ огромнымъ брилліантомъ; двумъ старшимъ дочерямъ—каждой ожерелье, серги, кольца и цвѣтокъ на голову; невѣстѣ: брилльянтовый головной уборъ и великолѣпные браслеты. Придворной ихъ дамѣ, г-жѣ Вагенгеймъ — тоже кольцо и серги. Принцессѣ-герцогинѣ присланъ былъ вексель для полученія въ Лейпцигѣ 80,000 рублей для нея самой и для каждой изъ двухъ дочерей по 50,000 р. Г-жа Вагенгеймъ получила 3000 р. и всѣмъ служителямъ розданы дорогіе подарки. Оба сына герцогини—старшій Эрнестъ (наслѣдный герцогъ Кобургскій), младшій Леопольдъ (въ послѣдствіи король Бельгійскій) — записаны капитанами въ Петербургскій гренадерскій полкъ Вел. Князя Константина Павловича. Послѣднее 9-е письмо, отъ 7-го Ноября, все наполнено описаніемъ послѣднихъ дней пребыванія герцогини въ Петербургѣ. 30 Октября былъ спектакль въ Эрмитажѣ; 31-го ужинъ у Вел. Кн. Александра Павловича; 1-го Ноября — цѣлый день гости провели съ Императрицею въ Таврическомъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни Вел. Князь Константинъ Павловичъ показывалъ имъ Смольный монастырь, Кадетскій Корпусъ и Академію художествъ. 5-го Ноября былъ во дворцѣ великолѣпный маскарадъ, въ которомъ собраны были представители разныхъ мѣстностей и племенъ Россіи въ мѣстныхъ и національныхъ костюмахъ. 6-го числа, послѣ вечерняго собранія въ Эрмитажѣ, герцогиня простилась съ Великими Князьями и на слѣдующее утро выѣхала, съ обѣими старшими дочерьми, въ обратный путь.

Любопытно замѣтить, что въ описаніи всѣхъ сценъ, слѣдовавшихъ за помолвкою, ни разу не упоминается о родителѣ жениха, Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. Только на обратномъ пути изъ Петербурга, 8 числа, герцогиня заѣзжала къ нему въ Гатчину. „Мы были очень любезно приняты,—пишетъ она,— но здѣсь я очутилась въ атмосферѣ совсѣмъ не похожей на Петербургскую. Вмѣсто непринужденности, царствующей при императорскомъ дворѣ, здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій Князь уменъ и можетъ быть пріятенъ, когда захочетъ; но у него много непонятныхъ странностей, и между прочимъ та, что около него все устроено на прусскій ладъ и еще по стариннымъ образцамъ прусскимъ: какъ только въѣзжаешь въ его владѣнія, такъ появляются трехцвѣтные (черные, красные и бѣлые) шлагбаумы, съ часовыми, которые на прусскій манеръ окликають проѣзжающихъ. Всего хуже то, что эти солдаты — Русскіе, обращенные въ Прусаковъ, и одѣты по старинной формѣ Фридриха Вильгельма перваго.“ Въ Гатчинѣ гости провели ночь, по приглашенію Вел. Князя, и на утро отправились далѣе. На дорогѣ настигъ ихъ майоръ Курута, курьеръ изъ Петербурга: съ нимъ Великій Князь прислалъ брилльянтовые знаки Св. Екатерины, которыхъ видно не успѣли приготовить къ ихъ отъѣзду, и письма отъ обрученной невѣсты, которая увѣдомляла между прочимъ, что ее началъ уже учить Русскому языку маіоръ Муравьевъ, офицеръ, служившій подъ начальствомъ Вел. Князя Константина Павловича. Въ Ригѣ оканчиваются письма принцессы Кобургской.

ИРИНЕЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ПСКОВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

Въ прошломъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ газетѣ „Москва“ (въ послѣдней, впрочемъ, со словъ перваго) появилось извѣстіе о пожалованіи архіепископу Иринею (Клементьевскому) Императоромъ Павломъ Петровичемъ генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ, для ношенія на рясѣ ([1]). Чтобы разъяснить обстоятельства подавшія поводъ къ извѣстію объ этомъ оригинальномъ пожалованіи, въ настоящей статьѣ представляются соображенія, на основаніи которыхъ извѣстіе объ аксельбантахъ мы позволяемъ себѣ считать недоказаннымъ. И къ такому приговору мы пришли, не вслѣдствіе поверхностной только оцѣнки приводимаго извѣстія; но пунктуально прослѣдивъ обстоятельства жизни и службы почившаго архипастыря.

Считаемъ долгомъ также заявить, что этотъ очеркъ жизни Высокопреосвященнаго Иринея составленъ, исключительно, по официальнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, гдѣ должно бы, по необходимости, найтись извѣстіе о присвоеніи архипастырю, бывшему членомъ Сѵнода, какихъ бы то ни было служебныхъ отличій. На этомъ основаніи, тщательный просмотръ всего относящагося до служебной дѣятельности высокопреосвященнаго Иринея могъ раскрыть дѣйствительно все, что̀ было на самомъ дѣлѣ съ нимъ, указавъ даже прямые и точные поводы и на подобное пожалованіе, если бы, какъ заявлено печатно, это было совершившимся фактомъ. Мы, между тѣмъ, нашли о дѣятельности архипастыря только то, что̀ здѣсь разскажемъ, дополняя пробѣлы фактами уже извѣстными въ печати, но неиначе какъ по тщательной провѣркѣ ихъ.

([1]) Русскій Вѣстникъ, 1868 г., Апрѣль, ст. «Изъ прошлаго», стр. 463. «Москва», 1868 г., 13 Августа, № 107.

Отецъ преосвященнаго Иринея, Андрей Михайловъ, занималъ священническое мѣсто въ селѣ Лухъ, изъ котораго. въ 1753 г., переведенъ въ с. Клементьево, Ковровскаго уѣзда, въ 60 верстахъ отъ уѣзднаго города, по дорогѣ изъ Суздаля въ Шую. Въ Февралѣ ([2]) того же года, здѣсь у него родился второй сынъ Иванъ ([3]), получившій по этому фамилію Клементьевскаго, когда онъ поступалъ въ духовное училище ([4]), сперва, можетъ быть, какъ простое указаніе, откуда привезенъ.

Въ 1760 г. Клементьевскій священникъ Андрей Михайловъ былъ переведенъ на третье мѣсто въ г. Москву, къ Николаевской церкви на Студицахъ (Ивановскаго сорока) „раннимъ викарнымъ“ священникомъ, гдѣ и умеръ, въ 1774 г., когда сынъ его Иванъ, будущій іерархъ, оканчивалъ курсъ въ тамошней духовной академіи. Въ академіи Иванъ Клементьевскій обучался: „Философіи, богословію и исторіи, языкамъ греческому, латинскому и еврейскому, которыхъ, также и другихъ разныхъ классовъ, былъ въ той академіи учите-

([2]) Какъ утверждаетъ протоіерей Косьма Чередѣевъ въ сочиненіи своемъ: «Біографіи Тверскихъ іерарховъ отъ начала существованія архіерейской каѳедры въ г. Твери и донынѣ» (стр. 143. Тверь 1859 г.).

([3]) Семейство священника Михайлова состояло: изъ жены Анны Игнатьевой, двухъ сыновей, Егора, умершаго въ младенчествѣ, Ивана впослѣдствіи архіепископа Псковскаго, и дочери Настасьи, бывшей въ замужествѣ за протоіереемъ Московской Спасской церкви, что̀ на Глинищахъ, Петромъ Семеновымъ.

([4]) Бывало, впрочемъ, въ прежніе годы, что смотрители духовныхъ училищъ и ректоры семинарій перемѣняли и дѣйствительныя фамиліи поступавшихъ мальчиковъ, просто потому, что имъ онѣ не нравились. Мнѣ извѣстны три родныхъ брата, обучавшіеся въ одной семинаріи и получившіе три разныхъ фамиліи: Сучковъ, Лястовъ и Цвѣтковъ.

лемъ" ([5]). Въ томъ же (1774) году, молодой ученый постригся въ монашество, съ именемъ Иринея, и черезъ два года (1776 г.) произведенъ въ игумена Московскаго Знаменскаго монастыря, съ оставленіемъ въ должности „Московской академіи проповѣдника." Въ 1784 же году, 25 Декабря, игуменъ Ириней Арсеніемъ, епископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, посвященъ въ архимандрита Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря и, кромѣ того, опредѣленъ префектомъ и профессоромъ „богословскаго ученія" въ мѣстную семинарію ([6]) и присутствующимъ въ Консисторіи ([7]). Въ томъ же 1786 г., по опредѣленію Святѣйшаго Сνнода, архимандритъ Ириней былъ вызванъ въ С.-Петербургъ „для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди Слова Божія." Ему, исключительно, одному изъ трехъ архимандритовъ, вызываемыхъ въ столицу, предписывалось: „взявъ съ собою изъ монастыря пристойную для священнослуженія ризницу и однаго іеродіакона, отправиться въ Санктъ-Петербургъ и явиться Святѣйшему Сνноду, къ 1-му числу Генваря того 1787 г., неотмѣнно" ([8]).

Несмотря на строгость указа, Ириней явился только 11-го Января и, какъ значится въ Сνнодальномъ журналѣ: „впущенъ былъ предъ собраніе Святѣйшаго Сνнода, и о вступленіи ему, архимандриту, въ отправленіе помянутой должности дано благословеніе".

Проповѣди молодаго, 34 лѣтняго, „благообразнаго" архимандрита, одареннаго даромъ слова, слушались при дворѣ Екатерины II болѣе, чѣмъ снисходительно. Проповѣдникъ не вдавался въ глубокія богословскія разсужденія и не забивалъ вниманія своихъ слушателей непонятными для многихъ схоластическими тонкостями толкованія Священнаго Писанія, безъ которыхъ не произносилось въ то время ни одно поученіе. Простая рѣчь его имѣла успѣхъ: изъ 13-ти проповѣдей, сказанныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, съ 1787 г., въ теченіи четырехъ лѣтъ, 10-ть произнесены въ большой придворной церкви, въ присутствіи Императрицы и Августѣйшаго семейства Ея ([9]). Даровитый придворный проповѣдникъ, Высочайшимъ указомъ 1788 г., Маія 6 дня, назначенъ былъ членомъ Святѣйшаго Сνнода ([10]), а опредѣленіемъ Святѣйшаго

([5]) Въ показаніяхъ же родныхъ племянниковъ его, между прочимъ, заявлено, «что онъ былъ еврейскаго языка учителемъ и Перервинской семинаріи префектомъ».

([6]) Митрополитъ Кіевскій Самуилъ донесъ Святѣйшему Сνноду, что «сего Іюля 11 числа (1784 г.) Кіевобратскаго монастыря архимандритъ и академіи ректоръ Кассіанъ, съ подобающимъ истинному христіанину порядкомъ, скончался. Святѣйшій Сνнодъ назначилъ на мѣсто умершаго, архимандрита Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря Варлаама. Съ открытіемъ вакансіи въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, преосвященный Арсеній просилъ Святѣйшій Сνнодъ опредѣлить изъ Московской академіи проповѣдника игумена Иринея», въ тѣхъ особенно видахъ, что въ Ярославской семинаріи не имѣется префекта и богословіи учителя.

([7]) Въ 1786 г., открылась настоятельская вакансія въ Богоявленскомъ второклассномъ монастырѣ (Ростовской епархіи), архимандритъ котораго Авраамъ былъ переведенъ въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. Архіепископъ Арсеній, ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Сνнодомъ объ Иринеѣ, какъ о человѣкѣ, который «къ заступленію въ Богоявленскомъ монастырѣ настоятельской вакансіи постепенно и по достоинствамъ способенъ занять,» но ходатайство его оставлено Святѣйшимъ Сνнодомъ безъ удовлетворенія.

([8]) Съ архимандритомъ Иринеемъ были вызваны архимандриты: Аполлосъ, настоятель Воскресенскаго и Антоній—Троицкаго Зеленецкаго монастыря.

([9]) Поученія архимандрита Иринея напечатаны въ 1791 г., въ типографіи Святѣйшаго Сνнода, въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Собраніе поучительныхъ словъ, сказанныхъ при Высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшія Государыни Екатерины вторыя, и въ другихъ мѣстахъ, Сνнодальнымъ членомъ, Новгородскаго Юрьева монастыря архимандритомъ Иринеемъ".

([10]) Святѣйшій Сνнодъ, по поводу назначенія архимандрита Иринея своимъ членомъ, 28 Января 1788 г., представилъ Государынѣ слѣдующаго содержанія всеподданнѣйшій докладъ: „По Высочайше конфирмованному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ 1763 г., Октября 1 дня, штату положено быть въ Сνнодѣ чле-

Сvнода, 21-го числа слѣдующаго мѣсяца, переведенъ архимандритомъ же въ Юрьевъ монастырь, на тѣхъ основаніяхъ, какъ сказано въ опредѣленіи, что монастырь „въ недальномъ отъ Санктъ-Петербурга положеніи" ([11]).

Не прошло и четырехъ лѣтъ, послѣ пожалованія его членомъ Святѣйшаго Сvнода, какъ предъ нимъ открылось новое обширнѣйшее поле дѣятельности.

Въ 1792 г., епископъ Астраханскій Никифоръ уволенъ былъ отъ управленія епархіею. Святѣйшій Сvнодъ, приступая къ избранію на открывшуюся ваканцію кандидата, представилъ Императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ ([12])

нами: двумъ архимандритамъ съ жалованьемъ по оному жъ штату, и по Высочайше утвержденному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ 1764 г. Октября 27 дня, подносимому отъ коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ росписанію, каждому по тысячи, по сту, по семидесяти по три рубли съ копѣйками въ годъ; но нынѣ сіи оба мѣста состоятъ праздны. Хотя же по особливымъ имяннымъ Вашего Императорскаго Величества 1774 г. Іюня 21 и Сентября 30 числъ Высочайшимъ указомъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ члены Сvнода Вашего Императорскаго Величества духовникъ Благовѣщенскаго собора протоіерей Іоаннъ, съ жалованьемъ по 1 т. руб. въ годъ, однако за включеніемъ и сего жалованья въ число положенной по штату на всѣхъ Сvнодальныхъ членовъ суммы, остается еще ежегодно не въ производствѣ отъ однаго архимандрита сто семьдесятъ три рубли три копѣйки три четверти, а отъ другаго полный окладъ: тысяча сто семьдесятъ три рубли три копѣйки три четверти, отъ обоихъ же 1346 рублевъ 7 копѣекъ съ половиною. Вслѣдствіе сего штатнаго положенія Сvнодъ пріемлетъ смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству, не угодно ли будетъ Всемилостивѣйше повелѣть на одну изъ упомянутыхъ ваканцій опредѣлить въ члены Сvнода изъ архимандритовъ, имѣющихъ способность и къ сказыванію проповѣдей, къ чему по усмотрѣнію Сvнода оказуются достойными бывшіе здѣсь, въ 1786 и 1787 годѣхъ, по силѣ имянныхъ Вашего Императорскаго Величества 1769 года, Августа 9 и 26 числъ, Высочайшихъ указовъ на чредѣ священнослуженія и для сказыванія проповѣдей архимандриты монастырей ставропигіальнаго Новоіерусалимскаго: Аполлосъ и Ростовской епархіи, Борисоглѣбскаго Ириней, о которыхъ относительно природы ученія ихъ и прохожденія должностей при семъ подносится вѣдомость; котораго же изъ нихъ или другаго кого въ помянутое званіе повелѣно будетъ опредѣлить, о томъ Сvнодъ всеподданнѣйше предаетъ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества благоволенію".

Изъ вѣдомости видно, что архимандритъ Аполлосъ былъ и старше Иринея и получилъ высшее образованіе. Вотъ содержаніе вѣдомости: „Ставропигіальнаго Новоіерусалимскаго монастыря Аполлосъ природою изъ Малороссіянъ, обучался въ Московскихъ: академіи и университетѣ: философіи, богословіи, исторіи, математики, языкамъ: латинскому, еврейскому, греческому, а по нѣсколько итальянскому и французскому; былъ въ той же академіи поэзіи и риторики учителемъ, въ монашество постриженъ въ 1774 г., а въ 1775 опредѣленъ въ семинарію Троицкія лавры ректоромъ и богословіи учителемъ, и присутствовалъ Московской эпархіи, въ Радонежскомъ духовномъ правленіи; во архимандрита произведенъ въ 1783 г. въ Ставропигіальный Московскій Заиконоспасскій монастырь, со исправленіемъ въ академіи должностей ректорской и учителя богословіи, и въ 1786 году находился въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божія и въ тоже время переведенъ въ помянутый Воскресенскій монастырь".

Въ Маѣ 6-го дня 1788 г., послѣдовалъ имянный Высочайшій указъ, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: „Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря архимандриту Иринею присутствовать въ Нашемъ Синодѣ".

(11) Въ Ноябрѣ 1789 г. Ириней подалъ Императрицѣ просьбу, въ которой просилъ уволить его въ Юрьевъ монастырь „для исправленія экономическихъ по нему надобностей". Отпускъ ему былъ разрѣшенъ на короткое время. Въ собраніи Святѣйшаго Сvнода, 28 Ноября, преосвященный Гавріилъ объявилъ ему, что Государыня разрѣшила ему пробыть въ монастырѣ не болѣе 28 дней, т. е. отъ 3 Декабря по 1 Января 1790 года.

(12) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, обстоятельства увольненія епископа Никифора и избраніе кандидата на вдовствующую каѳедру изложены въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Астраханская епархія между второклассными имѣетъ вторую, слѣдовательно предъ Псковскою и Тверскою епархіями гораздо высшую степень, призналъ на оную кандидатами присутствующихъ членовъ Сvнода: архіепископа Псковскаго Инокентія и епископа Тверскаго Тихона, но первый изъ нихъ просилъ его въ кандидаты на сію епархію, за отдаленностію ея, не включать, а Тверской епископъ охотно объявилъ на то свое согласіе".

„По сему Сvнодъ пріемлетъ смѣлость всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть помянутаго епископа Тверскаго Тихона перевести въ Астраханскую епархію архіепископомъ,

7-го мая 1792 г.), въ которомъ, между прочимъ, выразилъ слѣдующее: „Сѵнодъ признаетъ достойными архимандритовъ: Сѵнода члена, Юрьева монастыря Иринея, да Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павла“ ([13]).

съ оставленіемъ ему и именованія Сѵнода члена, согласно имянному Высочайшему указу, 1767 г. Апрѣля 1-го дня, которымъ повелѣно: Буде кто отъ Вашего Императорскаго Величества опредѣлены будутъ къ присутствію въ Сѵнодѣ, тѣхъ съ того времени именовать и писать Сѵнодальными членами. И когда на сіе послѣдуетъ Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, то къ произведенію во епископа Тверскаго Сѵнодъ признаетъ достойными архимандритовъ: Сѵнода члена, Новгородскаго Юрьева монастыря Иринея, да Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павла; а котораго изъ нихъ или кого другаго указано будетъ посвятить, и кто посвященъ будетъ, тому повелѣно ль будетъ на мѣстѣ предшественника своего, помянутаго епископа Тихона, присутствовать въ Сѵнодѣ на томъ основаніи, какъ о немъ имяннымъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, 1788 г., Мая 6 дня, предписано“.

„Все сіе Сѵнодъ предаетъ высокомонаршему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, прилагая и вѣдомость объ означенныхъ архимандритахъ относительно природы, прохожденія наукъ и должностей ихъ“.

(13) Въ вѣдомости объ архимандритѣ Павлѣ говорилось слѣдующее: „Московскаго первокласснаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павелъ, природою изъ Великороссіянъ, обучался въ университетѣ и въ семинаріи Троицкія лавры: философіи, богословіи, математики и эксперементальной (sic) физикѣ, языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому и другихъ тому же въ помянутой семинаріи обучалъ. Въ монашество постриженъ въ 1775 г., и былъ въ Троицкой лаврѣ намѣстникомъ; въ 1782 г. произведенъ въ архимандрита въ Ставропигіальный Заиконоспасскій монастырь, и находясь въ Московской академіи ректоромъ преподавалъ богословію, потомъ переводимъ былъ настоятелемъ въ первоклассные монастыри: въ 1783 г. въ бывшій Симоновъ; а оттуда въ 1785 г. въ Воскресенскій Новоіерусалимскій, изъ онаго же въ 1786 г. въ помянутый Новоспасскій, упражняясь при томъ въ сказываніи въ Успенскомъ соборѣ и другихъ мѣстахъ проповѣдей; между же тѣмъ, въ 1784 г. былъ въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди Слова Божія, а сего года Марта 1-го дня всеподданнѣйшимъ Вашему Императорскому Величеству отъ Сѵнода докладомъ, представленъ кандидатомъ къ опредѣленію въ члены Московской Сѵнодальной конторы, но на то Высочайшаго указа не послѣдовало. Отъ роду ему 47 лѣтъ“.

Чрезъ 11-ть дней, 18-го Мая 1792 г., былъ объявленъ именный Высочайшій указъ, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: „епископомъ Тверскимъ Всемилостивѣйше жалуемъ архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Иринея, оставляя его, по прежнему, у присутствія Сѵнода“.

На другой день объявленія указа Святѣйшимъ Сѵнодомъ опредѣлено было: „нарѣченіе во епископа Тверскаго и Кашинскаго учинится отъ Святѣйшаго Сѵнода, по чиноположенію церковному, сего Мая въ 22-й день; посвященію же когда и гдѣ быть, о томъ разсужденіе имѣть впредь“. Въ собраніи Сѵнода, 22-го мая 1792 г., совершилось нарѣченіе архимандрита Иринея во епископа Тверскаго, въ присутствіи членовъ Святѣйшаго Сѵнода ([14]) и знатнаго духовенства, о чемъ въ журналѣ Святѣйшаго Сѵнода записано, между прочимъ, такъ: „Впущено было предъ собраніе Святѣйшаго Сѵнода находящееся здѣсь въ С.-Петербургѣ знатное духовенство, и начато нареченіе Сѵнодальному члену, архимандриту Иринею, во епископа Тверскаго и Кашинскаго; къ тому сперва сказанъ о томъ Всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества указъ, по обыкновенной формѣ, чрезъ Сѵнодальнаго оберъ-секретаря и кавалера ([15]),

(14) Присутствіе Святѣйшаго Сѵнода въ то время составляли: Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій; Иннокентій архіепископъ Псковскій; Тихонъ, епископъ Тверскій; Ириней, архимандритъ Юрьевскій; Лукіанъ, протоіерей гвардіи Преображенскій и оберъ-прокуроръ графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Сѵнодальный же членъ, духовникъ, протоіерей Благовѣщенскій Іоаннъ не былъ, за отсутствіемъ въ Царское Село.

(15) Указъ читалъ въ собраніи оберъ-секретарь Григорій Рудановскій.

Въ настоящее время при нарѣченіи обыкновенно новонарѣкаемымъ произносится рѣчь, которая Иринеемъ сдвали произносилась; это мнѣніе основывается на томъ, что въ журналахъ о нарѣченіи обыкновенно, въ настоящее время, пишется, „что въ заключеніе новонарѣченный

по принесеніи же на то отъ него, архимандрита, благодаренія, продолжаемо было то нарѣченіе по чиноположенію, а по окончаніи онаго, протодіаконъ возглашалъ и пѣвчіе пѣли много-лѣтіе: въ началѣ Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, а потомъ Святѣйшему Сvноду и Сvнодальному члену, новонарѣченному во епископа, архимандриту Иринею. По принесеніи сего и по окропленіи новонарѣченнаго священною водою протчее духовенство изъ собранія выступило въ 1-мъ часу по полудни".

По желанію Императрицы, посвященіе Иринея, какъ объявлено было Сvноду словесно оберъ-прокуроромъ, должно быть „учинено здѣсь въ С.-Петербургѣ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы (*), что̀ на Невскомъ проспектѣ"; оно совершилось 26-го Мая 1792 года ([16]).

Черезъ четыре года, т. е. 24-го Октября 1796 г., послѣдовалъ имянный указъ слѣдующаго содержанія: „Всемилостивѣйше пожаловали Мы Сvнода Нашего члена, епископа Тверскаго и Кашинскаго Иринея архіепископомъ"; а 27-го Октября Ириней присягнулъ въ присутствіи Святѣйшаго Сvнода, на основаніи указа 1721 г. Ноября 10 дня, и это уже была послѣдняя милость къ нему Екатерины II. Она 6-го Ноября скончалась. Но присутствуя при коронаціи Императора Павла Петровича, совершившейся въ Москвѣ, 5-го Апрѣля, въ день Св. Пасхи, высокопреосвященный Ириней могъ замѣтить къ себѣ лично благоволеніе новаго Монарха, пожаловавшаго ему одну изъ золотыхъ медалей, которыя, кромѣ него, даны только митрополитамъ Новгородскому и Московскому, да архіепископу Казанскому Амвросію ([17]).

Впрочемъ, и во время путешествія Государя на коронацію, Ириней еще могъ убѣдиться въ расположеніи Его къ себѣ, когда, для встрѣчи Монарха, въ Твери, былъ уволенъ Святѣйшимъ Сvнодомъ въ свою епархію. Подробности этой встрѣчи Иринеемъ Императора точно не извѣстны намъ, но извѣстно, что она имѣла хорошій исходъ для Тверскаго владыки. Въ доношеніи своемъ Святѣйшему Сvноду, Ириней написалъ: „Его Императорское Величество сего Марта 13-го дня во время Высочайшаго своего въ Твери присутствія Всемилостивѣйше изволилъ возложить на меня кавалерскій орденъ Св. Алек-

---

произнесъ рѣчь, по окончаніи коей и по окропленіи его священною водою, какъ онъ самъ такъ и всѣ члены изъ собранія выступили". О произнесеніи же рѣчи Иринеемъ, въ приведенномъ выше журналѣ Святѣйшаго Сvнода не упоминается.

Порядокъ избранія, нарѣченія и рукоположенія во епископа, во время патріаршества и въ Сvнодальное управленіе, подробно изложены въ статьѣ священника І. Образцова, написанной по поводу выхода въ свѣтъ 1-го т. „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода.С.П.Б. 1868 г." см. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Октябрь, стр. 144—180 ст. Первый годъ сvнодальнаго управленія.

(*) Кажется, гдѣ теперь Казанскій соборъ. 24 Авг. 1733 импер. Анна заложила новую церковь Рождества Богородицы, на Невскомъ проспектѣ. Въ этой церкви отправлялись въ торжественные дни молебствія, а съ 1745 года совершались бракосочетанія лицъ Императорской фамиліи. Импер. Павелъ вознамѣрился воздвигнуть вмѣсто ея нынѣшній Казанскій соборъ (Пушкаревъ, Описаніе Петербурга I, 170). *Н. Б.*

([16]) Протоіерей Чередѣевъ въ сочиненіи „Біографіи Тверскихъ іерарховъ", отмѣтилъ объ Иринеѣ, какъ о владыкѣ Тверскомъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о предписаніи консисторіи, объ избраніи цензоровъ для проповѣдей и о составленіи для нихъ инструкціи. Извѣстно, что вступленіе его въ управленіе паствою совпало съ введеніемъ цензуры проповѣдей. Преосвященный Ириней далъ слѣдующее предписаніе: „По всѣмъ городамъ выбрать ученыхъ цензоровъ, снабдить ихъ потребными къ цензурѣ наставленіями, и предписать всѣмъ лицамъ, къ проповѣданію назначеннымъ, чтобъ они представляли свои проповѣди къ цензорамъ".

([17]) Въ журналѣ Святѣйшаго Сvнода 24 Апрѣля, объ этомъ обстоятельствѣ записано такъ: „Сvнодальный членъ предложилъ, что Его Императорское Величество, присутствуя въ Грановитой Кремлевскаго дворца палатѣ, Всемилостивѣйше пожаловать изволилъ ему золотую медаль".

сандра Невскаго". Іюля 25-го онъ доносилъ Святѣйшему Сvноду вновь о полученной имъ, за собственноручнымъ подписаніемъ Государя, грамотѣ на Всемилостивѣйшее пожалованіе ему командорства ([18]).

Между тѣмъ, вслѣдствіе просьбы, отъ 9-го Октября 1798 г., архіепископа Иннокентія, послѣдовалъ имянный указъ объ увольненіи его отъ управленія епархіею; по докладу Сvнода, 13-го Октября, на его мѣсто, во Псковъ назначенъ архіепископъ Ириней, опять съ оставленіемъ его у присутствія Святѣйшаго Сvнода. А 7-го числа слѣдующаго мѣсяца, онъ же пожалованъ „крестомъ для ношенія на черномъ клобукѣ" ([19]).

Управляя Псковскою епархіею 16-ть лѣтъ, преосвященный Ириней, въ первые два года, жилъ въ столицѣ, осыпаемый милостями Императора Павла I. Съ вступленіемъ на престолъ благословеннаго Монарха Александра I, онъ, до конца жизни своей, не получалъ никакихъ уже наградъ. Это ли забвеніе его службы, или другія обстоятельства намъ неизвѣстныя, заставили его на 61-мъ году отъ роду просить увольненія отъ управленія епархіею. Но 30-го Августа 1814 г., послѣдовалъ имянный указъ, въ которомъ говорилось: „Псковскій архіепископъ Ириней принесъ Мнѣ просьбу объ увольненіи его въ епархію для поправленія здоровья. По состоянію болѣзни и старости лѣтъ, находя нужнымъ дать ему совершенное успокоеніе отъ дѣлъ, Всемилостивѣйше увольняю его отъ управленія епархіею, а въ воздаяніе прежней, не маловременной службы, повелѣваю производить ему, по смерть, всѣ получаемые имъ оклады. Пребываніе же имѣть ему тамъ, гдѣ самъ пожелаетъ". Уволенный отъ всего, Ириней избралъ мѣстомъ своего пребыванія Александро-Невскую Лавру, въ которой и прожилъ еще 4 года. Въ

([18]) Выпишемъ содержаніе грамоты, въ которой поименовано самое командорство: „Преосвященному архіепископу Тверскому и Кашинскому Иринею. Въ слѣдствіе 25-й статьи отъ насъ изданнаго статута Россійскаго ордена, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ командорство, состоящее въ Московской губерніи, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, изъ селеній: деревни Тишковой, Ступиной, Псаревой, Новая тожъ, Полситной и Тининой, присвоенное кавалеру Россійскаго ордена именованія св. Александра Невскаго, подъ № 16, позволяя вамъ пользоваться онымъ на основаніи помянутаго статута и указа нашего, отъ 30 Апрѣля, сего 1797 года. Дана въ городѣ Павловскѣ Іюля 25 дня, 1797 года".

При грамотѣ приложена „выписка изъ вѣдомости Московской казенной палаты о селеніяхъ, кои нынѣ по Высочайше конфирмованной вѣдомости командорствамъ присвояются кавалеру Россійскаго ордена именованія св. Александра Невскаго, подъ № 16".

	По 5-й ревизіи женск. душъ мужеск. пола	Число десятинъ.			Сколько земли приходится на душу.
		Пашни	Сѣнокосу	Лѣсу	
Въ Серпуховскомъ уѣздѣ					
волости Бѣлопесоцкой. . .					
деревня Тишкова.	63.				
— — Ступина.	116.	По окруж	ной съ дру	гими селені	ями.
— — Псарева, Новая тожъ	77.	3470	414	2172	4½
— — Полситня	33.				
Волости Кузминской			тоже		
деревня Тинина	12.	1698	67	1011	6
	301.				

([19]) Въ журналѣ Святѣйшаго Сvнода объ этомъ пожалованіи записано такъ: „по словесному сvнодальнаго члена, преосвященнаго Иринея, архіепископа Псковскаго и кавалера, объявленію, что Его Императорское Величество, сего Ноября въ 7 день, Всемилостивѣйше пожаловать благоволилъ ему, преосвященному, крестъ для ношенія на черномъ клобукѣ".

концѣ апрѣля 1818 г., намѣстникъ лавры, архимандритъ Гедеонъ донесъ митрополиту Михаилу, что „имѣющій пребываніе въ сей лаврѣ, бывшій Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода членъ, преосвященный Ириней, архіепископъ Псковскій и кавалеръ, по долговременной болѣзни, исповѣдавшись, соверша надъ собою Елеосвященіе и пріобщась Св. Таинъ, скончался сего апрѣля 24-го дня, по полудни, въ началѣ седьмаго часа“.

Изложивъ біографическій очеркъ почившаго святителя, перейдемъ къ разбору извѣстій, на основаніи которыхъ присвоено Псковскому владыкѣ ношеніе генералъ - адъютантскихъ аксельбантовъ.

Первое, по времени, указаніе мнимо-пожалованныхъ архіепископу Иринею аксельбантовъ находимъ мы на портретѣ, приложенномъ къ „Пантеону Россійскихъ авторовъ“, изданному Пл. Петр. Бекетовымъ, въ 1804 г. въ Москвѣ. За тѣмъ, до появленія въ 1868 г. статьи „Изъ прошлаго“, генералъ-адъютантскіе аксельбанты, будто бы присвоенные архіепископу Иринею, изображались, по мнѣнію автора указанной статьи, только на портретахъ архипастыря, и онъ первый заявилъ объ этомъ пожалованіи, какъ о совершившемся фактѣ печатно. Такъ напримѣръ, описывая составъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода за первые годы настоящаго столѣтія, онъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее: „третьимъ членомъ былъ Ириней, архіепископъ Псковскій, уроженецъ Владимірскій и воспитанникъ Московской духовной академіи. Онъ отличался обширною ученостью, особенно же знаніемъ греческаго языка, перевелъ на русскій языкъ многія сочиненія Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Василія Исаврійскаго, Іустина Философа, Петра Хрисолога и самъ писалъ толкованія на разныя библейскія книги. Императоръ Павелъ очень любилъ Иринея и, кромѣ Александровскаго ордена, пожаловалъ ему генералъ-адъютантскій аксельбантъ для ношенія на рясѣ. Въ 1804 г. председатель Московскаго общества исторіи и древностей Пл. Петр. Бекетовъ издалъ „Пантеонъ Россійскихъ авторовъ“, съ ихъ портретами, изданіе, сдѣлавшееся теперь довольно рѣдкимъ. Тамъ Ириней изображенъ съ аксельбантомъ, хотя уже не носилъ его въ царствованіе Александра Павловича. Ириней былъ очень добрый человѣкъ и кроткаго характера, но много вредилъ себѣ невоздержною жизнію. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ митрополита (Амвросія) и подписывалъ, что онъ ни прикажетъ“.

Въ подтвержденіе своего указанія авторъ ссылается больше всего на портретъ Иринея, помѣщенный въ „Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ“, за 1804 г., гдѣ преосвященный изображенъ, по мнѣнію автора, съ аксельбантомъ на груди; на самомъ же дѣлѣ на портретѣ мы видимъ только однѣ завязки орденской мантіи, въ которой изображенъ на портретѣ архіепископъ Псковскій. Всматриваясь ближе въ портретъ, мы убѣждаемся, что художникъ утолстилъ слишкомъ шнуры завязокъ, что и подало поводъ принять ихъ за аксельбанты. И что это было такъ, въ самомъ дѣлѣ, постараемся убѣдить разборомъ самыхъ источниковъ, на которыхъ авторъ основалъ свое мнѣніе.

Изъ статьи его не видно, какимъ образомъ объявлено было Высочайшее пожалованіе преосвященному Иринею аксельбантовъ: словесно или письменно. Не затрудняя себя разъясненіемъ, замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ оно не могло исчезнуть безъ слѣда. Во первыхъ должно было сдѣлаться оно извѣстнымъ, какъ мы выше замѣтили, по крайней мѣрѣ, тому учрежденію, къ которому, по роду службы, принадлежало лице, удостоившееся пожалованія.

Чтобы признавали лице пожалованное въ дарованномъ ему свыше достоинствѣ, необходимо, чтобы на это суще-

ствовало свидѣтельство власти, раздающей пожалованія. Слѣдовательно, если бы кто нибудь изъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода былъ удостоенъ какого нибудь Высочайшаго пожалованія, то Сѵнодъ не только долженъ былъ получить объ этомъ извѣщеніе, и само собой разумѣется, получилъ бы его ранѣе всѣхъ другихъ учрежденій, не говоря уже о разглашеніи, или прямо отъ высшей власти или чрезъ посредство лица, удостоившагося пожалованія. На томъ же основаніи, что знаки Высочайшаго благоволенія служатъ видимымъ признакомъ заслугъ и достоинствъ человѣка, не естественнѣе ли всего допустить, что тотъ, кто ихъ получилъ, не только не будетъ скрывать этого пожалованія отъ другихъ, но скорѣе, обнародованіемъ Высочайшаго благоволенія, постарается упрочить свои права на достоинство, соединенное съ пожалованными знаками. Генералъ-адъютантамъ у насъ предоставляется, также какъ и статсъ-секретарямъ, непосредственно передавать Высочайшія повелѣнія. Не могъ, по этому уже одному, пожалованный въ это достоинство преосвященный Ириней не заявить своевременно такого обстоятельства Святѣйшему Сѵноду, какъ членъ его; потому что могла тотчасъ же встрѣтиться надобность исполнять соединенную со званіемъ генералъ-адъютанта обязанность предъ самымъ собраніемъ Святѣйшаго Сѵнода.

Положимъ, возразятъ на это, что Ириней умолчалъ предъ членами Святѣйшаго Сѵнода о пожалованіи ему аксельбантовъ, на томъ основаніи, что знаки подобнаго достоинства не усвоены лицамъ православнаго духовенства, и до него не было примѣра, чтобы духовное лицо носило такое отличіе. Но, и въ такомъ случаѣ, какъ онъ могъ знать, что это сдѣлано не съ цѣлью испытать его и что Императоръ Павелъ, зорко слѣдившій за тѣмъ, какъ принимались его пожалованія, не обратитъ недавняго благоволенія въ справедливое неудовольствіе? Знавшіе характеръ Павла I, едва ли въ состояніи допустить мысль, чтобы Его Величество, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а всего менѣе уже потому только, что это прежде того не дѣлалось, допустилъ бы архіерею скрыть свое пожалованіе. Наконецъ, если бы преосвященный Ириней находилъ стѣсненіе въ ношеніи генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ, и если бы (какъ говоритъ авторъ статьи „Изъ прошлаго") имѣя ихъ, не носилъ ихъ только въ царствованіе Императора Александра, то, конечно, не позволилъ бы онъ и выпустить въ 1804 г. свой портретъ съ генералъ-адъютантскимъ аксельбантомъ. Мало того, онъ не позволилъ бы живописцу даже снять съ себя портретъ съ этимъ украшеніемъ.

Мы слѣдовательно не имѣемъ права думать, что преосвященный Ириней, получивъ аксельбанты, не далъ бы знать о томъ Святѣйшему Сѵноду. А какъ скоро такія свѣдѣнія неминуемо достигли бы Святѣйшаго Сѵнода, то они, какъ выражавшія, въ извѣстномъ отношеніи, Высочайшія повелѣнія, тщательно сохранились бы посредствомъ извѣстныхъ общихъ способовъ записыванія въ журналы засѣданій Святѣйшаго Сѵнода, что̀ и видѣли мы изъ сообщеннаго преосвященнымъ Иринеемъ извѣстія о Высочайше пожалованныхъ ему командорствѣ, орденѣ св. Александра Невскаго, брилліантовомъ крестѣ и медали.

Въ доказательство же того, что и самыя незначительныя Высочайшія пожалованія членамъ Святѣйшаго Сѵнода доходили до свѣдѣнія его, и тщательно записывались въ журналы засѣданій его, укажемъ на пожалованія Гавріилу, архіепископу Новгородскому и Платону, архіепископу Московскому, бархатныхъ мантій Императрицею Екатериной II.

Оба преосвященные, тотчасъ по полученіи этого Высочайшаго пожалованія, или сами о томъ заявляли въ засѣданіи Святѣйшаго Сѵнода, когда при-

сутствовали, или извѣщали Святѣйшій Сѵнодъ доношеніемъ. Такъ, словесно заявилъ преосвященный Гавріилъ, а письменно преосвященный Платонъ. Заявленія ихъ находимъ мы тогда же и записанными въ журналы ([20]). Также

([20]) Вотъ содержаніе журналовъ: „Преосвященный Гавріилъ, архіепископъ Новгородскій", записано въ Сѵнодальномъ протоколѣ, „словесно объявилъ, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать изволила ему бархатную мантію для ношенія, которая прислана при письмѣ генералъ-адъютанта Потемкина".

Содержаніе письма слѣдующее:

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйше повелѣть соизволила вручить вашему преосвященству препровождаемую при семъ бархатную мантію для ношенія вамъ, съ чѣмъ, по особой моей къ вамъ преданности, душевно поздравляю, съ усерднѣйшимъ почитаніемъ быть честь имѣю, преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь, вашего преосвященства, покорнѣйшій слуга Григорій Потемкинъ. Декабря 25 дня, 1774 года.

Преосвященный Платонъ, архіепископъ Московскій, точно также, по полученіи мантіи, доносилъ Святѣйшему Сѵноду, въ Мартѣ 1775 г. „Сего 1775 г. Марта дня господинъ генералъ-аншефъ, государственной военной коллегіи вице-президентъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, Новороссійскій и Азовскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Григорій Александровичъ Потемкинъ, присланнымъ ко мнѣ письмомъ объявилъ, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать ему соизволила препроводить, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ, ко мнѣ бархатную мантію, повелѣвая мнѣ употреблять оную всегда, которая мантія при томъ ко мнѣ и доставлена; о чемъ для свѣдѣнія Святѣйшему Правительствующему Сѵноду съ пріобщеніемъ съ онаго письма копіи симъ и предлагаю. Платонъ, архіепископъ Московскій".

Содержаніе письма слѣдующее:

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила препроводить, Высочайшимъ Ея именемъ, къ вашему преосвященству бархатную мантію, повелѣвая вамъ употреблять оную всегда, которую при семъ почтеннѣйше доставляя и съ таковымъ знакомъ Высочайшаго Ея благоволенія усерднѣйше поздравляю я. Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря, покорный слуга Григорій Потемкинъ".

заявилъ въ царствованіе Императора Павла и преосвященный Ириней о пожалованіи ему золотой медали, ордена Александра Невскаго, креста, для ношенія на клобукѣ и тѣхъ рескриптовъ, которые приведены ниже.

Съ своей стороны, просмотрѣвъ за все царствованіе Императора Павла всѣ Высочайшія повелѣнія и имянные указы, равно всѣ журналы и протоколы засѣданій Святѣйшаго Сѵнода и даже всѣ дѣла, возникавшія или рѣшавшіяся въ этотъ періодъ, и не только въ Архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, но и въ другихъ дѣлохранилищахъ, мы нигдѣ не встрѣтили даже и намека на пожалованіе преосвященнаго Иринея генералъ-адъютантскими аксельбантами. Между тѣмъ, мы видѣли, что внесены въ журналы всѣ сообщенія и извѣстія, даже самыя маловажныя, какъ о немъ такъ и о другихъ.

Кромѣ того, обращено нами было вниманіе и на формулярные списки почившаго архипастыря. Прибавимъ также, что нельзя не усумниться въ существованіи пожалованія аксельбантовъ и при одномъ бѣгломъ обзорѣ послужнаго списка преосвященнаго Иринея. Извѣстно, что въ формулярные списки заносятся всѣ, относящіяся до службы поступки лица, для котораго составляется формуляръ, и, конечно, прежде всего вписывается въ него все то, что можетъ съ хорошей стороны рекомендовать это лицо. Высочайшее пожалованіе чего бы то ни было за службу, лучшее доказательство несомнѣннаго достоинства этой службы.

Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ ни для кого интереса изъ своего формуляра, содержащаго очеркъ служебной дѣятельности, вычеркивать какое нибудь Высочайшее пожалованіе. Списокъ подается на Высочайшее воззрѣніе, и пропускъ въ немъ извѣстнаго, хотя негласнаго даже (допустимъ) пожалованія, будетъ замѣченъ самимъ жаловавшимъ. Виноватый найдется, кто бы онъ ни былъ. Между тѣмъ, и не во власти лица, заинте-

ресованнаго въ составленіи своего формуляра распорядиться, по своему усмотрѣнію, данными, имѣющими мѣсто въ формулярѣ. Все, относящееся до служебной дѣятельности, будетъ ли оно служить къ порицанію или къ похвалѣ, обыкновенно, вполнѣ прописывается здѣсь, безъ его воли.

Наконецъ, къ документамъ, въ которыхъ должно было встрѣтиться упоминаніе объ аксельбантахъ, если бы таковые были пожалованы Иринею, мы относимъ и посмертную опись имущества почившаго архипастыря. Отъ этой уже описи мы имѣемъ право требовать полноты, тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что не можемъ предполагать существованія у составителей ея, при исполненіи своей обязанности, никакой задней мысли, кромѣ цѣли показать въ ней до мелочей все наличное имущество. При Высочайшихъ пожалованіяхъ какими нибудь украшеніями, обыкновенно, вмѣстѣ съ изъявленіями монаршей воли, препровождаются отъ монаршихъ щедротъ и самыя эти украшенія лицу пожалованному.

Допуская положеніе автора статьи „Изъ прошлаго“, что преосвященный Ириней въ царствованіе Императора Александра I не носилъ уже аксельбантовъ, мы однакоже не въ правѣ допустить, чтобы они у преосвященнаго не были на лицо, чтобы онъ ихъ куда дѣвалъ, или утратилъ. Это не теряется и не похищается безъ заявленія. Не могъ носить, то долженъ былъ имѣть у себя, хотя, помимо всего, изъ одного уже почтенія къ памяти усопшаго Императора. Однако же и въ описи имущества преосвященнаго Иринея генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ нѣтъ, и о нихъ нигдѣ не говорится, хотя перечислены подробно всѣ пожалованія, о которыхъ мы уже упоминали.

Такимъ образомъ, во всѣхъ историческихъ документахъ, которые, для рѣшенія вопроса о пожалованіи преосвященнаго Иринея аксельбантами, имѣютъ наибольшую важность, ни слова не говорится о подобномъ пожалованіи.

Послѣ этого, посмотримъ, на сколько заслуживаетъ довѣрія самый источникъ, изъ котораго авторъ статьи „Изъ прошлаго“ заимствовалъ, какъ онъ увѣряетъ, свѣдѣнія о пожалованіи преосвященному Иринею аксельбантовъ.

Онъ ссылается на „Пантеонъ Авторовъ“, но тамъ объ этомъ ничего нѣтъ. Не находится ли свѣдѣніе о пожалованіи этихъ аксельбантовъ въ Запискахъ оберъ-прокурора Яковлева, коими пользовался авторъ? Между тѣмъ и здѣсь, находя довольно подробную характеристику преосвященнаго Иринея, опять даже нѣтъ намека на счетъ пожалованія ему генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ. Яковлевъ пишетъ только, что „архіепископъ Ириней Псковскій, человѣкъ добрый, все подписывалъ не читавши, по приказанію митрополита, съ тѣмъ только, чтобы онъ не мѣшалъ ему пользоваться покойною жизнію и доставилъ бы ему пенсіонъ“.

И такъ единственнымъ основаніемъ извѣстія о пожалованіи преосвященному Иринею генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ остается опять одинъ портретъ преосвященнаго, помѣщенный „въ Пантеонѣ“. Здѣсь дѣйствительно аксельбантъ есть на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на мантіи ордена Св. Александра Невскаго должны быть, по положенію, завязки ([21]).

Такое основаніе очень шатко. Неудивительно поэтому, что позднѣйшіе исполнители портрета преосвященнаго Иринея сочли лучшимъ, и болѣе соглас-

([21]) Съ такими завязками, какъ и слѣдовало по статуту кавалерскаго одѣянія ордена Александра Невскаго, написанъ масляными красками портретъ преосвященнаго Иринея, какъ члена Академіи наукъ, и помѣщенъ въ ея залахъ. Кромѣ того, мы видѣли литографированный портретъ того же архипастыря съ аксельбантомъ, прикрѣпленнымъ къ мантіи, въ Императорской публичной библіотекѣ. На этомъ экземплярѣ аксельбантъ, или точнѣе сказать, какія то веревки, мало похожія на подобіе аксельбантовъ, перекинуты черезъ плечо.

нымъ съ установившимся понятіемъ объ аксельбантѣ, изображать его даже черезъ плечо.

Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, не признавалъ орденовъ учрежденныхъ Императрицей Екатериной Великой, — каковы ордена: Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Св. Владиміра, которые по сему и не вошли въ изданную Павломъ Орденскую грамоту. Ордена эти возстановлены были только Императоромъ Александромъ Благословеннымъ. При грамотѣ, изданной Павломъ объ орденахъ, приложены и рисунки орденскихъ знаковъ, такъ и кавалерскихъ одѣяній.

Достаточно только бѣгло взглянуть на рисунокъ кавалерскаго одѣянія Александра Невскаго и на портретъ Иринея, помѣщеннаго въ „Пантеонѣ", чтобы убѣдиться, что на послѣднемъ художникъ изобразилъ не аксельбанты, а завязки мантіи, значительно утолстивъ ихъ. Шнуры эти помѣщаются въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ изображены на портретѣ преосвященнаго Иринея аксельбанты, и за тѣмъ эти шнуры, точно также какъ и аксельбанты, должны быть свиты жгутомъ, такъ что достаточно было утолстить штрихъ такихъ жгутовъ, чтобы они приняли форму аксельбантовъ, впрочемъ, еще разъ повторимъ, неиначе, какъ только при очень сильномъ развитіи воображенія въ наблюдателѣ.

Высказанная же нами догадка прямо бросается въ глаза при сличеніи одѣяній кавалеровъ ордена Св. Александра Невскаго съ портретомъ преосвященнаго Иринея, помѣщеннымъ въ „Пантеонѣ".

Мы сочли здѣсь нужнымъ привести рескрипты Екатерины II и Павла I, послѣдовавшіе на имя архіепископа Иринея, въ томъ убѣжденіи, что, какъ ни формальны они, но все же могутъ служить матеріаломъ для болѣе полной, чѣмъ теперь мы имѣемъ, біографіи почившаго архипастыря.

Высокопреосвященный Ириней цѣлую четверть вѣка состоялъ членомъ Святѣйшаго Сѵнода и, въ продолженіи 63 лѣтней жизни, оставилъ отечеству нѣсколько замѣчательныхъ произведеній своего пера; потому заслуживаетъ отъ потомковъ собранія во едино извѣстій о немъ, разсѣянныхъ въ архивныхъ дѣлахъ.

Н. Григоровичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рескрипты Екатерины II.

I.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Генералъ-поручику барону фонъ-деръ-Палену повелѣно отъ Меня Курляндскую губернію, по образу изданными отъ меня учрежденіями предписанному, съ помощію Божіею, открыть, что̀ и имѣетъ быть имъ исполнено въ теченіи будущаго января мѣсяца. Я желаю, чтобы Ваше Преосвященство къ означенному времяни отправились въ губернскій городъ сего намѣстничества Митаву, и принесеніемъ тамо въ православной церкви нашей Всевышнему молитвъ благословили пастырски дѣло сіе Богу угодное и для людей Его толико полезное. Пребываю Вамъ доброжелательная (22), Екатерина. Въ С.-Петербургѣ. Декабря 3-го дня 1795 года.

II.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней. Повелѣвъ генералу, князю Рѣпнину Виленскую и Слонимскую губерніи, по образу изданными отъ Меня учрежденіями предписанному, съ Божіею помощію, открыть, Я желаю, чтобы Ваше Преосвященство, по извѣщенію Васъ помянутаго генерала о времени, когда имѣетъ быть означен-

---

(22) Преосвященный Ириней выѣхалъ изъ С.-Петербурга 13 Января 1796 года.

ное открытіе совершено, отправились туда и принесеніемъ тамо въ православной церкви нашей Всевышнему молитвъ благословили пастырски дѣло сіе Богу угодное и для людей Его толико полезное. Пребываю впрочемъ Вамъ доброжелательная ([23]). Екатерина. Въ С.-Петербургѣ Августа 10-го 1796 года.

Рескрипты Павла I.

III.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Приносимое Вами Мнѣ поздравленіе и изъявленіе чувствованій Вашихъ, усердія и преданности ко мнѣ, Я пріемлю съ благоволеніемъ, и благодарю за оныя, спѣшу извѣстить Васъ, что, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, присутствіе Ваше въ Вильнѣ сдѣлалось болѣе ненужнымъ, а потому и соизволяю, чтобы Вы возвратились сюда. Пребываю впрочемъ Вамъ благосклонный. Павелъ. С.-Петербургъ Декабря 6-го 1796 года.

([23]) Преосвященный Ириней отправился къ мѣсту назначенія 1-го Ноября 1796 года и прожилъ въ городѣ Вильнѣ до Декабря того же года.

IV.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Я получилъ исправно доставленные Мнѣ чрезъ Васъ, при письмѣ отъ священника Спасо-Преображенской церкви Петра Симеонова, Ковчегъ и Животворящій со святыми мощами Крестъ. Монахиня Варсонофія, получившая оный отъ своей матери, извѣстна мнѣ по ближности къ любезнѣйшей бабкѣ Моей, въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и по предсказанію, событіемъ потомъ оправданному, о времени моего рожденія, ею учиненному. Крестъ сей, чрезъ ея руки и нынѣ до меня дошедшій, сугубо мнѣ драгоцѣненъ, яко залогъ святыни и яко принадлежность предку моему, Царю Алексѣю Михаиловичу, и Я приношеніе сего дара пріемлю въ полной по достоинству онаго цѣнѣ и съ приличнымъ тому уваженіемъ. Васъ, за доставленіе Мнѣ онаго, благодарю и, съ обыкновеннымъ Моимъ къ Вамъ благоволеніемъ, пребываю благосклонный. Павелъ. Въ Павловскѣ. Іюля 2-го дня 1798 года.

ЗАПИСКА,

поданная княземъ А. Б. Куракинымъ Императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія.

Всемилостивѣйшій государь!

Всякое пристрастіе чуждо моей душѣ. Я только то помню, что я Русской и что люблю моего государя и мое отечество. Они для меня не раздѣльны; и въ спокойствіи Вашемъ и въ славѣ Вашей, вижу я и ищу всегда спокойствіе и славу отечества. Я движимъ единственно моею совѣстію, моею присягою, въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству данною, всѣми сильными чувствіями моей личной привязанности къ особѣ Вашей и желаніемъ, чтобъ Россія всѣми благотвореніями кроткаго и милосердаго царствованія Вашего наслаждаться не переставала, чтобъ въ памяти позднѣйшихъ поколѣній сохранялося царствованіе Ваше счастливѣйшимъ для нея временемъ, и чтобъ могущество и предѣлы Россіи, предками Вашими утвержденныя, навсегда въ цѣлости и непочатыми пребыли. Лишнимъ почитаю къ происшествіямъ уже со-

вершившимся обращаться. Не раздроблять и оцѣнять оныя зоветъ меня теперь долгъ мой; но къ тому, чтобъ представить Вашему Величеству, по лучшему удостовѣренію моему, внутреннее мнѣніе мое о приличнѣйшихъ и полезнѣйшихъ средствахъ, коими Ваше Величество, въ настоящемъ положеніи Европы, достоинство могущей (sic) имперіи Вашей предохранить, и оной благоденственное спокойствіе возвратить можете. По обстоятельствамъ, по среди которыхъ мы теперь находимся, Ваше Величество увѣнчали уже себя общею хвалою, непорочностію и твердостію Вашихъ видовъ и намѣреній и явивъ, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, собственную Вашу храбрость и неустрашимость. Храброе Ваше воинство, мужественными подвигами своими неколебимо отличающееся, подтвердило къ себѣ древнее всѣхъ почтеніе, исполняя съ честностію и точностію всѣ Ваши обязательства по союзу между Вашимъ Величествомъ и Цесаремъ, и по вызову отъ него Вамъ учиненному, поспѣшили Вы съ знаменитою военною силою къ нему на помощь; но слабость, разстройство, безначаліе Австрійской монархіи и напасти неслыханныя и во всѣхъ лѣтописяхъ подобныхъ себѣ не имѣющія, которыя въ войнѣ своей противъ Французовъ въ сіи послѣдніе мѣсяцы претерпѣла, не токмо ее вывели изъ числа большихъ державъ, но и лишили всѣхъ способовъ къ оборонѣ своей и къ содѣйствію съ войсками Вашего Величества, Австрія покорена и обладаема французскимъ оружіемъ; Бонапарте нѣтъ преграды въ предписаніи Цесарю постыднѣйшихъ и язвительнѣйшихъ условій и пожертвованій для его мира съ нимъ; отъ одного произвола Бонапарте зависить можетъ потребовать, чтобъ слабая ему покоренная Австрія, по примѣру Гишпаніи, подъ сѣнію его покровительства токмо политическое бытіе свое продолжала, и во всѣхъ его предпріятіяхъ ему повинно содѣйствовала; слѣдовательно исчезла Австрія въ могуществѣ своемъ, не имѣетъ оная никакой возможности болѣе ни намъ помогать, ни отъ насъ вспоможенной быть; дѣйствіемъ ея перемирія съ Бонапарте Ваше Императорское Величество вывели ваши войска изъ ея владѣній, тѣмъ остановились на время наши военныя дѣйствія, но тѣмъ не пресѣклося, а продолжается еще положеніе наше войны противъ Французовъ. Мы видимъ Бонапарте со всѣми его силами въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ находился до отступленія нашихъ войскъ въ Моравіи. Онъ на границахъ Галиціи, имѣя при себѣ Костюшка, Заіончка и всѣхъ единомышленниковъ сихъ извѣстныхъ польскихъ мятежниковъ. Всѣ доходящія о немъ извѣстія и частныя истинныя заключенія каждаго поселяютъ во всѣхъ то вѣрное ожиданіе, что онъ теперь занимается возстановленіемъ прежней польской республики чрезъ отторженіе отъ Россіи, Пруссіи и Австріи ея частей, по раздѣламъ ихъ имъ уступленныхъ. Я не могу никак согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что напрасно сіи виды Бонапарте приписываются, и что въ совершеніи оныхъ будто нѣтъ для него возможности, а для Франціи пользы. Совсѣмъ противное представляется удостовѣренію моему. Таковое событіе теперь не токмо весьма возможно, но и со всегдашними, и особливо с настоящими видами и пользами Франціи совершенно сообразно. Возстановленіемъ Польши въ прежнее ея состояніе возродится паки въ Европѣ новое государство, паче другихъ для Россіи вредное и оную отъ Европы отъ вліятельнаго въ ея дѣлахъ участія, устранить долженствующее; нѣтъ сомнѣнія, чтобъ всѣ умы въ Галиціи удрученной тягостнымъ австрійскимъ управленіемъ, желаніемъ и ожиданіемъ своимъ къ оному пріуготовлены уже

не были, и для произведенія въ Галиціи пламени мятежа достаточно будетъ конечно одного провозглашенія отъ Бонапарте, что освобождается оная подъ его покровомъ отъ ига австрійскаго. Возможно будетъ для Бонапарте поставить сіе первою цѣною съ Пруссіею для своего примиренія, чтобъ склонить сію послѣднюю на отступленіе отъ ея польскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобъ въ замѣну за оныя получить отъ его руки нѣмецкія владѣнія короля Великобританскаго и короля Шведскаго, чѣмъ единовременно нанесетъ онъ и обѣимъ симъ государямъ мстительный сильный ударъ свой. Когда же настоящія польскія области, Пруссіи и Австріи принадлежащія, съ руководствомъ и подкрѣпленіемъ Франціи и съ предметомъ возстановленія прежней польской республики, въ полномъ мятежѣ будутъ, какъ ожидать можно тогда, чтобъ наши польскіе подданные, сколь оные подъ державою Вашего Императорскаго Величества ни благоденствуютъ, осталися покойными и не поспѣшили бы достизать съ ними вмѣстѣ до равной цѣли воскрешенія имени и бытія ихъ древняго отечества? Пребываніе многомочной и многочисленной военной силы Вашего Императорскаго Величества посреди и на границахъ польскихъ областей вашихъ не превозможетъ удержать въ спокойствіи и повиновеніи шаткихъ и легкомысленныхъ ея обывателей, въ глубинѣ своихъ сердецъ о прежней мечтательной независимости ихъ жалѣть не престававшихъ; и тогда, вмѣсто одной войны наружной, присовокупится другая война съ нашими собственными новыми подданными для укрощенія ихъ мятежнаго волнованія. Отъ сихъ послѣднихъ воспослѣдуютъ разсыпанныя нападенія на наши войски, всѣ способы къ ихъ содержанію и къ ихъ дѣйствіямъ будутъ отягощены, въ сей борьбѣ будетъ Россія сражаться съ врагомъ внѣшнимъ и со врагами внутренними, и не токмо напряженіе всѣхъ ея силъ, но даже истощеніе оныхъ врядъ достанетъ ли на преодолѣніе всѣхъ тѣхъ великихъ и тяжкихъ затрудненій, въ коихъ себя тогда увидитъ.

Сверхъ того уничтоженіемъ могущества австрійскаго дома, Бонапарте получить долженъ такое вліяніе надъ Портою, по древней своей привычкѣ къ Франціи всегда наклонной, что ее отторгнувъ отъ существующихъ нынѣ узъ тѣснаго союза съ нами, можетъ се паки навести на ополченіе и недоброжелательство противъ насъ; хотя таковый возможный разрывъ съ нами Порты, столь часто бремя нашихъ побѣдъ надъ нею понесшей и не можетъ ввергать насъ въ великое о слѣдствіяхъ его безпокойство, однако еслибъ воспослѣдовалъ во время продолженія нашей войны съ Франціею и нашего занятія польской мятежъ укрощать: то не менѣе потребовалъ бы великаго отдѣленія силъ нашихъ и тѣмъ былъ бы для насъ весьма тягостенъ. Есть ли Бонапарте, можетъ быть, на сіи мѣры и не расположится или къ онымъ и Порту рѣшить въ состояніи не будетъ, то представляется другое предположеніе, что можетъ онъ для удовлетворенія Австріи за области, которыя вѣроятно ему новымъ ея съ нимъ миромъ пожертвованы будутъ, захотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако бы совершилося какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему подвластною пребыть, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалося съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой ею части бывшей венеціанской республики къ новому королевству италійскому: ибо Бонапарте, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи и

страхѣ его возможныхъ на нее нападеній содержать.

Паденіе Австріи дѣломъ самимъ послужило къ возвышенію находившейся въ непримиримомъ и вѣчномъ противъ нея соперничествѣ Пруссіи, и сотворяетъ сію послѣднюю державу тою, которой союзъ съ нами всѣхъ другихъ для насъ естественнѣе, нужнѣе и полезнѣе. Волею, дальновидностію и собственнымъ подвигомъ Вашего Императорскаго Величества, сей союзъ благополучно совершенъ и существуетъ. Общая польза обѣихъ государствъ требуетъ не токмо непрерывнаго продолженія онаго, но и того, чтобъ по настоящему ходу общихъ дѣлъ европейскихъ, оный еще какъ можно болѣе стѣснить, дабы во всякомъ случаѣ во взаимныхъ своихъ подвигахъ и пользахъ были за одно. Тѣсная связь дружбы и довѣренности, сопрягающая лично Ваше Величество съ королемъ Прусскимъ и основанная на совершенномъ познаніи Вашемъ добродѣтельныхъ качествъ его души, увѣнчевая сей союзъ, прочность онаго утверждаетъ. Но миролюбивое расположеніе сего государя, извѣстное Вашему Величеству желаніе его ограничать себя въ единомъ нетлѣнномъ сохраненіи настоящихъ предѣловъ его владѣній, и правила, по которымъ его министерство всегда поступало, позволяютъ намъ на Пруссію полагаться только въ однихъ мѣрахъ оборонительныхъ. И есть ли самъ Бонапарте, метя Пруссіи за ее сближеніе съ нами и удаленіе отъ него, не ополчится противъ нее и не принудитъ оную къ защитѣ своей, которую мы съ нею раздѣлять обязаны будемъ: то, съ другой стороны, не вѣроятно, да и по всѣмъ доводамъ мало основательной надежды есть, чтобъ оная, въ продолженіи войны нашей противъ Франціи, самими дѣйствіями участвовать рѣшилась въ случаѣ томъ, что сія война сдѣлалася бы теперь неизбѣжною, или необходимою.

Не подчинены союзу нашему съ Англіею наши связи на твердой землѣ и обстоятельства, въ коихъ мы на оной находиться имѣемъ, ни оными распоряжать ни по онымъ дѣятельную помощь намъ оказывать сія морская держава не можетъ. Оныя нами самими опредѣляемы и управляемы быть должны по лучшей нашей пользѣ, перемѣняющейся въ ея видѣ и способахъ случающимися происшествіями. Но при томъ, нужно намъ доброжелательство Англіи, и желательна связь съ нею, для процвѣтанія нашей морской силы и для успѣховъ нашей торговли. Я думаю, что, по симъ двумъ предметамъ, всѣ наши обязательства съ нею составляться должны, не подчиняя себя никакому ей пожертвованію и содѣйствію въ ея предпріятіяхъ въ виду имѣющихъ единственно собственное ея любочестіе, или властолюбіе, никакъ въ своемъ родѣ не уступающее тому, коимъ Франція обвиняется. Превосходство силъ Англіи на морѣ ровняется совершенно съ превосходствомъ силъ Франціи на сушѣ, и въ ономъ имѣетъ она сама по себѣ достаточное могущество для содержанія своего политическаго равновѣсія съ Франціею и для недопущенія сей послѣдней какія либо насильства продолжать или незаконныя завладѣнія свои распространять. Когда мы, слѣдуя обстоятельствамъ и собственной пользѣ нашей, можемъ располагаться по нашимъ собственнымъ видамъ и надобностямъ, отъ видовъ и надобностей Англіи отдѣленнымъ: то Англія, слѣдуя справедливости и при сохраненіи нашихъ дружелюбныхъ и торговыхъ съ нею связей, не можетъ за то намъ мстить, и естьлибъ могла оная пожелать какое либо мщеніе противъ насъ произвести, то въ чемъ бы могло оное состоять? По нашему мѣстному положенію, нѣтъ для нея возможности оное намъ чувствительнымъ учинить.

Швеція и Данія, сіи двѣ державы второй степени, въ единствѣ дѣйствовать и никому сильныхъ ударовъ наносить не могущія, въ тѣсной связи съ нами теперь сопряженныя, всю довѣренность свою обратили къ доброжелательству нашему къ нимъ и, за оную имъ соотвѣтствуя, не трудно будетъ намъ во всякое постановленіе наше для общаго спокойствія въ Европѣ нужное, съ предохраненіемъ ихъ безопасности и выгодъ, ихъ включить.

Тоже самое скажу о королѣ Обѣихъ Сицилій, твердою привязанностію своею къ Россіи всегда ознаменовавшемся, который высадкою нашихъ войскъ въ Неаполь, послѣ подписанія у него отъ Франціи вынужденнаго акта о его строгомъ неутралитетѣ, вверженъ въ тягчайшее опасеніе самаго лютаго мщенія ея, когда сіи войски наши, опредѣленныя къ содѣйствію австрійской арміи, эрцгерцогомъ Карломъ предводительствованной и уже Италію оставившей, не довольно многочисленны, чтобъ, противъ сильнаго ополченія Французовъ, землю, въ которую вошли, и себя самихъ достаточно защитить.

Достоинъ вниманія Вашего Императорскаго Величества жребій не токмо сихъ въ Неаполь высаженныхъ войскъ нашихъ, но и тѣхъ, которыя подъ начальствомъ графа Толстаго въ Гановерѣ находятся, естьли паче чаянія, чего я и предполагать себѣ не позволяю, графъ Гаугвицъ для Берлинскаго двора отъ насъ тайное и намъ до сего неизвѣстное особое условіе съ Французами заключилъ.

Дерзнувъ теперь изобразить предъ Вашимъ Величествомъ сокращенную, но истинную картину о состояніи союзниковъ Вашихъ, о положеніи настоящемъ Бонапарте и о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ ему приписуемыхъ, которыхъ отъ него со всею вѣроятностію ожидать можно, и о новыхъ тяжкихъ заботахъ, въ коихъ Ваше Величество при продолженіи съ нимъ войны сильную Имперію Вашу отъ его коварства и предпріимчивости увидѣть можете, явствуетъ изъ оной, что Австрія пала, и оную уже ни въ какой щетъ класть не слѣдуетъ; что на содѣйствіе наступательное естественнаго навсегда и перваго союзника вашего короля Прусскаго надѣяться не можно; что союзъ нашъ съ Англіею, напастьми Австріи въ безсиліе уже приведенной, не можетъ обязать насъ забывать то, чѣмъ мы нашему сохраненію и нашимъ собственнымъ пользамъ должны; что короли Шведской, Датской и Обѣихъ Сицилій, намъ ввѣрившіеся, при всякой возможной перемѣнѣ нашихъ видовъ и связей, отъ насъ призрѣны и отъ всякаго зла предохранены быть могутъ; что, по разрушеніи военной силы и политическаго бытія Австрійской монархіи, не исчислены способы, коими Франція Россіи вредить и весь внутренній составъ ее изнурять можетъ; что ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ нѣтъ, чтобъ Бонапарте не помышлялъ о возстановленіи польской республики и о возрожденіи для сего пагубнаго предмета мятежа въ ея частяхъ, принадлежащихъ тремъ державамъ, оную между собою раздѣлившимъ; что отъ произведенія въ дѣйство сего коварнаго намѣренія его, Россія увидитъ себя единовременно обремененною двумя войнами, наружною и внутреннею, коихъ успѣхъ и конецъ подвержены будутъ обыкновенному мѣняющемуся щастію оружія; что Россія видитъ себя въ семъ положеніи безъ всякой сторонней помощи и принуждена готовиться къ сей продолжительной и великой брани, своими собственными силами, и что оную не инако и при самыхъ желательнѣйшихъ побѣдахъ, какъ съ истощеніемъ совершеннымъ своего могущества начинать и продолжать можетъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства, взоромъ безпристрастнымъ и съ

чувствіемъ, подобающимъ вѣрному и къ особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, лично преданнѣйшему подданному Вашему, и пользуяся Высочайшимъ дозволеніемъ Вашимъ, каждому члену Государственнаго Совѣта дарованнымъ, по его совѣсти и лучшему разумѣнію до свѣдѣнія Вашего довести мнѣніе его о лучшемъ и приличнѣйшемъ для Россіи, не токмо въ настоящее время, но и въ теченіи готовящагося для вреда ей будущаго, осмѣливаюся представить Вашему Императорскому Величеству: что по моему удостовѣренію предстоитъ надобность совершенная сохранить полное Ваше вооруженіе, учинить новое и торжественное объявленіе, что Ваше Величество цѣлость границъ Вашего обширнаго государства отъ всякаго на оныя ополченія сильнѣйшимъ отпоромъ защищать намѣрены и, учинивъ то и другое, и извѣстя Вашего друга и естественнаго перваго союзника, короля прусскаго, употребить не гласнаго полномочнаго къ Бонапарте, что́ представляется мнѣ съ достоинствомъ Вашимъ несовмѣстнымъ, но подспудную въ непроницаемой тайнѣ какую либо безпосредственную посылку къ нему для предварительнаго извѣщенія его о расположеніи Вашемъ, для блага человѣчества и всей Европы, съ нимъ сблизиться, и существующее еще теперь состояніе войны противу него прекратить. Такой отзывъ Вашего Величества извлечетъ непремѣнно самый подробный отъ него отвѣтъ, и онаго по всѣмъ, не пресѣкающимся при всякомъ случаѣ, уважительнымъ привѣтствіямъ его къ вамъ ожидать навѣрно слѣдуетъ. Узнавъ симъ образомъ, чего онъ отъ Вашего Величества пожелаетъ, можно будетъ послѣ съ сохраненіемъ всего достоинства Вашего, открытые переговоры для заключенія съ нимъ мира установить. Между тѣмъ желательно, чтобъ угодно было Вашему Императорскому Величеству заранѣе назначить всѣ статьи, на коихъ сближеніе Ваше съ Бонапарте основано быть долженствуетъ, и ту цѣль, которую вы себѣ для будущаго времени, послѣ примиренія съ нимъ, внутренно и явно предопредѣлять соизволяете. Для вѣрнаго успѣха таковаго человѣколюбиваго и благонамѣреннаго подвига Вашего, надобно, кажется, Бонапарте къ совершенію онаго въ зависящемъ отъ него собственною его выгодою привлечь. Ничто его болѣе не польститъ и ему полезнѣйшимъ для него самого не представится, какъ обѣщаніе, что Россія вступитъ паки въ союзъ съ Франціею на томъ единомъ положеніи, что сія послѣдняя никакихъ пріобрѣтеній и новаго расширенія предѣловъ своихъ себѣ не позволитъ, что съ союзниками Россіи равномѣрно примирится и ихъ всѣхъ, по существующей теперь возможности, удовлетворитъ, и наконецъ, что по всѣмъ общимъ дѣламъ и происшествіямъ въ Европѣ, будетъ она всегда съ Россіею единомысленна и за одно дѣйствовать. Неоспоримая истина, что Россія и Франція, своими мѣстными положеніями, находясь на двухъ краяхъ Европы и въ величайшемъ другъ отъ друга разстояніи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, въ видахъ и пользахъ своихъ не легко и не скоро другъ съ другомъ столкнутся и другъ другу вредить могутъ. Когда же соединятся и въ совершенное по европейскимъ дѣламъ единомысліе вступятъ сіи два государства, могуществомъ своимъ сотворенныя одно для первенства въ сѣверѣ, другое для первенства въ западѣ Европы, тогда будутъ оныя безъ малѣйшаго противуборства законодатели и оберегатели спокойствія и блаженства оной.

Я почитаю въ заключеніе не лишнимъ означить также здѣсь разсужденіе, что всего желательнѣе и щастливѣе бы было мирное состояніе имперіи Вашего Величества, столь

нужное для устройства внутреннихъ, а особливо хозяйственныхъ дѣлъ ея, равномѣрно и для благоденствія Вашихъ подданныхъ: ибо цѣлому свѣту извѣстно, что въ томъ состоятъ всѣ предметы неусыпнаго и многотруднаго Вашего попеченія.

31-го Декабря,
1805.

Записка эта печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Николаевича Шёнига и сообщеннаго намъ при обязательномъ посредствѣ князя Николая Сергѣевича Оболенскаго. — Въ то время, когда писана эта записка, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ собственно находился не у дѣлъ: онъ носилъ званіе Канцлера Россійскихъ орденовъ и состоялъ членомъ тогдашняго еще не преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Другъ Императора Павла и императрицы Маріи Θеодоровны счелъ своимъ долгомъ подать голосъ въ критическую минуту Русской исторіи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, въ коемъ едва не погибъ самъ государь. Когда Александръ Павловичъ пріѣхалъ изъ Моравіи въ Петербургъ, князь Куракинъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ, въ день его рожденія 12 Дек. 1805 г., подносили ему ленту Военнаго ордена, въ ознаменованіе оказанной имъ храбрости въ бою; государь принялъ знаки ордена, но лишь четвертой степени. Совѣтъ князя Куракина былъ принятъ, и въ Апрѣлѣ 1806, по окончательномъ возвращеніи изъ похода Русскихъ войскъ, послали въ Парижъ для переговоровъ ст. сов. Убри, подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ. 18-го Іюля того же года князь Куракинъ назначенъ посломъ въ Вѣну. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЕ О М. И. ГЛИНКѢ.

М. И. Глинка, въ письмахъ своихъ къ К. А. Булгакову сочувственно отзывается о В. Н. Кашперовѣ, а князь В. Θ. Одоевскій, въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ, передаетъ, что знаменитый композиторъ скончался на рукахъ его. См. выше стр. 347, 364 и 377). Поэтому, печатая письма Глинки въ Русскомъ Архивѣ, мы обращались къ В. Н. Кашперову (нынѣ профессору Музыкальной Консерваторіи въ Москвѣ) съ просьбою сообщить воспоминанія его о Глинкѣ. Нижеслѣдующая статья есть обязательный для насъ отвѣтъ на запросъ нашъ. — Здѣсь кстати исправить ошибку, вкравшуюся въ примѣчаніе къ письмамъ (стр. 350): Автобіографическій разсказъ М. И. Глинки напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ не 1863, а 1857, томъ XI, Октябрь) стр. 768 и д. *П. Б.*

М. Г. Благодарю Васъ за внимательность, которою Вамъ угодно было почтить меня: — корректурные листы съ письмами дорогаго Михаила Ивановича Глинки я получилъ. Въ этихъ письмахъ онъ обрисовывается несравненно ярче и полнѣе, чѣмъ въ какихъ либо біографическихъ очеркахъ. Лишь одна сторона его жизни вовсе не выяснена, и мнѣ кажется, что никто еще не взялся разъяснить то, что̀ составляло существенную причину его постоянныхъ и глубокихъ страданій, сначала нравственныхъ, — а потомъ и физическихъ конечно.

Онъ часто говаривалъ у насъ въ домѣ, — когда мы жили въ Берлинѣ — въ 1856 году: — „J'ai toujours été maltraité moralement.“ (*)

Многіе возразятъ: да вѣдь онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ какъ художникъ, а подъ конецъ раздражителенъ до болѣзни — и на такомъ объясненіи успокоятся. Мнѣ самому случалось слышать такого рода сужденія и даже отъ короткихъ его пріятелей. Но мнѣ

(*) Со мною всегда жестоко обращались въ смыслѣ нравственномъ.

кажется, что болѣзненныя явленія такого рода особенно замѣчательны въ человѣкѣ каковъ Глинка, отъ природы весьма крѣпкаго организма, имѣвшій успѣхъ полный и блистательный въ своемъ дѣлѣ. Было время, когда въ высшихъ сферахъ общества искали случая съ нимъ познакомиться; его знали какъ оригинальнаго и даровитаго композитора во всей Европѣ, такъ что, какъ *композиторъ*, онъ могъ считать себя однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. И такого-то геніальнаго, крѣпкаго человѣка русское общество уложило въ гробъ до 54 лѣтъ, безъ особенныхъ видимыхъ причинъ! Лишь одинъ рѣзкій признакъ остается на виду: „j'ai toujours été maltraité moralement", — по которому тотчасъ приходятъ на память цѣлый рядъ воспоминаній изъ его разсказовъ, какъ его чтили, коль скоро вліятельное лицо его обласкаетъ и похвалитъ и какъ отъ него отворачивались, когда вліятельное лицо его забывало.

Если въ Европѣ, за весьма малымъ исключеніемъ, большинство даже великихъ композиторовъ страдало отъ дурнаго обращенія съ ними и какъ Моцартъ умирали рано и въ нищетѣ, — то тутъ причина довольно ясна: сами эти композиторы были весьма односторонняго образованія и вообще мало развиты, а потому, когда не нужна была музыка, старались избѣгать музыкантовъ *только*, которые другихъ интересовъ для общества и не представляли; другими словами, общество за *композиторомъ человѣка* не видѣло, или не хотѣло видѣть.

Съ *Глинкой* совсѣмъ другое было: онъ самъ былъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества, былъ пріятель Жуковскаго, Пушкина и по развитію принадлежалъ скорѣе къ высшему кругу.

Это уже ясно указываетъ на низкій уровень общественнаго воспитанія; я говорю о воспитаніи дѣйствительномъ, а не внѣшнемъ, которое учитъ — когда и гдѣ какія перчатки надѣваются, сколько кому платится визитовъ и какимъ особамъ улыбаться подобаетъ; обойтись же по человѣчески съ лицомъ, котораго вы не боитесь или въ которомъ вы не нуждаетесь, у насъ умѣютъ весьма немногіе даже въ ученой и развитой средѣ. Въ нашемъ обществѣ нужно *умѣть казаться*, *импонировать*; ни того ни другаго у Глинки не было и слѣда.

Если взять всё это въ соображеніе, то легко понять, сколько грубыхъ и незаслуженныхъ оскорбленій должна была выстрадать эта добродушнѣйшая и впечатлительная натура, которой только и оставалось что сжиматься какъ мимозѣ (какъ онъ самъ себя любилъ называть) отъ всякаго грубаго прикосновенія.

Припоминая всѣ разсказы Глинки по поводу вышесказанной французской фразы, удивляешься только, какъ онъ выдержалъ такъ долго такую нравственную каторгу.

Ему часто приходилось испытывать отъ нашего общества то чуть не царскій почетъ, то, и вслѣдъ за тѣмъ, взгляды съ высока и униженіе, а подъ часъ и насмѣшки. Такъ напримѣръ между офицерами не разъ повторялась фраза: „смотри не попадись въ чемъ нибудь — а то тебя пошлютъ Руслана слушать".. Эта фраза повторялась потому, что она была произнесена однимъ изъ вліятельныхъ.

Толковать здѣсь, почему мы еще не доросли до простаго чувства человѣческаго достоинства, и почему мы его мало цѣнимъ и въ себѣ и въ другихъ, — вовсе не у мѣста; но нельзя не помѣтить существенной причины постоянныхъ и глубокихъ страданій М. И. Глинки.

Характеристическая черта его была добродушная веселость, которая его не оставляла, за исключеніемъ лишь того времени, когда онъ испытывалъ на себѣ чье либо грубое прикосновеніе. Даже съ докторомъ, за недѣлю до смер-

ти, онъ еще шутилъ и встрѣчалъ его фразой:—Знаете-ли, докторъ, я гораздо болѣе боюсь медиковъ, нежели самой болѣзни". А потомъ за день до смерти, когда я его подымалъ съ постели и „облекалъ его въ ризы" (какъ онъ выражался), онъ еще смѣшилъ насъ разными прибаутками, надѣвъ на себя чепецъ одной изъ сидѣлокъ (ихъ было двѣ.) Указывая на нихъ глазами, онъ прибавлялъ мнѣ потомъ по русски: „Какъ же ихъ не смѣшить,—вѣдь имъ тоска сидѣть день и ночь съ больнымъ старикомъ!"

Страдалъ онъ физически болѣе всего послѣднюю недѣлю; у него было затвердѣніе печени, и его по временамъ болѣзненно схватывало; но съ роздыхами, такъ что онъ могъ иной разъ придумывать, лежа на постели, интересныя контрапункты.

Онъ, послѣднюю осень, занимался съ профессоромъ Деномъ: Канономъ и Фугой; а потомъ все собирался вмѣстѣ со мною ѣхать въ Италію для изученія голосовъ и составлялъ планы, какъ удобно и пріятно будетъ намъ помѣщеніе на Lago di Como, гдѣ онъ по картѣ выбралъ Villa-Pliniana.

Я привезъ въ Берлинъ небольшую русскую библіотеку:—Гоголя, Островскаго, Тургенева, Григоровича, Бѣлинскаго, Кудрявцева и другихъ. Глинка жадно вчитывался въ нихъ, и иной разъ до слезъ умилялся надъ ними. Тутъ только, въ Берлинѣ, я замѣтилъ, что онъ литературы нашей съ сороковыхъ годовъ вовсе не зналъ, потому что въ свое время вращался въ такой средѣ, которая кромѣ Пушкина, Жуковскаго, Карамзина и еще немногихъ, никого не признавала за литераторовъ, и пробавлялся болѣе иностранной литературой.

Послѣдніе три мѣсяца, Русскіе, желавшіе его видѣть въ Берлинѣ (ихъ было вѣроятно весьма немного, — я помню лишь графа Матвѣя Віельгорскаго, А. Рубинштейна, князя В. О. Одоевскаго, да И. С. Тургенева), могли застать маленькую коренастую фигуру Глинки, въ стеганомъ ватномъ халатѣ, съ аршиннымъ карандашемъ въ рукахъ, въ бархатной фескѣ, изъ которой вырывался на лобъ не послушный съ просѣдью вихоръ, въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ, съ цвѣтными подвязками, которыхъ у него было очень много, и въ башмакахъ. Какъ только его нужно было одѣвать, то слуга обязывался весь трудъ брать на себя, даже умывать и причесывать; тутъ были сохранены всѣ пріемы русскаго барича 20-хъ годовъ. Денегъ, выходя изъ дома, онъ при себѣ держать не любилъ, потому что сознавалъ за собой привычку всѣ имѣющіяся при немъ деньги непремѣнно израсходовать.

Во время музыкальныхъ исполненій, какъ впечатлительный человѣкъ, онъ не умѣлъ сдерживать себя ни въ похвалахъ ни въ порицаніяхъ, такъ что когда мы сидѣли втроемъ въ оперѣ (т. е. Глинка, жена моя и я), то онъ начиналъ съ того, что упрашивалъ насъ сидѣть какъ можно тише. „Барыня, ни гугу!" обращался онъ къ моей женѣ, а потомъ поднималъ одинъ такой шумъ, что обращалъ на себя вниманіе всѣхъ благочестивыхъ посѣтителей Opern-Hauses, и разъ даже Мейерберъ явился къ намъ съ полукомическимъ тономъ заявить, что въ нашей ложѣ, говорятъ, есть какой-то маленькій Русскій, который шумитъ на весь театръ.

Глинка былъ очень хорошо знакомъ съ Мейерберомъ, и потомъ познакомилъ и меня съ нимъ. Сколько искреннихъ и непритворныхъ похвалъ высказывалъ мнѣ Мейерберъ въ особенности объ оркестровкѣ Глинки!

Говоря о Глинкѣ, нельзя не вспомнить о томъ, съ какимъ интересомъ и сочувствіемъ относился онъ ко всякому мало-мальски серьезному начинанію въ музыкѣ у Русскихъ. Когда я ему показывалъ мою первую оперу

„Цыгане", ему понравились два номера, и онъ тотчасъ, обратившись ко мнѣ съ симпатичною рѣчью, заключилъ такъ: „я почту за наслажденіе и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образованіе".

Въ разговорахъ съ нимъ о комъ либо изъ музыкантовъ Русскихъ или иностранныхъ, никогда не проскальзывало тѣни зависти. Кто зналъ его коротко, тотъ замѣтилъ, что преобладающія стороны его личности были: нѣжность, дѣтская наивность, добродушная веселость, соединенная съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Послѣднее время онъ какъ-то отъ всего отвернулся, самъ мало писалъ и болѣе обдумывалъ новыя музыкальныя формы, предлагаемыя иму Деномъ, но это была схоластика; со мною же онъ не разъ бесѣдовалъ какъ вдохновенный музыкантъ и не разъ бралъ у меня перо изъ рукъ и поправлялъ мою работу. Такъ помню, я былъ имъ посланъ къ Фрокману въ Петербургѣ для напечатанія моего романса съ двумя окончаніями: одно его, другое мое, „Очарованіе красоты въ тебѣ не страшно намъ" (слова Баратынскаго).

Онъ хотѣлъ, чтобы я съ его словъ записалъ характеристику оркестра вообще и каждаго инструмента порознь. Она сохранилась у меня какъ дорогое воспоминаніе.

Препровождаю къ вамъ отысканныя у меня письма Глинки. Жаль, что всѣ они кромѣ этихъ двухъ растеряны при постоянныхъ переѣздахъ за границей и вѣроятнѣе всего на таможняхъ.

Въ Италіи мнѣ привелось быть свидѣтелемъ громаднѣйшаго успѣха симфоническихъ произведеній Глинки.

Въ 1864 году я выписалъ нѣсколько партитуръ его; получивъ ихъ, тотчасъ же передалъ „Аррагонскую хату" и „Мадритскую ночь", въ лучшее симфоническое общество въ Миланѣ. Исполненіе было такъ вѣрно и хорошо подъ руководствомъ превосходнаго директора Басси, что энтузіазму не было границъ. На слѣдующій день нѣсколько газетъ заявили желаніе публики услыхать еще разъ „Аррагонскую хату" и „Мадритскую ночь". Берлинцы, Мейерберъ во главѣ, исполнявшіе нѣсколько №№-въ изъ „Жизни за Царя" въ 1856-мъ году при дворѣ Прусскаго короля, могли бы справедливо позавидовать итальянскому исполненію Глинки въ Миланѣ.

Помню, что послѣ придворнаго концерта въ Берлинѣ, Глинкѣ былъ предложенъ орденъ или денежное вознагражденіе, но онъ до того былъ недоволенъ исполненіемъ, что отказался и отъ того и отъ другаго, все недоумѣвая: зачѣмъ бы это нужно было Мейерберу исполненіе „Жизни за Царя" при Прусскомъ дворѣ?...

Это случилось, кажется, въ Декабрѣ 1856 г., а черезъ мѣсяцъ его уже не стало.

На похоронахъ присутствовали лишь Мейерберъ, Денъ и Вашъ покорнѣйшій слуга *В. Кашперовъ.*

25-го Декабря 1868.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ В. Н. КАШПЕРОВУ.

I.

Figlio carissimo!

Уже нѣсколько дней, какъ я получилъ письмо ваше; не отвѣчалъ же вамъ по причинѣ занятій и хворобы.

Премного благодарю васъ за ваши искреннія и дружескія выраженія и прошу васъ вѣрить, что и мои чувства не менѣе искренни. Если бы вамъ пришлось по сердцу, пользуясь настоящими обстоятельствами, по слабости здоровья, отдѣлаться отъ службы и съѣхаться со мной въ Парижѣ (гдѣ я намѣренъ провести часть лѣта, осень и зиму), какъ бы было хорошо!

Только одинъ разъ въ жизни я испыталъ щастіе путешествовать съ добрымъ, образованнымъ другомъ: это былъ покойный Е. П. Штеричъ (дядя родной Марьи Алексѣевны). Съ тѣхъ поръ всѣ мои товарищи, во время странствій, болѣе припадлежали къ разряду дядекъ и экономовъ, да и нынѣшній годъ мнѣ придется нанять таковаго въ Берлинѣ.

Я получилъ отъ Дена 2 дружескихъ письма; прошу васъ, въ отвѣтъ на сіе мое посланіе, отвѣчать на имя Дена, съ передачею мнѣ (Marienstrasse № 28 Berlin); надѣюсь выѣхать отсюда въ концѣ Апрѣля т. е. недѣли черезъ двѣ.

Леонова, не смотря на свои не совсѣмъ удачныя похожденія въ Москвѣ, Твери и Новгородѣ, пріобрѣла тамъ до 600 р. с., и столько-же здѣсь. Концертъ ея (на которомъ была моя сестра) прошелъ весьма благополучно. Оркестръ исполнялъ отлично, а *живыя* картины изъ *Мертвыхъ* душъ Гоголя были очень занимательны. Болѣе всего публикѣ понравилась *Молитва* моя и Scherzo (Valse-Fantaisie), а еще болѣе *Коса* и *Ходитъ вѣтеръ*. Леонову дружно вызывали и бросили ей нѣсколько букетовъ.

Время у насъ гадкое и недугъ медленно уступаетъ упорному лѣченію.

Сестра вамъ искренно кланяется и заранѣе утѣшается мыслію, что вы съѣдетесь со мною за границей.

Тавлинки еще не получилъ, но премного благодарю за память.

Не сѣтуйте, что пишу мало: не здоровится. Что будетъ весною, авось оправлюсь. Прошу вѣрить неизмѣннымъ чувства(мъ) моимъ дружбы и симпатіи, вашъ вѣрный Väterchen

Михаилъ Глинка.

С. П. бургъ $\frac{13}{25}$ Апрѣля 1856.

II.

Берлинъ $\frac{28}{16}$ Августа 1856.

Figlio carissimo!

Благодарю васъ за дружеское письмо и романсъ (*). Отъ искренняго сердца поздравляю васъ. Дай Боже, чтобъ ваше благое намѣреніе увѣнчалось самымъ счастливымъ успѣхомъ. Ваша благородная душа и самый возрастъ могутъ быть, если не порукою, то по крайней мѣрѣ залогомъ того счастія, котораго вамъ желаетъ вашъ Папахенъ. Бью челомъ будущей вашей барынѣ и прошу *ихъ* насъ жаловать. Не только меня и сестру, но и профессора Дена радуетъ мысль, что мы поживемъ вмѣстѣ.

Денъ очень кланяется; теперь онъ на 3 дня уѣхалъ въ Лейпцигъ по дѣламъ. По возвращеніи его примемся за работу и тѣмъ болѣе, что на будущей недѣлѣ (съ помощію Всевышняго) я перебираюсь на зимнюю квартиру, сирѣчь: квартиру, снабженную двойными рамами, переднею и расположенную на солнцевой сторонѣ улицы.

Мой новый адресъ....

До того не люблю Французовъ, что скверно написалъ названіе улицы, вотъ оно: Französische Straße № 8.

Мнѣ здѣсь пришлось очень, очень по сердцу, а по пословицѣ отъ хорошаго лучшаго не ищутъ.

Диссертацій объ музыкѣ не пишу, зане *живое слово* предпочитаю бумагѣ. Излишнимъ считаю увѣрить васъ, что когда сюда къ намъ пожалуете, я всегда къ вашимъ услугамъ. Еще разъ прошу васъ, пріѣзжайте, раскаяваться не будете: нынѣшней зимою предстоятъ удивительныя музыкальныя продовольствія.

Обнимаю васъ отъ души, а будущей вашей барынѣ бью челомъ.

Весь вашъ Папахенъ *Мимоза*.

NB. Если будете отвѣчать, пишите крупнѣе и разборчивѣе.

(*) Романсовъ Денъ не жалуетъ и имѣетъ на то основанія, зѣло справедливыя! *Прим. М. И. Глинки.*

1812.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(*Изъ Записокъ адмирала Чичагова*).

Хотя исторія войны 1812 года весьма богата матеріалами, какъ отечественными, такъ и иностранными, тѣмъ не менѣе всѣ показанія очевидцевъ и участниковъ этого событія должны имѣть большую цѣну. Къ сожалѣнію, Записки, оставленныя (какъ извѣстно, на французскомъ языкѣ) адмираломъ Чичаговымъ, до сихъ поръ никѣмъ не были изданы вполнѣ, и только въ 1855 году появились въ Берлинѣ, неизвѣстно кѣмъ изданные, отрывки изъ нихъ. Желая ознакомить русскую публику съ этимъ историческимъ матеріаломъ, я представляю въ переводѣ самый полный и наиболѣе интересный изъ этихъ отрывковъ, а именно: разсказъ о переправѣ Наполеона черезъ Березину, цѣликомъ взятый изъ Записокъ адмирала.

П. Ильинъ.

Я пріѣхалъ въ Борисовъ на другой день послѣ взятія мостоваго укрѣпленія, 10 (22) Ноября. Тяжело раненный въ этомъ дѣлѣ, генералъ Ламбертъ не въ состояніи былъ командовать авангардомъ. Ланжеронъ, которому предписано было, съ резервною дивизіею, поддерживать въ случаѣ надобности атаку Ламберта, явился тогда, когда бой совершенно былъ уже оконченъ. Найдя гораздо покойнѣе ночевать въ городѣ и не дожидаясь моихъ приказаній, онъ вступилъ въ Борисовъ, съ частью своихъ войскъ и огромнымъ обозомъ. Я сейчасъ же велѣлъ выѣхать обозу; но приказаніе мое исполнялось медленно, потому что многіе находили удобнымъ имѣть съ собою свои экипажи; такъ что на другой день я вынужденъ былъ подтвердить этотъ приказъ.

Ланжеронъ не позаботился изучить мѣстность и занять отрядами всѣ пути, ведущіе къ Борисову. Чтобы оградить себя отъ внезапнаго нападенія, я сейчасъ же отправилъ по всѣмъ дорогамъ отряды козаковъ и легкой кавалеріи и велѣлъ имъ сдѣлать рекогносцировку сколько возможно дальше, чтобы имѣть вѣрнѣе свѣдѣнія о расположеніи непріятеля.

Данныя мнѣ инструкціи предписывали устроить въ Борисовѣ укрѣпленный лагерь, а также укрѣпить дефилеи со стороны Бобра, дабы на каждомъ шагу останавливать непріятеля при его отступленіи. Я осмотрѣлъ окрестности Борисова. Устроенный передъ фронтомъ моимъ лагерь, съ той стороны откуда долженъ былъ идти Наполеонъ, былъ неудобенъ тѣмъ, что имѣлъ бы за собою Березину; но за то я былъ бы совершенно огражденъ отъ нападенія Шварценберга, который, какъ я полагалъ, преслѣдовалъ меня. Мостовое укрѣпленіе послужило бы большимъ препятстіемъ къ нападенію этого генерала. Но мѣстность неблагопріятствовала этому: на многихъ пунктахъ надъ нею господствовали высоты. Кромѣ того оставалось мало времени для работы, земля была мерзлая, и въ моей арміи былъ только одинъ инженерный офицеръ, способный распоряжаться работами, но и тотъ получилъ рану при атакѣ на Борисовъ. Я никакъ не могъ выпросить себѣ другихъ инженеровъ и только твердостью моего характера, я могъ удержать у себя означеннаго офицера, котораго военный министръ хотѣлъ у меня взять, когда я еще былъ въ Молдавіи. Такимъ образомъ я вынужденъ былъ отказаться отъ устройства укрѣпленнаго лагеря.

Я послалъ впередъ дивизію моего авангарда, чтобы вѣрнѣе узнать

мѣстность и развѣдать, гдѣ расположенъ непріятель и далеко ли отъ меня находился графъ Витгенштейнъ, прибытіе котораго утроило бы мои силы и дозволило бы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Наполеона. Такъ какъ Ламбертъ былъ раненъ, то я хотѣлъ поручить командованіе этою дивизіею генералу Орурку, котораго я зналъ за отличнаго офицера въ Молдавской арміи. Но начальникъ моего штаба и самъ Орурк напомнили мнѣ, что командованье это по старшинству принадлежитъ генералу Павлу Палену. Я ничего не имѣлъ противъ этого, кромѣ того что не зналъ его, а на такое важное порученіе нуженъ былъ человѣкъ испытанный. Но они оба увѣрили меня, что Паленъ заслуживаетъ моего довѣрія и вполнѣ оправдаетъ ихъ рекомендацію. Чтобы не нарушать правъ старшинства, я съ сожалѣніемъ согласился на великодушное заявленіе Орурка. Но и теперь еще думаю, что Орурк исполнилъ бы мое порученіе лучше Палена.

Я отдалъ приказъ Палену идти впередъ, по дорогѣ къ Бобру, занять всѣ дефилеи, всѣми возможными средствами препятствовать отступленію непріятеля и стараться, въ тоже время, войдти въ связь съ гр. Витгенштейномъ. Но едва успѣлъ Паленъ отойдти на три мили отъ Борисова, какъ наткнулся на первую колонну французской арміи, подъ начальствомъ маршала Удино, который имѣлъ повелѣніе прикрывать отступленіе большой арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывать движеніе ея отъ гр. Витгенштейна. Увидѣвъ такія превосходныя силы, авангардъ нашъ слишкомъ поспѣшно отступилъ къ Борисову. Какъ только меня извѣстили объ этомъ, я тотъ часъ же велѣлъ выдвинуть нѣсколько орудій на высоты, чтобы остановить непріятеля, и тѣмъ помочь авангарду отступать въ порядкѣ, и дать время выѣхать обозу, наполнявшему еще городъ.

Не смотря на это, сопротивленіе было невозможно; авангардъ прошелъ черезъ Борисовъ, потерявъ 600 человѣкъ и большую часть обоза. Одинъ изъ моихъ фургоновъ, съ посудою и провизіею, достался непріятелю.

По полученнымъ мною донесеніямъ, мы не потеряли ни одного орудія. Полагаю однако, что нѣсколько зарядныхъ ящиковъ остались въ рукахъ непріятеля, хотя въ оффиціальныхъ донесеніяхъ нигдѣ объ этой потерѣ не упоминается.

Отряды кавалеріи, стоявшіе по дорогамъ, были такимъ образомъ отрѣзаны отъ Борисова и попались бы въ плѣнъ, еслибы не нашли средство переплыть рѣку. Черезъ нѣсколько часовъ они присоединились къ арміи.

Эта неудача моего авангарда, первая, которую потерпѣла армія, до сихъ поръ побѣдоносная, была представлена въ С.-Петербургѣ, какъ совершенное пораженіе. Разсказывали, что я потерялъ 4000 убитыми и ранеными; экипажи мои, канцелярія, секретныя бумаги, все это досталось будто бы въ руки непріятеля. Французскіе бюлетени показали мою потерю до 2000 человѣкъ; русскія донесенія, еще болѣе несправедливыя, вовсе не показывали ея.

Такимъ образомъ, Борисовъ былъ во власти непріятеля; но мы удержали за собою мостовое укрѣпленіе. При вступленіи моемъ въ Борисовъ, я принялъ надлежащія мѣры, чтобы въ случаѣ необходимости взорвать мостъ. Я сейчасъ же велѣлъ уничтожить часть его.

Мы взяли нѣсколько плѣнныхъ, которые единогласно объявили намъ, что Наполеонъ идетъ со всею арміею вслѣдъ за Удино. Они показывали числительность ея до 100,000 человѣкъ. Эту цыфру я почиталъ преувеличенною, хотя ее подтверждали всѣ плѣнные и бѣглые люди всякаго

званія и рода. До сего времени еще историки въ этомъ не сходятся. Генералъ Вильгельмъ Водонкуръ говоритъ, что французская армія имѣла тогда до 80,000 и довольно значительную артиллерію. Онъ думаетъ, что войска эти, окончательно разстроенныя только послѣ переправы черезъ Березину, дрались бы съ ожесточеніемъ, и въ случаѣ надобности могли бы вести атаку на два пункта одновременно. Гурго утверждаетъ, что оставалось болѣе 45,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, и болѣе 250 орудій, съ полнымъ количествомъ боевыхъ снарядовъ.

Если вѣрить маркизу Шамбре, извѣстному своею точностью, у Наполеона было не болѣе 37,700 подъ ружьемъ, въ томъ числѣ 4,000 кавалеріи и столько же почти отсталыхъ и раненыхъ. Баронъ Фенъ, секретарь Наполеона, опредѣляетъ число войскъ въ 40,750 человѣкъ подъ ружьемъ, изъ коихъ 26,900 участвовали въ сраженіи при переправѣ черезъ Березину: 16,900 на правомъ берегу, гдѣ я находился, и 10,000 противъ гр. Витгенштейна на лѣвомъ берегу. Толпы безоружныхъ онъ считаетъ въ 45,000 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ французская армія была довольно сильна, чтобы отбросить мои 20,000, изъ коихъ часть не могла быть употреблена въ дѣло. Къ тому же у непріятеля большое количество людей, и безъ оружія, могли замѣнять по мѣрѣ надобности убитыхъ и раненныхъ.

Я оставилъ берега Дуная съ 35,000 человѣкъ. Присоединивъ къ себѣ армію Тормасова (въ которой по письму военнаго министра Барклая-де-Толли считалось 80,000), я нашелъ въ ней только 23,000 человѣкъ. Слѣдуя на Минскъ и Борисовъ, я вынужденъ былъ раздѣлить войска на двѣ части, оставивъ часть изъ нихъ Сакену, стоявшему противъ Шварценберга и часть Эссену, стоявшему у Пружанъ, между Шварценбергомъ, Сакеномъ и мною; затѣмъ у меня осталось 25,000 человѣкъ. На маршѣ отъ береговъ Буга до Березины, болѣзни, битвы по дорогѣ къ Минску, взятіе приступомъ Борисова и неудача Палена сократили мою армію до 20,000 человѣкъ. Въ этомъ числѣ было 9,000 кавалеріи, которая не могла мнѣ быть полезна въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березины.

Съ этимъ-то слабымъ войскомъ, я долженъ былъ бороться противъ Наполеона, который могъ располагать силами втрое больше моихъ. На пространствѣ 20 фр. миль (50 верстъ), между Веселовымъ и Березинымъ, мнѣ нужно было удерживать берега Березины, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходили дороги къ значительнымъ магазинамъ Минскимъ и Виленскимъ. Я зналъ, что на рѣкѣ, во многихъ мѣстахъ, были броды; ширина ея извѣстна, потому что мостъ, по которому Французы переправлялись, былъ въ 54 сажени.

Спереди я ожидалъ Наполеона, съ тыла опасался нападенія Шварценберга. Жители до того были къ намъ враждебны, что бросались грабить мои экипажи, которые я поставилъ сзади въ лѣсу, для защиты отъ выстрѣловъ. Вслѣдствіе сего я вынужденъ былъ послать часть моего конвоя, чтобы разогнать грабителей.

Впрочемъ Императоръ Александръ обнадежилъ меня содѣйствіемъ гр. Витгенштейна и обѣщалъ присоединить къ моей арміи въ мое распоряженіе 35,000 Штейнгеля и 15,000 Эртеля. Съ этими-то соединенными силами мы должны были ожидать Наполеона на правомъ берегу. Въ это же самое время Кутузовъ долженъ былъ атаковать его на лѣвомъ берегу. Еслибы планъ этотъ удался, Наполеонъ очутился бы между Кутузовымъ и нами, стѣсненный въ болотахъ и лѣсахъ береговъ Березины. Но Наполеонъ приближался, а о Кутузовѣ и о генералахъ Витгенштейнѣ, Штейн-

гелѣ и Эртелѣ не было и слуху. Ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ предполагаемаго плана. Кутузовъ оставался назади; Витгенштейнъ же и Штейнгель двинулись по лѣвому берегу, вмѣсто того чтобы, перейдя на правый и соединившись со мною, защищать переправу. Что̀ касается до Эртеля, то онъ остался въ Мозырѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что падежъ скота помѣшалъ ему идти далѣе. Оставшись одинъ противъ Наполеона, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Главныя силы мои, я поставилъ въ центрѣ, у мостоваго укрѣпленія въ Борисовѣ. На лѣвомъ флангѣ, къ сѣверу, въ окрестностяхъ Веселова, около 5 миль отъ Борисова находилась дивизія Чаплица, выходящая на дорогу въ Зембинъ. На правомъ флангѣ, въ низъ по теченію Березины на протяженіи 12 миль отъ Борисова, генералъ Орурkъ, съ нѣсколькими отрядами кавалеріи, содержалъ кордонъ, наблюдая берегъ рѣки до города Березина. Хотя Орурkъ долженъ былъ охранять пространство вдвое болѣе того, которое защищалъ Чаплицъ, все таки я далъ ему отрядъ слабѣе, потому что нельзя было предполагать, чтобы непріятель выбралъ себѣ это мѣсто для переправы: путь этотъ не представлялъ ему никакой выгоды и подвергалъ его опасности встрѣтить на лѣвомъ флангѣ своемъ всю нашу армію, которая, по увѣренію Кутузова, такъ близко преслѣдовала его.

Въ тотъ же день 11 (23) Ноября, полковникъ Кнорингъ, котораго я оставилъ губернаторомъ въ Минскѣ, увѣдомилъ меня, что войска Шварценберга слѣдуютъ за мною. 4,000 человѣкъ, прибывшіе въ Сморгоны (на большой Виленской дорогѣ, къ сѣверу, въ 28 миляхъ отъ Борисова) занялись устройствомъ магазиновъ, завладѣвъ всѣмъ, что̀ только было можно достать подъ рукою. По разсказамъ жителей, другой отрядъ въ 2,000 человѣкъ прибылъ уже 10 (22) Ноября въ Свислочь, мѣстечко на нижней Березинѣ, въ 22 миляхъ отъ Борисова, къ югу, на дорогѣ отъ Игумна къ Бобруйску.

Еще прежде Кнорингъ доносилъ мнѣ, что отрядъ Саксонцевъ Шварценберга вступилъ въ Несвижъ, потомъ въ Новый Сверженъ, въ 16 миляхъ отъ Минска (*), гдѣ стоялъ Кнорингъ и въ 22 миляхъ отъ Борисова (**), гдѣ находился я, съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ, непріятельскіе отряды, окружающіе меня, сзади и съ праваго фланга, занимали пути, по которымъ я имѣлъ бы возможность ретироваться. Тѣ, которые стояли въ Сморгонахъ и Новомъ Сверженѣ, могли въ три перехода придти въ Борисовъ, а тѣ, которые были въ Свислочѣ,—въ два.

Въ тоже время извѣстія, получаемыя мною отъ Кутузова и Витгенштейна, согласовались съ тѣми, которыя я получалъ отъ Кноринга. Отъ Кутузова я получилъ повелѣніе принять мѣры осторожности, на случай, если Наполеонъ пойдетъ внизъ по Березинѣ къ сторонѣ Бобруйска, чтобъ тамъ переправясь, обратиться на Игуменъ и Минскъ и тѣмъ открыть себѣ сообщеніе съ огромными магазинами, находящимися въ этомъ городѣ.

Гр. Витгенштейнъ писалъ ко мнѣ изъ мѣст. *Черепья* отъ 11 (23) Ноября: „Я немогу положительно увѣрить Ваше Высокопрев. о намѣреніяхъ большой непріятельской арміи. Хотя и говорятъ, что она идетъ къ Борисову, но все меня заставляетъ думать, что она взяла направленіе на Бобруйскъ, потому что въ первомъ случаѣ маршалъ Викторъ старался бы держаться у Черепья, чтобы прикрыть движеніе большой арміи.“

Сходство извѣстій Кутузова, Витгенштейна и Кноринга давало поводъ

(*) По почтовому тракту 78 верстъ.
(**) По почтовому тракту 152 версты.

предполагать, что появленіе Австрійцевъ у Свислоча было движеніемъ заранѣе условленнымъ у Наполеона съ Шварценбергомъ, и что этотъ генералъ явится на этомъ пунктѣ съ тѣмъ, чтобы, соединившись съ Наполеономъ, помогать ему въ переправѣ.

Всѣ генералы мои были поражены неудобствомъ моей позиціи. Многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить се и двинуться на лѣво, къ Лепелю, гдѣ предполагали найдти армію гр. Витгенштейна. Не смотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ всякаго предложенія, не согласнаго съ важною цѣлью, которая состояла въ томъ, чтобы удерживать мостовое укрѣпленіе у Борисова. Я велѣлъ исправить нѣкоторыя поврежденія, сдѣланныя въ брешахъ во время атаки. Продоживъ оборону, я надѣялся дать Кутузову средство придти къ Березинѣ въ одно время съ Наполеономъ, за которымъ, онъ (какъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ ли я тогда вообразить себѣ, что онъ останется на Днѣпрѣ въ 25 миляхъ назади, (*) въ то время, когда Наполеонъ подойдетъ къ Березинѣ!

Въ ожиданіи прибытія нашихъ войскъ, я весь день 11-го числа занимался наблюденіемъ непріятеля, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Бивачные огни у него горѣли на большемъ пространствѣ, и сквозь облако дыма, покрывавшаго горизонтъ, я могъ замѣтить движеніе войскъ, которыя этимъ средствомъ и пожарами, произведенными на разныхъ пунктахъ, можетъ быть хотѣли скрыть отъ меня настоящую свою численность и намѣренія. Я спокойно смотрѣлъ на эти движенія и ожидалъ болѣе опредѣлительныхъ.

Рѣшившись поставить посты по берегу рѣки въ надлежащихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго и держать главныя силы въ центрѣ, у Борисова и Веселова, я готовъ былъ идти, смотря по надобности, на угрожаемые пункты. Огромное зарево надъ непріятельскими биваками, видѣнное нами ночью, достаточно убѣждало насъ, что тамъ было много войскъ. Они были замѣтны въ трехъ или четырехъ разныхъ мѣстахъ.

Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ захочетъ переправляться черезъ Березину у города Березина, потому что путь этотъ былъ дальнѣйшій и подвергалъ его опасности столкнуться съ нашею большою арміею, которая должна была слѣдовать на его флангѣ; но совсѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не обращать вниманія на предписаніе главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что его предположенія подтверждались извѣстіями, доставленными Витгенштейномъ и Кнорингомъ. Кромѣ того Наполеонъ могъ желать взять направленіе немного къ югу, для того чтобы въ неистощенныхъ еще уѣздахъ прокормить голодныхъ солдатъ своихъ, которые шли отъ самой Москвы по дорогѣ, опустошенной войсками. Вслѣдствіе сего я подумалъ, что Наполеону весьма удобно оставить два небольшіе корпуса, одинъ противъ Витгенштейна, чтобы прикрыть свое движеніе, а другой чтобы удержать меня у Борисова: тогда бы онъ пошелъ на Бобруйскъ, и князь Шварценбергъ могъ бы поспѣть во время, чтобы защищать переправу его и прикрывать отступленіе. Отсутствіе Кутузова, казалось, оправдывало эти догадки. Реляціи его извѣщали, что онъ почти уничтожилъ непріятельскую армію, а прежнія бумаги, увѣдомляли, что онъ слѣдовалъ за нею по пятамъ. А между тѣмъ Французы четыре дни уже стояли передо мною, а Кутузовъ не показывался. Я не могъ иначе истолковать его отсутствія, какъ предположеніемъ, что Наполеонъ измѣнилъ маршрутъ свой и что Кутузовъ пре-

(*) 175 верстъ.

слѣдуетъ его по другому направленію.

Нужно было принять мѣры среди этой неизвѣстности. Прежде всего я долженъ былъ повиноваться. Я не хотѣлъ однако оставить вовсе первый мой планъ: наблюдать берегъ Березины, на тѣхъ пунктахъ, по которымъ пролегаютъ два важные пути въ Минскъ и Вильну, черезъ Зембинъ. Чтобы все это согласовать, я приказалъ Ланжерону наблюдать, въ центрѣ, Борисовское мостовое укрѣпленіе, а Чаплицу—защищать съ сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею Войнова, взялъ бы направленіе къ югу, на мѣстечко Шебашевичи, находящееся на Березинѣ, въ 6 слишкомъ миляхъ ниже Борисова.

Ланжеронъ, находясь у Борисова, долженъ былъ съ этого центральнаго пункта наблюдать за движеніями непріятеля на Березинѣ, выше и ниже Борисова, и оказывать сильное сопротивленіе, если Французы вздумали бы переправиться въ Веселовѣ, или въ другомъ мѣстѣ. Въ случаѣ нападенія на Чаплица, онъ долженъ былъ всѣми средствами помогать ему. Но если бы непріятель не предпринималъ ничего важнаго, а сталъ бы дѣлать только фальшивыя движенія, чтобы обмануть насъ, если бы онъ оставилъ противуположный берегъ и двинулся на то мѣсто, куда пошелъ я,—тогда Ланжеронъ долженъ былъ отозвать къ себѣ Чаплица и соединиться со мною.

По отправленіи означенныхъ предписаній, я выступилъ къ Шебашевичамъ, стараясь скрыть мое движеніе отъ непріятеля, который, узнавъ объ немъ, могъ бы удобно атаковать отряды, ослабленные моимъ удаленіемъ. Впродолженіи шести часовъ, идя въ низъ по Березинѣ, раздѣляющей меня отъ непріятеля, я старался скрыть отъ него мои войска, пользуясь гористою и лѣсистою мѣстностью. Дороги были не мощеныя, покрытыя снѣгомъ, и кромѣ того по дальнѣйшему разстоянію, стукъ отъ прохода моей артиллеріи не могъ быть слышенъ непріятелямъ. Вечеромъ 12-го числа мы прибыли въ Шебашевичи.

Тамъ, явился ко мнѣ офицеръ, который, до выхода моего изъ Борисова, былъ посланъ Чаплицемъ на другую сторону Березины, чтобы высмотрѣть расположеніе непріятеля и узнать о Витгенштейнѣ. Переѣхавъ Березину въ бродъ у Стахова, онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ партизановъ нашихъ, которые передали ему, для доставленія ко мнѣ, письмо Витгенштейна. Витгенштейнъ увѣдомлялъ меня о намѣреніи своемъ слѣдовать по пятамъ за Французами, которые находились противъ него, если они будутъ отступать, и соединиться съ арміею Кутузова. Съ большимъ сожалѣніемъ увидѣлъ я, что, вопреки планамъ нашимъ, Витгенштейнъ, вмѣсто того, чтобы съ своими 45,000 войсками присоединиться ко мнѣ и совокупно удерживать переправу, намѣренъ былъ слѣдовать за Французами, а меня оставлялъ одного противъ Наполеона, съ весьма незначительными силами. Я немедленно отправилъ того же курьера къ Витгенштейну, чтобы предложить ему соединиться со мною, по прежде принятому плану. Другаго курьера я не отправлялъ, потому что офицеръ, который привезъ письмо отъ Витгенштейна, не смотря на свою усталость, просилъ меня дать ему и это порученіе. Такъ какъ первое онъ исполнилъ разумно и смѣло, то я согласился, и онъ отправился обратно въ 10 часовъ вечера. Но вмѣсто того, чтобы ѣхать какъ можно скорѣе, согласно своему вызову, онъ, проѣхавъ нѣсколько верстъ, остановился ночевать и пріѣхалъ въ Борисовъ только въ 10 часовъ утра, гораздо позже тѣхъ курьеровъ, которые были отправлены послѣ него. Такимъ образомъ, этотъ молодой человѣкъ, не понимая важности даннаго ему порученія, не

оправдалъ моего довѣрія. Письмо мое не дошло до Витгенштейна, который остался при своемъ несчастномъ намѣреніи.

На другой день, 13 (25) числа, казакъ привезъ мнѣ извѣстіе, что непріятель готовится строить мостъ у Ухолода, въ полуторѣ мили ниже Борисова, между Ланжерономъ и мною. Я тотчасъ же отправилъ генералъ-маіора Рудзевича съ двумя полками пѣхоты и шестью орудіями, чтобы подкрѣпить отрядъ, который находился на томъ пунктѣ. Только что онъ выступилъ, какъ другой казакъ явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что непріятель оставилъ постройку моста. Не смотря на это, Рудзевичъ продолжалъ идти къ назначенному пункту, черезъ который можно было удобно переправиться и въ бродъ.

14 (26) числа, рано утромъ, Ланжеронъ далъ мнѣ знать, что непріятель намѣревается переправиться противъ деревни Бриловой или Стакла, и что Чаплицъ съ своею дивизіею защищаетъ эту переправу, которая была на сѣверѣ занимаемой нами линіи; самъ я лично находился на другомъ концѣ оной по направленію къ югу. Хотя мы не могли убѣдиться, дѣйствительно ли непріятель рѣшился на это предпріятіе, или оно будетъ имъ оставлено, также какъ и прежнее, все таки я приказалъ Чаплицу защищать этотъ пунктъ до послѣдней крайности, предупредивъ его, что ему въ скоромъ времени будетъ послано подкрѣпленіе, если непріятель будетъ упорствовать въ нападеніи. Въ тоже время я велѣлъ Ланжерону, ближе всѣхъ стоявшему къ Чаплицу, чтобы онъ отправилъ къ нему всѣ войска, которыми онъ могъ располагать, не оставляя однако безъ защиты мостовое укрѣпленіе Борисова. Рудзевичъ долженъ былъ идти къ Борисову, чтобы замѣнить своими войсками тѣ, которыя будутъ посланы на подкрѣпленіе Чаплица.

Между тѣмъ курьеръ отъ Чаплица, привезъ мнѣ извѣстіе, что непріятель упорствуетъ въ своемъ намѣреніи. Судя по этому, я полагалъ, что Французы дѣйствительно покушались переправиться на сѣверъ, и потому, оставивъ линію, которую занималъ на югѣ, я тотчасъ же двинулся на Борисовъ. Я прибылъ туда къ 10 часамъ вечера, съ дивизіею Войнова и со всѣмъ штабомъ моимъ. На походѣ мы слышали во все время пушечную пальбу, со стороны переправы.

Теперь я долженъ подробно разсказать о дѣйствіяхъ Чаплица, со времени выхода моего изъ Борисова, 12 числа утромъ, до возвращенія моего туда 14-го вечеромъ. Донесеніе этого генерала служитъ основаніемъ моего разсказа.

Чаплицъ стоялъ у Брилова, въ 400 или 500 саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ потомъ Французы устроили свой мостъ. Онъ велѣлъ двумъ отрядамъ занять Зембинъ, который былъ отъ него въ 6 или 7 миляхъ, на дорогѣ въ Вильну, и Веселово было въ лѣво отъ него, въ 5 миляхъ, на нижней Березинѣ. Чтобы вѣрнѣе убѣдиться въ движеніяхъ непріятеля, онъ скрылся въ кустахъ, на берегу рѣки, и самъ видѣлъ, какъ офицеры осматривали удобныя мѣста для переправы. Офицеры эти старались скрыть свои дѣйствія, показывая видъ, что пріѣхали напоить лошадей своихъ; но Чаплицъ замѣтилъ, что лошади были однѣ и тѣ же, и возвращались только съ другими сѣдоками, которые въ свою очередь также дѣлали осмотръ.

Среди этихъ безпокойствъ, внушаемыхъ несомнѣнными признаками переправы, Ланжеронъ совершенно не кстати прислалъ Чаплицу приказаніе оставить всѣ три поста: у Зембина, у Веселова и у Брилова, соединиться съ нимъ у Борисова и вмѣстѣ идти ко мнѣ. Чаплицъ, основываясь на моемъ предписаніи, отказался исполнить это неумѣстное распоря-

женіе. Второе приказаніе, при которомъ Ланжеронъ угрожалъ ему отвѣтственностью за ослушаніе, осталось также безъ исполненія. Оба они прислали ко мнѣ курьеровъ въ Шебашевичи; но Ланжеронъ, извѣщая меня о дѣйствіяхъ Французовъ, ни однимъ словомъ не упомянулъ о тѣхъ двухъ несообразныхъ предписаніяхъ, которыми онъ отзывалъ къ себѣ Чаплица.

13 (25) числа около вечера, Чаплицъ увидѣлъ передъ собою значительную непріятельскую силу, которая безпрестанно увеличивалась вновь прибывающими войсками. Такъ какъ берегъ на его сторонѣ былъ ниже и не позволялъ ему достаточно наблюдать противуположную сторону, то онъ велѣлъ, при наступленіи ночи, переправиться вплавь 300 казакамъ, подъ командою полковника и поручилъ имъ захватить нѣсколько плѣнныхъ, а за неимѣніемъ таковыхъ взять помѣщика или управителя деревни, которая находилась на томъ берегу. Въ часъ по полуночи, отрядъ этотъ привезъ плѣнныхъ Французовъ и управителя. Отъ первыхъ онъ узналъ, что Французская армія находилась между Старымъ и Новымъ Борисовымъ и что она приготовлялась къ общему движенію на слѣдующій день. Управитель прибавилъ, что Французы велѣли строить два моста, и сколько ему извѣстна мѣстность, эти мосты вѣроятно будутъ устроены у Веселова, или у Брилова.

Въ это время наступили такіе морозы, что по рѣкѣ пошелъ ледъ, и болота, окружающія дорогу, около берега такъ крѣпко замерзли, что непріятельскія колоны могли послѣ переправы идти развернутымъ фронтомъ и производить пальбу на пространствѣ 300 или 400 саженъ. Это обстоятельство совершенно измѣнило ходъ дѣла. Не будь такого сильнаго мороза, Французская армія, переправившись черезъ Березину, не могла бы двинуться по такимъ обширнымъ и непроходимымъ болотамъ, гдѣ увязли бы и орудія и лошади и люди. Болота эти оканчивались только за 500 саженъ отъ переправы у деревни Брилова и лѣсовъ, гдѣ мѣстность была нѣсколько возвышеннѣе. Это пространство можно было только пройдти по узкой дорогѣ, пролегающей черезъ лужи и болота. Еслибы не морозъ, Французы вынуждены были бы наступать на Чаплица по означенной дорогѣ, удаляясь отъ прикрытія своихъ батарей, на противуположномъ берегу. Не имѣя возможности идти развернутымъ фронтомъ, пальбою они не могли бы нанести большаго вреда Чаплицу, между тѣмъ какъ онъ, при выходѣ ихъ изъ этой дефилеи, могъ бы сосредоточить на голову ихъ колонны выстрѣлы своихъ батарей и заранѣе выстроенной фронтомъ пѣхоты. Легко могло быть, что огонь этотъ помѣшалъ бы Французамъ выдти на открытое мѣсто. Но морозъ, затянувши болота, устранилъ это препятствіе. Онъ былъ гибеленъ для нихъ при отступленіи изъ Москвы, но на этотъ разъ оказалъ имъ помощь; ибо, при оттепели, путь этотъ былъ бы непроходимъ.

Чаплицъ, понимая, что положеніе его становилось опасно, поспѣшилъ возвратить къ себѣ отрядъ изъ Зембина. Отрядъ этотъ не сжегъ длинныхъ мостовъ, на другихъ болотахъ, въ полуторѣ милѣ отъ Березины, по дорогѣ въ Вильну, черезъ Зембинъ; въ инструкціи моей Чаплицу я однако предлагалъ ихъ уничтожить. Впрочемъ, оплошность эта не имѣла такихъ дурныхъ послѣдствій, какія хотѣли видѣть въ ней недоброжелатели. Конечно, если бы не было мороза, уничтоженіе этихъ мостовъ могло бы послужить новымъ препятствіемъ, которое дало бы возможность остановить Французовъ въ болотахъ; но такъ какъ эти болота замерзли, то легко можно было пройдти по нимъ и безъ

мостовъ, какъ я это и сдѣлалъ, при преслѣдованіи, не останавливаясь ни на одну минуту, не смотря на то, что Французы уничтожили всѣ мосты.

Какъ только прибылъ отрядъ изъ Зембина, Чаплицъ выстроилъ его подъ деревнею Бриловымъ, поставивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ орудія, чтобы препятствовать построенію моста. 14-го числа въ 7 часовъ утра, передъ разсвѣтомъ, непріятель переправилъ на правый берегъ застрѣльщиковъ, которые открыли пальбу по войскамъ Чаплица. Чаплицъ опрокинулъ ихъ и успѣлъ картечью отогнать тѣхъ, которые строили мостъ. Но вскорѣ послѣ того, Французы поставили 50 орудій большаго калибра на противуположномъ берегу, который господствовалъ надъ позиціею Чаплица. Пальба этой огромной батареи угрожала подбить всѣ наши пушки, и Чаплицъ вынужденъ былъ оставить свою позицію. Находя себя слишкомъ слабымъ, чтобы противиться какъ постройкѣ моста такъ и переправѣ, онъ не хотѣлъ жертвовать своими солдатами, по невозможности удержаться, и отступилъ въ лѣса. Впрочемъ, когда проходилъ корпусъ маршала Удино, Чаплицъ упорно защищалъ мостъ, и вечеромъ успѣлъ остановить непріятеля передъ деревнею Стаховымъ, въ двухъ миляхъ отъ переправы и въ такомъ же разстояніи отъ Борисова. Однимъ словомъ, не смотря на слабость силъ своихъ, онъ взялъ 380 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 офицеровъ и одного капитана гвардіи. Отъ нихъ узнали мы, что армія Наполеона выступила по тому же направленію отъ Студянки къ Брилову.

Чаплицъ былъ генералъ разумный, храбрый и дѣятельный. Послѣ Ламберта, который по несчастію былъ тяжко раненъ, изъ всѣхъ моихъ генераловъ я болѣе всѣхъ довѣрялъ ему. Многіе военные изъ Французовъ находили однако, что сопротивленіе, которое они встрѣтили, по переходѣ черезъ Березину, было не такъ упорно, какъ они ожидали. Мои приказанія предписывали Чаплицу держаться до послѣдней крайности, и можетъ быть, подъ прикрытіемъ домовъ въ Бриловѣ и при заранѣе устроенной оборонѣ, онъ имѣлъ бы возможность на нѣкоторое время удержать свою позицію. Елибы не предписанія Кутузова, заставившія меня отойдти на 8 миль отъ настоящаго мѣста переправы, дѣло это могло бы кончиться иначе. Но Чаплицъ, оставленный съ 4000 человѣкъ, получая приказанія отъ Ланжерона соединиться съ нимъ и даже угрозы, если онъ останется на своей позиціи, — легко могъ поколебаться. Онъ съ часу на часъ ожидалъ быть отрѣзаннымъ, такъ какъ, въ двухъ миляхъ отъ Борисова и Брилова, бродъ въ Стаховѣ могъ служить для перехода достаточныхъ силъ непріятеля, которыя могли бы помѣшать ему приблизиться къ намъ или получить отъ насъ подкрѣпленіе.

Къ тому же, считая меня слишкомъ слабымъ, чтобы остановить Наполеона, даже со всѣми моими соединенными силами, онъ счелъ за нужное сберечь войска свои, чтобы защищать дорогу въ Минскъ вмѣстѣ съ остальною моей арміей. Овладѣвъ этой дорогой, Наполеонъ имѣлъ бы возможность соединиться съ Шварценбергомъ и воспользоваться съѣстными припасами изъ огромныхъ Виленскихъ магазиновъ. Онъ легко могъ бы поставить насъ въ такое положеніе, въ которомъ намъ ничего бы не оставалось болѣе дѣлать какъ окончить кампанію. Это соображеніе до того безпокоило Чаплица, что онъ впослѣдствіи нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что, не смотря на мое предписаніе, онъ нарочно не уничтожилъ моста на Зембинскихъ болотахъ. Онъ разсудилъ, что Наполеонъ, не имѣя въ такомъ случаѣ другой дороги къ

отступленію какъ на Зембинъ, всѣмъ бы пожертвовалъ, чтобы занять этотъ путь, и уничтожилъ бы насъ своими превосходными силами.

Это мнѣніе было не одного Чаплица. Наполеонъ былъ тѣхъ же мыслей. Мнѣ объ этомъ разсказывали послѣ многіе генералы, которые его въ то время окружали. Изъ нихъ я назову герцога Виченскаго, графа Лобау и генерала Мезона. Когда Наполеонъ вмѣсто того чтобы встрѣтить вмѣстѣ со мною графа Витгенштейна, узналъ, что, напротивъ того, онъ слѣдуетъ позади его, онъ тотчасъ же сказалъ: „На той сторонѣ Березины адмиралъ „одинъ, мы возьмемъ переправу силою.“ Послѣ же взятія переправы, онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Я бы очень „желалъ уничтожить этотъ корпусъ.“ Но ему нужно было торопиться: съ часу на часъ ожидали прибытія Кутузова и Витгенштейна. Онъ согласился на убѣжденія своихъ генераловъ, которые въ этомъ предпріятіи видѣли только трату людей и времени.

Въ тотъ самый день когда Французы силились овладѣть переправою черезъ Березину, Кутузовъ наконецъ рѣшился перейдти Днѣпръ у Копыса, въ 25 миляхъ отъ переправы.

Наступило 15 (27) Ноября. Семь дней какъ мы стояли на Березинѣ; въ продолженіи пяти дней сражались мы съ авангардомъ, потомъ съ разными корпусами большой Французской арміи. Ни Витгенштейнъ, ни Кутузовъ не являлись. Они оставляли меня одного съ ничтожными силами противъ Наполеона, его маршаловъ и арміи втрое меня сильнѣйшей, тогда какъ сзади меня были Шварценбергъ и возставшее Польское населеніе. Условленное наше соединеніе, съ тѣмъ чтобы нанести рѣшительный ударъ непріятелю, очевидно не удалось. Пока Наполеонъ оканчивалъ постройку мостовъ и продолжалъ переправлять войска свои, мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ скорѣе собирать всѣ отряды, которые я разставилъ вдоль берега Березины и переформировать корпуса, потерпѣвшіе въ битвѣ 14 числа. Я хотѣлъ соединить всѣ мои войска для того, чтобы атаковать Наполеона при его отступленіи и сдѣлать ему какъ можно болѣе вреда, или же защищать до послѣдней крайности дорогу въ Минскъ.

Съ этою цѣлью и были сдѣланы всѣ мои распоряженія. 15 Ноября, на другой день по прибытіи моемъ въ Борисовъ, я отправился къ Чаплицу и осмотрѣлъ его позицію. Передъ фронтомъ его тянулись высокіе еловые лѣса; среди этихъ лѣсовъ видны были прогалины, по которымъ пролегала, по направленію къ непріятелю, дорога, окопанная канавою. Ширина этой дороги была достаточна, чтобы въ случаѣ надобности поставить на ней батарею изъ 8 или 10 орудій въ одинъ рядъ. Она мѣстами возвышалась и спускалась. Съ правой стороны проселочная дорога, опушкою лѣса, вела къ болотамъ; съ лѣвой—такая же дорога, минуя правый флангъ Французовъ, направлялась къ Ликову. Отъ деревни Стаховой, гдѣ стоялъ Чаплицъ, до Брилова и до переправы считалось около четырехъ верстъ. На такой мѣстности Французамъ легко было дѣйствовать, даже еслибы они имѣли гораздо менѣе войска противъ меня. Я не могъ здѣсь употребить въ дѣло свою многочисленную артиллерію, въ которой было 100 орудій. 9000 моей кавалеріи были почти безполезны. Съ остальными 10,000 пѣхоты не возможно было дѣйствовать совокупно, въ такомъ лѣсу, по которому нельзя было иначе пройдти, какъ разсыпнымъ строемъ. Это неудобство, и при равныхъ силахъ, ставило меня въ весьма невыгодное положеніе. Русская пѣхота въ строю, на мѣстѣ — непоколебима; но въ атакѣ разсыпнымъ строемъ, гдѣ каждый человѣкъ долженъ дѣйствовать самостоятельно и принаравливаться къ

мѣстности, она не имѣетъ такого соображенія и ловкости, какъ прочія Европейскія войска, особенно Французскія, да еще такіе отборные солдаты, которые стояли противъ меня.

Мнѣ оставалось одно изъ двухъ: стараться отбросить въ Березину тѣ войска, которыя уже перешли ее и для этаго сейчасъ же броситься на нихъ, пока число ихъ, безпрестанно увеличивавшееся вновь прибывающими войсками, не достигло до такой степени, когда борьба съ ними была бы затруднительна и даже опасна;— или предварительно собрать всѣ мои войска, разбросанныя вдоль Березины, съ слабою надеждою на прибытіе подкрѣпленій отъ Витгенштейна или отъ Кутузова, что̀ дозволило бы мнѣ дѣйствовать съ бо̀льшимъ успѣхомъ, не смотря на значительныя силы Французовъ, переправившихся чрезъ Березину.

Прошло уже 24 часа съ того времени, когда можно было удобно атаковать непріятеля. Мнѣ самому слѣдовало быть тамъ, чтобы подкрѣпить Чаплица и отбросить непріятельскія войска въ рѣку, когда они не успѣли еще переправиться въ большемъ количествѣ. Предписаніе Кутузова помѣшало мнѣ исполнить это. Съ того времени Французы, у которыхъ я полагалъ 70000 человѣкъ, должны были успѣть переправить количество войскъ гораздо болѣе того, которое я велъ изъ Шебашевичей. Пѣхота моя должна была пройдти 9 миль, тогда какъ Французамъ оставалось перейдти только мостъ, на пространствѣ 55-ти саженъ; войска мои не были въ совокупности, и требовался цѣлый день 15-го числа для сбора ихъ. Вслѣдствіе сего, мнѣ мало оставалось надежды на удачу, если бы я даже и тотчасъ атаковалъ Французовъ. Это былъ бы безразсудный поступокъ, который могъ бы повести къ уничтоженію моихъ войскъ; между тѣмъ какъ, выждавъ нѣсколько часовъ, я могъ надѣяться на помощь Кутузова или Витгенштейна, которыхъ ожидалъ. По этому я рѣшился отсрочить нападеніе. Я отдалъ въ распоряженіе Чаплица еще два полка и велѣлъ ему, на другой день 16-го на разсвѣтѣ, атаковать непріятеля, обѣщавъ поддержать эту атаку остальными моими войсками; самъ же немедленно возвратился въ Борисовъ, чтобы все это устроить скорѣе.

Наступала ночь, какъ вдругъ услышали мы нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ на той сторонѣ Березины, сзади Французской арміи. Наконецъ дождались мы Витгенштейна. Я сейчасъ же отправилъ, для открытія съ нимъ сообщенія, нѣсколько отрядовъ, черезъ рѣку, которую очень удобно было перейдти подъ Борисовымъ, велѣвъ одному пѣхотному полку взять Борисовъ, который былъ тогда занятъ Французскою дивизіею Партуно. Генералъ этотъ вскорѣ очистилъ городъ. Въ сумерки разсмотрѣли мы, что войска его потянулись вверхъ по Березинѣ, къ Студянкѣ, для соединенія съ Наполеономъ; потомъ, услышавъ съ противной стороны отъ меня пушечные выстрѣлы Витгенштейна, они въ недоумѣніи остановились неподвижно среди поля. Вскорѣ послѣ того, другіе выстрѣлы послышались съ правой стороны ихъ: то былъ Платовъ съ своими казаками. Такимъ образомъ Французская дивизія, сбившись съ дороги, наткнулась на корпусъ Витгенштейна и, положивъ оружіе, сдалась въ плѣнъ.

Около 10-ти часовъ вечера, явился ко мнѣ отъ гр. Витгенштейна одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ. Онъ спросилъ меня, какъ я буду дѣйствовать,—такимъ тономъ, который ясно мнѣ доказывалъ, что Витгенштейнъ почиталъ себя совершенно независимымъ и намѣренъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. И такъ, кромѣ того, что помощь опоздала своимъ прибытіемъ, но здѣсь вмѣшалось еще и мелочное самолю-

біе, которое должно было вредить совокупности нашихъ дѣйствій! Я отвѣчалъ полковнику, что намѣренъ атаковать правый берегъ на разсвѣтѣ, и что, полагая непріятеля въ четверо сильнѣе меня, я приглашалъ графа Витгенштейна атаковать Французовъ въ одно время со мною на лѣвомъ берегу. Я письменно просилъ также прислать ко мнѣ на подкрѣпленіе пѣхотныя дивизіи. — На это онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ; но обѣщалъ атаковать на другой день на разсвѣтѣ, чего однако не исполнилъ. Онъ атаковалъ четыре часа позднѣе.

Отвѣтъ отъ него я получилъ въ 11 часовъ вечера. Я тотчасъ же отправилъ генерала Ланскаго съ шестью орудіями конной артиллеріи и большею частью моей кавалеріи, которую я не могъ употребить въ дѣло по причинѣ лѣсистой и болотистой мѣстности, приказавъ ему перехватить дорогу изъ Зембина на Плешеницу, уничтожить мосты, провіантскіе склады и все, что̀ могло служить въ пользу непріятеля.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Государя подполковникъ Михаилъ Орловъ. Его отправилъ Кутузовъ, съ отрядомъ казаковъ, узнать о моемъ мѣстопребываніи, что̀ ему казалось необходимымъ, чтобы приблизиться къ Борисову. Къ сожалѣнію моему, узналъ я отъ сего посланнаго, что фельдмаршалъ находился отъ меня и отъ непріятеля въ шести переходахъ. По этому можно судить, какъ онъ неутомимо преслѣдовалъ: это называется идти по пятамъ непріятеля на благородной дистанціи (*).

16-го числа на разсвѣтѣ, я двинулся со всѣми моими силами къ Стахову, надѣясь придти туда еще во̀ время, чтобы сдѣлать отпоръ непріятельскимъ войскамъ, которыя не могли еще всѣ переправиться. Я могъ бы опрокинуть ихъ въ Березину, пока они еще не укрѣпились на правомъ берегу, еслибы Витгенштейнъ, по обѣщанію своему, атаковалъ на разсвѣтѣ тѣ Французскія войска, которыя оставались на лѣвомъ берегу. У Витгенштейна было шесть дивизій, всего около 45000 человѣкъ.

Я велѣлъ Чаплицу начинать нападеніе, не дожидаясь никого. Вотъ какъ онъ распорядился.

Первая колонна, подъ командою генерала Рудзевича, пройдя лѣсъ по направленію къ большой дорогѣ, должна была атаковать и отбросить непріятельскіе аванпосты. Другіе два отряда, подъ начальствомъ генераловъ Корнилова и Мещеринова, должны были поддерживать его, подаваясь впередъ въ колоннахъ, съ частью конницы. Артиллерія его была поставлена вдоль большой дороги, по 4 орудія въ рядъ, соображаясь съ мѣстностію, на произвольныхъ разстояніяхъ. Она была подъ прикрытіемъ полковъ: Павлоградскаго и двухъ драгунскихъ. Наконецъ, четвертая колонна, составленная изъ двухъ егерскихъ полковъ, двухъ кавалерійскихъ, однаго казачьяго и четырехъ орудій, подъ командою полковника Красовскаго, должна была двинуться вдоль Березины, по опушкѣ лѣса, чтобы прикрывать пра-

(*) Слова автора сихъ Записокъ ясно выражаютъ какую-то непріязнь къ Кутузову и желаніе представить его дѣйствія при преслѣдованіи вялыми и неправильными. Спрашивается, какимъ образомъ могъ Кутузовъ идти по пятамъ Наполеоновой арміи, когда отправленные для преслѣдованія, извѣстный своею быстротой Милорадовичъ и всѣ партизаны наши съ казаками, не могли поспѣть за нею? Французы не шли, а бѣжали, бросая на дорогѣ не только оружіе, но и людей съ лошадьми. Если бы Кутузовъ не отставалъ отъ нихъ, то привелъ бы на границу армію свою совершенно разстроенною; половина ея осталась бы на дорогѣ отъ усталости и голода. Самъ же авторъ упоминаетъ здѣсь слова маркиза Шамбре, что при переправѣ у Наполеона было 37700 человѣкъ и столько же отсталыхъ и безоружныхъ: доказательство быстроты непріятельскаго отступленія.

Прим. переводчика.

вый флангъ Чаплица, еслибы непріятель покусился атаковать его съ этой стороны. Кромѣ того, колонна эта должна была подкрѣплять и общую атаку.

16-го числа, около 5-ти часовъ утра, Чаплицъ двинулъ свои войска. Я же, по пріѣздѣ моемъ въ Стахово, около 8-ми часовъ, собралъ колонну, и для поддержанія Чаплица, велѣлъ двинуться впередъ: дивизіи Войнова, дивизіи Палена и восьми полкамъ, которыми я могъ располагать.

Осматривая, на канунѣ, фронтъ позиціи, я замѣтилъ сзади Чаплица возвышенную мѣстность, передъ которою протекалъ ручей. Ею можно было воспользоваться, чтобы остановить непріятеля, еслибы онъ получилъ надъ нами успѣхъ. Здѣсь я поставилъ свою артиллерію, подъ прикрытіемъ резерва и велѣлъ обставить орудіями и другія высоты, находящіяся болѣе впереди. Въ случаѣ отступленія, они прикрывали бы наши колонны, еслибы они были обойдены по замерзшимъ болотамъ, которыя окружали насъ. Изъ всей моей кавалеріи я оставилъ у себя только пять полковъ; остальные наканунѣ были отправлены на Зембинскую дорогу.

Рудзевичъ, съ первою колонною вошелъ въ лѣсъ и опрокинулъ первую цѣпь непріятельскихъ аванпостовъ, не смотря на ихъ упорное сопротивленіе. На всѣхъ пунктахъ передъ нами, замѣтно было нѣкоторое замѣшательство; войска наши быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ Красовскій, пройдя вдоль Березины по опушкѣ лѣса, остановился въ двухъ миляхъ впереди, и открылъ огонь по мосту и по дорогѣ, примыкающей къ оному.

Чаплицъ разсказываетъ, что онъ въ это время услышалъ позади себя крики *ура*! и барабанный бой. То были колонны нашего резерва, которыхъ разсыпалъ по лѣсу начальникъ моего штаба Сабанѣевъ, вѣроятно для того чтобы увеличить фронтъ атаки и заставить Французовъ думать объ опасности быть обойденными превосходными нашими силами. Чаплицъ, имѣя намѣреніе построить вновь эти войска въ колонну, искалъ Сабанѣева; но, не нашедши его, возвратился къ своей дивизіи, гдѣ присутствіе его было необходимо.

Сопротивленіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ у непріятеля стояли резервы. Съ одного возвышенія, у Брилова, которое господствовало надъ нами, онъ открылъ адскій огонь, который ломалъ деревья и губилъ множество людей нашихъ. Не смотря на то, Чаплицъ подавался впередъ: но неожиданно вышелъ на поляну, а такъ какъ пѣхота его шла по лѣсу разсыпнымъ строемъ, то на открытомъ мѣстѣ она легко могла быть атакована кавалеріею; ее должна бы поддержать резервная колонна, состоящая изъ 8 полковъ, которую я послалъ съ Сабанѣевымъ; но, по несчастію, онъ разсыпалъ ее на лѣвомъ флангѣ.

Непріятель воспользовался этою ошибкою. Мы увидѣли, что его пѣхотная колонна двинулась на насъ, а вслѣдъ за тѣмъ кавалерія, быстро бросившись на растянутую цѣпь стрѣлковъ, опрокинула ихъ. Въ этомъ замѣшательствѣ, стоящая позади пѣхота начала стрѣлять въ Чаплица, Войнова и въ другихъ генераловъ, которые были окружены Французскою конницею. Чаплицъ, съ своимъ конвоемъ, защищавшійся саблею, былъ раненъ въ голову; подъ нимъ и подъ Войновымъ, получившимъ сильную контузію, были убиты лошади. Наконецъ имъ удалось освободиться, и одинъ эскадронъ Павлоградскаго гусарскаго полка выручилъ генерала князя Щербатова, въ ту самую минуту, когда его окружили и уже тащили за платье съ лошади. Замѣчательно, что на этой лѣсистой мѣстно-

сти насъ разстроила кавалерійская атака; точно также и наша конница остановила стремленіе Французовъ. Мы продолжали битву до поздней ночи, удержались на своихъ мѣстахъ, но не могли подвинуться впередъ.

Я долженъ отдать справедливость искусству, съ которымъ генералъ Думеркъ умѣлъ воспользоваться лѣсными полянами для кавалерійскихъ атакъ. Чаплицъ, въ своемъ донесеніи, показываетъ нашу потерю въ 2000 человѣкъ; уронъ Французовъ долженъ былъ быть значительный, судя по показаніямъ плѣнныхъ и по числу ихъ раненыхъ генераловъ. Между ними были: герцогъ Реджіо, генералы Легранъ, Зайончекъ, Домбровскій, Каминскій и другіе. Плѣнные Французы объявили, что первые два корпуса, вступившіе въ дѣло, были совершенно уничтожены. Что же касается до плѣнныхъ, взятыхъ у насъ Думеркомъ, я никакъ не могъ добиться настоящаго числа ихъ, благодаря ложнымъ донесеніямъ, которыя вошли въ обыкновеніе въ Русской арміи.

Здѣсь долженъ я упомянуть о весьма непріятномъ случаѣ. Одинъ изъ полковъ, посланныхъ на подкрѣпленіе Чаплица, началъ колебаться и наконецъ отказался идти въ дѣло. Никакія увѣщанія не дѣйствовали, и я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, приказавъ навести на полкъ его пушки; тогда только онъ пошелъ впередъ и дрался очень хорошо. Впослѣдствіи я узналъ, что при штурмѣ Рущука на Дунаѣ, гдѣ Каменскій потерялъ 1200 человѣкъ, этотъ самый полкъ, былъ почти весь уничтоженъ, за неимѣніемъ длинныхъ лѣстницъ и отъ дурнаго распоряженія; вслѣдствіе сего солдаты не могли имѣть довѣрія къ своимъ начальникамъ, и это недовѣріе довело ихъ до поступка, неслыханнаго въ исторіи Русскихъ войскъ.

Во время сраженія одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Ермоловъ, прибылъ съ 4000 разнаго рода войскъ; я предложилъ ему участвовать въ битвѣ, которая должна была казаться очень важною въ глазахъ всякаго Русскаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что люди его, не имѣя нѣсколько дней пищи, были слишкомъ утомлены и что они не въ состояніи будутъ драться, если я имъ не велю дать провіанта. Продовольствіе, взятое нами въ ранцахъ изъ Минска, почти совсѣмъ истощилось, и я ничего не могъ дать его войскамъ, которыя по этой причинѣ и не участвовали въ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ того прибылъ Платовъ съ одними казаками; онъ не отказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ полкахъ, которые и направлены были на мѣсто сраженія; но дѣйствія Французской кавалеріи и неудобная мѣстность не позволили имъ оказать намъ значительную помощь.

Около 2 часовъ по полудни, пріѣхалъ ко мнѣ Витгенштейнъ, одинъ безъ войска, тогда какъ Чаплицъ началъ атаковать въ 5 часовъ утра. Витгенштейнъ, прибывъ въ Борисовъ, безъ затрудненія переправился черезъ Березину, возлѣ уничтоженнаго моста. Когда я разсказалъ ему о нашемъ положеніи и опять началъ просить подкрѣпленій, которыя впрочемъ уже не могли прибыть къ намъ во́ время, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Но что „вы хотите дѣлать? Непріятель будетъ „продолжать пальбу до ночи и потомъ, по обыкновенію, отступитъ." Какъ ни старался я увѣрить его, что мы не должны довольствоваться одною пальбою и преслѣдованіемъ, и что дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить непріятеля, мои увѣщанія не подѣйствовали на него.

Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ большою частью силъ своихъ и хладнокровно смотрѣлъ на битву, которая должна была бы рѣшить судьбу Французской арміи. Между тѣмъ какъ мы съ 5-ти часовъ утра, съ малыми силами, дрались на правомъ берегу съ большою частью войскъ Наполеона,

онъ ввелъ въ дѣло на лѣвомъ берегу только ничтожныя силы противъ маршала Виктора, который командовалъ арьергардомъ. Давъ слово атаковать въ одно время съ нами, въ 5 часовъ утра, онъ началъ атаку только въ 10 часовъ и не помѣшалъ Виктору стоять на позиціи цѣлый день. Онъ ввелъ въ дѣло всего 14000 чел., тогда какъ у него было 45000, и вмѣстѣ съ тѣмъ не согласился подкрѣпить меня двумя дивизіями; остальныя войска его стояли въ отдаленіи, безъ всякаго дѣла. Къ императору Александру писалъ онъ „что заставилъ Наполеона переправиться черезъ Березину". Какъ мнѣ кажется, ему вмѣнено было въ обязанность помѣшать этой переправѣ.

Такимъ образомъ, вмѣсто 160000, которыя, по разсчету императора Александра, должны были собраться на правомъ берегу Березины, оказалось только моихъ 20000 чел., для встрѣчи и задержанія Наполеона, котораго Кутузовъ долженъ былъ тѣснить сзади. Никто не исполнилъ предписаній императора; никто, кромѣ меня, не явился къ назначенному мѣсту.

Непріятель уходилъ въ продолженіе всей ночи. Я отправилъ Чаплица, съ авангардомъ, преслѣдовать его со всевозможною быстротою, подкрѣпивъ отрядами легкихъ войскъ, съ которыми генералъ-маіоръ Орурكъ защищалъ берегъ на правомъ флангѣ Березины.

Когда наканунѣ, во время боя, Наполеонъ узналъ, что всѣ люди, могущіе нести оружіе, переправились черезъ рѣку, онъ приказалъ переправиться и маршалу Виктору и тотчасъ же уничтожить мосты, оставивъ такимъ образомъ на лѣвомъ берегу огромный обозъ экипажей и фуръ. Тогда началось такое замѣшательство, которое трудно описать: пѣхота, конница, отсталые и все что̀ слѣдовало за арміею, женщины, дѣти, все это бросилось толпою на мостъ, который уничтожали.

Ужасное зрѣлище представилось намъ, когда мы 17 Ноября, пришли на то мѣсто, которое наканунѣ занималъ непріятель, и которое онъ только что оставилъ: земля была покрыта трупами убитыхъ и замерзшихъ людей; они лежали въ разныхъ положеніяхъ. Крестьянскія избы вездѣ были ими переполнены, рѣка была запружена множествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей; около мостовъ, валялись цѣлые эскадроны, которые бросились въ рѣку. Среди этихъ труповъ, возвышавшихся надъ поверхностью воды, видны были стоявшіе, какъ статуи, окоченѣлые кавалеристы на лошадяхъ, въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть.

Эта картина не производила большаго впечатлѣнія на нашихъ казаковъ, которые только и думали какъ бы воспользоваться случаемъ поживиться; имъ однако не такъ много досталось добычи, какъ казакамъ Платова и Витгенштейна на правомъ берегу, которые взяли повозки съ золотыми, серебряными и другими драгоцѣнными вещами (*) награбленными непріятелемъ въ Москвѣ. Поэтому мои казаки вытаскивали изъ рѣки тѣла и обирали платье ихъ, часы и кошельки. Такъ какъ этотъ промыселъ казался имъ недовольно выгоднымъ то они снимали платье съ оставшихся въ живыхъ Французовъ. Эти несчастные громко кричали; имъ было очень холодно и, ночью отдыхая въ крестьянской избѣ, я слышалъ вопли ихъ. Многіе въ борьбѣ со смертью сили-

(*) Вещи эти были церковная утварь, взятая Французами въ Москвѣ. Автору вѣроятно не было извѣстно, что все это отбитое у непріятеля серебро и золото было пожертвовано казаками С.-Петербургскому Казанскому собору. Оно было употреблено на сооруженіе иконостаса, который и въ настоящее время находится въ означенномъ храмѣ.

Прим. переводчика.

лись перелѣзть ко мнѣ черезъ заборъ, но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ; такъ что, при выходѣ моемъ, я нашелъ ихъ замерзшими: однихъ съ поднятыми руками, другихъ съ поднятыми ногами.... Курьеры, которыхъ я посылалъ на саняхъ, часто останавливались, очищая себѣ дорогу отъ множества мертвыхъ тѣлъ, которыя часто попадались между полозьями.

Впослѣдствіи, чтобы предупредить заразу, приказано было Минскому губернатору собрать всѣ мертвыя тѣла и сжечь. По донесеніямъ его, сожжено было имъ 24,000 труповъ, найденныхъ на мѣстѣ битвы и въ окрестностяхъ переправы (*).

ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ былъ хроменькій монахъ, именемъ Трифиллій. Я учился тогда въ Московской Духовной Академіи, помѣщающейся, какъ извѣстно, въ этой же Лаврѣ. Разъ этотъ Трифиллій встрѣчается со мною и, посмотрѣвъ на меня пристально, кланяется мнѣ чуть не до земли, и начинаетъ рѣчь: Г. студентъ! вы мнѣ кажетесь человѣкъ добрый; удостойте посѣтить мою келью; я вамъ открою свою сердечную тайну, и попрошу васъ объ одной услугѣ. Замѣтить надобно, что академическое начальство какъ-то вообще косо смотрѣло на знакомство студентовъ съ лаврскими монахами, и потому бытъ ихъ оставался отъ насъ совершенно закрытымъ. Согласиться на просьбу о. Трифиллія подстрекнули меня три желанія: первое, побывать хотя въ одной лаврской кельѣ и поимѣть хотя малое понятіе о житьѣ-бытьѣ монашествующихъ; второе, выслушать обѣщанную тайну, и третіе, узнать, въ чемъ могла состоять моя услуга. Благообразная же наружность старца, сквозь которую просматривало непритворное благочестивое настроеніе, успокоили меня на счетъ того, что академическое начальство не осудило бы меня за знакомство съ такимъ добрымъ инокомъ, если бы и узнало о томъ.

Въ условленное время пришелъ я къ о. Трифиллію. Келейка его находилась въ корридорѣ больничнаго Зосимо-Савватіевскаго Собора, — она имѣла не болѣе сажени длины и менѣе того ширины; въ переднемъ углу иконы, подъ ними маленькій столикъ, близъ его стулъ, противъ стула коечка старца. Вотъ вся обстановка. Не видно было ни одной книги, потому что старецъ былъ безграмотный; не было ни чашекъ чайныхъ, ни самовара, ни графина, ни рюмки, потому что старецъ не пилъ ни чаю, ни водки. Но на окнѣ стояла бутылка съ пивомъ, въ тарелкѣ лежала часть осетрины и прекрасная, бѣлая какъ снѣгъ, булка. Въ Лаврѣ въ то время не было положено общаго на трапезѣ ужина, и монахамъ предоставлялось, послѣ обѣда, уносить по кельямъ порцію для вечерней трапезы. Эту-то порцію и сберегъ о. Трифиллій отъ вчерашняго вечера, чтобы предложить мнѣ на угощеніе, по пословицѣ: у старца въ кельѣ, что̀ Богъ послалъ. Тайна, тяготившая сердце старца, состояла въ томъ, что его дочь, вдова, жившая въ г. Дмитровѣ, вела себя свободно; и онъ просилъ меня написать отъ него отеческое ей увѣщаніе, чтобъ она

(*) Выше, подъ предисловіемъ къ этой статьѣ ошибочно выставлено *Н. Ильинъ*. Переводъ статьи и примѣчанія къ ней принадлежатъ Василію Васильевичу Ильину. *П. Б.*

исправилась, а буде же сама исправиться не можетъ, то заклиналъ ее, чтобъ она не довела до разврата своей дочери, его внучки. Исполнить просьбу старца, проливавшаго слезы, я счелъ христіанскимъ долгомъ, и потому, сходивъ въ Академію за письменными принадлежностями, написалъ посланіе къ падшей, но не иначе, какъ со словъ старца; отъ себя прибавить, или измѣнить что нибудь изъ его не совсѣмъ гладкихъ выраженій, не позволялъ онъ ни подъ какимъ видомъ. За тѣмъ, по мѣрѣ получаемыхъ имъ неблагопріятныхъ о своей дочери вѣстей, я продолжалъ быть его секретаремъ и на будущее время, а иногда посѣщалъ его и безъ дѣла, просто изъ желанія побесѣдовать съ опытнымъ и набожнымъ инокомъ.

Въ Академію поступилъ я въ 1818 году; въ Мартѣ 1819 года скончался Архіепископъ Московскій Августинъ, принесенный для погребенія въ Лавру и положенный въ Лаврскомъ Успенскомъ Соборѣ; на мѣсто Августина поступилъ Митрополитомъ Московскимъ Серафимъ, который въ 1821 году перемѣщенъ въ Петербургъ; на мѣсто же Серафима управленіе Московскою митрополіею возложено было на Архіепископа Филарета.

Преосвященный Филаретъ прибылъ въ Лавру и, какъ ея настоятель, принялъ ее въ свое управленіе. Я пошелъ къ отцу Трифиллію, чтобъ услышать отъ него, не было ли чего при этомъ пріемѣ оригинальнаго, чѣмъ всегда и вездѣ отличался Преосвященный Филаретъ.

—Родной ты мой П...В-чъ! такъ встрѣтилъ меня отецъ Трифиллій,—знаешь ли ты, что̀ сдѣлалъ со мною новый Владыка?—Ничего не знаю, отвѣчалъ я.—Такъ садись-ко на единственный мой стульчикъ, а я сяду насупротивъ тебя на коечку и поразскажу. Я былъ въ молодости матросомъ, служилъ въ Кронштадтѣ. Служба моя памятна для меня еще особеннымъ случаемъ (при этомъ старецъ тяжело вздохнулъ): я стоялъ на часахъ въ тотъ тяжелый день, когда Императоръ Петръ III поѣхалъ въ шлюбкѣ кататься по Финскому заливу, и когда, по удаленіи его изъ вида, принесли налои съ крестами и евангеліями, и всѣхъ насъ на часахъ привели къ присягѣ на вѣрность службы Императрицѣ Екатеринѣ II, а за тѣмъ былъ отданъ приказъ: если кто подплыветъ къ пристани и будетъ называть себя Императоромъ, то отвѣчать: нѣтъ у насъ Императора,—у насъ Императрица Екатерина II. И мнѣ грѣшному привелось сдѣлать такой страшный отвѣтъ бывшему Государю. Онъ, батюшка, выслушавши это, поворотилъ шлюбку и былъ таковъ. Но это къ слову; окончу разсказъ о себѣ. На службѣ былъ я раненъ въ ногу, отъ чего теперь и хромъ, и отъ чего тогда вышелъ въ отставку. По излеченіи отъ раны, пришелъ я помолиться сюда къ мощамъ Преподобнаго Сергія. А какъ надобно же было гдѣ нибудь пріискать хлѣбъ насущный: то я въ бывшей здѣсь (ранѣе Академіи) Лаврской семинаріи нанялся въ служители. И какъ Господь устроилъ! На меня вышла счастливая доля поступить въ услуженіе при комнатѣ учителя Василія Михайловича Дроздова. За мою исправность, честность и простоту онъ до того сдѣлался ко мнѣ снисходительнымъ, что дозволялъ себѣ иногда съ старымъ матросомъ кой-какія шуточки; и какъ я спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, онъ на кровати, я на полу у печки: то, утомивши свою умную головушку разными науками, ляжетъ онъ бывало въ постель, и скажетъ: ну, Ѳедоръ (меня такъ звали), говори какую нибудь сказку.—Да что ты, Василій Михайловичъ, отвѣчаю бывало я, охота тебѣ слушать такіе пустяки?—Голова моя, скажетъ онъ, слишкомъ набита: надобно, чтобъ не много опустѣла.—Ну я и начну были и небы-

лицы, пока не уснетъ онъ. Однажды, когда мы улеглись, я говорю ему: а что, батюшка, Василій Михайловичъ, правда ли, идетъ у насъ на кухнѣ слухъ, будто ты хочешь постричься въ монахи?—Ну, такъ чтожъ?—сказалъ онъ.—А вотъ что, продолжалъ я: головушка твоя преумная, это всѣмъ извѣстно; ты скоро дослужишься до архіерейства; а я тоже намѣренъ, если Господь изволитъ, постричься здѣсь, въ святой Лаврѣ, въ монашество. Тогда вѣдь ты не вспомнишь меня, своего истопника?—Ну, Ѳедоръ, сказалъ онъ,—до архіерейства далеко; однакожъ во всякомъ случаѣ я тебя никогда не забуду. За тѣмъ онъ постригся, нареченъ Филаретомъ, отозванъ въ Петербургъ; и въ первый разъ явился сюда архіереемъ Ревельскимъ на ваши академическіе экзамены,—ревизоромъ што-ли. Былъ онъ за тѣмъ здѣсь ревизоромъ и еще нѣсколько разъ; но я, постригшись между тѣмъ въ монашество, не рѣшался безпокоить его напоминаніемъ о себѣ. Нынѣ, когда онъ сталъ священноархимандритомъ Лавры, всѣ монашествующіе представлялись къ нему въ митрополичьихъ кельяхъ. Я стоялъ у самаго порога. И что же? Благословивъ властей, обвелъ онъ быстрымъ взглядомъ своимъ всѣхъ монашествующихъ, и, указавъ на меня, сказалъ: эй ты, маленькой, сѣдинькой, пожалуй-ко сюда! Всѣхъ взоры обратились на меня. А я такъ перепугался, что не скоро могъ съ мѣста сдвинуться; вѣрно на мнѣ или ряска или клобукъ, или что-нибудь не въ порядкѣ, подумалось мнѣ, однакожъ долженъ былъ ковылять на хромой ногѣ чрезъ всю залу.—Ты тотъ Ѳедоръ, который жилъ у меня при комнатѣ?—Охъ бѣда, вообразилось мнѣ, неужели онъ хочетъ припомнить мнѣ какую нибудь мою прошлую неисправность?—Я, Ваше Высокопреосвященство!—Какъ твое нынѣ имя?—Трифиллій.—Ну, помнишь-ли ты, какъ говорилъ мнѣ, что если я сдѣлаюсь архіереемъ, то тебя забуду? Вотъ я тебя и не забылъ.—Повалился я Владыкѣ въ ноги, заливаясь слезами. А что же изъ этого вышло? продолжалъ старикъ съ непритворною грустію. Послѣ представленія, меня окружили о. о. Намѣстникъ, Казначей, Ризничій и начали допрашивать: какъ ты знакомъ съ Преосвященнымъ Филаретомъ?—Да вы слышали, ваше высокопреподобіе, что я бывалъ у него при комнатѣ истопникомъ,—отвѣчалъ я. Но этого мало; чтобъ какъ нибудь меня отличить отъ другихъ, повысить, на меня стараго, хромаго человѣка, возложили братскую экономію, т. е. раздачу хлѣба, рыбы, вина, пива и пр. и пр. Вотъ горе-то мое, батюшка, П....В-чъ! Не подъ силу, а отъ послушанія отказаться нельзя; вѣдь надобно же было Владыкѣ, чрезъ столько лѣтъ, признать меня, и припомнить слова мои. Да кстати сказать: теперь я хлѣбодаръ и пивочерпій, а поподчивать тебя нечѣмъ.—О! отецъ Трифиллій, въ Академіи насъ поятъ и кормятъ досыта, такъ что, дай Богъ, и на своихъ-то впослѣдствіи хлѣбахъ быть такъ довольными; однакожъ желалъ бы я знать, отчего нечѣмъ меня поподчивать?—А вотъ отчего, другъ мой! сказалъ о. Трифиллій: Владыка Филаретъ приказалъ учредить ужинъ. Ему власти наши возразили, что таковъ-де завѣтъ основателя Лавры, Преподобнаго Сергія, чтобъ въ обители Его былъ для братіи одинъ только обѣденный столъ, а вечерняго бы не было. Владыка отвѣчалъ: Преподобный Сергій не прогнѣвается на меня, если я измѣню завѣтъ Его, и посовѣтую братіи вкушать вечернюю трапезу всѣмъ вмѣстѣ, а не запасаться для этого съ обѣденной трапезы. Такъ и сдѣлано. Тайно же взять что нибудь изъ ввѣренной мнѣ провизіи въ келью—грѣхъ великій!"

Въ это время наступали дни окончанія нашего курса. И старикъ раз-

прощался со мною въ горькихъ слезахъ, отягченный тремя скорбями: неблагоповеденіемъ дочери, тяжелою своею обязанностію и разлукою со мною. Не легко ему было повѣрять свою тайну иному секретарю. Да и нашелъ ли онъ между студентами другаго довѣреннаго по сердцу своему, — не знаю.

Теперь отъ разлуки нашей съ отцомъ Трифилліемъ болѣе 45 лѣтъ; полагаю, что онъ давно уже отошелъ съ миромъ въ вѣчную жизнь. Никогда не забыто въ молитвѣ моей имя добраго старца, монаха Трифиллія.

Бывшій студентъ Московской Дух. Академіи.

(Изъ 3-го № Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1869. Сообщено Дм. Ир. Завалишинымъ).

ОПИСАНІЕ СТОЛОВЫХЪ ЧАСОВЪ,

изображающихъ графа Аракчеева, стоящаго у могилы Императора Александра I.

(*Съ Французскаго*).

Графъ Аракчеевъ, бывшій военный министръ покойнаго Его Величества Императора Александра I, имѣя желаніе соорудить памятникъ этому Государю, который его не только уважалъ особенно, но и считалъ его своимъ другомъ, — возъимѣлъ намѣреніе сдѣлать бронзовые столовые часы, напоминавшіе главныя эпохи и важнѣйшія событія изъ жизни и царствованія того Монарха, которому онъ посвятилъ все свое существованіе.

Такимъ образомъ онъ самъ начерталъ слѣдующую программу:

„Сдѣлайте часы, представляющіе „мавзолей покойнаго Его Величества „Императора Александра I. Этотъ мав„золей долженъ покоиться на пьеде„сталѣ“.

„Подлѣ мавзолея долженъ стоять „Русскій воинъ, возлагающій на него „вѣнокъ. Этотъ послѣдній долженъ „быть одѣтъ въ Русскій мундиръ, „украшенный портретомъ Государя, „одно плечо котораго должно быть „покрыто плащемъ“.

„Циферблатъ часовъ долженъ быть „помѣщенъ въ мавзолеѣ; онъ имѣетъ „быть вызолоченъ и представлять че„тыре знака зодіака, соотвѣтствую„щіе мѣсяцамъ: декабрю, марту, сен„тябрю и ноябрю“.

„Подъ циферблатомъ должна нахо„диться слѣдующая надпись на Рус„скомъ языкѣ:

„Императоръ Александръ Благословенный умеръ въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 г.“

„Эти часы должны бить одинъ разъ „въ сутки, въ 10 часовъ 50 минутъ „утра. Въ это время имѣютъ от„крываться двойныя дверцы, которыя „представятъ глазамъ вышеозначен„ную надпись, а также и портретъ „Государя. Подъ портретомъ имѣетъ „быть помѣщена слѣдующая надпись, „также на Русскомъ языкѣ:

„Четверкъ, въ 10 часовъ 50 минутъ утра.“

„Портретъ имѣетъ быть написанъ „въ Россіи.“

„При послѣднемъ ударѣ десяти ча„совъ имѣетъ быть слышна музыка, „указанная ниже сего и повторяемая „три раза.

„Во время музыки дверцы имѣютъ „оставаться открытыми, и послѣ му„зыки—закрыться. За минуту до от„крытія дверцевъ послышится повѣ„сточный сигналъ. Часы имѣютъ за„водиться одинъ разъ въ недѣлю.

„Воинъ долженъ быть сдѣланъ изъ „черной бронзы. Мавзолей, равно какъ „и пьедесталъ должны быть богато „вызолочены.

„На передней сторонѣ пьедестала или „цокля имѣетъ быть барельефъ, пред„ставляющій присоединеніе къ Рос„сіи Царства Польскаго и Великаго „Княжества Финляндскаго. Рисунокъ „барельефа имѣетъ быть присланъ изъ „Россіи“.

„Боковая сторона пьедестала имѣ„етъ представлять со стороны воина: „оружіе графа Аракчеева; а съ дру„гой стороны: слѣдующая Русская над„пись:

„Памяти своего Монарха и благодѣ„теля, благодарный подданный. Па„рижъ. 1826 г.

Хотя эта программа представляетъ самое вѣрное описаніе часовъ, но къ нему надо прибавить нѣсколько небольшихъ измѣненій, признанныхъ необходимыми для лучшаго расположенія начертаній и для удобнаго исполненія. Поэтому слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы дать понятіе объ этомъ памятникѣ, который увѣковѣчитъ память столь великаго Монарха, который изображаетъ скорбь и благодарность самаго вѣрнаго подданнаго, самаго искренняго и преданнаго друга, и въ тоже время будетъ свидѣтельствовать о процвѣтаніи искусства во Франціи въ царствованіе Карла X.

Надъ мавзолеемъ возвышается бюстъ Императора Александра I, совершенно схожій съ оригиналомъ. Фронтонъ украшенъ обыкновенными эмблемами: крылатыми песочными часами, кедровымъ вѣнкомъ и проч.; на всѣхъ четырехъ углахъ могилы поставлены головы Египетскаго народа, соотвѣтствующія опрокинутымъ факеламъ.

Циферблатъ занимаетъ переднюю часть мавзолея, въ предѣлахъ котораго нужно было помѣстить четыре знака зодіака:

Козерогъ, соотвѣтствующій декабрю,
Овенъ . . . . марту,
Вѣсы. . . . . сентябрю,
Стрѣлецъ . . . . ноябрю.

Напоминающіе собою:
во-первыхъ, рожденіе Императора Александра 12 (23) декабря 1777 г. Во-вторыхъ, восшествіе на престолъ 11 (23) марта 1801 г. Въ-третьихъ, бракосочетаніе 27 сентября 1793 г. (9 октября). Въ-четвертыхъ, кончину 19 ноября 1825 г. (1 декабря).

Въ нижней части или въ базѣ мавзолея находятся упомянутыя въ программѣ дверцы. Эти дверцы, надъ которыми помѣщены погребальныя урны, вѣнки и пальмы, въ 10 часовъ и 50 минутъ утра, послѣ повѣсточнаго сигнала, открываются сами-собою и представляютъ глазамъ портретъ Государя впродолженіе музыки.

Надъ портретомъ и подъ нимъ видны надписи на Русскомъ языкѣ, напоминающія годъ, день и часъ кончины Государя Императора Александра I.

Воинъ, плачущій надъ могилой Государя, который приходя возлагаетъ на нее вѣнокъ — самъ графъ Аракчеевъ, котораго также легко можно узнать по его одеждѣ и украшеніямъ (*). Нужно замѣтить, что онъ дѣйствительно носитъ на снуркѣ портретъ Государя Александра, подарокъ Монарха, который уполномочилъ своего преданнаго министра и истиннаго друга, носить его постоянно вмѣстѣ съ другими знаками отличія, пожалованными за его службу и освященное рвеніе для блага своего отечества,— какъ единственный знакъ отличія, дѣлающій столько же чести сердцу Монарха, сколько и его подчиненному.

Равнымъ образомъ можно видѣть на эполетѣ графа шифръ „И. А.“ принадлежащій тому полку, который Александръ, не въ-примѣръ простому подданному, посвятилъ имени Аракчеева.

Съ лѣвой стороны мавзолея находится пирамида (арматура) Русскихъ оружій. Этотъ трофей былъ исполненъ г-номъ *Лами*, который съ неподражаемою точностію выполнилъ форму и модели разныхъ Русскихъ оружій, рисованныхъ имъ самимъ въ Москвѣ, въ 1826 г. во время торжества, по случаю коронованія нынѣшняго Императора Николая I.

(*) Графъ Аракчеевъ сиживалъ самъ у скульптора и давалъ большое число сеансовъ.

Аллегорическій барельефъ, изображающій присоединеніе къ Русскому государству Финляндіи и Царства Польскаго, занимаетъ главное мѣсто подъ базою. Этотъ барельефъ, отдѣланный въ Парижѣ, былъ сочиненъ и нарисованъ въ Петербургѣ—художникомъ по исторической части, *г. Егоровымъ*. Вотъ подробное его описаніе:

„Россія представлена въ видѣ большой сидящей женщины, одна рука „которой покоится на рогѣ изобилія— „знакѣ богатства; другая же распростерта, въ знакъ вѣчнаго союза „и покровительства, надъ щитами „и оружіемъ Финляндіи и Царства „Польскаго, поднесенными ей Амуромъ.“

„Богиня мудрости, въ видѣ изображенія Минервы, приводитъ Финляндію и Польшу къ Россіи и подноситъ имъ масличную вѣтвь—эмблему мира. Богиня гармоніи (согласія) „сопровождаетъ ихъ въ видѣ мира. „заключеннаго между тремя государствами.“

„Геркулесъ, охранитель Имперіи, лежащій подъ тѣнью дерева, у подошвы отечества, давитъ подъ ногами „змію несогласія. Гермесъ, помѣщенный на краю барельефа, означающій границу, показываетъ, что Финляндія и Польша находятся въ предѣлахъ Имперіи.

„Побѣда возлагаетъ лавровый вѣнокъ на голову Россіи; а Геній записываетъ на камнѣ эпохи, въ которыя Финляндія и Польша присоединены къ Россіи; двуглавый орелъ. „покрывающій этотъ камень своими „крыльями, представляетъ эти условія „подъ своимъ покровительствомъ и „ручательствомъ въ ихъ всегдашней „прочности.

„Наконецъ, пальма, помѣщенная „на правомъ краю барельефа, дополняетъ картину благоденствія Россіи и націи, которыя Провидѣніе „поставило подъ благодѣтельный скипетръ.“

На правой сторонѣ пьедестала, согласно требованію программы, помѣщено оружіе графа Аракчеева.

Нужно замѣтить о тонкости и отдѣлкѣ работы: искусство чеканенія рѣдко производило что-либо столь превосходное!

На другой сторонѣ пьедестала находится слѣдующая надпись чисто въ Русскомъ духѣ:

„Памяти своего Монарха и благодѣтеля Благодарный подданный". Парижъ. 1826 г."

Г. Ледюръ, фабрикантъ бронзовыхъ дѣлъ, которому была поручена отдѣлка этихъ часовъ, чтобы придать этому памятнику лучшее воспроизведеніе, соединился съ нѣкоторыми первѣйшими художниками, между которыми можно назвать *г. Гюве*, архитектора, *Лами*, художника, и *Куриге*, скульптора по части барельефовъ и орнаментовъ.

NB. Г. Ледюръ сработалъ также бронзовый сундучекъ, назначенный для храненія писемъ Императора Александра къ графу Аракчееву; онъ былъ выполненъ съ большою тщательностію, потому что богатое украшеніе и отдѣлка работы даютъ понятіе о самой лучшей чеканкѣ.

Провожая минувшее лѣто въ извѣстномъ селеніи *Грузино*, Новгородскаго уѣзда и, помѣщаясь на прелестной по своему мѣстоположенію мызѣ покойнаго графа Аракчеева, близъ самаго его дворца, въ одномъ изъ шести стоящихъ тутъ деревянныхъ флигелей, я имѣлъ много случаевъ осматривать внутренность дворца и всѣ сохранившіяся тамъ вещи отъ временъ графа, скончавшагося въ 1834 году. Нужно замѣтить, что нижній этажъ дворца, гдѣ жилъ самъ графъ, со всѣми своими покоями и принадлежностями къ нимъ, по завѣщанію графа, сохраняются неприкосновенными въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было при жизни его, подъ охраненіемъ одного изъ его слугъ (берейтора), довольно уже устарѣвшаго лѣтами, но еще бодраго тѣломъ и духомъ.

Между множествомъ предметовъ, на которые можно обращать любопытное вниманіе какъ по ихъ рѣдкости, такъ и по тому ихъ значенію, что они, для потомства, тѣсно связываются съ исторіей императора Александра Благословеннаго, здѣсь въ одной комнатѣ дворца, обращенной въ садъ, стоятъ огромные бронзовые столовые часы и на бронзовомъ пьедесталѣ. Эти часы служатъ мавзолеемъ памяти Александра I, и замѣчательны особенно тѣмъ, какъ разсказываетъ стражъ-служитель, что они, въ прежнее время, когда не были еще испорчены, въ тѣ самыя минуты, въ какія скончался въ Таганрогѣ Благословенный, играли погребальный гимнъ. Но другихъ свѣдѣній объ нихъ стражъ не сообщаетъ потому, что самъ ничего объ нихъ не знаетъ и не имѣетъ у себя ключа отъ этихъ часовъ. Между тѣмъ, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, мнѣ случайно попадается въ руки отъ одного моего знакомаго (Ѳед. Алек. Горбунова) небольшая брошюрка, въ красной бумажной обложкѣ съ золотыми бордюрами, на французскомъ языкѣ, которая посвящена самому подробному описанію тѣхъ часовъ, и которую я прочелъ съ особеннымъ любопытствомъ. Брошюрка эта состоитъ изъ 10-ти печатныхъ страницъ въ 16-ю долю листа и носитъ заглавіе: „Notice sur la pendule representant le comte Araktscheieff au tombeau de L'Empereur Alexandre." Она пріобрѣтена тѣмъ же моимъ знакомымъ здѣсь, въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ кончины графа, на аукціонѣ, при продажѣ оставшихся послѣ него вещей, и хранится у него, въ числѣ другихъ рѣдкостей.

Сообщая этотъ архивный матеріалъ, я не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ въ пользу памяти покойнаго графа Аракчеева въ противоположность тому объ немъ мнѣнію многихъ, которое какъ-то сложилось къ безусловному порицанію всѣхъ его дѣйствій и даже

къ поруганію его имени. Проживая въ Грузинѣ минувшее лѣто, болѣе трехъ мѣсяцевъ и вникая во все, что онъ здѣсь ни устраивалъ для себя, для своихъ крестьянъ, для величественнаго святаго храма, построеннаго имъ вблизи своего дворца и для духовенства съ причтомъ, вездѣ, на каждомъ шагу я видѣлъ слѣды его мудраго, его распорядительнаго и его благотворнаго дѣйствія. Я вступалъ въ разговоры съ многими бывшими его крестьянами-стариками, которые были свидѣтелями его поведенія, его образа жизни и его распоряженій и которые, при своемъ благомысліи, испытавъ послѣднія надъ собою, отзываются теперь объ немъ какъ о своемъ отцѣ и благодѣтелѣ. Они говорятъ: для дурныхъ мужиковъ онъ былъ дурной бариномъ; а для хорошихъ былъ примѣрнымъ господиномъ—вѣчная ему память! — Они вѣчно обязаны ему уже за одно то, что онъ, въ своей отеческой объ нихъ заботливости, еще за долго до своей кончины, учредилъ при Волостномъ Правленіи *Сельскій Банкъ*, положивъ въ фондъ послѣдняго изъ собственнаго своего капитала 50 т. руб. (ассигнаціями), который благодѣтельствуетъ имъ какъ въ настоящее время, такъ будетъ благодѣтельствовать на нескончаемыя времена, если только цѣлость фонда останется неприкосновенною. И такъ мнѣнія людей остаются сами по себѣ, а факты сами по себѣ. Но я скажу, что есть люди, которые по какому-то непонятному побужденію настоятельнѣ желаютъ видѣть въ человѣкѣ одну только его дурную сторону, хотя бы эта сторона давала самые слабые свои оттѣнки; но поворотить медаль на другую сторону, чтобы видѣть ея настоящій девизъ, они считаютъ какою-то непристойностію.

26 Ноября, 1868 г. С.-Петербургъ.

О. Пашкевичъ.

ПРОГУЛКА ПО МОСКВѢ.

Вновь найденное сочиненіе К. Н. Батюшкова (*).

Ты желаешь отъ меня описанія Москвы, любезнѣйшій другъ, вещи совершенно невозможной (для меня разумѣется) по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Первое потому, что я не въ силахъ удовлетворить твоему любопытству за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній историческихъ и пр. и пр., которыя необходимо нужны; ибо здѣсь на всякомъ шагу мы встрѣчаемъ памятники вѣковъ протекшихъ, но сіи памятники безмолвны для невѣжды, а я притворяться ученымъ не умѣю. Вторая причина—лѣность, причина весьма важная! И такъ мимоходомъ, странствуя изъ дома въ домъ, съ гулянья на гулянье, съ ужина на ужинъ, я напишу нѣсколько замѣчаній о городѣ и о нравахъ жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оныя съ удовольстві-

(*) Принадлежность Батюшкову помѣщаемой здѣсь статьи (заглавіе которой выставлено нами, въ рукописи оного не имѣется) засвидѣтельствована самою рукописною тетрадью; на ней, рукою А. Н. Оленина обозначено: «Сочиненіе Кон. Ник. Батюшкого. А. О.» Тетрадь эта обязательно сообщена въ Русскій Архивъ, дочерью Алексѣя Николаевича, Варварою Алексѣевною Оленинoю. Читателямъ Русскаго Архива уже извѣстно, что послѣ кончины М. Н. Муравьева (весною 1807) съ выѣздомъ изъ Петербурга вдовы его, Батюшковъ не рѣдко живалъ въ Москвѣ. Статья писана очевидно до 1812 года и оставлена въ рукописи конечно для того, чтобы не обидѣть Москвичей. Онъ сообщилъ ее въ спискѣ А. Н. Оленину, который высоко цѣнилъ талантъ Батюшкова и былъ для него настоящимъ другомъ-наставникомъ и попечителемъ какъ въ дни его славы, такъ и во время несчастной его болѣзни. *П. Б.*

емъ: они напомнятъ тебѣ о добромъ пріятелѣ,

Который посреди разсѣяній столицы
Тихонько замѣчалъ характеры и лицы
Забавныхъ москвичей;
Который съ годъ зѣвалъ на балахъ богачей,
Зѣвалъ въ концертѣ и въ собраньѣ,
Зѣвалъ на скачкѣ, на гуляньѣ,
Вездѣ равно зѣвалъ,
Но дружбы и тебя нигдѣ не забывалъ.

Теперь на досугѣ, не хочешь ли со мною прогуляться въ Кремль? Дорогою, я невольно восклицать буду на каждомъ шагу: это исполинскій городъ, построенный великанами; башня на башнѣ, стѣна на стѣнѣ, дворецъ возлѣ дворца! Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и богатства, нравовъ Европейскихъ съ нравами и обычаями Восточными! Дивное, непостижимое сліяніе суетности, тщеславія, и истинной славы и великолѣпія, невѣжества и просвѣщенія, людскости и варварства. Не удивляйся, мой другъ: Москва есть вывѣска, или живая картина нашего отечества. Посмотри: здѣсь, противъ зубчатыхъ башенъ древняго Китай-города, стоитъ прелестный домъ самой новѣйшей Италіянской архитектуры; въ этотъ монастырь, построенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, входитъ какой-то человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ, съ окладистою бородою, а тамъ къ булевару кто-то пробирается въ модномъ фракѣ; и я, видя отпечатки древнихъ и новыхъ временъ, воспоминая прошедшее, сравнивая оное съ настоящимъ, тихонько говорю про себя: Петръ Великій много сдѣлалъ и ничего не кончилъ.

Войдемъ теперь въ Кремль. На право на лѣво, мы увидимъ величественныя зданія, съ блестящими куполами, съ высокими башнями, и все это обнесено твердою стѣною. Здѣсь все дышетъ древностію; все напоминаетъ о царяхъ, о патріархахъ, о важныхъ происшествіяхъ; здѣсь каждое мѣсто ознаменовано печатію вѣковъ протекшихъ. Здѣсь все противное тому, что̀ мы видимъ на Кузнецкомъ мосту, на Тверской, на булеварѣ и пр. Тамъ книжныя Французскія лавки, модные магазины, которыхъ уродливыя вывѣски заслоняютъ цѣлые домы, часовые мастера, погреба, и словомъ, всѣ снаряды моды и роскоши. Въ Кремлѣ все тихо, все имѣетъ какой-то важный и спокойный видъ; на Кузнецкомъ мосту все въ движеніи

Корнеты, чепчики, мужья и сундуки.

А здѣсь одни монахи, богомольцы, должностные люди и нѣсколько часовыхъ. Хочешь ли видѣть единственную картину? Когда вечернее солнце во всемъ великолѣпіи склоняется за Воробьевы горы, то войди въ Кремль и сядь на высокую деревянную лѣстницу. Вся панорама Москвы за рѣкою! На право Каменной мостъ, на которомъ безпрестанно волнуются толпы проходящихъ; далѣе: Голицынская больница, прекрасное зданіе, дома гр. Орловой съ тѣнистыми садами и на конецъ Васильевскій огромный замокъ, примыкающій къ Воробьевымъ горамъ, которыя величественно довершаютъ сію картину, чудесное смѣшеніе зелени съ домами, цвѣтущихъ садовъ съ высокими замками древнихъ бояръ; чудесная противуположность видовъ городскихъ съ сельскими видами. Однимъ словомъ, здѣсь представляется взорамъ картина достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ на пріятнѣйшемъ мѣстѣ. Тотъ, кто стоя въ Кремлѣ и холодными глазами смотрѣвъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ жалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи; тотъ по-

ѣзжай въ Германію, и живи и умирай въ маленькомъ городкѣ подъ тѣнью приходской колокольни съ мирными Германцами, которые, углубясь въ мелкіе политическіе расчеты, протянули руки и выи для принятія оковъ гнуснѣйшаго рабства.

Но солнце медленно сокрывается за рощами. Взглянемъ еще на Кремль, котораго золотые куполы и шпицы колоколенъ ярко отражаютъ блистаніе зари вечерней. Шумъ городской замираетъ вмѣстѣ съ замирающимъ днемъ. Кругомъ насъ все тихо; изрѣдка пройдетъ человѣкъ. Здѣсь нищій отдыхаетъ на красномъ крыльцѣ, положивъ голову на котомку; онъ отдыхаетъ безпечно у подножія палатъ царскихъ, не зная даже, кому онѣ нѣкогда принадлежали. Теперь встаетъ, и медленно входитъ въ монастырь, гдѣ раздается мрачное пѣніе иноковъ и гдѣ цѣлыми рядами стоятъ гробы великихъ князей и царей Рускихъ, (нѣкогда обитавшихъ въ ближнихъ палатахъ). Печальный образъ славы человѣческой.... Но мы не станемъ дѣлать восклицаній вмѣстѣ съ модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ; мы не предадимся мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому *въ нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи*; а пойдемъ потихоньку на Кузнецкой мостъ, гдѣ все въ движеніи, все спѣшитъ, а куда? посмотримъ.

Эта большая дѣдовская карета, запряженная шестью чалыми тощими клячами, остановилась у дверей модной лавки. Вотъ изъ нее вылѣзаетъ пожилая женщина, въ большомъ чепцѣ, мадамъ, конечно Француженка, и три молодыя дѣвушки. Онѣ входятъ въ лавку и мы за ними. „Дайте намъ головныхъ уборовъ, покажите намъ эти шляпки, да по христіанской совѣсти, госпожа мадамъ!" И торговка, окинувъ взорами своихъ гостей, узнаетъ, что они изъ степи, продаетъ имъ лежалую старину вдвое, втрое дороже обыкновеннаго. Старушка сердится и покупаетъ.

Зайдемъ оттуда въ конфетный магазинъ, гдѣ Жидъ или Гасконецъ Гоа продаетъ мороженное и всякія сласти. Здѣсь мы видимъ большое стеченіе Московскихъ франтовъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ Англійскихъ фракахъ, и въ очкахъ и безъ очковъ и растрепанныхъ и причесанныхъ. Этотъ конечно Англичанинъ, онъ разиня ротъ смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ! онъ Русакъ и родился въ Суздалѣ. Ну такъ этотъ Французъ; онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревовѣщателѣ, который въ прошломъ годѣ забавлялъ весельчаковъ Парижскихъ. Нѣтъ это старый франтъ, который не ѣзжалъ далѣе Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами. Ну такъ это Нѣмецъ, этотъ блѣдный высокой мущина, который вошелъ съ прекрасною дамою? Ошибся! И онъ Руской, а только молодость провелъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ жена его иностранка: она насилу говоритъ по-руски. Еще разъ ошибся! Она Руская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины, и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Отъ чего же они всѣ хотятъ прослыть иностранцами, картавятъ и кривляются?—отъ чего?... Я на это буду отвѣчать послѣ, а теперь прошу замѣтить этого пожилаго человѣка въ шпорахъ; онъ изобрѣлъ прошлаго года новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и карету безъ козелъ. Онъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ бѣгуномъ и ѣздилъ нарочно въ Лондонъ, чтобъ посовѣтоваться съ извѣстнымъ коноваломъ о болѣзни своей Англійской кобылы.

Вздохнемъ, любезный другъ, отъ глубины сердца и скажемъ съ Аріостомъ:

Дурачься, смертныхъ родъ! Въ лунѣ разсудокъ твой!

Теперь мы видимъ передъ собою иностранныя книжныя лавки. Ихъ множество, и ни одной нельзя назвать богатою въ сравненіи съ Петербургскими. Книги дороги, хорошихъ мало, древнихъ писателей почти вовсе нѣтъ, но за то есть Мадамъ Жанлисъ и Мадамъ Жевинье, два Катихизиса молодыхъ дѣвушекъ и цѣлыя груды Французскихъ романовъ — достойное чтеніе тупаго невѣжества, безсмыслія и разврата. Множество книгъ мистическихъ, назидательныхъ, казуистскихъ и пр. писанныхъ растригами попами (ci-devant soit disant Jésuites), на чердакахъ Парижскихъ, въ пользу добрыхъ женщинъ. Ихъ безпрестанно раскупаютъ и въ Москвѣ, ибо наши модницы не уступаютъ Парижскимъ въ благочестіи, и съ жадностію читаютъ глупыя и скучныя проповѣди, лишь бы только онѣ были написаны на языкѣ *медоточиваго* Фенелона, сладостнаго друга почтенной дѣвицы Гіонъ. Но мы разговаривая пришли въ городъ. Какое стеченіе народа, какое разнообразіе! Это совершенной базаръ Восточной! Здѣсь мы видимъ Грека, Татарина, Турка въ чалмѣ и въ туфляхъ, тамъ сухаго Француза въ башмакахъ, искусно перескакивающаго съ камня на камень, тутъ важнаго Персіанина, тамъ ямщика, который бранится съ торговкою, здѣсь бѣднаго селянина, который, устремилъ оба глаза на великолѣпный цугъ, между тѣмъ какъ его товарищъ разсматриваетъ народныя картины и любуется ихъ замысловатыми надписями. Вотъ и цѣлый рядъ Рускихъ книжныхъ лавокъ, иныя весьма бѣдны. Кто не бывалъ въ Москвѣ, тотъ не знаетъ, что можно торговать книгами точно такъ какъ рыбой, мѣхами, овощами и пр. безъ всякихъ свѣдѣній въ словесности; тотъ не знаетъ, что здѣсь есть фабрика переводовъ, фабрика журналовъ и фабрика романовъ, и что книжные торгаши покупаютъ ученый товаръ, то есть переводы и сочиненія на вѣсъ, приговаривая бѣднымъ авторамъ: не качество, а количество! не слогъ, а число листовъ! Я боюсь заглянуть въ лавку, ибо къ стыду нашему думаю, что ни у одного народа нѣтъ и никогда не бывало столь безобразной словесности. Къ щастію многія книги здѣсь въ Москвѣ родятся и здѣсь умираютъ или по крайней мѣрѣ на ближайшихъ ярмонкахъ. Теперь мы выходимъ на Тверской булеваръ, который составляетъ часть обширнаго вала. Вотъ жалкое гульбище для обширнаго и многолюднаго города, какова Москва; но стеченіе народа, прекрасныя утра Апрѣльскія и тихіе вечера Майскіе, привлекаютъ сюда толпы праздныхъ жителей. Хорошій тонъ, мода, требуютъ пожертвованій: и франтъ, и кокетка, и старая вѣстовщица, и жирный откупщикъ скачутъ въ первомъ часу утра съ дальнихъ концовъ Москвы на Тверской булеваръ. Какіе странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите пріѣзжаго изъ Молдавіи офицера, внука этой придворной вѣтхой красавицы, наслѣдника этого подагрика, которые не могутъ налюбоваться его пестрымъ мундиромъ и невинными шалостями; тутъ вы видите провинціальнаго щеголя который пріѣхалъ перенимать моды, и который, кажется, пожираетъ глазами щастливца, прискакавшаго на почтовыхъ съ береговъ Секваны, въ голубыхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица ведетъ за собою толпу обожателей, тамъ старая генеральша болтаетъ съ своей сосѣдкою, а возлѣ ихъ откупщикъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну поло-

вину рода человѣческаго для винокуренія, а другую для пьянства, идетъ медлѣнными шагами съ прекрасною женою и съ карломъ. Университетскій профессоръ въ эпанчѣ, которая бы могла сдѣлать честь покойному Кратесу, пробирается домой или на пыльную кафедру. Шалунъ напѣваетъ водевили и травитъ прохожихъ своимъ пуделемъ, между тѣмъ какъ записной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или приглашенія на обѣдъ. Вотъ гулянье, которое я посѣщалъ всякой день, и почти всегда съ новымъ удовольствіемъ. Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, имѣли всегда особенную прелесть для лѣнивцевъ, для праздныхъ, и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать физіономіи. А я изъ числа первыхъ и послѣднихъ. Прибавлю къ этому: на гулянье приѣзжаютъ одни чтобъ отдыхать отъ заботъ, другіе ходить и дышать свѣжимъ воздухомъ; женщины приѣзжаютъ собирать похвалы, мущины удивляться—и лицы всѣхъ почти спокойны. Здѣсь страсти засыпаютъ; люди становятся людьми; одно самолюбіе не дремлетъ; оно всегда на часахъ; но и оно имѣетъ здѣсь привлекательный видъ, и оно заставляетъ улыбнуться стараго игрока гораздо привѣтливѣе, нежели за карточнымъ столомъ. Наконецъ на гуляньи всѣ кажутся щастливыми, и это меня радуетъ какъ ребенка, ибо я никогда не любилъ скучныхъ и заботливыхъ лицъ.

Теперь мы опять вышли на улицу; взгляни на право, потомъ на лѣво и дѣлай самъ замѣчанія, ибо увидишь вдругъ всю Москву со всѣми ея противуположностями.

Вотъ большая карета, которую насилу тянетъ четверня: въ ней чудотворный образъ, передъ нимъ монахъ съ большою свѣчей. Вотъ старинная Москва, и остатокъ древняго обряда прародителей.

Посторонись! Этотъ ландо насъ задавитъ: въ немъ сидитъ щеголь и красавица, лошади, лакей, кучера—все въ послѣднемъ вкусѣ. Вотъ и новая Москва, новѣйшіе обычаи!

Взгляни сюда, щастливецъ! Возлѣ огромныхъ чертоговъ вотъ хижина, жалкая обитель нищеты и болѣзней. Здѣсь цѣлое семейство, изнуренное нуждами, голодомъ и стужей—дѣти полунагія, мать за прялицей, отецъ, старый заслуженный офицеръ въ изорванномъ маіорскомъ камзолѣ, починиваетъ старые башмаки и вѣтхій плащъ, за тѣмъ чтобъ поутру можно было выдти на улицу просить у прохожихъ кусокъ хлѣба, а оттуда пробраться къ человѣколюбивому лекарю, который посѣщаетъ его больную дочь. Вотъ Москва, большой городъ, жилище роскоши и нищеты.

Но здѣсь предъ нами огромныя палаты съ высокими мраморными столбами, съ большимъ подъѣздомъ. Этотъ домъ открытъ для всякаго, кто можетъ сказать роскошному Амфитріону:

Joignez un peu votre inutilité
A ce fardeau de mon oisiveté.

Хозяинъ цѣлый день зѣваетъ у камина, между тѣмъ какъ вокругъ его все въ движеніи, роговая музыка гремитъ на хорахъ, вся челядь въ галунахъ, и роскошь опрокинула на столъ полный рогъ изобилія. Въ этомъ человѣкѣ всѣ страсти исчезли, его сердце, его умъ и душа износились и обвѣтшали. Самое самолюбіе его оставило. Онъ конечно великій философъ, если совершенное равнодушіе посреди образованнаго общества можно назвать мудростію. Онъ окруженъ ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которыхъ онъ презираетъ отъ всей души, но безъ нихъ обойтиться не можетъ. Его тупоуміе невѣроятно. Пользуясь всѣми выгодами

знатнаго состоянія, которымъ онъ обязанъ предкамъ своимъ, онъ даже не знаетъ, въ какихъ губерніяхъ находятся его деревни; за то знаетъ по пальцамъ всѣ подробности двора Лудовика XIV по Запискамъ С. Симона, перечтетъ всѣхъ любовницъ его и Регента одну послѣ другой, и назоветъ всѣ Парижскія улицы. Его домъ можно назвать гостинницей праздности, шума и новостей, посреди которыхъ хозяинъ осужденъ на вѣчную скуку и вѣчное бездѣйствіе. Вотъ слѣдствіе роскоши и праздности въ сей обширнѣйшей изъ столицъ, въ семъ маломъ мірѣ!

Я думаю, что ни один городъ не имѣетъ ниже малѣйшаго сходства съ Москвою. Она являетъ рѣдкія противуположности, въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи въ вѣчномъ несогласіи, и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское *цѣлое*, которое мы знаемъ подъ общимъ имянемъ: *Москва*. Но праздность есть нѣчто общее, исключительно принадлежащее сему городу-она болѣе всего примѣтна въ какомъ-то безпокойномъ любопытствѣ жителей, которые безпрестанно ищутъ новаго разсѣянія. Въ Москвѣ *отдыхаютъ*, въ другихъ городахъ трудятся менѣе или болѣе, и потому-то въ Москвѣ знаютъ скуку со всѣми ея мученіями. Здѣсь хвалятся гостепріимствомъ, но между нами, что значитъ это слово? Часто любопытство. Въ другихъ городахъ васъ узнаютъ съ хорошей стороны и приглашаютъ навсегда; въ Москвѣ сперва пригласятъ, а послѣ узнаютъ. Музыка прошлой зимы вскружила всѣмъ головы. Вся Москва пѣла—я думаю отъ скуки. Нынѣ вся Москва танцуетъ—отъ скуки. Здѣсь всѣ влюблены, или стараются влюбляться. Я бьюсь объ закладъ, что это дѣлается отъ скуки. Молодыя женщины играютъ на театрѣ, а старухи ѣздятъ по монастырямъ отъ скуки, и это всякому извѣстно. Карусель, который стоилъ столько издержекъ, родился отъ скуки. Однимъ словомъ, здѣсь скуку можно назвать великою пружиною: она поясняетъ много странныхъ обстоятельствъ. Для жителей Московскихъ необходимо нужны новыя гулянья, новые праздники, новыя зрѣлища и новыя лица. Здѣсь славная актриса Жоржъ принята была съ восторгомъ и скоро наскучила большому свѣту. Сію холодность къ дарованію издатель Рускаго Вѣстника готовъ приписать къ патріотизму; онъ весьма грубо ошибается.

Москва есть большой провинціальный городъ, единственный, несравненный. Ибо что значитъ имя столицы безъ двора? Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ. Здѣсь всякой можетъ дурачиться какъ хочетъ, жить и умереть чудакомъ. Самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ каррикатуръ. Какое обширное поле для комическихъ авторовъ, и какъ они мало чувствуютъ цѣну собственной неистощимой руды. Надобно еще замѣтить, что здѣсь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравовъ, придаетъ какое-то добродушіе и откровенность всѣмъ поступкамъ. Это замѣтилъ мнѣ Англичанинъ путешественникъ, который называлъ Москву прелестнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и прощался съ нею со слезами.

Но время летитъ, и почти часъ обѣда приходитъ. Мы опоздали зайти въ этотъ домъ, котораго наружность вовсе не привлекательна. Здѣсь большой дворъ, заваленный соромъ и дровами, позади огородъ съ простыми овощами, а подъ домомъ большой подъѣздъ съ перилами, какъ водилось у

нашихъ дѣдовъ. Войдя въ домъ, мы могли бы увидѣть въ прихожей слугъ оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые отъ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты въ ростъ царей Рускихъ; а напротивъ Юдиѳь, держащая окровавленную голову Голоферма надъ большимъ серебренымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой зміею—чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Сквозь окны мы можемъ видѣть накрытый столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ, по правую сторону приходской попъ, приходской учитель и шутъ, а по лѣвую толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ Нѣмцевъ. О! это домъ стараго Москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство. Пойдемъ далѣе. Вотъ маленькой деревянной домъ, съ палисадникомъ, съ чистымъ дворомъ, обсаженнымъ сиренями, акасіями и цвѣтами. У дверей насъ встрѣчаетъ учтивой слуга не въ богатой ливрѣѣ, но въ простомъ опрятномъ фракѣ. Мы спрашиваемъ хозяина: войдите! Комнаты чисты, стѣны расписаны искусной кистію, а подъ ногами богатые ковры и полъ лакированный. Зеркала, свѣтильники, кресла, диваны, все прелестно и кажется отдѣлано самимъ богомъ вкуса. Здѣсь и общество совершенно противно тому, которое мы видѣли въ сосѣднемъ домѣ. Здѣсь обитаетъ привѣтливость, пристойность и людскость. Хозяйка зоветъ насъ къ столу, мы сядемъ гдѣ хотимъ, безъ принужденія, и, можетъ быть, развеселенный старымъ виномъ я скажу, только не въ слухъ:

Налейте мнѣ еще шампанскаго стаканъ,
Я сердцемъ Славянинъ — желудкомъ Галломанъ!

Вотъ ударило шесть часовъ, мы можемъ идти въ театръ. Я скажу тебѣ, что я видѣлъ въ Петербургѣ дурныхъ актеровъ, слышалъ на сцѣнѣ нестройные крики, провинціальное нарѣчіе, видѣлъ кривлянія, подлые жесты и самые дурные навыки; видѣлъ, что актеръ не умѣлъ и не хотѣлъ понимать своей роли, читалъ въ глазахъ его самое глубокое невѣжество; однимъ словомъ я видѣлъ Рускую комедію, Рускую трагедію и оперу; видѣлъ и сказалъ: можетъ ли что быть хуже этого? Теперь, побывавъ въ Московскомъ театрѣ, могу смѣло отвѣчать самому себѣ: можетъ!—и есть хуже! Здѣсь опера не хороша, комедія еще хуже, а трагедія и еще хуже комедіи. Но Французскіе актеры не лучше Рускихъ. Я видѣлъ Тезея, которому мнѣ хотѣлось сказать: братецъ, вычисти мнѣ сапоги! Я бьюся объ закладъ, что онъ былъ честный артистъ-décroteur, и постепенно переходя изъ состоянія въ состояніе, сдѣлался наконецъ актеромъ, вопреки уму и природѣ, и теперь весьма спокойно тиранитъ стихи Ивана Расина въ бѣлокаменной Москвѣ. Я видѣлъ Ипполита, сего дикаго Скиѳа, которому въ уста безсмертный авторъ Федры вложилъ прекраснѣйшіе стихи, я видѣлъ сего гордаго Ипполита въ самомъ жалкомъ положеніи: черные его волосы, которые до сихъ поръ, падая по высокому стройному челу вились кудрями подобно кудрямъ Аполлона Бельведерскаго, сіи волосы—порыжѣли! чистые пламенные глаза его сдѣлались отъ времени свинцовыми. Конечно нашъ Скиѳъ немного поразвратился. Ноги и руки жалкимъ образомъ высохли и пожелтѣли. Голосъ звонкій чистый, голосъ дѣвственника Ипполита, сдѣлался вялъ, тяжелъ и совершенно охрипъ. Однимъ словомъ Ипполитъ Расиновъ или Эврипидовъ превратился въ бѣднаго Фаржа, Француза, который живетъ на Кузнец-

комъ мосту въ магазинѣ духовъ и помадъ.

Занавѣсъ поднимается. Ты можешь повѣрить мои замѣчанія, или лучше, недождавшись конца Французской трагедіи, воспользоваться прекраснымъ Майскимъ вечеромъ на Прѣснѣ. Пруды украшаютъ городъ и дѣлаютъ прелестное гулянье. Тамъ сбираются тѣ, которые не имѣютъ подмосковныхъ, и гуляютъ до ночи. Посмотри какъ эти мосты и рѣшетки красивы. Жаль, что берега, украшенные столь миловидными домами и зеленымъ лугомъ, не довольно широки. Большое стеченіе экипажей со всѣхъ концовъ обширнаго города, пѣвчіе и роговая музыка дѣлаютъ сіе гульбище однимъ изъ пріятнѣйшихъ. Здѣсь тѣ же люди, что̀ на булеварѣ, но съ большею свободою. Какое множество прелестныхъ женщинъ! Москву по истинѣ можно назвать Цитерою. Посмотри! этой малюткѣ четырнадцать лѣтъ, и она такъ невинно улыбается! Но вотъ идетъ красавица: ее всѣ знаютъ подъ симъ названіемъ, теперь она первая по городу. За ней толпа—а мужъ, спокойно зѣвая позади, говоритъ о Турецкой войнѣ и о травлѣ медвѣдей. Супруга его уронила перчатку, и молодой человѣкъ ее поднялъ. Жаль, что этого не видалъ старый болтунъ N... отставный полковникъ, который промышляетъ новостями. Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу кумѣ-болтуньѣ-спорщицѣ, пожилой бригадиршѣ, жарко нарумяненной, набѣленной и закутанной въ черную мантилью. Посторонитесь вы, господа, и вы, молодыя дѣвушки! Она вашъ Аргусъ неусыпный, ваша совѣсть, все знаетъ, все замѣчаетъ и завтра же поѣдетъ разсказывать по монастырямъ, что такая-то наступила на ногу такому-то, что этотъ поблѣднѣлъ, говоря съ той, а та наканунѣ поссорилась съ мужемъ, потому что сегодня, разговаривая съ его братомъ, разгорѣлась какъ роза. Какой это чудакъ, закутанный въ шубу, въ бархатныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ? За нимъ идетъ слуга съ термометромъ. О, это человѣкъ, который болѣе полувѣка, какъ все простужается! Замѣтимъ этихъ щеголей; они такъ заняты собою! Одинъ въ цвѣтномъ платочкѣ съ букетомъ цвѣтовъ, съ лорнетомъ, такъ нѣжно улыбается, и въ улыбкѣ его виденъ слѣдъ труда. Другой молчитъ, завсегда молчитъ, онъ умѣетъ одѣваться, ерошить волосы, а говорить не мастеръ. Тамъ, вдали на лавкѣ, сидитъ красавица, полупоблеклая. Она вздохнула... еще разъ... о томъ, что ея мѣсто заступила новая, которая идетъ мимо ее и гордо улыбается. Постой прелестница! еще двѣ весны, и ты, въ свою очередь, будешь сидѣть одна на лавкѣ; ты идешь, и время за тобою. Куда спѣшитъ этотъ пожилой холостякъ? онъ задыхается отъ жиру, и потъ съ него катится ручьями. Онъ спѣшитъ въ Англійской клубъ пробовать новаго повара и заморской портеръ. А этотъ гусаръ о чемъ призадумался, оперпись на свою саблю! О, причина важная! вчера онъ былъ одинъ во всей Москвѣ, теперь явился другой гусаръ, во сто разъ милѣе и любезнѣе: по крайней мѣрѣ такъ говорятъ въ домѣ княгини N., которая по произволенію раздаетъ умъ и любезность—и его бѣднаго забыла! Но кто это болтаетъ палкою въ прудѣ съ большимъ успѣхомъ, ибо на него посмотрѣли двѣ мимоидущія старухи, двѣ столѣтнія Парки. О! не мѣшайте ему. Это тотъ важный, глубокомысленный человѣкъ, который мутилъ въ дѣлахъ государственныхъ, и теперь пузыритъ воду. Вотъ два чудака: одинъ изъ нихъ бранитъ погоду—а время очень хорошо; другой бранитъ людей—а люди все тѣ же; и оба бранятъ правительство, которое въ нихъ нужды не имѣетъ и, что̀ всего досаднѣе, не заботится о ихъ рѣчахъ. Оба они *недовольные*. Они очень жалки! Одинъ

имѣетъ сто тысячь доходу, и желудокъ его варить не можетъ. Другой прожился на фейрверкахъ и называетъ людей неблагодарными за то, что они не собираются въ его садъ, въ глубокую полночь. Но кто этотъ пожилой человѣкъ, высокій и блѣдный, какъ покойный капитанъ Хинъ-Хилла. Старый щеголь, великой мастеръ дѣлать визиты, который на погребеніяхъ и на свадьбахъ является какъ тѣнь, какъ памятникъ временъ Екатерининскихъ; онъ человѣкъ праздный, говорунъ скучной, ибо лгать не умѣетъ, за недостаткомъ воображенія, а молчать не можетъ, за недостаткомъ мысленной силы. Это гульбище имѣетъ великое сходство съ Полями Елисейскими.

Здѣсь мы видимъ тѣни великихъ людей, которые, отыгравъ важныя роли въ свѣтѣ, запросто прогуливаются въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ пережили свою славу. Eheu fugaces!..

Но заря потухаетъ. Всѣ разъѣхались. Прости, до будущей прогулки!

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА-АДЪЮТАНТА ОТРОЩЕНКИ

о послѣдователяхъ Конарскаго.

Буйный духъ Польскихъ магнатовъ, презирая власть избранныхъ ими королей, колебалъ безпрестанно несчастное это государство междусобными раздорами, наводя тѣмъ безпокойство и сосѣднимъ государствамъ. Благоразумная политика сосѣднихъ державъ послѣ миролюбныхъ средствъ, принуждена была, для общаго спокойствія, употребить силу и раздѣлить царство это между собою, дабы упрочить благосостояніе его народа на незыблемомъ основаніи подъ сѣнію своего покрова. Гордость и эгоизмъ магнатовъ разслабилъ тѣло это, и оно развалилось на три части. Войска его, испытывая неоднократные удары Россіи, перешли въ Австрію и потомъ измѣннически передались Французамъ, которые обѣщали возстановить въ Польшѣ республику, и Поляки до того повѣрили, что сложили въ честь ихъ пѣсни.

Между тѣмъ, страна эта, наслаждалась 15 лѣтъ подъ сѣнію благотворныхъ законовъ тишиною и начала чувствовать благосостояніе. Поляки молодые вступили въ ряды воиновъ благодѣтельствовавшихъ имъ державъ и подъ ихъ знаменами служили вѣрно, какъ дѣти одного семейства. Бѣшенные Французы, упившись своею кровью, познали наконецъ необходимость верховной самодержавной власти и добровольно избрали Наполеона императоромъ. Могущественный этотъ геній, убивъ кровожадный Конвентъ, началъ потрясать сопредѣльныя державы и задумалъ завоеваніе Россіи. Поляки, бывъ ослѣплены его счастливыми военными успѣхами, предались ему и служили усердно, полагая, что судьба назначила ему быть возстановителемъ Польши; но онъ въ 1807 году оторвалъ только части нѣкоторыхъ ея владѣній отъ Австріи и Пруссіи, соединя ихъ, наименовалъ герцогствомъ Варшавскимъ и присоединилъ къ королевству Саксонскому, устроивая такимъ образомъ себѣ свободный путь къ предѣламъ Россіи, могущество которой его безпокоило. Но Поляки, опираясь на этотъ рыхлый комокъ, мечтали присоединить всѣ отвалившіеся обломки королевства Польскаго.

Наполеонъ, сей бичъ разгнѣванныхъ Небесъ, окрылившись постояннымъ

счастіемъ, собравъ подъ свои знамена разноплеменные народы, дерзко налетѣлъ въ 1812 году на Россію и какъ туча грозная достигъ древней ея столицы Москвы; но тутъ запутался въ сѣтяхъ Кутузова и въ пламени пожара ея опалилъ свои крылья. Непобѣдимые воины его погибли въ предѣлахъ Россіи, а съ гибелью ихъ исчезла и надежда Поляковъ. Но Александръ Благословенный, царь Россіи, въ 1814 году, взойдя въ Парижъ, принялъ ихъ подъ свое покровительство, далъ имъ титулъ Царства Польскаго, и бывшее герцогство Варшавское содѣлалось такъ счастливымъ, какимъ никогда не была Польша въ свои лучшія времена. Но Поляки забыли благодѣянія Россіи и обратились къ безумію своему. Они въ 1830 году вздумали сдѣлаться самостоятельнымъ народомъ и соединить въ одно тѣло всѣ отпавшія части.

Мятежная буря, возникшая въ царствѣ Польскомъ, порывомъ своимъ поколебала и всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши къ Россіи. Она вырвала изъ нѣдръ семействъ отцевъ, дѣтей, родственниковъ, и унесла безвозвратно богатства, сбереженныя многими годами.

Россія, съ чувствомъ материнскаго состраданія, призывала дѣтей заблудшихъ въ свои объятія. Но безумцы, презирая голосъ ея, бросились изъ колыбели родной въ пылъ мятежныхъ Французовъ. Они мечтали, что тѣ примутъ участіе въ замыслахъ ихъ и пойдутъ съ мечемъ и огнемъ на грудь родины ихъ и на покровительницу ея, могущественную Россію. Жалки Поляки, образованные невѣжды. Французы не забыли еще урока, даннаго имъ въ 1812 году; время еще не изгладило могилъ ихъ на землѣ Русской.

Россія, истощивъ всѣ мѣры кротости къ преступнымъ энтузіастамъ, изрекла наконецъ приговоръ свой и затворила навсегда входъ для нихъ въ свои предѣлы. Рѣшеніе ея справедливо, законъ и благосостояніе государства требовали отринуть изъ нѣдръ своихъ нарушителей народнаго спокойствія. Они достойны этого наказанія по чувствамъ Русскаго народа и благомыслящихъ людей; но семейства магнатовъ не могли раздѣлять этихъ чувствъ, не могли чуждаться своихъ членовъ и по чувствамъ родства и по чувствамъ патріотизма: они исполняли ихъ тайныя, искреннія желанія. Поляки говорили: Dla czego te okrucienstwa!

Изгнанные безумцы, обманутые въ своихъ надеждахъ, наскучивъ подстрекателямъ своимъ Французамъ, разсѣялись по лицу Европы, Азіи, Африки и Америки, но не переставали думать о родинѣ своей и мятежными воплями своими наскучили вездѣ и всѣмъ. Французы, наставники ихъ, по методѣ обожаемаго Поляками Наполеона, погнали легіоны этихъ вредныхъ тунеядцевъ на убой въ Испанію и Африку. Испанія выгнала ихъ изъ своихъ предѣловъ. Изступленные мятежники, не видя конца своимъ желаніямъ, начали изыскивать средства, хотя отдаленныя, къ достиженію своей цѣли. Блуждающая мысль въ хаосѣ идей произвела эмиссаровъ, рѣшившихся съ самоотверженіемъ идти въ родной край съ пропагандою для распространенія враждебнаго намѣренія между народомъ и войскомъ. Они нашли себѣ у Польскихъ помѣщиковъ пріютъ и обильныя вспомогательныя средства.

Земская полиція, составленная изъ туземцевъ, принимавшая ревностное участіе въ мятежѣ 1830 года, покровительствовала имъ до того, что эмиссары приготовили уже матеріалы для учрежденія собственной типографіи, чтобы, посредствомъ издаваемыхъ книгъ воспламенить народный духъ къ возмущенію, прикрывая злонамѣренный умыселъ очищеніемъ Польскаго языка.

Умыселъ этотъ обнаружился: эмиссаръ Конарскій и нѣсколько сообщниковъ его изъ разныхъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши, схвачены, и надъ ними наряжена слѣдственная коммиссія въ городѣ Вильнѣ, гдѣ, въ продолженіи ея дѣйствій, Русскій уроженецъ, Ново-Ингерманландскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Кузминъ-Короваевъ, по чувствамъ любви къ дѣвицѣ графинѣ Олизаръ, запутался между преступниковъ и принялъ дѣятельное участіе въ ихъ судьбѣ.

Эмиссаръ Конарскій и его сообщники осуждены и по мѣрѣ ихъ преступленія наказаны: Конарскій разстрѣлянъ въ г. Вильнѣ предъ многочисленнымъ народомъ, а прочіе сосланы въ ссылку. Короваевъ также осужденъ, но дѣло его отослано на конфирмацію высшаго начальства; а его самаго велѣно содержать на гауптвахтѣ, въ Виленской цитадели. Когда преступникамъ былъ уже прочитанъ приговоръ, мѣстное начальство, по какому-то странному внушенію, сдѣлалось къ нимъ снисходительно и признало возможнымъ приговоренныхъ къ ссылкѣ отпустить по собственнымъ ихъ квартирамъ въ городѣ за особымъ, для каждаго изъ нихъ, карауломъ изъ трехъ рядовыхъ.

Снисхожденіе это, по чувству сострадания къ ближнему, похвально, но по отношенію къ политическимъ преступникамъ весьма неумѣстно. Только то благодѣтельное снисхожденіе можетъ одобрить чистая совѣсть, которое не производитъ въ послѣдствіи зла; но тутъ, при свободномъ доступѣ всякаго къ ссылочнымъ, могло составиться условное предположеніе, съ тайными соревнователями, о продолженіи начатаго безумнаго дѣла. По показанію Гильдебранта, Ромеръ, закоснѣлый врагъ правительства, намѣренъ былъ распространять свое правило и въ ссылкѣ между сосланными прежде него.

Гильдебрантъ и Мошинскій, оставшіеся еще подъ карауломъ въ Базиліанскомъ монастырѣ, возобновили распространеніе возмутительныхъ прокламацій.

Кромѣ сего, въ бытность ихъ по квартирамъ, представлялся удобный случай къ развращенію солдатъ, бывшихъ у нихъ на караулѣ. Весьма вѣроятно, что арестанты кормили ихъ, давали имъ водку и деньги, подъ видомъ сострадания къ ихъ положенію, и это чрезвычайно ослабило бдительность караула. Часовой у дверей, безъ сомнѣнія, стоялъ для того только, чтобы не ушелъ арестантъ (котораго онъ, можетъ быть, и въ лицо не видалъ) а до тѣхъ лицъ, которыя приходили къ арестанту, ему дѣла не было. Товарищи его гдѣ нибудь спали на кухнѣ, полагая, что арестанты эти неважные, потому что распущены по домамъ. Караульные эти, возвращаясь въ казармы, разсказывали о всемъ товарищамъ своимъ. Изъ сего въ послѣдствіи вышло то, что караульные, стоявшіе въ Базиліанскомъ монастырѣ, брали отъ арестантовъ кушанье и деньги. Выше уже сказано, что преступники сосланы, но тайные ихъ соумышленники остались въ Вильнѣ. Смерть Конарскаго развила патріотизмъ ихъ до изступленія. Женщины считали его мученикомъ, а сосланныхъ — невинными страдальцами, къ числу ихъ относя и Короваева.

Молодой этотъ человѣкъ, будучи помѣщенъ въ цитадели, на гауптвахтѣ, въ офицерской караульной комнатѣ, началъ внушать состраданіе къ своему положенію въ неопытныхъ молодыхъ офицерахъ, содержавшаго тогда караулъ, Принца Карла Прусскаго полка, выставляя себя страждущимъ безвинно и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывая дѣйствія государственныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ онъ расположилъ ихъ къ себѣ до того, что былъ ими отпускаемъ по ночамъ въ городъ подъ разными предлогами (хотя

офицеры и не сознавались въ этомъ) и имѣлъ свиданія какъ съ политическими арестантами, содержавшимися въ кляшторѣ Базиліановъ и въ тюремномъ замкѣ, такъ и съ тайными соумышленниками, живущими на свободѣ.

Вовлекши офицеровъ къ преступленію своего долга по службѣ, Короваевъ вѣроятно началъ внушать имъ либеральныя мысли и непримѣтно содѣлывать ихъ сообщниками своихъ замысловъ. Но этотъ полкъ смѣнился съ караула, а на мѣсто его вступилъ въ Вильну Эстляндскій Егерскій полкъ; вѣроятно при смѣнѣ карауловъ, офицеры Принца Карла Прускаго полка передали смѣняющимъ ихъ, что Короваевъ былъ отпускаемъ ими въ городъ по ночамъ и что онъ всегда въ назначенный часъ возвращался домой, и послѣдніе нашли возможнымъ слѣдовать ихъ примѣру.

Около второго, или 3-го числа Марта мѣсяца 1839 года, одинъ изъ офицеровъ Эстляндскаго полка Парижскій уроженецъ прапорщикъ Делюсине свелъ знакомство съ Короваевымъ и, по вѣтренному своему характеру, тотчасъ же, какъ онъ самъ говорилъ, сдружился съ нимъ. Короваевъ совѣтовалъ ему познакомиться съ Гильдебрантомъ и Мошинскимъ, содержавшимися послѣ рѣшенія дѣла Конарскаго въ кляшторѣ Базиліановъ. Делюсине, находясь 28-го Марта въ караулѣ при кляшторѣ, познакомился съ ними, устроивъ имъ свиданіе съ Короваевымъ и содѣлался ревностнымъ покровителемъ и сподвижникомъ въ замыслахъ: уговаривалъ караульныхъ унтеръ-офицеровъ (караулъ офицерскій былъ замѣняемъ унтеръ-офицерскимъ, по распоряженію коменданта генер.-лейтенанта Квитницкаго); къ выпуску ихъ въ городъ по ночамъ, ходилъ съ ними вмѣстѣ, давая имъ свой мундиръ, а самъ одѣвался въ арестантское платье; давалъ за это унтеръ-офицерамъ деньги, позволялъ имъ брать отъ арестантовъ кушанье, а впослѣдствіи и деньги; потомъ познакомился съ Малецкимъ, Валицкимъ, Эйзенблатеромъ и прочими студентами, изгнанными изъ Дерптскаго университета, которые проживали въ Вильнѣ.

Снядецкая, — одна изъ пламенныхъ патріотокъ, изступленная послѣдовательница пропаганды Конарскаго, съ графинею Олизаръ, Платеровою, Ромеровою и прочими, ревностно содѣйствовала умноженію соумышленниковъ для составленія общества. Она приходила сама къ арестантамъ и приводила къ нимъ другихъ дамъ; присылала кушанье чрезъ Малецкаго и снабжала деньгами Гильдебранта и Мошинскаго. Кромѣ того, Снядецкая приказала сдѣлать серебренныя кольца въ память смерти Конарскаго съ именами извѣстныхъ уже единомышленниковъ, въ томъ числѣ были Короваевъ и Делюсине. На кольцахъ было отпечатано всевидящее око и вырѣзанъ годъ 1839. Когда же обнаружился замыселъ, то Снядецкая сперва говорила, что кольца сдѣлала въ память кончины отца своего и раздала бывшимъ при погребеніи его студентамъ; но отецъ ея умеръ въ 1838 году. Напослѣдокъ говорила, что кольцы эти имѣли то значеніе, чтобы Провидѣніе спасло носящихъ ихъ отъ подобнаго года, какъ 1839, потому что Конарскій казненъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1839 года.

Между тѣмъ, узнавъ, что нѣсколько колецъ уже отобраны слѣдователемъ княземъ Трубецкимъ, Снядецкая поспѣшно велѣла собрать кольца, а вмѣсто ихъ отлить таблички съ надписью, но они тоже были захвачены. Тогда она сказала, что бываетъ подвержена умопомѣшательству, а на то что бывала у Мошинскаго и Гильдебранта объявила, что дѣлала это по долгу религіи, которая велитъ посѣщать узниковъ.

На праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова мѣстнымъ правитель-

ствомъ было допущено устроить для арестантовъ, въ особенной комнатѣ Базиліанскаго монастыря, роскошный столъ съ свенцонымъ, за которымъ собирались многіе партикулярные люди мужскаго и женскаго пола, а также и офицеры; въ продолженіи всего праздника каждый день были доставляемы свѣжія яства и вины, остающееся было отдаваемо караульнымъ.

Въ это время тюрьма эта была болѣе похожа на гостинную, наполненную избранными сообщниками злаго замысла, и все это дѣлалось подъ глазами правительства;—строгость карауловъ ослабла.

Такимъ образомъ послѣдователи Конарскаго начинали составлять въ г. Вильнѣ свое общество въ духѣ его пропаганды; днемъ приходили къ Гильдебранту и Мошинскому посѣтители, а ночью арестанты выходили съ офицерами въ городъ и пьянствовали въ трактирѣ на счетъ пожертвованія тайныхъ единомышленниковъ.

Я прибылъ въ Вильну 9-го Апрѣля для командованія корпусомъ по случаю отъѣзда за-границу корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Гейсмара, и чрезъ нѣсколько дней, замѣтивъ, что Эстляндскаго егерскаго полка офицеры ходятъ по городу, распустивши кивернуую чешую и невнимательны при встрѣчахъ съ начальниками, сначала приказалъ словесно полковымъ командирамъ Ревельскаго и Эстляндскаго егерскихъ полковъ, чтобы офицеры не распускали чешуи и дѣлали бы во фронтъ при встрѣчахъ съ начальниками, а потомъ одного арестовалъ. 3-го числа Мая, во время обѣда, князь Долгоруковъ (*) потихоньку спросилъ у меня, хорошо ли я знаю офицеровъ Эстляндскаго егерскаго полка?—Я не успѣлъ еще близко познакомиться съ ними, отвѣчалъ я ему, спросивъ при томъ у него, что̀ значитъ этотъ вопросъ? — Я послѣ объявлю вамъ, сказалъ онъ.

5-го числа князь Долгоруковъ прислалъ ко мнѣ вице-губернатора князя Трубецкаго съ секретными бумагами, въ которыхъ заключался доносъ находящагося подъ судомъ, штабсъ-капитана Эляшевича и квартальнаго надзирателя Городецкаго (которые квартировали въ одномъ домѣ), что въ городѣ Вильнѣ имѣется заговоръ противу правительства, въ которомъ участвуютъ и офицеры Эстляндскаго егерскаго полка. По этому заговору назначено было время когда убить князя Трубецкаго за то, что онъ яко бы жестоко поступалъ съ преступниками при допросахъ; но время это прошло благополучно безъ всякаго покушенія на жизнь Трубецкаго. Оба доносчика въ заключеніи писали, что они не берутся доказывать справедливость сообщаемаго.

Желая испытать, въ какой степени можно полагаться на увѣренія князя Долгорукаго, я объявилъ ему по секрету, что мнѣ сказалъ полковникъ Озерскій, что жандармскій штабъ-офицеръ Ліобри говорилъ ему, что онъ распрашивалъ товарищей-офицеровъ объ этомъ дѣлѣ и заключаетъ, что все это происходило изъ шалости. 12-го числа князь Долгоруковъ объявилъ о томъ жандармскому штабъ-офицеру и того же числа говорилъ мнѣ, что Снядецкая есть сумасшедшая женщина, что серебренныя кольца сдѣлала она въ память отца ея и намѣрена была раздать студентамъ, бывшимъ при погребеніи его. Снядецкій умеръ и погребенъ въ 1838 году, а на кольцахъ вырѣзанъ 1839-й годъ, а Делюсине не есть студентъ и не былъ при погребеніи отца ея; зачѣмъ же вырѣзаны первоначальныя литеры его имени и фамиліи?

Я пріѣхалъ къ князю Долгорукову и, посовѣтовавшись съ нимъ, положилъ производить разслѣдованіе сколь возможно секретнѣе, чтобы не дѣлать

(*) Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, тогдашній генералъ-губернаторъ того края. *П. Б.*

сего происшествія гласнымъ. Я призвалъ къ себѣ командира полка и объявилъ ему объ этомъ, который сказалъ, что Делюсине вѣтренный офицеръ и что онъ намѣренъ былъ арестовать его за неисполненіе своей обязанности, почему я приказалъ отдать приказъ объ арестованіи его на три дня съ посаженіемъ на гаубтвахту за упущенія по службѣ и въ тоже время, будучи у князя Долгорукова, условились доносить объ этомъ происшествіи вмѣстѣ и показать другъ другу бумаги, какія будутъ отправлены. Между тѣмъ, разслѣдованіе производилось дѣятельно; доносчики слѣдовали вездѣ за офицерами. Они имѣли подозрѣніе на прапорщика Делюсине, прапорщика Герасимова, Короваева и поручика Шенявскаго.

Князь Трубецкій обратился прежде всѣхъ съ вопросомъ къ прапорщику Герасимову, бывшему, за болѣзнію, въ Виленскомъ госпиталѣ, и отъ него узналъ о прочихъ.

6-го числа въ 2 часа князь Долгоруковъ прислалъ ко мнѣ съ подполковникомъ Юферовымъ рапортъ, который онъ посылаетъ къ главнокомандующему, съ экстра-почтою, въ которомъ, желая оградить себя и своихъ подчиненныхъ отъ отвѣтственности, сказалъ, что это произошло отъ слабости карауловъ. Я, видя, что онъ хотѣлъ предупредить мое донесеніе потому, что почта уже отходила,—сказалъ Юферову: я не ожидалъ, чтобы князь поступилъ такъ со мною, что теперь я долженъ буду посылать мое донесеніе съ нарочнымъ, которое и отправилъ 7-го числа по эстафетѣ, но заключенія никакого не дѣлалъ, а только послалъ копіи со всѣхъ доносовъ.

По слѣдствію же открыто, что прапорщикъ Делюсине имѣлъ тѣсную связь съ Гильдебрантомъ и Мошинскимъ, искалъ бумагъ для ихъ побѣга, давалъ Гильдебранту свой мундиръ, а самъ надѣвалъ его платье, и такимъ образомъ ходили въ городъ. Сверхъ сего, будучи въ пьяномъ видѣ, говорилъ своему деньщику, что Николая не будетъ, но будетъ Французскій Императоръ и что когда выстрѣлять изъ пушки три раза, Россія будетъ уже наша и прочее; сверхъ того, имѣлъ два кольца: одно желѣзное, искусно сдѣланное—отъ Снядецкой и другое золотое. Онъ же предлагалъ услуги вырыть трупъ Конарскаго и передать его желающимъ имѣть его.

Прапорщикъ Герасимовъ былъ участникомъ въ дѣйствіяхъ Делюсине и Короваева, но еще не могъ понимать въ полномъ смыслѣ пропаганды Конарскаго. Потомъ, когда узналъ, что Делюсине арестованъ, то просилъ прапорщика Ревельскаго егерскаго полка Баривица написать записочку къ подпоручику Шенявскому, дабы тотъ предупредилъ Короваева, чтобы тотъ истребилъ бумаги, какія у него имѣются, и сверхъ сего, выпускалъ Короваева ночью въ городъ.

Прапорщикъ Баривицъ, будучи тутъ же больнымъ вмѣстѣ съ Герасимовымъ, написалъ записочку попольски къ Шенявскому.

Поручикъ Огонь-Догановскій бывалъ съ прапорщикомъ Делюсине у Гильдебранта и Мошинскаго и усердно слушалъ уроки ихъ пропаганды.

Стоявшіе во время содержанія караула въ кляшторѣ Базиліянскомъ дозволяли Гильдебранту выходить, по ночамъ, съ Делюсине въ городъ.

При первоначальномъ открытіи сего дѣла, мѣстному начальству показалось страннымъ, что Гильдебрантъ и Мошинскій, имѣя возможность бѣжать, не воспользовались счастливымъ случаемъ; оно было почти увѣрено въ томъ, что они были невинны. При-

нявши же въ соображенiе обстоятельства, показанныя Делюсине можно имѣть сильное подозрѣнiе, что присутствiе ихъ еще нужно было для распространенiя козней, и по сему должно заключить, что Гильдебрантъ и Мошинскiй намѣрены были составить заговоръ съ помощiю Снядецкой, Ромеровой, Олизаръ, Кончи и прочихъ.

10-го числа Iюня содержавшiйся въ кляшторѣ миссiонеръ студентъ Королевичъ повѣсился.

Изъ розысканiй по сему дѣлу открыто (по 22-е Сентября), что это зло произошло:

1-е. Отъ безпечности мѣстнаго начальства и недостатка въ строгомъ наблюденiи за карауломъ.

2-е. Отъ безпечности городской полицiи, потому что она не могла знать, гдѣ что дѣлается по ночамъ въ трактирахъ.

3-е. Отъ неумѣстнаго снисхожденiя мѣстнаго начальства къ ссыльнымъ преступникамъ, дозволившаго имъ жить въ городѣ по квартирамъ, за присмотромъ караула изъ трехъ солдатъ для каждаго. Это былъ первый шагъ къ ослабленiю строгости карауловъ.

4-е. Отъ допущенiя къ Конарскому, наканунѣ его казни, для прощанья, всѣхъ, кто только хотѣлъ. При этомъ случаѣ онъ могъ укрѣплять ихъ своими зловредными наставленiями. Гильдебрантъ объявилъ унтеръ-офицеру Одинцу, что они смѣялись такому распоряженiю правительства.

5-е. Отъ помѣщенiя Короваева на арсенальной гаубтвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ, вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ (несмотря на то, что тамъ имѣлись отдѣльныя комнаты), гдѣ натурально долженъ былъ заводиться разговоръ Короваева съ караульными офицерами, при чемъ онъ могъ уговаривать легкомысленныхъ или неопытныхъ отпускать его ночью въ городъ.

6-е. Отъ соединенiя въ Базилiанскомъ кляшторѣ въ одну комнату, послѣ отправленiя ссыльныхъ арестантовъ, послѣдователей Конарскаго: Гильдебранта, Мошинскаго, Малецкаго и дозволенiя приходить къ нимъ разнымъ постороннимъ лицамъ; изъ чего караульные солдаты могли заключить, что эти арестанты не суть важные.

Вотъ главныя причины возрожденiя глупыхъ затѣй, которыя не моглибы случиться, еслибы мѣстное правительство постоянно было строго къ исполненiю своихъ обязанностей.

Всякому здравомыслящему человѣку можно разсудить, что сумазбродные эти замыслы не могли произвести ничего важнаго: съ паденiемъ Варшавы, исчезла для Поляковъ возможность къ великимъ потрясенiямъ порядка. Если въ то время, когда во всей Литвѣ поднятъ былъ мятежъ, умы были раздѣлены, то можно ли ожидать теперь единодушнаго дѣйствiя, когда не имѣется въ виду никакой надежной опоры! И потому не должно было торопиться съ представленiемъ и давать дѣлу этому важнаго виду; но смотрѣть на него, какъ на дѣло сумасшедшихъ и принять такiя мѣры, чтобы лишить ихъ оружiя, которымъ они могли наносить вредъ себѣ и другимъ, то есть сумазбродныхъ заключить въ домъ сумасшедшихъ, имѣнiя отобрать въ казну пока выздоровѣютъ сумасшедшiе, а потомъ, для испытанiя, послать ихъ въ Сибирь на поселенiе. Офицеровъ послать на покаянiе на Кавказъ и до того времени не повышать ихъ чиномъ, пока не удовлетворится справедливый гнѣвъ Монарха.

Верховное начальство, коему ввѣрено управленiе страною, мечемъ прiобрѣтенною, должно быть всегда готово къ подобнымъ явленiямъ, и они

не должны ему казаться необыкновенными происшествіями; они обязаны прекращать ихъ предоставленною имъ властью, не давая сему злу распространяться далеко, но убивать его при самомъ зарожденіи.

Для этого должно имѣть вѣрную и бдительную полицію и слѣдовательно *съ большою разборчивостію допускать людей къ сей должности*; между тѣмъ, теперь допущены къ разнымъ должностямъ по земской полиціи лица, предводительствовавшія партіями мятежниковъ. Здѣшняя, какъ гражданская, такъ и земская полиція или вообще исполнительная власть, должна быть отъ короны и не изъ туземцевъ, и за малѣйшее преступленіе должно наказывать чиновниковъ строго; положить двойное жалованье, и за взятки лишать чиновъ. Туземцамъ предоставлять одну судебную власть; адвокатовъ, какъ зловредныхъ людей, имѣть подъ строгимъ наблюденіемъ тайной полиціи.

Сверхъ сего, должно ограждать крестьянъ отъ притѣсненія помѣщиковъ, дабы поставить ихъ въ увѣренности, что правительство заботится объ нихъ.

Въ 1841 году, одинъ изъ числа изгнанниковъ, Курнатовскій, возвратился на родину и, будучи на вечерѣ у военнаго начальника Соболева, разсказывалъ, что „Французы были привѣтливы и предупредительны до тѣхъ поръ, пока у насъ были деньги; когда же деньги истощились, тогда исчезло все и, мы увидѣли, что въ народѣ этомъ нѣтъ никакого состраданія, и что всѣ несчастные добровольные отступники завидуютъ ему, что онъ возвратился на свою родину.“

*

18 Ноября (30 *Listopada*) открытъ въ Варшавѣ, на Саксонской площади, памятникъ, воздвигнутый Полякамъ, убитымъ во время революціи 17 (29) Ноября 1830 года. На ономъ надпись: „Полякамъ, падшимъ 17 (29) Ноября 1830-го года за вѣрность своему Государю.“

Имена Поляковъ, падшихъ за вѣрность своему Государю: Генералъ отъ Артил., Сенат., воевода, начальникъ Крѣпос. Арт. и онъ-же генералъ кварт., исправлявшій должность военнаго министра, графъ Маврикій Гауке.

Генералъ отъ инф., генер. адъютантъ, сенаторъ, воевода, начальникъ пѣхоты, графъ Станиславъ Потоцкій.

Бригадный генералъ, генеральный секретарь, правитель коммисіи военныхъ дѣлъ, Іосифъ Новицкій.

Бригадный генералъ, команд. 2-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи, Игнатій Блюммеръ.

Бригадный ген., исправлявшій должность начальника главнаго штаба, Тимофей Семіонтловскій.

Бригадный генер., состоявшій въ штабѣ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, главнокомандовавшій войсками, Станиславъ Трембицкій.

Начальникъ штаба корпуса артиллеріи и инженеровъ, полковникъ Филиппъ Метишевскій.

Памятникъ этотъ—не по сердцу патріотамъ Полякамъ.

Памятникъ этотъ устроенъ на 8-ми угольномъ цоколѣ, вышиною въ 1 ар., одѣтомъ мраморными пластами и имѣющемъ съ каждой стороны по 3 ступени; на этомъ цоколѣ, имѣющемъ 29 аршинъ въ поперечникѣ, лежитъ большая тумба въ $8\frac{1}{2}$ ар. вышины, на коей возвышается обелискъ. Онъ состоитъ изъ 8-ми прямоугольныхъ, выдающихся кубовъ, на которыхъ стоятъ 8 эскарповъ, поддерживающихъ верхній поясъ, окружающій тумбу. На

означенныхъ тумбахъ покоятся 8 бронзовыхъ львовъ, длиною въ 5 аршинъ каждый.

Восемь эскарповъ на вершинахъ своихъ поддерживаютъ 4 квадратныхъ цоколя, такъ что каждый цоколь поддерживается извнѣ двумя эскарпами. На этихъ цоколяхъ находятся четыре крышки въ видѣ антефисовъ съ четырьмя полукруглыми наличниками, украшенными пальмовыми листьями изъ позолоченной брозны, оканчивающимися по краямъ угловъ тремя листами изъ такой же бронзы, служащими для стока воды съ антефисовъ; все это вмѣстѣ образуетъ четыре пьедестала, на коихъ помѣщены четыре гвардейскихъ орла съ приличными эмблематическими украшеніями, отлитые изъ брозны и позолоченные въ огнѣ. Каждый изъ сихъ орловъ, вышиною въ 3 ар. имѣетъ распростертыя крылья, параллельно къ угламъ восми-угольника.

Верхняя часть тумбы, со включеніемъ антефисовъ, окружена карнизомъ, состоящимъ изъ разныхъ бронзовыхъ, вызолоченныхъ и полированныхъ украшеній. Четыре мѣдныя доски, съ надписями (составленными изъ металлическихъ, вызолоченныхъ и полированныхъ буквъ), изъ коихъ двѣ на русскомъ и двѣ на польскомъ языкѣ, образуютъ, съ четырехъ сторонъ, наружныя стѣны тумбы, какъ выше написано.

Печатано съ рукописи, полученной отъ Евдокіи Александровны Отрещонки, владѣющей и другими служебными и автобіографическими бумагами своего свекра.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛАТЫШИ.

1841—1842 годы.

Историческій очеркъ.

Предлагаемая статья составляетъ эпизодъ изъ обширнаго изслѣдованія объ исторіи Прибалтійскихъ губерній, впервыя предпринятаго на языкѣ Русскомъ, и потому Русскому Архиву нельзя не дорожить ею съ точки зрѣнія историографической. Правда, извѣстія ею сообщаемыя, большею частію, не новы; но доселѣ они были разбросаны въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ разныхъ книгахъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей; здѣсь же собраны и приведены въ стройномъ изложеніи. Совокупность точныхъ показаній да послужитъ пріобрѣтеніемъ для истинной исторической науки, и, въ тоже время, обличеніемъ тѣхъ псевдоисторическихъ книгъ и брошюръ, которыя по этому предмету, почти ежемѣсячно, появляются на Нѣмецкомъ языкѣ съ недостойною цѣлью возбуждать общественное мнѣніе Германіи и Европы противъ Россіи и нашего правительства. Впрочемъ, мы рѣшительно отказываемся признавать за этою статьею значеніе полемическое, еще менѣе какое либо отношеніе къ современности: горячность современныхъ пристрастій не должна простираться на событія, которыя освящены для историка почти 30-ти лѣтнею давностью и участники которыхъ почти всѣ давно почиваютъ въ могилахъ. Что же касается до подробностей въ изложеніи и до нѣкоторыхъ личныхъ воззрѣній, то само собою разумѣется, что литературной отвѣтственности за нихъ мы принять не можемъ и даже, при всемъ уваженіи нашемъ къ высокодаровитому автору, позволяемъ себѣ иногда вовсе съ нимъ не соглашаться. *П. Б.*

....Недавно появившіяся въ печати Записки Православнаго Латыша, раскрывъ тѣ внутреннія побужденія, ко-

торыми Лифляндское простонародье увлеклось къ перемѣнѣ вѣры, дали возможность читателямъ заглянуть въ первый разъ въ самую душу Латышей того времени, съ которыми авторъ мучился одною жизнью. Это одна, психическая сторона дѣла; теперь мы обратимся къ внѣшней сторонѣ того же событія: покажемъ, какъ отнеслись къ нему другія сословія, мѣстныя власти и высшее правительство, какія понятія и представленія сложились въ средѣ Русскаго просвѣщеннаго общества о загадочномъ для него стремленіи темной массы, словомъ: мы обставимъ это движеніе совокупностью обстоятельствъ, хотя и не имѣвшихъ въ сущности ничего съ нимъ общаго, но тѣмъ не менѣе обусловившихъ сперва ненормальность его развитія, а затѣмъ печальный его исходъ.

Прежде всего, чтобъ не перебивать разсказа безпрестанными объясненіями, нужно припомнить положеніе края въ 1841 году, когда въ немъ началось религіозное броженіе, и, въ особенности, составить себѣ по возможности точное понятіе о тогдашнемъ положеніи Лифляндскихъ крестьянъ.

Ихъ личныя права, ихъ общественное устройство, ихъ подсудность, ихъ поземельныя отношенія къ помѣщикамъ все еще опредѣлялись Положеніемъ 1819 года, тѣмъ самымъ, котораго пятидесяти-лѣтній юбилей служитъ теперь поводомъ къ торжественнымъ манифестаціямъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Крестьяне слыли лично свободными; но на практикѣ, ощущали свободу преимущественно отрицательною ея стороною, именно: прекращеніемъ прежняго ихъ права, истекавшаго изъ крѣпостныхъ отношеній, на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Послѣдніе относились къ нимъ какъ къ лицамъ для нихъ постороннимъ, не отвѣчали за нихъ ни въ чемъ, а все таки сохраняли надъ ними прежнюю свою власть, только подъ другимъ названіемъ и въ нѣсколько подновленной формѣ. (Полн. собр. законовъ т. XXXVI прилож. къ № 27735 §§ VIII, 63).

Личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они поплатились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи, паспортъ выдавался не иначе какъ съ письменнаго разрѣшенія Ландратской коллегіи, которая, въ свою очередь, выдавала разрѣшеніе не иначе какъ по предъявленіи свидѣтельства мірскаго суда за подписью помѣщика, о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій (§§ 13, 70). Въ предѣлахъ губерніи, перечисленіе изъ одного мірскаго общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться (§§ 25, 64). Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста во всей губерніи, но обязанъ былъ полныхъ три года (отъ одной переписи до другой) оставаться въ томъ приходѣ, къ которому былъ приписанъ (§ 452). Такъ было по закону; но по укоренившемуся обычаю, крестьяне испытывали и другія стѣсненія въ личныхъ своихъ правахъ. Такъ наприм. въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, совершеніе браковъ между крестьянами допускалось не иначе какъ съ предварительнаго, письменно выраженнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось еще въ шестидесятыхъ годахъ и было заявлено оффиціально, пасторомъ, въ перепискѣ происходившей между духовными вѣдомствами, Лютеранскимъ и Православнымъ, по поводу одной жалобы (*).

(*) Подлинное свидѣтельство будетъ приведено въ послѣдствіи, въ главѣ о смѣшанныхъ бракахъ.

Общественная организація сельскаго сословія, въ связи съ судебными и административными учрежденіями въ вѣдѣніи которыхъ состояли крестьяне, не отличалась простотою.

Крестьяне росписаны были на общества, названныя въ Русскомъ текстѣ закона *волостными*; но точнѣе было бы назвать ихъ вотчинными — Gutsgemeinden, такъ какъ однопомѣстность лежала въ основаніи дѣленія на общества; иными словами: за общественную единицу принималась вотчина, и отступленія отъ этого правила допускались только по желанію самихъ вотчинниковъ (§§ 57, 58, 59).

Администрація и судъ, въ той мѣрѣ въ какой они касались крестьянъ, ввѣрены были, въ границахъ вотчины: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ 2) старшинамъ (Vorsteher) 3) общественному или мірскому суду и 4) вотчинному управленію (Gutsverwaltung), неправильно названному въ Русскомъ текстѣ *волостнымъ*, или попросту — помѣщичьей конторѣ, какъ вотчинно-полицейскому управленію (Gutspolizei); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа (*): 5) приходскому суду; въ границахъ уѣзда: 6) уѣздному суду; въ границахъ губерніи: 7) отдѣленію Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Послѣднюю, то есть самую незначительную, роль играли мірскіе сходы. Они собирались не иначе какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его предложеній, или съ его разрѣшенія, въ которомъ оно не въ правѣ было отказать въ томъ лишь случаѣ, когда предстояли выборы. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности какъ нарушитель общественнаго порядка (§§ 72, 73, 74). Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ; въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, вотчинное правленіе могло, если хотѣло, требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, но законъ не ставилъ этого непремѣннымъ условіемъ, такъ что оно могло просто остановить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ, обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ (§§ 78—80). Такъ было по закону; а на практикѣ, дѣло происходило гораздо проще. Чтобъ не тратить по напрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право, въ *крайнихъ случаяхъ* (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края, черезъ посредство двухъ депутатовъ, избранныхъ *непремѣнно* изъ числа старшинъ и членовъ мірскаго суда, то есть изъ должностныхъ лицъ, которыхъ, по закону, утверждалъ, а на практикѣ — назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ, крестьяне должны были сперва увѣдомить вотчинное правленіе (хотя бы жалоба подавалась на него) и запастись у него письменнымъ на то свидѣтельствомъ; въ случаѣ отказа въ свидѣтельствѣ, можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ свидѣтельства, запрещено было принимать жалобы (§ 84). Итакъ, добраться до генералъ-губернатора законнымъ путемъ, когда жалоба приносилась на вотчинное правленіе, было не совсѣмъ легко.

Старшинъ (они же и смотрители хлѣбныхъ магазиновъ) полагалось по два на каждое общество. Слывя по закону представителями и оберегате-

(*) Каждый такой округъ обнималъ нѣсколько приходовъ, не менѣе 2-хъ, обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти, даже до 10-ти.

лями его интересовъ, они, въ обыкновенныхъ случаяхъ, замѣняли сходы, такъ что вотчинное управленіе избавлялось отъ непріятной необходимости сзывать все общество и становиться къ нему лицомъ къ лицу (§§ 85, 88, 95, 514).

Мірской судъ полагался въ каждомъ обществѣ и состоялъ изъ предсѣдателя (который также *управлялъ* сходомъ) и двухъ или болѣе засѣдателей (§§ 75, 98, 100).

Старшины, предсѣдатель и члены мірскаго суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ мѣстнаго общества. Это производилось слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ, въ томъ же числѣ (§§ 90, 101). Такимъ образомъ, вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ избранныхъ обществомъ, на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратою времени, и такъ какъ нельзя же было предполагать въ каждомъ обществѣ такого множества людей внушающихъ къ себѣ довѣріе, то обыкновенно, на практикѣ, дѣло происходило нѣсколько иначе. Предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ, и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ помѣщику, или прикащику его, угодно было видѣть въ должностяхъ. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду; ему же предоставлено было временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависило отъ Уѣзднаго Суда (§§ 96, 133).

Мірской судъ вѣдалъ всѣ тѣ дѣла (кромѣ денежныхъ раскладокъ и выборовъ) которыя, у насъ, распредѣляются между сельскими и волостными сходами, волостнымъ правленіемъ, волостнымъ судомъ, и отчасти даже дѣла, возложенныя у насъ на мировыхъ посредниковъ. Онъ составлялъ нисшую инстанцію судебно-полицейскую и, въ тоже время, заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірскаго суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества (§ 116). Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по таковымъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей, общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. (§§ 117, 118, 129, 130, 131). Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла, предметъ коихъ не превышалъ цѣнностью 5 р. и присуждалъ наказанія: палками, до 30 ударовъ (мущинамъ), розгами, до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, арестомъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ въ замѣнъ тѣлеснаго наказанія, при чемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. (§§ 119, 120, 125). Всѣ постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе, которое, дѣйствуя на правахъ прокурорскихъ, могло остановить исполненіе по всякому рѣшенію по его мнѣ-

нію незаконному или несоотвѣтствовавшему своей цѣли, и перенести дѣло въ высшую инстанцію. По дѣламъ полицейскимъ, мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, *даже когда находилъ ихъ незаконными* (§§ 113, 117, 118, 131, 132). Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія (§ 115).

Мірскіе сходы, старшины, мірской судъ — все это были не болѣе какъ призраки общественныхъ учрежденій, а настоящая пружина, приводившая въ дѣйствіе эти декораціи, поставленныя для замаскированія ея, оставалась на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнихъ рукахъ, именно: въ вотчинной конторѣ и въ рукахъ помѣщика или его повѣреннаго. Мы, Русскіе, назвали бы дѣйствіе ея на людей свободныхъ произволомъ, но въ Прибалтійскомъ краѣ, во избѣжаніе такого оскорбительнаго выраженія, издавна употреблялось болѣе благовидное названіе вотчиннаго правленія. Оно дѣйствительно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Какъ объяснено было выше, оно диктовало мірскому сходу его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірскаго суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе, въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими инстанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ, оно перехватывало, разумѣется въ силу предоставленнаго ему права, всю происходившую между ними переписку, принимало для передачи крестьянамъ бумаги поступавшія сверху, какъ то приказы, объявленія и публикаціи; оно-же, во многихъ случаяхъ, повѣряло исполнительныя донесенія шедшія снизу и пользовалось, для своего такъ называемаго посредничества, однимъ изъ членовъ мірскаго суда, какъ разсыльнымъ, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ (§§ 114, 141, 142 и др.). Сверхъ того, вотчинное правленіе пользовалось очень широкою полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи, полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней когда нужно было принять какія либо особенныя мѣры для исполненія распоряженій мірскаго суда. Вотчинное правленіе могло, собственною властью, брать подъ стражу и отсылать по принадлежности въ приходскій или въ земскій судъ (Ordnungs-Gericht): во первыхъ, крестьянъ оказывавшихъ ослушаніе мірскому суду; во вторыхъ, тѣхъ крестьянъ, коихъ проступки подлежали наказаніямъ превышавшимъ власть мірскаго суда; въ третьихъ, всякаго нарушителя спокойствія въ обществѣ, ктобы онъ ни былъ и хотя бы онъ даже занималъ какую либо должность; въ четвертыхъ, лицъ низшаго состоянія, хотя бы и не членовъ мѣстнаго мірскаго общества (какъ напримѣръ ремесленниковъ) въ чемъ либо провинившихся, съ правомъ препровождать ихъ для наказанія въ мірской судъ, и наконецъ всякихъ преступниковъ изъ крестьянскаго и другихъ сословій (§§ 136—140).

Вотчинное правленіе выдавало крестьянамъ, какъ на временныя отлучки такъ и на выходъ изъ общества, печатные, особаго рода паспорты

за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта, даже изъ границъ своего прихода; крестьянина, нарушившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи (§§ 144, 145, 148). Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ) ему предоставлено было право домашняго наказанія двухъ суточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мущинамъ) и розгами, въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господскаго дома, или причинялъ помѣщику какой нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую либо вину (§§ 151, 152). По уложенію о Лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года, изданному отнюдь не съ цѣлью упразднить крѣпостное право, а только въ видахъ ограниченія его и обезпеченія хозяйственнаго быта крестьянъ, *хозяева* (Wirthe), въ отличіе отъ сельскихъ батраковъ, были вовсе изъяты отъ домашней расправы вотчинныхъ конторъ. Они наказывались не иначе какъ по судебнымъ приговорамъ (§ 138). Спустя 15 лѣтъ, въ 1819 году, крѣпостное право на личность было упразднено; принеся эту въ свое время громко прославленную, такъ называемую *жертву*, Лифляндское дворянство вѣроятно разсудило, что едва ли встрѣтится случай болѣе благопріятный для отнятія подъ шумокъ у крестьянъ-хозяевъ того права, которое было имъ даровано въ 1804 году и для подведенія ихъ, наравнѣ съ батраками, подъ дѣйствіе вотчинной расправы. Положеніемъ 1819 года, предоставленное помѣщику право, по своему усмотрѣнію, наказывать крестьянъ распространено было *и на хозяевъ*, во время нахожденія ихъ на господской работѣ Прежняго закона, конечно, на справку не вывели, и правительство утвердило новый, не подозрѣвая того что̀ оно творило. Время ли было сличать, распрашивать и обнаруживать недовѣріе къ составителямъ Положенія, когда великодушіе Лифляндскаго рыцарства исторгало у всѣхъ слезы умиленія? А между тѣмъ, въ Лифляндіи, полились слезы инаго рода, и бѣдные хозяева восчувствовали дарованную имъ свободу прежде всего на собственныхъ спинахъ.

Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, *похвальный* обычай (eine löbliche Gewohnheit— какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ) прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался. У насъ, самый взыскательный помѣщикъ или суровый прикащикъ посовѣстился бы, попортивъ одну шкуру, наддирать другую на томъ-же субъектѣ; но такого рода первобытныя понятія естественно вытѣсняются возврѣніями высшей культуры. Вѣдь самъ крестьянинъ, собственною своею виною, навлекалъ на себя наказаніе; за что-же сталъ бы помѣщикъ или его повѣренный брать на себя даровую поставку розогъ или палокъ? Въ благоустроенномъ обществѣ, всякая услуга должна оплачиваться, а потому и виновный долженъ изъ своихъ средствъ нести расходъ на исполненіе казни, подобно тому какъ больной оплачиваетъ трудъ врача и медикаменты.

Таково требованіе строгой справедливости, соблюдавшееся до 1845 года. Только тогда узнали объ этомъ въ Петербургѣ изъ рапорта чиновника,

командированнаго въ Лифляндію по поводу распространенія въ народѣ Православія, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, настойчиво потребовалъ отмѣны этого похвальнаго обычая. Лифляндскіе публицисты причтутъ вѣроятно и это распоряженіе къ числу постоянныхъ посягательствъ Русскаго варварства на Нѣмецкую культуру.

Жалобы на вотчинное правленіе допускались *только въ случаѣ превышенія власти* и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; а когда это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ (§§ 153, 170, 172). Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время, и не иначе какъ по рѣшенію высшей инстанціи, то есть отдѣленія Лифляндскаго Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ, такимъ же судебнымъ приговоромъ, быть лишенъ полицейскаго права навсегда; но помѣщикъ все таки, и въ этомъ случаѣ, не терялъ этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго (§§ 154, 155).

Независимо отъ власти, вотчинное правленіе владѣло еще могучимъ средствомъ подкупать крестьянъ, притомъ на счетъ самаго мірскаго общества и не неся никакихъ расходовъ, именно — правомъ косвеннаго и прямаго увольненія отъ рекрутской повинности. По закону, крестьяне владѣвшіе усадьбами не слишкомъ малаго размѣра, иначе: хозяева и старшіе ихъ сыновья, не подлежали призыву къ отбыванію рекрутской повинности, а въ хозяева жаловалъ помѣщикъ, такъ какъ отъ него зависило сдать усадьбу и отобрать ее. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который, какъ было объяснено выше, находился совершенно подъ рукою вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе тогоже правленія. Сверхъ всего этого, оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства, по собственному своему выбору, нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ, состоявшихъ или числившихся въ услуженіи при господскомъ дворѣ. Число увольняемыхъ на этомъ основаніи соразмѣрялось съ числомъ душъ въ помѣстьѣ; на первыя 100 душъ, полагалось 4 увольненія, на каждыя 50 душъ сверхъ первой сотни, по одному. Это правило примѣнялось слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что въ какомъ либо имѣніи состояло 500 душъ крестьянъ и 20 дворовыхъ; изъ нихъ, по закону, помѣщикъ могъ уволить отъ рекрутства 12 человѣкъ; предположимъ также, что изъ числа 20 дворовыхъ, было не болѣе 6-ти годныхъ въ военную службу; помѣщикъ, освободивъ этихъ шестерыхъ отъ рекрутства, могъ еще распорядиться шестью увольненіями, выдумавъ, такъ сказать, несуществовавшихъ въ натурѣ дворовыхъ людей, то есть зачтя для формы въ дворовые тѣхъ изъ крестьянъ, хотя бы вовсе и не состоявшихъ при немъ въ услуженіи, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить, или съ которыми онъ входилъ въ сдѣлку. Исключаемые на этомъ основаніи поименно означались помѣщикомъ передъ каждымъ наборомъ; слѣдовательно, давъ льготу, онъ же могъ во всякое время и отнять ее (§§ 500—503).

Вообще, вотчинное управленіе, въ томъ видѣ въ какомъ оно существовало въ Лифляндіи, отличалось двумя характеристическими чертами отъ всякаго рода судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ учрежденій, общественныхъ, сословныхъ и корон-

ныхъ. Вопервыхъ, при широкомъ кругѣ дѣйствія и при несомнѣнной важности предоставленныхъ ему правъ, оно все таки, даже по закону, не считалось *необходимымъ* органомъ въ системѣ мѣстныхъ учрежденій, а составляло нѣчто случайное, зависившее отъ желанія или нежеланія частнаго лица, une affaire de bon plaisir. Помѣщикъ отнюдь не былъ *обязанъ* ни пользоваться лично своими правами, ни даже передать ихъ уполномоченному отъ себя лицу; онъ могъ просто отъ нихъ отказаться, на время или навсегда, и тогда власть, добровольно выпущенная имъ изъ своихъ рукъ, переходила сама собою къ мірскому суду (§§ 134, 135). Во вторыхъ, при предоставленномъ ему правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ напримѣръ, почему то признавалось нужнымъ, чтобы распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ мірскимъ судомъ оно нисколько не отвѣчало (§ 141). Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ правленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало когда хотѣло счеты и наличность; но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало (§§ 514, 515). Словомъ, барское властолюбіе находило себѣ полное удовлетвореніе, нисколько не тревожившее барской лѣни. Какъ видятъ читатели, въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ, осуществлялся тотъ идеальный порядокъ вещей, къ которому, частью по неразумію—ребяческимъ глумленіемъ надъ введенными у насъ формами крестьянскаго самоуправленія, частью болѣе сознательно—въ надеждѣ воротить хоть долю навсегда утраченнаго, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ (а если вѣрить слухамъ, и нѣкоторыя правительственныя вѣдомства) исподоволь готовятъ у насъ общественное мнѣніе.

Приходскій судъ составлялъ ближайшую инстанцію надъ мірскимъ, принималъ на него жалобы, ревизовалъ его распоряженія, давалъ ему предписанія и, также какъ мірской судъ, вѣдалъ дѣла судебныя, полицейскія и хозяйственныя. Споры крестьянъ между собою и жалобы на крестьянъ поступали въ приходскій судъ какъ во вторую инстанцію, а жалобы крестьянъ на помѣщиковъ поступали въ тотъ же судъ какъ въ первую инстанцію и подлежали въ ней только примирительному разбирательству. Третью инстанцію для дѣлъ перваго рода и вторую (или точнѣе первую не мировую) для дѣлъ втораго рода составлялъ Уѣздный Судъ. Высшею инстанціею для судебныхъ дѣлъ какъ между крестьянами, такъ и по жалобамъ крестьянъ и на крестьянъ, было отдѣленіе Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. На него допускались жалобы только въ Сенатъ, въ порядкѣ кассаціонномъ, и генералъ-губернатору въ случаѣ отказа въ правосудіи. Независимо отъ этого, генералъ-губернаторъ могъ, по просьбѣ недовольной стороны, потребовать пересмотра въ Гофгерихтѣ рѣшеннаго дѣла и, въ случаѣ несогласія своего съ вторичнымъ постановленіемъ, войти со всеподданнѣйшимъ рапортомъ (§§ 170, 171, 174, 189, 191, 197, 247). Крестьяне имѣли представителей отъ своего сословія (не считая мірскаго суда) въ Приходскомъ судѣ: въ лицѣ трехъ засѣдателей, и въ Уѣздномъ — въ лицѣ двухъ засѣдателей (§§ 157, 183); всѣ они выбирались не непосредственно, то есть не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ нисшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей Приходскаго суда выбирали члены Мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ (§ 159);

двухъ засѣдателей Уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ Приходскихъ судовъ (§ 184). Засѣдатели отъ крестьянъ въ Приходскомъ судѣ утверждались и отрѣшались отъ должности Уѣзднымъ судомъ (§§ 162, 170); засѣдатели отъ крестьянъ въ Уѣздномъ судѣ утверждались и отрѣшались Гофгерихтомъ (§§ 185, 190).

Затѣмъ, весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій (кромѣ разумѣется Мірскаго суда), а именно: въ Приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ Уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи Гофгерихта предсѣдатель, резидующій Ландратъ и Ландраты члены Гофгерихта (§§ 157, 159, 183, 184, 198) набирался изъ мѣстныхъ дворянъ, по выбору отъ дворянства, и не было во всѣхъ перечисленныхъ инстанціяхъ ни одного лица по назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства: секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ всего прихода. Должность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ (§§ 170, 175, 177, 179). Секретарь Уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ *Дерптскомъ* университетѣ (§ 193); секретарь отдѣленія Гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи (§ 199).

Множествомъ надстроенныхъ одна надъ другою инстанцій, повидимому, надежнымъ образомъ ограждались права крестьянъ, по крайней мѣрѣ права положительно въ законѣ выраженныя; но чтобъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ правосудіе въ дѣйствительности было доступно крестьянамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ права и интересы сталкивались съ произволомъ или съ выгодами помѣщиковъ, не мѣшаетъ принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

Вопервыхъ, по закону, крестьянамъ безусловно запрещалось подавать письменныя просьбы или заявленія, а равно дѣйствовать черезъ повѣренныхъ. До помѣщиковъ этотъ законъ разумѣется не относился, но крестьяне должны были непремѣнно объясняться на судѣ не иначе какъ словесно и самолично. Законъ гласилъ, что при изданіи такого правила имѣлось въ виду сократить число процессовъ и уберечь просителей отъ расходовъ (§§ 204, 216). Первая цѣль этимъ несомнѣнно достигалась; мало того, во многихъ случаяхъ, тою же мѣрою рѣшительно отнималась у крестьянъ всякая возможность искать суда на помѣщика; достигалась ли вторая цѣль, когда ужъ дѣло было начато — по крайней мѣрѣ сомнительно. Но кромѣ двухъ указанныхъ цѣлей, достигалась еще третья, о которой законъ благоразумно умалчивалъ, а именно: дѣйствія инстанцій по дѣламъ крестьянъ совершенно закрывались отъ всякаго посторонняго взгляда и отнималась возможность ходатайствовать за крестьянъ у тѣхъ ненавистныхъ дворянству мѣстныхъ юристовъ, которые, по плебейскому своему происхожденію, были бы неспособны цѣнить по достоинству пріемы и традиціи вотчинной юрисдикціи.

Во-вторыхъ, чтобъ ѣхать для подачи просьбы въ уѣздный или губернскій городъ, нужно было отлучиться изъ своего прихода, а на это необходимо было испросить паспортъ у вотчиннаго правленія. По закону, правленіе обязано было не задерживать просителей долѣе двухъ сутокъ, буде не встрѣчалось къ ихъ отлучкѣ какого-либо законнаго препятствія (§ 147); но вѣдь мало ли что могло показаться законнымъ препятствіемъ! Въ такомъ случаѣ, надлежало обра-

титься въ Приходскій судъ, который, истребовавъ объясненія отъ вотчиннаго правленія, могъ выдать паспортъ отъ себя, но могъ и отказать въ немъ. Въ последнемъ случаѣ, недовольному крестьянину оставалось только обратиться съ словесною жалобою на Приходскій судъ въ Уѣздный, а туда все-таки нельзя было явиться безъ паспорта, подъ страхомъ прослыть бродягою (§ 148). На оборотъ, когда Приходскій судъ разрѣшалъ выдачу паспорта, помѣщикъ могъ обжаловать его рѣшеніе, такъ что, въ обоихъ случаяхъ, отъ помѣщика зависило возбудить многосложное, частное дѣлопроизводство о предоставленіи или непредоставленіи крестьянину возможности начать дѣло по существу.

Въ-третьихъ, ни на одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стряпчихъ (фискаловъ), ни губернскаго прокурора. Это странное отступленіе отъ общаго порядка существовавшаго во всей Имперіи, не исключая и Прибалтійскаго края, на первыхъ порахъ вѣроятно ускользнуло отъ вниманія законодательной власти. Въ Положеніи 1819 года, нигдѣ не было сказано, чтобъ упомянутыя учрежденія были изъяты отъ надзора, но объ немъ умалчивалось. Правда, въ инстанціяхъ по дѣламъ крестьянъ установленъ былъ слѣдственный порядокъ дѣлопроизводства. Это значило, что суды, не ограничиваясь сущностью просьбъ и оцѣнкою предъявленныхъ сторонами доказательствъ и возраженій, должны были сами заботиться о пополненіи недосказаннаго, охранять интересы тяжущихся отъ ихъ собственныхъ упущеній, исправлять ихъ ошибки, предъявлять за нихъ требованія, приводить за нихъ основанія, о которыхъ они сами не думали. Но все это, съ одной стороны, давало суду, который облекалъ въ письменную форму словесныя заявленія крестьянъ, полную возможность извращать смыслъ и характеръ ихъ показаній и требованій, а съ другой могло бы быть выгодно для крестьянъ въ томъ лишь случаѣ, когда бы судъ сталъ дѣйствовать какъ оберегатель ихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ оберегая ихъ интересы не менѣе чѣмъ помѣщичьи. Спрашивается: было ли основаніе предполагать, что таковъ именно былъ вообще образъ дѣйствій напримѣръ хоть бы Уѣзднаго суда, въ которомъ сидѣли три дворянина, по выбору отъ своихъ собратьевъ, и два крестьянина, на практикѣ почти всегда безмолвныхъ?

Итакъ, общественная организація крестьянъ и всѣ спеціально для нихъ созданныя инстанціи составляли особый, замкнутый міръ, совершенно недоступный наблюденію и со всѣхъ сторонъ огражденный, не только отъ вмѣшательства, но и отъ нескромнаго любопытства непосвященныхъ. Что́ тамъ творилось, между безграмотными, темными крестьянами и по своему слишкомъ просвѣщенными помѣщиками — этого никто не зналъ и не могъ узнать; но видѣнъ былъ общій результатъ — полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ судамъ.

Только по дѣламъ уголовнымъ, крестьяне были подсудны общимъ инстанціямъ и судились общимъ порядкомъ; но здѣсь самое примѣненіе этого порядка ставило именно крестьянъ въ исключительное положеніе, къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась, какъ извѣстно, на языкѣ нѣмецкомъ, котораго, за очень рѣдкими исключеніями, крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались, при производствѣ слѣдствія, по нѣмецки и только по нѣмецки. Само собою разумѣется, что вопросы предлагались опрашиваемымъ словесно, на ихъ языкѣ, то есть по латышски или по эстски; на тѣхъ же языкахъ давались и

отвѣты; но слѣдователь записывалъ какъ свои вопросы, такъ и отвѣты опрашиваемыхъ, не въ подлинныхъ выраженіяхъ, а въ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе точномъ переводѣ собственнаго своего издѣлія. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышское или эстское, а за тѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ написанный по нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами (за неумѣніемъ писать) подлинность, полноту и точность изложенія, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова, такъ что приложеніе руки къ опросу рѣшительно теряло значеніе гарантіи отъ подлога. Оно даже связывало опрошенныхъ, отнимая у нихъ возможность, въ послѣдствіи, въ случаѣ обнаруженія умышленнаго или невольнаго извращенія ихъ словъ, отпереться отъ приписаннаго имъ показанія. Такимъ образомъ, обрядъ, которымъ такъ дорожитъ законъ какъ лучшею охраною отъ подлога, на практикѣ превращался въ самую надежную гарантію неизобличимости и безнаказанности подлога, въ опаснѣйшее искушеніе, какому только можетъ подвергнуться слѣдователь. Знаю, что это покажется невѣроятнымъ большинству читателей вѣрящихъ на слово Остзейскимъ свидѣтельствамъ о мнимомъ превосходствѣ тамошняго судопроизводства надъ нашимъ — пускай же они справятся; сдѣлать это не трудно, такъ какъ изложенный порядокъ существуетъ и въ настоящее время, а я на сей разъ сошлюсь также на свидѣтельство, притомъ неоспоримо безпристрастное.

Очень у насъ извѣстный по своимъ спеціальнымъ познаніямъ и по своей опытности именно въ уголовныхъ дѣлахъ, сенаторъ Л... бывшій въ сороковыхъ годахъ начальникомъ отдѣленія въ Министерствѣ Юстиціи, командированъ былъ тогдашнимъ Министромъ графомъ Панинымъ въ Лифляндію, для обревизованія тамошнихъ судебныхъ мѣстъ. Будучи въ Ригѣ, онъ посѣтилъ тюремный замокъ. Тамъ, одинъ изъ арестантовъ, какой-то Русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его, съ слезами и воплемъ, выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится? — „Какъ за что, да развѣ ты не знаешь?“ — „Не знаю“ — и вторичный поклонъ въ ноги. Г. Л... обратился къ сопровождавшему его Прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось, по отвѣту Прокурора, что арестантъ, собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, г. Л... естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе, довольно у насъ нерѣдкое и, намѣреваясь уличить его, потребовалъ подлинное дѣло. — „Покажите мнѣ допросъ“.—Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ, писанной по нѣмецки и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Г. Л... обратился къ арестанту съ вопросомъ: „ты понимаешь?“— „Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, я вѣдь по нѣмецки не смыслю“. — „Зачѣмъ же вы читаете ему нѣмецкій переводъ? Дайте же *подлинный* допросъ.“— Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: „да это и есть подлиный.“ — „Какъ подлинный! Вы называете подлиннымъ показаніе записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?“ — „Да! вѣдь Вамъ конечно не безъизвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ.“ — „Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по нѣмецки и всѣ допросы?“ — „Всѣ.“— „Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по нѣмецки не смыс-

лить?“ — „Даже и въ такихъ случаяхъ!“—Озадаченный этимъ открытіемъ, ревизоръ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, разумѣется счелъ долгомъ донести объ этомъ Министру. Графъ Панинъ пораженъ былъ не менѣе своего подчиненнаго невѣроятнымъ безобразіемъ этого порядка вещей и тотчасъ же возбудилъ вопросъ о его измѣненіи. Началась объ этомъ переписка, кажется даже, что послѣдовало какое-то распоряженіе, но старый обычай удержался и, сколько мнѣ извѣстно, держится доселѣ.

Я останавливаю вниманіе читателей на этомъ обстоятельствѣ и желалъ-бы, чтобъ они вникли въ чрезвычайную его важность въ особенности потому, что именно въ исторіи распространенія Православія очень многое имъ объясняется. Я разумѣю массу изумительныхъ, рѣзкихъ противорѣчій въ показаніяхъ крестьянъ. Когда начали вникать въ значеніе религіознаго движенія сороковыхъ годовъ, обозначились три мнѣнія. Нѣкоторые, весьма немногіе, признавали въ основѣ этого движенія потребность духовнаго свойства, совершенно искреннюю, не отрицая, что къ ней примѣшивались разнаго рода соціальныя побужденія; другіе утверждали, что перемѣна вѣры была не болѣе какъ случайною формою, въ которую облеклось исканіе болѣе сносной вещественной обстановки; третьи видѣли во всемъ этомъ не болѣе какъ послѣдствія соблазнительнаго подговора какихъ-то неуловимыхъ подстрекателей. При такомъ разнорѣчіи, естественно было обратиться къ самимъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что на нихъ ссылались сторонники и представители всѣхъ трехъ приведенныхъ объясненій. Православный священникъ доносилъ: „такіе то и такіе-то крестьяне, придя ко мнѣ, заявили о желаніи своемъ присоединиться къ Церкви; при этомъ, они „положительно объяснили, что не ожидаютъ отъ перемѣны вѣры никакой „вещественной льготы, ни земли, ни „облегченія въ повинностяхъ, но не „хотятъ имѣть дѣла съ своимъ пасторомъ и просятъ, чтобъ запретили „помѣщику препятствовать имъ въ „исполненіи ихъ желанія.“ На другой день, Орднунгсъ-Рихтеръ писалъ: „по „донесенію вотчиннаго управленія такого-то, что мѣстные крестьяне бунтуютъ, произведено было на мѣстѣ „изслѣдованіе, при чемъ крестьяне „(тѣ самые, которыхъ поименовывалъ „священникъ) заявили, что какой-то „неизвѣстный „русскій человѣкъ“ — „солдатъ или причетникъ, въ корчмѣ, „уговаривалъ ихъ не слушаться помѣщика, увѣрялъ ихъ, что всѣ принявшіе Православіе получатъ даромъ „землю и совѣтывалъ имъ скорѣе идти „къ священнику; что сбитые этими „рѣчами съ толку, они пошли къ священнику, что тамъ ихъ обнадежили „относительно надѣла, и что они записались въ число желающихъ перейти въ Православіе, о чемъ теперь „горько сожалѣютъ.“ — Генералъ-Губернаторъ, получая единовременно такого рода увѣдомленія, приходилъ въ недоумѣніе. Кто нибудь да лгалъ, это было очевидно; но кому же вѣрить? Онъ посылалъ на мѣсто, прямо отъ себя, надежнаго чиновника, на спросъ котораго тѣ же крестьяне объявляли „что они никогда и не думали бунтовать, никакихъ таинственныхъ подстрѣкателей не видали, но „что они точно крайне недовольны „своимъ пасторомъ, и, глядя на другихъ, пожелали быть одной вѣры съ „Царемъ и съ Русскими, а тамъ пусть будетъ что̀ будетъ?“ — Еще разъ: кому же вѣрить? — „Какъ кому?“ — отвѣчаютъ Нѣмцы — „Орднунгсъ-„Рихтеръ предъявляетъ вамъ составленный имъ актъ — это юридическое „доказательство, а все остальное не „болѣе какъ болтовня!“ — Но въ томъ-то и сила, что этотъ актъ есть не болѣе какъ свидѣтельство Орднунгсъ-

Рихтера о томъ, что́ говорилось на допросѣ, а не закрѣпленное слово самаго опрошеннаго; слѣдовательно, нельзя называть его *подлиннымъ*, въ строгомъ и точномъ, а не въ лифляндскомъ значенiи этого слова.

Какъ ни призрачна была та свобода, личная и общественная, которую прiобрѣли крестьяне въ 1819 году, однако она послужила для дворянства предлогомъ къ испрошенiю у правительства радикальной отмѣны всѣхъ прежнихъ постановленiй, ограничивавшихъ помѣщика въ распоряженiи крестьянскою землею и въ требованiи барщины. Правительство не высмотрѣло ловушки. Вообразивъ себѣ, что сдѣлавшись изъ крѣпостныхъ людей полноправными гражданами, крестьяне уже не нуждались въ спецiальныхъ законахъ, которые бы обезпечивали за ними право пользованiя землею въ опредѣленномъ количествѣ и на условiяхъ признанныхъ безобидными, оно легкомысленно пожертвовало самымъ понятiемъ о крестьянской землѣ (въ смыслѣ надѣла, долженствующаго навсегда оставаться въ пользованiи крестьянъ) и упразднило обязательную силу незадолго передъ тѣмъ составленныхъ вакенбуховъ (своего рода подворныхъ уставныхъ грамотъ). Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношенiи никакими предустановленными правилами (§§ I, VI, VII, XII, 20, 23, 40 и др.). Такой радикальный разрывъ съ историческимъ опытомъ вѣковъ, самъ по себѣ, потрясалъ хозяйственный бытъ всего крестьянскаго сословiя и, рано или поздно, долженъ былъ поставить его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ во многихъ отношенiяхъ болѣе тягостную чѣмъ прежнiя крѣпостныя отношенiя; а при той лжесвободѣ, о которой было говорено выше, при тѣхъ, для крестьянъ въ высшей степени обидныхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыми обусловленъ былъ переходъ отъ крѣпостнаго состоянiя къ свободѣ ([1]), наконецъ: при господствовавшей на мѣстахъ системѣ односторонняго примѣненiя этихъ мѣръ, клонившейся не къ смягченiю ихъ суровости, а къ исчерпыванiю до суха ихъ выгодности для помѣщиковъ, гибельныя послѣдствiя положенiя 1819 года должны были довольно скоро обнаружиться. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онѣ уже не составляли тайны для людей хорошо знавшихъ край, хотя еще и не обращали на себя вниманiя высшаго правительства.

Лучшiя крестьянскiя полевыя угодья были отобраны помѣщиками и прирѣзаны къ господскимъ полямъ; туда же постепенно отходили и заросли (Buschland) по мѣрѣ того какъ онѣ расчищались упорнымъ трудомъ крестьянъ. Многiе крестьянскiе дворы были вовсе упразднены; въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ упразднены были всѣ ([2]); въ иныхъ мѣстностяхъ, вотчинныя управленiя дробили крупные дворы на мелкiя хозяйства съ цѣлью привязать къ мѣсту всегда сподручныя и дешевыя рабочiя силы; въ другихъ, слѣдовали противоположной системѣ, слагая изъ многихъ дворовъ средняго размѣра небольшое число крупныхъ, въ видахъ сосредоточенiя крестьянской земли въ рукахъ немногихъ, зажиточныхъ хозяевъ, какъ болѣе исправныхъ въ отбыванiи повинностей. Черезъ двадцать лѣтъ по освобожденiи крестьянъ и по введенiи Положенiя 1819 года, барщина все еще составляла единственный видъ повинностей; о денежномъ оброкѣ не было и помину, не только въ дворянскихъ,

---

([1]) Подробное ихъ изложенiе отлагается до спецiальнаго изслѣдованiя о крестьянской реформѣ въ Прибалтiйскомъ краѣ.

([2]) Заявлено Лифляндскимъ помѣщикомъ, въ послѣдствiи Ландратомъ, барономъ г. Фелькерзамомъ, въ Комитетѣ 1846 года.

но и въ казенныхъ имѣніяхъ, которыя всѣ находились въ арендномъ содержаніи; размѣръ повинностей рѣдко гдѣ стоялъ ниже прежней, вакенбухами установленной нормы, и во многихъ имѣніяхъ былъ *чрезвычайно возвышенъ* [3]. Вообще и независимо отъ числа рабочихъ дней, повинности стали противъ прежняго не въ примѣръ обременительнѣе, во-первыхъ: по отношенію къ уменьшившемуся количеству и къ понизившемуся достоинству земли оставленной подъ крестьянскими дворами, во-вторыхъ: по усилившейся взыскательности въ наблюденіи за работами; отчасти также вслѣдствіе введенія новыхъ, хозяйственныхъ пріемовъ и усовершенствованныхъ системъ полеводства.

Законъ допускалъ между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ (479, 480); но на практикѣ, они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались) обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда — по крайней мѣрѣ этого требовалъ законъ — приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ (§§ 480, 481). Условія сдачи, разумѣется, всегда диктовалъ помѣщикъ; но кромѣ условій договоренныхъ и положительно высказанныхъ, законъ признавалъ еще нѣкоторыя общія условія, которыя всегда подразумѣвались, если только отмѣна ихъ не была формально выговорена сторонами. Къ числу такихъ условій принадлежали слѣдующія: съемщикъ не можетъ, безъ особаго на то разрѣшенія владѣльца, выкарчевывать пни для разчистки новыхъ мѣстъ подъ посѣвъ; получивъ на то разрѣшеніе, не можетъ снимать къ ряду, съ нови, болѣе трехъ хлѣбовъ; не можетъ засѣвать за разъ болѣе $^1/_{24}$ нови, ни удобрять ее иначе какъ древесною золою; не долженъ никому продавать ни своихъ дровъ, ни своей соломы, ни своего сѣна и т. д. (§ 482).

Въ какой степени, при системѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній, заключенное съ крестьяниномъ условіе дѣйствительно ограничивало произволъ владѣльца, объ этомъ читатель легко составитъ себѣ

[3] Подлинное выраженіе генералъ-губернатора барона Палена въ рапортѣ Государю Императору при представленіи на Высочайшее утвержденіе такъ называемыхъ 22 пунктовъ дополненія къ Положенію 1819 года). Передъ этимъ, тотъ же баронъ Паленъ, въ Сентябрѣ 1841 года, писалъ «что жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдадчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель принадлежавшихъ первымъ; ибо помѣщикъ, при опредѣленіи условій найма, *ничѣмъ не ограниченъ*, крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ». — Какъ бы изумился баронъ Паленъ, если бы кто нибудь предсказалъ ему, что изданіе того самаго Положенія 1819 года, которое онъ осуждалъ такъ радикально, будетъ праздноваться черезъ 50 лѣтъ, какъ счастливое для крестьянъ событіе! Не менѣе радикально судилъ объ этомъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Г. Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи въ 1845 году. Вотъ его слова: «несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже чѣмъ оно было въ 1804 году» (Чтенія, 1865. Кн. 4. стр. 189). Наконецъ, въ журналѣ государственнаго совѣта Департ. закон. и эконом.) 20 Янв., 20 Февр. 2, 5, 9, 12. 28 Марта 1860 года № 17, по проэкту новаго Положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи, напечатано буквально о Положеніи 1819 года слѣдующее: «отъ этого новаго порядка, благосостояніе Лифляндскихъ крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ (стр. 1. строки 13 и 14)».—Съ тѣхъ поръ какъ это писалось, мы конечно далеко ушли, не знаю только впередъ ли?

понятіе вникнувъ въ слѣдующія статьи закона ([1]).

Если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора (т. е. крестьянина-хозяина) со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія, *за дурное веденіе хозяйства*, *небреженіе о строеніяхъ*, *запущеніе полей*, *неисполненіе договоренныхъ повинностей*, или *по другимъ закономъ признаваемымъ причинамъ*, и мірской судъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то, хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ, въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства, и въ тоже время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая, впредь до рѣшенія высшей инстанціи, служила бы обеспеченіемъ исполненія по рѣшенію мірскаго суда (§ 130).

Если (въ такомъ же случаѣ) мірской судъ представитъ помѣщику возраженія на его требованія и послѣдній не уважитъ ихъ, то, вопреки этимъ возраженіямъ, требованіе помѣщика *приводится безпрекословно въ исполненіе*, на его страхъ и отвѣтственность; при этомъ однако мірскому суду предоставляется *право* (въ обязанность не вмѣняется) войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха, принимаетъ мѣры для обеспеченія интересовъ стороны понесшей ущербъ, и обращаетъ дѣло на рѣшеніе въ уѣздный судъ (§§ 131, 170, 172).

Если арендаторъ приведетъ снятый имъ дворъ въ упадокъ, или если возникнетъ *поводъ опасаться*, что онъ *не исполнитъ* принятыхъ имъ на себя обязанностей, то владѣлецъ имѣетъ право, буде арендаторъ внесъ залогъ, требовать, чтобъ судъ нарядилъ слѣдствіе и чтобъ за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, постановлено было рѣшеніе о точномъ исполненіи условій и о вознагражденіи за происшедшую, по винѣ арендатора, порчу въ строеніяхъ или въ землѣ, или же: *о немедленномъ упраздненіи контракта*, буде окажется, что залогъ недостаточенъ для покрытія вознагражденія и для обеспеченія на будущее время точнаго исполненія арендаторомъ принятыхъ на себя обязанностей (§ 489).

Всякій искъ возникшій изъ арендnаго условія и не оспориваемый противною стороною, удовлетворяется исполнительнымъ порядкомъ (§ 486).

Тѣмъ же порядкомъ удовлетворяется всякое требованіе помѣщика, на его страхъ, буде оно предъявлено на арендатора не внесшаго залога, хотя бы арендаторъ и не признавалъ положительно безспорности требованія, хотя бы онъ даже не подалъ повода, простымъ оставленіемъ предъявленнаго требованія безъ опроверженія, предполагать, что онъ признаетъ его безспорнымъ. Но если въ послѣдствіи это требованіе окажется неосновательнымъ, то помѣщикъ обязанъ вознаградить арендатора за всѣ убытки и сверхъ того внести штрафъ въ волостную сумму (§ 487).

Если арендаторъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отказывается отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, то судъ можетъ его къ этому *принудить порядкомъ исполнительнымъ*, въ видахъ предупрежденія всякой остановки въ ходѣ полевыхъ

([1]) Предупреждаю, что во всѣхъ цитатахъ, я ручаюсь за вѣрную передачу *смысла*, но не могу (хотя бы это было гораздо для меня легче) всегда буквально держаться Русскаго текста, который въ сущности есть только переводъ съ Нѣмецкаго, при томъ переводъ крайне безграмотный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до невѣроятной степени неточный.

работъ; при чемъ однако ему не возбраняется, съ своей стороны, *подать въ судъ* жалобу на помѣщика, буде и послѣднiй также не выполняетъ условiй (§ 488).

Итакъ, подъ предлогомъ *неисправностей* не только въ отбыванiи повинностей, *но и въ хозяйствѣ самаго арендатора*, неисправностей, въ которыхъ личная вина его могла быть очень сомнительна, даже подъ предлогомъ *предположенiя* неисправности въ будущемъ, требованiе помѣщика объ отобранiи двора и объ уничтоженiи условiя, удовлетворялось исполнительнымъ порядкомъ, хотя бы справедливость требованiя оспоривалась противною стороною и отвергалась нисшею судебною инстанцiею, которой всѣ члены, по закону, утверждались, а на практикѣ—назначались помѣщикомъ. Что же касается до арендатора согнаннаго со двора и оставшагося безъ крова, то въ утѣшенiе, ему предоставлялось начать искъ противъ помѣщика судебнымъ порядкомъ, при чемъ онъ непремѣнно долженъ былъ лично имѣть хожденiе по своему дѣлу, по крайней мѣрѣ въ двухъ инстанцiяхъ (приходскомъ и уѣздномъ судахъ) такъ какъ только уѣздный судъ могъ постановить рѣшенiе, и то подлежавшее дальнѣйшему обжалованiю. Но и этого было мало для огражденiя помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такiе мудреные контракты, съ такими кляузными и многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности. Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были *покорны*, но служило надежнымъ противъ нихъ орудiемъ, на случай еслибъ они вздумали зазнаться, или еслибы помѣщику понадобился, для своихъ разсчетовъ или прихотей, или для вымещенiя своего личнаго неудовольствiя, благовидный предлогъ.

Если такъ не трудно было, во всякое время, не выжидая истеченiя контрактнаго срока, отобрать отъ арендатора снятый имъ дворъ, то понятно, что согнать батрака нанявшагося по условiю на работу, было еще легче. Тутъ достаточно было заявить о непослушанiи, упорствѣ, подачѣ дурныхъ примѣровъ и т. п. (§ 468). Нельзя конечно оспоривать, что большой просторъ данный произволу помѣщика, въ этомъ случаѣ, оправдывался самымъ свойствомъ отношенiй между хозяиномъ и наемнымъ работникомъ; но законъ шелъ гораздо далѣе строго-необходимаго. Помѣщикъ, отпуская батрака, выдавалъ ему письменную аттестацiю, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣшать ему пристроиться у другаго хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ *отъ негоже* долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестацiи (§ 473)—юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздерженъ и т. д.!

Вообще, дѣла въ Лифляндiи велись такимъ образомъ, чтобы каждый крестьянинъ считалъ себя во всякое время хозяиномъ своего двора или пристроеннымъ къ работѣ, не по праву и не въ силу обоюду обязательнаго договора, а благодаря личному великодушiю и снисходительности помѣщика; оттого, хорошимъ управляющимъ или прикащикомъ слылъ тотъ, у котораго никогда ни одинъ крестьянинъ не разсчитывался съ вотчинною конторою на чистоту, то-есть не выходилъ никогда изъ долговъ, неисправностей и провинностей, только до поры и времени на немъ терпимыхъ.

Таково было въ сороковыхъ годахъ, основанное на личной свободѣ и на добровольныхъ договорахъ, обеспеченiе хозяйственнаго быта Лифляндскихъ крестьянъ.

Латыши исповѣдывали Протестантскую вѣру по чистѣйшему Аугсбург-

скому символу, но почему?—этого конечно они сами не знали. Какъ пришли они къ этой вѣрѣ?—этого они не помнили, да и нечего было помнить. Кажется, что и предки ихъ, свидѣтели окончательнаго торжества Протестантства надъ Латинствомъ на Балтійскомъ поморьѣ, какъ будто не замѣтили, что ихъ перечислили изъ одной вѣры въ другую; по крайней мѣрѣ, въ извѣстіяхъ того времени, не осталось никакихъ слѣдовъ хотя бы малѣйшаго участія Лифляндскаго простонародія въ религіозномъ кризисѣ, совершившемся на его глазахъ и въ собственной его жизни. Видно только, что Латыши о старой своей вѣрѣ не жалѣли, но и не просили новой; за первую не стояли, да и второй не сочувствовали: та и другая была имъ навязана, безъ всякаго съ ихъ стороны внутренняго запроса; обѣ, въ равной степени, были для нихъ чужія, а своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была для нихъ своя, и оттого они бились за нее долго, съ такимъ упорствомъ, которое теперь, при взглядѣ на нынѣшнихъ Латышей, кажется невѣроятнымъ; она, въ былыя времена, дѣйствительно проникала насквозь всю жизнь народа, и оттого миѳическія преданія объ этой старой вѣрѣ доселѣ сливаются съ его скудными воспоминаніями о самомъ себѣ, въ какихъ-то давно прошедшихъ, лучшихъ вѣкахъ. Но къ несчастію, торжество христіанства надъ язычествомъ въ Лифляндіи было такою же побѣдою матерьяльной силы какъ и торжество пришлой Нѣмецкой народности надъ туземною. Оттого, ни Латинство, ни Протестантство не унаслѣдовали отъ старой вѣры ея нравственной, дѣйственной силы, и не заняли ея мѣста въ душѣ народа. Это мѣсто осталось пустымъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, что у Латыша не было и нѣтъ ни своей Христіанской исторіи, ни своихъ Христіанскихъ героевъ, ни своей народной святыни. Какъ въ прежнее время Латинство, такъ въ позднѣйшее и въ настоящее Протестантство, было и остается для простаго народа вѣрою господъ, и въ этомъ понятіи о барской вѣрѣ исчезало и исчезаетъ для него всякое различіе между Латинствомъ и Протестантствомъ. Позднѣе, онъ встрѣтился еще съ одною вѣрою, и тогда возникъ въ умѣ его мудреный вопросъ: что лучше, вѣра *барская* или вѣра *Царская?*—но объ этомъ рѣчь впереди.

Кромѣ указанной причины, были и другія, помѣшавшія Протестантству, въ цѣлыхъ два съ половиною вѣка, проникнуть въ умы и сердца Латышей. Даже не исповѣдуя Протестантства, и не считая его прогрессомъ въ такъ называемомъ развитіи Христіанской идеи, а напротивъ осуждая его какъ рѣшительное уклоненіе отъ полноты и цѣльности церковнаго преданія, нельзя однако не признавать громадной, исторической его силы какъ просвѣтительнаго начала; но мы не погрѣшимъ противъ самаго строгаго безпристрастія, прибавивъ къ этому, что по самой природѣ Протестантства, сущность его недоступна людямъ безграмотнымъ, темнымъ, для которыхъ пора историческаго развитія не наступила. Сознательное къ нему сочувствіе можетъ зародиться только на умственной почвѣ особеннымъ образомъ подготовленной и взрытой; оно предполагаетъ за собою много передуманнаго, перечувствованнаго и пережитаго, даже непремѣнно много отвергнутаго, а за Латышами ничего подобнаго не было; было только много отнятаго у нихъ силою: личная свобода, земля, начатки своеобразнаго общественнаго быта и т. д. Отсутствіе точекъ прямаго соприкосновенія между первобытными понятіями Латышей и духомъ новой вѣры, въ которую они были зачислены, мог-

ло бы конечно, до нѣкоторой степени, восполниться нравственнымъ вліяніемъ проповѣдниковъ этой вѣры, если бы между пастырями и пасомыми установилась прочная связь, основанная на взаимномъ довѣріи и сочувствіи; но ничего даже похожаго на это въ Лифляндіи не было. Мы уже знаемъ каковы были отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ области экономической—по тому же самому типу сложились, въ области церкви, отношенія Лютеранскаго духовенства къ прихожанамъ Латышскаго происхожденія. Здѣсь какъ и тамъ, въ распредѣленіи мѣстнаго народонаселенія на приходы преобладало начало крупной собственности—небольшое число и огромное протяженіе единицъ, представлявшее непреодолимое препятствіе матеріальнаго свойства тѣсному сближенію прихожанъ съ ихъ духовнымъ начальствомъ. Отчасти по этому, отчасти по другимъ причинамъ, для ежедневныхъ между ними сношеній, образовался цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ форминдеровъ (нисшаго разряда церковныхъ служителей) совершенно соотвѣтствовавшихъ оффиціалистамъ вотчиннаго управленія: прикащикамъ, нарядчикамъ, смотрителямъ. Форминдеры употреблялись для передачи прихожанамъ приказаній духовнаго ихъ начальства и даже для исполненія требъ, особенно хлопотливыхъ и мало прибыльныхъ. Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства разработано было до малѣйшихъ подробностей и, своею строго юридическою опредѣленностью, свидѣтельствовало о томъ, что именно эта сторона отношеній пастырей къ пасомымъ составляла главный предметъ заботъ духовенства. Существовала цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей на удовлетвореніе его нуждъ — своего рода церковные вакенбухи. Сюда входили (кромѣ доходовъ болѣе или менѣе случайныхъ, какъ-то: платы и приношеній разнаго рода за требы, за экзамены, за конфирмацію и т. д.) вопервыхъ: особеннаго рода общественные сборы или оброки хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kühlmite); эти оброки раскладывались на прихожанъ, и за исправность взносовъ отвѣчало общество, круговою порукою; во-вторыхъ, въ пользу пасторатовъ не владѣвшихъ приписными къ нимъ населенными вотчинами, мірскія общества отбывали вспомогательную барщину, поставкою опредѣленнаго числа работниковъ и, сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, высылали на работу бобылей; вмѣсто этой повинности, сельскіе промышленники, какъ-то: корчмари, мельники и дворовые люди, облагались въ пользу пасторовъ подушнымъ денежнымъ сборомъ; въ-третьихъ, многіе пастораты имѣли собственныя земли, на которыхъ водворены были крестьяне, нѣкогда крѣпостные, потомъ объявленные свободными: эти крестьяне арендовали дворы, отбывали поземельныя повинности и подлежали мѣрамъ взысканія на основаніи тѣхъ самыхъ правилъ, какими опредѣлялись отношенія помѣщиковъ-дворянъ къ водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ; въ-четвертыхъ, при постройкѣ и ремонтѣ церковныхъ домовъ, мірскія общества обязаны были подвозить строевой матеріалъ отпускаемый помѣщикомъ и, сверхъ того, ставить отъ себя солому, половину денегъ потребныхъ на расходы по постройкамъ и давать рабочихъ безъ вознагражденія (§§ VII, 518, 519). Мы не скажемъ ничего новаго, а только повторимъ фактъ общеизвѣстный и общепризнанный, прибавивъ къ этому, что, за рѣдкими исключеніями, пасторы усвоили себѣ и воззрѣніе помѣщиковъ на крестьянъ. Въ своихъ прихожанахъ Латышскаго происхожденія, духовенство видѣло не болѣе какъ рабочую силу причисленную къ Протестантской церк-

ви, для обеспеченія матеріальныхъ ея нуждъ, и вѣрную оброчную статью, которая доставляла пасторамъ средства посвящать себя занятіямъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ духовное воспитаніе Латышей, напримѣръ: устройству своихъ дѣтей, ученымъ трудамъ, музыкѣ, садоводству и т. п. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, личныя отношенія пасторовъ къ прихожанамъ были даже хуже отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Неограниченное на дѣлѣ господство помѣщиковъ надъ простонародьемъ основано было на фактѣ племеннаго превосходства и на правѣ полной поземельной собственности. Господство духовенства надъ прихожанами Латышскаго племени также подбито было сознаніемъ безконечнаго превосходства германской крови надъ финскою; но къ этому сознанію примѣшивалось еще особенное чувство высокомѣрнаго пренебреженія человѣка образованнаго, хотя недостаточно, къ вовсе необразованному, чувство изсушающее душу и убивающее въ ней всякую любовь къ меньшей братьѣ. На самомъ дѣлѣ, средній уровень книжнаго образованія пасторовъ не превышалъ предѣла тѣхъ познаній и той начитанности, безъ которыхъ протестантское духовенство, по самому характеру своего служенія, не можетъ обойтись; но несмотря на его ограниченность, или точнѣе — вслѣдствіе его ограниченности, это скудное и самодовольное образованіе проводило между пастырями и пасомыми непроходимую черту. Наконецъ, въ довершеніе параллелизма, подобно тому какъ земская полиція строго наблюдала, чтобы крестьяне не переступали самовольно административныхъ границъ прихода и губерніи, такъ точно таже земская полиція смотрѣла и за тѣмъ, чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ Аугсбургскаго исповѣданія, въ которомъ заключены были ихъ совѣсти. Ей, то есть полиціи, ввѣрено было и охраненіе Протестантскаго правовѣрія. Я знаю, что это покажется большинству читателей невѣроятною клеветою. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить Лифляндію въ посягательствѣ на свободу совѣсти, когда ея сыны, въ заграничныхъ своихъ изданіяхъ, такъ громко распинаются именно за эту свободу и, во имя ея, взываютъ противъ насъ Русскихъ къ общественному мнѣнію Германіи? На этотъ вопросъ я отвѣчу простою справкою. Вмѣстѣ съ Положеніемъ 1819 года, вышелъ полицейскій уставъ для Лифляндскихъ крестьянъ, сочиненный, также какъ и это Положеніе, не въ Петербургѣ, а въ Ригѣ и содержащій въ себѣ слѣдующія двѣ статьи: „начинающій въ публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергается строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію (§ 541). Буде кто затѣетъ новую секту и, *по увѣщанію полиціи*, не оставитъ вреднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и *отсылается въ Орднунгсъ-Герихтъ* (Земскій Судъ) *своего округа для принятія въ разсужденіи его дальнѣйшихъ мѣръ* (§ 543)“. Приведенныя статьи, которыхъ конечно никогда не цитуетъ ни г. фонъ-Боккъ, ни его многочисленные подражатели, замѣчательны какъ образчики Протестантской послѣдовательности въ примѣненіи свободы изслѣдованія и свободы совѣсти, то есть именно того начала, которому Протестантство обязано своимъ бытіемъ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ въ послѣдствіи, а теперь указываемъ на нихъ какъ на предупредительныя мѣры придуманныя и внесенныя въ законъ, какъ кажется, въ виду какихъ-то опасеній за будущность. Но что же именно могло въ то время тревожить Лифляндскихъ пасторовъ, такъ какъ нельзя же предполагать, чтобы прописанныя статьи были не ими сочинены

или, по крайней мѣрѣ, внушены? Ближайшимъ и самымъ естественнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ представляется Гернгутерство, занесенное въ Лифляндію еще въ прошломъ вѣкѣ ([5]) и уже успѣвшее, въ началѣ нынѣшняго, пустить въ ней довольно глубокіе корни.

Предчувствуя скорое возникновеніе новаго, плебейскаго Протестантства въ средѣ своего Протестантскаго правовѣрія, благоразумное духовенство очень могло заблаговременно припасать противъ будущихъ реформаторовъ такое оружіе, которому оно болѣе довѣряло чѣмъ силѣ проповѣди и убѣжденія; но немудрено также, что при этомъ была въ виду возможность встрѣчи и съ другимъ противникомъ.

Въ запискахъ о распространеніи Православія въ Лифляндіи, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ, не разъ упоминалось о томъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ Прибалтійскій край изъ Россіи, именно изъ Полоцкаго княжества ([6]), что церковь наша имѣла представителей въ Русскомъ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ) и что можетъ быть отъ этихъ древнихъ временъ вели свое начало продолжавшіяся въ сороковыхъ годахъ сношенія Лифляндскихъ крестьянъ Протестантскаго вѣроисповѣданія съ Православными церквами и священниками въ нѣкоторыхъ пограничныхъ приходахъ ([7]).

Приведенные факты несомнѣнны, и нѣтъ причины не признать въ нихъ случайно уцѣлѣвшей нити, конечно очень слабой и тонкой, которая могла до нѣкоторой степени послужить указаніемъ для крестьянъ, когда началось въ нихъ религіозное броженіе; но нельзя придавать этому большаго значенія и, во всякомъ случаѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Протестантское духовенство, если и знало объ этихъ мелочахъ, то конечно нисколько ими не тревожилось, принимая ихъ за признаки грубаго суевѣрія Латышей. Но другія явленія, правда изолированныя и мало у насъ извѣстныя, могли возбудить въ немъ не безосновательныя опасенія. Такъ, напримѣръ, я слышалъ въ Петербургѣ, отъ одного протоіерея долго жившаго въ Лифляндіи, что около 1800 года, четыре погоста Верросскаго уѣзда: Верхоустье, Кулье, Тайлово и Велье (?) перешли изъ Лютеранства въ Православіе и что имъ поставили въ священники бывшаго ихъ пастора ([8]). Другой подобный случай оффиціально

([5]) Въ указѣ Императрицы Елисаветы Петровны 1743 г. Лифляндскому вице-губернатору и генералъ-губернатору кажется въ первый разъ упоминается у насъ о Гернгутерахъ. Они названы въ этомъ указѣ *Эрнъ-Гутерами*; правительство обращается къ нимъ съ угрозами между прочимъ за то, что въ ихъ собраніяхъ принимали участіе „*особливо крестьяне* и оные тѣмъ развращеннымъ ученіемъ *приведены въ непослушаніе помѣщикамъ* и извѣтомъ (подъ предлогомъ) молитвы, *должныя свои работы покидаютъ.*“—Русск. Архивъ, 1868 г. № 9-й. Изъ выписанныхъ словъ не трудно угадать, кто аттестовалъ Гернгутеровъ передъ правительствомъ.

([6]) Одинъ Лифляндскій лѣтописецъ заявляетъ, что Русскіе князья (въ отличіе отъ Нѣмецкихъ) не имѣли обыкновенія навязывать свою вѣру покореннымъ ими племенамъ: est consuetudo regum Ruthenorum quemcunque gentem expugnaverint non fidei Christianae subjicere (Изд. Губера 3-й выпускъ стр. 166).

([7]) Такъ, жители Венденскаго уѣзда имѣли обыкновеніе, по три раза въ годъ, отправляться въ Якобштатскую церковь для служенія молебновъ — это видно изъ церковныхъ книгъ. Равнымъ образомъ, Латыши и Эсты ежегодно хаживали молиться въ Печерскій монастырь, на границѣ Псковской губерніи и Лифляндіи. И въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи, крестьяне издавна хаживали къ православнымъ священникамъ за святою водою, заказывали имъ заздравные молебны и т. п. Замѣчательно также, что очень многія Латышскія слова относящіяся къ предметамъ вѣры и богослуженія, повидимому, заимствованы изъ Русскаго.

([8]) Это извѣстіе записано мною со словъ разсказывавшаго въ 1848 году, но я не имѣлъ возможности повѣрить его.

засвидѣтельствованъ. Я передамъ его буквально, по Протестантской версіи: „Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу при мызѣ Кастеръ островѣ Чудскаго озера называемомъ Піари - Сааръ, живутъ Эсты вмѣстѣ съ Русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло Эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ либо, или, по лѣтамъ и необразованности своей, не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время когда имъ, по Лютеранскому вѣроисповѣданію, надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на Русской части острова и тамъ принимаютъ *Греческое* вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ, указомъ 20 Декабря 1813 года, изволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть *терпимы* сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій, то онѣ, *по крайней мѣрѣ*, не должны быть дозволяемы малолѣтнымъ, не свѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не познавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ вѣроисповѣданіе; а всего менѣе можно позволить *наносить безчестіе господствующей вѣрѣ* чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества и упорствованія *противъ закона* и *порядка*. И кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія Лифляндской оберъ-консисторіи *другіе случаи*, что молодые люди, для избавленія себя отъ обязанности знать катихизисъ дабы быть допущенными по закону Лютеранскому къ причащенію, переходили къ Православной Греческой церкви, что̀ оскорбляетъ столько же очевидно достоинство сей послѣдней ([9]), сколько и *права Протестантской церкви въ Лифляндіи* ([10]). Почему Лифляндская оберъ-консисторія просила объ учиненіи *запрещенія* православному духовенству, не только на островѣ Піаръ-Сааръ, но *также вообще и каждому въ Лифляндской губерніи не допускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви* ([11]) молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія *къ принятію Православной вѣры*.“ (Полн. собр. зак. т. XXXVI № 27630, указъ Св. Синода 8 Января 1819).

Все въ этомъ оригинальномъ документѣ заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, въ немъ выразились очень ярко и осязательно понятія и притязанія Лифляндскаго духовенства, съ которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ встрѣчаться. Протестанты переходятъ въ Православіе—значитъ: другихъ побужденій кромѣ унизительныхъ и корыстныхъ тутъ и предполагать нельзя; все дѣло объясняется желаніемъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, лѣнью, уклоненіемъ отъ ученья, грубымъ невѣжествомъ, даже упорствомъ противъ закона. Но почему бы однако не предположить, что обычай Православной церкви, допускающей къ причастію и младенцевъ, могъ подѣйствовать на Эстовъ? Кажется, въ этомъ не было бы ничего невозможнаго. Но Лифляндская консисторія ни о чемъ подобномъ не хочетъ и слышать; она рѣшаетъ

([9]) Какая трогательная и безкорыстная заботливость о нашей церкви со стороны Лютеранской консисторіи!

([10]) Это не такъ трогательно, но за то гораздо ближе къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ: принять Протестантовъ въ Православную церковь — не тоже ли, что̀ пріютить бѣглыхъ крѣпостныхъ людей или посягнуть на чужую, оброчную статью?

([11]) Значитъ: принимать въ Православную церковь можно бы было только *покорныхъ* Протестантской церкви, то есть такихъ, которыхъ бы само Протестантское духовное начальство благословило на переходъ въ Православіе?

дѣло съ плеча: нужно, во что-бы то ни стало, отстоять обязательность установленныхъ ею порядковъ, и потому, не справляясь на сей разъ съ свободою совѣсти, она просто требуетъ отъ начальства запрещенія принимать *непокорныхъ* Лютеранъ въ Православную церковь. О свободѣ и о правахъ христіанской совѣсти Лифляндская консисторія вспомнитъ позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ, когда понадобится оправдать отпаденіе Православныхъ въ Лютеранство. Тогда заговорятъ другимъ языкомъ и выставятъ иного рода аргументацію. Не менѣе отчетливо выразилось въ данномъ случаѣ и воззрѣніе высшаго правительства на обращеніе въ Православную вѣру вообще. Хотя именной указъ 20 Декабря 1813 года, на который ссылался Виндавскій пасторъ, не помѣщенъ въ Полномъ собраніи законовъ, однако нѣтъ повода сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, при разсмотрѣніи дѣла, не отвергъ ссылки. Да и самое содержаніе, даже тонъ указа—это рѣшительное неодобреніе *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, характеризуетъ какъ нельзя лучше понятія того времени, впрочемъ едвали и теперь вполнѣ отброшенныя высшимъ правительствомъ и особенно высшимъ обществомъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такія понятія могли уживаться съ представленіемъ о самодержцѣ, какъ покровителѣ и заступникѣ, чуть ли не главѣ Православной церкви, и что такое валовое осужденіе *всякой* перемѣны вѣры, слѣдовательно и перемѣны по искреннему убѣжденію, то есть высшаго проявленія религіозной свободы, по видимому мирилось съ ученіемъ о свободѣ совѣсти, о которой у насъ въ то время такъ много толковали, рѣшительно не понимая ея сущности; но такія ли еще увидимъ мы странности! Наконецъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе и на самый ходъ дѣла по поводу обращенія Эстовъ. Лифляндская духовная консисторія отнеслась съ своимъ ходатайствомъ къ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицину, который препроводилъ его, не дѣлая отъ себя никакого распоряженія, къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому, который, въ свою очередь, передалъ его по принадлежности на обсужденіе въ Святѣйшій Синодъ. Туда, въ 1819 году, поступило это дѣло на окончательное разрѣшеніе. Въ сороковыхъ годахъ, дѣла совершенно однородныя, какъ мы увидимъ ниже, производились уже инымъ порядкомъ, въ Синодъ попадали рѣдко, а сосредоточивались и получали разрѣшеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и особенно въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но въ 1819 году, корпусъ жандармовъ еще не существовалъ, а Синодъ пользовался правами, если не представительства независимой церкви, то, по крайней мѣрѣ, высшаго правительственнаго учрежденія, помимо и безъ участія котораго не рѣшались ввѣренныя ему дѣла духовнаго вѣдомства.

Разсмотрѣвъ представленіе Лифляндской консисторіи, Синодъ разумѣется рѣшилъ „что воспрещать соединеніе съ Православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было бы противно Евангельскому духу". Указъ, изъ котораго выписаны эти строки, помѣченъ 8 Января 1819 года; слѣдовательно хорошо былъ извѣстенъ въ Лифляндіи въ Декабрѣ того же года, когда собранное на Ландтагѣ дворянство разсматривало и окончательно редактировало проэктъ Положенія о крестьянахъ. Весьма можетъ быть, что послѣ неудавшейся попытки Лифляндской консисторіи добиться запре-

щенія присоединять непокорныхъ Латышей и Эстовъ, признано было не лишнимъ заблаговременно прибѣгнуть къ домашнимъ предупредительнымъ мѣрамъ. Понятно при этомъ, что въ статьѣ Положенія, которое повергалось на Высочайшее утвержденіе, не назвали Православной церкви по имени; а что въ Лифляндіи могли подразумѣвать ее подъ выраженіемъ *ереси*, это не должно смущать читателей. Статья, въ которой оно употреблено, была подсказана пасторами, редактирована дворянами Лютеранскаго вѣроисповѣданія и включена въ законъ, котораго примѣненіе имъ же поручалось; составители же закона, они же и исполнители его, сами себя хорошо понимали. Да и почему бы не подразумѣвать подъ *новою въ Лифляндіи ересью* господствующей въ Имперіи церкви, когда въ 1845 году, на оффиціальномъ языкѣ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, присоединеніе къ этой церкви называлось *совращеніемъ*?

Итакъ, отношенія Латышскаго простонародья къ духовенству, въ сороковыхъ годахъ, были по крайней мѣрѣ столь же натянуты какъ и отношенія его къ помѣщикамъ. Крестьяне дичились своихъ пасторовъ, боялись и не любили ихъ; къ Лютеранской церкви, они питали полнѣйшее равнодушіе, а пробуждавшаяся въ нихъ потребность живаго назиданія и живой вѣры пролагала себѣ новые пути, помимо оффиціально господствовавшаго Лютеранства, въ Гернгутерскомъ движеніи, какъ читатели могли уже узнать изъ Записокъ Православнаго Латыша.

Теперь, изобразивъ общественную и церковную обстановку Латышей, остается, въ короткихъ словахъ, напомнить тогдашнюю организацію дворянскаго и духовнаго сословій, съ которыми народъ находился въ ближайшемъ соприкосновеніи и долженъ былъ, въ скоромъ времени, придти въ столкновеніе; наконецъ—сказать два слова о тогдашнемъ личномъ составѣ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи.

Дворянство стояло и теперь стоитъ во главѣ края, не только какъ первое и передовое сословіе, но какъ признанное, политическое представительство всего земства. На этомъ основаніи, оно могло дѣлать предметомъ совѣщаній своихъ сословныхъ собраній (Ландтаговъ) *всѣ дѣла касавшіяся блага края*. (Св. мѣст. узакон. губ. Остз. часть II ст. 83).

Дворянство дѣлилось на коренное, иначе *рыцарство*, то-есть записанное въ мѣстную матрикулу (дворянскую книгу) и не записанное. Только первое пользовалось полными правами по имуществу и въ составѣ общества, какъ то: правомъ пріобрѣтать дворянскія вотчины не подвергаясь перекупу, правомъ голоса въ собраніяхъ по всякаго рода дѣламъ и правомъ занимать по выбору всякія должности. Дворяне нематрикулированные, покупая дворянскую вотчину, рисковали, въ теченіи опредѣленнаго срока, быть вынужденными уступить ее любому члену кореннаго дворянства, который бы вздумалъ перекупить ее; они пользовались правомъ голоса въ собраніяхъ только по дѣламъ о дворянскихъ складчинахъ и допускались къ занятію лишь немногихъ, очень второстепенныхъ должностей по выбору (Св. мѣстн. узакон. II ст. 7, 32, 100, 364, 876).

Общественная организація Лифляндскаго рыцарства поражала изумительнымъ множествомъ сословныхъ учрежденій, обиліемъ должностей и многосложностью своего штата.

У него были трояка го рода собранія: Ландтаги (соотвѣтствующіе нашимъ Губернскимъ Собраніямъ) такъ называемые Конвенты и Уѣздныя Собранія, не считая множества другихъ частью приготовительныхъ, частью избирательныхъ съѣздовъ по разнымъ спеціальнымъ частямъ мѣстнаго упра-

ленія (таковы, напримѣръ, собраія по судебнымъ приходскимъ округамъ, почтовые конвенты и т. п. амъ же ст. 50 и пр. 91 и др.) Дворянскій Конвентъ состоялъ изъ губернскаго предводителя, 12-ти уѣздныхъ депутатовъ и Ландратской Коллегіи въ полномъ ея составѣ; онъ риготовлялъ дѣла для Ландтага, замѣнялъ его въ дѣлахъ второстепенной важности, въ промежутокъ времени отъ одного собранія до другаго, рѣшалъ вопросы возникавшіе по поводу разномыслія между губернскимъ предводителемъ и очереднымъ ландратомъ (ст. 133, 138). Прокуроръ не присутствовалъ на дворянскихъ собраніяхъ, и стороннія лица въ нихъ не допускались безъ разрѣшенія предводителя; на практикѣ, эти собранія были закрыты для публики, и о томъ что̀ въ нихъ происходило правительство ничего не знало (ст. 49, 64).

Дворянское представительство состояло: во первыхъ, изъ 12-ти пожизненно-избираемыхъ ландратовъ (составлявшихъ вмѣстѣ одну коллегію), изъ коихъ каждый, по очереди, завѣдывалъ въ продолженіи мѣсяца текущими дѣлами дворянства. Какъ представитель и оберегатель не только своего сословія, но и земства вообще, очередной ландратъ былъ, послѣ губернатора, вторымъ лицемъ въ губерніи; во вторыхъ, изъ губернскаго предводителя, имѣвшаго однородныя съ ландратомъ обязанности, дѣйствовавшаго по соглашенію съ нимъ, но игравшаго при немъ второстепенную роль; въ третьихъ, изъ 12-ти уѣздныхъ депутатовъ, по три на уѣздъ, за тѣмъ изъ депутатовъ и ревизоровъ дворянской кассы и т. д. (ст. 557, 559, 563, 566, 572, 573, 596, 604, 609, 610, 611, 619, 625, 628, 638). Ландраты и предводитель, хотя бы они, при выборѣ ихъ, и не имѣли чиновъ соотвѣтствующихъ разрядамъ въ коихъ полагались эти должности, пользовались за урядъ правами четвертаго класса, а уѣздные депутаты правами шестаго; слѣдовательно, дворянство, для своихъ сословныхъ надобностей, производило 13 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и 12 коллежскихъ (ст. 540, 541, 542 и пр. къ 541).

Сверхъ всего этого, дворянство пользовалось самымъ широкимъ правомъ выбора въ судебныя и полицейскія должности. Чтобъ судить о важности этого права, нужно припомнить составъ мѣстныхъ учрежденій. Высшею судебною инстанціею въ Лифляндіи для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ былъ Гофгерихтъ; онъ состоялъ изъ президента, вице-президента, двухъ ландратовъ, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ; кромѣ двухъ послѣднихъ (которыхъ опредѣлялъ Сенатъ) всѣ упомянутыя лица назначались по выбору отъ дворянства (св. мѣстн. узак. часть I ст. 294, 295, 298, 312, 314; часть II ст. 384, 565, п. I). Нисшую судебную инстанцію, также по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (кромѣ дѣлъ крестьянскихъ, для которыхъ учреждены были Мірскіе, Приходскіе и Уѣздные суды) составляли пять Ландгерихтовъ, каждый изъ предсѣдателя и двухъ асессоровъ; всѣ они, равно какъ и секретарь, избирались дворянствомъ (часть I ст. 356, 357, 359, 361, 370 и 372. Ч. II 386, 387). Полиціею завѣдывали Орднунгсъ-рихтеры (земскіе исправники) по два на уѣздъ и Орднунгсъ-герихты (земскіе суды). Въ Орднунгсъ-герихтѣ, кромѣ предсѣдателя, полагалось два адъюнкта. Всѣ эти лица, которымъ, между прочимъ, *поручалось и охраненіе неприкосновенности правъ Православной церкви* (часть I ст. 411, I п. 3), избирались, равно какъ и нотаріусъ состоявшій при каждомъ Орднунгсъ-герихтѣ, также дворянствомъ. Члены Орднунгсъ-герихта удалялись отъ должности по распоряженію главнаго начальника

края, но не иначе какъ по предварительномъ о томъ сообщеніи дворянскому представительству — Ландратской коллегіи (ч. I, ст. 397,—399, 401, 403, 431. Ч. II ст. 390.

По другимъ, спеціальнымъ отраслямъ управленія, дворянство избирало директоровъ почтовыхъ станцій, такъ какъ почта была въ его рукахъ, и попечителей или смотрителей разнаго рода училищъ и заведеній, болѣе или менѣе отъ него зависившихъ (ч. II ст. 32, 359 п. 5, 360). Наконецъ, очередной ландратъ приглашался, на правахъ члена, въ засѣданія Губернскаго Правленія и въ собраніе палатъ, когда въ нихъ разсматривались дѣла касавшіяся правъ, выгодъ и учрежденій дворянскаго общества; онъ же участвовалъ въ засѣданіяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и въ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ кассъ (ч. II ст. 567, 568).

Мѣстная Лютеранская церковь, по своей организаціи, была такъ тѣсно связана съ вышеизложеннымъ учрежденіемъ дворянства, что составляла въ Лифляндіи не болѣе какъ особое отдѣленіе или департаментъ его.

Сельскіе проповѣдники и пасторы иначе не опредѣлялись какъ по предъявленіи ими формально выраженнаго на то согласія прихожанъ, то есть —на практикѣ — мѣстныхъ помѣщиковъ (Полн. собр. зак. т. VII. № 5870, Уст. Евангелич. Лютер. церкви въ Рос. 1832, §§ 152, 159, 161, 164).

Сельское приходское духовенство подчинялось надзору 8-ми Пробстовъ (Благочинныхъ) которые избирались пасторами каждаго округа (Благочинія), а Пробсты подчинялись Генералъ-Суперъинтенденту (который избирался дворянствомъ, изъ лицъ духовнаго званія) и Лифляндской провинціальной Консисторіи. Генералъ-Суперъинтендентъ дѣйствовалъ какъ представитель Консисторіи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, а въ составѣ Консисторіи, занималъ мѣсто вице-предсѣдателя. Консисторія, составлявшая высшую Губернскую инстанцію по судебнымъ, административнымъ и духовнымъ дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви, состояла изъ свѣтскаго президента и духовнаго вице-президента, двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ асессоровъ. Президентъ и оба свѣтскіе асессоры избирались дворянствомъ, первый непремѣнно изъ числа 12-ти ландратовъ, а послѣдніе изъ сословія матрикулированныхъ дворянъ (тамъ же: §§ 264, 267, 268, 275, 276, 278, 290—294, Сводъ мѣстн. узакон. ч. II, ст. 565, п. 2. 380—383). Дворянство участвовало также въ выборахъ одного изъ свѣтскихъ членовъ Генеральной Консисторіи — высшей въ Имперіи судебно-административной инстанціи по дѣламъ Лютеранской церкви (тамъ же ст. 380). Сверхъ того, общими дѣлами по церковному управленію въ Лифляндіи занимались дворянскія Уѣздныя Собранія, дворянскій Конвентъ и дворянскій Ландтагъ (св. мѣстн. узак. II. ст. 78, 84, 167)

Хозяйство церковное находилось въ завѣдываніи приходскихъ попечительствъ, подчиненныхъ четыремъ главнымъ попечительствамъ. По приходамъ, попечители, отъ одного до двухъ, избирались прихожанами владѣвшими какою нибудь недвижимою собственностью, изъ своей среды; главныя попечительства состояли изъ неизбѣжнаго Ландрата, по назначенію отъ дворянства, свѣтскаго члена назначавшагося тѣмъ же порядкомъ изъ матрикулированнаго дворянства, и главнаго Пробста (§§ 477 и прим. 486, 492, Св. мѣст. уз. ч. II. ст. 359 п. 2. 383). Наконецъ, Лифляндское Лютеранское духовенство собиралось ежегодно на помѣстный соборъ или синодъ, подъ предсѣдательствомъ своего Суперъинтендента, для совокупнаго обсужденія предметовъ духовнаго свойства, то есть церковной доктри-

зы, церковной дисциплины и всякаго рода явленій въ области мѣстной религіозной жизни (§§ 438—444).

Пусть теперь читатель вникнетъ въ это тѣсное соотношеніе двухъ первенствующихъ сословій, дворянства и духовенства, такъ сказать взаимно проникавшихся, въ это множество всякаго рода органовъ, которыми они располагали для выраженія своихъ желаній, стремленій и своей воли, въ это вездѣприсутствіе ихъ представителей, во всѣхъ сферахъ мѣстнаго управленія — и онъ пойметъ какими удобствами и какимъ обиліемъ средствъ они были вооружены для скорой передачи всякаго рода свѣдѣній, для обмѣна мыслей, для соглашеній и стачекъ, для установленія единства въ дѣйствіи и, въ случаѣ нужды, въ противодѣйствіи. Вершину многосложной организаціи нами очерченной составляла все таки Коллегія Ландратовъ. Повторяю еще разъ: не говоря о другихъ должностяхъ первостепенной важности, замѣщеніе которыхъ производилось по выбору дворянства и изъ его среды, одни ландраты, по праву, занимали: въ высшей Губернской судебной инстанціи (Гофгерихтѣ) два мѣста (ч. I. ст. 295), въ высшей инстанціи по дѣламъ крестьянъ (особомъ отдѣленіи Гофгерихта) три мѣста (часть 1. ст. 302), въ высшей инстанціи по дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви (Провинціальной Консисторіи) мѣсто предсѣдателя; въ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствахъ мѣста старшихъ попечителей (ч. II. ст. 381), въ Коммиссіи о имѣніяхъ дворянскаго общества мѣсто предсѣдателя (ч. II. ст. 376). Имъ же, то есть ландратамъ, въ почтовомъ управленіи, принадлежалъ главный надзоръ, а въ дѣлахъ Губернскаго Правленія и Приказа общественнаго Призрѣнія имъ предоставлено было постоянное участіе (ч. II. ст. 565, 567, 568). При этомъ, каждый изъ нихъ, независимо отъ спеціальнаго дѣла лично ему ввѣреннаго, вѣдалъ по очереди текущія дѣла дворянства, а всѣ вмѣстѣ, какъ Коллегія, составляли постоянное представительство дворянскаго сословія. Такимъ образомъ, нитями искусно протянутыми во всѣ стороны, судопроизводство гражданское, уголовное, духовное и мѣстное управленіе, по дѣламъ полицейскимъ, хозяйственнымъ и церковнымъ, окончательно стягивались въ рукахъ одного сословія. Тамъ, въ этой дворянской Коллегіи, было сѣдалище мѣстной власти — le siège du pouvoir. Но независимо отъ той силы, которою она орудовала на основаніи закона, Ландратская Коллегія, на основаніи издавна установившихся традицій, имѣла еще de facto огромное вліяніе на главнаго начальника края. Еслибъ мы назвали ландратовъ неизбѣжными его совѣтниками и помощниками, мы этимъ далеко бы еще не выразили дѣйствительныхъ отношеній представителей высшаго правительства къ представителямъ мѣстныхъ, Нѣмецко-Лютеранскихъ и по преимуществу дворянскихъ интересовъ. Это были, въ полномъ смыслѣ слова, руководители и опекуны приставленные къ генералъ-губернатору отъ дворянства, безъ одобренія, а тѣмъ паче противъ совѣта, внушенія или желанія которыхъ, онъ фактически не могъ ничего ни предпринять, ни остановить. Въ противномъ случаѣ, онъ возбудилъ бы противъ себя на мѣстахъ единодушную оппозицію, съ неизбѣжнымъ ея отголоскомъ въ Петербургѣ, и подвергся бы опасности лишиться мѣста, а можетъ быть и навсегда испортить свою политическую будущность. О противодѣйствіи этой мѣстной, прочно организованной силѣ, высшее правительство и не помышляло; по крайней мѣрѣ, оно не пользовалось для этого даже тѣми скудными средствами, которыя все еще были въ его рукахъ. Въ угоду ли всемогуще-

му сословію, представлявшему собою мѣстное общественное мнѣніе, по другимъ ли причинамъ, всѣ коронныя должности, въ которыя правительство назначало отъ себя и кого хотѣло, начиная съ генералъ-губернатора и кончая уѣздными стряпчими (фискалами) замѣщались, по обычаю, если не исключительно Лифляндскими, то Балтійскими дворянами, по крайней мѣрѣ мѣстными уроженцами, Нѣмцами по происхожденію и Лютеранами по вѣроисповѣданію, такъ что во всей Лифляндіи, въ 1841 году, не было ни одного Русскаго чиновника въ должности хотя бы второстепенной.

Прокуроромъ былъ баронъ Гейкингъ, Начальникомъ губерніи престарѣлый баронъ Фелькерзамъ, нѣкогда подписавшій, въ должности секретаря дворянства, актъ о подчиненіи Курляндіи Русской державѣ при Екатеринѣ II, мѣсто генералъ-губернатора занималъ благодушный и благородный баронъ Паленъ, о личныхъ свойствахъ котораго отзывались съ почтеніемъ и сочувствіемъ всѣ безъ исключенія имѣвшіе съ нимъ какія либо сношенія, даже тѣ, которые, по своимъ понятіямъ, не могли не порицать административныхъ его дѣйствій.

Мои убѣжденія и мнѣ не позволяютъ отнестись къ нимъ сочувственно, но само собою разумѣется, что, намѣреваясь воспользоваться правомъ критиковать правительственную систему генералъ-губернатора, я выгораживаю безусловно побужденія человѣка, котораго я не имѣлъ чести лично знать и котораго имѣю всѣ причины уважать. Чтобъ устранить отъ себя всякое въ этомъ отношеніи подозрѣніе, я позволю себѣ теперь же высказать съ полною откровенностью мое объ немъ мнѣніе, сложившееся изъ всего, что̀ я могъ узнать на мѣстахъ, вскорѣ по удаленіи его изъ края.

Система управленія Барона Палена обусловливалась частью кровными его убѣжденіями, частью вліяніемъ окружавшей его среды, а непримиримости этихъ убѣжденій и вліяній съ историческими правами и съ государственными интересами Россіи на ея Балтійской окраинѣ, онъ не только не сознавалъ, но даже и не подозрѣвалъ. Верхомъ несправедливости было бы ставить ему это въ упрекъ, когда и высшее правительство, самымъ назначеніемъ его, обнаруживало отсутствіе того же сознанія.

Онъ былъ искренній Протестантъ, и потому естественно, что стремленіе Латышей въ Православіе не могло представляться ему ничѣмъ инымъ какъ припадкомъ какого-то дикаго помѣшательства, которымъ толпа увлекалась отъ лучшаго и совершеннѣйшаго къ сравнительно-грубѣйшему. Странно бы было и ожидать отъ него, чтобъ онъ взглянулъ сочувственно, или даже спокойно и безпристрастно, на отпаденіе темной и безграмотной черни отъ вѣроисповѣданія, которымъ онъ самъ удовлетворялся: а въ подобныхъ случаяхъ, непризнаніе разумности чужихъ побужденій непремѣнно наводитъ на предположеніе подговоровъ, подкуповъ и обольщеній со стороны. Такъ, во время оно, смотрѣли добросовѣстные Католики на Лютера и на его послѣдователей; по той же причинѣ, и баронъ Паленъ почти не могъ не повѣрить клеветамъ на Православное духовенство и не возненавидѣть его.

Онъ былъ рыцарь по происхожденію, по родовымъ преданіямъ, по понятіямъ и чувствамъ; понималъ служебный долгъ свой какъ отношеніе лица обязавшагося присягою къ лицу принявшему ее, и въ полномъ сознаніи своей политической безупречности, смотрѣлъ во всѣ глаза на своего Лифляндскаго герцога ([12]); но чест-

([12]) Какъ выражается г. фонъ-Боккъ.

ный взглядъ барона Палена не высматривалъ изъ-за него Россіи. Ему не приходило въ голову, чтобъ можно было ожидать отъ его родины чего-нибудь бо́льшаго кромѣ династической преданности, и чтобъ эта чужая для него Россія имѣла какое-нибудь разумное основаніе, даже какой-нибудь интересъ, хотѣть быть на Балтійской своей окраинѣ, не въ гостяхъ, а точно какъ бы дома и у себя. Дивиться ли послѣ этого, что всякое движеніе господствующей народности въ эту сторону возмущало его какъ посягательство на чужую собственность, котораго онъ иначе объяснить себѣ не могъ, какъ предположивъ въ Русскихъ низкое чувство зависти?

Онъ былъ Нѣмецъ, хорошо зналъ и понималъ своихъ земляковъ, видѣлъ ясно тѣ племенныя свойства, которыми они, къ выгодѣ своей, отличаются отъ Русскихъ, и на оборотъ не имѣлъ никакого чутья для тѣхъ, иного рода свойствъ, которыми Русскіе берутъ верхъ надъ Нѣмцами. Какъ-же бы не сталъ онъ подбирать къ себѣ Нѣмцевъ, и можно-ли было ожидать отъ него уразумѣнія той простой истины, что кромѣ отвлеченно-правительственныхъ интересовъ, у Русскаго правительства есть еще интересы Русскіе, для охраненія которыхъ нельзя обойтись безъ людей Русскихъ?

Онъ былъ помѣщикъ стараго закала, не помѣщикъ-хозяинъ, а помѣщикъ-аристократъ, унаслѣдовавшій отъ цѣлаго ряда суровыхъ своихъ предковъ привычку властвовать надъ народомъ; каково же было ему видѣть, что эти презрѣнные Латыши выбивались, не только изъ подъ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но и изъ подъ духовной его опеки, стараясь помимо ихъ, тѣснѣе примкнуть къ Россіи? Когда Лифляндія вздрогнула при мысли, что если простонародіе потребуетъ просвѣщенія и получитъ его прямо отъ Россіи, а не отъ своихъ бароновъ, то передовое сословіе, пожалуй, скоро очутится одинокимъ у себя дома, безъ заднихъ, покорныхъ ему сословій, безъ почетной свиты; когда все это было растолковано барону Палену—могъ ли онъ не повторить за другими, что это бунтъ? Могла ли не закипѣть дворянская кровь во всѣхъ жилахъ благодушнаго старца, и если въ эту минуту его руководителямъ удалось исторгнуть у него рядъ приказовъ на ненужныя экзекуціи, рѣшится ли кто-нибудь заподозрить добросовѣстность его ослѣпленія, за которое поплатились такъ жестоко не менѣе добросовѣстно размечтавшіеся крестьяне? Въ ту пору жизни барона Палена, когда установлялись его политическія убѣжденія и воззрѣнія, вопросы вѣроисповѣдные, соціальные и національные, можно сказать, не существовали. Онъ не имѣлъ случая въ нихъ вдуматься и когда они неожиданно предстали ему въ непривлекательной формѣ какого-то загадочнаго броженія, онъ ихъ не опозналъ, не нашелъ для нихъ формулы, и въ торопяхъ ухватился за сподручные ему пріемы военной дисциплины.

Конечно, у него были передъ глазами и другія явленія болѣе понятныя: бѣдность крестьянъ, систематическое ихъ угнетеніе, несоразмѣрность повинностей съ ихъ средствами и всѣ виды хозяйственнаго произвола помѣщиковъ; но всего этого онъ долго не видѣлъ, и какъ будто даже боялся увидѣть; потомъ, когда обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ страшною дѣйствительностью, онъ смутился, и для него наступила минута тяжелаго колебанія. Признать, что народъ въ Лифляндіи бѣдствовалъ вещественно и нравственно—это значило осудить хваленое благоустройство края и вызвать со стороны правительства рѣшительныя мѣры, которыя могли бы поколебать сословное господство дворян-

ства; онъ это зналъ, а между тѣмъ, изъ Петербурга ему указывали на открытыя язвы, да и самъ онъ ощупывалъ ихъ во время своихъ объѣздовъ. Наконецъ таки честность взяла свое. Какъ ни противно было его природѣ всякое подобіе демократизма, какъ ни высоко стоялъ въ его понятіяхъ интересъ дворянства, и какъ ни дорожилъ онъ мнѣніемъ о себѣ своихъ земляковъ, у него достало правдивости признать передъ властью безвыходное положеніе крестьянъ и мужества потребовать безотлагательной для нихъ помощи. Собственно объ этой сторонѣ дѣла, правительство услышало отъ барона Палена болѣе горькой для дворянства правды, чѣмъ отъ многихъ его преемниковъ носившихъ русскія фамиліи, а въ положеніи барона Палена, при его обстановкѣ и при его связяхъ, это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, гражданскій подвигъ, за который онъ же скоро и поплатился. Какъ только онъ началъ въ своихъ донесеніяхъ писать всю правду и разоблачать темныя стороны крестьянскаго быта, онъ былъ немедленно отозванъ.

Единственнымъ во всей Лифляндіи представителемъ Россіи и ея интересовъ въ дѣлахъ Православной церкви, былъ въ 1841 году викарій архіепископа Псковскаго, преосвященный Иринархъ, назначенный въ Ригу не задолго до начала движенія крестьянъ въ Православіе. Передъ этимъ, онъ служилъ по духовноучебному вѣдомству, потомъ состоялъ священникомъ при одной изъ нашихъ заграничныхъ миссій въ Италіи и тамъ (по справедливому замѣчанію человѣка знавшаго его близко) усвоилъ себѣ то умѣнье обращаться съ людьми и въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя съ достоинствомъ, которое пріобрѣтается только въ средѣ образованнаго общества и котораго отсутствіе нерѣдко парализируетъ на практикѣ другія, даже высшія способности ума и воли. Цѣлью назначенія преосвященнаго Иринарха въ Ригу было, какъ извѣстно, противодѣйствіе тамошнему расколу Ѳедосѣевскаго толка, который, въ средѣ иновѣрческой и подъ покровительствомъ городскаго начальства, принималъ формы узаконеннаго гражданскаго разврата. Въ то время, вопросъ о расколѣ вообще почему-то особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство; о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія явныя и секретныя, сочинялись даже проэкты о повсемѣстномъ и поспѣшномъ ихъ искорененіи. Но, вопреки видамъ правительства, первому викарному Рижскому судьба предназначала испробовать свою энергію въ другой, для него болѣе опасной борьбѣ. Ему первому довелось испытать на себѣ, съ одной стороны, всю силу религіозной и племенной вражды противъ Россіи, таившейся въ Лифляндскомъ обществѣ, съ другой—всю немощь власти, при встрѣчѣ ея съ интригою умѣющею прикрывать свои цѣли искуснымъ подборомъ словъ изъ лексикона политическаго консерватизма. Своею безпримѣрною участью, онъ первый далъ намъ мѣру этой силы и этого безсилія; онъ же, выдержавъ одинъ, безъ всякой поддержки, неравную борьбу и не пошатнувшись, не уступивъ ничего, завѣщалъ своимъ преемникамъ доблестный примѣръ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не вызвавшій подражателей.

Въ Петербургѣ, въ самыхъ высшихъ сферахъ правительственныхъ и придворныхъ, стояла дружная фаланга заслуженныхъ сановниковъ Балтійскаго происхожденія: графъ Бенкендорфъ, Палены, Мейндорфы, Ганы, Веймарны и другіе, а за ними—необозримые ряды менѣе видныхъ, но не менѣе усердныхъ и полезныхъ оберегателей интересовъ Остзейскаго края. Эта группа, по единству одушевлявшихъ ее стремленій, по образцовой,

издавна установившейся въ ней дисциплинѣ, по обилію средствъ находившихся въ ея распоряженіи, по обширности ея связей и по огромному, изстари пріобрѣтенному ею вліянію на правительство и на общество, составляла болѣе чѣмъ политическую партію; правильнѣе было бы назвать ее самообразовавшимся въ центрѣ самаго правительства *особымъ Министерствомъ Остзейскихъ дѣлъ*.

Представителями и проводниками церковныхъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, могли быть въ то время, по свойству занимаемыхъ ими должностей, графъ Строгоновъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ. О самомъ Синодѣ сдва-ли нужно упоминать. Въ судьбахъ нашей церкви въ Лифляндіи, дѣятельность его почти незамѣтна: по крайней мѣрѣ она оставила по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ и особенно чѣмъ корпусъ жандармовъ. Синодъ былъ какъ будто въ сторонѣ; вопросы прямо до него касавшіеся, когда они требовали новыхъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, возбуждались, обсуживались и разрѣшались помимо его; съ нимъ даже рѣдко совѣтовались, предоставляя ему только примѣненіе правилъ безъ его содѣйствія изданныхъ, и онъ повидимому находилъ это естественнымъ, по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ страннаго безучастія, на которое онъ былъ осужденъ. Можетъ быть, онъ объ этомъ вздыхалъ, неслышно, про себя, да иногда случалось, что таинственная просфира, неизвѣстно кѣмъ занесенная съ задняго крыльца, неожиданно появлялась на столѣ какого-нибудь мірянина, по обязанностямъ службы, въ оффиціальномъ донесеніи своему начальству, замолвившаго слово за права и достоинство господствующей церкви.

Теперь сцена дѣйствія очерчена, главныя дѣйствующія лица названы— можно приступить къ самому изложенію дѣйствія ([13]).

([13]) Я долженъ напередъ оговорить, что не могу принять на себя отвѣтственности за *полноту* изложенія. Въ этомъ отношеніи, мое положеніе гораздо невыгоднѣе положенія публицистовъ Прибалтійскаго края нападающихъ на наше правительство и на нашу церковь. У меня нѣтъ какъ у нихъ многочисленныхъ и усердныхъ сотрудниковъ, безпрестанно добывающихъ для нихъ обильные запасы свѣжихъ матеріаловъ. Архивы министерствъ, главныхъ управленій, Балтійскихъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ безусловно для меня закрыты. Само правительство, по дѣламъ Православія въ Лифляндіи, не обнародовало ни единой строки; вся переписка по этого рода дѣламъ производилась и кажется теперь производится конфиденціально, секретно и весьма секретно; даже законы для Балтійскаго края изданные иногда измѣнялись и отмѣнялись безгласно, потихоньку отъ Русской публики. Сообразивъ эти условія, читатели поймутъ неизбѣжность пробѣловъ, которые будутъ имъ попадаться, и которыхъ я не намѣренъ скрывать. Авось, когда нибудь, при лучшихъ обстоятельствахъ, они пополнятся другими. Я пользовался слѣдующими матеріалами: во первыхъ и главнѣйшимъ образомъ, разными записками о дѣлахъ Православія въ Лифляндіи, изданными въ трудахъ Московскаго Общества исторіи и древностей (1865. Книги 1, 2, 3, 4. 1866, кн. 1). Онѣ составлены большею частью должностными лицами (въ томъ числѣ бывшимъ товарищемъ министра В. Д. Сенявинымъ) по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и личнымъ наблюденіямъ сдѣланнымъ на мѣстахъ; во вторыхъ, заграничными изданіями Балтійскихъ публицистовъ, въ особенности «Лифляндскими вкладами» Г. фонъ Бокка, а также журнальными статьями и корреспонденціями Русскихъ, Нѣмецкихъ, Балтійскихъ и заграничныхъ газетъ; въ третьихъ, разнаго рода рукописными матерьялами, оффиціальными и частными, собранными мною во время моего пребыванія въ Ригѣ въ 1846—1848 годахъ, и нѣкоторыми такого же рода матерьалами случайно дошедшими до меня оттуда же, изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ; наконецъ, разсказами и свидѣтельствами очевидцевъ и собственными моими записками веденными въ Ригѣ въ тѣхъ же годахъ. Къ сознанію въ недостаточности источниковъ, мнѣ остается прибавить, что всякій указанный мнѣ пробѣлъ я пополню, всякую невольную ошибку или невѣрность исправлю, отъ кого бы и откуда бы ни шло замѣчаніе, какъ бы оно ни было мнѣ враждебно по направленію и даже грубо по тону. Послѣднія слова я прибавлю собственно для того, чтобы пріохотить къ

*

Нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели крестьянъ въ 1841 году до крайней степени нищеты. Общественные магазины были пусты, Лифляндія голодала, въ буквальномъ, страшномъ значеніи этого слова. По старой привычкѣ, крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ; но бѣдствіе, противъ котораго не было принято своевременныхъ мѣръ, успѣло достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ частная благотворительность была безсильна, а прежнее свое право на обязательную помощь со стороны бывшихъ своихъ владѣльцевъ крестьяне утратили за 20 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Они были свободны, слѣдовательно должны были сами пещись о себѣ, и такъ какъ народъ пріобрѣтаетъ познаніе своихъ правъ и обязанностей не изъ печатныхъ указовъ, а изъ опыта, то надлежало дать ему полную возможность возчувствовать на дѣлѣ свойство новыхъ его отношеній къ помѣщикамъ, отнюдь не подавая ему повода надѣяться, что прежніе, благопріятные для него порядки, можетъ быть, не совсѣмъ еще отмѣнены. Такъ разсуждали въ Лифляндіи благоразумные люди.

Одинъ Русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: „Мы не забудемъ разсказа одного молодаго медика, который возвратилъ къ жизни умиравшаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять, медленно, умирать отъ голода (14).“

возраженіямъ Балтійскихъ моихъ противниковъ, которыхъ, судя по характеру ихъ полемическихъ статей противъ меня, соблюденіе литературнаго приличія могло бы затруднить.

(14) Чтенія 1865, кн. III, стр. 119.

Въ массѣ, однако, крестьянамъ все-таки не хотѣлось умирать. Они стали обращаться за помощью къ мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но понятно, что начальство ничѣмъ инымъ не могло отвѣтить имъ какъ отказомъ, и въ тонѣ нѣсколько суровомъ, потому что жалобы были дѣйствительно неосновательны, а всякое обнаруженіе состраданія могло бы породить неосуществимыя ожиданія. — „Такъ если ужъ нѣтъ житья у себя дома, нельзя ли куда-нибудь выселиться?“ — эта мысль возникла сама собою и не могла не возникнуть въ умѣ крестьянъ. Когда желудокъ пустъ, фантазія иногда не въ мѣру разыгрывается и, какъ будто въ утѣшеніе умирающимъ отъ истощенія, выводитъ передъ ихъ потухающими взорами картины заманчиваго довольства. Этого рода утѣшеніе испытывали и Латыши. Въ ихъ распаленномъ воображеніи стала рисоваться какая-то роскошная, теплая, будто бы ихъ ожидавшая *Эйская* земля. Почему именно Эйская? — не знаю.

Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, какъ кажется мало вникавшій въ процессъ образованія народныхъ слуховъ, хотѣлъ непремѣнно доискаться происхожденія этой молвы ходившей по всей Лифляндіи и наложить руку на перваго отвѣтственнаго ея изобрѣтателя; но это ему не удалось и, послѣ долгихъ усилій, онъ выяснялъ только, что слухи когда-то и кѣмъ-то распущенные между Латышами, нашли себѣ какъ бы подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія въ 1840 году нѣсколькихъ окрестившихся Евреевъ изъ Курляндіи въ Бессарабію. Какъ бы то ни было, слухи эти быстро разносились и очень можетъ быть (въ подобныхъ случаяхъ безъ этого никогда не обходится) что находились полуграмотные люди, которые, раз-

дѣляя заблужденіе толпы или промышляя ея довѣрчивостью, въ этомъ смыслѣ писали для нея просьбы, или даже обнадеживали ее лживыми справками. Во всякомъ случаѣ, не въ Ригѣ, а въ уѣздахъ, особенно въ Венденскомъ, Валкскомъ и Маріенбургскомъ, зародилась молва о переселеніи и оттуда толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи.

Они метались во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ дороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у губернатора, у генералъ-губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ.

Многіе изъ просителей все таки, по прежнему, жаловались на своихъ помѣщиковъ; другіе мололи всякій вздоръ, намекая на какія-то апокрифныя распоряженія правительства на ихъ счетъ; нѣкоторые не имѣли при себѣ узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому—да и не мудрено. Не могли же вотчинныя конторы благопріятствовать этимъ раззорительнымъ отлучкамъ, особенно когда имъ были хорошо извѣстны мечтательныя надежды побуждавшія Латышей таскаться въ Ригу.—Со стороны крестьянъ, тутъ ужъ было прямое нарушеніе законнаго порядка объ испрошеніи видовъ, и за таковыя ихъ продерзости губернское начальство усердно принялось наказывать ихъ палками, брить имъ половину головы и выпроваживать ихъ домой. Это было заявлено оффиціально барономъ Паленомъ и производилось въ стѣнахъ губернскаго правленія ([15]). Наконецъ, въ іюнѣ 1841 года, одна изъ голодныхъ и запуганныхъ испытанными наказаніями крестьянскихъ артелей, таскаясь по улицамъ города Риги, случайно забрела на архіерейское подворье, къ преосвященному Иринарху. Онъ выслушалъ терпѣливо безсвязный бредъ крестьянъ, не скрылъ своего къ нимъ состраданія (вѣдь не обязанъ же онъ былъ скрывать его) но объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касался и что онъ поставленъ былъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія къ той церкви, которой онъ служилъ, желавшихъ вступить въ нее. Въ заключеніе, онъ сказалъ имъ, *чтобъ они слушались помѣщиковъ* (это было засвидѣтельствовано барономъ Паленомъ) и отпустилъ ихъ, давъ имъ кусокъ хлѣба, нѣсколько грошей и по экземпляру Православнаго Катихизиса—не могъ же и онъ встрѣтить ихъ палками и бритвами! Таковъ былъ починъ такъ называемой въ Лифляндіи православной пропаганды: ласковое слово, сочувствіе къ чужой бѣдѣ, скудная милостыня и катихизисъ. А вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ баронъ Паленъ и его руководители все-таки были правы; точно: это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была Православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой Русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ, или извощикъ, виноваты ли они были въ томъ, что, благодаря порядку вещей существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ Русскими, всякій ихъ взглядъ брошенный на Латыша, потому только, что въ этомъ взглядѣ не было угрозы, всякое ихъ слово, потому только, что въ немъ не было брани, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ даже, опасныя надежды? Англійскій консулъ въ прошломъ году, въ Архангельскѣ, тоже помогалъ голоднымъ, однако это не поколебало ихъ политической и религіозной вѣрности и не побудило ихъ

---

[15]) Отношенія Ген. Губ. къ Мин. Внут. Дѣлъ. 1841, 13 и 18-го іюля №№ 670 и 701.

проситься въ Англиканство; а преосвященный Иринархъ сдѣлался вдругъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ, мутившимъ слабые умы крестьянъ!.... Впрочемъ и другое лицо, въ тоже время и почти за тоже самое, навлекло на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей. Это былъ никто иной какъ жандармскій подполковникъ, въ добавокъ Нѣмецъ, по имени Киршъ. Когда къ нему пришли крестьяне, онъ тоже, какъ видно, имѣлъ неосторожность заговорить съ ними по человѣчески и записать ихъ имена, для того (какъ заявлялъ онъ послѣ въ свое оправданіе), чтобъ легче было отыскать ихъ когда дѣло дойдетъ до палокъ и бритья. Слѣдственная коммиссія, назначенная барономъ Паленомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата фонъ-Гагемейстера увѣряла, будто бы крестьяне бывшіе у *Русскаго губернатора, у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ* (такъ они выражались, если вѣрить тому, что́ было записано слѣдователями), остались имъ довольны, утвердились въ прежнихъ своихъ мысляхъ и говорили, что онъ принялъ ихъ хорошо, даже обѣщалъ доложить объ нихъ Государю. За одно это, генералъ-губернаторъ жаловался своему другу графу Бенкендорфу на его подчиненнаго, вѣроятно еще новичка и не успѣвшаго усвоить себѣ Лифляндскихъ административныхъ пріемовъ. Изъ всего этого выходило, что вообще съ крестьянами вовсе не подобало говорить, такъ какъ это во всякомъ случаѣ было опасно, а слѣдовало ограничиться бритьемъ головъ и сѣченіемъ. Никто не хотѣлъ понять, что страшны были не слова и взгляды, а страшна была совокупность мѣстныхъ, издавна сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствительно все выходило страшнымъ, и что старанія прекратить всякія сношенія крестьянъ съ лицами посторонними, къ которымъ они не питали наслѣдственнаго недовѣрія, не только не вели къ успокоенію массы, а напротивъ отнимали у нея послѣднюю возможность вразумиться. Такого рода мѣрами крестьянъ довели наконецъ до того, что всѣ тѣ, съ которыми они встрѣчались и имѣли дѣло, стали, въ ихъ понятіяхъ, распадаться на двѣ категоріи. Первая состояла изъ ихъ заклятыхъ враговъ; тутъ подразумѣвались тѣ, которые брили и сѣкли и тѣ, по наущенію и въ интересахъ которыхъ производились сѣченіе и бритье. Вторая категорія вмѣщала въ себѣ немногихъ ихъ доброжелателей и въ нее безъ разбора включались всѣ не прибѣгавшіе къ упомянутымъ средствамъ вразумленія. Въ эту категорію попалъ какъ преосвященный Иринархъ, такъ и жандармскій подполковникъ Киршъ. Затѣмъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ доброжелателямъ, безъ дальнихъ справокъ, непремѣнно приписывалось, не только полное сочувствіе всѣмъ фантастическимъ надеждамъ народа, но и рѣшительное намѣреніе содѣйствовать ихъ осуществленію.—„Съ такимъ-то говорить можно, значитъ онъ за насъ, а коли за насъ, то разумѣется хлопочетъ и о переселеніи нашемъ. Да чуть ли онъ даже и не обѣщалъ хлопотать объ этомъ, или только видно было по всему, что будетъ хлопотать?—Да нѣтъ! Точно обѣщалъ!“ — такъ разсуждалъ народъ, такъ ему дѣйствительно казалось, и этого общаго настроенія его никакъ не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ юридической достовѣрности показаній, которыя въ то время записывались полицейскими чиновниками со словъ, или яко бы со словъ крестьянъ.

Изъ „Записокъ Православнаго Латыша“, читатели уже знаютъ, что еще до наступленія голода, въ умахъ Латышей зашевелилась потребность такой вѣры, которую они могли бы дѣйствительно считать своею, и такихъ

пастырей, которые бы не представлялись имъ какъ бы особымъ видомъ ненавистной помѣщичьей породы. Теперь, когда народъ всѣми своими надеждами обратился къ Россіи, эта потребность нашла себѣ болѣе опредѣленную формулу—броситься въ объятія Православнаго духовенства и, въ тоже время, слилась съ другимъ желаніемъ—бѣжать изъ края куда нибудь подальше. Это произошло также естественно какъ сліяніе въ одинъ потокъ ручьевъ текущихъ по одной ложбинѣ, хотя бы изъ разныхъ источниковъ; произошло потому, что простой народъ, не обладающій привычкою внутренняго анализа, не способенъ удерживать собственныхъ своихъ побужденій въ строгой раздѣльности. Подобныя явленія вовсе не рѣдки. Еслибы, напримѣръ, заданъ былъ вопросъ: отчего у насъ поднялся народъ за бродягою Пугачевымъ? то конечно никто бы не взялся отвѣтить указаніемъ на *одно* побужденіе. Мы теперь, прислушиваясь къ отголоскамъ доходящимъ до насъ отъ той эпохи, различаемъ въ нихъ и негодованіе вызванное темными слухами о разныхъ передрягахъ у самаго престола, и месть озлобленнаго гоненіями раскола, и ненависть къ помѣщикамъ, и свѣжую память о раздольѣ степнаго быта, и еще другіе мотивы; но въ то время, всѣ они сливались въ одинъ нестройный и грозный вопль. Похожее, по многосложности и разнообразію побужденій шевелившихся въ народѣ, происходило и въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ.

Между тѣмъ, вѣсть о пріемѣ сдѣланномъ преосвященнымъ Иринархомъ приходившимъ къ нему крестьянамъ быстро разнеслась, и вскорѣ цѣлая толпа появилась у его дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительное его призваніе—служить церкви. Мало по малу, эти объясненія проникали въ умы крестьянъ. Они стали подавать ему прошенія о присоединеніи ихъ къ Православной церкви и въ нихъ же излагали жалобы на помѣщиковъ, домогательства объ уменьшеніи повинностей, ходатайства о переселеніи и т. п. Преосвященный пересылалъ эти просьбы къ Синодальному оберъ-прокурору. Потомъ, они стали просить только о присоединеніи. Конечно, это отнюдь еще не было доказательствомъ полнаго ихъ вразумленія и сознательнаго отреченія отъ надеждъ на мірскія выгоды; но это былъ первый къ тому шагъ—стремленіе постепенно выяснялось и очищалось. Не считая себя въ правѣ и не имѣя желанія запереться, притвориться ничего не слышащимъ и отвѣчать на всѣ и всякія просьбы голословнымъ отказомъ, преосвященный не могъ не дать имъ какого нибудь хода и чѣмъ нибудь не успокоить крестьянъ, толпами къ нему валившихъ и не расходившихся. Онъ поручилъ одному изъ состоявшихъ при немъ священниковъ записывать имена изъявлявшихъ желаніе перейти въ Православіе. Для характеристики тогдашняго движенія крестьянъ и ихъ понятій, кстати привести здѣсь случай записанный мною до поѣздки моей въ Ригу, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, со словъ очевидца, которому я имѣю полное основаніе вѣрить. Разъ, въ то время какъ священникъ, которому поручено было записываніе, занимался этимъ дѣломъ въ своей комнатѣ, къ нему вошелъ мальчикъ посланный проживавшимъ въ Ригѣ солдатомъ съ просьбою придти къ нему и дать молитву женѣ его, только что родившей. Священникъ призадумался было оставить немедленно начатое имъ дѣло, но потомъ однако пошелъ, сказавъ толпившимся у него Латышамъ, чтобъ они его обождали. По уходѣ его, между Латышами завязался слѣдующій разговоръ, разсказанный потомъ женою священ-

ника знавшею по Латышски: „если *адъютантъ* епископа (такъ они назвали священника) рѣшился идти самъ, то вѣрно звалъ его офицеръ.„—„Нѣтъ, за нимъ послалъ простой солдатъ".—„Странно! Впрочемъ и у инаго солдата водятся деньги и онъ конечно щедро наградитъ священника за безпокойство".—„А что?... какъ онъ вернется, спросимъ у него, что онъ получилъ за свой трудъ?"—„Спросимъ".—Какъ только вошелъ священникъ, Латыши обступили его съ вопросомъ. Онъ получилъ гривенникъ и, спѣша домой, сунулъ его въ перчатку. Доказательство было на лицо, а другихъ денегъ при священникѣ не оказалось. Это такъ поразило Латышей, что одинъ изъ нихъ, всплеснулъ руками, и обратившись къ висѣвшему въ углу образу, воскликнулъ: „вотъ каковы Русскіе пасторы! А нашего то попробуй заманить къ бѣдному человѣку! Кончено! Хочу непремѣнно къ Русскому пастору и въ Русскую вѣру".—Скажутъ (также не безъ основанія) что и это была своего рода пропаганда; но что же было противъ нея дѣлать? А что ея дѣйствительно боялись, это понятно и на это имѣются доказательства. Къ тому же священнику, о которомъ говорено выше, заходили незнакомые ему люди и предлагали значительную по его состоянію сумму денегъ, лишь бы онъ прекратилъ записываніе; потомъ стали подбрасывать къ нему безъименныя письма, въ которыхъ угрожали ему отравою, и такъ напугали его, что нѣкоторое время онъ пекъ хлѣбъ у себя на дому.

О сношеніяхъ завязавшихся между Латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, разумѣется, очень скоро узнали начальникъ губерніи, главный начальникъ края, Лютеранское духовенство и высшее Нѣмецкое общество. Поднялась тревога. На съѣздѣ пасторовъ въ Венденѣ, предложенъ былъ вопросъ: какія принять мѣры, чтобъ отклонить стремленіе крестьянъ къ Православной церкви? Но разсуждать объ этомъ было уже поздно и нужно было дѣйствовать совсѣмъ иными средствами. Въ это же время, мѣстная Коммиссія, учрежденная въ Венденѣ для изслѣдованія причинъ предъявленнаго крестьянами желанія переселяться въ другія губерніи, и состоявшая изъ депутата дворянства, орднунгсъ-рихтера и уѣзднаго фискала (разумѣется все мѣстныхъ дворянъ и Лютеранъ), свидѣтельствовала „что перемѣнить вѣру никто не изъявилъ желанія".—(Еще бы! Имъ-то изъявлять!) Но она однако находила нужнымъ „положительно запретить Рижскому епископу принимать у себя крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не домогались *кромѣ одной перемѣны вѣры*" ([16]) Слѣдователи, очевидно, начинали терять голову. Напуганный не менѣе ихъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, баронъ Паленъ послѣдовалъ ихъ совѣту и поспѣшилъ потребовать отъ епископа, чтобъ онъ вовсе не принималъ у себя крестьянъ, не записывалъ бы ихъ именъ, а отсылалъ бы ихъ къ губернскому начальству. На это преосвященный Иринархъ отвѣчалъ ему буквально: „что запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія своего начальства, ибо это значило бы отказаться произвольно и безъ видимой нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ въ

(16) Отнош. Ген.-губ. къ Мин. В. Д. 1841, Іюля 18 № 701.

Губернское правленіе“ (17). Съ этого началась война, и планъ кампаніи Нѣмецко-Лютеранской партіи тотчасъ обозначился.

Крестьяне бѣдствовали и волновались — этого факта нельзя было отрицать, а онъ естественно могъ побудить высшее правительство всмотрѣться ближе въ ихъ положеніе и навести его на мысль о существенныхъ измѣненіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Крестьяне просились въ Православную церковь, съ затаенными, задними надеждами или безъ нихъ, но все-таки просились — это былъ другой фактъ, котораго также нельзя было скрыть и который естественно долженъ былъ поразить какъ признакъ по крайней мѣрѣ полнаго равнодушія крестьянъ къ Лютеранству, и слѣдовательно крайней неудовлетворительности нравственныхъ отношеній Лютеранскаго духовенства къ ввѣренной ему паствѣ. Обнаруженіе такого явленія было своего рода историческимъ откровеніемъ. При этомъ конечно трудно было надѣяться, чтобы правительство, безъ дальнихъ справокъ и оговорокъ, просто на просто запретило присоединять Латышей къ церкви пользующейся титуломъ господствующей; а между тѣмъ, всякое разрѣшеніе присоединенія, хотя бы условное, хотя-бы даже обставленное всевозможными затрудненіями, легко могло повлечь за собою отпаденіе всего простонародія отъ Лютеранства. Это грозило окончательнымъ раззореніемъ мѣстному духовенству и подкосило бы въ корнѣ Нѣмецкое владычество въ Лифляндіи, *разорвавъ послѣднюю нравственную связь дворянства съ народомъ*, какъ выражались депутаты дворянства въ 1846 году. Итакъ, въ интересахъ господствовавшей партіи, было крайне необходимо подвернуть правительству такое объясненіе движенія происходившаго въ Лифляндіи, которое удовлетворило бы его вполнѣ, замаскировало бы отъ него многосложныя побужденія шевелившіяся въ народѣ и, такимъ образомъ, отвлекло бы нашихъ государственныхъ мужей отъ мысли всмотрѣться въ дѣло ближе и добраться до самой его сущности. На такого именно рода надобности издавна припасены очень пригодныя *слова*. Онѣ хороши особенно тѣмъ, что ими выражаются понятія крайне тягучія, подъ который легко подвести самыя разнохарактерныя явленія, лишь бы онѣ имѣли наружный видъ нестройности и происходили въ нисшихъ слояхъ общества; другое достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что, будучи разъ произнесены и приняты для обозначенія того или другаго факта, онѣ избавляютъ отъ труда долго думать, а прямо наводятъ на извѣстный порядокъ всѣми затверженныхъ практическихъ мѣръ. Таково, напримѣръ, слово *бунтъ*. И вотъ, окрестили движеніе Лифляндскихъ крестьянъ въ Православіе этимъ драгоцѣннымъ словомъ.

„Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли „до того, что миролюбно устроить „ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ, „глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, „кровопролитія и опустошенія“.—Эту въ своемъ родѣ мастерскую фразу сочинилъ и первый пустилъ въ ходъ предсѣдатель слѣдственной Коммиссіи фонъ Гагемейстеръ; послѣ этого, генералъ-губернаторъ, которому она кажется очень полюбилась, не разъ переписывалъ ее, цѣликомъ или по частямъ, въ своихъ конфиденціальрыхъ сообщеніяхъ своему патрону и другу графу Бенкендорфу; черезъ послѣдняго, она разнеслась по всему Петербургу и тамъ возъимѣла огромный успѣхъ. А между тѣмъ, въ то самое время какъ Лифляндіи будтобы

(17) 27 Іюля 1841, № 8931.

угрожали явное возмущеніе, кровопролитіе и опустошеніе, тамошніе дворяне, по прежнему, съѣзжались въ уѣздные города и въ Ригу на собранія по своимъ сословнымъ дѣламъ, преспокойно оставляя на произволъ судьбы въ деревняхъ свою собственность и свои семьи; но про это въ Петербургѣ не знали, или не хотѣли знать. Сказано было: *бунтъ*, и довольно! Но всякій бунтъ непремѣнно предполагаетъ зачинщиковъ, и въ настоящемъ случаѣ, роль эта естественно выпала Православному духовенству, въ особенности же преосвященному Иринарху, какъ главному лиходѣю. Затѣмъ, оставалось только постараться, чтобъ высшее правительство и самъ Государь Императоръ усвоили себѣ придуманное толкованіе Лифляндскаго движенія (это ужъ было дѣло Петербургскаго Министерства Остзейскихъ дѣлъ) и наконецъ, подготовивъ почву, подобрать на мѣстахъ какія нибудь подобія уликъ и доказательствъ. Съ этой минуты, все Православное духовенство въ Лифляндіи взято было подъ секретный надзоръ мѣстной полиціи, и вся дѣятельность тамошнихъ властей сосредочилась почти исключительно на подслушиваніи и на подшептываніи доносовъ противъ него направленныхъ. Для почина, всего удобнѣе было воспользоваться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ понятіяхъ крестьянъ, духовное дѣйствительно перемѣшивалось съ мірскимъ и что поэтому, какъ бы преосвященный Иринархъ ни отбивался отъ жалобъ и ходатайствъ по дѣламъ до него не касавшимся, онѣ все таки до него доходили. Въ доказательство обвиненій взводимыхъ на епископа, баронъ Паленъ сообщилъ графу Бенкендорфу слѣдующее обстоятельство, съ приложеніемъ подлиннаго документа. Уволенный изъ духовнаго званія Григорій Спасскій, жившій до 15 Іюля въ домѣ церковнослужителей Алексѣевской церкви, напротивъ дома занимаемаго епископомъ, объявилъ 30-го Іюля въ Губернскомъ Правленіи, что онъ 11-го и 12-го того же мѣсяца, по порученію младшаго священника Фасанова, составилъ для крестьянъ различныхъ помѣстьевъ двѣ просьбы на имя епископа, которыя были исправлены Фасановымъ. Затѣмъ, Спасскій переписалъ ихъ на гербовой бумагѣ, и просители подписали ихъ не только за себя, но и за другихъ. Просьбы сіи, *какъ онъ полагалъ*, были отосланы епископомъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Далѣе, *онъ полагалъ*, что знавшій Латышскій языкъ звонарь Алексѣевской церкви *водилъ* крестьянъ къ епископу (это тоже преступленіе?) и что, *по мнѣнію* его, Спасскаго, и нынѣ принимались крестьяне и составлялись для нихъ просьбы при Алексѣевской церкви; что самъ епископъ говорилъ съ крестьянами черезъ сторожа Григорьева и *когда нѣкоторые не хотѣли подписать просьбы о переселеніи съ обѣщаніемъ перемѣнить вѣру, то были къ тому уговорены*. За написаніе же просьбъ, по приказанію Фасанова или эконома епископскаго, онъ Спасскій получалъ деньги, а прежде него солдаты, которые это дѣлали. — Черновая, предъявленная Спасскимъ и сообщенная въ подлинникѣ графу Бенкендорфу, заключала въ себѣ прошеніе о переселеніи крестьянъ въ другія губерніи, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ, и обѣщаніе, въ благодарность за архипастырское попеченіе, принять Православную вѣру.

Какія представилъ по этому дѣлу объясненія преосвященный Иринархъ, мнѣ рѣшительно неизвѣстно и потому я не имѣю данныхъ, которыми бы могъ повѣрить въ частности вышеизложенныя показанія; но на основаніи всего мною видѣннаго, слышаннаго и прочтеннаго въ Лифляндіи, зная какъ производятся въ томъ краѣ чи-

новниками изъ мѣстныхъ дворянъ допросы и слѣдствія по дѣламъ затрогивающимъ ихъ сословные интересы, особенно какъ производились этого рода дѣла въ ту пору крайняго раздраженія и страха ([18]), я считаю себя въ правѣ не вѣрить на слово и заявить нѣкоторыя сомнѣнія. Думаю, что и читатели, сообразивъ все вышеизложенное и то что будетъ сообщено далѣе, согласятся, что крайняя осторожность въ обращеніи съ такъ называемыми подлинными актами Лифляндскаго происхожденія вполнѣ оправдывается. Прежде всего, рождается вопросъ: какой степени довѣрія заслуживала эта личность уволеннаго изъ духовнаго званія Григорія Спасскаго, по собственнымъ его словамъ участвовавшаго въ составленіи просьбъ съ вѣдома, если не по распоряженію епископа, и потомъ вдругъ, неожиданно, подавшаго въ Губернское Правленіе объявленіе противъ того же епископа и противъ своихъ товарищей, у которыхъ онъ жилъ? Что могло побудить его къ такому поступку? Если, въ тоже почти время, невидимая рука безуспѣшно подкупала состоявшаго при епископѣ священника и потомъ подбрасывала къ нему письма съ угрозами, то не позволительно ли остановиться на мысли, что такая же, только въ другую сторону обращенная попытка той же руки, могла удасться лучше? Далѣе, всякому бросается въ глаза, что въ приведенномъ показаніи, сбиты заявленія Спасскаго о самомъ себѣ съ его *мнѣніями и предположеніями* о другихъ. Въ сущности, его показанія помимо обстоятельствъ ничего не значущихъ (какъ напр. приводъ просителей) сводятся окончательно къ факту написанія для крестьянъ, по ихъ желанію, просьбъ со внесеніемъ въ нихъ ходатайствъ и обязательствъ, по ихъ понятіямъ тѣсно между собою связанныхъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣющихъ между собою ничего общаго и отчасти даже совершенно мечтательныхъ. О томъ какъ это дѣлалось, я узналъ на мѣстахъ слѣдующее, сведя, сличивъ и повѣривъ множество разсказовъ слышанныхъ мною отъ разныхъ лицъ. Не преосвященный Иринархъ зазывалъ къ себѣ крестьянъ, а они сами, безъ всякаго старанія и подговора со стороны его приближенныхъ, валили къ нему какъ къ единственному лицу не отталкивавшему ихъ отъ себя. Сперва онъ ограничивался выслушиваніемъ ихъ и словесными съ ними объясненіями черезъ переводчиковъ. При этомъ, онъ твердилъ имъ постоянно, что жалобы на отобраніе земель и на обременительность повинностей, равно какъ и просьбы о переселеніи, до него нисколько не касались и что, въ этомъ отношеніи, онъ ничего для нихъ сдѣлать не могъ; онъ даже увѣщевалъ ихъ слушаться помѣщиковъ и жить смирно. Потомъ, когда приходившіе къ нему крестьяне стали словесно же заявлять о желаніи своемъ принять Православіе, онъ всетаки никого изъ нихъ не присоединилъ къ церкви, а

([18]) У меня лежитъ передъ глазами подлинное письмо одного очень почтеннаго адвоката, Лифляндскаго уроженца, Нѣмца и Лютеранина, но не изъ дворянъ, къ покойному А. Ѳ. Штакельбергу, писанное въ 1847 году, въ которомъ упомянутый адвокатъ пишетъ слѣдующее: wie in jeder Beziehung gegen die Uebergetretenen intriguirt wird, geht ins Unglaubliche. Männer, vor denen man in anderen Beziehungen alle Achtung haben muss, sind auf diesem Felde die ungerechtesten und gewissenslosesten. Es braucht nur gesagt zu werden: «der ist ein Uebergetretener»— und wenn der Mensch das klarste Recht hat, so hilft ihm dieses nichts; sein Todesurtheil ist schon ausgesprochen in dem *«ein Uebergetretener»*. (До какой степени, во всѣхъ отношеніяхъ, интригуютъ противъ перешедшихъ въ Православіе, доходитъ до невѣроятнаго. Люди, которымъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нельзя отказать въ полномъ уваженіи, на этой почвѣ, оказываются несправедливѣйшими и безсовѣстнѣйшими. Достаточно сказать: «этотъ изъ перешедшихъ»— и затѣмъ, хотя бы онъ былъ очевидно правъ, это ему нисколько не поможетъ; въ словѣ изъ *перешедшихъ* произнесенъ ему смертный приговоръ).

только приказалъ записывать имена просителей съ обозначеніемъ ихъ мѣста жительства, такъ какъ полиція тотчасъ же выпроваживала ихъ домой, въ деревни, а между тѣмъ нужно было сохранить какой-нибудь документальный слѣдъ изъявленныхъ желаній. Еще позднѣе, когда движеніе усилилось и приняло такіе размѣры, что должно было вызвать со стороны высшаго правительства какое-нибудь распоряженіе въ руководство эпархіальному начальству, онъ призналъ нужнымъ собрать, для представленія по принадлежности, точныя свѣдѣнія, по которымъ правительство могло-бы составить себѣ точное понятіе о характерѣ движенія и о настроеніи крестьянъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что мѣстное гражданское начальство, въ своихъ донесеніяхъ, преднамѣренно извращало сущность дѣла. Съ этою цѣлью, преосвященный Иринархъ приказалъ записывать со словъ крестьянъ *всѣ* ихъ заявленія, во всей точности, ничего не пропуская, и подавать имъ записанное къ подписанію. Для отобранія и записыванія просьбъ употреблялись, безъ разбора, первые попадавшіеся подъ руку люди, знавшіе Латышскій языкъ, такъ какъ такихъ людей было немного, а толпы просителей увеличивались съ каждымъ днемъ. Мало по малу, записываніе подъ диктовку крестьянъ, вслѣдствіе однообразія ихъ ходатайствъ, превратилось въ составленіе просьбъ отъ ихъ лица и по ихъ порученію. Узнавъ отъ одной крестьянской артели, побывавшей у епископа, что заявленіе ея записано и подписано, другая толпа спѣшила туда-же, обращалась къ указаннымъ ей лицамъ и просила написать и отъ ея имени такую же бумагу какая была написана наканунѣ со словъ опередившей ея партіи. Такова фактическая, достовѣрная сторона дѣла; но на ней одной, какъ бы строго ни судили дѣйствія преосвященнаго Иринарха, трудно было основать обвиненіе достаточное для удовлетворенія злобы на него накипѣвшей въ Нѣмецкой публикѣ. Поэтому, признано было за нужное выставить ребромъ то, чего въ самомъ фактѣ не заключалось, то есть: приписать епископу намѣренное внушеніе крестьянамъ надежды на осуществленіе ихъ несбыточныхъ домогательствъ, и употребленіе этой надежды какъ средства для склоненія ихъ къ перемѣнѣ вѣры. Въ этомъ, очевидно, заключалась вся суть прописаннаго доноса, вся цѣнность его въ глазахъ партіи для которой онъ былъ такъ нуженъ и которая пустила его въ ходъ, а можетъ быть даже и подсказала; но въ этомъ то именно и обнаруживается его неправдоподобіе. Если бы преосвященный Иринархъ, у котораго злѣйшіе его враги не оспоривали ни ума, ни практическаго такта, способенъ былъ обольщать крестьянъ вещественными выгодами, которыхъ онъ имъ дать не могъ, еслибъ онъ точно имѣлъ намѣреніе вскружить имъ головы и поскорѣе, во чтобы то ни стало, поворотить ихъ въ Православіе (чего онъ не считалъ себя въ правѣ сдѣлать безъ разрѣшенія свыше), сталъ ли бы онъ собирать и отсылать въ Петербургъ подписанныя самими просителями документальныя доказательства того, что высказываемыя крестьянами желанія присоединиться къ церкви сопряжены были съ надеждою на переселеніе, а иногда даже заявлялись подъ условіемъ переселенія? Смѣло можно сказать, что еслибъ онъ дѣйствовалъ въ приписываемыхъ ему видахъ, то онъ конечно сталъ бы подвертывать Латышамъ къ подписанію просьбы единственно и исключительно о присоединеніи ихъ къ церкви, а на словахъ и подъ рукою, сталъ бы сулить имъ въ награду мірскія выгоды. При легковѣріи Латышей, особенно въ то время, это было бы отнюдь не трудно.

Въ поясненіе этого предположенія, я укажу на сходный фактъ позднѣйшаго времени, изъ котораго читатели увидятъ какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ умные люди.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій, въ кругу новообращенныхъ Латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ Православія въ Лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія Православныхъ Латышей отъ исповѣди и причастія, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину Православной церкви, наконецъ стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣшеніи Православнымъ переходить въ Лютеранство, или, по крайней мѣрѣ, крестить въ Лютеранскую вѣру дѣтей рожденныхъ отъ браковъ Лютеранъ съ Православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство (не исключая генералъ-губернаторовъ) въ одинъ голосъ объясняли это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ увѣренію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ въ сущности никогда не вымиравшей привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали, будто бы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда тѣхъ же крестьянъ опрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ, за то только, что они исповѣдывали *Русскую* вѣру, сгоняли съ усадьбъ подъ самыми пустыми предлогами, а иногда безъ всякихъ предлоговъ; что ради той же причины, имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе чѣмъ на Лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ ними потому только, что они Православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось бы къ лучшему, еслибъ имъ удалось вернуться къ Лютеранству; что пасторы, съ каѳедръ, глумились надъ ихъ вѣрою и натравливали на нихъ ихъ односельцевъ Лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія, они много разъ жаловались, но ни у кого не находили ни защиты, ни сочувствія; что наконецъ мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они по неволѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, изъ невыносимаго положенія отверженцевъ. Въ доказательство правдивости этихъ заявленій, я приведу въ свое время свидѣтельства и факты, а на сей разъ достаточно сказать то, чего никто конечно не станетъ оспоривать, а именно, что жалобы писанныя на эти темы насчитывались сотнями въ канцеляріяхъ Рижскаго епископа и генералъ-губернатора. Въ виду двухъ столь рѣзко противоположныхъ объясненій одного и того же явленія, высшее правительство призадумалось и, наконецъ, прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству: послать флигель-адъютанта съ порученіемъ проѣхаться по Лифляндіи. Выборъ палъ на графа Бобринскаго. Онъ объѣхалъ два уѣзда и опросилъ Православныхъ крестьянъ, которыхъ вызывалъ *черезъ мѣстную полицію*, и которые иногда приходили къ нему цѣлыми толпами, вопреки его распоряженіямъ, такъ какъ онъ требовалъ всегда небольшаго числа уполномоченныхъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ 18 Апрѣля 1864 г., графъ Бобринскій писалъ о своихъ объясненіяхъ съ крестьянами между прочимъ слѣдующее: „меня поразилъ одинъ „фактъ, что изъ всѣхъ явившихся ко „мнѣ крестьянъ, *ни одинъ не подавалъ*

„*мнѣ просьбъ не касающихся вѣроисповѣданія*, за исключеніемъ 10 или 15 „человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ изъ„явленіемъ желанія остаться Право„славными, просили объ улучшеніи „ихъ матеріальнаго быта"—фактъ дѣйствительно курьезный! О множествѣ поданныхъ ими жалобъ на всякаго рода притѣсненія, обиды и оскорбленія, объ этомъ непрерывномъ своемъ плачѣ, которымъ они, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, оглушали Православное духовенство и генералъ-губернаторовъ, крестьяне вдругъ какъ будто позабыли; такъ-таки почти ни одинъ и не заикнулся объ этомъ! Изумиться было естественно; но жаль, что графъ Бобринскій ограничился выраженіемъ своего изумленія. Еслибъ онъ постарался разъяснить себѣ причину поразившаго его явленія, въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, то онъ безъ сомнѣнія уберегся бы отъ *оффиціальнаго обмана* ([19]), котораго сдѣлался невольною жертвою, и догадался бы, какъ догадается всякій сколько нибудь серьезно изучавшій Лифляндскіе порядки, что передъ нимъ разыгрывалась заранѣе подготовленная комедія и что ему подставляли людей напередъ обученныхъ и настроенныхъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что, какъ пишетъ графъ Бобринскій, бесѣды его съ крестьянами происходили всегда въ присутствіи Русскаго священника и *Орднунгсъ-Рихтера*, то есть мѣстнаго полицейскаго чиновника, избраннаго помѣщиками изъ своей среды. Чувствуя на себѣ внушительный взглядъ этого знакомаго имъ блюстителя порядка, который, по отъѣздѣ графа Бобринскаго, имѣлъ бы тысячи случаевъ съ ними разсчитаться, крестьяне конечно не забывали своей затверженной роли, а еслибы кто нибудь изъ нихъ невольно сбился съ нея, то тотъ же внушительный взглядъ скоро привелъ бы его въ память. До такого мастерства въ сценической постановкѣ, Русскіе вѣроятно никогда не дойдутъ; но я все таки повторю, что еслибы преосвященный Иринархъ дѣйствительно хотѣлъ водворить Православіе въ Лифляндіи обманомъ и лестью, то и онъ, по крайней мѣрѣ, постарался бы замаскировать побужденія Латышей высказывавшіяся въ ихъ просьбахъ съ такою наивностью; во всякомъ случаѣ, никто не повѣритъ, чтобъ онъ могъ надѣяться получить свыше разрѣшеніе на присоединеніе къ церкви такихъ людей, о которыхъ онъ самъ свидѣтельствовалъ, что большинство изъ нихъ просилось въ Православіе въ надеждѣ получить за это какія-то несуществующія земли. Здѣсь, улика противъ достовѣрности взведеннаго на него подозрѣнія заключается въ самомъ фактѣ, на который враги его ссылались какъ на доказательство.

Такого же рода обвиненія посыпались и на Православныхъ священниковъ. Приведу одно, какъ образчикъ, по которому читатели составятъ себѣ понятіе объ остальныхъ. Въ Августѣ 1841 года, баронъ Паленъ писалъ тому же своему доброжелателю и покровителю графу Бенкендорфу „что по „его генералъ-губернатора распоря„женію, 4 числа вечеромъ, задержаны „были въ Ригѣ шедшіе изъ цитадели „въ сопрожденіи священника Суво„рова и какого-то Заволодскаго шесть „человѣкъ крестьянъ".—За что и почему ихъ задержали?—этого баронъ Паленъ не объяснялъ; должно быть просто за то, что шли съ священникомъ, а не съ пасторомъ, съ Суворовымъ и Заволодскимъ, а не съ какимъ нибудь Гольдгаммеромъ или Шмидтомъ. Далѣе, въ бумагѣ значилось „что Заволодскій объявилъ, что „написалъ для крестьянъ прошеніе и

([19]) Подлинныя выраженія, которыми, въ томъ же рапортѣ, графъ Бобринскій характеризуетъ Православную церковь въ Лифляндіи. Этотъ рапортъ два раза изданъ въ Германіи въ Нѣмецкомъ переводѣ.

„велъ ихъ къ священнику; что изъ „шести задержанныхъ крестьянъ трое, „а также еще нѣкоторые задержан-„ные на улицахъ, показали въ гу-„бернскомъ правленіи, что священни-„ки уговаривали ихъ принять Право-„славіе, обѣщая за то переселеніе въ „другія губерніи, а трое показали, „что они обращались къ священни-„камъ только по предмету принятія „Православія". — Итакъ, безцеремонное хватаніе бродившихъ по городу Латышей, эти облавы на нихъ, производившіяся въ Ригѣ днемъ и ночью, повидимому бывали иногда довольно удачны. Въ отношеніи къ прописанному показанію крестьянъ въ частности, я опять таки не могу сказать ничего опредѣлительнаго, такъ какъ мнѣ неизвѣстно какое дали противъ него объясненіе священники, на которыхъ падало подозрѣніе; но я воспользуюсь случаемъ, чтобъ изложить разъ навсегда мой собственный взглядъ на всѣ подобнаго рода допросы и слѣдствія (которыхъ я видѣлъ довольно много) тѣмъ болѣе, что, для яснаго уразумѣнія Лифляндскихъ происшествій того времени, важно не столько убѣдиться въ достовѣрности или вымышленности того или другаго случая взятаго порознь, сколько уяснить себѣ въ какой мѣрѣ всѣ они вообще вѣроятны, часто ли они повторялись, и имѣли ли они характеръ исключеній или обычныхъ явленій?

Для этого, прежде всего, необходимо никогда не упускать изъ виду тогдашняго настроенія крестьянъ, о чемъ было уже говорено выше. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ возбужденныя чувства подъ часъ вводили ихъ въ добросовѣстный обманъ; они слышали не то что̀ имъ объявлялось и читалось, а то что̀ хотѣли слышать, то есть, подтвержденіе своихъ ожиданій. Оттого, повторяя чужія слова, они нерѣдко давали показанія совершенно невѣрныя, нисколько при этомъ не кривя душею. Тѣхъ изъ читателей, которымъ такое невольное затмѣніе способности выслушивать и понимать показалось бы невѣроятнымъ, я попросилъ бы припомнить безчисленные и всѣмъ извѣстные разсказы о томъ что̀ происходило въ Русскихъ деревняхъ, непосредственно послѣ прочтенія манифеста и во время оглашенія Положенія 19 февраля 1861 года.

Далѣе, представляя себѣ ходъ слѣдственнаго дѣлопроизводства въ Лифляндіи 1841 года, надобно разъ навсегда откинуть всѣ теперешнія наши представленія о юридическомъ характерѣ слѣдователя, объ отношеніи его къ общественной средѣ его окружающей, о настроеніи опрашиваемыхъ, о способѣ опрашиванія, и т. д. Мы предполагаемъ (когда нѣтъ причины въ этомъ сомнѣваться) въ слѣдователѣ — безпристрастіе и спокойствіе духа; въ опрашиваемомъ, когда онъ призывается въ качествѣ свидѣтеля — большее или меньшее сознаніе личной его безопасности; въ общественной средѣ — ясную совѣсть; въ судебной процедурѣ, какъ единственную ея цѣль — дознаніе правды, какова бы она ни была. Но ничего похожаго на это не было въ Лифляндіи 1841 года. Показанія отбирались не безстрастнымъ служителемъ закона, а цѣлымъ сословіемъ, раздраженнымъ и напуганнымъ, которому слѣдователь, этимъ сословіемъ избранный, служилъ всецѣло преданнымъ и послушнымъ агентомъ; допросъ производился келейно, въ кругу своихъ, чувствовавшихъ, думавшихъ и дрожавшихъ за одно; а общество, съ жадностью ловившее всякій слухъ, интересовалось не тѣмъ, что̀ правда и что̀ неправда, а тѣмъ: въ какой мѣрѣ записанное показаніе ускоритъ или отдалитъ грозу накоплявшуюся надъ головами преосвященнаго Иринарха и его подчиненныхъ. Подъ вліяніемъ той же заботы, задавались вопросы и записывались отвѣты, не съ цѣлью выяснить что̀ зналъ или что̀ думалъ

опрашиваемый, а въ надеждѣ вытянуть изъ него подтвержденіе заранѣе сложившагося взгляда. Словомъ: слѣдствіе и судъ были въ рукахъ не слѣдователей и судей, какими мы ихъ себѣ представляемъ, а обвинителей Православнаго духовенства. Теперь перенеситесь мысленно въ положеніе опрашиваемаго. Его хватаютъ на улицѣ и вталкиваютъ въ присутствіе. Ошеломленный, онъ оглядывается и видитъ передъ собою строгія физіономіи, которыхъ онъ издавна привыкъ бояться; палки, неизбѣжныя палки, бритвы, кандалы, конвой, угрозы слышанныя имъ дома, на пути, въ самомъ городѣ, все это мгновенно ему припоминается и кружится передъ его помутившимися взорами. Его спрашиваютъ: „ты вѣдь тоже изъ тѣхъ, что затѣяли бѣжать изъ края въ какую-то обѣтованную землю? Да смотри: не хитрить!" — „Виноватъ! точно хотѣлось-бы куда нибудь подальше."— „А отъ кого же слышалъ ты, что за перемѣну вѣры тебя переселятъ въ другую губернію?" — „Ей Богу не умѣю сказать, многіе говорятъ, чуть ли не всѣ."— „А! такъ ты запираешься? Смотри, какъ бы отъ этого не вышло для тебя хуже. Говори скорѣе: отъ кого слышалъ?" — Латышъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. „Ну чтожъ ты молчишь? Еще разъ: кто подбивалъ тебя? Вѣдь не пасторъ же?" — „Нѣтъ, не пасторъ." — „И не помѣщикъ, не Кирхшпильсъ-рихтеръ, не Ордунгсъ-рихтеръ?" — „Нѣтъ, не они." — „Такъ ужь не Русскій ли попъ? Вѣдь ты отъ него уходилъ, когда попался?" — „Точно отъ него."— „Ага! Ну такъ чтоже? Значитъ онъ говорилъ? Такъ чтоли? Да ты не робѣй, постарайся припомнить и говори прямо." — „Да пожалуй что и онъ... онъ точно словно какъ будто обнадеживалъ.... то есть не то чтобы такъ таки.... — „Ну ладно! будетъ: подписывай, а коли безграмотенъ, ставь крестъ."— Латышъ, дрожащею рукою, ставитъ крестъ на бумагѣ писанной на языкѣ, котораго не понимаетъ, и на основаніи этой процедуры и множества другихъ подобныхъ, губернское правленіе доноситъ, что *всѣ* опрашиваемые крестьяне показываютъ будто епископъ и Православные священники подбиваютъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры, обѣщая имъ даровыя земли въ другой губерніи.

Но неужели однако, спроситъ вѣроятно читатель, во всемъ что̀ писалось и разсказывалось въ то время объ интригахъ нашего духовенства, не было ничего кромѣ недобросовѣстныхъ натяжекъ, и можно ли, съ полною увѣренностью, считать всѣ тогдашнія его дѣйствія вполнѣ безукоризненными? Къ сожалѣнію — нѣтъ. Случалось, и притомъ не рѣдко, что Православные священники, частью по неосторожности, не подозрѣвая въ какомъ смыслѣ принимались ихъ слова, частью сознательно и намѣренно, пользовались мечтательными надеждами крестьянъ для склоненія ихъ къ обращенію. Таково мое убѣжденіе, основанное отнюдь не на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей, къ которымъ нельзя имѣть вѣры, а на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ. Два побужденія могли сбивать, и дѣйствительно иногда сбивали, служителей нашей церкви съ пути строгой добросовѣстности. Первое хорошо намъ знакомо не по одной Лифляндіи: это своего рода служебная амбиція, изстари привившаяся къ кастѣ церковниковъ, это желаніе отличиться передъ своимъ начальствомъ, выставивъ на глаза обильные, хотя бы и скороспѣлые, искусственно выгнанные плоды своего такъ называемаго пастырскаго усердія. Тѣмъ же побужденіемъ объясняются у насъ поразительные иногда по своей быстротѣ успѣхи церковной проповѣди въ кругу раскольниковъ и не менѣе поразительная непрочность этихъ успѣховъ. Второе побужденіе исходило изъ

тогдашнихъ мѣстныхъ обстоятельствъ Лифляндіи; это невольное и почти безсознательное увлеченіе борьбою съ противною партіею. Одна крайность наталкивала на другую; одна преднамѣренная ложь вызывала ложь противоположную. Пасторы, Кирхшпильсъ-рихтеры, Орднунгсъ-рихтеры, депутаты дворянства и помѣщики стращали Латышей обнаруживавшихъ желаніе перемѣнить вѣру всякаго рода угрозами, и, въ этихъ случаяхъ, за словами немедленно слѣдовало исполненіе обѣщаннаго: палки, кандалы, бритье головъ, отобраніе усадьбъ. Вещественныя невыгоды присоединенія къ церкви были слишкомъ ощутительны и служили осязательнымъ подкрѣпленіемъ къ проповѣдямъ, въ которыхъ вѣра, считающаяся въ Имперіи господствующею, называлась *сатанинскимъ насажденіемъ*. Что̀ было дѣлать противъ такой пропаганды и чѣмъ уравновѣсить борьбу? Средство было подъ рукою: за отсутствіемъ фактовъ въ настоящемъ,—надежды и мечты бродившія въ умахъ крестьянъ. Какой нибудь Латышъ, задумавшій перейти въ Православіе, приходилъ къ священнику потолковать. Онъ подробно высчитывалъ всѣ лишенія, оскорбленія и обиды, испытанныя имъ съ тѣхъ поръ какъ пасторъ и помѣщикъ догадались о его намѣреніи, и оканчивалъ свою длинную повѣсть вопросомъ: „Ну а вы чѣмъ вознаградите насъ, что̀ вы для насъ сдѣлаете? Усадьбы отъ насъ отбираютъ, съ работы гонятъ, здѣсь житья для насъ не стало—это ясно. За все нами утраченное и выстраданное получимъ ли мы наконецъ хоть что нибудь, хоть клочекъ земли, если не здѣсь, то хоть въ другой губерніи?“ — И Православный священникъ говорилъ въ утѣшеніе: „Не тужи и не теряй надежды: васъ не выдадутъ, потерпите только; станутъ за васъ хлопотать и авось выпросятъ!“ — Не естественно ли, что подобныя слова могли срываться и дѣйствительно срывались съ языка? Я не оправдываю ихъ, какое бы побужденіе ихъ ни внушало, я только повѣствую и объясняю.

Приведенное выше цѣликомъ показаніе Спасскаго о писаніи просьбъ у архіерея, баронъ Паленъ поспѣшилъ сообщить въ одно время управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графу Строгонову и графу Бенкендорфу. Первый, то есть графъ Строгоновъ, кажется оцѣнилъ это показаніе по достоинству и не вынесъ изъ чтенія его того впечатлѣнія, какого ожидали и желали въ Ригѣ; онъ однако счелъ за нужное представить Государю Императору всѣ доставленныя барономъ Паленомъ данныя и присовокупилъ отъ себя, что слѣдовало бы поставить Рижскаго епископа въ извѣстность, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ такихъ просьбъ, въ которыхъ содержится что либо другое кромѣ желанія обратиться въ Православіе, отсылая прочія къ губернскому начальству. — „Справедливо“—написалъ на докладѣ Государь Императоръ ([20]). Но для графа Бенкендорфа, этого было мало, и онъ отъ себя обратился къ Синодальному оберъ-прокурору съ требованіемъ, чтобъ онъ обязалъ епископа не вмѣшиваться въ *это чисто гражданское дѣло* ([21]). Никто однако не находилъ неумѣстнымъ вмѣшательства депутатовъ дворянства, орднунсъ и другихъ всякаго рода рихтеровъ въ чисто духовное дѣло обращенія крестьянъ въ Православіе, когда они, кромѣ присоединенія, ни о чемъ болѣе не ходатайствовали.

Испрошенное графомъ Строгоновымъ Высочайшее повелѣніе, безъ малѣйшаго сомнѣнія, основано было на строгой справедливости и на сообра-

---

([20]) Докладъ 25 Іюля 1841.

([21]) 24 Іюля 1841. № 4256 отношеніе къ мин. внутр. дѣлъ.

женіяхъ по себѣ совершенно уважительныхъ; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Лифляндіи, оно получало значеніе, котораго конечно не подозрѣвали ни управлявшій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, ни самъ покойный Императоръ. Это было первое слово произнесенное верховною властью по поводу тамошнихъ происшествій, и слово это содержало въ себѣ осужденіе дѣйствій епископа, хотя въ формѣ по возможности смягченной. Въ крайне сложномъ движеніи крестьянъ, высшее правительство какъ будто ничего болѣе не высматривало, ничего не находило заслуживающимъ вниманія, кромѣ составленія просьбъ на архіерейскомъ подворьѣ. Голодъ, угнетеніе крестьянъ, сыпавшіеся на нихъ удары за сношенія ихъ съ Православнымъ духовенствомъ, клеветы и доносы сыпавшіеся на духовенство за выслушиваніе крестьянъ, все это осталось въ сторонѣ, какъ бы не замѣченнымъ, и это въ то время, когда дружныя усилія мѣстныхъ властей и мѣстнаго общества направлены были къ тому, чтобъ объяснить народное движеніе интригами нашего духовенства. Правительство даже не озаботилось оговорить ясно, что оно вовсе не думало мѣшать Латышамъ переходить въ Православіе, конечно не полагая надобности въ такомъ объявленіи, и не зная, что въ Лифляндіи усердно старались объ утвержденіи въ народѣ противнаго убѣжденія. На дѣлѣ, Высочайшее повелѣніе испрошенное графомъ Строгоновымъ произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидали въ Петербургѣ. Резолюція положенная Государемъ Императоромъ, очевидно, касалась одного преосвященнаго Иринарха и весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ графъ Строгоновъ (если не графъ Бенкендорфъ) отнюдь не намѣревался оглашать ее во всеобщее свѣдѣніе и дѣлать ее предметомъ пересудовъ Нѣмецкой публики. Но въ Ригѣ ожидали съ жадностью именно чего нибудь подобнаго, то есть какого нибудь повода распустить молву о томъ, что и высшее правительство и самъ Государь Императоръ осуждаютъ епископа и вовсе не желаютъ, чтобы крестьяне обращались въ Православіе. Выраженіе Высочайшей воли (какъ это всегда бываетъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ подобныхъ случаяхъ) огласилось немедленно и проникло сверху, изъ генералъ-губернаторской канцеляріи, черезъ ландратовъ, депутатовъ и всякихъ рихтеровъ, обростая на пути своемъ всякаго рода прибавленіями, до мірскихъ судовъ и вотчинныхъ управленій, и тамъ окончательно преобразилось въ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи крестьянамъ переходить въ Православіе. Разумѣется, этого не заявляли офиціально и письменно, но на словахъ объ этомъ твердили крестьянамъ безъ устали, при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно же передъ сѣченіемъ и послѣ сѣченія. А тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ добродушно спрашивали: отчего безтолковые Латыши никакъ не хотятъ понять простаго правила, что никому не воспрещается переходить свободно въ господствующую вѣру, но никого и не подбиваютъ къ этому?

Итакъ высшее правительство, само того не подозрѣвая, выразило какъ бы признаніе, что такъ называемый бунтъ крестьянъ происходилъ, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ отъ предосудительныхъ, или, покрайней мѣрѣ, неосторожныхъ дѣйствій Православнаго духовенства. Этого только и желали мѣстныя власти. Такое убѣжденіе высшаго правительства, во первыхъ, снимало съ нихъ и сваливало на Русскую церковную пропаганду отвѣтственность за несомнѣнное неудовольствіе крестіянъ; во вторыхъ, какъ бы узаконяло принятыя прежде мѣры строгости и, кос-

зеннымъ образомъ, поощряло къ продолженію дѣйствій въ этомъ же духѣ. А всетаки желанія барона Палена не были вполнѣ удовлетворены. Еще до получения въ Ригѣ приведенной Высочайшей резолюціи, онъ сообщилъ въ Петербургъ новую, блистательную мысль свою: заставить преосвященнаго Иринарха *публично*, какъ выражался генералъ-губернаторъ въ своей бумагѣ, при членѣ губернскаго правленія, разувѣрить крестьянъ въ ихъ заблужденіи *„такъ какъ сіи послѣдніе потеряли всякое довѣріе къ мѣстному начальству, считая его за одно съ помѣщиками* (22).

Это замѣчательное, невольно сорвавшееся съ языка сознаніе въ томъ, что мѣстная власть, въ глазахъ народа, перестала быть органомъ верховной власти, выражено было оффиціально. Кажется было бы надъ чѣмъ серьезно призадуматься; но къ удивленію, это многозначительное самоосужденіе не обратило на себя вниманія высшаго правительства. Въ Петербургѣ ограничились тѣмъ, что за сей разъ не удовлетворили требованія барона Палена, признавъ публичную исповѣдь придуманную имъ для преосвященнаго Иринарха ненужною и неудобною. Нечего было дѣлать! Пришлось взяться за тѣ средства, которыми располагали мѣстныя власти, и постараться внушить народу, въ замѣнъ довѣрія навсегда утраченнаго, по крайней мѣрѣ страхъ.

Тотъ самый баронъ Паленъ, который такъ наивно заявлялъ, что крестьяне ни въ чемъ не вѣрятъ мѣстному начальству именно потому, что считаютъ его дѣйствующимъ за одно съ дворянствомъ, не придумалъ ничего лучшаго какъ поручить все земледѣльческое сословіе губерніи особенному, ближайшему надзору двухъ уѣздныхъ предводителей (депутатовъ) дворянства. Для наблюденія за Латышами назначенъ былъ г. фонъ Гагемейстеръ (сочинитель приведенной выше классической фразы о готовившихся будто бы опустошеніяхъ и кровопролитіи), а для наблюденія за Эстами г. фонъ Вульфъ. Въ чемъ именно состояла эта странная, экстралегальная должность напоминавшая коммиссаровъ, которыхъ, въ разгарѣ Французской революціи, употреблялъ національный конвентъ для терроризаціи провинцій, довольно трудно опредѣлить; но не подлежитъ сомнѣнію, что избранныя лица пользовались весьма широкими уполномочіями. Вслѣдъ за тѣмъ, баронъ Паленъ предложилъ Губернскому Правленію покончить слѣдующимъ образомъ съ захваченными и арестованными крестьянами: выбрить имъ всю голову (прежде брили только половину) заковать ихъ въ кандалы, препроводить подъ конвоемъ на мѣста жительства, и тамъ, въ присутствіи созванныхъ сельскихъ обществъ, наказать ихъ розгами (23). Вотчинныя правленія, разумѣется, также не дремали; ревность ихъ въ содѣйствіи видамъ главнаго мѣстнаго начальства дошла до того, что на мызныхъ дворахъ, стали пороть за простое обнаруженіе намѣренія идти въ Ригу для заявленія желанія перейти въ Православіе. Такъ какъ это могло бы показаться невѣроятнымъ, по несообразности такого рода пріемовъ съ строгою легальностью и благодушною терпимостью, которыми, какъ насъ увѣряютъ, отличается Прибалтійскій край отъ остальной Россіи, то пусть сомнѣвающіеся прочтутъ печатное свидѣтельство чисто Нѣмецкаго и Лютеранскаго происхожденія. Въ газетѣ издающейся въ Ригѣ, подъ цензурою, для простаго народа, на Латышскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Путевой товарищъ (Zella beedrias)“ въ № 10-мъ, Мая 10,

(22) 28 Іюля 1841 года № 738.

(23) Отнош. къ Мин. В. Д. 5-го Авг. 1841 г. № 768.

1863 года помѣщена статья озаглавленная: „Два форминдера.“ Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей, и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ (въ буквальномъ переводѣ) слѣдующее: „Онъ, орудуя своею властью, не скупился *на тридцать* (подразумѣвается розогъ) ибо памятовалъ слово Соломона: бичь коню, остенъ ослу, и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои семена въ Божьей церкви (сатанинскія семена значатъ, разумѣется, ученіе Православной церкви); тогда нашлись и въ нашей волости люди кричавшіе: если ужъ весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ Православіе) чего же намъ-то ждать? особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда, они, какъ бѣшенные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника въ то время раздавшееся съ каѳедры. Въ самую горячую пору этого бѣснованія, онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости *готовился*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа батраковъ, записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ Православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ, такъ какъ тотъ не взялъ свидѣтельства отъ вотчиннаго правленія, какъ было въ то время приказано.“ — Что форминдеръ, обязанный только помогать пастору въ исполненіи требъ, самовольно произвелъ себя въ агенты мѣстной полиціи, что наказанію за не взятіе свидѣтельства на отлучку подвергнутъ былъ человѣкъ находившійся въ вотчинѣ, и только по подозрѣнію въ намѣреніи отлучиться; наконецъ, что настоящимъ, всѣми извѣстнымъ поводомъ къ наказанію было предполагаемое желаніе перейти въ Православіе — все это конечно дѣло обычное и пустое. О какихъ нибудь лишнихъ тридцати палкахъ или розгахъ, при огромномъ числѣ ударовъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на крестіянскія спины, не стоило бы и говорить; но въ другихъ отношеніяхъ приведенный разсказъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Во первыхъ, это собственное признаніе, отъ котораго отпереться нельзя; во вторыхъ, признаніе съ похвальбою, въ третьихъ, сдѣланное двадцать два года спустя послѣ описаннаго происшествія, когда обращенія давно уже прекратились, когда Православіе было въ упадкѣ, когда, казалось бы, можно было успѣть одуматься, поостыть и отнестись къ давно прошедшему нѣсколько по спокойнѣе; наконецъ, эта циническая похвальба одного изъ членовъ Лютеранскаго духовенства не вызвала ничего похожаго на отреченіе или неодобреніе со стороны его товарищей, членовъ того же духовенства, которое, въ самое время обнародованія этой статьи, имѣло дерзость увѣрять правительство будтобы оно протестуетъ противъ примѣненія къ Лифляндіи общихъ законовъ Имперіи, только во имя чтимой имъ свободы совѣсти и непринужденности въ дѣлѣ вѣры. А люди власть имущіе выслушивали эти протесты опустивъ головы, переглядывались между собою въ смущеніи и говорили въ полголоса: „au fond, ils sont dans le vrai, et notre position vis-à-vis d'eux n'est plus tenable“ (24).

(24) Вообще, еслибы кто нибудь, хорошо знающій по Латышски и Эстски, взялъ на себя трудъ пересмотрѣть газеты издаваемыя на этихъ

Толки о бунтѣ и строгія мѣры противъ бунтовщиковъ начались когда еще не было никакого подобія бунта. Дѣлали все то, чтó могло, даже по видимому должно бы было непремѣнно раздразнить народъ (и ужъ какъ бы въ тѣ поры пригодился бунтъ!) а народъ все таки не бунтовалъ. Безропотно перенося всѣ истязанія, онъ только валилъ по прежнему въ Ригу и все съ просьбами о присоединеніи къ Православію. Чтобъ положить этому конецъ, баронъ Паленъ призналъ нужнымъ принять стратегическія мѣры; онъ оцѣпилъ губернскій городъ, разставилъ по дорогамъ полицейскихъ чиновниковъ съ нижними чинами внутренней стражи и велѣлъ имъ шедшихъ или ѣхавшихъ въ городъ крестьянъ останавливать и возвращать назадъ, а упрямыхъ наказывать на мѣстѣ. Въ тоже время, онъ, еще разъ и рѣшительнѣе прежняго, потребовалъ отъ преосвященнаго Иринарха, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ, и, ни самъ ни черезъ священниковъ, не записывалъ бы именъ просителей. Условное запрещеніе исшедшее изъ Петербурга, какъ видно, превратилось на мѣстахъ въ безусловное, и у епископа стали отнимать, не только возможность вмѣшиваться *въ это чисто гражданское дѣло* (какъ называлъ его графъ Бенкендорфъ) но и вообще имѣть какія либо сношенія съ крестьянами, хотя бы они приходили къ нему только по чисто духовному дѣлу присоединенія къ церкви. Въ этотъ разъ, преосвященный Иринархъ счелъ нужнымъ подчиниться требованію генералъ-губернатора; онъ отвѣчалъ ему, что предписалъ своимъ подчиненнымъ не принимать и самъ не будетъ принимать даже такихъ просьбъ, въ которыхъ заключалось одно выраженіе желанія обратиться въ Православную вѣру (25). Сообразивъ тогдашнія обстоятельства, читатели легко угадаютъ причину уступчивости епископа. Правительство все еще никакимъ яснымъ заявленіемъ не поставило внѣ сомнѣнія права каждаго присоединяться по желанію къ господствующей церкви, и вслѣдствіе этого, такъ какъ дворянство, словомъ и дѣломъ, отвергало это право въ отношеніи къ крестьянамъ, послѣдніе на оборотъ утверждались въ своемъ предположеніи, что съ перемѣною вѣры сопряжены какія либо существенныя потери для помѣщиковъ и слѣдовательно какія либо выгоды для новообращенныхъ. При такомъ общемъ настроеніи, чтó бы ни говорили священники и самъ епископъ, слушатели во всемъ находили намёки въ свою пользу. Съ другой стороны, послѣдними мѣрами принятыми мѣстнымъ начальствомъ, дальнѣйшія, открытыя сношенія съ крестьянами дѣлались почти невозможными, а тайныя сношенія подвергли бы вовлеченныхъ въ ослушаніе безпощадной мести. Къ тому же, самъ преосвященный Иринархъ не находилъ себѣ поддержки нигдѣ и ни въ комъ. Вслѣдъ за требованіемъ барона Палена, и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода объявилъ Рижскому епископу Высочайшее повелѣніе не принимать отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ; но въ тоже время, и какъ бы въ огражденіе духовенства отъ общихъ и голословныхъ навѣтовъ, велѣно было генералъ-губернатору доставить епископу доказательства, что священники

языкахъ Лютеранскимъ духовенствомъ, онъ нашелъ бы въ нихъ много неосторожныхъ признаній и любопытныхъ откровеній объ изнанкѣ Прибалтійскихъ порядковъ. Эти газеты, выходящія подъ Нѣмецко-Лютеранскою цензурою, такъ строго бракующею окружныя посланія Православныхъ архіереевъ, составляютъ сильнѣйшее орудіе антиправославной и антирусской пропаганды въ деревняхъ, съ нашей стороны не встрѣчающей ни малѣйшаго противодѣйствія.

(25) Отнош. Рижс. епископа къ ген.-губ. отъ 10 Авг. 1841. № 951.

не только записывали имена крестьянъ, но также сочиняли для нихъ прошенія и поддерживали ихъ заблужденія относительно переселенія. Строжайшее изслѣдованіе обвиненій по этимъ доказательствамъ вмѣнено было преосвященному Иринарху въ обязанность, и для успѣшнѣйшаго окончанія этого рода дѣлъ, Государю Императору угодно было, чтобы баронъ Паленъ вошелъ по нимъ въ личныя, прямыя сношенія съ епископомъ. Видно, что до тѣхъ поръ, доносы и обвинительные акты на Православное духовенство пересылались изъ Риги въ Петербургъ помимо и безъ вѣдома преосвященнаго. Впрочемъ, всѣ эти распоряженія никакими новыми обстоятельствами вызваны не были; онѣ были послѣдствіями настойчивыхъ домогательствъ графа Бенкендорфа, начавшихся съ перваго, упомянутаго выше требованія его, обращеннаго къ Синодальному оберъ-прокурору, и съ тѣхъ поръ не прекращавшихся. Ободренный ходомъ дѣла, баронъ Паленъ счелъ возможнымъ ступить еще шагъ. Онъ обратился опять таки къ шефу жандармовъ съ вопросомъ: нельзя ли назначить для участія въ предполагавшихся изслѣдованіяхъ надъ Православными священниками депутата отъ гражданскаго вѣдомства, такъ какъ доказательства противъ духовенства состояли въ показаніяхъ крестьянъ, изъ коихъ между прочимъ видно было, что самъ преосвященный Иринархъ *показывается такимъ* (буквально) *подъ вліяніемъ коего дѣйствовало Православное духовенство.* По Русски это значило: вмѣсто слѣдствія, производство коего было поручено епископу, нельзя ли какъ нибудь его самаго отдать подъ слѣдствіе какому нибудь Гагемейстеру или Вульфу? Не знаю, что̀ отвѣчалъ графъ Бенкендорфъ на вопросъ своего друга, но онъ не далъ хода его ходатайству, а съ преосвященнымъ Иринархомъ вскорѣ нашли средство управиться и безъ формальнаго слѣдствія.

Кромѣ домашней расправы, которою будто бы укрощались, а на самомъ дѣлѣ вызывались безпорядки, приведена была въ движеніе и военная сила. Въ этотъ несчастный 1841 годъ, въ Лифляндіи перебывало столько войскъ, сколько, по всей вѣроятности, не имѣлъ ихъ Петръ Великій при завоеваніи края.

Еще въ началѣ Іюля, баронъ Паленъ откомандировалъ изъ Курляндіи полсотню казаковъ въ Венденъ, для предупрежденія безпорядковъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе того самаго уѣзднаго депутата фонъ Гагемейстера, который писалъ, что нельзя окончить дѣла миролюбно и что кровопролитіе неизбѣжно. Въ тоже время, баронъ Паленъ просилъ графа Бенкендорфа двинуть для усмиренія крестьянъ отъ Гольдингена и Жегаръ одинъ пѣхотный полкъ въ Лифляндію и расположить его въ Вольмарскомъ, Венденскомъ и Валкскомъ округахъ; потомъ, въ первой половинѣ Августа, генералъ-губернаторъ отрядилъ изъ Риги батальонъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка въ уѣзды Венденскій, Валкскій и Дерптскій, а казаковъ велѣлъ собрать въ Верроскомъ, на границѣ Псковской губерніи; затѣмъ, двѣ роты того же Шлиссельбургскаго полка были отряжены въ уѣзды Вольмарскій и Рижскій, а въ исходѣ того же мѣсяца, вслѣдствіе прежняго ходатайства барона Палена, которому все еще казалось мало этихъ средствъ, получено было Высочайшее повелѣніе о немедленномъ командированіи въ Лифляндію, по окончаніи сбора войскъ въ Ковнѣ, Ладожскаго егерскаго полка. Эти распоряженія, въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжныя— для поддержанія пущенной въ ходъ фикціи объ общемъ бунтѣ, или (какъ выражался генералъ-маіоръ Дуппельтъ) „о нѣкоторого рода Сицилійскихъ вечерняхъ противъ помѣщи-

ковъ", частью предшествовали личному объѣзду предпринятому генералъ-губернаторомъ 13 Августа въ видахъ административно - стратегическихъ, по уѣздамъ Венденскому, Вольмарскому, Верроскому и Дерптскому, частью были послѣдствіемъ этой поѣздки. На пути, крестьяне, въ буквальномъ смыслѣ, осаждали его жалобами на помѣщиковъ и разнаго рода просьбами, ибо голодъ продолжался, люди умирали отъ истощенія, а въ палкахъ и бритвахъ, при самомъ щедромъ ихъ употребленіи, не оказывалось никакой питательной силы. Генералъ-губернаторъ кое-что сдѣлалъ и доставилъ возможное облегченіе, какъ онъ самъ писалъ, на счетъ обсѣмѣненія полей; но въ чемъ именно состояли принятыя имъ мѣры неизвѣстно. Гораздо несомнѣннѣе польза, которую принесла эта поѣздка ему лично, давъ ему возможность, собственными глазами, всмотрѣться въ бытъ крестьянъ. Какъ человѣкъ по природѣ благодушный и доходившій до жестокости только въ исправленіи своей должности усерднаго агента дворянской партіи, онъ не могъ не почувствовать состраданія къ простому народу, а это чувство не могло не возбудить досады на помѣщиковъ, безпощадно раззорявшихъ крестьянъ во имя свободы. Кажется, что именно съ этой поѣздки, прежнія воззрѣнія барона Палена нѣсколько поколебались; по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ его донесеніяхъ, стала пробиваться новая тема: неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ одна изъ причинъ тогдашнихъ волненій, чего онъ прежде не признавалъ, хотя именно на эту причину давно уже указывалъ ему графъ Строгоновъ. Иного рода, но одинаково безотрадныя впечатлѣнія вынесъ баронъ Паленъ во время своей поѣздки изъ интимныхъ своихъ сношеній съ помѣстнымъ дворянствомъ. Оно было имъ недовольно и не скрывало этого; не довольно не столько положеніемъ, которое онъ принялъ въ крестьянскомъ, хозяйственномъ вопросѣ (его измѣнившіяся воззрѣнія на эту сторону дѣла въ то время не успѣли еще обнаружиться) сколько его такъ называемою *слабостью* въ отношеніи къ преосвященному Иринарху, къ Православному духовенству вообще, и къ бунтовавшимъ будтобы крестьянамъ. Отъ своего собрата, Лифляндскіе рыцари ожидали бо́льшаго, и генералъ-губернатору довелось убѣдиться на опытѣ, что при всемъ желаніи угодить своимъ, трудно было согласить службу правительству съ службою дворянству. Онъ сталъ оправдываться и запутался въ своихъ объясненіяхъ. Вотъ, между прочимъ, отрывокъ изъ донесенія чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго въ Лифляндію графомъ Строгоновымъ, и посѣтившаго Дерптъ вскорѣ послѣ выѣзда оттуда барона Палена: „Генералъ-губернаторъ, ограждающій помѣщиковъ передъ правительствомъ, лично удостовѣрился, что не всѣ они пекутся о крестьянахъ. Въ проѣздъ свой изъ Риги въ Дерптъ, свидѣтельствовалъ онъ сельскіе запасные магазины и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, употребленъ былъ на винокуреніе ([26]). Впрочемъ, и помѣщики къ нему нерасположены и въ послѣднее пребываніе его въ Дерптѣ изъявили ему свое неудовольствіе явно. Они упрекали его въ томъ, что при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, онъ не принялъ строгихъ мѣръ, на что онъ, въ свое оправданіе, представлялъ, что, при самомъ началѣ, онъ писалъ къ министру внутреннихъ

([26]) Читатели можетъ быть припомнятъ, что тоже самое говорилъ въ своихъ Запискахъ Православный Латышъ. Вотъ два свидѣтельства лицъ нетолько не сговаривавшихся, но конечно не имѣвшихъ одинъ о другомъ никакого понятія.

дѣлъ и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести Государю Императору. Дѣло о волненіи Лифляндскихъ крестьянъ показываетъ однако противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 Іюля, и то вслѣдствіе вопроса сдѣланнаго ему министерствомъ. Къ чему было, передъ здѣшнимъ дворянствомъ, постоянно недовольнымъ нашимъ правительствомъ, выставлять небылицу?—это остается загадкою, а что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно" — Одно, что̀ безусловно одобрялось дворянствомъ, что̀ очень ему нравилось и что̀ было послѣдствіемъ усердныхъ домогательствъ его представителей ([27]), это было развертываніе Русскихъ военныхъ силъ противъ народа, въ которомъ бродила какая-то странная тоска по Россіи и Русской вѣрѣ. Ландраты, депутаты, орднунгсъ-рихтеры, вотчинныя правленія, всѣ просили войскъ, войскъ и только войскъ (бо̀льшаго они, какъ извѣстно, отъ Россіи не требуютъ и даже не принимаютъ); но можно себѣ представить, во что обходилась крестьянамъ эта дорогая роскошь и каково имъ было, въ голодный годъ, принимать у себя военныхъ гостей?

А бунта все таки не оказывалось, и о Сицилійскихъ вечерняхъ тоже ничего не было слышно; даже Дерптская ярмарка, которой всѣ боялись, прошла какъ нельзя спокойнѣе. Вотъ что̀ писалъ въ то время командированный въ Лифляндію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель, во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ, въ скирдахъ, никѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ." ([28]) Вообще, до начала Сентября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Весельгофъ, гдѣ, по донесенію полученному генералъ-губернаторомъ „толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ?) наказать нѣсколькихъ зачинщиковъ неповиновенія (кому?) *несмотря* ([29]) на казачью команду изъ 20 человѣкъ."

Понятно, что уже и въ Петербургѣ, около половины Августа, начали подозрѣвать, что фразы фонъ-Гагемейстера и объясненія барона Палена давали не совсѣмъ точное понятіе о положеніи края, и стали доискиваться настоящей причины неудовольствія крестьянъ. Сперва графъ Строгоновъ подалъ барону Палену совѣтъ „обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ." Затѣмъ, статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Высочайшее повелѣніе: „обратить *строгое вниманіе* генералъ-губернатора барона Палена на предметъ жалобъ крестьянъ — *на недостатокъ продовольствія.*" Подобнаго рода указанія повторяемы были неоднократно.

([27]) Тотъ же чиновникъ, въ своемъ донесеніи, называлъ тѣхъ, которые первые присовѣтывали барону Палену вразумлять крестьянъ военною силою. Чтенія 1865. Кн. II. стр. 97.

([28]) Чтенія 1865. К. II стр. 96.

([29]) Это *несмотря* довольно не ясно; кажется, что команда вовсе и не была употреблена въ дѣло; иначе, безъ сомнѣнія, было бы сказано, что она была отбита. Спрашивается: была ли она даже на мѣстѣ происшествія?

Наконецъ таки поймали крестьянъ, если не на бунтѣ, то на противозаконномъ требованіи. Доселѣ, они просили хлѣба и переселенія; но, встрѣчая вездѣ отказъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ уѣздахъ Вольмарскомъ и части Рижскаго, стали домогаться (все таки не захватывать) себѣ въ собственность помѣщичьей земли, конечно не господской, а крестьянской, то есть той, на которой они сидѣли и на которую, до 1819 года, имѣли право пользованія. Это опять оживило толки объ угрожавшемъ будто бы подъемѣ всего народа и подало поводъ, къ прежнимъ темамъ, прицѣпить новую — посягательство на дворянскую собственность. Кстати впутали въ дѣло и коммунизмъ, въ то время только что начинавшій входить въ моду, какъ вѣрное средство отвести глаза отъ правды. Тотчасъ же двѣ роты Шлиссельбургскаго егерскаго полка командированы были на мѣста для усмиренія крестьянъ, и Государь Императоръ, находившійся въ то время въ Варшавѣ и повидимому начинавшій также подозрѣвать, что дѣйствія барона Палена направлялись не въ ту сторону куда было нужно, отправилъ въ Лифляндію двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бутурлина и князя Урусова, съ особымъ наставленіемъ.

Оно, разумѣется, осталось секретомъ; но, соображая предшествовавшія обстоятельства, можно, не боясь ошибиться, предположить, что флигель-адъютантамъ велѣно было дѣйствовать съ особенною строгостью вездѣ, гдѣ бы они замѣтили признаки неповиновенія властямъ. Посланнымъ отъ Государя, конечно вмѣнялось также въ обязанность прекращать ложные слухи о переселеніи и о надѣленіи крестьянъ землею, распространявшіеся по корчмамъ, безпощадно преслѣдовать тѣхъ кто разносилъ эту молву, предавая виновныхъ военному суду, но не смѣшивая однако злонамѣренныхъ изобрѣтателей этихъ слуховъ съ тѣми лицами, которыя, по легковѣрію, только повторяли слышанное. Въ составъ порученія входило вѣроятно и раскрытіе дѣйствительныхъ причинъ волненій, дознаніе неудовлетворенныхъ нуждъ крестьянъ, изученіе ихъ быта; наконецъ (это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій) относительно перемѣны вѣры, флигель-адъютантамъ вмѣнялось въ обязанность, по крайней мѣрѣ разрѣшалось, огласить и разъяснить общій для всей Имперіи законъ, въ силу котораго вступленіе въ нѣдра господствующей церкви никому не возбраняется. Во всѣхъ подобнаго рода порученіяхъ, необходимо различать двѣ стороны: простое изученіе положенія дѣлъ и вмѣшательство, въ силу даннаго уполномочія, въ распоряженія мѣстныхъ властей. Случается иногда, что эти власти запутываются и теряютъ голову; случаются между ними своего рода стачки, чаще всего въ мѣстностяхъ изолированныхъ по своему географическому положенію или по особенностямъ своего провинціальнаго устройства; случаются также непримиримыя противорѣчія въ донесеніяхъ получаемымъ изъ разныхъ источниковъ, ставящія въ тупикъ высшее правительство, и въ подобныхъ случаяхъ, взглядъ со стороны, брошенный человѣкомъ свѣжимъ, если онъ достаточно подготовленъ къ дѣлу и способенъ не поддаться вліянію мѣстныхъ воззрѣній, можетъ иной разъ разъяснить недоумѣнія, обнаружить неправильности, которыхъ глаза успѣвшія къ нимъ присмотрѣться не видятъ или не хотятъ видѣть. Иное дѣло: человѣку новому, обыкновенно не имѣвшему случая ознакомиться спеціальнымъ изученіемъ съ мѣстными особенностями края, давать уполномочіе дѣйствовать отъ имени верховной власти. Такое, по существу своему экстралегальное уполномочіе,

ставитъ вооруженнаго имъ въ ненормальныя отношенія къ мѣстному начальству, тою же властью уполномоченному. Въ случаѣ полнаго между ними согласія, экстралегальное уполномочіе оказывается излишнимъ; въ случаѣ разномыслія, рождается конфликтъ, нетолько въ мнѣніяхъ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ; чаще же всего случается (и это почти неизбѣжно) что довѣренное лицо, будучи призвано рѣшаться на что нибудь и дѣйствовать съ первой минуты своего пріѣзда, прежде чѣмъ оно успѣетъ составить себѣ собственное понятіе о положеніи дѣлъ, усвоиваетъ себѣ чужой взглядъ, подчиняясь невольно господствующимъ на мѣстахъ воззрѣніямъ; а такъ какъ отъ спеціально-уполномоченнаго всѣ ожидаютъ рѣшительныхъ, видныхъ и скорыхъ результатовъ, то онъ обыкновенно доводитъ мѣстную систему дѣйствій до послѣднихъ крайностей, въ строгостяхъ или въ послабленіи. Въ какой мѣрѣ лица, на которыхъ палъ выборъ Государя Императора, избѣгли этой опасности, пусть разсудятъ сами читатели.

Извѣстіе о командировкѣ флигель-адъютантовъ не могло, до нѣкоторой степени, не встревожить мѣстныхъ властей. Онѣ имѣли причины опасаться именно свѣжаго, непредубѣжденнаго взгляда. Заглазно, можно еще было объяснять волненіе крестьянъ подпольными интригами Православнаго архіерея и какихъ-нибудь трехъ или четырехъ священниковъ; въ Петербургѣ, вдали отъ поразительнаго зрѣлища мѣстныхъ нуждъ простонародья и при усердномъ повтореніи сплетень, которыя разносились по гостинымъ агентами тамошняго министерства Остзейскихъ дѣлъ, можно было забывать и то, что быстрое распространеніе Гернгутерства, задолго до сближенія крестьянъ съ Православнымъ духовенствомъ, свидѣтельствовало о присутствіи въ народѣ неудовлетворенной потребности чисто религіознаго свойства, и то, что слухи о переселеніи возникъ также до этого сближенія, и то наконецъ, что кромѣ желанія перемѣнить вѣру, гораздо громче и отчетливѣе этого желанія, раздавались жалобы на отобраніе земель, на невыносимую тягость повинностей, на нищету, на истязанія и голодъ. Всего этого можно было не знать на Невскомъ проспектѣ; но гораздо труднѣе было поддерживать фикцію объ интригахъ и подговорахъ, въ виду Латышскихъ деревень, въ виду крестьянъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Если бы, наконецъ, правда бросилась въ глаза свѣжему человѣку, если-бъ ему удалось различить мирное, религіозное движеніе, которое имѣло свои особенныя причины, отъ волненій вызванныхъ совершенно иными обстоятельствами, тогда пожалуй оказалось бы, что стремленіе народа въ Православіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго и что не было никакой причины не предоставить ему дальнѣйшаго, невозбраннаго хода; но тогда, дѣйствительно серьезный вопросъ объ экономическомъ бытѣ крестьянъ, отрѣшившись отъ всѣхъ затемнявшихъ его обстоятельствъ, самъ собою выступилъ бы на первый планъ какъ главная причина волненій. Этого-то именно болѣе всего боялись въ Ригѣ, и потому тамошнія власти не переставали въ своихъ донесеніяхъ занимать высшее правительство мелкими сплетнями, хотя въ то время, послѣ приведенныхъ выше распоряженій, не представлялось даже сколько-нибудь благовидныхъ къ тому поводовъ. Такъ, въ самомъ исходѣ Августа, баронъ Паленъ писалъ графу Бенкендорфу, что нѣсколько крестьянъ *лично ему* показали, что Православное духовенство продолжаетъ *втайнѣ* принимать ихъ (зачѣмъ же было запрещать принимать явно?) и уговаривать *перемѣнить вѣру* (здѣсь уже о переселеніи, объ отводѣ зе-

мель, не говорилось ни полслова), а самъ преосвященный будто бы сказалъ имъ: *„чтобы впредь они обращались къ епископу Псковскому, но не приходили бы болѣе въ Ригу.“* Въ понятіяхъ барона Палена, это тоже было преступленіе. Епископъ Рижскій не долженъ былъ осмѣливаться обращать изъявлявшихъ желаніе принять Православіе (и болѣе ничего) къ другому епископу, котораго онъ былъ викарнымъ. Вотъ до чего, послѣ первой поблажки, возросли притязанія.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій флигель-адъютантовъ, по прибытіи ихъ въ Ригу, было оглашеніе воли Государя Императора. Это было сдѣлано съ подобающимъ торжествомъ, но довольно неловко. 17-го Сентября, собраны были въ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ, какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ Губернское Правленіе, и тамъ флигель-адъютанты Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили имъ, по Высочайшему повелѣнію: „что отнюдь не есть воля Государя Императора переселить Лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; *что если кто изъ крестьянъ, отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ Православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять* ([30]), *но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ Православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по прежнему покойными“*. За симъ, объявлено было безсрочно-отпускнымъ и отставнымъ солдатамъ, что если они будутъ сами участвовать въ незаконностяхъ и подкрѣплять крестьянъ въ ихъ движеніи, то будутъ наказаны, лишатся пріобрѣтенныхъ на службѣ правъ и вновь отданы будутъ на службу ([31]).

Давно, съ той самой минуты какъ началось движеніе, надлежало огласить невозбранность присоединенія къ церкви. Это было необходимо не только для разъясненія заблужденій, въ которыхъ находились крестьяне относительно послѣдствій присоединенія, но главнѣйшимъ образомъ потому, что помѣщики, пасторы и земская полиція, въ одинъ голосъ твердили крестьянамъ, что правительство не разрѣшало имъ перехода изъ Лютеранства въ Православіе и что Православные священники дѣйствовали будто-бы самовольно принимая отъ нихъ заявленія по предмету перемѣны вѣры. Если бы такое оглашеніе сдѣлано было во-время, все движеніе приняло бы можетъ быть иной оборотъ. Но огласить Высочайшую волю такъ, чтобъ она дѣйствительно проникла въ сознаніе простаго народа, особенно когда эта воля несогласна ни съ собственными его ожиданіями, ни съ тѣми внушеніями, приказаніями и угрозами, которыя онъ ежедневно слышитъ у себя дома, отъ ближайшихъ къ нему начальствъ, дѣло вовсе не легкое, и надобно сознаться, что въ настоящемъ случаѣ, способъ оглашенія избранъ былъ крайне неудачно. Вопервыхъ, что̀ значило 47 человѣкъ, по закону почти прикрѣпленныхъ къ своимъ приходамъ, на всю Лифляндію? Во вторыхъ, кѣмъ были избраны эти отряженные въ Ригу крестьяне и чѣмъ руководствовались при выборѣ? Такъ какъ

([30]) А *безусловное* запрещеніе передъ этимъ только что объявленное преосвященному Иринарху и Православному духовенству принимать у себя крестьянъ и брать отъ нихъ просьбы, *какія бы то ни было?*

([31]) Чтенія 1865. Кн. I, стр, 209.

нарядомъ въ губернскій городъ распорядились безъ сомнѣнія вотчинная и земская полиціи, то вѣроятно посланы были должностные крестьяне, старшины, приходскіе судьи, засѣдатели, словомъ тѣ, которыхъ, по закону, утверждали, а на практикѣ назначали помѣщики, во всякомъ случаѣ—люди въ помѣщичьемъ смыслѣ *надежные*, отъ которыхъ не было повода ожидать, чтобъ они, въ присутствіи флигель-адъютантовъ, осмѣлились промолвить слово о дѣйствительныхъ причинахъ общаго неудовольствія простаго народа. Но такого разбора люди могли ли пользоваться полнымъ довѣріемъ массы и дѣйствовать на ея убѣжденіе? Въ третьихъ, когда имѣется въ виду произвести то или другое впечатлѣніе, нельзя пренебрегать подробностями внѣшней обстановки; а тутъ, какъ нарочно, собраны были всѣ мѣстныя власти, по собственному ихъ сознанію, утратившія всякое къ себѣ довѣріе простаго народа, и собраны въ томъ самомъ Губернскомъ Правленіи, одинъ видъ котораго напоминалъ крестьянамъ недавніе допросы, не зажившіе еще рубцы на изсѣченныхъ спинахъ и не отросшіе волоса на выбритыхъ затылкахъ. Тамъ, въ уши оторопѣлыхъ, не предупрежденныхъ крестьянъ, прокричали Высочайшую волю и дѣлу конецъ! Но мы знаемъ по опыту какъ медленно и туго простой народъ усвоиваетъ себѣ чужія понятія, какъ бы, повидимому, ясно и точно ни были онѣ изложены. За первымъ прочтеніемъ, въ неподготовленныхъ умахъ, зарождаются неминуемо самыя неожиданныя сомнѣнія, самые странные вопросы; ихъ нужно не только выслушивать, но даже вызывать когда они не высказываются; нужно перебирать ихъ одно за другимъ, разъяснять каждое и повторять прочтенное по нѣскольку разъ. Само собою разумѣется, что флигель-адъютанты этого не сдѣлали и, по незнанію мѣстныхъ языковъ, даже не могли сдѣлать. Скучный трудъ разъясненія, требующій со стороны вразумляющихъ безконечнаго долготерпѣнія и невозмутимой добросовѣстности, а со стороны вразумляемыхъ полнаго и безбоязненнаго довѣрія къ вразумляющимъ, предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ, тѣмъ самымъ, которымъ народъ не вѣрилъ ни въ чемъ. Наконецъ, во всемъ что было объявлено крестьянамъ отъ Высочайшаго имени, не было ни единаго слова въ утѣшеніе и ободреніе, ни тѣни надежды на лучшую будущность; не сочли даже за нужное сказать имъ, что, запрещая имъ одно, отказывая имъ въ другомъ, верховная власть все таки знаетъ объ ихъ нуждахъ, принимаетъ ихъ къ сердцу и заботится объ удовлетвореніи ихъ. Какое впечатлѣніе вынесли крестьяне изъ присутствія?—этого они конечно не повѣдали, но смѣло можно сказать, что объявленіе не произвело въ краѣ желаннаго дѣйствія: оно не вразумило обманутыхъ и ошибавшихся, не подкрѣпило чаявшихъ, не ободрило близкихъ къ отчаянію.

Все доселѣ разсказанное продолжалось три мѣсяца, до половины Сентября, а положеніе крестьянъ ни въ чемъ не улучшалось, да и не могло улучшиться, такъ какъ зло лежало въ самомъ существѣ законоположенія опредѣлявшаго ихъ права или, точнѣе, ихъ безправіе. Сношенія съ Православнымъ духовенствомъ, которое одно обнаруживало къ нимъ сочувствіе, до нѣкоторой степени поддерживали въ нихъ темную надежду на улучшеніе ихъ быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ (нельзя этого отрицать) и мечты о переселеніи; но и эти сношенія прекратились. Между тѣмъ, желая вырвать зло съ корнемъ, полиція, разумѣется по указаніямъ, при содѣйствіи и нерѣдко черезъ посредство вотчинныхъ правленій, усердно разыскивала и хватала по деревнямъ

такъ называемыхъ *зачинщиковъ* (32) бунта, то есть тѣхъ крестьянъ, которые, въ кругу своихъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Тогда мѣра Латышскаго долготерпѣнія переполнилась, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, начались безпорядки, буйства, открытыя сопротивленія властямъ. Этого только и поджидали.

Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по донесеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты орднунгсъ-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне *вознамѣрились* переселиться въ другія губерніи. Орднунгсъ-рихтеръ, получивъ 1 Сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою Шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ орднунгсъ-рихтеръ встрѣтилъ толпу вооруженную дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только *исполнить волю Государя* и переселиться въ другія губерніи? Орднунгсъ-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, *обѣщая тамъ выслушать крестьянъ*; когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою“.—И такъ, орднунгсъ-рихтеръ, мѣстный помѣщикъ, располагая военною силою, *обманулъ* крестьянъ, которые охотно шли на объясненіе съ нимъ. Стратегическая хитрость имъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала возстановленію поколебленнаго въ крестьянахъ довѣрія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапортъ оканчивался увѣдомленіемъ, что выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ былъ захваченъ одинъ изъ *водителей*, отставной лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ“.

Второй случай: „Верросскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, *извѣстный возмутитель*, и толпа крестьянъ, съ кольями, преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго“, но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта фонъ Транзеге и коммисаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 Сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. *Военная команда* (10 человѣкъ солдатъ) *вышла безпрепятственно*, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобъ воспрепятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу“ — видно однако, что его караулили не слишкомъ исправно и что толпа обступившая мызу была не очень густа и не очень страшна,

(32) Когда ложный слухъ, основанный на мнимомъ законѣ или распоряженіи власти, приводитъ въ движеніе народныя массы, лишенныя по своей безграмотности ближайшаго и простѣйшаго средства вразумленія, случается очень нерѣдко, что, при разыскиваніи зачинщиковъ, попадаютъ въ категорію злонамѣренныхъ подстрекателей лица совершенно добросовѣстно увлекающіяся общимъ заблужденіямъ, которые стоятъ на виду, во главѣ толпы и ведутъ ее за собою только потому, что они умнѣе, честнѣе, зажиточнѣе другихъ, что имъ привыкли вѣрить, и что они вообще, во всякаго рода дѣлахъ, естественно выдвигаются впередъ. Хватаніе такихъ людей, болѣе всего, раздражаетъ толпу и чаще всего вызываетъ сопротивленіе.

иначе чиновники, вѣроятно, сами не отпустили бы солдатъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, генералъ-губернаторъ доставилъ статистику проданнаго крестьянамъ пороха; оказывалось, что, съ 1 Мая по 1 Августа 1840 года, они пріобрѣли 87 пудовъ 35 фун., а въ 1841 году, за тотъ же срокъ, 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически вѣрное заключеніе, что безопасность мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на 40 $^{5}/_{7}$ % ([33]).

Если ужъ начато было усмиреніе бунта до его возникновенія, когда въ народѣ обнаруживалось только еще броженіе умовъ, то можно легко себѣ представить какіе размѣры приняло усмиреніе случаевъ дѣйствительнаго буйства. Для усиленія вооруженныхъ средствъ противъ грознаго подъема всей массы разъяренныхъ Латышей (какъ выражались въ то время) двинута была въ Лифляндію вторая бригада второй Гренадерской дивизіи, въ трехъ-баталіонномъ составѣ полковъ, и дивизіонъ атаманскаго, Наслѣдника Цесаревича казачьяго полка. Самъ баронъ Паленъ призадумался, сообразивъ какое бремя для края и сколько хлопотъ для помѣщиковъ могло произойти отъ размѣщенія въ Лифляндіи такого числа войскъ; онъ написалъ въ Петербургъ, что волненіе уже не такъ жестоко, а расквартированіе войскъ, по разбросанному положенію крестьянскихъ дворовъ и по недостатку въ продовольствіи, неудобоисполнимо. Онъ предлагалъ, какъ мѣру самую цѣлесообразную, разложить бремя содержанія войскъ нужныхъ для усмиренія Лифляндскихъ крестьянъ и для успокоенія Лифляндскихъ помѣщиковъ, на двѣ сосѣднія губерніи, Псковскую и Витебскую, а ему, генералъ-губернатору, предоставить право требовать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности; но Государь Императоръ, вѣроятно помня прежнія донесенія о готовившихся Силиційскихъ вечерняхъ и о кровопролитіи, не изъявилъ согласія на послѣднюю, ловкую комбинацію, а повелѣлъ только отпускать деньги на провіантъ войскамъ. Начался настоящій походъ противъ крестьянъ; потомъ, когда побѣда осталась на сторонѣ войскъ, нигдѣ не встрѣтившихъ сопротивленія, начались военные суды и экзекуціи, страшныя экзекуціи, соразмѣрявшіяся не столько съ виною крестьянъ, сколько съ страхомъ помѣщиковъ, экзекуціи, о которыхъ много лѣтъ спустя крестьяне не могли вспоминать безъ содраганія. Противъ Нейбеверсгофа отправлена была экспедиція, сначала изъ пятидесяти казаковъ и пяти ротъ Шлиссельбургскаго полка, черезъ нѣсколько дней усиленная баталіономъ Ладожскаго. Силы эти отданы были въ распоряженіе опять таки тамошняго помѣщика, дворянскаго депутата фонъ-Нуммерса. Ему показалось мало, и онъ вытребовалъ себѣ еще изъ Крейцбурга два орудія легкой батареи 4-ой артиллерійской бригады. Крестьяне, при первомъ появленіи войска, разумѣется, разбѣжались и ихъ стали ловить. Этою ловлею исключительно и занимались войска; у нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ найдены были ружья и порохъ, которыхъ они не употребляли, и ни одного выстрѣла во всей Лифляндіи противъ войскъ сдѣлано не было ([34]). Флигель-адъютанты, наконецъ, нашли себѣ занятіе; они усердно способствовали мѣстной власти въ усмиреніи крестьянъ мѣрами строгости, но въ дѣлахъ не встрѣчается ни одного донесенія отъ нихъ, которое бы сколько нибудь раскрывало дѣйствительныя причины волненій. Повидимому, они совершенно усвоили себѣ взгляды, понятія и терминологію мѣстныхъ властей. Одинъ изъ нихъ ходатайствовалъ у

(33) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 207, 208.

(34) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 211. Кн. 3 стр. 130.

Государя о награжденіи нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, особенно усердствовавшихъ въ отклоненіи крестьянъ отъ перехода въ Православіе, и высшее правительство посылало имъ деньги и медали, а Губернское Правленіе публиковало объ этомъ печатно, по деревнямъ.

Роскошь средствъ и строгостей употребленныхъ на усмиреніе, повидимому, доказывала, что и высшее правительство, прежде какъ будто колебавшееся, наконецъ тоже заразилось страхами мѣстнаго начальства; но съ другой стороны, самыя эти карательныя мѣры, къ которымъ оно сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, кажется навели его на болѣе внимательное изученіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Лифляндіи. По крайней мѣрѣ, изъ оффиціальной переписки видно, что въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ исходѣ Сентября, понятія стали проясняться. Такъ, излагая во всеподданнѣйшемъ докладѣ опасенія генералъ-губернатора предвѣщавшаго всеобщее возстаніе крестьянъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, графъ Строгоновъ заявлялъ, что онъ, съ своей стороны, не раздѣлялъ этого опасенія; однако Государь изволилъ замѣтить, что осторожность не мѣшала и приказалъ запретить продажу пороха. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расходились въ своихъ воззрѣніяхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и главный начальникъ края. Баронъ Паленъ все еще не хотѣлъ признать, что главныя причины волненій заключались въ недостаткѣ хлѣба и въ притѣсненіяхъ помѣщиковъ; онъ увѣрялъ, что попеченіемъ мѣстнаго начальства продовольствіе будто бы было обеспечено, что жалобы крестьянъ, оказавшіяся справедливыми, будто бы были удовлетворены какими-то мѣрами (которыхъ впрочемъ и законъ не предоставлялъ начальству), а приписывалъ всю вину подговорамъ Православнаго епископа и подчиненнаго ему духовенства къ перемѣнѣ вѣры. Напротивъ того, графъ Строгоновъ, не отрицая „что неосмотрительныя и неправильныя дѣйствія духовенства по принятію просьбъ до него не касавшихся“ могли способствовать, до нѣкоторой степени, распространенію и укрѣпленію неосновательныхъ толковъ, гораздо прежде возникшихъ между крестьянами, настаивалъ однако на томъ, что настоящей причины этихъ толковъ и волненія „надлежало искать, главнѣйшимъ образомъ, въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ, въ ихъ бѣдности, въ недостаткѣ продовольствія, въ обременительности работъ на помѣщиковъ“ и вообще въ отсутствіи всякаго надежнаго огражденія крестьянскихъ интересовъ при заключеніи такъ называемымъ полюбовныхъ соглашеній. Въ подтвержденіе, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ссылался на личный опытъ самаго генералъ-губернатора, напоминая ему массы жалобъ, которыми закидывали его крестьяне во время его объѣздовъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ помѣщиковъ, признававшихъ чрезмѣрную обременительность крестьянскихъ повинностей. Баронъ Паленъ долго упирался противъ очевидности, но наконецъ совѣсть перевѣсила въ немъ другія побужденія; къ тому же, сами представители Лифляндскаго дворянства стали догадываться, что пора уже было взять дѣло въ свои руки, чтобъ не допустить до него правительства. Отъ ихъ имени, баронъ Паленъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи дворянскому ландтагу заняться пріисканіемъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Докладывая объ этомъ Государю Императору, графъ Строгоновъ воспользовался случаемъ изложить въ цѣлости свое воззрѣніе на положеніе дѣлъ въ Лифляндіи, и указалъ на ходатайство дворянства какъ на новое подтвержденіе той мысли, что источникъ вол-

ненiй заключался не въ дѣйствiяхъ Православнаго духовенства, а въ хозяйственной обстановкѣ крестьянъ. На докладѣ Государь написалъ, что взглядъ въ немъ выраженный совершенно согласенъ съ Его собственнымъ убѣжденiемъ и повелѣлъ *поставить это генералъ-губернатору на видъ* (35).

Съ этого, повидимому, долженъ бы былъ начаться поворотъ къ другой системѣ дѣйствiй. Порядокъ возстановленъ, настоящая причина волненiй отыскана, признана и ощупана; дворянство приступаетъ къ обсужденiю недостатковъ дѣйствующихъ законоположенiй, а тѣмъ временемъ, главный начальникъ края конечно поспѣшитъ обеспечить продовольствiе крестьянъ, облегчить, насколько это возможно, ихъ повинности, и оставитъ наконецъ въ покоѣ Рижскаго епископа и Православное духовенство. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, дѣло непремѣнно приняло бы этотъ или похожiй на это оборотъ; но въ Прибалтiйскомъ краѣ случилось противное.

Довольно рѣзкая Высочайшая резолюцiя ставившая генералъ-губернатору на видъ несообразность его объясненiй и дѣйствiй съ дѣйствительнымъ положенiемъ ввѣренной ему области, была приписана, не безъ основанiя, впечатлѣнiю произведенному на Государя откровеннымъ докладомъ Министра Внутреннихъ дѣлъ. Пока графъ Строгоновъ, не понимая еще сущности дѣла, вѣрилъ на слово мѣстнымъ властямъ и содѣйствовалъ имъ своими распоряженiями, не было повода опасаться его влiянiя, но теперь положенiе вдругъ измѣняется. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ становится въ прямое противорѣчiе съ Ригою; его доклады, болѣе и болѣе уясняя дѣло, могутъ повредить мѣстнымъ интересамъ и, пожалуй, разоблачить передъ Государемъ нѣкоторыя тщательно отъ Него скрываемыя тайны нашей Балтiйской окраины, и вотъ — баронъ Паленъ, отъ 6-го Октября (36), увѣдомляетъ графа Строгонова, что графъ Бенкендорфъ *лично поручилъ ему* отсылать всѣ дѣла по предмету перехода крестьянъ въ Православiе требующiя Высочайшаго разрѣшенiя, не къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, а прямо къ шефу жандармовъ. Не видно даже, чтобъ на это было испрошено Высочайшее повелѣнiе. Изъ всего предшествующаго, читатели могли усмотрѣть, что баронъ Паленъ и прежде постоянно переписывался съ графомъ Бенкендорфомъ, который этимъ и другими путями, узнавалъ о Балтiйскомъ краѣ все что̀ ему было нужно или что̀ онъ желалъ узнать; слѣдовательно, дѣло шло только объ устраненiи министра Внутреннихъ Дѣлъ. Неизвѣстно какимъ путемъ этого достигли и какой въ этомъ случаѣ придуманъ былъ предлогъ; видно только, что графъ Строгоновъ ничего не возразилъ на распоряженiе шефа жандармовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, и также по неизвѣстному поводу, исходатайствовано было Высочайшее повелѣнiе объ удаленiи изъ Риги преосвященнаго Иринарха. Самъ графъ Бенкендорфъ ѣздилъ передъ этимъ въ Ригу; тамъ онъ перешептался съ своимъ другомъ барономъ Паленомъ и вѣроятно оттуда убѣдилъ Государя Императора пожертвовать православнымъ епископомъ для такъ называемаго умиротворенiя края (37). Сила была очевидно на сторонѣ той партiи, которая такъ горько сѣтуетъ и такъ благородно негодуетъ въ иностранныхъ газетахъ, когда экстралегальныя мѣры

(35) Отнош. Ст. Секр. Танѣева отъ 25 Сент.

(36) Отнош. къ Мин. Вн. Д. № 1057.

(37) В. В. Скрыпицынъ, на пути изъ Петербурга въ Ригу, куда онъ былъ посланъ за преосвященнымъ Иринархомъ, встрѣтилъ графа Бенкендорфа возвращавшагося изъ Риги въ Петербургъ.

такогоже рода постигаютъ какого нибудь суперъинтендента Вальтера или пробста Дебнера. На сей разъ, ей нуженъ былъ скандалъ, какъ свидѣтельство полнаго ея торжества, и она добилась скандала: во всякомъ другомъ случаѣ, правительство *вызвало* бы архіерея, котораго оно не захотѣло бы оставлять долѣе въ его эпархіи, а тутъ, почему-то признано было нужнымъ непремѣнно *вывезти* преосвященнаго Иринарха. Для этого, по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода графа Протасова, командированъ былъ въ Ригу В. В. Скрыпицынъ, принявшій это непріятное порученіе только по убѣдительному настоянію покойнаго митрополита Кіевскаго Филарета, въ то время находившагося въ Петербургѣ и хорошо знавшаго, что В. В. Скрыпицынъ, личнымъ своимъ обращеніемъ съ впавшимъ, въ немилость епископомъ, усладитъ, насколько это было возможно, горечь его положенія. Видно, что въ выборѣ исполнителя графъ Бенкендорфъ не имѣлъ голоса.

Преосвященный Иринархъ, неизвѣстно за что поставленный на одну доску съ государственными преступниками, не обнаружилъ ни страха ни досады; онъ встрѣтилъ посланнаго за нимъ чиновника спокойно и холодно, не проронилъ ни одной жалобы и покорился съ достоинствомъ незаслуженной имъ участи. Баронъ Паленъ поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ рыцарь, а какъ слѣпое орудіе мѣстнаго озлобленія; онъ сдѣлалъ все отъ него зависившее, чтобъ усугубить оскорбленіе наносимое въ глазахъ Нѣмецкаго общества представителю Православной церкви. Когда В. В. Скрыпицынъ, явившись сперва къ преосвященному Иринарху и условившись съ нимъ относительно времени выѣзда, потомъ представился генералъ-губернатору, баронъ Паленъ сказалъ ему, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, чтобъ избавиться отъ епископа и прибавилъ, что подорожная будетъ изготовлена на имя Скрыпицына *съ будущимъ*. Баронъ Паленъ простеръ свою предупредительность до того, что предложилъ ему даже командировать къ нему жандармовъ для конвоированія. На все это В. В. Скрыпицынъ отвѣчалъ, что преосвященный Иринархъ вовсе не арестантъ, а желаетъ отправиться въ Псковъ, для свиданія съ тамошнимъ епископомъ, котораго онъ викарный, а потому не угодно ли будетъ выдать подорожную на имя преосвященнаго Иринарха; самъ же онъ, Скрыпицынъ, имѣетъ свою подорожную, по которой ѣдетъ въ Вильну, и въ жандармахъ нисколько не нуждается. Несмотря однако на это категорическое объясненіе, генералъ-губернаторъ, на другой день, всетаки прислалъ Скрыпицыну подорожную на его имя, *съ будущимъ* — видно, не легко было разстаться съ мыслью, что преосвященный Иринархъ не самъ выѣдетъ, а будетъ вывезенъ изъ Риги, какъ лакей посланнаго за нимъ чиновника. Но Скрыпицынъ возвратилъ подорожную, повторилъ объясненіе данное имъ накануне и наконецъ таки добился того, что генералъ-губернаторъ уступилъ. Преосвященный Иринархъ выѣхалъ въ 10 часовъ вечера, въ собственной каретѣ, а Скрыпицынъ, вслѣдъ за нимъ, въ своемъ экипажѣ. Графъ Бенкендорфъ захотѣлъ насладиться вполнѣ подготовленною имъ сценою и просилъ своего Рижскаго друга увѣдомить его обо всѣхъ подробностяхъ: какъ совершился выѣздъ епископа, въ какое время, и какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на жителей города и на весь край? — „Самое благопріятное (отвѣчалъ баронъ Паленъ): извѣстіе объ увольненіи епископа распространилось съ большою скоростью, и волненіе народа *вдругъ* (!) уменьшилось“.

Преосвященнаго Иринарха провезли въ Псковъ черезъ Митаву, Ша-

вель и Вилькоміръ. Маршрутъ этотъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ потому, какъ объяснялъ онъ, что на прямомъ, почтовомъ трактѣ, производилось близь Кокенгузена, по поводу Нейбеверсгофскихъ безпорядковъ, *военное дѣйствіе*, какъ выражался баронъ Паленъ, подразумѣвая жестокія экзекуціи надъ беззащитными крестьянами, разбѣжавшимися при видѣ солдатъ и потомъ переловленными. Въ одно время съ преосвященнымъ Иринархомъ выслано было изъ Риги, на сей разъ не безъ провожатыхъ въ голубыхъ мундирахъ, нѣсколько Православныхъ священниковъ, ближе другихъ стоявшихъ къ своему епископу. Всѣ они отданы были подъ судъ, и всѣ были по суду оправданы. Невинность ихъ признана была столь очевидною, что какъ бы въ вознагражденіе за незаслуженную обиду имъ нанесенную, они получили мѣста въ столицѣ; одинъ изъ нихъ былъ даже назначенъ протоіереемъ при Казанскомъ соборѣ ([38]).

Устраненіе графа Строгонова отъ прямаго участія въ дѣлѣ перехода Латышей въ Православіе и изгнаніе преосвященнаго Иринарха должны были естественно развязать руки мѣстному начальству, или, говоря точнѣе, мѣстному дворянству; но еще этого было мало. Хотя передъ этимъ самъ Государь Императоръ не разъ оставался недоволенъ дѣйствіями барона Палена и, повидимому, начиналъ сознавать, что онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ строгой опеки, подъ которой держало его дворянство, однако, благодаря вѣроятно новому ходатайству графа Бенкендорфа, состоялся 13 Октября Высочайшій указъ, которымъ предоставлено было право генералъ-губернатору конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры, по которымъ и болѣе 10 человѣкъ присуждались къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ или къ ссылкѣ въ Сибирь. У меня хранится выборка изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, сдѣланная нѣсколько лѣтъ спустя, изъ которой видно, что благодушный баронъ Паленъ воспользовался довольно широко даннымъ ему уполномочіемъ. Утвержденными имъ сентенціями военныхъ судовъ приговорено: *крестьянъ* къ наказанію шпицрутенами 45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ 55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству) 8 человѣкъ, итого 108 человѣкъ. Изъ нихъ, сверхъ тѣлеснаго наказанія, приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе 9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ отсылкѣ въ Сибирь—5; къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты—4; къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ кантонисты — 1; *отставныхъ нижнихъ чиновъ* приговорено: къ наказанію шпицтрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ—1; черезъ 500 человѣкъ два раза —1; черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь—1; къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ—1; въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же срокъ—1; итого отставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ однихъ наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ. Выходитъ, что Православный Латышъ въ своихъ Запискахъ ничего не преувеличилъ— баронъ Паленъ n'y allait pas de main morte.

Несмотря однако на дѣйствительность мѣръ принятыхъ для отрезвленія Латышей, Лифляндское дворянство не было еще вполнѣ удовлетворено и съ безпокойствомъ поглядывало въ ту сторону куда отвезенъ

([38]) Извлечено изъ письма В. В. Скрыпицына.

былъ преосвященный Иринархъ. Изгнаніе его изъ Риги не могло не произвести на крестьянъ глубокаго впечатлѣнія. Правда, они не принадлежали къ его паствѣ и еще никто изъ нихъ не былъ присоединенъ къ Православію; но его теплое къ нимъ участіе, характеръ ихъ сношеній съ нимъ, наконецъ строгіе запреты посѣщать его и наказанія, которымъ подвергались ослушники — все это основало между Латышами и впавшимъ въ немилость архіереемъ таинственную связь и внушило имъ безпредѣльное къ нему довѣріе. Два крестьянина рѣшились пойти къ нему въ Псковъ за добрымъ совѣтомъ. Преосвященный Иринархъ объяснилъ имъ, что онъ уже не могъ ни въ чемъ быть имъ полезенъ и отослалъ ихъ къ мѣстному губернскому начальству, которое опросило ихъ о причинѣ поѣздки ихъ въ Псковъ. Они были съ мызы Вальгутъ и заявили, что не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и не встрѣчая у себя ни въ комъ сочувствія, пошли за помощью къ единственному человѣку, который въ Ригѣ обнаруживалъ къ нимъ состраданіе. Крестьянъ отослали въ Ригу. Тамъ, генералъ-губернаторъ поручилъ предводителю дворянства лично изслѣдовать положеніе крестьянъ на мызѣ Вальгутъ и поспѣшилъ донести обо всемъ въ Петербургъ, какъ о новомъ доказательствѣ преступнаго и продолжавшагося участія удаленнаго епископа въ волненіяхъ крестьянъ. Таковъ былъ смыслъ подробныхъ коментаріевъ барона Палена на отвѣтъ преосвященнаго Иринарха двумъ крестьянамъ и на отобранныя отъ нихъ показанія. Генералъ-губернаторъ жаловался и на Псковское губернское правленіе, замѣчая, что еслибъ оно не опрашивало пришедшихъ изъ Лифляндіи крестьянъ, то они не имѣли бы и повода говорить о стѣсненномъ своемъ положеніи. Высѣчь ихъ въ Псковѣ, въ видѣ задатка, пожалуй было бы не дурно, а то опрашивать! — это ужъ выходило изъ рукъ вонъ. На сей разъ, дѣло попало однако не къ графу Бенкендорфу, а къ графу Строгонову, который въ докладѣ своемъ Государю Императору высказалъ, что по его мнѣнію, генералъ-губернаторъ углублялся въ мелочи и не хотѣлъ видѣть настоящей причины зла; что все Лифляндское простонародіе видимо тяготилось крайне стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, и что хотя конечно нельзя было оставлять безъ строгаго преслѣдованія зачинщиковъ происходившихъ безпорядокъ, но съ другой стороны, не менѣе необходимо было теперь облегчить крестьянамъ способы продовольствія, *сдѣлавъ это негласнымъ для нихъ образомъ,* и поспѣшить, на предстоявшемъ ландтагѣ, принятіемъ хотя бы временныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приведены въ исполненіе къ веснѣ. Этотъ докладъ былъ представленъ въ началѣ 1842 года. Государь Императоръ, совершенно соглашаясь съ графомъ Строгоновымъ, нашелъ, что заключенія барона Палена „*даже смѣшны, что онъ вовсе не такъ дѣйствовалъ какъ бы слѣдовало*", и присовокупилъ, „*что надобно будетъ вновь послать отъ графа Бенкендорфа, чтобъ его вразумить.*"

Здѣсь, разомъ, представляется столько противорѣчій, что поневолѣ приходится на минуту остановиться.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, убѣдившись въ необходимости (не ограничиваясь одними шпицрутенами) обеспечить какъ нибудь продовольствіе крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто опасаясь, чтобъ они не отнесли подготовляемой для нихъ помощи къ заботливости объ нихъ высшаго правительства, спѣшитъ присовокупить, что нужно сдѣлать это негласнымъ для народа образомъ. Болѣе чѣмъ строгія репрессивныя мѣры мѣстныхъ начальствъ поддерживаются всѣмъ авторитетомъ власти и приводятся въ

исполненіе войсками, по инициативѣ или при прямомъ содѣйствіи лицъ самимъ Государемъ командированныхъ. Словомъ: дѣлается все возможное, чтобы народъ увидалъ и понялъ, что карательныя мѣры, не только одобряются высшимъ правительствомъ, но отъ него идутъ. А когда наконецъ обнаруживается, что крестьяне выведены изъ нормальнаго положенія такими обстоятельствами, противъ которыхъ человѣческое благоразуміе и Латышское долготерпѣніе безсильны, когда высшее правительство собственнымъ своимъ сознаніемъ ставится въ необходимость помочь, оно стыдливо прячется отъ народа. Кого-жъ бы однако стали благодарить крестьяне за позднюю помощь и кому бы могли они приписать ее? Ужъ не заботливости-ли мѣстнаго начальства? Но въ то время не успѣли еще зажить рубцы на изсѣченныхъ крестьянскихъ спинахъ, ни отрости волоса на выбритыхъ затылкахъ, а впечатлѣнія и убѣжденія простаго народа обновляются еще медленнѣе. Да если-бъ даже и можно было разсчитывать въ этомъ случаѣ на невѣроятную забывчивость, съ какою цѣлью стало бы высшее правительство уклоняться отъ признательности крестьянъ и передавать ее всецѣло своимъ же агентамъ, только втораго разряда? Или, можетъ быть, въ Петербургѣ хотѣли, чтобы крестьяне приписали помощь сердоболію помѣщиковъ? Если таково было намѣреніе правительства, то можно только сказать, что великодушная цѣль его—погасить вражду и недовѣріе крестьянъ къ угнетавшему ихъ сословію, не могла быть достигнута этимъ придуманнымъ за дворянство благодѣяніемъ, когда на каждомъ шагу народъ видѣлъ и чувствовалъ доказательства совершенно инаго расположенія къ нему помѣщиковъ.

Не менѣе странны отношенія высшаго правительства къ преосвященному Иринарху и къ барону Палену. Перваго можно было упрекнуть развѣ только въ неосторожности дѣйствій давно прекращенныхъ; но въ тоже время нельзя было не видѣть, и правительство дѣйствительно видѣло, что мѣстныя власти взваливали на него послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій или своего бездѣйствія. Тѣмъ не менѣе, преосвященный Иринархъ приносится въ жертву, какъ бы въ оправданіе падавшихъ на него и очевидно несправедливыхъ нареканій. Второй, то есть баронъ Паленъ, съ самаго начала волненій, сознательно или безсознательно. скрывалъ отъ правительства дѣйствительное ихъ значеніе и главныя причины, которыми онѣ были вызваны: правда была наконецъ обнаружена не имъ, а вопреки его донесеніямъ. а онъ все таки остается на мѣстѣ и даже получаетъ экстралегальныя уполномочія. Наконецъ, Государь Императоръ, убѣдившись въ односторонности его воззрѣній дошедшей до комизма, признаетъ нужнымъ вразумить его, и на кого же приходится возложить это деликатное порученіе? На графа Бенкендорфа, того самаго, который внушалъ, одобрялъ и отстаивалъ всѣ распоряженія вразумляемаго, на вожака той партіи, которой баронъ Паленъ служилъ покорнымъ орудіемъ, на человѣка, который, захватомъ въ свои руки дѣлъ по закону входившихъ въ вѣдомство графа Строгонова, хотѣлъ отнять у послѣдняго возможность раскрыть передъ Государемъ ихъ истинную суть.

Когда приведенная Высочайшая резолюція сообщена была шефу жандармовъ, раздраженіе его вышло изъ всякихъ предѣловъ. Онъ оффиціально отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ „что въ жандармскомъ вѣдомствѣ нѣтъ чиновниковъ, которые умѣли-бы вразумлять генералъ-губернаторовъ.“ А любопытно бы было знать: отыскались-ли бы въ немъ такіе чи-

новники, которые умѣли бы вывозить Православныхъ архіереевъ изъ ихъ эпархій, если-бы графъ Бенкендорфъ осчастливленъ былъ предложеніемъ распорядиться въ этомъ дѣлѣ отъ себя?—Одумавшись, онъ правда смягчилъ въ послѣдствіи свой отзывъ и, скрѣпя сердце, принялъ мѣры для исполненія объявленной ему Высочайшей воли; но первоначальный отвѣтъ его доказываетъ какъ неравнодушно относились къ Рижскимъ дѣламъ правительственныя лица, смотрѣвшія на нихъ съ точки зрѣнія своихъ традиціонныхъ интересовъ.

Между тѣмъ, на мѣстахъ, все шло по прежнему. Крупныя экзекуціи были окончены, но войска долго еще оставались расквартированными въ Лифляндіи, для острастки, и баронъ Паленъ сложилъ съ помѣщиковъ обязанность доставлять имъ приварокъ. Онъ перенесъ ее исключительно на крестьянъ, такъ какъ они, своимъ буйствомъ, вызвали необходимость употребить военную силу, а дворяне были только приглашены *облегчать* по возможности тягость возложенную на крестьянъ и наблюдать, чтобъ войска ни въ чемъ не нуждались. Нельзя не сознаться, что послѣднее распоряженіе было вполнѣ разумно: раззоренные и голодные крестьяне конечно не смогли бы, безъ особеннаго участія дворянъ, обеспечить продовольствіе войскъ. Затѣмъ, приняты были мѣры, чтобъ вытравить малѣйшіе слѣды движенія и, по возможности, изолировать крестьянъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ вредныхъ вліяній, въ особенности православно-русскаго. Генералъ-губернаторъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды, дѣлалъ крестьянамъ приличныя внушенія, удалилъ изъ обществъ еще нѣсколькихъ высмотрѣнныхъ имъ или указанныхъ ему вотчинными конторами *зачинщиковъ* и вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно слѣдить за сношеніями Лифляндскихъ крестьянъ съ Эстляндіею и съ Псковскою губерніею черезъ Чудское озеро. Ничто не укрылось отъ заботливаго начальника. Онъ между прочимъ узналъ, къ крайнему своему прискорбію, что какіе-то Русскіе крестьяне удѣльнаго вѣдомства, торговавшіе щетиною, издавна ѣздили въ Лифляндію по своимъ дѣламъ. На нихъ указалъ ему г. фонъ-Поль, какъ на разглашателей ложныхъ слуховъ и опасныхъ пропагандистовъ, въ смыслѣ православно-русскомъ, и потому, для огражденія ввѣренной ему паствы отъ этой заразы, генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о воспрещеніи упомянутымъ торговцамъ въѣзда въ Лифляндію. Это было благоразумно: положеніе *вольныхъ* Латышей дѣйствительно было таково, что разсказы крѣпостныхъ крестьянъ, даже весьма какъ извѣстно не зажиточныхъ Псковичей, могли въ Лифляндіи казаться соблазнительными и наводить на сравненія для бароновъ невыгодныя. Но по этому послѣднему своему ходатайству, генералъ-губернаторъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ успѣха. Тутъ замѣшался въ дѣло интересъ ужь не одной Россіи и не Православной только церкви, а самаго удѣльнаго вѣдомства, и потому встрѣтилось неожиданно сильное сопротивленіе.

А корешокъ все таки оставался въ землѣ! Все еще, въ горькія минуты безвыходной тоски, мысли невольно обращались къ Православному духовенству. Два крестьянина Венденскаго уѣзда рѣшились пойти къ новому Рижкому епископу, преосвященному Филарету, на сей разъ только съ просьбою принять ихъ въ лоно Православной церкви. Въ присутствіи опрашивавшаго ихъ полицмейстера, они заявили, что желали быть одной вѣры съ Царемъ, но никакихъ мірскихъ выгодъ не ожидали и не требовали. Хотя въ этомъ не было повидимому ничего особенно страшна-

го, однако мѣстныя власти мигомъ переполошились. Баронъ Паленъ предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, а въ Венденъ послалъ Вольмарскаго депутата Гагемейстера *для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ.* Дальнѣйшее разслѣдованіе было возложено на мѣстныхъ кирхшпильсъ- и орднунгсъ-рихтеровъ. Слѣдствіе производилось крайне медленно, съ безпримѣрнымъ пристрастіемъ, съ явными натяжками, съ очевиднымъ желаніемъ впутать въ дѣло Православное духовенство и отыскать какихъ-то его агентовъ. Опрашиваемыхъ сѣкли, нѣкоторые получили по 40 и по 60 розогъ, въ томъ числѣ одинъ семидесятилѣтній старикъ. ([39]) Оказалось, что желавшихъ присоединиться къ церкви было болѣе чѣмъ сколько явилось ихъ въ Ригу, и всѣ были наказаны. Объ этомъ доносилъ оффиціально чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, покойный А. Ѳ. Штакельбергъ, бывшій на мѣстѣ, и строгой правдивости котораго никто конечно не оскорбитъ подозрѣніемъ; но что́ именно выставлено было какъ поводъ къ наказанію, изъ доставленныхъ свѣдѣній нельзя высмотрѣть. Послѣ этихъ распоряженій, генералъ-губернаторъ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ все таки приказалъ напомнить крестьянамъ Высочайшую волю объявленную имъ флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, а именно: что переходить въ Православное вѣроисповѣданіе никому не воспрещается. Итакъ, прежде всего—розги изъявлявшимъ желаніе перейти, а затѣмъ—оглашеніе невозбранности перехода; таковъ былъ принятой въ Лифляндіи порядокъ вразумленія крестьянъ.

Послѣдній изъ упомянутыхъ случаевъ происходилъ уже въ Августѣ 1842 года; но такъ какъ онъ прошелъ безслѣдно, то нѣтъ причины относить его ко второму періоду, то есть къ возобновленію религіознаго движенія въ Лифляндіи; скорѣе можно назвать его послѣднею, слабою судорогою первоначальнаго движенія нами описаннаго. По всѣмъ тогдашнимъ признакамъ, можно было считать стремленіе Латышей въ Православіе, если не навсегда заглушеннымъ, то по крайней мѣрѣ надолго прерваннымъ Нейбеверсгофскою экзекуціею, и потому есть достаточное основаніе принять за конецъ перваго періода Октябрь мѣсяцъ 1841 года. Въ это время, баронъ Паленъ писалъ своему покровителю, шефу жандармовъ, что спокойствіе (какъ они оба его понимали) было возстановлено, а графъ Бенкендорфъ, рукоплескавшій издали подвигамъ своего земляка, отвѣчалъ ему въ частномъ письмѣ: „Dieu soit loué. Tout parait terminé, pour le moment du moins.“ (Слава Богу! все кажется кончено, по крайней мѣрѣ на сей разъ).

И мы теперь, окончивъ первую часть своего разсказа, ничего лучшаго сдѣлать не можемъ для уясненія результатовъ пройденнаго времени, какъ постараться угадать чѣмъ въ особенности дорожила въ тогдашнемъ торжествѣ своемъ побѣдившая партія, и за что именно славилъ Всевышняго тогдашній начальникъ жандармскаго корпуса?

Главный поводъ къ славословію заключался конечно не въ матеріальной побѣдѣ одержанной надъ безоружными Латышами — въ этомъ никто не могъ сомнѣваться—даже не въ томъ, что ни одинъ Латышъ не выбылъ изъ Лютеранской паствы, а скорѣе въ томъ, что удалось таки помѣшать высшему правительству и простому народу взаимно опознаться и, такъ сказать, всмотрѣться другъ другу въ глаза. Неразборчивый лепетъ пробудившейся въ темной массѣ потребности духовнаго оживленія, жалобный стонъ голодныхъ, баснословные раз-

([39]) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 220.

сказы о какой-то теплой землѣ будто бы кѣмъ-то обѣщанной, ропотъ на помѣщиковъ, по утру наряжавшихъ крестьянъ на барщину, а къ вечеру являвшихся передъ ними во главѣ военной силы, все это слилось въ одинъ нестройный гулъ и было покрыто барабаннымъ боемъ и командными словами начальства распоряжавшагося экзекуціями.

Даже графъ Строгоновъ, который подъ конецъ все таки лучше всѣхъ высматривалъ правду и очень вѣрно указывалъ на *одну изъ причинъ* всеобщаго неудовольствія крестьянъ, не уяснилъ ни Государю, ни самому себѣ почему волненіе приняло ту, а не другую форму и почему Латыши, вырываясь изъ условій тогдашняго своего быта, избрали именно этотъ путь, то есть черезъ Православную церковь? Онъ кажется самъ раздѣлялъ внутренно мнѣніе барона Палена, будтобы Православное духовенство только тѣмъ и пріобрѣло такое сильное вліяніе на народъ, что питало въ немъ несбыточныя надежды и пользовалось ими для склоненія его на свою сторону, какъ могла бы воспользоваться тѣмъ же сподручнымъ орудіемъ всякая другая пропаганда, даже вовсе не религіознаго, а хоть бы чисто политическаго свойства. По крайней мѣрѣ, по бумагамъ исходившимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣтно, что графу Строгонову, въ диспутѣ его съ барономъ Паленомъ о причинахъ волненій, становилось всегда какъ будто неловко когда рѣчь заходила о преосвященномъ Иринархѣ и о Православныхъ священникахъ. Онъ осуждаетъ, правда въ возможно мягкихъ выраженіяхъ, неосторожность ихъ дѣйствій, старается умалить практическую важность сдѣланныхъ ими ошибокъ, и, бросая эту щекотливую тему, поспѣшно переходитъ къ другой сторонѣ дѣла. Очевидно, что проснувшаяся въ народѣ потребность духовнаго свойства, то что̀ мы назвали въ началѣ религіозною струею въ Лифляндскихъ волненіяхъ, совершенно укрылась отъ высшаго правительства. Графъ Бенкендорфъ, и партія во главѣ которой онъ стоялъ, не могли этому не радоваться.

Равномѣрно, остался совершенно неразгаданнымъ характеръ сопротивленія мѣстнымъ властямъ, кое-гдѣ оказаннаго крестьянами. Отличительныя его особенности сгладились подъ общимъ терминомъ бунта, которымъ его окрестили въ Ригѣ. Но вѣдь и бунты бываютъ различнаго свойства; иные можно назвать наступательными, другіе оборонительными, бываютъ бунты политическіе, соціальные, національные, бываютъ также бунты отъ недоразумѣній. Лифляндскій такъ называемый бунтъ 1841 года, за который виновные такъ дорого поплатились, имѣлъ также свои особенныя черты. Во первыхъ, крестьяне ни разу ни на кого не нападали, а только отстаивали своихъ когда ихъ хватали; во вторыхъ, крестьяне не грабили. Помѣщичьи анбары оставались цѣлы и невредимы, въ то время какъ народъ волновался отъ голода, и вообще, во всемъ дѣлопроизводствѣ о бунтѣ, не встрѣчается ни одной жалобы на расхищеніе чужой собственности. Итакъ, крестьяне бунтовали не противъ помѣщиковъ *какъ собственниковъ*. Они, повидимому, оказывали сопротивленіе законной власти, но вопросъ въ томъ: могли ли они опознать *законную власть* въ той формѣ, въ которой она передъ ними являлась? Объявивъ крестьянамъ, что крѣпостное право отмѣнено и что они свободны, правительство сказало помѣщику: отнынѣ я признаю въ тебѣ какъ бы два лица; ты хозяинъ-землевладѣлецъ и, какъ таковой, ты не болѣе какъ частное лице, имѣющее свои особенные, личные интересы; ты сдаешь землю или обработываешь ее, заключаешь контракты, подряжаешь батраковъ и т. д. Эта частная твоя

дѣятельность ставитъ тебя въ постоянныя сношенія и въ самое близкое соприкосновеніе съ свободными отнынѣ крестьянами проживающими въ твоемъ имѣніи; у нихъ и у тебя интересы, конечно не непримиримые между собою (сохрани Богъ!) но всетаки прямо противоположные; твой интересъ: сдать землю дорого, а работника нанять дешево; крестьянину на оборотъ, хотѣлось бы получить землю почти за даромъ, а за свою работу получить тройную цѣну. Это понятно — спорьте, торгуйтесь, договаривайтесь какъ знаете. Ты и они, вы стоите на почвѣ своего права, за свои частныя выгоды, а надъ вами безпристрастное правительство, вооруженное закономъ, передъ которымъ всѣ равны. Затѣмъ, тебя же, какъ помѣщика-дворянина, я возвожу на степень своего агента; я передаю тебѣ надъ тѣми самыми крестьянами, которымъ ты сдаешь землю и которыхъ ты наряжаешь на работу, долю мнѣ принадлежащей правительственной власти; передаю не съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты непремѣнно ею пользовался, а для того только, чтобъ ты имѣлъ право ею вооружиться когда найдешь это нужнымъ, или когда вздумаешь. Ты можешь даже ввѣрить ее другому, своему прикащику, конторщику, лакею, и тогда твой повѣренный также раздвоится на два лица: твоего служителя и моего агента. Словомъ, эта власть, какъ одна изъ принадлежностей твоей дворянской вотчины, есть частная твоя собственность; это палка, которую ты можешь взять въ руки, передать другому, повѣсить на гвоздь и даже забросить; но когда она у тебя въ рукахъ, ты лице правительственное, и пока ты ею владѣешь, правительство во всеоружіи стоитъ за тобою и тебя поддерживаетъ.—Не мудрено было переложить все это на канцелярскій слогъ, разбить на параграфы и назвать закономъ — бумага все терпитъ; но на практикѣ, полицейская власть, какъ вотчинное право, должна была неизбѣжно сдѣлаться орудіемъ хозяйственныхъ интересовъ вотчинника, иными словами: крѣпостное право на личность должно было воскреснуть въ новой, при томъ гораздо худшей формѣ; потому худшей, что, возведя вотчинную контору на степень полицейской инстанціи, законъ придавалъ обычнымъ традиціямъ помѣщичьяго произвола характеръ правительственныхъ дѣйствій. Конечно, въ 1819 году, у насъ этого не предусматривали; но едвали и въ то время можно было серьезно предполагать, что простой народъ постигнетъ законодательный процессъ превращенія стараго своего знакомца, помѣщика или прикащика, въ вотчиннаго полиціймейстера. Да еслибъ даже Латыши и усвоили себѣ эту фикцію въ теоріи, они всетаки не могли бы признать ее за осуществившійся фактъ, потому именно, что на практикѣ, все шло по старому. Вотчинная контора утверждала или не утверждала мірскіе приговоры и выборы, выдавала паспорты, приказывала, ревизовала, хватала людей и наказывала; другой власти, въ иномъ образѣ, который бы не сливался съ образомъ помѣщика, крестьяне почти и не видѣли; вотчинное правленіе замѣняло для нихъ все. Правда, иногда забѣгалъ къ нимъ кирхшпильсъ-рихтеръ и орднунгсъ-рихтеръ, но вѣдь это были другіе экземпляры того же помѣщичьяго типа, сосѣди, родственники и пріятели мѣстнаго вотчиннаго начальника, такіе же какъ и онъ вотчинные начальники въ своихъ имѣніяхъ, въ добавокъ избранные помѣщиками и слѣдовательно ихъ агенты. — „Да гдѣ же наконецъ (спрашивалъ самъ себя народъ) власть настоящая, правительственная, въ подлинномъ смыслѣ слова, отрѣшенная отъ частныхъ интересовъ, всѣмъ одинаково близкая, ко всѣмъ одинаково благосклонная, власть какъ сила служащая закону и прав-

дѣ, та власть, о которой мы имѣемъ такое высокое понятіе, которой мы должны и готовы повиноваться не токмо за страхъ, но и за совѣсть, словомъ власть Царя и Его, дѣйствительно *Его*, уполномоченныхъ?“ — Да вотъ они эти уполномоченные: генералъ-губернаторъ, флигель-адъютанты, наконецъ вотъ и Царская, несомнѣнно Царская сила, Русское войско..... И что же? Вокругъ генералъ-губернатора, рядомъ съ флигель-адъютантами, во главѣ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, все тѣже вотчинные начальники, тѣже депутаты дворянства, тѣже орднунгсъ-рихтеры, и всѣ за одно! — „Да это подлогъ, это обманъ, а не явленіе власти!“ — вотъ что смущало народъ. А между тѣмъ, возведя помѣщика, какъ помѣщика, то есть *потому только что онъ помѣщикъ*, на степень своего агента и удѣливъ ему часть своей власти, правительство, очевидно, не могло уже, въ случаѣ надобности, отказать ему въ употребленіи крайнихъ средствъ своихъ для возстановленія его, а слѣдовательно и своего собственнаго поколебленнаго авторитета. И вотъ разгадка того оригинальнаго явленія, въ которомъ, съ такою наивностію, сознавался баронъ Паленъ: „весь народъ потерялъ всякое довѣріе къ мѣстнымъ властямъ, считая ихъ за одно съ помѣщиками.“

Это было неизбѣжное послѣдствіе порядка вещей существовавшаго въ Лифляндіи, и тоже явленіе неминуемо повторилось бы вездѣ гдѣ бы ни завелся подобный порядокъ. Народъ, повидимому, сопротивлялся правительственной власти, а въ сущности, такъ называемый бунтъ направленъ былъ противъ вотчинныхъ конторъ, какъ административно - полицейскихъ инстанцій, которыхъ крестьяне не могли и не хотѣли отождествлять съ своимъ представленіемъ о власти правительственной. Но этого, въ Петербургѣ не понялъ рѣшительно никто; иначе, конечно не позволили бы барону Палену отдавать войска въ распоряженіе депутатовъ дворянства, а за тѣмъ, когда приступлено было къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ и когда правительство поставило Лифляндскому дворянству на видъ тѣ стороны ихъ быта, на которыя признано было нужнымъ обратить вниманіе для предупрежденія волненій въ будущемъ, не ограничились-бы указаніемъ на вопросы о землѣ и о повинностяхъ, а безъ сомнѣнія выдвинули бы на первый планъ вопросъ о вотчинной полиціи. Но онъ былъ преднамѣренно устраненъ. Какъ же было не благодарить Всевышняго!

Даже отъ покойнаго Государя, котораго слухъ былъ вообще такъ чутокъ для всѣхъ интересовъ власти, повидимому совершенно укрылась политическая сторона волненій 1841 года. На это есть доказательство. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, въ Маѣ 1846 года, представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе докладъ Комитета учрежденнаго въ Петербургѣ для устройства быта Лифляндскихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ графа Палена, съ участіемъ барона Палена, барона Мейндорфа, т. с. Гана и пяти депутатовъ отъ тамошняго дворянства. Комитетъ раздѣлилъ свои предположенія на двѣ категоріи: въ первую введены были существенныя основанія будущаго законоположенія, которыя, для ландтага призваннаго къ его разработкѣ, должны были имѣть силу строго обязательныхъ правилъ; ко второй отнесены были мѣры по мнѣнію Комитета полезныя и нужныя, но изложенныя въ видѣ вопросовъ подлежавшихъ свободному обсужденію ландтага. Въ пунктѣ седьмомъ, между прочимъ, значилось: нельзя ли вовсе лишить владѣльцевъ права наказывать арендаторовъ (т. е. крестьянъ-хозяевъ) безъ суда (какъ было до 1819 года)? — Этотъ пунктъ,

по усиленному настоянію графа П. Д. Киселева, принятъ былъ *единогласно* Комитетомъ состоявшимъ изъ девяти Остзейскихъ дворянъ и трехъ Русскихъ (графа Киселева, графа Перовскаго и т. с. Сенявина). Государь остался вполнѣ доволенъ трудами Комитета и написалъ на поднесенномъ ему докладѣ: „прекрасно, кромѣ одной статьи, по которой исполнить какъ мною помѣчено". Это былъ именно приведенный выше пунктъ 7-ой, противъ котораго Государь написалъ: „эту статью не допускаю, ибо помѣщики должны всегда оставаться *первою полицейскою властью* въ своихъ помѣстьяхъ, но опредѣлить точно: *за что* и въ какой мѣрѣ сіе право наказанія имъ и впредь предоставляемо быть можетъ". Иными словами: гибельное начало, подрывавшее въ самомъ корнѣ нравственный авторитетъ власти, начало заключавшее въ себѣ источникъ недавнихъ волненій и вынудившее правительство проливать кровь искренно преданнаго ему народа, было тщательно сбережено и перенесено цѣликомъ въ новое законоположеніе, а въ видѣ смягченія, заявлено было неисполнимое требованіе строгой регламентаціи его примѣненія. Даже ясный въ этого рода вопросахъ умъ покойнаго Государя помутился отъ напущеннаго изъ Риги тумана, если только въ приведенной резолюціи выразилось дѣйствительно его убѣжденіе, а не простое желаніе ублажить встревоженное дворянство.

Но если Лифляндскіе помѣщики и Петербургское министерство Остзейскихъ дѣлъ находили для себя выгоднымъ поддерживать недоразумѣнія высшаго правительства относительно источника сомнѣній и подозрѣній бродившихъ въ простомъ народѣ, то, съ точки зрѣнія тѣхъ же интересовъ, было еще несравненно желательнѣе и важнѣе оставить крестьянъ въ такомъ же недоразумѣніи относительно воли высшаго правительства. Это также удалось и едва-ли не этимъ по преимуществу дорожила Нѣмецко-Лютеранская партія въ одержанной ею побѣдѣ. Несмотря на описанную выше сцену происходившую въ Рижскомъ Губернскомъ Правленіи, при торжественномъ объявленіи согнаннымъ Латышамъ невозбранности присоединенія къ господствующей Церкви, несмотря на позднѣйшее повтореніе тогоже объявленія по распоряженію барона Палена, народъ все таки не узналъ и не понялъ, что право перехода изъ Лютеранства въ Православіе предоставлено каждому. Такъ какъ всякая попытка воспользоваться этимъ правомъ, какъ до объявленія его, такъ и по объявленіи, непремѣнно влекла за собою аресты, допросы и наказанія, то понятно, что для простыхъ людей было довольно мудрено рѣшить: чему надлежало больше вѣрить, словамъ или розгамъ? При этомъ, не надобно забывать, что помѣщики, пасторы, орднунгсъ и кирхшпильсърихтеры, при каждомъ удобномъ случаѣ, твердили крестьянамъ, чтобъ они не дерзали и помышлять о перемѣнѣ вѣры, что за помѣщиками и мѣстными чиновниками, стояли кавалерія и пѣхота, всегда готовыя нагрянуть по первому ихъ призыву, и наконецъ, что всякое слово произнесенное Православнымъ священникомъ для склоненія къ переходу крестьянъ обнаруживавшихъ расположеніе къ церкви, преслѣдовалось какъ преступное подстрекательство. Въ результатѣ оказалось, что карательныя мѣры, въ такомъ страшномъ излишествѣ употребленныя для вразумленія Латышей, не только не разсѣяли сомнѣній преднамѣренно внесенныхъ въ ихъ умы, а напротивъ какъ будто засвидѣтельствовали, кровью пролитою по распоряженію власти, комментаріи мѣстныхъ ея агентовъ, которыми сопровождалось чтеніе и исполненіе военносудныхъ сентенцій.

Изъ всего имъ испытаннаго въ 1841 году, народъ вынесъ убѣжденіе, что благодаря проискамъ помѣщиковъ, переходъ въ Царскую вѣру ему воспрещенъ. Кромѣ министерства Остзейскихъ дѣлъ, этого въ Петербургѣ никто конечно не подозрѣвалъ, никто бы въ то время этому и не повѣрилъ; да и теперь, тому, кто не видалъ въ глаза Латышей сороковыхъ годовъ, такое недоразумѣніе покажется невѣроятнымъ; а между тѣмъ — это фактъ, немного лѣтъ спустя, до очевидности обнаружившійся въ несказанномъ, радостномъ изумленіи Латышей, когда передъ ними, во очію, стали совершаться присоединенія. Но въ исходѣ 1841 года, никто не предусматривалъ, что движеніе въ Православіе возобновится, и потому можно было отъ души радоваться и благодарить Всевышняго, считая Латышей окончательно сбитыми съ толку относительно дозволеннаго и запрещеннаго.

Таковы были общіе результаты перваго, трагическаго періода исторіи Православія въ Лифляндіи.

Юрій Самаринъ.

*

Въ Русскомъ Архивѣ помѣщена будетъ подробная біографія одного изъ благороднѣйшихъ представителей нашего Прибалтійскаго края, именно графа Якова Ефимовича Сиверса, который оказалъ Россіи незабвенныя услуги, и между прочимъ, ходатайствовалъ объ улучшеніи быта Православнаго духовенства въ Новогородской губерніи. *П. Б.*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УПРАЗДНЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

I.

Пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу въ 1859 году доставилъ не мало хлопотъ правительству. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской сначала переписывался съ предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцовымъ о назначеніи имъ срока для прибытія въ С.-Петербургъ. Редакціонныя коммиссіи съ своей стороны принимали мѣры, чтобы депутаты не застали ихъ въ расплохъ, — время было коротко: въ засѣданіяхъ коммиссій обсуждался вопросъ, когда можетъ быть оконченъ трудъ перваго періода занятій, или по крайней мѣрѣ когда онъ будетъ приведенъ въ тотъ видъ, въ которомъ могъ бы быть сообщенъ на разсмотрѣніе депутатамъ (1). Независимо отъ сего, Я. И. Ростовцовъ въ частныхъ засѣданіяхъ совѣщался еще съ нѣкоторыми избранными членами коммиссій о порядкѣ ихъ пріема (2).

Петербургская публика между тѣмъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившая въ то время за ходомъ крестьянскаго дѣла, нетерпѣливо ожидала появленія представителей дворянства, вызванныхъ изъ глубины Россіи; въ высшихъ сферахъ общества слышались самые разнообразные толки о ихъ значеніи, на нихъ возлагались большія надежды; высшее Петербургское дворянство видѣло въ нихъ опору для поддержанія своихъ сословныхъ интересовъ, имъ стали отворяться двери гостиныхъ нашей аристократіи. Но прибытіе депутатовъ возбудило одни неопредѣленныя желанія, въ тѣхъ которые болѣе всего на нихъ расчитывали; въ высшихъ кругахъ общества носились неясныя представленія о послѣдствіяхъ задуманной реформы; дѣло было слишкомъ ново и необыкновенно. Настоящій трудъ мысли и тяжелая работа лежали еще впереди.

Въ слѣдствіе бюрократическаго устройства нашей администраціи: іерархическаго подчиненія мѣстъ и лицъ съ одной стороны и раздѣленія ея на независимыя вѣдомства съ другой, всякое государственное дѣло относилось болѣе или менѣе исключительно къ одному изъ нихъ и составляло за тѣмъ его неприкосновенную такъ сказать спеціальность, такъ что всякій видъ вмѣшательства одного вѣдомства въ дѣло другаго считалось даже нѣкоторымъ оскорбленіемъ; сообразно этому порядку настроивалось конечно и общественное мнѣніе. Поэтому и

(1) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крест. дѣлу Русск. Вѣсти. 1864 г. № 11 стр. 123 и 124 и № 12 стр. 454.

(2) См. Вызовъ и пріемъ депутатовъ. Русск. Вѣстн. 1868 г. № 11 стр. 43.

крестьянское дѣло относилось собственно къ министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ что назначенію предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій генералъ-адъютанта Ростовцова, посторонняго лица, предшествовало даже напечатаніе на столбцахъ газеты le Nord слуха, что онъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Надъ этимъ министерствомъ въ то время въ іерархическомъ порядкѣ поставлено было вновь созданное особое учрежденіе: Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу; а редакціонныя коммиссіи находились по особому ихъ положенію внѣ всѣхъ учрежденій, подъ прямымъ вѣдѣніемъ верховной власти, причемъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нужнымъ, какъ для совокупныхъ дѣйствій, такъ и въ знакъ личнаго вниманія къ Я. И. Ростовцову связать въ нѣкоторой степени съ коммиссіями земскій отдѣлъ, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (3). Тѣмъ не менѣе переходныя къ облегченію крестьянъ мѣры и подготовительныя распоряженія, считавшіяся тогда необходимыми для спокойнаго воспріятія ими свободы, во все время существованія редакціонныхъ коммиссій, исходили, въ многочисленныхъ циркулярахъ, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и вся, если можно такъ выразиться, администрація реформы главнымъ образомъ принадлежала ему: — она доставила потомъ обильный матеріалъ печатавшемуся этимъ вѣдомствомъ Сборнику правительственныхъ распоряженій, котораго первая часть появилась еще въ 1861 году.

Этимъ отчасти объясняется, почему покойный министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, счелъ обязанностью, отъ своего лица, помимо предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцова, представить Государю письменно взглядъ на господствовавшія тогда по его понятіямъ мнѣнія о крестьянскомъ дѣлѣ въ средѣ призванныхъ къ нему дѣятелей. Въ то время этотъ документъ долженъ былъ храниться подъ кровомъ непроницаемой тайны, что показываетъ самая надпись на подлинномъ покойнаго Ланскаго, по поводу данной между прочимъ на запискѣ резолюціи Государя: «прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцову.» Это не помѣшало однако запискѣ перейти тогда же въ руки съѣзжавшихся депутатовъ, отъ которыхъ получили ее и нѣкоторые члены редакціонныхъ коммиссій; вскорѣ затѣмъ она разошлась по всей Россіи между лицами, которыя такъ или иначе могли принимать участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, а передъ прибытіемъ депутатовъ втораго приглашенія, собиравшихся въ Петербургѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1860 года, эта записка была напечатана въ одномъ изъ многочисленныхъ изданій русской заграничной печати, и въ этомъ новомъ видѣ, конечно въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, она возвратилась въ отечество. Въ статьѣ моей: «Вызовъ и пріемъ депутатовъ» (Русск. Вѣстн. 1868 г. № 11 стр. 41—43) между прочимъ сказано слѣдующее о всеподданнѣйшемъ письмѣ С. С. Ланскаго: «Эта записка есть совершенно однородный по предмету документъ съ письмомъ, писаннымъ 23-го Октября 1859 года къ Государю, покойнаго Якова Ивановича (см. ст. Болѣзнь и кончина генер. Ростовцова. Русск. Вѣстн. 1866 г. № 2 стр. 726—730), въ которомъ онъ тоже дѣлалъ обзоръ или очеркъ различныхъ мнѣній, которыя ходили въ обществѣ между лицами, принимавшими участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Любопытно сравнить эти два документа въ ихъ цѣломъ объемѣ для составленія себѣ понятія о томъ, какое различіе и какое сходство представляли между собой воззрѣнія двухъ государственныхъ людей, на долю которыхъ выпалъ жребій руководить въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствіями правительства по дѣлу освобожденія крестьянъ, къ совершенію котораго оба стремились довольно дружно. Затѣмъ въ моей статьѣ было напечатано только самое заключеніе этой записки, относящееся собственно до депутатовъ, но она вся имѣетъ особый интересъ:— этой категоріи документы составляютъ самую любопытную характеристику времени.

Николай Семеновъ.

23 Апрѣля 1869 г.

(3) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крест. дѣлу Русск. Вѣст. 1864 г. № 11 стр. 94 и 98.

Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время. (Августъ 1859.)

(*Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.*)

Всѣ губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу (за исключеніемъ только Пермскаго и Ставропольскаго) кончили и прислали свои работы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о главныхъ чертахъ направленій ими руководившихъ.

Отъ появленія первыхъ трехъ рескриптовъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости (по Литовскимъ, Санктпетербургской и Нижегородской губерніямъ) прошло слишкомъ 1½ года. На предварительное соглашеніе дворянъ всѣхъ прочихъ губерній потребовалось 11 мѣсяцевъ (съ Ноября 1857 года по Октябрь 1858). Согласно

волѣ Вашего Величества, административныя мѣры, по сему предмету не имѣли въ себѣ ничего понудительнаго. Онѣ ограничивались однимъ лишь устраненіемъ недоразумѣній и опасеній, возникавшихъ въ дворянскомъ сословіи разныхъ мѣстностей.

Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостнаго труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатокъ мѣстныхъ администрацій, черезполосность имѣній и продажа усадьбъ, долги кредитнымъ установленіямъ и наконецъ участь мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ—представлялись неодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи. Примѣръ Санктпетербургскихъ и Нижегородскихъ дворянъ не могъ еще дать рѣшительнаго оборота дѣлу; ожидали отзыва Москвы.

Для успокоенія и направленія умовъ, по непосредственному указанію Вашему, сдѣланъ былъ цѣлый рядъ поясненій по всѣмъ предметамъ, возбудившимъ сомнѣніе. Разграничены неприкосновенныя, общія начала, и частное развитіе ихъ сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ; объявлено, что правительство беретъ на себя преобразованіе мѣстнаго управленія и устройство межеванія; сдѣланы нѣкоторыя указанія о способѣ выкупа крестьянскихъ усадьбъ и о пользованіи ими до выкупа; вмѣнено въ обязанность комитетамъ обратить вниманіе на положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и представить объ устройствѣ ихъ особыя соображенія; наконецъ объяснено чрезъ предводителей дворянства, что не въ поспѣшности, какъ думали помѣщики нѣкоторыхъ губерній, а въ медленности изъявленія желанія на открытіе комитетовъ заключается опасеніе народныхъ волненій. Мало по малу опасенія разсѣялись; мысль о возможности и необходимости преобразованія стала распространяться, а губерніи, одна за другой, начали присылать всеподданнѣйшіе адресы о желаніи приступить къ устройству крестьянскаго быта. Въ 10 губерніяхъ адресы эти представлены за подписью 217 предводителей и депутатовъ, по единогласному уполномочію дворянства, состоящаго изъ 23,204 помѣщиковъ; въ остальныхъ губерніяхъ они подписаны 18,548 дворянами. Вслѣдствіе сего состоялись Высочайшіе рескрипты въ Январѣ 1858 г. по Московской губерніи, въ Мартѣ по 8 губерніямъ, въ Апрѣлѣ по 12, въ Маѣ по 11, въ Іюнѣ по 4-мъ, въ Іюлѣ по 3-мъ, и Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ Сибири; наконецъ въ Октябрѣ по губерніямъ: Вятской, Пермской и Олонецкой.

По полученіи рескриптовъ были произведены выборы членовъ въ комитеты и ихъ кандидатовъ; а за симъ послѣдовало и самое открытіе занятій. Въ первую половину минувшаго года, начиная съ открытія Санктпетербургскаго комитета 14 Января, были открыты 8 комитетовъ; во вторую половину 35, въ томъ числѣ Виленская общая коммиссія. Въ первые мѣсяцы текущаго года приступили къ своимъ работамъ остальные 5 комитетовъ, въ томъ числѣ послѣдняя 19 Апрѣля Кіевская общая коммиссія. Такимъ образомъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 48 губернскихъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1377, изъ числа коихъ, можно положительно сказать, едва ли $1/_{10}$ доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ.

Возложенное на комитеты порученіе не было окончено въ срокъ и породило, при самомъ исполненіи, значительное различіе мнѣній. Главная причина медленности заключалась въ новости дѣла и недостаткѣ раціональнаго знанія хозяйственнаго быта и мѣстныхъ условій, а отъ того въ неясности понятій о предметѣ. Не имѣя самостоятельнаго выработаннаго взгляда и боясь повредить интересамъ помѣщиковъ, большая часть комитетовъ ждали себѣ образцевъ въ постановленіяхъ Санктпетербургскомъ и Московскомъ. Ко всему этому присоединилась неопытность предсѣдателей, соединенная съ опасеніемъ лишиться голосовъ на дворянскихъ избраніяхъ. Въ то же время изъ столицъ доходили сбивчивые толки. Одни говорили, что положеніе уже написано въ Петербургѣ, и трудъ комитета будетъ напрасенъ; другіе увѣряли, что все дѣло остановлено. Смущаясь этими слухами, большинство старалось оттянуть рѣшеніе вопроса и теряло время въ спорахъ мелочныхъ, о неотносящихся къ сущности дѣла подробностяхъ.

Между тѣмъ разногласіе мнѣній касалось самыхъ коренныхъ началъ реформы: предоставленія крестьянамъ личныхъ правъ и прочной усадебной осѣдлости. Оба эти начала были сохранены твердою волею Вашего Императорскаго Величества, выраженною: относительно личнаго выкупа въ Высочайшемъ повелѣніи по Нижегородскому комитету; относительно усадьбъ, въ резолюціи на докладъ бывшаго Московскаго генералъ-губернатора и въ рѣчи Московскому дворянству. Указанія на эти Высочайшія повелѣнія послужили предостереженіемъ другимъ комитетамъ, когда въ нихъ возникали подобные вопросы. Начало сохраненія за крестьянами усадебной осѣдлости, столь необходимой для обеспеченія ихъ быта, имѣло еще то благопріятное послѣдствіе, что навело комитеты на мысль о предоставленіи крестьянамъ на выкупъ не однѣхъ усадьбъ, а всего надѣла. При незнаніи членами порядка совѣщаній, разномысліе порождало во многихъ комитетахъ нарушенія внѣшняго порядка засѣданій, которыя впрочемъ имѣли ту хорошую сторону, что убѣдили большинство въ необходимости установить въ преніяхъ болѣе порядка и давать каждому члену возможность свободно высказывать свои мысли.

Изъ показаннаго выше числа комитетовъ 7 кончили свои занятія въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года; 37 въ первую половину настоящаго; за тѣмъ ко второй половинѣ остальные 4, изъ нихъ Калужскій въ началѣ Іюля прекратилъ уже свои работы. Вообще въ большинствѣ представленныхъ комитетами проэктовъ не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразилось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проэктовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ и земли ихъ останутся безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны комитеты вдались въ мелочныя подробности, наприм. опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы, о соединеніи вѣдомствъ, объ откупной системѣ и т. п. Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ,—и на оборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны

бы были отразиться мѣстныя различія, а именно: въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ напримѣръ Астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ Санктпетербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства.

Въ нѣкоторое извиненіе комитетовъ слѣдуетъ указать, что правительство возложило на нихъ рѣшеніе трудной и весьма сложной задачи. Имъ поручено было нетолько устроить хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, примѣняясь къ существующимъ нынѣ въ каждой мѣстности условіямъ, но и обсудить крестьянскій вопросъ съ юридической и административной точки зрѣнія.

Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, то во мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ. Такъ кромѣ выкупа земли нѣкоторые проэкты содержатъ въ себѣ: сохраненіе за крестьянами настоящаго надѣла, уменьшеніе повинностей, предоставленіе крестьянамъ безвозмездно ихъ строеній и движимаго имущества, оставленіе за ними права пользованія лѣсомъ и т. д.

Не входя въ разборъ подробностей, при общемъ обзорѣ комитетскихъ положеній, можно вывести изъ нихъ слѣдующія преобладающія мнѣнія: *Первое мнѣніе* тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергать ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ раззореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты 1-ою статьею своихъ положеній единогласно постановили отрѣченіе отъ крѣпостнаго состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: Воронежскомъ, Костромскомъ, Курскомъ, Тамбовскомъ, въ большинствѣ: Тульскаго, Рязанскаго, Владимірскаго, Московскаго, Нижегородскаго, Симбирскаго, Вологодскаго, Тамбовскаго и Новгородскаго.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную Вашему Величеству безъимянную записку подъ литерою А, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестья-

нами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и выхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12-лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, даже совсѣмъ не хочетъ употребить слова надѣлъ, а называетъ его наймомъ. Или же напр. Ярославскій комитетъ, который изъявляетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ чтобы получить отъ правительства по 270 р. за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія, въ настоящее время, не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе *сословнаго интереса.* Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно Англійской, и вмѣсто нынѣшней привиллегированной дворянской собственности, на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую не менѣе привиллегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленныя крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полевыя угодья, оставляютъ за помѣщиками, подъ именемъ „вотчинныхъ правъ", особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привиллегіи на Западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть, со стороны этого направленія, только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія, весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различіе времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ Вамъ, Государь, особахъ и въ нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о „вотчинныхъ правахъ" первоначально возбужденъ былъ въ Санктпетербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и можно сказать меньшинство Тверскаго комитета, большинство Харьковскаго и Кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности Самарскаго, Тульскаго, Рязанскаго, Владимірскаго и Симбирскаго. Сочувствуя видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обеспеченія его землею, они впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ, между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и все-

стороннаго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищають совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ, обязательный или необязательный, всего или части крестьянскаго надѣла, въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ.

Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться, въ послѣднее время, желаніе вызвать какое либо явное проявленіе того, что́ они называютъ *общественнымъ мнѣніемъ*, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать объ ожиданіи рѣшенія со стороны крестьянскаго сословія. Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу.

Съ самаго восшествія Вашего на престолъ, народная молва, время отъ времени, назначаетъ то тотъ, то другой срокъ манифеста объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ настоящее время этотъ срокъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается въ день рожденія и празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника.

Объяснивъ со всею откровенностью нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла, считаю обязанностію всеподданнѣйше повергнуть вниманію Вашего Императорскаго Величества нѣкоторыя соображенія по этому предмету. По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и становится общимъ убѣжденіемъ. При обнародованіи первыхъ мѣръ, къ устройству крестьянскаго быта, правительство не упомянуло о выкупѣ. Комитеты: Нижегородскій, Ковенскій, Виленскій, Тверской, а за нимъ и другіе, сами вошли въ обсужденіе сего предмета, какъ лучшаго исхода для крестьянскаго вопроса. Дозволеніе комитетамъ составлять выкупныя положенія, встрѣчено было всеобщею радостію, и даже многіе комитеты понизили предполагаемую ими оцѣнку земли и въ особенности усадьбъ; партія, несочувствовавшая реформѣ, ослабѣла; нѣкоторые комитеты, уже окончившіе проэкты срочнообязаннаго положенія, спѣшили составить другіе на выкупномъ началѣ. Въ настоящее время, на мысли о выкупѣ сошлись комитеты самыхъ противоположныхъ концовъ Россіи и самыхъ противоположныхъ направленій, защищающіе исключительно помѣщичій интересъ и преданные крестьянскому дѣлу. Многіе изъ нихъ сознаютъ невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа, но нѣтъ ни одного, который не признавалъ бы его безусловно-полезнымъ при добровольномъ соглашеніи помѣщика съ крестьянами.

Но при всемъ желаніи и общемъ распространеніи этой мысли, выкупъ угодій, посредствомъ добровольнаго соглашенія, можетъ совершиться нескоро. Посему немедленно надлежитъ даровать крестьянамъ гражданскія права, для обезпеченія этихъ правъ улучшить полицейскія учрежденія, открыть новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, сохранить за крестьянами настоящій надѣлъ угодьями, съ нѣкоторыми только измѣненіями; и немедленно облегчить повинности, а въ слѣдъ за симъ привести ихъ въ соразмѣрность съ надѣломъ. Но дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи; а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей,

полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ міровыхъ судей и другихъ, общихъ для обоихъ сословій, должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій.

При такихъ только мѣрахъ можно будетъ спокойно ожидать послѣдствій добровольнаго выкупа, который, при надлежащемъ посредничествѣ правительства, вѣроятно не замедлитъ осуществиться.

Въ заключеніе, обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ ѣдетъ съ намѣреніемъ поддержать и если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и необразовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій, съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть“.

Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы, не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проэктированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостнаго права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ: осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства.

На вопросъ земскаго отдѣла: «списать ли копію для Ростовцова?» Министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ: «Я не желаю, чтобы копіи ходили по рукамъ, а потому и намѣренъ дать прочесть прямо отъ себя».

Важныя опечатки: на стр. 1138 въ имени М. И. Глинки. На стр. 1144 вм. Аррагонская хате слѣдуетъ «Аррагонская хота»; это — названіе Испанскаго танца.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.

XVII. Изъ воспоминаній графа Нельи, статья *М. Ѳ. Шугурова.*
XVIII. Записки *Великаго Князя Павла Петровича* къ официанту Курдюкову.
XIX. Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Миріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.
XX. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.
XXI. Изъ Бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*
XXV. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).
XXIII. Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*
XXIV. О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ, дополнительная замѣтка *М. Н. Лонгинова.*

Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. Желающіе получать эту книгу обращаются *въ Москву въ Чертковскую библіотеку къ издателю П. И. Бартеневу.*

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

ВЪ 1813 ГОДУ.

Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. М. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.

Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

☞ ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ).

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ТРИ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка 10** р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ тремъ книгамъ **Осмнадцатаго вѣка**,— 15 рублей съ пересылкою. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р. вторая и третья по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

☞ Лица, выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р., а также и тѣ, кои получили двѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева, пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

9. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1869.

Цѣна за 12 тетрадей — семь рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель нашелъ возможнымъ печатать особый историческій сборникъ, подъ названіемъ «Осмнадцатый Вѣкъ», въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка», выходятъ безсрочно и продаются каждая отдѣльно, тамъ же гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя три книги «Осмнадцатаго Вѣка», Цѣна первой—2 р. 50 к., второй и третьей—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

Четвертая книга «Осмнадцатаго Вѣка» печатается. Въ ней помѣщены между прочимъ: Письма и распоряженія *Петра Великаго* о Прибалтійскомъ краѣ.—Выписки изъ подлинныхъ секретныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (сообщены профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).-Современное письмо о Салтычихѣ.—Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка, статья *М. Ѳ. де Пуле*, написанная на основаніи новооткрытыхъ бумагъ. Антидотъ, неизвѣстное доселѣ на Русскомъ языкѣ сочиненіе императрицы *Екатерины II-й* и пр. и пр.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 2 фунта.

НЕИЗДАННАЯ ОДА 1803 ГОДА.

(Съ объясненіями М. Н. Лонгинова).

Державинъ, въ VII Отдѣленіи своихъ „Записокъ“ (М. 1860, стр. 462—471) подробно разсказываетъ объ одномъ очень замѣчательномъ событіи, случившемся въ бытность его Министромъ Юстиціи, а именно весною 1803 года, какъ это видно изъ хода его повѣствованія.

Еще въ декабрѣ 1802 года былъ заслушанъ въ Сенатѣ Высочайшій Указъ, представленный Военнымъ Министромъ Сергѣемъ Кузмичемъ Вязмитиновымъ, (ум. 1819) о томъ, чтобы, согласно указамъ Петра III и Екатерины II, не увольнять въ отставку изъ военной службы ранѣе 12 лѣтъ тѣхъ дворянъ, которые не получили офицерскаго чина до этого срока.

Черезъ 9 дней, въ теченіе которыхъ никто въ Сенатѣ ничего по этому дѣлу не заявлялъ, Сенаторъ Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій (род. 1762, ум. 1829) подалъ по оному мнѣніе, не смотря на то, что указъ уже былъ отосланъ для исполненія въ Военную Коллегію. Державинъ, найдя имѣніе Потоцкаго несвоевременнымъ, а къ тому же и дерзкимъ относительно Сената и Государя, доложилъ о томъ Государю. Императоръ приказалъ разсмотрѣть это дѣло Сенату. Всѣ Сенаторы, кромѣ Шепелева и Аникѣевскаго, пристали къ мнѣнію Потоцкаго, противника указа. Державинъ доложилъ Государю и объ этомъ, присовокупивши, что самъ берется покончить это дѣло. Онъ заготовилъ по оному предложеніе Сенату, которое Государь потребовалъ предварительно къ себѣ черезъ Графа Валерьяна Александровича Зубова (1771—1804), принявшаго сторону Державина (тогда больнаго), нашелъ оное слишкомъ рѣзкимъ и возвратилъ съ нѣкоторыми поправками. Согласительное предложеніе Державина, исправленное такимъ образомъ, представлено было, за его болѣзнію, Общему Собранію Сената Старшимъ Оберъ-Прокуроромъ Кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ (род. 1773. Ум. 1844). Съ нимъ согласились только Шепелевъ, Аникѣевскій и Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (въ послѣдствіи Графъ и Министръ Финансовъ. Род. 1751. Ум. 1825.). Остальные Сенаторы и въ главѣ ихъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій (Род. 1754. Ум. 1829.) всѣ были противнаго мнѣнія. Послѣ этого слѣдовало предложеніе Державина и мнѣніе Сената представить безъ приговора на усмотрѣніе Государя. Когда онъ, выздоровѣвши, явился въ Сенатъ, несогласные съ нимъ Сенаторы, руководимые Графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ (Род. 1734. Ум. 1811.) и Иваномъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ (Род. 1751. Ум. 1816.), стали требовать, чтобы написанъ былъ приговоръ. Державинъ этому воспротивился и такъ какъ поднялся ужасный шумъ, то Державинъ рѣшился объявить, что дѣйствуетъ по повелѣнію Государя, хотя на самомъ дѣлѣ руководствовался только закономъ и убѣжденіемъ, что Императоръ не захочетъ отказаться отъ его словъ, основанныхъ на законѣ.

Шумъ продолжался. Тогда Державинъ распорядился слѣдующимъ образомъ. По приказанію его, заранѣе были приготовлены на его столѣ: деревянный молотокъ и песочные часы, употреблявшіеся Петромъ I при слушаніи въ Сенатѣ важныхъ дѣлъ. Петръ ударялъ молоткомъ о столъ и перевертывалъ стклянку; въ теченіи часа Сенаторы могли совѣщаться и спорить; когда же весь песокъ пересыпался, онъ опять ударялъ молоткомъ и отбиралъ рѣшительные голоса. Такъ поступилъ Державинъ и въ дѣлѣ по мнѣнію Потоцкаго. Шумъ унялся послѣ втораго удара молоткомъ. Сенаторы стали подавать голоса, результатъ подачи которыхъ уже разсказанъ выше. При докладѣ о томъ Державина, Государь одобрилъ его за объявленіе Высочайшей воли, хотя особо не выраженной, но согласной съ закономъ. Затѣмъ Императоръ приказалъ, чтобы, на основаніи тогдашняго права, предоставленнаго Сенату (вскорѣ отмѣненнаго) къ нему явились Депутаты изъ Сенаторовъ и Державинъ, для личнаго объясненія по этому дѣлу съ обѣихъ сторонъ. Въ назначенный день явились къ Государю: Державинъ и назначенные Сенатомъ Депутаты Графъ А. С. Строгановъ и Д. П. Трощинскій. Все ограничилось тѣмъ, что послѣдній прочиталъ мнѣніе Потоцкаго, резолюцію Сената, согласительное предложеніе Державина и послѣднее Сенатское мнѣніе. Государь сказалъ, что дастъ указъ, и дѣло тѣмъ и кончилось.

Между тѣмъ мнѣніе Графа Потоцкаго распространилось въ публикѣ и принято было большинствомъ ея съ восторгомъ, какъ смѣлая защита дворянства. Графа Потоцкаго стали чествовать какъ героя, заступника за дворянъ. Напротивъ того, Вязмитиновъ и особенно Державинъ, какъ поборники стѣснительной для дворянства мѣры, подверглись всякаго рода нареканіямъ. Особенно сдѣлался популяренъ Потоцкій въ Москвѣ, гдѣ жило множество дворянъ, которые также отличались сильною ненавистью къ Вязмитинову и Державину. По разсказу послѣдняго, въ Москвѣ на перекресткахъ выставляли тогда ихъ бюсты, „замаравъ ихъ дермомъ“.

При этихъ-то обстоятельствахъ появилась и, вѣроятнѣе всего въ Москвѣ, слѣдующая рукописная и доселѣ неизданная ода неизвѣстнаго стихотворца.

Замѣчательно, что авторъ, вѣроятно не знавши, живя въ Москвѣ, всѣхъ обстоятельствъ дѣла, за которое такъ укоряли именно Державина, составилъ во 2 строфѣ, стихи 3 и 4 изъ собственныхъ стиховъ поэта въ одѣ „Вельможа“ (строфа 21,), а далѣе величалъ его „безсмертнымъ Бардомъ“.

Особенно замѣчательны также первые стихи 9 строфы. Въ нихъ слышится предвѣстіе будущихъ укоризнъ Сперанскому. Да и не къ нему ли они относятся? Онъ становился тогда извѣстнымъ, и его ученики и единомышленники уже стали забирать силу въ канцеляріяхъ.

Въ заключеніе замѣчу, что окончательно восторжествовало мнѣніе Графа Потоцкаго, а не Державина, и дворяне не были уже лишены права выходить изъ военной службы въ отставку, если не дослужились въ 12 лѣтъ до офицерскаго чина.

ОДА

ГРАФУ ПОТОЦКОМУ.

Не лести голосъ ухищренный
Съ тобой, Потоцкій, говоритъ;
Но гражданинъ уединенный,
Который правду свято чтитъ,
Ко благу ревностью пылаетъ,
Чиновъ, отличій не желаетъ,
Но сердцемъ, духомъ дворянинъ,
Творя тебя безсмертнымъ въ мірѣ,
Гласитъ тебѣ на скромной лирѣ,
Что ты прямой Россіи сынъ!

Нельзя, нельзя не восхищаться,
Что дѣломъ ты умѣлъ явить
Змеей предъ трономъ не сгибаться,

Стоять и правду говорить!
Слова великія, священны,
Безсмертнымъ бардомъ изреченны,
Твоимъ водили днесь перомъ,
И ты, стремяся быть полезнымъ,
Какъ братъ дворянамъ всѣмъ любезный,
Дышалъ и правдой и добромъ.

Въ тотъ часъ конечно надъ тобою
Духъ Долгорукаго леталъ,
Когда ты смѣлою рукою
Толь добро правду начерталъ,
Дворянства цѣлаго въ защиту,
И имя, славу знамениту
Обрѣлъ, ставъ выше всѣхъ гражданъ.
Потомства голосъ безконечный
Твой памятникъ воздвигнулъ вѣчный
Въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ дворянъ.

Пускай крапивы вредно семя,
Стремясь тѣснить дворянскій родъ,
Къ царю приближася на время,
Не знавъ цѣны его добротъ,
Ложь въ видѣ правды представляетъ,
И въ хитры сѣти влечь желаетъ
Къ добру парящій духъ его.
Онъ къ злобѣ уха не преклонитъ,
Льстецовъ онъ подлый кругъ разгонитъ,
Какъ прахъ отъ трона своего.

Сберетъ къ себѣ людей онъ вѣрныхъ
Такихъ, каковъ Потоцкій ты,
Добротой, твердостью примѣрныхъ,
Путемъ идущихъ правоты,
Дворянъ не имянемъ, душою,
Которы, жертвуя собою,
Себя продать не захотятъ;
Но, личну пользу забывая
И совѣсть чисту сохраняя,
Вѣсы Ѳемиды утвердятъ.

Возстаньте тѣни освященны
Россійскихъ ревностныхъ сыновъ,
Сердцамъ любезны и почтенны,
Возстаньте изъ своихъ гробовъ;
Вы, кои съ вѣрностью служили,
Монархамъ правду говорили,
Готовы за нее страдать,
И вы, которыхъ ядры, пули,
Мечи, огни не ужаснули,
И къ вамъ дерзаю я взывать!

Прійди, безсмертный Долгорукой,
И многимъ духъ ты сильный влей;
Небесной озари наукой,
Какъ твердой шествовать стезей.
Приди людей разумныхъ, честныхъ,
Сокрытыхъ, скромныхъ, неизвѣстныхъ
Открой, да царь младый ихъ зритъ,
Да, внемля имъ, онъ правитъ нами,
Да яко твердыми стѣнами
Престолъ свой правдой оградитъ.

А вы что̀ противъ насъ возстали,
Приказный родъ, въ корню гнилой,
Не вы Россію защищали,
Не ваша кровь текла рѣкой;
Не ваше мужество и сила
Низвергли стѣны Измаила,
Стамбулъ надменный потрясли;
Не вы прямые Россіяне;
Но, жизнью жертвуя, дворяне
Россіи славу вознесли.

Тебѣль изъ праха извлеченну,
Тебѣль, писецъ, чернильный вранъ,
Забывъ породу униженну,
Судить о жребіи дворянъ,
Дворянъ отечества подпоры!
Страшись теперь возвесть къ намъ взоры!
Падешь съ наружной высоты,
Презрѣньемъ общимъ наградишься,
Съ толпою подлою смѣсишься
И будешь червь ползущій ты!

Пускай на время воскурится
Коварной козни духъ густой;
Хотя толпа червей родится,
Пожметъ ихъ истинно пятой,
Потоцкой, всякъ, кто благороденъ,
Съ тобой добротой, духомъ сходенъ!
Тебѣ поборникъ тотъ и другъ,
И имя въ вѣкъ твое прославитъ,
А время праха не оставитъ
Поносной лести подлыхъ слугъ.

На челядь низку и презрѣнну
Льстецовъ, Потоцкій, не смотри,
Но, истинну любя священну,
Ее пиши и говори:
Она, она тебѣ защита,
И лесть передъ царемъ открыта!
Безцѣнный славный есть вѣнецъ

Душѣ великой, благородной,
Въ нашъ вѣкъ блаженной и свободной,
Когда на тронѣ царь сердецъ.

Будь твердъ, Потоцкій, и мужайся,
Какъ сынъ отечества и другъ,
Монарха взоромъ укрѣпляйся:
Онъ цѣну вѣдаетъ заслугъ.
И Россовъ онъ и правду любитъ,
Къ тебѣ онъ милость усугубитъ,
Твой духъ достоинъ всѣхъ щедротъ!
А мы къ тебѣ простерли руки:
Дворяне, ихъ сыны и внуки
Тебя прославятъ въ родъ и родъ.

И я, сидя въ уединеньѣ,
Въ бесѣдѣ съ Музой дорогой,
Въ крови почувствовалъ волненье,
Услыша бодрый голосъ твой!
Мнѣ истинна воспѣть велѣла!
Тебѣ въ честь лира возгремѣла!
Теперь молчать я ей велю,
Прославя честь и добродѣтель,
Да будетъ цѣлый миръ свидѣтель,
Что я отечество люблю!

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ ВЪ ДЕРПТЪ.

1.

Царское Село, 10 Авг. 1816.

Любезнѣйшій Василій Андреевичь! Мы уже около трехъ мѣсяцевъ живемъ здѣсь, ждемъ васъ и не видимъ. Гдѣ вы? что вы? Дайте вѣсть. Мы пользуемся учтивостями, ласками нашего любезнаго Двора и наслаждаемся чувствомъ искренней признательности. Далѣе: готовлюсь печатать Исторію, пересматриваю ноты [1]), мараю, чищу, etc. Мы уже наняли домъ въ Петербургѣ за 4000 т., съ садикомъ и съ бесѣдкою, гдѣ можете писать стихи. И К. Петръ [2]) думаетъ переѣхать къ намъ. Арзамасцы собираются и спрашиваютъ другъ у друга: гдѣ Свѣтлана? не знаютъ и хмурятъ брови. Уста безмолвствуютъ: говоритъ только сердце, что Свѣтлана едва ли свѣтла душею въ отсутствіи. Шутки въ сторону: напишите ко мнѣ о вашемъ житьѣ-бытьѣ, расположеніи духа, замыслахъ. Знаю, что любите Аполлона и добродѣтель: не льзя ли служить имъ на берегахъ Невы? — Располагаемся остаться въ Царск. Селѣ до половины Сентября, если погода будетъ сносная. Хорошо, если бы мы еще успѣли погулять съ вами въ здѣшнихъ прелестныхъ садахъ или въ Павловскихъ, гдѣ всякое утро разъѣзжаю верхомъ, смотря на тихое теченіе Славянки и воспоминая ваши стихи. Катер. Андр. и дѣти вмѣстѣ со мною обнимаютъ васъ дружески. Простите, любезнѣйшій, до свиданія гдѣ нибудь. Вашъ вѣрный

Н. Карамзинъ.

Наше душевное почтеніе Катеринѣ Аѳанасьевнѣ [3]) и любезнымъ ея.

ПРИПИСКА ЕКАТЕРИНЫ АНДРЕЕВНЫ:

Le peu de mots que mon mari vous dit pour moi, ne me suffisent pas: je veux vous souhaiter moi-même un bon jour bien amical, mon cher et bon Василій Андреевичъ, en faisant des voeux pour votre tranquillité, seul bien réel de ce monde. Venez, venez nous réjoindre à Sarsko-Sélo ou à Pétersbourg. Votre présence sera un grands poids de plus dans la balance de notre bien-être d'ici. Mes meilleurs *Арзамасцы* me manquent, le P. Pierre, vous et Batuchkoff;

[1]) Т. е. примѣчанія.

[2]) Князь Петръ Андреевичь Вяземскій; переѣздъ этотъ (изъ Москвы) не состоялся: князь Вяземскій отправился на службу въ Варшаву.

[3]) Протасовой (ур. Буниной) вдовѣ Андрея Ивановича Протасова, младшая сестра котораго Елизавета Ивановна была первою супругою Карамзина. Е. А. Протасова жила тогда въ Дерптѣ, гдѣ зять ея А. Ѳ. Воейковъ служилъ профессоромъ въ университетѣ.

quand vous serez réunis, je ne me croirai plus en pays étranger; je tiens à vous par l'amitié et des souvenirs [4]).

На конвертѣ адресъ:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому въ Дерптѣ.

2.

С. Петербургъ. 18 Февр. 1817.

Любезнѣйшій Василій Андреевичь! Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо. Consumatum est!... [5]) Поздравьте отъ насъ любезныхъ молодыхъ и почтенную Катерину Аѳанасьевну; а мы васъ поздравляемъ какъ Геркулеса, избравшаго истинный, добрый путь. Сердцу бываетъ легко въ такихъ случаяхъ, и горизонтъ будущаго свѣтлѣетъ въ глазахъ, омоченныхъ слезою великодушной жертвы. Обнимаю моего друга Жуковскаго!

Благодарю за Гердера. Въ третій разъ я съ удовольствіемъ прочиталъ эту книжку, но, къ сожалѣнію, болѣе разсуждалъ, нежели чувствовалъ: слѣдственно менѣе наслаждался! Разсуждая, замѣтилъ прыжки, заключенія не совсѣмъ основательныя. Трудно говорить о неизглаголанномъ, а между тѣмъ хочется говорить, слушать. Являются свѣтлыя мысли, и вдругъ какъ призраки исчезаютъ; каплетъ медъ въ уста, и вдругъ сдѣлается горько. Есть... но что и какъ? Доброй Сократъ! И я знаю, что ничего не знаю; знаю даже, что и ничего не узнаю въ мірѣ явленій.

Оренбургской поэтъ (какъ человѣкъ, и молодой человѣкъ) безъ сомнѣнія достоинъ жалости; но какъ вмѣшаться въ дѣло, котораго не знаемъ? [6]) Средство, имъ предлагаемое, не благоразумно. Увидимъ, что̀ онъ къ вамъ напишетъ. Сколько еще вѣтренности и безпорядка въ этой головѣ!

Катерина Андр. говѣетъ и теперь въ церкви. Она вамъ дружески кланяется, поручая собственному вашему доброму генію отвѣчать на вопросъ: faut-il rester? faut-il partir? А я прибавлю: *restez* pous faire quelque chose de beau; *partez* pour revenir chez nous. [7]) Съ отъѣзда вашего она не видала *предмета* [8]).

Скажите мою благодарность Поэту Воейкову за экземпляръ прекрасныхъ *Садовъ*, а ученому Густаву Эверсу за его доброе ко мнѣ расположеніе. Дѣло Эверсово сдѣлано, и не было нужды въ моемъ ходатайствѣ [9]).

Обнимаю васъ отъ души. Будьте здоровы, веселы, трудолюбивы и *Карамзинолюбивы!* На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Адресъ тотъ же, что̀ и въ первомъ письмѣ.

---

[4]) Т. е. Мнѣ мало словъ, сказанныхъ вамъ за меня мужемъ моимъ, и я сама хочу передать вамъ, мой дорогой и добрый Василій Андреевичъ, дружеское мое привѣтствіе, и пожелать вамъ спокойствія, въ коемъ состоитъ единственное существенное благо на семъ свѣтѣ. Пріѣзжайте, пріѣзжайте къ намъ въ Царское Село или въ Петербургъ. Вашимъ присутствіемъ значительно умножится наше здѣшнее благосостояніе. Со мною нѣтъ лучшихъ моихъ Арзамасцевъ, князя Петра, васъ и Батюшкова. Когда вы соберетесь, я перестану думать, что я на чужбинѣ. Я связана съ вами дружбою и воспоминаніями.

[5]) Т. е. *Совершилось*. Выраженіе это относится къ перелому, совершившемуся тогда въ жизни Жуковскаго: не задолго передъ тѣмъ, въ январѣ 1817 года, Марья Андреевна Протасова, съ согласія Жуковскаго, вышла замужъ за профессора Дерптскаго университета Ивана Филиповича Мойера.

[6]) Вѣроятно относится до ссыльнаго поэта Мещевскаго, о коемъ ср. Р. Арх. 1867, стр. 811—818 и Р. Арх. 1868, стр. 840 и 938.

[7]) Т. е. Нужно ли оставаться, нужно ли ѣхать. Оставайтесь, чтобъ произвести что либо прекрасное; уѣзжайте, чтобы возвратиться къ намъ.

[8]) ?

[9]) Сличи Р. Арх. 1867, стр. 810.

МОСКОВСКІЕ МОНАСТЫРИ ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ 1817 г, Окт. 31, министръ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынъ писалъ къ Московскому архіепископу Августину, что государю (въ бытность его въ Москвѣ) угодно потребовать отъ настоятелей монастырей обстоятельныя и на сущей истинѣ основанныя описанія, что̀ происходило въ монастыряхъ, во время нашествія непріятеля, и что государь требуетъ таковыхъ свѣдѣній единственно въ намѣреніи узнать короче бывшія произшествія, при чемъ не предполагается ни обслѣдованій, ни сужденій о лицахъ, а чистосердечное объявленіе примется во благо; только бы свѣдѣнія изложены были просто, кратко, удовлетворительно. Вслѣдствіе этого полученныя отъ настоятелей свѣдѣнія въ подлинникѣ доставлены были князю Голицыну 5 Дек. того 1817, № 2124, но съ этихъ показаній сохранились списки въ архивѣ Моск. Духовной Консисторіи и въ нихъ между прочимъ значится.

I. О мужскихъ монастыряхъ.

№ 1. О Заиконоспасскомъ монастырѣ. Архимандритъ онаго Симеонъ *), коему ввѣрена была вся перевозка отправлявшихся отъ разныхъ монастырей ризницъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ прочими, по тракту въ Вологду 1 дня Сентября въ 3 часа по полуночи. По вступленіи непріятелей въ монастырь, оставшіеся въ монастырѣ монашествующіе изъ онаго выгнаны, ограблены до наготы, и употреблялись непріятелями подъ ноши. Іеромонахъ Викторъ, за Новинскимъ монастыремъ, былъ брошенъ въ Москву-рѣку; но онъ рѣку переплылъ и ночевалъ на берегу среди кустовъ, зарывшись въ песокъ. Іеродіакона Вонифатія, который по дряхлости не могъ нести ношу, также спускали въ Москву-рѣку для потопленія, и хотѣли отсѣчь голову, но бросили. Іеродіакона Владиміра употребляли подъ ноши нагаго и, покрывъ св. покровомъ, водили въ Кремль къ королю Неаполитанскому (который разбиралъ приводимыхъ Русскихъ); онъ сочтенъ за казака, и ему угрожали разстрѣляніемъ, но отпустили. Въ нижней церкви монастыря поставлены были лошади, которыя вмѣсто ковровъ покрыты были ризами, а въ алтарѣ помѣщались кровати. На городовой стѣнѣ поставлены были караулы, а отверстія въ стѣнѣ закладены. Въ казначейской кельѣ жили портные и шили мундиры; во флигелѣ, гдѣ помѣщались книжныя лавки, Француженка торговала виномъ и съѣстнымъ; постель у нея покрыта была плащаницею. Непріятели предъ выходомъ нуждались пищею, ѣли одинъ картофель, иногда стрѣляли галокъ и воронъ. Предъ выходомъ изъ Москвы непріятели извѣщали Русскихъ, чтобъ выходили изъ Москвы, потому что Кремль будетъ взорванъ. Отъ взрыва цейхауза (арсенала) монастырь весь былъ покрытъ кирпичами, бревнами, желѣзными полосами и рѣшетками. Стекла вездѣ выбиты.

№ 2. О Николаевскомъ Греческомъ. Архимандритъ Козьма и четверо монашествующихъ оставались въ мо-

*) Сл. Р. Арх. 1867, стр. 1656.

настырѣ. 3 Сентября непріятели разломали двери церквей и кладовыхъ и расхитили все (ризница не была вывозима), ворвались къ архимандриту, гдѣ была и братія, обнажили ихъ; братію заставили нести награбленное монастырское имѣніе, а архимандриту дали нести муку вѣсомъ пять пудъ въ Новодѣвичій монастырь, что онъ и исполнилъ, прикрывши свою наготу рогожею. Послѣ они скрывались въ Богоявленскомъ монастырѣ.

№ 3. О Богоявленскомъ. Архимандритъ Гедеонъ, взявъ богатѣйшую ризницу, въѣхалъ въ одномъ обозѣ съ ризницами другихъ Московскихъ монастырей въ Вологду. Казначей іеромонахъ Ааронъ съ монашествующими, утромъ 1 Сентября, собравъ остальную ризницу, спряталъ ее въ верхней церкви къ стѣнѣ западной двери подъ половую лещадь. Сентября 2-го непріятельскіе солдаты въ маломъ числѣ приходили въ монастырь и, получивши хлѣбъ и вино, ушли; 3-го приходили во множествѣ, таскали казначея за волосы и бороду, уставляли въ груди штыки, домогаясь гдѣ имущество, разломали кладовыя и все разграбили. Тогожъ числа солдаты взяли казначея и монаховъ въ ряды подъ ноши, и несли они сукно и красное вино по Тверской среди пылающихъ домовъ; на бекетѣ при заставѣ несомое у солдатъ другіе солдаты отняли, а ихъ отпустили; но попавшіеся на пути солдаты опять заставили ихъ везти тѣлегу съ винами, не въ заставу, а чрезъ гряды и валъ. Казначей Ааронъ попалъ уже въ монастырь къ вечеру 4 числа. Тутъ вновь нашли его непріятели, и подлѣ Георгіевской церкви чрезъ переводчика допрашивали, гдѣ серебреныя и золотыя вещи, и били его въ два палаша по спинѣ, и оставили безъ чувствъ. Непріятели жили въ настоятельскихъ покояхъ и на переднемъ дворѣ, и непрестанно требовали хлѣба и продовольствія, но у казначея ничего не оставалось кромѣ муки, которую онъ сохранилъ, а непріятель не усмотрѣлъ; и мукою этою онъ тайно питался самъ и братія, которая стала собираться въ монастырь съ 10 числа, и обыватели изъ разныхъ мѣстъ. Къ 17 числу братія собралась, и начали служить часы, утреню и вечерню со звономъ въ обыкновенное время, и продолжали такъ до самаго выхода непріятеля. Непріятели бывали въ церкви, но мало. Съ 3-го Октября начали доходить слухи, что Кремль будетъ взорванъ, и жителей будутъ колоть; нѣкоторые изъ непріятельскихъ солдатъ по видимому съ сожалѣніемъ, махая рукою и показывая, чтобъ Русскіе шли изъ Москвы, говорили: «Москва, фу, фу!» По сему монашествующіе и многіе изъ обывателей ушли. Но казначей остался, и 10 Октября нашелъ для себя безопасное мѣсто отъ взрыва Кремля подлѣ дверей церковныхъ, и тутъ сидѣлъ до 11 или 12 часа ночи. Вдругъ освѣтило монастырь (это горѣлъ въ Кремлѣ дворецъ), и вскорѣ послѣдовалъ ужасный ударъ; и онъ, сидя подъ сводомъ, упалъ, и лежалъ нѣсколько времени безъ чувствъ, и только что пришелъ въ память, ротъ у него былъ почти полонъ пыли; а монастырь почти на вершокъ былъ усѣянъ пылью. «Какъ я очувствовался, объяснялъ казначей, уже лилъ дождь такъ сильно, что я во всю жизнь не видѣлъ такого.» Отъ удара желѣзныя связи въ церквахъ лопнули; ни одного стекла не осталось, и многія рамы переломаны; на колокольнѣ крестъ согнуло; кровли во многихъ мѣстахъ пробиты. Непріятелей

съ 10 числа уже ни одного не оставалось.

№ 4. О Златоустовѣ. 31 Августа архимандритъ Лаврентій и казначей іером. Савва, взявъ лучшую ризницу, на 7 подводахъ выѣхали изъ монастыря для отправленія въ Вологду. Братія, 3 Сент., отслуживъ литургію, скрылась изъ монастыря и скиталась по разнымъ мѣстамъ. Остальная ризница непріятелемъ разграблена.

№ 5. Объ Андроньевѣ. Архимандритъ Ѳеофанъ, за день до нашествія непріятелей, на двухъ повозкахъ съ монастырскою ризницею выѣхалъ. 2 Сентября около 2 часовъ за полночь непріятели, разбивъ ворота, ворвались въ монастырь и разграбили оный. Сент. 4 по полудни въ 7 часовъ монастырь загорѣлся отъ Сергіевской въ Рогожской церкви. Въ соборной церкви отъ пожара своды съ главою упали внутрь храма; но мощи Андроника и Саввы остались невредимы, и сѣнь надъ ними не сгорѣла. Спустя дня четыре послѣ пожара, непріятели заняли монастырь, образа кололи и употребляли вмѣсто дровъ; братскій корпусъ занятъ былъ разнаго званія обывателями, и отъ стѣсненія была нечистота; тѣла мертвыхъ лежали безъ погребенія.

№ 6. О Покровскомъ. Строитель іером. Іона съ лучшею ризницею отправился въ Вологду. 3 Сент. по утру непріятели вторгнулись въ монастырь, и ограбили церкви. 4 числа по утру непріятели, взявъ пятерыхъ изъ монашествующихъ за заставу, истязали ихъ, домогаясь, гдѣ имущество, и когда нашли у одного іеромонаха нѣсколько денегъ зашитыхъ въ камилавкѣ, о коихъ онъ не объявлялъ, били его смертельно. Того же 4 числа занялъ монастырь непріятельскій генералъ со многими чиновниками и рядовыми. Лошадей поставили въ церквахъ, иконы кололи и жгли, престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ. 30 Сентября затопили церковную печь, и какъ труба была закрыта вверху, то доискались входа на верхъ, и тамъ нашли палатку, гдѣ была спрятана остальная церковная утварь и ризница; все разграбили, и употребили на выжигу.

№ 7. О Даниловскомъ. Августа 31 ввечеру ризница на казенныхъ подводахъ отправлена въ Чудовъ монастырь, а оттуда 1 Сент. вмѣстѣ съ прочими ризницами на казенныхъ-же подводахъ выѣхали въ полночь въ Вологду, откуда возвратились 21 Декабря. Архимандритъ Ираклій съ монастырскою суммою Сент. 1 по утру отправился въ Троицкую Лавру, гдѣ и былъ до выхода непріятеля. 3 Сентября приходилъ въ монастырь непріятельскій офицеръ съ солдатомъ, развѣдывая, нѣтъ ли въ монастырѣ Русскихъ солдатъ; а ввечеру прибыло 20 человѣкъ, которые требовали пищи; ихъ накормили. Не третій день непріятельскій чиновникъ съ офицерами и солдатами заняли настоятельскіе и братскіе покои; братія и московскій купецъ Иванъ Козловъ жили въ церкви. Ворота запирали. Въ одно время партія Поляковъ, вдираясь въ монастырь, прорубили ворота, и одинъ Полякъ пролѣзъ уже; но священникъ Иванъ Васильевъ обманно закричалъ, что въ монастырѣ живетъ князь Понятовскій; влѣзшій Полякъ и вся партія отбѣжала отъ монастыря. Жившіе въ монастырѣ непріятели, особливо офицеры, хотя часто ходили въ церковь, ничего не касались, но все осматривали. Одинъ офицеръ, видя предъ иконою свѣчу, потребовалъ себѣ такую же; но отъ образа не велѣлъ брать. Одинъ изъ офицеровъ, квар-

тировавшихъ у штатнаго служителя, когда увидѣлъ, что къ монастырю пріѣхалъ сержантъ на лошади, и узналъ, что въ монастырь прибудутъ 80 человѣкъ конной артиллеріи, сказалъ священнику по латынѣ, чтобъ всѣ вещи на престолахъ, какъ то сосуды, Евангеліе, кресты, ковчегъ и прочее, убрали, объясняя, что тѣ люди весьма нечестивые и все похитятъ. Священникъ просилъ офицеровъ помочь въ томъ, и ежели можно, взять къ себѣ подъ сохраненіе; офицеры помогали собрать церковныя вещи, и взяли себѣ на сохраненіе; а поутру помогли все зарыть въ землю; только незнавшій говорить по латыни взялъ себѣ вѣнецъ съ Богоматери, да ковшичекъ серебреный, употребляемый для теплоты. Артиллеристы же, вступивъ въ монастырь, начали въ церкви ризы снимать и раку Князя Даніила обдирать, съ престоловъ одежды снимали, антиминсами подпоясывались, но какъ они были коротки, то ихъ кидали.

№ 8. О бывшемъ Крестовоздвиженскомъ. Ризницу архимандритъ Парфеній вывозилъ въ Вологду. Штатные засыпали монастырскіе ворота землею аршина на два, но непріятели ворота отбили бревнами, также и двери въ церквахъ отбивали; и смертельно били казначея и монашествующихъ, допрашивая, гдѣ утварь; по вскрытіи половъ нашли спрятанное. Въ нижней церкви стояли лошади, въ иконостасахъ вбили гвозди для вѣшанія конской сбруи, въ олтарѣ находились кровати. Весь монастырь былъ уставленъ фурами съ провіантомъ. Нѣкоторые изъ Французовъ, одѣвшись въ ризы, производили въ нихъ работы. Стрѣляли голубей и галокъ подъ крышами, варили ихъ и жарили, рѣзали лошадей для употребленія въ пищу. Штатные служители, заставъ одного Француза въ кладовой, умертвили его и скрыли. Въ нижней церкви престолъ, жертвенникъ и нѣсколько иконъ сожжены вмѣсто дровъ.

II. О женскихъ.

№ 9. О Вознесенскомъ въ Кремлѣ. Игуменія Трифена выѣхала за день до непріятеля съ ризницею въ Вологду. Казначея и монахини на 3 Сентября во всю ночь, находясь въ церкви, молились Богу и, снѣдаемыя отчаяніемъ погибнуть отъ непріятеля, исповѣдались; въ 4 часа по утру отправлена священникомъ того монастыря Петромъ Ивановичемъ ранняя обѣдня, за коей онѣ пріобщились св. Таинъ. 3 числа непріятели разломали въ церквахъ двери, и съ алчностію все грабили. 6 числа монахини изъ монастыря были выгнаны, и ограбленныя разошлись по разнымъ мѣстамъ.

№ 10. О бывшемъ Ивановскомъ. Игуменія Елпидифора ризницу препроводила къ игуменіи Вознесенскаго монастыря для отправленія въ Вологду. Въ ночь на 3 число Сентября она игуменія съ сестрами находилась въ церкви, заперши ее изнутри. Непріятели ломали двери, но не могли, и перебили только стекла; на 4-е ч. непріятели въ большомъ количествѣ вломились въ церковь и все ограбили; а онѣ разбѣжались въ разныя мѣста. 8 ч. игуменія возвратилась въ монастырь, и нашла монастырь выжженнымъ кромѣ церкви, гдѣ съ нѣкоторыми монахинями проживала до самаго выхода непріятеля.

№ 11. О Рождественскомъ. Игуменія Есѳирь, по дороговизнѣ подводъ, для сокрытія ризницы вырыла яму

въ трапезѣ Рождественской церкви и нечаянно открыла тамъ каменный сводъ, вѣроятно отъ древней могилы, куда зарыла одну часть ризницы, и задѣлала полъ по прежнему. Другую часть ризницы зарыла въ палаткѣ за оною церковью, именуемой Лобановскою *), гдѣ погребались князья Лобановы-Ростовскіе, и засыпала землею; третью часть ризницы положила въ кладовую подъ колокольнею и дверь въ оную задѣлала; сама игуменія съ сестрами 1 Сент. вышла изъ Москвы пѣшкомъ, направляя путь въ Александровъ Владимірской губерніи, въ Дѣвичій монастырь; но тамъ ихъ не приняли, и шла далѣе до г. Юрьева, гдѣ въ селѣ Бѣлянцахъ была принята священникомъ, и проживала у него до 25 Октября. Въ монастырѣ оставались казначея и 10 монахинь. 2 Сент. въ 4 часу по полудни войска непріятельскія проходилимимо монастыря. Монастырь былъ запертъ до 5 числа. Въ то число, непріятели задніе ворота разбили и грабили церкви, приходя партіями, до самаго ихъ муниципальнаго управленія. Во все оное время, икона Божія Матери, которая отъ времени до времени обносима была вокругъ обители, для сохраненія отъ пожара, стояла на монастырѣ въ серебряномъ окладѣ, но непріятели не коснулись иконы. Образъ мѣстный Николая Чудотворца въ окладѣ серебренномъвызолоченномъ, хотя вынутъ былъ изъ мѣста, и непріятели старались снять ризу, но не могли; и во время онаго дѣйствія одного Француза какъ невидимой силой ударило такъ, что товарищи принуждены были снести съ монастыря на рукахъ, и послѣ никто изъ нихъ образа не касался. По учрежденіи муниципальнаго правленія, въ монастырѣ остановился какой-то генералъ и трапезу въ церкви Божія Матери употребилъ для конюшни. Впрочемъ съ сего времени священникъ сего монастыря Александръ Васильевъ въ Златоустовской церкви совершалъ священнослуженіе, и непріятели безпокойства не дѣлали. Въ монастырѣ укрывалось много обывателей.

№ 12. О Георгіевскомъ. Игуменія Митрополія оставалась въ монастырѣ; имущество церковное зарыто было подъ церковію Захарія и Елизаветы. Непріятели ворвались въ монастырь 4 Сентября и грабили церкви, а 5 числа расхитили тамъ сокрытое имущество церковное; уцѣлѣла впрочемъ ризница.

№ 13. О Никитскомъ. Игуменія Маргарита выѣхала изъ монастыря по утру 2 Сентября въ Юрьевъ, гдѣ проживала въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Церковное имущество закладено было въ кладовой при соборной церкви, но все было непріятелями разграблено. Остались только двѣ иконы со всѣмъ украшеніемъ. Непріятели къ оставшимся монахинямъ непрестанно приходили и причиняли жестокіе побои, требуя хлѣба и денегъ; а въ церквахъ производили пьянство и разныя неблагопристойности. Монастырь сгорѣлъ.

№ 14. Объ Алексѣевскомъ. Игуменія Анѳія Козловская съ бывшею игуменію Страстнаго монастыря Ольгою Зайцевою выѣхали изъ монастыря 31 Августа. Имущество церковное зарыто частію въ трапезной церкви подъ поломъ, а частію въ кельѣ казначеи. Монастырскіе ворота были заперты. 3 Сентября непріятели ворвались въ монастырь и начали грабить. Монахини заперлись въ тра-

*) Большой домъ на углу Рожественки и бульвара, нынѣ Ладыженскаго, принадлежалъ нѣкогда князьямъ Лобановымъ. *П. Б.*

пезной церкви, закрывши затворы и заставивъ окна и двери стульями и комодами. Монахиня Магдалина съ сестрою и другія удерживали внутри церкви у дверей крючья, за которые укрѣплены были затворы; впрочемъ непріятели ворвались въ церковь и грабили. Зарытое имущество осталось цѣло, потому что ямы, гдѣ спрятано имущество, монахиня Магдалина заставила лавками, на коихъ положены были больные и престарѣлые. Когда нечего было грабить, непріятели выстрѣлами изъ ружей зажигали монастырь; мѣста, которыя не скоро загорались, посыпали порохомъ и оный зажигали; но церковь монахини успѣли спасти отъ пожара, и всѣ пребывавшіе въ ней остались цѣлы.

№ 15. О Зачатейскомъ. Игуменія Доримедонта Протопопова съ монахинями и послушниками и священникомъ Емельяномъ Егоровымъ заперлись въ церкви, исповѣдались и причастились Св. Таинъ. 4 Сентября непріятели вторгнулись въ монастырь и спрашивали, гдѣ игуменія; объ ней сказали, что уѣхала и взяла съ собою все имущество. Отъ распространившагося повсюду пожара, зданія въ монастырѣ загорѣлись, къ чему способствовали непріятели выстрѣлами и зажиганіемъ. Во время пожара монахини прощались въ церкви, читали отходную, молились и рыдали. Церковь отъ пожара осталась невредимою. Монахиня Порфирія убѣжала за Крымскій мостъ, гдѣ, увидя графиню Екатерину Петровну Зотову *), просила ее о предстательствѣ предъ непріятельскимъ чиновникомъ барономъ Таулетомъ, охранявшемъ Московскихъ жителей, находившихся по другую сторону рѣки, отъ грабительства и насильства. Баронъ, по ея просьбѣ, приказалъ игуменью и бывшихъ съ нею въ монастырѣ привести къ себѣ, гдѣ онѣ находились подъ его охраненіемъ трое сутокъ. Потомъ баронъ Таулетъ переѣхалъ въ домъ г. Полторацкаго *), а игуменіи съ бывшими при ней велѣлъ возвратиться въ монастырь. При возвращеніи, монахиня Назарета, на Крымскомъ мосту, испугавшись ѣдущей по немъ Французской конницы, бросилась въ рѣку, но одинъ изъ конныхъ Французовъ ее вытащилъ, и всѣхъ проводилъ въ монастырь. По возвращеніи въ монастырь, въ день Рождества Богородицы, священникъ Емельянъ Егоровъ служилъ всенощное бдѣніе и молебенъ, а съ 22 Сентября, найдя необнаженнымъ отъ непріятеля престолъ въ придѣлѣ Алексія м-та, освятилъ въ немъ воду и служилъ литургію, къ которой ежедневно приходили многіе изъ оставшихъ жителей, исповѣдались и причащались Св. Таинъ. Находящійся надъ воротами монастыря съ рамою и стекломъ образъ Спаса Нерукотворнаго и съ привѣшаннымъ предъ нимъ фонаремъ на шнурѣ остался невредимъ, хотя церковь надъ нимъ находящаяся обгорѣла, и желѣзная крыша, раскалившись отъ огня, обвалилась.

№ 16. О Страстномъ. Игуменія Тавиѳа съ сестрами осталась въ монастырѣ, и заперлась въ церкви Страстныя Божія Матери. Непріятели 2 Сентября ворвались въ монастырь, ломились въ церковь, но остались безуспѣшными, а только выбили стекла, и по утру уѣхали. 3 Сентября ворвались въ соборную церковь и ограбили ее; тогожъ числа у св. воротъ монастыря разстрѣляно было 10 человѣкъ, и тѣ-

*) Урожд. Загряжскую; братъ ея, отставной шталмейстеръ, легкомысленно остался въ Москвѣ и служилъ непріятелю. *П. Б.*

*) На Калужской улицѣ.

ла ихъ трое сутокъ висѣли. 4 Сентября непріятели ворвались въ обѣ церкви, и все въ нихъ разграбили, нижнюю церковь обратили въ магазинъ, а въ кельяхъ поставили гвардейцевъ. Игуменіи позволили жить на паперти, а чрезъ нѣсколько дней дали келью. Церковь непріятели заперли и никого въ оную цѣлыя двѣ недѣли не впускали. Потомъ непріятельскій чиновникъ прислалъ отъ себя парчевыя ризы и прочее нужное для служенія, присовокупивъ къ сему 6 бутылокъ краснаго вина, муки крупичатой и свѣчь восковыхъ и, отдавъ ключи, позволилъ совершать въ церкви священнослуженіе, которое совершалось оставшимся монастырскимъ священникомъ Андреемъ Герасимовымъ. Монастырское имущество было разграблено.

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

МОСКОВСКИХЪ ФРАНЦУЗОВЪ *)

1812.

М. Г. Посылаю вамъ обѣщанный разсказъ и желаю, чтобы онъ заинтересовалъ читателей вашего уважаемаго сборника.

По объясненію Его Сіятельства графа Уварова, бывшаго министра просвѣщенія въ Россіи, разсказъ этотъ написанъ Шевалье д'Изарн'омъ (Chevalier d'Ysarn). Я не только не нахожу ничего, ослабляющаго вѣроятность этого; но, кромѣ того, слогъ разсказщика, простой, не совсѣмъ правильный, не разчитывающій на эффектъ, такъ подходитъ къ обычному тону и разговору этого почтеннаго человѣка, котораго я имѣлъ счастье знать, что я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе. Однако я долженъ замѣтить, что въ обществѣ Шевалье, съ которымъ я былъ долго и близко знакомъ, мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы онъ изложилъ письменно разсказъ о видѣнныхъ имъ событіяхъ.

Свѣдѣнія, которыя я могу сообщить объ авторѣ, очень кратки. Франсуа Жозефъ д'Изарнъ Вилльфоръ, кавалеръ св. Людовика, принадлежалъ къ старому дворянству 1); но въ какой части Франціи онъ родился, я не знаю. Онъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, когда вспыхнула революція; тогда онъ эмигрировалъ и поступилъ на службу въ армію Конде, гдѣ служилъ солдатомъ, все время пока существовалъ этотъ корпусъ. Послѣ его уничтоженія, онъ пріѣхалъ въ Россію, поселился въ Москвѣ и жилъ здѣсь, какъ помнится, до самой смерти, послѣдовавшей 25 Декабря 1840 г.; ему было тогда 77 лѣтъ. Онъ торговалъ разными товарами и управлялъ имѣніемъ одного аристократическаго семейства. Кромѣ того онъ написалъ книгу: „О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія продукты въ Россіи". (*Sur la baisse du prix courant des produits agricoles en Russie. Mémoire de concours à la question d'économie politique, publiée par l'Academie Impériale des Sciences la 29 Décembre 1829. St. Pétersbourg de l'imprimerie de l'Academie, 1829 in 8° de XIV — 42 pp.*) Это сочиненіе удостоилось почетнаго отзыва.

Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, это былъ высокій, худой старикъ, медленно и негромко говорившій, державшій себя превосходно и въ тоже время просто. Онъ очень любилъ разсказывать анекдоты, которые иногда онъ отыскивалъ слишкомъ далеко...

Возвращаюсь къ самому описанію. Почему оставалось оно до сихъ поръ неизвѣстнымъ? На этотъ вопросъ легко отвѣчать: Изарнъ былъ человѣкъ кроткій и съ мирными наклонностями; из-

*) Статья эта, служащая предисловіемъ къ ниже помѣщаемой запискѣ Шевалье д'Изарна, а равно и примѣчанія къ ней написаны, на Французскомъ языкѣ для *Русскаго Архива. П. Б.*

ливъ въ этомъ разсказѣ весь свой гнѣвъ на Наполеона, онъ почелъ себя удовлетвореннымъ и, отложивъ рукопись въ сторону, забылъ о ней. Кромѣ того, обнародовать въ Россіи разсказъ о событіяхъ только что совершившихся и извѣстныхъ столькимъ,—было безполезно и даже неосторожно, еслибы онъ и могъ это сдѣлать. Читатель увидитъ, что онъ называетъ очень немногія имена, несмотря на то, что лица, носившія ихъ и скомпрометировавшія себя, оставили Москву навсегда. Онъ начинаетъ свой разсказъ съ $\frac{1}{13}$ Сентября, между тѣмъ какъ могъ-бы разсказать многія вещи, сильно поразившія его, каковы послѣднія распоряженія генералъ-губернатора графа Растопчина. Не говоря уже о исторической загадкѣ сожженія Москвы 2) проходя молчаніемъ ужасный конецъ Верещагина 3),—онъ могъ разсказать намъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ, касавшихся Французской колоніи, напр. объ арестованіи учителя фехтованія Мутона, о ссылкѣ на Волжскія барки 40 Французовъ, между которыми Шевалье насчитывалъ много друзей 4); могъ бы онъ разсказать также о наказаніи розгами и ссылкѣ въ Сибирь Турнэ 5), главнаго повара Растопчина: этотъ несчастный имѣлъ обширное родство, и Шевалье былъ близко знакомъ съ многими изъ его родственниковъ. Онъ дѣйствуетъ осторожнѣе аббата Сюррюга, священника Французской церкви св. Людовика, который говоритъ обо всемъ безъ всякаго страха въ своихъ „Письмахъ о Московскомъ Пожарѣ“ (Lettres sur l'incendie de Moscou en 1812), писаныхъ къ отцу Буве (père Bouvet); хотя впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобъ этотъ аббатъ предназначалъ свой разсказъ для печати, такъ какъ первое изданіе есть все равно, что рукопись, потому что было сдѣлано лишь въ 30 экземплярахъ; 2-е же было напечатано въ 1823 г. какъ повѣрка для „Правды о пожарѣ Московскомъ“ (la Vérité sur l'incendie de Moscou) графа Ростопчина. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что разсказъ о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, писанный рукою аббата Сюррюга и находившійся прежде въ Московской церкви св. Людовика, былъ оттуда похищенъ и потомъ найденъ въ бумагахъ бывшаго генералъ-губернатора Московскаго. Я не могу сравнить оба разсказа аббата, потому что не могъ достать печатнаго; но могу сказать о рукописномъ, который былъ въ моихъ рукахъ. Аб. Сюррюгъ не питаетъ къ Наполеону такого гнѣва, какъ Шевалье д'Изарнъ, хотя самъ тоже старинный эмигрантъ; онъ разсказываетъ просто и безъ комментаріевъ. Въ его разсказѣ видѣнъ человѣкъ болѣе умный, чѣмъ Шевалье.

Теперь, когда эти событія сдѣлались достояніемъ исторіи и послѣ тѣхъ бѣдственныхъ дней прошло болѣе 50 лѣтъ, полезно собирать всѣ самые мелкіе документы, могущіе служить указаніемъ для будущихъ историковъ. 6) Въ разсказы объ этомъ времени вкрались многія ошибки; напр. разсказъ графа Сегюра переполненъ фактами извращенными и произвольно измѣненными, по крайней мѣрѣ что касается до пребыванія Наполеона въ Москвѣ. Не знаю, пользовался-ли этотъ писатель для послѣднихъ изданій своей книги многочисленными критиками, напечатанными послѣ появленія ея въ свѣтъ; передъ моими глазами только IV-е изданіе ея. Во многихъ изъ этихъ критикъ, рядомъ съ увлеченіями страстей, есть и важныя поправки. Г-ну Сегюру можно сдѣлать важный упрекъ за то, что онъ произвольно умалилъ своего героя и иногда выставляетъ его въ смѣшномъ видѣ. Теперь, когда примиреніе водворяется надъ этой великой личностью и можно смотрѣть на нее безъ ужаса; когда обнародованіе разныхъ секретныхъ документовъ раскрываетъ намъ преслѣдованія, которыя онъ направлялъ противъ высокихъ умовъ, не преклонявшихся предъ нимъ и не желавшихъ сдѣлаться ступенькою для его величія, — теперь намъ видны слабыя стороны колосса. Чтеніе его многотомной переписки, не смотря на пропуски,

сдѣланныя въ ней, — на каждомъ шагу обнаруживаетъ слѣды разныхъ мелочныхъ и вовсе недостойныхъ такого государя разсчетовъ. Даже „Mémorial“ и „Mémoires“, напечатанные его товарищами по плѣну, заставляютъ, при внимательномъ чтеніи, задуматься о томъ, какъ мало достоинства и твердости душевной было у человѣка, которому суждено было сдѣлаться преданіемъ вѣковъ. Какая мелочность проглядываетъ на каждомъ шагу въ его гнѣвѣ на придирки Англійскаго тюремщика во время его плѣна на Святой Еленѣ! *) Что Наполеонъ былъ удивленъ, видя, какъ цѣлый народъ поднялся для защиты своей независимости; что Московскій пожаръ изумилъ его и затмилъ его геній,— это очевидно; что онъ злоупотреблялъ своими силами и вмѣстѣ и всей Европой, которую онъ принудилъ уничтожиться передъ его всемогущей волей,— это доказывается всѣми его прокламаціями, распоряженіями, указами, въ томъ числѣ и указомъ, писаннымъ въ Москвѣ, о преобразованіи Французской комедіи. Но все это еще далеко отъ того портрета, по истинѣ страннаго, который намъ рисуетъ графъ Сегюръ.

Въ заключеніе, предупреждаю васъ, что этотъ скромный разсказъ не будетъ имѣть никакого достоинства въ глазахъ военныхъ. Впрочемъ, я долженъ признаться, что мнѣ это все равно: какъ велико мое уваженіе къ человѣку, защищающему свою родную землю, столь-же мало я расположенъ къ людямъ, сдѣлавшимся орудіемъ деспотизма въ рукахъ честолюбца.

Я родился въ центрѣ Шампаніи, когда падала имперіи; мое дѣтство прошло среди опустошенія, причиненнаго моей родинѣ иностранными войсками; я собственными глазами видѣлъ поле битвъ: Баръ-на-Обѣ, Шанъ-Оберъ, Монмирайль..... Покинувши Францію, когда мнѣ было 20 лѣтъ, я встрѣтилъ за границей предубѣжденіе противъ Французовъ, причиной котораго были тѣ страданія и униженія, коими переполнили Европу Наполеонъ и его войска *). Пріѣхавъ въ Москву черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого, я вездѣ находилъ слѣды опустошенія этого города. Тогда-то установилось мое воззрѣніе на завоевательный нашъ духъ, и съ тѣхъ поръ ничто еще не могло измѣнить его. Когда этотъ дневникъ скромнаго жителя Москвы попалъ случайно съ мои руки, мнѣ пришла мысль, что напечатать его можетъ быть будетъ полезно; желаю, чтобы таковоже было и ваше мнѣніе. Примите увѣреніе и проч.

Гадарюэль **).

---

*) Ср. разсказъ товарищей Наполеона по плѣну съ разсказомъ Дювержье-де-Гораннъ: „Римская Церковь и первый консулъ“. Сравненіе папы съ Наполеономъ говоритъ не въ пользу послѣдняго.

*) Еслибы издержки на содержаніе болѣе милліона солдатъ не поглощали всего тягостнаго для націи бюджета, хорошо-бы было для Франціи заняться школами для обученія деревенскаго населенія, одного изъ самыхъ невѣжественныхъ во всей Европѣ, не въ обиду будь сказано нашей великой націи. Полезно-бы было простому народу отдѣлаться отъ своего шовинизма; хорошо-бы было, еслибы къ разсказу какого-нибудь солдата имперіи о томъ, какъ они били Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Русскихъ и еще много всякихъ другихъ, какъ они ихъ грабили, оскорбляли, разстрѣливали и кололи, — еслибы ко всему этому, школьный учитель прибавилъ имъ нѣсколько свѣдѣній по исторіи. Крестьянинъ узналъ-бы тогда, что бѣдствія, омрачившія наше отечество, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что вынесла вся остальная Европа. Онъ узналъ-бы о различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, совершаемыхъ въ память горя, разнесеннаго повсюду войсками Наполеона, церемоніяхъ, напоминающихъ знаменитый латинскій стихъ изъ молитвы: A furore Normanorum libera nos, Domine, — которую наши предки возсылали къ Небу. Совершенно справедливо, что деревенскіе жители не отказывались-бы такъ легко отъ своихъ правъ, еслибы не были такъ невѣжественны.

**) Подпись эта есть анаграмма, которую легко прочесть лицамъ знающимъ почтеннаго автора.

П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ

МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ О ПРЕБЫВАНІИ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ МОСКВѢ

въ 1812 году.

„Этотъ разсказъ написанъ однимъ французскимъ эмигрантомъ, котораго я хорошо зналъ; но фамиліи его не помню.

Я вспомнилъ; его звали г. д'Изарнъ. Гр. Уваровъ" *).

Вскорѣ послѣ сраженія при Можайскѣ (при Бородинѣ) мы узнали 7), что армія (русская) отступаетъ; но тѣмъ не менѣе продолжались увѣренія, что Французы не войдутъ въ Москву,— увѣренія, основанныя на предположеніи (такъ часто повторявшемся) о вторичномъ сраженіи въ 10 верстахъ отъ Москвы, въ позиціи, прикрывающей городъ. Говорили, что въ случаѣ отбитія этой позиціи, остается еще защищать городъ, о чемъ было объявлено заранѣе и что̀ подтверждалось раздачею оружія жителямъ и публичнымъ выговоромъ тѣмъ изъ нихъ, которые покидали городъ безо всякой надежды на возвращеніе. По этимъ даннымъ я долженъ былъ оставаться и ждать развязки, твердо рѣшившись пожертвовать собою въ случаѣ нужды, тѣмъ болѣе, что на мнѣ лежала обязанность охранять до послѣдней возможности мой домъ, который я предоставилъ моимъ кредиторамъ, въ обезпеченіе долга **). Горькій опытъ заставилъ меня убѣдиться, что кто оставляетъ игру, тотъ проигрываетъ. Не время было пугаться слуховъ или заботиться объ удобствахъ: я долженъ былъ остаться и остался.

*) Такъ означено въ неизданной подлинной французской рукописи, сохранившейся въ богатомъ архивѣ графа А. С. Уварова, съ обязательнаго дозволенія котораго она здѣсь печатается въ переводѣ. *П. Б.*

**) Шевалье д'Изарнъ торговалъ разными товарами; когда онъ умеръ, кредиторы его были удовлетворены сполна, и сверхъ того осталось еще довольно большое наслѣдство его племяннику, жившему во Франціи.

Весь день 1-го сентября я провелъ въ томъ, что нѣсколько разъ ходилъ пѣшкомъ въ Нѣмецкую Слободу *). Вечеромъ я рано вернулся домой, измученный усталостью и рѣшившись на слѣдующій день рано утромъ идти разузнать о приближеніи Французовъ. 2-го, въ восемь часовъ утра, я вышелъ изъ дому и, придя въ эту часть города **), увидалъ тамъ множество уѣзжающихъ. Передо мной безъ перерыва тянулась цѣлая вереница каретъ, дрожекъ, телѣгъ и пѣшеходовъ, несущихъ свои пожитки. Видны были женщины изъ простаго народа, обремененныя ношею сверхъ силы и со вздохами уносившія все до послѣдней вещи своего хозяйства. Это стеченіе отъѣзжающихъ продолжалось отъ 8 часовъ почти до 12-ти, и такъ какъ вслѣдствіе разныхъ причинъ стало не совсѣмъ безопасно выходить на улицу, то жители по большой части сидѣли дома и со страхомъ ожидали, что̀ будетъ дальше. Извѣстно было, что князь Кутузовъ проѣхалъ по городу въ 9 часовъ утра, въ сопровожденіи нѣсколькихъ отрядовъ; но это была не армія. Тишина, которая настала послѣ шумнаго утра, давала намъ досугъ обдумать свое положеніе. Всѣ ждали прохода войскъ или

*) Басманная

**) Въ какую? Вѣроятно въ Нѣмецкую Слободу.

начала враждебныхъ дѣйствій. Изъ моихъ оконъ *) видно было, какъ по валу **) проѣзжали казаки, а за ихъ лошадьми спокойно слѣдовало нѣсколько отрядовъ пѣхоты.

Наконецъ звуки трубъ заставили насъ обратить вниманіе на эти отряды: то были Французы. Какое смущеніе овладѣло нами! Они вошли въ городъ по словесному договору, заключенному у Смоленской заставы однимъ казацкимъ офицеромъ и начальникомъ французскаго авангарда, между которыми было условлено, что если Французы не будутъ мѣшать русскимъ войскамъ очистить городъ, то они выйдутъ оттуда безъ сопротивленія. Во время этихъ переговоровъ, авангардъ французской арміи мирно подвигался въ городъ, по мѣрѣ выхода оттуда русской арміи, и, если бы нѣсколько выстрѣловъ не дало намъ знать, что произошла стычка — мы попали бы въ руки Французовъ совершенно незамѣтно. Отрядъ французскаго авангарда, подъ командою генерала Себастьяни, принадлежавшій къ корпусу Короля Неаполитанскаго, направился въ Кремль. Проходя въ ворота Кремля, выходящія къ Никольской улицѣ, генералъ увидѣлъ около двухъ сотъ вооруженныхъ гражданъ, которые собрались толпою въ Кремлѣ; онъ обратился къ какому-то любопытному, находившемуся вмѣстѣ съ нимъ подъ воротами и сказалъ ему: «Вы говорите по французски. Подите и скажите этимъ людямъ, чтобы они положили оружія,— иначе я велю стрѣлять по нимъ». Любопытный, очень смутившись этимъ порученіемъ (онъ очень мало зналъ по русски), но побуждаемый чувствомъ состраданія, которое его приглашали доказать на дѣлѣ, отправился къ Русскимъ съ переговорами, чтобы предупредить слишкомъ неравный бой. Не смотря на это, Французы, все подвигаясь впередъ, были встрѣчены нѣсколькими ружейными выстрѣлами, на которые они отвѣтили двумя пушечными; но, благодаря переговорщику, сраженіе остановилось на этомъ *). Русскіе побросали ружья и мирно разошлись.

Завладѣвъ Кремлемъ, генералъ Себастьяни не отпустилъ отъ себя своего переговорщика, а потребовалъ, чтобъ тотъ провелъ его къ заставѣ, въ которую вышли Русскіе. Этотъ, не желая компрометироваться этимъ новымъ порученіемъ, хотѣлъ уклониться, но напрасно: генералъ въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ объявилъ, что онъ долженъ вести его, и заставилъ его идти передъ собою во главѣ отряда. Дойдя до вала, по которому проходили французскія войска, проводникъ думалъ, что сдѣлалъ все, чего отъ него требовали, и показалъ дорогу генералу.—Нѣтъ, милостивый государь, этого недостаточно».—«Но, генералъ, я усталъ». — «Въ такомъ случаѣ вамъ дадутъ сейчасъ лошадь». — Такимъ образомъ, этотъ несчастный смертный принуж-

*) Я не знаю, гдѣ именно жилъ Шевалье д' Изарнъ: около-ли французской церкви св. Людовика, или нѣсколько ближе къ Кремлю, около русской церкви; во всякомъ случаѣ, не далеко отъ Кузнецкаго Моста, въ Мясницкой части.

**) Валъ Китай-города, или лучше сказать, то мѣсто, гдѣ долженъ былъ-бы находиться ровъ передъ крѣпостью. Кремль окруженъ стѣною; Китай-городъ, примыкающій къ Кремлю съ одной его стороны, также окруженъ стѣной; но ни тотъ ни другой никогда не походили на укрѣпленіе, въ современномъ смыслѣ слова.

*) Какъ разнится этотъ разсказъ отъ разсказа о томъ же Сегюра (Hist. de Nap. IV ed. II, 41 etc.) „Officier de palais“, какъ его называетъ генералъ Гурго, вездѣ любитъ эффектъ.

денъ былъ довести колонну до Владимірской заставы *а*), повинуясь приказаніямъ генерала, который впрочемъ очень хорошо видѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и обращался съ нимъ вѣжливо. Этотъ случай и множество подобныхъ въ томъ же родѣ рѣшили судьбу многихъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ: они считали себя скомпрометированными, находясь въ сношеніяхъ съ Французами, которыхъ нельзя было избѣжать, и изъ-за этого побужденія безумно пристали къ ихъ сторонѣ.

Между тѣмъ какъ Французы занимали такимъ образомъ городъ, на улицахъ и въ окнахъ показалось лишь нѣсколько иностранцевъ; всѣ остальные жители заперлись въ домахъ и никому не отворяли дверей. Такая пустота Москвы дѣйствительно имѣла видъ засады, тѣмъ болѣе опасной, что всѣ дома предполагались наполненными жителями. Таково было положеніе дѣлъ, когда Бонапарте находился у Смоленской заставы *б*) въ предмѣстьѣ и ожидалъ прибытія властей или городскаго магистрата. Но съ двѣнадцати до двухъ часовъ никто не являлся; тогда рѣшили послать одного польскаго генерала вызвать эту депутацію. Генералъ встрѣтился съ Виллерсомъ, и тотъ водилъ его въ Губернское Правленіе, въ Думу, въ Полицію *в*), къ Генералъ-Губернатору, словомъ всюду, гдѣ была малѣйшая надежда встрѣтить какой-нибудь остатокъ чиновниковъ.

а) Владимірская или Рогожская № XI, 46 плана.

б) Дорогомиловская застава (№ XIII. 12 плана) Домъ, гдѣ остановился Наполеонъ, виденъ еще и теперь въ ¼ версты отъ заставы шаговъ 1000 отъ Смоленской дороги.

в) Въ Губернское Правленіе, въ Думу, которая до послѣдняго времени управлялась купеческимъ сословіемъ.

Эта-то прискорбная встрѣча доставила Виллерсу *г*) мѣсто полиції-мейстера. Послѣ многихъ безполезныхъ поисковъ польскій генералъ вернулся къ Бонапарте, чтобъ донести ему, что въ Москвѣ не осталось никого изъ властей, и что городъ былъ покинутъ всѣми, исключая нѣкоторыхъ оставшихся тамъ иностранцевъ. Вслѣдствіе этого Бонапарте отсрочилъ свой въѣздъ; для его гордости было очень больно, что нельзя было составить газетной статьи о вступленіи въ столицу Россіи. Можетъ быть, и воспоминаніе о Смоленскѣ внушало ему нѣкоторыя опасенія; во всякомъ случаѣ онъ все еще расчитывалъ, что къ слѣдующему дню жители соберутъ депутацію, или что по крайней мѣрѣ его подданные Французы, Итальянцы, Нѣмцы явятся къ нему отъ своего имени. Ничего подобнаго не исполнилось.

Бонапарте ночевалъ передъ заставой, въ домѣ трактирщика, а во вторникъ въ 2 часа двинулся въ Кремль, безъ барабановъ и трубъ, разсерженный тѣмъ, что офицеры его свиты называли дерзостью, безпримѣрнымъ позоромъ *д*).

Въ ночь съ понедѣльника 2 Сентября на вторникъ вспыхнулъ пожаръ— сначала на Солянкѣ, у воротъ Воспитательнаго Дома *е*), но былъ потушенъ черезъ нѣсколько часовъ. Въ тоже время загорѣлось въ *Городѣ ж*), въ особенности въ домахъ правой сто-

г) См. въ концѣ примѣчаніе 7-е.

д) Шевалье разсказываетъ это иначе, чѣмъ Сегюръ, который говоритъ, что Наполеонъ вошелъ въ Кремль ночью.

е) Солянка,—это улица рыбныхъ лавокъ, въ Мясницкой части (№ III плана) проходитъ около Воспит. Дома (65 и 88, 86 и 87); на ней двѣ церкви (84, 85).

ж) *Городомъ* называется та часть Китай-города, гдѣ находится базаръ или Гостинный Дворъ: главный торговый пунктъ Москвы.

роны улицы, идущей по ту сторону каменнаго Яузскаго моста. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда эти два пожара начали быстро разгораться; въ Городѣ не удалось затушить совсѣмъ; Яузскій же пожаръ былъ окончательно прекращенъ по приказанію Неаполитанскаго короля, который помѣстился въ домѣ Баташева и желалъ обезопасить себя тамъ *а*).

Въ среду утромъ опять вспыхнулъ огонь въ городѣ, на Покровкѣ *б*), въ домѣ князя Трубецкаго, и на большой Арбатской улицѣ по всему пути, ведущему къ Смоленской заставѣ *в*). Жители смотрѣли, какъ горятъ ихъ дома, съ полнымъ хладнокровіемъ, которое могло быть внушено только вѣрой или фатализмомъ. Нѣкоторые выносили изъ домовъ образа, ставили ихъ передъ дверью и уходили *г*); другіе, когда ихъ спрашивали, почему они не препятствуютъ распространенію пожара, отговаривались страхомъ, что Французы убьютъ ихъ, если они будутъ тушить. Понятно, что при такомъ настроеніи жителей, только благодаря тишинѣ въ воздухѣ и отсутствію вѣтра, не весь городъ сразу былъ охваченъ огнемъ. Французы, съ своей стороны, видя нежеланіе жителей спасать свои собственные дома, не давали себѣ труда положить этому конецъ; пожаръ все болѣе и болѣе разростался, а въ частяхъ города, удаленныхъ отъ пожарища, говорили о немъ такъ, какъ въ Петербургѣ стали бы говорить о пожарѣ въ Стокгольмѣ. Такъ прошелъ весь вторникъ и ночь подъ среду. Французскихъ войскъ въ городѣ было не много; они почти вездѣ устроили биваки, въ особенности около разныхъ заставъ, гдѣ они расположились лагеремъ; жители, просившіе караула для своихъ домовъ, получали его безъ замедленія; пока безпорядковъ еще не было.

Въ среду утромъ, къ девяти часамъ, поднялся со страшной силой сѣверный ураганъ; вотъ когда начался большой пожаръ. Изъ моихъ оконъ видно было, какъ сперва огонь вспыхнулъ на той сторонѣ рѣки, гораздо позади Коммиссаріата *а*) и потомъ началъ распространяться мало по малу по направленію вѣтра; въ одинъ часъ огонь разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство по ту сторону рѣки, застроенное домами, превратилось въ море пламени *б*), волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Въ тоже время пожаръ снова вспыхнулъ въ городѣ, еще съ бо̀льшею силой, чѣмъ въ первые дни. Особенно тамъ, гдѣ были лавки, огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ товарахъ, которые были заперты тамъ *в*).

а) Яузская служитъ продолженіемъ Солянки; онѣ отдѣлены каменнымъ мостомъ на Яузѣ. (Планъ, IX 36).

б) Покровка,—это прямая улица, проходящая всю Мясницкую часть, отдѣляющая Срѣтенскую и Яузскую и продолжающаяся вплоть до конца Москвы (Планъ III, 57; IX, 12; XVII, 2); домъ въ III квар.

в) Т. е. по всей дорогѣ, по которой Бонапарте пришелъ въ Кремль.

г) Обычай этотъ долго господствовалъ и удержался до сихъ поръ въ провинціи. Послѣ страшныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ въ 1834 году, мнѣ часто приходилось быть свидѣтелемъ этого обычая, такъ мало соотвѣтствующаго слѣдующимъ словамъ Писанія: „Помогай самъ себѣ, и Богъ тебѣ поможетъ“ (На Бога надѣйся, самъ не плошай. Береженаго Богъ бережетъ).

а) Въ Пятницкой части (IV на планѣ); старый Коммиссаріатъ № 8, новый — № 7; весь этотъ участокъ находится подъ управленіемъ военнаго начальства.

б) Вся Пятницкая и Якиманская; №№ 4 и 5 на планѣ.

в) Гостинный Дворъ или базаръ, старый и новый.

Это обстоятельство, а также сильная буря, тѣснота мѣста и множество горѣвшихъ пунктовъ города дѣлали всякое противодѣйствіе огню невозможнымъ, такъ что несчастные хозяева спѣшили только захватить съ собою самыя цѣнныя вещи и бѣжать. Вотъ когда начался грабежъ, и все что уцѣлѣло отъ пламени, попадало въ руки солдатъ.

Пока пожаръ превращалъ въ пепелъ *городъ*, остальныя части Москвы также пылали: Пречистенка *а*), Арбатъ, вся Тверская *б*), за тѣмъ по направленію вала *в*) черезъ Красные ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузкѣ—все было въ пламени *г*). Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки; а вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты буря еще болѣе усиливалась; никогда небо въ своемъ гнѣвѣ не являло людямъ зрѣлища ужаснѣе этого: огонь рѣшительно всюду, грабители преслѣдуютъ своихъ жертвъ, а бѣжать нѣкуда!... Тогда-то многіе иностранцы искали убѣжища въ различныхъ лагеряхъ Французовъ, расположенныхъ у городскихъ воротъ; какъ кажется, они были тамъ приняты.

Бонапарте, который изъ оконъ Кремля могъ слѣдить за всѣмъ ходомъ пожара, узнавъ, что поджигателей хватали въ самомъ Кремлѣ, немедленно удалился въ Петровскій дворецъ *д*) гдѣ и провелъ ночь. Очень вѣроятно, что онъ боялся попасть въ ловушку, что̀ могло быть очень опасно въ такомъ огромномъ городѣ: только этимъ объясняется, почему онъ не воспользовался своими войсками для спасенія хотя нѣкоторыхъ частей города, что̀ конечно было возможно. Легко представить, какимъ печальнымъ размышленіямъ долженъ онъ былъ предаваться въ своемъ Петровскомъ дворцѣ; по всей вѣроятности онъ не смыкалъ глазъ, какъ и всѣ несчастныя жертвы этой несчастной ночи, потому что около 6-ти часовъ утра одинъ изъ его адъютантовъ отправился въ ближайшій лагерь и просилъ отъ его имени г-жу О*** *а*) явиться къ нему. Въ первыя попавшіяся дрожки запрягли скверную лошадь, и адъютантъ провожалъ г-жу О***, которая отправлялась какъ была въ своемъ лагерномъ костюмѣ. У воротъ дворца встрѣтилъ ихъ маршалъ Мортье, подалъ ей руку, и провелъ ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарте ждалъ ее тамъ, въ амбразурѣ окна. Когда она вошла, онъ сказалъ ей: «Вы очень несчастливы, какъ я слышалъ?» За тѣмъ начался разговоръ на единѣ, состоявшій изъ вопросовъ и отвѣтовъ и продолжавшійся около часу, послѣ чего г-жу О*** отпустили и отправили съ такими же церемоніями, съ какими она была встрѣчена.

Бонапарте сказалъ ей, что если у нея есть до него какая нибудь просьба, то онъ готовъ исполнить, что̀ видно изъ одного письма г-жи О***, найденнаго въ ея бумагахъ; она писала, что война заставила ее бросить въ Москвѣ состояніе въ 500 тысячь

а) Пречистенка, VI часть на планѣ.

б) Тверская, II часть на планѣ.

в) Теперь койма бульваровъ, окружающихъ Бѣлый городъ, т. е. первые три округа.

г) II, VIII, IX, X и XI округи.

д) Петровскій дворецъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Москвы; это была странная постройка, въ восточномъ стилѣ, почти заброшенная, безо всякихъ принадлежностей. Съ тѣхъ поръ эта мѣстность уже украсилась; тамъ былъ разведенъ паркъ; построили дачи; но всѣ эти украшенія не старше 1834 года.

а) См. въ концѣ примѣчаніе 8-е.

рублей, и проситъ поэтому избавить ее отъ преслѣдованій кредиторовъ, такъ какъ она задолжала въ Россіи и за границей 300 т. Что касается до разговора съ Бонапарте, то не знаешь что̀ подумать о великомъ человѣкѣ, который спрашиваетъ и кого-же, г-жу О*** *а*) о предметахъ политики, администраціи и ищетъ совѣта для своихъ дѣйствій у женщины! Не слѣдуетъ думать, что она одна удостоилась такой милости: къ нему также приводили множество невѣжественныхъ глупцовъ, и онъ у нихъ искалъ истины. Люди болѣе благоразумные избѣгали этого опаснаго человѣка и сказывались больными. Мнѣ было также любопытно, какъ и вамъ, можетъ быть, узнать наконецъ, что̀ онъ спрашивалъ у этой дамы, и какъ она отвѣчала ему; нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ она сообщила мнѣ; они показываютъ здравый смыслъ и большое безпристрастіе. Такъ напр. Бонапарте спросилъ, что̀ она думаетъ объ идеѣ освободить крестьянъ? — Я думаю, Ваше Величество, что одна треть изъ нихъ можетъ быть оцѣнитъ это благодѣяніе, а остальныя двѣ трети не поймутъ пожалуй, что̀ вы хотите сказать этимъ. При этомъ Бонапарте понюхалъ табаку, что̀ онъ дѣлалъ всегда, встрѣчая какое-нибудь противорѣчіе.

Теперь я разскажу вамъ, что̀ было со мной въ то время, какъ весь городъ горѣлъ. Въ среду, около пяти часовъ вечера, я стоялъ у окна въ своемъ домѣ и слѣдилъ за распространеніемъ пожара; я увидалъ, какъ пламя перекинуло черезъ городскую стѣну со стороны Варварки, а менѣе чѣмъ черезъ полчаса, огонь уже приближался къ забору моего дома, около церкви *б*). Нѣкоторые изъ моихъ сосѣдей, вытѣсненные огнемъ изъ своихъ домовъ, собрались на моемъ дворѣ; они помогали мнѣ разобрать досчатый заборъ около церкви; загорѣлся деревянный домъ, подъ которымъ находились ледники; но я не обратилъ на это вниманія и рѣшилъ пожертвовать всѣми деревянными постройками, чтобы спасти главное строеніе. Къ несчастію всѣ искавшіе убѣжища на моемъ дворѣ испугались огня, и обратились въ бѣгство, и даже мои жильцы, актеры *в*). Когда случилось это несчастье, я былъ занятъ тѣмъ, что выносилъ изъ флигеля, гдѣ я жилъ, самыя необходимыя вещи. Ничего не подозрѣвая, я еще долго оставался на дворѣ и подавалъ помощь всюду, гдѣ была въ ней особенная нужда; наконецъ, совершенно успокоясь, я вернулся въ домъ посмотрѣть, что̀ дѣлаютъ тамъ мои жильцы. Пришелъ въ нижній этажъ — тамъ никого не оказывается; поднялся въ бэль-этажъ, и тамъ никого. Покинутый, такимъ образомъ, я пришелъ въ такой ужасъ,

а) Не слѣдуетъ удивляться подобному восклицанію Шевалье д'Изарна. Его поражаетъ болѣе всего то обстоятельство, что *великій человѣкъ* спрашиваетъ у женщины совѣтовъ для своей политики. Пріѣхавъ въ Россію 35 лѣтъ тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ, я часто слышалъ разсказы о людяхъ, изъ которыхъ одни были сосланы на Волгу, а другіе послѣдовали за французской арміей; самъ Шевалье д'Изарнъ разсказывалъ много случаевъ изъ этой дѣятельной эпохи. Я могу утвердительно сказать, что г-жа О*** слыла у всѣхъ соотечественниковъ и въ томъ числѣ у Шевалье д'Изарна за женщину вполнѣ заслуживающую уваженія и обладающую рѣдкой энергіей. Несчастная заплатила ужасною цѣною за роковую честь поговорить съ современнымъ Чингисъ-Ханомъ.

б) Варварка одна изъ самыхъ торговыхъ улицъ Китай Города (см. планъ I. 88.); около стѣны Китай-Города есть булаваръ, который у автора названъ *валомъ*; напротивъ — Мясницкая часть, гдѣ жилъ онъ самъ.

в) См. въ концѣ примѣчаніе 9-е.

что потерялъ всякую бодрость, необходимую въ борьбѣ противъ распространенія огня, особенно когда я увидалъ съ лѣстницы ведущей на чердакъ, что карнизъ дома загорѣлся. Однако я отправился еще въ нижній этажъ и тутъ увидалъ, что одно изъ оконъ начинаетъ загораться; оставались еще спасшіе въ комнатахъ со сводами; но нужно было переносить туда мебель, а я былъ одинъ. Рѣшившись оставить домъ въ добычу огня, я изъ любопытства прошелъ еще въ комнату находившуюся около наружной двери, гдѣ я прежде не былъ; тамъ я застаю г-на Трассена, слабаго, глухаго старика, который сказалъ мнѣ: «Всѣ ушли; я одинъ остался здѣсь, чтобъ жить или умереть вмѣстѣ съ вами!» Желая вывести его изъ опасности, я поспѣшно пошелъ съ нимъ черезъ комнаты, уже полныя дыму, по маленькой лѣстницѣ, ведущей къ колодцу, разчитывая, что мы можемъ спрятаться въ погребахъ, находящихся въ этой сторонѣ; я спустился первый, рискуя быть задавленнымъ желѣзными листами, валившимися со всѣхъ сторонъ *а*); каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидалъ, что огонь охватываетъ уже дверь этого погреба. У меня достало только времени взойти поскорѣе опять на верхъ и увести моего товарища въ несчастьи черезъ тѣ же комнаты, гдѣ отъ дыма уже невозможно почти было дышать. Войдя въ свое прежнее жилище, мы увидали, что долѣе оставаться тамъ невозможно; но съ другой стороны жаръ отъ строеній, горѣвшихъ на дворѣ, уничтожалъ всякую возможность бѣгства. Что намъ было дѣлать! Мы уже рѣшились храбро ждать смерти, какъ вдругъ г-ну Трассену пришла счастливая мысль посовѣтовать мнѣ открыть заслонку въ печи *б*), чтобъ имѣть возможность въ ея устьѣ дышать свѣжимъ воздухомъ; и дѣйствительно это нѣсколько помогло противъ душившаго насъ дыма. Къ несчастію огонь перешелъ съ балкона на наружную дверь, дошелъ до нашей комнаты, и пламя готово уже было достигнуть до насъ. Я бросился къ окну, разбилъ его снизу, выбросилъ матрацъ на раскаленные до красна листы желѣза и, взявъ съ г-на Трассена обѣщаніе слѣдовать за мной, спрыгнулъ внизъ, а потомъ принялъ своего товарища на руки. Но что дѣлать въ этомъ раскаленномъ жерлѣ? Я побѣжалъ было къ наружной двери дома, но не успѣлъ еще пройти и половины двери, какъ г-нъ Трассенъ закричалъ мнѣ: «Это невозможно!» — Но куда же намъ идти? — «Пойдемте въ простѣнокъ» (thermolampe). Мы скоро достигли его (онъ находился между садомъ и деревяннымъ флигелемъ, гдѣ я жилъ). Тамъ цѣлые полчаса, въ углубленіи между двумя стѣнами, мы безпрестанно подпрыгивали, чтобъ подышать откуда нибудь свѣжимъ воздухомъ. Съ каждой минутой средства наши истощались. Наконецъ, убѣдившись, что нельзя долго продержаться въ этомъ положеніи, я хотѣлъ идти искать убѣжища въ саду; но пылающій заборъ сада привелъ въ от-

а) Въ большихъ городахъ Россіи дома кроются толемъ.

б) Русскія или лучше голландскія печи замѣняютъ собою камины; извороты трубы, по которымъ проходитъ дымъ, производятъ сильную тягу и помогаютъ постоянному возобновленію воздуха въ комнатѣ. Когда дрова догорятъ и въ угольяхъ нѣтъ уже угольной кислоты, тогда, посредствомъ заслонки, прерываютъ сношенія между устьемъ печи и трубой, и жаръ удерживается такимъ образомъ въ печи.

чаяніе моего товарища. Я перепрыгнулъ черезъ него, осмотрѣлъ мѣстность и убѣдился, что тамъ мы будемъ въ безопасности отъ пламени. Я тотчасъ вернулся къ моему товарищу и убѣдилъ его преодолѣть страхъ и перелѣзть заборъ. Мы легли здѣсь на траву около пруда, окруженные со всѣхъ сторонъ пылающими домами и заборами. Слава Богу, мы наконецъ спасены! Но вотъ еще новая бѣда: пошелъ проливной дождь; было всего четыре часа утра, а мы промокли до костей; холодъ заставилъ насъ вернуться въ нашъ простѣнокъ, и тамъ мы провели остатокъ ночи.

Я думалъ, что совсѣмъ ослѣпъ; глаза мои страдали отъ дыма, такъ что я могъ открывать ихъ только съ сильной болью. Я погрузился въ грустныя размышленія, изъ которыхъ меня выводилъ только г. Трассенъ; онъ разсуждалъ объ одномъ: какой большой опасности мы подвергались? «Скажите по правдѣ,» говорилъ онъ, «неужели вы думаете, что въ Можайскомъ сраженіи мы рисковали бы собой больше, чѣмъ теперь?»—О нѣтъ, отвѣчалъ я ему.— Вы настоящій герой, особенно въ этой шляпѣ, пробитой осколкомъ пожара.—Не стану разсказывать вамъ много другихъ подробностей. На разсвѣтѣ, одинъ изъ нашихъ вчерашнихъ товарищей пришелъ на мой дворъ и приближался къ намъ съ безпокойствомъ. Увидавъ его, мы вышли изъ своей берлоги и были приняты имъ въ объятія.—«Ахъ!» вскричалъ онъ, «а мы уже думали, что вы съ г. Трассеномъ погибли въ пламени.» Онъ повелъ насъ на Мясницкую въ домъ, гдѣ жилъ докторъ Карасъ. Тамъ собралось также все семейство д'Орреръ (d'Horrer) и остальные жильцы моего дома. Пожаръ, приближавшійся къ этому кварталу, принудилъ насъ переѣхать какъ можно скорѣе и искать убѣжища въ погребахъ и кухняхъ моего дома, которые уцѣлѣли отъ огня. Двѣ лошади и телѣга, спасенныя наканунѣ отъ погибели, дали намъ возможность перевезти кой-какую провизію; мы отправились, оставивъ до другаго раза все, чего не могли захватить съ собою и пріѣхали какъ разъ во́-время. Я сѣлъ въ телѣгу, чтобъ повторить путешествіе, но только что я выѣхалъ на Покровку, на меня напали конные мародеры и схватили моихъ лошадей; вся моя компанія разбѣжалась при ихъ приближеніи. Я вступилъ съ ними въ переговоры и получилъ обѣщаніе, что у меня возьмутъ только одну лошадь, которую тотчасъ отпрягли и осѣдлали; потомъ бросились на меня и обобрали всего: часы, деньги, сапоги, давъ мнѣ въ замѣнъ ихъ другую пару, которая влѣзла только до половины ноги, и то на босу ногу; при этомъ мнѣ сказали, что я долженъ считать себя счастливымъ, такъ какъ мнѣ оставили сертукъ.

Я не зналъ, что грабежи были только что передъ этимъ разрѣшены, но скоро убѣдился въ этомъ собственными глазами. Все бѣжало на улицахъ. Тогда я вернулся въ свое подземелье, но нашелъ уже тамъ многихъ. Я снялъ чулки, чтобы можно было надѣть эти скверные сапоги; послѣ нѣкоторыхъ усилій мнѣ удалось это сдѣлать. За тѣмъ опять пустился въ путь, чтобы отыскать моихъ товарищей въ несчастіи, на Мясницкой, въ томъ домѣ, гдѣ они провели ночь. Мой пожарный костюмъ и худые сапоги могли служить довольно надежнымъ пропускомъ; но сертукъ могъ сыграть со мною плохую штуку. При-

дя на Мясницкую, я увидалъ отрядъ кавалеріи у дверей того дома, въ который я шелъ. Я поспѣшилъ отступить и вернулся въ свой погребъ, надѣясь, что мои товарищи пришли туда же другой дорогой; но тамъ никого не было. Принужденный искать другаго убѣжища, я опять отправился на Мясницкую. Мнѣ пришла счастливая мысль поднять на дорогѣ какую-то кожу и надѣть ее на себя, чтобы также имѣть видъ мародера. О! сила талисмана! Подъ его прикрытіемъ я могъ ходить повсюду, не подвергаясь нападенію. Я пробѣгалъ все утро, отыскивая повсюду мое общество, былъ на Басманной, на Лубянкѣ и др. По дорогѣ я коекакъ пообѣдалъ. Въ улицѣ стараго почтамта я встрѣтилъ какого-то слугу Нѣмца, который предлагалъ мнѣ серебряный рубль, чтобъ я провелъ его на квартиру его господина, которую онъ разсказалъ мнѣ какъ могъ. Я прошелъ съ нимъ до Мясницкихъ воротъ, гдѣ меня встрѣтилъ генералъ, ѣхавшій верхомъ въ сопровожденіи конвоя (я предполагаю, что это былъ генералъ Себастьяни).—«Вы говорите по французски?» — Да. — «Что же это ваши Русскіе? Видано ли когда нибудь, чтобъ такъ жгли столицу?» — Я не знаю кто ее поджигаетъ; но послѣдствія этого для насъ самыя несчастныя. — «Это вѣрно ваши казаки?»—Полноте гдѣ вы теперь увидите казака? — «Чортъ возьми! они у воротъ города. Вчера только что, на этой самой дорогѣ (показывая по направленію къ Петербургской заставѣ) мы ихъ прогнали; могу васъ въ этомъ увѣрить, потому-что я самъ командовалъ; такъ не ведутъ войны!» — Эти мѣры, вынуждены отчаяніемъ, отвѣчалъ я. Они насъ всѣхъ сгубятъ; посмотрите на этого несчастнаго, котораго ваши солдаты грабятъ и бьютъ; какъ же вы хотите, чтобы это не имѣло такихъ послѣдствій!—«Эй, солдаты! оставьте этого гражданина. Это все эти черти Виртембергцы такъ грабятъ»..... Я покончилъ этотъ разговоръ и удалился.

Еще разъ пошелъ я въ свою берлогу, потому что мнѣ сказали, что все наше общество вернулось туда. Придя туда, я увидалъ французскихъ солдатъ, которые дѣлили добычу на порогѣ двери. «Э, господа, сказалъ я имъ,—это мой домъ: зачѣмъ вы пришли грабить бѣдныхъ людей, живущихъ здѣсь?»—Мы не входили туда.... Я вошелъ въ домъ и нашелъ тамъ цѣлое общество, состоящее изъ Русскихъ, которымъ я далъ убѣжище и изъ нѣсколькихъ Армянъ, и хоть бы кто нибудь изъ нихъ зналъ слово по французски. Всѣ встрѣтили меня какъ спасителя; мнѣ разсказываютъ о семействѣ Оррера (Horrer), которое помѣстилось рядомъ; бѣдняки упрашивали меня не оставлять ихъ, говоря, что иначе они считаютъ себя погибшими, разсказали мнѣ, что́ они до сихъ поръ вытерпѣли, и я далъ слово остаться съ ними.

Гг. Орреры узнали, что въ одной квартирѣ съ ними поселится какой-то голландскій генералъ, и что, слѣдовательно, съ этого времени мы будемъ находиться подъ его покровительствомъ. Въ такомъ-то положеніи я прожилъ цѣлую недѣлю; мы были заперты въ погребахъ, и я долженъ былъ безпрестанно выходить и днемъ и ночью, чтобъ отвращать грозу грабителей, которые безпрестанно посѣщали насъ. Нѣкоторые изъ нихъ принимали въ уваженіе мои доводы и смягчались, но большинство хотѣли употреблять насиліе, и я едва успѣвалъ призывать на помощь караулъ генерала.—

«Какое мнѣ дѣло, что вы Французы!... Что вы здѣсь дѣлаете? развѣ какой нибудь (собака) Французъ не присоединится къ намъ! Вы эмигранты! ..» Вотъ чѣмъ меня угощали каждый день разъ двадцать; а что могли они взять съ насъ? Послѣднее платье этихъ бѣдняковъ, выхваченное изъ огня, да мой сертукъ, который, подобно шелковымъ панталонамъ Стерна, возбуждалъ зависть всякаго, кто его видѣлъ, —вотъ все что мы имѣли. Правда, у насъ былъ еще небольшой запасъ муки, изъ которой мы пекли ржаной хлѣбъ *а*) и, нужно сознаться, мы скрывали ее особенно тщательно и рѣшились защищать до послѣдней капли крови подъ страхомъ голодной смерти. Сколько разъ раздѣвали и разували моихъ бѣдныхъ товарищей, пока я ходилъ за помощію къ солдатамъ генерала, заставлявшимъ возвращать намъ награбленное. По всему сказанному мною можно судить, каково было положеніе остальныхъ жителей Москвы, которые не имѣли даже возможности заставить понимать себя.

На улицахъ московскихъ можно было встрѣтить только военныхъ, которые слонялись по тротуарамъ, разбивая окна, двери, погреба и магазины; всѣ жители прятались по самымъ сокровеннымъ мѣстамъ и позволяли себя грабить первому нападавшему на нихъ. Но что въ этомъ грабежѣ было ужасно,—это систематическій порядокъ, который наблюдали при дозволеніи грабить, давая его послѣдовательно всѣмъ полкамъ арміи. Первый день принадлежалъ старой императорской гвардіи; слѣдующій день—молодой гвардіи; за нею слѣдовалъ корпусъ генерала Даву и т. д. Всѣ войска, стоявшія лагеремъ около города, по очереди, приходили обыскивать насъ и, можете судить, какъ трудно было удовлетворить являвшихся послѣдними. Этотъ порядокъ продолжался восемь дней, почти безъ перерыва; нельзя себѣ объяснить жадности этихъ негодяевъ иначе, какъ зная ихъ собственное бѣдственное положеніе. Безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ—вотъ каковы были солдаты арміи, не принадлежавшіе къ императорской гвардіи. Когда они возвращались въ свой лагерь, переодѣтые въ самыя разнообразныя одежды, ихъ можно было узнать развѣ только по оружію. Что было еще ужаснѣе, такъ это то, что офицеры подобно солдатамъ ходили изъ дома въ домъ и грабили; другіе, менѣе безстыдные, довольствовались грабежами въ собственныхъ квартирахъ. Даже генералы подъ предлогомъ розысковъ, по обязанностямъ службы, заставляли уносить всюду, гдѣ находили, вещи, которыя для нихъ годились, или перемѣняли квартиры, чтобы грабить въ своихъ новыхъ жилищахъ.

Во время этого грабежа, Бонапарте, вернувшись въ Пятницу въ Кремль, помѣстился тамъ съ большими предосторожностями. Всѣ ворота Кремля были на запорѣ, исключая тѣхъ, которыя ведутъ къ Никольской; пропускали туда только того, кто носилъ кокарду. Начали думать объ учрежденіи полиціи и муниципалитета. Въ тоже время Бонапарте, желая показать великодушіе относительно неимущихъ иностранцевъ, сидѣвшихъ безъ хлѣба, безъ платья, безъ пристанища, велѣлъ принимать ихъ въ два дома въ медицинской академіи *б*)

а) Хлѣбъ изъ ржаной муки, которымъ питается не только простой народъ, но и большинство населенія Россіи. Онъ не то чтобы былъ дуренъ, но требуетъ привычки къ нему.

б) Медицинская академія помѣщалась на Рождественкѣ и Кузнецкомъ мосту (карта III № 7, улицы 13 и 5) въ самомъ центрѣ

и въ домѣ Давыдова *в*), назначенныхъ для этой цѣли, и обѣщалъ велѣть раздавать имъ съѣстные припасы, для чего назначались три синдика, обязанныхъ управлять этими домами. Кромѣ того тѣмъ изъ нихъ, которые нуждались въ денежной помощи, было предложено служить въ канцеляріи арміи, за что обѣщано было соблазнительное жалованье. Многіе поддались на эту приманку, пошли служить по доброй волѣ и такимъ образомъ были вынуждены превозносить дѣло, которому служили.

Думали также устроить полицію и муниципалитетъ; составить полицію было легко, во первыхъ потому, что при этомъ не затруднялись въ выборѣ, во вторыхъ потому, что чиновники разсчитывали обезпечить себя отъ грабежа, и кромѣ того имѣть вѣрный кусокъ хлѣба, что заставило рѣшиться поступить туда всѣхъ, кто не имѣлъ средствъ къ существованію. Муниципалитетъ составить было труднѣе по причинѣ постоянныхъ отказовъ со стороны лицъ, которымъ предлагали въ немъ участвовать. Но наконецъ постоянно повторяемыя увѣренія въ томъ, что все дѣло будетъ ограничиваться наблюденіемъ за порядкомъ въ городѣ, а также и страхъ за послѣдствія слишкомъ упорныхъ отказовъ, заставили принять службу, большею частію купцовъ, которыхъ туда назначали. Я разскажу по этому поводу поступокъ головы московскаго, Находкина, очень храбраго человѣка.

Явившись со всѣмъ муниципалитетомъ къ г. Лессепсу, префекту провинціи, чтобы получить отъ него утвержденіе въ должности, онъ очень неожиданно сказалъ г. Лессепсу, слѣдующія слова истинно *Русскаго человѣка*: «Ваше превосходительство! Прежде всего я, какъ благородный человѣкъ, долженъ сказать вамъ, что не намѣренъ дѣлать ничего, противнаго моей вѣрѣ и моему государю.» — Г. Лессепсъ, нѣсколько удивленный такою рѣчью, отвѣчалъ, что ссора между императоромъ Наполеономъ и императоромъ Александромъ до нихъ не касается; что единственною ихъ обязанностію будетъ смотрѣть за благосостояніемъ города; послѣ этого объясненія муниципалитетъ вступилъ въ должность.

Но эти зачатки властей ничего не могли сдѣлать для водворенія порядка; грабежъ все таки продолжался и распространялся даже на самыхъ новыхъ чиновниковъ, когда они исполняли свои обязанности. Бонапарте ясно понималъ, что этотъ грабежъ кончится не прежде, чѣмъ когда всѣ части его арміи воспользуются имъ. Вотъ причина этому. Послѣ взятія Смоленска, Бонапарте объявилъ арміи, что ведетъ ее въ Москву, что тамъ онъ дастъ ей зимнія квартиры, позаботится о всѣхъ ея нуждахъ и хочетъ заключить миръ съ императоромъ Александромъ. Потомъ, подходя къ Москвѣ, онъ показалъ на нее рукой и сказалъ: «Вотъ гдѣ конецъ войны.» Пожаръ уничтожилъ всякую надежду на миръ и на зимнія квартиры; лишенія, которымъ подвергались жители оставшіеся въ Москвѣ, уничтожили всякую возможность достать платье и пищу. Такимъ образомъ Бонапарте поставленъ былъ въ необходимость заглушить чѣмъ-нибудь ропотъ арміи

галантерейныхъ и иностранныхъ магазиновъ. Въ послѣдствіи она преобразована въ Университетскія клиники.

в) Домъ Давыдова находится противъ Страстнаго монастыря (II, 40, на углу Тверской площ. 21, 2).

и отдалъ на разграбленіе ускользнувшую отъ него добычу.

Но наконецъ нужно было подумать о защитѣ, а для этого необходимо было прекратить грабежъ, *чтобы примириться* съ населеніемъ города, безъ чего нельзя было расчитывать на помощь съ этой стороны. — Тогда грабежъ былъ запрещенъ; но тѣмъ не менѣе продолжался; запрещенія повторялись, но только безполезно; наконецъ стали вывѣшивать объявленія и разстрѣливать ослушниковъ: это произвело свое дѣйствіе. Жители перестали бояться и начали выходить изъ своихъ берлогъ. Какъ измѣнилась вся Москва! Она превратилась въ огромныя пространства развалинъ, между которыми едва можно было различить прежнія улицы; вездѣ — на улицахъ, на дворахъ, валялись трупы, большею частію бородатые *а*); мертвыя лошади, коровы, собаки; далѣе встрѣчались трупы повѣшенныхъ: это были поджигатели, которыхъ сначала разстрѣляли, и потомъ повѣсили; мимо всего этого проходили съ неестественнымъ хладнокровіемъ. Несчастіе такъ измѣнило всѣхъ, что встрѣчавшіеся не узнавали другъ друга. Но что еще болѣе надрывало сердце, это то, что безпрестанно встрѣчались люди, которые, заливаясь слезами, говорили, что они и ихъ семейства сидятъ безъ хлѣба. Дошло до того, что прятались, чтобы съѣсть дурной обѣдъ и что деликатность не позволяла принять что-либо *б*). Голодъ породилъ еще новый родъ грабежа: заботясь о пищѣ, всѣ спѣшили рыть картофель и рвать капусту, но солдаты предупреждали всѣхъ: горе тому, кто пробовалъ сбирать овощи

а) Люди изъ простонародья.
б) Смотри примѣчаніе въ концѣ 10-е.

вмѣстѣ съ ними или возвращаться съ огорода одинъ. Дѣло шло о жизни и смерти, и всякій съ охотою трудился, чтобы достать себѣ пищу. Тактика заставила Бонапарте увѣрять своихъ солдатъ, что онъ перезимуетъ въ Москвѣ; приготовленія, дѣлаемыя солдатами, убѣждали въ томъ и жителей; надѣялись, что всѣ эти мѣры ускорятъ переговоры о мирѣ, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ. Чтобы вызвать какія нибудь донесенія, Бонапарте, взявшій подъ свое покровительство Воспитательный домъ, велѣлъ подать себѣ отчетъ за истекшій мѣсяцъ и самъ отослалъ его ко вдовствующей императрицѣ *в*), съ почтительнымъ письмомъ; на письмо онъ ждалъ отвѣта, но не получилъ его. Въ тоже время, частію чтобъ польстить арміи, частію для устрашенія жителей, былъ пущенъ слухъ, что Рига взята приступомъ, что Макдональдъ вошелъ въ Петербургъ въ самый день взятія Москвы и сжегъ его, что вся дорога отъ Вильны до Смоленска занята обозами, которые везутъ зимнее платье въ армію, что маршалъ Викторъ ведетъ значительныя подкрѣпленія, что къ наступающей веснѣ армія Бонапарте будетъ также сильна и также хорошо вооружена какъ при вступленіи въ Россію; что можно положиться на предусмотрительность великаго человѣка: онъ все обдумалъ, онъ всегда имѣетъ въ запасѣ неожиданныя средства; что словомъ, если Русскіе не заключатъ мира въ эту зиму, то весной Бонапарте назначитъ герцога Смоленскаго и Петербургскаго, а Россія останется только въ Азіи. А покамѣстъ, армію Русскую будутъ пре-

в) Это заведеніе находилось подъ особеннымъ покровительствомъ Ея Имп. В. блаженной памяти Императрицы Маріи Θеодоровны.

слѣдовать, бросятъ ее въ Волгу, а потомъ дадутъ зимнія квартиры.

Всѣ эти нелѣпыя предположенія дѣйствовали на людей, вѣрившихъ еще въ прежнее счастіе Наполеона; судя по этому, оставалось только одно: искать спасенія у Французовъ, а только этого и нужно было послѣднимъ. Въ то время какъ публика забавлялась этими баснями, Бонапарте, запертый въ Кремлѣ, какъ въ тюрьмѣ, выписалъ себѣ труппу итальянскихъ пѣвцовъ, чтобы они пѣли предъ нимъ, и платилъ имъ за это фальшивыми ассигнаціями *). Кажется, въ Польшѣ ихъ была заготовлена большая партія, которую старались пустить въ обращеніе всякимъ способомъ, но при первомъ своемъ появленіи эти деньги были оцѣнены по ихъ стоимости: никто ихъ не принималъ, и ихъ разошлось очень мало

Между тѣмъ предложеній мира все еще не было. Русская армія передвигалась съ мѣста на мѣсто, казаки и крестьяне сильно затрудняли фуражировку; нужно было на что нибудь рѣшиться. Очень хорошо знали, что ничего не выиграешь, освободивъ крестьянъ; попытались заманить ихъ хорошею платою, чтобы побудить везти въ Москву съѣстные припасы. Но все было напрасно и не привело ни къ чему; напротивъ тѣже крестьяне вызвали противъ себя жестокія мѣры: въ одной деревнѣ стрѣляли по Французамъ; виновные были разстрѣляны при входѣ въ церковь; выслушавъ приговоръ, они перекрестились и встрѣтили смерть, не моргнувъ глазомъ.

Тогда Корсиканская тактика принялась за средства болѣе серьезныя; начали старательно розыскивать всевозможныя свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ; особенно желали добыть одно изъ его послѣднихъ воззваній, гдѣ разсчитывали найти указанія о той фамиліи или фамиліяхъ, которыя бы можно было возвести на престолъ. Въ этихъ розыскахъ обращались за совѣтомъ къ кому попало; обращались даже къ одному эмигранту, котораго подъ разными предлогами вызывали къ одной знатной особѣ; онъ съ перваго слова прямо объявилъ себя эмигрантомъ.—«Этимъ не хвастаются и не обвиняютъ себя», отвѣчали ему. Когда ему сказали, въ чемъ дѣло, эмигрантъ, какъ и всѣ другіе, отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о воззваніяхъ, про которыя ему говорили. Увидавъ, что этимъ не возьмешь, ученіе Пугачева бросили и тотчасъ же схватились за великія начала санкюлотизма. Татарамъ было предложено идти въ Казань призывать своихъ соотечественниковъ, къ независимости, обѣщая имъ, что, какъ только они поднимутся, ихъ тотчасъ поддержатъ. Но и здѣсь промахнулись. Оставался еще одинъ путь—переговоры. Послали генерала Лористона къ князю Кутузову подъ предлогомъ обмѣна плѣнныхъ. Эта поѣздка была представлена, какъ послѣдствіе предыдущихъ переговоровъ, на которые Бонапарте отвѣтилъ *самымъ умѣреннымъ* ультиматумомъ: уступкой всѣхъ прежнихъ Польскихъ провинцій. Лористонъ вернулся назадъ, съ чѣмъ поѣхалъ. Между тѣмъ время шло; около Москвы становилось все опаснѣе; лошади мерли, какъ мухи; трупы ихъ наполняли улицы, дворы, пруды и дороги; нужно было на что нибудь рѣшиться. Лористонъ еще разъ былъ посланъ въ Русскую армію, но вернулся, какъ и въ первый разъ, безъ успѣха. На-

---

*) Смотри въ концѣ примѣчаніе 11.

чали поговаривать объ отступленіи; говорили, что нужно только оставить здѣсь корпусъ тысячъ въ пятнадцать; это какъ громъ поразило всѣхъ тѣхъ, которые скромпрометировали себя, понадѣявшись на счастье Наполеона. Эти люди и всѣ слушавшіеся только своего страха, считали себя погибшими, если останутся въ Москвѣ, когда туда войдутъ казаки; они въ своемъ безуміи думали только о томъ, чтобы какъ нибудь уйти вмѣстѣ съ Французской арміей. Люди послѣдняго разряда, право, достойны сожалѣнія, потому что они виновны только въ томъ, что ложно судили о дѣлѣ *).

Слухи объ отступленіи не были на столько явны, чтобы ихъ нельзя было искажать; съ каждымъ днемъ являлись новыя выдумки: то открывали магазины съ запасомъ муки на цѣлые шесть мѣсяцевъ; то истребляли казачій отрядъ, препятствовавшій сообщенію съ Можайскомъ; то побивали главную армію; Русскимъ оставалось одно—просить мира. Бонапарте даетъ его на менѣе тяжкихъ условіяхъ, чтобъ поскорѣй приступить къ выполненію своего великаго плана, а именно: даровать свободу Грекамъ, взять Константинополь и тѣмъ обезпечить себѣ покореніе Египта, а когда Египетъ подчинится его власти, онъ даруетъ миръ всему міру. О, великій человѣкъ, геній всегда все обдумаетъ! Кто осмѣлился бы противопоставить скромный свѣтъ своего ума обширнымъ соображеніямъ такого великаго человѣка! Должно сознаться, что вѣра арміи въ его таланты и въ его средства не имѣла границъ; думали, что все, что́ бы онъ ни предпринялъ, неизбѣжно должно имѣть успѣхъ. Даже тѣ, которые его не любили (а въ арміи было много людей, которымъ надоѣло по крайней мѣрѣ видѣть себя постоянно орудіями его честолюбія) все таки расчитывали на его геній и счастье. За спиной у него ворчали, но первый звукъ барабана разгонялъ всѣхъ по мѣстамъ; а въ будущемъ воображали себя герцогами, графами, баронами, кавалерами или ласкали себя надеждою попользоваться добычею отъ какой нибудь новой побѣды. Вотъ какія побужденія двигали армію Бонапарте. Большинство-же было задавлено силою; офицеровъ удерживали честолюбіе и надежда на добычу. Послѣднее побужденіе покажется не такъ удивительно, если разсмотримъ составъ офицеровъ. Всѣ они—дѣти революціи, у которыхъ на языкѣ только и есть, что м .... Нравственныя правила они заимствуютъ отъ своего полководца: все, что̀ выгодно, то хорошо. Они не знаютъ другаго права на землѣ, кромѣ права сильнаго; они такъ привыкли пользоваться имъ, что не умѣютъ дѣйствовать иначе. Если и можно сдѣлать нѣкоторыя почтенныя исключенія, то они выпадаютъ почти всѣ на долю людей стараго порядка, или возвратившихся эмигрантовъ, которые, утомившись враждою, предпочли поклоненіе идолу-жизни въ ничтожествѣ. Выиграли ли они хоть что нибудь отъ этого? — Очень мало; они доказали только, что Бонапарте восторжествовалъ надъ всѣми партіями, и возбуждали собою зависть въ остальныхъ, которые видятъ ихъ быстрое повышеніе, хотя впрочемъ имъ даются всякія высокія должности, кромѣ такихъ, для которыхъ нужно заслужить довѣріе. За этими исключеніями всѣ офи-

*) Шевалье намекаетъ на страданія вынесенныя людьми, послѣдовавшими за отступленіемъ. Я слышалъ объ этомъ разсказъ, которому въ самомъ дѣлѣ трудно вѣрится.

церы арміи, высшіе и низшіе, отличаются грубоватою наружностію и имѣютъ видъ выскочекъ. Они разсуждаютъ о политикѣ, какъ невѣжественные солдаты, ничего не знающіе, кромѣ своей службы; жалуясь на московскіе пожары и плохо надѣясь на миръ, они говорятъ: — «Это вашъ сенатъ во всемъ виноватъ!» — Нѣтъ, этого не можетъ быть. Сенатъ у насъ не имѣетъ административной власти. — «Ну, такъ, это вашъ императоръ». — О нѣтъ! Вы несправедливы къ нему; онъ безспорно самый лучшій человѣкъ въ своемъ государствѣ. — «Это правда, говорилъ мнѣ однажды какой-то гренадеръ, разъ имѣлъ я честь стоять на караулѣ при Е. В. Императорѣ Александрѣ въ Тильзитѣ, и могу сказать, что онъ прекрасный человѣкъ, и очень добрый. (Вы видите, что вездѣ можно найти друзей). Но какъ жаль, что сожгли такой прекрасный городъ! У насъ были бы здѣсь хорошія зимнія квартиры; мы всѣ имѣемъ деньги; мы тратили бы ихъ, а жители вознаградили бы себя такимъ образомъ за военную контрибуцію, и всѣмъ намъ было бы лучше.»—Между ними встрѣчались впрочемъ и болѣе образованные, съ которыми легче было толковать; они соглашались, что виною всѣхъ этихъ несчастій было честолюбіе Бонапарте, и тогда изливали свое горе, сознаваясь, что Франція въ конецъ раззорена и что невозможно, чтобы такой порядокъ долго продолжался. Слушая такія рѣчи отъ этихъ людей, которымъ счастіе Бонапарте надоѣдало больше, чѣмъ намъ, я радовался и пламенно желалъ окончанія этой раззорительной войны.—Они жаловались на судьбу, которая помогла имъ здѣсь найти большіе запасы пороха въ то самое время, когда ихъ собственный приходилъ уже къ концу. Они признавались, что въ ихъ госпиталяхъ, начиная отъ Вильны, лежитъ болѣе 50000 человѣкъ, что кавалерія ихъ лишилась 60000 лошадей, что армія нуждалась въ одеждѣ, и что, если имъ придется возвращаться опять по Смоленской дорогѣ, то они погибли.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, начались приготовленія къ походу; снарядили, какъ могли, обозы раненыхъ и собрали принадлежности разныхъ канцелярій арміи; на угадъ назначили день, въ который Бонапарте выѣдетъ. Чтобы удовлетворить гвардію, которая до сихъ поръ ничего не получала, кромѣ нѣсколькихъ фальшивыхъ ассигнацій 100 рублеваго достоинства, ей отдали значительную сумму мѣдныхъ денегъ, которыя нашли въ подвалахъ судебныхъ мѣстъ. Эта мѣдь годилась только на продажу, а купить ее могли развѣ крестьяне и люди низшаго сословія; эта торговля послужила поводомъ ко многимъ сценамъ, жалкимъ и смѣшнымъ вмѣстѣ. Народъ (въ полномъ смыслѣ слова), не перестававшій грабить на развалинахъ погорѣвшихъ домовъ, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ начали грабить Французы и дѣлавшій это часто съ опасностію жизни,—тотъ самый народъ, который большею частію прятался подъ мусоромъ, такъ что можно было подумать, что его никогда и не было, собирался толпой, точно стая воронъ, всякій разъ, какъ отыскивался погребъ, магазинъ или какое нибудь прежде скрытое мѣсто, гдѣ можно было поживиться. Тутъ онъ не обращалъ вниманія ни на сабли, ни на штыки; одинъ падалъ подъ ударами, но за то другіе двадцать грабили; это придавало смѣлости мародерамъ; старики, дѣти,

женщины, больные — всѣ принимали участіе въ грабежѣ; трудно вообразить, сколько награбилъ этотъ народъ. — Лишь только императорская гвардія начала продавать свои мѣшки въ 25 рубл. мѣдью, тотчасъ же стая хищныхъ птицъ, какъ будто по инстинкту, понеслась на Никольскую улицу, гдѣ было главное мѣсто продажи; тамъ, сначала по 10 коп., а потомъ по 50 к. и 1 рублю можно было получить сколько угодно этихъ мѣшковъ съ мѣдью *); труднѣе всего было уносить ихъ, сначала только по причинѣ ихъ тяжести, а потомъ отъ тѣсноты. Можно было видѣть, напримѣръ, какъ жадныя женщины взваливали себѣ на оба плеча мѣшки, но не успѣвали сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ какой нибудь силачъ отнималъ у нихъ добычу и убѣгалъ съ нею. Крики, брань, драка, — все это смѣшивалось; солдаты съ обнаженными саблями и криками «ура», били на право и на лѣво и въ свою очередь похищали яблоко раздора. «Мусью, мусью! подарите!... Алё, алё!... Что даешь?... Подарите, мусью, и затѣмъ градъ ударовъ; но на это не обращали никакого вниманія, такъ какъ, пользуясь безпорядкомъ, можно было чѣмъ нибудь поживиться; можете вообразить, какое зрѣлище представляла Никольская, переполошенная этими продавцами и покупателями.—Отправившись посмотрѣть на эту толкотню, я принужденъ былъ пробираться вдоль стѣнъ, боясь сдѣлаться болѣе, чѣмъ зрителемъ. На слѣдующій день, такая же толпа покупателей; но Французы стали благоразумнѣе, прогнали толпу изъ *города* и вообще запретили входить туда простому народу. Тогда устроился рынокъ около Воскресенскихъ воротъ *а*). Нѣсколько солдатъ, помѣстившись подъ окнами присутственныхъ мѣстъ, устроили размѣнную кассу; они получали деньги, слѣдующія за мѣшокъ и бросали его изъ окна. Толпа увеличилась появленіемъ крестьянъ, которые дрались съ мѣщанами *б*), чтобы пробраться поближе къ продавцамъ. Прекратить безпорядки можно было только ружейными выстрѣлами, которые хотя и направляли нарочно мимо народа, тѣмъ не менѣе заряды попадали иногда въ толпу; ничто однако не могло удержать ее: она не переставала кидаться на мѣшки, которые бросали изъ оконъ; выстрѣлы ничего не значили тамъ, гдѣ можно было получить какой нибудь барышъ.

Наконецъ, Воскресенье вечеромъ, Бонапарте отправился въ путь по Калужской дорогѣ; остальной гарнизонъ отправился въ слѣдъ за нимъ въ теченіе ночи, исключая корпусъ въ 7 или 8 тысячь, назначенный, какъ говорили, для охраненія города, въ ожиданіи остальныхъ войскъ, которыя должны были возвратиться послѣ предполагаемаго сраженія. На слѣдующій день посты растянулись до самаго бульвара Бѣлаго Города, а на ночь они даже заперлись за городской стѣной *в*); вотъ почему генералъ Винценгероде и г. N**** *г*) попали на Тверскую, гдѣ и были взяты въ плѣнъ. Во Вторникъ Французы подожгли артилерійскій паркъ,

*) Тутъ положено начало богатству нѣкоторыхъ нынѣ первостатейныхъ купеческихъ домовъ въ Москвѣ. *П. Б.*

а) Воскресенскіе ворота (пл. II, 56). Никольская—эта большая улица противъ другой части городской стѣны.

б) Мѣщаниномъ (bourgeois) въ Россіи называется низшій классъ городскихъ обывателей, состоящій преимущественно изъ мелкихъ ремесленниковъ.

в) Т. е. Китай-города.

г) Смотри въ концѣ примѣчаніе 12.

находившійся на мѣстѣ гулянья 1-го Мая *а*). Нѣсколько бомбъ разорвало отъ этого, что̀ распространило страхъ между иностранцами, рѣшившимися слѣдовать за арміей; имъ представилось, что это идутъ казаки; не думая болѣе о сборахъ въ путь, они поспѣшили отправиться. Съ другой стороны, остальные жители Москвы, ободренные надеждою на скорое возвращеніе Русскихъ, стали съ бо̀льшимъ довѣріемъ выходить на улицу, такъ что Французы, для собственной безопасности, должны были усилить караулы и разослать во всѣ стороны патрули.

Между тѣмъ крестьяне толпами бѣгали по улицамъ грабить соляные магазины, оставленные безъ прикрытія. Днемъ и ночью тянулись по улицамъ, кто пѣшкомъ, кто въ телѣгахъ, шайки въ 10, 20 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Для большей безопасности, Французы заперлись въ стѣнахъ *города б*) и поставили только караульныхъ у воротъ, сообщавшихся съ главными улицами. Въ четвергъ вечеромъ, маршалъ Мортье и г. Лессепсъ писали къ г. Тутолмину, начальнику Воспитательнаго Дома, поручая состраданію Русскихъ раненыхъ Французовъ, которые остались въ домѣ подъ его управленіемъ, при чемъ они честнымъ словомъ обѣщали не дѣлать никакого зла городу, когда будутъ выходить изъ него. Около 8-ми часовъ начался пожаръ въ Кремлѣ, немного погодя у Калужскихъ воротъ *в*), за тѣмъ въ Комиссаріатѣ: въ этомъ видѣли презрѣнную месть за обманутыя надежды. Бонапарте велѣлъ также снять крестъ съ Ивана Великаго *), орелъ съ Никольскихъ воротъ и Св. Георгія въ Сенатѣ; новый пожаръ былъ достойнымъ продолженіемъ предшествовавшаго. Тогда не знали причины, побудившей снять крестъ съ Ивана Великаго; вотъ она: одинъ Польскій генералъ, хорошо знавшій все, что касалось Русской исторіи, сказалъ Наполеону, что у Русскихъ существовало такое повѣрье будто Французы не войдутъ въ Москву, пока будетъ висѣть колоколъ Ивана Великаго. Справедливо или ложно это повѣрье, во всякомъ случаѣ приказано было снять крестъ, чтобъ подтвердить вступленіе Французовъ въ Москву.

Между тѣмъ огонь дѣйствовалъ въ Кремлѣ все разрушительнѣе; сгорѣлъ дворецъ, и огонь показался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; но такъ какъ онъ окруженъ былъ кремлевскою стѣною, и слѣдовательно можно было надѣяться, что пожаръ не распространится далѣе, — страхи умолкли, и всѣ стали ложиться спать. Съ недѣлю передъ этимъ, одинъ добрый хирургъ предупреждалъ меня, чтобы я не оставался въ Москвѣ, когда будутъ выходить войска. — «Вы сами были военнымъ и должны знать, что я не могу ничего сказать вамъ больше этого; но у васъ хватитъ сообразительности, чтобы догадаться, на что я намекаю».—Я ожидалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ результата его предсказаній, разувѣренный впрочемъ отчасти письмомъ, которое получилъ Тутолминъ. Изъ предосторожности я не ложился въ постель, а заснулъ въ креслѣ подлѣ окна, изъ котораго былъ видѣнъ Кремль. Около четырехъ ча-

а) Сокольничье поле XVII отд. пл. № 49.
б) Китай-города и Кремля.
в) Планъ XII, 2.

*) Колокольня Ивана Великаго, самая большая въ городѣ, находится въ Кремлѣ (I. 4, но лучше маленькій планъ, 84 стр. 1 тома № 20).

совъ утра меня разбудилъ сильный толчекъ, и въ тоже мгновеніе вся Москва пришла въ ужасъ отъ самаго страшнаго взрыва, какой только можсебѣ представить. Разбитыя окна, крики женщинъ, всеобщій испугъ, невозможность найти убѣжище, страхъ быть раздавленнымъ падающими домами—все это распространило повсюду ужасъ. Во мгновеніе ока я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; я успокоивалъ людей собравшихся вокругъ меня, говоря имъ, что мы подвергаемся меньшей опасности въ деревянномъ домѣ, который устоитъ при сотрясеніи, нежели въ каменномъ, который можетъ разрушиться. Я приготовилъ всѣхъ къ новымъ взрывамъ; и дѣйствительно почти черезъ полчаса послѣдовали два новые удара, но уже слабѣе перваго; затѣмъ въ меньшіе промежутки было еще три взрыва, и этимъ все кончилось.

Съ разсвѣтомъ, самые любопытные уже были въ городѣ; они нашли всѣ кремлевскіе ворота загорожены кромѣ выходящихъ на каменный мостъ, по которому отступали Французы; но развалины и жаръ отъ огня препятствовали войти туда. Скоро показались первые козаки въ сопровожденіи большой толпы крестьянъ, которые искали Французовъ отставшихъ отъ арміи; они нашли многихъ изъ нихъ на улицахъ, въ домахъ; тотчасъ же убивали ихъ всѣхъ безъ состраданія или бросали живыхъ въ отхожія мѣста, какъ поступали Французы съ ихъ собственными ранеными въ Воспитательномъ Домѣ, бросая ихъ въ колодцы, гдѣ они и умирали.

Наконецъ, въ субботу утромъ, явился полицеймейстеръ г. Гельманъ; тогда всѣ вздохнули свободнѣе, и порядокъ началъ возстановляться.

Я забылъ вамъ разсказать очень хорошій поступокъ одного русскаго офицера, раненаго и остававшагося здѣсь въ плѣну. Съ удаленіемъ Французовъ онъ сдѣлался свободенъ и жилъ въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ находились и французскіе раненые. Чтобы обезопасить ихъ, онъ вошелъ въ залъ съ подвязанной рукой *) и закричалъ имъ: «Солдаты, вы у меня въ плѣну, армія ушла, я приглашаю васъ сдаться.» -- Какъ? Что? мы не сдадимся! Къ оружію! — И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ встали съ постели, одѣлись, взяли свое оружіе и хотѣли выйти изъ дому. Г. Кривцовъ (офицеръ гвардейскихъ стрѣлковъ) удерживалъ ихъ, показавшись на улицѣ. Многихъ этихъ несчастныхъ нельзя было остановить; но только что они вышли на улицу, ихъ тотчасъ убили. Это печальное зрѣлище заставило остальныхъ образумиться, и они согласились сдаться въ плѣнъ. Тогда ихъ ангелъ-покровитель вышелъ на дворъ и пошелъ на встрѣчу козакамъ и крестьянамъ; обращаясь къ козацкому офицеру, онъ сказалъ: «Я вамъ объявляю, что раненые, находящіеся здѣсь,—мои плѣнники; никто не имѣетъ права ихъ трогать.» Толпа упорно требуетъ ихъ выдачи; казацкій начальникъ хочетъ употребить силу. Тогда г. Кривцовъ подошелъ къ нему, сказалъ свое имя, объявилъ, кто онъ такой и потребовалъ отъ офицера того-же, предупреждая его, что онъ отвѣтитъ за все, если пойдетъ дальше. Такая настойчивость произвела свое дѣйствіе: козаки и народъ удалились, а плѣнные были спасены.

---

*) На поляхъ карандашемъ написано: „это ошибка; онъ былъ раненъ въ ногу. Уваровъ". Офицеръ этотъ былъ Николай Ивановичъ Кривцовъ, о которомъ см. въ Р. Архивѣ 1865, стр. 974 *П. Б.*

Взрывъ, происшедшій въ Кремлѣ, распространился и на колокольню рядомъ съ Иваномъ Великимъ, которая взлетѣла на воздухъ; стѣны арсенала, выходящія къ Никольской, также разрушились; башня *), находящаяся на углу Кремля противъ Каменнаго моста, исчезла: на ея мѣстѣ осталась глубокая яма, около которой разбросаны были обломки ея матеріала; на стѣнѣ, идущей вдоль Москвы-рѣки, также взлетѣли двѣ башни, вмѣсто нихъ въ стѣнѣ образовались два пролома.

Здѣсь кончается разсказъ Шевалье д'Изарна; жаль, что онъ не оставилъ намъ хотя краткаго разсказа о ужасающихъ страданіяхъ нашихъ Московскихъ соотечественниковъ, которые послѣдовали за французской арміей. *Воспоминанія* г. Фюзи, хотя чисто личныя, могутъ намъ дать о нихъ понятіе. Кромѣ огромнаго числа сочиненій, описывающихъ это несчастное время, мы можемъ указать читателю *Воспоминанія по части военной хирургіи* (Mémoires de chirurgie militaire), барона Ларрея (Larrey); мы обращаемъ вниманіе именно на это сочиненіе, потому что спеціальное названіе удержитъ, можетъ быть, многихъ отъ чтенія этого разсказа скромнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнаго и написаннаго человѣкомъ съ теплымъ сердцемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Я дѣлаю это замѣчаніе, потому что во время революціи и имперіи многія лица, пріѣзжая въ Россію, выдавали себя за дворянъ-эмигрантовъ. Это званіе открывало имъ гостепріимныя двери русскихъ домовъ, но ихъ соотечественники не поддавались обману. Сколько интересныхъ разсказовъ я слышалъ объ этихъ мнимыхъ дворянахъ: я укажу на одного изъ нихъ, который умеръ 25 сентября 1839 года на 72-мъ году, не внушивъ никому подозрѣнія въ подлинности своего герба. Впрочемъ Шевалье Шарль де Виньеръ былъ человѣкъ очень честный и большой пріятель Шевалье д'Изарна.

Нѣкоторыя подробности о Шевалье д'Изарнѣ можно также найти въ „Воспоминаніяхъ актрисы" (Souvenirs d'une actrice par Louise Fusil. A Paris 1841. t. II, ch. XIII pp. 19-25), по поводу брака знаменитаго пьаниста Фильда (Field) съ дѣвиц. Першеронъ. Г-жа Фюзи была посаженою матерью, а Шевалье Франсуа Жозефъ д'Изарнъ Вильфоръ, кавалеръ Св. Людовика, посаженымъ отцомъ молодой пары, обвѣнченной аббатомъ Адріеномъ Сюррюгъ, во французской церкви Св. Людовика: обрядъ былъ совершенъ 31 мая 1810 года (а не въ сентябрѣ 1807, какъ я гдѣ-то читалъ); въ актѣ сказано: „Іоаннъ Фильдъ, родомъ изъ Дублина, въ Ирландіи, сынъ Роберта Фильда, артиста, проживающаго въ Лондонѣ и г-жи Грасъ Маршъ. Адеилада Іоанна Викторія Першеронъ, родомъ изъ Парижа, дочь Адріена Луи Першерона, кригсъ-комиссара флота". Послѣ подлинныхъ документовъ (которые долго хранились въ церкви Св. Людовика, съ небрежностью достойною сожалѣнія) я сообщу нѣкоторыя преданія, касающіяся Фильда. Одинъ французъ, по имени Коню (Conus) бывшій долго пріятелемъ Фильда, увѣрялъ меня, будто Фильдъ говорилъ ему, что родился въ Страсбургѣ и что имя его (Field) было просто переводомъ другаго имени: Deschamps. Отецъ его скрипачь, менѣе чѣмъ посредственный, участвовалъ въ капеллѣ князя-архіепископа Страсбургскаго; въ припадкѣ ревности, вызванной кокетствомъ его жены (высокой и красивой женщины) Фильдъ-отецъ, маленькій, раздражительный человѣкъ, оскорбилъ сильно одного соборнаго ка-

*) Смотри маленькій планъ: это угловая башня за Боровицкими воротами (31) около самой Москвы-рѣки

ноника и принужденъ былъ бѣжать въ Англію; зимой онъ игралъ въ какомъ-то лондонскомъ театрѣ, а лѣтомъ отправлялся злоупотреблять заряждающимися талантами сына въ Батъ, откуда Клементини и взялъ Джона съ собой въ Россію. Г-жа Фюзи называетъ г-жу Фильдъ Першеронъ-де-Муши; ни одинъ изъ документовъ, касающихся ея, не даетъ ей этой дворянской фамиліи; но я могу утвердительно сказать, что г-жа Фильдъ сама говорила мнѣ, что она родилась въ Пондишери (въ Индіи), въ противность документу о ея бракѣ. День смерти Фильда, послѣдовавшей въ 1837 г., не извѣстенъ: что касается его жены, то она умерла въ Москвѣ въ 1840 или 1842 году.

2) Отдавалъ ли графъ Растопчинъ приказъ жечь Москву? Общее мнѣніе, что-да. Былъ ли онъ уполномоченъ сдѣлать это? Никто до сихъ поръ не могъ отвѣчать но этотъ вопросъ. Но, какого бы мнѣнія мы ни держались относительно этого поступка, должно сознаться, что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли: гибель Москвы была вмѣстѣ гибелью счастья Наполеона. Не смотря на бѣдствія французскаго народа, судьба котораго была связана съ судьбою этого человѣка, можно, мнѣ кажется, сказать, не подвергаясь обвиненію въ отсутствіи патріотизма, что это было счастіемъ для человѣчества. Когда въ 1823 графъ Растопчинъ напечаталъ въ Парижѣ „Правду о пожарѣ Московскомъ“, гдѣ онъ отрицалъ этотъ фактъ, онъ сдѣлалъ это, по нашему мнѣнію, въ минуту душевной слабости *). Онъ могъ конечно доказать, что не пожалѣлъ своихъ домовъ; но за то сколько несчастныхъ могли ему указать на свое конечное раззореніе, не имѣя, какъ онъ, надежды когда-нибудь поправить свое состояніе! По поводу пожара, вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ очевидецъ, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ. Не задолго до вступленія французовъ въ Москву, къ дверямъ слесаря. нѣмца Гурни, жившаго въ Нѣмецкой слободѣ, подошелъ просить милостыни какой-то нищій въ арестантскомъ платьѣ и съ головою, на половину обритою. Хозяйка дома дала этому несчастному все нужное для того. чтобы подкрѣпиться и потомъ еще нѣсколько денегъ. „Сударыня, сказалъ онъ ей, въ благодарность за вашу доброту ко мнѣ, я дамъ вамъ совѣтъ: уѣзжайте какъ можно скорѣй.“— Зачѣмъ? — „Этого мнѣ нельзя сказать вамъ“.—По осажденный вопросами, онъ разсказалъ наконецъ, что всѣ арестанты безъ исключенія выпущены изъ острога; съ нихъ взяли слово, что они будутъ поджигать городъ, а для большей вѣрности, ихъ заставили присягнуть передъ иконами. Воспользовавшись совѣтомъ этого несчастнаго, все семейство удалилось въ католическую церковь Нѣмецкой слободы, а имущество перенесли въ погреба. Такъ какъ строеніе было каменное, то всѣ считали себя внѣ опасности; но дней черезъ 10, среди ночи, всѣ они были внезапно разбужены.—„Одѣвайтесь скорѣй! Строеніе горитъ: вы едва успѣете выбѣжать!“ Сдѣлалась общая суматоха; на улицахъ море огня задерживало бѣгство; наконецъ достигли иностраннаго кладбища, которое было уже переполнено бѣглецами; тутъ прожили на могилахъ три или четыре дня; но наконецъ голодъ заставилъ себя почувствовать; маленькія дѣти плакали и просили ѣсть. Въ это время проходилъ одинъ французскій офицеръ и спросилъ о причинѣ этихъ стоновъ; ему разсказали отчаянное положеніе всѣхъ этихъ бѣдняковъ; тогда онъ ушелъ и вернулся въ сопровожденіи маркитантки, которая принесла хлѣба для дѣтей; когда этотъ маленькій народъ насытился, добрая женщина велѣла спрятать остат-

*) Такъ обыкновенно объясняютъ происхожденіе Растопчинской книжки; но кто внимательно читалъ ее, тотъ можетъ убѣдиться, что Растопчинъ только приписываетъ честь высокаго самопожертвованія не одному себѣ, но всему Русскому народу. Онъ отрицаетъ только послѣдовательныя и преднамѣренныя правительственныя распоряженія о сожженіи Москвы. *П. Б.*

ки въ перину, которую заставила распороть при себѣ. Во время ихъ пребыванія на кладбищѣ пошелъ проливной дождь (вѣроятно тотъ самый, про который разсказываетъ д'Изарнъ). Нѣкоторые укрылись на мельницѣ, находившейся подлѣ кладбища; но всѣ не могли тамъ помѣститься, и потому взрослые остались наружи. Тѣ, которымъ удалось войти, принуждены были стоять, потому что невозможно было ни лечь, ни сѣсть. Чрезъ нѣсколько времени опять всѣ разошлись по церквамъ. Лицо, отъ котораго я получилъ эти свѣдѣнія, присутствовало и при удаленіи французовъ. По его словамъ, это было зрѣлище самое странное, какое только можно себѣ представить; солдаты были одѣты въ самые разнообразные костюмы: въ женскихъ шубкахъ, обрывкахъ юбокъ, въ священническихъ и монашескихъ рясахъ, въ разорваныхъ одѣялахъ и пр.

3) Разсказъ о смерти Верещагина можно найти почти всюду. Этотъ несчастный, какъ мнѣ разказывали, былъ чиновникъ въ Почтамтѣ. Онъ перевелъ словесно, въ публичномъ мѣстѣ, одну изъ многочисленныхъ прокламацій, которыя Наполеонъ посылалъ впередъ арміи: за это на него донесли и привели его къ графу Растопчину. Графъ, послѣ жестокихъ упрековъ, ударилъ его саблей,—по однимъ слухамъ,—или удовольствовался тѣмъ, что выдалъ его народу, — какъ говорятъ другіе. Въ одно мгновеніе толпа бросилась на него и убила на мѣстѣ; его трупъ, еще трепещущій, былъ привязанъ за ноги къ лошадиному хвосту, и ревущая чернь слѣдовала за нимъ по улицамъ. Эта драма происходила на Лубянкѣ, противъ дома Растопчина; волоча трупъ, толпа спустилась внизъ по Кузнецкому мосту, повернула вправо на Петровку, потомъ по Столѣшникову переулку, на Тверскую, оттуда на рынокъ, и наконецъ тѣло было брошено за ограду небольшой церкви, позади Кузнецкаго моста, гдѣ и было похоронено. Когда Москва опять поднялась изъ развалинъ, городское начальство рѣшило провести новую улицу—теперешнюю Софійку; церковь эта была снесена, и нужно было также перенести останки, находившіеся на церковномъ дворѣ, замѣненномъ улицею. Тѣло Верещагина найдено почти не тронутымъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, по качеству тамошней почвы. Но народъ умилился этимъ, и многіе считали этого несчастнаго мученикомъ. Начальство покончило съ этимъ, благоразумно распорядившись, чтобы печальные останки убрали оттуда; и больше объ этомъ не говорили. Эти послѣднія свѣдѣнія мнѣ сообщалъ очевидецъ. Что касается Мутона, арестованнаго въ тоже время, онъ успѣлъ скрыться, пользуясь суматохою.

4) Графъ Растопчинъ велѣлъ схватить 40 французовъ, жителей Москвы, и отправилъ ихъ на Волгу, гдѣ они должны были жить на баркахъ; передъ отправленіемъ онъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ страннымъ воззваніемъ, которое мы выписываемъ изъ Московскихъ Полицейскихъ вѣдомостей 24 Мая 1851 г., № 113:

„Французы! Вашъ Императоръ сказалъ въ одной изъ своихъ прокламацій къ доброму городу Парижу: „французы! вы столько разъ говорили, что любите меня"; а вы, чтобы убѣдить вашего государя въ этой истинѣ, не перестаете служить ему и въ нашихъ гиперборейскихъ странъ, гдѣ зима и запустѣніе состязаются о первенствѣ. Спокойствіе города и ваше собственное благо требуютъ, чтобъ вы удалились. Народъ русскій, столь великій и благородный, готовъ однако дойти до крайности; я удаляю васъ, чтобы избавить народъ отъ такого пятна и не марать страницъ исторіи разсказами объ убійствѣ, которое было бы лишь слабымъ подражаніемъ адскимъ неистовствамъ вашего народа. Вы будете жить на берегахъ Волги, среди народа мирнаго и вѣрнаго присягѣ, который слишкомъ презираетъ васъ для того, чтобы сдѣлать вамъ какое либо зло.—Вы покинете на нѣкото-

рое время Европу и уйдете въ Азію. Перестаньте быть негодяями и исправтесь. Преобразитесь изъ французскихъ гражданъ въ добрыхъ русскихъ мѣщанъ; оставайтесь спокойны и повинуйтесь:— иначе берегитесь строгаго наказанія: войдя въ барку, придите въ себя и не дѣлайте изъ нея барку Харона. Прощайте, добраго пути!" Подписано: Графъ Растопчинъ. Іюль 1812. Москва".

Или редакторъ газеты ошибся, показавъ здѣсь Іюль мѣсяцъ, или графъ впередъ приготовилъ этотъ документъ, потому что эти 40 человѣкъ были отправлены въ ссылку въ концѣ Августа. Какъ бы то ни было, такое обращеніе съ ними, какъ съ бунтовщиками, должно было привести ихъ въ недоумѣніе (см. ниже, примѣчаніе) и такой выборъ, упавшій на нихъ изо всей многочисленной французской колоніи въ Москвѣ, едвали польстилъ имъ. Впрочемъ они имѣли лучшую участь, чѣмъ французы, оставшіеся въ городѣ. Въ Коломнѣ ихъ посадили въ барку съ клапаномъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было потопить ее: потомъ они спустились по рѣкѣ до Нижняго, гдѣ и остановились. Они скоро были освобождены отъ всякихъ строгостей и получили разрѣшеніе свободно гулять по городу, куда скоро стали наѣзжать военные. Разныя исторійки объ этомъ времени, слышанныя мною отъ многихъ изъ ссыльныхъ, заставили меня убѣдиться, что эти люди совсѣмъ не были опасны во время этихъ печальныхъ событій Списокъ именъ 40 ссыльныхъ французовъ можно видѣть въ сочиненіи „Россія во время войнъ Имперіи" (1805—1815) (Russie pendant les guerres de l'Empire. Souvenirs historiques de M. Armand Domergues, ex-regisseur du théâtre imperial de Moscou, recueillis et publiés par M. Melchior Tirand. Paris in 8, 1835. 2 v.). сочиненіе, въ которомъ самъ я не справлялся.

*) Историч. воспоминанія г. Домерга, бывшаго режиссера императорскаго театра въ Москвѣ, собранныя и изд. г. Мельхіоромъ Тираномъ.

5) Самыя точныя свѣдѣнія о Турне и его участи можно найти въ слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г. Вы просите меня сообщить свѣдѣнія о несчастіяхъ Арнольда Турне, уроженца города Спаа (Бельгія). главнаго повара у графа Ростопчина, въ 1812 г.; я разскажу вамъ просто и ясно, что я слышалъ изъ его собственныхъ устъ, такъ какъ я съ нимъ былъ очень близко знакомъ, въ бытность мою въ Казани. Разсказавъ мнѣ это, онъ доказалъ этимъ большую дружбу ко мнѣ, такъ какъ онъ вообще не любилъ говорить объ этой печальной эпохѣ своей жизни, и не могъ никогда удержаться отъ слезъ, вспоминая свое унизительное наказаніе.

За нѣсколько дней до вступленія французовъ въ Москву, Турне однажды утромъ спѣшилъ готовить завтракъ графу; одинъ изъ его помощниковъ, небрежно и неохотно исполняя его приказанія, разсердилъ его (что очень легко было сдѣлать, такъ какъ онъ не утратилъ вспыльчивости до самой старости). Онъ въ это время рубилъ ножемъ говядину. „Вотъ погоди," закричалъ онъ на поваренка, „пусть только придетъ нашъ Императоръ, вотъ что онъ сдѣлаетъ съ вами!" и въ это время продолжалъ свое многозначительное занятіе. Одинъ изъ лакеевъ, всегда готовыхъ подслужиться у господъ, потворствуя ихъ страстямъ, пошелъ тотчасъ же къ грозному губернатору и донесъ ему объ этомъ, конечно украсивъ разсказъ самыми недоброжелательными толкованіями. Когда Турне позвали въ слѣдъ за тѣмъ къ графу и спросили о словахъ и жестахъ, приписываемыхъ ему, онъ отвѣчалъ буквально слѣдующее: „Графъ, я сказалъ, что пріѣдетъ нашъ Императоръ, подразумѣвая Императора Александра". Его сіятельство не обратилъ никакого вниманія на такое объясненіе, сурово упрекнулъ его въ измѣнѣ своему новому отечеству (Турне, какъ и всѣ иностранцы, жившіе въ то время въ Россіи, перемѣнилъ подданство) — и велѣлъ ему дожидаться въ передней распоряженія, которое и не замедлилъ сдѣлать.

По приказанію графа, Турне вывели на дворъ и посадили въ телѣжку; потомъ его привезли на Красную площадь, которая, какъ вы знаете, находится между Кремлемъ и Гостинымъ дворомъ, положили на позорную скамью и дали 25 ударовъ розгами; по окончаніи казни, его бросили полумертваго въ телѣжку и, не позволивъ даже заѣхать домой, чтобы взять нѣкоторыя необходимыя вещи, отправили прямо по дорогѣ въ Сибирь, въ бѣлой холстинной курткѣ. Доѣхавъ до Перми, онъ остался тамъ и прожилъ 7 лѣтъ: жена его, послѣ многихъ просьбъ, получила разрѣшеніе пріѣхать къ нему въ Казань, куда его перевели на жительство. Въ этомъ городѣ Турне открылъ кондитерскую, торговалъ очень хорошо и поставлялъ товаръ на ярмарки всѣхъ приволжскихъ городовъ.

Зимой въ 1841—42 г. мы вмѣстѣ поѣхали изъ Казани въ Симбирскъ; мы сѣли въ возокъ, закутанные въ шубы. Турне просилъ меня уважить его старость и оставить незапертою дверцу возка съ той стороны, гдѣ онъ сидѣлъ. Не далеко отъ цѣли нашего путешествія, намъ пришлось проѣзжать по краю оврага, какъ вдругъ возокъ опрокинулся на сторону Турне; когда его поднимали, дверца открылась, и онъ свалился головой впередъ въ оврагъ: я увидѣлъ только подошвы его сапогъ, потому что все тѣло погрузилось въ снѣгъ. Съ трудомъ вытащили мы его, въ самомъ жалкомъ положеніи; я немедленно рѣшилъ вернуться назадъ въ Казань, гдѣ онъ скоро и умеръ отъ послѣдствій этого несчастнаго случая. Ему было тогда около 72 лѣтъ.

Вдова Турне вернулась въ Москву, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, ея многочисленное семейство живетъ въ хорошемъ положеніи; ей теперь 85 или 86 лѣтъ.

Вотъ, М. Г. и любезный другъ мой, все, что вы желали узнать отъ меня; если вамъ этого недостаточно,—то я въ вашемъ распоряженіи. Преданный и пр. C. W. 1868."

Отдавая полную справедливость патріотизму и личнымъ качествамъ графа Растопчина, не смотря на разные его поступки, о которыхъ я слышалъ отъ многихъ лицъ, пользующихся моимъ глубокимъ уваженіемъ, я долженъ сознаться, что въ характерѣ его была нѣкоторая жесткость. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" г-жа Фюзи сообщаетъ впечатлѣніе, произведенное на нее внѣшностію графа (II, 253 и пр.). Г. Шампіонъ (Biogr. univ. LXXX, 19) произнесъ объ этомъ „благородномъ потомкѣ одного изъ величайшихъ завоевателей Азіи" *)—какъ называетъ его Сегюръ,—сужденіе, по нашему очень вѣрное, говоря, что „въ немъ соединялась неумолимая жестокость башкира, съ любезностью француза нашего вѣка". Въ самомъ дѣлѣ, въ жилахъ графа Растопчина было больше татарской, чѣмъ русской крови.

6) Вотъ что пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ„ (II, 289-90) особа, близко знакомая съ дѣломъ, г-жа Фюзи: „Много написано сочиненій о Московскомъ пожарѣ. Но подробности о томъ, „что происходило въ городѣ послѣ вступленія французовъ, большею частію „не точны. Только иностранцы, запертые „въ Москвѣ, могли разсказать объ этомъ „съ знаніемъ дѣла. Самыя интересныя „свѣдѣнія сообщилъ аббатъ Сюрюгъ, „священникъ католической церкви. Скромность заставила его умолчать о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ этимъ несчастнымъ. Я считаю своею обязанностію напомнить о нихъ теперь."

„Церковный дворъ представлялъ довольно большое пространство, застроенное маленькими деревянными домами, „гдѣ бѣдные иностранцы всегда находили пристанище. Въ то время какъ городъ былъ въ огнѣ, солдаты бѣгали по „улицамъ и грабили. Всѣ женщины, дѣти и старики укрылись въ церкви. Какъ „только показались солдаты, аббатъ „Сюрюгъ, открывъ двери и въ священническомъ облаченіи, съ распятіемъ въ

*) Семейныя преданія производятъ Растопчина отъ одного изъ братьевъ Чингисъ-хана.

„рукахъ, окруженный этими несчастными, для которыхъ онъ былъ единственною опорою, — съ твердостію вышелъ „на встрѣчу этимъ безумцамъ, и они „почтительно удалились.... За тѣмъ онъ „потребовалъ пропускныхъ листовъ для „всѣхъ этихъ несчастныхъ семействъ „и тотчасъ получилъ ихъ. Императоръ Наполеонъ пожелалъ видѣть аббата и всячески убѣждалъ его вернуться во Францію.“ — Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я не хочу „покидать мою паству, потому что еще „могу быть ей полезенъ.“ — Хотя въ „съѣстныхъ припасахъ былъ большой недостатокъ, однако ихъ присылали аббату, который дѣлилъ ихъ, какъ добрый „пастырь.“

Аббатъ Адріенъ Сюрюгъ умеръ 21 Декабря 1812 г., 60-ти лѣтъ, окруженный уваженіемъ и почитаніемъ всѣхъ своихъ прихожанъ. Документъ о его смерти не указываетъ на мѣсто его рожденія; но изъ него мы видимъ, что онъ былъ докторъ богословія Сорбонской Школы и Общества, старинный принципалъ Королевской Коллегіи въ Тулузѣ, каноникъ Пильтенскаго Коллегіала (въ Виленскомъ округѣ) и старшій священникъ французской церкви Св. Людовика въ Москвѣ. Преемникомъ его былъ аббатъ Антуанъ де Малербъ, родомъ изъ Пареле-Моніаль (въ Бургундіи), главный викарій округа Шалона-на Марнѣ, Виленскій каноникъ, умеръ 7 Февраля 1828 г. 84 лѣтъ. На его мѣсто поступилъ аббатъ Жанъ-Батистъ Никола, умершій жертвой своего самоотверженія во время холеры въ Октябрѣ 1830 г., 67 лѣтъ. Этотъ послѣдній настоятель нашей церкви былъ человѣкъ не особеннаго образованія и нѣсколько грубый, но милосердіе его не имѣло границъ; не смотря на постоянныя заботы о немъ, его невозможно было заставить даже перемѣнить бѣлье. Г. Арманъ-сынъ (одинъ изъ Волжскихъ ссыльныхъ, также какъ и отецъ его) разсказывалъ, что ѣхавши однажды въ невыносимую погоду въ отдаленный конецъ Москвы, онъ встрѣтилъ аббата, шлепающаго по грязи, и предложилъ ему свои дрожки, упрекая его при этомъ за неосторожность; тотъ отвѣчалъ ему: „я не могъ поступить иначе, такой-то боленъ!“ — Почему же вы не взяли извощика? — „Какъ же я могъ это сдѣлать? Докторъ прописалъ больному хорошаго вина, и я истратилъ на него послѣднія деньги, оставшіяся въ моемъ домѣ“ и показалъ ему двѣ бутылки, торчавшія изъ его кармановъ, которыя еще мѣшали ему идти. Смертью этого вѣрнаго слуги Христова заключается сей списокъ пасторовъ, которыхъ дала эмиграція церкви Св. Людовика, съ ея основанія.

7) Можайское сраженіе извѣстно въ Россіи подъ именемъ Бородинскаго. Я не стану говорить о великой битвѣ, потому что долженъ сознаться, что впечатлѣніе, полученное мною отъ созерцанія этого поля сраженія, ничѣмъ не отличалось отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня видомъ полей Каталаунскихъ, гдѣ былъ разбитъ Аттила; но разскажу о трогательной церемоніи, которой я былъ свидѣтелемъ въ нынѣшнемъ году. Въ день годовщины сраженія, въ память этого событія, служатъ обѣдню въ церкви монастыря, построеннаго вдовою генерала Тучкова на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ ея мужъ. На слѣдующей день я слушалъ панихиду за упокой жертвъ этого дня. Тамъ я встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ изъ русскихъ, которые ничуть не удивились, увидавъ между ними француза: какое семейство не оплакивало своихъ членовъ, погибшихъ въ эту пагубную русскую кампанію? Утромъ, въ прекрасную, хотя нѣсколько холодную погоду, (ночью подморозило) духовенство сосѣднихъ деревень отправилось въ монастырь, сперва остановившись передъ памятникомъ, постановленнымъ на холмѣ. У воротъ ихъ встрѣтилъ архимандритъ Можайскаго монастыря, окруженный духовенствомъ, собравшимся со всего уѣзда. Тотчасъ же началась служба; прекрасное пѣніе греческой литургіи было исполнено замѣчательно хорошо

монахинями. Многочисленная публика состояла изъ уѣздныхъ властей, изъ сосѣднихъ крестьянъ, купцовъ и проч. Вниманіе мое обратилъ на себя какой-то красивый старикъ, очень бодрый для своихъ лѣтъ; мнѣ сказали, что онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ очевидцевъ и *участниковъ* великаго сраженія; это былъ г. Варженевскій, отецъ г. Константина Варженевскаго, гвардейскаго полковника, у котораго останавливался А. Дюма во время своего путешествія на Бородинское поле. Послѣ богослуженія, продолжавшагося 3 часа, игуменья оказала присутствующимъ радушный и любезный пріемъ; мы вошли въ трапезную, которая была уже частію занята многочисленнымъ духовенствомъ, совершавшимъ службу; намъ подали очень вкусный постный обѣдъ, почти весь состоявшій изъ рыбы [а]). Игуменья монастыря, очень замѣчательная женщина, урожденная княжна Урусова; ее-то видѣлъ нашъ знаменитый романистъ Дюма.

8) Эта дама, имя которой я скрываю подъ заглавной буквой, по очень важнымъ причинамъ, была одною изъ самыхъ несчастныхъ жертвъ этого бѣдственнаго времени [б]). Она содержала въ Москвѣ большую гостинницу и управляла ею очень искусно. Сношенія съ Наполеономъ доставили ей громкую извѣстность; но нѣкоторые романисты и историки вздумали запятнать ея память, приписавъ ей ложную роль, совершенно не достойную ея характера. Когда французская армія покинула Москву, она послѣдовала за отступающимъ войскомъ съ своими дѣтьми. Это семейство выстрадало столько же, сколько и другіе бѣглецы; разсказывать объ этомъ было бы ужасно. Оттѣсненная толпою отъ своихъ, она случайно была опять отыскана одною родственницею, несчастною дѣвушкою, которая была близка къ сумашествію отъ страданій, вынесенныхъ ею среди солдатъ, утолявшихъ на ней свои животныя страсти. Бѣдная женщина сдѣлалась добычею другаго рода страданій, которыя кончились ея смертью. Она умерла отъ тифа; есть основаніе предполагать, что ядъ сократилъ ея дни.

9) Въ это время въ Императорскомъ Московскомъ театрѣ была французская труппа; когда пришли французы, она была распущена; г-жа Луиза Фюзи участвовала въ ней. Она говоритъ, правда, о представленіяхъ, которыя давались для Наполеона и его генераловъ въ частномъ театрѣ г. Познякова, такъ какъ Императорскій театръ сгорѣлъ; но она не сообщаетъ при этомъ именъ актеровъ, составлявшихъ трупу. Эмэ Мартенъ, безпощадно разбирая въ „Journal des Debats“ 1814 г. сочиненіе г. Лабома: „Relation circonstanciée de la campagne de Russie,“ *), выражается такъ: „Чтóже дѣлалъ въ это время человѣкъ, про котораго имѣли наглость говорить, что онъ стоитъ выше исторіи человѣческой, что онъ принадлежитъ къ героическому періоду; что онъ выше всякаго удивленія, и что любовь одна можетъ возвыситься до него (Moniteur 29 Іюля 1807 p. 817)? Этотъ человѣкъ забавлялся тѣмъ, что заставлялъ давать передъ собою комедіи въ Кремлѣ, и въ своемъ ослѣпленіи не замѣтилъ приближенія дня, съ которымъ уничтожится эта позорная для всей Европы сила.“ Далѣе въ примѣчаніи онъ прибавляетъ: „Мы обязаны знаніемъ этого факта г-жѣ Аврорѣ Бюрсэ, которая была тогда директрисою Императорскаго театра въ Москвѣ и одною изъ жертвъ Бонапарта.“ Если г-жа Бюрсэ и сдѣлалась жертвою Наполеона, то она раздѣлила эту участь со многими другими; но чтобы она была директрисою театра,—это не въ обычаяхъ страны; вѣроятнѣе всего, что

а) Монахи греческой церкви слѣдуютъ уставу Василія Великаго и постятся круглый годъ. Посты ихъ строги и часты.

б) См. о ней Р. Архивъ 1864, стр. 1194; 1866, стр. 704—709, 728 и 729; 1868, стр. 1435. Это была г-жа Оберъ-Шальме. *П. Б.*

*) Обстоятельный разсказъ о русской кампаніи.

она участвовала въ труппѣ. Арманъ Домергъ (Луи Антуанъ Домергъ, прозвищенъ St. Armand, родомъ изъ Оксерра въ Іоннѣ, какъ значится въ видѣнныхъ мною документахъ) говоритъ намъ въ заглавіи своихъ „Воспоминаній“, что директоромъ былъ онъ. Я зналъ одного старика Дюкло, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и дожившаго до глубокой старости, который пріѣхалъ въ то время въ Москву оканчивать свое театральное поприще. Онъ былъ уже слишкомъ старъ для сцены, когда одна дама, г-жа Карцева, вдова русскаго дворянина и бывшая французская актриса, какъ помнится, основала французскую труппу, которая и играла на театрѣ, принадлежавшемъ ей. Эта новая труппа начала свои представленія въ концѣ 1828 года. Отчеты о ней и свѣдѣнія объ артистахъ, въ ней участвовавшихъ, можно найти въ *Bulletin du Nord*..... изд. Ж. Лекуанта-де-Лаво (Москва 1828 и 29) февральскій № (стр. 230—33), Сентябрь (73—8), Октябрь (148—59) и Ноябрь (ст. 237—44) 1829 г. Послѣ 1830 г. былъ возобновленъ императорскій французскій театръ; актеровъ вербовали изъ труппы г-жи Карцевой, прекратившей свое ремесло, изъ Варшавской труппы, только что распущенной вслѣдствіе тамошныхъ событій, а остальное пополнили актерами, выписанными изъ Парижа. По странному стеченію обстоятельствъ, въ это же время изъ Варшавы въ Москву пріѣхала г-жа Жюльенъ, дочь г-жи Луизы Фюзи, и оставалась въ труппѣ до самаго театральнаго пожара 1853 г., когда французская трупа опять уничтожилась; послѣ этого она вернулась жить пенсіей въ Варшаву; въ 1860 г. она переѣхала въ Петербургъ и умерла въ 1867 г., въ пріютѣ, тамъ основанномъ французскимъ благотворительнымъ обществомъ. Г-жа Фюзи нигдѣ не говоритъ, что она вступала во вторичный бракъ; но я изъ вѣрныхъ источниковъ знаю, что она вышла замужъ въ Москвѣ, и родила тамъ сына 9 Декабря 1809 года. Въ документѣ сказано: „Александръ, сынъ Леона Жюльена, артиста, и г-жи Генріеты Флёри, его супруги“.

10) Вотъ замѣтка, сообщенная мною въ 1855 г. библіографу Жерару: считая ее интересною, я воспроизвожу ее здѣсь. „Типографія Всеволожскаго была основана въ 1809 г. Она напечатала множество сочиненій на разныхъ языкахъ. Въ 1817 г. она была уступлена Министерству Народнаго Просвѣщенія и переведена въ Петербургъ. Вотъ анекдотъ объ этой типографіи. Въ 1812 г., за два дня до вступленія французовъ въ Москву, г. Всеволожскій выѣхалъ оттуда съ своимъ семействомъ. Огюстъ Семенъ, управлявшій типографіею, долженъ былъ на слѣдующій день пріѣхать къ нему, но былъ арестованъ по приказанію гр. Растопчина и, въ числѣ 40 другихъ французовъ, сосланъ на Волжскія барки въ Нижній (см. примѣчаніе 4-е). Управленіе типографіею было поручено другому французу, г. Гюе, фактору типографіи, на время отсутствія хозяина и прежняго управляющаго. Когда городъ былъ занятъ французскими войсками, какой-то генералъ, найдя домъ г. Всеволожскаго хорошо отдѣланнымъ, помѣстился тамъ; типографія была въ порядкѣ и могла работать, работники остались тамъ; генералъ завладѣлъ ею, велѣлъ г-ну Гюе снять прежнюю вывѣску: „Типографія Императорской Академіи“ и повѣсить новую: „Императорская типографія великой арміи.“ *) Я не думаю, чтобы эта временная типографія напечатала что-нибудь, кромѣ приказовъ дня или прокламацій. Впослѣдствіи я нашелъ въ своихъ бумагахъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія. Офицеръ, поселившійся въ домѣ, былъ генералъ Лагранжъ. Когда рабочіе хотѣли бросить станки, генералъ не велѣлъ г. Гюе удерживать ихъ насильно, а прибавилъ имъ жалованья, обѣщая выдавать его каждый вечеръ. Они-то, подъ надзоромъ г. Гюе, печатали всѣ

*) Imprimerie Imperiale de la grande armée.

прокламаціи и бюллетени великой арміи. Нѣкоему г. Левро, слѣдовавшему за арміею съ маленькой походной типографіей, было поручено графомъ Дарю расплачиваться со всѣми, и онъ принужденъ былъ даже. въ счетъ денегъ, отдать матеріалы своей маленькой типографіи. Когда французы уходили, г. Гюе боялся, чтобы сношенія съ ними не повредили ему въ глазахъ русскихъ властей, когда они вернутся въ городъ: онъ пошелъ было за войсками, но въ первый же день похода французскіе солдаты ограбили и обидѣли его, такъ что онъ поспѣшилъ вернуться въ Москву, гдѣ никто и не думалъ побезпокоить его.

Свѣдѣнія о г. Всеволожскомъ, а также и о г. Семенѣ можно найти въ „Воспоминаніяхъ“ г-жи Фюзи. (II, 261 и д.)

11) Г-жа Фюзи, участвовавшая во всѣхъ этихъ концертахъ, ничего не говоритъ объ итальянскихъ пѣвцахъ, а между тѣмъ они дѣйствительно были; я самъ зналъ одного заслуженнаго кастрата, который былъ въ это время въ Москвѣ.

По поводу вопроса о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, мы находимъ у г. De Beauchamp: Critique historique..... sur l'ouvrage du général comte de Ségur. Paris 1825, *) слѣдующую замѣтку, которую стоитъ привести здѣсь.

О фальшивыхъ ассигнаціяхъ **).

„Когда предварительныя условія мира были написаны въ Тильзитѣ между Россіей и Франціей, одно довѣренное лицо Наполеона предложило своему господину попытаться сдѣлать въ Петербургѣ то, что не удалось въ Вѣнѣ. Подъ личиною дипломатическаго посольства, этотъ опасный эмиссаръ поѣхалъ туда, и вскорѣ ему удалось отправить въ Парижъ, на Монпарнасскій бульваръ, образцы досокъ, матрицы и пунсоны русскихъ банковыхъ билетовъ. Могли ли заподозрить въ Петербургѣ его злобныя намѣренія, когда онъ явился туда подъ священнымъ именемъ посланника и съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ?

Всевозможныя предосторожности были приняты, чтобы парижскіе художники, которыми воспользовались для подделки, не догадались, для какого позорнаго дѣла унижаютъ ихъ талантъ. Довѣріе было оказано только гг. В. и Ф.; первый, словолитчикъ, получалъ отъ художниковъ гравированныя буквы, цыфры и виньетки и составлялъ такъ называемую доску: — г-ну Ф.., типографщику, было поручено тисненіе; онъ призвалъ себѣ въ помощники г. С...., который долго работалъ въ его типографіи, и г. Д...., который скрываетъ теперь свое существованіе въ одной изъ типографій Брюсселя.

Въ 1812 г. хотѣли побить Россію тѣмъ же оружіемъ, которое употребили въ 1809 г. противъ Вѣнскаго двора, выпустивъ фальшивые банковые билеты, чтобъ подорвать государственный кредитъ; но на этотъ разъ Бонапарту не посчастливилось. Въ поддѣлкѣ русскихъ билетовъ представились неожиданныя затрудненія: она производилась медленно, что было противно нетерпѣливому характеру Наполеона. Кампанія уже началась, когда привезли 28 ящиковъ съ фальшивыми ассигнаціями: онъ не успѣлъ пустить ихъ въ обращеніе: распространять ихъ въ городахъ, по которымъ проходила армія, было невозможно, потому что они опустѣли. Всѣ эти препятствія были роковыми предзнаменованіями. Бонапартъ, продолжая свой смѣлый походъ, дошелъ до Москвы: тогда судьба его рѣшилась. Покидая пепелъ этого новаго Иліона, онъ велѣлъ сжечь 28 ящиковъ. въ которыхъ хранились банковые билеты“.

По этому разсказу, ассигнаціи слѣдовали за арміею вплоть до Москвы; по словамъ г. Сегюра онѣ остались въ Вильнѣ: все равно, фактъ подтвержденъ исторически. На какія размышленія наводитъ онъ! Среди Парижа

*) Де Бошанъ: Историческая критика..... сочиненія генерала графа де Сегюра. Парижъ, 1825 г.

**) Сличи Р. Арх. 1865.

устраивается типографія для дѣланія фальшивыхъ билетовъ Вѣнскаго, Русскаго и Лондонскаго банковъ!

Какія имена скрываются подъ заглавными буквами — это все равно; но дипломатическій агентъ такъ ясно указанъ, что можно пожалѣть о немъ, если поступокъ, въ которомъ его обвиняютъ, ложенъ. Коленкуръ, герцогъ Виченскій, былъ посланникомъ Наполеона при Русскомъ дворѣ въ 1807 — 1811 г. (О г. де Лористонѣ не можетъ быть и рѣчи: онъ появлялся при этомъ дворѣ еще до вторженія французовъ). И такъ вотъ еще клеймо безчестья на груди этого человѣка, который уже былъ призванъ на судъ исторіи за убійство герцога Энгіенскаго: не смотря на защиту г-на де Баранта (Biogr univ. LX, 311.) потомство всегда будетъ видѣть въ Коленкурѣ одного изъ клевретовъ Наполеона. Это слѣдствіе задавленной гласности; пока обвиненіе не можетъ свободно произноситься, — до тѣхъ поръ не возможна и защита. Время покажетъ еще истину.

12) Это мѣсто разсказа Шевалье требуетъ поясненія. Я не стану сравнивать прежнюю и теперешнюю французскую колонію въ Москвѣ, но я долженъ сказать, что старая отличалась отъ новой большею вѣжливостію и хорошими манерами. Причина этому очень простая. Та колонія состояла большею частію изъ чистыхъ французовъ, переселившихся изъ Эльзаса, Лоррени и Трехъ-Епископствъ; бракъ Императора Павла съ Виртембергской принцессой, которая воспитывалась близь Франціи, въ Монбельярѣ, ея наслѣдственномъ владѣніи, привлекъ въ Россію множество жителей этого княжества. Нидерланды и въ особенности Люттихъ также сильно пополнили эту колонію, которая вербовала своихъ членовъ главнымъ образомъ изъ этой страны французскаго языка; къ этому еще нужно прибавить выходцевъ французской Швейцаріи, которыхъ можно встрѣтить всюду. Побѣды Наполеона отозвались вездѣ, и всѣ эти различныя національности слились въ одну. Революція выслала въ Россію большое количество эмигрантовъ, дворянъ и священниковъ; терроръ, а потомъ огромная растрата тѣла человѣческаго, сдѣланная Наполеономъ, также вытѣснила сюда много народу. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, путешествія стоили дорого и совершались съ трудомъ, а Россія была далеко не такъ доступна, какъ теперь; поэтому колонія почти не пополнялась. Дешевизна матеріяльныхъ средствъ позволяла жить изо дня въ день и къ несчастію безо всякой предусмотрительности; постоянныя сношенія французовъ съ высшими классами общества пріучили ихъ къ осторожности и давали имъ привычки, которыхъ они не имѣютъ теперь. Когда въ это однородное общество попадалъ новый пришлецъ, онъ входилъ въ составъ его и въ короткое время утрачивалъ грубость, которую приносилъ съ собою. Развѣ можно сказать, что это маленькое общество не имѣло никакой самобытности? Такъ думать было бы ошибочно; въ немъ было ея больше, чѣмъ у его преемниковъ. — Развитіе промышленности и въ особенности мелкой, проведеніе дорогъ, сперва казенныхъ, потомъ желѣзныхъ, введеніе пароходовъ, расширеніе потребностей, а въ особенности облегченіе возможности проникнуть въ страну привлекли въ Россію, и въ особенности въ Москву, большое количество иностранцевъ. Дѣловая жизнь со всѣми ея послѣдствіями, совершенно другія отношенія къ туземнымъ жителямъ, привели къ тому, что члены теперешней французской колоніи въ Москвѣ ничѣмъ не отличаются отъ своихъ соотечественниковъ во Франціи. Права и обычаи французовъ, жившихъ въ несчастномъ городѣ, который попалъ въ когти коршуна, были сходны съ обычаями французскихъ провинцій прошлаго вѣка; въ такомъ видѣ они просуществовали до 1840 года. — Сравните эти мягкіе и мирные нравы съ нравами арміи, которая въ продолженіи 15 лѣтъ исходила Европу изъ конца въ конецъ, со-

крушая престолы, грабя народы, насилуя всякія чувства, нанося оскорбленія, распространяя повсемѣстное горе, отчаяніе и раззореніе, и вамъ будетъ понятно отвращеніе Шевалье д'Изарна, стараго эмигранта. Впрочемъ.—чего же и ждать отъ арміи, у которой осталось одно отечество -въ лагерѣ и подъ знаменами? И вотъ мы, можемъ быть, скоро увидимъ возвращеніе этихъ печальныхъ дней. Не больно ли видѣть, какъ наша прекрасная Франція тратитъ сокровища и кровь своихъ дѣтей для того, чтобы возбудить противъ насъ ненависть, которую едва заглушили 50 мирныхъ лѣтъ? Кто усомнится, можетъ быть, въ томъ, что я сказалъ о прежней французской колоніи, того я отсылаю къ „Воспоминаніямъ" г-жи Фюзи.

13) Такъ какъ металлическія деньги сдѣлались рѣдкостью, то при импер. Екатеринѣ (можетъ быть и раньше; я знаю толкъ лишь въ тѣхъ деньгахъ, которыя самъ видѣлъ) рѣшили выпустить бумажныя деньги. Колебанія и паденіе цѣнъ на бумажки измѣнили отношеніе ихъ къ серебряной и золотой монетѣ. Послѣ удаленія Французовъ цѣна упала до ¾. Всѣ эти перевороты вліяли только на отношеніе бумажекъ къ серебряной и золотой монетѣ: мѣдь же, простонародная монета, осталась прежняго качества.—Когда серебряный рубль стоилъ 4 руб. ассигн. (тогда 400 коп.), копѣйка осталась копѣйкою, такъ что на рубль серебромъ или 4 ассигн. теперь давали 80 этихъ огромныхъ монетъ, вмѣсто прежнихъ двадцати. Не нужно прибавлять, что теперь уже этого нѣтъ. Я слышалъ, что капитаны торговыхъ кораблей нажили себѣ большія состоянія, вывозя эту монету за границу для переплавки. Когда мѣдная монета была замѣнена новою, вывозъ этихъ денегъ уменьшился; двухъ-копѣечныя монеты, называемыя *грошами*, имѣли стоимость 5-ти сантимной монеты, называемой *су*. Многіе пользовались тогда этою разностію и извлекали изъ нея большія выгоды; я говорю объ этомъ утвердительно, потому что зналъ многихъ, занимавшихся такими спекуляціями; нѣтъ такой провинціи во Франціи, гдѣ не видали бы этой монеты.

14) На какомъ основаніи Шевалье д'Изарнъ приводитъ только начальную букву этого имени? Плѣнный былъ никто иной какъ молодой Нарышкинъ, адъютантъ генерала Винценгероде: они были взяты въ плѣнъ лейтенантомъ вольтижеровъ 5-го линейнаго полка, г-омъ Лелё де Мопертюи.

15) Я слышалъ другое объясненіе снятія этого креста. Французовъ поражалъ видъ золоченыхъ куполовъ. Кто-то сказалъ имъ, что крестъ, украшающій колокольню Ивана Великаго, весь слитъ изъ золота и жадность побудила ихъ снять его. Что съ нимъ сдѣлали? Что онъ не увезенъ во Францію, — это вѣрно: но Москвичи не видали его больше. Очень вѣроятно, что его бросили на дно какой нибудь рѣки, можетъ быть въ Березину.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О СЕЛѢ ГРУЗИНѢ *)

имѣніи графа Аракчеева въ 1826 году.

Описаніе села Грузина, напечатанное въ № 228 С. Петербургскихъ вѣдомостей 1858 года, вызвало во мнѣ нѣсколько воспоминаній, думаю, не лишенныхъ интереса по многимъ подробностямъ о предметахъ, которыхъ коснулась рѣчь въ этой статьѣ.

Грузино очень памятно мнѣ по слѣдующему случаю. Весною 1826 года первые баталіоны 1-й гвардей-

*) Въ 81½ верстѣ отъ Новгорода и въ 140 отъ Петербурга, на Волховѣ, нѣкогда принадлежавшее Деревяницкому монастырю, было въ 1705 году пожаловано князю Меньшикову, а въ 1796 отдано Императоромъ Павломъ I-мъ графу А. А. Аракчееву.

ской дивизіи выступали въ походъ изъ Петербурга въ Москву, для предстоявшей тамъ коронаціи Императора Николая 1-го; по службѣ моей въ 1-мъ баталіонѣ Преображенскаго полка и я находился въ этомъ походѣ. На станціи Чудово баталіону назначена была дневка, а до Грузина оставалось только 12 верстъ, и потому, имѣя нѣсколько часовъ свободнаго времени, я съ товарищемъ, испросивъ дозволеніе начальства, поѣхалъ осмотрѣть это замѣчательное мѣстечко. Дорога, устроенная среди болотъ по высокой дамбѣ, усаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями, была прежде, какъ сказывалъ нашъ ямщикъ, часто разрушаема разлитіемъ Волхова, но наконецъ укрѣплена такъ, что выдерживаетъ всякую борьбу съ природой. Прибывъ къ Волхову, мы на лодкѣ быстро переплыли на другой берегъ, гдѣ на первомъ шагу самая изысканная чистота, но и вмѣстѣ совершенное отсутствіе жизни, обратили на себя наше вниманіе. Первое, что̀ по выходѣ на берегъ мы осмотрѣли, былъ каменный гротъ, гдѣ поставлена старая рыбачья лодка и возлѣ на металлической доскѣ подпись (но объ ней послѣ). Въ то время графъ Аракчеевъ былъ въ Петербургѣ, и мы знали, что онъ возвратится къ 2 часамъ; а было еще утро, и полагая, что до пріѣзда его успѣемъ все осмотрѣть, мы исходили всю усадьбу; когда же къ первому часу подошли къ берегу, то встрѣтили нашего полковаго командира Генералъ-Адъютанта Исленьева и съ нимъ еще двухъ-офицеровъ, также пріѣхавшихъ осмотрѣть Грузино, и въ же минуту, по телеграфу, устроенному на станціи Чудово, дано знать, что графъ прибылъ на станцію и ѣдетъ въ свое имѣніе. Вновь пріѣхавшимъ гостямъ не было уже возможности удалиться, и мы рѣшили ожидать на берегу пріѣзда знаменитаго владѣльца Грузина. Онъ не заставилъ себя долго ждать; тотчасъ собрались къ пристани староста въ золотомъ кафтанѣ, сотскіе и нѣкоторые изъ домашнихъ людей. Это было на Святой недѣлѣ, и графъ, въ сопровожденіи начальника Штаба Военныхъ Поселеній, вышелъ на берегъ, похристосовался со старостою и сотскими, увидалъ Генералъ-Адъютанта Исленьева и, узнавъ отъ него, что общество офицеровъ пріѣхало осмотрѣть Грузино, остался этимъ доволенъ, взялъ Исленьева подъ руку и отправился въ домъ, а въ слѣдъ за тѣмъ прислалъ пригласить насъ всѣхъ къ нему обѣдать. Пріемъ его былъ очень ласковъ, и обѣдъ весьма хорошій, хотя прежде, при осмотрѣ дома, мы видѣли, что столъ приготовленъ былъ на 2 куверта, а насъ прибыло 5. Изъ разговора за столомъ мнѣ остался памятенъ одинъ случай. Графъ спросилъ: «какъ вы думаете, сколько я уже сдѣлалъ верстъ между Петербургомъ и Грузино?» Я сказалъ 80,000. Его удивилъ мой отвѣтъ, и онъ выразительно спросилъ меня, почему я это знаю; я отвѣчалъ, что слышалъ такъ отъ своего знакомаго. «Да такъ, такъ; это уже знаютъ!» Потомъ онъ говорилъ о быстротѣ своей ѣзды изъ Петербурга до Грузина, отъ 6 часовъ утра до 2-хъ по полудни, и прибавилъ: «любятъ меня и угождаютъ!»

Послѣ, при возвращеніи нашемъ, ямщикъ разсказывалъ намъ о скорой ѣздѣ графа: «мы выставляемъ въ полъ-«станцію ему подставу, а то бѣда, «ежели проѣдетъ болѣе 8 часовъ!»

За обѣдомъ графъ говорилъ, что въ вотчинѣ теперь всего 32 деревни, но что ихъ было болѣе, а онъ все перестроилъ по планамъ, что всѣ дороги

отъ одной деревни до другой шоссейныя, что всѣ постройки и работы сдѣланы собственными его средствами, и вообще крестьяне блаженствуютъ. Послѣ обѣда графъ былъ особенно ласковъ и словоохотливъ и, казалось, ему очень хотѣлось высказаться, сообщить многое, касающееся близкаго его положенія къ покойному Императору Александру 1-му....

Сперва повелъ онъ насъ въ комнату, занимаемую Императоромъ Александромъ 1-мъ, во время посѣщеній Грузина, и указалъ на диванъ, на которомъ почивалъ онъ; здѣсь въ послѣдствіи графъ Аракчеевъ поставилъ портретъ Императора и сдѣлалъ слѣдующую надпись: „*Въ Бозѣ почивающій Государь, отецъ и благодѣтель мой, Императоръ Благословенный Александръ 1-й, въ пріѣздъ свой къ графу Аракчееву въ село Грузино, всякій разъ изволилъ занимать сіи комнаты. Посѣтитель! преклони колѣна съ умиленіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ на мѣстѣ семъ и принеси теплую молитву ко Всевышнему, объ успокоеніи въ Царствіи Небесномъ души Александра Благословеннаго Отца Отечества!*“ На этомъ самомъ диванѣ графъ Аракчеевъ окончилъ свою жизнь, и взоры его до послѣдней минуты были обращены на портретъ горячо-любимаго имъ Императора.

За тѣмъ графъ обратилъ вниманіе наше на письменный столъ, покрытый множествомъ разныхъ вещей.

«Это столъ, — сказалъ онъ, — на которомъ Императоръ Александръ 1-й писалъ, когда пріѣзжалъ въ Грузино». И въ этомъ родѣ продолжался весь остальной разсказъ графа; поразительна была точность, съ какою сохранилось у него воспоминаніе о каждой вещи, которая чѣмъ нибудь напоминала ему покойнаго Императора, и во всѣхъ словахъ его видѣлось священное уваженіе къ этимъ предметамъ.

«Вотъ ящикъ, гдѣ хранятся пустые конверты съ собственноручными на нихъ надписями Императора Александра 1-го на мое имя, какъ то: «графу Аракчееву, графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву.» За симъ онъ взялъ листъ лежавшій сверху и прочелъ слѣдующее: «*въ этомъ ящикѣ лежатъ конверты съ собственноручными надписями покойнаго Императора Александра 1-го къ графу Аракчееву за три послѣдніе года.*» За прежніе года графъ Аракчеевъ имѣлъ неосторожность подобные конверты разрывать, чего онъ себѣ никогда не прощалъ. Конверты же съ письмами отъ Императора, на которыхъ адресъ былъ печатный или писанъ другою рукою, всѣ уничтожены; всѣхъ тутъ конвертовъ находится 840, разной величины.

Потомъ указалъ на маленькій сафьяный ящикъ, гдѣ находились 4 ружейныя чугунныя пули элиптической формы, совершенно подобной голубиному яйцу, и сказалъ: «Я сохраняю эти пули для того, что человѣкъ не долженъ зазнаваться и помнить, что всегда можетъ сдѣлать глупость. Вотъ въ чемъ дѣло: въ 1812 году, когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ и страхъ былъ всеобщій, Императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Ко мнѣ явился нѣкто, предлагающій мнѣ вылить подобныя пули на вѣрно попадающія, дай ему средство дѣломъ заняться.» Я, осмотрѣвъ пулю, позволилъ себѣ сказать: «Вы вѣрно хотите похристосоваться съ Вашею арміею и подарить каждому солдату по чугунному яйцу; повѣрьте, Государь, этотъ изобрѣтатель — обманщикъ: пуля по своей формѣ далеко и мѣтко летѣть не можетъ!» На это Императоръ мнѣ сказалъ: «ты

глупъ!» Я замолчалъ, далъ прожектеру средство что-то дѣлать и забылъ о томъ. Вскорѣ затѣмъ Императоръ вновь меня призвалъ и сказалъ: «Явился человѣкъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всю армію Наполеона; отведи ему близь Москвы удобное мѣсто и дай средство къ работѣ.» Я вновь позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нелѣпости дѣла и вновь получилъ въ отвѣтъ: «ты глупъ!» Прошло не много времени, какъ мнѣ донесли, что прожектеръ шара бѣжалъ; съ самодовольнымъ лицомъ предсталъ я предъ Императора и донесъ о случившемся; но каково было мое удивленіе, когда Императоръ съ улыбкою сказалъ мнѣ: «ты глупъ!» Тогда только мнѣ все прояснилось: для народа подобныя мѣры, въ извѣстныхъ случаяхъ, нужны; такія выдумки успокоиваютъ легковѣрную толпу, хотя на малое время, когда нѣтъ средствъ отвратить бѣду. Народъ тогда толпами ходилъ изъ Москвы на разстояніе 7 верстъ къ тому мѣсту, гдѣ готовили шаръ; это было на уединенной дачѣ, окруженной заборомъ, куда внутрь никого не пускали; но народъ, возвращаясь домой, разсказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врагу, и тѣмъ довольствовался. Часто послѣ того Императоръ со мною говорилъ объ этомъ случаѣ, удивлялся, что я въ первый же разъ его не понялъ, и я сознавался, что точно «былъ глупъ», возражая намѣреніямъ, придуманнымъ для спокойствія толпы.»

Во внутренности футляра на крышѣ сдѣлана надпись: «пули чугунныя, отданныя Государемъ Императоромъ Александромъ 1-мъ, при полученіи коихъ сдѣланъ былъ графомъ неосторожный отвѣтъ, за который Его Величество изволилъ показать свое неудовольствіе, почему графъ Аракчеевъ, сознаваясь въ своей ошибкѣ, въ память сего сохранилъ эти пули.»

Затѣмъ графъ показалъ намъ ящикъ въ 4 вершка длины и ширины, а сверху стекло; подъ нимъ было полотно, на которомъ виднѣлась мѣтка: А «Это, сказалъ онъ, рубашка Императора Александра, мнѣ подаренная, и въ ней я буду похороненъ. Исторія ея слѣдующая: когда покойная Императрица была въ предсмертныхъ страданіяхъ, и не было надежды къ ея выздоровленію, то Императоръ Павелъ 1-й, зная, что его ожидаетъ вступленіе на престолъ, послалъ за мною въ Гатчину, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ въ Петербургъ *); дороги тогда были дурныя; я скакалъ что было силы и весь въ пыли явился къ Императору. — Онъ меня принялъ самымъ ласковымъ манеромъ, сказалъ мнѣ: «служи мнѣ вѣрно» и, взявъ меня за руку, подвелъ къ Александру, положилъ мою руку въ его руки и сказалъ: «будьте друзьями!» И мы всегда были друзьями. Александръ, видя меня всего въ пыли, сказалъ: «вѣрно ты за скоростію бѣлья чистаго не взялъ съ собою; пойдемъ ко мнѣ, я тебѣ дамъ», и тогда далъ мнѣ эту рубашку. Послѣ я ее у него выпросилъ, и вотъ она; а когда умру, то ее на меня надѣнутъ, и въ ней я буду похороненъ». Графъ точно похороненъ

*) Аракчеевъ служилъ тогда начальникомъ артиллеріи Гатчинскаго гарнизона, Подполковникомъ; въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ Ген.Маіоры, получилъ Анну 1-й степени, Александра Невскаго, помѣстье Грузино и достоинство барона; въ 1799 году послѣ кратковременной отставки назначенъ командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, командующимъ Гвардіи артиллерійскимъ баталіономъ, инспекторомъ всей артиллеріи и возведенъ въ графское достоинство.

въ этой рубашкѣ, а ящикъ и до сихъ поръ хранится въ ризницѣ.

Тутъ же въ столѣ находится портфель для бумагъ съ слѣдующею надписью: «Графъ Аракчеевъ въ теченіи 25 лѣтъ употреблялъ портфель сію для доклада дѣлъ Государю Благословенному Императору—его отцу и благодѣтелю Александру Павловичу. Она содержала въ себѣ много важныхъ и благодѣтельныхъ для пользы отечества приказаній и учрежденій».

«Послѣ кончины Государя Императора портфель сія останется въ сей его комнатѣ, для вѣчнаго въ оной храненія.»

Въ портфелѣ семъ находятся бумажныя обертки съ печатной надписью: къ подписанію *по дѣламъ Государственнаго Совѣта*, *Комитета Министровъ*, *Клейнмихелю*, *Муравьеву*, *Танѣеву*, *въ Корпусный штабъ военныхъ поселеній*, *по гражданской части*, *по Корпусу путей сообщенія*, *по Святѣйшему Синоду*.

Еще была тутъ на столѣ карта Россіи и подпись на ней: «карта послѣдняго путешествія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I-го, пожалованная Его Величествомъ графу Аракчееву предъ отбытіемъ изъ С. Петербурга, 30 Августа 1825 года».

На столѣ былъ тоже маленькій бюстъ Императора Александра 1-го съ надписью: «*возвеселилъ Россію и освободилъ Европу.*»

Потомъ, провожая далѣе, графъ указалъ на сафьянныя кресла, на которыхъ Императоръ сидѣлъ, и на подножку къ нимъ, гдѣ онъ больную свою ногу могъ успокоить; ибо въ послѣдній разъ, когда онъ пріѣзжалъ сюда, у него была рожа на ногѣ.

Во всѣхъ словахъ и мысляхъ графа выражались необъятная преданность, неподдѣльная любовь и высокое благоговѣніе къ памяти покойнаго Императора; во всемъ видна была душа и сердце, жаждущія высказать эти чувства предъ каждымъ и находящія собственную отраду, когда представится къ тому случай.

Теперь прошло уже 43 года, и нѣтъ возможности припомнить всѣ мелкія подробности, сообщенныя тогда; но помню, что всѣ мы были поражены глубиною чувства, этимъ благоговѣніемъ графа, которымъ онъ увлекался, а также и тѣмъ, что слышимъ такую увлекательную рѣчь отъ человѣка, о которомъ и тогда еще Россія неиначе говорила, какъ шопотомъ и даже предъ именемъ котораго каждый, проѣзжая мимо дома, имъ занимаемаго, останавливалъ свое дыханіе и всякую мысль свою.

Въ послѣдствіи, въ 1836 году, случилось мнѣ опять побывать въ Грузинѣ. Все было въ томъ же порядкѣ, и повсюду глубокая тишина; графъ Аракчеевъ скончался въ 1834 году. Въ теченіи промежуточныхъ лѣтъ моего тамъ посѣщенія многое прибавилось, и графъ Аракчеевъ, казалось, употребилъ всѣ умственныя свои способности, чтобы и за смертью своего благодѣтеля, сохранить во всемъ его память и выразить всю безпредѣльную свою преданность къ Императору Александру I-му.

Мы увидѣли въ первой комнатѣ серебряную четырехъ-угольную колонну въ $1\frac{3}{4}$ арш. вышины и въ 3 пуда $4\frac{1}{2}$ фун. вѣса; на ней стоялъ бюстъ покойнаго Императора, по сторонамъ на серебрѣ написано.

Съ правой стороны: «Въ безконечное время незабвенныя эпохи во всеобщей исторіи всего міра Императоръ Александръ Благословенный.

1. Родился 1777 года 12 декабря.

2. Объявленъ Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола 1796 года 6 ноября.

3. Вступилъ на Всероссійскій престолъ 1801 года 12 марта.

4. Коронованъ 1801 года 15 сентября.

5. Присоединилъ къ Россіи всю Финляндію 1809 года 5 сентября.

6. Освободилъ Европу отъ Наполеонова владычества 1814 года 19 марта.

7. Присоединилъ къ Россіи царство Польское 1815 года 9 мая.

8. Скончался въ Таганрогѣ 1825 года 19 ноября.

9. Тѣло его погребено въ С. Петербургѣ 1826 года 13 марта.

10. День его ангела 30 августа.

На лѣвой сторонѣ: «Драгоцѣннѣйшіе дни въ жизни графа Аракчеева пребываніемъ въ Грузинѣ, въ сихъ самыхъ комнатахъ, Императора Александра Благословеннаго: 1810 г.-7 іюля; 1816 г.-8 іюня; 1819 г.-27 іюня; 1820 г.-4 марта, 26 іюня; 1821 г. 22, 23 и 24 іюня; 1822 г.-15 іюня; 1823 г.-15, 16, 17 марта, 3 и 4 іюня; 1824 г.-24 и 25 іюня и 1825 г. 26 и 27 іюня.»

На задней сторонѣ: «Подножіе сіе къ изображенію незабвеннаго Императора Александра Благословеннаго сдѣлано послѣ его кончины вѣрноподданнымъ слугою графомъ Аракчеевымъ. Да пребудетъ оно въ семъ домѣ и въ сихъ самыхъ комнатахъ для сего назначенія во вѣки вѣковъ. Аминь.

«А если кто осмѣлится обратить на другое какое употребленіе, то да будетъ ему наказаніе Божіе, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни.»

Надпись съ передней стороны: «Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ: не покидай друга и вѣрнаго «тебѣ друга. Таганрогъ, сентября 22, «1825 года.»

(Это послѣднее письмо Императора Александра Благословеннаго къ графу Аракчееву)

Подъ этимъ находится отвѣтъ графа:

«Прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну Тебя, на всякъ день живота моего.»

Тутъ же была фуражка, обтянутая черной клеенкой, подъ стекляннымъ колпакомъ. На подкладкѣ этой фуражки сдѣлана рукою графа надпись: «Пожалована Государемъ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ въ 1823 году въ Царскомъ Селѣ.» Государь въ Царскомъ Селѣ пригласилъ графа сдѣлать въ нимъ прогулку; но, увидавъ, что онъ былъ въ шляпѣ, велѣлъ ему подать свою фуражку.

Нельзя не упомянуть тоже о бронзовыхъ часахъ, заказанныхъ графомъ въ Парижѣ по смерти Императора Александра 1-го *);

Окончивъ свой разсказъ, онъ пожелалъ намъ пріятной дороги и указалъ осмотрѣть еще Соборъ, куда мы и отправились.

На сѣверной сторонѣ Собора, на площадкѣ, находится памятникъ, воздвигнутый графомъ Аракчеевымъ *„въ память въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору благодѣтелю моему Александру Благословенному“* **).

---

*) О нихъ уже напечатано въ Р. Архивѣ, см. выше стр. 1183 и д.

**) Можно утвердительно сказать, что всѣ эти монументальныя изъявленія были дѣломъ искренняго чувства. Въ нихъ любила находить себѣ отраду суровая душа Аракчеева послѣ чрезвычайныхъ трудовъ и напряженій. Такого рода восполненія встрѣчаемъ и у другихъ подобныхъ ему людей: это именно значеніе имѣютъ напр. синодики и богомольство Іоанна Грознаго, или свѣжіе цвѣты на груди Робеспьера во время подписанія страшныхъ приговоровъ. *П. Б.*

Самый соборъ довольно подробно описанъ въ Спб. вѣдомостяхъ 1858 г. № 228; но можно еще сообщить нѣкоторыя частности.

Противъ царскихъ дверей, на западной сторонѣ, четыре мѣдныя доски.

На первой, въ срединѣ которой подъ стекломъ лежитъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ Положеніе о заемномъ банкѣ для крестьянъ Грузинской вотчины, слѣдующая надпись: *Грузинскій Соборъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго учрежденъ Императоромъ Александромъ І-мъ 1811 года апрѣля 16 дня*

На второй доскѣ, надъ которой находится бронзовый бюстъ Императора Петра І-го, а по срединѣ гербъ графа Аракчеева, вырѣзано: „*Грузинская вотчина, бывшая во владѣніи монастырей, пожалована Государемъ Императоромъ Петромъ І-мъ 1705 года князю Александру Даниловичу Меньшикову*“.

На третьей доскѣ, на которой бюстъ Императора Павла І-го, вырѣзано: „*Грузинская волость, въ 2000 душахъ состоящая, пожалована Императоромъ Павломъ Петровичемъ, въ вѣчное потомственное владѣніе графу Алексѣю Аракчееву 1796 года декабря 12 дня*“. На срединѣ этой доски находится также гербъ.

На четвертой доскѣ, надъ которой бюстъ Императора Александра І-го, находится въ срединѣ подъ стекломъ рескриптъ Императора Александра І графу Аракчееву, по случаю Высочайшаго посѣщенія села Грузина 1810 года 7 іюля, слѣдующаго содержанія: «Графъ Алексѣй Андреевичъ! устройство и порядокъ, которые лично видѣлъ Я въ деревняхъ Вашихъ, при посѣщеніи Васъ на возвратномъ пути Моемъ изъ Твери, доставили Мнѣ истинное удовольствіе. Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства Государственнаго. По сему Я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взираю на всѣ свѣдѣнія, доходящія ко Мнѣ о благоустройствѣ частныхъ сельскихъ учрежденій, и всегда желаю, чтобы число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ отечествѣ нашемъ умножалось. Надѣяться должно, что примѣръ ихъ изгладитъ постепенно слѣды тѣхъ неустройствъ, кои, къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ, необдуманная роскошь или небреженіе доселѣ въ сей части оставили. Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того благоустройства, которое въ короткое время безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ, успѣли Вы ввести въ Вашемъ селеніи, Я поспѣшаю изъявить Вамъ истинную Мою признательность за удовольствіе, которое Вы Мнѣ симъ доставили: когда съ дѣятельною государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Александръ. С. Петербургъ 21 іюля 1810 г.»

Къ рескрипту этому приложенъ переводъ на французскомъ языкѣ.

Между третьей и четвертой досками есть еще одна, на которой обозначены числа и годы, когда Императоръ Александръ І-й посѣщалъ Грузино, и двѣ медали: одна съ изображеніемъ Александра І, съ надписью «Благословенный скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года»; а на другой Всевидящее око съ надписью «нашъ ангелъ въ небесахъ.»

На сѣверной сторонѣ находится надгробный памятникъ. По стѣнѣ наверху бюстъ Императора Павла 1; за тѣмъ жертвенникъ, предъ которымъ изображеніе преклонившагося воина, на щитѣ у него гербъ графа, а на жертвенникѣ написано: *сердце чисто и духъ правъ предъ Тобою.* Внизу плоскій продолговатый камень, и на немъ надпись: *да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія Твоего.* А потомъ: «на семъ мѣстѣ погребенъ Русскій Новгородскій дворянинъ, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, родился 1769 года сентября 23 дня, умеръ».... надпись ожидала своего времени, которое и наступило въ 1834 году апрѣля 21 дня. Впереди сего камня, изъ бронзы стоитъ ангелъ на колѣняхъ и держитъ въ одной рукѣ образъ, котораго графъ Аракчеевъ никогда не оставлялъ, а въ другой лампаду предъ тѣмъ образомъ; на груди ангела возложенъ, на золотой цѣпочкѣ, образъ съ изображеніемъ Св. Алексѣя и мученицы Анастасіи съ надписью на другой сторонѣ: «двухъ христіанскихъ друзей дни тезоименитства 5 октября трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Іоны, и 29 октября мученицы Анастасіи; дни рожденія 23 сентября и 29 марта». Возлѣ самаго надгробнаго камня на полу, изъ шестиугольныхъ чугунныхъ плитъ одна плита бронзовая, и на ней надпись: «здѣсь лежитъ двадцатипятилѣтній другъ, Анастасія, убіенная дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ея преданность къ графу». *) На доскѣ были три букета цвѣтовъ. Скоро эта доска была опущена ниже пола и закрыта чугунной плитой, но ее можно было подымать, и тутъ видны были три засохшіе букета; нынѣ все задѣлано на глухо.

На южной сторонѣ воздвигнутъ богатый памятникъ убитымъ г. г. офицерамъ Гренадерскаго графа Аракчеева полка; онъ состоитъ изъ множества военныхъ доспѣховъ, сдѣланныхъ изъ бронзы, посреди ихъ тоже шесть знаменъ принадлежавшихъ его полку. Имена убитыхъ офицеровъ слѣдующія: 1, Штабсъ-капитанъ *Сабуковъ*, 2., Поручикъ *Усовъ*, 3., Подпоручикъ *Кириловъ*, 4., Прапорщикъ *Микульшинъ*, 5, Маіоръ *Куличевскій*. 6. Поручикъ *Кондратьевъ*, 7. Подпоручикъ *Засѣцкій*, 8. Прапорщикъ *Дергачь*, 9., Маіоръ *Древецкій*, 10., Прапорщикъ *Апухтинъ*, 11., Подпоручикъ *Яндоуровъ*. 12., Поручикъ *Егоровъ* и 13., Поручикъ *Яковлевъ*. Знамена полка графа Аракчеева, бывшаго Ростовскаго- шелковыя, старыя, изорванныя.

На иконостасѣ боковаго придѣла находится образъ вышиною 2 аршина, шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, въ вызолоченной рамѣ, изображаетъ Святыхъ: Апостола Павла возносящагося съ портретомъ Императора Павла 1 на небеса, а внизу Алексія Митрополита Московскаго, праведныя Елисаветы, Апостола Андрея Первозваннаго, мученицы Наталіи, Петра Митрополита Московскаго. (Всѣ эти имена Святителей принадлежатъ лицамъ фамиліи графа Аракчеева).

Около главнаго иконостаса по обѣ стороны на стѣнахъ находятся бронзовыя доски съ надписями.

На правой сторонѣ: «Въ 1796 году мѣсяца декабря 12 дня, Государь

---

*) Настасья Ѳедоровна Минкина, см. письма ея къ гр. Аракчееву въ Р. Архивѣ 1868 г. Аракчеевъ былъ въ связи съ нею еще до своей женитьбы; она съумѣла разлучить его съ женою и скоро снова овладѣла имъ. Любопытно знать, видалъ ли когда ее императоръ Александръ Павловичъ? *П. Б.*

Императоръ Всероссійскій Павелъ первый пожаловалъ въ Новгородской губерніи волость имянуемую село Грузино разныхъ орденовъ кавалеру графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, который воздвигнулъ сей памятникъ — церковь Св. Апостола Андрея Первозваннаго и святую его икону украсилъ богатою серебряною и вызолоченною ризою съ каменьями, въ коей вѣсу пять фунтовъ, а при освященіи храма перенесена святая икона чиносвященниками въ 1806 году мѣсяца сентября 20 дня, въ память дня рожденія Государя Императора Павла перваго, въ присутствіи Его Сіятельства графа Алексѣя Андреевича Аракчеева и супруги его графини Натальи Өедоровны *) и всей той волости благочестивыми христіанами».

На лѣвой сторонѣ: «Копія съ имяннаго собственноручнаго указа, изъ мѣстечка Таурогена отъ 18 іюня 1807 года:

«Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Графъ Аракчеевъ.

«Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также и исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ Меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ Вашимъ, почему приказомъ Моимъ вчерашняго дня произведены Вы въ Генералы отъ Артиллеріи. Примите сіе знакомъ Моей признательности и особеннаго Моего благоволенія, съ коимъ пребываю Вамъ благосклонный».

„*Александръ*“.

По волѣ покойнаго графа, послѣ каждой литургіи, слѣдуетъ совершать по немъ въ церкви панахиду. Для сего выставляется среди собора столикъ, обыкновенно покрытый чернымъ бархатомъ съ серебряными галунами; но во время сей службы онъ покрывается чахломъ изъ шелковой матеріи, на бокахъ котораго пришиты 10 знаменъ отнятыхъ у Французовъ въ 1812 году. Изъ нихъ шесть съ надписью, золотымъ шитьемъ «Garde Impériale» и буквою N въ срединѣ, и четыре, съ надписью тоже шитьемъ «2 Regiment de chevaux legers. Lanciers», и въ срединѣ вышитъ одноглавый орелъ. Верхъ же столика покрывается особымъ шелковымъ покрываломъ, и на немъ четыре таковыхъ же флага-штандарта съ одноглавымъ орломъ, впереди котораго на груди желѣзная корона Милана, съ надписью вышитою вокругъ: «guardia reale Italiana».

Прежде у самаго надгробнаго камня могилы графа стоялъ налой съ Евангеліемъ въ окладѣ кованаго серебра, и на листахъ сего Евангелія внизу рукою графа написано его духовное завѣщаніе; нынѣ оно находится въ ризницѣ. Въ ризницѣ около серебрянаго Евангелія находятся три ящика оклеенные сафьяномъ.

Первый, величиною въ длину 2 верш. шириною въ $1\frac{1}{2}$ верш., вышиною въ $\frac{1}{2}$ верш. съ надписью на верху: «Портретъ Александра 1-го.» Этотъ портретъ, пожалованный графу Аракчееву, не имѣетъ никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній.

Второй, величиною въ длину $5\frac{1}{2}$ верш., шириною $3\frac{2}{8}$ верш., вышиною $1\frac{2}{8}$ съ надписью: «Здѣсь хранятся части гроба, заключавшаго тѣло въ Бозѣ почивающаго Императора Александра 1-го, при сопровожденіи онаго изъ Таганрога въ Царское Село, изъ котораго тѣло Высочайшаго усопшаго переложено въ Чесмѣ 5 Марта

*) Урожденная Хомутова. Въ день свадьбы она получила фрейленскій шифръ, а по окончаніи вѣнчанія ей пожалованъ Екатерининскій орденъ 2-й ст.

1826 года, въ 9 часовъ по полудни, въ парадный гробъ, приготовленный въ С. Петербургѣ.»

Опись частямъ гроба, въ которомъ заключалось тѣло въ Бозѣ почивающаго Императора Александра 1-го:

1 Золотомъ вышитый двуглавый орелъ.

2 Золотой галунъ.

3 Щурупъ желѣзный.

4 Четыре мѣдныхъ гвоздика.

5 Кусочекъ дерева.

Третій ящикъ, величиною въ длину $6\frac{1}{2}$ верш., шириною $4\frac{2}{8}$ верш., вышиною $1\frac{1}{2}$ верш., съ надписью: «Рубашка покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, пожалованная при восшествіи на престолъ Павла 1-го, графу Алексѣю Аракчееву по неимѣнію у графа Аракчеева при себѣ бѣлья, по случаю экстреннаго его вытребованія изъ Гатчины. Рубашка сія, по смерти графа Аракчеева, должна быть надѣта на него».

Она и надѣта на покойнаго графа Аракчеева.

Кромѣ сего хранится тутъ же мундиръ Императора Александра Семеновскаго полка, присланный графу по кончинѣ Государемъ Императоромъ Николаемъ І-мъ, при собственноручной запискѣ слѣдующаго содержанія: «Примите въ знакъ дружбы и благо-«дарности за прошедшіе и будущіе «добрые совѣты присылаемый при «семъ мундиръ покойнаго нашего «благодѣтеля».

«Вамъ искренно доброжелательствующій Н.

„С. Петербургъ. 23 Декабря 1825 г“

Церковь построена на возвышеніи, откуда видна главная деревня Грузино, вся выстроенная по плану, съ желѣзными крышами. Между церковью и селомъ построенъ великолѣпный чугунный храмъ изъ колоннъ, и внутри поставлено изъ бронзы колоссальной величины изображеніе Св. Андрея Первозваннаго.

Графомъ Аракчеевымъ завѣщанъ капиталъ $^{12}/_{т.}$ руб. сер. на поддержаніе процентами благолѣпія Грузинскаго Собора съ памятниками въ немъ и медальонами.

Копія съ Митрополичьей грамоты:

«По уваженію онаго весьма для «Святыя Церкви нашея достопамятна-«го событія, о коемъ какъ въ Слѣдо-«ванной Псалтыри, такъ и въ другихъ «разныхъ мѣстахъ упоминается, что «Св. Апостолъ Андрей Первозванный. «проходя изъ полуденнаго края, былъ «въ селѣ Грузинѣ и водрузилъ въ «немъ жезлъ свой, отчего получило «оно и наименованіе Друзино, по про-«стому же рѣченію Грузино*), и чрезъ «таковое мѣста сего посѣщеніе или «паче проповѣдь свою открылъ онъ «предкамъ нашимъ, тьмою идолопок-«лонства омраченнымъ, двери къ спа-«сительной вѣрѣ въ Господа Бога и «Спаса Нашего Іисуса Христа, бла-«гословляемъ мы въ Соборной села «Грузина церкви, имени сего Святаго «Апостола посвященной, богатою ут-«варью и ризницею снабженной и «превеликолѣпно украшенной, совер-«шать божественную литургію при «отверстыхъ Царскихъ вратахъ во «все продолженіе оныя, даже до при-«частнаго стиха, при началѣ коего «должны онѣ, исключая Св. Пасхи, «быть затворяемы для великой тай-«ны Евхаристіи. Совершать же та-«кимъ образомъ литургію не всегда, а «токмо въ одни воскресные, Господскіе, «высокоторжественные дни, въ храмо-

*) Не проще ли производить отъ слова *грузить?* Въ этомъ мѣстѣ нагружались въ старину суда? *П. Б.*

вой праздникъ и при другихъ какихъ либо важныхъ случаяхъ. С. Петербургъ. 26 марта 1825 года. Подлинное подписалъ: Серафимъ, Митрополитъ Новогородскій и Санктъ-Петербурскій.» № 67.

Осмотрѣвъ все это, мы отправились къ пристани и тутъ опять увидѣли графа, пришедшаго насъ проводить. Проходя мимо грота, онъ указалъ на рыбачью лодку, въ немъ хранившуюся и сказалъ, что это та самая лодка, въ которой Императоръ Александръ, посѣтивъ въ первый разъ Грузино, переѣзжалъ Волховъ и самъ гребъ. «Съ нами ѣхалъ тогда графъ Толстой; онъ очень боялся воды, но среди рѣки Государь началъ качать лодку со стороны на сторону: Толстой кричалъ что было силы, и много мы смѣялись на счетъ его трусости». Случай этотъ былъ описанъ на металической доскѣ, вдѣланной въ стѣнѣ слѣдующимъ образомъ: „*Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ графа Алексѣя Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, въ означенное здѣсь время, Его Императорское Величество изволилъ въ оной лодкѣ и сими самыми веслами Самъ перевозить чрезъ рѣку Волховъ Оберъ-Гофмаршала графа Николая Александровича Толстаго и графа Аракчеева; да сохранятся на вѣчныя времена сіи драгоцѣнныя вещи, и да будетъ проклятъ всякой тотъ, кто осмѣлится истребить оныя*“.

Графъ еще разъ простился съ нами, и мы на великолѣпномъ катерѣ съ 8 гребцами быстро перенеслись чрезъ Волховъ.

Въ послѣдствіи, въ саду села Грузина, я обратилъ вниманіе на слѣдующіе памятники.

1. Памятникъ Императору Александру Благословенному по кончинѣ Его, близь собора.

2. У графскаго дому каменнаго, съ лѣвой стороны, мраморный бюстъ Императора Александра I-го на каменной тумбѣ.

3. У цвѣточной оранжереи чугунная ваза на таковой же тумбѣ съ надписью: «въ память посѣщенія въ Грузинѣ родительницы въ 1800 году Е. А.».

4. У большаго пруда противъ деревни, бронзовый римскій боецъ.

5. У цѣпнаго моста на каменной тумбѣ чугунный столбъ съ позолоченнымъ на верху вѣнкомъ, съ надписью: «Сынъ въ память родителямъ», а ниже сего надписи о времени кончины родителей графа Аракчеева, и именно: а. «Андрей Андреевичъ Аракчеевъ скончался1796 году «іюля 29 дня. Погребенъ въ Тверской губерніи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, «въ селѣ Курганахъ; б. Елисавета «Андреевна Аракчеева скончалась «1820 года іюля 17 дня. Погребена «въ Тверской губерніи въ Бѣжецкомъ «уѣздѣ въ селѣ Курганахъ вмѣстѣ «съ покойнымъ родителемъ».

6. У двухъ липъ: на каменномъ столбѣ чугунный бюстъ старца съ надписью на металлической доскѣ: «въ память сто двадцати пяти лѣтнему старику Исаку Константинову, коимъ въ его молодости сажены сіи «дерева; родился 1681 году, умеръ «1806 году.»

7. Посреди еловой аллеи, противъ бывшаго лѣтняго дома графа, на полукругѣ къ парку, бронзовая статуя Надежда.

8. У двухъ елей близь тогоже дома, бюстъ Императора Павла 1-го, чугунный на таковой же тумбѣ.

9. Тоже у того дома, на земляной небольшой горкѣ, памятникъ собачкѣ съ чугуннымъ изображеніемъ ея, и возлѣ съ обѣихъ сторонъ на двухъ мраморныхъ плиткахъ, надписи: на одной «вѣрному Жучкѣ», а на другой «милой Діанкѣ».

10. На большомъ лугу, противъ тогожъ дома, бронзовая статуя Діаны, держащей въ одной рукѣ колчанъ со стрѣлами, а въ другой оленя.

11. На террасѣ того дома прикрѣплена къ чугунной рѣшеткѣ бронзовая доска съ надписью: «любимое мѣсто «блаженной памяти Императора Алек-«сандра Благословеннаго, на которомъ «изволилъ, во время Высочайшаго «своего въ Грузинѣ пребыванія, часто «кушать чай. Сія надпись поставлена «въ 1827 году».

12. На особой полянѣ, не далеко отъ каменнаго дома, чугунная ваза съ надписью: «Поставлена 1806 года». (Это памятникъ вѣрной службы Настасьи).

13. У домика, гдѣ жилъ Шумскій, возлѣ лѣтняго дома графа, бронзовая статуя Вѣры.

Съ тѣхъ поръ никто изъ насъ не видалъ болѣе знаменитаго хозяина Грузина; онъ умеръ 21 апрѣля 1834 года въ здравой памяти; послѣднія слова его на вопросъ—не нужно ли позвать Священника? были: «если нужно будетъ, то самъ скажу».

Конецъ его жизни былъ много омраченъ внутренними домашними огорченіями, коихъ конечно, при силѣ и власти его, въ теченіе долгой своей жизни, онъ предвидѣть не могъ *).

Графъ Аракчеевъ имѣлъ о себѣ высокое мнѣніе и, посвятивъ свою жизнь, сосредоточивъ всю дѣятельность на необъятной приверженности къ своему Монарху, онъ не ждалъ многаго отъ современниковъ, но все предоставилъ будущности и суду потомства. Такъ, умирая, *завѣщалъ все свое имѣніе* на сооруженіе кадетскаго корпуса, а 50.000 руб. капитала опредѣлилъ съ процентами тому, кто чрезъ 93 года напишетъ лучшую исторію Императора Александра I-го. Великій дѣятель возлюбленнаго имъ Монарха, онъ и за гробомъ хотѣлъ служить ему, вручивъ ключи уму, знанію и безпристрастію историка для написанія драгоцѣннѣйшихъ для него страницъ о жизни обожаемаго имъ Императора, быть можетъ ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ, по чувству собственнаго достоинства, и безпристрастнаго сужденія о самомъ себѣ, какъ такомъ лицѣ, которое не можетъ быть отстранено отъ исторіи Императора Александра I-го. Самую волю эту онъ упрочилъ особеннымъ способомъ, написавъ о томъ на пробѣлѣ листовъ Святаго Евангелія: «Аракчеевъ все свое состояніе возвратилъ туда, откуда получилъ».

И такъ думаю, что всякія подробности, всякія вѣрныя указанія о такомъ замѣчательномъ для исторіи лицѣ, какъ графъ Аракчеевъ, не будутъ лишены интереса, если не теперь, то со временемъ; думаю такъ потому особенно, что у насъ, въ Русской исторической литературѣ, замѣчается чувствительный, сравнительно съ просвѣщенною Европою, пробѣлъ о переданіи памяти потомства всего, что можетъ характеризировать историческое лицо, и какое-то равнодушіе къ судьбѣ собственныхъ великихъ дѣятелей, которое, Богъ дастъ, съ помощію слова, можетъ быть, минуется.

А. Языковъ.

*) Убійство Настасьи.

ПЕРЕПИСКА

ЕПИСКОПА-КНЯЗЯ ГЕДРОЙЦА СЪ (ГР.) Д. Н. БЛУДОВЫМЪ

и другими лицами во время польскаго мятежа 1831 года.

I.

Его сіятельству, господину предсѣдательствующему въ римско-католической коллегіи, князю Симону Гедройцу, епископу Адрамитенскому.

Отъ Блудова, въ собственныя руки, весьма нужное.

Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что государь императоръ назначилъ вамъ быть къ себѣ въ зимній дворецъ сего дня (въ четвергъ) въ половинѣ двѣнадцатаго часа.—Его величеству угодно васъ видѣть прежде вашего отъѣзда.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и преданности.

Д. Блудовъ.

Четвергъ 2 апрѣля (1831).

2.

Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ секретарь Д. Н. Блудовъ князю С. Гедройцу, въ С. Петербургѣ 4 апрѣля 1831 года № 780.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Я уже имѣлъ честь словесно объявить вашему преосвященству, что государю императору угодно, кромѣ принятыхъ уже мѣръ для прекращенія возникшаго въ Самогиціи возмущенія, употребить и пастырскія увѣщанія, дабы, буде возможно, обратить заблуждающихся къ вѣрноподданническому долгу, и что для достиженія сей важной цѣли его императорское величество изволилъ повелѣть вамъ отправиться къ войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ Рижскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Барона Фонъ-деръ-Палена и находиться при его штабѣ.

Для помощи вамъ въ сношеніяхъ съ духовенствомъ и народомъ и для переписки съ главнымъ управленіемъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій назначены по высочайшему повелѣнію засѣдатель Римско-католической духовной коллегіи Самогитскій каноникъ Гинтилло и чиновникъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Габонскій.—На подъемъ назначено вашему преосвященству по высочайшему повелѣнію 5000 рублей, съ сохраненіемъ при васъ на время отсутствія вашего всѣхъ окладовъ, по званію предсѣдателя коллегіи.

Испытанная преданность ваша правительству подаетъ государю императору надежду, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ присутствіе ваше и дѣйствіе въ томъ краѣ не будутъ безуспѣшны.

Объявляя вашему преосвященству сію высочайшую волю къ исполненію, я съ своей стороны совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, въ полной мѣрѣ оправдаете надежды и довѣріе его императорскаго величества и употребите возможныя усилія способствовать возстановленію спокойствія и предупредить дальнѣйшія покушенія злоумышленниковъ.

О семъ высочайшемъ повелѣніи я увѣдомилъ г. Рижскаго военнаго губернатора и отнесся къ г. министру финансовъ объ отпускѣ высочайше назначенныхъ вашему преосвященству на подъемъ денегъ, кои и будутъ немедленно доставлены вамъ исправляющимъ должность казначея департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій коллежскимъ асессоромъ Веселковымъ.

Подорожная для вашего преосвященства на 10 лошадей при семъ препровождается.

3.

Д. Н. Блудовъ, канонику Самогитской епархіи Іоанну Гинтиллѣ въ С-Петербургѣ 4 апрѣля 1831 года № 781.

Ваше высокопреподобіе, милостивый государь! Его императорскому величеству угодно, чтобы кромѣ уже принятыхъ мѣръ для прекращенія возникшаго въ Виленской губерніи возмущенія употреблены были и пастырскія увѣщанія, дабы, буде возможно, обратить заблудшихъ къ вѣрноподданническому долгу: посему государь императоръ повелѣть соизволилъ предсѣдателю римско-католической духовной коллегіи епископу князю Симону Гедройцу отправиться къ войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ Рижскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Барона Фонъ-деръ Палена и находиться при штабѣ его. — Для помощи ему въ сношеніяхъ съ духовенствомъ и народомъ назначены по высочайшему повелѣнію ваше высокопреподобіе. На подъемъ назначено вамъ 1000 руб. и на содержаніе по 100 руб. въ мѣсяцъ, съ оставленіемъ при васъ производящагося вамъ по званію засѣдателя жалованья.

Объявивъ сію высочайшую волю князю Гедройцу, поручаю вамъ явиться немедленно къ нему для полученія нужныхъ по сему случаю наставленій.

Объ отпускѣ вамъ высочайше назначенныхъ на подъемъ и на содержаніе за первый мѣсяцъ денегъ я отнесся къ г. министру финансовъ, которыя и имѣютъ быть вамъ доставлены исправляющимъ должность казначея департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; впредь же слѣдующія вамъ на содержаніе деньги будутъ производиться изъ Рижской казенной палаты, о чемъ я также просилъ графа Канкрина.

Подорожная на 4 лошади отъ С-Петербурга до мѣста вашего назначенія при семъ прилагается.

4.

Копія предписанія департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 1-го отдѣленія г. столоначальнику титулярному совѣтнику Габонскому, 4 апрѣля 1831 года № 782.

Его императорское величество, удостоивая предсѣдателя Римско-католической духовной коллегіи епископа князя Гедройца особеннаго порученія, повелѣть соизволилъ ему отправиться къ Рижскому военному губернатору генералъ-лейтенанту барону Фонъ-деръ-Палену. Въ помощь ему для переписки съ главнымъ управленіемъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и для прочихъ имѣющихъ быть сношеній назначены вы по высочайшему его величества повелѣнію; почему предписываю вамъ, съ полученія сего отправиться вмѣстѣ съ княземъ Гедройцемъ и находиться при немъ до окончанія возложеннаго на него высочайшаго пору-

ченія.—Вамъ назначено на подъемъ единовременно 1000 руб. и по 100 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе сверхъ получаемаго вами жалованья.

Въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ-секретарь (подписано) Блудовъ

Въ должности директора (подписано) Ф. Вигель.

6 апрѣля Ф. Ф. Вигель доставилъ князю С. Гедройцу „для извѣстнаго ему употребленія" печатные экземпляры воззваній къ жителямъ Симогиціи отъ имени его Гедройца, на Польскомъ и Самогитскомъ языкахъ, и на одномъ Самогитскомъ языкѣ отъ имени эпархіальнаго Самогитскаго епископа князя Іосифа Гедройца.

5.

ІОСАФАТЪ БУЛГАКЪ,

Митрополитъ греко-унитскихъ церквей.

Духовенству бѣлому и монашествующему, также всѣмъ вѣрнымъ паствы нашей, миръ и архипастырское благословеніе.

Всѣмъ уже извѣстны плачевныя происшествія въ царствѣ Польскомъ. Народъ, возрожденный, устроенный, облагодѣтельствованный Александромъ и Николаемъ, вовлеченъ въ дѣйствія самой ужасной неблагодарности. Народъ, славившійся вѣрностію къ своимъ Монархамъ, очерненъ измѣною. Народъ, коего благополучію еще недавно завидовали, стоитъ надъ пропастью бѣдствій! Насъ только утѣшаетъ надежда, что виновники настоящихъ происшествій составляютъ самую незначительную часть Польскаго народа. Нѣсколько людей безъ вѣры и чести, подвизавшихся въ ужасахъ Французской революціи; нѣсколько честолюбцевъ, все приносящихъ въ жертву своему высокомѣрію; нѣсколько легкомысленныхъ юношей, ни причинъ ни послѣдствій не понимающихъ; нѣсколько расточителей, надѣющихся въ общихъ бѣдствіяхъ спасти себя отъ конечнаго разоренія: вооруживъ чернь Варшавскую, присвоивъ права законной власти, страхомъ и злыми навѣтами, влекутъ соплеменный намъ Польскій народъ къ погибели и посрамленію. Въ сію годину печали и искушенія, долгъ попеченія о благѣ ввѣренной намъ отъ Бога паствы, заставляетъ насъ обратиться къ Греко-унитскому духовенству словами Спасителя, къ возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ изреченными: *бдите и молитеся, да не внидите въ напасть. Бдите,* да злые навѣты не доступятъ къ сердцамъ вашей паствы, да сѣятели лжи не найдутъ пути къ ослѣпленію оной. *Молитесь,* да Всевышній просвѣтитъ омраченныхъ, вразумитъ заблуждшихъ, сокрушитъ закоснѣвшихъ въ злоумышленіи; да ободритъ и утвердитъ всѣхъ благомыслящихъ, и усиліями ихъ да отвратится всякое зло отъ любезнаго отечества нашего. Боже Всемогущій! Не допусти, чтобы Греко-унитская церковь, попеченіемъ Николая 1-го устрояемая и въ премудрыхъ его начертаніяхъ къ славѣ и благоденствію назначенная, была осквернена хотя однимъ измѣнникомъ и клятвопреступникомъ; воздвигни всѣхъ членовъ и пастырей оной къ единодушному усердію, быть поборниками мира и тишины, къ нарушенію коихъ стремятся злоумышленники. Не отвержи моего прошенія: у гроба уже стоя, молю тебя Боже Всемогущій!

Дано 16 декабря 1830 года.

Іосафатъ Митрополитъ (М. П.)

6.

Его превосходительству Дмитрію Николаевичу Блудову.

Князь Симонъ Гедройцъ изъ м. Янишки 15 апрѣля 1831 года № 115.

Для приведенія въ исполненіе возложеннаго на меня Высочайшаго порученія Государя Императора, отправясь въ 7-й день сего апрѣля изъ С. Петербурга, я вмѣстѣ съ назначенными мнѣ въ помощь прибылъ 13-го числа въ главную квартиру г Генералъ-губернатора Барона Фонъ-деръ-Палена, состоящую нынѣ въ мѣстечкѣ Янишкахъ Шавельскаго повѣта. Я имѣлъ честь объясняться съ г. Главнымъ командиромъ на счетъ моего порученія. Онъ съ своей стороны находитъ, что мѣры духовныя, предположенныя съ Высочайшаго соизволенія Вашимъ Превосходительствомъ для возстановленія въ здѣшнемъ краѣ законнаго порядка, могутъ быть приведены съ дѣйство съ успѣхомъ и пользою. Съ согласія г. командира я занимаюсь уже разсылкою нѣкоторой части его прокламацій къ жителямъ Виленской губерніи, равно какъ и напечатанныхъ въ столицѣ воззваній и указа 22 Марта 1821 года. Вчера отправлено сихъ экземпляровъ къ разнымъ священникамъ и деканамъ болѣе 40 штукъ, съ особымъ предписаніемъ каждому о немедленномъ опубликованіи оныхъ въ ихъ приходахъ. Употребляются для сего всѣ возможныя средства: чрезъ канцелярію Главнаго командира, наемныхъ людей и разные другіе случаи. Г. командиръ намѣренъ вскорѣ выступить отъ сюда въ г. Шавель, куда и намъ должно будетъ слѣдовать. Въ нынѣшнее утро мятежники покушались напасть на главную квартиру, и мы находились въ довольно опасномъ положеніи; но побѣдоносныя войска Его Императорскаго Величества въ мигъ разсѣяли всѣ толпы бунтовщиковъ. Я долженъ былъ испросить у барона Палена дозволеніе имѣть переписку съ Вашимъ Превосходительствомъ посредствомъ его канцеляріи.

Вмѣняю себѣ въ обязанность о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ донести Вашему Превосходительству, и впредь о дѣйствіяхъ моихъ, какія съ разрѣшенія г. Главнаго командира будутъ предположены, или послѣдуютъ, не премину въ свое время доводить до вашего, милостивый государь, свѣдѣнія.

7.

Баронъ Матвѣй Ивановичъ ф. д. Паленъ князю Симону Гедройцу въ Янишкахъ 18 апрѣля 1831 года № 571-й.

По случаю возникшаго въ Литвѣ мятежа, я почитаю необходимымъ, чтобы всѣмъ тѣмъ Литовскимъ обывателямъ, которые приложились къ мятежникамъ, но раскаявшись въ кратковременномъ своемъ заблужденіи, оставили ряды ихъ и возвратились въ жилища,—возобновитъ присягу на вѣрноподданство Государю Императору, не исключая и духовенства, естьли кто изъ онаго, забывъ долгъ свой, былъ съ мятежниками въ сообществѣ.

Въ слѣдствіе чего имѣю честь покорнѣйше просить ваше преосвященство, тѣхъ изъ духовенства мѣстечка Янишекъ и обывателей онаго, которые были въ сообществѣ съ мятежниками, или коихъ Вы по благоусмотрѣнію вашему признаете подозрительными, приказать вновь привесть на вѣрноподданство Государю Императору къ присягѣ, и съ приложеніемъ оной, почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

8.

Князь Симонъ Гедройцъ. Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ-Палену. 18-го Апрѣля 1831 года № 125.

Отношеніемъ 18 сего Апрѣля за № 571 Ваше Превосходительство изволите требовать распоряженія моего, чтобы тѣ изъ духовенства мѣстечка Янишекъ и обывателей онаго, которые были въ сообществѣ съ мятежниками, были вновь приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору, и къ вамъ милостивый государь, былъ доставленъ присяжный листъ.

Считаю долгомъ почтеннѣйше отвѣтствовать Вашему Превосходительству, что я не только не имѣю вовсе никакой возможности узнать, которые изъ здѣшнихъ духовныхъ и обывателей были въ сообществѣ съ мятежниками, или которые изъ нихъ подозрительны, но и не нахожу себя въ правѣ входить въ дѣла относящіяся совершенно къ полицейской обязанности. По сему, не благоугодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, по главному начальству вашему, дать кому слѣдуетъ предписаніе, чтобы тѣ, коихъ нужно привести вновь къ присягѣ, были доставлены въ здѣшнюю церковь; а въ тоже время я не премину привести сіе въ зависящее отъ меня исполненіе и донести Вашему Превосходительсту о послѣдствіи.

9.

Баронъ фонъ-деръ-Паленъ. Князю С. Гедройцу, на маршѣ изъ м. Янишки. 18 Апрѣля 1831 года № 877.

Въ слѣдствіе отношенія вашего преосвященства, отъ сего числа, предписавъ исправляющему должность здѣшняго городничаго г. маіору Рашевскому представить въ здѣшнюю церковь къ вашему преосвященству изъ числа здѣшнихъ обывателей католическаго исповѣданія тѣхъ, которые находились въ сообществѣ съ мятежниками, или оказались подозрительными, для приведенія таковыхъ къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору, одолжаюсь о таковомъ мною сдѣланномъ распоряженіи, увѣдомить васъ, милостивый государь, присовокупляя къ тому, что о учиненіи таковыхъ же распоряженій съ здѣшними духовными, я предоставляю усмотрѣнію вашему.

10.

ПРИСЯЖНЫЙ ЛИСТЪ.

Я нижепоименованный клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ животворящимъ Его крестомъ быть вѣрнымъ Его Императорскому Величеству Всеросійскому Государю Императору и Августѣйшему Его Наслѣднику, не имѣть никакого съ мятежниками и нарушителями законнаго порядка и тишины сообщенія, и доносить обо всемъ, что̀ мною узнато будетъ противузаконное противу власти и правительства; естьли же поступлю противно сей моей клятвѣ, то подвергаю себя строгому законному отвѣтствію; въ удостовѣреніе чего цѣлую крестъ Спасителя моего. Аминь. NB. Форма сія дана отъ г. Начальника отряда Барона фонъ-деръ Палена.

11.

Епископъ-князь Симонъ Гедройцъ Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ деръ Палену. Изъ м. Янишки 19 Апрѣля 1831 года № 129.

Отъ 18 сего Апрѣля за № 577 Ваше Превосходительство, извѣстивъ меня о данномъ предписанiи исправляющему должность Янишскаго городничаго представить въ здѣшнюю церковь изъ числа Янишскихъ обывателей католическаго исповѣданiя тѣхъ, которые находились въ сообществѣ съ мятежниками или оказались подозрительными, для приведенiя таковыхъ къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору, изволили предоставить усмотрѣнiю моему сдѣлать подобное распоряженiе относительно здѣшнихъ духовныхъ.

Въ слѣдствiе сего призванные г. маiоромъ Рашевскимъ въ церковь здѣшнiе обыватели приведены, по порученiю моему, находящимся при мнѣ засѣдателемъ Духовной коллегiи каноникомъ Гинтиллою къ присягѣ на вѣрность подданства Россiйскому престолу. Хотя же по собраннымъ мною свѣдѣнiямъ не оказалось, чтобы здѣшнiе духовные содѣйствовали въ чемъ либо мятежникамъ, кромѣ вынужденнаго насильственными мѣрами и угрозами участiя; но для вящшаго утвержденiя въ преданности законному правительсту, вмѣстѣ съ обывателями приведены къ присягѣ и помянутые священники. Впрочемъ изъ взятыхъ мною допросовъ явствуетъ, что никто изъ здѣшнихъ не давалъ мятежникамъ присяги, исключая тѣхъ, кои поступили въ ряды ихъ.

Доводя о семъ до свѣдѣнiя Вашего Превосходительства, считаю долгомъ препроводить при семъ и присяжный листъ, на коемъ означены всѣ лица, давшiя клятвенное обѣщанiе.

12.

Князь Симонъ Гедройцъ къ Его Преподобiю Суперiору Римской Доминиканской Церкви Iеромонаху Бобровскому, изъ м. Янишики 21 Апрѣля 1831 года № 130.

Въ слѣдствiе опредѣленiя господина Генералъ-Губернатора Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ деръ Палена, назначено Старожагорскому Римско-Католическому Священнику Адаму Куликовскому, по случаю обвиненiя его въ прикосновенности къ дѣламъ мятежниковъ, имѣть пребыванiе при Рижской Доминиканской церкви впредь до особаго разрѣшенiя Его Превосходительства.

Я поручаю Вашему Преподобiю наблюсти, чтобы священникъ Куликовскiй, по прибытiи его въ Ригу, находился подъ надзоромъ Вашимъ въ церковномъ домѣ на духовномъ покаянiи при своемъ иждивенiи, и чтобы во все время пребыванiя тамъ священника Куликовскаго, даваемо было ему свойственное наставленiе о истинныхъ обязанностяхъ его въ отношенiи къ Государству и ввѣренной ему паствѣ.

13.

Его Превосходительству Дмитрiю Николаевичу Блудову. Князь Симонъ Гедройцъ изъ м. Янишки 20 Апрѣля 1831 года № 129.

Отъ 15 сего Апрѣля я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству о первоначальномъ занятiи моемъ въ главной квартирѣ Генералъ-Губернатора Барона Палена и о сдѣланномъ на оную тогожъ числа мятежниками нападенiи. Нынѣ считаю долгомъ представить Вамъ, Милостивый Государь, о слѣдующемъ продолженiи дѣйствiй моихъ.

Взятыхъ при бывшемъ здѣсь сраженiи 15 числа въ плѣнъ мятежниковъ-крестьянъ, которые были изъ

разныхъ повѣтовъ и сознались, что взяли оружіе по принужденію зачинщиковъ, Баронъ Паленъ предполагалъ отпустить и, по порученію его, въ моемъ присутствіи были прочтены имъ въ здѣшней Римско-Католической церкви каноникомъ Гинтиллою: указъ 22 Марта и воззванія печатныя въ столицѣ съ приличнымъ поясненіемъ оныхъ и увѣщаніемъ, чтобы они, возвратясь восвояси, отнюдь не вступали вновь въ ряды мятежниковъ, а пребывали вѣрными законному правительству, и чтобы, имѣя покровителемъ Всемилостивѣйшаго Государя своего, не опасались впредь никакихъ обидъ за ослушаніе въ подобномъ предметѣ, со стороны ихъ помѣщиковъ, или какихъ либо возмутителей.—При семъ плѣннымъ были розданы экземпляры для объявленія оныхъ въ разныхъ мѣстахъ.—Но поелику потомъ г. Генералъ Губернаторъ призналъ нужнымъ тѣхъ же плѣнныхъ отправить во внутреннія губерніи, кромѣ самаго малаго числа негодныхъ къ службѣ; то весь помянутый обрядъ остался безъ дальнѣйшаго послѣдствія. — Въ тоже время по предписанію моему приведены къ присягѣ на вѣрность подданства доставленные сюда изъ смежныхъ приходовъ два ключвойта. 16 числа отправлены мною чрезъ канцелярію Барона Палена къ деканамъ Шкудскому, Ретовскому, Варненскому и Ольсядскому экземпляры указа, воззваній и прокламаціи при особомъ къ каждому предписаніи.—17 Баронъ Паленъ относился ко мнѣ, чтобы я, узнавъ о тѣхъ обывателяхъ и духовенствѣ мѣстечка Янишекъ, которые были въ сообществѣ съ мятежниками, или подозрительны, приказалъ вновь привесть къ присягѣ на вѣрность подданства Государю Императору; но когда въ отвѣтѣ моемъ я объяснилъ невозможность собрать мнѣ таковыя свѣдѣнія и входить въ предметъ, относящійся къ полицейской обязанности; то по распоряженію Барона созванные здѣшнимъ городничимъ въ церковь обыватели мѣстечка Янишекъ приведены каноникомъ Гинтиллою къ присягѣ, и присяжный листъ доставленъ мною по принадлежности.—Между тѣмъ усерднѣйше желая успѣха въ порученіи моемъ, я предположилъ печатанные въ столицѣ экземпляры и прокламацію Барона Палена доставить къ самимъ зачинщикамъ, повѣтовымъ маршаламъ, и заготовилъ для сего особый къ нимъ циркуляръ, стараясь въ ономъ доказать: твердость намѣренія Государя Императора возстановить прежній порядокъ, могущество и неисчерпаемыя средства Россіи, безсиліе возмутителей и неминуемое бѣдствіе, ожидающее упорствующихъ въ мятежѣ.—Г. Командиръ отряда одобрилъ сіе предположеніе и надѣется, что оное будетъ имѣть хорошее дѣйствіе. — Въ циркулярѣ по его замѣчанію прибавлено, что они маршалы сами, или посредствомъ парламентёровъ могутъ безопасно явиться въ главную квартиру для переговоровъ къ прекращенію бунта. — 18 числа циркуляры съ приложеніями отправлены: одинъ къ Шавельскому маршалу Ковнацкому чрезъ отпущеннаго плѣннаго, а другой къ бывшему Тельшевскому маршалу Гадону чрезъ канцелярію Главнаго Командира; къ Россіенскому же маршалу отложено послать изъ города Шавель, когда Россійскія войска туда вступятъ, такъ какъ исполнить того не представляется отсюда никакого средства.

Мнѣ неизвѣстно еще время, въ которое мы должны будемъ отправить-

ся изъ мѣстечка Янишекъ въ дальнѣйшій путь. Здѣсь истощены почти всѣ жизненные припасы. Военные имѣютъ способы получить оные изъ другихъ мѣстъ; но я не знаю, что мнѣ нужно будетъ дѣлать, когда придется пробыть здѣсь еще нѣкоторое время, и нельзя будетъ достать за деньги нужнаго. Дабы мнѣ возможно было слѣдовать за главною квартирою, я по совѣту Барона Палена купилъ лошадей. Хотя я предвижу сверхъ того и нѣкоторыя неудобства по сану моему; но для точнаго исполненія Высочайшей воли Всемилостивѣйшаго Государя, я всеохотно и по всей возможности моей не премину дѣйствовать къ достиженію цѣли возложеннаго на меня порученія. Присемъ представляю на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства копію съ означеннаго циркуляра къ маршаламъ, а также и экземпляръ прокламаціи Барона Палена къ жителямъ Литвы и Самогитіи.

14.

Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ-Палену. Князь Симонъ Гедройцъ въ м. Янишки 21 апрѣля 1831 г. № 131.

Въ слѣдствіе объявленнаго мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ лично опредѣленія, приведены находящимся при мнѣ каноникомъ Гинтиллою въ здѣшней церкви въ присутствіи моемъ къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору доставленные сюда изъ мѣстечка Новыхъ и Старыхъ Жагоръ Римско-Католическіе священники: Адамъ Павловскій, Блажей Гирдвоинъ, Павелъ Буткевичъ и Адамъ Куликовскій.—При семъ случаѣ учинено на счетъ будущаго поведенія ихъ надлежащее поученіе и даны всѣмъ имъ экземпляры указа 22 марта, прокламаціи Вашего Превосходительства и Епископскихъ воззваній.—Что касается до назначенія изъ нихъ Старожагорскому священнику Куликовскому, по случаю обвиненія его въ прикосновенности къ дѣламъ мятежниковъ, покаянія при Рижской Доминиканской церкви; то я сдѣлалъ предписаніе настоятелю Рижской церкви, чтобы священникъ Куликовскій подъ надзоромъ его находился въ тамошнемъ церковномъ домѣ на духовномъ покаяніи на собственномъ иждивеніи впредь до разрѣшенія Вашего Превосходительства, и чтобы во все время пребыванія тамъ священника Куликовскаго, даваемо было ему свойственное наставленіе о истинныхъ обязанностяхъ его въ отношеніи къ государству и ввѣренной ему паствѣ.—Препровождая при семъ таковое предписаніе, равно какъ и присяжный листъ о данной помянутыми духовными клятвѣ, я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство благоволить сдѣлать распоряженіе о доставленіи священника Куликовскаго при означенномъ предписаніи въ Ригу съ охраненіемъ нѣкотораго приличія для духовнаго сана его, а также о дозволеніи священникамъ Жагорскимъ Павловскому, Гирдвойну и Буткевичу возвратиться къ своему приходу для преподаванія духовныхъ требъ многочисленной ихъ паствѣ.—Я осмѣливаюсь присовокупить, что кроткія и снисходительныя мѣры, оказываемыя Вами, милостивый государь, для духовенства, будутъ, по мнѣнію моему, однимъ изъ благонадежнѣйшихъ дѣйствій въ возстановленіи порядка.

15.

Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу Палену Князь

Симонъ Гедройцъ изъ г. Шавель 26 апрѣля 1831 года № 142.

Поставляю долгомъ почтеннѣйше донести Вашему Превосходительству, что въ исполненіе Вашего, милостивый государь, требованія, здѣшнее Римско - Католическое духовенство, равно какъ и обыватели города Шавель, собранные г. маіоромъ Рашевскимъ въ церковь, нынѣшняго числа, по совершеніи Божественной Литургіи и опубликованіи прокламаціи Вашего Превосходительства и Епископскихъ воззваній, приведены каноникомъ Гинтиллою къ присягѣ на вѣрность подданства Всероссійскому Престолу. При семъ представляю Вашему Превосходительству и присяжный листъ съ означеніемъ лицъ, давшихъ клятву.

16.

Его Превосходительству Дмитрію Николаевичу Блудову. Князь С. Гедройцъ 25 апрѣля 1831 года № 134.

Въ 24 день текущаго мѣсяца, вмѣстѣ съ главною квартирою г. Генералъ-Губернатора Барона Палена мы прибыли въ городъ Шавель, не встрѣчая никакого препятствія со стороны мятежниковъ. Съ сей уже точки зрѣнія могу смѣло донести Вашему Превосходительству, что число участвующихъ добровольно въ бунтѣ весьма незначительно: крестьяне принадлежатъ къ оному вообще, равно какъ и духовенство, кромѣ весьма малаго числа, по принужденію, и большая часть также шляхты и высшаго дворянства увлечена въ сообщество преступниковъ угрозами и обольщеніями зачинщиковъ. Видя совершенный безпорядокъ и замѣшательство въ распоряженіяхъ мятежниковъ, можно съ достовѣрностію заключить, что войскамъ Его Императорскаго Величества не представится затрудненія къ самоскорѣйшему уничтоженію всѣхъ ихъ замысловъ и покушеній. Повсюду, гдѣ только прошли Россійскія команды, водворяется прежній порядокъ.— Большая часть крестьянъ, бывшихъ въ рядахъ бунтовщиковъ, возвратилась уже въ свои домы, и даже многіе изъ шляхты Шавельскаго повѣта. — На многихъ уже подѣйствовали указъ 22 марта и епископскія воззванія: всѣ они предоставляютъ развязку самой шляхтѣ. — Я продолжаю, по требованію Барона Палена, приводить вновь къ присягѣ духовныхъ, обличаемыхъ въ нѣкоторомъ сообществѣ съ мятежниками, а настоятеля мѣстечка Старыхъ Жагоръ Адама Куликовскаго отправилъ въ Ригу къ Доминиканамъ на покаяніе впредъ до разрѣшенія г. Генералъ Губернатора. — Между духовными, прикосновенными къ дѣламъ мятежниковъ, прибылъ въ главную квартиру особенно рекомендуемый военнымъ начальствомъ настоятель Шадовской церкви Іосифъ Рупейко, который всѣми мѣрами уклонялся участвовать въ содѣйствіи мятежникамъ, и способствовалъ командѣ Генерала Ширмана къ благополучному переходу мимо его бенефиціи. — Сего священника я оставилъ при себѣ и предполагаю употреблять его для личныхъ переговоровъ и доставленія моихъ писемъ и воззваній въ разныя мѣста, такъ какъ военное начальство предоставляетъ сію операцію болѣе моему усмотрѣнію. — Я бы весьма желалъ на сей случай имѣть хотя общее наставленіе Вашего Превосходительства. — Опасаюсь также, чтобы нѣкоторыя распоряженія мои не были въ нарушеніе правъ и власти епархіальныхъ начальствъ. — Письмо мое къ Шавельскому маршалу Ковнацкому, о

которомъ я имѣлъ уже честь донести Вашему Превосходительству отъ 20 сего апрѣля, было перехвачено Генераломъ Ширманомъ и при немъ доселѣ оставалось; нынѣ отправляю оное чрезъ священника Рупейку, поручая ему доставленіе экземпляровъ и въ другія мѣста для обнародованія. — Разсылаются также экземпляры чрезъ возвращаемыхъ по волѣ Барона Палена священниковъ къ своимъ приходамъ, и преподаются онымъ при семъ случаѣ нужныя наставленія. — Въ сію минуту Его Превосходительство Баронъ Паленъ изволилъ посѣтить меня и съ тѣмъ вмѣстѣ объявилъ, что онъ намѣренъ послѣ завтра выступить отъ сюда въ дальнѣйшій путь въ направленіи къ городу Тельши. — Въ тоже время долженъ буду и я отправиться съ главною квартирою.

17.

Его Превосходительству Дмитрію Николаевичу Блудову, князь Симонъ Гедройцъ изъ Кретингена 3 мая 1831 года № 443.

Отправясь 27 числа минувшаго апрѣля съ главною квартирою г. генералъ-губернатора барона Палена изъ города Шавель, мы продолжали походъ чрезъ Куршаны, Лукники, Тельши, Плунгяны, Корцаны и сегодня прибыли въ мѣстечко Кретингенъ, гдѣ уже застали мы Россійскія войска, пришедшія отъ Полангена. Отъ Шавель мы шли до Кретингена безъ отдыха: сіе и другія неудобства были причиною, что я доселѣ не доносилъ Вашему Превосходительству о обстоятельствахъ, встрѣчаемыхъ въ отношеніи къ возложенному на меня порученію касательно возникшаго здѣсь бунта.

Изъ донесенія моего отъ 25 апрѣля извѣстно Вамъ, милостивый государь, что для доставленія экземпляровъ и писемъ моихъ къ повѣтовымъ маршаламъ и военнымъ предводителямъ мятежниковъ отправленъ мною священикъ Шадовской церкви Іосифъ Рупейко. Онъ, возвратясь ко мнѣ 2-го сего мая, донесъ рапортомъ: а) что конверты, адрессованные къ маршалу Россіенскаго повѣта Станевичу и тамошнему военному предводителю мятежниковъ Довяту, отправлены имъ чрезъ нанятаго имъ извѣстнаго и благонадежнаго человѣка; б) что, не заставъ маршала Ковнацкаго въ своемъ имѣніи, отдалъ пакеты подъ росписку повѣреннаго его, для доставленія къ нему маршалу и къ военному предводителю Шавельскаго повѣта Шеміоту; и в) что для врученія пакетовъ бывшему Тельшевскому маршалу Гадону и тамошнему военному предводителю Яцевичу отправился онъ чрезъ мѣстечко Лукники до города Тельши, гдѣ, не найдя сихъ лицъ, былъ задержанъ ихъ полицейскою командою, которая угрожала ему висѣлицею наиболѣе за то, что нашли при немъ нѣсколько напечатанныхъ экземпляровъ указа 22 марта, прокламаціи Барона Палена и епископскихъ воззваній, которые даны были ему для раздачи въ проѣздѣ. Мятежники стараются въ особенности, чтобы никакія бумаги со стороны законнаго правительства не проникали къ нижнему классу народа: перехватываемыя они истребляютъ или доставляютъ прямо къ своимъ предводителямъ. Священникъ Рупейко успѣлъ объясниться предъ ними въ разсужденіи экземпляровъ, и кончилось тѣмъ, что на другой день отправили его съ бумагами подъ конвоемъ къ маршалу Гадону въ мѣстечко Плунгяны, а отъ туда

къ предводителю Яцевичу въ Грушлавки. Гадонъ и Яцевичъ объявили Рупейкѣ словесно, въ присутствіи совѣтниковъ ихъ, что они сомнѣваются въ полученіи Всемилостивѣйшаго прощенія и потому рѣшаются умереть съ оружіемъ въ рукахъ; но Гадонъ секретно сказалъ ему Рупейкѣ, что онъ искренно желаетъ воспользоваться предлагаемою милостію Государя Императора и будетъ стараться преклонить въ тому и другихъ соучастниковъ бунта. Военный Совѣтъ приговорилъ было не отпускать отъ себя священника Рупейку; но по предстательству Гадона, онъ уволенъ къ Самогитскому епископу въ мѣстечко Ольсяды, куда онъ и явился 1-го мая. Отъ маршала и военныхъ предводителей Шавельскаго и Россіенскаго совѣтовъ не получены по нынѣ никакіе отзывы. Преосвященный епископъ князь Іосифъ Гедройцъ съ каноникомъ Де-Шликъ и прочимъ каѳедральнымъ штатомъ, прибывъ въ главную квартиру 2-го мая, изъявилъ предъ господиномъ начальникомъ отряда Барономъ Паленомъ чувства вѣрноподданической преданности своей Государю Императору. Епископъ слѣдовалъ съ штатомъ своимъ за главною квартирою отъ города Тельши до мѣстечка Плунгяны. Онъ сознался, что угрозами былъ принужденъ подписать мятежникамъ присягу и сдѣлать въ пользу ихъ воззваніе къ духовенству своей паствы. По причинѣ таковаго съ мятежниками сообщенія и согласно разрѣшенію Барона Палена, привелъ его вновь къ присягѣ за вѣрность подданства Его Императорскому Величеству въ присутствіи назначеннаго для сего полковника Де-Витта. Преосвященный князь Іосифъ объявилъ мнѣ при семъ случаѣ, что онъ не замедлитъ сдѣлать распоряженіе, дабы и другіе духовные его епархіи, бывшіе въ сообществѣ съ мятежниками или давшіе имъ клятву, были приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Всероссійскому Престолу; нынѣ препровождаю къ нему форму клятвеннаго обѣщанія, прося о присылкѣ ко мнѣ листовъ исполненной присяги для доставленія оныхъ къ командиру отряда. Я смѣю полагать, что сіе будетъ имѣть нѣкоторое дѣйствіе къ ускоренію прекращенія бунта. Упомянутый каноникъ Де-Шликъ единственно за непоколебимую преданность свою къ Россійскому престолу подвергался гоненію мятежниковъ, и жизнь его находилась въ опасности; освобожденъ же отъ ареста и дальнѣйшихъ преслѣдованій по усильному лишь ходатайству епархіальнаго епископа.

Не получая ни отъ кого и никакихъ письменныхъ обвиненій на счетъ духовенства, я не могу о поведеніи онаго, особенно въ здѣшнемъ повѣтѣ, сдѣлать рѣшительное донесеніе Вашему Превосходительству, хотя, въ проѣздѣ моемъ, я нашелъ двухъ только священниковъ, отлучившихся отъ своихъ мѣстъ и присоединившихся къ мятежникамъ. Не могу притомъ умолчать, что въ нѣкоторыхъ церковныхъ домахъ, а именнно въ Лукникахъ и Тельшахъ, нашли убѣжище преслѣдуемые мятежниками люди великороссійскихъ губерній, и что Кретингенскій Бернардинскій монастырь заслужилъ благодарность господина отряднаго начальника за отличный пріемъ ввѣренныхъ ему войскъ, которыя въ четвертый уже разъ проходятъ чрезъ сіе мѣстечко. Если въ тѣхъ мѣстахъ, которыя занимаются еще мятежниками, не представится мнѣ возможности сдѣлать извѣстнымъ содержаніе печатанныхъ въ столицѣ экземпляровъ, а

повѣтовые маршалы и военные предводители мятежниковъ будутъ упорствовать въ своемъ преступленіи, то въ такомъ случаѣ нельзя будетъ мнѣ знать, чѣмъ и когда должно ограничиться возложенное на меня порученіе. Посему не благоугодноли будетъ Вамъ, милостивый государь, опредѣлить мѣру дѣйствіямъ моимъ и сообщить объ оной Барону Палену, такъ какъ онъ полагаетъ, что безъ Высочайшаго повелѣнія Его Императорскаго Величества не будетъ въ правѣ отпустить не только меня, но и назначенныхъ мнѣ въ помощь каноника Гинтиллу и столоначальника Габонскаго. Болѣзненные припадки мои, о коихъ, находясь еще въ С. Петербургѣ, я представлялъ Вашему Превосходительству, болѣе и болѣе усиливаются отъ лишенія надлежащихъ врачебныхъ пособій и разныхъ безпокойствій, соединенныхъ съ подобнымъ объѣздомъ. Не взирая однако-же на таковое препятствіе, я не оставлю всемѣрно стараться дѣйствовать въ исполненіе Высочайшаго порученія.

18.

Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ Палену.

Князь Симонъ Гедроицъ. Мая дня 1831 года изъ Кретинцена.

Представляя при семъ Вашему Превосходительству присяжные листы о данномъ согласно разрѣшенію Вашему, милостивый государь, Самогитскимъ епархіальнымъ епископомъ княземъ Іосифомъ Гедройцемъ и духовенствомъ Плунгянской и Курцанской церквей на вѣрность вѣрноподданничества Его Императорскому Величеству клятвенномъ обѣщаніи, считаю долгомъ донести, что преосвященный князь Іосифъ Гедройцъ объявилъ мнѣ, при личномъ свиданіи въ мѣстечкѣ Плунгянахъ, что онъ не замедлитъ сдѣлать распоряженіе, дабы и другіе духовные его епархіи, бывшіе въ сообществѣ съ мятежниками или давшіе имъ клятву, были приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Всероссійскому Престолу, и на сей конецъ тогда же сообщена ему форма присяги.

19.

Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ Палену.

Князь Симонъ Гедройцъ 10 Мая 1831 года № 149.

Вмѣняю себѣ въ обязанность донести Вашему Превосходительству, что въ проѣздѣ мѣстечекъ, состоящихъ на пути отъ Кретингена, приведены по распоряженію моему засѣдателемъ Римско-Католической коллегіи каноникомъ Гинтиллою священники церквей: Горждовской, Вильжайцкой, Веviржанской и Швекшнянской, а также нѣкоторые прихожане сей послѣдней изъ дворянъ и шляхты, къ присягѣ на вѣрность подданства Всероссійскому Престолу, и при томъ приказано отъ меня помянутымъ духовнымъ, чтобы они старались немедленно всѣхъ прихожанъ своихъ привести къ таковой присягѣ, не переставая внушать имъ пребывать навсегда непоколебимыми въ вѣрноподданствѣ Его Императорскому Величеству. Листы о исполненіи вышеозначенной присяги при семъ представляются.

20.

Переводъ отвѣтнаго письма, полученнаго епископомъ княземъ Симономъ Гедройцемъ отъ Военнаго Предводителя мятежниковъ Шавельскаго по-

вѣта Францпска Шеміотта, 14 Мая 1831 года изъ мѣстечка Цитовяны.

Князь! Жители Самогиціи съ крайнимъ прискорбіемъ читали твое воззваніе, въ коемъ ложь запятнала уста твои. Ты выросъ между нами, въ продолженіе 40 лѣтъ былъ свидѣтелемъ нашихъ страданій и въ тоже время самъ оныя переносилъ. Ты знаешь, какъ народъ нашъ, добрый, терпѣливый и кроткій, пребывалъ въ молчаніи подъ тягостнымъ игомъ порабощенія. Наконецъ преисполнилась чаша горести, и долѣе терпѣть не было возможности. Назначаемые отъ короны чиновники, или лучше сказать ненасытныя піявицы, лишили насъ послѣдней полушки. Военные чиновники обращались съ нами унизительно и съ презрѣніемъ; хлѣбъ, единственный способъ существованія нашего, заработанный тяжкими трудами, взять для войскъ дѣйствующихъ противу Поляковъ; всё почти юношество выбрано въ рекруты для истребленія Занѣманской братіи. Не видѣлъ ли ты, князь! Новосильцевъ, Пеликанъ, Гранъ, Ботвинко и другіе низшаго разряда злодѣи, заключали въ тюрьмы находившееся въ училищахъ наше юношество и жестокими пытками исторгали сознаніе въ выдуманной ими винѣ? Не видѣлъ ли, какъ отцы семействъ содержались въ подземельяхъ столицы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, до признанія ихъ невинности? Не знаешь ли, что и теперь находящіеся въ отдаленномъ заточеніи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своего освобожденія? Всего ты былъ свидѣтелемъ; но вмѣсто того, чтобы быть ходатаемъ нашимъ и просоединиться къ почтенному нашему духовному сословію, которое благословляетъ наши усилія и молитъ Всевышняго о благополучіи, ты, князь! съ ложнымъ словомъ обращаешься къ народу, который тебя не считаетъ уже своимъ пастыремъ! Ты обѣщаешь кротость, а въ Ошмянѣ орды варваровъ рѣжутъ священнослужителей, насильствуютъ дѣвицъ, въ Вильнѣ военноплѣнныхъ предаютъ смертной казни, въ Самогиціи юношамъ брѣютъ головы и выгоняютъ ихъ въ вѣчную ссылку. Князь, оставь миссію, которая неприлична твоему сану и помрачаетъ славу; припомни себѣ, что ты Полякъ, а наипаче не забудь того, что есть судъ потомства на землѣ и судъ Божій на небеси.

Что касается до того, чтобъ бросить оружіе и явиться къ кому слѣдуетъ, отвѣтствую Вашему Преосвященству, что какъ, по повелѣнію правительства Царства Польскаго, мы взяли въ руки оружіе, то и должны бросить оное неинаbooзаче, какъ по повелѣнію тогожъ правительства и вмѣстѣ съ онымъ приступить къ переговорамъ.

21.

Копія Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату 6 Мая 1831 года.

По возникшему въ нѣкоторахъ уѣздахъ возвращенныхъ отъ Польши губерній мятежу, многіе помѣщики обнаружились открытыми врагами государства; а какъ по силѣ Указа Нашего 22-го Марта сего года, имѣнія ихъ должны быть взяты въ казну, то дабы съ одной стороны не отлагать наказанія преступниковъ, а съ другой предохранить самыя сіи имѣнія отъ разстройства, повелѣваемъ приступить немедленно къ слѣдующимъ мѣрамъ.

1-е) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спокойствіе уже возстановлено, наложить немедленно секвестръ на имѣнія дво-

рянъ, достаточно изобличенныхъ въ дѣятельномъ распространеніи мятежа съ поднятіемъ самаго оружія, равно налагать оный и на имѣнія впредь имѣющихъ быть обличенными, но не касаясь, впрочемъ, до дальнѣйшаго разбора имѣній тѣхъ, кои могли быть вовлечены насильственно въ нѣкоторое въ возмущеніи участіе; а равно тѣхъ, кои въ теченіи мѣсяца по изданіи сего Указа, съ раскаяніемъ явятся къ мѣстному начальству и удалятся отъ всякаго сообщенія съ мятежниками, кромѣ однако зачинщиковъ и предводителей.

2-е) О всѣхъ имѣніяхъ, на кои будетъ наложенъ секвестръ, увѣдомить Министра Финансовъ для представленія Намъ объ окончательномъ въ свое время ихъ обращеніи въ казну.

3-е) Съ наложеніемъ секвестра, имѣнія сіи должны поступить въ завѣдываніе Казенныхъ Палатъ, со сдѣланіемъ имъ и всему недвижимому имуществу преступниковъ вѣрныхъ описей и съ представленіемъ надлежащихъ обо всемъ начальству свѣдѣній.

4-е) Казенныя Палаты обязываются поручить управленіе надъ сими имѣніями благонадежнымъ людямъ, и буде крестьяне отягощены излишними повинностями, то привести оныя въ умѣренность.

5-е) Крестьяне сихъ имѣній должны повиноваться опредѣленнымъ надъ ними отъ Правительства начальникамъ и, оставаясь въ совершенномъ покоѣ, выдавать тѣхъ, кои отважатся возбуждать ихъ къ новымъ безпокойствамъ.

6-е) По окончательномъ разрѣшеніи объ обращеніи означенныхъ имѣній въ казну, Министръ Финансовъ съ утвержденія Нашего предпишетъ Казеннымъ Палатамъ, чтобы симъ имѣніямъ при первой возможности сдѣлать новыя люстраціи согласно съ мѣстными обстоятельствами, но такъ, чтобы крестьяне не были отягощены излишними повинностями, а напротивъ состояніе ихъ было улучшено.

7-е) Какъ на нѣкоторыхъ изъ означенныхъ имѣній могутъ находиться чиншовая шляхта и разныхъ другихъ званій люди, то также и чинши, ими платимые, имѣютъ быть приведены въ надлежащую умѣренность, когда они согласно 5 пунк. сего указа Нашего остаются въ совершенномъ спокойствіи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ съ полученія сего немедленно учинить надлежащее исполненіе, опубликовавъ о семъ распоряженіи въ общенародное извѣстіе по вышеупомянутымъ губерніямъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою *Николай.*

С. Петербургъ 6 мая 1831 года

22.

Его Превосходительству Дмитрію Николаевичу Блудову князя Симона Гедройца изъ м. Плунгяны 16 мая 1831 г. № 150.

Главная квартира генералъ-губернатора барона Палена 5-го сего мая выступила изъ мѣстечка Кретингена, откуда я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству о дѣйствіяхъ моихъ. Шествіе наше продолжалось чрезъ мѣстечки: Горжды, Вѣжайцы, Вевиржаны, Швекшни, Новемясто, Тенени, Хвейданы, Ретово, и 14 числа вступили мы вторично въ мѣстечко Плунгяны. Въ проходѣ отъ Хвейданъ чрезъ большіе лѣса въ Ретово, мятежники покушались дважды напасть на главную квартиру:

ружейныя пули ихъ летали мимо насъ, пальба происходила съ разныхъ мѣстъ, и намъ, не привыкшимъ находиться въ подобныхъ случаяхъ, нельзя было не воображать о крайней опасности. Въ мѣстечкахъ, чрезъ которыя мы проѣзжали, приводились къ присягѣ всѣ находящіеся на лицо духовные, и въ тоже время дано имъ отъ меня порученіе привесть немедленно къ оной состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи прихожанъ и внушить имъ пребывать впредь непоколебимыми въ вѣрности подданства Его Императорскому Величеству.

Теневскій настоятель, обвиняемый Военнымъ Начальствомъ, скрылся до пріѣзда туда главной квартиры.

Существо сего обвиненія, равно какъ и другихъ относящихся къ духовенству, извѣстно только начальству отряда.

15 мая полученъ мною отъ военнаго предводителя мятежниковъ Шавельскаго повѣта Франциска Шеміотта отвѣтъ на письмо мое, извѣстное уже Вамъ, Милостивый государь, изъ прежнихъ донесеній; онъ рѣшительно отвергаетъ сдѣланное ему предложеніе, изъясняя, что инсургенція Самогиціи, какъ возникшая по повелѣнію правительства царства Польскаго, не можетъ быть ими оставлена безъ согласія тогожъ правительства. Отвѣтъ сей препровожденъ отъ меня къ барону Палену въ переводѣ. Подлинный съ переводомъ считаю долгомъ при семъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства. Отъ предводителей, гражданскаго и военнаго. Россіенскаго повѣта не получены еще мною никакіе отзывы. Постепенное объявленіе посредствомъ духовенства указа 22-го марта, прокламаціи барона Палена и епископскихъ воззваній начинаютъ исподоволь дѣйствовать на всѣ классы здѣшнихъ жителей: большая часть крестьянъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, находится уже въ домахъ своихъ; дворяне, бросая оружіе или мѣста управленія мятежниковъ, являются къ г. Начальнику отряда для исходатайствованія себѣ прощенія. По порученію барона Палена я писалъ къ Шавельскимъ мятежникамъ графу Тышкевичу и Нарбутамъ, изъявившимъ желаніе получить помилованіе, чтобы они явились въ командуемый имъ отрядъ. Предсѣдатель Шавельскаго межеваго суда Горскій помѣщикъ Степанъ Билевичъ, бывшій Россіенскій маршалъ Залѣскій и губернскій маршалъ Горскій явились въ главную квартиру. Прибываютъ также съ изъявленіемъ преданности своей къ законному правительству здѣшніе обыватели и въ разныя отдѣленія отряда. Сіе и наипаче дѣятельность войскъ Его Императорскаго Величества не замедлятъ возстановить прежній порядокъ.

На каждомъ здѣсь шагу представляются глазамъ ужасныя послѣдствія бунта: поля большею частію необработаны, истощены жизненные припасы, пустыя жилища. Удовлетвореніе разныхъ военныхъ надобностей весьма ощущительно для мирныхъ поселянъ, тѣмъ болѣе, что не можетъ быть соблюдено въ сборѣ сей повинности никакое управленіе.

23.

Его Превосходительству Барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ-Палену. Князь Симонъ Гедроицъ 20-го мая 1831 года № 151, изъ м. Плунгяны.

Поставляю долгомъ моимъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о данной въ проѣздѣ главной

квартиры чрезъ мѣстечки: Новое Място, Тенени, Хвейданы и Ретово, Римско-католическимъ духовенствомъ и нѣкоторыми дворянами присягѣ на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству и присемъ представить присяжные оныхъ листы, присовокупляя, что съ моей стороны приказано помянутому духовенству, дабы оно привело безъ замедленія къ таковой присягѣ жителей всѣхъ состояній, принадлежащихъ къ ихъ приходамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ неукоснительно старалось внушать имъ святость данной клятвы и ненарушимую вѣрность подданства Всероссійской Державѣ.

24.

Командиръ Лейбъ-Гвардіи конно-піонернаго эскадрона Полковникъ Бартоломей. Епископу - коадъютору Самогитской Епархіи и кавалеру князю Гедройцу изъ г. Тельшъ 20 мая 1831 года.

Взятаго мною подъ арестъ ксендза м. Поводянъ Викентія Бутовица, оказавшагося изъ взятыхъ у него бумагъ, что онъ участвовалъ въ замыслахъ мятежниковъ здѣшней губерніи и былъ ихъ депутатомъ, присемъ къ Вашему Сіятельству препроводить честь имѣю, вмѣстѣ со взятыми у него бумагами состоящими въ ста двадцати номерахъ.

25.

Его Превосходительству Димитрію Николаевичу Блудову князь Симонъ Гедроицъ изъ г. Тельшъ 21 мая 1831 года № 152.

Г. Генералъ-Губернаторъ Баронъ Паленъ объявилъ мнѣ словесно, что онъ съ Высочайшаго дозволенія Его Императорскаго Величества возвращается на сихъ дняхъ во ввѣренныя управленію его губерніи, и что дальнѣйшія военныя дѣйствія въ Самогиціи къ прекращенію мятежа передаются г. Генералъ-Маіору Ширману. Онъ къ сему присовокупилъ, что возложенное на меня по Высочайшей волѣ порученіе уже исполнено, и въ дальнѣйшемъ пребываніи моемъ при главной квартирѣ отряда не представляется надобности; о чемъ и обѣщалъ сообщить Вашему Превосходительству, дабы получить мнѣ разрѣшеніе на обратный выѣздъ, до того же времени предложилъ мнѣ имѣть пребываніе въ г. Тельши, куда я уже и прибылъ.

Я имѣлъ честь представлять Вашему Превосходительству въ принесенномъ мною прошеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1830 года о возобновленіи по дѣйствію С. Петербургскаго климата припадковъ болѣзни, которою прежде я былъ удручаемъ, и по сему просилъ объ увольненіи меня отъ должности Предсѣдателя Римско-Католической духовной коллегіи. Нынѣ, совершая по Высочайшему порученію съ главною квартирою отряда объѣздъ Самогиціи, я не могъ не имѣть недостатка въ здоровой пищѣ и другихъ жизненныхъ потребностяхъ; при томъ случались разныя безпокойства и опасности. Отъ сихъ или другихъ причинъ болѣзненные припадки мои весьма усилились, и я не чувствую себя въ возможности продолжать службу мою въ коллегіи. Въ таковомъ положеніи моемъ я желалъ бы отсюда прямо отправиться къ Бальдонскимъ водамъ, состоящимъ близь Риги, для пользованія въ продолженіе нынѣшняго лѣта. По сему, прилагая о состояніи здоровья моего докторское свидѣтельство, я всепо-

корнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, благоволить исходатайствовать у Государя Императора всемилостивѣйшее соизволеніе на увольненіе меня отъ должности Предсѣдателя Коллегіи и дать знать мнѣ о послѣдствіи.

Съ симъ вмѣстѣ считаю долгомъ представить Вашему Превосходительству, что съ окончаніемъ моего порученія должно быть разрѣшено и дальнѣйшее назначеніе находящихся при мнѣ Засѣдателя Коллегіи каноника Гинтиллы и Столоначальника Департамента Иностранныхъ Исповѣданій Габонскаго. А какъ они желаютъ возвратиться къ прежнимъ своимъ должностямъ, то не благоугодно ли будетъ Вамъ, милостивый государь, приказать дать знать имъ о Вашемъ постановленіи и снестись съ кѣмъ слѣдуетъ о выдачѣ имъ подорожной.

26.

Его Превосходительству Ѳедору Карловичу Ширману и Его Превосходительству Димитрію Николаевичу Блудову князь Симонъ Гедройцъ изъ г. Тельшъ 22 мая 1831 года за № 153 и 154.

Самогитскій Епархіальный Епископъ князь Іосифъ Гедройцъ сообщилъ мнѣ представленное имъ г. Генералъ-Губернатору Барону Палену, вслѣдствіе его требованія, объясненіе касательно сдѣланныхъ имъ распоряженій въ пользу мятежа. Изъ сего объясненія явствуетъ, что изъ учрежденныхъ матежниками въ каждомъ повѣтѣ особыхъ правительствъ: I-е Тельшевское съ жесточайшими угрозами домогалось отъ Епископа, а) разпубликованія строжайшаго постановленія о Военномъ Судѣ и приведенія къ присягѣ всѣхъ жителей по данной формѣ, в.) распоряженія о доставленіи изъ церквей колоколовъ въ мѣстечко Ворни для литія пушекъ, г.) объявленія при особомъ Епископскомъ воззваніи постановленія объ ускореніи вооруженія жителей, д.) назначенія священниковъ въ приходскіе депутаты и въ полковые капелланы, ж.) предписанія о непремѣнномъ доставленіи правительству получаемыхъ духовенствомъ изъ-за предѣловъ повѣта и отъ Россіянъ писемъ не распечатанныхъ, з.) и разныхъ другихъ менѣе важныхъ предписаній. II-е. Шавельское правительство настоятельно требовало распоряженія, чтобы духовенство сего повѣта не устранялось отъ назначаемыхъ оному должностей и содѣйствовало духовными увѣщаніями. III-е. Отъ Россіенскаго получено также рѣшительное требованіе, но только о немедленномъ доставленіи въ мѣстечко Ворни колоколовъ.

Присланные къ Епископу съ означенными требованіями, нерѣдко съ оружіемъ, въ рукахъ вынуждали исполненіе и отзывы. Вообще все требовалось рѣшительно и безотлагательно. По симъ и другимъ причинамъ онъ Епископъ не могъ не удовлетворить означенныхъ требованій, но кромѣ сихъ требованій ничего и никакихъ распоряженій или исполненій самъ собою не дѣлалъ. Епископъ всѣ помянутыя требованія въ подлинникахъ и свои распоряженія въ копіяхъ намѣренъ представить туда, гдѣ будетъ повелѣно. Я имѣлъ случай видѣть всѣ оныя бумаги. Сверхъ сего преосвященный Іосифъ препроводилъ ко мнѣ и двѣ копіи учиненныхъ имъ вновь воззваній къ духовенству. Сіи копіи, равно какъ и вышепомянутое объясненіе, при семъ представляются на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Г. Генералъ Маіоръ Ширманъ вручилъ мнѣ лично нѣсколько бумагъ и требовалъ по онымъ моихъ распоряженій. Бумаги сіи суть слѣдующія: 1.) предписаніе Тельшевскаго правительства священнику Ворненской церкви, чтобы онъ былъ депутатомъ для собиранія пожертвованій; 2.) росписка члена Комитета Пожертвованій въ полученіи отъ помянутаго священнинника собранныхъ 450 злотыхъ; 3.) Предписаніе Самогитскаго епископа, учиненное по требованію Тельшевскаго правительства, чтобы сей священникъ былъ капелланомъ; 4.) Отвѣтъ священника, что онъ не можетъ исправлять двухъ должностей; 5.) предписаніе комитета литейной Ворненской фабрики сему священнику о доставленіи къ нему пожертвованныхъ денегъ; 6.) Предписаніе Тельшевскаго отдѣленія о пожертвованіяхъ томужъ священнику, чтобы онъ приложилъ стараніе о умноженіи сбора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Генералъ Ширманъ доставилъ ко мнѣ священника Новомѣстной церкви Варѳоломея Квановскаго и монаха Рохитскаго ордена для разсмотрѣнія ихъ поступковъ и распоряженія. На произведенномъ мною допросѣ они не сознались ни въ какомъ умышленномъ и добровольномъ поступкѣ.

Въ оправданіе Квановскаго свидѣтельствовали предо мною многія лица. Относительно же монаха, епархіальное начальство предало его епитиміи впредь до распоряженія г. Генерала Ширмана.

Г. командиръ Лейбъ-Гвардіи конно-піонерскаго эскадрона на тотъ же конецъ доставилъ ко мнѣ при отношеніи своемъ отъ 20-го мая взятаго имъ подъ арестъ священника Поведенской церкви Викентія Бутовича вмѣстѣ съ предъявленными имъ бумагами. Бумаги сіи, состоящія изъ 122-хъ штукъ, суть не иное что, какъ предписанія разныхъ отдѣленій Тельшевскаго мятежническаго правительства, данныя депутату Бутовичу съ требованіемъ отъ него исполненій въ разныхъ предметахъ. Изъ сихъ бумагъ явствуетъ 1.) что должность депутата уподоблялась должности такъ называемыхъ дозорцовъ или ключвойтовъ, 2.) что кромѣ вынужденныхъ распоряженій отъ епископа, мятежническое правительство обращало къ низшему духовенству прямо отъ себя требованія свои и угрозы.

Принимая въ соображеніе всѣ сіи обстоятельства, я полагалъ, что если будетъ приказано означенныя въ объясненіи Самогитскаго Епископа князя Іосифа Гедройца бумаги доставить въ какое мѣсто, то тудаже по мнѣнію моему для совокупнаго разсмотрѣнія должны бы поступить и полученные мною отъ г. Генерала Ширмана и командира конно-піонерскаго эскадрона акты, какъ относящіеся къ томужъ предмету. Что касается до распоряженія о наказаніи священниковъ Бутовича, Квановскаго и Рохиты, какъ изъ бумагъ доставленныхъ и допроса не оказывается, чтобы они содѣйствовали мятежникамъ сами собою и добровольно, а первымъ пунктомъ Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату 6-го сего мая Всемилостивѣйше освобождены отъ секвестра до дальнѣйшаго разбора имѣнія тѣхъ, кои могли быть вовлечены насильственно въ нѣкоторое въ возмущеніи участіе: то, соображаясь съ симъ, равно какъ и съ цѣлію возложеннаго на меня Высочайшаго порученія, я не только не признавалъ себя вправѣ и не могъ рѣшиться сдѣлать какое либо распоряженіе о наказаніи помянутыхъ священниковъ,

но при томъ и смѣю думать, что обличаемыхъ въ подобныхъ недобровольныхъ поступкахъ и находящихся при своихъ церквахъ священниковъ слѣдовало бы оставлять при духовныхъ ихъ обязанностяхъ, не подвергая взысканію впредь до окончательнаго въ семъ предметѣ распоряженія, ибо по принужденію всѣ почти приходскіе священники менѣе или болѣе участвовали въ дѣлахъ мятежниковъ.

По сему, сообщивъ о вышеизложенномъ всемъ г. Генералу Ширману, я просилъ его снабдить меня въ наставленіе разрѣшеніемъ на счетъ вышепомянутыхъ доставленныхъ ко мнѣ бумагъ и священниковъ. Я присовокупилъ къ сему и то, что Барономъ Паленомъ объявлено мнѣ окончаніе моего порученія, и что отъ него и меня доведено по сему предмету до Вашего, милостивый государь, свѣдѣнія.

Донося о семъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства, считаю долгомъ прибавить, что мы, выйдя изъ одной опасности, вступили въ другую: холера здѣсь и въ окрестныхъ мѣстахъ быстро распространяется, усугубляя бѣдствія сего края.

27.

Отвѣтное письмо генералъ-маіора Ширмана князю епископу Симону Гедройцу изъ Тельшъ 22 Мая 1831 года № 20.

Ваше Преосвященство! Я имѣлъ честь получить Ваши письма и за особенное удовольствіе почту представить ихъ въ оригиналѣ Вышнему Начальству, которое несомнительно не оставитъ ихъ безъ точнаго распоряженія, а Ваше Преосвященство милостиваго покровительства.

28.

Генералъ Маіоръ Ѳ. К. Ширманъ князю Симону Гедройцу, изъ м. Плунгянъ 9 Іюня 1831 года № 107.

Настоятель Шадовской Римско-Католической церкви Іосифъ Рупейко, ни мало не участвуя въ дѣлахъ мятежниковъ, первый изъ духовныхъ встрѣтилъ ввѣренный мнѣ отрядъ съ надлежащимъ приличіемъ. Онъ изъ усердія и приверженности къ Всероссійскому Престолу, отправясь съ моимъ отрядомъ, въ проходѣ чрезъ разныя мѣстечка, увѣщевалъ народъ къ оставленію мятежа и употреблялъ всѣ духовныя средства въ пользу Государства. Потомъ же, поступивъ онъ къ Вашему Преосвященству, споспѣшествовалъ благоразумными дѣйствіями въ исполненіи возложенныхъ на него порученій и, подвергаясь, какъ мнѣ извѣстно, опасности. Таковая преданность священника Рупейки къ Россійскому Престолу была поводомъ, что мятежники совершенно разорили Шадовскую его бенефицію и лишили почти всего имущества.

Находя съ моей стороны столь похвальные поступки священника Рупейки заслуживающими награды, я прошу Ваше Преосвященство, по принадлежности его къ Вашей паствѣ, сдѣлать представленіе Вышнему Начальству, чтобъ онъ въ воздаяніе усердія и понесенныхъ убытковъ былъ возведенъ на высшую духовную степень. При томъ, принимая во вниманіе важность оказанной священникомъ Рупейкою для войскъ Его Императорскаго Величества услуги, я долгомъ поставляю о томъ увѣдомить Васъ, и полагаю, что къ полученію духовнаго повышенія онъ не долженъ бы встрѣтить никакого частнаго препятствія.

Увѣряя Васъ, что не упущу о томъ самъ донести г. Главнокомандующему резервами дѣйствующей арміи Его Сіятельству графу Толстому, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

29.

Его Превосходительству, Димитрію Николаевичу Блудову. Князь Симонъ Гедройцъ 13 іюня 1831 года № 157.

Изъ донесеній моихъ извѣстно Вашему Превосходительству, что слѣдствіемъ приведенія въ дѣйство возложеннаго на меня Высочайшаго порученія было то, что большая часть крестьянъ и людей другихъ состояній, оставивъ ряды мятежниковъ, обратилась къ своему долгу. Нынѣ имѣю честь довести до Вашего, милостивый государь, свѣдѣнія, что разнесшійся въ здѣшнемъ краѣ слухъ о вторженіи въ границы Имперіи мятежниковъ Царства Польскаго вновь взволновалъ жителей до того, что всѣ почти, бросившіе оружіе присоединились паки къ мятежникамъ, и что разсѣянные и отчаявшіеся уже возмутители, составивъ значительныя силы, покушаются нападать на города занятые Россійскими войсками и дерзаютъ поставлять препятствія въ немедленномъ возстановленіи порядка. По сему поводу, равно какъ и по недостатку съѣстныхъ припасовъ, я не могъ далѣе оставаться въ г. Тельши, а отправился съ главною квартирою въ м. Кретингенъ. Въ проѣздѣ семъ, мятежники близъ м. Плунгяны сдѣлали въ мой экипажъ три ружейные выстрѣла, и темнота лишь ночи послужила къ нашему спасенію. Со времени выѣзда моего изъ столицы я не получалъ доселѣ никакихъ предписаній отъ Вашего Превосходительства. На представленіе же мое отъ 21-го минувшаго мая за № 152, касательно увольненія меня отъ должности предсѣдателя коллегіи, я ожидаю Вашего, милостивый государь, разрѣшенія съ крайнимъ нетерпѣніемъ; ибо болѣзнь моя весьма усилилась и требуетъ спокойствія и постояннаго леченія. Если на сихъ дняхъ не получу въ Кретингенѣ отзыва Вашего Превосходительства, то, въ ожиданіи онаго, я съ каноникомъ Гинтиллою и столоначальникомъ Габовскимъ долженъ буду отправиться въ Курляндію къ Бальдонскимъ водамъ.

30.

Князь Симонъ Гедройцъ. Его Превосходительству Димитрію Николаевичу Блудову изъ Бальдоны, въ Курляндіи, 22 іюня 1831 № 170.

Отъ нѣкотораго времени Самогитскіе мятежники предаютъ мирныхъ жителей, противящихся преступнымъ дѣйствіямъ ихъ, позорной смертной казни; многіе уже изъ Евреевъ и Христіанъ обоего пола, и даже малолѣтніе, подверглись висѣлицѣ. По сему случаю командующій отрядомъ войскъ, дѣйствующихъ противъ мятежниковъ г. Генералъ-Маіоръ Ширманъ требовалъ, чтобы я сдѣлалъ воззваніе къ Самогитскому духовенству, дабы оно старалось по всей возможности отвращать столь безчеловѣчные поступки возмутителей. Вслѣдствіе сего учиненное мною воззваніе вмѣняю себѣ въ обязанность представить при семъ въ копіи на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Поелику г-нъ командующій отрядомъ не находилъ уже за симъ надобности въ дальнѣйшемъ пребываніи моемъ при ввѣренныхъ ему войскахъ, а здоровье мое часъ отъ часу

болѣе разстроивалось, то въ ожиданіи разрѣшенія Вашего Превосходительства на представленіе мое отъ 21 мая касательно увольненія отъ должности предсѣдателя коллегіи, я вынужденъ былъ отправиться въ Бальдону, гдѣ и нахожусь уже со вчерашняго числа вмѣстѣ съ ассесоромъ коллегіи каноникомъ Гинтиллою и столоначальникомъ Габонскимъ, которые, не получая назначеннаго имъ оклада и по сему стѣсняясь въ содержаніи, весьма бы желали ускоренія для себя Вашихъ, милостивый государь, распоряженій. Отсюда ближайшая почта есть Рижская, и теперь чрезъ сей лишь городъ могу получить отзывъ Вашего Превосходительства. При семъ считаю нужнымъ донести, что, не бывъ доселѣ удостоенъ на учиненныя мною представленія Вашихъ, милостивый государь, разрѣшеній, и не предвидя тому причины, я нахожусь въ крайнемъ недоумѣніи и безпокойствіи, а потому и прошу вновь Ваше Превосходительство благоволить почтить меня благосклоннымъ Вашимъ отвѣтомъ.

31.

Эстляндскій Генералъ-Губернаторъ Баронъ М. И. Паленъ Князю Симону Гедройцу изъ Риги 2 іюня 1831 года № 1327.

Исправляющій должность Главно-Управляющаго Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій г. Статсъ-Секретарь Блудовъ при отношеніи отъ 23 прошедшаго іюня за № 1259 препроводилъ ко мнѣ конверты за №№ 1253, 1256, 1257 и 1258, на имя Вашего Преосвященства, которые при семъ поспѣшаю препроводить къ Вамъ милостивый государь, чрезъ г. полковника Девитта.

Присланныя мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ деньги 1200 р. въ пособіе племянникамъ Вашимъ князьямъ Казиміру и Албану Гедройцамъ сего числа препровождены мною по почтѣ къ г. Эстляндскому Гражданскому Губернатору Барону Будбергу вмѣстѣ съ письмомъ Вашимъ для выдачи сихъ денегъ племянникамъ Вашимъ на необходимыя издержки для содержанія ихъ.

32.

Статсъ-Секретарь Димитрій Николаевичъ Блудовъ Князю Симону Гедройцу изъ С-Петербурга 22 іюня 1831 г. № 1253.

Въ отношеніи отъ 12 минувшаго мая № 988, я имѣлъ честь объявить Вашему Сіятельству Высочайшую волю Государя Императора, чтобы Вы на время отсутствія Самогитскаго Епископа Князя Іосифа Гедройца, вызываемаго въ С-Петербургъ, приняли въ свое управленіе его Епархію. Нынѣ Его Императорское Величество, вслѣдствіе представленія Барона Палена, принимая въ уваженіе преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе князя Іосифа Гедройца, а равно и трудность сообщеній по мѣрамъ, принятымъ противъ холеры, благоволилъ изъявить всемилостивѣйшее свое соизволеніе на оставленіе его на мѣстѣ и при прежней должности, но съ тѣмъ, чтобы коадъюторъ его раздѣлялъ съ нимъ по возможности труды по важнѣйшимъ дѣламъ, касающимся до управленія Епархіею, и какъ лице, удостоенное Высочайшаго порученія, содѣйствовалъ пастырскими наставленіями къ обращенію заблуждающихся къ вѣрноподданническому долгу. Вмѣстѣ съ симъ Его Императорскому Величеству угодно, чтобы Ваше

Сіятельство продолжали сношенія и съ Генералъ-Маіоромъ Ширманомъ, принявшимъ начальство надъ военнымъ отрядомъ отъ Барона Палена, если онъ будетъ имѣть нужду въ совѣщаніяхъ въ Вами или въ какомъ либо съ Вашей стороны пособіи. О сихъ сношеніяхъ, а равно и о прочихъ дѣйствіяхъ своихъ Ваше Сіятельство не оставите доносить Главному Управленію Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій.

33.

Статсъ-Секретарь Д. Н. Блудовъ князю Симону Гедройцу изъ С. Петербурга 22 іюня 1831 года № 1256.

Я имѣлъ счастіе представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора отношеніе Вашего Сіятельства ко мнѣ отъ 22-го минувшаго мая, въ коемъ Вы, милостивый государь, изъясняя, что всѣ почти приходскіе священники Самогитской Епархіи болѣе или менѣе участвовали въ дѣлахъ мятежниковъ по принужденію, полагали мнѣніемъ всѣхъ обличенныхъ въ недобровольной измѣнѣ священиковъ оставлять при прежнихъ ихъ должностяхъ, впредь до окончательнаго по сему предмету распоряженія. Его Императорское Величество, сообразно 3-му пункту Именнаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 4 день сего іюня, Высочайше повелѣть соизволилъ предавать суду духовныхъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; тѣхъ же, коихъ искреннее и благовременное раскаяніе будетъ доказано, оставлять при мѣстахъ.

Я совершенно увѣренъ, что Ваше Сіятельство не замедлите сдѣлать извѣстною сію Высочайшую милость всему духовенству Самогитской Епархіи.

34.

Статсъ-Секретарь Д. Н. Блудовъ князю Симону Гедройцу изъ С Петербурга, 1831 года № 1257.

Въ отношеніи отъ 13 сего мѣсяца Ваше Сіетельство изволите изъяснять, что съ самаго выѣзда Вашего изъ С. Петербурга, вы не получали отъ меня никакого извѣщенія: по чему я считаю нужнымъ препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству дубликаты посланныхъ мною къ Вамъ отношеній отъ 5 мая за №№ 950 и 951, 12 того же мѣсяца № 988, и 5 сего іюня за № 1164 и 1165.

На счетъ желанія Вашего Сіятельства отправиться къ Бальдонскимъ водамъ, Государь Императоръ благоволилъ изъявить Высочайшую свою волю, что оное будетъ удовлетворено, какъ скоро вы совершенно приведете къ окончанію возложенное на Васъ Высочайшее порученіе, чего по послѣднимъ извѣстіямъ резервной арміи можно съ вѣроятностію ожидать въ скоромъ времени.

Что касается до каноника Гинтилы и чиновника Габонскаго, какъ они еще должны быть нужны Вашему Сіятельству для дѣйствій Вашихъ и для сношеній съ Генералъ-Маіоромъ Ширманомъ, то Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ остаться имъ при Васъ, милостивый государь, впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія.

35.

Статсъ-Секретарь Д. Н Блудовъ князю Симону Гедройцу изъ С Петербурга отъ 5 мая 1831 года № 950.

Я съ истиннымъ удовольствіемъ имѣю честь отвѣтствовать Вашему Сіятельству на отношеніе Ваше отъ 25 апрѣля за № 134, какъ вслѣдствіе

описанныхъ въ ономъ происшествій, свидѣтельствующихъ о успѣхѣ принятыхъ Правительствомъ чрезъ посредство Ваше мѣръ, благодаря коимъ несчастные, ослѣпленные Самогитскіе крестьяне, а съ ними уже и нѣкоторые изъ шляхты, начинаютъ чувствовать свое заблужденіе и возвращаться къ долгу, такъ и потому что при семъ случаѣ могу увѣдомить Васъ о удостоеніи распоряженій Вашихъ высочайшаго одобренія. Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ представленное мною отношеніе Вашего Сіятельства, соизволилъ повелѣть мнѣ объявить Вамъ свое Монаршее благоволеніе за труды и старанія Ваши. Смѣю надѣяться, что Всевышній увѣнчаетъ сіи старанія полнымъ успѣхомъ; но однакоже считаю долгомъ еще разъ повторить, что увѣщанія и убѣжденія Вашего Сіятельства должны быть преимущественно обращаемы къ тѣмъ, кои вовлечены въ преступленіе насильствомъ или обольщеніемъ и служатъ лишь орудіемъ злоумышлія, нежели къ людямъ по собственному побужденію поднявшимъ знамя бунта или бывшимъ начальниками онаго, хотя безъ сомнѣнія отеческое милосердіе Государя Императора неистощимо и будетъ распространено на всѣхъ, которые не замедлятъ доказать искренность своего раскаянія.

Что касается до требуемаго Вашимъ Сіятельствомъ наставленія, какъ поступать вамъ, въ случаѣ ежели бы распоряженія Ваши могли въ чемъ либо нарушить права и власть епархіальныхъ начальниковъ, то на сіе имѣютъ честь отвѣтствовать вамъ, милостив. государь, что какъ убѣжденія, съ намѣреніемъ обратить людей ввергнутыхъ въ преступное заблужденіе къ повиновенію законной власти можетъ дѣлать даже и всякое необлеченное никакимъ званіемъ лице, нимало не нарушая преимуществъ и власти духовныхъ и свѣтскихъ начальствъ, то Ваше Сіятельство въ своемъ высокомъ духовномъ санѣ, съ именемъ преемника Самогитскаго епископа и сверхъ того удостоенные особенной довѣренности Государя Императора, еще болѣе другихъ имѣете средствъ и правъ дѣйствовать силою слова въ семъ благодѣтельномъ отношеніи, и что епархіальные епископы, по вѣрности и преданности къ Россійскому правительству, конечно не только не будутъ сему препятствовать, но напротивъ всѣми мѣрами съ своей стороны способствовать вамъ въ семъ истинно христіанскомъ подвигѣ.

При семъ я съ сожалѣніемъ вспоминаю, что мы доселѣ въ совершенной неизвѣстности объ участи преосвященнаго епископа Самогитскаго, съ того самаго времени какъ возникли мятежи въ его епархіи. Прискорбіе, которое онъ долженъ былъ испытать въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, съ извѣстными правилами и христіанскими добродѣтелями, отъ преступнаго возмущенія, коему безъ сомнѣнія старался онъ всѣми мѣрами, хотя и тщетно, противодѣйствовать, должно имѣть сильное вліяніе на слабое его здоровье. Я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство поспѣшить увѣдомить меня о всемъ, что̀ можетъ до него касаться.

Государь Императоръ соизволилъ обратить Высочайшее вниманіе свое и на священника Рупейка, о коемъ Ваше Сіятельство свидѣтельствуете, что онъ уклонялся отъ участія въ мятежѣ и способствовалъ командѣ генерала Ширмана къ благополучному переходу мимо его бенефиціи. Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый

государь, объявить ему, что его усердіе и содѣйствіе въ обращеніи заблуждающихся къ долгу удостоены Всемилостивѣйшаго воззрѣнія Его Императорскаго Величества.

36.

Статсъ-Секретарь Д. Н. Блудовъ князю Симону Гедройцу изъ С. Петербурга отъ' іюня 1831 года № 1165.

Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Паленъ, относясь съ отличною похвалою объ усердіи Шадовской Римско-Католической церкви настоятеля Іосифа Рупейка, ходатайствуетъ объ опредѣленіи его на первую открывшуюся въ Самогитскомъ капитулѣ ваканцію каѳедральнаго каноника, съ присвоеннымъ къ сему мѣсту фундушемъ, въ вознагражденіе понесенныхъ имъ убытковъ отъ разоренія мятежниками его бенефиціи.

Хотя Высочайшимъ указомъ 13 іюля 1803 года постановлено, что никто изъ римско-католическаго духовенства не можетъ быть каноникомъ, не обучась въ главной Виленской Семинаріи, или не получа степени доктора Виленскаго Университета, священникъ же Рупейко не обучался въ Виленской Семинаріи и не имѣетъ докторской степени; но, принимая въ уваженіе оказанныя имъ нынѣ услуги и ревностное его содѣйствіе къ возстановленію спокойствія между жителями Самогиціи, о чемъ свидѣтельствовали и Ваше Преосвященство, я вмѣняю себѣ въ обязанность ходатайство Барона Палена предоставить усмотрѣнію Вашему, какъ управляющему нынѣ Самогитскою Епархіею, и если Вы, милостивый государь, не найдете препятствій къ опредѣленію священника Рупейки въ каѳедральные каноники съ присвоеннымъ къ сему мѣсту фундушемъ, то не благоугодно ли будетъ вамъ войти о семъ ко мнѣ съ представленіемъ, для исходатайствованія Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

37.

Статсъ-Секретарь Д. Н. Блудовъ князю Симону Гедройцу изъ С. Петербурга отъ 23 іюня 1831 года № 1258.

Въ отношеніи моемъ 5 сего іюня № 1165, я извѣщалъ Ваше Сіятельство, что генералъ-лейтенантъ Баронъ Паленъ, относясь съ отличною похвалою объ усердіи настоятеля Шадовской римско-католической церкви Іосифа Рупейки, ходатайствуетъ объ опредѣленіи его на первую открывшуюся въ Самогитскомъ капитулѣ ваканцію каѳедральнаго каноника съ присвоеннымъ къ сему мѣсту фундушемъ, въ вознагражденіе понесенныхъ имъ убытковъ отъ разоренія мятежниками его бенефиціи.

Хотя священникъ Рупейко, не учась въ главной Семинаріи и не имѣя степени доктора отъ Виленскаго Университета, и не могъ бы получить званія каноника по силѣ Высочайшаго указа 13 іюля 1803 года, но, принимая въ уваженіе оказанныя имъ нынѣ услуги и ревностное его содѣйствіе къ возстановленію спокойствія между жителями Самогиціи, я представлялъ ходатайство Барона Палена усмотрѣнію Вашего Сіятельства, прося васъ, милостивый государь, если не найдете препятствій къ опредѣленію священника Рупейка въ каѳедральные каноники, съ присвоеннымъ къ сему мѣсту фундушемъ, войти о семъ ко мнѣ съ представленіемъ для исходатайствованія Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

Получивъ же отношеніе Вашего Сіятельства отъ 12 сего іюня № 156, въ которомъ вы, изъясняя ходатайство генералъ-маіора Ширмана о возведеніи Рупейки въ званіе каѳедральнаго каноника, свидѣтельствуете и сами о заслугахъ сего священника, я представлялъ о семъ на благоусмотрѣніе Государя Императора.

Его Императорское Величество, отступая на сей разъ отъ принятыхъ правилъ о невозведеніи римско-католическихъ духовныхъ, не имѣющихъ докторской степени или не обучавшихся въ главной семинаріи, въ высшія званія, Высочайше соизволилъ утвердить священника Іосифа Рупейка въ званіи каноника Самогитской каѳедры, съ предоставленіемъ ему присвоеннаго сему мѣсту фундуша, какъ въ вознагражденіе заслугъ, оказанныхъ симъ священникомъ отряду генералъ-маіора Ширмана, такъ и убытковъ понесенныхъ имъ отъ разоренія мятежниками его бенефиціи. Сообщая сію Высочайшую Его Императорскаго Величества волю Вашему Сіятельству къ надлежащему исполненію, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, увѣдомить о семъ и г. генерала Ширмана, ходатайствовавшаго о возведеніи Рупейки въ званіе каноника.

38.

Начальникъ отряда войскъ дѣйствующихъ противъ Литовскихъ мятежниковъ Генералъ-Маіоръ Ширманъ князю Симону Гедройцу, г. Шавли іюня 23 дня 1831 года.

Получивъ сего числа предписаніе господина Главнокомандующаго резервною армію, управляющаго главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію, въ исполненіе онаго покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство о доставленіи мнѣ въ оригиналахъ мною врученныхъ лично Вамъ бумагъ, какъ то: 1, предписаніе Тельшевскаго Правительства Ворнскому священнику, чтобы онъ былъ депутатомъ для пожертвованій; 2, росписка члена комитета пожертвованій въ полученіи отъ помянутаго священника собранныхъ 450 злотыхъ; 3, предписаніе Самогитскаго епископа учиненнаго по требованію Тельшевскаго правительства, чтобы сей священникъ былъ капеляномъ; 4, отвѣтъ священника, что онъ не можетъ исполнять двухъ должностей; 5, предписаніе комитета литейной Ворненской фабрики на счетъ присылки въ оной пожертво ванныхъ денегъ; 6, предписаніе тому же священнику о приложеніи старанія въ умноженіи сбора.

Сверхъ сего покорнѣйше прошу переслать и прочія бумаги и акты, у васъ имѣющіеся, касающіеся тогоже предмета, которые мною будутъ пересланы къ г. Виленскому и Гродненскому военному губернатору генералъ-адъютанту Храповицкому; а о полученіи оныхъ не замедлю васъ увѣдомить.

39.

Его Превосходительству Генералъ-Маіору Федору Карловичу Ширману отвѣтъ князя Симона Гедройца изъ Бальдоны 15 іюля 1831 года № 174.

Отношеніемъ отъ 23 минувшаго сего іюля мѣсяца за № 175, которое получено мною 13 числа сего іюля мѣсяца, Ваше Превосходительство изволили требовать, чтобы я доставилъ къ Вамъ, милостивый государь, въ оригиналахъ врученныя Вами мнѣ лично и другія находящіяся у меня бумаги, относительно Самогитскаго духовенства.

Вслѣдствіе сего имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству всѣ полученныя мною какъ отъ Васъ, милостивый государь, о коихъ изволите упоминать въ вышеозначенномъ отношеніи, такъ и отъ г. командира Лейбъ-Гвардіи конно-піонерскаго эскадрона, при его отношеніи отъ 20 мая за № 450, коихъ числомъ 121 штука. При семъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства: 1, что упомянутое отношеніе Ваше отъ 23 іюня поступило сперва, какъ извѣщаетъ меня г. генералъ-губернаторъ Баронъ Паленъ, къ предсѣдательствующему нынѣ члену Римско-Католической духовной коллегіи епископу Павловскому, который представилъ оное главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій г. Статсъ-Секретарю Блудову, а сей уже препроводилъ къ Барону Палену для доставленія ко мнѣ. 2. Г. Статсъ-Секретарь Блудовъ отношеніемъ отъ 22 іюня, которое при семъ прилагается въ копіи, объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество, сообразно 3-у пункту имяннаго указа 4-го іюня, Высочайше повелѣть соизволилъ предавать суду духовныхъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, тѣхъ-же, коихъ искреннее и благовременное раскаяніе будетъ доказано, оставлять навсегда при мѣстахъ.

40.

Его Превосходительству генералъ-маіору Федору Карловичу Ширману. —Князь Симонъ Гедройцъ изъ Бальдоны 15 іюля 1831 года № 175.

Получивъ отношеніе Вашего Превосходительства отъ 9 минувшаго іюня за № 107, о учиненіи представленія къ высшему начальству, чтобы настоятель Шадовской церкви Іосифъ Рупейко въ вознагражденіе заслугъ, оказанныхъ имъ Вашему, милостивый государь, отряду и убытковъ, понесенныхъ имъ отъ разоренія мятежниками его бенефиціи, былъ возведенъ на высшую духовную степень,—я имѣлъ честь отвѣтствовать отъ 10 тогожъ мѣсяца, что согласно требованію Вашего Превосходительства не замедлю представить въ главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, что̀ мною и исполнено въ 12-ый день іюня.

Нынѣ главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій г. Статсъ-Секретарь Блудовъ извѣщаетъ меня, что, получивъ означенное отношеніе мое отъ 12-го іюня, онъ представлялъ оное на благоусмотрѣніе Государя Императора, и что Его Императорское Величество, отступая на сей разъ отъ принятыхъ правилъ о невозведенія Римско-Католическихъ духовныхъ, неимѣющихъ докторской степени или необучавшихся въ главной Семинаріи въ высшія званія, Высочайше соизволилъ утвердить священника Іосифа Рупейка въ званіи каноника Самогитской каѳедры съ предоставленіемъ ему присвоеннаго сему мѣсту фундуша, какъ въ вознагражденіе заслугъ, оказанныхъ отряду Вашего Превосходительства, такъ и убытковъ понесенныхъ отъ разоренія бенефиціи.

Г. Статсъ-Секретарь Блудовъ объявилъ мнѣ сію Высочайшую Его Императорскаго Величества волю къ надлежащему исполненію. Я въ слѣдствіе сего не премину сдѣлать въ свое время должное распоряженіе.

Вмѣняю себѣ въ обязанность о семъ Васъ, милостивый государь, увѣдомить.

41.

Письмо Статсъ-Секретаря Е. И. В. Дмитрія Николаевича Блудова князю Симону Гедройцу изъ С. Петербурга 15 іюля 1831 г. № 1352.

Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь.

Ваше Сіятельство отношеніемъ отъ 22 минувшаго іюня увѣдомляете меня, что Самогитскіе мятежники съ нѣкотораго времени всѣхъ мирныхъ жителей, противящихся преступнымъ ихъ дѣйствіямъ, предаютъ позорной и жестокой смерти на висилицѣ, и что по сему случаю вы, согласно требованію командующаго отрядомъ войскъ Генералъ-Маіора Ширмана, сдѣлали воззваніе къ Самогитскому духовенству, дабы оно старалось по возможности отвращать столь безчеловѣчные поступки возмутителей. Къ сему изволите присовокуплять, что вы на всѣ учиненныя вами ко мнѣ представленія доселѣ не получили разрѣшеній и въ ожиданіи оныхъ съ согласія Генералъ-Маіора Ширмана отправились въ Бальдону для леченія себя водами, при семъ вы повторяете прошеніе объ увольненіи васъ отъ должности предсѣдателя коллегіи и объ учиненіи распоряженій касательно находящихся при васъ Ассесора Коллегіи каноника Гинтиллы и Столоначальника Габонскаго.

Незная причинъ, почему Ваше Преосвященство не получили доселѣ моихъ бумагъ, я немедленно по извѣщеніи о семъ изъ вашего отношенія отъ 13-го минувшаго мѣсяца препроводилъ чрезъ посредство Рижскаго военнаго губернатора барона Палена дубликаты тѣхъ моихъ къ вамъ отношеній, въ коихъ означены слѣдующія къ исполненію чрезъ васъ Высочайшія повелѣнія касательно вашихъ дѣйствій и продолженія сношеній съ Генералъ-Маіоромъ Ширманомъ; въ оныхъ между прочимъ объявлена Высочайшая воля, что желаніе ваше ѣхать къ Бальдонскимъ водамъ не прежде можетъ быть удовлетворено, какъ по возстановленіи спокойствія въ Самогиціи.

Вѣроятно сіи бумаги Вашимъ Сіятельствомъ теперь получены отъ барона Палена; но какъ вы прибыли уже въ Бальдонъ, то по доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Императорское Величество, принимая въ уваженіе растроенное ваше здоровье, а равно и то, что генералъ Ширманъ уже не находитъ надобности въ дальнѣйшемъ вашемъ пребываніи при ввѣренныхъ ему войскахъ, Высочайше дозволилъ вамъ остаться на время въ Бальдонѣ, но съ тѣмъ чтобы вы продолжали сношеніе съ генералъ-маіоромъ Ширманомъ, если онъ будетъ имѣть нужду въ совѣщаніяхъ съ вами или въ какомъ либо съ вашей стороны пособіи и чтобы по окончаніи курса Бальдонскихъ водъ, согласно прежней объявленной мною отъ 22 іюня Высочайшей волѣ, отправились къ епархіальному епископу князю Іосифу Гедройцу и по важнѣйшимъ дѣламъ, касающимся до управленія Епархіею, по возможности раздѣляли съ нимъ труды, какъ его коадъюторъ и какъ лице удостоенное особаго Высочайшаго порученія.

Прошеніе ваше объ увольненіи отъ должности предсѣдателя коллегіи будетъ принято въ соображеніе по совершенномъ окончаніи возлагаемыхъ на васъ нынѣ порученій.

Что касается до Ассесора Коллегіи каноника Гинтиллы и Столоначальника Габонскаго, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее свое соизволе-

ніе на отправленіе ихъ въ С. Петербургъ къ занимаемымъ ими здѣсь должностямъ.

Объявляя Вашему Сіятельству сію Высочайшую волю, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, учинить зависящія отъ Васъ распоряженія объ отправленіи каноника Гинтиллы и столоначальника Габонскаго.

42.

Д. Н. Блудовъ Князю Симону Гедройцу 17 іюля 1831 года № 1398.

Я имѣлъ счастіе представлять Государю Императору отношеніе Вашего Сіятельства отъ 7-го іюля. Его Императорское Величество благоволилъ подтвердить Высочайшую свою волю, объявленную мною Вашему Сіятельству отношеніемъ отъ 9 іюля, о дозволеніи вамъ остаться въ Бальдонѣ до окончанія начатаго вами курса.

Касательно же испрашиваемыхъ Вашимъ Сіятельствомъ наставленій о сообщеніи духовенству Самогитскому Высочайшаго указа отъ 4-го іюня Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы Вы, Милостивый Государь, издали по сему случаю вмѣстѣ съ епархіальнымъ епископомъ возваніе къ духовенству и всѣмъ жителямъ Самогиціи, какъ скоро сіе сдѣлается удобнымъ по измѣнившимся нынѣ обстоятельствамъ сего края.

43.

Князь Симонъ Гедройцъ Его Превосходительству Дмитрію Николаевичу Блудову изъ Бальдоны 30 іюля 1831 года № 177.

Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что въ слѣдствіе полученныхъ мною на сихъ дняхъ предписаній Вашихъ отъ 9 и 17 сего іюля, ассесоръ Римско-Католической коллегіи Гинтилло и чиновникъ департамента иностранныхъ исповѣданій Габонскій отправляются нынѣ изъ Бальдоны въ С. Петербургъ къ своимъ мѣстамъ.— Они въ проѣздѣ чрезъ Ригу имѣютъ явиться къ г. генералъ-губернатору барону Палену для полученія по Вашему, Милостивый Государь, отношенію пособія на путевыя издержки.— Къ сему я долженъ прибавить, что труды и усердіе находившихся при мнѣ помянутыхъ чиновниковъ заслуживаютъ вниманіе начальства, и потому осмѣливаюсь предоставить сіе благоусмотрѣнію Вашего Превосходительства. Что-же касается до Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, объявленной въ означенныхъ предписаніяхъ, относительно какъ того, чтобъ мною раздѣляемы были труды съ епархіальнымъ Епископомъ по важнѣйшимъ дѣламъ, такъ и того, чтобъ продолжалось мною сношеніе съ г. генераломъ Ширманомъ, и также было издано совмѣстно съ епархіальнымъ Епископомъ возваніе касательно сообщенія Самогитскому духовенству Высочайшаго указа 4-го іюня,—я не премину отправиться изъ Бальдоны въ Епархію въ первыхъ числахъ наступающаго августа мѣсяца, и стараться буду по всей моей возможности оную Высочайшую волю привести въ надлежащее исполненіе и доводить о томъ въ свое время до свѣдѣнія Вашего Превосходительства.

44.

Преосвященнѣйшій Владыко Милостивый Государь.

Государь Императоръ, обращая Высочайшее свое вниманіе на преданность Вашего Сіятельства къ Россійской Имперіи и на вновь оказанныя

вами заслуги при исполненіи особеннаго и важнаго порученія, Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить Васъ къ ордену Св. Анны 1-й Степени.

Препровождая къ Вашему Сіятельству Высочайшую о семъ грамоту, прошу Васъ, Милостивый Государь, принять искреннее мое поздравленіе. Я увѣренъ, что сей знакъ Монаршаго къ Вамъ благоволенія усугубитъ ревность Вашу и усердіе къ Престолу, уже неоднократными опытами доказанныя, и послужитъ Вамъ поощреніемъ для новыхъ трудовъ и усилій въ настоящемъ Вашемъ званіи.

(Списано съ подлинной переписки, сохранившейся у наслѣдниковъ князя Гедройца и сообщено Александромъ Викторовичемъ Рачинскимъ).

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

Въ статьѣ г. Фортунатова: „Воспоминанія о С. Петербургскомъ университетѣ за 1830—33 годы“ и въ примѣчаніи къ ней издателя (Р. Арх. 1869, стр. 306) упоминается объ *А. А. Дюгуровѣ*, ректорѣ того университета, а когда-то (по преданію) секретарѣ Робеспьера и орудіи терроризма во Франціи. Издатель Р. Архива выразилъ желаніе подтвердить болѣе положительными свѣдѣніями эти разсказы объ отношеніяхъ Дюгурова къ Робеспьеру. Имѣя подъ руками нѣсколько интересныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ, за время его професорства въ Харьковскомъ университетѣ, мы сочли долгомъ, на всякій случай, сообщить ихъ въ Р. Архивъ.

Въ послужныхъ спискахъ значится, что Дюгуровъ родился въ 1765 г. близъ Клермона, былъ професоромъ изящной словесности въ королевскомъ коллегіумѣ Де-ла-флешь и профессоромъ исторіи въ Парижской центральной школѣ; 7-го Ноября 1806 года совѣтомъ Харьковскаго университета былъ избранъ въ экстра-ординарные професcоры, въ августѣ 1809 года въ ординарные, былъ избираемъ въ деканы отдѣленія словесныхъ наукъ, состоялъ членомъ комитетовъ — цензурнаго, училищнаго и для экзаменованія гражданскихъ чиновниковъ, а съ 1811-го года библіотекаремъ университетской библіотеки. Кромѣ того съ 1810-го года онъ отправляемъ былъ неоднократно визитаторомъ для обозрѣнія учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. По списку 1815 года, онъ значится отцомъ пяти дочерей (Клорисы 19 лѣтъ, Маріи 13, Генріетты 12, Фортунаты 10 и Іозефины 3).

Въ дѣлахъ Харьковскаго университетскаго архива сохранились два письма его къ тогдашнему попечителю Х. университета, С. О. Потоцкому: одно отъ 17 іюня 1806 г. изъ села Ивановскаго [1]) что въ Курской губерніи, другое отъ 6-го августа тогоже года. Изъ этихъ писемъ съ достовѣрностію можно заключать, что появленіемъ своимъ въ Харьковѣ Дюгуровъ былъ обязанъ Потоцкому, который въ то время съ особеннымъ усердіемъ заботился о вызовѣ иностранныхъ ученыхъ для занятія профессорскихъ каѳедръ въ Х. университетѣ и педагоговъ для устройства пансіоновъ; изъ нихъ же видно, что Дегуровъ писалъ Потоцкому еще изъ Берлина, выражая желаніе заняться въ Россіи воспитаніемъ дѣтей подъ его покровительствомъ. Въ половинѣ мая 1806 года онъ прибылъ съ своимъ семействомъ въ Ивановское, и первою его мыслію было открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ въ Курскѣ на началахъ либеральнаго воспитанія, éducation vraiment libé-

[1]) Принадлежало въ то время князю Ивану Ивановичу Барятинскому, женатому на гр. М. Ѳ. Келлеръ, родителю фельдмаршала. *П. Б.*

rale). [2]) Въ бумагѣ Харьковск. университета отъ 13 сентября 1806 года начала эти признаны Потоцкимъ „дѣйствительно дѣлающими честь Дюгуру". Мысль объ устройствѣ такого пансіона особенно утвердилась въ немъ во время путешествія его въ предшествующемъ году съ кн. Барятинскимъ (по пути до Курска?), когда онъ глубоко убѣдился въ превратномъ направленіи воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Какъ всѣ иностранцы, Дюгуръ смотрѣлъ на себя, разумѣется, какъ на педагога-реформатора, какъ на начинателя въ варварской странѣ чуть ли не новой эры либеральнаго воспитанія [3]). Но педагогическому предпріятію Дюгура не суждено было осуществиться, покрайней мѣрѣ въ Курскѣ, и притомъ, что̀ замѣчательно, по такимъ препятствіямъ, которыя никакъ нельзя назвать непреодолимыми. Вся бѣда была въ томъ, что родители не соглашались отдавать въ пансіонъ своихъ дочерей, не надѣливши ихъ собственной прислугой—женщинами, которыя, по словамъ Дюгура, „sont abruties par l'ignorance, dégradées par la servitude, et dont le langage et les manières annoncent un esprit aussi bas que leur coeur est corrompu [4]). Доказывали ему будто бы и невыполнимость его намѣренія воспитывать въ своемъ пансіонѣ дѣвицъ съ дѣтства до выхода ихъ въ свѣтъ, такъ какъ родители отдаютъ своихъ дочерей въ пансіонъ много на годъ, а то на шесть мѣсяцевъ и даже меньше (?). Задумывалъ онъ купить или нанять подлѣ города дачу, обратить ее въ ферму, гдѣ бы дѣвицы могли проводить лѣтнее время и заниматься сельскимъ хозяйствомъ, ботаникой и т. д. мечталъ онъ завести библіотеку для дѣвицъ, выходящихъ изъ его пансіона, изъ книгъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, съ пожертвованіемъ на нее отъ себя половины основнаго капитала и съ небольшою ежегодною платою со стороны пользующихся. Всѣ эти мечты о новомъ либеральномъ воспитаніи такъ и остались мечтами, и Дюгуръ, даже не попытавшись осуществить на практикѣ свои педагогическія убѣжденія, слишкомъ скоро нашелъ себя вынужденнымъ обратиться къ старому, обычному и у насъ, способу устройства пансіоновъ съ ихъ обширными программами, идущими въ разладъ съ насущными потребностями дѣйствительной жизни и расчитанными на барышъ. И этотъ рутинный, по его собственному признанію, пансіонъ онъ рѣшился открыть не въ Курскѣ, а въ Харьковѣ, гдѣ онъ успѣлъ побывать, познакомиться съ нѣкоторыми профессорами университета, между которыми было нѣсколько французовъ, и гдѣ уже нанялъ для себя и для будущаго пансіона помѣщеніе. Впрочемъ поѣздка въ Харьковъ и знакомство съ профессорами уни-

[2]) Впослѣдствіи, въ эпоху Магницкаго и Аракчеева, Дюгуровъ писалъ и печаталъ о вредѣ либеральнаго направленія. Онъ съумѣлъ удержаться и при гр. Уваровѣ, хотя подавалъ на него доносы, о чемъ извѣстно намъ по бумагамъ покойнаго министра. *П. Б.*

[3]) Иностранцы до сихъ поръ играютъ на этой струнѣ. Вспомнимъ, что проэкты нынѣшнихъ нашихъ университетскаго, гимназическаго и училищныхъ уставовъ были разсылаемы иностраннымъ педагогамъ, что замѣчанія ихъ (конечно не даровыя) были напечатаны, и все таки уставы эти въ самое короткое время потребовали коренныхъ измѣненій. Аббатъ Безо, нынѣ настоятель французской церкви святаго Людовика въ Москвѣ, напечаталъ за границею книжку о воспитаніи и поднесъ ее знатнѣйшимъ лицамъ Русскаго общества; въ предисловіи къ этой книжкѣ находится похвальное письмо къ автору герцога Монтебелло (бывшаго французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ); герцогъ радуется тому, что г. Безо занимается воспитаніемъ въ мѣстѣ своего служенія, ибо-де воспитаніе образуетъ людей, а въ Россіи именно людей-то и нѣтъ! *П. Б.*

[4]) Т. е. Погрязли въ невѣжествѣ, унижены рабствомъ; ихъ языкъ и обращеніе обличаютъ духъ, столь же подлый, во сколько развращено ихъ сердце.—А между тѣмъ это знаменитыя Русскія няни, воспитавшія лучшихъ нашихъ дѣятелей. Въ началѣ столѣтія ихъ было еще довольно, и наши матери еще боялись предоставлять дѣтей своихъ исключительному вліянію забѣглыхъ иностранцевъ. Не мудрено, что няни у насъ исчезли, когда высшее общество допустило къ себѣ такихъ людей, какъ Дюгуровъ. *П. Б.*

верситета, въ которомъ было такъ много незанятыхъ каѳедръ, открыли предпріимчивому французу совершенно новые виды: въ немъ естественно родилось желаніе выступить въ Россіи на знакомую ему профессорскую карьеру, и это желаніе могло также естественно встрѣтить сочувствіе въ тогдашней профессорской коллегіи, состоявшей въ большинствѣ изъ иностранцевъ. Это желаніе и эти виды онъ съ замѣтною робостію открываетъ Потоцкому въ заключеніе своего письма, указывая при этомъ на свою прежнюю службу въ званіи преподавателя и на свои сочиненія по исторіи и сельскому хозяйству. Между историческими сочиненіями онъ особенно старается обратить вниманіе попечителя на *оправдательную записку* (mémoire justificatif), обнародованную имъ во время процесса, производившагося надъ Людовикомъ XVI и переведенную, по его словамъ, почти на всѣ языки, прибавляя, *что онъ былъ первый французъ, осмѣлившійся въ самомъ Парижѣ принять на себя защиту несчастнаго короля.* Въ случаѣ предоставленія ему каѳедры сельскаго хозяйства, онъ обѣщается завести близь Харькова образцовую ферму. Письмо оканчивается увѣреніемъ, что профессорская дѣятельность не только не разстроитъ его плановъ объ устройствѣ пансіона, но еще облегчитъ борьбу съ предразсудками родителей, и слѣдующимъ обращеніемъ къ попечителю: „если вы, графъ, призовете на эти мѣста другія лица, то я поздравлю съ ними и общество и университетъ, будучи убѣжденъ, что выборъ столь просвѣщеннаго начальника могъ пасть только на тѣхъ, кто превосходитъ меня и дарованіемъ и заслугами". Изъ этого письма оказывается также, что Дюгуръ прожилъ около шести лѣтъ въ Англіи, гдѣ съ особеннымъ усердіемъ занимался медициной, политической экономіей и сельскимъ хозяйствомъ, при чемъ онъ ссылается на кн. Барятинскаго, которому хорошо извѣстны эти занятія. Переселеніе его въ Англію могло совершиться въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка, такъ какъ его Исторія Кромвеля напечатана въ Парижѣ въ 1795 году [5]). Изъ Англіи, проживши въ ней около шести лѣтъ, онъ, вѣроятно, переселился въ Берлинъ, какъ упомянуто выше.

Въ другомъ письмѣ, отъ 6 го августа, Дюгуръ уже прямо предлагаетъ себя въ профессоры всеобщей исторіи или сельскаго хозяйства и основываетъ свое предложеніе на прежней десятилѣтней преподавательской дѣятельности и на своихъ сочиненіяхъ [6]). Здѣсь онъ называетъ себя членомъ свободнаго общества (congrégation libre), бывшаго до революціи и посвятившаго себя образованію юношества; здѣсь же онъ упоминаетъ объ извѣстномъ оправдательномъ мемуарѣ, написанномъ въ то время, когда Людовикъ XVI представленъ былъ на судъ предъ Конвентомъ; о пансіонѣ въ этомъ письмѣ уже вовсе не упоминается.

---

[5]) Книга могла быть издана въ Парижѣ и въ отсутствіе сочинителя. *П. Б.*

[6]) Вотъ перечень сочиненій Дюгура по Керару (Quérard, La France littéraire. 1828. II), который называетъ его „ancien doctrinaire et professeur au Collége de la Flèche, plus tard libraire à Paris": 1) Histoire publique et secrète de Henri IV, roi de France et de Navarre. Paris. 1790; 2) Coup d'oeil sur l'histoire de France pour servir d'introduction à la Géographie de la France. Paris. 1791; 3) Géographie de la France d'après la nouvelle division en 83 départements. Paris 1791; Histoire d'Olivier Cromwell. Paris. 1795. 2 vols; 5) De la civilisation des Tartares Nogaïs dans le midi de la Russie européenne. Kharhoff. 1816; 6) Mémoire sur l'état actuel de l'hôpital des pauvres malades à Saint-Pétersbourg avec des details sur la nouvelle institution des veuves de la charité, St. Petersbourg. 1817. Кромѣ того въ Харьковскомъ университетѣ, въ обычныхъ торжественныхъ собраніяхъ, онъ произнесъ двѣ рѣчи — одну въ 1809 году (critique et défense de l'histoire) и другую въ 1812 году (De la rénaissance des lettres et de la prepondérance qu'elles ont donnée à l'Europe sur les autres parties de la terre). Нѣсколько статей по сельскому хозяйству помѣщено имъ въ X-мъ томѣ сборника Розье безъ подписи; въ началѣ этого же тома помѣщена его же статья, подъ заглавіемъ: „свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Розье (Notice sur la vie et les écrits de Rozier).

Слѣдствіемъ этого письма было упомянутое выше отношеніе попечителя въ университетъ отъ 13 сентября, въ которомъ онъ, отклоняя отъ себя рѣшеніе дѣла, предоставляетъ унив. Совѣту обсудить права Дюгура. Совѣтъ передалъ проф. Тимковскому его сочиненія на разсмотрѣніе, и въ началѣ ноября представленъ былъ о нихъ одобрительный отзывъ, съ указаніемъ въ особенности на ихъ „expositionem pragmaticam, elocutionem castigatam et adornatam". За тѣмъ послѣдовалъ его выборъ въ профессоры (7 ноября). Профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ Дюгуръ былъ девять лѣтъ. Въ 1816 году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію, такъ какъ онъ представилъ „нѣкоторые проэкты по части государственныхъ финансовъ" (отношеніе Потоцкаго въ университетъ отъ 27 іюля 1816 года). Тамъ онъ и остался, сначала ординарнымъ профессоромъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ (попечитель Карнѣевъ извѣщаетъ объ этомъ университетъ 5 августа 1817 года,) а потомъ и ректоромъ С. Петербургскаго университета. Любопытно бы знать, въ чемъ состояли эти проэкты по части государственныхъ финансовъ, поданные французскимъ педагогомъ и профессоромъ временъ революціи, однимъ изъ многочисленныхъ тогдашнихъ просвѣтителей и устроителей Россійскаго государства, перешедшимъ такъ быстро отъ реформы педагогической чрезъ профессуру къ реформѣ финансовой и за тѣмъ, вовсе безъ знанія русскаго языка, ставшимъ во главѣ С.Петербургскаго университета (во время визитацій по Харьк. округу, *по незнанію имъ россійскаго языка,* при немъ всегда состоялъ особый чиновникъ).

Не касаясь въ настоящемъ случаѣ профессорской дѣятельности Дюгура въ Харьковѣ, которая впрочемъ не ознаменовалась ничѣмъ особенно достопримѣчательнымъ, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что въ университетскомъ архивѣ можно найти указанія, которыя, вообще говоря, нельзя назвать благопріятными для выводовъ объ его общихъ нравственныхъ качествахъ.

Вскорѣ послѣ избранія въ Совѣтѣ, на него поданы были два доноса адъюнктомъ Гамперле: одинъ въ томъ, что онъ не способенъ къ должности профессора (minus aptum esse ad obeundum munus professoris), другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей (suspectum esse communitatis cum Gallia). Отъ перваго легко было отдѣлаться; но второй доносъ повлекъ за собой, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ (тогда только что послѣдовало рѣшительное запрещеніе сношеній съ Франціей, и въ Совѣтѣ 31 декабря прочитано было особое объ этомъ предписаніе), строжайшее слѣдствіе, производившееся весьма секретно и поспѣшно губернаторомъ [7]. Къ дѣлу были привлечены проф. Рейтъ, Баллю и даже жена послѣдняго. Доносъ однако не былъ доказанъ слѣдствіемъ. Дюгуръ оправданъ, что и значится въ его формулярномъ спискѣ; Рейту, Баллю и его женѣ сдѣланъ въ Совѣтѣ строгій выговоръ со внушеніемъ воздерживаться впредь отъ неприличныхъ и подвергающихъ суду и отвѣтственности рѣчей, cum insinuatione deinceps a sermonibus inconvenientibus, judicio et responsioni subjicientibus, abstineant. Журн. Совѣта 22 апр. 1807. [8]).

---

7) Въ засѣданіи совѣта 13 октября прочитанъ былъ Шадомъ рапортъ адъюнкта Гамперле, въ которомъ указывались нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Дюгура и требующія внимательнаго обсужденія (manuscriptum continebat varias quaestiones et reflexiones circa petitionem D. Dugurt, quas putat adjunc. Gamperle a Senatu esse expendendas antequam de electione D. Dugurt ad aliquem locum in universitate obtinendum posset esse sermo). Но большинство въ Совѣтѣ считало излишнимъ входить въ сужденіе объ этомъ рапортѣ уже потому, что оно было подано не ректору, а секретарю Совѣта. (Журн. Сов. 1806 годъ. 13 окт.)

8) „По собщенному мнѣ въ отношеніи вашего сіятельства доносу Харьковскаго университета адъюнкта Гамперле на французскаго уроженца Дюгура, пишетъ министръ Завадовскій Потоцкому (15 дек. 1806 г. № 659), изъясняю мысль, что оный можетъ быть

Жена Баллю явилась 24 апрѣля въ засѣданіе Совѣта для выслушанія выговора. Въ дѣлахъ сохранилась небольшая записка Дюгура, въ которой онъ удивляется, что его имя замѣшано въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ все участіе его въ слѣдствіи состояло въ томъ, что онъ написалъ показаніе для своей жены по ея просьбѣ и по неумѣнью ея писать правильно.

Чтобы предохранить себя на будущее время отъ такихъ непріятныхъ приключеній, а можетъ быть и по другимъ побужденіямъ, въ декабрѣ 1811-го года Дюгуръ вошелъ въ университетъ съ прошеніемъ на высочайшее имя слѣд. содержанія: „по учиненіи на подданство Россійской имперіи присяги, Россія сдѣлалась мнѣ и всему моему семейству вторымъ отечествомъ; но какъ прозваніе, мною носимое, россійскому языку несвойственно, то по сей причинѣ и желая еще болѣе соединить себя и дѣтей своихъ съ государствомъ, въ службѣ коего нахожусь, имѣю намѣреніе дать своему прозванію россійское словоокончаніе и правописаніе и слѣдовательно именоваться *Дюгуровымъ*." [9]) Именной указъ Сенату, разрѣшающій это переменованіе, состоялся 19 января 1812 года, а указъ Сената 29 января.

А вотъ еще дѣло, въ которомъ Дегуровъ является уже самъ доносчикомъ. Извѣстно, что 8-го декабря 1816 года вывезенъ изъ Харькова за границу, по высочайшему повелѣнію и подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, профессоръ философіи Шадъ, замѣчательный по основательному и обширному образованію, хотя и не особенно привлекательный въ нравственномъ отношеніи. Въ оффиціальныхъ бумагахъ министра въ Совѣтъ указывается на двѣ причины столь крутой мѣры: вредный образъ мыслей, обнаруженный имъ въ двухъ сочиненіяхъ (Institutiones juris naturae и De viris illustribus Romae) и одобреніе имъ диссертацій Гриневича и Ковалевскаго, оказавшихся подложными и списанными съ его записокъ (журн. Совѣта 13 дек. 1816). Не принимая на себя труда защищать Шада отъ послѣдняго обвиненія, поднятаго Дегуровымъ (журн. Сов. 5 янв. 1816), да едва ли и возможна такая защита, мы скажемъ только, что первое и самое главное (рѣшившее судьбу Шада) обвиненіе было возбуждено если не исключительно тѣмъ же Дегуровымъ, то, по крайней мѣрѣ, при живѣйшемъ его участіи. Преступнаго и тѣмъ болѣе объясняющаго высылку автора за границу въ 24 часа въ названныхъ сочиненіяхъ, разумѣется, не было ничего, а философское направленіе Шада (онъ былъ послѣдователемъ Шеллинга) было извѣстно университету и до пріѣзда его въ Харьковъ и во все время его преподаванія. Естественно искать иной причины этой катастрофы, кромѣ означенныхъ въ оффиціальныхъ бумагахъ — и вотъ Шадъ, спустя четыре года, самъ указываетъ на эту причину въ письмѣ изъ Іены къ Веймарскому посланнику при нашемъ дворѣ. Мы приведемъ здѣсь относящееся сюда мѣсто этого письма, важное для характеристики Дегурова. „Единственное мое преступленіе въ глазахъ графа Потоцкаго, пишетъ Шадъ, было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія и даже по порученію университета, для употребленія въ гимназіяхъ и университетѣ, описывалъ черными красками великаго Наполеона и великую французскую націю и старался воодушевить обучавшихся юношей лю-

---

имѣлъ побужденіемъ какую-либо личность. Но такъ какъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ пріемлется всевозможная осторожность въ отношеніи къ иностраннымъ, то я поручаю вамъ отнестись къ Харьковскому губернатору, дабы онъ, призвавъ адъюнкта Гамперле и иностранца Дюгура, изслѣдовалъ доносъ во всей точности."

[9]) Бывали перемѣны имени и обратнаго значенія: такъ напр. актриса *Лѣсогорская* получила извѣстность подъ названіемъ *Вальдберховой*; такъ, при Павлѣ, для успѣховъ по службѣ, полякъ *Липинскій* прозвался *Липпинеромъ* и имѣлъ довольно долго преобладающее вліяніе въ военномъ вѣдомствѣ (см. о немъ въ Р. Бесѣдѣ 1860, кн., статью А. Кононова) *П. Б.*

бовью къ отечеству, добродѣтелью и религіей. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, надѣясь встрѣтить тамъ Мессію поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 года [10]). Послѣ вторичнаго ниспроверженія и взятія въ плѣнъ самого тирана, гр. Потоцкій, лишившись всякой надежды и удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые профессоры французскаго происхожденія и другіе единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ принялъ къ себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда профессоромъ исторіи въ Харьковѣ. Во время французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшенымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ (furiosum, uti ex ejus operibus, Parisiis editis, patet, demagogum). Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я въ изданныхъ мною книгахъ вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя, во время революціи и послѣ, французская нація. Этому человѣку поручилъ графъ Потоцкій обвинить мои книги... Мое Jus naturae написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ отечеству, вопреки бѣшенству французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ съ безчисленными полчищами былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ былъ торжествующими русскими даже до Парижа. По сей причинѣ эта книга написана не школьнымъ и сухимъ слогомъ, но ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго университета, для употребленія въ гимназіяхъ, я старался, посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, воспламенить въ сердцахъ изучавшаго латинскій языкъ юношества искру того небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти двѣ книги никто не можетъ заподозрить, развѣ только самый безстыдный клеветникъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый своимъ могущественнымъ покровителемъ, попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрасно читавшій ихъ, не можетъ не придти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ очень строго и добросовѣстно разбиралъ и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ, а потому находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности профессора, но и выслать меня изъ Россійской имперіи" (Русская Правда, альманахъ, изданный въ Кіевѣ въ 1860-мъ году Кулжинскимъ, стр. 93—104. Издатель къ латинскому подлиннику приложилъ и русскій переводъ).

[10]) Замѣчательно, что гр. Потоцкій, дѣйствительно, все время отечественной войны жилъ въ Польшѣ Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ 1811 года (журн. Совѣта 15 февраля) и снова вступилъ въ должность попечителя въ мартѣ 1816 года (журн. Сов. 6-го марта).

Мы ограничимся теперь этими свѣдѣніями о первоначальной дѣятельности и службѣ въ Россіи одного изъ ректоровъ С. Петербургскаго университета. Сообщая ихъ, мы руководились тою мыслію, что они, независимо отъ почетнаго въ послѣдствіи положенія лица, о которомъ шла рѣчь, интересны и сами по себѣ, какъ свидѣтельствующія о тѣхъ путяхъ, по которымъ проходило тогда образованіе въ южную Россію, о характерѣ самыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ въ первое десятилѣтіе Харьковскаго университета, бывшаго въ то время единственнымъ центральнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, непосредственно завѣдывавшимъ всѣми учебными заведеніями на всемъ пространствѣ южной Россіи, а также и о самомъ направленіи образованія.

Н. Лавровскій.

20 мая 1869 г
Харьковъ.

ПИСЬМО

БУЛГАРИНА КЪ И. П. ЛИПРАНДИ.

(О Сѣверной Пчелѣ).

Объ основаніи Сѣверной Пчелы Н. И. Гречъ повѣствуетъ слѣдующее: „Въ „1824 году, видя, что мнѣ нѣтъ ходу по „Министерству Просвѣщенія" *(при министрѣ А. С. Шишковѣ)*, „я обратился къ „Канкрину съ просьбою принять меня „къ себѣ на службу. Онъ зналъ меня и „прежде (я имѣлъ случай сдѣлать добро „его сестрѣ госпожѣ Шлютеръ), и изъ„явилъ свое согласіе. Вдругъ узнали, „что я преданъ суду. Канкринъ объ„явилъ, что я не могу поступить къ не„му на службу до оправданія. Что дѣ„лать? Сынъ Отечества шелъ вяло. Мы „съ Булгаринымъ затѣяли изданіе „Сѣ„верной Пчелы", и начали ее съ 1 Ян„варя 1825 года" (Русск. Архивъ 1868 г. № 9, стр. 1412. 1413).

Въ числѣ бумагъ и писемъ, подаренныхъ мнѣ *историкомъ достославнаго 12-го года* *Иваномъ Петровичемъ Липранди*, отыскалось письмо къ нему Ѳ. В. Булгарина, которое можетъ служить любопытнымъ дополненіемъ къ приведенному выше свидѣтельству Н. И. Греча.

Письмо сіе печатается съ дозволенія И. П. Липранди.

Николай Барсуковъ.

Ноября 4, 1868.
С. Петербургъ.

Милостивый Государь Иванъ Петровичъ! Н. И. Гречъ поручилъ Вамъ, по личной къ Вамъ довѣренности, уладить существующія между нами недоразумѣнія. Я также имѣю полную къ Вамъ довѣренность и прошу Васъ покорнѣйше изслѣдовать подробно наши отношенія.

1. Сѣверная Пчела начала издаваться съ 1825 года, а дозволеніе на изданіе вышло въ 1824 году. Тогда былъ Министромъ Просвѣщенія Александръ Семеновичъ Шишковъ, жестоко ненавидѣвшій Н. И. Греча, что̀ извѣстно и Гречу. Меня жаловалъ Шишковъ и былъ женатъ на моей родственницѣ, урожденной Нарбутъ, въ первомъ замужествѣ Лобаржевской [1]). Моя умная кузина уладила дѣло, увѣривъ, что мое счастье зависитъ отъ соединенія съ Гречемъ, и Шишковъ согласился сдѣлать представленіе Государю о дозволеніи Гречу и мнѣ издавать газету *Сѣверная Пчела*, ручаясь своею особою за ея благонамѣренное направленіе. Мало того: Шишковъ поѣхалъ къ графу Аракчееву, который любилъ и уважалъ его, и просилъ доложить благопріятно Государю о дозволеніи издавать Сѣверную Пчелу, назвавъ меня передъ Аракчеевымъ родственникомъ и даже близкимъ своей жены. Дозволеніе Госу-

[1]) Такимъ образомъ и тутъ, въ дѣлѣ словесности, дѣйствовали Польскія кузины. Суровый врагъ иноземныхъ вліяній находился подъ вліяніемъ Польки, жены своей! *П. Б.*

даря воспослѣдовало на имя Греча и Булгарина, и бумага хранится въ Министерствѣ Просвѣщенія.

2. Въ 1831 году [2]) мнѣ пришла охота жить въ деревнѣ, въ моемъ Карловѣ, по польской натурѣ, любящей поля и лѣса [3]). Я обѣщался присылать статьи въ Пчелу изъ Карлова, а писалъ я тогда юмористическія статьи *о нравахъ* и проч. Для вознагражденія сотрудниковъ, которые въ мое отсутствіе должны были заниматься *текущими статьями* и *современностью* Пчелы, я отказался отъ части моего дохода и предоставилъ себѣ 15,000 руб. ассигн. въ годъ. По истеченіи пяти лѣтъ, я удостовѣрился, что *современность* Пчелы совершенно упала и доходъ газеты ужасно понизился. Я возвратился въ Петербургъ, и по смыслу нашего съ Гречемъ контракта, сдѣланнаго передъ отъѣздомъ въ Карлово, контрактъ потерялъ свою силу. Но кромѣ того Гречь выдалъ мнѣ бумагу, уничтожающую совершенно контрактъ. Эта бумага хранится у меня и теперь — самъ контрактъ у Греча пропалъ, а я уничтожилъ его. Тѣмъ и дѣло кончилось! Но на этомъ контрактѣ основано наше недоразумѣніе съ Гречемъ, т. е. *съ его стороны*.

3. De mortuis aut bene, aut nihil — но я долженъ сказать, что покойный сынъ Н. И. Греча, Алексѣй, хотя былъ человѣкъ весьма способный для механическаго изданія Сѣверной Пчелы, человѣкъ весьма не глупый и смирный, но эгоистъ въ сильной степени, въ чемъ сознавался передо мною и самъ Николай Ивановичъ Гречь, когда былъ друженъ и откровененъ со мною. Покойному Алексѣю Гречу пришла въ голову мысль *отодвинуть меня отъ собственности Пчелы*, такимъ образомъ, чтобъ я при жизни получалъ только 15.000 руб. ассигнац., а по смерти моей вся собственность Пчелы досталась семейству Греча. Эта мысль олицетворилась по смерти Алексѣя Греча въ особѣ жены его. А какъ Н. И. Гречь всегда находился подъ вліяніемъ женщинъ, то женщины и уговорили его сдѣлать *завѣщаніе* и распорядиться Пчелою въ пользу своего семейства. Не постигаю, почему для этого нуженъ имъ контрактъ 1831 года, лишившійся силы переселеніемъ моимъ изъ Карлова въ Петербургъ и особою бумагою, подписанною Н. И. Гречемъ! Онъ уже нѣсколько лѣтъ требуетъ у меня этого контракта, а у меня его нѣтъ; а еслибъ былъ — я бы отдалъ ему охотно, потому что онъ не имѣетъ никакой силы! Отъ заключенія контракта прошло 24 года, а онъ заключенъ только съ условіемъ, что онъ тогда только дѣйствителенъ, когда я буду жить въ деревнѣ; наконецъ въ продолженіи 24-хъ лѣтъ дѣла шли въ прежнемъ порядкѣ, и наконецъ Гречь своею подписью уничтожилъ контрактъ! Какую же онъ можетъ имѣть силу?

4. Н. И. Гречь хочетъ въ завѣщаніи распорядиться Сѣверною Пчелою, какъ домомъ или деревнею! Во первыхъ, завѣщаніе его не будетъ имѣть законной силы, потому что, по смыслу закона, можно только распоряжаться тѣмъ, что̀ имѣешь, а меня никто *не отсудитъ* отъ половины Пчелы, потому что на это есть Высочайшее соизволеніе. Кромѣ того, журналы и газеты въ Россіи не переходятъ по наслѣдству, но прекращаются со смертію издателя. Выдается позволеніе

[2]) Во время Польскаго мятежа. *П. Б.*

[3]) Не отсюда ли проистекаетъ знаменитое „до-мясу“? *П. Б.* Многимъ памятны конечно статьи, присыланныя изъ Карлова, съ наглымъ эпиграфомъ: „Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ“. *П. Б.*

издавать журналъ одному лицу, а не семейству его. Отечественныя Записки перешли сперва по смерти Свиньина къ компаніи, въ которой участвовалъ богатый Давыдовъ и жандармъ Владиславлевъ, и эта передача воспослѣдовала по докладу Бенкендорфа, въ пользу вдовы Свиньина, и допущена Государемъ. Краевскій былъ избранъ редакторомъ....

5. Н. И. Гречъ безъ малѣйшей деликатности распоряжается Сѣверною Пчелою, какъ своею фамильною собственностью, поручаетъ хозяйственную часть кому угодно, принимаетъ сотрудниковъ, платитъ имъ — не говоря мнѣ ни слова! Даже за границей завербовалъ онъ какого-то сорванца, который присылаетъ ему вырѣзки изъ газетъ и разныя писанныя сплетни, *которыхъ я не вижу и не знаю!* Прежде за это платило III отд. Собст. Его Величества канцеляріи [4]), куда и поступаютъ эти заугольныя извѣстія, а теперь Сѣверная Пчела должна платить этому сорванцу 1000 рублей серебромъ! Типографія Сѣверной Пчелы должна имѣть лучшихъ наборщиковъ въ городѣ, а между тѣмъ въ ней одни мальчики, ученики и одинъ только безтолковой чухонскій наборщикъ! Однакожъ листъ Пчелы обходится болѣе нежели въ 60 рублей серебромъ, хотя мнѣ типографія никогда не показала подробнаго отчета. Вычитается изъ дохода Пчелы, *въ массѣ*, та сумма, которая нужна на содержаніе дома и проч. и проч. и проч. До сихъ поръ я все молчалъ, и *деликатность* мою Н. И. Гречъ принимаетъ *за свое право* распоряжаться въ Пчелѣ, какъ *хозяинъ*, устраняя меня совершенно! По моему расчету Н. И. Гречъ въ 30 лѣтъ перебралъ изъ дохода Пчелы, болѣе моего, около 300.000 рублей ассигнаціями. Онъ меня трактуетъ, какъ *сотрудника!* Я докажу, что я *не сотрудникъ*, а такой же *хозяинъ* въ Пчелѣ, какъ Гречъ!

6. Н. И. Гречъ вовсе не цѣнитъ никакихъ заслугъ моихъ въ Пчелѣ, но я имѣю доказательства, что публика цѣнитъ мои труды. Н. И. Гречъ надѣется на своихъ сильныхъ пріятелей, что затретъ меня и уничтожитъ въ Пчелѣ; но я не боюсь этого, ибо правота, не взирая на всѣ интриги, дойдетъ до сердца Государя! [5]) Онъ меня лично знаетъ и знаетъ еще по покойному К. К. Мердеру.

7. Если Н. И. Гречъ хочетъ сдѣлать *правое дѣло*, то намъ обоимъ т. е. Гречу и Булгарину должно просить Государя *объ утвержденіи собственности Пчелы за ихъ семействами*, въ равной долѣ. Почему Н. И. Гречъ хочетъ имѣть преимущество въ Пчелѣ? Что легче, выбирать статьи изъ Journ. de S.Pétersbourg, [6]) или почерпать ихъ изъ мозга? Впрочемъ и публика и сильные люди отдаютъ мнѣ справедливость, а если Гречъ меня въ грошъ не ставитъ — я плакать и печалиться не стану!

8. Весьма было бы хорошо и полезно, еслибъ Вы, почтеннѣйшій и добрѣйшій Иванъ Петровичъ, пересмотрѣли хранящіяся у меня бумаги и прочитали это письмо Н. И. Гречу.

---

[4]) Извѣстно, что Булгаринъ состоялъ въ близости съ III-мъ отдѣленіемъ. *П. Б.*

[5]) Умѣли устроить такъ, что покойный Государь изъ Русскихъ современныхъ изданій читалъ только одну Сѣверную Пчелу. Можно судить, какое презрѣніе къ Русской словесности должно было утвердиться въ честной груди его. Въ Германіи, Сѣверную Пчелу даже называли придворною газетою: Hof-Zeitung. *П. Б.*

[6]) Переводятъ другіе. Иностранныхъ газетъ выписывается бездна. На нихъ только взглянетъ Гречъ — и баста! Все берется изъ Journ. de S.Pétersbourg!!! О личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ мнѣ Н. И. Гречемъ, почитаю излишнимъ говорить!

Я самъ не могу съ нимъ ни объ чемъ говорить, потому что онъ чрезвычайно раздражителенъ, ничего не слушаетъ и толкуетъ *свое*.

Я всегда дома до 12 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера. Съ высокимъ уваженіемъ и истинною преданностью честь имѣю быть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя,

Ѳаддей Булгаринъ.

23 Марта 1855
Спб.

*

Въ 1851 году Булгаринъ писалъ къ И. П. Липранди: «Прошло 44 года съ «тѣхъ поръ какъ мы узнали другъ «друга на театрѣ войны! Никогда вы «не слыхали, что Булгаринъ лжецъ «или подлецъ. Вложивъ саблю въ «ножны, я 32 года ратую перомъ за «правду и всегда радъ, когда могу «то напечатать, что думаю.»

Просьба была исполнена, и И. П. Липранди получилъ отъ Греча записку, въ которой между прочимъ сказано: «укрѣпившись нѣсколько въ здоровьи, я прочиталъ письмо Ѳ. В. Б. — удивительное сплетеніе лжи и клеветы!»

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому.

От дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Минскаго Губернатора Карнѣева.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАПОРТЪ.

Исполняя Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, съ 4-го числа прошедшаго мѣсяца приступилъ я объѣзжать всѣ тѣ приходы, гдѣ обращенный къ благочестію народъ колеблется во исповѣданіи вѣры, которыхъ хотя числомъ не болѣе 23-хъ во всей Минской губерніи, но разсѣянны въ семи уѣздахъ, почему и потребно было время на обозрѣніе и подробное изслѣдованіе причинъ, по коимъ уклоняются поселяне отъ хожденія въ церковь и принятія священныхъ требъ.

Въ дѣйствіи семъ старался я соблюсти Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества предписаніе, въ совершенствѣ развѣдывая отъ простолюдимовъ, самымъ скромнымъ и ласковымъ образомъ, о причинахъ уклоненія ихъ отъ церкви и всѣхъ благочестивыхъ обрядовъ и, кажется, что они повсюду были чистосердечны, разсказывая какъ начало ихъ обращенія, такъ и причины своего удаленія. И относительно начала, поелику большая часть селеній сихъ лежитъ между приходами уніатскаго исповѣданія, то при первомъ призывѣ къ обращенію колеблющихся нынѣ простолюдимовъ, частію дѣйствовала въ нихъ надежда сколько на то, что въ слѣдъ за ними обратятся и другія селенія, и они не потеряютъ старинной между собою связи родства и знакомства, столько и на уменьшеніе всякихъ податей и работъ, что можетъ быть обращающими неосторожно предлагаемо было имъ, а частію и необщая воля всѣхъ прихожанъ, а малаго числа изъ нихъ, которые, невѣдомо другимъ, записывали имена прочихъ. И потому въ однихъ приходахъ по обращеніи, очень мало людей ходили въ благочестивую церковь, а въ другихъ и совсѣмъ никто, равно и священныхъ требъ не принимали въ теченіи двухъ лѣтъ и болѣе. Между тѣмъ пока строгаго запрещенія не было, иные прибѣгали въ сосѣдствѣ къ уніатскимъ попамъ, иные сами давали младенцамъ святое крещеніе; а многіе приняли римско-католиче-

ское исповѣданіе вѣры, яко то въ двухъ приходахъ Вилейскаго повѣту всѣ жители вообще то учинили. Священники жъ благочестивые, оставаясь при церквахъ одни, сколько сами огорчены были лишаясь всякаго доходу отъ поселянъ, столько оскорбляли и народъ, принуждая ихъ противу воли ходить въ церковь и принимать требы и принося жалобы безъ основанія въ развратѣ на уніатскихъ въ сосѣдствѣ поповъ, отъ чего множество заведено слѣдствій, и народъ большею частію безвинно подверженъ истязанію.

Можетъ быть, при первомъ приступѣ къ обращенію, и имѣло вліяніе на удержаніе въ уніатствѣ народа искусное съ нимъ обращеніе прежняго ихъ духовенства и помѣщиковъ; но теперь, за строгимъ отъ верховнаго начальства запрещеніемъ, всѣ удалены и отъ малѣйшаго участія въ развратѣ сихъ людей.

Главныя жъ причины народнаго уклоненія отъ церкви суть три. Первая, скорой, крутой и неискусной оборотъ изъ уніи на благочестіе, ибо нигдѣ не наблюдали обращающіе общаго желанія поселянъ, и не употребляли со стороны духовенства должнаго увѣщеванія и преклоненія ихъ на совѣстное исповѣданіе благочестія, а только что оставляли священниковъ въ церквахъ, назвавъ оныя благочестивыми, которые, и наипаче изъ присланныхъ отъ Смоленской епархіи, не бывъ искусны, недовольно въ званіи своемъ, но ниже въ кроткомъ обхожденіи съ народомъ, обратили все свое попеченіе на устроеніе наружныхъ обрядовъ, яко то иконостасовъ изъ разныхъ образовъ, крестныхъ ходовъ въ лѣвую сторону кругомъ церквей противу стараго здѣсь заведенія, и протчее, чрезъ что совершенно сдѣлались отвратительными народу, привыкшему всякой разъ собранія своего въ церковь слушать поученія и принимать наставленія, каковыми, и по незнанію польскаго языка священниками и по неискусству, не могъ онъ болѣе пользоваться.

Вторая, отчужденіе отъ всѣхъ окружающихъ оные уніатскихъ приходовъ: ибо народъ, не имѣя твердаго понятія о уніатскомъ исповѣданіи вѣры, ни мало не противится и благочестивому; но тѣмъ токмо огорченъ, что, по обращеніи церквей ихъ изъ уніатскихъ въ благочестивыя, лишились они всѣхъ выгодъ, коими прежде пользовались, а именно перестали уніатскіе священники изъ сосѣдственныхъ приходовъ ходить къ нимъ съ крестами и образами, въ храмовой и прочіе праздники для процессіи, отъ чего по мѣстечкамъ и селамъ пресѣклось стеченіе народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средствъ продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свиданія съ родными изъ другихъ деревень прекратились, и они увидѣли себя вдругъ аки осиротѣвшими и отчужденными отъ всякаго сообщества: ибо, за строгимъ запрещеніемъ уніатскимъ попамъ давать требы прихожанамъ благочестивыхъ церквей, не принимаютъ ихъ нигдѣ въ праздники и по другимъ селеніямъ, но бѣгаютъ и чуждаются. Такое положеніе сихъ приходовъ, лежащихъ между уніатскими, до крайности огорчаетъ народъ такъ, что нѣкоторые изъ подписавшихся на благочестіе поселянъ, при слабомъ разумѣніи своего исповѣданія, не могутъ сохранить твердости, а желаютъ единодушно всѣ остаться совмѣстно съ другими селеніями при одномъ исповѣданіи съ тѣмъ, что ежели тѣхъ церкви обращены будутъ

въ благочестивыя, то и они съ радостію останутся благочестивыми, естьлиже тѣ пребудутъ уніатскими, то и они просятъ ихъ оставить уніатскими, не желая ничего во исповѣданіи вѣры отмѣннаго, дабы по прежнему имѣть сношеніе со всѣми безпрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами.

Третія, несостояніе одними желающими благочестія содержать церкви въ порядкѣ: ибо, какъ ни въ одномъ изъ помянутыхъ приходовъ нѣтъ и не было общей и доброй воли поселянъ къ принятію благочестія, а большая часть держатся уніатства, нѣкоторые жъ сдѣлались римскокатоликами, то и остаются повсюду обращенныя на благочестіе церкви пусты, безъ всякаго необходимаго благолѣпія, такъ что священникамъ совершать богослуженія не на чѣмъ. Повсюду изъ числа 23-хъ приходовъ кромѣ села Начи, гдѣ при въѣздѣ въ Минскую губернію Ваше Императорское Величество имѣли первый ночлегъ и гдѣ всѣ поселяне добровольно и единодушно въ прошедшемъ мѣсяцѣ приняли благочестіе и подтвердили присягою собравшись въ церковь, кромѣ двухъ отшедшихъ въ римско-католическую вѣру, въ прочихъ 23 приходахъ не нашелъ я ни единодушнаго при началѣ обращенія, ниже твердаго нынѣ желанія остаться въ благочестіи, напротивъ того не видѣлъ нигдѣ и малѣйшаго сопротивленія быть благочестивыми, въ случаѣ обращенія на благочестіе сосѣдственныхъ уніатскихъ приходовъ, равно не открылъ нигдѣ и другихъ причинъ ко уклоненію ихъ отъ благочестія, кромѣ вышеписанныхъ трехъ, что̀ и послужило мнѣ поводомъ, проѣзжая чрезъ уніатскія селенія, разсуждать съ попами ихъ о разности сихъ вѣръ, которые сами говорятъ, что кромѣ признанія папы главою церкви и одного символа вѣры во исповѣданіи ими исхожденія Святаго Духа отъ Отца и Сына, въ существѣ суть едино, и все богослуженіе производится по русскимъ книгамъ грекокатолическаго исповѣданія. А по тому и спрашивалъ я, для чегожъ, вѣдая основаніе вѣръ сихъ въ существѣ единымъ, не стараются они присоединиться къ господствующей грекокатолической вѣрѣ, такъ какъ предки ихъ по единому господствію римскокатолической вѣры сдѣлались уніатами, на что̀ отъ многихъ ученыхъ и хорошихъ поведеніемъ поповъ, по нѣкоторой бесѣдѣ съ ними, видѣлъ довольную преклонность и желаніе присоединиться, но останавливаетъ ихъ одна опасность духовнаго своего начальства, которое, удержавъ прочихъ уніатами, можетъ и ихъ подвергнуть подобнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ находятся 23-ть приходовъ, обращенные на благочестіе.

Въ такомъ положеніи найдя 23-ть приходовъ, я отнесъ все въ подробности къ Минскому и Волынскому архіепископу и кавалеру Іову, и просилъ, чтобы позволено было поселянамъ тѣхъ приходовъ, по силѣ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, получать требы отъ сосѣдственныхъ уніатскихъ поповъ, и ни малѣйшаго принужденія имъ не дѣлать; дабыже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть частью и благочестиваго исповѣданія поселяне, могли сіи пребыть твердыми въ вѣрѣ и другихъ привлечь къ единообразному исповѣданію, то благоволилъ бы тамъ перемѣнить настоящихъ священниковъ, яко неспособныхъ, другими изъ здѣшнихъ, разумѣющихъ польскій языкъ и искусныхъ къ наученію народа. Кромѣ сихъ 23-ти приходовъ, неосно-

вательно обращенныхъ, а потому и нынѣ колеблющихся, въ прочихъ сохраняется твердость къ вѣрѣ и спокойствіе, а сіи обозрѣніемъ моимъ повсюду совершенно успокоены, и позволено имъ совѣстное исповѣданіе вѣры и принятіе священныхъ требъ отъ кого пожелаютъ. Нужно только для сохраненія общаго порядка въ веденіи метрическихъ книгъ, въ кои записываются вновь рожденные, умирающіе и бракомъ сочетавающіеся, и съ коими отъ всѣхъ судовъ дѣлаются справки, чтобы оныя вѣрно сочиняемы были; но поелику въ уніатскихъ приходахъ никогда порядокъ сей не былъ заведенъ и наблюдаемъ, да и духовное начальство ихъ, находясь въ другой губерніи, слабо за симъ можетъ смотрѣть, то и полезно кажется, естьли то не противно духовному узаконенію, всѣ оставшіеся уніатскими въ Минской губерніи приходы подчинить по части сей архіепископу Іову, дабы они наравнѣ съ благочестивыми приходами, ведя метрическія книги и составляя вѣдомости, относились къ нему въ свое время; ибо симъ однимъ средствомъ сохранится свѣдѣніе о соблюденіи народомъ обязанности своей по совѣстному каждаго исповѣданію вѣры.

И естьли угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству утвердить всеподданнѣйшее сіе мое донесеніе, то безъ сомнѣнія обращеніе уніатскихъ поповъ съ архіепископомъ Іовомъ, по части сей, можетъ воздѣйствовать и на совершенную преклонность ихъ къ принятію съ приходами своими благочестія, яко то и недавно случилось въ Мозырскомъ повѣтѣ, гдѣ одинъ уніатской попъ, приявъ благочестіе, присоединилъ съ собою и четыре прихода по общему всѣхъ поселянъ на то согласію: ибо здѣшній народъ, имѣя великую довѣренность и почтеніе къ ксензамъ или попамъ своимъ (и подлинно, по роду жизни, свѣдѣній и старанію о наученіи людей, заслуживающимъ оное) готовъ слѣдовать за ними повсюду; попы жъ уніатскіе, ежели бы могли остаться при прежнемъ одѣяніи, не отращивая кто не пожелаетъ бородъ, и съ оставленіемъ иконостасовъ на время въ нынѣшнемъ положеніи, въ церквахъ, конечно, охотнѣе приступили бы къ благочестію: ибо перемѣна вещей сихъ великое имѣетъ вліяніе на народъ, который и могутъ и умѣютъ держать они въ повиновеніи.

Все сіе почитая нужнымъ къ общему спокойствію сего края и къ скорѣйшему возстановленію единообразія во исповѣданіи вѣры, дерзаю всеподданнѣйше повергнуть на Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

Іюля 6-го дня 1797 года Минскъ.

ПИСЬМО Г. ИСКРЫ,

поданное графу Платону Александровичу Зубову 1794 года февраля 17 дня.

Сіятельнѣйшій графъ! Пореваемый ревностію услужить государямъ, предокъ мой полковникъ Искра намекнулъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ появилась и правда его; но голова — не картузъ.

Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ его имѣніе въ Украинѣ; послѣ Украину отдалъ Полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малороссіи; но тѣ были тогда малолѣтны; пока возмужали, государь скончался. И тогда, и теперь, все равно, вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. *Это древность, графъ!*

Я просился изъ военной въ гарнизонъ, а меня отставили въ *чистую*, словно какъ будто бы въ то награжденіе, чтобъ, за долговременную и безпорочную службу, околѣть съ голоду. *А это графъ, прошедшее*.

Я сюда пріѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ. Годъ мѣста былъ въ полсыта, а подъѣзжалъ на извощикахъ; другой и третій, пѣшій боролся съ голодомъ; а теперь уже и премудрость не помогла, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ идти: служить негдѣ, а дома жить не у чего. *Вотъ это настоящее, графъ!* Но то для вельможи не новизна, а для чувствительной души страданіе.

Ваша преисполнена доброты: такъ помогите мнѣ! Вѣкъ времени, что правительствовавшій Малой Россіей, бывшій Гетманъ и тамошній генералъ-губернаторъ, а наконецъ и Сенатъ, за то отшедшее имѣніе, присудили наградить насъ; но и доднесь мы въ чаяніи будущихъ благъ.

Докладъ Сената два года лежалъ у г. Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ; а теперь нѣсколько мѣсяцовъ лежитъ у г. Попова, которому Императрица именно и точно повелѣть изволила: *взять и доложить*, — а я хлѣбаю завтраки.

Братъ мой, тожъ маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки, а у меня хотя и онѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ, подъ визгъ: *подайте Христа ради!* и тогда, когда, въ цѣлое столѣтіе, кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ — непрерывная суть жертва ревности.

Сіятельнѣйшій графъ, ревнитель истины и у престола ходатайствующій о ней, заступи насъ! Единое слово твое сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, а мы если незабвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедрый, рогъ его вознесется во славу. Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

СТИХИ НА МОГИЛЬНОМЪ КАМНѢ
актера Сандунова.

Перебирая старыя бумаги, я нашелъ слѣдующую эпитафію, сочиненную славнымъ нѣкогда профессоромъ Н. Н. Сандуновымъ и высѣченную на гробницѣ его брата (въ Москвѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ), также нѣкогда извѣстнаго актера С. Н. Сандунова.

Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливый.
Былъ счастливъ: кто меня въ семъ жречествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ,
Какъ строгій судія искусства и правдивый.
Прохожій! и тебѣ, въ комедіи твоей,
Желаю я похвалъ отъ знающихъ людей,
И еслибъ даже злость тебѣ цѣны не знала,
Желаю, чтобъ тебя надежда та питала,
Что свѣта этого актеры и актрисы,
Окончивъ роль, какъ я, всѣ идутъ за кулисы.
Кто выдержать умѣлъ характеръ до конца,
Тому въ награду ждать побѣднаго вѣнца.

Конечно, важно тутъ не достоинство произведенія, а память о достопочтенномъ профессорѣ. Было бы желательно еслибъ кто нибудь изъ многихъ почитателей его и учениковъ-студентовъ принялъ на себя трудъ составить его полную біографію и собрать его безчисленныя саркастическія поговорки.

Одинъ изъ читателей Русскаго Архива.

СТАРИННОЕ ОСТРОСЛОВІЕ.

Вновь назначенному воинскому начальнику, который любилъ преимущественно все русское, представляются штабъ-офицеры его корпуса. Слѣдуютъ вопросы и отвѣты:

„Какъ зовутъ?“ — Багговутъ.
„А его?“ — Дистерло.
„Ну а ихъ? — Дидерихъ.
„Кто же онъ?“ — Якобсонъ.
„Ахъ мой Богъ!“ — Я Олтрогъ.
„Какъ же васъ? — Адеркасъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ издаваемъ въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою г.г. иногороднымъ подписчикамъ—

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ. Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева, пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются. Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ *не допускается*, а черезъ нихъ только высылаются деньги въ вышеозначенныя мѣста, такъ какъ опытъ нынѣшняго года убѣдилъ въ крайней затруднительности такогорода выписыванія.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р. для Англіи — **2** р. **50** к.; для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

10. ПРИ **1869.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1869.

Цѣна за 12 тетрадей — семь рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не имѣя возможности увеличивать объемъ Русскаго Архива и не желая откладывать обнародованіе собранныхъ имъ бумагъ, нашелъ удобнымъ печатать особый историческій сборникъ, подъ названіемъ „Осмнадцатый Вѣкъ", въ коемъ помѣщаются бумаги, письма и статьи, относящіяся къ одному прошлому столѣтію.

Книги „Осмнадцатаго Вѣка" выходятъ безсрочно и продаются каждая отдѣльно тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя три книги „Осмнадцатаго Вѣка". Цѣна первой—2 р. 50 к., второй и третьей—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

Четвертая книга „Осмнадцатаго Вѣка" печатается. Въ ней помѣщены между прочимъ: Письма и распоряженія *Петра Великаго* о Прибалтійскомъ краѣ.—Выписки изъ подлинныхъ секретныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (сообщены профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).—Современное письмо о Салтычихѣ.—Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVII вѣка, статья *М. Ѳ. де Пуле*, написанная на основаніи новооткрытыхъ бумагъ. Новыя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ Екатерининскаго царствованія. Антидотъ, неизвѣстное доселѣ на Русскомъ языкѣ сочиненіе императрицы *Екатерины II-й*. Новыя записки о царствованіи императора Павла и пр. и пр.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора и съ указателемъ. Изданіе Русскаго Архива, Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

ИЗЪ БУМАГЪ МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ГАВРІИЛА (1).

Неизданные матеріалы для біографіи его, собранные и объясненные Н. И. Григоровичемъ).

А) Рескрипты Екатерины II. (1766—1794).

I.

Преосвященный митрополитъ Новородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ!

Какъ для снабденія остальныхъ шестьнадцати губерній потребнымъ числомъ учителей, къ открытію въ нихъ народныхъ училищъ, и сверхъ того для посылки въ Англію ради обученія разнымъ полезнымъ занятіямъ потребно сто человѣкъ; то и желаемъ, чтобы ваше преосвященство снеслись съ преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и съ прочими архіереями о присылкѣ въ Коммиссію народныхъ училищъ изъ Кіевской Духовной Академіи тридцати, изъ Черниговской и Переяславской семинарій по пятнадцати, да изъ прочихъ ближнихъ епархій сорока человѣкъ. Выбираемые къ сему люди должны уже имѣть довольныя основанія въ наукахъ, какія въ нынѣхъ духовныхъ училищахъ преподаются и природными своими способностями обѣщать впредь вящшіе успѣхи въ тѣхъ занятіяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. Притомъ поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ соотвѣтствовать неотмѣнно качествамъ и способности ихъ разума. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ С.-П.Бургѣ. Октября 30. 1766 г.

Первыя два рескрипта, относящіеся до Коммиссіи объ училищахъ народныхъ, помѣщены въ сочиненіи епископа Орловскаго Макарія „Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила,“ СПБ. 1857 г. стр. 23—25. Настоящій рескриптъ относится до Коммиссіи, которая касалась преобразованія духовныхъ училищъ вообще и въ частности Московской Академіи; ее хотѣли назвать Императорскою и сдѣлать богословскимъ факультетомъ при Московскомъ университетѣ. Съ этою цѣлію, для изученія новыхъ методовъ, отправлены были, въ 1766 году, за границу нѣкоторые изъ лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

II.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ.

Какъ нынѣ получено отъ командующаго арміею генерала князя Голицына извѣстіе о вторичной побѣдѣ одержанной надъ непріятелемъ, случившейся въ 21 число прошедшаго мѣсяца, то есть на третій день послѣ

(1) Въ преемники знаменитому Дмитрію Сѣченову назначить Гавріила вѣроятно присовѣтовалъ Екатеринѣ, пріятель его молодости Потемкинъ, засѣдавшій тогда въ Синодѣ за оберпрокурорскимъ столомъ. *П. Б.*

первой баталіи; знаки же оныхъ побѣдъ отосланы въ соборную церковь святыхъ апостолъ Петра и Павла, то ваше преосвященство прикажите въ будущее воскресенье во всемъ городѣ по церквамъ отправить благодарной молебенъ за дарованныя отъ Всевышняго Творца намъ надъ непріятелемъ сіи обѣ побѣды. *Екатерина.* Царское Село. 12 Мая 1769 года.

Въ первое воскресенье, т. е. 17 Мая членами Св. Сѵнода былъ отправленъ благодарственный молебенъ въ Петропавловской крѣпости, а духовенствомъ во всѣхъ церквахъ столицы.

III.

Преосвященный архіепископъ Новгородскій Гавріилъ.

Двухъ монаховъ подъ стражею содержащихся, Тамбовской епархіи въ Далматовѣ монастырѣ Ѳеофана Леонтовича и въ ставропигіальномъ (²) Соловецкомъ монастырѣ Ѳедора Ушакова (³), ваше преосвященство, прикажите, освободя изъ подъ стражи, опредѣлить въ монастыри по разсмотрѣнію Сѵнода и сходно ихъ желанію, подтвердя, чтобъ настоятели тѣхъ монастырей наблюдали за поведеніемъ ихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. *Екатерина.* Въ С.-П.Бургѣ Апрѣля 18, 1783.

Весь рескриптъ собственноручный.

IV.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ.

Предположенія мои о заведеніи школъ по всей Имперіи до таковаго успѣха достигли, что Коммиссія объ установленіи народныхъ училищъ въ Сентябрѣ нынѣшняго года намѣрена открыть главныя народныя училища въ двадцати пяти губерніяхъ, но какъ нужно съ ними же вмѣстѣ ввести и ученіе нижнихъ классовъ, то для сего необходимо потребно имѣть сорокъ человѣкъ изъ духовныхъ семинарій, кои чрезъ три мѣсяца въ здѣшнемъ главномъ народномъ училищѣ могли бы навыкнуть способу, для преподаванія ученія присвоенному. Я знаю ваше усердіе къ службѣ моей и ревность къ добру общему, а потому удостовѣрена, что ваше преосвященство примите трудъ поспѣшить доставленіемъ таковыхъ студентовъ изъ семинарій епархіи вашей, Псковской и другихъ самыхъ ближайшихъ, и что выборъ сихъ людей сдѣланъ будетъ со всѣмъ нужнымъ уваженіемъ на пользу дѣла. Ваше преосвященство согласитесь съ преосвященнымъ архіепископомъ Псковскимъ (⁴), коего усердіе и добрая во-

---

(²) *Соловецкій* монастырь основанъ въ XV вѣкѣ; по указу Екатерины, въ 1765 г. сдѣланъ ставропигіальнымъ. Въ него, исключительно, посылались на заключеніе опасные государственные преступники.

(³) Ѳедоръ, по происхожденію изъ дворянъ Ушаковыхъ, сосланъ въ Соловецкую обитель изъ строителей Санаксарской пустыни, въ 1774 году. См. о немъ: «Жизнь отца Ѳеодора, бывшаго настоятеля Санаксарскія обители». Моск. 1847 г. «Ист. Рос. Іер.» Ч. VI, стр. 5—7. «Сказ. о жизни и трудахъ митр. Гавріила», стр. 74. «Странникъ» 1868 г.

(⁴) *Иннокентій* (Нечаевъ), архіепископъ Псковскій и Рижскій, членъ св. Сѵнода. Скончался въ С.-Петербургѣ въ 1799 году. См. Русскій Архивъ 1869 г. № 2. На него Императрица возложила попеченіе объ образованіи духовнаго юношества, въ особомъ рескриптѣ, который

ля мнѣ извѣстны, и распорядите по лучшему вашему усмотрѣнію объ исполненіи сего. Пребываю вамъ доброжелательная. *Екатерина.* Въ С.-П. Бургѣ. Марта 5. 1786.

Въ именномъ указѣ, данномъ 20 Февраля 1766 года, преосвященному Иннокентію, епископу Псковскому, изъяснено слѣдующее:

„Преосвященный владыко!

При учрежденіи Духовной Коммиссіи Мы предписали инструкціею въ 7, 8, 9 и 10 пунктахъ, сколь великая настоитъ нужда учредить въ епархіяхъ полезнѣйшія, нежели нынѣ, училища, гдѣ со всякою подробностію дали Мы знать и о намѣреніи Нашемъ, каковому быть желаемъ въ сихъ наукахъ съ пристойнымъ воспитаніемъ юношества. Но къ сожалѣнію Нашему по сіе время Коммиссія Духовная ничего Намъ о сихъ семинаріяхъ не представила: того ради рекомендуемъ вамъ, сообщась съ преосвященнымъ Тверскимъ и вселюбезнѣйшаго Нашего сына учителемъ Платономъ, сдѣлать учрежденіе духовныхъ училищъ по епархіямъ таковое, о каковомъ Мы въ помянутой инструкціи Духовной Коммиссіи изъяснились, или какое заблагоразсудите полезнѣйшее. Вы сами знаете, что сіе сочиненіе больше приличествуетъ духовнымъ персонамъ, нежели свѣтскимъ, а какъ три года уже (5) миновало, что Мы, ожидая сего отъ Коммиссіи Духовной, не достигли Нашего намѣренія, то, когда скорое учрежденіе ваше о сихъ училищахъ къ Нашей апробаціи представите, тѣмъ пріятнѣе Намъ будетъ. Мы вамъ полную свободу даемъ дѣлать всевозможныя изобрѣтенія, только бы науки были основаны воспитаніемъ юношества на истинныхъ правилахъ къ благонравію (такъ какъ Мы и свѣтскимъ училищамъ тоже основаніе положили) и соотвѣтствовали благочестію и тому ученію, съ которымъ въ духовной чинъ юношество опредѣляемо быть должно. Чего ожидая, пребываемъ къ вамъ съ Нашимъ благоволеніемъ.“

Въ „инструкціи учреждающейся отъ Насъ о церковныхъ имѣніяхъ Коммиссіи,“ въ §§ съ 7-го по 10 включительно говорится слѣдующее:

§ 7. Хотя до сего времени въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и заведены школы и семинаріи, но оныя своими учрежденіями весьма различествуютъ отъ того установленія, которое предписано въ Духовномъ Регламентѣ на листу 42-мъ и прочихъ. Премудрый Государь дѣдъ Нашъ, въ Бозѣ усопшій Императоръ Петръ Великій, по согласію со всѣмъ духовенствомъ, такъ написалъ въ Духовномъ своемъ Регламентѣ: „разумѣть де надобно о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, то нельзя быть и церквѣ доброму поведенію, и нельзя не быть и нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ“. А мы еще къ тому дополняемъ: когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы ко всѣмъ церквамъ добрые

акъ имѣетъ связь съ настоящимъ и ненапечатанъ, помѣщаемъ здѣсь.

(5) То есть распоряженіе было сдѣлано въ самое время отобранія крѣпостныхъ крестьянъ у духовенства, глухое противодѣйствіе коего намѣреніямъ государыни дало себя почувствовать въ этомъ случаѣ. *П. Б.*

пастыри и учители опредѣляемы были, то и нѣтъ въ простомъ народѣ руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ; и человѣкъ, по природѣ грѣхомъ поврежденный, пребывая во тьмѣ крайняго невѣжества отъ юныхъ лѣтъ, приходитъ къ глубокой старости въ непрерывномъ злонравіи. Святѣйшій Сѵнодъ вѣдаетъ, что нравы человѣческіе не единымъ, но многими временами исправляются. Почему наипаче Мы за долгъ себѣ почитаемъ о семъ помыслить, что таковое дѣло есть Нашей отъ Бога врученной верховной власти и налагаемаго отъ Насъ пастырямъ и учителямъ церковнымъ попеченія. По сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ весьма въ маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются Латинскому и Греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій какъ только самыя школьныя и первыя основанія Латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторій церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше неволею, и содержатся безъ разбору способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ, не взирая на то, что науки требуютъ человѣка по выбору способнаго и себѣ однимъ во всѣ дни и часы житія своего преданнаго и посвященнаго. Чего ради Коммиссіи повелѣваемъ о семъ, яко главномъ дѣлѣ Божіи и первомъ способѣ къ насажденію плодовъ духовныхъ, всеприлѣжнѣйше подумать, какимъ бы образомъ во всякой епархіи при архіерейскомъ домѣ завести училищные домы, такъ какъ объ нихъ въ Регламентѣ Духовномъ росписано, въ которыхъ бы избранные ученики обучали вышнимъ наукамъ, яко то правилъ прямыхъ краснорѣчія, чистоты Латинскаго языка, исторіи церковной и гражданской, географіи и самыхъ нужныхъ частей математики, философіи практической и богословія по преданіямъ древняго нашей Восточной церкви Православія, а при томъ въ заведенныхъ библіотекахъ въ тѣхъ же училищныхъ домахъ пользовались чтеніемъ полезныхъ церковныхъ и нравоучительныхъ книгъ. Ибо безъ чтенія таковаго одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося и къ обогащенію разума его, къ проповѣди Слова Божія приготовляемаго. Такіе домы училищные прямо устроены бы были по наставленію Духовнаго Регламента, пріискавъ къ нимъ хотя немногихъ, но искусныхъ учителей духовныхъ и свѣтскихъ за довольнѣйшую заплату. А какимъ библіотекамъ быть надобно при всякомъ домѣ училищномъ, тому сочинить примѣрный каталогъ, на которыя книги Коллегія и сумму единожды опредѣлить можетъ, а другую малую назначить въ повсягодный штатъ для пріумноженія книгами. Та-

кимъ училищамъ Коммиссія имѣетъ сочинить регламентъ и штатъ, положа на оные содержаніе не только изъ архіерейскихъ доходовъ, но прибавливая на то и отъ прочихъ монастырей годовую сумму.

§ 8. Между тѣмъ въ двухъ или трехъ монастыряхъ каждой епархіи учредить малыя гимназіи, въ которыхъ обучать Русскаго и самыхъ первыхъ основаній Латинскаго языка, въ которыхъ когда довольно обучатся и примѣчена будетъ чья либо острота и способность къ продолженію вышнихъ наукъ, такихъ переводить въ училищные домы епархіальные для принятія вышнихъ наукъ, чего ради и таковымъ домамъ опредѣлить штаты и по онымъ суммы на ихъ содержаніе.

§ 9. Главное попеченіе въ томъ быть имѣетъ, чтобъ числа великаго не набирать ни въ гимназіи ни въ училищные домы, которые здѣсь тоже разумѣются чтò и университеты: ибо лучше число умѣренное содержать учениковъ и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, но чтобы были всѣ остротою и понятіемъ выборные и надежные, а притомъ по учительскимъ примѣчаніямъ добронравные, и коштъ опредѣленный былъ бы имъ въ лучшее довольство не суетно употребленъ (такъ какъ то въ Духовномъ Регламентѣ на листахъ 53, 54, 55 и 56 написано), нежели число многое тупыхъ и безнадежныхъ дѣтей или для прокормленія только живущихъ, которые, заразившись малымъ знаніемъ, возвращенные послѣ будутъ проповѣдывать враки, а иногда и плевелы.

§ 10. Когда таковыя училища учредятся, то архіереи сами въ епархіяхъ съ искусными и учеными архимандритами и другими достойными и просвѣщенными людьми должны экзамены дѣлать таковому ученику самые строгіе, и ежели явится который достоинъ священническаго чина, таковыхъ къ лучшимъ приходскимъ церквамъ опредѣлять и ежели мѣста готоваго не будетъ, то не ученыхъ отрѣшать и ихъ на то мѣсто посвящать; только бы въ томъ пристрастія каковаго не было, но отправлять сіе надобно такъ какъ дѣло Божіе на пользу душъ поручаемыхъ паствѣ его. И для того Коммиссія по согласію и совѣту прилѣжному и проницательному, потребовать можетъ, дабы о семъ преосвященные архіереи сочинили при тѣхъ штатахъ нѣкоторые университетскіе законы къ Нашей апробаціи. О таковыхъ священникахъ надобно прежде прилагать тщаніе въ городахъ, а потомъ по силѣ и возможности постановлять ихъ и въ селахъ, придумавъ способъ, яко ученымъ къ лучшему ихъ содержанію въ отличность тѣмъ, которые ничего не обучены, и таковые священники надобно чтобъ на весь годъ учреждали для проповѣди своей матерію, и за полгода присылали въ сокращеніяхъ для апробаціи архіерейской къ учрежденнымъ на то экзаменаторамъ.

9 Марта 1786 года Св. Сѵнодъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Для доставленія въ помянутую объ установленіи народныхъ училищъ Коммиссію въ вышеозначенное число учениковъ, выбрать въ духовныхъ семинаріяхъ изъ риторики или и философіи такихъ, которые бъ были не весьма малолѣтны, и сколько по дарованіямъ въ наукахъ равно и по благо-

нравію себя отрекомендовали противу протчихъ достойнѣе и въ учительское званіе способнѣе изъ нижеслѣд. ближайшихъ епархій, а имянно: Новогородской три, изъ Московской обще съ академіею и семинаріею Троицкія Лавры десять, изъ Санктпетербургской два, изъ Псковской три, изъ Тверской пять, изъ Смоленской пять же, изъ Вологодской четыре, изъ Коломенской четыре, изъ Переяславской четыре же человѣка, которыхъ, снабдя платьемъ и обувью и на прогоны, также и путевое содержаніе не менѣе мѣсяца изъ семинарской суммы, отправить въ Святѣйшій Сvнодъ съ возможнымъ поспѣшеніемъ, дабы они въ Санктпетербургъ могли прибыть не упуская нынѣшняго зимняго пути, и о томъ къ сvнодальнымъ членамъ, преосвященнымъ Новгородскому и Санктпетербургскому, Московскому, Псковскому, Тверскому, Смоленскому, также и къ преосвященнымъ епископамъ: Вологодскому, Коломенскому и Переяславскому послать указы; и какъ скоро кто изъ тѣхъ учениковъ въ Святѣйшемъ Сvнодѣ явятся, то тогдажъ ихъ для отправленія въ помянутую Коммиссію объ установленіи народныхъ училищъ и отсылать къ означенному сvнодальному члену, преосвященному Новгородскому, при указѣхъ, по семужъ опредѣленію, а по отправленіи всѣхъ, поднести Ея Императорскому Величеству отъ Сvнода всеподданнѣйшій репортъ“.

Въ рапортѣ Св. Сvнодъ писалъ: „Во исполненіе имяннаго Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго указа, даннаго сего 786-го года Марта 5-го дня, сvнодальному члену, Гавріилу, митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому, а отъ него предложеннаго Сvноду, о доставленіи въ здѣшнее главное народное училище ко употребленію при будущемъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего года открытіи въ двадцати пяти губерніяхъ народныхъ училищъ, изъ духовныхъ семинарій: Новгородской, Санктпетербургской, Псковской и другихъ самыхъ ближайшихъ, сорока человѣкъ студентовъ, кои чрезъ три мѣсяца во ономъ училищѣ могли бы навыкнуть способу для преподаванія ученія присвоенному,—Сvнодомъ опредѣлено означенное число студентовъ изъ философіи и риторики въ ближайшихъ къ здѣшней столицѣ духовныхъ семинаріяхъ выбрать такихъ, которые не весьма малолѣтные, и сколько по дарованіямъ въ наукахъ равно и по благонравію себя предъ прочими отличили достойнѣе и въ учительское званіе способнѣе; вслѣдствіе чего оные епархіальными архіереями по учиненнымъ имъ отъ Сvнода предписаніямъ выбраны и по присылкѣ сюда, отъ Сvнода въ Коммиссію объ установленіи народныхъ училищъ чрезъ помянутагожъ сvнодальнаго члена митрополита Новгородскаго въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ доставлены. О чемъ Вашему Императорскому Величеству Сvнодъ всеподданнѣйше и репортуетъ“.

V.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ.

При настоящемъ отправленіи флота Нашего въ Средиземное море противу врага Нашего и всего Христіанства, нужно есть снабдить сей флотъ: *первое*, искусными добраго поведенія священниками по числу онаго и особливо главнымъ имѣющими при благонравіи просвѣщеніе; а весьма бы полезно было, есть ли бы нѣкоторые изъ нихъ имѣли знаніе греческаго языка; и *второе*, походными церквами, церковными утварьми и книгами, такъ чтобъ не токмо оныхъ достаточно было для войскъ Нашихъ сухопут-

ныхъ и морскихъ, но чтобъ главнокомандующій оными могъ по усмотрѣнію своему удѣлить что либо изъ того Нашимъ единовѣрцамъ, подъ игомъ варварскимъ стенящимъ. Ваше преосвященство снеситеся съ адмираломъ Грейгомъ (6), къ помянутому главному начальству отъ Насъ избраннымъ, о всемъ надобномъ сдѣлайте Ваше распоряженіе, предложа о чемъ слѣдуетъ Сvноду именемъ Нашимъ, и положите на мѣрѣ, какія, въ какомъ количествѣ и на какую цѣну потребны будутъ, и о томъ Намъ поспѣшите донести; а какъ для сего отправленія назначаются и колокола, то и объ нихъ, условившися съ адмираломъ Грейгомъ, можете для выигранія времени отписать въ Москву для доставленія ихъ сюда еще зимнимъ путемъ. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. *Екатерина*. Въ С. П. Бургѣ, Февраля 10 дня 1788 года.

Намъ неизвѣстно точное содержаніе письма преосвященнаго Гавріила къ адмиралу; но достаточно разъяснится дѣло, если приведемъ здѣсь отвѣтъ Грейга. Вотъ содержаніе его: „Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Я имѣлъ честь получить Ваше многопочитаемое письмо отъ вчерашняго дня чрезъ Его Высокопреподобіе отца архимандрита Антонія (7), въ которомъ означается Ея Императорскаго Величества всевысочайшая воля, изъявленная Вамъ на положеніе нужнаго числа священниковъ, для флотскаго и сухопутнаго войска, посылаемаго въ Средиземное море, также походныхъ церквей, утварей, книгъ и колоколовъ; купно съ запискою о различныхъ статьяхъ, на которыя Вы требуете моего мнѣнія сообразно всевысочайшей волѣ Ея Величества.

Я имѣлъ удовольствіе открыть мои мысли отцу архимандриту Антонію, о предлогѣ церковныхъ обрядовъ, которые я желаю дабы наблюдаемы были въ войскахъ, кои Ея Императорское Величество всемилостивѣйше благоволила ввѣрить моему предводительству; паче же тамо, по прибытіи нашемъ въ Архипелагъ между народомъ исповѣдующимъ тую же вѣру, который издавна обыкъ взирать на Нашу всевысочайшую монархиню, яко главу и покровительницу ихъ святой вѣры, народомъ, говорю, который мы желаемъ соединить въ семъ дѣлѣ противу нашего общаго врага, яко уже единомыслящій о тѣхъ же началахъ и образахъ благочестиваго поклоненія; между коимъ не меньшая будетъ для Нашего отечества польза, какъ и честь для нашего священства, показать примѣрную святость нравовъ.

Различныя статьи, на которыя Вы благоволили требовать моихъ мыслей, я здѣсь прилагаю съ моимъ мнѣніемъ, поданнымъ на каждую статью, подвергая однакожъ все высшему благоразумію и разсужденію Вашего Святѣйшества. Препоручая всего себя и войска, ввѣренныя моему правленію и попеченію, Вашимъ всегдашнимъ молитвамъ и ходатайстваніямъ у Всесильнаго Господа Силъ, имѣю честь быть, со всегдашнимъ высочайшимъ почитаніемъ и благоговѣніемъ, святѣйшій отецъ, послушный сынъ и слуга *Самуель Грейгъ*. Кронштадтъ, Февраля 13 дня 1788 года.“

Къ письму приложены мнѣнія Грейга о тѣхъ вопросахъ, которые ему были предложены митрополитомъ; они тѣмъ важны для насъ, что въ нихъ мы видимъ всю заботливость адмирала о своихъ подчиненныхъ. Вотъ содержаніе вопросовъ и отвѣты Грейга:

(6) *Грейгъ*, Самуилъ Карловичъ, адмиралъ, по происхожденію Англичанинъ. Скончался 15 Октября 1788 года.

(7) Впослѣдствіи архіепископъ Ярославскій (Антоній Знаменскій). Онъ оставилъ записки о себѣ самомъ и митр. Гавріилѣ.

1. Какое число священниковъ отправить?

Главный духовный начальникъ. 1.
Священниковъ для флота. . . . 25.
Для сухопутныхъ войскъ. . . . 5.
Іеродіаконовъ . . . . 2.

2. Въ которомъ мѣсяцѣ и къ какому дню?

Чтобъ были въ Кронштадтѣ Мая къ 25 числу.

3. Однихъ ли священниковъ или нѣкоторое число іеромонаховъ?

Не менѣе половины числа іеромонаховъ.

4. Равно ль священникамъ и іеромонахамъ будетъ производиться жалованье и порція?

Іеромонахъ получаетъ жалованья по 120 руб., а священникъ по 60 рублей на годъ. Порція же обоимъ производится равная, противу оберъ-офицера.

5. Главный надъ оными, какъ ему должно имѣть при благонравіи просвѣщеніе и знать языки, а особливо греческій, — будетъ ли получать то жалованье и порцію, какую прежде получалъ оберъ-іеромонахъ?

Главному надъ ними, яко благонравнѣйшему и просвѣщеннѣйшему, я конечно надѣюсь, что Ея Императорское Величество благоизволитъ опредѣлить жалованье пристойное его сану, о чемъ отъ меня и представлено будетъ Государынѣ.

6. Сколько надобно походныхъ церквей?

Церквей походныхъ для сухопутныхъ войскъ . . . . 5.
Да сверхъ оныхъ еще. . . . . . 3.
Изъ коихъ одну потребно будетъ имѣть съ отмѣннымъ и лучшимъ уборомъ.

7. Для всѣхъ ли надобны иконостасы и какой мѣры, также престолы и жертвенники?

Иконостасовъ противъ сухопутныхъ полковыхъ церквей . . . . 5.
а три противъ береговыхъ обыкновенныхъ церквей.

Для каждой церкви по одному престолу и жертвеннику.

8. Сколько надобно ризъ и прочей утвари для церквей?

Для каждой церкви по три облаченія:

1-я Праздничная риза.
2-я Вседневникъ.
3-я Панахидникъ.

Утвари же надобно имѣть для всякой церкви.

9. Сколько колоколовъ и какого вѣсу? Колоколовъ надобно имѣть:

1. Одного звона колоколовъ въ 200 пудъ, а къ оному во звонъ приличное количество.

Еще два звона, которыхъ большой колоколъ во 100 пудъ и къ каждому изъ оныхъ приличное количество.

10. Сколько для каждаго корабля потребно какой утвари, какъ то: Евангелій, крестовъ, ризъ и книгъ?

11. Не надобно ль на корабли, которые имѣютъ утварь, что̀ дополнить и что̀ именно?

Когда возмется изъ всѣхъ командъ справка, тогда и о семъ донесено будетъ.

12. Откуда на всѣ сіи изготовленія получу я деньги?

Когда отъ вашего святѣйшества будетъ представлено Ея Величеству, то конечно опредѣлена будетъ на то сумма. *Самуель Грейгъ.*

Вслѣдъ за тѣмъ, 1-го Марта 1788 года, Грейгъ вновь написалъ къ митрополиту слѣдующее:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко! — Вслѣдствіе моего сношенія съ вашимъ святѣйшествомъ, отъ 13 числа Февраля мѣсяца, при семъ послать честь имѣю вѣдомость, изъ которой усмотрѣть изволите ризницы церковныя и книги, остающіяся здѣсь на часть флота, отряжаемаго въ Средиземное море. А въ дополненіе оныхъ сколько еще потребно по числу іеромонаховъ и священниковъ на корабляхъ и при сухопутныхъ войскахъ тридцати, и для трехъ церквей на

флотѣ отправляемыхъ, предаю все высшему благоразумію и разсужденію вашего святѣйшества, какія въ отпускъ назначить заблагоразсудите. Да сверхъ того, на 6-ти транспортныхъ судахъ и 8-ми катерахъ безъ духовныхъ чиновъ, слѣдующихъ при флотѣ, надобно будетъ имѣть для чтенія молитвенныя книги, и естьли изволите положить по приличности для каждаго судна нѣкоторое число книгъ къ церковной службѣ принадлежащихъ, тогда останется мнѣ ожидать только присылки ихъ. А между тѣмъ, препоручая себя вашимъ всегдашнимъ молитвамъ, имѣю честь быть, со всевысочайшимъ почитаніемъ и благоговѣніемъ, Святѣйшій отецъ! послушнѣйшій сынъ и слуга, *Самуель Грейгъ.*

Кронштадтъ. Марта 1-го дня 1788 г.“

Начальствующимъ надъ духовенствомъ Россійскаго флота былъ опредѣленъ архіепископъ Никодимъ, о чемъ мы узнаёмъ изъ слѣдующаго предложенія Св. Сѵноду митрополита Гавріила.

„Господинъ гофмейстеръ, тайный совѣтникъ и кавалеръ, графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, объявилъ мнѣ сего Апрѣля 2-го дня Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ находящемуся въ Кіевѣ преосвященному Никодиму, архіепископу Реандамскому, имѣть главную надъ духовными въ Россійскомъ флотѣ команду, чего ради и пріѣхать ему въ Петербургъ; на проѣздъ же его, прислано ко мнѣ изъ кабинета тысяча рублей, которые для препровожденія къ нему пріобщаю при семъ. *Гавріилъ митрополитъ Новгородскій.*“

По смерти Никодима, преосвященный Гавріилъ озаботился возвратить нѣкоторыя вещи, пожалованныя ему для служенія, о чемъ и было доложено Императрицѣ. Въ Августѣ 1789 года графъ Безбородко въ письмѣ къ митрополиту Гавріилу объявилъ ему волю Государыни, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Преосвященнѣйшій Владыко, милостивый государь. Изъ оставшихся по смерти бывшаго во флотѣ архіепископа Реандамскаго Никодима вещей къ служенію архіерейскому принадлежащихъ, Ея Императорское Величество высочайше указать изволила: панагію и крестъ, собственно покойному пожалованныя, оставить въ пользу наслѣдниковъ его; а прочія ризничныя вещи употребить по разсмотрѣнію вашего преосвященства, на снабдѣніе тѣхъ епархій, кои болѣе надобности въ таковыхъ вещахъ имѣютъ. О чемъ вашему преосвященству сообщая, имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего преосвященства всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою. *Графъ А. Безбородко.*

Въ С.-П.-Бургѣ. Августа 21-го 1789 г.“

VI.

Преосвященнѣйшій митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ.

Изъ приложенной при семъ копіи указа моего, даннаго Сенату въ 24-й день Марта прошлаго 1792 года, вы увидите причины, убѣждающія меня опорочить бракъ княжны Елисаветы Шаховской, которая, въ пятнадцатилѣтнемъ ея возрастѣ, во время бытности ея вмѣстѣ съ матерью своею въ Парижѣ, выдана сею послѣднею замужъ за князя Аремберга, безъ моего вѣдома, безъ позволенія родителя ея, и увѣрительно противъ воли и желанія самой ея; усмотрите также и тѣ важныя преступленія помянутаго князя, по коимъ я запретила ему навсегда въѣздъ въ предѣлы здѣшней Имперіи, не упоминая о множествѣ неистовствъ, какими онъ

послѣ того уже обезславилъ имя свое, и содѣлалъ его повсемѣстно омерзительнымъ. Нынѣ, когда означенная княжна Шаховская возвратилась яко подданная въ нѣдра своего отечества, желая въ немъ вѣчно остаться, когда по таковому основательному препятствію бракъ ея съ княземъ Арембергомъ существовать не можетъ, и когда сама она, по зрѣломъ уваженіи состоянія своего, прибѣгаетъ къ намъ съ просьбою о расторженіи узъ ея, толико ее отягощающихъ, соизволяю я, чтобъ вы вошли въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ вышесказанныхъ обстоятельствъ и, сообразивъ оныя съ церковными и гражданскими законами, не оставили предписать консисторіи здѣшней объ уничтоженіи того брака и о позволеніи означенной княжнѣ Шаховской, буде она пожелаетъ, вступить въ новый, роду и состоянія ея приличный. Что же касается до рожденной ею отъ бывшаго супружества дочери, которая по сю пору остается въ чужихъ краяхъ, и до наслѣдства въ имѣніи, объ ономъ да будетъ исполнено предписаніе мое, въ вышеупомянутомъ указѣ изображенное. Пребываю всегда вамъ благосклонная. *Екатерина*.

ВъС.-П.-Бургѣ. Декабря 23-го 1794 г. Въ указѣ Сенату изображено было слѣдующее:

Княгиня Варвара Шаховская, урожденная баронесса Строгонова, живущая давно уже въ Парижѣ, выдала, безъ вѣдома нашего и несогласно съ волею нашею, дочь свою замужъ за князя Аремберга, который участвовалъ въ двухъ бунтахъ противъ законной власти воздвигнутыхъ наглостію и своевольствомъ—одномъ французскомъ, а другомъ нидерландскомъ. По сей причинѣ даны отъ насъ приказанія пограничнымъ начальникамъ, дабы вышереченный князь Арембергъ отнюдь въ Россію пропущенъ не былъ, обѣимъ же княгинямъ не запрещено возвратиться въ отечество; но какъ сверхъ того подобные браки дворянскихъ вдовъ и дочерей съ иновѣрцами и иностранными умножаются и требуютъ особаго уваженія и постановленій соотвѣтственныхъ колико возможно, съ одной стороны, съ законами, а съ другой стороны, съ здравою политикою и благомъ Имперіи нашей для огражденія и сохраненія впредь спокойствія въ нѣдрахъ ея: то въ ожиданіи, покуда послѣдуетъ отъ насъ вообще по сей части распоряженіе, повелѣваемъ Сенату нашему, предостерегая отъ всякаго злоупотребленія знатное имѣніе владѣемое въ Россіи помянутою княгинею Шаховскою, отягощенное многими долгами, въ обезпеченіе кредиторовъ, поручить оное дворянскимъ опекамъ подъ главнымъ управленіемъ надежнаго опекуна, Сенатомъ избираемаго съ тѣмъ, чтобъ княгиня Шаховская не имѣла власти ни продать, ни заложить онаго, а пользовалась бы токмо по смерть свою доходами сколько оныхъ на ея содержаніе (за оставленіемъ части на уплату долговъ и на порядочное содержаніе заводовъ и прочаго хозяйства) опредѣлить будетъ можно. По смерти же ея дочь, за объявленнаго князя Аремберга вышедшая, естьли не возвратится въ Россію, а тѣмъ паче самъ сей князь и его потомство, долженствуютъ изъяты быть отъ наслѣдства того имѣнія; но буде помянутая дочь княгини Шаховской по смерти матери своей, сюда возвратится, имѣетъ и она пользоваться доходами на такомъ основаніи, какъ выше о матери ея сказано. Дѣти же ея, отъ нынѣшняго брака рождаемыя, ежели они прежде пятилѣтняго возраста въ Россію привезены и въ Православномъ

Восточномъ Грекокаѳолическомъ законѣ нашемъ, а не въ иной вѣрѣ и въ предѣлахъ Имперіи нашей, а не индѣ воспитаны будутъ, должны сохранить право свое на оное наслѣдство; въ противномъ случаѣ имѣніе сіе да будетъ обращено въ родъ, кому по закону слѣдуетъ. *Екатерина*.

Въ С.-П.-Бургѣ. Марта 24-го 1792 г.

См. объ этомъ дѣлѣ „Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго" въ „Осмнадцатомъ вѣкѣ" кн. I, стр. 341 и 342. Княгиня Елизавета Борисовна Аренбергъ (1773—1796) вышла потомъ за-камергера князя Петра Ѳеодоровича Шаховскаго-же (†1841), внука автору Записокъ, и имѣла отъ него дочь, нынѣ княгиню Бутера. О судьбѣ княжны Арембергъ намъ ничего неизвѣстно.

Б. Рескрипты Павла I.

VII.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ!

Нашедъ въ нынѣшнее мое путешествіе, что въ нѣкоторыхъ церквахъ во время причастія вмѣсто концерта поютъ стихи, сочиненные по произволенію, желаю, чтобъ отъ Сѵнода предписано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковное пѣніе не употребляли, но вмѣсто концерта пѣли бы или приличный псаломъ или же приличный канояикъ.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный *Павелъ*.

Въ Минскѣ ([8]). Мая 10. 1797 года.

Св. Сѵнодъ, опредѣленіемъ 1 Іюня того же года, сдѣлалъ по сему высочайшему повелѣнію надлежащее распоряженіе, и въ указахъ своихъ дѣликомъ переписалъ приведенный рескриптъ, присовокупивъ, чтобы преосвященные архіереи „имѣли неослабное наблюденіе" за исполненіемъ по сему указу.

VIII.

Преосвященный митрополитъ Новогородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ!

Получа отъ епископа Могилевскаго Иларіона ([9]) прилагаемое при семъ прошеніе объ оставленіи его по прежнему при епархіи Новгородско-Сѣверской, я не могу согласиться на сіе за упраздненіемъ уже той епархіи, но вмѣсто того соизволяю на увольненіе его съ полученіемъ пенсіона и съ оставленіемъ его въ томъ монастырѣ, который учрежденъ изъ бывшаго его архіерейскаго дому, поруча ему и управленіе онаго. Предварительно исполненію сего я желаю, чтобы вы представили мнѣ на Могилевскую епархію кандидатовъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. *Павелъ*.

Въ Гатчинѣ. Октября 17. 1797 года.

Въ прошеніи преосвященный Иларіонъ писалъ слѣдующее:

„Всемилостивѣйшій государь!

Имѣлъ я счастіе получить высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, чтобъ быть мнѣ пастыремъ церкви Могилевскія, оставивъ Новгородъ-Сѣверскую. По долгу усердія моего къ службѣ, принялъ я оное съ тѣми благоговѣнія и благодарности чувствами, какія только могутъ исполнить душу вѣрнаго и всеподданнѣйшаго служителя, а по сему

([8]) Сличи выше, о православіи въ Минск. губ.

([9]) *Иларіонъ* (Кондратовскій), епископъ Бѣлорусскій и Могилевскій. Въ 1797 году уволенъ на покой. Скончался 12 Января 1799 года въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ Новгородъ-Сѣверской епархіи.

милость твою, Всеавгустѣйшій Монархъ, изліянную на меня, воспѣвать буду вся дни живота моего предъ Богомъ.

Но дозвольте, чадолюбивѣйшій отецъ отечества, открыть обстоятельства, кои возмущаютъ духъ мой. Двадцать второй годъ протекаетъ, какъ службу мою продолжаю въ архіерейскомъ санѣ, при посильныхъ трудахъ, въ поученіяхъ и безъ порочности. Въ ослабленіе здравіе мое приведено не столь двадцать-двухгодичнымъ архіерействованіемъ какъ службою въ походахъ, которую я продолжалъ первѣе во второй, а потомъ въ первой арміи, открывшейся въ 68 году (войны). Въ сей службѣ претерпѣвая часто я гладъ и хладъ, въ сраженіяхъ и при заразительныхъ болѣзняхъ, страхъ, нужнѣйшую паче протчихъ провождалъ жизнь и терпѣлъ все то, что̀ только служить могло доказательствомъ моей ревности въ такомъ нужномъ случаѣ, утверждая при томъ воинство поученіями моими въ храбрости и добродѣтели, о чемъ ссылаюсь на донесенія о мнѣ имѣющіяся въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, отъ усопшаго генералъ-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго. Сія служба довела меня до того изнеможенія, что я, не въ престарѣлости еще, отъ скорбуту едва волочу нынѣ ноги.

Благочестивѣйшій Императоръ, воззри благоутробно на изнеможеніе мое и, аще возможно оставить безъ переводу въ Могилевъ, хотя при малой части церквей въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, аще же нѣсмь достоинъ, да обрящу сію благодать: оставить меня въ обители Новгородско-Сѣверской, съ управленіемъ оною, и за двадцатилѣтное архіерействованіе и за службу въ походахъ при полномъ нынѣшнемъ жалованьи и каково Монаршее благоволеніе будетъ.

Владыко Всероссійскій, сотвори со мною по милости твоей, всесмиреннѣйше молю; аще же и сего не достоинъ, буди воля Божія! Буди воля помазанника Его! Гряду сотворить волю Твою, ободряя себя, что исполнять буду служеніе, подъ кровомъ Великаго Монарха, просвѣщеннаго, правосуднаго и человѣколюбивѣйшаго.

Повергая сіе прошеніе и самаго себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь,

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій и всеусерднѣйшій богомолецъ *Иларіонъ, епископъ Новгородъ-Сѣверскій.*

1797 года Сентября 28 дня, съ Новгорода-Сѣверска".

Въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ имянный указъ объ увольненіи преосвященнаго Иларіона и о назначеніи епископомъ Могилевскимъ архимандрита Анастасія изъ Московскаго Новоспасскаго монастыря.

IX.

Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Гавріилъ!

Желая, чтобы Спасо-Преображенской церкви, что̀ на Глинищахъ ([10]), священникъ Петръ Семіоновъ былъ удостоенъ возложенія на него сана протоіерейскаго, предоставляю вамъ съ подобающими по церковному чиноположенію обрядами облещи его въ сіе званіе; пребывая впрочемъ со всегдашнимъ моимъ благоволеніемъ вамъ благосклонный. *Павелъ.*

Въ Павловскѣ. Іюня 2 дня 1798 года.

X.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ!

По представленію Тихвинскаго второкласснаго мужскаго монастыря ([11])

([10]) Въ Москвѣ, у Варварской площади.

([11]) *Тихвинъ-Большой-Богородицкій* муж. монастырь. Основанъ въ 1556 году. Ризница его замѣчательна сокровищами и древностями.

архимандрита Герасима ([12]) о многомъ числѣ желающихъ въ ономъ монастырѣ постриженія, повелѣваемъ: къ настоящему въ штатѣ монастыря того положенію монашествующихъ, прибавить число оныхъ для больничныхъ на десять человѣкъ, пребываемъ въ прочемъ къ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Павловскѣ. Іюня 13 дня 1798 года.

XI.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктъ-Петербургскій Гавріилъ!

Узнавъ, что въ Килѣ (что̀ въ Голштиніи) Православная наша церковь, при которой находится іеромонахъ Досиѳей, пришла въ самое скудное состояніе, что иконостасъ весь попортился, престольная и жертвенная одежды обветшали, ризница износилась, и что всѣ утвари церковныя требуютъ перемѣны, поручаю вамъ сдѣлать надлежащія распоряженія о снабдѣніи той церкви всѣмъ потребнымъ для пристойнаго отправленія богослуженія. О доставленіи же всего того туда имѣете снестись съ нашимъ канцлеромъ княземъ Безбородкомъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. *Павелъ.*

Въ Павловскѣ. Іюня 14. 1797.

([12]) Герасимъ (Князевъ) опредѣленъ изъ намѣстниковъ Невской лавры и игуменовъ Моденскаго монастыря; въ 1810 году переведенъ въ Московскій Симоновъ монастырь. См. «Историко-Статис. опис. 1-го Тихвинскаго Богородицкаго монастыря». СП. 1859 г. стр. 123—124. О прощаніи съ нимъ братіи—въ Сѣвери. Почтѣ 1810 г. № 62.

По этому высочайшему повелѣнію митрополитъ Гавріилъ послалъ „находящемуся въ Килѣ, въ Голштиніи, при Россійской церкви іеромонаху Досиѳею“ ордеръ, слѣдующаго содержанія:

Прислать тебѣ намъ по полученіи сего немедленно вѣдомость. 1-е какія требуются для церкви состоящей въ Килѣ церковныя утвари? 2-е Ежели потребны на престолъ и жертвенникъ одежды, прислать мѣру вышины, длины и ширины ихъ. 3-е Сколько имѣется ризъ, подризниковъ и прочаго, и сколько какихъ облаченій прислать? 4-е Сколько сосудовъ? могутъ ли они починены быть? и сколько на то требуется денегъ? Естлижъ не надежны къ починкѣ и требуются новыя, также и Евангеліе, репортовать. 5-е Нынѣ состоящую при той церкви всю утварь, когда она вѣтха, куда употребить? 6-е Не можно ли иконостасъ написать, употребивъ полотно къ прежнимъ рамамъ и сколько за то должно заплатить? 7-е Ежели потребенъ новый иконостасъ, прислать точную мѣру ширины и высоты покоя, въ которомъ его поставить. 8-е Естли сыщутся другія надобности, которыя необходимы, изобразить въ томъ же репортѣ, и сіе немедленно исполнить для донесенія Его Императорскому Величеству. *Гавріилъ м. Новгородскій.*

Іюня 16-го 1798 года.

Марта 30-го дня 1798 года Досиѳей писалъ Св. Ѵноду:

„Представлялъ я неоднократно Государственной Иностранной Коллегіи о расхищеніи ризницы пѣвчимъ Майбородою, племянникомъ моего антецессора іеромонаха Венедикта, и просилъ оной, дабы по разсмотрѣнію опредѣлила къ тому пристойную ризницу вновь прислать или деньги на издѣлку оной; но Коллегія, и по сіе время не сдѣлавъ никакого рѣшенія, оставила меня въ забвеніи, чрезъ что я стыдъ и безпокойство терплю. Я

и паки утруждать рѣшился Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, дабы оной благоволилъ мнѣ своимъ стараніемъ сдѣлать вспомоществованіе въ ризницѣ и книгахъ: служебникѣ, псалтырѣ слѣдованной, нотныхъ обиходахъ и ирмологіяхъ, коихъ по изданіи здѣсь не бывало, слѣдовательно нѣтъ почему и пѣть церковникамъ во время службы. Хотя же и было предписано мнѣ, что Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ на таковые случаи не имѣетъ суммы, но кудажъ прибѣгнуть да и кого больше утруждать, когда Коллегія предала всѣ мои репорты забвенію безъ всякаго рѣшенія?

Для того припадаю къ стопамъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода съ прошеніемъ, дабы благоволилъ сообщеніемъ истребовать на то сумму отъ Коллегіи, на что думаю скорѣе послѣдуетъ и опредѣленіе.

Особливо нужны слѣдующія вещи при церкви: паникадило, о коемъ представлено мною было, что потолокъ, увалившійся отъ отягощенія университетской библіотеки, въ мелкія части разбилъ, также крестъ серебренный, кадило серебренное, плащаница, антиминсъ, четыре лампады, коихъ никогда не бывало, а вмѣсто оныхъ старинные и ветхіе простые деревянные подсвѣчники имѣются, на коихъ подсвѣчники же со свѣчами предъ намѣстными образами стоятъ и свою фигуру очень теряютъ, также на царскихъ мѣстахъ и крылосахъ сукно совсѣмъ молью или червями перепорчено, и требуютъ новой передѣлки. Хотя же Иностранная Коллегія и отпущаетъ повсягодно 100 р. на подчинку ризницы, въ томъ числѣ, на ладонъ, просфоры, вино и уголье, но оной суммы очень недовольно, и чтобы привесть въ порядокъ совершенной чтó запущено чрезъ двадцать лѣтъ. Наконецъ при семъ моемъ репортѣ прошу всенижайше Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода избрать достойнаго человѣка третьяго пѣвчаго, способнаго къ пѣнію и чтенію, и знающаго совершенно ирмолойную ноту, который бы занималъ первое мѣсто, и другихъ могъ оной изучить получше и меня не оставить обо всемъ резолюціею увѣдомить, о чемъ и репортую. 1798 года Марта 30 д. Киль.

О семъ проситъ Святѣйшаго Сѵнода всенижайшій послушникъ Православно-Грекороссійскія церкви, герцогства Голстинскаго, чтó въ Килѣ іеромонахъ Досиѳей.

Въ Январѣ же 1800 года графъ Ростопчинъ объявилъ, что Государь Императоръ соизволилъ указать: по ненадобности въ Килѣ церкви Грековосточнаго исповѣданія ([13]), о переводѣ оттоль іеромонаха Досиѳея и всего причта сообщить высокопреосвященному Амвросію ([14]), архіепископу Санктпетербургскому, которымъ и сдѣлано было должное распоряженіе.

В. Письма Свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго.

(1777—1789 г.)

XII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь! Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила сообщить вашему высокопреосвященству, чтобъ навсегда при отправленіи молебствія о Чесменской побѣдѣ по многолѣтіи сказать вѣчную память Государю Императору Петру Великому, какъ пер-

---

([13]) Въ это время, т. е. въ началѣ XVIII вѣка поднятъ былъ вопросъ о присоединеніи Голштиніи къ Датскому королевству, чтó и состоялось въ 1806 году.

([14]) Амвросій (Подобѣдовъ), преемникъ митрополита Гавріила. Родился 1742 г. скончался въ 1818 году. Біографія его напечатана въ Странникѣ за 1861 годъ.

вому основателю Россійскаго флота и виновнику морскихъ побѣдъ. — О чемъ вашему высокопреосвященству для объявленія Святѣйшему Правительствующему Сѵноду сего высочайшаго соизволенія, симъ почтеннѣйше сообщая, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопреосвященства милостивѣйшаго моего архипастыря, *покорнѣйшій слуга князь Потемкинъ.* Іюля 27 дня 1777 года.

Святѣйшій Сѵнодъ сдѣлалъ по этому письму слѣдующее распоряженіе: „таковое воспоминаніе чинить ежегодно во всѣхъ находящихся при адмиралтейскихъ командахъ церквахъ, въ коихъ по именному Ея Императорскаго Величества 1771 году Мая 18 числа указу о совершенномъ истребленіи Россійскимъ флотомъ Турецкаго флота, Іюня 24 дня торжество отправлять повелѣно; и вслѣдствіе того во всѣхъ оныхъ церквахъ по отправленіи во оное Іюня 24 число молебствія, и по пропѣтіи Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ по прежнимъ формамъ многолѣтія, возглашать слѣдующею формою: благочестивѣйшему Государю Императору Петру Великому, первому основателю Россійскаго флота, вѣчная память, и потому на крылосахъ пѣть „вѣчная память" трижды.

XIII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь. Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть мнѣ соизволила увѣдомить ваше преосвященство, что посвященіе новому архіепископу Словенскому имѣетъ быть въ день Преображенія въ соборной церкви того полку, а нарѣченіе во власти вашей. Ежели бъ могло оное быть въ субботу, то я бы пріѣхалъ для сего. Вашего преосвященства, милостиваго архипастыря покорнѣйшій слуга князь Потемкинъ [15].

Въ 1779 г., 5 Мая, объявленъ былъ указъ Св. Сѵноду, слѣдующаго содержанія: „Снисходя на прошеніе Евгенія [16], архіепископа Славенскаго и Херсонскаго въ разсужденіи слабаго здоровья и глубокой старости, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія ввѣренной ему паствы, повелѣвая производить ему по смерть сверхъ получаемой имъ по указу Нашему отъ 777 г. Іюля 23 дня по тысячѣ по пяти сотъ рублевъ на годъ пенсіи, еще по пяти сотъ рублей изъ доходовъ нашей Коллегіи Экономіи." *Екатерина.*

10-го Мая того же года Св. Сѵнодъ представилъ Государынѣ докладъ объ избранныхъ имъ кандидатахъ на каѳедру осиротѣвшей паствы, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „А какъ сія (Славенская) епархія населена не малымъ числомъ иноплеменниковъ незнающихъ Русскаго языка, однако исповѣдающихъ православную Греческую вѣру, почему и означенный архіепископъ Евгеній въ то званіе изъ Грековъ былъ произведенъ; того ради Сѵнодъ и нынѣ за полезное находитъ, чтобъ въ оной архіерею сверхъ другихъ соотвѣтствующихъ тому званію достоинствъ быть знающему и иностранные, а особливо Греческій, языки: вслѣдствіе чего и пріемлетъ смѣлость Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить къ произведенію въ оную Славенскую епархію въ архіепископы кандидатовъ, пер-

(15) Все письмо собственноручное, безъ означенія числа, мѣсяца и года.

(16) Евгеній Булгаръ одинъ изъ замѣчательныхъ пастырей отечественной церкви. См. Любопыт. Мѣсяцес., стр. 172.

вымъ, обрѣтающагося нынѣ въ той Славенской епархіи, изъ Грековъ же, іеромонаха Никифора, который, какъ Сѵноду извѣстно, довольно ученый, и не только Греческій, но и другіе языки знающій, и въ сказываніи проповѣдей не мало трудился, а потому и нынѣ въ Славенской епархіи ректоромъ и экзаменаторомъ и въ Духовной тамошней Консисторіи присутствующимъ находится; вторымъ, Кіевскаго братскаго училищнаго монастыря архимандрита Кассіяна, природою изъ Малороссіянъ, кой Латинскому и Греческому языкамъ учился, и самъ ученіе преподавалъ, и нынѣ въ Кіевской Академіи ректоромъ и въ Консисторіи присутствующимъ. А которому изъ нихъ или другому кому въ сей епархіи быть архіепископомъ, о томъ Сѵнодъ предаетъ въ волю и высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе."

На докладѣ этомъ Императрица противъ имени Никифора собственноручно написала „Сему."

26 Іюля 1779 г. совершено нареченіе іеромонаха Никифора во архіепископа Славенскаго и Херсонскаго, а посвященіе 6-го Августа, въ церкви Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ присутствіи Государыни.

XIV.

„Записку Вашего Высокопреосвященства и съ собственноручной Ея Императорскаго Величества резолюціей къ вамъ возвращаю; къ сему прибавить имѣю, что молебенъ будетъ пѣтъ до обѣдни, такъ и пріѣзжать надобно вамъ ранѣе" ([17]).

При запискѣ этой приложенъ былъ проектъ преосвященнаго Гавріила объ отправленіи по всѣмъ церквамъ Россіи благодарственнаго молебствія о выздоровленіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ отъ прививанія оспы. Проектъ исправленъ собственноручно Императрицею, что̀ здѣсь и напечатано курсивомъ, а что вычеркнуто Екатериною означено въ скобкахъ.

Содержаніе проекта слѣдующее.

„Торжество о выздоровленіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ отъ прививанія оспы имѣетъ совершаться слѣдующимъ образомъ:

Сентября 25 дня при всѣхъ С.-Петербургскихъ церквахъ съ вечера совершаемы будутъ всенощныя бдѣнія св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову.

26, по литургіи совершаемо будетъ благодарственное молебствіе, со звономъ, на которомъ молитва чтена будетъ съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что̀ на Невской преспективѣ, будетъ архіерейское служеніе, и по литургіи также, какъ выше изображено, при собраніи всего духовенства отправится молебенъ.

При начатіи пушечной пальбы начнется звонъ при всѣхъ церквахъ, который имѣетъ продолжаться чрезъ весь день.

Сѵнодъ проситъ повелѣнія:

1. Отправлять ли членамъ Сѵнода во дворцѣ молебенъ послѣ обѣдни? *Въ воли ихъ состоитъ.*

2. Посылать ли указы о торжествованіи во всей Россіи? *Въ первое Воскресенье или праздникъ по полученіи указа.*

(3. Ежегодно ль сей день торжествовать и котораго числа?)

(4. Быть ли звону во весь день и на всегда ль?)

Въ журналѣ Св. Сѵнода объ этомъ торжествѣ записано слѣдующее: „Исполненіе чего Сѵнодальными членами какъ въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы со всѣмъ духовенствомъ, а потомъ и въ придворной Ея Императорскаго Величества церкви предъ литургіею, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Восочествъ благо-

([17]) Все письмо собственноручное, безъ означенія числа, мѣсяца и года.

вѣрныхъ Государей и Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича благодарственное молебствіе также и въ прочихъ здѣшнихъ церквахъ надлежащее, по записанному въ журналѣ Св. Сѵнода сего Октября 24 расположенію, священнослуженіе съ цѣлодневнымъ звономъ отправлено."

XV.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой государь и архипастырь! По извѣстному о придержащихся старообрядчества дѣлу ваше высокопреосвященство получить изволите высочайшія повелѣнія, и какъ по содержанію оныхъ слѣдуетъ отправить письма къ преосвященнымъ Могилевскому и Славенскому ([18]), то оныя покорнѣйше прошу, для доставленія мнѣ, вручить полковнику Попову. Скорость отъѣзда не позволила мнѣ нынѣ быть у вашего высокопреосвященства, въ чемъ по всегдашнему вашему ко мнѣ благорасположенію позвольте ожидать благосклоннаго извиненія и препоручить воспоминанію и молитвамъ вашимъ, пребывающаго и пр. *покорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ*. Марта 9 дня 1784 г.

XVI.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой государь и архипастырь, я имѣлъ счастіе получить нынѣ Высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ по дѣламъ ввѣренныхъ мнѣ губерній; въ девятой онаго статьѣ изображено: „Для поселенія старообрядцамъ назначить мѣста лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ, что они будутъ получать поповъ своихъ отъ архіерея, въ Таврической области опредѣляемаго, приписавъ къ епархіи его и слободы ихъ въ Черниговскомъ и Новгородско-Сѣверскомъ намѣстничествахъ лежащія, и дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ; а дабы разсѣянныхъ внѣ границъ Имперіи нашей старообрядцевъ вызвать въ Россію, вы можете публиковать сіи слободы имъ дозволенныя". Я за долгъ счелъ включить здѣсь сію статью, какъ ради свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, такъ и для подлежащихъ въ сходственность Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія распоряженій, пребывая, впрочемъ и пр. *всепокорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ*. Августа 26 д. 1785 года.

Извѣстно, что старообрядцы успѣли склонить на свою сторону князя Потемкина - Таврическаго и успѣли выхлопотать чрезъ него высочайшее повелѣніе о дарованіи имъ священниковъ для служенія по древнему обряду ([19]).

Старообрядцы были въ восторгѣ отъ такой высочайшей милости, и считали, что они стали уже на послѣднюю ступень къ полученію епископа. Подробности этого дѣла изложены въ особомъ изданіи протоіерея С.-Петербургской Никольской единовѣрческой церкви, Тимоѳея Верховскаго: „Исканіе старообрядцами въ

([18]) Письма митрополита Гавріила помѣщены въ сочиненіи епископа Макарія: «Сказаніе о жизни и трудахъ митрополита Гавріила,» стр. 139 и 140, приложенія. См. о старообрядчествѣ, письмо слѣдующее.

([19]) Рескрипты Императрицы о дарованіи старообрядцамъ священниковъ, помѣщены въ сочиненіи «Сказаніе о жизни и трудахъ митрополита Гавріила».

XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства"; но въ немъ нѣтъ тѣхъ документовъ, которыми, при настоящемъ случаѣ, мы намѣрены дополнить извѣстія о старообрядчествѣ въ минувшемъ вѣкѣ.

Вслѣдствіе вышеприведеннаго письма князя Таврическаго, Св. Сѵнодъ поручилъ преосвященному Гавріилу заняться этимъ дѣломъ, и по окончаніи его представить Сѵноду свои соображенія. 28 Января 1787 года, митрополитъ послалъ письма къ архіепископу Екатеринославскому Амвросію ([20]), епископу Черниговскому Ѳеофилу и епископу Новгородъ-Сѣверскому Иларіону,([21]). Во всѣхъ этихъ письмахъ прописывалось письмо къ нему князя Потемкина и въ заключеніе говорилось, что это дѣлается „для надлежащаго исполненія".

Между тѣмъ князь Потемкинъ-Таврическій затѣялъ создать для старообрядцевъ особый единовѣрческій монастырь въ своемъ намѣстничествѣ, въ Таврической области, близь слободы Знаменки, и потому 19-го Апрѣля 1787 года, писалъ къ преосвященному Амвросію слѣдующее: „Симъ имѣю честь препроводить къ вашему преосвященству старообрядцевъ, паствѣ вашей подвергнуться желающихъ. Препоручая оныхъ пастырскому вашему призрѣнію, прилагаю здѣсь копію съ даннаго имъ объявленія; и какъ просьба ихъ до восьмаго въ ономъ пунктѣ касающаяся, зависитъ отъ вашего рѣшенія, то и буду я ожидать, какія постановленія ваше преосвященство сдѣлать изволите".

При письмѣ приложено было слѣдующее объявленіе: „Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей государыни моей генералъ-фельдмаршалъ и прочая. Придержащимся обряда старопечатныхъ книгъ. Какъ вслѣдствіе объявленнаго мною высочайшаго Ея Императорскаго Величества дозволенія о поселеніи старообрядцевъ въ области Таврической, по приписаніи къ тамошней епархіи слободъ ихъ въ Черниговскомъ и Новгородско-Сѣверскомъ намѣстничествахъ лежащихъ, получилъ я отъ обществъ старообрядческихъ чрезъ повѣреннаго ихъ Ѳедора Носова отзывы, требующіе разрѣшенія моего, то оное и преподаю я въ слѣдующемъ:

1) Для избранія мѣста подъ поселеніе свое, могутъ придержащіеся старообрядчества нынѣ же прислать своихъ повѣренныхъ къ губернатору области Таврической, господину дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Каховскому, отъ котораго и будутъ имъ способныя земли отведены. 2) Переселяющіеся освобождаются отъ податей, на полтора года, съ тѣмъ, что оставшіеся кои пользуются ихъ землею, должны дѣлать сей платежъ. 3) Переселенцы сіи могутъ свободно продать домы свои, въ нынѣшнихъ ихъ селеніяхъ состоящіе. 4) Чтобы имѣющіяся на нихъ недоимки взыскиваемы были уже въ Таврической области, и чтобъ, по выѣздѣ своемъ, исключены они были изъ прежнихъ мѣстъ вѣдомствомъ и платежемъ, о томъ въ намѣстническія правленія въ Черниговское и Новгородско-Сѣверское отъ меня писано, такъ какъ и о немедленномъ снабженіи желающихъ переселиться письменными на то видами. 5) Для построенія домовъ дано будетъ по нѣскольку бревенъ и латвинъ ([22]), за которыя ими заплата должна быть учинена, въ пять лѣтъ; дается также заимообразно хлѣба, на годъ, который возвратить въ казну, въ три года. 6) Переселяющіеся освобождаются на три года отъ военнаго

([20]) Амвросій (Серебрянниковъ), съ 1786 года архіепископъ Екатеринославскій, а съ 1789 г. именовался блюстителемъ Молдо-Влахійскія епархіи. Скон. 3 Сентября 1792 года.

([21]) См. о немъ выше, рескриптъ Павла I, подъ № VIII.

([22]) *Латвина* по объясненію Академическаго Словаря есть деревянный брусокъ, врѣзываемый въ палисадины, составляющія звѣно палисады.

постоя и нарядовъ; за перевозы и переправы платить они не обязаны, и подается нѣкоторое способствованіе бѣднымъ. 7) Что принадлежитъ до податей и прочихъ взысканій, по протеченіи льготныхъ лѣтъ, то въ этомъ поступлено будетъ сходно съ государственными положеніями. 8) Касательно монастырей, опредѣленія въ оныя настоятелей и къ мѣстнымъ церквамъ священниковъ, также принятія бѣглыхъ поповъ и діаконовъ неподозрительныхъ, то о семъ должно отнестись къ преосвященному Амвросію, архіепископу Екатеринославскому и Таврическому, и какое о томъ съ нимъ постановленіе сдѣлано будетъ, не преминуя приложить старанія о произведеніи онаго въ дѣйство. Дано въ Кіевѣ Марта 25, 1787 года ([23]). *К. Потемкинъ*". Распоряженія по этому дѣлу мы находимъ въ двухъ доношеніяхъ Св. Сѵноду преосвященнаго Амвросія, отъ 12 Февраля 1788 г., въ коихъ изъяснено слѣдующее:

а) Прошедшаго 1787 г., Декабря 4 дня, его свѣтлость, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій присланнымъ ко мнѣ сообщеніемъ просилъ монашествующему въ старообрядцахъ Іоасафу съ братіею на отведенной въ Таврической области для построенія старообрядческаго монастыря землѣ дозволить начать строеніе. А по сему сообщенію и по поданному мнѣ отъ онаго монашествующаго съ братіею Октября 26 дня 1787 г. прошенію, по силѣ даннаго отъ Ея Императорскаго Величества его свѣтлости, князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, 1787 г. Генваря отъ 28-го числа рескрипта девятой статьи, на отведенной для старообрядческаго монастыря землѣ на первый случай по желанію старообрядцевъ деревянную во имя Пресвятыя Богородицы церковь построить на подобіе прочихъ святыхъ церквей и по чиноположенію церковному дозволилъ.

б) Сего 1788 года Февраля 11, его свѣтлость, господинъ генералъ-фельдмаршалъ Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій присланнымъ ко мнѣ сообщеніемъ просилъ дозволенія на отведенномъ въ Елисаветградѣ, Елисаветградскимъ купцамъ, старообрядчествующимъ, мѣстѣ построить во имя Преображенія Господня церковь. Я, по сему сообщенію и по поданному мнѣ отъ оныхъ купцовъ минувшаго Генваря 11-го дня прошенію, по силѣ даннаго отъ Ея Императорскаго Величества его свѣтлости 1787 г. Генваря 28 дня рескрипта девятой статьи, на отведенномъ старообрядцамъ въ Елисаветградѣ мѣстѣ во имя Преображенія Господня церковь построить, по подобію прочихъ святыхъ церквей и по чиноположенію церковному, дозволилъ.

Въ Іюнѣ 1790 г. князь ходатайствовалъ у преосвященнаго Амвросія о назначеніи настоятеля монастыря, архимандрита Іоасафа, о которомъ писалъ слѣдующее: „По высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ отвелъ я землю для построенія обители старообрядцамъ, гдѣ подъ наначальствомъ архимандрита Іоасафа составилось ихъ общество, построили церковь они и кельи. Я прошу ваше высокопреосвященство дать свое благословеніе объ освященіи храма, о поставленіи въ іеромонаха Дороѳея, въ іеродіакона Серапіона, а вышесказанному архимандриту Іоасафу благословеніе тамо игуменствовать. Вашего высокопреосвященства, милостивый государь и архипастырь мой, *покорнѣйшій слуга князь Потемкинъ*.

([23]) Т. е. во время пребыванія въ Кіевѣ Екатерины II-й.

Таврическій. 9-го Іюня 1790 г. Кокотени."

Это письмо вновь заставило преосвященнаго доносить Сѵноду слѣдующее: „Поданнымъ мнѣ старообрядствующій Іоасафъ прошеніемъ представляетъ, что рукоположенъ онъ въ 1781 г. преосвященнымъ Герасимомъ, епископомъ Герсовскимъ и Святогорскимъ Аѳонской горы, въ обители Симона Петра въ іеромонаха, откуда пошедши въ Іерусалимъ къ Антіохійскому патріарху Даніилу, посланъ былъ отъ него съ грамотою для испрошенія милостиннаго подаянія и пожалованъ архимандритомъ, съ коего въ 1784 г. вышелъ чрезъ Польшу въ Россію и проживалъ въ Новгородско-Сѣверскомъ намѣстничествѣ, а оттуда перешелъ въ Таврическую область, гдѣ на отведенной землѣ построенъ, по сообщенію его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, монастырь Богоматери Корсунскія, о чемъ отъ меня и Св. Сѵноду было рапортовано, и приложа ставленныя свои іеромонашескую и архимадрическую грамоты, проситъ присоединить его къ православной церкви и, разрѣша священнослуженіе, опредѣлить въ тотъ монастырь настоятелемъ. О чемъ Св. Правительствующему Сѵноду съ приложеніемъ подлинныхъ его грамотъ и съ сообщенія его свѣтлости объ семъ Іоасафѣ копіи, симъ на благоразсмотрѣніе представляю."

Не лишнимъ находимъ помѣстить здѣсь переводы, съ греческаго, грамотъ, данныхъ Іоасафу, біографія котораго разъясняется ими, хотя до нѣкоторой степени: „Даніилъ, милостію Божіею, патріархъ Антіохійскій. Знаменитѣйшее духовенство, высокопреподобнѣйшіе начальники священныхъ монастырей, благоговѣйнѣйшіе іереи, преподобнѣйшіе іеромонахи и всѣ священнаго причта служители и діаконы, благороднѣйшіе вельможи, почтеннѣйшіе градоправители и власти, полезнѣйшіе купцы и прочіе всѣ благословенные христіане, чада о Господѣ возлюбленнная и превождѣленная, мѣрности нашей, благодать всѣмъ вамъ и миръ отъ Господа Бога Вседержителя, и отъ святаго славнаго и первоверховнаго апостола Петра и перваго іерарха великаго богоспасаемаго города Антіохіи помощь, посѣщеніе и освященіе, а отъ нашей мѣрности молитва, благословеніе и прощеніе. Да будетъ вѣдомо всѣмъ, что предъявляющій сію грамоту іеромонахъ Іоасафъ, уроженецъ области Лехискія, посвященъ рукоположеніемъ нашего о Святомъ Духѣ брата и сослужителя боголюбезнѣйшаго епископа Святыя Горы господина Герасима во іеродіакона и пресвитера, какъ явствуетъ изъ даннаго ему отъ того же епископа свидѣтельства; и пришедъ на поклоненіе Св. Гроба, былъ и у насъ въ Дамаскѣ и, видя несносныя подати, кои съ насъ взыскиваютъ, крайнюю скудость и лишеніе наше, враговъ пакостителей, кои озлобляютъ насъ ежедневно, недостатокъ и малое число людей сего престола, побуждаемъ будучи милосердіемъ и являя христіанскую ревность къ Православію, самопроизвольно восхотѣлъ нарѣщися человѣкомъ нашего Апостольскаго престола и совершивъ обыкновенный обѣтъ возвратиться во свои предѣлы, ради милостыни и помощи сему во упадокъ приходящему престолу. Въ разсужденіи чего, согласясь на его произволеніе и возлюбивъ божественное его намѣреніе, почтили и мы его, произведя архимандритомъ нашего Апостольскаго престола ради его честности. Итакъ, когда онъ возвратится во свои предѣлы, просимъ, чтобы, принявъ его съ радостнымъ и веселымъ лицемъ, споспѣшествовали помощію и милосердіемъ сему первоначальному Апостольскому престолу, и чтобы каждый изъ васъ по произволенію подавали милостыню и помощь помянутому архимандриту

Іоасафу, съ добрымъ намѣреніемъ и радостію. Доброхотна бо дателя любитъ Богъ. Да и милостыня, происходящая отъ души и сердца, избавляетъ творящаго оную отъ смерти и покрываетъ множество грѣховъ, по словамъ премудраго Соломона, и у Создателя содѣловаетъ блаженство для созданія. Блаженни бо милостиви, яко тіи помилованы будутъ. Да воспріимете мзду отъ Бога и получите помощь отъ Святаго Апостола Петра и перваго іерарха сего первоначальнаго престола, гдѣ съ начала возсіяло Православіе и вѣрные во первыхъ названы христіанами. Мы же обязаны каждый день всеусердно молить святаго Бога о вашемъ здравіи, благоденственномъ житіи, благополучіи и о отпущеніи грѣховъ, да ниспошлетъ вамъ Господь Богъ вся благая небесная и земная, также о воскресеніи и прощеніи усопшихъ вашихъ родителей и о вчиненіи ихъ въ странѣ живущихъ со всѣми праведными; Его же благодать и безконечная милость, а нашей мѣрности молитва и благословеніе да будетъ со всѣми вами. 1780 г. Апрѣля 20.

Какъ я смиренный благодатію Животворящаго и Пресвятаго Духа, данною мнѣ властію посвящалъ объявителя сего Іоасафа въ іеродіакона и пресвитера, то по уставамъ и правиламъ церковнаго преданія даю сіе свидѣтельство съ тѣмъ, чтобы онъ, гдѣ будетъ находиться, съ позволенія мѣстнаго архіерея, имѣлъ свободу священнодѣйствовать по чину. Во увѣреніе сего подписалъ собственною рукою: Герасимъ епископъ Святыя Горы. 1781 г. Мая 20 числа. Въ монастырѣ Симона Петра, что̀ на Святой Горѣ Аѳонской".

Ходатайство князя Потемкина было уважено, и Св. Сѵнодъ 8-го Августа 1790 г., между прочимъ, писалъ преосвященному „поступать согласно сообщенію князя Потемкина Таврическаго", а въ Мартѣ того же года предписалъ архіепископу Екатеринославскому доставить подробнѣйшія извѣстія о старообрядцахъ.

Доношеніе преосвященнаго Гавріила представляетъ драгоцѣнныя данныя о старообрядчествѣ въ XVIII вѣкѣ. Онъ писалъ: „Въ сходственность указа Св. Правительствующаго Сѵнода, отъ 24-го Марта сего года, подъ № 707 состоявшагося, учиненной въ консисторіи моей сколько въ какомъ году изъ причисленныхъ къ Екатеринославской епархіи старообрядцевъ показано по вѣдомостямъ мужеска и женска пола душъ, присоединенныхъ къ Православной церкви, реэстръ, при семъ Св. Правительствующему Сѵноду благопочтеннѣйше представляя, докладываю: что учиненное удалившимся отъ церкви старообрядцамъ, по силѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества рескрипта, снисхожденіе дѣйствуетъ съ желаемымъ успѣхомъ въ присоединеніи ихъ къ Православной церкви, что̀ мною довольно примѣчено; и можно было-бъ и болѣе успѣть, но находящіеся въ раскольническихъ селеніяхъ, даже и въ самыхъ городахъ, бѣглые и неизвѣстные попы и монахи подаютъ немалый соблазнъ, развращая простыхъ и слабыхъ въ вѣрѣ своимъ лицемѣріемъ и ложными толкованіями; также и имѣющіяся у раскольниковъ часовни, особливо въ городахъ, суть великія преграды суевѣрнымъ къ обращенію и присоединенію ихъ къ Православію и служатъ къ соблазну даже православнымъ, что̀ мною замѣчено: ибо нѣкоторые православные Великороссійской породы, пріѣзжая въ сіи страны, ежели гдѣ находится раскольническая часовня, оставляютъ церковь и приходятъ молиться съ раскольниками въ часовню. Для отвращенія таковыхъ препятствій, служащихъ преградою къ приращенію церкви и подающихъ соблазнъ и самымъ православнымъ и истиннымъ сыновьямъ

церкви, прошу Св. Правительствующаго Сvнода наставленія и въ резолюцію указа. — Іюля 1 дня 1795 г.“

Реестръ учиненный въ Екатеринославской Духовной Консисторіи, сколько изъ причисленныхъ къ Екатеринославской епархіи старообрядцевъ въ какомъ году по вѣдомостямъ имяннымъ показано, гдѣ мужскаго и женскаго пола душъ.

	Число душъ.	
	М.	Ж.
За 1789-й годъ.		
Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, въ Климовскомъ и Зыбковскомъ посадахъ	68	36
За 1790-й годъ.		
Въ оныхъ же посадахъ и Злынскомъ	70	57
За 1791-й годъ.		
— тѣхъ же трехъ посадахъ, также Троицкомъ и Поправскомъ монастыряхъ или скитахъ	110	98
За 1792-й годъ.		
Въ Климовскомъ посадѣ и трехъ монастыряхъ или скитахъ, двухъ мужскихъ и одномъ женскомъ	135	134
— Зыбковскомъ посадѣ	23	15
— Злынскомъ посадѣ	22	20
За 1793-й годъ.		
Въ Климовскомъ посадѣ съ монастырями тремя или скитами	125	113
— Зыбковскомъ	33	21
— Злынскомъ	22	18
За 1794-й годъ.		
Въ Климовскомъ посадѣ	133	141
— Злынскомъ	46	49
— Зыбковскомъ	50	48
— *Таврической области*, въ слободахъ, поселенныхъ между Днѣпромъ и Перекопомъ		
За 1793-й годъ.		
Въ Знаменкѣ Большой, гдѣ состоитъ два священника и діаконъ	1121	893
— Днѣпровкѣ, вышедшіе изъ слободы Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, которые по просьбѣ ихъ присоединены къ православной церкви въ 1793 году; о чемъ въ Св. Правительствующій Сvнодъ, отъ 10-го Февраля того же года, подъ № 282, посланъ рапортъ	173	144
За 1794-й годъ.		
Въ Большой Знаменкѣ, гдѣ состоитъ два священника изъ Великороссіянъ	1083	878
— *Днѣпровкѣ*	270	228
Въ семъ 1795 году.		
Въ посадѣ Злынскомъ тамошнимъ священникомъ Іосифомъ Рубановымъ присоединено обоего пола 140 душъ	70	70
— *Зыбковскомъ посадѣ*	2	5
— *Малой Знаменкѣ*, куда и священникъ по желанію жителей опредѣленъ, изъ Малороссіянъ, о числѣ же тамошнихъ прихожанъ за неприсылкою вѣдомостей неизвѣстно		
	3556	2968
обоего	6524	

Во вновь заселяющейся новопріобрѣтенной отъ Порты Оттоманской землѣ *Слободѣ Троицкой* вышедшихъ старообрядцевъ, коимъ по просьбѣ церковь позволено вновь устроить и священникъ изъ ихъ же общества произведенъ въ 1794 году. Подъ прошеніемъ подписались тридцать одинъ человѣкъ.

Сего 1795 года, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ бытность его высокопреосвященства въ городѣ *Николаевѣ*, старообрядческое общество числомъ 33 человѣка письменно его высокопреосвященство просили о присоединеніи ихъ съ находящимся у нихъ бѣглымъ священникомъ Григоріемъ Дороѳѣевымъ къ Православной церкви и по резолюціи его высокопреосвященства Елисаветградскому старообрядческому священнику предписано присоединить и преподавать имъ христіанскія требы, до опредѣленія настоящаго священника; коликое же число мужскаго и женскаго пола душъ въ вышеписанныхъ присоединяющихся къ Православной церкви Николаевскихъ старообрядцевъ, за неполученіемъ именной вѣдомости, неизвѣстно.

Сколько же при старообрядческихъ церквахъ въ Елисаветградѣ и Кременчугѣ приходскихъ людей, за неподачею тѣхъ церквей отъ священниковъ вѣдомостей, неизвѣстно“.

XVII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь мой! Вашему высокопреосвященству извѣстно высочайшее Ея Императорскаго Величества мнѣ повелѣніе, касательно старообрядцевъ; изъ числа оныхъ вручитель сего архимандритъ Іоасафъ, имѣющій грамату на санъ пресвитерскій отъ патріарха Антіохійскаго, будучи при мнѣ, оказывалъ во всякомъ случаѣ отвѣты совершеннаго усердія и приверженности своей къ святой церкви; чтобъ отличить таковый его подвигъ и дать ему воспользоваться оказанною высочайшею милостію, я осмѣливаюсь по неимѣнію еще мѣстнаго архіерея отнестись къ вашему высокопреосвященству съ моею покорнѣйшею просьбою, о позволеніи ему священнодѣйствовать. Единаго на сіе изустнаго соглашенія довольно, и я, покорно прося объ удостоеніи его онымъ, всегда пребуду съ нелестнымъ почтеніемъ и усердною преданностію и пр., *всепокорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ.* 20 Генваря 1786 г.

XVIII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь мой! Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила архимандрита Антонія, царевича Карталинскаго, нарѣщи во архіепископа въ епархію Ниноцминдскую, о чемъ ваше высокопреосвященство чрезъ сіе имѣю честь увѣдомить, пребывая и пр., *всепокорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ.* Маія 27 дня 1786 г.

Исторія архимандрита Антонія, во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ, отчасти разъясняется „рапортомъ“, Св. Сѵноду преосвященнаго Гавріила, отъ 16 Апрѣля 1786 г. и другими документами. Митрополитъ Гавріилъ писалъ: „Находящейся въ Санктъ-Петербургѣ Грузинской царевичь, архидіаконъ Антоній минувшаго Марта 25 дня посвященъ мною во іеромонаха, въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что̀ въ Невскомъ монастырѣ, а сего Апрѣля 9 дня, въ большой придворной церкви, при высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ

Императорскихъ Высочествъ, произведенъ въ архимандрита“.

По вышеприведенному письму, Св. Сѵнодъ сдѣлалъ распоряженіе о нарѣченіи архимандрита Антонія во архіепископа „богоспасаемыя епархіи Ниноцминдскія“, что̀ и совершилось 28 Мая 1786 г., а 1-го Іюня, по желанію Государыни, посвященіе (хиротонисаніе) происходило въ присутствіи Августѣйшей фамиліи, въ придворной церкви, въ Царскомъ Селѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Императрицы, новопосвященный архіепископъ долженъ былъ ѣхать на Югъ Россіи и заняться изученіемъ „Русскаго языка и другихъ нужныхъ знаній“, о чемъ узнаемъ мы изъ нижеслѣдующаго письма.

XIX.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь мой! Ея Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать соизволила архіепископу Антонію царевичу Грузинскому пять тысячъ рублевъ, которые на сихъ дняхъ и будутъ къ нему доставлены. Какъ высочайшее есть соизволеніе, чтобъ онъ имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ или въ Полтавѣ и тамъ бы продолжалъ обученіе Русскаго языка и другихъ нужныхъ знаній, то я, сообщая о семъ вашему высокопреосвященству, покорно прошу преподать ему благосклонное наставленіе о распоряженіи пожалованной суммы такимъ образомъ, чтобъ и на отправленіе его въ Кіевъ и на содержаніе тамо съ положеннымъ ему жалованьемъ было оныя достаточно, употребляя сіи деньги съ должнымъ сбереженіемъ. Я буду ожидать благосклоннаго увѣдомленія отъ вашего высокопреосвященства, какое по сему учрежденіе сдѣлать изволите, будучи впрочемъ увѣрены объ истинномъ высокопочитаніи и преданности, съ коими имѣю честь быть и пр., *всепокорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ*. Августа 14 дня 1786 года.

Желаніе Государыни неисполнилось, чтобы архіепископъ Антоній проживалъ въ Кіевѣ или въ Полтавѣ. 4-го Сентября 1786 года первенствующій архіепископъ Грузинскій, или католикосъ, писалъ преосвященному Гавріилу, изъ Тифлиса, на Грузинскомъ языкѣ, письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, „что преосвященный Антоній, архіепископъ Ниноцминдскій, царевичъ Грузинскій, по соизволенію родителя его, святѣйшаго царя Карталинскаго и Кахетинскаго Ираклія, опредѣленъ имъ, преосвященнымъ католикосомъ, на праздную Алевердельскую епархію, въ митрополита“.

Г. Письма князя Александра Алексѣевича Вяземскаго.

(1776—1781 г.).

XX.

Преосвященнѣйшій архіепископъ, милостивый государь мой! По полученному Долматова монастыря отъ архимандрита Іакинѳа рапорту, что онъ изъ того монастыря переводится въ Пыскорской, а на мѣсто его вслѣдствіе указа Св. Сѵнода велѣно тамъ быть Ивановскаго Межигорскаго монастыря игумену Іоасафу, имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше докладывать Ея Императорскому Величеству, а Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила: онаго архимандрита Іакинѳа изъ Долматова въ Пыскорской монастырь перевесть, а на мѣсто его въ Долматовъ монастырь опредѣлить другова, Св. Сѵноду из-

вѣстнаго и надежнаго человѣка, о чемъ вашему преосвященству объявя, пребываю впрочемъ и. т. д. *князь Александръ Вяземскій*. Февраля 1777 г.

Св. Сѵнодъ, опредѣленіемъ, 19 Іюня 1783 года, постановилъ: опредѣлить въ Долматовъ монастырь игумена Отенскаго монастыря (24), Новгородской епархіи, Даніила.

XXI.

Преосвященный владыко, милостивый государь мой! Бывшей Великоустюжской купецъ Алексѣй Смолинъ по извѣстнымъ Ея Императорскому Величеству обстоятельствамъ въ прошломъ 1776 году посланъ на житье Вологодской епархіи въ Кириловъ-Белоезерскій монастырь (25), но безъ особаго указа; въ монахи его постригать не велѣно потому, что онъ тогда былъ еще не въ престарѣлыхъ лѣтахъ, слѣдовательно, по прошествіи нѣкотораго времени не пришелъ бы о томъ постриженіи въ раскаяніе, чего ради настоятелю того монастыря велѣно, чтобъ онъ за поведеніемъ и жизнію его имѣлъ неослабное смотрѣніе и примѣчалъ, въ состояніи-ль онъ найдется исполнить съ точностію монашеское званіе и чрезъ каждой годъ о томъ репортовалъ. Вслѣдствіе чего того монастыря архимандритъ Іакинѳъ ежегодно репортовалъ, что Смолинъ житіе имѣетъ добропорядочное, и къ принятію монашескаго чина способнымъ быть кажется. А напослѣдокъ представилъ, что не только церковное послушаніе исправляетъ прилежно, но самъ многократно, а особливо при его сюда отъѣздѣ просилъ, дабы онъ, архимандритъ, о усердномъ его къ воспріятію монашества желаніи возымѣлъ попеченіе. Получа сіе представленіе, не приминулъ я всеподданнѣйше донести объ ономъ Ея Императорскому Величеству. Всемилостивѣйшая Государыня, по человѣколюбію своему, снисходя на прошеніе означеннаго Смолина, высочайше дозволить соизволила, постричь его въ Кириловѣ-Бѣлоезерскомъ монастырѣ въ монахи только съ тѣмъ, чтобъ онъ никогда безъ вѣдома тайной экспедиціи изъ сего монастыря никуда отлучаемъ или же отпускаемъ не былъ, и былъ бы подъ присмотромъ тамошняго начальника. Вслѣдствіе сего Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, имѣю честь вашему преосвященству для надлежащаго исполненія сообщить, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. *покорнѣйшій слуга князь Александръ Веземскій*. Іюля 24 дня 1781 года.

Извѣстій о поступкахъ, за которые Смолинъ былъ посаженъ въ монастырь, гдѣ онъ былъ подъ строжайшимъ присмотромъ, мы не имѣемъ.

XXII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой! Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила, содержащагося въ Суздальскомъ Спасоевѳиміевѣ монастырѣ (26)

(24) *Отенскій-Предтечевскій*, мужск. 3 класса, въ 50 верст. отъ уѣзд. г. Крестцовъ. Названіе Отенскій произошло отъ древнаго слова *отня*, т. е. *отчая пустынь*. Основаніе обители нѣкоторые писатели относятъ къ XIV вѣку.

(25) *Кириловъ-Бѣлоезерскій*, мужск. 1 клас. монастырь, въ уѣзд. г. Кириловѣ. Основанъ въ 1391 году. Нынѣ въ Новгородской епархіи.

(26) *Спасо-Евфиміевъ*, муж. 2 класса, монастырь, въ уѣзд. г. Суздалѣ. Основанъ въ 1352 году. Одна изъ замѣчательныхъ обителей въ

коллежскаго ассесора Александра Сытина, по собственному его желанію, постричь въ томъ же монастырѣ, въ монашеской чинъ, съ тѣмъ однакожъ, дабы его кромѣ слушанія службы Божіей и другихъ монастырскихъ должностей, ни подъ какимъ видомъ изъ того монастыря не отпускать, а притомъ смотрѣть, чтобы онъ и самъ никуда не отлучался, но проводилъ бы во ономъ остальные дни своей жизни съ кротостію и повиновеніемъ неисходно. И для надлежащаго по сему исполненія сообщить объ ономъ вашему преосвященству. Во исполненіе сего Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія объ ономъ вашему преосвященству сообщая, пребываю, и пр. покорный слуга *князь Александръ Вяземскій.* Ноября 19 дня 1781 г.

Свѣдѣнія о личности Сытина намъ неизвѣстны.

Д. Письма свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородка.

(1780—1798).

XXIII.

Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій, милостивый государь! Ея Императорскому Величеству угодно было, чтобъ я доставилъ вашему преосвященству для свѣдѣнія копію Высочайшаго указа Ея къ графу Захару Григорьевичу Чернышеву (27), относительно особы господина Смогоржевскаго (28) бывшаго въ Полоцкѣ уніатскаго архіепископа, а нынѣшняго той же церкви въ Польшѣ митрополита, и относительно управленія вакантной въ Полоцкѣ уніатской епархіи. Проницанію, вашему преосвященству свойственному, откроется тутъ, что симъ распоряженіемъ данъ послѣдній и рѣшительный ударъ сектѣ происшедшей отъ хитрости папистовъ, и отъ крайняго невѣжества нашихъ единовѣрныхъ, съ такимъ благоразуміемъ и осторожностію, что нѣтъ тутъ нималаго насилія, но времени предоставляется истребить вредное и просвѣтить простоту, лестію уловленную. Графъ Захаръ Григорьевичъ предъувѣдомленъ о прямой цѣли монаршаго изволенія и особливо, чтобъ въ случаѣ вакаціи въ приходахъ мѣстъ священническихъ вопрошать прихожанъ, не чрезъ таковыхъ, кои изъ сего могутъ сдѣлать вредное употребленіе, удерживая народъ въ заблужденіи, но чрезъ беспристрастныхъ и прямо просвѣщеніемъ ихъ интересованныхъ. Сверхъ сего Ея Величество нужнымъ почитаетъ, чтобъ помѣщики, особливо достаточнѣйшіе, созидая церкви православныя, хотя сперва подъ именемъ своихъ домовыхъ, способствовали утвержденію господствующаго въ Россіи закона, тѣмъ болѣе что, какъ опытами доказано, едва только таковыя

Россіи, какъ въ историческомъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ.

(27) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (фельдмаршалъ), родился 1722 г. Былъ долгое время вице-президентомъ и наконецъ президентомъ Военной Коллегіи, а въ это время Бѣлорусскимъ намѣстникомъ. Скончался главнокомандующимъ въ Москвѣ 29 Авг. 1784 г.

(28) Іоассонъ Смогоржевскій, уніатскій митрополитъ. Рескриптъ этотъ указываетъ на заботы императрицы о защитѣ уніатовъ отъ католиковъ.

церкви воздвигнуты были, то и превратились оныя изъ домовыхъ въ приходскія добровольнымъ присоединеніемъ поселянъ. Не меньше желала бы Ея Величество, чтобъ, для вперенія почтительнѣйшихъ мыслей о церкви нашей, духовенство, особливо въ монастыряхъ тамошнихъ, науками и поведеніемъ своимъ, превышали Римскихъ въ Бѣлой Россіи находящихся, и сего ради есть намѣреніе монаршее, чтобъ въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ основать знатную архимандрію; но прежде Ея Величество хочетъ имѣть отъ вашего преосвященства свѣдѣніе о особахъ, коихъ по ученію и образу жизни можно было бы почтить симъ саномъ, о коихъ и прошу меня увѣдомить. Пребываю, впрочемъ, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ, вашего преосвященства, *всепокорнѣйшимъ и всепослушнѣйшимъ слугою Александръ Безбородко.*

P. S. Ея Величество желаетъ, чтобъ сіе по волѣ Ея вашему преосвященству подаваемое объясненіе осталось единственно въ собственномъ вашемъ знаніи. Въ Петергофѣ. Іюля 6-го 1780 г.

Въ указѣ къ графу Чернышеву прописывалось слѣдующее: „Нашему генералъ-фельдмаршалу и Бѣлорусскому генералъ-губернатору, графу Чернышеву. По поводу новаго къ вамъ отзыва отъ унитскаго въ Польшѣ митрополита Нассона Смогоржевскаго о дозволеніи ему остаться при управленіи унитскими церквами въ Полоцкомъ и Могилевскомъ намѣстничествахъ, естьли не навсегда при коадьюторѣ, по крайней мѣрѣ, до опредѣленія ему преемника, мы нужнымъ находимъ, чтобъ вы ему объяснили, что, согласився однажды на желаніе Его Величества короля Польскаго о принятіи ему, Смогоржевскому, сана унитскаго въ Польшѣ митрополита, уволили мы его тѣмъ отъ всѣхъ обязательствъ подданства и службы нашей, и тогда назначили на мѣсто его другаго унитскаго архіепископа. Когда назначенный ему преемникъ нашелъ для себя выгоднѣйшимъ предложенную ему епархію въ областяхъ Его Величества Императрицы-королевы, то чрезъ сіе Полоцкая унитская епархія учинилась праздною, въ которую опредѣленіе новаго архіерея, такъ какъ и дальнее объ оной устроеніе, есть единственно дѣло самодержавы нашей. Слѣдственно заботы и попеченія кого либо изъ духовныхъ посторонней державы о праздности сей епархіи, о рукоположеніи священника и о прочемъ оной управленіи не могутъ здѣсь нимало быть вмѣстны. Всего менѣе остается права митрополиту Смогоржевскому присвоять себѣ ту епархію по примѣрамъ имъ упоминаемымъ общаго управленія оной съ митрополіею унитскою. Таковое общее управленіе могло имѣть мѣсто въ то время, когда сіи провинціи были соединены съ Польскою короною; но теперь какъ можетъ онъ, учинився гражданиномъ и прелатомъ въ другомъ государствѣ, служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ? Изъ сего и слѣдуетъ, что онъ, Смогоржевскій, долженъ, отложа всѣ свои объясненія касающіяся до особы и званія архіепископа унитскаго въ Полоцкѣ, нашего подданнаго, отправиться къ мѣсту своему въ Польшѣ, остерегаясь всемѣрно мѣшаться въ распоряженіе духовныхъ дѣлъ въ Имперіи нашей; но что̀ касается до собственнаго его имѣнія, оное въ цѣлостномъ и неприкосновенномъ его распоряженіи остаться имѣетъ на основаніи законовъ и по примѣру прочихъ присягу намъ учинившихъ. Для управленія же дѣлами духовными церквей унитскихъ въ Полоцкомъ и Могилевскомъ намѣстничествахъ до будущаго нашего соизволенія повелѣваемъ учре-

дить консисторію изъ трехъ или четырехъ духовныхъ того закона, людей вѣрныхъ, подданствомъ намъ обязанныхъ и поведенія добропорядочнаго. Ихъ должностію будетъ наблюденіе порядка по церквамъ закона ихъ. Въ случаѣ же ваканціи, при которомъ либо приходѣ, священническаго мѣста, препоручите вы людямъ надежнымъ спрашивать и навѣрное освѣдомляться отъ прихожанъ, желаютъ ли они имѣть священника нашего Православнаго Восточнаго закона, въ каковомъ случаѣ преосвященный архіепископъ Псковскій и епископъ Могилевскій, первый въ Полоцкой губерніи, а послѣдній въ Могилевской, обязаны опредѣлять людей достойныхъ; если же прихожане похотятъ имѣть священника унитскаго, то консисторія сихъ церквей должна препоручить приходъ праздный священнику ближайшаго прихода, покуда съ постановленіемъ отъ насъ настоящаго архіерея могутъ рукополагаемы быть новые священники: при томъ сходственно указу нашему отъ 3 Іюня 1779 г. наикрѣпчайше запретить въ монастыряхъ и церквахъ приходскихъ унитскихъ принимать священниковъ и монаховъ извнѣ государства приходящихъ, повелѣвъ оказывающихся безъ вашего дозволенія представлять къ вамъ для высылки за границы подъ присмотромъ. *Екатерина*. Въ Петергофѣ. Іюля 2. 1780 г.“

XXIV.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Имѣю честь приложить при семъ копію своеручной Ея Императорскаго Величества записки, по которой Ея Величество, въ отысканіи потребныхъ свѣдѣній, совершенно полагается на ваше преосвященство. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ вашего преосвященства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Безбородко ([29]). Въ Царскомъ Селѣ 23-го Іюля 1783 г.

При письмѣ была приложена записка слѣдующаго содержанія:

„Копія съ своеручной записки Ея Императорскаго Величества. Требовать изъ Чернигова, Переяславля и Новгородъ-Сѣверскаго, чтобъ прислали реестры о князьяхъ рода Рюрикова поимянно, кои въ тѣхъ городахъ схоронены, также и о супругахъ тѣхъ князей, и буде отыщутся тѣ супруги отъ какова роду были; также спросить митрополита Кіевскаго и архіереевъ вышеписанныхъ городовъ, чтобъ и изъ монастырей тѣхъ епархій, также реестры присланы были.

„Симъ чаять можно, что исторія Россійская выправится.

„Не худо тоже потребовать изъ Новогорода, Ростова, Суздаля, изъ Московскаго Архангельскаго собора, изъ Владиміра и Рязани; всего бы лучше, если бы о семъ Сѵнодъ потребовалъ порядочныхъ реестровъ“.

Черезъ два года, т. е. 1785 г. 20 Іюня, преосвященный Гавріилъ писалъ въ отвѣтъ графу Безбородку слѣдующее:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой. Каковы во исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, препровожденнаго ко мнѣ при письмѣ отъ вашего сіятельства въ копіи собственноручной Ея Величества записки „1783“ года Іюля отъ 23 дня о князьяхъ рода Рюрикова и о ихъ супругахъ свѣдѣнія изъ епархіи Новгородской, Ростовской, Суздальской, Московской, Владимірской, Рязанской, Кіевской, Черниговской и бывшей Переяславской, что въ оныхъ сыскаться могло, въ Св. Сѵнодъ собраны, съ оныхъ для поднесенія Ея Императорскому Вели-

(29) Письмо и приложенная при немъ копія съ записки Императрицы, писаны рукою графа А. А. Безбородка.

честву прилагаю при семъ по каждой епархіи реестръ. Впротчемъ имѣю честь быть" и пр. 20 Іюня 1785 г. Спб. (30).

XXV.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. По содержанію почтеннѣйшаго вашего преосвященства письма, которое я имѣлъ честь представить всемилостивѣйшей Государынѣ, Ея Императорское Величество позволяетъ, на доставленіе колоколовъ изъ Переяславля въ Петропавловской соборъ, потребныя деньги четыреста рублей употребить изъ остатковъ той суммы, которая отпущена была въ распоряженіе вашего преосвященства на пріуготовленіе для флота ризницы. Сообщая вамъ, милостивый государь, о семъ Монаршемъ соизволеніи, пребываю и пр. *всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою графъ А. Безбородко.* Въ С.-П.-Бургѣ. Сентября 18, 1789 г.

XXVI.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. По содержанію почтеннѣйшаго вашего преосвященства письма ко мнѣ, отъ 23 сего мѣсяца, имѣю честь донести, что объ отправленіи находящагося въ Даніи принадлежащаго къ Стокгольмской миссіи священника съ двумя церковниками въ извѣстную вамъ экспедицію и о возвращеніи въ Россію пребывающаго тамъ іеромонаха съ причетниками, предписано уже отъ Ея Императорскаго Величества г. министру барону Криденеру указомъ отъ 22 минувшаго Ноября. Пребываю впрочемъ и такъ д. *всепокорнѣйшимъ и всепослушнѣйшимъ слугою графъ А. Безбородко.* Въ С.-П.-Бургѣ. Декабря 30 дня 1789 г.

XXVII.

Преосвященнѣйшій Владыко, милостивый государь. Находившійся на флотѣ іеромонахъ Іоасафъ, по смерти преосвященнаго архіепископа Никодима, начальствовавшій надъ духовенствомъ въ томъ флотѣ состоящимъ, снискалъ отъ главнокомандующаго онымъ отличное одобреніе въ ревностномъ исправленіи служенія своего, въ похвальномъ поведеніи и наблюденіи порядка и благочинія и во всемъ томъ, что̀ составляетъ наилучшіе таланты священнослужителя. Ея Императорское Величество, изъ уваженія на таковое свидѣтельство, всемилостивѣйше пожаловать изволила помянутому оберъ-іеромонаху креста для ношенія на шеѣ, указавъ при томъ мнѣ рекомендовать его въ особое призрѣніе и покровительство вашего преосвященства, дабы онъ въ случаѣ къ выгодному мѣсту пристроенъ быть могъ. О чемъ вашему преосвященству сообщая, пребываю и пр., *всепокорнымъ слугою графъ А. Безбородко.* Въ С.-П.-Бургѣ. Ноября 25, 1790 г.

18 Декабря 1790 г., преосвященный Гавріилъ доносилъ Св. Сѵноду, что „по силѣ указа Ея Императорскаго Величества изъ Св. Правительствующаго Сѵнода, сего Декабря отъ 12 ко мнѣ присланнаго, оберъ-іеромонахъ Іоасафъ, Нижегородской епархіи въ Арзамасской Спасской монастырь во игумена мною сего-жъ Декабря 17 дня, въ церкви св. праведнаго Лазаря, что̀ въ Невскомъ монастырѣ, произведенъ.

(30) Обширный реестръ этотъ, какъ относящійся къ допетровскому времени, будетъ напечатанъ въ другомъ мѣстѣ. *П. Б.*

XXVIII.

Преосвященнѣйшій господинъ митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій, милостивый государь. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указать соизволила отпустить присланному съ письмомъ къ Ея Величеству отъ Общества Пастровицкаго, архимандриту тамошнія обители Прасковицѣ, Саввѣ Любиму изъ Московской сѵнодской типографіи четыре круга церковныхъ книгъ, въ коихъ церкви того общества, бывъ въ прошедшую съ Турками войну раззорены, нуждаются столько, что не имѣютъ по чему служить; о чемъ имѣя честь сообщить вашему преосвященству, покорнѣйше прошу приказать оныя книги отпустить помянутому архимандриту Любиму. Впрочемъ пребываю и т. д. *всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою князь Безбородко*. Сентября 28 дня 1798 года.

30-го Декабря 1798 года архимандритъ Савва получилъ просимыя книги безмездно на сумму 309 рублей 59 копѣекъ.

Е. Письмо Петра Александровича Соймонова.

(1781).

XXIX.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь. Препровождаемой при семъ города Царицына священникъ Степанъ Степановъ утруждалъ на сихъ дняхъ Ея Императорское Величество запечатаннымъ письмомъ, въ коемъ заключается недѣльная просьба, вслѣдствіе чего Ея Императорское Величество высочайше указать мнѣ соизволила препроводить его къ вашему высокопреосвященству съ повелѣніемъ, дабы онъ отъ Сѵнода отправленъ былъ во своясь съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ впредь таковыми недѣльными просьбами Ея Императорское Величество утруждать не осмѣлился. О чемъ донося, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію пребуду и пр. Петръ Соймоновъ. Октября 21 дня 1781 года.

Содержаніе просьбы Степанова не извѣстно.

Ж. Письмо графа Михаила Васильевича Коховскаго.

(1792).

XXX.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь. Вслѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, находящагося здѣсь при архіепископѣ Екатеринославскомъ, архимандрита Гайоса, имѣю честь препроводить къ вашему высокопреосвященству, пребывая впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ и пр. *Михайло Коховскій*. Яссы. Апрѣля 18 дня, 1792 года.

Іеродіаконъ Гайосъ, изъ Грузинъ, прибылъ въ Россію съ преосвященнымъ Максимомъ, каталикосомъ Имеретинскимъ. Въ Февралѣ 1789 года, онъ уволенъ былъ католикосомъ въ свое отечество; но на дорогѣ захворалъ и былъ помѣщенъ на излеченіе въ Темниковскій Санаксарскій монастырь ([31]), въ которомъ ему жизнь на столько понравилась, что онъ про-

([31]) Санаксарская муж. III класса пустынь въ 3-хъ верст. отъ уѣзд. г. Темникова. Основан. въ 1659 году. Обитель замѣчательна по живописному мѣстоположенію и строгой жизни монашествующихъ.

силъ Св. Сѵнодъ оставить его на всегда при монастырской больницѣ, въ качествѣ іеромонаха. Между тѣмъ, спрошено было согласіе на опредѣленіе Гайоса въ Санаксарскій монастырь у католикоса, который не согласился на просьбу его, и Гайосъ долженъ былъ возвратиться въ свое отечество.

3. Письма Василія Степановича Попова.

(1792—1794).

XXXI.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! По присланному отъ вашего высокопреосвященства письму архипастыря Имеретинскаго Максима, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указать изволила, удовлетворить просьбу его увольненіемъ его въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню и въ Аѳонскую гору. О чемъ вашему высокопреосвященству чрезъ сіе донести честь имѣю, пребывая и пр. *Василій Поповъ.* Маія 1 дня 792 года. С. Царское.

Каталикосъ Максимъ просилъ императрицу принять его въ Россію и назначить ему для жительства монастырь. Между тѣмъ, 13 Ноября 1787 года Св. Сѵноду объявленъ былъ именной указъ, которымъ повелѣвалось: „Имеретинскому католикосу Максиму, желающему остаться въ предѣлахъ Имперіи Нашей, повелѣваемъ Сѵноду Нашему назначить мѣсто пребыванія по своему усмотрѣнію; для содержанія же его указали Мы производить ему по тысячѣ по двѣсти рублей на годъ изъ государственныхъ казначействъ“. *Екатерина.*

Вслѣдствіе высочайшей воли, Св. Сѵнодъ, между прочимъ, постановилъ: „католикосу Максиму пребываніе имѣть въ Москвѣ, гдѣ и священнослуженіе ему отправлять съ вѣдома епархіальнаго архіерея, преосвященнаго Платона, митрополита Московскаго, дозволить; для жительства же его велѣть отвесть пристойныя сану его кельи по способности въ Московскомъ Высокопетровскомъ монастырѣ“ ([32]).

24 Іюня 1788 года каталикосъ прибылъ въ Москву; донося объ этомъ обстоятельствѣ Св. Сѵноду, митрополитъ Платонъ просилъ въ тоже время разъяснить ему, какое ему дать мѣсто при богослуженіи въ числѣ епископовъ Россійской церкви. Св. Сѵнодъ сдѣлалъ по этому предмету слѣдующее распоряженіе: „Означенному преосвященному Имеритинскому Максиму при священнослуженіяхъ митру съ крестомъ возлагать на себя не запрещать, а во время священнослуженія воспоминать его преосвященнымъ архіепископомъ или преосвященнымъ католикосомъ Имеретинскимъ, если онъ, будучи въ епархіи своей, такъ именовался, а буде сверхъ именованія Имеретинскаго назывался онъ и еще по какому городу, то и оное дозволить; и поелику онъ, преосвященный Максимъ, состоялъ въ отечествѣ своемъ мѣстнымъ католикосомъ, то въ Россіи при бываемыхъ церковныхъ церемоніяхъ имѣть мѣсто ему послѣ преосвященныхъ архіереевъ второклассныхъ епархій предъ третьеклассными, кромѣ преосвященныхъ сѵнодальныхъ членовъ, которымъ, хотя бы оные и третьеклассныхъ епархій были, вездѣ мѣсто уступать долженъ“.

([32]) Высокопетровскій, муж. II класса монастырь въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ. Мѣсто, на которомъ онъ построенъ, издревле называлось *Высокое;* основаніе монастыря относятъ къ первой половинѣ XVI вѣка. По обрѣтеніи мощей св. Петра митрополита, онъ названъ въ честь этого святителя *Петровскимъ на Высокомъ.*

Жизнь въ Москвѣ, надо думать, не понравилась католикосу, которому имяннымъ указомъ отъ 22 Сентября 1789 года разрѣшалось переѣхать въ Астрахань.

Въ Астрахань онъ прибылъ 16 Ноября 1789 года и поселился въ Спасскомъ монастырѣ ([33]), изъ котораго онъ потомъ просилъ государыню уволить его въ Іерусалимъ; но, прибывъ въ Кіевъ, умеръ, какъ доносилъ архимандритъ Кіевопечерской лавры, митрополитъ Кіевскій Самуилъ: „Прибывшій въ здѣшній городъ изъ Астрахани 1792 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, и имѣвшій на время пребываніе свое въ Кіевопечерской лаврѣ, преосвященный Максимъ каѳоликосъ Имеретинскій, сего года Маія 30 дня волею Божіею умре, и во оной лаврѣ подобающимъ сану архіерейскому образомъ погребенъ“.

XXXII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше приказавъ наградить протоіерея Филоѳея Владевича, ободрявшаго православное воинство на штурмѣ Измаильскомъ, тысячью рублями съ позволеніемъ носить пожалованный ему крестъ на узкой лентѣ ордена военнаго, предоставить изволила благоусмотрѣнію духовнаго начальства опредѣленіе его къ мѣсту по его званію; о чемъ донося, имѣю честь быть и пр. всепокорнѣйшимъ слугою *Василій Поповъ*. Февраля 16 дня 793 года.

XXXIII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила: извѣстнаго вашему высокопреосвященству Алексѣя Еленскаго по собственному его прошенію отправить для покаянія въ Соловецкій монастырь, гдѣ и имѣть его подъ присмотромъ, не позволяя ему отнюдь изъ монастыря отлучаться. О чемъ ваше высокопреосвященство увѣдомя, покорнѣйше прошу начальнику Соловецкаго монастыря, дать ваше о томъ повелѣніе, которое и прислать ко мнѣ со вручителемъ сего, дабы я со онымъ могъ его, Еленскаго, туда отправить.

Поручая себя молитвамъ и архипастырскому благословенію вашему имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и пр. *Василій Поповъ*([34]). Санктъ-Петербургъ. Сентября 3 дня 1794 года.

Указъ, съ которымъ Еленскій долженъ былъ ѣхать въ монастырь, переданъ былъ митрополитомъ Гавріиломъ, 6 Сентября 1794 года.

И. Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.
(1797—1798).

XXXIV.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Его Императорское Величество, видѣвъ изъ прилагаемаго при семъ въ оригиналѣ письма города Колы мѣщанина Герасимова, что по крайней вѣтхости тамошняго Воскресенскаго собора происходитъ въ богослуженіи остановка, и что хотя по повелѣнію покойной государыни императрицы отпущены для сооруженія

([33]) Преображенскій (Спасскій), муж. II клас. монастырь, въ г. Астрахани. Основанъ въ 1597 году.

([34]) Все письмо собственноручное.

новой церкви восемь тысячъ рублей, но чрезъ пятнадцать лѣтъ строеніе не начато: высочайше указать мнѣ соизволилъ дать знать вашему преосвященству, чтобы по отысканіи у кого находятся отпущенныя деньги приступить къ сооруженію новой церкви.

О таковомъ монаршемъ соизволеніи имѣя честь увѣдомить ваше преосвященство, пребываю и пр. *всепокорнѣйшій всепослушнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.* Въ Павловскомъ Іюля 17 1797 г.

Императрица Екатерина II именнымъ указомъ 23 Февраля 1783 г., даннымъ на имя Вологодскаго и Ярославскаго генералъ-губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, пожаловала на строеніе въ уѣздныхъ городахъ Архангельской губерніи Онегѣ и Колѣ каменныхъ церквей, на каждую по 8000 р. По полученіи денегъ, генералъ - губернаторъ Олонецкій и Архангельскій Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ предложеніемъ Казенной Палатѣ предписалъ, „чтобы отчисленныя на каменныя церкви деньги безполезно не оставались въ кладовыхъ, доколѣ представится удобность къ сооруженію сихъ храмовъ, то Казенная Палата можетъ отдавать оныя изъ процентовъ надежнымъ людямъ.“ Надежныхъ охотниковъ на деньги, конечно, явилось не мало, и ихъ снабжала Палата до 1793 года, и по вступленіи уже въ управленіе Архангельскою губерніею Ивана Романовича Ливена, предписано было имъ составить планъ и смѣту на постройку церкви. Но составленная смѣта оказалась выше пожалованной суммы, а добровольныхъ жертвованій не являлось, и дѣло дотянулось до 1797 г., въ который по высочайшей волѣ было приступлено къ закладкѣ и сооруженію церкви. Въ 1805 году на строющейся церкви обрушился каменный куполъ, который былъ замѣненъ деревяннымъ.

XXXV.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Его Императорское Величество, получивъ прошеніе отъ священника перваго Чугуевскаго регулярнаго казачьяго полку Насѣдкина, съ жалобою на полковника князя Багратіона и другихъ того полку офицеровъ, дѣлающихъ будто бы ему разныя угнѣтенія за принятіе и отправленіе имъ на почту врученнаго ему отъ вахмистровъ Селиванова и Яковлева доноса, высочайше указать соизволилъ: препроводить оное къ вашему преосвященству, съ тѣмъ, что какъ вышесказанный доносъ вахмистровъ Селиванова и Яковлева оказался ложнымъ и они отданы подъ судъ, то чтобы и надъ симъ священникомъ, вмѣшавшимся въ дѣло до него непринадлежащее, духовное правительство произвело судъ. Сообщая симъ вашему преосвященству волю Государя Императора, имѣю честь впрочемъ быть и пр. *всепокорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.* Въ Гатчинѣ. Сентября 21 дня 1797 года.

Въ Январѣ 1798 года, преосвященный Гавріилъ препроводилъ къ Трощинскому записку, которая подробно разъясняетъ дѣло. Вотъ содержаніе ея:

Во исполненіе именнаго Его Императорскаго Величества высочайшаго указа, объявленнаго въ письмѣ господина тайнаго совѣтника и кавалера Трощинскаго къ сѵнодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому и кавалеру, о произведеніи суда надъ священникомъ перваго Чу-

гуевскаго регулярнаго полку Насѣдкинымъ, приносившимъ жалобу на полковника князя Багратіона и другихъ того полку офицеровъ, дѣлающихъ будто бы ему разныя угнѣтенія, за принятіе и отправленіе имъ на почту, врученнаго ему отъ вахмистровъ Селиванова и Яковлева ложнаго къ Его Императорскому Величеству доноса, по предписанію Святѣйшаго Сѵнода къ преосвященному Меѳодію, епископу Воронежскому, оный судъ надъ тѣмъ Насѣдкинымъ въ тамошней консисторіи произведенъ. При чемъ онъ, Насѣдкинъ, въ допросѣ показалъ: что въ то время, какъ онъ съ означеннымъ полкомъ по Моздокской линіи шелъ чрезъ Донецкую станицу, показанные вахмистры въ одинъ день спросили у него, знаетъ ли онъ свою присягу? И когда на вопросъ ихъ онъ отозвался, что онъ знаетъ, тогда они, отдавая ему запечатанный пакетъ, сказали: Естьли присягу знаешь, то отнеси сей пакетъ на почту, чѣмъ-де окажешь вѣрность къ своему Государю, поелику тотъ пакетъ касается до казеннаго интереса, а имъ де самимъ отъ полку отлучиться нельзя; при чемъ угрожали ему, естьли онъ того пакета на почту не отдастъ, то представятъ Его Императорскому Величеству, чего онъ священникъ убоясь, пакетъ на почту и отправилъ.

Преосвященный Воронежскій, находя таковой поступокъ его, Насѣдкина, яко вмѣшавшагося въ дѣло совсѣмъ до него не принадлежащее, сдѣланнымъ въ противность законовъ, и что сверхъ того оказался онъ, по бытности въ томъ полку, въ пьянственныхъ и другихъ сану священническому противныхъ и соблазнительныхъ дѣлахъ, представилъ Святѣйшему Сѵноду свое мнѣніе, чтобъ, за всѣ оныя вины, лишить его, Насѣдкина, священства во вся и отослать на разсмотрѣніе въ свѣтское правительство.

Святѣйшій Сѵнодъ сіе мнѣніе относительно лишенія того Насѣдкина священства утвердилъ съ тою только отмѣною, чтобы въ разсужденіи старости его, Насѣдкина, и имѣющагося у него семейства, не отсылая его въ свѣтское правительство, опредѣлить къ отдаленнѣйшей отъ городовъ церкви въ должность причетника, а чтобъ и прочіе священноцерковнослужители отъ подобной сему дерзости всячески остерегались, то съ прописаніемъ обстоятельствъ изъ сего дѣла, предписано ему, епископу, распубликовать изъ консисторіи, чрезъ духовныя правленія по всей Воронежской епархіи.

XXXVI.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Его Императорское Величество, получивъ прошеніе бывшаго въ городѣ Трубчевскѣ протопопомъ Василія Иванова, о возвращеніи ему прежняго его мѣста, котораго онъ лишенъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ за доносъ учиненный имъ Сенату о присвоеніи въ Трубчевскомъ округѣ священниками трехъ казенныхъ мельницъ, или объ увольненіи его къ безмѣстному прожитію въ городъ Путивль, гдѣ надѣется онъ въ старости имѣть призрѣніе отъ родственниковъ своихъ, высочайше указать соизволилъ: препроводить оное на разсмотрѣніе къ вашему преосвященству, что̀ симъ и исполняю, имѣя честь и пр. *всепокорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій*. Въ Гатчинѣ. Сентября 30, 1797 года.

Святѣйшій Сѵнодъ вслѣдствіе этого письма предписалъ преосвященному Досиѳею, епископу Орловскому и Сѣвскому, слѣдующее. Такъ какъ Ивановъ „по собственному его прошенію уволенъ уже изъ села Князичь

отъ священнической должности съ опредѣленіемъ на пропитаніе его $^{1}/_{4}$ части доходовъ принадлежащихъ поступившему на мѣсто его въ то село Князичи священнику; почему и долженъ онъ, Ивановъ, достальную свою жизнь провождать въ покоѣ и тишинѣ при богоугодной христіанской добродѣтели, не требуя излишнихъ почестей; что жъ слѣдуетъ до исправленія ему священнослуженія, то оное можетъ онъ отправлять временно для собственной своей душевной пользы, въ соборной или другой какой церквѣ раннія литургіи съ діакономъ; если же иногда за болѣзнію своею не въ состояніи будетъ сего исполнить, то свободно можетъ онъ причаститься Св. Таинъ предъ престоломъ облачась въ ризы; а какъ онъ, Ивановъ, по безпокойному своему нраву, и нынѣ не признавая себя по дѣламъ, касавшимся до него и рѣшеннымъ уже, виновнымъ, и не дѣлая въ томъ должнаго признанія, усиливается оправдывать себя вновь добропорядочнымъ яко-бы поведеніемъ своимъ и другими прописанными въ его прошеніи обстоятельствами незаслуживающими вниманія, изъ чего и открывается закоснѣлость его въ упрямствѣ и неповиновеніи власти, противномъ даже самому христіанскому долгу и обязанности каждаго: то велѣть духовному его, Иванову, отцу, внуша ему объ ономъ, стараться расположить его къ принесенію по крайней мѣрѣ при теперешней глубокой старости его чистосердечнаго предъ Богомъ покаянія.“ Ивановъ умеръ 103 лѣтъ.

XXXVII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Его Императорское Величество, бывъ извѣщенъ, что ваше преосвященство соглашаетесь принять на содержаніе въ Суздальскій Спасо-Ефимьевскій монастырь повредившагося въ умѣ, отставнаго придворнаго мундшенка Михаила Андреева, изволилъ изъявить на то высочайшее благоволеніе, повелѣвъ мнѣ донести вашему преосвященству, что и пенсіонъ сему несчастному человѣку, при отставкѣ его отъ службы пожалованный, по триста рублей на годъ, будетъ доставляемъ въ помянутый монастырь, по сношенію съ вашимъ преосвященствомъ, государственнымъ казначеемъ. Имѣю честь впрочемъ быть и проч. *всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.* Въ С. П. Бургѣ. Марта 23-го, 1798 года.

12 Апрѣля 1798 года Святѣйшій Сѵнодъ представилъ Государю слѣдующаго содержанія всеподданнѣйшій рапортъ: „Во исполненіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго Сѵнода члену Гавріилу, митрополиту Новгородскому отъ тайнаго совѣтника Трощинскаго, уволенный отъ должности, повредившійся въ умѣ придворный мундшенкъ Михайла Андревъ, по силѣ опредѣленія Сѵнода, къ епископу Суздальскому съ нарочнымъ сего Апрѣля 23 дня отправленъ, для немедленной въ Спасоевфиміевъ монастырь отсылки, съ подтвержденіемъ архимандриту онаго монастыря о содержаніи его Андреева подъ приличнымъ соотвѣтственно несчастному его положенію присмотромъ; исходъ же ему, Андрееву, изъ монастыря имѣть неинако, развѣ по самой крайней по разсмотрѣнію настоятеля усматриваемой надобности, да и то также подъ присмотромъ; а всемилостивѣйше пожалованный ему, Андрееву, по триста рублей на годъ пенсіонъ, получая тому архимандриту изъ Владимірской казенной палаты, употреблять изъ онаго на пропитаніе его, Андреева, и на все прочее, что нуж-

но къ его содержанію, по своему разсмотрѣнію".

Въ 1803 году, 3 Февраля, по указу Правительствующаго Сената, послѣдовавшему во исполненіе имяннаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, на имя Владимірскаго гражданскаго губернатора Рунича, Андреевъ былъ уволенъ изъ монастыря и отправленъ въ С.-Петербургъ, а въ 1804 году онъ просилъ Св. Сѵнодъ о выдачѣ ему патента и свидѣтельства, которыя были препровождены въ Сѵнодъ при помѣщеніи его въ монастырь.

I. Письмо графа Ивана Андреевича Остермана.

(1796 г.)

XXXVIII.

Преосвященнѣйшій владыко милостивый государь и архипастырь!

Его Императорское Величество высочайшимъ своимъ указомъ отъ 21 сего мѣсяца повелѣть соизволилъ, чтобъ по случаю поновленія при Лондонской миссіи православныя Греко-Россійскія церкви, потребныя для служенія въ оной церковныя книги истребовалъ я изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода. Почему во исполненіе Монаршей воли покорнѣйше прошу ваше преосвященство, кому слѣдуетъ дать приказаніе объ отпускѣ помянутыхъ книгъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, подъ росписку секретаря ея г. надворнаго совѣтника Өедора Иванова. Поручая себя архипастырскимъ святымъ молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть и пр. *графъ Иванъ Остерманъ*. Декабря 24 дня 1796 года.

К. Письмо Григорія Григорьевича Кушелева.

(1796—1797 г.)

XXXIX.

Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, дабы Преображенскаго полку церковь была соборомъ всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ. Генералъ адъютантъ Кушелевъ. St.-Петербургъ. Ноября 12 дня 1796 году.

XL.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Государь Императоръ изволилъ апробовать послѣднюю молитву, которую и изволилъ указать напечатать церковными литерами въ восьмушку ровной мѣры, какъ Библія печатана, Московской печати, кою я привозилъ къ вашему высокопреосвященству, и по напечатаніи представить Государю. Впрочемъ со всегдашнимъ почтеніемъ пребываю, вашего высокопреосвященства, покорный по духу сынъ и слуга *Григорій Кушелевъ* (35). С.-Петербургъ. Генваря 21 дня 1797 г.

Преосвященный Гавріилъ, 18 Января 1797 года, докладывалъ Государю, по случаю предстоящаго коронованія „Чинъ коронованія", изъ котораго, между прочимъ, была выписана эктенья предъ „моленіемъ о

(35) Все письмо собственноручное. *Григорій Григорьевичъ Кушелевъ*, сначала служилъ въ Гатчинѣ, при в. кн. Павлѣ Петровичѣ и пользовался его особеннымъ благоволеніемъ. По восшествіи Государя на престолъ, получилъ чинъ ген.-маіора и Анненскую ленту; нѣсколько мѣсяцевъ спустя чинъ вице-адмирала; 24 Окт. 1798 г. пожалованъ адмираломъ и вице-президентомъ адмиральтействъ коллегіи, 22 Февр. 1799 возведенъ въ графское достоинство. Въ 1801 г. оставилъ службу, и скончался въ глубокой старости, въ 1833 году.

царствующемъ градѣ" и представлена Государю для утвержденія. Эктенія эта содержитъ 12 моленій, приличныхъ торжеству (см. чинъ, листъ 9). Послѣ 11 моленія, Государь, прочитывая ихъ, на поляхъ листа, собственноручно, карандашемъ, написалъ: „О еже благословитися вѣнчанію и супруги его, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны". Настоящая приписка и была поводомъ посылки вышеприведеннаго письма.

Л. Письма князя Алексѣя Борисовича Куракина.

(1797—1798 г.)

XLI.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Тобольскаго перваго баталіона унтеръ-офицера Александра Пылаева, что̀ прежде былъ священникомъ, Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ изъ списка военнаго исключить и опредѣлить по усмотрѣнію вашего высокопреосвященства къ церкви, съ жалованьемъ состоянію его приличнымъ, не поставляя его однакоже священникомъ. Сообщая вашему высокопреосвященству таковую высокомонаршую волю, впрочемъ съ истиннымъ моимъ почитаніемъ пребуду навсегда, вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря покорнѣйшій слуга *князь Алексѣй Куракинъ*. Москва. Марта 30 дня 1797 года ([36]).

XLII.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ дѣянія отставнаго бригадира Аѳанасья Иванова сына Игнатьева, женившагося при жизни первой на другой женѣ, изслѣдовать въ консисторіи подъ особеннымъ вашего высокопреосвященства надзираніемъ, для чего онъ, Игнатьевъ, привезенъ ко мнѣ и вслѣдствіе означеннаго высочайшаго Его Величества повелѣнія, къ вамъ, милостивый государь при семъ препровождается. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь вашего высокопреосвященства *покорнѣйшій слуга к. Алексѣй Куракинъ*. Мая 31 дня 1797 года.

Разъясненіе на это письмо мы находимъ въ отвѣтѣ преосвященнаго Гавріила къ князю Куракину, отъ 8 Іюня, того же 1797 года.

Оной бригадиръ, что̀ при первомъ свиданіи мнѣ сказалъ, то самое изобразилъ въ письменномъ объясненіи, съ котораго копію пріобщаю. Я изъ онаго полагаю слѣдующее заключеніе:

1) Евангеліе Мат. гл. 19 стр. 9 „иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ". То онаго Игнатьева, яко вѣнчавшагося отъ первой жены на другой, дочери генералъ-лейтенанта Нилуса, съ оною развести, и подвергнуть семилѣтней епитеміи, подъ наблюденіемъ духовника, чтобъ ему на всякое церковное пѣніе приходить, полагать поклоны съ признаніемъ своего преступленія предъ Богомъ; и во вся посты исповѣдываться, не пріобщаясь Св. Таинъ, кромѣ смертнаго случая. Но когда усмотрѣны будутъ плоды покаянія, то епархіальный архіерей время запрещенія можетъ сократить.

2) Второй его женѣ, дочери генералъ-лейтенанта Нилуса, яко неповинному лицу, дать свободу вытти за другаго.

3) Какъ оный бригадиръ изъясняетъ, что причиною его разлуки есть

([36]) На письмѣ помѣта: «получено 1797 Апрѣля 21 дня».

виновата первая его жена, то, поелику она живетъ въ Москвѣ, поручить преосвященному митрополиту Московскому увѣщевать оную и соглашать чрезъ посредство духовника и сродниковъ, дабы она законное сожитіе съ нимъ имѣла.

4) Когда она не будетъ соглашаться, бригадиръ же Игнатьевъ уличитъ ее законнымъ порядкомъ, то оную приводить силою законовъ къ сожитію.

5) Если не докажетъ, то дать ей свободу вытти за другаго, а ему остаться по смерть безбрачнымъ.

6) Дѣтей же, какъ онъ воспитаніе ихъ принялъ на себя, оставить при немъ.

7. Чтожъ надлежитъ до священника Ильинской церкви, чтó на Подолѣ, вѣнчавшаго оный бракъ, безъ указа консисторіи, поелику генералъ-лейтенанта Нилуса дочь другаго закона, безъ обыску, безъ поручителей, не своего прихода, Сѵнодъ предпишетъ Кіевскому митрополиту строго его въ страхъ другимъ судить.

XLIII.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Изъ препровожденнаго при семъ въ копіи имяннаго высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго мнѣ въ 4 день сего Іюля, ваше высокопреосвященство изволите усмотрѣть, какимъ образомъ Государь Императоръ, утверждая во всемъ мнѣніе ваше о дѣяніи отставнаго бригадира Игнатьева, женившагося при жизни первой на другой женѣ, высочайше повелѣлъ привесть оное въ надлежащее исполненіе; по сему и благоволите, милостивый государь, съ кѣмъ слѣдуетъ учинить по этому надлежащее сношеніе. Впрочемъ имѣю честь быть и пр. *покорнѣйшій слуга к. Алексѣй Куракинъ.* Іюля 8 дня 1797 года.

XLIV.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сдѣлать отношенія къ гражданскимъ губернаторамъ губерній, въ пріобрѣтенномъ отъ Польши краѣ учрежденныхъ, дабы они разборъ священноцерковно - служительскихъ дѣтей производили неиначе какъ по согласію и распоряженію Правительствующаго Сѵнода, и предоставляя въ особенности вашему высокопреосвященству, дабы случай сей не могъ послужить отвлеченіемъ духовенства отъ уніи недавно къ благочестію обратившагося, сдѣлать какое вы найдете лутчимъ и удобнѣйшимъ по знанію обстоятельства сего соображеніе и положеніе. Увѣдомляя васъ, милостивый государь, о семъ высокомонаршемъ соизволеніи, и нынѣ же сообщивъ оное къ должному исполненію и помянутымъ гражданскимъ губернаторамъ, въ протчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ есмь, вашего высокопреосвященства, милостиваго государя *покорнѣйшій слуга кн. Алексѣй Куракинъ.* Петергофъ. Іюля 21 дня 1797 года.

XLV.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Его Императорское Величество, воздавая награду усердному и ревностному исправленію священническаго сана господъ протоіереевъ Озерецковскаго и Сигаревича, всемилостивѣйше пожаловать ихъ соизволилъ кавалерами ордена имянованія святыя Анны 2-й степени, котораго знаки при рескриптахъ Го-

сударя Императора для доставленія имъ честь имѣю препроводить къ вашему высокопреосвященству, и прося вашего святительскаго благословенія съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію навсегда пребуду, и пр. *покорнѣйшій слуга кн. Алексѣй Куракинъ.* Іюля 25 дня 1797 года.

XLVI.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь мой! Государь Императоръ, на просьбы двухъ привезенныхъ іеромонахомъ Макаріемъ съ Алеутской гряды островитянъ, высочайше повелѣть соизволилъ: отписать управляющему Иркутскою губерніею, генералу отъ инфантеріи Трейдену, чтобъ онъ, буде тѣ островитяне дѣйствительно отъ промышленниковъ притѣсняются, сдѣлалъ о пресѣченіи таковыхъ имъ обидъ строжайшія чрезъ кого слѣдуетъ предписанія, не стѣсняя однакожъ и Русскихъ въ промыслахъ упражняющихся, для чего просьбы тѣ препроводить къ нему, господину Трейдену, что̀ я и исполнилъ; іеромонаха же Макарія, обратя съ Алеутами къ отправленію прежняго его званія, дать ему чрезъ ваше высокопреосвященство замѣтить, что непозволенная самовольная его съ острововъ отлучка отъ порученной ему должности, конечно бъ навлекла ему непріятное послѣдствіе, но снисходя нѣкоторымъ образомъ къ просьбамъ Алеутъ, нуждающихся въ просвѣщеніи ихъ христіанскою вѣрою, всемилостивѣйше оставляется сей его поступокъ безъ должнаго взысканія, въ полномъ при томъ удостовѣреніи, что ваше высокопреосвященство не оставите какъ ему, такъ и протчимъ монашествующимъ подтвердить, чтобъ они впредь отъ подобныхъ сему неприличныхъ ихъ сану поступковъ удалялись. О чемъ вашему высокопреосвященству сообщая, имѣю честь быть и пр. милостиваго государя моего *покорнѣйшій слуга кн. Алексѣй Куракинъ.* Августа 8 дня 1798 года.

M. Письма Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго. (1798 г.).

XLVII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь. Его Императорское Величество, по влагаемому у сего прошенію, поданному отъ пономаря Игнатія Григорьева, Замоскворѣцкаго сóрока Воскресенской церкви, что̀ за Даніиловымъ монастыремъ, жалующагося на Московскую Духовную Консисторію въ отсылкѣ его неправильно на мѣсяцъ въ черную работу, и наконецъ въ противность Святѣйшаго Сѵнода указа въ военную службу, за выломку якобы имъ изъ подъ стѣнъ церковныхъ бѣлаго камня и прочаго, высочайше указать мнѣ соизволилъ отнестись къ вашему преосвященству: извѣстно ли въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ помянутое дѣло и проситель по оному обвиненъ или оправданъ? А до полученія на сіе отзыва вашего преосвященства здѣшнему оберъ-полицмейстеру повелѣно, отыскавъ сего просителя, содержать подъ присмотромъ. Вслѣдствіе вышеизображенной высочайшей воли, всепокорнѣйше испрашивая отъ вашего преосвященства увѣдомленія съ возвращеніемъ ко мнѣ влагаемаго

здѣсь прошенія, честь имѣю пребыть и пр. *покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.* Въ С.-Петербургѣ. Генваря 26 дня 1798 года.

XLVIII.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! По полученному отъ вашего преосвященства увѣдомленію о пономарѣ Замоскворѣцкаго сорока, Воскресенской церкви, что за Даніиловымъ монастыремъ, Игнатіѣ Григорьевѣ, имѣлъ я счастіе докладывать Его Императорскому Величеству; на что воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, онаго Григорьева опредѣлить въ военную службу въ солдаты. Вслѣдствіе того объ отправленіи его Григорьева куда слѣдуетъ правящему должность здѣшняго оберъ-полицмейстера отъ меня сообщено. О чемъ донося вашему преосвященству, честь имѣю пребыть и пр. *покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.* Въ С.-П.-Бургѣ. Февраля 9 дня 1798 года.

Н. Письмо свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина. (1798 г.)

XLIX.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь и архипастырь мой! Княгиня Елена Павловна, жена князя Петра Ивановича Гагарина, приносила Его Императорскому Величеству жалобу, что Московская Консисторія опредѣлила развесть ее съ мужемъ безъ всякаго другаго къ тому основанія кромѣ высочайше даннаго повелѣнія о удовлетвореніи за прожитое мужемъ ея имѣніе. Внявъ сей жалобѣ, Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ вашему высокопреосвященству разсмотрѣть дѣло сіе, и естьли никакихъ важныхъ и законами утверждаемыхъ причинъ къ разводу не откроется, то, возвративъ его въ предѣлы правилами святыхъ отецъ постановленныя, учинить по тому надлежащее съ вашей стороны распоряженіе. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и пр. покорнѣйшій слуга *Петръ Лопухинъ.* Декабря 4 дня 1798 года.

Вслѣдствіе вышеозначеннаго письма, преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ, было дано предложеніе Св. Сѵноду, содержаніе котораго слѣдующее:

Святѣйшему Правительствующему Сѵноду, отъ Гавріила митрополита Новгородскаго, предложеніе. Минувшаго 1798 года Декабря 4 дня получилъ я письмо отъ его высокопревосходительства, господина генералъ-прокурора и кавалера Петра Васильевича Лопухина, въ которомъ онъ прописываетъ жалобу княгини Елены Павловны жены князя Петра Ивановича Гагарина, принесенную Его Императорскому Величеству, и что Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ разсмотрѣть дѣло сіе и естьли никакихъ важныхъ и законами утверждаемыхъ причинъ къ сему разводу не откроется, то возвративъ его въ предѣлы правилами святыхъ отецъ постановленныя, учинить по тому надлежащее распоряженіе. Я, разсматривая дѣло о семъ Московской Консисторіи и Святѣйшаго Сѵнода, никакихъ причинъ, служащихъ къ разводу не видалъ и не нашелъ другаго способа открыть ихъ и привесть въ ясность, какъ формальнымъ судомъ. Не узнавъ сего, неможно никакого правильнаго заключенія сдѣлать, о чемъ я относился къ его высокопре-

восходительству письмомъ. А какъ сіе дѣло началось въ Московской Консисторіи, то должностію почитаю Святѣйшему Правительствующему Сvноду предложить: не благоволитъ ли, разсмотрѣвъ мое мнѣніе, сдѣлать предписаніе преосвященному митрополиту Московскому. Письмо господина генералъ-прокурора съ симъ препровождаю. Гавріилъ митрополитъ Новгородскій. Генваря 6 дня 1799 г.

Дѣло передано было на разсмотрѣніе въ Консисторію, но прежде чѣмъ его разсматривалъ преосвященный Гавріилъ, оно поручено было Государемъ разсмотрѣть Трощинскому и Полетикѣ, которые представили Императору особое свое мнѣніе: княгиня Гагарина, ур. Кондоиди, получала отъ мужа своего коллежск. сов. князя Петра Ивановича обратно свое приданое, но онъ болѣе не имѣлъ обязанности давать ей денегъ на содержаніе. Они жили врозь уже болѣе 20 лѣтъ, и графы Панины тщетно пытались ихъ примирить.

О. Письмо Д.... ....? Неплюева. (1798 г.)

L.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь. Присланнымъ на всемилостивѣйшее имя прошеніемъ Якутской Богорожественской церкви протоіерей Григорій Слѣпцовъ представляетъ, что онъ, по возложенной на него Якутскимъ духовнымъ правленіемъ должности благочиннаго, проѣзжалъ до Нижне-Ковыльской крѣпости и по край Ледовитаго моря, селеніями разныхъ народовъ; и естли бы послѣдовало высочайшее дозволеніе донесъ бы онъ Государю Императору лично о томъ, что́ имъ за нужное признано; но обремененъ будучи великимъ семействомъ и не получая жалованья, не имѣетъ чѣмъ пріѣхать въ Санктпетербургъ. Государь Императоръ по выслушаніи сего прошенія высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить оное къ вашему высокопреосвященству для истребованія отъ просителя свѣдѣнія и разсмотрѣнія, о чемъ онъ имѣетъ донести Его Императорскому Величеству. Сообщая вашему высокопреосвященству монаршее повелѣніе сіе и препровождая помянутое прошеніе, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего высокопреосвященства *покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Д. Неплюевъ.* Декабря 8 дня 1798 года.

БАРОНЪ КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

Письма къ нему Великаго Князя Михаила Павловича, гр. Аракчеева, гр. Кутайсова, бар. Меллера-Закомельскаго и Грейга.

1803—1829 г.

Представляя здѣсь нѣсколько не безъинтересныхъ писемъ къ барону Левенштерну, обязательно сообщенныхъ мнѣ его превосходительствомъ В. В. Корвинъ-Круковскимъ изъ его семейнаго архива,—я считаю необходимымъ предпослать этимъ документамъ нѣсколько словъ о покойномъ баронѣ Левенштернѣ.

Этотъ боевой артиллерійскій генералъ, дѣятельный участникъ великихъ

войнъ Россіи съ Франціей и Турціей за время съ 1805 по 1829 годъ, былъ по происхожденію Нѣмецъ, выходецъ изъ Виртемберга. Родившись въ Штутгардтѣ, въ 1773 году, Левенштернъ получилъ воспитаніе въ Петербургѣ, въ артиллерійско-инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (*), откуда и поступилъ, въ 1788 году первоначально въ морскую службу, а потомъ, за неспособностью служить на морѣ, въ 1789 году перешелъ въ армію—поручикомъ. Здѣсь онъ съ самаго начала сталъ служить по артиллерійской части и весьма быстро заявилъ себя какъ артиллеристъ находчивый, вполнѣ знающій свое дѣло и безстрашный на полѣ сраженій. Дѣла представлялось молодому артиллеристу много: Россія втягивалась въ рядъ кровопролитнѣйшихъ войнъ, и случаевъ для отличій людямъ, горячо преданнымъ военному дѣлу и искуснымъ въ немъ, было тогда не мало. Такимъ образомъ мы видимъ барона Левенштерна въ разныхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ Русско-Шведской кампаніи 1788—1789 годовъ; затѣмъ, въ чинѣ уже генерала, командиромъ нѣсколькихъ артиллерійскихъ бригадъ въ кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ съ Французами въ 1806—1807 годахъ (Прейсишъ-Эйлау, Фридландъ и мног. друг.).

Въ отечественную войну баронъ Левенштернъ занимаетъ весьма важный постъ въ дѣйствующей арміи, а именно: съ самаго начала этой колоссальной борьбы, онъ назначенъ былъ начальникомъ всей артиллеріи 2-й западной арміи (съ 12 Іюня 1812 г.), а когда отступающія арміи соединились подъ Смоленскомъ, то онъ занялъ постъ начальника артиллеріи обѣихъ армій, (съ 7 Сентября 1812 г.) Извѣстна та славная роль, какую играла наша артиллерія во всей, какъ этой, такъ и послѣдующихъ кампаніяхъ (1813—1814) Быстрота и искусство дѣйствій нашей артиллеріи многократно либо спасали насъ и союзниковъ нашихъ отъ пораженій, либо давали намъ полнѣйшую побѣду. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ относительно весьма хорошаго состоянія, въ которомъ находилась въ ту эпоху Русская артиллерія, былъ безспорно баронъ Левенштернъ—артиллеристъ по призванію, страстно любившій свое дѣло, распорядительный, точный и находчивый въ самыя критическія минуты.

Въ сраженіи подъ Бородинымъ, 24 и 26 Августа, 1812 г. Левенштернъ особенно проявилъ свое безстрашіе и распорядительность. По свидѣтельству оригинальнаго документа, а именно Высочайшей грамоты на пожалованный ему за отличіе въ этомъ сраженіи орденъ Георгія третьей степени, баронъ Левенштернъ: „командуя всею артиллеріею 2-й арміи—24 Августа въ тотъ самый моментъ, когда усилившійся противъ нашихъ батарей непріятель заставилъ нѣкоторыя изъ нихъ, стоявшія на лѣвомъ флангѣ, оставить свое мѣсто, Левенштернъ, прибывъ во время на то мѣсто, взялъ изъ 27-й пѣхотной дивизіи бригаду, прогналъ непріятеля штыкомъ и тѣмъ самымъ возвратилъ дѣйствіе нашей артиллеріи; 26-го же Августа, начальствуя также всѣми батареями лѣваго фланга, Левенштернъ устроивалъ ихъ движеніе и дѣйствіе на гибель непріятеля съ отличнымъ мужествомъ". Это послѣднее качество онъ проявилъ и во всѣхъ безпрерывныхъ сраженіяхъ этой кампаніи, такъ что въ концѣ ея, въ дни окончательнаго изгнанія Французовъ изъ Россіи (въ Декабрѣ 1812 г.) князь Кутузовъ-Смоленскій счелъ своимъ долгомъ отдать по всей арміи благодарность начальнику артиллеріи барону Левенштерну.

Въ кампаніи 1813 года генералъ этотъ командуетъ всей артиллеріей въ дѣйствующей арміи графа Витгенштейна; въ кампаніи слѣдующаго года—стоитъ во главѣ артиллеріи въ корпусѣ гене-

(*) «По нѣмецки и по французски и артиллерійскую науку знаетъ»,—такъ отмѣчено въ формулярѣ Левенштерна о степени его образованія.

рала Сакена, и всѣ главнѣйшія сраженія, въ эти два послѣдніе года, не обходятся безъ личнаго участія въ нихъ Левенштерна. Особенно „отличная храбрость и мужество оказаны имъ въ сраженіяхъ противу Французскихъ войскъ 2, 4 и 6 Октября 1813 года, бывшихъ при городѣ Лейпцигѣ", въ этихъ битвахъ, „когда непріятель подъ деревнею Либеръ-Волковецъ, выстроя превосходное число батарей, открылъ жестокій огонь, баронъ Левенштернъ благоразумнымъ распоряженіемъ и съ присутствіемъ духа, сосредоточивая наши батареи, искуснымъ дѣйствіемъ изъ оныхъ, заставлялъ молчать непріятеля и отражалъ пѣхотныя и кавалерійскія колонны его съ большою потерею; при занятіи же Лейпцига, не взирая на всѣ опасности, первый взошелъ съ нѣсколькими орудіями въ городъ (*)"....

Славный ветеранъ 1812—1814-хъ годовъ, баронъ Левенштернъ, въ чинѣ уже полнаго генерала (отъ артиллеріи), отлично дѣйствуетъ съ ввѣренною его командѣ артиллеріею въ Турецкой войнѣ 1829 г., въ особенности при осадѣ Силистріи и въ знаменитомъ пораженіи верховнаго визиря при деревнѣ Кулевчи.

Баронъ Левенштернъ скончался, если не ошибаюсь, въ началѣ 1840-хъ годовъ, состоя съ 1832 года членомъ Военнаго Совѣта и будучи кавалеромъ орденовъ: Александра Невскаго, Георгія 3 степ., Владиміра 1-й степени, Анны 1-й степени и нѣкоторыхъ орденовъ иностранныхъ.

Печатаемыя здѣсь письма къ нему разныхъ лицъ за время съ 1803 по 1829 годъ имѣютъ частью служебный, частью дружескій характеръ. Всѣ они не особенно важнаго содержанія, но такъ какъ въ нихъ есть нѣсколько чертъ для характеристики какъ лицъ писавшихъ эти письма, такъ и служебныхъ въ ту эпоху требованій, то мы и нашли эти документы не безъинтересными для печати (*).

Михаилъ Семевскій.

7 Іюля 1869 г. Село Ѳедорцево.

(*) Высочайшая грамота на пожалованіе барону Левенштерну ордена св. Анны 1-й степени.

(*) При печатаніи этихъ писемъ мы ставимъ въ кавычкахъ слова написанныя собственноручно писавшими лицами.

I. Великаго Князя Михаила Павловича.

1.

Баронъ Карлъ Федоровичъ!

Извѣстенъ будучи, что 18-й артиллерійской бригады поручикъ Г* разными путями ищетъ случая быть переведеннымъ въ Гвардію, тогда какъ онъ, по неодобрительному своему служенію, выписанъ изъ Учебной Артиллерійской бригады, а потому Я покорно прошу ваше превосходительство приказать, имѣть за нимъ особенной присмотръ, чтобы онъ болѣе старался усовершенствовать себя по службѣ и не осмѣливался впредь утруждать никого изъ постороннихъ особъ о переводѣ въ Гвардію, чего онъ нисколько не заслуживаетъ.

Пребывая на всегда съ отличнымъ къ вамъ уваженіемъ, „истинно доброжелательный Михаилъ".

№ 8. Въ С.-Петербургѣ 23 Марта 1822-го г.

2.

Баронъ Карлъ Федоровичъ!

Отданнымъ сего числа по Артиллеріи приказомъ, Мнѣ весьма пріятно было изъявить вашему превосходительству Мою совершенную признательность за то удовольствіе, каковое вы доставили Мнѣ присылкою изъ ввѣренной вамъ Артиллеріи для Гвардіи отличныхъ людей; а вмѣстѣ съ тѣмъ почелъ за нужное васъ увѣдомить, что, по замѣчанію Моему, люди 17-й Артиллерійской бригады передъ другими лучше выправлены; но вообще у всѣхъ нахожу Я, что колѣна втянутыми, и чрезъ то корпусъ наклон-

ность свою имѣетъ болѣе назадъ, но должны въ колѣнахъ стоять вольнѣе, дабы корпусомъ своимъ болѣе бы были наклонны и подавались въ передъ, „при томъ желательно, чтобы люди болѣе имѣли и развязки въ выправкѣ.

Пребываю къ вамъ навсегда съ отличнымъ уваженіемъ, искренно доброжелательный Михаилъ".

№ 12-й. Въ С.-Петербургѣ 7-го Марта 1824-го г.

3.

Баронъ Карлъ Федоровичъ!

При осмотрѣ Моемъ приведенныхъ людей изъ 2-й Арміи на укомплектованіе Гвардейской Артиллеріи, нашелъ Я ихъ столь отличными во всѣхъ отношеніяхъ, что изъ нихъ 18-ть человѣкъ помѣстилъ въ роту имени Моего, слѣдовательно послѣ сего можете судить, сколь Я ими былъ доволенъ; одно, что̀ могъ замѣтить, люди нѣсколько переваливаются назадъ, а при маршировкѣ замѣтна нѣкоторая принужденность и въ сгибѣ колѣнъ нѣтъ должной свободности. Я увѣренъ, что ваше превосходительство, видѣвъ въ Петербургѣ, что̀ Я требую въ выправкѣ и обмундированіи, конечно не оставите распространить сіи правила по ввѣренной вамъ Артиллеріи.

Будучи совершенно доволенъ присылкою столь отличнѣйшихъ людей, Мнѣ весьма пріятно сверхъ объявленія Мною по Артиллеріи приказомъ, изъявить вашему превосходительству еще особенно искреннѣйшую и совершеннѣйшую Мою признательность, видѣвъ съ какою внимательностію и точностію вы и господа начальники Артиллерійскихъ дивизій, командиры бригадъ и ротъ, исполнили Монаршую волю, о чемъ и прошу васъ всѣмъ имъ объявить.

Пребывая на всегда съ отличнымъ къ вамъ уваженіемъ, „искренно доброжелательный Михаилъ".

Въ лагерѣ при Красномъ Селѣ 8-го Іюля 1825-го г.

II. Письма гр. Аракчеева.

1.

„Милостивый государь!
Карла Федоровичъ!

Получа ваше письмо, отъ 7-го Июля, мнѣ очень прискорбно, что оное росписаніе зделало вамъ такое сумненіе; но прошу васъ, милостивый государь, яко вашъ начальникъ о семъ не огорчатся, ибо не только я, но и Государь Императоръ васъ знаетъ схорошей стороны какъ исправнаго и знавшаго штабъ-офицера, но Его Высочайшая была воля васъ оставить, въ старомъ местѣ, потому что вы будучи старшей полковникъ скоро взойдетѣ въ генералы, о чемъ я и буду имѣть тогда удовольствіе васъ поздравить, пребывая на всегда съ моимъ почтеніемъ, вашъ милостивый государь покорный слуга графъ Аракчеевъ".

15 Іюля 1803 г. Г. полковнику Левенштерну.

Примѣч. Все это письмо собственноручное гр. Аракчеева и приведено буквально. Росписаніе, о которомъ здѣсь упоминается—вѣроятно заключается въ составленіи полковъ изъ баталъоновъ, послѣдовавшемъ 23 Іюня 1803 г., причемъ Левенштернъ оставленъ съ командуемой имъ ротою во 2-мъ артиллерійскомъ полку, генерала Рѣзваго, гдѣ находился съ 1800 года. Въ Ноябрѣ 1804 г. Левенштернъ переведенъ въ 1-й арт. полкъ. *М. С.*

2.

Милостивый государь мой Карлъ Федоровичъ!

При письмѣ вашемъ отъ 1-го сего Генваря модель вѣтренной мельницы я имѣлъ удовольствіе получить. Приношу вашему превосходительству мою благодарность за стараніе ваше и доброе расположеніе ко мнѣ; оная модель чрезвычайно хороша и она украситъ мой грузинской арсеналъ, гдѣ вы ее и изволите увидѣть, когда случится вамъ мой Грузинской монастырь посѣтить. Касательно же постройки оной мельницы, то по огромности ея безъ мастера и думать объ ономъ невозможно; а при томъ я ду-

лаю и постройка ея должна быть очень дорога, а въ нашихъ Волховскихъ мѣстахъ и хлѣба на обмолъ ея будетъ недостаточно. Поздравляя взаимно съ наступившимъ съ новымъ годомъ, желаю препроводить вамъ оной въ добромъ здоровьѣ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнымъ слугой графъ Аракчеевъ.

Я чрезмерно чувствую ваше мнѣ одолженіе; и всегда останусь вашему превосходительству благодаренъ".

С.-Петербургъ 21 Генваря 1817-го Его превосходительству К. Ф. Левенштерну.

3.

Милостивый государь мой баронъ Карлъ Федоровичъ!

Принимая особенное участіе въ положеніи 19-й артиллерійской бригады полковника Ильина, сына покойнаго артиллеріи генералъ-маіора Ильина, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, по поданному имъ на Высочайшее имя прошенію, испросить увольненіе нынѣ же отъ службы, дабы онъ могъ имѣть возможность устроить дѣла своей матери, находящіяся теперь въ разстроенномъ положеніи. Исполненіемъ сего обяжете чувствительно имѣющаго быть къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ милостиваго государя моего „покорный слуга графъ Аракчеевъ".

С.-Петербургъ 14 Марта 1823 г. Нужное.

III. Письмо гр. Кутайсова.

Это тотъ самый храбрый артиллерійскій генералъ Куйтасовъ, который убитъ въ Бородинской битвѣ и смерть котораго имѣла вліяніе на исходъ сраженія. Письмо писано около начала кампаніи 1812 года.

„Милостивый государь
Карлъ Федоровичъ!

Павелъ Михайловичъ вашему превосходительству засвидѣтельствуетъ, съ какимъ удовольствіемъ я пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи; хотя обстоятельства разлучаютъ насъ долгое время, но чувства мои непремѣнны, и мнѣ весьма пріятно было слышать, что и вы не перемѣняете вашего ко мнѣ расположенія. Находясь теперь въ первой арміи, я надѣялся съ вами увидѣться, но кажется мы будемъ раздѣлены. Бравъ большое участіе въ Фадѣевѣ, я былъ чрезвычайно радъ, увѣдомясь, что ваше превосходительство столь милостиво къ нему расположены, и благодарность его къ вамъ непомѣрна, такъ что, признаюсь вамъ, я возымѣлъ нѣкоторую зависть, ибо самъ люблю его душевно, а естли позволите говорить откровенно, то скажу вамъ, что, естлибы при производствѣ его въ капитаны онъ долженъ былъ (при) васъ оставаться, то я бы употребилъ всѣ средства заманить его къ себѣ, а особливо въ теперешнемъ случаѣ, когда имѣю необходимую нужду въ старшемъ адъютантѣ, для управленія канцеляріей. Его собственныя достоинства и ваше къ нему расположеніе были бы причины, которыя бы меня побуждали доставлять ему всевозможныя выгоды по службѣ, но я и не могу подумать, чтобъ вы съ нимъ растались; а я самъ не смѣлъ ему о семъ и заикнуться; но мнѣ кажется, что все сіе можете разрѣшить ваше превосходительство, и въ семъ случаѣ откровенность ваша будетъ для меня новымъ доказательствомъ вашей пріязни; касательно же меня я покорнѣйше прошу ваше превосходительство не усумниться въ истинномъ почтеніи и совершеной преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашимъ усерднѣйшимъ слугою Г. А. Кутайсовъ.

P. S. По новому положенію адъютанты старшіе получаютъ предъ открытіемъ кампаніи половинное жалованье серебромъ и другія выгоды."

IV. Письмо барона Меллера-Закомельскаго.

„Милостивой государь мой! Карла Федоровичь!

Желаю душевно, чтобы сіи строки васъ нашли и здоровыхъ и уже довольныхъ въ вашихъ упѣхахъ — скажу вамь точно вѣрно Государь Императоръ изволить Марть месецъ быть въ варшаве а апрѣль у вась; стало уже хорошея вѣсна и вы во всемъ успеите заслужить Ево особенное благозоизволеніе ибо онъ очень хорошо знаитъ вкаковомъ дурномъ видѣ вы всѣ приняли и что вамъ трудовъ стоила поправить запущенныя роты. Требуйте къ непременному исполненію чтобы всѣ Господа мѣлкія офицеры каждый занимался своими частями (а не темъ что ротной командиръ и фелдфебель). Государь сего послѣдняго силно не жалуеть, а потому Господъ Прапорщиковъ самь про ихъ части экзаминуеть. Это здесь и вармейскихъ полкахъ пѣхоты и кавалеріи завѣдно — за симь желаю вамь щастѣй, всего успѣха пребывая съ истеннейшимъ почитаніемъ и преданности вашего превосходительства покорнейшій слуга Баронъ Мелеръ-Закомельскій. Москва 20 Генваря.“

Примѣч. Письмо писано, какъ кажется, въ первыхъ годахъ царствованія Александра Павловича. Меллеръ-Закомельскій—извѣстный боевой генералъ въ эпоху отечественной войны.

V. Письмо А. Грейга.

„Милостивый и почтеннѣйшій государь Карлъ Федоровичь!

Никакія слова не могуть выразить досаду и стыдъ, которыя я почувствовалъ, когда я вспомнилъ, что въ тотъ щастливый день, на которомъ ваше высокопревосходительство изволили удостоить меня своимъ присутствіемъ на кораблѣ Парижѣ, я упустилъ вознести ваше драгоцѣнное здравіе! Важное мѣсто вами занимаемое, блистательные подвиги артилеріи подъ главнымъ распоряженіемъ вашимъ чинимые, удачное дѣйствіе коихъ было наипервѣйшею причиною нашихъ побѣдъ, личныя достоинства ваши, однимъ словомъ — все поставляетъ васъ въ числѣ первѣйшихъ особъ, заслуживающихъ всеобщаго почитанія и признательности. И по сему я увѣренъ, что всѣ гости мои замѣтили съ удивленіемъ и неудовольствіемъ непростительное сіе упущеніе; но когда къ сему еще присовокуплю личное мое къ вамъ искреннѣйшее почтеніе и давное наше знакомство, то я еще менѣе могу вообразить, какимъ образомъ я сдѣлать могъ столь грубую и глупую ошибку. Сдѣланная не только безъ всякаго умысла, но еще въ совершенную противность — моему преднамѣренію.

Я знаю, что для васъ, милостивый государь! сіе есть произшествіе ничтожное, и не заслуживающее вашего вниманія; но я предъ вами кругомъ виноватъ и покорнѣйше прошу вашего прощенія. Я виноватъ противъ почтенныхъ гостей моихъ и, буде вы почтете меня достойнымъ вашего, то не откажите изходатаиствовать для меня и ихняго извиненія—чѣмъ крайно и вѣчно обяжете пребывающаго съ отличнымъ почтеніемъ и неограниченною преданностію вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою А. Грейгъ.“ К. Парижъ, 13 Іюня 1829 г.

Письмо Императора Александра Павловича къ гр. Алексѣю Андрѣевичу Аракчееву.

(1809 г.)

Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андрѣевичъ, что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто вами занимаемое? Говорить обинякам было бы здѣсь не у мѣста. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія.—Если до сихъ поръ вы

были полѣзны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта, почему сія полѣзность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно.

Всѣ, читавшіе новое устройство Совѣта, нашли его полѣзнымъ для блага Имперіи; вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердившіе мнѣ столь часто, что кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служитъ побужденіемъ, вы, не взирая на оное, одни, забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить исправляемую вами часть, въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколь вы нужны оной, сколь невозможно будетъ васъ замѣнить. Вопросите искренно самаго себя: какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? И если вы будитѣ справедливы на свой щетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

Но позвольтѣ мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами, какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе, полѣзное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно весьма дурное для васъ.—Устройство Совѣта будетъ напечатано; всякой судить будетъ, что не отъ чего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма не выгодны на вашъ щетъ.

Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходитѣ и, предпочитая личное честолюбіе, мнимо тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи.

Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то, по крайней мѣрѣ, я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего, вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго требуетъ.—При первомъ свиданіи нашемъ, вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчѣева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо смѣлъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра.

Примѣчаніе. Письмо это должно относиться къ концу 1809-го года, когда составлено было Сперанскимъ учрежденіе Государственнаго Совѣта, открытаго 1 Января 1810 г. и въ которомъ гр. Аракчеевъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, предполагался къ назначенію и былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента военныхъ дѣлъ. Мы печатаемъ этотъ документъ буквально съ копіи того времени, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго генерала отъ артиллеріи барона Карла Ѳедоровича Левенштерна, обязательно сообщенныхъ намъ его превосходительствомъ В. В. Корвинъ-Круковскимъ.

М. Семевскій.

7 Іюля 1869 г.

Читатель сличитъ это письмо съ напечатаннымъ у насъ выше (стр. 609) письмомъ къ канцлеру графу Румянцеву. О поводахъ къ рѣзкой выходкѣ графа Аракчеева, передаетъ въ запискахъ своихъ Д. Б. Мертваго (Р. Архивъ 1867). „Во время отсутствія государя (въ Тверь и Москву), обработалось его распоряженіе о образованіи Совѣта, гдѣ, раздѣляя дѣла на четыре части, назначались предсѣдательствующіе въ каждомъ департаментѣ, и предположено открыть первое засѣданіе Совѣта 1-го Генваря. Аракчеевъ возвратился послѣ прибытія Государя, взбѣсился, извѣстясь о сей перемѣнѣ. Ему подумалось, что предсѣдательствующіе будутъ командирами тѣхъ министровъ, дѣла коихъ подлежатъ разсмотрѣнію департаментовъ. Сказываютъ много было размолвки, и кончилось тѣмъ, что Аракчеевъ захотѣлъ быть и назначенъ предсѣдательствующимъ перваго департамента. Послѣ сего явилось толкованіе, съ какими дѣлами ходить министрамъ прямо къ Государю и съ какими чрезъ Совѣтъ. По оному открылось, что министры остались въ прежней силѣ, а Аракчеевъ почти безъ дѣла и безъ власти“. Надо прибавить, что тогда только что кончилась война съ Швеціею, успѣхами которой Россія была много обязана трудамъ гр. Аракчеева. *П. Б.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ У П. А. ПЛЕТНЕВА.

Въ началѣ 1837-го года я, будучи третьекурснымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета (по филологическому факультету) получилъ отъ профессора русской словесности, Петра Александровича Плетнева, приглашеніе на литературный вечеръ. Незадолго передъ тѣмъ я представилъ на его разсмотрѣніе одинъ изъ первыхъ плодовъ моей Музы—какъ говаривалось въ старину—фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ: „Стеніо“. Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій, Петръ Александровичъ, не называя меня по имени, разобралъ, съ обычнымъ своимъ благодушіемъ, это совершенно-нелѣпое произведеніе, въ которомъ съ дѣтскою неумѣлостью выражалось рабское подражаніе Байроновскому Манфреду. Выходя изъ зданія университета и увидавъ меня на улицѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и отечески пожурилъ меня, при чемъ однако замѣтилъ, что во мнѣ „что-то есть“. Эти три слова возбудили во мнѣ смѣлость отнести къ нему нѣсколько стихотвореній; онъ выбралъ изъ нихъ два, а годъ спустя напечаталъ ихъ въ „Современникѣ“, который унаслѣдовалъ отъ Пушкина. Заглавіе втораго не помню; но въ первомъ воспѣвался „Старый дубъ“, и начиналось оно такъ:

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ
и т. д.

Это первая моя вещь, явившаяся въ печати, конечно безъ подписи.

Войдя въ переднюю квартиры Петра Александровича, я столкнулся съ человѣкомъ средняго роста, который, уже надѣвъ шинель и шляпу и прощаясь съ хозяиномъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ: „Да! да! хороши наши министры! Нечего сказать!“—засмѣялся и вышелъ. — Я успѣлъ только разглядѣть его бѣлые зубы и живые, быстрые глаза. — Каково же было мое горе, когда я узналъ потомъ, что этотъ человѣкъ былъ — Пушкинъ, съ которымъ мнѣ до тѣхъ поръ не удавалось встрѣтиться, и какъ я досадовалъ на свою мѣшкотность! Пушкинъ былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы дѣйствительно поклонялись ему. Поклоненіе авторитетамъ въ послѣднее время подверглось, какъ извѣстно, насмѣшкамъ, осужденію, чуть не проклятію. Признаться въ немъ — значитъ заклеймить себя пошлецомъ на вѣки. Но позволю себѣ замѣтить нашимъ строгимъ молодымъ судьямъ, что нехудо бы сперва условиться въ значеніи слова: авторитетъ. Авторитетъ авторитету—розь. Сколько я помню, никому изъ насъ — (я говорю объ университетскихъ товарищахъ) — и въ голову не пришло бы преклониться передъ человѣкомъ, потому только, что онъ былъ богатъ или важенъ или очень большой чинъ имѣлъ; *это* обаяніе на насъ не дѣйствовало—напротивъ.... Даже великій умъ насъ не подкупалъ; намъ нуженъ былъ *вождь*, и весьма свободныя, чуть не республиканскія убѣжденія отлично уживались въ насъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ передъ людьми, въ которыхъ мы видѣли своихъ наставниковъ и вождей. Скажу болѣе: мнѣ кажется, что такого рода энтузіазмъ, даже преувеличенный, свойственъ молодому сердцу, которое едва ли въ состояніи воспламениться отвлеченною идеею, какъ бы прекрасна и возвышенна она ни была, если эта самая идея не явится ему воплощенною въ живомъ лицѣ — въ наставникѣ. Вся разница между теперешнимъ и тогдашнимъ

поколѣньями состоитъ, быть можетъ, въ томъ, что мы не стыдились нашего идола и нашего поклоненія — а, напротивъ, гордились и тѣмъ, и другимъ. Независимость собственныхъ мнѣній, безспорно, дѣло почтенное и благое; не добившись ея, никто не можетъ назваться человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова; но въ томъ-то и вопросъ, что ея *добиться* надо, надо её завоевать, какъ почти всё хорошее на сей землѣ; а *начать* это завоеваніе всего удобнѣе подъ знаменемъ избраннаго вождя. Впрочемъ надо и то принять въ соображеніе, что нынѣшніе молодые люди имѣютъ иныя понятія, иныя воззрѣнія; еслибъ, напр., кто-нибудь изъ нашей среды вздумалъ требовать для молодаго поколѣнія „уваженія", мы бы навѣрное насмѣхъ его подняли, мы бы даже обидѣлись. „Это хорошо для стариковъ, подумали бы мы „а намъ нуженъ только просторъ — да и тотъ мы себѣ завоюемъ." Кто тутъ правъ, кто виноватъ — изъ прежнихъ или нынѣшнихъ — рѣшить не берусь; въ сущности стремленія молодежи всегда безкорыстны и честны, и цѣли ихъ остаются тѣже — только имена мѣняются. Быть можетъ, при бóльшей гражданской развитости современныхъ юношей, при бóльшей затруднительности ихъ задачъ, они точно нуждаются въ уваженіи.

*

Пушкина мнѣ удалось видѣть всего еще одинъ разъ, за нѣсколько дней до его смерти, на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардта. Онъ стоялъ у двери, опираясь на косякъ, — и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячіе бакенбарды, темные желчные глаза подъ высокимъ лбомъ, почти безъ бровей, и кудрявые волосы.... Онъ и на меня бросилъ бѣглый взоръ; безцеремонное вниманіе, съ которымъ я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатлѣніе непріятное; онъ словно съ досадой повелъ плечомъ—вообще казался не въ духѣ и отошелъ въ сторону. Нѣсколько дней спустя я видѣлъ его лежавшимъ въ гробу, и невольно повторялъ про себя:

„Недвижимъ онъ лежалъ... И страненъ
Былъ томный миръ его чела..."

Но возвращаюсь къ разсказу.

*

Петръ Александровичъ ввелъ меня въ гостиную и представилъ своей (первой) женѣ, уже не молодой дамѣ, болѣзненнаго облика — и очень молчаливой. Въ комнатѣ, кромѣ ея, сидѣло человѣкъ семь или восемь... Всѣ они теперь уже покойники; изъ всего собравшагося тогда общества — въ живыхъ я одинъ. Правда, съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ слишкомъ.... Но въ числѣ гостей были люди молодые.

Вотъ кто были эти гости:

Вопервыхъ, извѣстный *Скобелевъ*, авторъ „Кремнева", въ послѣдствіи комендантъ С. Петербургской крѣпости, всѣмъ тогдашнимъ Петербургскимъ жителямъ памятная фигура, съ обрубленными пальцами, смышленымъ, помятымъ, морщинистымъ, прямо-солдатскимъ лицомъ и солдатскими, не совсѣмъ наивными ухватками—тертый калачь, однимъ словомъ. Потомъ авторъ „Сумасшедшаго дома", *Воейковъ*, хромоногое и какъ бы искалеченное, полуразрушенное существо, съ повадкою стариннаго подъячаго, желтымъ припухлымъ лицомъ и недобрымъ взглядомъ черныхъ крошечныхъ глазъ. Потомъ — адъютантъ въ жандармскомъ мундирѣ, бѣлокурый, плотный мущина съ разноцвѣтными (такъ называемыми арлекинскими) зрачками, съ подобострастнымъ и пронзительнымъ выраженіемъ физіономіи, нѣкто *Влади*-

славлевъ, издатель извѣстнаго въ свое время альманаха: „Утренняя заря" (ходили слухи, что подписка на этотъ альманахъ была въ нѣкоторомъ родѣ обязательная). Далѣе: высокій и худощавый господинъ въ очкахъ, съ маленькой головкой, безпокойными тѣлодвиженьями и пѣвучимъ носовымъ выговоромъ, съ виду смахивавшій на статскаго совѣтника нѣмецкаго происхожденья — переводчикъ и стихотворецъ *Карлгофъ*. Офицеръ путей сообщенія, съ нѣсколько болѣзненнымъ, темнымъ лицомъ, крупными насмѣшливыми губами и растрепанными бакенбардами (что̀ въ то время уже считалось какъ бы нѣкоторымъ поползновеніемъ къ либерализму) переводчикъ Фауста, *Губеръ*. Худой и нескладно сложенный человѣкъ, чахоточной комплекціи, съ нерѣшительной улыбкой на губахъ и во взорѣ, съ узкимъ, но красивымъ и симпатическимъ лбомъ, *Гребенка*, врагъ Полеваго (онъ на него только-что написалъ пасквиль въ родѣ сказки; въ ней *кузнечикъ полевой* игралъ очень неблаговидную роль)—авторъ повѣстей и юмористическихъ разсказовъ съ Малороссійскимъ оттѣнкомъ, въ которыхъ чуть замѣтно сочилась своеобразная, тёплая струйка. Наконецъ нашъ добрѣйшій и незабвенный *князь Одоевскій*. Этого описывать нечего: всякій помнитъ его благообразныя черты, таинственный и привѣтливый взглядъ, дѣтски-милый смѣхъ и добродушную торжественность... Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ. Одѣтый въ длиннополый сюртукъ, короткій жилетъ съ голубою бисерною часовою цѣпочкою и шейный платочекъ съ бантомъ, — онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ, не безъ застѣнчивости, прислушиваясь внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское—въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противность тому, что̀, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей, а напротивъ, почти всегда, носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья... Это былъ поэтъ *Кольцовъ*.

*

Съ точностью не могу теперь припомнить, о чёмъ въ тотъ вечеръ шелъ разговоръ; но онъ не отличался ни особенной живостью, ни особенной глубиной и шириной поднимаемыхъ вопросовъ. Рѣчь касалась то литературы, то свѣтскихъ и служебныхъ новостей — и только. Раза два она приняла военный и патріотическій колоритъ, вѣроятно благодаря присутствію трёхъ мундировъ. Время было тогда очень уже смирное. Правительственная сфера, особенно въ Петербургѣ, захватывала и покоряла подъ себя всё. А между тѣмъ та эпоха останется памятною въ исторіи нашего духовнаго развитія... Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, но мы всё ещё живёмъ подъ вліяніемъ и въ тѣни того, что̀ началось тогда; мы ещё не произвели ничего равносильнаго. А именно: весною только-что протекшаго (1836 года) былъ данъ въ первый разъ „Ревизоръ", а нѣсколько недѣль спустя, въ февралѣ или мартѣ 1837 года,—„Жизнь за царя" (*).—Пушкинъ былъ ещё живъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ—и по всѣмъ вѣ-

(*) Я находился на обоихъ представленіяхъ— и, сознаюсь откровенно, не понялъ значенія того, что̀ совершалось передъ моими глазами.— Въ «Ревизорѣ» по крайней мѣрѣ я много смѣялся, какъ и вся публика. Въ «Жизни за царя» я просто скучалъ. Правда, голосъ Воробьевой (Петрова), которою я незадолго передъ тѣмъ восхищался въ «Семирамидѣ», уже надломился, а г-жа Степанова (Антонида) визжала сверхъестественно. Но музыку Глинки я все-таки долженъ бы былъ понять.

роятностямъ, ему предстояло много лѣтъ дѣятельности... Ходили тёмные слухи о нѣкоторыхъ превосходныхъ произведеніяхъ, которыя онъ берегъ въ своемъ портфелѣ. Эти слухи побуждали любителей словесности подписываться—въ ограниченномъ впрочемъ числѣ—на „Современникъ"; но, правду говоря, не на Пушкинѣ сосредоточивалось вниманіе тогдашней публики. Марлинскій все еще слылъ любимѣйшимъ писателемъ, баронъ Брамбеусъ царствовалъ. „Большой выходъ у Сатаны" почитался верхомъ совершенства, плодомъ чуть не Вольтеровскаго генія; а критическій отдѣлъ въ „Библіотекѣ для чтенія" образцомъ остроумія и вкуса. На Кукольника взирали съ надеждой и почтеніемъ, хотя и находили, что „Рука Всевышняго" не могла идти въ сравненіе съ „Торквато Тассо"; а Бенедиктова заучивали наизустъ (*). Между прочимъ въ тотъ вечеръ, о которомъ я завелъ рѣчь, Гребенка прочелъ, по просьбѣ хозяина, одно изъ послѣднихъ стихотвореній Бенедиктова. Время, повторяю, было смирное по духу и трескучее по внѣшности, и разговоры подлаживались подъ господствовавшій тонъ; но таланты, несомнѣнные, сильные таланты, дѣйствительно были и оставили глубокій слѣдъ. Теперь на нашихъ глазахъ совершается фактъ противуположный: общій уровень значительно поднялся, но таланты и рѣже и слабѣе.

*

Первымъ изъ общества удалился Воейковъ; онъ еще не перешелъ порогъ комнаты, какъ уже Карлгофъ принялся читать прерывавшимся отъ волненія голосомъ эпиграмму противъ него... „Поэтъ-идеалистъ и мечтатель по преимуществу", какъ величалъ себя Карлгофъ, видно не могъ забыть посвященное ему и дѣйствительно жестокое четверостишіе въ „Сумасшедшемъ Домѣ". Скобелевъ такъ же скоро откланялся, истощивъ небогатый запасъ своихъ прибауточекъ.—Губеръ началъ жаловаться на цензуру. Эта тема часто вращалась въ тогдашнихъ литературныхъ бесѣдахъ... Да и какъ могло быть иначе! Всѣмъ извѣстны анекдоты о „вольномъ духѣ", о „лжепророкѣ" и т. д.; но едва ли кто изъ теперешнихъ людей можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какому ежеминутному и повсемѣстному рабству подвергалась печатная мысль (*). Литераторъ—кто бы онъ ни былъ—не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста.

Разговоръ перешелъ къ Гоголю, который находился за границею; но Бѣлинскій тогда едва начиналъ свою критическую карьеру; никто еще не пытался разъяснить Русской публикѣ значеніе Гоголя, въ твореніяхъ котораго оракулъ „Библіотеки для чтенія" видѣлъ одинъ грязный Малороссскій жартъ. Помнится, все ограничилось тѣмъ, что Владиславлевъ съ похвалою цитировалъ изъ Ревизора фразу: „Не по чину берешь!" и при этомъ сдѣлалъ движеніе рукой какъ будто поймалъ муху; какъ теперь вижу взмахъ этой руки въ голубомъ обшлагѣ и знаменательный взглядъ, которымъ всѣ обмѣнялись. Хозяинъ дома сказалъ нѣсколько словъ о Жуковскомъ, объ его переводѣ Ундины, который появился около того времени роскошнымъ изданіемъ, съ рисунками—если не ошибаемся—графа Толстаго; онъ упомянулъ также о другомъ Жуковскомъ, весьма слабомъ стихотворцѣ, недавно съ громомъ и

(*) Объ этомъ настроеніи публики, вообще объ этой эпохѣ говорено подробнѣе въ другой статьѣ: „В. Г. Бѣлинскій". (Вѣстникъ Европы 1869, 3.)

(*) Цензорскія помарки доходили до каприза, до игривости; у меня долго хранился корректурный листъ, на которомъ цензоръ К. вычеркнулъ слова: «эта дѣвушка была какъ цвѣтокъ»—и замѣнилъ ихъ слѣдующими—(и все тѣми же красными чернилами!): «эта дѣвица походила на пышную розу».

трескомъ выступившемъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ подъ псевдонимомъ Бернета; о графинѣ Ростопчиной, о г. Тимофеевѣ; даже о г. Крешевѣ было произнесено слова два, такъ какъ они всѣ писали стихи,—а писать стихи тогда еще считалось дѣломъ важнымъ. Плетневъ сталъ было просить Кольцова прочесть свою послѣднюю „Думу“ (чуть ли не „Божій Міръ“), но тотъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Петръ Александровичъ не настаивалъ.

Повторяю еще разъ: на всей нашей бесѣдѣ лежалъ оттѣнокъ скромности и смиренія. Она происходила въ тѣ времена, которыя покойный Аполлонъ Григорьевъ прозвалъ допотопными. Общество еще помнило удары, обрушившіеся на самыхъ видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ; и изо всего того, что̀ проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно послѣ 1855-го года, ничего даже не шевелилось, а только бродило—глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живаго проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными проявленіями ихъ, не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы, а была словесность, и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера̀, какихъ мы уже потомъ не видали.

Въ двѣнадцатомъ часу вечера, почти послѣ всѣхъ, я вышелъ въ переднюю вмѣстѣ съ Кольцовымъ, которому предложилъ довезти его до дому: у меня были сани. Онъ согласился и всю дорогу покашливалъ и кутался въ свою худую шубёнку. Я его спросилъ, зачѣмъ онъ не захотѣлъ прочесть свою „Думу“.—„Что-же это я сталъ бы читать-съ“, отвѣчалъ онъ съ досадой;—„тутъ Александръ Сергѣичъ только-что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!“ Кольцовъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ. Мнѣ самому мой вопросъ показался неумѣстнымъ; и дѣйствительно: какъ бы этотъ робкій человѣкъ, съ такой смиренной наружностью, сталъ бы изъ уголка декламировать:

«Отецъ свѣта—вѣчность,
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь;
Міръ жизнью кипитъ!!» и т. д.

На углѣ переулка, въ которомъ онъ жилъ, онъ вышелъ изъ саней, торопливо застегнулъ полость и, все покашливая и кутаясь въ шубу, потонулъ въ морозной мглѣ петербургской январской ночи. Я съ нимъ больше не встрѣчался.

*

Скажу нѣсколько словъ о самомъ Петрѣ Александровичѣ. Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; за то онъ искренно любилъ „свой предметъ“, обладалъ нѣсколько-робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ—и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ, умѣлъ заинтересовать ихъ. Онъ не внушалъ студентамъ никакихъ преувеличенныхъ чувствъ, ничего подобнаго тому, что̀ возбуждалъ въ нихъ напр. Грановскій; да и повода къ тому не было—non hic erat locus... Онъ тоже былъ очень смиренъ; но его любили. Притомъ его, какъ человѣка прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Онѣгина—окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ... Всѣ мы наизусть знали эти стихи: „Не мысля гордый свѣтъ забавить“ и т. д.

И дѣйствительно: Петръ Александровичъ подходилъ подъ портретъ, набросанный поэтомъ: это не былъ обыч-

ный комплиментъ, которымъ такъ часто украшаются посвященія. Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

«Души прекрасной,
Святой исполненной мечты (*)
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты».

Онъ также принадлежалъ къ эпохѣ нынѣ безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый — но по своему — мудрый. Кроткая тишина его обращенія, его рѣчей, его движеній, не мѣшала ему быть проницательнымъ и даже тонкимъ; но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства; да и обстоятельства такъ сложились, что онъ въ хитрости не нуждался: все, чего онъ желалъ — медленно, но не отразимо — какъ бы плыло ему въ руки, и онъ, покидая жизнь, могъ сказать, что насладился ею вполнѣ; лучше чѣмъ вполнѣ: — въ мѣру. Такого рода наслажденіе надежнѣе всякаго другаго; древніе Греки не даромъ говорили, что послѣдній и высшій даръ боговъ человѣку — чувство мѣры. *Эта* сторона античнаго духа въ немъ отразилась, и онъ ей особенно сочувствовалъ; *другія* ему были закрыты.—Онъ не обладалъ никакимъ такъ называемымъ „творческимъ“ (!) талантомъ; и онъ самъ хорошо это зналъ. Главное свойство его ума—трезвая ясность—не могло измѣнить ему, когда дѣло шло о разборѣ собственной личности. „Красокъ у меня нѣтъ“, жаловался онъ мнѣ однажды; „все выходитъ сѣро, и потому я не могу даже съ точностью передать то, что я видѣлъ и посреди чего жилъ.“ — Для критика, въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова, ему не доставало энергіи, огня, настойчивости, прямо говоря — мужества. Онъ не былъ рожденъ бойцомъ. Пыль и дымъ бытвы — для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же непріятны, какъ и сама опасность, которой онъ могъ подвергнуться въ рядахъ сражавшихся. Притомъ, его положеніе въ обществѣ, его связи съ Дворомъ такъ же отдаляли его отъ подобной роли — роли критика-бойца, какъ и собственная его натура. Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе Поэтическому—вотъ весь Плетневъ. Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ.

Онъ былъ прекрасный семьянинъ и во второй своей супругѣ, въ дѣтяхъ своихъ, нашелъ все нужное для истиннаго счастія. Мнѣ пришлось раза два встрѣчаться съ нимъ за границей: разстроенное здоровье заставило его покинуть Петербургъ и свою ректорскую должность; въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ, незадолго до его кончины. Онъ совершенно безропотно и даже весело переносилъ свою, весьма тягостную и несносную, болѣзнь. „Я знаю, что я скоро долженъ умереть“, говорилъ онъ мнѣ — „и кромѣ благодарности судьбѣ ничего не чувствую;—пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей;—чего же больше? Надо и честь знать!“ И на смерти его, какъ я потомъ слышалъ, лежалъ тотъ же отпечатокъ душевной тишины и покорности.

Я любилъ бесѣдовать съ нимъ. До самой старости онъ сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть впечатлѣній и, какъ въ молодые годы, *умилялся* передъ красотою: онъ и тогда не восторгался ею. Онъ не разставался съ

(*) Значеніе этого стиха неясно; онъ можетъ показаться болѣе или менѣе романтической вставкой, тѣмъ, что Французы называютъ une cheville; но въ самой своей неясности онъ вѣрно характеризуетъ то нѣчто, неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ.

дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ — было для него праздникомъ. И любовь къ родной словесности, къ родному языку, къ самому его звуку, не охладѣла въ немъ; его коренное, чисто-русское происхожденіе сказывалось и въ этомъ: онъ былъ, какъ извѣстно, изъ духовнаго званія. Этому же происхожденію приписываю я его елейность, а можетъ быть и житейскую его мудрость. Онъ съ прежнимъ участіемъ слушалъ произведенія нашихъ новыхъ писателей — и произносилъ свой судъ, не всегда глубокій, но почти всегда вѣрный и при всей мягкости формъ, неуклонно согласный съ тѣми началами, которымъ онъ никогда не измѣнялъ въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Студенческія „исторіи", случившіяся во время его отсутствія за границей, глубоко его огорчили, глубже чѣмъ я ожидалъ, зная его характеръ; онъ скорбѣлъ о своемъ „бѣдномъ" университетѣ, и осужденіе его падало не на однихъ молодыхъ людей....

Подобныя личности теперь уже попадаются рѣдко не потому, чтобы въ нихъ было нѣчто необыкновенное, а потому, что время измѣнилось: — я полагаю, что читатель не попеняетъ на меня за то, что я остановилъ его вниманіе на одной изъ нихъ, на почтенномъ и благодушномъ словесникѣ стараго закала.

И. Тургеневъ.

РОСПИСИ ОХОТЫ ЦАРСКОЙ,

за своеручнымъ подписаніемъ императора Петра II-го, въ Январѣ 1729 года.

I.

ВѢДѢНІЕ.

Коликое число при охотѣ Его Императорскаго Величества надлежитъ содержать лошадей и прочихъ припасовъ.

Птицамъ на кормъ въ день мяса говяжья по пуду, собакамъ по два пуда, итого по три пуда въ день отправлять мясомъ, а когда въ походѣ давать деньгами по московской цѣнѣ.

Борзымъ и гончимъ собакамъ на кормъ на девять мѣсяцевъ овсяной муки двѣ тысячи четвертей отправлять мукою.

Шкваринъ на девять мѣсяцевъ семьдесятъ двѣ четверти отправлять шкваринами, а цѣною по рублю за четверть (*).

Для кормленія борзыхъ собакъ и гончихъ соли въ годъ по сороку пудъ по московской цѣнѣ.

Егерямъ и охотникамъ, кречетникамъ, сокольникамъ, ястребникамъ и въ фурманы вьютчикамъ, которые будутъ у верблюдовъ, двѣсти двадцать четыре лошади.

На оныхъ лошадей фуражу овса каждой лошади на мѣсяцъ по четверти, а всѣмъ на семь мѣсяцовъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ восемь четвертей.

Сѣна двумъ стамъ двадцати четыремъ лошадямъ каждой лошади на мѣсяцъ по двадцати по два пуда по 20 фунтовъ, итого на 7 мѣсяцевъ пудами 35,280 пудъ.

А когда въ походъ коликое число возмутъ лошадей и верблюдовъ, и на тѣхъ лошадей и верблюдовъ вмѣсто фуража за овесъ и за сѣно отправлять деньгами отъ Главной Дворцовой

(*) Шквариною называются негодные остатки или подонки, по вытопкѣ сала.

Канцеляріи по вѣдѣнію, сколько имѣться будетъ въ походѣ лошадей, а на Маѝ и на Сентябрь, походнымъ же лошадямъ, за овесъ на два мѣсяца выдать деньгами, а за сѣно на половину Мая, да на половину Сентября деньгами.

А которыя останутся въ селѣ Измайловѣ, и имъ выдавать фуражъ сѣномъ и овсомъ натурою.

А ежели когда будутъ всѣ лошади въ селѣ Измайловѣ, а не въ походѣ, и на оныхъ на всѣхъ чтобъ повелѣно было выдавать фуражъ натурою же, сѣномъ и овсомъ, а не деньгами.

Да для походовъ двѣнадцать верблюдовъ: онымъ фуражу овса каждому верблюду по два четверика на мѣсяцъ, итого на семь мѣсяцевъ 21 четверть.

Имъ же соли каждому верблюду на мѣсяцъ по полупуду, а въ годъ по шести пудъ, итого двѣнадцати въ годъ 72 пуда по московской цѣнѣ.

Сѣна каждому верблюду по 22 п. 20 ф. Итого на 7 мѣсяцевъ 1890 п.

Оленямъ и сайгамъ, зубрямъ, кабанамъ, муки ржаной, ячменю, овса по требованію, понеже оному хлѣбу числа положить неможно; потому что сколько звѣрей прибудетъ, вѣдѣнія о томъ не имѣется.

Для походовъ же восемь фурмановъ съ колесы окованными и съ кровлями, да къ нимъ по четыре шоры, съ возжами четверными, по четыре кантарей (?), ко всякому фурману до исходу.

Да для запасу ко всякому фурману по колесу окованы же, итого восемь колесъ.

Охотникамъ, кречетникамъ, сокольникамъ, ястребникамъ 12 палатокъ солдатскихъ.

Птицамъ и собакамъ борзымъ и гончимъ два намета большихъ простыхъ до исходу.

Пятьдесятъ саней обшивни съ оглоблями, съ дугами, съ возжами.

50 хомутовъ ременныхъ простыхъ, большой и средней рукъ до исходу.

Три телѣги простыхъ съ колесами же до исходу.

Охотникамъ и протчимъ служителямъ сѣделъ въ 2 года 91 сѣдло съ войлоки и съ крышки, что на войлокахъ, съ уздами и со всѣмъ уборомъ ременныхъ выдать деньгами по три рубли за сѣдло, итого 273 р.

На разные припасы денегъ въ годъ, а именно 500 руб.

Къ охотѣ на дѣланіе роговъ мѣдныхъ и на пайку серебро и на починку волчьихъ и лисьихъ и заячьихъ тенетъ веревокъ и нитокъ.

На подковку охотничьихъ и фурманныхъ лошадей и кованье фурмановъ и колесъ желѣза и уголья, птицамъ на коблучки, на обножи оленьи, на дольники сыромятные, на рукавицы лосинныя кожи, на ушки къ коблучкамъ, на колокольцы птицамъ же мѣди и на пайку серебра вервей вспоровыхъ и обхожи, толумбасы (*), на ловлю птицъ сѣти и на починку оныхъ сѣтей нитокъ.

Для починки шоръ, кожъ яловичныхъ и сыромятныхъ.

Для всякихъ починокъ, топоровъ и плотничной всякой инструментъ и на дѣланіе рогатинъ медвѣжьихъ желѣза и стали.

На дѣланіе гончимъ собакамъ желѣзныхъ смычковъ и ремней и сыромятныхъ кожъ.

На покупку собакамъ котловъ мѣдныхъ и желѣзныхъ.

Для мазани фурмановъ дегтю и на лекарство больныхъ собакъ.

На дѣланіе верблюжьихъ двѣнадцати сѣделъ войлоковъ, холста, веревокъ.

Охотничимъ лошадямъ на лекарство.

На починку палатокъ.

У подлиннаго вѣдѣнія подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: „Отпустить. Петръ.“ А по листамъ оное вѣдѣніе скрѣпилъ „ягеръмейстеръ Михайло Селивановъ.“

(*) Тулумбасъ—турецкій барабанъ.

II.

При охотѣ Его Императорскаго Величества ягермейстеръ въ рангѣ полковничьемъ, а жалованья ему 518 руб. 55 коп.

Егари:

	руб.
Яковъ Ивановъ, ему жалованья	110
Константинъ Петровъ	90
Илья Дмитріевъ	90
Өедоръ Степановъ.	90
Исай Ермолаевъ.	90

Волторнисты:

Лукьянъ Григорьевъ.	90
Өедоръ Исаевъ	90

Курляндскіе егари:

Іоаннъ Петръ Бейеръ	120
Іоаннъ Гендрикъ Финкъ	120

Доѣзжачій:

Гансъ Андреасъ Хебгардтъ . .	80

Охотники:

За писаря Андрей Рякуновъ, Матвѣй Петровъ, Өадей Завитаевъ, Кондратій Дорофѣевъ, Макаръ Григорьевъ, Өедоръ Кудрявой, Савелій Евдокимовъ, Гаврило Чесной, Филиппъ Кузминъ, Сергѣй Ланцовъ, князь Степанъ Енкуватовъ, Данило Черкасовъ, Михайло Петровъ, Алексѣй Васильевъ и проч. всего 31 человѣкъ, каждому по 12 рублей деньгами, по 10 четвертей муки, по 1 четверти крупъ, по 6 пудъ мяса и по 1 пуду соли. Онымъ за писаря и охотникамъ надлежитъ мундиръ на каждой годъ сукна зеленаго съ подбоемъ стаменымъ, да другой для полевой осенней ѣзды изъ сермяжныхъ суконъ.

Наварщиковъ 7 человѣкъ, каждому 6 рублей деньгами, 10 четвертей муки, 1 четверть крупъ, 6 пудъ мяса и 1 пудъ соли. Онымъ мундиръ надлежитъ изъ сермяжнаго сукна.

Птичей охоты:

Орловщикъ:

Константинъ Андреевъ, жалованья 15 рублей, 15 четвертей муки, 1 четверть крупъ, 6 пудъ мяса, 1 пудъ соли. Мундиръ ему противъ охотниковъ.

Кречетники:

Статейщикъ(*) Герасимъ Ларіоновъ, жалованья 20 руб., 15 четвертей муки, 2 четверти крупъ, 8 пудъ мяса, 6 пудъ соли, овса 5 четвертей, рыбы 5 пудъ.

14-ти кречетникамъ жалованья 10 руб., 10 четвертей муки, 1 четверть крупъ, 6 пудъ мяса, 1 пудъ соли. Онымъ надлежитъ мундиръ на каждый годъ, сукна зеленаго съ подбоемъ стамеднымъ, да другой для полевой ѣзды изъ сермяжнаго сукна.

Сокольники:

15 человѣкъ, каждому жалованья 10 руб., муки 10 четвертей, мяса 6 пудъ, соли 1 пудъ. Онымъ надлежитъ мундиръ на каждый годъ зеленаго сукна съ подбоемъ стамеднымъ, да другой для полевой ѣзды осенней изъ сермяжнаго сукна.

Ястребники:

15 человѣкъ, жалованья 10 руб., муки 10 четвертей, крупъ 1 четв., мяса 6 пудъ, соли 1 пудъ. Онымъ надлежитъ мундиръ на каждый годъ зеленаго сукна съ подбоемъ стамеднымъ, да другой для полевой осенней ѣзды изъ сермяжнаго сукна.

Помытчикъ Иванъ Ильинъ, жалованья 8 рублей, муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть, мяса 6 пудовъ, соли 1 пудъ. Сторожъ Степанъ Федоровъ, тоже содержаніе. Кузнецъ Семенъ Григорьевъ, жалованья 10 руб., муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть, мяса 6 пудъ, соли 1 пудъ. Онымъ

(*) Птицы раздѣлялись на статьи или разряды.

надлежитъ мундиръ изъ сермяжнаго сукна.

Конюхи:

6 человѣкъ, жалованья 6 руб., муки 6 четвертей, крупъ 4 четверика, мяса 3 пуда, соли 1 пудъ. Онымъ надлежитъ мундиръ сѣраго сукна.

Коновалъ Егоръ Юрьевъ, жалованья 100 рублей.

Два плотника, жалованья 6 руб., муки 6 четвертей, крупъ 4 четверика, мяса 3 пуда, соли 1 пудъ.

Къ верблюдамъ 4 человѣка конюховъ, жалованья 10 рублей, муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть, мяса 6 пудовъ, соли 1 пудъ. Онымъ мундиръ на каждый годъ зеленаго сукна съ подбоемъ стамеднымъ, да другой для осенней ѣзды изъ сермяжнаго сукна.

Коблучешникъ (*) Иванъ Коптевъ, жалованья ему 5 руб., муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть, мяса 6 пудъ, соли 1 пудъ. Колоколешникъ Иванъ Ивановъ, тоже содержаніе.

Итого при охотѣ: Ягермейстеръ 1. Ягерей и прочихъ служителей 113 человѣкъ.

Жалованья имъ въ годъ денежнаго. 2559 р. 55 к.

Хлѣба, муки	998	четв.
Крупъ	99	четв.
Мяса	590	пуд.
Соли	107	пуд.

У подлиннаго подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: „быть по тому, Петръ.“ А по листамъ оное скрѣпилъ „Ягеръмейстеръ Михайло Селивановъ“.

Списано съ подлинныхъ бумагъ и сообщено Г. В. Есиповымъ.

(*) Ловчія птицы носили шапочки или клобучки.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ А. А. СТОЛЫПИНУ.

Изъ книги барона М. А. Корфа читатели помнятъ, что къ числу ближайшихъ друзей Сперанскаго принадлежалъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (род. около 1777, ум. 1825), зять Н. С. Мордвинова, одинъ изъ благороднѣйшихъ и видныхъ людей Александровскаго царствованія. Въ обществѣ и въ Сенатѣ, гдѣ онъ служилъ оберъ-прокуроромъ и впослѣдствіи сенаторомъ, Столыпинъ памятенъ прямотою характера, гражданскою честностью и дѣятельною любовью къ добру. Онъ горячо принималъ къ сердцу всѣ главнѣйшіе вопросы своего времени. По семейному преданію, Столыпинъ, въ ранней молодости, живя въ Петербургѣ и готовясь къ поступленію на службу, бралъ уроки у Сперанскаго, когда тотъ, (пятью годами его старше) служилъ еще въ духовномъ вѣдомствѣ. Отношенія наставника къ ученику долго потомъ сохранялись между ними, хотя связь эта рано обратилась въ тѣсную дружбу. Оба они служили при генералъ-прокурорѣ князѣ Куракинѣ. Столыпинъ былъ шаферомъ на свадьбѣ Сперанскаго (Корфъ, I, 72). Съ годами дружба ихъ крѣпла, и въ 1812 году, когда Сперанскій жилъ въ Нижнемъ подъ гнетомъ правительственной и народной опалы, когда всѣ боялись имѣть съ нимъ малѣйшія сношенія, Столыпинъ два раза, въ Апрѣлѣ и Маѣ, пріѣзжаетъ къ Сперанскому и проводитъ съ нимъ цѣлые дни неразлучно (Корфъ, II, 54—56). Изъ писемъ Сперанскаго къ его дочери, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1868 года, видно, въ какой дружбѣ находилось съ нимъ все большое семейство Столыпиныхъ. По возвращеніи въ Петербургъ съ Сибирскаго генералъ-губернаторства, Сперанскій на нѣкоторое время помѣстилъ дочь свою въ домѣ Аркадія Алексѣевича. Лишь передъ самою кончиною Столыпина, эти

отношенія нѣсколько охладились; причины тому намъ доселѣ неизвѣстны.

Живымъ памятникомъ этой многолѣтней дружбы остались письма Сперанскаго къ Столыпину, нынѣ принадлежащія сыну сего послѣдняго Дмитрію Аркадіевичу; онъ обязательно сообщилъ намъ нѣкоторыя изъ нихъ, присоединивъ отъ себя нѣсколько общихъ замѣчаній, которыя читатель найдетъ ниже. *П. Б.*

I.

Пермь 23 февраля 1813.

Тогда, какъ я считалъ себя оставленнымъ отъ всего свѣта, получить письмо отъ любезнаго моего друга, было для меня самымъ великимъ утѣшеніемъ. Доброй и чувствительной душѣ вашей кажется весьма просто искать изгнанника, у подошвы Уральскихъ горъ, за тридевять земель, судьбою занесеннаго. Да воздастъ вамъ Богъ всѣмъ тѣмъ, что есть въ чувствахъ дружбы священнаго и чистѣйшаго.

Напишу вамъ цѣлой журналъ моихъ приключеній.

Вскорѣ послѣ отъѣзда вашего изъ Нижняго мы перебрались въ домъ Скуридина (1), устроились, учредились, зажили. Вокругъ насъ все крутилось, мы были спокойны. 15 сентября (день коронаціи) проводивъ вечеръ съ моей семьею покойно и весело, въ 10-ть часовъ я началъ засыпать. Стучатъ у воротъ, въ сѣняхъ, въ передней, въ моей комнатѣ. Входитъ полицмейстеръ:—Пожалуйте къ губернатору (2) „Кто у него?“ Графъ Толстой (3) „А! а! меня отправляютъ!“ думаю я. Одѣваюсь, пріѣзжаемъ.—Государю угодно, говоритъ мнѣ Толстой, чтобъ вы по настоящимъ обстоятельствамъ (по взятіи т. е. Москвы) отсюда на время удалились.—“Куда?“ ВъПермь. Прощаемся, лобызаемся, увѣряемъ другъ друга въ чувствахъ почтенія и любви. Онъ уѣзжаетъ, я остаюсь одинъ съ губернаторомъ. „Къ вамъ есть предписаніе?“—Нѣтъ ничего. „Но къ графу Толстому письмо или указъ“?—Указъ именной во многихъ пунктахъ *и между прочимъ и о васъ.* Замѣтьте, что въ тотъ самый день послѣ обѣдни графъ Толстой, говоря со мною весьма пріятельски, жаловался между прочимъ, что не получалъ онъ разрѣшенія на многія свои представленія. Я не люблю думать о людяхъ хуже, нежели нужно; но здѣсь есть вѣроятность, что Толстой, увлеченный моднымъ нынѣшнимъ ласкательствомъ такъ называемой публикѣ и желая угодить духу времени, между прочими своими представленіями помѣстилъ и то, что не прилично мнѣ оставаться тамъ, гдѣ установляется средоточіе большихъ войнскихъ силъ и пребываніе Сената. Въ заключеніе семъ можетъ быть я и ошибаюсь (4). Какъ бы то ни было, мнѣ велѣно выѣзжать ночью. Возвращаюсь домой, пишу къ Государю, къ вамъ и къ Елизаве-

(1) Переведенный на житье изъ Петербурга въ Нижній, Сперанскій такъ полюбилъ мѣстоположеніе этого города, что рѣшился купить себѣ домъ г. Скуридина, въ отдаленной части, съ видомъ на такъ называемые Панскіе Бугры. Онъ далъ за него задатокъ и уже поселился въ этомъ домѣ, какъ внезапно увезенъ былъ въ Пермь (Корфъ, II, 58).

(2) Д. ст. сов. Андрею Максимовичу Руновскому.

(3) Графъ Петръ Александровичъ Толстой, младшій братъ графа Николая Александровича, оберъ-гофмаршала и бывшаго еще въ то время приближеннымъ лицемъ къ Государю. Въ 1812 году графъ П. А. Толстой начальствовалъ, въ Нижнемъ, 3-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣлъ особыя полномочія и по гражданской части (Корфъ, II, 66).

(4) Сперанскій дѣйствительно ошибался, приписывая гр. Толстому таковое внушеніе. Ссылка въ Пермь послѣдовала на основаніи общенароднаго гнѣва и донесеній мѣстныхъ Нижегородскихъ властей; главнѣйше же по поводу отзыва Сперанскаго послѣ обѣда у архіерея о томъ, что духовенству нечего бояться Наполеона. Государь писалъ графу Толстому о Сперанскомъ: «Отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь съ предписаніемъ губернатору отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе» (Корфъ II, 57 и 67).

тѣ Андрѣевнѣ (5); одѣваюсь; въ три часа все готово. Разбудить ли Лизу! Подкрадываюсь къ ея постели—самый сладкой сонъ. Какъ осмѣлиться прервать! Бужу Ел. Андрѣевну; но обѣ вдругъ просыпаются. Объявляю имъ судьбу мою, предлагаю отправиться или въ Новгородскую деревню, или къ вамъ—не соглашаются. Я сіе предвидѣлъ и такъ уже и распорядился. Не описываю, мой другъ, нашего прощанья. Залитъ слезами всѣхъ моихъ людей, бросаюсь въ маленькую мою коляску, ѣдемъ. За мною частной приставъ (6) провожатымъ. Начало уже разсвѣтать. Вы помните эти прекрасныя мѣста, Панскіе Бугры, Подновье, архіерейскую рощу, гдѣ такъ часто съ вами мы гуляли. Видъ сихъ мѣстъ, мечты протекшихъ дней, чувство, какъ жестоко судьба въ другой разъ вдругъ отъ всего меня отторгаетъ, мысль куда я ѣду, Сибирская дорога, все сіе такъ сжало мое сердце, что я не могъ плакать.

Пріѣзжаемъ въ Казань; упрашиваю моего пристава дозволить мнѣ видѣться съ братомъ; насилу соглашается, наконецъ побѣжденный виномъ и сномъ дозволяетъ мнѣ даже у него и переночевать. Здѣсь распоряжаю я пріемъ и отсылку моихъ путешественницъ (7).

Между тѣмъ они, оставшись въ Нижнемъ, собираются ѣхать. Всѣ довольно были къ нимъ ласковы; но трое отличилися: жена вице-губернатора (8), вашъ Мартыновъ и мой оберъ-форшъмейстеръ: все что́ дружба имѣетъ въ себѣ смѣлаго и нѣжнаго все было ими показано. Дицъ отъ нихъ не отсталъ.

Наконецъ я въ Перми и у губернатора (9). Отводятъ домъ холодный, но предобрый молодой хозяинъ: vive les jeunes gens (10). Квартальные, приставы, вся полицейская сволочь является поминутно, стерегутъ самое мое дыханіе. Самый трусливѣйшій, хотя не самый злѣйшій изъ губернаторовъ. Нанимаю другой домъ, переѣзжаю; чрезъ нѣсколько дней является вашъ Василій съ письмомъ отъ брата и отъ Е. Андрѣвны изъ Казани. Нужно было ему возвратиться. Бывъ нездоровъ, пишу къ губернатору, чтобы дозволилъ ему обратный путь. Пріѣзжаетъ губернаторъ; объявляю ему, что, получивъ письмо отъ домашнихъ, я хочу имъ отвѣчать; предлагаю даже прочитать тѣ и другія письма—отрицается и даетъ подорожную. Чрезъ два дни мнѣ сказываютъ, что Василій мой на второй станціи схваченъ, обысканъ, отобраны у него письма, и онъ отпущенъ (11). Ударили въ набатъ, что это переписка съ Бонапартомъ. Являюсь къ губернатору, предлагаю ему унять сіи слухи, возвратить схваченныя письма, или я буду жаловаться Государю. По отзыву его пишу самую горькую жалобу къ Государю и письмо къ министру полиціи; все сіе отправляется съ тою же почтою, какъ и донесеніе губернатора.

Между тѣмъ пріѣзжаютъ и мои; кой-какъ, съ великою нуждою, учреждаемъ и начинаемъ жить тѣсно, холодно, дымно, но вмѣстѣ. Вскорѣ къ намъ присоединяется и братъ мой столь поздно и столь невинно отставленный (12). Ни одна душа христіанская приступить къ намъ не смѣетъ. Живемъ какъ на пустомъ острову и

(5) Теща Сперанскаго, г-жа Стивенсъ, или Стефенсъ, какъ ниже онъ пишетъ.

(6) Коллежскій ассесоръ Григорій Иван. Козловъ.

(7) Т. е. дочь Сперанскаго, ея бабушка, Елизавета Андрѣевна Стивенсъ и другая внучка сей послѣдней, Злобина.

(8) Прасковья Александровна Крюкова, ур. княжна Черкасская (тетка нынѣшняго Московскаго Головы и бабка М. Н. Лонгинова)?

(9) Тайнаго совѣтника Богдана Андрѣевича Гермеса. Молодой хозяинъ—купецъ Иванъ Николаевичъ Поповъ, оставившій любопытное описаніе Пермской жизни Сперанскаго (Корфъ II, 72—79).

(10) Да здравствуютъ молодые люди.

(11) Еще въ Нижнемъ полиція слѣдила за сношеніями Сперанскаго съ Столыпинымъ.

(12) Отъ должности Прокурора въ Казани.

знаемъ о свѣтѣ только по газетамъ, которыя достаютъ люди украдкою.

Обозъ, отправленный изъ Нижняго водою, замерзаетъ въ Камѣ, гдѣ же? въ Оренбургской губерніи, въ снѣгахъ и лѣсахъ непроходимыхъ. Вины, припасы, все перемерзло; чрезъ четыре мѣсяца, въ самые трескучіе морозы, съ неимовѣрными издержками едва наконецъ его отрыли и доставили.

Въ декабрѣ братъ собирается въ Казань, чтобъ учредить тамъ дѣла свои и дѣлать нужные для дому запасы. Губернаторъ объявляетъ, что ему, да и всему моему семейству, нельзя изъ Перми выѣхать, доколь неполучитъ онъ на представленія свои изъ Петербурга разрѣшенія. И такъ вся моя семья, Лиза, m-me Stephens, братъ, всѣ мои и ваши люди [13] въ ссылкѣ и подъ арестомъ!

Изъ всѣхъ горестныхъ моихъ приключеній, сіе было самое горестное и можетъ быть первое, которое до души меня тронуло. Видѣть всю мою семью за меня въ ссылкѣ и гдѣ же! въ Перми.

Надобно, чтобъ я вамъ далъ нѣкоторое понятіе о семъ городѣ. Зима стала въ сентябрѣ. 32 градуса морозъ обыкновенный, а бываетъ и 38. Соленые огурцы, лакомство и рѣдкость; судите о другихъ овощахъ. Съ трудомъ можно достать картофелю; рыбу и говядину привозятъ изъ Сибири; все почти населеніе составлено изъ ссыльныхъ. Бемъ, сосланный за убійство по суду, есть здѣсь одинъ изъ обывателей почетныхъ.

Къ сему присоединилось зло давно уже для меня небывалое. Переѣздами и безмѣрными, но необходимыми во всемъ передачами и убытками мы такъ издержались, что жить стало не чѣмъ; мѣнять нѣтъ способу; писать въ Петербургъ, два мѣсяца, и не кому писать. Стали занимать у своихъ людей; все заняли и съѣли; принуждены пустить въ закладъ золотыя табакерки и Лизины вещи.

Пріѣзжаетъ Иванушка и привозитъ съ собою Франсиса [14] но ни денегъ ни писемъ отъ Масальскаго. Неизмѣннымъ копьемъ служитъ Могилянскій; но и тотъ въ крайнихъ хлопотахъ: ибо въ сентябрѣ всѣ сбирались Петербургъ оставить.

Наконецъ, сверхъ чаянія, въ концѣ декабря, самъ Богъ приноситъ Константина Злобина [15] проѣздомъ по дѣламъ его въ Екатеринбургъ. Добрый молодой человѣкъ, несмотря на всѣ страхи, останавливается, и мы въ деньгахъ поправляемся и съ нимъ учреждаемъ.

Въ генварѣ получаю письмо отъ министра полиціи довольно учтивое, въ которомъ объявляетъ мнѣ, что Государю угодно было опредѣлить мнѣ жалованья шесть тысячь рублей (въ письмѣ моемъ я и о семъ упоминалъ), что онъ сообщилъ о семъ министру финансовъ для исполненія (сего исполненія однакоже доселѣ нѣтъ, и я еще писалъ, хотя въ прочемъ деньги мнѣ и ненужны) что письма мои перехвачены были только потому, что отправленный человѣкъ имѣлъ видъ скрытности.

Съ сего времени губернаторъ становится благосклоннѣе. Стороною узнаю, что въ особенности о семействѣ моемъ ему предписано, чтобъ ни въ чемъ и никакъ его не стѣснять. Свобода сія была для меня столько же драгоцѣнна, какъ бы и моя собственная; я поспѣшилъ ею воспользоваться и уговорилъ всѣхъ тотъ часъ же отсюда выѣхать. Начали сбираться, собрались и 4-го сего мѣсяца пустились. На первой станціи карета и бричка стали: снѣга здѣсь преужасные; принуждены были ихъ бросить, взяли простыя повозки и отправились. Те-

[13] Это были служители изъ села Столыпина, принадлежавшаго Аркадію Алексѣевичу Столыпину.

[14] Это былъ разслабленный шуринъ Сперанскаго.

[15] Свойкъ Сперанскаго.

перь, думаю, уже за Нижнимъ или и дальше.

Но куда отправились и зачѣмъ? Въ Новогородскую деревню, за тѣмъ, что бы здѣсь не страдать по напрасну, не раздирать мнѣ сердце, а тамъ смотрѣть за маленькимъ нашимъ хозяйствомъ, ѣздить иногда въ Петербургъ, сидѣть у моря тихова и ждать погоды теплыя. Въ прочемъ вы не напрасно называете ихъ героинями. Не говоря о Лизѣ, M-me Stephens есть женщина дѣйствительно безцѣнная въ трудныхъ обстоятельствахъ. C'est la femme forte de Salomon (16). Два раза она уже была больна. Лиза тоже, всѣ люди тоже, я одинъ уцѣлѣлъ. Рекомендую вамъ моего брата, съ коимъ здѣсь я короче познакомился и нашелъ въ немъ весьма много добра и разсудка.

Такимъ образомъ я остался здѣсь одинъ одинехонекъ. И повѣришь ли! Сталъ покойнѣе, хотя раставанья были прежестокія; но знать, что всѣ мои внѣ сей пропасти есть уже великое утѣшеніе. Со мной остался Лаврушка и маленькій вашъ поваръ; кучера Ивана и форейтора на сихъ дняхъ отпускаю.

Нѣсколько дней тому назадъ приносятъ *съ почты* письмо на мое имя отъ M-me Krehmer. Brave et excellente femme! (17) Богъ наградитъ ее въ дѣтяхъ, что и здѣсь меня не забыла.

Вы спросите, въ чемъ же состоятъ мои надежды? Ни въ чемъ, мой сердечный другъ, а особливо теперь, когда Государь въ арміи. Я полагаюсь въ прочемъ на милость Божію, терплю и поистиннѣ не ропщу. Верхъ моихъ желаній состоитъ токмо въ томъ, чтобъ дозволили мнѣ останокъ горькихъ дней моихъ провести въ маленькой моей деревнѣ. Всѣмъ врагамъ моимъ я и простилъ и прощаю. Они много сдѣлали мнѣ зла; но точно болѣе по ложному расчету, нежели по злости, и я думаю, теперь и сами они уже каются, но поздно. Но когда же придетъ тотъ счастливый день, когда мы съ тобою, мой любезный другъ, увидимся! Богъ знаетъ; а можетъ быть и никогда—можетъ быть суждено мнѣ здѣсь положить и кости, и холодная рука какой нибудь старухи закроетъ здѣсь глаза мои. Тогда, мой другъ, вспомни, не оставь мою бѣдную Лизу.

Что касается до настоящаго, ни въ чемъ, другъ мой, пособить вы мнѣ не можете. Естьлибъ обстоятельства ваши дозволили вамъ быть въ Петербургѣ въ то время, когда Государь туда возвратится: тогда могли бы вы весьма много совѣтами своими руководствовать Елизавету Андрѣевну въ ходатайствѣ ея о судьбѣ моей. Но когда и какъ сіе можетъ быть! Вамъ лучше знать, нежели мнѣ здѣсь въ совершенной глуши.

Я не вижу, любезный другъ, какъ могу я сноситься съ вами, хотя бы то было и о самыхъ малозначащихъ вещахъ. Чрезъ почту? Вы едва чрезъ шесть мѣсяцевъ получите. Какое же утѣшеніе знать, что тому шесть мѣсяцевъ я былъ живъ. Оставимъ это на волю Провидѣнія. Въ мартѣ или апрѣлѣ Злобинъ отсюда возвратится. Я попрошу его, чтобы отъ себя онъ къ вамъ написалъ двѣ строчки обо мнѣ.

Любезному и почтенному вашему батюшкѣ отъ души и сердца прошу поклониться. Поклонитесь также и почтенному Николаю Семеновичу Мордвинову. Разговоръ вашъ съ нимъ, въ письмѣ съ кучеромъ Иваномъ изображенный, для меня былъ драгоцѣненъ; сохраните, какъ зенницу ока, доброе его мнѣніе. Мало есть людей съ такими добродѣтелями и знаніями, какъ онъ.

Прощайте, мой любезный другъ. Естьли бъ и весь свѣтъ мнѣ измѣнилъ, вы бы одни въ состояніи были помирить меня со всѣмъ родомъ человѣческимъ. Душевно васъ обнимаю.

P. S. Лошадей предаю въ вашу волю. „Награда“ безцѣнная. Послѣ ва-

(16) Это добляя жена, о которой говоритъ Соломонъ.

(17) Славная, превосходная женщина.

шего отъѣзда я узналъ въ ней толкъ. Правда ваша, Діана принадлежитъ Лизѣ. Но рекомендую вамъ par pur sentiment ([18]) стараго моего слугу, такъ называемаго рысака.—Не думаю однако, чтобъ отъ случки кобыла стала лучше. Я впрочемъ не знатокъ.

II.

Пенза. 27 ноября 1817.

Гнѣвъ вашего превосходительства за краткость и сухость моихъ писемъ принимаю я съ бóльшимъ удовольствіемъ, нежели всѣ самыя лестныя и пріятныя выраженія. Я пишу къ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, всегда по минутному вдохновенію то имянно, чтó въ ту минуту мыслю или чувствую. Есть положенія, въ коихъ дѣйствительно ничто нейдетъ въ голову, или ничто не ложится подъ перо; а принужденіе съ друзьями, по моему мнѣнію, есть родъ измѣны.

Какъ я обрадуюсь, когда Богъ поможетъ вамъ какимъ нибудь образомъ избавиться отъ бездны вашихъ дѣлъ и привести службу свою въ тотъ блаженный порядокъ, въ какомъ она была у нашихъ почтенныхъ стариковъ, у графа Васильева и ему подобныхъ. Симъ только образомъ можно служить и долго и съ пользою ([19]). Усилія и напряженія хороши только въ однихъ чрезвычайныхъ положеніяхъ, отъ коихъ избави насъ Господи. Знаете ли чѣмъ между тѣмъ можно пособить вашему горю (ибо какъ бы вы ни мыслили съ горяча, я считаю это настоящимъ горемъ): правиломъ, чтобъ для каждой части выбрать вѣрнаго человѣка и на него положиться, имѣя только общій надъ всѣми надзоръ,—правиломъ, коему я самъ никогда не слѣдовалъ, и всегда однакоже себя въ собственной своей недовѣрчивости и въ самолюбіи упрекалъ. Входя во все, надорвешься и что-же сдѣлаешь?—наживешь себѣ имя умнаго человѣка, а съ нимъ толпу завистниковъ и почти не сдѣлаешь ни малѣйшаго добра. Я всегда буду твердить: цѣль вашей службы есть быть сенаторомъ; а чѣмъ вы будете нужнѣе, тѣмъ отъ сей цѣли отдаленнѣе.

Дѣло Молчанова весьма затруднительно въ его формахъ, но не въ существѣ его: ибо какимъ бы онъ ни былъ по совѣсти, я увѣренъ, что будетъ правъ по бумагамъ. Анекдотъ вашъ дѣйствительно есть пророческой. Но укажите мнѣ хоть одного человѣка, которой бы, бывъ въ большихъ дѣлахъ, отошелъ отъ нихъ съ честію! Я не помню; одно средство—умереть прежде, нежели отдадутъ подъ судъ, или отправятъ въ деревню. Я не говорю о тѣхъ, кои носили имя большихъ дѣлъ: сей родъ людей всегда въ безопасности.

Пріѣду ли я когда-нибудь въ Петербургъ? Пріѣхалъ бы нынѣшнею же зимою, и далъ-бы подписку, что не пробуду тамъ болѣе двухъ недѣль и ни съ кѣмъ не увижусь, кромѣ васъ и вашего семейства; прилетѣлъ бы для того только, чтобъ васъ обнять, познакомиться съ Вѣрою Николаевною ([20]) и полюбоваться вашими дѣтьми. Но спросите у сихъ господъ, они вамъ скажутъ: это невозможно. А почему? Одинъ Богъ знаетъ. За то и въ сущую имъ укоризну я нашелъ способъ столько быть счастливымъ въ Пензѣ, что истинно и сердечно вамъ говорю, нигдѣ болѣе жить и умереть не желаю.

Я такъ много говорилъ о себѣ, что время сказать два слова и объ васъ. Межевое ваше дѣло разсматриваютъ теперь у меня вѣрные знатоки. Въ предъидущемъ письмѣ я ошибся, сказавъ, что можетъ у васъ отойти до 600 дес.; по вѣрному счету несходство про-

---

([18]) Изъ прямаго чувства.

([19]) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ служилъ тогда оберъ-прокуроромъ Сената въ С.-Петербургѣ.

([20]) Супругою Столыпина, урожд. Мордвиновою.

тивъ генеральнаго плана составляетъ до 338 десятинъ. Между тѣмъ доколѣ не пришлю вамъ записки, прикажите пріискать въ Сенатѣ (вѣроятно по первому департ.) докладъ Сенату во 2-й день октября 1806 г. конфирмованный; изъ него вы увидите, что̀ надлежало вамъ сдѣлать при разводѣ и чего вы не сдѣлали.

Прощайте, душевно васъ обнимаю.

III.

Пенза, марта 5-го 1818.

Письмо ваше, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, съ возвратившимся сюда чиновникомъ М. Ф.(21) я получилъ исправно. Весьма благодаренъ вамъ за исторію Карамзина. Что бы ни говорили ваши либеральные *врали*, а исторія сія ставитъ его наряду съ первѣйшими писателями въ Европѣ; скажу даже, что я ничего не знаю ни на Англійскомъ, ни на Французскомъ языкѣ превосходнѣе. Слогъ вообще прекрасной; духъ и времени и обстоятельствамъ и достоинству имперіи свойственной. Богатство учености и изысканій дѣйствительно вездѣ рѣдкое, а у насъ и невиданное и небывалое. Онъ и Уваровъ у насъ суть первые ученые люди изъ Русскихъ; *первые* не только по достоинству, но и по времени. Въ семъ родѣ, то есть въ истинной учености, отъ Ѳеофана до нихъ у насъ совершенная пустота. Я говорю о Русскихъ, а не о Нѣмцахъ, кои занимались нашими дѣлами и нынѣ еще занимаются съ великимъ успѣхомъ. Можно сдѣлать нѣсколько примѣчаній и мелкихъ поправленій, но что значатъ сіи маленькія пятна? Въ посвященіи слогъ моложавъ и даже есть нѣкоторое острословіе важности предмѣта несоразмѣрное. Но кто читаетъ посвященія? И Корнель и Расинъ писать ихъ не умѣли. О предисловіи тоже можно сдѣлать примѣчаніе; но я говорю объ исторіи, а не о фразахъ и мелочахъ. Не пріобщайтесь ради Бога къ толпѣ людей къ сожалѣнію у насъ еще многочисленной, людей, кои не умѣютъ, или не хотятъ отдать справедливости самымъ истиннымъ достоинствамъ, когда не находятъ въ нихъ своихъ системъ, своихъ предъубѣжденій. Совѣтъ впрочемъ излишній, потому что вы любите и правду и автора и прежде всѣхъ другихъ превозносили мнѣ и трудъ его и образъ мыслей. Есть точка зрѣнія, съ коей можно совсѣмъ иначе и можетъ быть справедливѣе смотрѣть и написать нашу исторію. Но сей видъ должно предоставить потомству и будущимъ Юмамъ (22).

Перехожу къ тому, что̀ вы называете *охранною грамотою*. Мысль ваша столькоже забавна, какъ и основательна. Сущая правда, что безъ сей охранной грамоты мудрено намъ съ вами свидѣться; но и то правда, что чему быть, того не миновать; а любить друзей можно и безъ свиданія.

Не боюсь обременить могучія ваши плечи непріятными моими разсказами. Сосѣдъ мой (23) Магницкій ведетъ себя, какъ рыцарь, искоренитель всѣхъ злоупотребленій (redresseur des torts). Сей образъ управленія ни съ чемъ несообразенъ. Къ сожалѣнію мало по малу образуется на него въ губерніи довольно сильное противодѣйствіе; поселяется общее мнѣніе, что, бывъ посланъ для оправданія, онъ дѣйствуетъ единственно по видамъ выслуги, хотя точно у него и въ мысляхъ сего не бывало; одна обыкновенная рѣзкость его характера и худое зрѣніе, недозволяющее ему обнять свое положеніе во всѣхъ его послѣдствіяхъ и во всей его совокупности, порываетъ его въ сіи стремнины. Совѣты мои

(21) Министерства финансовъ.

(22) Строки эти были уже напечатаны въ Р. Архивѣ сего года (стр. 919); здѣсь приводятся они въ общей связи цѣлаго письма.

(23) Онъ былъ тогда губернаторомъ въ сосѣдней, Симбирской губерніи.

ничтожны, лихая его жена ([24]) лишила меня всей его довѣренности. Для меня было бы сіе равнодушно, естьлибъ я менѣе его любилъ и естьлибъ при томъ въ нѣкоторыхъ останкахъ прежняго мнѣнія, поведеніе его не отливалось на меня. Передаю вамъ сіи подробности первое для того, чтобъ въ случаѣ нужды вы могли его, гдѣ можно, защитить; и второе, чтобъ имѣли о моемъ здѣсь положеніи всегда самое вѣрное понятіе; и третіе, наконецъ, чтобъ облегчить свою совѣсть и перевесть духъ. Впрочемъ личное мое здѣсь положеніе въ теченіи года не только не упало, но кажется еще идетъ въ верхъ; я разумѣю здѣсь общее мнѣніе и даже предразсудки разныхъ сословій. Земли мои идутъ такъ же довольно удачно. Надѣюсь въ теченіи лѣта все сіе дѣло окончить, естьли не съ чрезвычайнымъ, то по крайней мѣрѣ съ вѣрнымъ успѣхомъ.

Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю; пишите ко мнѣ, когда можете; но никогда не думайте, чтобъ я сталъ считаться съ вами почтами, зная, сколь вы заняты.

P. S. Вмѣсто почты мнѣ представился вѣрный и самый надежный случай отправить письмо сіе съ возвращающимся изъ Персіи г-номъ Худобашевымъ, другомъ Лазаревыхъ. Посему и дозволяю себѣ нѣсколько еще словъ присоединить объ *охранной грамотѣ*. Всѣ извѣстія, изъ Москвы и изъ Петербурга ко мнѣ доходившія и изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ истекающія, доказываютъ, что Е. В. имѣетъ мысль употребить меня въ дѣятельнѣйшую службу. Вы знаете личную мою приверженность къ Государю. Знаете такъ же, что одна необходимость могла и еще можетъ меня заставить переслуживать мою службу. Мнѣ нужно быть въ Петербургѣ не болѣе, какъ на одинъ годъ, даже на шесть мѣсяцевъ. М. Ф.([25]) тогда увидитъ и удостовѣрится въ линіи моего поведенія и получитъ охранную свою грамоту. Отъ нихъ зависитъ такъ меня поставить, чтобъ полезнымъ быть я могъ, а противодѣйствовать никогда. Сдѣлавъ меня Сенаторомъ и поручивъ мнѣ коммисію законовъ, они совершенно достигнутъ своей цѣли; а я получу средство окончить службу образомъ благопристойнымъ для себя и, смѣю сказать, достойнымъ для правительства. Въ семъ одномъ состоитъ все мое желаніе. Сообщаю вамъ сію мысль, какъ тему будущихъ вашихъ разговоровъ, естьлибы представился къ тому опять случай. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ есть странное предубѣжденіе; думаютъ, что я не могу быть помѣщенъ иначе, какъ на мѣсто графа Аракчеева. Предразсудокъ! Самъ графъ Аракчеевъ, сколько могу я судить по письмамъ его ко мнѣ, волею или неволею ожидаетъ сей замѣны. Но его сіятельство въ семъ ошибается; и сію-то сущую ошибку должно друзьямъ моимъ вездѣ, гдѣ встрѣтится случай, опровергать самымъ положительнымъ образомъ. Заключаю тѣмъ же, чѣмъ началъ, а именно, что въ личной моей преданности къ Государю и къ славѣ его царствованія никто меня не превзойдетъ и развѣ вы только одни можете со мною въ томъ поравняться. Прощайте, душевно васъ обнимаю.

P. S. Еще свѣжія вѣсти о Магницкомъ. Онъ путается и совершенно себя запутаетъ. Я сначала отсовѣтывалъ ему проситься въ отставку; теперь вижу, что одна отставка можетъ спасти его отъ великихъ бѣдъ. Строптивость удивительная! Пособляйте ему, сколько можете, чтобъ онъ былъ на свободѣ. Рѣшительно ни къ

([24]) Она была Француженка.

([25]) Министръ финансовъ и удѣловъ Д. А. Гурьевъ.

какому управленію онъ не способенъ. Упалъ и въ духѣ и въ умѣ, какъ Толедскій архіепископъ.

IV.

Пенза. 2-го маія 1818.

Тотъ же самый Сенатскій курьеръ, который вручилъ мнѣ письмо ваше, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, на возвратномъ пути изъ Астрахани представляетъ мнѣ удобность отвѣчать со всею откровенностію. Начну съ Московскихъ слуховъ. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы Московскихъ жителей Варшавскою рѣчію(26). Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь всё еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно. Опасность не въ существѣ дѣла: ибо нельзя себѣ представить (хотя и представляютъ многіе) чтобъ правительство пустило на отвагу дѣло столь важное и не пріуготовило-бы всѣ пути его, установленіями постепенными и твердыми, безъ колебанія и торопливости. Но опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается. Можно ли предполагать, чтобъ чувство столь заботливое и безпокойное, сохранилось въ тайнѣ въ одномъ кругу помѣщиковъ? Какъ же скоро оно примѣчено будетъ въ селеніяхъ (событіе весьма близкое) тогда родится или лучше сказать утвердится (ибо оно уже существуетъ) общее въ черномъ народѣ мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, *но что оно уже ее и даровало и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе*. Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно. Не на идеальныхъ предположеніяхъ основаны сіи горестныя предвѣщанія, но на всемъ томъ, что въ теченіи семилѣтняго моего по Россіи странствованія я слышалъ и видѣлъ собственными моими глазами, на твердомъ и опытномъ познаніи всей прилипчивости и неукротимости народныхъ заблужденій. Вы довольно меня знаете и повѣрите, что говорю не изъ трусости, хотя, правду сказать, отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Ханеневку, то есть 30 т. руб. доходу, все что имѣю и имѣть могу.

Но какимъ образомъ, спросите вы или лучше сказать спросятъ близорукіе ваши либералисты, какимъ образомъ изъ двухъ или трехъ словъ Варшавской рѣчи могутъ произойти столь огромныя и съ самымъ смысломъ сихъ словъ несообразныя послѣдствія? Могутъ потому, что нѣкоторою частію уже и произошли и въ очахъ нашихъ совершаются. Есть ли помѣщики, классъ людей безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ: то какъ можно требовать, чтобъ народъ простой могъ что либо другое тутъ видѣть! Во всѣхъ государствахъ мало, а у насъ еще менѣе, людей, кои знаютъ различіе между свободою политическою и гражданскою. По всей вѣроятности смыслъ рѣчи относится прямо къ первой; вторая же *можетъ быть*, или по крайней мѣрѣ *должна быть*, отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ. Но попытайтесь въ семъ увѣрить умы, давно уже опасеніями встревоженные или надеждами ослѣпленные.

Между тѣмъ увѣрить и успокоить ихъ необходимо: ибо, еще повторяю, страхъ въ предметахъ сего рода есть болѣзнь прилипчивая и всегда почти опасная. Я не знаю лучшаго къ сему средства, какъ учрежденіе комитета, который бы гласно уполномоченъ былъ заниматься симъ дѣломъ. Сіе установило бы тотъ часъ колеблющіяся мысли и дало бы нѣкоторое

(26) Извѣстная рѣчь Государя при открытіи Польскаго сейма, въ которой было упомянуто о распространеніи такъ называемыхъ свободныхъ учрежденій на всю Россію.

единообразное направленіе всѣмъ предположеніямъ. Ничто не питаетъ столько мрачныхъ подозрѣній, какъ полу-секреты; гласность ихъ разсѣеваетъ. Есть ли при семъ выборъ членовъ комитета представитъ публикѣ нѣкоторое ручательство, по твердости ихъ образа мыслей, по ихъ зрѣлой опытности и просвѣщенію: тогда, можно быть увѣреннымъ, всѣ безпокойныя разглашенія умолкнутъ. — Говоря съ вами искренно и бесѣдуя какъ бы лицомъ къ лицу, скажу по истинѣ, что Д. Александровичъ ([27]) одинъ можетъ и *долженъ* быть главою сего дѣла. Онъ можетъ потому, что къ нему имѣютъ лучшіе въ Россіи люди истинное уваженіе; онъ *долженъ* первое потому, что онъ можетъ; а второе потому, что часть его не есть просто министерство, но ключъ и жизненная движущая сила всего управленія; сила, въ коей всѣ болѣзненные припадки государства прежде всѣхъ другихъ и болѣе всѣхъ другихъ должны обнаружиться ([28]). Приглашеніе двухъ или трехъ губернаторовъ (но не одного кого бы то ни было) и также двухъ или трехъ губ. предводителей было-бы такъ же довольно полезно; сіе послужило бы увѣреніемъ, что не имѣютъ причинъ ни таить, ни опасаться. Я знаю такъ же, какъ и вы, что важныя дѣла не дѣлаются многосложными комитетами; но въ семъ случаѣ нѣкоторая сложность необходима не для самого существа дѣла, но для довѣрія ([29]). — Говоря о губернаторахъ, естественно мнѣ вспомнить о себѣ; я ненавижу ложной скромности, особливо съ друзьями: она мнѣ кажется гнуснымъ притворствомъ; но, говоря съ вами, какъ съ собственною моею совѣстію, ни въ сердцѣ ни въ мысляхъ моихъ не нахожу я важныхъ побужденій принять дѣятельное въ семъ предметѣ участіе. Я желаю появиться въ Петербургѣ, но въ видѣ самомъ простомъ и незначительномъ; желаю для того только, чтобъ докончить мое очищеніе и съ благопристойностію оставить навсегда службу; а участіе въ дѣлѣ столь важномъ завлечетъ меня далѣе, нежели я желаю, или могу. Изъ сего вы видите, что мысль о комитетѣ и губернаторахъ, не взирая на ваши намеки, не имѣетъ ничего личнаго. Напротивъ лично для меня было бы сто разъ выгоднѣе, покойнѣе и особливо безопаснѣе остаться въ сторонѣ.

Безопасность и отчужденіе отъ дѣлъ въ нѣкоторыя лѣта и послѣ разныхъ неудачъ становится самымъ любимымъ чувствомъ, первою нуждою бытія. Назовите сіе охлажденіе эгоизмомъ, можетъ быть вы не ошибетесь; но не хочу казаться предъ вами лучше, нежели какъ я есмь. Таковы мои сердечныя помышленія. Не взирая однако же, что они кажутся мнѣ основательны, одно слово, одно желаніе Д. Александр. можетъ ихъ перемѣнить. Съ нимъ и за нимъ я всюду пойду. Симъ обязанъ я не только внутреннему моему убѣжденію въ основательности его ума и истинномъ достоинствѣ его правилъ, но и благодарности. Я считаю малоду-

([27]) Д. А. Гурьевъ, бывшій въ то время министръ Финансовъ.

([28]) Это напоминаетъ выраженіе одного современнаго намъ дѣятеля; онъ говорилъ, что финансы бываютъ плохи лишь оттого, что на нихъ смотрятъ только какъ на деньги, тогда какъ въ нихъ, и особливо въ нашемъ вѣкѣ, важнѣйшая нравственная сила, и что министръ финансовъ долженъ простирать свое вліяніе безъ исключенія на всѣ части государственнаго быта. *П. Б.*

([29]) И такъ, въ это время по свидѣтельству Сперанскаго, мысль объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ наполняла Россію. Дворъ находился тогда въ Москвѣ, гдѣ 17 Апрѣля родился Тотъ, Кому Провидѣніе судило исполнить эту мысль! Будущій историкъ остановится на этомъ удивительномъ совпаденіи: мысль о свободѣ летала вокругъ колыбели только что родившагося Освободителя, и стихи Жуковскаго о *святѣйшемъ изъ званій* могли быть подсказаны ему тѣмъ, что̀ онъ слышалъ вокругъ себя въ Кремлевскомъ дворцѣ. *П. Б.*

шіемъ, даже подлостію видѣть равнодушно людей такихъ какъ онъ и оставлять ихъ бороться однихъ съ невѣжествомъ или пристрастіемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ; а что обстоятельства должны быть трудны, въ семъ къ сожалѣнію нельзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Сіи затрудненія съ отбытіемъ Государя въ чужіе краи по всей вѣроятности еще увеличатся. Если во время пребыванія Е. В. въ Москвѣ или въ Петербургѣ умы не будутъ успокоены какимъ нибудь положительнымъ и гласнымъ установленіемъ: то трудно будетъ поручиться за внутреннее спокойствіе. Не вхожу въ пространныя подробности; но вѣрьте, что говорю не безъ основанія и не безъ положительныхъ свѣдѣній, стекающихся сюда изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ отъ трехъ смежныхъ губерній, Тамбовской, Саратовской и большей половины Симбирской.

Кстати о Симбирской; вы знаете, что Магницкой отправился въ Москву. Я съ нимъ совершенно кончилъ, и навсегда, мои сношенія, кои въ прочемъ во все сіе время чуть чуть тянулись. Онъ отжилъ и самъ сіе чувствуетъ. Онъ не можетъ желать, да по счастью и не желаетъ, ничего, кромѣ насущнаго хлѣба и уединенія или самой простой инвалидной службы.

Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.—Завтра провожаемъ обѣихъ вашихъ сестрицъ въ деревню; а оттоль они скоро отправятся въ Кіевъ. О Павлушѣ [30] я непремѣнно писать буду, какъ и прежде.

V.

Пенза, 2-го маія 1818.

Въ письмѣ при семъ прилагаемомъ я сказалъ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, искренно мое мнѣніе о важности и силѣ настоящихъ обстоятельствъ. Перечитывая его, я нахожу, что, по странной встрѣчѣ искренности съ пріятностію, оно можетъ быть во всемъ пространствѣ прочитано или показано Дм. Александровичу. Я точно не имѣлъ сего въ виду, когда принялся за перо; но такъ вышло, и мнѣ кажется sauf votre meilleur avis [31] полезно было бы прочитать его. Я ничего не увеличилъ и точно такъ вижу, какъ пишу. Естьли бы я пустился въ анекдоты: то написалъ-бы ихъ цѣлую стопу. Въ собственной моей деревнѣ попы чуть не пустились въ доносъ за то, что староста нарядилъ крестьянъ на какую-то маловажную и времени не терпящую работу въ суботу свѣтлой недѣли. Что же сказать и чего должно будетъ ожидать осенью на заводахъ, когда слухи и толки вездѣ уже созрѣютъ? Вѣрьте мнѣ: тѣмъ или другимъ образомъ, но надобно положить сему предѣлъ. По образу, коимъ я здѣсь живу со всѣми, всѣ говорятъ со мною точно съ тою-же откровенностію, какъ бы я былъ простой здѣшній помѣщикъ. Нѣтъ письма съ почтою полученнаго, которое не было-бы мнѣ показано, какъ скоро содержаніе его нѣсколько важно. Разумѣется показано тѣмъ самымъ, кто его получилъ: ибо, слава Богу, у насъ здѣсь нѣтъ еще ни шпіонства, ни перлюстраціи.

Теперь скажу вамъ въ особенности отвѣтъ мой на совѣтъ проситься въ отпускъ. Я послѣдую ему, но не нынѣ, а на осень. Пошлю письмо къ князю Голицыну или къ гр. Аракчееву около того времени, какъ Государь будетъ собираться въ чужіе краи. Проситься нынѣ я считаю непристойностію, нѣкоторымъ вызовомъ, чтобъ употребили меня въ настоящихъ дѣлахъ; а сіи тонкости съ Государемъ не годятся или по крайней мѣрѣ я не

(30) Павелъ Александровичъ Евреиновъ.

(31) Если и вы на то согласны.

хочу ихъ употреблять. Да и что мнѣ у васъ дѣлать во время праздниковъ и представленій? Питать народную пытливость? умножать толки? Ихъ и безъ меня довольно. Осенью же, въ отсутствіе большаго двора, менѣе возбуждено будетъ вниманіе, и я успѣю въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя мои дѣла домашнія кончить.—Все сіе, какъ вы видите, есть еще одно только предположеніе. Учрежденіе комитета и вызовъ меня въ видѣ его члена все бы согласилъ. Дм. Ал. имѣлъ бы время, не поступая въ глубину, увѣриться въ моихъ правилахъ; а я примѣрялся бы къ нему. Къ эпохѣ возвращенія государева мы бы уже знали, какъ и съ кѣмъ итти. Посему учрежденіе комитета есть самый важный пунктъ. Но здѣсь еще разъ, и по всей чистотѣ совѣсти, скажу, что буду ли я въ немъ, или нѣтъ, но онъ необходимъ, и мѣры сей отлагать вдаль никакъ не должно. Вызовъ вмѣстѣ со мною двухъ или трехъ губернаторовъ (но не Магницкаго) былъ бы щитомъ и для меня и для правительства. Пусть выберутъ честныхъ стариковъ, хотя для виду, но не Б—ыхъ и тому по-подобныхъ. Впрочемъ сія статья не самая важная, объ ней можно будетъ подумать и послѣ.—Въ послѣдствіи, когда дѣло оснуется, можно будетъ приглашать и губ. предводителей и даже духовныхъ нѣкоторыхъ лицъ, дабы такимъ образомъ, раздвигая постепенно кругъ дѣйствія, пріуготовить и образовать лучшее общее мнѣніе, а публикѣ представлять ручательство въ безопасности правилъ. Много можно сдѣлать добра, начавъ вещи не съ того конца, съ коего нынѣ по общимъ слухамъ они начинаются. Кто мететъ лѣстницу съ низу? —Epurez la partie administrative. Venez ensuite à établir les lois constitutionelles c'est à dire *liberté politique* et puis ensuite et graduellement vous viendrez à la question de *la liberté civile* c'est à dire liberté des paysans. Voilà le véritable ordre des choses[32]. Въ семъ порядкѣ послѣдній вопросъ едвали въ десять или въ двадцать лѣтъ приспѣетъ къ разрѣшенію: ибо предварительныя работы столь огромны, а средства наши въ людяхъ и въ деньгахъ такъ ограниченны, что невозможно и думать о поспѣшности. Поспѣшность тутъ есть торопливость, смѣшеніе и бѣдствіе. Впрочемъ не должно заблуждаться; работы сіи можно затянуть, проволочить, но отложить вовсе невозможно. Напоръ времени и обстоятельствъ такъ силенъ, машина нашего внутренняго губернскаго управленія такъ обветшала, такъ скрыпятъ всѣ разсохшіяся ея колесы, что она долго выдержать движенія не можетъ. Слѣдовательно исправленіе необходимо и начать его нужно; но должно начать съ начала, а не съ конца.

Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю. Дай Богъ когда-либо сказать до свиданія.

*

Послѣ этихъ писемъ въ умѣ читателя вѣроятно раждается цѣлый рядъ разнорѣчивыхъ мыслей, сужденій и вопросовъ, которые имѣютъ вполнѣ современное значеніе; потому я нахожу нужнымъ, сообщая эти письма въ печать, присоединить нѣсколько словъ отъ себя лично.

Есть историческія эпохи, когда мысли устанавливаются, извѣстный кругозоръ преобладаетъ, и взгляды на предметы, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, почти однообразны у всѣхъ. Но есть также эпохи переходныя, когда броженіе умовъ чрезвычайно, и являются различныя, крайнія и исключительныя, воззрѣнія. Въ такую-то эпоху пришлось дѣйствовать Сперанскому, и эта эпоха, хотя въ слабѣйшемъ видѣ, продолжается

(32) Очистите часть административную. Потомъ введите установительные законы, т. е. *свободу политическую*, и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о *свободѣ гражданской*, т. е. къ свободѣ крестьянъ. Вотъ настоящій ходъ дѣла.

и до сихъ поръ. Можно полагать, что такое положеніе въ сущности нормально, и что всегда будетъ борьба различныхъ коренныхъ мнѣній. Но я съ этимъ взглядомъ не совсѣмъ могу согласиться, и потому позволяю себѣ сдѣлать краткій обзоръ положенія мысли въ теперешнее время, такъ какъ оно по моему мнѣнію есть только продолженіе предшествующей эпохи, а также постараюсь указать тотъ примирительный исходъ, который, казалось бы, долженъ послѣдовать. Достигнувъ этой точки зрѣнія, правильнѣе можно будетъ судить о стремленіяхъ и дѣйствіяхъ Сперанскаго.

Что касается вопросовъ экономическихъ, то если были прежде люди совершенно опровергающіе собственность, то и теперь есть исключительные сторонники какого либо вида собственности или пользованія: личнаго, на ассоціаціи или общественнаго, получившіе названія соціалистовъ, коммунистовъ и т. д. и желающіе исключительнаго преобладанія одного изъ этихъ видовъ. Вопросъ этотъ рѣшается приложеніемъ въ оному метода историческаго развитія, другими словами постепенной послѣдовательности и соотношенія явленій. Ясно видно, что это ничто иное, какъ различные виды, которые облекаютъ трудъ при дальнѣйшемъ его развитіи, и изъ которыхъ каждый обусловливается во первыхъ средою и во вторыхъ соразмѣрнымъ увеличеніемъ рабочей силы; что нельзя насильно и произвольно перемѣнять эти виды, и что если ассоціація пригодна для разработки желѣзныхъ дорогъ, то она, при теперешнемъ положеніи земледѣлія, непримѣнима къ оному. Такой взглядъ на вопросъ низводитъ борьбу исключительныхъ воззрѣній къ вопросу примѣнимости и практичности во времени. Тоже самое можно сказать и о вопросахъ политическихъ.

Чтобъ ярче очертить это положеніе, именно исключительность существующихъ ученій, я приведу въ примѣръ вопросъ, который обсуждается въ теперешнее время, вопросъ общественнаго образованія: споръ классиковъ и естественниковъ. Причина разлада — въ желаніи исключительнаго преобладанія одного изъ различныхъ методовъ, употребляемыхъ въ разныхъ наукахъ. Споръ этотъ по моему мнѣнію тоже рѣшается приложеніемъ метода послѣдовательности и соотношенія явленій. Этотъ опытъ былъ сдѣланъ Огюстомъ Контомъ: онъ указалъ, что методы математическій, экспериментальный, историческій, ничто иное какъ различные виды одного и того же научнаго метода, при дальнѣйшемъ его развитіи и приложеніи къ болѣе сложнымъ явленіямъ; что постепенно увеличивающаяся сложность наукъ обратно пропорціональна ихъ уменьшающейся общности, чѣмъ и установляется іерархія наукъ. Огюстъ Контъ показалъ также вредъ, который можетъ произойти отъ исключительнаго изученія одной только науки, напримѣръ математики, потому что она пріучаетъ къ одному только способу мышленія. Тоже должно произойти при исключительномъ изученіи однихъ древнихъ языковъ или однихъ естественныхъ наукъ; что́ впрочемъ можно видѣть на цѣлыхъ классахъ математиковъ, словесниковъ и естественниковъ, или же на воспитанныхъ исключительно по одной изъ этихъ системъ. Ежедневно мы видимъ приложеніе къ различнымъ вопросамъ несвойственныхъ имъ методовъ; кромѣ другихъ вопросовъ, напримѣръ къ педагогическому, прилагали, главное, методъ экспериментальный, а также и аналогическій, который въ особенности пригоденъ въ физіологіи. Такое положеніе конечно ненормально. Обобщеніе науки, какъ я сказалъ выше, и всестороннее образованіе, которое будетъ его послѣдствіемъ, поведетъ къ непремѣнному примиренію, и низведетъ вопросъ собственно къ разрѣшенію только удобности и практическаго примѣненія онаго, къ разнымъ классамъ народонаселенія.

Я указалъ здѣсь на исключительность воззрѣній теперь существующую, въ разныхъ вопросахъ, и на возможность ее прекратить толь) лишь приступивъ къ органическому труду.

Подобный трудъ предпринялъ Сперанскій.

Во времена Сперанскаго, различіе въ мнѣніяхъ было еще сильнѣе, мысли были еще исключительнѣе, страсти еще болѣе распалены. Толчекъ, данный умамъ, и неминуемый разладъ, вслѣдствіе французской революціи и ея послѣдствій, чувствовался всюду. Іенское пораженіе, умножая неудовольствіе, повело къ преобразованію Пруссіи. Въ теперешнее время мы видѣли нѣчто подобное въ слѣдствіе послѣдней Крымской войны. Духъ времени, сраженія подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ, производили шатанье въ умахъ, вызывали новую организацію.

Оставляя читателю судить о мѣропріятіяхъ и стремленіяхъ Сперанскаго, я хотѣлъ только замѣтить, что для того, чтобъ отнестись критически къ подобному вопросу, невозможны исключительныя воззрѣнія, а необходимо принять во вниманіе: историческій ходъ мыслей и понятій, постепенно измѣняющійся бытовой строй, самый (такъ сказать) общественный механизмъ и различныя преобразованія формъ, которыя облекаютъ общество, при постепенномъ и естественномъ его развитіи.

Д. Столыпинъ.

Москва. 4 Сентября, 1869 г.

ТЕАТРЪ ГРАФА КАМЕНСКАГО ВЪ ОРЛѢ ВЪ 1827 И 1828 ГОДАХЪ.

(*Изъ Записокъ графа М. Д. Бутурлина*).

.... Любопытнѣе всего были въ Орлѣ домъ и публичный театръ графа Сергѣя Михайловича Каменскаго (сына фельдмаршала), состоявшій изъ его крѣпостныхъ людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, и съ полнымъ оркестромъ также изъ крѣпостныхъ. Таковыми же были живописцы, декораціи и машинисты. Въ театрѣ давались комедіи, водевили, слезливыя драмы, даже оперы и балеты доморощенными, безталанными и безголосными графскими артистами; они не отваживались только на трагедіи. Театръ съ домомъ, гдѣ жилъ графъ, и всѣ службы занимали огромный четыреугольникъ, чуть ли не цѣлый кварталъ на Соборной площади. Строенія были всѣ одноэтажныя и деревянныя съ колоннами, съ отвалившейся на нихъ штукатуркой, и уже при мнѣ зданія всѣ начинали гнить. Внутренняя отдѣлка театра была еще изрядная, съ беньурами, двумя (помнится мнѣ) ярусами ложъ и съ райкомъ; креслы подъ номерами, передніе ряды дороже остальныхъ. Въ этомъ театрѣ могло помѣститься столь же почти многочисленная публика, какъ въ Московскомъ Апраксинскомъ театрѣ ([1]) гдѣ въ то время имѣлась италіянская опера. Были при театрѣ капельдинеры, (какъ слѣдуетъ) въ ливрейныхъ фракахъ съ разными воротниками. При однообразіи жизни въ губернскомъ городѣ, театръ этотъ былъ не малымъ развлеченіемъ для насъ военныхъ ([2]). Въ числѣ оперъ, имѣли дерзость давать „Двухдневное приключеніе“ (Les deux journées) извѣстнаго Керубини, „Жанъ де Пари“ и „Красную шапочку“ (Le petit chaperon rouge) не менѣе извѣстнаго въ то время Боальдьё, „Жоконду“ (Николо д'Изуара) и Санд-

---

([1]) У Арбатскихъ воротъ, въ домѣ, гдѣ нынѣ Александровская военная гимназія.

([2]) Я только что поступилъ тогда юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, квартировавшій въ Орлѣ. Командиромъ полка былъ баронъ Ѳедоръ Петровичъ Оффенбергъ.

рилліону (Боальдье или Штебелдта, хорошо не помню), а всего чаще, подчивали насъ „Русалкою“; до Моцарта и Россини, однакоже, не доходили. Первый теноръ, чистый холопъ, по имени Кравченко, пѣлъ съ шикомъ, столькоже носомъ, сколько горломъ, не разставаяся никогда съ носовымъ платкомъ, который онъ комкалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ. Второй будтобы теноръ, Миняевъ, болѣе шевелилъ губами и махалъ руками, нежели выпускалъ звуки изъ устъ, и потому трудно было опредѣлить, къ какой категоріи принадлежалъ его голосъ. Чего либо похожаго на басъ (голосъ повсемѣстно встрѣчаемый въ Россіи) въ труппѣ рѣшительно не было, хотя лице, предназначенное для басовыхъ партицій, силилось ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка, дурнолицая примадонна, обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была превысокаго роста, и имѣла также свой особенный шикъ, состоявшій въ почти безпрерывномъ поворачиваніи головы къ одному плечу. Но въ балетахъ особенно былъ хорошъ первый танцоръ Васильевъ, ростомъ съ покойнаго Каратыгина, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ плохобритою бородою, пускавшійся въ граціозности и позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые „антреша“, голова его уходила почти въ облака сцены. Самъ хозяинъ всегда сидѣлъ въ 1-мъ ряду креселъ, а семейство его въ середней (помнится мнѣ) ложѣ, въ родѣ царской. Былъ въ мое время для продажи билетовъ, кассиръ; но разсказывали, что въ былое время графъ самъ сидѣлъ у кассы съ своимъ георгіевскимъ 2-й степени крестомъ (за взятіе Базарджика) и продавалъ билеты, по поводу чего юнкеръ графъ Мантейфель (служившій въ кирасирской дивизіи ген. Дуки, которая стояла въ Орлѣ въ началѣ 20-хъ годовъ) извѣстный своими шалостями, привезъ разъ въ кассу огромный мѣшокъ съ мѣдными деньгами въ уплату ложи бель-этажа; пересчитывать потребовалось много времени, такъ что должно было остановить раздачу билетовъ, а отказать было жалко, по цѣнѣ бель-этажной ложи.—Менѣе смѣшными въ комедіяхъ были двѣ сестры Кобазины въ роляхъ „premières amoureuses“, но не потому, что въ нихъ таилась искра драматическаго таланта, а потому только, что онѣ были дѣвки безъ претензій на барство, говорили и жестикюлировали какъ слѣдуетъ скромнымъ горничнымъ и прачкамъ. О туалетѣ артистовъ обоего пола нечего и говорить, хотя иные костюмы, относящіеся къ прошлымъ столѣтіямъ, были порядочными, и не даромъ сіятельный хозяинъ разорялся на свою затѣю: театръ былъ рѣдко пустъ. Справедливость требуетъ прибавить, что оркестръ былъ весьма сноснымъ. Изъ репертуара драммъ помню, что нерѣдко давалась одна плачевная и усыпительная подъ именемъ „Фальшивая Сидонія,“ изъ комедій: „Полубарскія затѣи“, а изъ водевилей: „Суженаго конемъ не объѣдешь“, Хмѣльницкаго, что̀ тогда было новизною.

Многолюдная прислуга при домѣ и капельдинеры были въ ливрейныхъ фракахъ съ бѣлыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими разрядъ и степень ихъ должности, и по мѣрѣ заслугъ переводились изъ одного цвѣта въ другой, о чемъ возвѣщалось въ ежедневномъ вечернемъ графскомъ приказѣ по дому, какъ водится въ полкахъ. Въ томъ же приказѣ напоминалось о безпорядкахъ, усмотрѣнныхъ графомъ въ теченіи дня; наприм.: дѣлалось графинѣ замѣчаніе за допущеніе ею того, что при входѣ ея въ лакейскую, люди или не встали съ своихъ мѣстъ, или не оказали должной ей почтительности. Все это я слышалъ отъ очевидцевъ; самъ же съ графомъ Каменскимъ не искалъ знакомства, да и никто изъ нашихъ ни

генераловъ, ни штабъ и оберъ-офицеровъ, не были вхожи къ нему, за исключеніемъ произведеннаго, недавно передъ тѣмъ, въ корнеты князя Александра Сергѣевича Вяземскаго (3). Одинъ изъ нашихъ офицеровъ Тѣлесницкій и я попытались было завести письменную интрижку съ двумя вышесказанными сестрами Кобазинами чрезъ лакеевъ съ разноцвѣтными воротниками, но радужные воротники брали деньги и насъ надували, и ничего изъ того не вышло, кромѣ того, что слухи дошли до графа, у котораго разлилась желчь, въ слѣдствіе чего онъ (помнится мнѣ) распорядился патріархально съ тою изъ сестеръ, къ которой мы писали, т. е. высѣкъ ее, и грозилъ жаловаться на меня моему отцу во Флоренцію. Вѣроятно и разноцвѣтный воротникъ, замѣшанный въ этомъ дѣлѣ, тоже поплатился своею шкурою. Графъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ, имѣвшей отъ перваго мужа двухъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ, дочерей. Кто была графиня по рожденію, и кто первый ея мужъ, я забылъ, но она была весьма достойная женщина; дѣтей же отъ графа тогда она не имѣла. Была у графа дочь отъ первой жены, не жившая съ отцемъ въ Орлѣ, и вскорѣ послѣ умершая дѣвицею, завѣщавши свое (материнское) имѣніе отцу.—Актрисы содержались въ заперти въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы въ гаремѣ, и кромѣ какъ въ театръ никуда не выходили, да и самимъ падчерицамъ графа едва ли было веселѣе: онѣ никуда не выѣзжали, ни на балы у губернатора (Петра Александровича Солнцева), ни въ Благородное Собраніе. Я не упомянулъ, что графъ держалъ при себѣ стараго нѣмца балетмейстера (по фамиліи, кажется, Гебель или Дебель) для обученія его танцоровъ и танцовщицъ. Нѣмецъ этотъ насъ увѣрялъ, что онъ нѣкогда служилъ въ нашемъ Павлоградскомъ полку при генералѣ Бауерѣ (въ началѣ столѣтія), а также, что знаменитый уже тогда Щепкинъ началъ свое драмматическое поприще на театрѣ графа Каменскаго.

(3) Вскорѣ послѣ переведеннаго въ Л. Г. Гусарскій полкъ, нынѣ умершаго.

Замѣтка.

При письмѣ пресловутаго ѳеократа и ултрамонтаниста графа Іосифа де Местра къ князю П. Б. Козловскому, помѣщенномъ въ Русскомъ Архивѣ за 1866 г. стр. 1492, сказано, что „аббатъ Розавенъ почти насильно обратилъ въ католичество графиню „Марію Артемьевну Воронцову.“ Это не совсѣмъ вѣрно. Упомянутая особа (фрейлина при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, умершая во Флоренціи 88 лѣтъ отъ роду въ 1865 году) была родная сестра матери моей графини Анны Артемьевны (умершей въ 1854 г.) и потому долгомъ считаю передать, какъ именно совершился переходъ ея въ латинство. Допускаю, что аббатъ Розавенъ могъ быть сопричастникомъ въ этомъ дѣлѣ; но прозелитическая подготовка тётки моей относится ко времени гораздо ранѣе 1815 г.; а именно, къ первымъ десяти годамъ столѣтія, когда въ женскихъ высшихъ сферахъ общества проявилась эта пропаганда, одною изъ точекъ опоры для которой была авторитетная эмигрантка принцесса де Тарантъ, нѣкогда придворная дама при несчастной королевѣ Маріи Антоанетѣ, и съ тѣмъ же значеніемъ принятая при нашемъ дворѣ. Принцесса де Тарантъ такъ высоко почиталась за ея религіозность, что по ея смерти чуть-ли не причислена Римскою церковію къ лику блаженныхъ. Сохранилось въ дѣтской моей памяти, что тётка называла её „La bienheureuse princesse de Tarante“, и имѣла при себѣ ея пор-

третъ съ выстриженною подъ гребешокъ головою, что̀ казалось мнѣ отвратительнымъ.

Позднѣе, во время разгара іезуитской пропаганды, тётка моя подружилась съ С. П. Свѣчиной, и не мудрено, что эта „русская ултрамонтантка“ (изрѣченіе это не мое, а заимствовано изъ статьи о ней въ одномъ изъ періодическихъ изданій) способствовала къ совращенію моей тётки. Она разсказывала въ нашей семьѣ, что главною причиною ея перехода въ католичество было неумѣніе свободно изъясняться по русски съ своимъ духовникомъ, и хотя, по свойственному ей юмору, она была не прочь отдѣлаться шуткою или краснымъ словечкомъ отъ предлагаемаго ей серіознаго вопроса, тѣмъ не менѣе, я охотно вѣрю, что и это обстоятельство могло быть одною изъ причинъ ея отпаденія отъ нашей церкви. Извѣстно, въ какой мѣрѣ наше высшее общество того времени страдало этимъ недугомъ ([1]). Правда, что существуетъ у насъ въ семействѣ (изъ боковыхъ, не отступниковъ) преданіе, будто бы въ частномъ разговорѣ объ этомъ затрудненіи тётки, аббатъ Розавенъ увѣрилъ её, что она можетъ-де исповѣдываться у него безъ отрѣченія отъ восточнаго вѣроисповѣданія, и что будто бы, когда она послѣдовала его совѣту, онъ (на исповѣди) объявилъ, что ей болѣе нѣтъ возврата къ нашей церкви, и что по силѣ этой-де у него исповѣди она принадлежитъ всецѣло римскому вѣроисповѣданію. Я далеко не сочувствую іезуитской пропагандѣ, поселившей религіозный раздоръ въ моей семьѣ, но затрудняюсь вѣрить въ столь наглый обманъ упомянутаго патера; да и тётка моя была слишкомъ умна, чтобы не понять нелѣпости приступать къ таинству покаянія внѣ своей церкви; и если она не была вполнѣ убѣждена доводами аббата по совершеніи своей исповѣди, если въ ней оставались еще сомнѣнія, то для разъясненія столь важнаго вопроса, она могла прибѣгнуть къ русскому своему духовнику. Слѣдовательно принужденія, съ стороны іезуитскаго патера, тутъ вѣроятно никакого не было.

О постепенномъ развитіи католицизма въ моемъ семействѣ подробно изложено въ моихъ Запискахъ, но они наврядъ-ли могутъ быть допущены въ печать въ полномъ составѣ, при моей жизни.

Кстати, передамъ анекдотъ о С. П. Свѣчиной, слышанный мною отъ тётки. Во время парижской своей жизни въ легитимическомъ кружкѣ *Faubourg St. Germain*, г-жа Свѣчина дала разъ порученіе находившемуся при ней мальчику-Калмычку сходить на рынокъ купить устрицъ, повторяя ему нѣсколько разъ названіе устрицъ по французски — *des hûitres*. Мальчикъ, въ памяти коего оставалось отрывками нѣсколько изъ французскихъ словъ, слышанныхъ имъ въ салонѣ своей барыни, гдѣ часто говорилось о тогдашнемъ королѣ Людовикѣ XVIII, помнилъ хорошо это имя *Louis dix huit*, но къ несчастію перепуталъ это слово съ *hûitres*, и сталъ спрашивать на рынкѣ: „donnez moi des Louis dix huit,“—къ общему смѣху торговокъ.

Графъ М. Бутурлинъ.

([1]) Въ этомъ отношеніи я не раздѣляю нападеній, направленныхъ Аб. Серг. Норовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ, на книгу „Война и миръ“. Если есть преувеличеніе у гр. Л. Н. Толстаго, то оно небольшое и ближе къ подлиннымъ лицамъ, чѣмъ у Гоголя.

ПИСЬМО К. Ѳ. КАЛАЙДОВИЧА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АМВРОСІЮ.

(*Сочинителю Исторіи Россійской Іерархіи.*)

Ваше Высокопреподобіе!

Полагая изъ дѣтства пріятнѣйшимъ для меня занятіемъ Россійскую Исторію, я сколько можно болѣе старался распространить свои въ ней познанія. Въ свободное время отъ должности, посвященной обученію юношества Россійской Исторіи, я отдыхалъ на Лѣтописцѣ Нестора, и всегда съ благоговѣніемъ читалъ описаніе того, когда Невидимый Богъ, неисповѣдимымъ Промысломъ Своимъ, утѣшилъ заблужденныхъ Россовъ, открывъ имъ свѣтъ Евангелія и пославъ имъ церковныхъ учителей. Вообразите, какъ пріятно читать дѣянія Пастырей Россійскихъ, сихъ великихъ защитниковъ истины, сихъ ревностныхъ поборниковъ благочестія и просвѣщенія; но мы до сихъ поръ ничего не имѣли основательнаго о семъ предметѣ. Сочиненіе преосвященнаго Платона хотя и стóитъ вниманія, однако не можетъ удовлетворить любителя церковной Исторіи, — онъ ищетъ описанія полнѣе, достовѣрнѣе и съ душевнымъ восторгомъ услаждается чтеніемъ *Исторіи Россійской Іерархіи*, собранной Вашимъ Высокопреподобіемъ. На сихъ дняхъ получивъ 2-ю часть оной, я прочиталъ отъ начала до конца съ большимъ любопытствомъ. Одно замѣчаніе о князѣ Острозскомъ показалось мнѣ не весьма вѣрно. Но не подумайте, чтобы виною письма моего было какое нибудь любочестіе. Нѣтъ! Почитая великія дарованія въ нашемъ отечествѣ, я желалъ имѣть столь для меня пріятное, хотя заочное знакомство. Благопріятной случай мнѣ представляется. Вы изволили въ описаніи Кіевопечерской Лавры на стр. 30 замѣтить, „что около 1608 года Константинъ Ивановичъ князь Острозскій подарилъ Лаврѣ буквы и всѣ орудія къ печати принадлежащія, поправляя въ семъ случаѣ поставленный въ Опис. Кіев. Лавр. 1531 годъ, и присовокупляя, что сіе быть не могло, потому что въ самомъ Острогѣ типографія заведена княземъ Константиномъ не прежде 1580 года, а въ 1531 году кн. Константинъ еще не былъ Острозскимъ. Можетъ быть, продолжаете вы, сія ошибка выведена изъ книги Тератургимы, въ которой на стр. 33 въ надписи Константину кн. Острозскому означена кончина его въ 1533 году несправедливо; ибо онъ скончался въ Кіевѣ 1608 года. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и оправдать Кальнѳфойскаго: въ книгѣ Teratoyrhima справедливо положенъ годъ смерти кн. Константина Ивановича Острозскаго 1533, а всѣхъ лѣтъ жизни 70. Это есть тотъ самой князь, которой, во время пораженія Литовскихъ войскъ при Вердощѣ въ 1500 году Россіянами, съ великимъ множествомъ другихъ взятъ въ плѣнъ и, не терпя праздности въ заточеніи, вступилъ въ Россійскую службу, при которомъ случаѣ въ 1506 году Августа 18 далъ о себѣ *запись* Вел. Кн. Василію Іоанновичу въ вѣрности, и при нѣкоторыхъ сраженіяхъ противъ Татаръ отличилъ себя храбростію, и за то пожалованъ вотчинами; однако, не смотря на то, въ 1507 году, подъ видомъ собранія войскъ, приблизившись къ Литовскимъ границамъ, измѣнивъ Вел. Кн. Василію Іоанновичу, паки уѣхалъ въ Польшу, и чрезъ нѣсколько времени въ 1514 году разбилъ Россійское войско при Оршѣ. Причина же, подавшая Вашему Высокопреподобію поводъ усумниться въ годѣ смерти кн. Острозскаго, есть та, что два князя, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, назывались однимъ именемъ. Первый Константинъ Ивановичъ, кн. Острозскій, воевода Троцкій, гетманъ Вел. Княж. Литовскаго, староста Бреславскій и Винницкій, есть вышеупо-

мянутой; а второй Константинъ Константиновичъ, воевода Кіевскій, есть тотъ самой, которой въ 1581 году своимъ стараніемъ издалъ Славенскую Библію въ Острогѣ, что можно доказать изъ начальныхъ словъ К. К. К. О. (Константина Константиновича князя Острожскаго), изображенныхъ при Библіи около герба сего князя. Чтожъ касается до типографіи Константина Ивановича Острожскаго, которую онъ подарилъ Кіевопечерской Лаврѣ, на сей разъ не берусь рѣшить. Весьма можетъ статься, что эта ошибка произошла отъ одного имени, почему на угадъ поставленъ въ Описаніи Кіевской Лавры 1531 годъ; — однакожъ при семъ замѣтить надобно, что Бакмейстеръ начало печатанія книгъ въ Острогѣ полагаетъ въ 1549 году.

Если я буду столько счастливъ, что получу пріятнѣйшій для меня отвѣтъ, то вы можете надписать: Его благородію Константину Өедоровичу Калайдовичу, живущему въ Институтѣ Өедора Виллерса между Тверскою и Никитскою.

Вручая себя святымъ Вашимъ молитвамъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію Моск. Унив. Канд. К. К.

Москва $18\frac{11}{9}11$.

Письмо это обязательно сообщено въ Чертковскую библіотеку Павломъ Михайловичемъ Строевымъ; на подлинникѣ его помѣты: рукою преосвященнаго Амвросія: „Получ. 12 числа, отв. 14.“, и рукою П. М. Строева: „Найдено въ бумагахъ преосвященнаго Амвросія въ Кириловѣ-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ Іюнѣ 1830 года.“

О СКЛОНЕНІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Съ недавняго времени у насъ начали обращаться съ русскими именами какъ съ иностранными и перестали склонять наши малороссійскія фамиліи, которыя не могутъ не подвергаться склоненію по той простой причинѣ, что онѣ фамиліи русскія. Такъ напримѣръ фамиліи — Коваленко, Сомко, Терещенко и пр. многіе перестали склонять, и о нихъ, какъ въ книгахъ, такъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ, говорится такъ: „призвать Ивана *Коваленко*, переговорить съ Григоріемъ *Терещенко*.“ Странно при этомъ то, что, сколько намъ извѣстно, сколько видно изъ старыхъ книгъ и писемъ, въ прошедшемъ вѣкѣ и въ началѣ настоящаго, этой ошибки не водилось, и русскіе Великороссіяне очень правильно умѣли склонять фамиліи русскихъ Малороссіянъ; они говорили: „*у Ивана Коваленка*, *съ Григоріемъ Терещенкомъ*, видѣли *Дараганову*, обѣдали у *Лизогубовой* или *Лизогубихи*; словомъ, они склоняли эти имена такъ, какъ это дѣлаютъ русскіе Малороссіяне т. е. грамматически. Отъ чего-же вдругъ произошла такая перемѣна, и Великороссіяне, забывъ относительно нашихъ фамилій всѣ требованія грамматики, начали обращаться съ ними, какъ съ фамиліями иностранными? Между сими послѣдними есть много такихъ, которыя никакъ не подчиняются склоненію въ русской рѣчи, каковы напримѣръ Дюлу, Коцебу, Краббе, Депре и т. п.; но можно ли допускать, чтобы тому же правилу были подчинены русскія имена — Иваненко, Стеценко, Богунъ, Гаевый и т. п., которыя на русскомъ же языкѣ склоняются. А между тѣмъ не только въ Петербургѣ, жители и чиновники, но даже въ самой Малороссіи (изъ подражанія) начали дѣлать эту грамматическую ошибку. Ужъ не хотятъ ли нашими малороссійскими именами

обогатить сокровищницу иностраннаго элемента на русской землѣ? Дѣло въ томъ, что это вводимое обыкновеніе не склонять Малороссійскія фамиліи оскорбляетъ слухъ, порождаетъ искусственную неловкость въ рѣчи и наконецъ ставитъ многихъ, особенно коренныхъ Малороссіянъ-простолюдиновъ въ совершенное недоумѣніе, такъ какъ они не привыкли подчинять свою русскую рѣчь законамъ иностраннаго языка. Намъ случалось видѣть, какое странное впечатлѣніе производитъ на нашихъ сельскихъ людей чтеніе оффиціальной бумаги, въ которой говорится нѣчто подобное слѣдующему: „объявить казаку *Сидоренко* совмѣстно съ *Тарасенко*“ и пр. Они переглядываются между собою, желая угадать, по каковски это написано и ужъ не Нѣмецъ ли писалъ бумагу, такъ какъ она писана во всякомъ случаѣ не по русски. Надобно при этомъ замѣтить и то, что въ актахъ оффиціальныхъ и юридическихъ явное отступленіе отъ требованій грамматики можетъ подъ часъ измѣнить смыслъ рѣчи и не всегда пройти безнаказанно для тѣхъ, коихъ эти акты касаются. На вопросы, дѣлаемые Малороссіянами касательно этого новаго пріема русской рѣчи, мы сами слышали отвѣтъ, что *иностранныя-де фамиліи* не склоняются. Итакъ, Малороссійскія фамиліи сдѣлались иностранными! Но вѣдь фамиліи Бергъ, Фишеръ и т. п. склоняются, потому что говорятъ съ Бергомъ и Фишеромъ, отъ чего же Стеценко не склоняется? Кажется, что самый рьяный сепаратистъ, еслибы даже таковые были, не употребилъ бы этого способа для отдѣленія своей народности отъ Руси Московской, по той простой причинѣ, что онъ бы въ такомъ случаѣ не признавалъ себя Малороссіяниномъ т. е. Русскимъ. Едва ли мы ошибемся, сказавши, что это новое обыкновеніе было введено отчасти лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторыми изъ малороссійскихъ дамъ, желавшихъ, по весьма естественному чувству, чтобы ихъ въ столицахъ принимали за Малороссіянокъ и не заставляли ошибаться въ ихъ происхожденіи прибавленіемъ частицы *овъ* къ ихъ фамиліямъ. Для этого они начали подписываться и печатать свои фамиліи на карточкахъ безъ грамматическихъ измѣненій; съ ихъ легкой руки начало входить обыкновеніе, столь противное Русской рѣчи (*). Какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что одно изъ двухъ: или малороссійскія фамиліи—не русскія (чего вѣроятно никто не вызовется доказывать, какъ явную нелѣпость) или, если эти фамиліи русскія, то на какомъ-же основаніи они могутъ быть изъяты изъ Русской грамматики и не подвергаться ея правиламъ?—Отъ непривычки къ окончанію имени на *ко*, Великороссіяне могутъ иногда ошибаться въ грамматическихъ склоненіяхъ этихъ именъ, и въ самомъ дѣлѣ тѣ изъ нихъ, которые не принимаютъ наши фамиліи за иностранныя, впадаютъ въ ошибку, склоняя фамиліи на *ко* какъ имена женскаго рода: съ „*Никитенкою*, или—я отдалъ вещь *Судіенкѣ*, *Кравченкѣ*“. Это опять неправильно, потому что если окончаніе на *ко* съ перваго взгляда не кажется несомнѣннымъ признакомъ мужескаго рода, то нѣтъ ни малѣйшей причины причислять его къ роду женскому. Въ этомъ случаѣ что̀ можетъ быть естественнѣе, какъ обратить вниманіе на способъ склоненія этихъ фамилій самими Малороссіянами, вѣря наконецъ,

(*) Намъ разсказывали такой случай. Одна зажиточная вдова-помѣщица (назовемъ ее хоть Крайченко) отдала приказъ во всѣ свои имѣнія, чтобы бумаги, къ ней посылаемыя, были надписываемы не *Екатеринѣ Васильевнѣ Крайченковой*, а *Крайченко*. Люди ея долго недоумѣвали, что̀ это значитъ; и наконецъ одинъ старый прикащикъ такъ растолковалъ это письменное нововведеніе: «Барыня-вдова, владѣетъ имѣніемъ покойника пожизненно: для того и звать ее по мужу Крайченко, а не Крайченкова». *П. Б.*

что языкъ, на которомъ говорятъ жители Полтавской, Кіевской или Подольской губерній, и былъ и есть никакой другой, какъ языкъ русскій. Стоитъ сдѣлать надъ собой это нетрудное усиліе, чтобы безошибочно склонять малороссійскія фамиліи, каковы напримѣръ Коваленко, Коваленкомъ, Коваленку и т. п., жена Коваленки должна называться Коваленчиха или Коваленкова, отъ чего мужъ ея все таки останется Коваленко, безъ всякаго прибавленія частицы *овъ*. Очень желательно, чтобы обращено было вниманіе на настоящую замѣтку и чтобы исправлялась ошибка, вкравшаяся въ русскую рѣчь въ силу вліянія совершенно не русскаго.

Григорій Галагинъ.

Сѣкирницы
20 Іюня 1869.

ДОМЪ ГДѢ ЖИЛЪ КАРЛЪ XII, СТОЯ ПОДЪ ПОЛТАВОЙ.

По поводу помѣщеннаго 9 февраля сего года въ № 40-мъ газеты „Вѣсть,“ краткаго некролога д. т. сов. сенатора Ѳ. П. Лубяновскаго, и въ подверждепіе того, что, по долговременной его жизни, въ памяти его хранились многія любопытныя свѣдѣнія (*), не лишнимъ считаю передать печати слышанное мною отъ него при одномъ изъ его четверговыхъ обѣдовъ, на которомъ присутствовали: дядя его Е. В. Карнѣевъ (опредѣленный, по собственнымъ словамъ его въ гражданскую службу отцемъ моимъ, когда онъ служилъ въ Орлѣ или Курскѣ); генералъ Ѳ. А. Саловъ, дочь хозяина, фрейлина, и нѣкоторые другіе. Ѳ. П. Лубяновскій, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „Скажите, землякъ, въ вашемъ ли владѣніи состоитъ дѣдовское имѣніе при селѣ Батькахъ, Полтавской губерніи, Зеньковскаго уѣзда?“—Да, отвѣчалъ я (такъ какъ въ то время оно не было еще продано моею матерью г. Гвоздикову).—„Такъ знайте-же, что вы владѣете историческою примѣчательностію: въ дѣтствѣ моемъ, продолжалъ онъ, дѣдъ мой ѣхалъ со мною изъ *Млиновъ* (мѣсто, гдѣ родился Ѳ. П. Лубяновскій, находящееся въ недальнемъ разстояніи отъ Батьковъ) въ гости къ вашему дѣду въ Батьки, и, подъѣзжая къ его дому, сказалъ мнѣ: „въ этомъ домѣ жилъ Шведскій король Карлъ XII, когда шелъ подъ Полтаву.“ Къ этому Лубяновскій присовокупилъ, что, по сказанію дѣда его, при домѣ томъ была выстроена, или передѣлана изъ другаго зданія, броварня, для варенія королю пива. Значитъ, пребываніе короля было, или расчитывалось, не очень на короткое время. Означенный домъ въ прежнемъ видѣ существуетъ и понынѣ, и въ недавнее время умершею владѣлицею г-жею Гвоздиковою, урожденною Короставецъ, завѣщанъ снова въ родъ Коростовцовыхъ, или правильнѣе Хоростовецкихъ - Остаевъ, какъ они назывались при переселеніи въ XVII столѣтіи изъ Подоліи въ Малороссію, избѣгая Католическо-Польскаго преслѣдованія всѣхъ православныхъ, гдѣ и по нынѣ въ Литинскомъ уѣздѣ находится мѣстечко Хоростовцы, или Коростовцы. При этомъ переселеніи предки ихъ вынесли съ собою пергаменные дипломы Польскихъ королей, со времени Болеслава Смѣлаго, на шляхетское достоинство и на многія маетности. Все это истреблено огнемъ, при сожженіи Шведами мѣстечка *Опошень*, въ 1709 году, и къ сожалѣнію не отыскивается о нихъ ничего въ описаніяхъ: Бѣльскаго, Патроцкаго, Околинскаго, Клейнотахъ св. Петра, Несецкаго, ни въ древнихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго центральнаго архива, ни въ Императорской публичной библіотекѣ; но какъ дипломы на шляхетство и гербы вы-

(*) Гдѣ же теперь Записки Ѳ. П. Лубяновскаго? *П. Б.*

давались изъ Канцлерской Канцелярiи Польскихъ королей, и велись тому книги или регистры, то быть можетъ, что занимающiеся археологiею и геральдикою могутъ указать, гдѣ они хранятся. Частное же обстоятельство, о переселенiи многочисленнаго семейства Хоростовецкихъ - Остаевъ изъ Подолiи въ Малороссiю свидѣтельствуетъ, что православiе, а слѣдовательно и церковно-славянскiй языкъ, были въ то время значительною принадлежностiю мѣстнаго народонаселенiя: иначе не было бы ни угнетенiя, ни преслѣдованiя православныхъ со стороны Польской администрацiи.

Любимъ Коростовцовъ
Д. Ст. Сов.

Павлоградъ.
19 Февраля 1869.

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ Н. И. ГРЕЧУ.

1.

Москва, 12 Ноября 1813.

Милостивый государь мой
Николай Ивановичъ!

Искренно благодарю за ваше обязательное, прiятное письмо. Книжка, посланная вами осенью прошлаго года, до меня не дошла, къ моему сожалѣнiю. Журналъ вашъ (*) давно читаю съ любопытствомъ и съ удовольствiемъ, радуясь, что публика отдаетъ справедливость вашему патрiотическому усердiю и таланту. Всякiй знакъ вашего ко мнѣ вниманiя и добраго расположенiя приму съ благодарностiю. Можетъ быть, обстоятельства дозволятъ мнѣ пользоваться личнымъ вашимъ знакомствомъ, котораго очень желаю. Между тѣмъ увѣряю васъ, милостивый государь мой, въ душевномъ почтенiи вашего покорнѣйшаго слуги Н. Карамзина.

(¹) Сынъ Отечества.

На конвертѣ:

Его Высокоблагородiю
Милостивому Государю моему
Николаю Ивановичу
Гречу
въ С.-Петербургѣ.

2.

Москва, 8 Дек. 1813.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Николай Ивановичъ, за книгу и за журналъ; но прошу васъ убѣдительно не давать себѣ труда пересылкою послѣдняго: я имѣю и читаю его. Довольно для меня вашего благорасположенiя, которымъ надѣюсь всегда пользоваться. Будьте увѣрены въ моей признательности и въ истинномъ почтенiи преданнаго вамъ покорнѣйшаго слуги
Н. Карамзина.

На конвертѣ:

Его Высокоблагородiю
Милостивому Государю моему
Николаю Ивановичу
Гречу,
въ С.-Петербургѣ.
Въ газетной экспедицiи.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА.

I.

Опущенное мѣсто въ Кавказскомъ Плѣнникѣ.

(По изд. Анненк., т. III, къ стр. 176).

И въ край далекiй полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
„Свобода, онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мiрѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;

И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ."

За сообщеніе этихъ стиховъ мы обязаны Михаилу Владиміровичу Юзефовичу, который, служа на Кавказѣ и состоя адъютантомъ у Н. Н. Раевскаго-сына, выписалъ этотъ отрывокъ изъ своеручной рукописи Пушкина.

П. Б.

II.

Псковъ.

Среди песчаныхъ скалъ, на берегахъ Великой,
Гдѣ носитъ естество полночи образъ дикой,
Согбенный исполинъ, подъ тяжестью оковъ,
Съ поникнутой главой, стоитъ печальный Псковъ....
Лишенный честныхъ благъ народнаго правленья,
Сей градъ являетъ намъ видъ страшный разрушенья...
Унылые рабы, трепещущей пятой
Героевъ вольности тамъ топчутъ прахъ святой...
Всё грустно, все молчитъ... Разбился жезлъ народа,
Бѣжитъ искусство прочь, и сѣтуетъ природа....

Пушкинъ.

Стихи эти могли быть написаны около 1825 года по поводу извѣстнаго отзыва Рылѣева, который писалъ Пушкину, что ему удивительно, какъ, живя близъ Пскова, Пушкинъ ничего не напишетъ объ этомъ городѣ, гдѣ яко бы „затушены послѣднія искры Русской свободы." Пушкинъ самъ конечно забылъ это оброненное произведеніе своей вольнолюбивой молодости. Стихи получены нами отъ одного собирателя, нѣкогда служившаго въ военной службѣ и стоявшаго съ полками въ Псковской губерніи. *П. Б.*

МЕЛОЧИ, ПОПРАВКИ, ЗАМѢТКИ.

На стр. 1063 Русск. Архива сего года, въ статьѣ: „Два автографа Пушкина", вкрались нѣкоторыя неточности, которыя я, какъ сообщившій упомянутые автографы уважаемому М. Н. Лонгинову, считаю своимъ долгомъ пояснить и дополнить тѣмъ, что̀ мнѣ извѣстно отъ г-на Антипина.

1) Иванъ Ѳомичъ Антипинъ—не мѣщанинъ, но купецъ города Калуги, ведущій въ настоящее время довольно значительную книжную торговлю, не одними лишь старыми книгами; во время же посѣщенія имъ А. С. Пушкина, въ его временномъ пребываніи, на Полотняномъ заводѣ, около Калуги, онъ не былъ еще купцомъ, но былъ мѣщаниномъ.

2) Григорій Ѳедоровичъ,—лице, упомянутое въ письмѣ А. С. Пушкина къ П. В. Нащокину, по разъясненіямъ, сообщеннымъ мнѣ Иваномъ Ѳомичемъ Антипинымъ,—карликъ, проживавшій на Полотняномъ заводѣ; онъ, какъ можно заключить изъ самаго письма къ г. Нащокину, пользовался расположеніемъ и вниманіемъ Пушкина, и былъ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Гончаровыхъ.

П. Барышниковъ.

9-го Іюня 1869 года.
Г. Болховъ Орловск. губерніи.

*

Извѣстный недалекимъ умомъ своимъ генералъ Б—ій, встрѣтивъ Жуковскаго вскорѣ послѣ происшествія 14 Декабря 1825 года, сказалъ ему: „Ну вотъ, Василій Андреевичъ, что̀ надѣлали ваши-то поэты!"—„Скажите лучше: наши эполеты", шутя возразилъ ему Жуковскій.

На стр. 731 и слѣд. Русскаго Архива сего года помѣщено частное письмо А.Н. Оленина о 14-мъ Декабря. Оно писано подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, когда подробности еще не успѣли выясниться, и въ немъ естественно могли встрѣтиться неточности. Такъ напримѣръ сказано, что въ графа Милорадовича стрѣлялъ князь Е. П. Оболенскій. Насъ просятъ заявить о невѣрности этого показанія: извѣстно, что гр. Милорадовичъ умеръ отъ раны, причиненной выстрѣломъ Петра Андреевича Каховскаго.

*

Въ записочкахъ Великаго Князя Павла Петровича къ офиціанту Курдюкову, помѣщенныхъ въ 3-й книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка," упоминается нѣкто Лафермьеръ, о которомъ мы не могли получить никакихъ свѣдѣній. Позднѣе нашлось о немъ слѣдующее біографическое указаніе.

Въ селѣ Андреевскомъ (Владимірской губерніи и уѣзда, въ 45 верстахъ отъ Владиміра и въ 10 верстахъ отъ станціи Болдина, что на Нижегородской желѣзной дорогѣ), принадлежащемъ святлѣйшему князю С. М. Воронцову, поставлено подъ деревяннымъ навѣсомъ, близъ олтаря каменной церкви (во имя св. Апостола Андрея) бѣломраморное надгробіе, съ слѣдующею надписью:

„Другу искреннему, испытанному и благоразумному,

Францу Герману Де ла Фермьеру, родившемуся въ Страсбургѣ, Февраля 11 дня 1737, при царскомъ дворѣ безпорочно пожившему, здѣсь на покоѣ скончавшемуся лѣта 1796, мѣсяца Іюня.

Воздвинулъ сей печальный памятникъ графъ Александръ Воронцовъ."

Лафермьеръ былъ, какъ сказываютъ, музыкантъ, и въ огромномъ барскомъ домѣ села Андреевскаго (который вполнѣ сохранился въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при графѣ А. Р. Воронцовѣ, со всѣмъ убранствомъ, гобеленевыми обоями, бюстами, театромъ, обширною портретною галлереею и пр.) на верху показываютъ комнату Лафермьера, замѣчательную тѣмъ, что если стать по серединѣ ея, топнуть ногою или крикнуть, то отдается звукъ, какъ будто отъ струнъ.

Самъ государственный канцлеръ А. Р. Воронцовъ похороненъ въ церкви села Андреевскаго, у южной стѣны. Надъ его могилою прекрасный огороженный рѣшоткою бѣломраморный памятникъ, отличающійся простотою и изяществомъ; на плитѣ краткая надпись, въ коей означено, что гр. Воронцовъ род. 4 Сент. 1741 и ум. 2 Декабря 1805; а съ боку: „Усердіемъ князя Семена Михаиловича и княгини Маріи Васильевны Воронцовыхъ, воздвигнутъ въ 1865 г."

Въ одномъ изъ кабинетовъ графа А. Р. Воронцова на видномъ мѣстѣ поясной портретъ А. Н. Радищева.

Портретная галлерея въ селѣ Андреевскомъ замѣчательна тѣмъ, что состоитъ въ большинствѣ изъ портретовъ людей Русскихъ; тамъ есть портреты, которые въ другихъ мѣстахъ намъ не встрѣчались. Опись галлереи нынѣ имѣется въ Чертковской библіотекѣ.

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 965, сверху, 8 строка, напечатано—Староглазовской, слѣдуетъ читать Старогладовской.

На стр. 966, сверху, стр 21—въ тулупахъ, слѣдуетъ — съ тулуками. (Тулукъ—это бурдюкъ).

Стран. 976, сверху, 7 строка—Тамъ-Кизу, слѣдуетъ: Ташъ-Кичу.

Чертковская библіотека открыта для чтенія ежедневно отъ XI до III часовъ утра, кромѣ понедѣльниковъ и дней воскресныхъ и праздничныхъ.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

ВЪ 1833 ГОДУ.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. въ 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и библіографическими о немъ свѣдѣніями, въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.,

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ,

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Изданіе Русскаго Архива. Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к.
Къ этому второму изданію прибавлены:
1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ „Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова“.
2) „Тайныя Наставленія“ въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.
3) Польскій Катихизисъ.
4) Подробное оглавленіе всей книги.

ПОДПИСКА

на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ издаваемъ въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (состоящему изъ 12 тетрадей, каждая, отъ 4 до 6 листовъ, въ два столбца убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—**Семь рублей**.

Подписка безъ доставки не принимается.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой*, № *7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу*.

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ А. *Ѳ. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Русскій Архивъ прежнихъ годовъ: **1864** года **4** р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя), **1865**, **1866** (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и **1867** (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по **5** р., **1868** г. — **6** р. Пересылка за каждый годъ по **50** коп., кромѣ **1868** года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ (въ количествѣ не менѣе двухъ экземпляровъ) у самого издателя, П. И. Бартенева, пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ для Германіи и Бельгіи—**1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи—**2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

XI. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ. д. Шиловой.

1869.

Цѣна на 1870 годъ за 12 тетрадей — семь рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщеніе собранныхъ имъ статей и въ тоже время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива, нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ «Осмнадцатый Вѣкъ», въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ превышающія размѣръ тетрадей Русскаго Архива.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка», выходятъ безсрочно и продаются каждая отдѣльно, тамъ же гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой—2 р. 50 к., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

ЗАПИСКИ

ГАВРІИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА,

съ примѣчаніями П. И. Бартенева.

М. 1860. 8°. 520 стр. Цѣна 2 р., пересылка за 3 фунта.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива. 8°. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

О ПРИСЯГѢ ИНОЗЕМЦЕВЪ,

принятыхъ въ Русскую службу при Петрѣ Великомъ.

(Составлено по подлиннымъ документамъ хранящимся въ архивѣ министерства юстиціи).

Въ числѣ многихъ распоряженій, сдѣланныхъ императоромъ Петромъ 1-мъ съ цѣлію дать иной порядокъ государственному управленію Россіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ призывъ иностранцевъ въ Русскую службу. Но опредѣливъ ихъ къ должностямъ во вновь учрежденныхъ коллегіяхъ, онъ не оказалъ имъ того довѣрія, на которое они могли бы имѣть право, какъ лица, которымъ поручались различныя части высшаго управленія въ Государствѣ.

Присутствуя въ Сенатѣ 19 Марта 1719 года, Петръ Великій далъ повелѣніе, чтобы иноземцамъ, служащимъ въ Камеръ-Коллегіи и въ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи [1]) не показывать подлинныхъ вѣдомостей о приходахъ и о расположеніяхъ (о расходахъ) и сверхъ того, Вице-Президентовъ тѣхъ Коллегій, призвавъ въ Сенатъ,—обязать вѣчною присягою [2]).

Сенатъ, указомъ 22 Августа того же года, распространилъ это повелѣніе на всѣхъ иноземцевъ, которые находились въ гражданской службѣ у дѣлъ въ Коллегіяхъ. Всѣ они были призваны въ Сенатъ, и имъ объявлена слѣдующая форма присяги:

„Азъ нижеимянованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, что хощу и долженъ Царю и Государю Всепресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему, Петру Первому, Царю и Всероссійскому Самодержцу и прочая, и прочая и прочая, и Его Государевой супругѣ Великой Государынѣ нашей Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ихъ Наслѣдникамъ, въ вѣчной службѣ яко природнымъ, истиннымъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому Его Царскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы, (или преимущества), узаконенныя, и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Царскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, нетокмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися буду; когда же къ службѣ и пользѣ Его Величества, какое тайное дѣло, или какое бъ оное ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать и то содержать въ совершенной тайнѣ, и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надле-

[1]) Камеръ-Коллегія (или казенныхъ сборовъ) имѣла предметомъ распредѣленіе и вѣдѣніе денежныхъ доходовъ всего Государства. Штатсъ-Конторъ-Коллегія завѣдывала государственными расходами. (Указъ 12 Декабря 1718; Пол. соб. зак. т. V. № 3255).

[2]) Указъ объ этомъ 19 Іюня 1719. т. V. № 3392.

жить и не будетъ повелѣно объявлять; и повѣренной и положенной на мнѣ чинъ, какъ по Генеральной, такъ и по особливо опредѣленной отъ Его Царскаго Величества, инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, отъ поставленныхъ надо мною начальниковъ, надлежащимъ образомъ совѣстно исправлять, и будучи въ опредѣленной мнѣ службѣ, что̀ противъ Его Царскаго Величества особы и всего Его Величества дому и высокаго интересу, и все что̀ отъ того зависитъ или къ тому причтено быти можетъ, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ не вымышлять, и всякой противной корреспонденціи и пересылки писемъ внѣ государства Его Величества не чинить, и для своей корысти, свойства̀, дружбы, ни вражды, противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ доброму и вѣрному Его Царскаго Величества подданному рабу благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь." [3])

По объявленіи этой формы иноземцамъ, старшіе изъ нихъ, то есть, занимавшіе высшія мѣста въ Коллегіяхъ, отказались дать требованную отъ нихъ присягу и представили въ Сенатъ донесенія, въ которыхъ изложили причины, побудившія ихъ къ такому отказу.

Первый, представившій донесеніе, былъ Вице-Президентъ Ревизіонъ-Коллегіи **Яганъ Фридрихъ фонъ Шмиденъ**. Онъ подалъ его 12 Сентября 1719 г. Въ началѣ донесенія онъ раздѣлилъ форму присяги на шесть пунктовъ, въ которыхъ требовалось: 1) быть въ вѣчной службѣ, подобно природнымъ и истиннымъ рабамъ и подданнымъ; 2) живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить; 3) указы отъ поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ исполнять; 4) пересылокъ писемъ внѣ Государства Его Величества не чинить; 5) какъ подданному рабу поступать, и наконецъ 6) въ заключеніе клятвы слова и крестъ цѣловать.

Шмиденъ изъявилъ удивленіе, что подобная присяга предложена была ему, какъ иностранцу, который договорился вступить въ нашу службу только на извѣстное время и который, безъ всякой похвальбы сказать (какъ онъ прибавляетъ) съ самой юности своей уже многимъ великимъ Монархамъ служилъ, и надлежащія присяги приносилъ даже до чина Тайнаго Совѣтника, и бывши уже Министромъ, принялъ въ нашей службѣ должность Вице-Президента. Поэтому, Шмиденъ находилъ требованіе отъ него присяги несогласнымъ ни съ условіемъ опредѣленія его въ нашу службу, ни съ капитуляціею, данною ему за собственноручнымъ царскимъ подписаніемъ (за Его Высокою свѣтлою рукою). Сообразно съ этою капитуляціею онъ и намѣренъ неуклонно сообразовать свои дѣйствія. Само собою разумѣется, продолжаетъ онъ, что если вѣрность его къ службѣ Царской умалится, то тѣмъ онъ неминуемо навлечетъ на себя гнѣвъ Государя. Сверхъ того онъ увѣренъ, что ежели онъ дастъ такое клятвенное обѣщаніе, которымъ его обязываютъ, то семейство его никогда къ нему сюда не пріѣдетъ.

Въ заключеніе Шмиденъ просилъ Сенатъ объ оказаніи ему защиты, согласно съ заключенною имъ капитуляціею. Если же, прибавляетъ онъ, Его Царскому Величеству и Высокосіятельному правительствующему Сенату заблагоразсудится, чтобы онъ принесъ присягу въ вѣрности, или бы далъ собственноручное клятвенное письмо, то готовъ это исполнить, съ выпускомъ, какъ въ русскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ образцахъ, тѣхъ выраженій, которыя выше означены подъ № 2 и 3.

[3]) Эта форма присяги вошла, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ Генеральный Регламентъ и въ такомъ видѣ дошла до нашего времени.

Шмиденъ оканчиваетъ свое донесеніе увѣреніями, что онъ и съ присягою и безъ присяги, доколѣ сохранитъ данныя ему отъ Бога милость, разумъ и силы, до тѣхъ поръ будетъ имѣть все возможное радѣніе, тщаніе, вниманіе и предпочтеніе къ службѣ его Царскаго Величества; при этомъ онъ изъявляетъ надежду, что Его Царское Величество и Правительствующій Сенатъ благоволятъ явить ему всякую милость и любовь. И если, по окончаніи опредѣленнаго въ капитуляціи срока его службы, онъ увидитъ, что его малыя заслуги и долѣе могутъ быть угодны Государю и Царская милость будетъ къ нему продолжаема и умножаема, то онъ останется въ службѣ и на болѣе продолжительное время.

Къ этому донесенію приложена была другая форма присяги съ слѣдующими измѣненіями противъ формы, предъявленной Сенатомъ.

Въ Сенатской формѣ написано: „предъ Святымъ Его Евангеліемъ.“ Въ новой формѣ, вмѣсто *Евангеліемъ* поставлено *словомъ*. Въ Сенатской—„что хощу и долженъ“,—въ новой *долженъ* выпущено. Въ Сенатской—“въ вѣчной службѣ, яко природнымъ, истиннымъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть“. Въ новой формѣ слова: *вѣчной* и *природнымъ* выпущены; а *рабомъ* и *подданнымъ* замѣнены: *служителемъ*. Далѣе выпущено: „и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить;“ „отъ поставленныхъ надо мною начальниковъ„ и „пересылки писемъ“: вмѣсто „подданному“—постановлено „*слугѣ*“. Въ Сенатской формѣ „какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь„.—Выраженіе о цѣлованіи Евангелія и креста въ новой формѣ выпущено, и написано: „какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ—Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ моимъ. Аминь“.

Въ слѣдъ за Шмиденомъ подали донесенія: находившійся въ Военной Коллегіи Генералъ-Лейтенантъ Шлиппенбахъ и Вице-Президенты-Камеръ-Коллегіи Баронъ Ниротъ и Юстицъ-Коллегіи фонъ Бревернъ. Ихъ донесенія, какъ уроженцевъ не задолго передъ тѣмъ завоеванной Лифляндіи, были отличны отъ донесенія Шмидена въ частностяхъ, но сходились въ общемъ, т. е. въ несогласіи принести присягу по данной формѣ. Содержаніе ихъ донесенія было слѣдующее.

Признавая присягу за святое дѣло, требующее, чтобы къ нему приступить съ полнымъ уразумѣніемъ, означенныя лица приносятъ Сенату благодарность за то, что прежде, чѣмъ присяга приведена была въ дѣйствіе, имъ сообщенъ былъ ея образецъ. Они изъявляютъ надежду, что нижеизложенное ихъ представленіе будетъ принято съ благосклоннымъ вниманіемъ, и они съ своей стороны исполнятъ присягу съ радостью и съ спокойною совѣстью.

Требуемая отъ нихъ присяга заключаетъ въ себѣ два свойства — присягу на подданство, и присягу чиновную (на вѣрность службы).

Присягу на подданство они уже давн исполнили и письменно и словесно съ прочими ихъ братьями и единоземцами въ Эстляндіи и Лифляндіи, съ которыми они, находясь подъ равными правами и преимуществами, и владѣя тамъ недвижимыми имѣніями, подлежатъ и одинаковымъ съ ними условіямъ. По этому они просятъ, чтобы Сенатъ удовольствовался принесенною уже ими присягою, и ходатайствуютъ объ этомъ для избѣжанія повода къ неправильнымъ толкамъ, будто бы Сенатъ, требуя отъ нихъ новой присяги на подданство, за то только, что они съ покорностію вступили въ Царскую службу, имѣетъ намѣреніе отлучить ихъ отъ ихъ братій и единоземцевъ и тѣмъ ихъ лишить правъ и преимуществъ, которыми послѣдніе пользуются.

Что же касается до присяги чиновной, то въ другихъ Государствахъ она требуется отъ лицъ, состоящихъ съ ними въ равныхъ чинахъ, не въ такой полнотѣ, какъ та, которой образецъ имъ доставленъ; и такую присягу, т. е. чиновную, они готовы принести; но просятъ, чтобы слова, которыя написаны въ окончаніи формы присяги о цѣлованіи креста, были исключены, потому что это несогласно съ обрядами ихъ церкви.

Одно изъ этихъ донесеній подписали Шлиппенбахъ и Баронъ Нирòтъ, а другое, буквально съ нимъ сходное, фонъ Бреверпъ. Донесенія поданы были въ Сенатъ 14 и 15 Сентября.

Совѣтникъ Юстицъ-Коллегіи Вольфъ представилъ Сенату, тоже 15 Сентября, донесеніе въ сущности такого же содержанія какъ и предъидущія.

Онъ писалъ: Высокоправительствующій Сенатъ благоволилъ сообщить мнѣ образецъ требуемой по моей должности присяги и изъявилъ желаніе имѣть на сіе мой отзывъ. Принимая это съ должною благодарностію и съ почтительною покорностію, я полагаю, что Правительствующій Сенатъ, по своему высокому разуму, изволилъ признать, что присяга есть такая святыня, которую не безъ размышленія и ничѣмъ не ослѣпляясь, но съ большимъ приготовленіемъ и испытаніемъ сердца слѣдуетъ исполнить, чтобы по учиненіи ея не осталось какого либо недоумѣнія и угрызенія совѣсти. По этому, продолжаетъ онъ, я вполнѣ надѣюсь, что Правительствующій Сенатъ приметъ благосклонно сей мой отзывъ.

Присягу на подданство Его Царскому Величеству я давно уже далъ, и именно, по завоеваніи города Нарвы, и я пребываю увѣреннымъ, что Правительствующій Сенатъ благоволитъ оною удовольствоваться и тѣмъ болѣе, что Сенаторъ и Президентъ Юстицъ-Коллегіи Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, при опредѣленіи моемъ на службу, обнадежилъ меня, что тѣ условія, съ которыми я вступилъ въ оную и по желанію Его Сіятельства письменно ему представилъ, будутъ сохранены ненарушимо.

Что же касается до чиновной присяги, то совѣтникъ Вольфъ сослался на мнѣніе Вице-Президента Фонъ-Бреверна, изложенное пространно въ его донесеніи.

Другой Совѣтникъ Юстицъ-Коллегіи. Гансъ Гейнрихъ Стрикъ, донося Сенату отъ 16 Сентября, что ему объявленъ образецъ требуемой отъ него присяги, присовокупилъ только, что онъ во всемъ согласенъ съ донесеніемъ представленнымъ въ Сенатъ Вице-Президентомъ Фонъ-Бреверномъ.

Совѣтникъ Камеръ-Коллегіи или, какъ онъ названъ въ данномъ ему патентѣ, Дѣйствительный Камеръ-ратъ Гейнрихъ Фикъ подалъ 21 Сентября пространное донесеніе. Онъ начинаетъ его предположеніемъ объяснить о вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти для интересовъ Его Царскаго Величества по поводу требуемой присяги отъ служащихъ въ Россіи иностранцевъ. Но не имѣя на это дозволенія и не зная, будетъ ли такое объясненіе угодно Правительствующему Сенату, Фикъ съ нижайшею покорностію рѣшается представить мнѣніе свое объ означенной присягѣ на столько, на сколько она лично до него относится. За симъ онъ продолжаетъ: 1) самому Государю и другимъ лицамъ извѣстно, что я не искалъ въ Россіи никакой службы, и прежде, чѣмъ сюда прибылъ, прошелъ цѣлый годъ въ опасной поѣздкѣ моей въ Швецію. Опасность эта проистекала отъ того, что мнѣ нужно было достать изъ Шведскихъ Коллегій нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей и пригласить изъ каждой Коллегіи по одному чиновнику для вступленія въ службу Его Царскаго Величества. Сверхъ того, на возвратномъ пути изъ Швеціи, съ моею женою, я три раза находился „въ бѣдахъ отъ морскаго страху“.

О трудахъ же и усердіи, оказанныхъ мною преимущественно передъ прочими

чужестранцами, Правительствующему Сенату извѣстно болѣе, чѣмъ кому либо другому. Хотя за такой путь, сопряженный со многими опасностями и за особливые труды мнѣ дѣланы были отъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ обѣщанія о награжденіи, но до сего времени никто еще не сдѣлалъ обо мнѣ представленія или напоминанія Государю. Извѣстно, что во всѣхъ Европейскихъ державахъ оказавшія подобныя заслуги лица бываютъ такъ награждаемы, что не только дѣти, но и потомки получаютъ обезпеченіе. Милость же Его Величества при награжденіи превосходитъ всѣ государства въ Европѣ.

Данный мнѣ патентъ и включенныя въ него капитуляціи (условія) ставятъ меня въ исключительное положеніе противъ другихъ иностранцевъ. Въ немъ Его Величество повелѣваетъ своимъ наслѣдникамъ содержать означенныя условія ненарушимо; посему я не могу предполагать, чтобы такое священное обязательство еще при жизни Его Величества, безъ нужды и безъ всякой съ моей стороны вины, было нарушено. Въ тѣхъ же условіяхъ подробно означено, въ чемъ состоитъ моя должность и какія возложены на меня обязанности, и ежели я только въ этомъ дамъ присягу и вѣрно исполнять буду, какъ по сіе время я и дѣлалъ безъ присяги, то надѣюсь, что болѣе сего отъ меня нельзя и требовать.

Что же касается до удостовѣренія на будущее время въ моей вѣрности, которую намѣреваются обратить въ вѣчное обязательство, то не благоугодно ли будетъ Правительствующему Сенату обратить милостивое вниманіе на то, съ какимъ прилежаніемъ и ревностію я по сіе время къ пользамъ Его Величества старался споспѣшествовать при учрежденіи Коллегій и Губерній; какъ много и подробно я писалъ о распространеніи нашей торговли и мануфактуръ, о воспитаніи и обученіи русскаго юношества, которое должно быть твердою опорою будущаго благополучія России. Равномѣрно и непосредственный мой начальникъ г. Президентъ можетъ засвидѣтельствовать, что я, какъ вѣрный слуга, не только никогда не оставлялъ трудиться по Камеръ-Коллегіи, но и ввелъ много необходимаго для усовершенствованія камернаго дѣла. Будущее покажетъ, что я уже записалъ у себя до ста разныхъ распоряженій, которыя служатъ душою человѣческаго общества и между прочимъ объ улучшеніи Полиціи.

Изъ всего этого Правительствующій Сенатъ можетъ усмотрѣть, что я, какъ природный подданный, радѣлъ объ истинномъ благополучіи и пользѣ Россійскаго государства, и что я не такой человѣкъ, который ни о чемъ не старается, а думаетъ только о томъ, чтобы прошли договорные годы.

Требуемаго отъ меня тяжкаго обязательства, остаться навсегда въ Россіи, я исполнить не могу. Хотя ни мало не намѣренъ отступить отъ заключенныхъ со мною условій, но природную свою вольность за деньги или за какое другое богатство не промѣняю. Если же я по милости Его Величества и по предстательству Высокаго Сената буду принятъ за вассала государева и мнѣ будутъ пожалованы маетности въ Лифляндіи или Эстляндіи, и ежели я и мои потомки будутъ пользоваться преимуществами Лифляндскаго или Эстляндскаго дворянства (шляхетства), то по всей вѣроятности можетъ случиться, что я навсегда останусь въ Россійскомъ государствѣ. Безразсудно было бы съ моей стороны, если бы я, покинувъ то государство, въ которомъ за достойныя заслуги получилъ бы отъ высшаго начальства милость и тѣмъ обезпечилъ состояніе своей фамиліи, сталъ искать того же въ иной странѣ, въ которой не могъ бы оказать никакой особенной заслуги. Но я ничего другого не желаю, какъ только того, чтобы Правительствующій Сенатъ единогласно призналъ и самъ Его Величеству доложилъ, что я оказалъ себя достойнымъ такой милости. При этомъ я предоставляю усмотрѣнію Сената опредѣ-

лить, много ли времени мнѣ должно будетъ остаться въ Россіи. По капитуляціи мнѣ осталось служить еще восемь лѣтъ. Но если въ продолженіи этого времени, я не буду употребляемъ къ дѣламъ, то я готовъ отказаться отъ своей капитуляціи, въ увѣренности, что такой съ моей стороны поступокъ не будетъ вмѣненъ въ осужденіе моимъ потомкамъ; ибо я, какъ отецъ, долженъ имѣть попеченіе объ ихъ благополучіи и сохранить тѣ преимущества, которыя имъ принадлежатъ по ихъ рожденію.

Если Государь или Сенатъ признаютъ нынѣ или черезъ годъ и болѣе, что услуги мои уже не могутъ приносить надлежащей пользы, то я останусь весьма доволенъ, ежели мнѣ данъ будетъ отпускъ и паспортъ и пожаловано милостивое награжденіе на дорогу. Но и тогда, если бы Его Величеству благоугодно было употребить меня въ Германіи, то я, не вступая ни въ какую другую службу, останусь въ службѣ Его Величества. Послѣ всего этого можно ли требовать отъ меня еще большей покорности?

Принимая въ разсужденіе, что одни Шведы останутся наслѣдственными непріятелями Россіи, то и я имъ также буду непріятенъ; и весьма естественно, что я уже не могу вступить въ службу къ такой державѣ, которая могла бы быть подозрительна или же сопряжена со вредомъ къ интересамъ Его Царскаго Величества и его Государства.

Когда же я получу увольненіе (абшитъ) и Его Величеству не угодно будетъ употребить меня по своимъ дѣламъ въ Германіи, то я буду искать тамъ такой службы, которую я могу получить по собственной рекомендаціи Его Величества у Высокихъ его родственниковъ или союзниковъ.

Изъ всего вышесказаннаго, и какъ я надѣюсь, вполнѣ правдиваго мнѣнія, Сенатъ усмотритъ, что лучшаго отвѣта отъ меня нельзя требовать.

Въ заключеніе Фикъ присовокупилъ, что въ предъявленной ему формѣ присяги находятся выраженія, которыя не употребительны въ чужихъ странахъ и не согласны съ его личнымъ положеніемъ. Вмѣсто ихъ онъ предлагаетъ включить въ его присягу такія обязательства, которыя для другихъ будутъ не подходящими. Въ слѣдствіе сего онъ представилъ составленную имъ форму, по которой онъ готовъ принести присягу въ вѣрности службы по занимаемой имъ должности. И такъ какъ онъ, въ окончаніи составленной имъ формы и въ самомъ донесеніи, для удостовѣренія въ своемъ добромъ намѣреніи, уже во многомъ отступилъ отъ своей природной вольности, то онъ и изъявляетъ надежду, что Высокій Сенатъ останется вполнѣ тѣмъ доволенъ.

Къ сему многорѣчивому донесенію Фикъ приложилъ копію съ патента, даннаго за собственноручнымъ Царскимъ подписаніемъ. Въ этомъ весьма любопытномъ документѣ изложены условія, на основаніи которыхъ Фикъ вступилъ въ нашу службу.

Вотъ точный списокъ патента:

„Божіею милостію Мы Петръ Первый Царь и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ Мы симъ всѣмъ, что понеже Мы намѣрены, для лучшаго управленія Нашихъ доходовъ, порядочной Каммеръ-Коллегіумъ установить и оной искусными людьми снабдить, и между иными особами къ тому намъ до сего времяни въ Княжей Голстинской службѣ бывшій Комисаръ Генрихъ Фикъ представленъ; и понеже Мы о его способности, искусствѣ и годности въ томъ довольно извѣстны: того ради мы милостиво за благо изобрѣли помянутаго нашего любезновѣрнаго, благошляхетнаго Генриха Фика въ наши дѣйствительные каммераты или казенные совѣтники учредить: такимъ образомъ, что онъ свой при такой службѣ надлежащій рангъ, засѣданіе и голосъ въ нашемъ Каммеръ-Коллегіи съ повсегоднымъ жалованьемъ восемьсотъ червонныхъ спеціесъ отъ сего числа имѣть будетъ;

яко же мы симъ и силою сей явственной грамоты Нашей въ такую службу съ принадлежащимъ къ тому жалованьемъ его учреждаемъ и установляемъ; такожъ сверхъ того пристойнымъ свободнымъ жилищемъ и потребными дровами его жалуемъ, что когда онъ Намъ и Нашему Престолу двѣнадцать лѣтъ выслужитъ и потомъ объ отпускѣ всеподданнѣйше просить или паки въ Германію ѣхать или въ Эстляндіи и Лифляндіи жить похочетъ, и тогда ему абшитъ и пашпортъ на всю фамилію данъ, а безъ всякаго удержанія онъ со всѣми при немъ будучими людьми и вещьми съ милостію Нашею отпущенъ будетъ; въ томужъ ему милостиво обѣщаемъ, что ежели онъ по прошествіи тѣхъ двѣнадцати лѣтъ болѣе въ Нашихъ земляхъ и области останется и своихъ дѣтей въ оныхъ поселитъ, то онъ и потомство его всегда противъ другихъ въ Государствахъ Нашихъ и службѣ обрѣтающихся чужеземцовъ свободное отправленіе вѣры и прочія вольности и привиліи (sic) имѣть и во всякихъ случаяхъ, Наша милость и защищеніе противъ другихъ ему показано будетъ; и все вышерѣченное отъ Насъ и Нашихъ сукцессоровъ онымъ милостиво и ненарушимо содержано будетъ. Напротивъ того его каммерата должность въ томъ состоять имѣетъ, что онъ Намъ и всему Нашему Дому вѣренъ и доброжелателенъ пребывать, Нашъ убытокъ и вредъ отвращать, а напротивъ того Нашей и Нашего Государства пользы и прибыли во всякой силѣ и возможности искать имѣетъ, а особливо въ повѣренномъ ему чинѣ вѣрно и прилежно поступать и все къ тому приводить трудиться, дабы всѣ финанціи или доходы Наши, въ доброе и надлежащее состояніе приведены, направлены и содержаны и притомъ ни Намъ, ниже Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ вредъ причиненъ былъ; притомъ имѣетъ онъ по Нашимъ всему Каммеръ-Коллегію впредь даннымъ инструкціямъ поступать; такожъ надлежитъ ему, ежели отъ Насъ или Нашего Каммеръ-Президента ему что тайнаго вручено или повѣрено будетъ, всегда во всякомъ секретѣ содержать, и гдѣ не надлежитъ никому о томъ ничего не объявлять и въ прочемъ во всемъ себя и вездѣ такимъ образомъ вести, какъ вѣрному и разумному слугѣ и каммерату надлежитъ и достоитъ, и какъ онъ предъ Всевышнимъ Богомъ, предъ Нами и передъ честнымъ свѣтомъ въ томъ отвѣтъ дать можетъ. Во увѣреніе того и ради вящей достовѣрности, Мы ему на сей чинъ учрежденное Милостивѣйшее обнадеживаніе собственноручно подписали, и Нашею Государственною печатію укрѣпить повелѣли; еже учинено въ Амстердамѣ въ 23 Генваря 1717 года". (М. П.) Подлинный Его Царскаго Величества патентъ за собственною Его Величества рукою.

Фикъ также составилъ свою форму присяги, которая заключалась въ слѣдующемъ.

„Соблюдая природную свою вольность и учиненную капитуляцію, я Генрихъ Фикъ обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ, дать нижеписанную присягу.

1). Что хощу Всепресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему Царю и Государю Петру Первому, такожъ и Ея Величеству Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и всему Высокому Царскому Дому вѣрнымъ и добрымъ и послушнымъ слугою быть, пока я въ Государствѣ или внѣ Государства въ службѣ Его Величества буду.

2). Что хощу Его Царскаго Величества Высокое самодержавство, силу и власть, такожъ всѣ къ Царскому Дому нынѣ принадлежащія, или которые впредь прибудутъ права и прерогативы, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять.

3). Что хощу по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать всему, что́ къ Его Царскаго Величества и Его Государству во всякихъ случаяхъ хотя въ Государствѣ, или внѣ Государства къ

вѣрной службѣ и пользѣ касатися можетъ; о ущербѣ же и о вредѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю или подозрѣніе имѣть буду, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися.

4). Въ повѣренномъ и положенномъ на мнѣ чинѣ, въ которомъ нынѣ обрѣтаюсь, или впредь опредѣленъ буду, хощу я по опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ генеральнымъ или специальнымъ регламентамъ, инструкціямъ и учрежденіямъ надлежащимъ образомъ и по лучшему моему разумѣнію и совѣсти поступать, и пока я въ сей службѣ буду, не хощу я что́ предпринять, которое явно или тайно противъ Его Царскаго Величества Высокой персоны, Его Величества всего Высокаго Дома или Его интересу произойти могло.

5). Все что произойти можетъ къ прочему споспѣшествованію Государственныхъ Коллегій, къ доброму порядку и исправности въ провинціяхъ и городѣхъ, для учрежденія доброй Полиціи, для исправленія подданныхъ, промысловъ и торговъ и къ благополучію и процвѣтанію всего Государства, и оное все хощу, колико я о томъ извѣстенъ, по возможности моей, Его Царскому Величеству или Его Высокому Сенату, всегда вѣрно объявлять и доносить, такожъ, ни изъ какого намѣренія или страха что утаить.

6). Корресподенціи, которыя мнѣ отъ Его Величества или его Тайной Штатсъ-Консиліи приказаны и повѣрены будутъ, хощу я съ вящшимъ прилежаніемъ и радѣніемъ исправлять, и по всякой возможности Его Величества Милостивѣйшему соизволенію и интересу при томъ смотрѣніе имѣть, а противъ того, никогда заповѣдной корреспонденціи или пересылокъ внѣ Государства писемъ касаться не хощу.

7). И ежели мнѣ во всѣхъ оныхъ или въ иныхъ которыхъ дѣлѣхъ отъ Его Величества или Вышняго моего Начальства что объявлено будетъ, которое тайно хранить надлежитъ, то буду оное содержать въ тайнѣ, и никому о том не объявлять, кому о томъ извѣсті имѣть не надлежитъ.

8). Ежели бы впредь соизволилъ Е Величество Милостивѣйше, прежде и послѣ оконченной капитуляціи, меня в Германіи въ другую какую свою слу бу опредѣлить, то хощу, оставя всѣ иныхъ службъ на свѣтѣ, въ служб Его Величества, до кончины своей вѣ но пребыть.

9). Въ прочемъ же не хощу я никог изъ собственной пользы или средств дружбы, вражды или иныхъ причи ради, должность свою и присяжное об зательство преступить, но во всемъ так себя содержать и поступать, какъ вѣрн му совѣтнику и доброму слугѣ Его Ца скаго Величества благопристойно на лежитъ, и какъ я въ томъ предъ Б гомъ и страшнымъ Его судомъ всег отвѣтъ дать могу. И сіе все хощу твердо и вѣрно содержать, какъ сущ Богу мнѣ вспомочь тѣлесно и душевн

*

Сенатъ, получивъ эти доносенія, пр зналъ за нужное потребовать изъ всѣх Коллегій списки служащихъ въ них чиновниковъ изъ иноземцевъ, какъ то Вице-Президентовъ, Совѣтниковъ, Ассе соровъ и другихъ съ показаніемъ, из какихъ они Государствъ, свободные л или изъ арестантовъ (т. е. военно-плѣн ныхъ), на сколько лѣтъ каждый из нихъ вступилъ въ службу, съ кѣмъ он заключили въ томъ условіе (капитулова ли) и даны ли имъ патенты?

Въ доставленныхъ въ Сенатъ сп скахъ было показано.

ИЗЪ КАМЕРЪ-КОЛЛЕГІИ.

Вице-Президентъ Баронъ Ниротъ, родомъ изъ Эстляндіи, былъ прежде по ковникомъ, а по завоеваніи ея, Эстлянд скимъ Ландратомъ, и имѣетъ Его Цар скаго Величества патентъ съ 11-го Іюня 1718 года.

Камеръ-Совѣтникъ Фикъ, уроженецъ вольнаго города Гамбурга, призванъ по Имянному Его Царскаго Величества указу изъ Голштиніи, гдѣ находился въ

Герцогской службѣ Комисаромъ, и въ городѣ Экенфердѣ исправлялъ юстицкія, экономическія и полицейскія дѣла. Въ 1715 году учинилъ онъ съ Его Царскимъ Величествомъ капитуляцію въ С.Петербургѣ. По возвращеніи его изъ поѣздки въ Швецію присланъ ему изъ Амстердама въ Генварѣ мѣсяцѣ 1717 года патентъ за собственноручнымъ Его Царскаго Величества подписаніемъ, въ которомъ и должность его званія обстоятельно изложена, и природныя его права и вольности Всемилостивѣйше утверждены. И по силѣ сего патента, послѣ двѣнадцатилѣтней службы, ему предоставлено возвратиться съ семействомъ въ свое отечество, ежели далѣе здѣсь служить не пожелаетъ.

Ассесоръ Антонъ Іоганъ Фонъ Зальца, Эстляндскій шляхтичь, былъ въ Шведской службѣ капитаномъ и взятъ въ плѣнъ въ 1702 году; изъ плѣна освобожденъ по имянному указу въ 1716 году и тогда, подобно прочимъ своимъ землякамъ, учинилъ присягу въ вѣрности Его Царскому Величеству; потомъ вступилъ въ службу и опредѣленъ ассесоромъ. На это званіе пожалованъ ему патентъ за собственноручною Его Царскаго Величества подписью.

Ассесоръ Христіанъ Бернгардтъ Глюкъ, родомъ изъ Маріенбурга, въ Лифляндіи, прибылъ въ Россію въ 1703 году и въ прошлыхъ годахъ находился при здѣшнемъ Дворѣ. А по указу Его Царскаго Величества опредѣленъ въ ассесоры и имѣетъ на сіе званіе патентъ съ 1-го Іюля 1718 года. Срокъ его службы въ немъ не означенъ.

Секретарь Степанъ Кохіусъ, родомъ изъ Пруссіи, имѣетъ патентъ отъ Его Царскаго Величества съ 11 дня Іюня 1718 года, по которому онъ вступилъ въ службу на пять лѣтъ „съ авантажами", обѣщанными всѣмъ чужестраннымъ. Кохіусъ, по окончаніи ученія, продолжавшаго десять лѣтъ, находился девять лѣтъ у дѣлъ въ своемъ отечествѣ, въ Польшѣ, въ Германіи и въ Голландіи протоколистомъ, секретаремъ и совѣтникомъ въ канцерярскихъ, каморныхъ, юстицкихъ и коррешпонденцныхъ дѣлахъ.

Камериръ Іоганъ Шмитъ, родомъ изъ Выборга, имѣетъ патентъ съ 11 Іюня 1718 года. Передъ симъ находился два года въ службѣ Его Царскаго Величества Земскимъ Камериромъ въ Финляндіи. Во время Шведскаго владычества онъ былъ, съ 1702 года, какъ видно изъ данныхъ ему отъ Шведской Камеръ-Коллегіи патентовъ, употребленъ при Губернскихъ и Военнаго Комисаріата Конторахъ земскимъ подъячимъ и Камеръ-Шрейберомъ, а съ 1706 года до 1710 года отправлялъ дѣло Полеваго Провіантмейстера при арміи въ Финляндіи. Взятъ въ плѣнъ при сдачѣ Выборга вмѣстѣ съ гарнизономъ.

Переводчикъ Яковъ Квистъ, родомъ изъ Нарвы, былъ прежде сего въ Ревелѣ при Эстляндской Генералъ-Губернской Канцеляріи переводчикомъ, и оттуда взятъ въ Государственную Камеръ-Коллегію. Патентъ имѣетъ отъ Его Царскаго Величества съ 11 Іюня 1718 года.

Переводчикъ Якимъ Рихертъ, родомъ изъ Шхоніи, въ Швеціи, началъ службу при Земской Канцеляріи канцеляристомъ, а потомъ поступилъ въ военную службу и былъ Драгунскаго полка прапорщикомъ. Взятъ въ плѣнъ въ 1709 году. По именному указу привезенъ вмѣстѣ съ другими Шведскими офицерами и опредѣленъ въ Камеръ-Коллегію певодчикомъ.

Актуаріусъ Іоганъ Георгъ Граве, Лифляндскій уроженецъ, прежде служилъ при Счетной Конторѣ писаремъ, потомъ вступилъ въ военную службу и былъ поручикомъ. Взятъ въ плѣнъ въ 1712 году. По указу Его Царскаго Величества привезенъ съ прочими Шведскими офицерами изъ Москвы и принятъ въ Камеръ-Коллегію въ Актуаріи.

Унтеръ-Камериръ Іоганъ Матіасъ Паули, родомъ изъ Бранденбургской Помераніи. По окончанія своего ученія поступилъ въ Прусскую службу къ Королевскому Тайному Совѣтнику и Гене-

ралъ-Аудитору Фонъ Ратцу. Послѣ былъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Юстиціаріусомъ и управителемъ Королевскими мызами. Получилъ патентъ отъ Его Царскаго Величества съ 11 Іюня 1718 года, по которому обязался служить въ Россіи шесть лѣтъ. Въ семъ патентѣ ему обѣщаны всѣ авантажи, которые получаютъ въ здѣшнемъ Государствѣ чужестранцы.

Унтеръ-Камериръ Мартинъ Шванвицъ, родомъ изъ города Торуна, гдѣ былъ директоромъ почты два съ половиной (полтретья) года, потомъ находился при бывшемъ Генералъ-Коммисарѣ Фонъ Мантейфелѣ секретаремъ, но оставался въ этой должности только 8 мѣсяцевъ, ибо получилъ отъ Его Царскаго Величества патентъ съ 11 Іюня 1718 года, и вступилъ въ службу при Камеръ-Коллегіи въ Унтеръ-Камериры на шесть лѣтъ.

Канцеляристъ Гейнрихъ Гребнеръ, родомъ изъ Магдебурга, служилъ въ Мансфельдскомъ графствѣ при акцизѣ, потомъ въ Магдебургѣ писаремъ при земскихъ судахъ; въ Россію прибылъ съ Оберъ-Инженеромъ Кулонгомъ и принятъ въ Камеръ-Коллегію въ канцеляристы. Патента еще не получилъ.

Камеръ-Шрейберъ Іоганъ Шлеттерманъ, родомъ изъ Стокгольма, служилъ въ Швеціи два года при Конторѣ Наслѣдственныхъ Дѣлъ, потомъ въ военной службѣ въ королевской Лейбъ-гвардіи волонтеромъ, и въ 1709 году взятъ въ плѣнъ подъ Полтавою. Въ С. Петербургѣ принятъ въ Каммеръ-Коллегію Камеръ-Шрейберомъ.

Камеръ-Шрейберъ Гейнрихъ Лудвигъ Геберъ, родомъ изъ Датской Голштиніи, вступилъ въ службу Его Царскаго Величества, на шесть лѣтъ по капитуляціи съ 11 Іюня 1718 года въ Камеръ-Шрейберы; прежде сего находился въ Камеръ-Коллегіи въ Копенгагенѣ въ томъ же званіи.

Камеръ-Шрейберъ Яковъ Іоганъ Зеелиндъ, родомъ изъ Риги, былъ въ Шведской службѣ первымъ сержантомъ и взятъ въ плѣнъ въ 1714 году. Въ 1716 году освобожденъ изъ подъ ареста Его Свѣтлостію Княземъ Меншиковымъ съ порукою, и потомъ принятъ въ Камеръ-Шрейберы; имѣетъ въ томъ Его Царскаго Величества патентъ съ 11 Октября 1718 года.

Камеръ-Шрейберъ Филиппъ Труммеръ, родомъ изъ Шленска (Силезіи), служилъ у трехъ Королевскихъ Польскихъ Принцевъ при поваренныхъ и погребныхъ счетахъ; семь лѣтъ былъ придворнымъ фурьеромъ, девять лѣтъ при Форстъ-амтѣ писаремъ. Въ службу Его Царскаго Величества вступилъ въ Камеръ-Шрейберы и имѣетъ патентъ съ 11 Іюня 1718 года на шесть лѣтъ.

Камеръ - Шрейберъ Христіанъ Вильгельмъ Корнеліусъ, родомъ изъ Королевства Прусскаго, служилъ нѣсколько лѣтъ у Генералъ-Поручика Флуга секретаремъ и потомъ при его полку аудиторомъ; имѣетъ отъ Его Царскаго Величества патентъ на шесть лѣтъ съ 11 Іюня 1716 г.

ИЗЪ РЕВИЗІОНЪ-КОЛЛЕГІИ.

Вице-Президентъ Іоганъ Фридрихъ Фонъ Шмиденъ, родомъ Саксонецъ, принялъ службу Его Царскаго Величества на должность Вице-Президента въ Ревизіонъ-Коллегіи. Договоръ учиненъ въ Берлинѣ на 6 лѣтъ 11 Іюня 1718 г. Въ Бранденбургіи служилъ за Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и былъ также Тайнымъ Военнымъ и Надворнымъ Совѣтникомъ; имѣетъ патентъ за рукою Его Царскаго Величества.

Ассесоръ Іоганъ Бернардъ Мюллеръ, Шведскій плѣнникъ, капитанъ, родомъ изъ Ростока, въ Мекленбургіи. Въ Августѣ 1719 года принятъ Сенатомъ въ службу Его Величества въ Ревизіонъ-Коллегію ассесоромъ на неопредѣленное время.

Комисаріусъ Христіанъ Груль, Лифляндецъ изъ Риги, поступилъ въ службу Его Царскаго Величества въ Ревизіонъ-Коллегію въ Сентябрѣ 1718 года по договору на 6 лѣтъ; имѣетъ патентъ

за рукою Его Царскаго Величества. Прежде сего служилъ въ Пруссіи за Бургграфа.

Секретаріусъ Иоганъ Остервальдтъ, родомъ изъ Гамбурга, принялъ службу Его Царскаго Величества 11 Іюня 1718 г. по договору на 6 лѣтъ; патентъ имѣетъ за рукою Его Царскаго Величества. Прежде служилъ четыре года секретаремъ у резидента Его Царскаго Величества Фонъ Беттигера, въ Гамбургѣ.

ИЗЪ ЮСТИЦЪ-КОЛЛЕГІИ.

Вицъ-Президентъ Фонъ Бревернъ, изъ Риги, Лифляндецъ. Опредѣленъ въ службу по патенту, за подписаніемъ собственной Его Царскаго Величества руки.

Совѣтники:

Сигизмундъ Адамъ Вольфъ, Лифляндецъ, изъ ассесоровъ Дерптскаго Ландгерихта; опредѣленъ по такому же патенту.

Гансъ Гейнрихъ Стригъ, Лифляндецъ же, изъ Дерптскаго шляхетства, поступилъ въ службу по опредѣленію Правительствующаго Сената.

Протонотаріусъ, Фердинандъ Гейденрейхъ, Цесарской земли, въ службу принятъ по патенту за подписаніемъ Его Царскаго Величества руки Іюня съ 11 числа 1718 года, на 6 лѣтъ.

Архиваріусъ Реймерсъ, Эстляндецъ изъ Ревеля, опредѣленъ по содержанію именнаго указа и по табелямъ, которыя предложены Царскому Величеству въ прошломъ 1718 году Іюня 11 дня.

Переводчики:

Яковъ Вернизоберъ, Французской земли, изъ Академіи.

Яганъ Вурмъ, Лифляндецъ, и Яганъ Вейцель, изъ Шведскихъ арестантовъ. Всѣ трое приняты по опредѣленію Правительствующаго Сената.

Копіистъ Карлъ Вильгельмъ Штейнмецъ, изъ Данцига, опредѣленъ по вышеуказаннымъ табелямъ 11 Іюня 1718 года.

ИЗЪ ШТАТСЪ-КОНТОРЪ-КОЛЛЕГІИ.

Штатсъ-Коммисаръ Карлъ Принценстернъ, Германскаго происхожденія, а родился въ Швеціи и служилъ при полку отъ кавалеріи маіоромъ. Послѣ десятилѣтняго плѣна, призванъ въ С.Петербургъ по указу Его Царскаго Величества и, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1718 года, принятъ въ службу Его Величества по капитуляціи на пять лѣтъ и пожалованъ патентомъ.

Секретарь Вильгельмъ Шульцъ, изъ Пруссіи. Прежде сего служилъ Его Величеству Королю Прусскому, при Польскомъ посольствѣ секретаремъ. По патенту Его Царскаго Величества, полученному 15 Декабря 1718 года, принятъ въ Русскую службу, по капитуляціи на пять лѣтъ.

Камерирь Детлевъ Яхимсенъ родился въ Ингерманландіи; прежде служилъ въ Шведскомъ полку поручикомъ, и послѣ семилѣтняго плѣна привезенъ въ С.Петербургъ и въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1719 года отъ Правительствующаго Сената пожалованъ въ камериры; но патента еще не получилъ.

Переводчикъ Авраамъ Іохемсъ служилъ прежде сего переводчикомъ при Ревельскомъ Магистратѣ и по патенту, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, 11 дня Іюня 1718 года, принятъ въ нашу службу.

Унтеръ - Камерирь Георгъ Солтнеръ, родился въ Берлинѣ, служилъ въ Лифляндіи при полку отъ инфантеріи полковымъ писаремъ; подъ Лѣснымъ взятъ въ плѣнъ, и послѣ десятилѣтняго въ ономъ пребыванія привезенъ сюда и принятъ въ нашу службу 1 Іюля 1718 года, по капитуляціи на шесть лѣтъ; имѣетъ патентъ.

Актуаріусъ Георгъ Шпанаусъ родился въ Дрезденѣ; въ 1707 году выѣхалъ изъ Саксоніи и былъ въ Маркъ-Бранденбургѣ, въ Помераніи, въ Пруссіи и другихъ мѣстахъ, а наиболѣе пробылъ въ Датскихъ владѣніяхъ „и наукою своею кормился“. Патентъ Его Царскаго Величества получилъ въ Данци-

гѣ 11 Іюня 1718 года и принятъ въ службу по капитуляціи на шесть лѣтъ.

Бухгалтеръ Лука Виллерсъ, родомъ изъ Гамбурга, жилъ у купцовъ. Бухгалтеромъ принятъ въ „Рентерею" Марта 1 дня; но патента еще не получилъ.

Камеръ-Шрейберъ Генрихъ Зандтенъ, родомъ изъ Пруссіи, находился въ Шлюссельбургѣ при фортификаціи кассиромъ или сборщикомъ. По взятіи сей крѣпости въ 1702 году, отправился въ Выборгъ съ гарнизономъ и тамъ находился по 1705 годъ; взятъ былъ въ плѣнъ при Березовыхъ островахъ; а въ Сентябрѣ 1718 года принятъ въ службу Его Царскаго Величества безсрочно и пожалованъ Всемилостивѣйшимъ патентомъ.

*

Большая часть помянутыхъ лицъ, а именно: штатсъ-комисаръ Принценштернъ, секретарь Шульцъ, переводчикъ Іохемсъ, унтеръ-камерирь Сольтнеръ, актуаріусъ Шпанаусъ и камеръшрейберъ Зандтенъ представили данные имъ патенты. Содержаніе ихъ было слѣдующее:

„Божіею милостію Мы Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе. Понеже Мы милостивѣйшее намѣреніе воспріяли Штатсъ-Контору надъ всѣмъ нашимъ Государствомъ учредить и во оной, между прочими, нѣмецкаго штатсъ-комисара опредѣлить, къ которому дѣлу намъ благошляхетный Карлъ Фонъ Принценстернъ подданнѣйше предложенъ; того ради Мы и за благо изобрѣли въ разсужденіе его достоинства и искусства, такожъ всегда явленныхъ добрыхъ поступокъ, по силѣ сего Нашего патента, его, помянутаго Нашего любезнаго и вѣрнаго Карла Фонъ Принценстерна, въ государственную Нашу Штатсъ-Контору, въ штатсъ-комисары милостивѣйше принять и учредить, такимъ образомъ, чтобъ ему по тысяча по двѣсти рублевъ на годъ жалованья исправно получать, и по прошедшихъ пяти лѣтъ свободу имѣть, ежели онъ въ службѣ Нашей болѣе пребыть не похочетъ, о нижайшемъ своемъ отпускѣ просить, и со онымъ, также и со всѣмъ своимъ имѣніемъ безъ препятствія и задержанія паки въ Германію возвратиться. Мы обнадеживаемъ такожде при томъ его милостивѣйше, что онъ и потомки его, ежели они въ Нашихъ Государствахъ остаться похотятъ, какъ въ христіанской своей вѣрѣ, такъ и въ гражданскихъ и розыскныхъ процессахъ и въ прочихъ приключающихся случаяхъ оными привиліями и авантажами подданнѣйше пользоваться имѣетъ, которыя Мы всѣмъ въ Государствахъ Нашихъ живущимъ чужестраннымъ въ Нашихъ манифестахъ или иныхъ резолюціяхъ уже милостивѣйше опредѣлили, или впредь еще опредѣлить милостиво соизволимъ. Противъ того имѣетъ онъ въ повѣренномъ ему милостивѣйше дѣлѣ всегда себя вѣрнымъ и прилежнымъ оказывать; отъ Насъ и Нашего Государства вредъ отвращать и пользѣ Нашей по всей возможности споспѣшествовать искать, и во всемъ такъ поступать, какъ вѣрному слугѣ и статсъкомисару пристойно и надлежитъ, и онъ въ томъ предъ Богомъ, предъ Нами и честнымъ свѣтомъ всегда отвѣтъ дать надѣется; во увѣреніе того Мы сей патентъ собственноручно подписали и Нашею Царскою печатью припечатать повелѣли. Данъ въ С. Питеръ-бурхѣ 13 дня Сентября 1718 года".

У подлиннаго патента приписано Его Царскаго Величества собственною рукою тако: **ПЕТРЪ**"

Патенты, данные означеннымъ лицамъ, были всѣ одинакаго содержанія, кромѣ только тѣхъ, которые давались на безсрочное время. Въ этихъ послѣднихъ выпускалось отъ словъ „и по прошедшихъ лѣтъ свободу имѣть, ежели онъ въ службѣ нашей болѣе пребыть не похочетъ", и т. д., до словъ: „или впредь еще опредѣлить милостиво соизволимъ."

ИЗЪ КОММЕРЦЪ-КОЛЛЕГІИ.

Совѣтники:

Иванъ Павелъ Баконъ, родомъ Баварецъ, принятъ въ Его Царскаго Величества службу въ Берлинѣ, 24 Сентября 1717 года по капитуляціи на 12 лѣтъ; имѣетъ патентъ.

Францъ Коленцъ, родомъ Англичанинъ, изъ Лондона, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію по именному указу, записанному въ сей коллегіи 28 Апрѣля 1719 года.

Яковъ Гювитъ, родомъ изъ Шотландіи, города Эдинбурга, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію по именному указу, записанному въ той же коллегіи 13 Мая 1719 года.

Ассесоры:

Иванъ Лефортъ, родомъ Швейцарецъ, города Женевы, принятъ въ Коммерцію совѣтникомъ и данъ ему патентъ 11 Марта 1715 года, а Февраля 7 дня сего 1719 года по указу Великаго Государя повелѣно ему быть ассесоромъ.

Дитрихъ Виллерсъ, родомъ изъ города Гамбурга, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1718 года.

Секретарь Іоганъ Готфридъ Гинтеръ, родомъ изъ Галберштадта, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію въ Берлинѣ 11 Іюня 1718 года, по капитуляціи на 6 лѣтъ, имѣетъ патентъ.

Комисаръ Мартынъ Шпейерманъ, родомъ изъ Данцига, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію по капитуляціи на 6 лѣтъ; имѣетъ патентъ отъ Іюня 1718 года.

Актуаріусъ Петръ Голштейнъ, уроженецъ города Нарвы, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію въ прошломъ 1718 году; имѣетъ патентъ.

Канцеляристъ Готфридъ Канцлеръ, родомъ Лифляндецъ, изъ города Дерпта, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію 1 Генваря 1719 года.

Копіистъ Георгъ Фридрихъ Тилле, родомъ изъ города Гамбурга, принятъ въ Коммерцъ-Коллегію въ 1718 году; имѣетъ патентъ.

Вскорѣ послѣ доставленія въ Сенатъ этого списка, совѣтникъ Баконъ, подалъ отъ себя особое донесеніе, въ которомъ, представляя, что сообщенная ему форма присяги не согласна съ выраженіями, заключающимися въ данномъ отъ Его Царскаго Величества патентѣ, объявилъ, что онъ готовъ принести присягу въ вѣрности согласно съ содержаніемъ означеннаго патента, который онъ и приложилъ въ копіи къ своему донесенію.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ КОЛЛЕГІЯ, на требованіе Сената о доставленіи ей списковъ о иноземцахъ, отвѣчала, что она еще 29 Мая сего 1719 года донесла Сенату, что „Адмиралтейская Коллегія еще не сочинена, и о сочиненіи оной требовано указа изъ Канцеляріи Сената“. Обращаясь къ вопросу о служащихъ въ ней иноземцахъ, она присовокупила, что въ ней управляетъ за Вице-Президента Адмиралъ Крейсъ, изъ Голландіи; кромѣ его въ ней состоитъ переводчикъ Гамильтонъ, котораго отецъ былъ Англичанинъ, а самъ онъ родился въ Москвѣ.

ИЗЪ БЕРГЪ и МАНУФАКТУРЪ-КОЛЛЕГІИ.

Тайный Совѣтникъ Ананіасъ Христіанъ Потъ, Баронъ фонъ Люберасъ, родомъ изъ Слезіи, призванъ въ службу Его Царскаго Величества въ 1719 году, въ городѣ Спа; капитуляцію и патентъ имѣетъ.

Ассесоръ Генрихъ Шлаттеръ, уроженецъ Швейцарской, капитулировалъ съ Каммерратомъ Фикомъ въ Берлинѣ въ 1718 году, на 6 лѣтъ; имѣетъ патентъ.

Ассесоръ Винцентъ Райзеръ, родомъ изъ Гамбурга, былъ оберъ-аудиторомъ отъ артиллеріи; 1. Января 1719 пожалованъ ассесоромъ; имѣетъ патентъ.

Яковъ Ліонъ Делегіенъ, Англичанинъ, опредѣленъ ассесоромъ; патентъ еще не выданъ.

Иванъ Фридрихъ Шмиденъ уроженецъ города Дрездена; опредѣленъ президентскимъ секретаремъ 29 Іюля 1719 года, а капитуляціи и патента не дано.

Иванъ Ѳедоръ Левинъ, уроженецъ Бранденбургской, города Лейцена: капитулировалъ съ Каммерратомъ Фикомъ въ Берлинѣ въ 1718 году на 6 лѣтъ, на должность Камеръ-Копіиста; патентъ имѣетъ отъ 1 Іюля 1719 года; опредѣленъ Канцеляристомъ при Бергъ-Коллегіи.

Въ послѣдствіи (31 Марта 1720 года) Баронъ Люберасъ представилъ отзывъ, въ которомъ объяснилъ, что требуемую отъ него присягу въ вѣрности службы онъ готовъ принести, съ условіемъ, что онъ останется въ службѣ Его Царскаго Величества еще два года, считая съ 1 Января 1720 года, если впрочемъ капитуляція его будетъ ненарушимо содержана, и преклонныя лѣта его и здоровье къ тому допустятъ.

ИЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Яганъ Крусали, гисторіи описатель, католикъ.

Яковъ Синявичь, переводчикъ Англійскаго языка, Греческаго исповѣданія.

Муртаза Тевкелевъ, переводчикъ Татарскаго языка, магометанинъ.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГІЯ, въ донесеніи своемъ Сенату, отъ 28 Іюля, ограничилась на первый разъ представленіемъ списка служащихъ въ ней иностранцевъ, которые были:

Воинскіе Тайные совѣтники, Генералъ-Лейтенанты:

Романъ Брюсъ и Антонъ фонъ Шлиппенбахъ.

Совѣтникъ и Ассесоръ Генералъ-Маіоръ Иванъ Гинтеръ.

Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантъ Центаровъ.

Секретарь Францъ Вистъ.

Оберъ-Кригсъ-Фискалъ Гедденъ.

Послѣ того и не прежде какъ 14 Марта 1720 года Военная Коллегія доставила Сенату копіи съ поданныхъ ей этими лицами, кромѣ Брюса и Гинтера, донесеній, въ которыхъ они изложили свѣдѣнія о своемъ происхожденіи, о прежней своей службѣ и объ условіяхъ, на которыхъ они вступили въ Русскую службу.

Генералъ Шлиппенбахъ писалъ, что онъ родомъ изъ Лифляндіи; имя его Вольмаръ Антонъ, баронъ Фонъ Шлиппенбахъ. Онъ былъ въ Шведской службѣ губернаторомъ Эстляндской провинціи, Генералъ-Маіоромъ-Аншефъ надъ войсками, расположенными въ Лифляндіи и Оберъ-Комендантомъ въ Дерптѣ, Перновѣ и на Эзелѣ. Потомъ онъ отправился въ Польшу къ войску Короля Шведскаго, и въ 1709 году подъ Полтавою взятъ въ плѣнъ, въ которомъ находился по 1712 годъ. Въ этомъ году вступилъ по капитуляціи съ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Меншиковымъ въ службу Его Царскаго Величества съ уговоромъ, чтобы рангъ его считать съ того времени какъ онъ былъ Генералъ-Маіоромъ у Короля Шведскаго. По окончаніи войны въ Финляндіи, онъ пожалованъ отъ Его Царскаго Величества въ 1714 году въ Генералъ-Поручики, и за старостію и немощію опредѣленъ „въ Военный Коллегіумъ Тайнымъ Совѣтникомъ". Въ этой должности онъ намѣренъ служить вѣрно до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть силы и пока слабое его здоровье дозволитъ, и если при томъ Его Царское Величество, Всемилостивѣйшій Монархъ и Государь, будетъ требовать его нижайшей службы и соизволитъ опредѣлить довольное содержаніе, которымъ бы онъ могъ жить въ семъ дорогомъ мѣстѣ (т. е. въ Петербургѣ) ибо изъ деревень своихъ онъ „ниже куска хлѣба не получаетъ", когда самъ въ нихъ не живетъ; „но съ радостнымъ сердцемъ все отдастъ для

субсистенціи войскъ Его Царскаго Величества"".

Генералъ Аудиторъ Центаровъ въ донесеніи своемъ объяснилъ, что онъ родился въ Пруссіи, въ гор. Кенигсбергѣ. До прибытія въ Россію находился волонтеромъ въ Гессенъ-Кассельскихъ войскахъ и нѣсколько разъ исправлялъ аудиторскую обязанность. Въ Русскую службу принятъ въ 1710 году генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ на должность Оберъ-Аудитора. Нынѣ состоитъ въ Военной Коллегіи Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантомъ.

Секретарь Вистъ показалъ о себѣ, что онъ родомъ изъ Силезіи, города Лигница. Отецъ его былъ тамъ Бургграфомъ. Въ Русскую службу онъ былъ принятъ въ 1704 году Генераломъ Галлартомъ и состоялъ при немъ переводчикомъ по 1707 годъ. Въ семъ году онъ опредѣленъ былъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву переводчикомъ же нѣмецкаго, латинскаго, польскаго и русскаго языковъ. Въ 1709 году послѣ Полтавской битвы пожалованъ Секретаремъ при походной канцеляріи фельдмаршала. Въ этой должности находился по 1719 годъ. При учрежденіи Коллегій Вистъ поступилъ, по назначенію князя Меншикова, въ Военную Коллегію секретаремъ же.

Прежняя служебная дѣятельность Оберъ-Кригсъ-Фискала Геддена изложена въ донесеніи его слѣдующимъ образомъ. Покойный Генералъ Ренъ, въ бытность свою въ 1704 году въ Ковнѣ съ кавалеріею, принялъ его въ службу Его Царскаго Величества секретаремъ и послалъ въ качествѣ агента въ Данцигъ. Отсюда Гедденъ извѣщалъ Рена обо всемъ, что̀ происходило между Польскимъ Королемъ отъ Республики и Станиславомъ Лещинскимъ. Равнымъ образомъ онъ сообщалъ тайно и другія извѣстія, которыя для пользы службы Его Царскаго Величества нужно было знать Генералу Рену. По приходѣ его въ 1706 году съ своею кавалеріею подъ Данцигъ, Гедденъ часто приходилъ къ нему изъ города и уходилъ обратно. Тамошній Магистратъ узналъ, что Гедденъ велъ переписку съ Реномъ. Посланное симъ послѣднимъ письмо къ нему было перехвачено, и на него съ того времени стали смотрѣть какъ на шпіона. Опасаясь, что-бы съ нимъ не случилось какой либо непріятности, Гедденъ, съ резидентомъ Бетчеромъ, принужденъ былъ выѣхать изъ Данцига и отправился къ Генералу Рену, оставивъ въ городѣ все свое имущество, котораго и понынѣ еще не получилъ. Въ январѣ 1707 года Гедденъ посланъ былъ изъ Брестъ-Литовска съ письмами къ Коронному Гетману Синявскому и къ Генералу Рибинскому, въ Краковъ. По возвращеніи изъ этой поѣздки, онъ продолжалъ находиться при Генералѣ Ренѣ, въ званіи секретаря отъ комерціи. Гедденъ командированъ былъ въ Львовъ, чтобы изъ сего мѣста установить сношенія съ Кіевомъ. Въ Львовѣ онъ опредѣленъ былъ полномочнымъ агентомъ и, неотлучно тамъ пребывая, по выступленіи нашихъ войскъ изъ Польши въ Украйну, сообщалъ какъ Генералу Рену такъ и Фельдмаршалу Шереметеву обо всѣхъ турецкихъ и польскихъ дѣлахъ и вообще обо всемъ, что̀ касалось до высокаго интереса Его Царскаго Величества. Въ 1714 году Генералъ Ренъ вызвалъ его изъ Львова въ Кіевъ, и имъ посылаемъ былъ въ нѣмецкія земли по разнымъ дѣламъ. Когда Гедденъ находился въ Бреславлѣ, то узналъ, что Венеровскій хотѣлъ уѣхать оттуда въ Гамбургъ. Гедденъ донесъ объ этомъ Рену, а самъ слѣдилъ за Венеровскимъ и даже отправился за нимъ въ Гамбургъ. Когда Венеровскій туда прибылъ, то Гедденъ, вознамѣрившись его захватить, явился къ нему, употребилъ стараніе, чтобы при немъ остаться и успѣлъ войти къ нему въ довѣріе. При помощи резидента Бетчера, онъ такъ устроилъ дѣло, что Венеровскій приведенъ былъ въ домъ резидента, и здѣсь какъ арестантъ задержанъ, вмѣстѣ съ Гедденомъ. Когда же онъ прибылъ къ Государю съ Венеровскимъ,

то Его Величество при всѣхъ Министрахъ и Генералахъ, соизволилъ пожаловать Геддена изъ Секретаря Коммерціи въ Оберъ-Кригсъ-Фискалы на мѣсто Шпиноля, съ обѣщаніемъ впредь за вѣрную его службу Всемилостивѣйше опредѣлить рангомъ выше.

*

По полученіи въ Сенатѣ вышеозначенныхъ свѣдѣній составленъ былъ списокъ всѣхъ находившихся въ нашей службѣ иностранцевъ, число которыхъ оказалось еще болѣе, чѣмъ показано было въ присланныхъ изъ Коллегій вѣдомостяхъ. Въ этомъ спискѣ иностранцы распредѣлены были на три разряда. Въ первомъ поименованы были тѣ, которые поступили въ нашу службу по капитуляціямъ; во второмъ показаны были лица изъ завоеванныхъ областей, вступившіе добровольно въ Русскую службу и получившіе патенты; и наконецъ въ третій разрядъ помѣщены были опредѣленые въ службу изъ военноплѣнныхъ. Разсмотрѣвъ эти списки, Сенатъ нашелъ нужнымъ призвать всѣхъ иностранцевъ и отобрать отъ нихъ словесно показаніе, кто желаетъ принять присягу „въ вѣчность" т. е. на вѣчную службу, что́ вѣроятно соотвѣтствовало подданству, и кто только на вѣрность службы, т. е. на опредѣленное время.

По отобраніи показаній отъ явившихся въ Сенатъ иностранцевъ, составленъ былъ новый списокъ, на которомъ отмѣчено было, откуда они были родомъ и какую присягу каждый изъ нихъ объявилъ желаніе принести.

На принятіе присяги на вѣчную службу изъявили согласіе.

Ассесоры Камеръ-Коллегіи Фонъ Зальца, изъ Эстляндіи, Бернгардъ Глюкъ, изъ Маріенбурга, совѣтникъ Юстицъ-Коллегіи Гейнрихъ Стрикъ, изъ Лифляндіи, Коммисаръ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи Карлъ Принценштернъ, изъ Швеціи, той же Коллегіи переводчикъ Абрамъ Іохемсъ, Московской уроженецъ.

На вѣрность службы:

Въ Каммеръ-Коллегіи Вице-Президентъ Баронъ Ниротъ, изъ Эстляндіи. Совѣтникъ Фикъ, изъ Гамбурга. Секретарь Кохіусъ, изъ Пруссіи. Камерирь Шмидтъ, изъ Выборга. Унтеръ-Камериры: Іоганъ Паули, изъ Бранденбурга. Мартынъ Шванвицъ, изъ Торуна. Переводчики: Яковъ Квистъ, изъ Нарвы. Якимъ Рихертъ, изъ Швеціи. Актуаріусъ Іоганъ Граве, изъ Лифляндіи. Камеръ-Шрейберы: Филиппъ Труммеръ, изъ Силезіи. Христіанъ Корнпліусъ, изъ Пруссіи. Генрихъ Геверъ, изъ Даніи. Іоганъ Шлеттерманъ, изъ Стокгольма, Яковъ Зеелиндъ изъ Риги. Канцеляристъ Гребнеръ, изъ Бранденбурга.

Въ Юстицъ Коллегіи: Вице-Президентъ фонъ Бревернъ, изъ Лифляндіи, изъявилъ желаніе дать присягу „по Рижскому шляхетскому капитуляціону". Совѣтникъ Адамъ Вольфъ, оттуда же. Протонотаріусъ Гейденрейхъ, изъ Цесарской земли. Архиваріусъ Реймерсъ, изъ Лифляндіи. Переводчики: Яковъ Верпизоберъ, изъ Франціи. Іоганъ Вурмъ, изъ Лифляндіи. Іоганъ Ветцель изъ военноплѣнныхъ. Копіистъ Штейнмецъ, изъ Данцига.

Въ Ревизіонъ-Коллегіи: Вице Президентъ Фонъ Шмиденъ, изъ Саксоніи. Коммиссаръ Христіанъ Грюль, изъ Риги. Ассесоръ Іоганъ Мюллеръ изъ Мекленбурга. Секретарь Іоганъ Остервальдъ, изъ Гамбурга.

Въ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи. Секретарь Вильгельмъ Шульце, изъ Пруссіи. Камериръ Детловъ Яхимсенъ, изъ Ингерманландіи. Унтеръ-Камериръ Солтнеръ изъ Берлина. Камеръ-Шрейберъ Зандтенъ изъ Пруссіи. Актуаріусъ Штанаусъ, изъ Дрездена. Бухгалтеръ Виллерсъ, изъ Гамбурга.

Въ Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи. Тайный Совѣтникъ Баронъ Люберасъ, изъ Силезіи. Ассесоры: Гейнрихъ Шлаттеръ, изъ Швейцаріи. Винцентъ Райзеръ, изъ Гамбурга. Яковъ Делейенъ, изъ Англіи. Президентской Секретарь Иванъ Шмиденъ, изъ Дрездена. Канцеляристъ Иванъ Левинъ, изъ Бранденбурга.

Въ Коммерцъ-Коллегіи Совѣтники: Иванъ, Павелъ, Баконъ, изъ Баваріи; Яковъ Гувитъ, изъ Шотландіи; Иванъ Маньянъ изъ Франціи, поступилъ въ службу только 14 Января 1720 года. Двое послѣдніе прибавили, что „ежели пожалованы будутъ Его Величествомъ чрезвычайною милостію, то учинятъ присягу и въ вѣчности“.

Ассесоры: Дитрихъ Виллерсъ, изъ Гамбурга. Андрей Декалсъ, принятъ въ службу 1 Марта 1720; но не сказано, откуда родомъ. Иванъ Лефортъ, изъ Швейцаріи. Секретарь Іоганъ Гинтеръ изъ Пруссіи. Коммиссаръ Мартынъ Шпейерманъ изъ Данцига. Актуаріусъ Петръ Гольштейнъ изъ Нарвы. Канцеляристъ Георгъ Канцлеръ изъ Дерпта. Копіистъ Георгъ Тилле изъ Гамбурга.

Служащіе въ Коллегіяхъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военной и Адмиралтейской, хотя и были внесены въ списокъ, вмѣстѣ съ прочими иностранцами; но ни объ одномъ изъ нихъ не было отмѣчено, какую присягу они намѣрены были принять. Во всѣхъ этихъ коллегіяхъ были показаны тѣже самыя лица, которыя поименованы въ представленныхъ въ Сенатъ донесеніяхъ.

Призывъ иностранцевъ въ Сенатъ и отбираніе отъ нихъ показаній производились довольно медленно, и только 15 Іюля 1720 года Сенатъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы всѣхъ, находящихся на службѣ въ Коллегіяхъ, иноземцевъ привести къ присягѣ по ихъ закону, при пасторахъ, — тѣхъ, которые обязываются вѣчною службою — по генеральной присягѣ, т. е. по присягѣ Генеральнаго Регламента, а поступившихъ по капитуляціямъ на опредѣленныя лѣта—обязать присягою на вѣрность службы; „и въ тѣхъ присягахъ (т. е. формахъ) написать“, дабы имъ, будучи у врученныхъ имъ дѣлъ въ службѣ Царскаго Величества, противъ Его Величества и всего Его Высокаго Дому и интересу и всего, что̀ отъ того зависитъ, или къ тому причтено быть можетъ ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ ничего не чинить, и никакой корреспонденціи, противной Его Царскаго Величества интересу ни съ кѣмъ не имѣть, и служить со всякою ревностію и вѣрностію; и какъ они по капитуляціямъ службу свою совершатъ и похотятъ ѣхать или отпущены будутъ въ свои земли, и имъ всего, что они во время той службы въ управленіи имѣли и о какихъ интересахъ Его Царскаго Величества вѣдѣніе получено, вѣчно содержать въ секретѣ и никому о нихъ не объявлять и въ томъ обязаться при отпускѣ присягою и реверсомъ письменнымъ и къ сторонѣ Царскаго Величества противностей иныхъ никакихъ не чинить.“

Въ слѣдствіе этого опредѣленія иностранцы вновь призваны были въ Сенатъ уже для принесенія присяги. Имъ велѣно было явиться 30 Іюля. Тогда же былъ приглашенъ и пасторъ „Люторскаго согласія“ Іоганъ Леонардъ Шатнеръ, который и приводилъ къ присягѣ.

Хотя Сенатъ и приказалъ, чтобы эти лица дали присягу по формѣ, помѣщенной въ Генеральномъ Регламентѣ, но это повелѣніе не было исполнено въ точности. Помянутые иностранцы приведены были къ присягѣ по формѣ, объявленной Сенатомъ при указѣ 22 Августа 1719 года и, какъ выше было замѣчено, не вполнѣ сходной съ помѣщенной въ Генеральномъ Регламентѣ. Даже и эта форма была нѣсколько измѣнена. Такъ какъ по ней присягало въ одно время нѣсколько лицъ, то она и была написана во множественномъ числѣ: „Мы нижепоименованные обѣщаемся и клянемся..... что хощемъ и должны“ и т. д; потомъ въ началѣ сдѣлано было слѣдующее измѣненіе: Вмѣсто „и ихъ наслѣдникамъ въ вѣчной службѣ, яко природнымъ, истиннымъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабамъ и подданнымъ быть, и всѣ, къ высокому...“ бы-

ло написано: „..... и ихъ наслѣдникамъ, яко истинными, вѣрными и послушными служителями до кончины жизней своихъ въ службѣ быть, и всѣ къ высокому.....“ сверхъ того, въ концѣ, слово *рабу*, замѣнено словомъ—*служителю*.

Форма присяги на вѣрность службы заключала, кромѣ означенныхъ, слѣдующія измѣненія: вмѣсто словъ, „и будучи въ опредѣленной мнѣ службѣ, что̀ противъ Его Царскаго Величества Особы.....“ было написано: „и будучи намъ у врученныхъ дѣлъ въ службѣ Царскаго Величества и противъ Его Величества Особы.....“ Слова „и всякой противной корреспонденціи и пересылки писемъ внѣ Государства Его Величества не чинить“ замѣщены были „....и ничего не чинить и никакой корреспонденціи противной Его Царскаго Величества интересу ни съ кѣмъ не имѣть и служить со всякою ревностію и вѣрностію.“ Вмѣсто „подданному рабу“ поставлено: „подданнымъ слугамъ„. Послѣ словъ „...и такимъ образомъ.... поступать, какъ доброму.... поданному рабу (подданнымъ слугамъ) благопристойно есть и надлежитъ“ прибавлено: „и какъ по капитуляціямъ службы свои честно совершимъ и похотимъ ѣхать или отпущены будемъ въ свои земли, и намъ все то, что̀ мы во время своей службы въ управленіи имѣли и о какихъ интересахъ Его Царскаго Величества вѣдѣніе получили, вѣчно содержать въ секретѣ и никому оныхъ не объявлять, и въ томъ обязаться при отпускѣ присягою и реверсомъ письменнымъ и къ сторонѣ Царскаго Величества противностей иныхъ никакихъ не чинить, какъ мы предъ Богомъ...... отвѣтъ дать можемъ, и какъ суще намъ Господь Богъ да поможетъ Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ. Аминь.“

(Такое же заключеніе было написано и въ предъидущей формѣ).

„И по повѣсткѣ Коллежскіе чины и служители иноземцы у вышеписанныхъ присягъ, которые переведены съ русскаго языка на нѣмецкій, въ Сенатѣ при Оберъ-Секретарѣ Іюля 30 дня были; и тѣ присяги, какъ въ вѣчности, такъ и въ вѣрности предъ Евангеліемъ, при пасторѣ Лютерскаго согласія учинили, и оныя присяги тотъ пасторъ читалъ имъ всѣмъ вслухъ, и вслухъ тому пастору послѣдовали и прочетъ всѣ тѣ чины и служители подъ тѣми нѣмецкими присягами подписались своеручно.

Подъ этими подписями сдѣлано удостовѣреніе: „что вышеписанная присяга явственно и ясно чтена, свидѣтельствую въ томъ я при священномъ своемъ чинѣ Яганъ Леонардъ Шатнеръ, пасторъ при рѣкѣ Нѣвѣ“. Означенныя присяги и подписку рукъ переводилъ Юстицъ-Коллегіи переводчикъ Іоганъ Ветцель.

Въ слѣдъ за симъ Сенатъ обратилъ вниманіе, что у присяги не были члены и служащіе въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и въ Адмиралтействъ Коллегіи. Къ нимъ посланы были 4 Августа повторительные указы.

Отъ Адмиралтейской Коллегіи не было получено на это никакого отзыва. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, донеся, что нѣкоторые изъ служащихъ въ ней, принесли присягу вмѣстѣ съ русскими по Генеральному Регламенту, присовокупила, что Тайный Совѣтникъ Канцеляріи Андрей Остерманъ учинитъ присягу въ Сенатѣ, что̀ не преминутъ сдѣлать и другіе служители Коллегіи, которые еще у присяги не были, и находятся въ Петербургѣ. Что же касается до тѣхъ, которые пребываютъ въ Москвѣ или въ окрестныхъ государствахъ, то и ихъ велѣно привести къ присягѣ — русскихъ, по Генеральному Регламенту, а иноземцевъ, по ихъ волѣ, въ вѣчности или въ вѣрности, пока они въ службѣ Царскаго Величества будутъ. Для сего Коллегія просила Сенатъ прислать ей образцы присяги.

При этомъ донесеніи она представила:

Списокъ служителямъ, которые были у присяги по Генеральному Регламенту.

Переводчики въ Петербургѣ:

Иванъ Кельдерманъ, } лютеранскаго исповѣданія.
Францъ Шевіусъ,
Яковъ Синявичъ, } Греческаго.
Александръ Бѣлошицкой.

Переводчики въ Москвѣ:

Матвѣй Бѣлецкій, } Греческаго.
Левъ Залѣевъ,
Толмачъ Антоній Ѳотинъ.

У присяги не были и находятся въ Петербургѣ:

Для письма Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ писемъ, Іоганъ Шубертъ, } Лютеранскаго.
Курьеръ Михайло Остергарденъ
Гисторіи описатель Иванъ Крусали—Римскаго.

Переводчики:

Иванъ Суда, } Греческаго исповѣданія.
Христофоръ Дмитріевъ,
Муртаза Тевкелевъ, } Магометанской вѣры.
Сулейманъ Еникѣевъ,
Оріентальныхъ языковъ учитель, Михайла Зеки, Греческаго исповѣданія.

Въ Москвѣ:

Тахтаралей Боганинъ, } Магометане.
Маметъ Тонкачевъ.

Въ окрестныхъ государствахъ:

Секретари: Петръ Голенбовскій, въ Польшѣ, Фіори Беневени, въ Бухарѣ. Переводчикъ Антонъ Марини, въ Царьградѣ. Курьеръ Іоганъ Керфъ, въ Вѣнѣ.

Такъ какъ и за симъ не всѣ еще иностранцы дали присягу, то остальные призваны были въ Сенатъ 24 Сентября 1720 года, и, по приведеніи ихъ къ присягѣ въ вѣрности, подписались на томъ же листѣ.

Они были:

Joh. v. Schmiden. Christian Grüll.
S. A. Wolf. Gabriel Straub.
Jean Bernard Müller. Axel Caspar Reimers.
Andreas de Cahis. Loh. Growe.
Johann Ostervald. Jacques Vernisober.
Los Schmidt.

Въ послѣдствіи (17 Ноября того же года) подписались подъ тою же присягою:

Яковъ Гювитъ, Коммерцъ Совѣтникъ.
Ernst Friedr. Crompein.
N. Hoffmann.
Вильгельмъ Бланкеннагель.
Въ слѣдующемъ году 4 Апрѣля тутъ же подписался опредѣленный Ассесоромъ въ Бергъ-Коллегію G. Barguerel de Pressi.

*

Такимъ образомъ приведено было къ концу распоряженіе о присягѣ поступившихъ въ Русскую службу при Петрѣ I иноземцевъ.

Д. Полѣновъ.

ПИСЬМА
КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Списаны съ подлинниковъ, хранившихся у покойнаго князя Александра Өедоровича Голицына (который приходился внучатнымъ племянникомъ Шувалову) и обязательно сообщены въ Р. Архивъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Во французскихъ письмахъ соблюдено тогдашнее правописаніе. Оно до того не правильно, что затрудняешься иногда понять самый смыслъ выраженій, отъ чего Русскій переводъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланъ на угадъ. Нашихъ понятій въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ переносить на прошлое столѣтіе, когда первые люди общества, и не у насъ только, но напримѣръ и во Франціи, не рѣдко писали, какъ нынѣ пишутъ только простолюдины.

Въ силу преобладающаго значенія, которое имѣлъ И. И. Шуваловъ въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, письма эти важны для внутренней исторіи того времени, не говоря уже о томъ, что они наглядно изображаютъ намъ лицъ, которыя ихъ писали и которыя, въ свою очередь, пользовались большимъ вліяніемъ въ тогдашней государственной и общественной жизни. *П. Б.*

А. Фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина.

1.

Милостивой государь мой.

Старая дружба и справедливыя требованія А. П. Ганибала заставили меня съ прилежною моею просьбою трудить В. П., дабы великодушно вступились и милость свою къ нему оказали, за что онъ и я останусь съ вѣчнымъ благодареніемъ. Вашего превосходительства покорной слуга А. Бутурлинъ.

На этомъ письмѣ не означено времени, что лишаетъ возможности догадываться, въ чемъ состояли *требованія* знаменитаго „Арапа Петра Великаго“. Письмо раньше 1760 года, потому что подписано просто А. Бутурлинъ; а 17 Февр. 1760 онъ уже былъ графомъ. Старикъ-Ганибалъ, близко знавшій Елисавету Петровну съ ея дѣтства, вѣроятно, разсчитывалъ на большія милости въ ея царствованіе; но, обманувшись въ надеждахъ, удалялся отъ Двора и проводилъ время въ Псковской деревнѣ. Такъ надо думать по стихамъ его правнука, который имѣлъ подробныя свѣдѣнія о его жизни:

Позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей,
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей. . .

Въ 1752 году Абрамъ Петровичъ произведенъ въ инженеръ-генералы, а въ 1756 въ генералъ-аншефы (См. статью о немъ М. Н. Лонгинова въ Р. Архивѣ 1864). Ганнибалъ и Бутурлинъ нѣкогда были оба денщиками Петра Великаго.

2.

Милостивой государь мой

Иванъ Ивановичъ.

Будучи нѣсколько времени лишенъ Вашего Превосходительства милостивыхъ писемъ, весьма обрадованъ былъ, получа послѣднее Ваше письмо отъ 27 іюля, за которое должное приношу благодареніе. За скоростію сего отправленія ссылаюсь на отправленную ко Двору обстоятельную реляцію, изъ которой Ваше Превосходительство милостиво усмотрѣть изволите о здѣшныхъ произшествіяхъ: какъ все, сколько ни прилагаю усердное стараніе, обращается въ противное, наипаче какъ уже соединеніе съ барономъ Лаудономъ столь близко было, что онъ самъ три раза у меня былъ. Но по отдаленію его паки отъ меня, не остается мнѣ надежды отъ Австрійцовъ получить пропитанія ниже артиллеріи; но единое попеченіе что для удовольствованія арміи искать въ другую сторону операціи [1]).

[1]) Въ Семилѣтнюю войну (когда командовалъ фельдмаршалъ Бутурлинъ) Австрійцы поступали съ нами точно также, какъ и прежде, въ войну Турецкую при Минихѣ (который клялъ ихъ, не взирая на свое нѣмецкое происхожденіе), какъ и послѣ при Суворовѣ, подъ Аустерлицомъ, въ походы 1813 и 1814 годовъ, въ войну Венгерскую и въ 1854 году.

Я не могу Вашему Превосходительству довольно выхвалить г. лейтенанта барона Бека, который, бывшій предъ симъ подъ командою графа Дауна, самъ собою съ легкимъ войскомъ ко мнѣ явился и по моему наставленію занялъ городъ Лигницъ, гдѣ я весь тяжелой обозъ при бригадирѣ Бахманѣ въ его команду оставилъ.

Препоруча себя въ продолженіе милости Вашей, не престану съ истинною преданностію пребыть Вашего Превосходительства покорной слуга графъ А. Бутурлинъ.

Въ Гохкирхенѣ
близь Лигница
9 августа 1761 году.

3.

Милостивой государь мой

Иванъ Ивановичъ.

Вчера ввечеру получилъ я отъ графа Чернышева короткой рапортъ о взятіи крѣпости Швейдница, обнадеживая меня впредь присылкой подробнѣйшихъ извѣстій. Радуюсь я, что барону Лаудону удалось то въ дѣйствіе произвесть, о чемъ онъ въ бытность нашу вмѣстѣ въ самой тайности мнѣ открылъ, что онъ чрезъ нѣкоторой каналъ къ тому надежду имѣетъ. Какое я изъ Варшавы о семъ произшествіи получилъ извѣстіе, съ онаго вашему превосходительству переводъ при семъ сообщить оставить не хотѣлъ. Препоручая себя впротчемъ въ неотмѣнную вашу милость, съ истинною преданностію пребываю вашего превосходительства покорной слуга графъ А. Бутурлинъ.

Въ Рецѣ
1 октября 1761.

КРАТКАЯ ИЗЪ ВАРШАВЫ СООБЩЕННАЯ РЕЛЯЦІЯ О ВЗЯТІИ КРѢПОСТИ ШВЕЙДНИЦА.

Какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ баронъ Лаудонъ нѣкоторое движеніе генералу фельдмаршалу-лейтенанту Драсковичу къ Цугмантелю сдѣлать приказалъ и король видъ подалъ вѣрить, что Лаудонова армія противу крѣпости Нейса что либо предпринять намѣрена, и для того за нужно разсудилъ Швейдницъ оставить и въ Гроссъ-Носсель въ околичности Минстерберга маршировать, гдѣ онъ какъ ту такъ и другую крѣпость прикрывать думалъ; прочіе жъ дезертиры всѣ единогласно обнадеживали, что Швейдницкій магазинъ состоитъ токмо изъ четырехъ баталіоновъ, которыми генералъ-порутчикъ Цастровъ командуетъ: то помянутой генералъ-фельдцейхмейстеръ уже 19 сентября резолюцію принялъ сію крѣпость штурмомъ взять. И для того, по учиненіи къ тому распоряженій, генералу-маіору Ахнацею главная команда надъ всѣми четырьмя атаками поручена и надлежащія наставленія даны, по которымъ между прочимъ люди во всевозможной тишинѣ даже до рвовъ маршировать и помощію штурмовыхъ лѣстницъ безъ всякаго выстрѣла съ саблею въ рукахъ на валъ зайти имѣли. Сіе на каждой сторонѣ однимъ баталіономъ гренадеровъ и четырьмя баталіонами пѣхоты всего съ 20 баталіонами и двумя ротами Россійской пѣхоты 1-го октября въ половинѣ 3-го часа по утру на всѣхъ номерахъ въ дѣйство произведено съ такимъ успѣхомъ, что весь штурмъ въ половинѣ 6-го часа безъ всякаго отъ атакующихъ выстрѣла щастливо окончился и весь гарнизонъ по жестокомъ супротивленіи на дискрецію сдаться принужденъ былъ.

Подъ бастіономъ № 4 весь пороховой магазинъ находился; оное вдругъ нечаянно подорвало, и неможно было провѣдать, какимъ образомъ сіе нещастіе сдѣлалось, которое какъ домамъ, такъ людямъ великой вредъ причинило.

Пушекъ разныхъ, по большой части большихъ калибровъ, въ добычу получено отъ 140 до 170, также и магазейнъ, въ которомъ на 5 недѣль для арміи изъ $^{70}/_{т.}$ состоящей провіанта находилось.

Убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны отъ 400 до 450 человѣкъ; что съ непріятельской стороны побито при отправленіи курьера еще извѣстно не было. Нынѣ комендантомъ генералъ-поручикъ Фонъ-Бутлеръ; гарнизонъ состоитъ изъ восьми баталіоновъ.

Король Пруской съ своею арміею за недостаткомъ провіанта подвинулся къ Бреславлю, и баронъ Лаудонъ имѣетъ еще квартиру свою въ Френбургѣ и армію расположилъ въ сей околичности.

Одинъ только поручикъ просилъ капитуляцію и получилъ оную.

4.

Милостивой государь мой

Иванъ Ивановичъ.

Я въ моей горести единое утѣшеніе имѣю, когда отъ Вашего Превосходительства милостивое письмо удостоюсь получить, какъ и севодня отъ 17 сентября принялъ съ моимъ вѣчнымъ благодареніемъ, а наипаче къ сердешному моему обрадованію, что я еще въ числѣ вѣрныхъ рабовъ у Ея Императорскаго Величества нахожусь; и что по милости Конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было: спервоначально величали меня и ублажали паче мѣръ меня, а нынѣ во гробъ живаго вселяютъ и поютъ Святый Боже. Моего промедленія, милостивой государь, нигдѣ никогда промедленіе не было напрасное; а что я за неимѣніемъ хлѣба принужденъ былъ иногда безъ желанія моего простоять, и то самый нетокмо военный резонъ, но и простаго мужика требовалъ; и теперь безъ хлѣба иду и приготовляю въ маршѣ къ Кольбергу, не смотря на непріятельскія укрѣпленіи, жертвуя собою и со всѣми буду трежаментами атаковать, дабы свидѣтельствовать, что не отъ боязни не атаковали короля, но отъ случая тогдашняго. На Глацъ мое покушеніе было не безъ резону, но имѣлъ къ тому вѣрно изготовленной (*планъ*) и болѣе нехотѣлъ продолжить со взятіемъ какъ одного дня, но и это, милостивой государь, не удалось за ускореніемъ Платенова корпуса, кой мои подвозные магазейны всѣ сжегъ и разорилъ и принуждаетъ снова стараться и заводить.

Вступитесь за вѣрнаго раба Ея Величества; нынѣ еще получилъ къ обидѣ моей, чтобъ я и Акчуринова отдалъ графу Румянцову, но у меня одинъ и есть и всѣ секретныя дѣла на него положили, а я остался одинъ писаремъ и копеистомъ; я не чаялъ бы такой жестокой обидѣ отъ его высокородія Волкова [2]).

Къ тому жъ включено, чтобъ дать Панину столько войска, сколько онъ потребуетъ, а у меня всего осталось 15 полковъ пѣхотныхъ, то и всѣ тѣ хотѣлъ ему поручить, когда бы толь-

---

[2]) Извѣстный секретарь Конференціи. О дѣятельности его имѣются совершенно новыя свѣдѣнія въ Архивѣ князя Воронцова. Назначеніе главнокомандующимъ графа Бутурлина (человѣка благочестиваго, добродушнаго, но не далекаго разумомъ) обличало вполнѣ тогдашнюю слабость правительства.

ко дозволяло время на Берлинъ предпріятія сдѣлать, а тамъ бы и къ провіантскимъ дѣламъ поѣхалъ на Вислу съ моими генералами. Повѣрите Богу, В. П., столько прискорбно. что едва живъ хожу, токмо Вашему Превосходительству покорной и вѣрной слуга графъ А. Бутурлинъ.

Въ Рецѣ
30 сентября 1761.

5.

Милостивой государь мой

Иванъ Ивановичъ.

Съ великимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ полученнаго рескрипта за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственной руки, яко бы я пропустилъ лутчіе случаи атаковать короля. Ссылаюсь я на всеподданнѣйшія мои къ Ея Величеству реляціи, что самъ баронъ Лаудонъ со всѣмъ генералитетомъ невозможность того призналъ и въ томъ подписался; и какъ онъ послѣ того въ доставаніи обѣщаннаго провіанта, котораго только на 16 дней я получилъ, отказался, къ томужъ великой недостатокъ въ фуражѣ и водѣ явился, то нашелъ я за лутчее спасти армію и вѣрныхъ Ея Величества рабовъ. Когдабъ мое раздѣленіе съ Лаудономъ по помянутымъ причинамъ не воспослѣдовало, то бы я не ускорилъ послать за деташированнымъ $^{12}/_{т.}$ изъ конницы и пѣхоты состоящимъ корпусомъ подъ командою генерала Платена, для разоренія нашихъ магазейновъ, и завоеванная Пруссія подвержена бы была крайной опасности; отъ чего однако же и отъ всѣхъ дальныхъ предпріятій посланной отъ меня генералъ-маіоръ Бергъ съ довольнымъ числомъ войскъ благовременно его отвратилъ, какъ я уже вашему превосходительству предъ симъ донесъ. Я теперь безъ растаговъ слѣдую въ Померанію; дай Боже токмо, чтобъ я въ той разореной землѣ довольное пропитаніе достать могъ и подкрѣпить осаду Колберга.

Я у вашего превосходительства иной милости не прошу кромѣ, чтобъ изволили терпѣливо всѣ мои отправленныя въ Конференцію реляціи прочесть, то увидите изъ оныхъ, что Вѣнской дворъ ничто иное желаетъ какъ токмо по простой пословицѣ чужими руками жаръ загребать. Также покорно ваше превосходительство прошу отправленнаго отъ меня генерала-адъютанта, которой честь имѣть будетъ вашему превосходительству обо всѣхъ моихъ поведеніяхъ подробнѣе донести, милостиво выслушать и увѣреннымъ быть, что съ истинною преданностію всегда пребуду вашего превосходительства покорной и вѣрной слуга графъ Бутурлинъ.

Въ Стеншевѣ
14 сентября 1761 году.

Б. Великаго канцлера Графа Михаила Илларіоновича Воронцова.

Monsieur,

Je renvoye à Votre Excellence le livre que Vous m'avez fait le plaisir de me prêter. Rien de plus injuste et de plus odieux que la manière dont nous y sommes traités. Je pense comme vous, Monsieur, qu'il seroit à propos que M. de Voltaire y repondit, mais je ne sais s'il entend y faire une refutation particulière, ou seulement donner, dans l'histoire de Russie à laquelle il travaille, une idée de notre gouvernement, de nos moeurs, des loix et établissements de nos souverains, qui puisse comme prévenir et détruire les fausses imputations du Philosophe de Sanssouci. En tout cas, quelque soit son dessein,

les armes ne lui manqueront pas, dès que Votre Excellence prend sur elle de lui en fournir. Un coup d'oeil sur les divers évenements, qui rendent à jamais célébre le Regne de Sa Majesté, suffira pour démontrer que, loin qu'il se soit glissé le moindre rélâchement dans aucune des parties de l'état, on a au contraire redoublé d'application et d'ardeur, pour atteindre le grand objet que Pierre Premier se proposa: la gloire et l'avantage de cet Empire. Le succes couronne de si sages mesures, et nous le devons à l'attention constante et suivie de l'Impératrice à procurer le bien de Ses sujets, attention que le Roi de Prusse ne peut pas méconnoître et dont les effets viennent d'être si humiliants pour lui. Nous voudroit-il forcer à lui rappeller le gain de 4 batailles et la conquête de son Royaume? Ses sujets aujourd'hui sous la puissance de Sa Majesté, seront les premiers à publier la douceur de Son gouvernement, l'exactitude avec laquelle la justice leur est rendue, l'ordre et la discipline que les trouppes observent dans leur pays, enfin que les soins que l'on prend, au milieu d'une guerre, si longue et si opiniâtre, de leur en diminuer le fardeau autant qu'il est possible. Le Roi doit être étonné lui même d'avoir si mal connu nos soldats. Il les a trouvé à Francfort esclaves de leur amour pour leur Souveraine, de l'obeissance à leurs chefs et du desir de vaincre. La cruauté dont il les accuse n'étoit-elle pas chez lui qu'une vaine terreur. Toute l'Europe a appris comment ils en ont usé à l'égard des prisonniers et des blessés qui sont tombés en leur pouvoir; on les a vus se priver du necessaire pour les secourir et il n'est point de peuple qui ne se fit honneur de l'humanité qu'ils ont fait paroître. Où trouver donc le fondement de tant d'outrage, à moins que de dire que la haine que le Roi de Prusse portoit au Ministre a fait le crime de la nation. Si Sa Majesté Imperiale a tardé a condamner et priver de ses emplois celui qui fut cy-devant à la tête des affaires, n'a t'on pas compté de tout temps la clemence et la retenue à punir, parmi les premières qualités d'un souverain. Il ne manquoit assurément pas de sujets fidèles et assez éclairés pour lire dans la conduite du Ministre ses desseins et ses artifices; mais devoient ils éclatter, et le respect ne leur imposoit-il pas la loi d'attendre le moment où l'Impératrice auroit commencé à marquer Son mecontentement. Je crois ainsi qu'il ne sera pas difficile à Voltaire de réfuter tout ce qui est avancé dans le livre en question, pourvû qu'il prenne la plume de bonne foi. L'ouvrage ne lui étoit pas inconuu; l'autheur, aussi jaloux peut-être de la réputation de savant et de bel esprit que de celle de conquérant, n'aurait pas manqué de le consulter, du moins on y retrouve assez sa morale et sa métaphisique. Ne seroit-il point à craindre que charmé d'une occasion où il se croira le maître de tout dire, Voltaire ne se repande en invectives contre le Roi de Prusse et, sans garder ni décence ni ménagement, n'aille faire mille outrages sanglants quoique très fondés à sa conduite et à son gouvernement. V. Ex-ce ne trouveroit-elle point qu'il y eût un autre parti à prendre, en faisant defendre l'entrée de ce livre dans toute l'étendue des Etats de Sa Majesté, comme renfermant les principes les plus pernicieux du matérialisme et de l'irreligion.

J'ai l'honneur d'être avec un parfait attachement.

Monsieur, de Votre Excellence, le très humble et très obeissant serviteur C. Mich. Woronzow.

Переводъ. Милостивый государь! Возвращаю вашему превосходительству книгу, которую вы любезно сообщили мнѣ. Въ ней относятся къ намъ съ чрезвычайною несправедливостью и ненавистію. Согласно съ вами я думаю, милостивый государь, что отвѣтъ на нее г-на Вольтера былъ бы желателенъ [3]); но не знаю, намѣренъ ли онъ написать особое опроверженіе или только въ исторіи Россіи, коею онъ занимается, дать такое понятіе о нашемъ правительствѣ, о нашихъ нравахъ, законахъ и установленіяхъ нашихъ государей, которое бы могло предотвратить и уничтожить лживыя внушенія философа Сансуси [4]). Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было его намѣреніе, въ оружіи у него недостатка не будетъ, такъ какъ ваше превосходительство беретесь оное ему доставить. Достаточно одного взора на различныя событія, служащія къ вѣчному прославленію царствованія Ея Величества, дабы показать, что въ каждой части государства не только не произошло ни малѣйшаго упущенія, но напротивъ удвоены ревность и стараніе для достиженія великой цѣли, предположенной Петромъ Первымъ, т. е. славы и выгодъ сей Имперіи. Столь мудрыя мѣропріятія увѣнчиваются успѣхомъ, и этимъ мы обязаны постояннымъ и послѣдовательнымъ заботамъ Императрицы о благѣ ея подданныхъ, заботамъ, которыхъ не можетъ отрицать король Прусскій и дѣйствіе которыхъ становится для него столь стѣснительнымъ. Не хочетъ ли онъ вынудить насъ къ тому, чтобы мы ему напомнили о четырехъ выигранныхъ сраженіяхъ и о завоеваніи его королевства. Подданные его, находящіеся подъ властію Ея Величества, засвидѣтельствуютъ первые о кротости ея правленія, о правосудіи, коимъ они пользуются, о порядкѣ и подчиненности, соблюдаемой войсками въ землѣ ихъ, наконецъ о томъ, что во время столь долгой и упорной войны, прилагаются старанія облегчить для нихъ, сколько возможно, тяготу оной. Король самъ долженъ удивляться, что такъ плохо зналъ нашихъ солдатъ. Подъ Франкфуртомъ они явились ему порабощенные любовью къ своей Государынѣ, повиновеніемъ своимъ начальникамъ и желаніемъ побѣды. Онъ обвиняетъ ихъ въ жестокости, но съ его стороны это лишь пустые страхи. Вся Европа узнала, какъ они обращались съ плѣнными и ранеными, которые находились въ ихъ власти; они сами терпѣли нужду, чтобъ только имъ оказать помощь, и явили человѣколюбіе, каковымъ можетъ похвалиться любой народъ [5]). Гдѣ же основаніе для такихъ нареканій? Развѣ ненависть, которую король Прусскій питалъ къ министру [6]), составляетъ преступленіе народа? Если Ея Императорское Величество медлила осудить и лишить должности того, кто недавно стоялъ во главѣ дѣлъ; то вѣдь, во всѣ вѣка, въ числѣ лучшихъ качествъ монарха почитались милосердіе и воздержность въ наказаніи. Конечно не было недостатка въ подданныхъ, вѣрныхъ и достаточно просвѣщенныхъ, которые постигали дѣйствія министра, его намѣренія и происки; но не кричать же имъ было, и почтительность возлагала на нихъ долгъ

[3]) На письмѣ не означено времени; но оно должно быть писано послѣ пораженія Фридриха у Франкфурта на Одерѣ, т. е. послѣ Августа мѣсяца 1759 года, когда Вольтеръ уже состоялъ на жалованьи нашего правительства и писалъ исторію Петра Великаго. Состоя въ размолвкѣ съ Фридрихомъ II-мъ, Вольтеръ отдалъ перо свое на служеніе врагамъ его; нашему же Двору было пріятно, что во время семилѣтней войны первый Европейскій писатель прославлялъ Петра Великаго.

[4]) О какомъ именно сочиненіи Фридриха II-го противъ Россіи здѣсь говорится, намъ неизвѣстно.

[5]) Тоже самое свидѣтельствуетъ другой очевидецъ (стороны противной), Прусскій пасторъ Теге, въ Запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г. По его словамъ, грубые съ виду, Русскіе усачи и казаки оказывали особенную нѣжность къ нѣмецкимъ дѣтямъ.

[6]) Графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

ждать времени, когда Императрица начала обнаруживать свое неудовольствіе. Я полагаю также, что стóитъ Вольтеру добросовѣстно приняться за дѣло, онъ легко опровергнетъ всѣ выходки этой книги. Сочиненіе ему не безъизвѣстно; авторъ, который столь же, можетъ быть, добивается прослыть человѣкомъ ученымъ и остроумнымъ, какъ и завоевателемъ, по всему вѣроятію съ нимъ совѣтывался; по крайней мѣрѣ въ книгѣ встрѣчается довольно его морали и его метафизики. Но не опасно ли то, что, обрадовавшись случаю и возможности все высказать, Вольтеръ можетъ распространиться въ нареканіяхъ противъ короля Прусскаго, и безъ всякой пощады и приличія наговоритъ множество жестокихъ (хотя весьма заслуженныхъ) укоризнъ его поступкамъ и его правленію? Не найдете ли ваше превосходительство, что можно прибѣгнуть къ другой мѣрѣ, запретивъ ввозъ этой книги во всѣ владѣнія Ея Величества, такъ какъ она содержитъ въ себѣ опаснѣйшія начала матеріализма и безбожія. Имѣю честь быть и пр. Графъ Михаилъ Воронцовъ.

Очевидно, что въ это время хотѣли нѣсколько щадить Фридриха, и даже не прочь были кончить кровопролитную войну. Предполагался для того какой-то конгрессъ, и для участія въ засѣданіяхъ онаго отправленъ въ Вѣну графъ И. Г. Чернышевъ.

В. Графа Ивана Григорьевича Чернышева. [7])

1.

Monsieur.

Que Votre Excellence ne s'imaginent pas, que je ne lui ecrits cette lettre, que pour avoir une Reponce. Non je vous proteste, Monsieur. Mais je l'ecrits simplement dans le dessein de temoignés à Votre Excellence, Combien j'ai été sensible à la reception de la lettre que vous a plus, Monsieur, de m'ecrire, est à la quelle surement je ne m'ettendois pas, je vous assure, car etant occupé depuis le Matin jusqu'au soir, est obsedé du Monde comme l'est ordinairement Votre Excellence, je ne seait pas comment Vous avés que vous derobés un Moment, Pour me faire cette grace qui m'est d'autant plus ssensible.

Pour ce qui s'agit de la Nouvelle que Votre Excellence m'a fait la grace de me mandé du Pauvre Professeur de Richman, J'ai été frapé comme on ne peut pas l'etre davantage. Je me suis representé comme Votre Excellence peut s'imaginés, tous les dangers que Vous courés de cette Maudite Machine et que Nous y avons Couru tous, en ne nous servant d'Elle que comme d'un Amusement. Qui sans l'Accident du Pauvre Richman, auroit continué encore? Mais à present je crois que Votre Excellence se Menagera d'avantage, et ne voudra pas exposés ses jours à une aussi inutile et tres dangereuse curiosité. Je scais bien que si jetois presentement à Moscou, et que Votre Excellence Voulu me faire la Grace d'ecoutés Mes conseilles j'aurai pris la liberté de lui donnés (Qui ne partirai, je Vous proteste, que d'un coeur vraiment adolatré des Vos Vertus) c'est de Vous privés totalement de cette Machine. Quand ce ne seroit que pour mettre en Repos l'Esprit des Vos Amis et serviteur.

[7]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, представитель роскоши, модъ и веселой жизни XVIII столѣтія, былъ двойнѣ близокъ къ императрицѣ Елисаветѣ, во первыхъ потому, что она знала его съ дѣтства, какъ сына денщика Петра Великаго (находившагося въ тѣсной связи съ этимъ семействомъ), а во вторыхъ потому, что гр. И. Г. Чернышевъ женатъ былъ (въ первомъ бракѣ) на Елисаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, сиротѣ, императрициной родственницѣ. Предупрѣждаемъ читателя, что въ нижеслѣдующихъ французскихъ письмахъ мы разставили только знаки препинанія, оставляя все подлиннымъ.

Je serai Curieux de savoir Presentement, le sentiment de M-r Романъ Ларіоновичь sur la Machine Electrique, lui qui la haïssés deja auparavant que Nous sumes quelle été Mortelle.

Comme je parts d'ici demain pour allés a une autre terre qui est 360 верстъ d'ici (en un mot Elle est tout prets de Воронежъ) et que Mon terme approche, au cas que je ne revienne pas, Oserois-je suplié Votre Excellence de me procurés une prolongation Pour autant que Vous le jugerés à propos. Quant on ne seroit que jusqu'au 5 de Septembre, c'est la crainte de Manqués à l'ordre que Votre Excellence m'a fait la Grace de me donnés d'y revenir pour le-30-de ce Mois, qui m'y oblige d'avoir recours.

Oserois-je suplié aussi Votre Excellen de croire, que je ne finit jamais mes lettres sans pencer, Reflechir et Mordre Mes doigts jusqu'au sang quelque fois, Pour trouvés des termes, qui pusisses Vous temoignés ma juste reconnoissance, de tous vos bienfaits, Comme aussi de Vous assurés avec combien de Respect, d'Estime et de zele je suis pour vos services et serai jusqu'au tombeau. Mais je ne trouve jamais d'Expressions assés fortes, et il Me paroit que la langue française et Rus. sont pauvres en Expression, ou que je ne le seais pas assés. Je finis donc en disant à Votre Excellence qne je suis jusqu'au tombeau

de Votre Excellence le tres humble, tres obeissant et tres fidel serviteur Ct. Czernichew

ce 8 d'Aout 1753
de Ma terre de Kachira.

Переводъ. М. Г. Ваше превосходительство не подумайте, что я пишу это письмо для того только, чтобъ имѣть отвѣтъ. Божусь, что нѣтъ; но я пишу его съ единственною цѣлью засвидѣтельствовать вашему превосходительству, какъ мнѣ чувствительно было получить письмо, которое вамъ угодно было написать ко мнѣ и котораго, увѣряю васъ, я не ожидалъ; ибо вы заняты съ утра до вечера. вокругъ васъ по обыкновенію толпится народъ, и я не постигаю, какъ ваше прво улучили минуту, чтобъ оказать мнѣ эту милость, которая тѣмъ самымъ для меня еще чувствительнѣе. Что касается до извѣстія, которое ваше пр-во милостиво сообщили мнѣ о бѣдномъ профессорѣ Рихманѣ [8]), то я пораженъ былъ онымъ, какъ нельзя болѣе. Можете судить, ваше пр-во, что я представилъ себѣ, какимъ опасностямъ вы подвергались отъ этой проклятой машины и какъ мы всѣ бѣгали къ ней и забавлялись ею какъ игрушкою, что̀ и продолжалось бы безъ этого случая съ бѣднымъ Рихманомъ. Но теперь, конечно, ваше пр-во будете осторожнѣе и не станете рисковать своею жизнью изъ за такого безполезнаго любопытства. Ежелибъ я теперь былъ въ Москвѣ и ваше пр-во захотѣли бы меня выслушать, то я бы принялъ смѣлость вамъ посовѣтовать (и божусь, что этотъ совѣтъ проистекаетъ отъ сердца, поистинѣ обожающаго ваши добродѣтели) чтобы вы совсѣмъ бросили эту машину, хоть бы только для того, чтобы успокоить души друзей вашихъ и слугъ. Любопытенъ я знать теперь, что̀ говоритъ объ электрической машинѣ Романъ Ларіоновичъ [9]): онъ и прежде, когда мы еще не знали, что она смертоносна, ненавидѣлъ ее. — Завтра я отправляюсь отсюда въ другую деревню, за 360 верстъ (она неподалеку отъ Воронежа); отпускъ мой скоро кончается и, въ случаѣ ежели я не возвращусь къ сроку, я осмѣлился бы умолять ваше п-во выхлопотать мнѣ отсрочку, на столько времени, какъ вы найдете удобнымъ Ваше пр-во изволили приказать мнѣ возвратиться къ 30-му сего мѣсяца; я боюсь не поспѣть, и по-

[8]) Извѣстный профессоръ, погибшій во время опытовъ надъ электричествомъ.

[9]) Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой.

тому вынужденъ просить объ отсрочкѣ до 5 Сентября. Смѣю-ли умолять также ваше пр-во, чтобъ вы вѣрили, что никогда не кончаю я моихъ писемъ безъ того, чтобы не думать, придумывать, а иногда и до крови кусать пальцы для прiисканiя выраженiй, которыя бы могли вамъ засвидѣтельствовать мою истинную признательность за всѣ ваши благодѣянiя, а равно и удостовѣрить васъ, съ какимъ почитанiемъ, уваженiемъ и усердiемъ есмь я и пребуду до гроба къ вашимъ услугамъ. Но я никогда не нахожу довольно сильныхъ выраженiй, и мнѣ кажется, что либо языки французской и русскiй недовольно выразительны, либо я не очень ихъ знаю. Оканчиваю, говоря вашему пр-ву, что есмь до гроба вашего пр-ва нижайшiй, послушнѣйшiй и вѣрнѣйшiй слуга гр. Чернышевъ. 8 Августа 1753 года. Изъ моей Каширской деревни.

2.

Monsieur,

Son Excellence Monsieur le Chambellan de Bouttler, Notre Ministre à Mittau, m'a prié de vouloir bien envoier sa lettre à l'adresse de Votre Excellence sous mon envelope, croyant que cette hardiesse me sera pardonés, et que Votre Excellence a trop de bontés pour moi, pour ne pas faire quelque cas d'une recomandation quil lui viendrai d'un quelqu'un qui lui est aussi voué. J'oze donc vous le recomander, Monsieur, comme le plus honete homme et un des plus zelés serviteurs de S. M. I. Notre Souveraine. Et comme vous l'etes trop vous memes, et que vous distingués toujours ceux qui le sont autant, je scents le plaisir que Votre Excellence aura en le protegeant et ce justement ce qui m'a enhardié aussi à le faire. Au reste je ne mande rien de la continuation de mon voyage ni de mon sejours ici à Votre Excellence parceque j'en est fait une assés long detail à M-r le Vice-Chancelier, dont il fera assurement part à Votre Excellence.

J'oze vous suplier Monsieur de vouloir bien vous souvenir de mon voyage tant á Vienne qu'à Paris. Sans quoi je me regarderés, je vous jure, comme le plus malheureux de tous ceux qui on été sortie de chés nous, Comme aussi de me croire que je suits avec un zele, un respect qui ne finira qu'avec ma vie

Monsieur de Votre Excellence, le tres humbles et tres obeissant serviteur

C-t Czernichew

de Mittau ce 3 de Janvier 1757.

Je commence à numerotés mes lettres du 1. Janvier.

Je suits arrivé ici hier à 7 heures du soir, et je part aujourd'hui apres Midi.

Письмо это относится вѣроятно къ поѣздкѣ въ Дрезденъ, куда Императрица Елисавета посылала гр. Чернышева съ деньгами для королевы Саксонской, утѣсняемой Фридрихомъ II-мъ. Слѣдующiя за тѣмъ письма писаны въ 1761 году, когда графъ Чернышевъ отправленъ былъ для присутствованiя на конгрессѣ, который долженъ былъ собраться въ Аугсбургѣ, но который не состоялся.

Переводъ. Милостивый государь. Его превосходительство, г. камергеръ Бутлеръ, нашъ министръ въ Митавѣ, просилъ меня препроводить въ моемъ конвертѣ письмо его къ вашему превосходительству. Полагаю, что вы мнѣ простите эту смѣлость и что ваше пр—во слишкомъ милостивы ко мнѣ, чтобы не прогнѣваться на рекомендацiю человѣка, столь вамъ преданнаго. И такъ осмѣливаюсь рекомендовать вамъ этого господина, какъ самаго честнаго человѣка и одного изъ самыхъ ревностныхъ слугъ Ея В—ва, нашей монархини. Такъ вы сами таковы же и всегда цѣните таковыхъ людей, то я понимаю удовольствiе вашего превосходительства оказать покровительство этому господину, что̀ и дало мнѣ смѣлость такъ поступить. За

тѣмъ, ничего не скажу вашему превосходительству ни о продолженіи путешествія моего, ни о здѣшнемъ пребываніи, такъ какъ о томъ подробно сообщилъ я Вицеканцлеру, а онъ конечно передастъ в—му пр—ву.

Смѣю умолять васъ, милостивый государь, благоволите не забывать о моемъ путешествіи какъ въ Вѣну, такъ и въ Парижъ; иначе, клянусь, я сочту себя несчастнѣйшимъ изо всѣхъ тѣхъ, кто выѣхалъ изъ Россіи. Равнымъ образомъ вѣрьте, что я остаюсь съ ревностью и уваженіемъ, до конца жизни и пр. *Графъ Чернышевъ.* Митава 3 янв. 1757. Съ 1-го января начинаю номеровать мои письма. Я пріѣхалъ сюда въ 7 часовъ вечера и уѣзжаю сегодня послѣ полудня.

3.

Me voici enfin arrivé à Riga, mon cher Seigneur, dans quatre jours de voyage, un peu fatigué, mais extraordinairement incomodé par la chaleur qui a été excessive. Mes voitures sont un peu derangés, ce qui a fait que je suis obligé de m'y arretés plus que je ne vouloits. Je vous ecrits cette lettre le 15, c'est à dire le lendemain de mon arrivée. Elle ne partira pourtant que le 17, jour auquel je pourrai partir si mes equipages son prets.

Dans ce moment je vients d'aprendre qu'il-y-a une estaffete qui part pour Petersbourg, je n'est pas voulu la laisser partir sans vous donnés de mes nouvelles et faire partir cette lettre.

Je n'est trouvé qu'une veste ici de toile. Comme je ne me souvients pas de vous avoir vue à Petersbourg, je prend la liberté de vous l'envoyer; je vous jure que je n'est trouvé qu'une, elle coute 5 roubles. Adieu cher Ami, adieu cher Seigneur, adieu cher Protecteur, ah que je voudrois etre Gouverneur de Riga. La jolie ville est qu'on pourrait faire du bien, et des bonnes choses. Adieu, cher Oreste.

Ce 16 de Juin. Riga

J'ai trouvé ici le pauvre Думашевъ l'ainé, qui voudroit obtenir la permission d'aller à Petersbourg et sur ces terres pour un an; faites lui obtenir, mon cher Seigneur, je ne lui est rien promis pourtant.

Переводъ. Вотъ я наконецъ въ Ригѣ, мой любезный господинъ. Ѣхалъ четыре дня, немножко усталъ, но чрезвычайно изнеможенъ непомѣрнымъ жаромъ. Экипажи мои нѣсколько испортились, и я долженъ остаться здѣсь дольше чѣмъ желалъ. Пишу вамъ это письмо 15-го, т. е. на другой день по пріѣздѣ; но оно пойдетъ только 17-го, когда выѣду, если экипажи будутъ готовы. Сію минуту узналъ, что въ Петербургъ отправляется эстафета и не хотѣлъ пропустить ее, чтобъ не дать вамъ о себѣ вѣсти. — Я нашелъ здѣсь только полотняный камзолъ. Не помня, есть ли у васъ такой въ Петербургѣ, принимаю смѣлость послать вамъ его; божусь, что нашелся только одинъ, онъ стоитъ 5 рублей. Простите, любезный другъ; простите, любезный господинъ; простите, любезный покровитель. Ахъ какъ бы я желалъ быть губернаторомъ Риги. Прекрасный городъ! Въ немъ можно бы было сдѣлать добро и добрыя вещи. Простите, любезный Орестъ. 16 іюня. Рига.—Я нашелъ здѣсь бѣднаго Думашева-старшаго; ему хочется, чтобъ ему позволили съѣздить на годъ въ Петербургъ и въ его деревни. Устройте, любезный господинъ. Впрочемъ я ему ничего не обѣщалъ.

4.

Me voici a Koenigsberg, Mon cher et adorable Seigneur, depuits avant hier, cest à dire 23 de ce mois, par consequent je n'est été depuits Petersbourg jusqu'ici que 13 jour dans le

Voyage; de Comptés 3 jour que je me suis arretés a Riga et que je ne Marchai pas le jour c'est à dire depuit 10 heures du Matin jusqu'à 5 de l'apres Midi, de qui fait 7 heures par jour, par consequent 9 fois 7 heures font 63 heures qui font pres de 3 fois 29 heures. Ce qui tous bien contés ne fait que 6 jour et quelques heures que j'ai employer pour venir jusqu'ici. Jugés si je ne suits pas un bon Courier; ce qui me fait le plus de plaisir c'est la bravoure et l'intrepidité avec laquelle suporte Ma femme [10]) ce penible voyage. Elle n'a pas le temps de se laver le Visage, Elle ne scaits pas ce que cest qu'une tasse de Café. M-r le C. de Boutourline le jeune [11]) est ici, et part demain; il ne parle que de la Guerre, est enchanté de l'armée, connoit le fort et le faible de l'Ennemie, et ne parle que de ça.

Contentés vous, cher Seigneur, de ce petit billet, et attendés vous à recevoir des bien longues lettres, Car je Commence à avoir de la Matiere; l'Estafete part. Adieu, adorable Oreste [12]). Adieu, cher Ami.

ce 24 de Juin (1761)

Je parts apres demain, je serai à Varssovie le 1 de Juillet. Ont dit ici que Понятовскій est Adam Черторижскій sont habillés à la polonaise.

Переводъ. Съ позавчерашняго т. е. съ 23 сего мѣсяца, я въ Кенигсбергѣ, мой любезный, обожаемый господинъ; слѣд. я провелъ въ дорогѣ отъ Петербурга до сюда 13 дней, считая 3 дни остановки въ Ригѣ и еще то, что въ теченіи дня я не ѣздилъ, а останавливался отъ 10 часовъ утра до 5 по полудни т. е. 7 часовъ въ сутки: и такъ 7 часовъ на 9 разъ составляютъ 63 часа т. е. почти трое сутокъ. Стало быть ѣзды всей было до Кенигсберга всего 6 сутокъ и нѣсколько часовъ. Судите, не славный ли я курьеръ! Особенно радуютъ меня безстрашіе и бодрость жены моей во время этого тяжкаго путешествія. Ей некогда умыть себѣ лицо, она забыла, что такое чашка кофея. Молодой графъ Бутурлинъ здѣсь и завтра ѣдетъ. Онъ ни о чемъ не говоритъ какъ только о войнѣ, восхищенъ арміею, знаетъ сильныя и слабыя стороны непріятеля и объ томъ у него только и рѣчи. — Удовольствуетесь, любезный господинъ, сею коротенькою записочкою и ждите полученія болѣе длинныхъ писемъ, для которыхъ содержаніе я уже начинаю пріобрѣтать. Эстафета ѣдетъ. Простите, обожаемый Орестъ, простите любезный другъ. 24 Іюня. Ѣду послѣ завтра, въ Варшавѣ буду 1 Іюля. Здѣсь, говорятъ, что Понятовскій и Адамъ Чарторижскій одѣваются по польски.

[10]) Вторая супруга графа И. Г. Чернышева, Анна Александровна, ур. Исленьева. Первая его супруга скончалась въ 1755 г., находившись съ нимъ въ бракѣ съ Октября мѣсяца 1749 (См. Сп-бургскія Вѣдомости 1749 г. № 83).

[11]) Сынъ фельдмаршала графъ Петръ Александровичъ (1734—1787).

[12]) Шуваловъ звался Орестъ, а графъ Чернышевъ — Пиладъ, какъ и подписаны нѣкоторыя его письма.

5.

Me voici à Varsovie, Mon cher Seigneur, depuits 2 jours, fatigué extraordinairement du Voyage, est plus encore des visites que j'ai à recevoir, et de l'ecriture que j'ai a faire aujourd'hui sur la façon dont j'ai été reçu. Je ne vous en fait aucun detail parceque vous le trouverés fort emple dans Ma relation d'aujourd'hui, que le Grand chancelier vous faira voir sans doute. Le lendemain de mon arrivée j'ai reçu votre lettre, Mon tres adorable Ami, je vouds rends Million de Grace. Je ne saurois vous ecrire encore des lettres comme je suis acoutumé de faire etant plus que qu'affairé, et ayant pourtant

beaucoup de bagatelles à Vous Mandés que je me reserve pour Vienne ou pour Aousbourg.

Dans ma relation d'aujourd'hui j'ai pris la liberté de faire une priere au sujet de mes gages qu'on veuille bien me donnés à Compter du jour de mon depart, Si ça n'est de ma Nomination. Vous me rendés assés de Justice pour croire que je ne suis pas interessé. Mais je vous jure que je ne pourrai sufire Malgré le 35000 que j'ai pris du mien pour les manger à mon Ambassade.

J'ai payé 20000 florins pour le loyer de la Maison, il est vrai que c'est la plus belle hotel, car j'ai pris les deux de C. Fouger. J'ai depencer pour venir jusqu'ici 2000 Roubles, et il n'y a que la moitié du chemin. Je paye pres de 2000 Rb. par Mois pour l'entretien de mon Monde et mes chevaux. J'ai depencerés encore 2000, pour venir jusqu'a Vienne, il ne me restera que 8000 pour Mon Equipage, et je paye 6000 R. pour un Carosse à Paris (dites cela je vous prie, Mon cher Seigneur, à Breteuil que c'est le Carosse de M-d la Duchesse de *Lauragais*).

Rjevousky est beaucoup vielli.

Poniatovsky et Chartorisky ne sont pas habillé a la Polonoise Comme on me lavoit dit; il sont venu me voir tous trois Me demandant de vos Nouvelles. Mais pas tant que Soulkovsky, qui m'en a demander des votres, de celle du Grand chancelier et de M-d avec beaucoup d'empresement et de reconnoissance pour vos bontés. Je ne me sousie guerre de l'affaire de Belau; il est Malheureux parceq'uil m'est attaché et parcequ'il a affaire à un riche adverssaire; les loix Divines et humaines sont pour lui. Le Comte Романъ Ларіоновичъ qui a été son protecteur la comdamné lui meme; j'ose vous prié de le demander, on ne l'emprisone pas pour 7000, Mais pour la скаска qu'il a donnés au College des Mines qui auroit du etre emprisoné pour lavoir reçue ou il traite le haut senat comme si il traite Харчевная Канцелярія. Mais si mes domestiques y ont fait quelque violence ou sont aller contre les loix, vous, qui etes Mon protecteur, j'ose vous suplié, de n'est plus les protegés, Mais d'aider à la justice afin qui soit punie comme il merite; si je faisoits quelque chose contre les loix, je ne demanderai pas grace pour moi meme. Mais que des Coquins comme Mey ose me prostitués, ça est Malheureux. Mais ça n'est pas le dernier ni le seul que j'ai a essuier dans Mon abscence. Je me mets au dessus de ça, heureux si jamais je peuts le voir et lui donnés cent coup de baton. Quant aux tres ilustres Monsieur Raton je ne le regardois toujours que Comme Conssul c'est adire un faquin.

Quant à Mey il est fabriquant par Consequent russe; je ne scaits pas quel droit a le Conssul d'Anglettere de parler pour lui.

Mais je me Moque de tous, je suis preparé et M'attend à tous. Je ne donne aucun ordre chés moi, Mon cher Seigneur, par ce que je n'ecrits pas, et ne veut pas meme ecrire.

Vous avés bien raison, Mon cher Seigneur, de me croire incapable d'etre de quelque chose dans cette afaire. Non, Mon honneur m'est plus chere que la vie.

Cet afaire vous est parvenue dans mon abscence parceque ont craignoit que la justice ne devoila ceux qui vous l'ont fait parvenir, car je le connoits et les Meprise.

Adieu, cher et adorable Seigneur et ami. Consservés moi ce titre: c'est la seul hunique grace que je vous demande

pour l'eternité; j'ai la Merite, je vous le jure, par Mon attachement pour vous, par Mon zele et par Ma façon de pencer. Si je pençoits moins dignement, J'aurai eu plus de protecteur: temoin mille Coquin que vous Conoissés vous meme.

Adieu, cher et adorable ami, votre fidel jusquaut tombeau

Pylade.

ce $\frac{7}{18}$ de Juillet (1761) Varssovie.

Переводъ. Вотъ я въ Варшавѣ, мой любезный господинъ, уже два дня, чрезвычайно усталъ отъ дороги и еще болѣе отъ гостей и отъ писанія, которымъ сегодня занимался, и коимъ извѣщалъ, какъ меня приняли. Ничего вамъ не стану разсказывать, потому что все изложено съ большими подробностями въ моей нынѣшней реляціи, которую великій канцлеръ безъ сомнѣнія вамъ покажетъ. На другой день моего пріѣзда, я получилъ письмо ваше, обожаемый другъ мой: милліонъ благодарностей. Я еще не могу писать вамъ писемъ какія обыкновенно писывалъ, потому что занятъ до чрезвычайности, хотя у меня и есть много вздору передать вамъ, что̀ я предоставляю себѣ сдѣлать изъ Вѣны или изъ Аугсбурга.—Въ нынѣшней моей реляціи я принялъ смѣлость просить на счетъ моего жалованья, чтобы благоволили мнѣ выдать его, если не со дня моего назначенія, то по крайней мѣрѣ со дня моего отъѣзда. Вы будете ко мнѣ справедливы и повѣрите, что я не жаденъ; но клянусь вамъ, что мнѣ не хватаетъ не смотря на то, что я взялъ на прожитокъ во время моего посольства 35000 своихъ денегъ. — Я заплатилъ 20000 флориновъ за наемъ дома; правда, что это самое лучшее помѣщеніе, ибо я взялъ два дома Фуже. На проѣздъ сюда я издержалъ 2000 рублей, и это только половина дороги. Плачу ежемѣсячно до 2000 рублей за содержаніе моихъ людей и моихъ лошадей. Чтобъ доѣхать до Вѣны я истрачу еще 2000; у меня останется всего 8000 на экипажъ; а я плачу 6000 рублей за Парижскую коляску (скажите пожалуйста, мой любезный господинъ, господину Бретёлю, что это коляска герцогини Лораге). Ржевускій очень постарѣлъ. Понятовскій и Чарторижскій не одѣваются попольски, какъ мнѣ говорили; они всѣ трое были у меня и спрашивали объ васъ; но не такъ какъ Сулковскій: тому я долженъ былъ разсказывать о вашихъ, о великомъ канцлерѣ и его супругѣ; онъ очень признателенъ за вашу доброту. Я не огорчаюсь дѣломъ Белау: онъ несчастенъ, потому что ко мнѣ приверженъ, потому что соперникъ его богатъ; законы Божескіе и человѣческіе за него. Самъ его покровитель, графъ Романъ Ларіоновичъ, его осуждаетъ; осмѣливаюсь просить васъ къ нему обратиться: его не посадятъ въ тюрьму за 7000, но за *сказку*, которую тотъ подалъ въ Бергъ-Коллегію слѣдовало бы посадить его въ тюрьму; зачѣмъ онъ ее принялъ, когда онъ обращается съ высокимъ Сенатомъ какъ будто съ харчевною канцеляріею? Но если мои люди тутъ озарничали или шли противъ законовъ, смѣю умолять васъ, какъ моего покровителя, не покровительствуйте имъ; но дѣйствуйте по справедливости, дабы наказанъ былъ тотъ, кто заслужилъ наказаніе. Ежели бы я самъ поступилъ противузаконно, я не просилъ бы для себя пощады. Но коль скоро мошенники, какъ Мей, смѣютъ срамить меня, это просто несчастіе, и уже не въ первый разъ я испытываю оное въ мое отсутствіе. Но я выше этого и былъ бы счастливъ, лишь бы мнѣ когда его увидѣть и дать ему 100 палочныхъ ударовъ. Что касается до почтеннѣйшаго господина Ратона, то я всегда зналъ, что онъ консулъ т. е. негодяй. А Мей—фабрикантъ, стало быть русскій. Я не понимаю, какое право имѣетъ Англійскій консулъ ходатайствовать за него.—Но я смѣюсь надо всѣмъ, я жду и готовъ на все. Не даю своимъ никакого приказанія, потому что не пишу и не хочу писать.—Вы правы, любезный господинъ, почитая ме-

ня неспособнымъ принимать какое либо участіе въ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ, честь для меня дороже жизни.—Дѣло это дошло до васъ въ мое отсутствіе, потому что иначе опасались, чтобы истина не обнаружила тѣхъ, кои довели оное до васъ; ибо я ихъ знаю и презираю.—Простите, любезный и обожаемый господинъ и другъ. Сохраните мнѣ это названіе. Это единственная милость, которой я прошу у васъ навсегда. Я заслуживаю ее, божусь, моею приверженностью къ вамъ, моимъ усердіемъ и образомъ моихъ мыслей. Будь я менѣе разборчивъ въ этомъ отношеніи, у меня было бы болѣе покровителей. Свидѣтельствомъ служатъ тысячи плутовъ, которыхъ вы сами знаете. Простите, любезный и обожаемый другъ. Вашъ до гроба вѣрный Пиладъ. 7 (18) Іюля. Варшава.

6.

Je vients d'aprendre cette instant qu'un courier de France part cet instant. Je ne laisse pas passer les occasions volontiés, mon cher Seigneur, où je peuts vous renouveller les sentiments de l'amitié la plus vive, la plus sincere, et l'attachement le plus inviolable.

Je vous envoie, Mon cher Seigneur, un flacon des trufles fraiches, mais dans de l'huile; car on ne peut pas les avoir autrement. Meme tous le monde se moque de moi de ce que je vous les envoie; car ont ne croit pas que ça puisse parvenir, je faits l'épreuve; plut à Dieu que ça arrive bien, de meme que le portraits de l'Empereur en porcelaine très ressemblant; je vous aurai envoyé, cher Seigneur, celui de toute la famille, mais il n'y en a point, et meme celui la est un des premiers de fait. Je vous envoie par curiosité l'état de ma maison; faites faire par curiosité le calculs.

J'écrits aujourd'hui à M-r le Chancelier une lettre par laquelle je le prie de me procurés la permission d'attendre le congres ou je veuts, sans etre obligé de l'attendre à Vienne; car je croits qu'il est indiferent que ça soit ici ou autre part. Et en attendant cette permission, que je compte d'avoir absolument, tant par votre protection, mes cheres Seigneur, que par les raison que j'ai dits et au long dans ma lettre à M-r le Chancelier, je compte à mon retour de la terre de Comte Kaunitz ou je vais avec ma femme passer 8 jour avec lui, puisque nous partons d'ici le 17 et reviendronts le 25: terme auquel la cour sera abscente. Cette terre est à 14 meilen d'ici dans la Moravie. Il me temoigne l'amitié la plus marqué. Mais avec tous ça je m'ennueie à ne rien faire. De grace, cher Seigneur, non seulement faites moi obtenir cette permission du Chancelier et faites aussi en sortes qu'on me l'envoye par un expres a mes frais, car je vous jure que j'aurais la fievre tout le tems que je serai à attendre cette permission; adieu, cher est adorable ami.

En attendant donc cette permission, cher protecteur, et au retour de la terre du Comte Kaunitz, je compte de partir pour Venise. Mon voyage ne sera que de 15 jours ou 3 semaines, puisque d'ici jusqu'à Venise ont fait ce chemin dans 4 jours; temoigné moi dans cette permission toute cette bonté et cette diligence par me faire avoir la reponce que vous m'aviés temoignés lorsque je vous est expediés mon courier de Moscou pour avoir la permission de me marier. Car je compte de meme les heures. Ce courier sera chés vous le 13 de ce mois, vous m'en expedierés le 15, il sera le 28 ici. Je serai comptent ou triste et peut etre gronder.

Adieu cher, adorable protecteur; adieu, cher amant. Votre tres fidel et tres zelé.

Pylade.

Ce $\frac{1}{12}$ d'Aout 1761. Vienne.

Переводъ. Сію минуту узналъ, что французскій курьеръ сейчасъ отправляется, и не хочу пропустить удобнаго случая, мой любезный господинъ, чтобы вновь не выразить вамъ чувствъ живѣйшей, искреннѣйшей дружбы и неизмѣнной преданности.—Посылаю вамъ, мой любезный господинъ, стклянку съ свѣжими трюфелями, но въ маслѣ, потому что иначе имѣть ихъ нельзя. Надо мною всѣ даже смѣются, что я ихъ вамъ посылаю, потому что не вѣрятъ, чтобъ они могли дойдти. Дѣлаю опытъ, дай Богъ, чтобъ хорошо дошло, а также и портретъ Императора на фарфорѣ, очень похожій. Я бы вамъ послалъ, любезный господинъ, портреты всей фамиліи, но ихъ нѣтъ, и самый этотъ одинъ изъ первыхъ сдѣланныхъ. Для любопытства посылаю вамъ роспись моего дома, полюбопытствуйте сдѣлать оцѣнку. — Сегодня пишу къ канцлеру просьбу, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ дождаться конгресса, гдѣ я хочу, а не сидѣть для этого непремѣнно въ Вѣнѣ; потому что дожидаться по моему все равно, гдѣ бы то ни было. Я разсчитываю непремѣнно получить это позволеніе какъ по вашему ходатайству, мои любезные господа, такъ и по причинамъ, которыя я подробно изложилъ въ письмѣ моемъ къ канцлеру. Надѣюсь, позволеніе придетъ, когда я возвращусь изъ деревни графа Кауница, къ которому я ѣду съ женою моею на недѣльку; мы отправляемся отсюда 17-го и возвратимся 25-го; во все это время Двора здѣсь не будетъ. Деревня эта въ 14 миляхъ отсюда, въ Моравіи. Онъ мнѣ оказываетъ знаки большой дружбы; со всѣмъ тѣмъ мнѣ скучно ничего не дѣлать. Пожалуйста, любезный господинъ, не только достаньте мнѣ это позволеніе у канцлера, но устройте такъ, чтобъ мнѣ его выслали съ нарочнымъ на мой счетъ; потому что, божусь вамъ, у меня не перестанетъ лихорадка, пока я буду ждать этого позволенія. Простите, любезный, обожаемый другъ.—Дождавшись позволенія и возвратившись изъ помѣстья графа Кауница, я думаю, любезный покровитель, съѣздить въ Венецію. Поѣздка моя продлится не болѣе 15 дней или трехъ недѣль, потому что отсюда въ Венецію ѣздятъ 4 дни. Этимъ позволеніемъ и поспѣшнымъ отвѣтомъ вы мнѣ окажете такую же милость, какую оказали, когда я посылалъ къ вамъ курьера изъ Москвы за дозволеніемъ жениться. Я даже считаю часы. Курьеръ будетъ у васъ 13-го этого мѣсяца, вы его пошлете 15-го, и 28-го онъ будетъ здѣсь. Я буду доволенъ или въ хандрѣ, а можетъ быть стану браниться.—Простите, любезный, обожаемый покровитель; простите, милый любовникъ. Вашъ вѣрнѣйшій и усерднѣйшій Пиладъ. $\frac{1}{12}$ Августа 1761 года. Вѣна.

7.

Милостивой мой государь. Подполковникъ и назначенной при Аугзбургскомъ посольствѣ для исправленія должности совѣтника посольства господинъ Симолинъ, знавъ милость вашего превосходительства ко мнѣ, убѣдилъ меня просьбою своею о дачѣ ему рекомендательнаго письма къ вамъ моему милостивому государю. Я какъ на оное ни скупъ, однако отъ него отговориться не могъ, тѣмъ болѣе, что по самому короткому моему съ нимъ знакомству, онъ достойнымъ оной быть кажется. И такъ его въ протекцію вашего превосходительства препоручаю, себѣ же продолженія всегдашней вашего превосходительства милости испрашивая, съ почтеніемъ пребываю вашего превосходи-

тельства милостиваго моего государя всепокорный слуга

И. Гр. Чернышовъ.

Ноябрь $\frac{8}{19}$ дня
1761
Вена.

8.

Depuits deux Moits, cher Seigneur, que je suits à attendre l'argent de mes gages. Je ne le reçoit pourtant pas jusqu'à present. Ce qui me mets dans des embarras très cruelles. Ce pour quoi je vous suplie de vouloir bien dire un mot à S. Ex. M-re le Chancelier. Je seroits reduits à engager mes bijous. Ce qui ne fera guerre de l'honneur à la Cour. N'ayant presque pas de quoi manger, ni payer les creanciers qui comence à m'obsedes, je voudroits savoir le terme auquel je les recevroits, ou ne le recevrés pas du touts, je prendrai mes precautions alors. Car l'inexactitude dans ces sortes de choses dans les pays etrangers est abominable; ainsi je vous suplie, mon cher Seigneur, de parler et de prier M-gr le Chancelier en consequence: represen-tés lui mon état.

J'attendrai la reponce à cette lettre et le lendemain du jour qu'elle devroit arrivés, si elle n'arrive pas, j'engage mes bijous assurement. Adieu, cher protecteur; adieu, cher Seigneur. Continués à avoir de la bonté et à aimer l'homme qui vous est voué pour le reste de ses jours avec beaucoup de fidelité et de zele.

Pylade.

Vienne $\frac{2}{21}$ $\frac{\text{Decembre 1761.}}{\text{Novembre}}$

Переводъ. Уже два мѣсяца, любезный господинъ, какъ я жду своего жалованія, и однакоже до сихъ поръ не получилъ его, что̀ ставитъ меня въ жесточайшее затрудненіе. Поэтому умоляю васъ, благоволите сказать слово его сіятельству г. Канцлеру. Мнѣ приходится закладывать мои бриллiанты, что̀ конечно не сдѣлаетъ чести Двору. Мнѣ почти нечего ѣсть, нечѣмъ заплатить заимодавцамъ, которыя начинаютъ осаждать меня, и я бы желалъ знать, когда же навѣрное получу я деньги, или не получу ихъ вовсе: тогда я приму мѣры предосторожности. Неточность по дѣламъ такого рода, въ чужихъ краяхъ, омерзительна. И такъ умоляю васъ, мой любезный господинъ, поговорите и попросите г. Канцлера: представьте ему мое положеніе. — Буду ждать отвѣта на это письмо; и если не получу его въ тотъ день, когда оно должно прійти, то на другой же день непремѣнно закладываю бриллiанты. Простите, любезный покровитель и проч. *Пиладъ.* Вѣна 2 Декабря (21 Ноября) 1761.

9.

Вена. Генваря $\frac{2}{13}$ дня 1762.

Понимаю, Милостивый Гдрь, въ какомъ бѣдномъ состояніи было все любезное наше отечество, по распространившемся горестномъ слухѣ болѣзни Нашей всемилостивѣйшей Гдрни Матери; въ какомъже вы были, то мнѣ по милости и дружбѣ вашей ко мнѣ болѣе другихъ извѣстно. Подумайтеже, мой любезной другъ, l'état dans le quel nous nous sommes trouvés en aprenant cette nouvelle par des mains etrangeres! Ah! Dieu ne plait que ça soit un reproche que je veuts vous faire. Non, je vous le jures, je conçoits tres bien, come je vous est dits plus haut, cher ami, l'état deplorable dans le quel vous étes trouvé tous, pour n'est pas sentir qu'il n'y avait perssonne qu'il le fut en etat. Mais voila le malheur de ceux qui se trouvent hors du pays.'

Jugés les larmes de plaisir et de joye que nous a causes une lettre circulaire que nous avonts reçu de M-r le Chancelier du 19, dans laquelle il a la charité de nous annoncer la grande esperance qu'il a qu'avec l'aide de la divine Providence, Elle recouvrera bientot entierement sa precieuse santé *). Помилуй ее Богъ, Помилуй Богъ народъ ея, или лутче сказать помилуй все христіянство: истинно безъ слезъ Никто про оное горестное состояніе и вспомнить не можетъ.

Помилованіе всѣхъ виновныхъ по корчемству вина и соли, возвращеніе имъ праведно отнятое отъ нихъ имѣніе, неужели не избавитъ насъ отъ такихъ печальныхъ впередъ приключеній; буде мы милости ея недостойны, такъ она, какъ дѣйствительной Son image sur terre, **) достойна вѣкъ свой царствовать.

Получа оное извѣстіе сегодни передъ обѣднею, велѣлъ благодарной молебенъ пѣть, и сказать оною радость множеству Грекамъ и Кроатамъ, которые ко оной прихожане; съ какимъ удовольствіемъ примѣтили, что ихъ радость и усердное моленіе почти нашему не уступало. Ахъ, милостивой Государь, бѣдное состояніе бѣдствующихъ! Мы четыре дни какъ про оною болѣзнь свѣдали; послѣ тово все оное время разсудите, въ какомъ состояніи были.

Бога ради упросите ее, чтобъ она береглася, утѣшая бѣдной народъ, которой въ животѣ ея свой почитаетъ.

Par le meme Ange Gabriel, le jeune Comte de Vorontzow a reçu la Nouvelle, et la permission de faire le voyagé à Petersbourg; il est plus heureux que moi: il ne l'a demandé que depuis un mois, et il a deja la reponce, au lieu que moi je demande depuits deux mois pour pouvoir faire le voyage pour Carnaval à Venise sans pouvoir l'obtenir, ni meme sans avoir de reponce, je regarde cela comme un malheur et je n'ose pas me plaindre. Mais Vous concevés facilement, mon cher Seigneur, la peine que cela me fait.

Ayant eu occasion d'envoyer M-r Gouriew à Paris, au lieu d'une estaffete, en courier, ou il pourra s'y aretter une quinzaine de jours, je ne doute pas que son pere ne l'aprouve. Car en verité etant sorti une fois de chez soi, il seroit singulier qu'il ne vit pas les pays que hazard veut lui faire voir. Je les recomande à mon pere, [13]) j'espere qu'il sera tres bien. Au cas que M-gr le Chancelier trouve mauvais que je les envoie comme cela d'un endroit à l'autre (c'est une suposition) excuses moi, cher Seigneur, de Votre mieux. J'ai trop de marques des bontés pour ne pas aprehender de m'en rendre indigne.

Adieu, cher ami; adieu, cher Seigneur. Contés qu'il n'y a seulement que la mort qui peut me detachés de Vous. Je ne voudroits qu'une occasion pour vous en convaincre; adieu, cher Seigneur; adieu, cher ami; je suis le meme fidele et zelé serviteur.

Pylade. *)

---

*) Состояніе, въ которомъ мы находились, получивъ это извѣстіе изъ чужеземныхъ рукъ. Упаси Боже, чтобы я упрекалъ васъ за это; нѣтъ, божусь вамъ; я постигаю, какъ и сказалъ вамъ выше, любезный другъ, плачевное состояніе, въ которомъ вы всѣ находились, и чувствую, что никто не былъ въ силахъ извѣщать насъ. Вотъ несчастіе тѣхъ, которые уѣзжаютъ изъ своей земли.—Посудите о радостныхъ слезахъ, причиненныхъ намъ циркуляромъ г. Канцлера отъ 19 числа, въ коемъ онъ возвѣщаетъ намъ великую надежду, что съ помощью божественнаго Промысла, Она скоро будетъ опять совершенно здорова.

**) Его образъ на землѣ.

*) Тотъ же ангелъ Гавріилъ привезъ молодому графу Воронцову извѣстіе, что ему дозволено пріѣхать въ Петербургъ. Онъ

10.

Je ne vous ecrits celle-cy, mon cher Seigneur, que pour ne pas manques deux jours de postes de suite sans vous ecrire. La poste de Russie n'étant pas arrivé encore jusqu'à present, jugés de nos inquietudes. Nous n'avonts eu de nouvelles de la santé de notre tres clemente Souveraine que depuits le 19 du mois passer; il est vrai qu'elle etoits favorable, grace à Dieu. Mais nous les reçumes le 1 de Janvier est depuits ce temps nous attendions tous les jours des nouvelles de son parfait retablissement et nous ne l'avonts pas jusqu'à present. Mon Dieu, qu'il est douloureux d'etre absents dans ces sortes d'occasions!

Je commence à desesperés d'obtenir la permission d'aller faire un tour à Venise, comme aussi de touts. Mais je voudrois du moins, Mon cher Seigneur, qu'ont m'aye mandes quelques choses, Car ce etat indecis me tue. Mais de grace considerés donc, je vous suplie, le role ridicule pour moi et humiliant pour mon caractere que je faits ici.

A l'arrivée du General Beck et Lassi les conferences militaires commenceronts ici.

Croirés vous que nous n'auronts aucune nouvelles ici de la Pomeranie apres la prise de la Ville. Ça n'est il pas singulier et meme ridicule? Tous les Ministres generalement badinent tous haut la dessus.

Si vous croyés, Mon cher Seigneur, que c'est simplement par curiosité que je desirerois de le savoir, Vous avés tort: non, en verité. Mais c'est pour le bién du service: sachant ce que font les notres, je peuts savoir ce que je peuts exigér de mes alliés, leurs parlés, leurs dire et avoir droits de leurs demandés. Mais ainsi va le monde. Adieu, cher protecteur; adieu, cher ami; adieu, cher Seigneur.

Que je vous etonnerois bien, si une de mes lettres commencera bientot: Изведи изъ темницы душу мою. Adieu, adorable protecteur; je signe par toute ma vie le plus zelé et fidele de vos serviteurs et ami.

Pylade.

Vienne ce $\frac{9}{20}$ 1762 de Janvier.

Переводъ. Пишу къ вамъ, любезный господинъ, только потому, что уже двѣ почты сряду не писалъ. Почта изъ Россіи до сихъ поръ еще не пришла: судите о нашемъ безпокойствѣ. Послѣ 19-го прошедшаго мѣсяца мы не имѣемъ извѣстія о здоровьѣ милосерднѣйшей нашей Государыни; правда, что тогда извѣстіе было благопріятное, слава Богу; но оно дошло до насъ 1 Января, и съ тѣхъ поръ ежедневно мы ожидаемъ увѣдомленія о совершенномъ ея выздоровленіи, и не получаемъ онаго. Боже мой,

счастливѣе меня: онъ подалъ прошеніе всего мѣсяцъ, и уже имѣетъ отвѣтъ, тогда какъ я уже два мѣсяца прошусь съѣздить на карнавалъ въ Венецію и не получаю ни позволенія, ни даже отвѣта. Я почитаю это несчастіемъ и не смѣю жаловаться; но вы понимаете, мой любезный господинъ, какъ мнѣ это тяжело.—Я имѣлъ случай послать Гурьева въ Парижъ, вмѣсто эстафеты, курьеромъ, такъ что онъ можетъ тамъ остаться недѣли съ двѣ. Конечно, отецъ его не станетъ на меня за это гнѣваться; въ самомъ дѣлѣ было бы странно, разъ выѣхавши съ мѣста, не повидать страну, которую видѣть представляется случай. Я поручаю его моему отцу, и надѣюсь, ему будетъ хорошо. Какъ скоро г. Канцлеръ не одобритъ того, что я такъ посылаю его изъ мѣста въ мѣсто (это предположеніе), извините меня, любезный господинъ, какъ умѣете: я слишкомъ много имѣю знаковъ милости и смѣю потому надѣяться и на эту.—Простите, любезный другъ; простите, любезный господинъ. Вѣрьте, что одна смерть можетъ отлучить меня отъ васъ. Желалъ бы только случая убѣдить васъ въ этомъ, и пр. *Пиладъ.*

[13]) Отцомъ гр. Чернышевъ называетъ, вѣроятно, своего старшаго брата, графа Петра Григорьевича, находившагося тогда посломъ въ Парижѣ.

какъ горестно отсутствіе въ такихъ обстоятельствахъ!—Я начинаю приходить въ отчаяніе, какъ отъ того, что не получаю дозволенія съѣздить въ Венецію, такъ и ото всего. По крайней мѣрѣ, любезный мой господинъ, дали бы мнѣ хоть какой нибудь отвѣтъ, ибо эта неизвѣстность меня убиваетъ. Пожалуста, умоляю васъ, обратите вниманіе на положеніе мое, странное и унизительное для моего сана. Военныя конференціи начнутся здѣсь съ прибытіемъ генераловъ Бека и Лассія. — Повѣрите ли, что со времени взятія города, мы не имѣемъ здѣсь никакого извѣстія изъ Помераніи. Не странно ли это? Всѣ рѣшительно министры, не обинуясь, смѣются надъ этимъ. — Не подумайте, мой любезный господинъ, что я желаю имѣть эти извѣстія изъ одного любопытства; нѣтъ, по истинѣ, но для пользы службы: зная, что̀ дѣлаютъ наши, я могу знать, чего мнѣ можно требовать отъ союзниковъ, какъ говорить съ ними, что̀ имъ сказывать, и чего имѣть право у нихъ спрашивать. Но видно такъ бываетъ на свѣтѣ. Простите, любезный покровитель; простите, любезный другъ, простите, любезный господинъ.—Какъ я удивлю васъ, когда одно изъ моихъ ближайшихъ писемъ начнется словами: „изведи изъ темницы душу мою“. Простите, обожаемый покровитель; на всю жизнь остаюсь усерднѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ изъ вашихъ слугъ и друзей. *Пиладъ*. Вѣна 9 (20) Янв. 1762.

11.

Je ne sauroits m'imaginés, cher Seigneur, que ça soit quelque autre chose qu'une maladie qui vous ayant empeché de m'ecrire depuits si longtems (car pour votre amitié je ne doute nullement) Ce qui me fait une peine infinie. Vous savés, chere et adorable ami que mon amitié pour vous va jusqu'a l'adoration, et que dans mon eloignement, vos lettres etoit le seul plaisir que j'avoits. Elle me tenoit lieu de touts, je croyois converser avec vous au coin de Votre cheminée, quand je les recevois. Ainsi je vous conjure, chere et adorable Ami, de ne plus me causer cette inquietude, et de me donnés le plus souvent que vous pourrés.

Je voudroits pouvoir vous en dire quelque chose d'ici. Mais que vous dirois-je, cher et adorable Seigneur? La sterilité des nouvelles m'obligent de finir ma lettre plutot que je naurois voulu, et de la faire la plus courte que je vous est jamais ecrite, par concequent que vous ayés reçu de moi. En vous assurant pourtant que je suits et seroits toute ma vie le plus zelé et le plus fidel de Vos serriteurs, adieu, cher et adorable Ami.

Pylade.

Vienne ce $\frac{10}{21}$ de Janvier 1762

Переводъ. Одною болѣзнію могу себѣ объяснить, мой любезный господинъ, то, что вы такъ давно ко мнѣ не пишете; въ дружбѣ вашей я нисколько не сомнѣваюсь. Мнѣ чрезвычайно тяжело это. Вы знаете, любезный и обожаемый другъ, что дружба моя къ вамъ доходитъ до обожанія, и что въ отдаленіи моемъ письма ваши составляли единственное мое удовольствіе. Они мнѣ замѣняли все; получая ихъ, я воображалъ себѣ, что бесѣдую съ вами у камелька. И такъ, заклинаю васъ, любезный и обожаемый другъ, не причинять мнѣ болѣе этой тревоги и писать ко мнѣ елико возможно чаще.—Желалъ бы что нибудь сообщить вамъ отсюда, но что сказать вамъ, любезный и обожаемый господинъ? Недостатокъ новостей заставляетъ меня кончить это письмо раньше, нежели бы я желалъ. Оно короче всѣхъ писемъ, какія я когда либо писалъ и слѣд. какія вы отъ меня получали. Впротчемъ и т. д.—*Пиладъ*. Вѣна 10 (21) Янв. 1762.

12.

le $\frac{15}{26}$ de Janvier 1762 Vienne.

Ne doutant pas que cette lettre ne vous parviennent avec la plus grande suretés, cher et adorable ami, je ne sauroits m'empecher de Vous dire tous ce que je pense sur mon chapitre et un peu sur le Votre.

Tous le Monde ici est charmé, je vous le jure, de la Clemence et des bontés que Vous temoignents leurs Majestés Imperiales; il n'y a personnes qu'il ne m'en est demandés des Nouvelles, après cette evenement, comment vous portiés, ce que vous etes devenue. Le bruit c'est repandu ici que vous avés été fait vice-chancelier, il a été communiqués de Varssowie et de Marienbourg; Mais les Nouvelles de Petersbourg des Ministres ont contredits cela en disant, que cette place vous a etés proposés, Mais que vous ne l'avés pas voulu: belle modestie et digne de Vous, cher Ami. Mais dans cette Modestie (pardonnés un Ami Malheureus) Vous n'avés pas agis suivant Votre prudence ordinaire: Vous auriés eté a la fois Utile à Notre Maitre et Notre partie et à vos Amits. Mais vous avés eu vos raisons qui doivent sans doute etre meilleur que celle que je peuts vous allegués.

Tous le Monde Generalement chante les louanges de S. M. l'Impereur et l'Imperatrice, et vante extremement la façon Clemente, gracieuse et decente avec la quelle il se Comporte avec tous le Monde generalement, et surtouts avec ceux de l'ancienne Cour, parmi lesquelles les distinctions qui vous a faites Merités le plus d'Eloge. Car ont raconte un traits du Moment que S. M. l'Empereur fit la revüe des ses regiments des Gardes à cheval suivie de toute sa Cour, Vous etiés du Nombre, est Comme il été juste que vous le suivié tous sans chapeaux, il Vous a ordonnés de le mettre absolument. Grande distinction pour Vous. Mais ça fait voire sa bonté et son Egards pour la defeunte et pour vous. Ont-dits qu'il a les memes atention pour le C-t Rasoumowsky et beaucoup de Condescendance meme au Sentiments de notre tres digne Chancelier. Tous cela nous anonce un heureux regne. Grand Dieus, conssverés le dans ces sentiments, ayés pitié d'une partie du Monde est prolonges ses jours.

Les diferentes promotion qu'il a faites annonce la bonte de son regne.

Mais Comme je ne seaits pas si mon etats Vous est connue, je Vous le diroits, chere et adorable Ami, faites y vos Conclusions si-il-y-a quelqu'un de plus Malheureux que je me crois l'etre.

A l'arrivée du Courier, qui fait le tour du Monde et qui est allés à Vienne, Paris, Hage et Londres ont ni a aportés Une ordre signé de la Main de l'Empereur par le quel il Me confirme Son Chambellan ou du moins il est dit dans cette указъ: Нашему дѣйствительному Камер-геру, mais ont ne me dits mots de la Clef que je ne porte pas jusqu'apresent de meme que Galitzin. Mais pas un Mot du Ministre du Congres, par Consequent le suis-je, ne le suis-je, je ne seaits rien; tous les autres Ministres sont confirmés dans leurs places aupres des Souverains chés les quelles ils resident; Mais Comme je ne suits chés perssonnes, ont ne me dits rien. Est ce parceque Ma Comission finie, ou par Oublie? Tous le Monde Generalement, et meme l'Impereur et l'Imperatrice d'ici, m'en ont fait demander si j'avoits reçu l'ordre de partir d'ici, Comme ont les avés assurés; je leurs est fait dire que je ne savoits rien, et cela est vrai. Tous le Monde par la

Nomination du Successeur à Ma place Me juge parmi ceux qui ont le Malheur de l'avoir mal remplie puisque ont ne m'a rien dits et quoique Vous savés que je ne l'avoits plus voulue absolument, Je ne m'attendois pas à l'etre de cette facon. Mais la Nomination de M-r Glebow a qui ont seaits que j'avois succeder, leurs faits voir encore plus le Malheureus etats dans le quel je me trouve; ont me regarde Comme perdue et avec quelque raison. Et meme moi qui n'a de l'espoir que dans la Clemence et dans l'integrité et fidelité avec laquelle j'ai remplie Mon Emploi, je me le crois aussi; quel etat, grand Dieu! Mes Camarades avancer, qu'il n'auroit pas été assurements de mon prejudice si je futs digne de la Clemence, prouve que tous le Monde et moi avonts raisons; quel etat pitoyable! Soutenés moi, grand Dieu. Ma femme et mes pauvres enfants que deviendronts ils? Ne les abandonnés pas. Vous aimés le pere; ayés pitié de la veuve et des Orpphelins. Je suits desesperés, Ma raison, mes forces mabandonne; la rage et le desespoir Me Conssumes. Je ne suits que l'hombre de ce que j'ai été; perdre l'honneur et tous ce qui peut arriver de plus Malheureux; quel coup de foudre!

J'ai prié Mg-r le Chancelier de m'obtenir la permission pour six semaines; j'ai faits prié la Comtesse Elisabeth Romanowna qui m'a toujours temoignés tant d'Amitié; je desire de l'obtenir. Mais je crains qu'on ne le trouve mauvais; j'aurois abandonné Maison et femme.

En un mot, faites, cher Ami, de Concerts avec le Grand-Chancelier tous ce que Vous jugués à propos, sans avoir egards à mes prieres. Je remets mon sort entre Vos Mains. Votre prudence et Votre esprits feronts mieus que je ne pourrois imaginés. Mandés moi seulement de Grace par une Estaffete quelles sont les idées de S. M. l'Empereur et ceux de S. M. l'Imperatrice sur moi. Mais Marqués le moi Naivement sans me Menagés quelle est mon crime. A quoi peut je et dois-je m'attendre? Mais je Vous conjure par cette cher et precieuse Amitié qui fera ma felicité du peu que j'ai à vivre, de me le Mandés sans Menagés Vos termes. Ne craignés plus de m'accablés. Mon desespoir est au points qu'il ne peut plus augmentés. Je ne songe qu'a ma pauvre famille; dites Moi Mon sorts, Est ce qui faut que je fasse. Mais ne tardés pas, envoyé Moi une Estaffete, par pitié, tirés moi de l'abime ou je suits. Jamais Malheur n'a été plus accablants.

Dans ma lettre que j'ai ecrits au Grand-Chancelier par le jeune C-te Vorontzow Chambellan je lui est representé Mon etats en abregé. Je lui proposés meme quelle aveuglement au cas qu'ont voulu m'employer quelque parts et suivants mon inclination; je lui est fait un denombrements des places qu'il me conviendronts et quoique je ne doute pas qu'il ne Vous la fasse lire, je crois que celle-cy Vous viendra plutot. C'est pourquoi je vous le repete ici: въ Сенатъ и въ Канцелярію строенія, въ Иностранною Коллегію, ежели Корфъ отъ Полиціи прочь захочетъ, въ полицію, совсѣмъ вотставку. Только что оныя мѣста сповышеніемъ чина противъ моей братьи было. Наконецъ хотя в'Армію, хотя флотъ. Бога ради, cher Ami et Seigneur, devoyés cela. Voyés ou Vous me croirés le plus capable, et le plus Utile pour le bien de mon Souverains et de ma patrie et dites moi sans hesiter ce que Vous croiés qu'il peut ou ne peut pas se faire. Si je demande trop, Ne me me-

nagés pas ni meme en termes, ouvrés moi les yeus Sur Ma folles pretenssions, dites naivements à quoi Vous me croiés Capables et à quoi Vous croiés qu'on m'emploiera, c'est à dire à quoi je doits m'attendre. Mais mes services devenant inutile l'*отставка* est tous ce que je desirerois. Enfin je me repose sur Votre chere Amitié: Vous ne m'abandonnerés pas, Vous me dirés tous ce que Vous pencer sur mon Chapitre. J'attents cela de cette chere et precieuse amitié qui a fait et fera eternellement le bonheur de Ma vie. Continués la moi, cher Ami, et Comtés que par touts, dans quelque coin du Monde que je sois, je n'oublierois jamais ce que Je Vous doits et serai eternellement aussi zelé que fidel serviteur et ami.

Pylade.

Vienne ce $\frac{15}{26}$ 1762 Janvier.

Переводъ. 15 (26) Января 1762. Вѣна. Надѣясь, что письмо это вѣрнѣйшимъ образомъ дойдетъ до васъ, не могу удержаться, любезный и обожаемый другъ, чтобы не передать вамъ всего, чтó я думаю о моемъ положеніи, и отчасти о вашемъ. — Божусь вамъ, что всѣ здѣсь обрадованы милостію и ласками, которыя вамъ оказываютъ Ихъ Императорскія Величества. Нѣтъ человѣка, который бы, послѣ этого событія, не спрашивалъ меня о васъ, какъ ваше здоровье, чтò съ вами сталось. Здѣсь разнесся слухъ, что вы сдѣланы вице-канцлеромъ. Объ этомъ писали изъ Варшавы и изъ Маріенбурга. Но министерскія сообщенія изъ Петербурга опровергли этотъ слухъ; изъ нихъ узнано, что мѣсто это было вамъ предложено, но вы не захотѣли его: прекрасная скромность и достойная васъ, любезный другъ. Но (простите несчастному другу) оказавъ эту скромность, вы уклонились отъ обыкновеннаго вашего благоразумія: вы были бы равно полезны и вашему Государю и вашему отечеству и друзьямъ вашимъ. Впрочемъ, у васъ конечно были свои поводы, болѣе убѣдительные, нежели какіе я могу представить.—Всѣ вообще восхваляютъ Е. В. Императора и Императрицу. Всѣ отдаютъ чрезвычайную похвалу милостивому, ласковому и достойному обращенію его со всѣми, и въ особенности съ лицами стараго Двора. Отличія, показанныя вамъ, всего болѣе заслуживаютъ похвалъ. Здѣсь разсказываютъ, какъ Е. В. Императоръ, на конѣ, сопровождаемый всѣмъ своимъ Дворомъ, дѣлалъ смотръ гвардейскимъ полкамъ, какъ всѣ, и въ томъ числѣ вы, ѣхали за нимъ, разумѣется безъ шляпъ, и какъ онъ приказалъ вамъ непремѣнно надѣть шляпу. Большое для васъ отличіе! Оно показываетъ доброту его и почтительность къ покойницѣ и къ вамъ. Говорятъ, что онъ также внимателенъ къ графу Разумовскому и очень снисходителенъ къ нашему достойнѣйшему канцлеру. Все это предвѣщаетъ намъ счастливое царствованіе. Великій Боже! Сохрани его въ этихъ чувствованіяхъ, буди милосердъ къ цѣлой части свѣта и продли дни его.—Разныя сдѣланныя имъ производства свидѣтельствуютъ о милости его царствованія. Не зная, извѣстно ли вамъ мое положеніе, я скажу вамъ о немъ, любезный и обожаемый другъ; посудите сами, есть ли кто нибудь несчастливѣе меня въ глазахъ моихъ.—Курьеръ, объѣзжающій весь міръ и отправленный въ Вѣну, Парижъ, Гагу и Лондонъ, не привезъ мнѣ указа съ своеручною подписью Императора, коимъ бы подтверждалось мое камергерство; даже не сказано въ указѣ: „нашему дѣйствительному камергеру“, ни слова о камергерскомъ ключѣ, котораго я до сихъ поръ и не ношу, также какъ и князь Голицынъ. Не названъ я также министромъ на конгрессѣ; слѣдовательно министръ я, или нѣтъ, не знаю. Всѣ другіе министры подтверждены таковыми при тѣхъ государяхъ, при которыхъ они находятся; но я ни при

комъ не нахожусь, и мнѣ ничего не сказано, или потому что порученіе мое кончено, или по забвенію. Всѣ здѣсь вообще, и даже Императоръ и Императрица, спрашивали меня, справедливо ли увѣряютъ ихъ, что я получилъ приказаніе ѣхать отсюда. Я велѣлъ отвѣчать, что не знаю, и это правда. Судя по назначенію мнѣ преемника, и по тому, что я не имѣю никакого отзыва, всѣ полагаютъ, что я имѣлъ несчастіе дурно исполнить мое порученіе; а, какъ вы знаете, я вовсе не желалъ здѣсь долѣе оставаться, и не ожидалъ, что такъ со мною поступятъ. Назначеніе г. Глѣбова, котораго, какъ извѣстно, я заступилъ, еще болѣе обличаетъ несчастное мое положеніе. Меня считаютъ погибшимъ, и до нѣкоторой степени справедливо. Я самъ себя считаю таковымъ, обнадеживаясь только милостью, а также честностью и вѣрностью моею въ исполненіи моей должности. Каково положеніе, великій Боже! Общее и мое мнѣніе справедливы, такъ какъ товарищи мои предпочтены мнѣ, что̀ конечно не было бы къ моему ущербу, если бы я оказался достоинъ милости. Какое жалкое состояніе! Подкрѣпи меня, великій Боже! Жена моя и бѣдныя мои дѣти, что́ съ вами будетъ? Не оставьте ихъ! Вы любите отца: сжальтесь надъ вдовою и сиротами. Я въ отчаяніи. Разумъ, силы меня покидаютъ. Бѣшенство и отчаяніе меня снѣдаютъ. Отъ меня осталась тѣнь противъ того что́ я былъ. Утратить честь, несчастнѣе этого ничего быть не можетъ. Какой громовой ударъ!—Я просилъ канцлера объ увольненіи на шесть недѣль. Я желаю получить оное. Я велѣлъ просить о томъ графиню Елизавету Романовну, которая всегда оказывала мнѣ столько дружбы. Боюсь, чтобы не вышло дурнаго толкованія. Я бы покинулъ домъ и жену.— Однимъ словомъ, любезный другъ, не обращая вниманія на мои прошенія, сдѣлайте, сообща съ великимъ канцлеромъ, что̀ вы найдете нужнымъ. Предаю жребій мой въ ваши руки. Ваша мудрость и вашъ разумъ устроятъ лучше нежели я могу себѣ вообразить. Только пожалуста увѣдомьте меня эстафетою, какихъ мыслей обо мнѣ Императоръ и Императрица; но скажите мнѣ на чистоту, не щадя меня. Какое мое преступленіе? Чего могу и долженъ я ожидать? Но заклинаю васъ сею самою милою и драгоцѣнною дружбою, которою усладится останокъ дней моихъ, сказать мнѣ все, не стѣсняясь словами. Не бойтесь огорчить меня. Отчаяніе мое таково, что сильнѣе ему быть нельзя. Я помышляю только о бѣдномъ моемъ семействѣ. Скажите мнѣ судьбу мою и что̀ мнѣ дѣлать; но не замѣшкайте прислать мнѣ эстафету. Пожалѣйте меня и извлеките изъ пропасти, въ которой я нахожусь. Никогда несчастіе болѣе не удручало.—Въ письмѣ къ великому канцлеру, посланномъ черезъ молодаго камергера графа Воронцова, я ему вкратцѣ представилъ мое положеніе. Я даже предложилъ ему, какъ устроить дѣло, въ случаѣ если меня хотятъ куда нибудь опредѣлить. По склонности моей, я перечислилъ ему всѣ мѣста, для меня пригодныя, и хоть я не сомнѣваюсь, что онъ прочтетъ вамъ это письмо, однако мнѣ кажется, что теперешнее дойдетъ до васъ скорѣе. Потому я повторяю здѣсь: въ Сенатъ и въ Канцелярію строеній, въ Иностранную Коллегію; ежели Корфъ отъ полиціи прочь захочетъ, въ Полицію; совсѣмъ въ отставку, только чтобъ оныя мѣста съ повышеніемъ чина противъ моей братіи были; наконецъ хотя въ армію, хотя во флотъ[14]). Бога ради, любезный другъ и господинъ, устройте это. Разсудите, гдѣ по вашему мнѣнію я могу быть способнѣе и полезнѣе для блага моего Государя и моего отечества; и скажите мнѣ безъ запинки, какъ вы думаете, что́ можно и чего нельзя сдѣлать. Если я слишкомъ многаго хочу, не щадите ме-

---

[14]) Послѣднее и состоялось при Екатеринѣ: гр. И. Г. Григорьевичь сдѣланъ президентомъ адмиралтействъ-коллегіи.

ня, не смягчайте словъ, откройте мнѣ глаза на мои глупыя притязанія; скажите прямо, къ чему вы меня считаете способнымъ, куда по вашему мнѣнію опредѣлятъ меня т. е. чего я долженъ ожидать. Но такъ какъ служба моя сдѣлалась безполезною, то я желаю лишь отставки. Въ концѣ концевъ полагаюсь на милую вашу дружбу. Вы меня не оставите, вы мнѣ скажете все, что́ вы думаете на мой счетъ. Жду этого отъ милой и дорогой дружбы вашей, которая составляетъ и вѣчно будетъ составлять счастіе моей жизни. Продлите мнѣ ее, любезный другъ, и вѣрьте, что вездѣ, въ какой бы странѣ міра я ни былъ, я никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязанъ, и пребуду вѣчно ревностнымъ и вѣрнымъ слугою и другомъ. Пиладъ. Вѣна 15 (26) Января 1762.

13

Vienne le $\frac{13}{24}$ de

Nous venonts d'aprendre ici que la Comtesse **Анна Ивановна Шувалова** est morte, dont je vous faits mon compliment de condoleance d'un coeur reellement penetré. Vous ne saurés vous imaginér, cher Seigneur, la peine que ça m'a fait; J'ái été attendri jusqu'aux larmes, je vous le jure. Ça été une si bonne dame, d'un caractere si doux. Je conçoits la peine et le chagrin que ca vous aura fait, ce qu'il redouble mes regrets. Mon Dieu, que votre etats est Singulier et cruelle. Vous n'avés du plaisir que celui qui ressente vos parents et vos amis, et de meme le chagrin, auquel pourtant Vous y participés encore et en propres par dessus le marché. Cher et adorable ami, je partage toutes vos peines avec vous, je vous le jure; je regrette beaucoup de ne m'y être pas trouvé cet instant en Russie: j'aurais été chés vous, peut être aurai je trouvé le moien de vous egayer un peu, de grace ne vous abandonnés pas aux chagrins.

Saves vous que mon premier courier en retournant ches moi mà dits que vous aviés vielli beaucoup et que vous avés l'air d'avoir par le moins cinq ans de plus que moi, ce qui ne me fait pas peu de plaisir. Comme je ne me suits pas attendu qu'il partiroit d'ici un courier sitot, je n'est pas pu dans cette espace de temps si courte rien trouvés de digne de vous être envoyer. Je vous envoi donc, cher ami, quatre diferents almanach de Vienne, qui vous feront passer du moins un quar d'heure à les feuilletés d'agreables.

La semaine qui vients, vers Mercredi, j'attends de Vos nouvelles pour savoir si il m'a été permis de faire le voyage d'Italie. Ma foi si non, ma toute premiere à Vous commencera par un **Изведи изъ Темницы душу мою.** Car en verité l'innaction dans laquelle je me trouve et qui n'est pas du touts compatible avec la represantion de mon caractere, me tue. Il est vrai qu'otés l'honneur, il n'est guerre agreable d'être notre ministre, parceque vous ne savés rien et sans les nouvelles que recoits ici le Ministre de Saxe et Varsovie, Nous ne saurionts pas, que le corps de Roumantzow existe, qu'il est près de Colberg, que le P. de Virtenberg c'est joints avec Plater. Mais il faut esperer que nous auronts confirmation de tous cela (après que toutes les Gazettes nous auronts apris) par la lettre de notre chère Marechale qui confirme toujours un mois apres tous ce que les gazettes de tous pays nous aprenent.

Si je reçoits la permission de faire un tour en Italie, comme je ne doute plus après le depart de celui d'Anglettere pour Londres et que vous ne

m'avés donnés aucune commissions pour vous faire des emplettes, ca me donnera de la mauvaise humeur contre vous. Celà sera impardonnable, car c'est le pays des tableaux et des statues. A propos, je faits un achats d'une beauté rare, et tres bon marché. C'est un tenture de tapisserie toute neuve qui n'a jamais été tendu, du dessein de fameus *Vanorley* de la fabrique de *Devosou*, et comme je les achette toutes deux, on me la passe a très bon marche. Je les achette pourtant dans l'intention que vous prendrés une pour vous. Elles ont de la meme grandeur, de la meme beauté et du meme prix; il y a une qui represente les fetes de Dieus, et l'autre l'Histoire d'Armide; dites moi celle que vous voulés avoir. Il y a 6 à 7 pieces dans chacune, je ne les vues ni l'une ni l'autre, mais comme c'est le C-t Cobentzell qui me les achettés, il ne me trompera pas. Elle sont toutes deux du prix de 1800 ducats; il depend de vous, cher Seigneur, de prendre celle qui vous plaira. Mais il ne faut pas manquer de me repondre au plus vite, comme aussi si vous voulés qu'à chaque piece vos armes soit faites ce qui ne vous coutera que 25 florins par piece, et pour les 7 ça faira 175 florins. Ce pourquoi il ne faut pas manqués de me faire savoir par le premier Courier celle que vous voules avoir, et de m'envoyés vos armes. Mais ne perdés pas du temps comme aussi Vous etes le Maitre, mon cher Seigneur, de ne pas les prendres, car vous n'etes engagés en rien. Je Vous prie seulement d'une chose de ne le prendre que pour vous ou pour M-r le Chancelier, car autrement je veuts les gardés pour moi, dusse-je m'endettés. Je les revendrois avec grand avantage; car c'est pour rien: la disette d'argent en Allemagne est ce que je les achette toutes deux à la fois font ce bon marché. Si vous vouliés aussi quelque chose pour l'ameublement de votre maison, donnés m'en vos ordres, Vous serés mieus servie, que par qui que se soit. Mais de grace, cher Seigneur, ne tardés pas à me faire la reponse.

Vous vous etonerés encore beaucoup lorsque je vous dirai que j'ai tout un cabinets de tableaux pour une chambre, mais de quel Tableaux! tous d'animaus, infiniment plus beau que ceux qui sont à Zarsko Selo; pas si grand, mais infiniment mieux peint, en un mot: *d'Hamilton*, *Damme*, *Grafenschtein* et j'ai déjà pour meubler tout une grande chambre, en un mot je peut me vantés que ça sera un cabinets presque Unique.

Il y a encore un fameux cabinets d'estampes à vendre ou il-y-a plus de 52000 estampes toutes choisies. Mais c'est au dessus de mes forces, ont en demande 4000 ducats, ça est bien bon marché. Mais c'est trop d'argents. La reliure des volumes dans les quelles cela se trouve passe 500 ducats; qu'en penses vous?

Si vous vouliés destinés une couple de milliers de ducats et que vous m'eussiés prescripts le genre des choses que vous voulés avoir, ont pourrait meubler Votre petite Hotell divinement. Mais le peu de confiance que vous avés dans mon gout et dans mon oeconomie vous retiendronts toujours de cela. Не прощаю, Милостивый Государь, что такое худое мнѣніе о мнѣ имѣете; я истинно глупее Селиверста Даниловича Гурьева, и также какъ онъ въ светлое воскресенье: калачикъ куплю до съ толакномъ і ѣмъ. Сожалѣю крайне, что я не былъ Intendant des batiment перво моего выезду изъ Питербурга. Много бы дешеваго для новаго

дворца купить и заказать было можно. По этому разсудите: самыя лутчія и большія картины въ *Massa Carra* только десять или двѣнатцать червонныхъ стоятъ. Такъ разсудите каково, а въ Питербургѣ сто червонныхъ! Пожалуй, батюшка, вѣдь въ Питербургѣ зачнутъ мой домъ строить, неоставьте господина *Бѣлова*, о чемъ и ему прикажите сказать и вслучаѣ нужды въ разныя числа обяжите его на мой щетъ деньгами рублевъ тысечи до двухъ. Пожалуй, cher Seigneur. Je me flatte, ça sera une belle hotell, quoique très simple d'architecture, mais bien meublé. Magnifiquement, noblement et avec gout, mais sans or et argent.

Здравствуй, Милостивой Г-дрь, съ праздникомъ рождества Христова и Новаго года, дай Богъ тебѣ все то что я желаю; истинно болѣе да можетъ быть и лутче нежели вы сами себѣ желаете. А прежде и себя и васъ съ онымъ же поздравляю и желаю всегда ту вашу милость, любовь и дружбу имѣть, съ которою наиблагополучнѣйшимъ себя состою. Adieu, chere et adorable Seigneur.

M-re le Comte Galantha d'Estergazi m'a prié d'assurés Votre Excellence de ses respects est combien il se souviendra eternellement de toutes vos bontés.

Voila une diference bien grande entre nous deux à Petersbourg, et nous deux ici: il me traite a chaque bout de champ d'Excellence, et moi je ne le lui donne qu'une fois et deux fois tout au plus par jour, au lieu qu'à Petersbourg ça été le contraire; alors je le lui donné, il ne m'endonnait jamais. On n'est jamais prophete dans son pays, taisonts la dessus. Adieu, cher et adorable Ami, portes vous bien, soyés gay, content, tranquil, portés vous bien: voila les voeux le plus sinceres de l'homme qui vous est voué à l'éternité. Adieu, adieu.

Je suis curieux de savoir si mes truffes seront arrivés à bon port et bien fraiches, et inquiet pour ma hardiesse, d'envoyés le latin: j'attends les nouvelles avec impatince. Je ne pourrait les avoir que le 3 ou 4 d'janvier.

Пещерской m'a prié que le vous recomande, mon cher Seigneur; en verité ça fait un jolie garçon, ont peut faire quelque chose de lui.

Переводъ. Вѣна 13 (24). Мы узнали здѣсь, что графиня Анна Ивановна Шувалова [15]) скончалась. Посылаю вамъ по сему случаю соболѣзновательное привѣтствіе мое, отъ сердца, по истинѣ растроганнаго. Вы не можете себѣ представить, любезный господинъ, какъ я этимъ огорченъ. Я расчувствовался до слезъ, клянусь вамъ. Это была добрая женщина, характера столь кроткаго! Понимаю вашу печаль и огорченіе, что умножаетъ сожалѣніе мое. Боже мой, какъ ваше положеніе странно и жестоко: вы такъ чувствительны къ удовольствіямъ и вашихъ родныхъ и друзей, и принимаете участіе равно и въ ихъ огорченіяхъ; а тутъ въ добавокъ огорченіе—собственное. Любезный и обожаемый другъ, я раздѣляю всѣ ваши горести, клянусь вамъ, и очень сожалѣю, что въ эту минуту я не въ Россіи: я былъ бы съ вами, быть можетъ я нашелъ бы средство развеселить васъ. Пожалуста, не предавайтесь горести. Знаете, что первый мой курьеръ, возвратясь ко мнѣ, сказалъ мнѣ, что вы очень постарѣли, и что глядя на васъ, можно подумать, что вы пятью годами старше меня [16]), это мало меня радуетъ. Я не ожидалъ, что курьеръ отправится отсюда такъ скоро, и въ такое корот-

---

[15]) Урожденная княжна Одоевская, вторая супруга графа Петра Ивановича, скончалась 6 Января 1762.

[16]) Графъ Иванъ Григорьевичъ былъ однимъ годомъ моложе И. И. Шувалова.

кое время не могъ сыскать что̀ либо достойное, чтобы вамъ послать. Посылаю вамъ любезный другъ, четыре разныхъ Вѣнскихъ альманаха; перелистывая ихъ, вы пріятно проведете съ четверть часа.—На слѣдующей недѣли въ середу, жду отъ васъ извѣщенія, позволено ли мнѣ будетъ сдѣлать путешествіе въ Италію. Ей ей, коль скоро нѣтъ, мое первое письмо къ вамъ начнется словами: „Изведи изъ темницы душу мою". Въ самомъ дѣлѣ меня убиваетъ бездѣйствіе, въ которомъ я нахожусь и которое вовсе не соотвѣтствуетъ представительности моего званія. По истинѣ кромѣ почета, нѣтъ никакой пріятности быть нашимъ министромъ: ничего не знаешь, и не получай извѣстій министры Саксонскій и Варшавскій, мы оставались бы въ невѣдѣніи о томъ, что существуетъ корпусъ Румянцева, что онъ подъ Кольбергомъ и что принцъ Виртембергскій соединился съ Платеромъ. Надо надѣяться, что послѣ того, какъ объ этомъ будетъ напечатано во всѣхъ газетахъ, мы получимъ подтвержденіе тому въ письмѣ нашей фельдмаршальши [17]), обыкновенно подтверждающей то, о чемъ мѣсяцемъ ранѣе извѣстили насъ газеты всѣхъ странъ.

Если не получу позволенія проѣхаться по Итали (въ чемъ не сомнѣваюсь, такъ какъ министръ Англійскій уѣхалъ въ Лондонъ и вы не даете мнѣ никакихъ порученій по части покупокъ), то разсержусь на васъ. Это будетъ непростительно, ибо Италія—страна картинъ и статуй. Кстати, я покупаю прелестную рѣдкость и очень дешево. Это тканые обои, совершенно новые, ни разу еще не натянутые, по рисунку знаменитаго Ванорлея, и фабрики Девозу. Такъ какъ я беру ихъ и тѣ и другіе, то мнѣ они приходятся очень дешево. Покупаю ихъ однако въ томъ предположеніи, что вы возмете одни для себя. Они одной величины, одного достоинства и одной цѣны. Одни представляютъ празднества боговъ, а другіе исторію Армиды. Скажите, какіе вы желаете имѣть. Въ каждыхъ отъ 6 до 7 кусковъ. Я не видалъ ни тѣхъ ни другихъ, но мнѣ покупаетъ ихъ графъ Кобенцель, и онъ меня не обманетъ. Цѣна тѣмъ и другимъ 1800 дукатовъ. Отъ васъ, любезный господинъ, зависитъ взять какіе вамъ понравятся; но не забудьте отвѣчать мнѣ поскорѣе, а также, не хотите ли, чтобы на всякомъ кускѣ былъ вашъ гербъ: это будетъ вамъ стоить за каждый кусокъ по 25 флориновъ, что̀ съ 7 кусковъ составитъ 175 флориновъ. Поэтому необходимо извѣстить меня съ первымъ курьеромъ, какіе обои выберете и прислать мнѣ вашъ гербъ. Но не теряйте времени, хотя отъ васъ, мой любезный господинъ, зависитъ брать или нѣтъ; вы ничѣмъ не связаны; прошу только объ одномъ, чтобы они не достались никому кромѣ васъ или канцлера: иначе я возьму ихъ себѣ, хотя бы пришлось и задолжать. Я ихъ продамъ съ большимъ барышомъ, потому что ихъ уступаютъ почти даромъ. Это оттого такъ дешево, что въ Германіи очень нуждаются деньгами, а я покупаю тѣ и другіе за разъ. Если вамъ чего нибудь нужно для меблированія вашего дома, приказывайте мнѣ; исполню лучше всякаго другаго. Но пожалуста, любезный господинъ, не замедлите отвѣчать мнѣ. Вы еще очень удивитесь, когда я скажу вамъ, что у меня есть цѣлое собраніе картинъ для одной комнаты, да какихъ картинъ! Все животныя, и несравненно прекраснѣе нежели въ Царскомъ Селѣ; не такихъ большихъ размѣровъ, но несравненно лучше писаны, словомъ, Гамильтона, Дамма, Графенштейна, и я могу убрать уже цѣлую большую комнату: словомъ, могу похвалиться, это будетъ почти единственное собраніе. — Еще продается знаменитое собраніе эстамповъ, въ числѣ 52000 отборныхъ эстамповъ; но оно выше моихъ средствъ: просятъ 4000 дукатовъ, что̀ очень дешево, но денегъ

[17]) Бутурлиной, ур. княжны Екатерины Борисовны Куракиной.

слишкомъ много. Переплетъ книгъ, въ которыхъ они находятся, стоитъ 500 дукатовъ. Какъ вы объ этомъ думаете? —Если вы захотите назначить тысячи двѣ дукатовъ, и напишете мнѣ, какихъ именно вещей вамъ угодно, домикъ вашъ можно будетъ убрать божественно. Но вы никогда этого не сдѣлаете по недовѣрію къ моему вкусу и къ моей бережливости.... Я льщусь, что выдетъ хорошій домъ, хотя очень простой архитектуры, но хорошо убранный, великолѣпно, благородно, со вкусомъ, но безъ золота и серебра.—Графъ Галанта д'Естергази просилъ меня увѣрить ваше превосходительство въ его почтеніи, и что онъ вѣчно будетъ помнить вашу доброту.—Большая разница въ нашихъ отношеніяхъ здѣсь и въ Петербургѣ; онъ величаетъ меня на каждомъ шагу превосходительствомъ, а я называю его такъ, самое большое, разъ или два раза въ день; тогда какъ въ Петербургѣ было на оборотъ: тогда я его такъ называлъ, а онъ меня никогда. Нѣсть пророка въ отечествіи его. Умолчимъ объ этомъ. Прощайте, любезный и обожаемый другъ, будьте здоровы, будьте веселы, покойны, довольны: таковы искреннія желанія человѣка, который преданъ вамъ на вѣки. Прощайте, прощайте, прощайте, любопытно знать, хорошо ли дошли мои трюфели и не испортились ли. Меня безпокоитъ, что осмѣлился препроводить мой тамбуръ. Жду письма съ нетерпѣніемъ. Оно дойдетъ до меня не раньше 3 или 4 января. Пещерскій просилъ, чтобы я его вамъ рекомендовалъ. По истинѣ, мой любезный господинъ, это хорошій малый; изъ него можно что нибудь сдѣлать.

14

Vienne ce $\frac{7}{18}$ fevrier 1762.

Je ne me laisseroits jamais de vous écrire, cher et adorable ami, quoique il-y-a quinze jours que je n'est eù de vos nouvelles. Je sents le mouvement de mon coeur, et celui de la vengeance en meme temps. Car voila les armes que je veuts emploier contre vous, lorsque vous m'oublierés. Une autre se croiroit etre en droits de Vous faire des reproches Vous aimant, vous adorants comme je faits; il se croiroit en droits de demander du retour, mais je ne suits pas dans ce sentiments. Je vous aime et Vous aimerés toute ma vie. Vous m'avés fait du bien, et vous vouliés m'en faire davantage, et si vous m'aviés moins aimer Vous, m'en auriés fait infiniment davantage. J'étois toujours sensible et reconnoissant et je le seroits toute ma vie. Oui, cher et adorable ami, toute ma vie, je vous le jure.

La bonté de Notre tres auguste Souverain, a extasier tout le monde; comment il commence à nous combler de bien, auparavant qu'il est eu occasion de voir tous notre zele pour lui, pour le precieux sang de Pierre le Grand. Je suits entousiasmé de cette clemence: jamais Souverain n'en a fait une aussi signalé, que generale. Cher Noblesse, n'abusés pas de cette clemence, et faites voir à l'Univers, que si votre gracieus souverain vous a cru oter les chaines, Vous n'en etes pas moins eternellements liés, avec de beaucoup plus fortes qui sont ceux de devoir de sujets fidel, zelé et reconnaissant.

Non, je repete, jamais Souverain n'a meme finie son regne aussi glorieusement qu'a commencer Notre inimitable Pierre.

Vous connaissés, cher Ami, mon entousiasme, jugés donc combien cette nouvelle m'a frapés. Si j'ai pleuré en recevants cette nouvelle c'étoits plutot des larmes de surprises que de joye. Faire cent mille heureus, et cent mille Gentilhomme. C'est un jour qui doit etre beni a jamais. Quelle grandeur, Grand Dieu! Ne vous imaginés pas que

j'ai été le seul qui est envisagés ce bienfaits de cette façon. Tous Vienne ne parle que de cela, et bientot toute l'Europe retentira de l'eloge le plus pompeux de Notre Monarque occasionnés par une clemence aussi inatendue que surprenante. Que le Touspuissant nous le conserve! Adieu, cher Ami, je finis ma lettre, je ne peut plus ecrire.

Сергей Васильевичь Салтыковъ [18]) est ici depuits 3 jours; il s'arretera encore 4 et partira droit pour Petersbourg; il a laisses son épouse à Paris. Adieu, cher seigneur, je suits ce que je faits de vous l'etre eternellement, Votre tres fidel et zelé.

Pylade.

При семъ прилагаю къ вамъ, Милостивый Гдрь, вѣрющее писмо, по которому покорно прошу о присылкѣ денегъ: мнѣ занять приказали и буде можно что сколько нибудь скорѣе дали, дабы я могъ Питербургской домъ нынѣшнимъ лѣтомъ строить начать, для сево бы хотя 15, скорѣе пожаловали, о чемъ нижайше прошу постараться; сколькоже во оныхъ моихъ деревняхъ душъ, о томъ въ домѣ моемъ знаютъ.

Au cas qu'il en manque une couple de milliers de roubles dans ma maison pour le dits batiments, je ne doute pas, cher Ami, que vous ne voulussiés bien le preter à mon nom a M-er de Below, a qui j'ai ecrits qu'il pourroits s'adresser en consequence. Adieu, cher Ami. Adieu, cher Seigneur.

Celle-cy ne sera que pour vous dire, cher et adorable ami, que je ne veuts pas laisser une seule occasion de Vous dire que je vous aime, je vous respecte et continuerois de le faire tous le temps de ma vie. Au reste patience: encore 8 jours, et vous aurés une longue lettre qui vous apportera Strogonoff qui part demain et qui ne veut absolument pas se marier, pauvre diable!

Сергѣй Салтыковъ part demain aussi et compt d'etre dans 18 jours à Petersbourg. Adieu, cher et adorable Ami; adieu, cher Seigneur. Votre fidel zelé

Pylade.

Vienne ce $\frac{13}{24}$ de fevrier 1762.

Mon pere part aujourd'hui à son logis.

Переводъ. Вѣна $\frac{7}{18}$ февраля 1762. Никогда не устану писать къ вамъ, любезный, обожаемый другъ, хотя вотъ уже двѣ недѣли какъ отъ васъ нѣтъ извѣстія. Слѣдую движенію моего сердца и въ тоже время мщу вамъ: этимъ оружіемъ я хочу противъ васъ дѣйствовать, когда вы меня забываете. Другой счелъ бы себя въ правѣ упрекать васъ; любя и обожая васъ такъ какъ я, имѣешь право требовать взаимности; но я не таковъ. Люблю васъ и буду любить всю жизнь; вы сдѣлали мнѣ добро и хотѣли сдѣлать его еще болѣе, и ежели бы вы меня менѣе любили, я безконечно бы болѣе получилъ отъ васъ добра. Я всегда былъ чувствителенъ и благодаренъ, и останусь таковымъ во всю жизнь; да, любезный, обожаемый другъ, во всю жизнь, божусь вамъ. — Милости нашего Августѣйшаго Государя приводятъ всѣхъ въ восторгъ: какъ онъ начинаетъ осыпать насъ благодѣяніями прежде, чѣмъ имѣлъ онъ случай видѣть все наше усердіе къ нему—къ драгоцѣнной крови Петра Великаго! Я восхищенъ этимъ милосердіемъ; никогда Государь такъ ярко и такъ широко не обнаружилъ онаго. Любезные дворяне, не злоупотребите этимъ милосердіемъ и пока-

---

[18]) Кажется, что онъ теперь въ первый разъ возвращался съ Петербургъ послѣ 1754 года, когда его отправили въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи В. Князя Павла Петровича.

жите вселенной, что если милостивый Монархъ вашъ снялъ съ васъ узы, тѣмъ не менѣе вы сами на вѣкъ связуете себя другими, гораздо сильнѣйшими, узами вѣрноподданическаго долга и признательности. Нѣтъ, повторяю, никогда Государь даже не оканчивалъ царствованія такъ славно, какъ началъ оное неподражаемый нашъ Петръ.

Вы знаете, любезный другъ, мою восторженность; судите же, какъ на меня подѣйствовала эта новость, какъ я плакалъ, получивъ ее, и притомъ скорѣе слезами удивленія нежели радости. Осчастливить сто тысячъ, и сто тысячъ дворянъ! День этотъ долженъ быть благословляемъ во вѣки. Великій Боже, какое величіе! Не думайте, чтобъ я одинъ такъ смотрѣлъ на это благодѣяніе; вся Вѣна ни о чемъ болѣе не говоритъ, и скоро вся Европа огласится великолѣпнѣйшими похвалами нашему Монарху, вызванными милостью, столь же удивительною, какъ и неожиданною. Сохрани вамъ его Всемогущій! Простите, любезный другъ; кончаю письмо, не могу больше писать.—Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ 3 дня какъ здѣсь, останется еще 4 дня и поѣдетъ прямо въ Петербургъ; супругу свою онъ оставилъ въ Парижѣ. Простите, любезный другъ; простите, любезный господинъ; вѣчно вамъ вѣрнѣйшій и усердный Пиладъ...... Въ случаѣ ежели въ домѣ у меня не достанетъ нѣсколькихъ тысячь рублей на эту постройку, я не сомнѣваюсь, любезный другъ, что вы благоволите ссудить ими на мое имя господина Бѣлова, которому я пишу, что онъ можетъ къ вамъ обратиться. Простите, любезный другъ; простите, любезный господинъ. — Пишу это, для того только, чтобъ сказать вамъ, любезный и обожаемый другъ, что я не хочу пропустить никакого случая, не увѣривъ васъ въ моей любви и въ моемъ почтеніи, которыя будутъ продолжаться во всю мою жизнь. Впрочемъ потерпите: еще 8 дней, и вы получите большое письмо; его привезетъ вамъ Строгановъ, отправляющійся завтра; онъ никакъ не хочетъ жениться. — Сергѣй Салтыковъ ѣдетъ также завтра и чрезъ 18 дней думаетъ быть въ Петербургѣ. Простите, любезный, обожаемый другъ; простите, любезный господинъ. Вашъ вѣрный и ревностный Пиладъ. Вѣна 13 (24) февр. 1762. Отецъ мой сегодня отправляется въ свое помѣщеніе.

15

Vienne ce $\frac{14}{25}$ Fevrier 1762.

Bon jour, cher et adorable Ami, Mais un peu cruel. Comment Vous portés Vous? Il-y-a un mois que je n'est eu de Vos Nouvelles. Mais ce qu'il me Conssolle, ce que japrends par le Canal des Autres que Vous Vous portés bien, dont je Vous faits mon Compliments. Le departs de M-r de Strogonow me procure Une occasion de Vous envoyer, cher Seigneur, deus petites Migniature dont le Merite est d'etre un peu plus grande qu'on ne le faits ordinairements, que je Vous prie, cher et adorable Ami, de recevoir Comme une faible Marque de mon attachements Eternelle. Je nest rien pu trouvés de Jolie, je Vous proteste que je Vous l'aurois envoyer. Mais si Mon Amitié, mon Attachement, mon Zele, peuvent supleer, Comptés, adorable ami, que Vous les avés pour l'éternité.

Je suits presentements dans une inquietude extreme; j'attends la reponce à la demande que javoits faites de venir pour quelques jours à Petersbourg. Je ne seaits si je l'obtiendrés, Mais au Cas que je l'obtienne qui est ce qui me logera, Nourira, Voiturera! Car je nest rien et je n'amene rien Non plus, laissant femme, enfants, Domestique et Maisons, dans les quatres parties du Monde.

Mais au cas que je ne l'obtienne pas, cher et adorable ami, quelle sera donc mon sorts, resterois-je ici, aurois-je la permission d'aller aus eaux, ou Non?

Mais ce qui m'interessera le plus, ce de savoir, C'est d'etre assuré que Mon empressement à faire Ma Cour et mon hommage à Mon Souverains et Maitre, n'ayant pas été interpreté d'une façon à me faire du tort. De grace, cher Ami, rompés le silence, et dites moi hardiment sans croire me rendre plus Malheureux tous ce qu'ont pencera la dessus. Je ne sauroits deja me Croire plus Malheureux que je le suits presentement.

J'aime trop mes Maitres et Mon pays, pour ne pas trouvés des perssonnes qu'il voudroit me contrecarés dans Mon chemin, et la Grande fortune qu'ont me croits embitionnés de faire. Mais ont se trompe, je vous le jure. Je ne veuts rien sur mon honneur, que de Mourir dans quelques retraite pourvu qu'on ne me refuse pas le titre que j'ai toujours ambitionnés, qui est celui de Sujet zelé et Citoien fidelle. Voila Mon Ambition! Les chagrins que j'ai essuié M'on rendu d'une Melancolie et d'une tristesse afreuse. Je scents qu'il n-y-a plus de plaisir pour moi, je m'aperçoits meme de l'ennui que je porte partouts avec moi.

Ces deux Titres et Votre Amitié peuvents seules Me rendre la vie moins inssuportable. S. M. peut trouver ou pour mieus dire n'a que des sujets tous plus capables que moi, Mais qu'il lui soit plus attaché de meme qu'à la patrie, Non en verité. Adieu, cher et adorable ami, je Vous embrasse de tous mon coeur, portés Vous bien, aimés moi. Voila la Grace qui Vous demande l'homme du Monde qui vous est le plus fidellement et eternellement attaché.

Pylade.

Переводъ. Вѣна 14 (25) февр. 1762. Здравствуйте, любезный и обожаемый, но нѣсколько жестокій другъ. Какъ вы поживаете? Уже мѣсяцъ какъ не имѣю отъ васъ извѣстія. Утѣшаюсь, слыша отъ другихъ, что вы здоровы, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Отъѣздъ г. Строганова даетъ мнѣ возможность послать вамъ, любезный господинъ, двѣ маленькія миніатюры, достоинство коихъ въ томъ, что онѣ бо́льшаго размѣра нежели обыкновенно. Прошу васъ, любезный и обожаемый другъ, принять ихъ какъ слабый знакъ моей вѣчной привязанности. Если бы я нашелъ что нибудь лучше, увѣряю васъ прислалъ бы; но если въ дополненіе могутъ пойти моя дружба, моя привязанность, мое усердіе, вѣрьте, обожаемый другъ, что вы ихъ имѣете на вѣки. — Я теперь въ крайнемъ безпокойствѣ: жду отвѣта на мою просьбу съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Не знаю, получу ли. Но въ случаѣ, если мнѣ позволятъ, у кого я помѣщусь, кто будетъ меня кормить и дастъ мнѣ карету? У меня ничего нѣтъ, и я ничего не привезу съ собою, разбросавъ по цѣлому свѣту жену, дѣтей, прислугу и хозяйство.—Но если я не получу позволенія, какая будетъ судьба моя, любезный и обожаемый другъ? Останусь ли я здѣсь? Позволятъ ли мнѣ ѣхать на воды или нѣтъ? Но что всего для меня важнѣе, это быть увѣрену, что мое усердное желаніе представиться и поклониться моему Государю и Повелителю не будетъ истолковано во вредъ мнѣ. Пожалуста, любезный другъ, прервите молчаніе и скажите мнѣ смѣло, не думая, что усилите мое горе, все, что̀ объ этомъ будетъ говорено. Думаю, что уже несчастнѣе теперешняго я не могу быть. Я слишкомъ люблю моихъ Государей и мое отечество, чтобы не имѣть людей, которые становятся мнѣ поперекъ дороги, и которые завидуютъ мнѣ, воображая, что я очень богатъ. Божусь, что они ошибаются. Я ничего не желаю для моей чести, какъ умереть въ какомъ нибудь удаленіи, лишь бы мнѣ не отказали въ томъ, чего я всегда добивался, т. е. слыть усерднымъ подданнымъ и вѣрнымъ гражданиномъ. Вотъ мое често-

любіе! Испытанныя мною огорченія причинили мнѣ меланхолію и страшную тоску. Я чувствую, что для меня больше нѣтъ удовольствій; и вижу, какъ всюду, гдѣ ни появлюсь я, скука.—Усердный подданный, вѣрный гражданинъ и вашъ другъ—вотъ титла, которыя одни могутъ сдѣлать жизнь мою менѣе несносною. Его Величество можетъ найти или, лучше сказать, имѣетъ подданныхъ болѣе моего даровитыхъ, но ни одного, по истинѣ, кто бы былъ привержен нѣе къ нему и къ отечеству. Простите, любезный и обожаемый другъ; обнимаю васъ отъ всего моего сердца. Будьте здоровы, любите меня: этой милости проситъ у васъ человѣкъ, вѣчно и вѣрнѣйшимъ образомъ вамъ преданный. Иладъ.

16

Vienne ce 2 de Mars 1762.

Репнина камердинеръ, пріѣдучи вчера сюда и привезъ мнѣ ваши письма отъ 28 и 29 прошедшаго Генваря; сколь оныя меня обрадовали и съ какимъ нетерпѣніемъ я ихъ ожидаю, излишнее будетъ кажется васъ увѣрять. Только при томъ позвольте и то донести, сколь онѣ въ нынѣшнемъ моемъ состояніи мнѣ нужны и сколь бы онѣ худой крови меньше сдѣлали, то опять, буде вы о горячности и преданности моей къ вамъ не сумнѣваетеся, повѣрить легко можите. Неизвѣстность состоянія вашего меня болѣе всего морила. Да, знать, мнѣ опредѣлено любить друзей своихъ, помнить благодѣяній такимъ страннымъ образомъ, что оное нетокмо невѣроятно, но и въ тягость тѣмъ, къ которымъ я оные сентименты имѣю. Вы, котораго я болѣе всѣхъ въ свѣтѣ люблю и кому благодарностію на вѣки обязаннымъ себя щитаю, не ужели столько жестокосерденъ, чтобъ мнѣ не сказать прямо, что въ моей къ вамъ горячности столь вамъ скушнова или непріятнова? Частыми ли своими письмами вамъ надоѣдаю, просьбы ли мои такъ трудны, злодѣи ли мои такъ великіе, что уже и никто мнѣ дружбы оказать не смѣетъ? Не могу понять ни состояніи своего, ни великость вины моей; не сыщется великодушной человѣкъ, которой бы меня о ономъ наставилъ.

Описаніе ваше болѣзни и смерти покойной императрицы во̀зобновило во мнѣ все то, что̀ я чувствовалъ и что̀ уже позабывать сталъ. Чувствіе же, съ которымъ вы оное сдѣлали, довольно показываетъ мнѣ, въ какомъ вы сами состояніи. Боже укрѣпи васъ!

Милосердіямъ Государя Императора нѣтъ конца; продли Господи столь славное и народу благополучное государствованіе. Какія несказанныя и неожиданныя милости: вольность дворянству, рушеніе тайной канцеляріи, сложеніе 25 к. съ пуда съ соли! Cela me passe; а все это въ шесть недѣль. Великую честь дѣлаетъ А. И. Глѣбову, что онъ къ вамъ такъ друженъ, знакъ благодарности его; что же онъ увѣрилъ васъ, что онъ и мнѣ при всякомъ случаѣ свою дружбу окажетъ, тому я очень чувствителенъ. Только опять и то сказать могу, что я того и ожидалъ; услугъ моихъ большихъ не было, маленькія же чрезъ васъ я ему оказывалъ и буде я тѣмъ передъ нимъ прослужился, что въ оберъ-прокуроры попалъ; такъ я болѣе наказанъ, нежели уже кто наказать можетъ. Вы все то, мой любезной другъ, уже сами знаете, какъ я попалъ и какъ изъ онова вытить хотѣлъ и сколько, имѣвъ его, страдалъ. Что же до персоны и дѣлъ его касается, то теперь онъ можетъ самъ видѣть и чрезъ канцелярію свѣдать, имѣлъ ли я какое нибудь намѣреніе ему какую ни-

будь прискорбность или хотя малую досаду сдѣлать; и буде онъ провѣдаетъ или сыщитъ, то дружбы вашей хочу не достоинъ быть.

Сверхъ того вы мой нравъ знаите; знаите, что нетокмо никому зла дѣлать не въ состояніи былъ, да и не хотѣлъ. Впрочемъ мнѣ его за оное ни благодарить, ни одружбѣ увѣрять не кстати и противъ моего характеру: за трусость почесть можно будетъ. Состояніе его столь отъ меня отмѣнно, что ему никакой пользы отъ моей дружбы не будетъ; дружбу когда кому дамъ, то на вѣкъ, разбирая при томъ, чтобы и ко мнѣ таковую имѣли. Такъ буде бы я то зналъ, что оная ему надобна, то бы конечно не упустилъ все возможное употребить, чтобъ быть достойнымъ. Однако, буде случится, что онъ еще мнѣ что хорошо говорить будетъ, прошу, любезной другъ, ежели можно, сказать ему, что вы о ономъ ко мнѣ писали и сколь за то много благодарствую.

Прошу Алексѣю Петровичу [19]) отъ меня поклониться и съ полученіемъ чина генералъ-порутчика поздравствовать. Тимофей Грязновъ мнѣ сказывалъ, что онъ всякой часъ у васъ; утроиваю мое почтеніе къ нему. Первая добродѣтель признанія.

Портреты покойной императрицы получилъ, за которые нижайше благодарствую и по росписи вашей роздалъ; всѣ очень благодарятъ. Куда какъ дурно большой напечатанъ, а маленькой очень сходно.

Я столь нещастливъ, что въ Россію побывать (какъ то всѣхъ просилъ) надежды никакой не имѣю. И такъ не знаю, что̀ со мною будетъ. Желалъ я онова перво всего, дабы тѣмъ болѣе состояніе свое узнать и мѣры къ спокойному окончанію жизни принять. Впротчемъ Vous saves, cher ami, que je ne voulaits jamais etre employer dans les Cours etrangers pour y rester longtemps, est toutes les places sont remplie, ou une seule qui ne l'est pas, mais ou je ne voudraits pas etre. *)

Что же до внутреннихъ мѣстъ касается, о томъ я въ прежнихъ моихъ письмахъ къ вамъ писалъ, которыя бы я желалъ.... Да о чемъ мнѣ объ евтомъ къ вамъ писать; вы меня знаете, малыя достоинства мои также, а сверхъ того меня любите, такъ которое изъ оныхъ мѣстъ или и другое какой выберете, то и испросите: я тѣмъ доволенъ и буду, желаніе же и склонности вы довольно знаете. Но какъ притомъ я очень увѣренъ, что никакое мнѣ благополучіе скоро сбыть не можетъ, а здѣсь жить мнѣ крайне прискорбно и дорого, да сверхъ того и въ болѣзни моей здѣсь никакой помочи получить не могу, прошу, мой любезной другъ, постараться у канцлера и исходатайствовать мнѣ дозволеніе ѣхать къ водамъ; буде же того будетъ неможно, такъ чтобъ отсюдова выѣхать и жить гдѣ заблагоразсужду, лишь бы не далѣе 100 миль отъ Аузбурга; а въ случаѣ и близко онова. Истинно кромѣ другихъ несносностей, которыя здѣсь для меня быть могутъ, дороговизна такая, что я совсѣмъ прожился. Уже изъ дому моего слишкомъ *35,000* получилъ. Только прошу оное все канцлеру отъ себя поговорить, ибо я уже къ нему о томъ и самъ писалъ и чтобъ не надокучить ему прозьбами; и что̀ по оному происходить будетъ, пожалуй.

[19]) Мельгунову.

*) Вы, милый другъ, знаете, что я никогда не хотѣлъ быть употребленнымъ при иностранныхъ дворахъ съ тѣмъ, чтобы долго тамъ оставаться. Всѣ мѣста заняты; одно есть, но я не желалъ бы имѣть его.

Бога ради, увѣдомьте меня какъ можно скорѣе.

Болѣ бы всего желалъ я скорѣе въ Россію хотя на часъ пріѣхать; можетъ бы быть столь щастливъ былъ, чтобъ и въ деревни мои меня отпустили поправить домашнія мои дѣла, которыя столь въ худомъ состояніи. Два сына у меня, да можетъ быть будетъ и десять: всѣ по міру пойдутъ; однимъ словомъ, мой любезной другъ, сдѣлай что можешь. Только скорѣе Христа ради. Желалъ бы я видѣть Италію, какъ ее господинъ Marignis видѣлъ, да не мнѣ онова благополучія ожидать, а оно бы и годилось. Неужели про меня никогда никто съ вами ничего не говорили? Вы ничего ко мнѣ не пишете. Разсудите, скольбы оное мнѣ знать хотѣлось. Не входишь, мой любезной другъ, въ мое состояніе, а жжалился бы конечно, буде бы увидѣлъ. Горесть изнурила меня совсѣмъ, да и сказать оного никому не имѣю, да и не смѣю: причтутъ въ нетерпѣніе [20]).

Je reitere donc mes prieres, c'est de faire avec moi tous ce que vous me croirés de mieus. Mais si absolument vous voulés que je m'explique, Voila donc mes intentions. Je ne voudroits pas etre employé dans les pays etrangers auparavant que d'avoir fait un tour chés moi pour me faire conoitre un peu; secondement vous savés que non seulement toutes les Cours ne sont pas indiferents et meme il-y-a de celle ou je soits tres faché d'y etre. Quant à celle ou je voudroits, ces postes sont remplie. Mais encore vous dis-je que je ne voudroits-y etre employé qu'apres avoir été chés moi. La Grace inssigne que l'Empereur nous a fais en nous accordants la liberté d'etre ou nous voulonts fait qu'on aime beaucoup plus le sejour de la patrie. Ça n'est donc que je ne desire de conoitre encore un peu le Monde, et surtouts l'Italie. Mais prenés que je ne vous est rien dits. Mais en me disant, cher Ami, si je veuts restés dans les pays etrangers, ou revenir pour etre employé en Russie, Vous ne me dites comment pourrois-je etre employé chés moi, quelles sont les places que je peuts brigués et quelle sont celle que je peut obtenir. Non seulement Vous ne me dites rien la dessus, et meme Vous ne me donnés aucun Conseille. Vous savés pourtant qu'ils sont Loix pour moi, Est qu'il faut six semaines pour avoir la reponce; jugés donc la patience qu'il faut que j'aye à chaque lettre que je vous ecrits; Est Vous avés la louable Coutume, cher Ami, de ne jamais repondre article par articles aux lettres que je vous ecrits.

Je n'est pas pu parlés à Тимофей sur votre chapitres sans repandre un Ruisseaux de larmes: quelle ingratitude dans ce Monde! L'attachement du General Мелгуновъ lui fait honneur en verité.

Je repete Ma priere, Mais que le G. Chancelier ne s'en aperçoive pas que je vous faits parlés presentement, c'est de m'obtenir la permissions (au cas qu'on ne me permets pas d'allés en Russie) d'aller aux Eaux ou du moins si ont ne le juge pas à propos de me donnés cette permission qu'on me permette du moins de residés ou je veuts, pourvu que je ne soits pas plus eloignés que 100 mille d'Ausbourg. Je ne dépencerois jamais en voyageant l'argent que je depence et je n'aurois

---

[20]) Любопытно сравнить, какъ писалъ графъ Чернышевъ по русски и какъ по французски: это какъ будто два разныхъ человѣка. Такъ точно княгиня Дашкова въ своихъ русскихъ письмахъ рисуется совсѣмъ иною, чѣмъ въ писанныхъ по англійски Запискахъ.

pas le desagrement d'etre ici dans ces circonstances. Mon sejour ici ressemble beaucoup à celui de Villiams, et vous savés que nous nous ressemblonts beaucoup par la vivacité de nos caracteres. Ainsi voila Mon sentiment, voila mes prieres; arrangés vous, cher seigneur, en Consequence. Sauf à vous de trouvés quelque chose de mieus, et ou je puisse vous etre bon à quelque chose.

La lettre de la C-se Vorontzow m'a fait beaucoup de plaisir; je vous prie, cher Ami, de lui dire mes remerciments et ma reconnaissance pour sa bonté et son Amitié quelle me promets. Mais en meme temps excusés moi aupres d'elle si je ne lui ecrits pas des lettres sans autant de Ceremonie qu'elle le demande: premierement c'est mon devoir, secondement, je ne l'oze pas, et vous pouvés meme lui dire en badinant qu'elle scait fort bien la raison. K. П. H. Трубецкой dans les deux lettres qu'il m'a ecrits me temoigne mille amitié, et me parle de vous Comme d'un vrai ami pour qui il a mille reconnaissance. Cultivés, cher Ami, je suits au comble de Ma joye de l'avoir connue; j'avoits bien raison de Vous dire qu'il est un tres honete homme. Cette conduite envers vous et moi le prouve bien.

Vous me dites que S. M. l'Empereur a eu la bonté de Vous offrir quelques places; Mais vous me dites que en le lui temoignant vos remerciments Vous l'avés prié de Vous dispencer; Mais vous ne me dites pas quelles son ses places. Souvenés vous, cher Ami, que le premier devoir d'un homme est d'etre Utile à Son Maitre et à sont pays. Aussitot que c'est une de ses places que vous y avés refusés, Vous avés Mal fait, Mon cher Ami. Mais si vous l'avés fait pour une place où Vous n'aurés simplement que de la recreation, c'est autre chose. Pesés bien ce que je vous dits la, cher Ami. Il est bien flatteur de servir son Maitre et son pays.

Dites, je vous prie, à M-r Gouriew, en lui faisant mes Compliments qu'il ne depend pas de moi de renvoyer son frere, Comme je lui avés ecrits; Mais qu'il disent un Mot au chancelier, et qu'il me le fasse savoir. Je ne suits plus le meme Czernichew. Je n'oze rien prendre sur moi.

Voila une lettre qui ne finie pas, Mais doit du moins vous faire voir le plaisir que j'ai de Vous entretenir. Mon Dieu que je vous aime! Je ne saurois me ressouvenir de Vous sans larmes.

Два писма отъ Романа Лар: я получилъ, оба наполненныя учтивости и увѣрении о сво дружбе.

Хотя что сдѣлается со мною, или нѣтъ, отпиши пожалуй, куда мѣня по болшой части всѣ и вы проситѣ. Сказываютъ, что у Е. В. Императрицы особливой дворъ будитъ, и будто рангомъ мѣнше нежели у Е. В.; буде бы мѣня туда какъ нибудь придворнымъ оберомъ. Я бы крайне радъ былъ; неможно ли внушить; однако все на волю вашу оставляю.

Tous Paris ne parle que de la Nomination de Mon frere le C-te Pierre Comme Vice-Chancelier: plut à Dieu que soit du moins de notre famille quelque chose; ont me Nomme aussi pour son successeur. Je ne serois pas faché: qu'en dites vous? Adieu, cher Ami.

Переводъ. И такъ я возобновляю мою просьбу сдѣлать со мною все, что вы сочтете лучшимъ. Но ежели вы непремѣнно хотите, чтобы я объяснился, то вотъ мои намѣренія. Я не хотѣлъ бы служить въ чужихъ краяхъ, не побывавъ напередъ дома, дабы меня нѣсколько узнали; потомъ вамъ извѣстно, что не только Дворъ Двору розь, но есть

и такіе, гдѣ мнѣ вовсе непріятно быть; а мѣста при тѣхъ Дворахъ, куда бы я желалъ, заняты. Еще разъ говорю вамъ, что я не желалъ бы занять мѣсто, не побывавъ дома. Пребываніе на родинѣ пріобрѣтаетъ особенную цѣну съ тѣхъ поръ, какъ императоръ оказалъ намъ отмѣнную милость, даровавъ свободу жить гдѣ намъ угодно. Это не значитъ впрочемъ, чтобы я не желалъ нѣсколько познакомиться со свѣтомъ, а особенно съ Италіею. Но считайте, что я какъ будто и не говорилъ вамъ объ этомъ. Вы у меня спрашиваете, любезный другъ, хочу ли я остаться въ чужихъ краяхъ или возвратиться на службу въ Россію; но вы не говорите, какая же можетъ быть эта служба, какихъ мѣстъ могу я домогаться, и какое могу получить. Вы не только не говорите мнѣ объ этомъ, но даже ничего не совѣтуете; а вамъ извѣстно, что ваши совѣты для меня законы и что пройдетъ шесть недѣль прежде чѣмъ получишь отвѣтъ. Судите же, какимъ терпѣніемъ мнѣ приходится вооружаться всякій разъ, какъ сажусь къ вамъ писать; а вы, любезный другъ, имѣете похвальную привычку никогда не отвѣчать по пунктамъ на письма, которыя я вамъ пишу. — Я не могъ говорить объ васъ съ Тимофѣемъ, не проливъ ручья слезъ. Какова неблагодарность на этомъ свѣтѣ! Приверженность генерала Мельгунова по-истинѣ дѣлаетъ ему честь. — Повторяю мою просьбу, но чтобы Великій Канцлеръ не провѣдалъ, что вы за меня хлопочете. Въ случаѣ ежели мнѣ не позволятъ ѣхать въ Россію, я желаю получить отпускъ на воды, а ежели и того мнѣ не дадутъ, то пусть дозволятъ жить, гдѣ я хочу, такъ чтобы мѣстопребываніе мое было не далѣе 100 миль отъ Аугсбурга. Путешествіе всегда будетъ для меня дешевле, нежели здѣшняя жизнь; да кромѣ того, я избѣгну непріятности жить здѣсь при теперешнихъ обстоятельствахъ. Мое здѣшнее пребываніе очень похоже на Вильямсово, и вы знаете, что мы очень схожи между собою живостью нашихъ характеровъ.

И такъ, вотъ мои чувства, вотъ мои просьбы; дѣйствуйте, любезный господинъ, сообразно этому, развѣ не устроите чего лучшаго и при томъ такъ, чтобы я могъ быть на что нибудь вамъ полезенъ. — Письмо графини Воронцовой доставило мнѣ большое удовольствіе. Прошу васъ, любезный другъ, выразить ей мою признательность, за доброту и дружбу, которыя она мнѣ обѣщаетъ; но въ то же время извините меня предъ нею; она желаетъ, чтобъ я писалъ къ ней письма безъ церемоній; но я этого не могу; во первыхъ это мой долгъ, а во вторыхъ я не смѣю; вы можете сказать ей въ шутку, что она хорошо знаетъ причину того. К. Н. Н. Трубецкой въ двухъ письмахъ, которыя я отъ него получилъ, выражаетъ мнѣ много дружбы и говоритъ мнѣ о васъ, какъ о своемъ искреннемъ другѣ, которому онъ много обязанъ. Не покидайте его, любезный другъ; я чрезвычайно радъ, что узналъ его и былъ вполнѣ правъ, называя его вамъ очень честнымъ человѣкомъ. Его поступки съ вами и со мною это доказываютъ. Вы сказываете, что Е. В. Императоръ милостиво предлагалъ вамъ нѣкоторыя мѣста, и что вы, выразивъ ему признательность, просили уволить васъ отъ того, но вы не сказываете, какія это мѣста. Помните, любезный другъ, что первый долгъ человѣка приносить пользу своему государю и своей странѣ. Какъ скоро вы могли приносить эту пользу на тѣхъ постахъ, отъ которыхъ вы отказались, то вы, любезный другъ, поступили дурно; но если эти мѣста были такаго рода, что на нихъ можно только отдыхать, тогда другое дѣло. Взвѣсьте хорошенько, любезный другъ, что я вамъ говорю. Очень лестно служить своему Государю и своей странѣ. — Поклонитесь, прошу васъ, Гурьеву и скажите ему, что не отъ меня зависитъ послать назадъ его брата, какъ я ему писалъ. Пусть скажетъ слово канцлеру и мнѣ

дастъ знать. Я уже не тотъ Чернышевъ. Я уже не смѣю ничего брать на себя.—Вотъ письмо, которое не кончается, но которое по крайней мѣрѣ должно показать вамъ, какъ мнѣ пріятно съ вами бесѣдовать. Боже мой, какъ я люблю васъ! Не могу объ васъ вспомнить безъ слезъ...—Въ Парижѣ всѣ говорятъ о назначеніи моего брата графа Петра въ вице-канцлеры. Дай то Богъ, чтобъ изъ нашей фамиліи что нибудь вышло. Меня также назначаютъ ему преемникомъ. Я бы не прочь. Что вы объ этомъ скажете? Простите, любезный другъ.

17.

Vienne ce $\frac{6}{17}$ de Mars (1762).

Je vients de recevoir une lettre de Бажановъ de Paris que j'ai l'honneur de Vous envoier en Originale. Le bien qu'ont me dits de cette homme passe l'imagination; ont Croit meme qu'à la premiere assemblée d'Architecte qui se fera, il gagnera le premier prix pour le projet quil a fait d'un Hotel des Invalides, qui est de toutes beautés. Ont dits en meme temps que sa Conduite et ses Moeurs repondent à son Arts. Mais le pauvre Diable manqua du necessaire. Si vous vouliés lui augmenter la gage au moins d'une centaine des Roubles, Ça le mettrois plus à son aise. Cela le rendroits plus diligents, et cela feroit honneur à notre pays de ce qu'ont veut bien recompencer aussi les Merites. Il parle beaucoup de son père; je croits que vous feriés bien, cher Ami, si vous vouliés bien le lui envoier. Cest le moien de rendre les Gens Utile aux pays et les Mettre à meme de Vous faire honneur eternellements.

Voila 6 jours que je ne sorts plus de schés moi: le mal de poitrine et le Crachements de sang est d'une force comme je nest pas eu encore une seule fois. Je ne seaits à quoi je doits l'atribuer.

Tous Vienne dits que le Comte André de Schouvalow est nommé quelques parts pour les pays etrangers. Mais ont ne nomme pas l'endroits. Je seroit fort aise de le voir quelque parts.

Ont nous a dits ici que l'Empereur vous a achetés Votre Maison pour 150000 Roubles. Je vous faits mon Compliments. Mais dites moi ou logés Vous presentemens, Mon cher Seigneur. Votre petites hotel, est elle achevé? Est il vrai que Vous voulés acheter dans mon Voisinage la Maison de Crouze? La place est belle, et vous serés mon Voisin. Dieux, quelle voisin! Mais je ne seroits jamais assés heureux que d'y etre enssemble.

Adieu, cher, Mais Cruelle amis. Ces deux titre Vous Conviennents Mieux qu'à qui se soit. Depuits le 25 de Decembre je nest eu que trois de Vos lettres. Adieu, tres cruelle Ami; adieu, cher Seigneur, noubliés donc pas Votre tres fidel et zelé

Pylade.

le $\frac{6}{17}$ de Mars 1762.

Переводъ. Вѣна 6 (17) Марта (1762). Я получилъ изъ Парижа отъ Бажанова письмо, которое имѣю честь препроводить къ вамъ въ подлинникѣ. Объ этомъ человѣкѣ мнѣ говорятъ до невѣроятности много хорошаго; думаютъ даже, что въ ближайшемъ собраніи архитекторовъ онъ получитъ первую награду за сочиненный имъ проэктъ Дома Инвалидовъ, необыкновенно прекрасный. Въ то же время говорятъ, что поведеніе и нравственность его отвѣчаютъ его таланту; но бѣднякъ лишенъ нужныхъ средствъ къ жизни. Если бы вы прибавили къ его жалованью сотенку-другую рублей, его положеніе сдѣлалось бы лучше. Онъ будетъ еще прилежнѣе, и такое вознагражденіе заслугъ послужитъ въ чести нашей страны. Онъ много говоритъ о своемъ отцѣ; я полагаю, любезный другъ, что вы хорошо сдѣлаете, ежели соблаговолите его

къ нему послать. Это есть средство дѣлать людей, полезными странѣ и дать имъ возможность на вѣки васъ прославить.—Вотъ уже 6 дней, какъ я не выхожу изъ дому: у меня боль въ груди и кровохарканье такъ сильны, какъ никогда еще у меня не было. Не знаю, чему приписать это. Въ Вѣнѣ всѣ говорятъ, что гр. Андрей Шуваловъ куда-то назначенъ въ чужіе края; но не называютъ, куда именно. Я былъ бы радъ, ежелибы его куда нибудь назначили. — Про васъ говорятъ здѣсь, что Императоръ купилъ у васъ вашъ домъ за 150 тысячъ руб. [21]); поздравляю васъ съ этимъ. Но скажите, любезный господинъ, гдѣ вы теперь живете? Отдѣланъ-ли вашъ маленькій домъ? Правда-ли, что хотите купить, въ моемъ сосѣдствѣ, домъ Круза? Мѣсто — прекрасное, и вы будете моимъ сосѣдомъ. Боги, какой сосѣдъ! Но я никогда не буду счастливъ иначе какъ быть вмѣстѣ съ вами.—Простите, любезный, но жестокій другъ; эти два титла пристали къ вамъ больше, чѣмъ кому нибудь другому: съ 25-го Декабря у меня всего три вашихъ письма. Простите, весьма жестокій другъ; простите, любезный господинъ; не забывайте же вашего вѣрнѣйшаго и усерднаго *Пилада*.

18.

La postes d'hier m'a aportés une de Vos lettres, cher et adorable ami, du 15 du mois passer, dont je vous remercis tres sensiblent. Vous avés torts, mon cher ami, de me temoignés de la reconnaissance pour toutes les marques d'amitié dont vous vous apercevés dans mes lettres. Mon malheur a voulu que je ne fus jamais à meme de Vous temoignés toutes celles dont je suits penetré pour vous, et quel durera, je Vous le jure, au dela de *ma morts*. Je vous faits mon compliments, cher et adorable ami, sur la grace que l'Empereur vous a faits en vous nommant le chef du Corps de Cadets, Grace dautant plus grande qu'il vous cede par la une place qu'il dirigoit avec tant de plaisir. Je ne doute pas, cher Ami, que vous ne vous acquitiés à meriter d'autant plus ses bontés, et a lui faire (croire) que Vous etes digne de succeder dans la direction de ce corps, autant que sujet peut l'etre, à son Maitre.

Mais pardonnes, cher ami, je souries toujours lorsque je me ressouvients que vous etes presentement guetré et pretes à comander tous le Corps, et à criés un *На Карчулъ* plus fort qu'une autre. Railleries à parts et sans vous faire de compliments, S. M. n'auroit assurement pas pu trouvés un sujet plus propre à cette direction que vous! Je vous jure que je le pence; il faudroit absolument reunir tous les Corps de Cadets enssemble, et encouragés le plus qu'il pourra celui de la marine.

Parlonts un peu de mon etats. Dans la lettre que vous m'ecrivés, mon cher ami, vous me dites une chose qui m'a faits plus de peine que tout au monde. Voyés ce que cest que de ne pas l'expliqués clair. Vous m'exortés, cher ami, d'avoir patience, et vous me dites que Dieu ne m'abandonnera pas. Suis-je donc reduits à n'avoir que l'espoir des pauvres pecheur, qui nonts recours que dans la misericorde divine? Je ne croits pas avoir faits quelque chose. Бога ради скажитѣ мнѣ яснее, что я прослужилса ли передъ кемъ. Или непрогневалъ ли ково?

Je me flatte d'etre trop de vos amis, Mon cher et adorable seigneur, pour doutés un moment que vous ne voulussiés me faire une petite explication ladessus, et de me nommés meme ceux

---

[21]) Слухъ былъ невѣрный. Огромный домъ этотъ, въ которомъ впослѣдствіи жилъ и умеръ И. И. Шуваловъ, принадлежитъ нынѣ г. Демидову (на углу Невскаго и Садовой).

à qui je pourrois avoir fait quelque chose. Comme c'est le devoir de la plus tendre et vive amitié, je ne doute pas une instant que vous ne voulussiés me dire quelque chose en consequence.

Il est donc decider que je ne reviendroits donc pas si tot en Russie, malgré toutes les prieres que jai faites; il faut etre malheureux comme je suits pour qu'avec tant de protecteur et d'amis, je n'aye pu obtenir cette permission que je n'avoits demandé que pour six semaines. Mais ce qui me faits le plus de peine, ce de n'avoir aucune reponce positive la dessus, par consequent detre toujours dans cette etat d'incertitude. Au reste je ne doute pas, cher ami, que vous ne me fassiés reponce au plutot à la lettre que je vous est ecrits sous le № 9, 10 et 11.

J'ai envoyé le meme jour la lettre à M-r Solticoff[22]) à Geneve de meme que faits la distribution des estampes que vous m'avés envoiés, dont je vous rend tres humblements grace. Celui de Smidt est bien gravé, mais detestablement imprimé; je ne doute pas que les premieres que vous enverrois ne soit infiniment (mieux), du moins, les ai-je promis Comme vous l'avés voulue.

Je vous auroits bien de l'obligation, cher Seigneur, si vous vouliés bien me faire copier les portraits en grand de L. L. M. M. I. I. ainssi que celui de M-r le Grand Duc. Celui de S. M. l'Empereur je crois que le meilleur est celui qu'a peint Rotari. Mais de S. M. l'Imperatrice se sera je croits celui du peintre Suedois, mais en un mot le plus ressemblant. Mais si en attendant vous avés leurs portraits en petits, faites tirés des copies pour moi, et je vous seroits bien obligé.

[22]) Это былъ Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, котораго посылали къ Вольтеру.

Adieu, cher ami; adieu, cher seigneur. Souvenés vous de l'homme du monde qui vous aime le plus, et qui vous est attaché et le sera au de la du trepas. Adieu, je suits le plus fidel de vos amis, ainsi que tres humbles et tres obeissant

Pylade.

Vienne ce $\frac{9}{20}$ de Mars 1762.

Si l'ordre pour declarer la Noblesse de Russie libre est deja imprimé, de grace envoyé la moi.

Переводъ. Вчерашняя почта привезла мнѣ одно изъ вашихъ писемъ, любезный и обожаемый другъ, отъ 15 прошлаго мѣсяца; чувствительно благодарю васъ за него. Милый другъ мой, напрасно вы благодарите меня за изъявленіе дружбы, находимое вами въ моихъ письмахъ. Я такъ несчастливъ, что не умѣю вамъ выразить чувство, коимъ я къ вамъ проникнутъ, и которое, клянусь, продолжится и послѣ моей смерти. Поздравляю васъ, любезный и обожаемый другъ, съ милостью, которую оказалъ вамъ Императоръ, назначивъ васъ начальникомъ Кадетскаго Корпуса. Милость эта тѣмъ значительнѣе, что онъ уступаетъ вамъ мѣсто, самимъ имъ занимаемое съ такимъ удовольствіемъ. Не сомнѣваюсь, любезный другъ, что и вы въ свой чередъ станете еще болѣе заслуживать его милости и удостовѣрите его въ томъ, что вы достойный ему преемникъ въ управленіи этимъ Корпусомъ, насколько подданный можетъ быть преемникомъ своего государя.—Но простите, любезный другъ, я все смѣюсь, лишь только представлю себѣ васъ въ штиблетахъ, какъ вы ходите командовать всѣмъ Корпусомъ и громче всѣхъ кричите „на-караулъ". Шутки въ сторону, и сказать безъ лести вамъ, Е. В. конечно не могъ бы найдти подданнаго болѣе васъ пригоднаго къ этому директорству. Клянусь вамъ, что я такъ думаю. Надо бы непремѣнно соединить всѣ Кадетскіе Корпуса и улучшить, елико воз.

можно, Корпусъ Морской.—Поговоримъ немного о моемъ положеніи. Въ письмѣ, которое вы мнѣ пишете, любезный другъ, есть одно обстоятельство, которое для меня тяжелѣе всего на свѣтѣ. Вотъ что значитъ не объясняться прямо. Вы меня уговариваете, любезный другъ, чтобы я потерпѣлъ, и говорите, что Богъ меня не оставитъ. Неужели таки я низошелъ на степень бѣдныхъ грѣшниковъ, коимъ единое прибѣжище въ милосердіи Божіемъ? Я не думаю, чтобъ я что нибудь сдѣлалъ. Бога ради, скажите мнѣ яснѣе, что прослужился-ли я передъ кѣмъ и не прогнѣвалъ ли кого. Ласкаюсь, любезный и обожаемый мой господинъ, что имѣю на столько въ васъ друга, чтобы ни минуту не сомнѣваться, что вы мнѣ это разъясните и даже назовете тѣхъ, противъ кого я что либо сдѣлалъ. Это долгъ нѣжной и живой дружбы, и я не сомнѣваюсь ни минуту, что вы тутъ отъ меня ничего не скросте. И такъ рѣшено, что я не скоро еще попаду въ Россію, какъ ни просилъ я того. Нужно быть по моему несчастливцемъ, чтобы, имѣя столькихъ покровителей и друзей, не получить этого позволенія; а я и просился-то всего на 6 недѣль. Но всего тяжеле для меня не имѣть о томи никакого положительнаго отвѣта, слѣд. оставаться въ постоянной неизвѣстности. Впрочемъ, любезный другъ, я не сомнѣваюсь, что вы будете отвѣчать мнѣ на письмо, которое я написалъ вамъ подъ №№ 9,10,11. Я въ тотъ-же день отправилъ письмо къ Салтыкову въ Женеву и разослалъ присланные вами эстампы, за которые нижайше благодарю васъ. Шмитовъ хорошо награвированъ, но отвратительно отпечатанъ; не сомнѣваюсь, что вслѣдъ за тѣмъ вы пришлете гораздо лучшее; по крайней мѣрѣ я такъ обѣщалъ по вашему желанію.—Вы бы меня очень обязали, любезный господинъ, благоволивъ заказать для меня копіи портретовъ въ большихъ размѣрахъ Ихъ Величествъ равно какъ и Великаго Князя. Полагаю, что изъ портретовъ Императора лучшій тотъ, который писалъ Ротари, а изъ портретовъ императрицы — писанный Шведскимъ живописцемъ; по однимъ словомъ, чтобы было всего болѣе сходства. Ежели-же у васъ уже есть ихъ портреты малаго размѣра, то закажите мнѣ копіи, и я вамъ буду очень обязанъ. Простите, любезный другъ; простите, любезный господинъ; помните о человѣкѣ, который всего болѣе васъ любитъ, который къ вамъ привязанъ и будетъ привязанъ до гроба. Простите. Есмь вернѣйшій изъ вашихъ друзей, равно какъ покорнѣйшій и послушнѣйшій Пиладъ. Вѣна 9 (20) Марта 1762. Если указъ о свободѣ Россійскаго дворянства уже напечатанъ, пожалуйста пришлите мнѣ его.

19.

Cher et adorable Ami.

Je laissé passer un jour de postes sans vous ecrire, mais ce parceque le meme jour il partits un courier, avec le quel je vous en est ecrits deux. Ne doutés pas, cher Seigneur ,que le plaisir que j'ai de Vous entretenir ne soit le plus grand du monde pour moits; je vous voits, je vous parle, je vous embrasse, cher Ami, digne Ami; je vous proteste que je crois vous aimés plus que par le passé. Je vous demande pardon, cher Seigneur, de ce que mes lettres sont si courtes, mais en verités je ne scaits rien de digne a vous etre communiqués.

Dites moi, cher et adorable ami, ou logés vous. Votre petite hottel est elle pretes? Avés vous tous les meubles? Ne vous manque-t-il pas quelque chose? Je suis meme de vous faire venir tant d'Italie que de Paris. Mandés le moi seulement.

Comme les fetes du couronement se passeront avec toute la magnificence imaginable, mandés moi, cher ami si vous n'avés pas besoin de quelque chose d'ici, en habits ou autre chose; ne

perdés pas le temps. Avés vous de grands chevaux pour l'entrée? Je vous les enverrai tous de suite, le transport d'ici jusqu'à Petersbourg de 7 chevaux ne coutera que 100 ducats tout au plus, tous compris. Ainsi voyés, et dites le moi, cher Ami.

Bien mes compliments à M-r Gouriew. Je vous suplie, cher Seigneur, de lui dire que si il veut avoir son frere à Petersbourg, il doit s'adresser a Mg-r le Chancelier et me faire obtenir une ordre de sa part.

Cette instant je vients de recevoir une lettre de M-r de Soltikoff de Geneve, que j'ai l'honneur de Vous envoier.

Vienne ce $\frac{19}{30}$ de Mars (1762)

Adieu, cher et adorable ami; adieu cher Seigneur, souvenés vous du plus fidel de plus zelé de vos serviteurs et amis.

Pylade.

Переводъ. Любезный и обожаемый другъ. Я пропустилъ почту и не отвѣчалъ вамъ; но это потому, что въ этотъ самый день отправлялся курьеръ, который повезъ къ вамъ два мои письма. Не сомнѣвайтесь, любезный господинъ: удовольствіе бесѣдовать съ вами,—для меня лучшее на свѣтѣ; я васъ вижу, говорю съ вами, цалую васъ, любезный другъ, достойный другъ. Божусь, мнѣ кажется, что я васъ люблю больше прежняго. Простите, любезный господинъ, что письма мои такъ коротки, но право не знаю ничего достойнаго, что бы вамъ сообщать.—Скажите мнѣ, любезный и обожаемый другъ, гдѣ вы помѣстились [23]? Готовъ ли вашъ домикъ? Все ли у васъ мебели? Не нуждаетесь ли вы въ чемъ? Я готовъ доставить вамъ, какъ изъ Италіи, такъ и изъ Парижа; скажите мнѣ только.—Коронація [24]) отпразднуется конечно со всевозможнымъ великолѣпіемъ; поэтому скажите мнѣ, не нужно ли вамъ чего отсюда изъ платьевъ или чего другаго. Не теряйте времени. Есть ли у васъ рослыя лошади для въѣзда? Я вамъ тотчасъ ихъ вышлю. Перевозъ отсюда въ Петербургъ семи лошадей обойдется, со всѣми издержками, не свыше ста червонцевъ. И такъ подумайте и скажите мнѣ, любезный другъ.—Поклонитесь отъ меня Гурьеву. Умоляю васъ, любезный господинъ, скажите ему, что если онъ хочетъ видѣть своего брата въ Петербургѣ, пусть обратится къ г. Канцлеру и доставитъ мнѣ отъ него приказаніе.—Сію минуту получилъ письмо отъ г. Салтыкова изъ Женевы, имѣю честь послать оное къ вамъ. Вѣна $\frac{19}{30}$ Марта. Прощайте, любезный и обожаемый другъ; прощайте, любезный господинъ. Помните самаго вѣрнаго, самаго ревностнаго изъ вашихъ слугъ и друзей. Пиладъ.

[23]) Т. е. по выѣздѣ изъ дворца, гдѣ покои И. И. Шувалова находились рядомъ съ покоями Императрицы Елизаветы Петровны.

[24]) Гр. Чернышевъ разумѣлъ коронацію Петра III-го; но о ней, кажется, не было и подумано.

20.

Le Courier de l'Embassadeur de France partant d'ici me procure l'occasion de Vous entretenir, cher et adorable ami, et Vous savés que je me saisies de ces occasions avec bien du plaisir.

Mes precedentes lettres doivent vous avoir fait voir toute l'inquietude de mon esprits et de mon coeur. Mais comme cela comence à me passer, et que je vois en meme temps que cette etat est celui dans lequel je doits y etre et que mes amits meme ni meme mes protecteurs ne y peuvent me tirés, je le laisse aller croiant beaucoup à la predestination; ainsi je commence, cher et adorable ami, à m'accoutumer à soufrir tout en patience. J'ose vous prié de deux choses qui m'interesse beaucoup presentement, et ma troisieme

priere que je vous feroit à la fin de ma lettre est celle qui m'importe le plus et dont je vous prie non seulement pour à present mais pour la continuation. Je comence.

Mes lettres que je vous avés ecrites depuits le 11 de Janvier, ne contenoit que diferentes prieres et lamentations qui doivent vous avoir beaucoup ennueier et qui ne m'out rien produit. Or seulement une chose que j'ai aprits que j'avois beaucoup d'ennemie. Mais comme la personne qui me donne cet avits charitables, n'a pas eu celle de me dire qui sont-il et pourqui les ai-je, je m'adresse à Vous, cher et adorable Ami, de vouloir bien me les nommés, Si vous le pouvés; comme aussi de me dire par ou les ai-je merités, de me jugés interieurement et de me dire si ils ont raison ou moi. Si j'ai tort, je suits homme a me reconnoitre dans mes fautes. Mais si je ne lés est que pour avoir été honnete homme et fidel sujet, non seulemment je ne suits pas jaloux de leur amitié, mais je conssente meme qu'il me haisse pourvu qu'il ne m'ote pas l'estime que je croits avoir de pretendre des personnes comme vous. Mais cela ne depend pas deux. Quant aux prieres que je vous avés faites, cette lettre contiendra les dernieres que jai vous fairois. Je Vous prie donc, cher ami, de ne plus n'en faire pour moi et de laisser agir le destin; tachés seulemment de me concervés les sentiments d'estime des perssonnes qui vous croyoits digne de faire la felicité de faire une honnete homme. Je ne doute plus que mon sort ne soit decider deja, ou il va l'etre dans bien peu. Est comme je ne sauroits m'imaginés ou il pourroit me mener, je vous prie, cher et adorable ami, de faire en sorte. Au cas que je soits nommé quelque parts que ça soit pour revenir hors du pays ou m'en retournés dans le pays, je pris S. Ex. Mg-r le Chancelier de vouloir bien me faire tenir mon argent tant des 4 mois de mes gages que celui de mon voyage avec l'ordre qui decidera de Mon Sort. Mon Hottel d'Augsbourg et mes domestiques sont tous arretés jusqu'au 1 de Juin, et les depences que je seroits obligé de faire pour le transport de choses que j'ai sont enormes. J'ai ecrits aujourd'hui une lettre au Chancelier en consequence. Mais comme je n'ose pas entrés avec lui dans de grand detail, je vous suplie, cher ami, de vouloir bien vous expliquer avec lui, et le prié en meme temps (si en meme temps vous aprenés mon sort) de vouloir bien me faire savoir aussi tot que vous le pouvés. Au cas que cela soit pour retournés dans ma patrie d'avertir ma soeur la Galitzin quelle me cherche une maison. Mais si c'est pour restér dans le pays etrangers, quelle m'envoye de l'argent. Car je ne sauroit absolument partir d'ici sans le recevoir.

Au Cas quelle n'a pas et quelle ne le Compte pas d'en recevoir bientot et qu'on ne me donne pas de College, je croits que je seroits obligé d'engager une de mes terres. Mais vous fairés, adorable Ami, ce que vous croirés de plus propres pour ma situation.

Si je suits employer dans les pays etrangers, je m'estimerois tres heureux si ont me permettes de venir pour un moment quant cela ne seroit que pour deux mois en Russie arranger mes affaires domestiques pour une si longue absence. Autrement je me ruinerois de fond en comble. **Буди я таковской, что бѣдныя мои дѣти сдѣлали?**

Ma derniere priere, et celle dont Vous devés regardés comme la plus essentielle pour le bonbeur de ma vie est celle de vouloir bien me continuer

cette amitié, cette bonté et Votre bonté de votre part que Vous avés bien voulu me donnés de si grandes marques depuits treize Ans, m'en croire toujours digne et me regardés toujours comme une homme qui ne demanderoits qu'une occasion pour sacrifier sa vie pour Votre bien. Je m'attendris trop. Adieu, cher ami, peut etre ne vous reverrois-je donc de ma vie; que cela est cruelle à dire, Mais voila Mon Sort.

Александру Григорьевичу [25]) приложу мои поклонъ и продолженіе дружбы ево изпрашиваю; братъ бы ево конечно поѣхалъ какъ бы скоро отъ Канцлера повѣленіе получилъ. Adieu, cher ami; adieu, cher protecteur.

Vous ne me dite jamais rien de Sufolck, le vois-je qui ne se souvients pas de moi? Dieux, quel homme! Adieu, cher Ami; adieu, mon Amant; je suits et seroits eternellement Votre vrai, fidel zelé ami et serviteur.

Pylade.

Vienne ce $\frac{18}{30}$ de Mars 1762.

Переводъ. Ѣдущій отсюда курьеръ французскаго посланника подаетъ мнѣ случай побесѣдовать съ вами, любезный и обожаемый другъ, а вы знаете, съ какимъ удовольствіемъ пользуюсь я этими случаями. Предъидущія мои письма должны были показать вамъ всю тревогу моего духа и моего сердца; но она начинаетъ у меня проходить, и я въ то же время вижу всю необходимость такого положенія, изъ коего ни друзья мои, ни даже мои покровители не могутъ меня вывести. Поэтому я сталъ равнодушнѣе, вѣря предопредѣленію. Такимъ образомъ, любезный и обожаемый другъ, я начинаю свыкаться и терпѣть съ покорностью. Смѣю просить васъ о двухъ вещахъ, которыя въ настоящую минуту очень меня занимаютъ; а третья моя просьба, которую сообщу въ концѣ письма, всего для меня важнѣе, и она не только относится къ настоящей минутѣ, но простирается и далѣе. Начинаю.

Мои письма съ 11 Января только и содержали въ себѣ, что различныя мои просьбы и жалобы, которыя должны были очень надоѣдать вамъ, и отъ которыхъ для меня не вышло никакого проку. Я узналъ только одно, именно, что у меня много непріятелей; но та особа, отъ которой получилъ я это милое извѣстіе, не сказываетъ мнѣ, кто эти непріятели и за что они противъ меня враждуютъ; поэтому я обращаюсь къ вамъ, любезный и обожаемый другъ: благоволите назвать мнѣ ихъ, если можете, а равно и сообщите мнѣ, чѣмъ я заслужилъ эту вражду. Подвергнете меня своему суду и скажите, я ли виноватъ, или они. Коль скоро я, то, по человѣчеству, винюсь въ моихъ ошибкахъ; но если у меня есть враги, потому что я поступалъ какъ человѣкъ честный и вѣрный подданный, то въ такомъ случаѣ вовсе не желаю ихъ дружбы и доволенъ даже тѣмъ, что они меня ненавидятъ, лишь бы не лишенъ я былъ уваженія такихъ людей, какъ вы, а на оное полагаю себя въ правѣ разсчитывать. Но это уваженіе отъ нихъ независимо. Чтò же касается до просьбъ моихъ, то въ нынѣшній разъ я обращаю ихъ къ вамъ въ послѣдній разъ. Я прошу васъ, любезный другъ, нечего для меня не дѣлать и предоставить дѣйствіе Судьбѣ. Постарайтесь только, чтобы не лишили меня своего уваженія тѣ лица, отъ которыхъ, по вашему мнѣнію, честный человѣкъ можетъ получить свое счастіе. Я увѣренъ, что участь моя уже рѣшена или рѣшится въ скоромъ времени. Сообразно съ этимъ я и прошу васъ, любезный и обожаемый другъ, располагать ваши дѣйствія. Въ случаѣ, если я получу назначеніе внѣ ли отечества, или съ тѣмъ, чтобы возвратиться домой, я прошу его сіятельство г. Канцлера, чтобъ вмѣстѣ съ указомъ, который рѣшитъ мою судьбу, доставлено мнѣ было мое

[25]) Гурьеву, отцу Александровскаго министра финансовъ.

жалованье за 4 мѣсяца, равно какъ издержки моего путешествія. Домъ мой въ Аугсбургѣ и моя прислуга наняты до 1-го Іюня, а необходимый перевозъ моихъ вещей стоитъ страшныхъ денегъ. Я писалъ объ этомъ сегодня письмо къ Канцлеру; но такъ какъ я не осмѣливаюсь входить съ нимъ объ этомъ въ подробности, то умоляю васъ, любезный другъ, благоволите объясниться съ нимъ и попросите, если въ тоже время узнаете о моемъ опредѣленіи, чтобъ я былъ о томъ извѣщенъ елико возможно скорѣе; если мнѣ назначено возвратиться въ отечество, то увѣдомьте сестру [26]) мою Голицыну чтобы она мнѣ сыскала домъ; а если мнѣ оставаться въ чужихъ краяхъ, то чтобы прислала мнѣ денегъ: не получивъ ихъ, я рѣшительно не могу отсюда выѣхать. Въ случаѣ, если у нея нѣтъ ихъ, и она не разсчитываетъ на скорое полученіе, а изъ Коллегіи мнѣ не дадутъ, мнѣ придется заложить одну изъ деревень моихъ; но вы сдѣлаете, обожаемый другъ, что̀ найдете удобнѣйшимъ въ моемъ положеніи. — При назначеніи въ чужіе края, я почелъ бы себя очень счастливымъ, получивъ дозволеніе съѣздить, хотя всего на два мѣсяца, въ Россію, для устройства моихъ домашнихъ дѣлъ по случаю столь продолжительнаго отсутствія. Иначе я совсѣмъ разорюсь. Буди я таковской, что бѣдныя мои дѣти сдѣлали? — Послѣдняя моя просьба, которую прошу считать самою существенною для счастія моей жизни, состоитъ въ томъ, чтобы вы благоволили сохранить мнѣ вашу дружбу и милость, великіе знаки коей изволите вы мнѣ оказывать уже 13 лѣтъ. Не перестаньте вѣрить, что я по прежнему достоинъ оной и считать меня человѣкомъ, который ищетъ лишь случая, дабы пожертвовать своею жизнію для вашего блага. Я разчувствовался. Простите, любезный другъ; можетъ быть, я не увижу васъ болѣе на свѣтѣ. Какъ тяжело это сказать! Но такова моя судьба.... Вы никогда ничего мнѣ не скажете о Суфолькѣ. Видно, онъ не вспоминаетъ обо мнѣ. Боги, что за человѣкъ! Простите, любезный другъ; простите, мой любовникъ. Есмь и буду вѣчно вашъ истинный, вѣрный и усердный другъ и слуга *Пиладъ.* Вѣна 19 (30) Марта 1762.

[26]) Княгиня Анна Григорьевна, мать извѣстнаго князя Ѳедора Сергѣевича (что̀ былъ женатъ на племянницѣ Потемкина В. В. Энгельгардтъ).

21.

Vienne ce 25 de Mars 1762.

Comme je ne doute pas qu'a l'arrivée de cette lettre mon sorts ne soits deja decider, je vous suplie, cher et adorable ami, de vouloir bien le faire dire a ma soeur Galitzin: car si je continue ma vagabonde carriere, que'lle presse un arrangement avec M-r d'Efreyneff pour me faire tenir de l'argent au plutot. Il m'a ecrits qu'il en aura encore cette hyver. Mais si, au contraire, je doits revenir en Russie, pour quelle presse les arrangements pour me trouvés une maison à loué, ou je puisse dessendre. Je vous diroits, mon cher ami, que je suits devenue un parfaits Stoicien, est qu'un parti m'est aussi indiferents que l'autre. Mais pourvu qu'il soit decider, ne pouvant etre trop prets de Vous, je prefererois d'avoir une maison-quartier dans la Morskoi, car poulmonique comme je suits il me faut une maison claire ou je puisse respirés l'air à Mon aise. Au reste, comme je ne croits pas d'avoir des occupations assés considerables qui puissent m'empechés de passer les etés à ma campagne, par consequent cette maison je ne l'habiterois qu'en automne et en hyver; je la vousdroits par consequent chaude, pour mes infirmités. Je Vous demande pardon, adorable Ami, pour les bagatelles dont je vous entretients, mais votre bonté et votre amitié me rassurent, et je ne doute

pas au cas que cela soit publique, ou pouvant etre communiqués, que vous ne le fissiés par la chere flegme que je prie tres huemblement.

Je n'ecrits rien de cela à ma soeur.

Je seroits faché seuleument d'une chosé si ont me faits restér dans les pays etrangers, sans me donner la permission de venir faire un tous petits tour en Russie pour deus ou trois mois, temps dans le quel je pourroits arrangés mes affaires domestiques; car, comme vous savés, mon cher Seigneur, je ne suits pas partie de chés moi comme devant restés plus d'une année; par consequent toutes mes affaires sont restés dans un parfait derangements. Et une mission chés nous dans les Cours etrangeres est une Mission qui n'a point de fin, par consequent ont peut la regardés comme eternité. La volonté de Dieu soit faites!

Je ne sauroits donc jamais rien de de Sufolck. Que fait-il, que dit-il?

Par la derniere poste je vous est envoié, cher Seigneur, une lettre de Voltaire, avec un extrait de celle qui m'a ecrits.

Comme Monsieur le Directeur du Noble Corps des Cadets ne sera pas toujours occupé, et qu'il voudra peut etre quelques fois prendre l'air, oserois-je vous proposés, mon cher Seigneur, ma Maison de campagne? Voudriés vous y loger dedants pour y passer la belle saison? La maisonette est assés jolie. Savés vous que j'ai arrangés dans ma tete ici avec M-r de Gouriew, que nous pourrionts l'habiter tous emssemble: c'est à dire Vous aurés un grand apartement, M-d la P. de Galitzin Votre soeur, le flegel, et moi avec ma femme, est encore trois ou 4 amis. Bon Dieu, si ce temps pouvoit arrivés! Le plaisir que jaurois d'etre avec vous, mon adorable ami, me tiendroits lieu de touts, et me fairois oublié bien du chagrins. Si vous avés le temps, allés la voir, cher ami. Vous savés quelle est à Vous comme tous ce que je possede, Vous ayant donnés mon coeur à l'eternité, Me reste-t'il quelque chose qu'il ne soit à Vous? Le bruit courre ici que vous allés à Moscou visités l'Universsité; qu'allés vous faire, cher Ami? Ont dits meme que vous pourrés vous Marié, divinés avec qui, avec Лепеидушка; tous me sera chere aussitot que cela Vous apartiendra. Mais je ne le crois pourtant pas que vous le fairés. Vous en aurés dix pour une. Je vous fairés epousés tous ce qui m'apartiennent avec bien du plaisir et j'ai une belle soeur et meme extremement jolie, remplie de talent; laisser moi seuleument et ma femme, je vous donne tous ce que j'ai de plus chere au monde. Oui, je vous le jure. Adieu, adorable ami. Il part d'ici bien-tot Betzcoij qui a eu ordre de venir. Adieu, cher Ami, portés vous bien, aimés moi toujours et soyés persuadés que vous avés en moi l'ami le plus fidel et le serviteur le plus zelé, en un mot a l'eternité

Pylade.

Переводъ. Вѣна 25 Марта 1762. Увѣренный, что съ приходомъ этого письма участь моя уже будетъ рѣшена, умоляю васъ, любезный и обожаемый другъ, благоволите извѣстить о томъ сестру мою Голицыну, дабы, если продолжится моя бродячая жизнь, она поспѣшила устроить съ Евреиновымъ скорѣйшую присылку денегъ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что деньги будутъ еще нынѣшнею зимою. Если же напротивъ я долженъ возвратиться въ Россію, то пусть она поторопится наймомъ дома, гдѣ мнѣ помѣститься. Скажу вамъ, мой любезный другъ, что я сдѣлался совершеннымъ стоикомъ, и равнодушенъ ко всему, лишь бы участь моя

была какъ нибудь рѣшена. Такъ какъ жить совершенно близко съ вами нельзя, то я бы предпочелъ имѣть домъ на Морской: по моей грудной болѣзни мнѣ надобенъ домъ свѣтлый, гдѣ бы вдоволь было воздуху. Впрочемъ занятія мои не будутъ вѣроятно очень значительны, и мнѣ представится возможность проводить лѣто въ деревнѣ; слѣд. въ домѣ этомъ придется жить осенью и зимою, и по моимъ немощамъ желательно, чтобы онъ былъ тепелъ. Простите, обожаемый другъ, что я занимаю васъ такими пустяками; но доброта ваша и дружба меня обнадеживаютъ, и я не сомнѣваюсь, что коль скоро мое назначеніе будетъ обнародовано или ничто не воспрепятствуетъ сообщить его, то вы это сдѣлаете, побѣдивъ вашу флегму, о чемъ покорнѣйше прошу.—Я ничего объ этомъ не пишу къ сестрѣ моей.—Мнѣ только одно будетъ непріятно, если, оставивши меня въ чужихъ краяхъ, не дозволятъ мнѣ проѣхаться въ Россію, всего на два или на три мѣсяца, въ теченіи которыхъ я могъ бы устроить мои домашнія дѣла: вы знаете, мой любезный господинъ, что, уѣзжая, я не разсчитывалъ пробыть за границею болѣе года, слѣд. всѣ мои дѣла остались въ полномъ неустройствѣ; а у насъ посылка къ чужимъ Дворамъ никогда не имѣетъ опредѣленнаго срока, такъ что можно считать ее нескончаемою. Да будетъ воля Божія!—И такъ никогда ничего не узнаю о Суфолькѣ! Чтò онъ дѣлаетъ? Чтò говоритъ?—Съ послѣднею почтою я отправилъ къ вамъ, любезный господинъ, письмо отъ Вольтера съ извлеченіемъ изъ его письма ко мнѣ.—Господинъ директоръ Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса конечно не всегда же занятъ и, можетъ быть, иногда желаетъ подышать воздухомъ; поэтому не позволите ли предложить вамъ, мой любезный господинъ, деревенскій домъ мой? Не желаете ли помѣститься въ немъ на время хорошей погоды? Домикъ довольно милъ. Знаете ли, что мы съ Гурьевымъ воображаемъ себѣ, что намъ всѣмъ можно бы расположиться въ немъ, т. е. вы бы вмѣстѣ заняли большой аппартаментъ, сестра ваша княг. Голицына во флигелѣ, и за тѣмъ я съ женою и еще трое или четверо друзей. Боже мой, если бы это время настало! Удовольствіе быть съ вами, мой обожаемый другъ, замѣнило бы мнѣ все, и заставило бы забыть многія огорченія. Если у васъ есть свободное время, съѣздите, любезный другъ, посмотрѣть этотъ домъ. Вы знаете, что онъ къ вашимъ услугамъ, какъ и все, чѣмъ я владѣю. Сердце мое отдано вамъ на вѣки. Чтò у меня осталось, чтó бы не было вашимъ? Здѣсь ходитъ слухъ, что вы ѣдите въ Москву осмотрѣть университетъ? Чтò вамъ тамъ дѣлать, любезный другъ? Говорятъ даже, что вы можетъ быть женитесь. На комъ, отгадайте! На Лепеидушкѣ! Все сдѣлается мнѣ дорого, какъ скоро будетъ принадлежать вамъ; впрочемъ я не думаю, чтобы вы это сдѣлали. Изъ десяти надо смотрѣть одну. Я бы охотно женилъ васъ на своихъ; у меня есть своячeница, и очень хорошенькая, одаренная талантами. Оставьте мнѣ только мою жену; я вамъ отдамъ всѣхъ наиболѣе для меня дорогихъ на свѣтѣ; да, божусь вамъ. Простите, обожаемый другъ. Отсюда скоро ѣдетъ Бецкой; онъ получилъ указъ о возращеніи. Простите, любезный другъ, будьте здоровы, любите меня по прежнему и вѣрьте, что во мнѣ имѣете вѣрнѣйшаго друга и усерднѣйшаго слугу, однимъ словомъ на вѣки *Пилада*.

22.

Vienne 6 (17) Avril. 1762.

La poste d'hier m'a aportés votre lettre du 15 du mois passer, mon cher Seigneur, dont je vous suits senssiblement obligé. Vous voila donc instalés Monsieur le Directeur du tres Noble Corps de Cadets. Je ne doute nullement et meme je crois, perssonne que vous ne remplissiés cette place, comme vous auriés remplie aussi bien celle d'être au timon des affaires. Mais

ayant donné la preference a cette place, je vous soupçonne, cher et adorable ami, d'un peu de paresse ou pour mieux dire de comodité, qui vous aura fait donnés cette preference. Mais que ce soit la, ou autre parts, vous le remplirés toujours avec tous le zele et integrité, dont Vous etes capable, et dont vos ennemies meme, si vous en avés, doivent vous rendre justice.

J'attends l'ordre de mon departs, est je commence déja à prendre mes precautions et faire mes preparatifs. Vous ne saurés vous imaginés, cher et adorable Ami, combien ma malheureuse ambassade m'a couté, et ce que me coute mes preparatifs. Il n'y a perssonne que cela n'auroit ruiné, mais ce qu'il-y-a de plus malheureus ce que perssonne n'y entrera dans mon etats.

Qui l'eut dit, cher et adorable Ami, que toute cette ambassade fairoit le malheur de ma vie? Me suis-je atendu à cela? Voila l'etats des mortels: ils ne peuvent jamais prevoir ni le bien ni le mal qui peut leur arrivés; finissont cette matiere dont je vous est promis de ne jamais vous entretenir et parlonts d'affaires indiferentes. Encore un mot pourtants. Souvenés vous de notre maxime, *что честность затмить ничемъ неможно*, а я къ тому примѣтилъ, что les ennemies que Votre probité vous donne sont implacables. Ainsi de la partironts les instructions que je donnerois à mes enfants; peut etre seront ils plus solidement heureux.

Il-y-a apres de 25 jours que je ne sorts pas de chés moi. J'ai eu un rhume afreux, qui m'est tombé sur la poitrine et en m'occasionnant des maux terrible de meme qu'aux cotés m'a obligés de me faire tirés du sang, ce qui m'a soulagés un peu, mais pas mits hors d'affaire. Au reste sans mes pauvres enfants que j'ai, la mort ne seroits pas ce qu'il-y-auroit de plus malheureus pour moi.

Aussi-tot que je recevrois l'ordre pour mon departs, je ne manquerois pas de faire partir mes messieurs; je vous prie de le dire à M-r Gouriew, que son frere sera du nombres. C'est un fort jolie garçon, dont je suits tres contents, et que j'aime beaucoup.

Dans cet instant je vients de recevoir une lettre de Voltaire que j'ai l'honneur de Vous envoier, cher Seigneur. Elle vous parviendra assés vite puisquelle part par un courier François.

Au reste n'ayant rien à Vous dire que des choses mortifiente sur mon chapitre, de meme que sur l'abattement general dans lequel je me trouve, j'aime mieus finir que de Vous ennuier par cette elegie lamentable, Vous assurant pourtant que je suits et seroits toute ma vie le plus zelé de vos serviteur de meme que le plus reconnoissant pour vos bontés.

Pylade.

Переводъ. Вѣна 6 (17) апрѣля 1762. Вчерашняя почта привезла мнѣ письмо ваше отъ 15-го прошлаго мѣсяца, любезный господинъ мой, и я вамъ чувствительно за него обязанъ. И такъ вы господиномъ директоромъ благороднѣйшаго кадетскаго корпуса. Нисколько не сомнѣваюсь, и полагаю никто не усомнится, чтобъ вы не исполнили этой должности столь же хорошо, какъ и будучи у кормила государственнаго правленія; но я подозрѣваю, любезный и обожаемый другъ, что вы предпочли эту должность отчасти изъ лѣности, или лучше сказать, изъ желанія покоя. Но эту или какую иную должность, во всякомъ случаѣ, исполните вы съ ревностью и неуклонностью, кои вамъ свойственны и коимъ самые враги ваши (если вы ихъ имѣете) должны воздать справедливость. Жду приказанія отъ

ѣхать и начинаю уже брать предосторожности и дѣлать приготовленія. Вы себѣ не можете представить, любезный и обожаемый другъ, во что обошлось мнѣ несчастное мое посланничество и чего стоятъ мои приготовленія. Это разорило бы всякаго. Но горше всего мнѣ, что никто не войдетъ въ мое положеніе. Кто бы подумалъ, мой любезный и обожаемый другъ, что это посланничество составитъ несчастіе моей жизни? Ожидалъ ли я этого? Таково положеніе смертныхъ: они никогда не могутъ предвидѣть ни блага ни зла, которыя имъ предстоятъ. Перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ. Я обѣщался вамъ никогда съ вами не говорить о немъ. Поговоримъ о вещахъ не важныхъ, Однако еще одно слово. Помните наше правило, что „честность затмить ничѣмъ не можно"; а я къ тому примѣтилъ, что враги, которыхъ производитъ вамъ ваша честность, неумолимы. Въ этомъ смыслѣ я оставлю наставленіе дѣтямъ моимъ. Быть можетъ, ихъ благосостояніе будетъ прочнѣе. — Около 25 дней я не выхожу изъ дому. Я схватилъ страшную простуду, которые пала мнѣ на грудь и причинила ужасныя боли, также и въ бокахъ, что принудило меня отворить себѣ кровь, и я получилъ отъ того нѣкоторое облегченіе, однако не оправился вполнѣ. Впрочемъ, если бы не бѣдныя мои дѣти, смерть не была бы для меня тягчайшимъ изъ золъ. — Какъ только получу приказаніе отъѣхать, не замедлю отпустить моихъ господъ; пожалуста скажите о томъ г. Гурьеву: тутъ будетъ и братъ его. Это прекрасный молодой человѣкъ, я имъ очень доволенъ и очень люблю его. Сію минуту получилъ письмо отъ Вольтера и имѣю честь послать его къ вамъ, любезный господинъ. Оно довольно скоро къ вамъ придетъ, потому что отправляется съ французскимъ курьеромъ. — Впрочемъ, не имѣя ничего сказать вамъ, кромѣ того, что положеніе мое тягостно и что я нахожусь въ совершенномъ унынiи, лучше мнѣ кончить, нежели надоѣдать вамъ этою жалобною элегіею. Тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, что есмь и буду во всю мою жизнь вѣрнѣйшимъ и самымъ ревностнымъ вашимъ слугою, равно какъ и самымъ признательнымъ за ваши милости. Пиладъ.

23.

Bonjour, mon tres cher ami et seigneur.

Un courier partant pour M-r le Comte de Mercier me procure une occasion de Vous faire parvenir ma lettre par une voie beaucoup plus courte que celle de la poste.

Je commence pour vous temoignés mes remerciments de celle que vous avés bien voulu m'ecrire du 24 du mois passer. Mais savés vous que le ton plaintive dont Vous vous serves, et la patience que vous me recomandés de meme que la misericorde de Dieu, ne serve qu'a me faire voir mon etats beaucoup plus malheureux qu'il n'est reellement. J'avoits crue que ma fidelité, mon zele pour mon Souverain, de meme que mon innoncence, etoit des choses assés juste pour ozer me flattés de n'etre pas indigne de ses bontés.

Ainsi je vous suplie, mon cher et adorable ami, de vouloir bien me faire savoir quelle est donc Mon etats pour merités ce malheur, et par ou, qui sont ceux du moins qui peuvent m'avoir noircie aupres de Sa Majesté notre auguste Souverain: de grace, rompés ce silence qui m'inquiete autant.

J'oze en meme temps Vous priés, cher et adorable ami, de vouloir bien vous ressouvenir des prieres que je vous avés faits dans mes presentes, et de suplier de ma part Mg-r le Chancelier sans perte de temps de vouloir bien me faire obtenir cette permission que je demande d'allés aux Eaux; je

n'ecrits pas de cela au Chancelier lui meme, je craigne qu'il ne s'imagine que c'est un gout vagabond qui me faits desirés d'obtenir cette permission. Mais je vous jure que non; ma santé est la premiere raison. L'epargne de ma bourse est la seconde; la troisieme et la plus considerable est celle de pouvoir evités les desagrements que je pourroits avoir dans cette cour-cy. Втомъ состояній будучи, въ которомъ здѣсь ожидають. Бога ради, постарайся оною мнѣ милость исходатайствовать какъ наискоряе и небудучи столь щасливъ, чтобъ мнѣ дозволено было на 6 нѣдѣль быть впитербурхъ, хотябы ту милость Мнѣ сдѣлали.

Позвольте себе попѣнять, простительноли вамъ такова чѣловѣка, какъ мѣня, оставить без'отвѣта, на все писма которыя я к'вамъ в'генваре писалъ и которые столь много для моево благополучія касаються. Истинно пишу: кому нескажите, все васъ обвинятъ кромѣ меня; я вамъ оное не вопрѣки говорю, и прощаю, что вы более о всемъ другомъ, нежели о томъ чтобъ такова искренняво слугу и крайнево друга, въ ево каприціяхъ утѣшать да и свѣрхъ тово мои рокъ знать такой.

Je vous prie, cher et adorable ami, de faire mille compliments de ma part à M-r Gouriew, et de lui dire en meme temps que son frere est tous prets de partir, et qu'aussitot que jaurois les ordres du Chancelier il partira le lendemain au plus tard.

Tous le monde m'abandonne, je leur souhaite plus de faveur que nont eu tous etant aupres de moi ou il n'ont eu que les malheurs et les disgraces a essuier. Не сумнѣваюсь, что вы неуверены были, что пребываніе мое впитербурхе вамъ бы много безпокоиства сдѣлало. И каково бы вы конечно par vos amits, мнѣ оною милость исходатайствовали, съ которымъ разсужденіемъ я столь согласенъ, что хотя бы и могъ никому безвашей воли не адресовался. Ah, cher et adorable, ce peut-il que dans l'etat dont je me trouve, Vous me laissiés dans l'incertitude de mon sorts! Comme je me trouve l'homme en question qui doit etre arrivé me nuira assurement, car j'ai eu dispute avec lui, et je ne vouloits pas qui parla mal de Vous, je les fait taire meme, prenés garde, il ne vous aime pas. Adieu, cher et adorable ami; adieu, cher Seigneur; je souhaite que Vous trouvés des personnes qui vous aime et Vous adore autant que celui qui sera, malgré votre oublie, le plus fidel et le plus zelé de vos serviteurs.

Pylade.

Vienne ce $\frac{12}{23}$ 1762.

Могу ли исходатайствовать без'прогнѣванія отставку? Бога ради sondé le terrain et faites moi une reponse et que ce qu'il faut que je fasse.

Переводъ. Здравствуйте, любезный другъ и господинъ. Курьеръ, ѣдущій къ графу Мерсье, даетъ мнѣ случай переслать къ вамъ мое письмо скорѣе нежели черезъ почту.—Прежде всего бладарю васъ за письмо, которое вы мнѣ благоволили написать отъ 24 числа прошедшаго мѣсяца. Оно писано въ жалобномъ тонѣ; вы мнѣ говорите о терпѣніи и о милосердіи Божіемъ. Знаете ли, что слова ваши заставляютъ меня почитать положеніе мое еще болѣе плачевнымъ, нежели оно въ дѣйствительности. Я полагалъ, что моя вѣрность, мое усердіе къ моему государю, а равно и моя невинность, даютъ мнѣ смѣлость считать себя сколько нибудь достойнымъ его милостей.—И такъ умоляю васъ, мой милый и обожаемый другъ, благоволите увѣдомить меня, что́ такое виною моего

несчастія, по крайней мѣрѣ, кто тѣ люди, которые очернили меня передъ Его Величествомъ, нашимъ августѣйшимъ Государемъ. Пожалуста, прервите молчаніе, столь меня тревожащее. — Осмѣливаюсь также просить васъ, любезный и обожаемый другъ, не забудьте моихъ просьбъ и умолите за меня г. Канцлера, чтобы, не теряя времени, онъ далъ мнѣ позволеніе съѣздить на воды. Я не пишу объ этомъ къ самому Канцлеру; боюсь, онъ подумаетъ, что я испрашиваю этого дозволенія изъ охоты къ перемѣнѣ мѣстъ. Божусь, что нѣтъ. Здоровье — первое мое побужденіе. Второе состоитъ въ истощеніи моего кошелька; а третье и самое значительное — есть желаніе избѣгнуть непріятностей, которыя могу я имѣть при здѣшнемъ Дворѣ.....

Прошу васъ, любезный и обожаемый другъ, поклониться отъ меня Гурьеву и сказать ему, что братъ его готовъ къ отъѣзду, и какъ скоро я получу приказаніе отъ Канцлера, онъ поѣдетъ не позже какъ на другой же день. — Всѣ меня покидаютъ. Я желаю имъ блага, коего они не имѣли, находясь при мнѣ, и испытывая только горе и опалу..... Ахъ, любезный и обожаемый другъ, возможно ли, чтобы вы оставляли меня въ невѣдѣніи моей участи при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ! Тотъ господинъ, который пріѣдетъ, будетъ мнѣ вредить непремѣнно, потому что я съ нимъ споридъ, не желая, чтобъ онъ дурно отзывался о васъ. Я заставилъ его молчать. Остерегайтесь. Онъ васъ не любитъ. Простите и пр. *Пиладъ*. Вѣна 12 (23) 1762.

. . . . Разузнайте и отвѣчайте мнѣ что́ нужно дѣлать.

24.

J'ai reçu trois de vos lettres, cher Oreste: une par M-r de Galitzin votre neveu, l'autre dans son paquet et la troisieme par la poste du de ce mois. Les expressions dont elle sont remplie m'ont causés trop d'agitation. Menagés moi, cher Ami; je vous aime et vous adore, mais je ne vous le diroits plus.

J'ai tardé quelque temps à vous repondre, par ce que j'ai toujours voulu vous dire le jour ou du moins la semaine que je compte de partir d'ici. Mais attendant quelques lettres d'Hollande qui ne me sont pas encore arrivé, je suits obligé de rester moi meme dans cette incertitude; je le suits encore sur la route que je prendroits depuits que vous me dites que vous ne retournés plus en Italie et que vous comptés de passer l'hyver dans les provinces Meridionales de la France. Je vous prierois meme, cher Ami, de vouloir bien me dire quelle est celle que vous me conseillér de prendre; sera celle du passage des montagnes à Turin ou de Marsseilles, ou Antibes par eau jusqu'a Gènes? Vous considerés, s'il vous plaits, mes maux rhumatiques, aux quels le passage d'eau peut-etre nuisibles, mais pourtant pas plus que les neiges et le froid du Mont Cenis; ainsi pesés cela, s'il vous plait, et dites moi ce que vous pences.

Votre neveu que je voits assés souvents, est un tres jolie garçon, vrai; et sans compliments, ont voit bien qu'il vous apartient, et que vous avés eu soin de son education, cher ami. Comme je tient un petite maison et menage, et que j'ai un ordinaire reglés, je l'est prié tres instaments de me donner la preference sur l'auberge; il n'abuse pas; il n'a dines que deux fois, mais c'est parcequ'il a été engages tous les jours, qu'il a des amis, et nous sommes beaucoup des Russes ici. Mais il me paroit suivre vos sentiments et avoir de l'amitié pour moi. Il m'a dit votre intention de retourner; je ne blame pas, cher ami. Mais je vous prierois de ne rien presser avant que de nous aboucher, et je desire infini-

ment pour ma satisfaction et pour pouvoir vous donner l'idée de la sorte du pays que je suits plus en etat que qui que se soit. Vous le savés vous meme. Adieu, cher et adorable Oreste. A propos, cher Ami, ne connoissés vous pas quelqu'un que je puisse prendre pres de moi comme secretaire ou comme ami: le premier peut lui donner rang d'officier, capitaine meme, et meme je pourroit le faire avec le temps mon adjutant. Mais il faut pour le second qu'il aye servi, qu'il connoissent les Mathematiques, et si cela se peut de Genie. Mais pour le premier il faut qu'il aye de la litterature, sache ecrire bien, et aye quelque talents de la Musique, de l'architecture, ou quelques choses, avec qui ont puisse passer son temps agreablement. Le Suisse et reformé doit avoir la preference, et sur tous le Genevois, ou de Neufchatel. Si vous connoissés, cher ami, un pareil homme, recomandé moi. Mais il faut le connoitre et si cet homme pouvoit y rester dans le detail de ma maison, toujours comme ami, se seroit un tresor, Car je suits toujours aussi panier percer comme par le passer. Je ne sauroits me vanter de l'economi comme vous faites. Mais vous avés été superieur à moi en touts; adieu, adorable ami, je vous embrasse de tous mon coeur et le plus tendrements du monde.

ce 19 de decembre. Paris.

Переводъ [25]). Я получилъ три ваши письма, любезный Орестъ: одно черезъ вашего племянника госп. Голицына, другое въ его пакетѣ и третье съ почтою отъ сего мѣсяца. Выраженія, коими они наполнены, слишкомъ взволновали меня. Прошу пощады, любезный другъ; люблю, обожаю васъ, но больше не буду говорить вамъ объ этомъ. — Я запоздалъ нѣсколько моимъ отвѣтомъ, потому что все хотѣлъ назначить день или по крайней мѣрѣ недѣлю, когда я разсчитываю отсюда уѣхать. Но прождавъ писемъ изъ Голландіи, которыхъ и до сихъ поръ не получилъ, остаюсь самъ въ нерѣшительности. Не знаю также еще, куда и поѣду, такъ какъ вы пишете, что не вернетесь въ Италію и намѣрены провести зиму на югѣ Франціи. Я бы даже попросилъ васъ, любезный другъ, разсказать мнѣ, какъ вы мнѣ совѣтуете ѣхать, черезъ горы-ль на Туринъ, или водою изъ Марселя или Антибы до Генуи. Примите пожалуйста въ соображеніе мои простудныя страданія, коимъ можетъ повредить переѣздъ водою, все однакоже не такъ, какъ снѣга и холодъ горы Сениса. И такъ взвѣсьте пожалуйста все это и скажите мнѣ, что вы думаете.—Племянникъ вашъ, котораго я довольно часто видаю, прекрасный молодой человѣкъ: по правдѣ и безъ лести, видно, что онъ вашъ, и что вы, любезный другъ, пеклись о его воспитаніи [26]). Такъ какъ я держу небольшой домъ и хозяйство и завелъ порядокъ, то и просилъ его настоятельно, чтобъ онъ предпочелъ меня трактиру. Онъ не злоупотребляетъ приглашеніемъ и обѣдалъ всего два раза; но это отъ того, что его каждый день куда нибудь зовутъ; у него есть друзья, и насъ Русскихъ здѣсь много; однако мнѣ кажется, что онъ, слѣдуя вашему примѣру, дружески расположенъ ко мнѣ. Онъ говорилъ о намѣреніи вашемъ вернуться; не осуждаю, любезный другъ, но я бы попросилъ васъ не торопиться прежде чѣмъ мы повидаемся, чего я безмѣрно желаю и для себя лично и для того, чтобы дать вамъ понятіе о состояніи страны, а это я могу сдѣлать лучше всякаго другаго, какъ вы сами знаете [27]). Прости-

---

[27]) Это письмо писано гораздо позднѣе, уже въ царствованіе Екатерины.

[28]) Это—кн. Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ (1751—1827), впослѣдствіи попечитель Московскаго университета.

[29]) Говорится о возвращеніи И. И. Шувалова въ Россію.

те, любезный и обожаемый Орестъ. Кстати, любезный другъ, не знаете ли, кого бы мнѣ взять къ себѣ въ секретари или въ друзья. Первому я могъ бы доставить чинъ офицера, пожалуй капитана и даже со временемъ могъ бы сдѣлать его своимъ адъютантомъ; а во вторые нуженъ человѣкъ, который бы уже служилъ, зналъ бы математику и, если можно, инженерное искусство; но всего нужнѣе, чтобъ онъ имѣлъ свѣдѣнія въ словесности, хорошо бы писалъ, былъ бы свѣдущъ въ музыкѣ, въ архитектурѣ и тому подоб., такъ чтобъ съ нимъ было пріятно проводить время. Всего бы лучше Швейцарца реформатскаго исповѣданія, преимущественно изъ Женевы или Невшателя. Если вы знаете, любезный другъ, такого человѣка, рекомендуйте мнѣ; но надобно его знать; и еслибъ онъ могъ еще, въ качествѣ друга, не чуждаться мелочей моего хозяйства, это было бы сокровище, потому что у меня такіе же, какъ и прежде, дырявые карманы. Не могу, подобно вамъ, похвастаться бережливостью; но вы всегда были выше меня во всемъ. Простите, обожаемый другъ; цѣлую васъ отъ всего сердца и самымъ нѣжнымъ на свѣтѣ образомъ. 19 Декабря. Парижъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. САБЛУКОВА.

Николай Александровичъ Саблуковъ родился въ С. Петербургѣ, 1 Мая 1776 года. Родителями его были д. т. совѣт. Александръ Александровичъ [1]) и Екатерина Андреевна (урожденная Волкова).

Получивъ весьма тщательное домашнее образованіе, Н. А. Саблуковъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. По возвращеніи на родину, онъ поступилъ на службу въ конногвардейскій полкъ, гдѣ знаніе службы и весьма красивая наружность, равно и хорошее образованіе, обратили на него вниманіе начальниковъ, а впослѣдствіи и Государя Императора Павла І-го. Онъ вскорѣ дослужился до полковничьяго чина и получилъ въ командованіе эскадронъ [2]).

Не смотря на уваженіе и любовь, которыми онъ пользовался въ кругу своихъ товарищей, въ особенности за свой прямой и твердый характеръ, Н. А. Саблуковъ оставилъ службу (тогда главное начальство надъ конногвардейскимъ полкомъ принадлежало Великому Князю Константину Павловичу), вновь предпринялъ путешествіе по Европѣ и, находясь въ Англіи, женился тамъ въ 1803 г. на дѣвицѣ Юліанѣ Ангерштинъ [3]).

Возвратясь въ отечество и съ давняго времени будучи въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Чичаговымъ,

[1]) А. А. Саблуковъ былъ въ числѣ первыхъ членовъ, назначенныхъ императоромъ Александромъ І-мъ во вновь образованный имъ въ 1802 году Государственный совѣтъ. Въ Русскомъ Архивѣ (1866 стр. 329—339) были напечатаны письма его въ Петербургъ о бывшей въ 1771 году въ Москвѣ чумѣ. - Онъ скончался 80 лѣтъ въ 1828 году.

Родная сестра А. А. Саблукова, Екатерина Александровна, была въ замужествѣ за Михаиломъ Мордвиновымъ; и дочь ихъ Александра Михайловна была замужемъ за Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ (основателемъ школы колонновожатыхъ, отцемъ Николая Николаевича Карскаго, графа Михаила Николаевича и духовнаго писателя Андрея Николаевича).

[2]) Покойный канцлеръ графъ Нессельроде, какъ извѣстно, начавшій свою службу въ конногвардейскомъ полку, служилъ въ эскадронѣ, коимъ командовалъ Н. А. Саблуковъ.

[3]) Г-нъ Ангерштинъ, тесть Н. А. Саблукова, былъ большой любитель изящныхъ искусствъ; владѣя весьма значительнымъ состояніемъ, онъ собралъ отличную картинную галлерею; въ завѣщаніи было вмѣнено наслѣднику его въ обязанность уступить всѣ его картины за весьма умѣренную, назначенную завѣщателемъ сумму, Національной Галлереи. Поступившія въ нее картины Ангерштина считаются знатоками въ числѣ самыхъ лучшихъ.

Н. А. Саблуковъ рѣшился поступить вновь на службу, по морской части, и состоялъ при Адмиралтействѣ.

Когда открылась война, Н. А. Саблуковъ поспѣшилъ вступить въ ряды дѣйствующихъ войскъ и участвовалъ въ походѣ 1812 года. По окончаніи войны, онъ жилъ то въ С. Петербургѣ, то въ Англіи.

Жена его и родственники его по женѣ, слышавъ часто разсказы его объ его отечествѣ и о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, убѣдительно просили его изложить на письмѣ все то, что̀ слышали отъ него изустно. Онъ исполнилъ ихъ желаніе. Записки его, написанныя на англійскомъ языкѣ и единственно для замкнутаго семейнаго круга, долго не выходили изъ онаго; но впослѣдствіи, нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, явились въ печати (лишь съ заглавною буквою его имени) сначала въ Англіи (Frazer's Magazine 1865, августъ и сентябрь) а потомъ и во французскомъ извлеченіи въ Revue Moderne. Нашъ переводъ сдѣланъ съ англійскаго.

ВОСПОМИНАНІЯ

о дворѣ и временахъ Императора Павла Перваго до эпохи его кончины.

Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала *).

Часть I.

В—галль $\frac{22}{10}$ Февр. 1840.

Перечитывая на дняхъ въ «Исторіи Россіи» Левека то, что̀ онъ говоритъ о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующемъ до сихъ поръ на счетъ Лжедимитрія, я въ особенности былъ пораженъ скудостію показаній современниковъ и очевидцевъ о событіяхъ этого достопамятнаго времени, и самъ Левекъ замѣчаетъ, что такія показанія въ исторіи имѣютъ первостепенную важность, ибо одни очевидцы могутъ засвидѣтельствовать ея правдивость.

Такъ какъ я самъ былъ очевидцемъ всѣхъ событій, происходившихъ въ царствованіе Императора Павла I, и во время всего того періода состоялъ при его дворѣ, имѣя полную возможность узнавать все, что̀ происходило при этомъ дворѣ и вокругъ него; кромѣ того, былъ лично знакомъ съ самимъ Императоромъ и со всѣми членами Императорскаго семейства, такъ же какъ со всѣми вліятельными людьми того времени: то я рѣшился записать все то, что̀ я помню о событіяхъ этихъ интересныхъ годовъ, и черезъ это, быть можетъ, пролить новый свѣтъ на характеръ Павла I, который, конечно, былъ человѣкъ не дюжинный.

Да не сочтетъ меня читатель нижеслѣдующихъ страницъ тщеславнымъ, потому что я много говорю о самомъ себѣ, о многихъ изъ моихъ друзей и о полку, въ которомъ я служилъ. Привожу эти подробности

*) Нижеслѣдующія страницы извлечены изъ Записокъ покойнаго генерала С—ва, и послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1848 году отъ холеры, были переданы, по его распоряженію, одному изъ его друзей, сообщающему ихъ нынѣ публикѣ, въ убѣжденіи, что вѣрность мѣстнаго колорита и точность подробностей часто придаютъ картинѣ положительное достоинство, не смотря на небрежность рисунка. Англійскій слогъ моего покойнаго друга есть слогъ иностранца, какъ тотчасъ замѣтитъ читатель. Онъ тѣмъ менѣе вполнѣ ясенъ и не лишенъ прелести, почему были произведены въ немъ лишь немногія ничтожныя измѣненія, и слова автора воспроизведены здѣсь по возможности буквально. Мнѣ показалось, однакожс, умѣстнымъ сократить слишкомъ пространное изложеніе нѣкоторыхъ анекдотовъ, и совершенно опустить нѣкоторые намеки на домашнія горести, поразившія генерала С—ва въ то время, какъ онъ былъ занятъ записываніемъ своихъ воспоминаній, такъ какъ они не имѣютъ значенія для посторонняго читателя; но за этими изъятіями, въ оригинальной рукописи не было произведено измѣненій. *Примѣч. англійскаго издателя.*

главнымъ образомъ, какъ свидѣтельство тому, что я былъ лично «въ соприкосновеніи съ этимъ временемъ» и какъ свидѣтельство правдивости моихъ показаній, которая одна можетъ придать нѣкоторый интересъ моему разсказу. Въ эпоху восшествія на престолъ Императора Павла I, мнѣ было двадцать лѣтъ, и я служилъ подпоручикомъ (second-lieutenant) въ конногвардейскомъ полку, бывъ предварительно два года унтеръ-офицеромъ (sous-officer) и четыре года офицеромъ въ томъ-же полку *) Я также передъ тѣмъ много путешествовалъ за границею и былъ представленъ ко многимъ дворамъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи; слѣдовательно много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ дома, такъ и въ чужихъ краяхъ. Мой отецъ держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто министры и дипломатическій корпусъ; такъ что, при всей моей молодости, мой умъ былъ достаточно подготовленъ къ внимательному наблюденію за текущими событіями. Присовокуплю къ этому, что я владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, что меня живо занимали политическіе толки, и что я съ особенною охотою читалъ газеты.

Я теперь вернусь на минуту ко времени непосредственно предшествовавшему восшествію Императора на престолъ, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя безъ этого было-бы трудно понять.

*) Въ чинѣ унтеръ-офицера я былъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Салтыкова и дежурилъ при немъ изъ двухъ недѣль одну, при чемъ былъ обязанъ сопровождать его повсюду, и такимъ образомъ часто бывалъ съ его свитою въ прихожей кабинета Императрицы Екатерины II.

Павелъ Петровичъ, будучи Великимъ Княземъ, и его супруга имѣли великолѣпный аппартаментъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и другой въ Царскосельскомъ. Тутъ происходили ихъ выходы и пріемы, тутъ-же давали они весьма пышные обѣды, вечера и балы, и въ этихъ случаяхъ оказывали своимъ гостямъ чрезвычайную любезность. Всѣ высшіе чиновники ихъ двора, такъ же какъ и прислуга, принадлежали къ штату Императрицы, и понедѣльно дежурили у обоихъ дворовъ, и всѣ издержки уплачивались изъ Кабинета. Императрица Екатерина обыкновенно сама весьма милостиво принимала участіе въ пріемахъ своего сына, и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская соблюденія этикета, установленнаго при собственномъ ея дворѣ.

Великій Князь Павелъ Петровичъ по наружности постоянно оказывалъ своей матери глубочайшее уваженіе, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя къ ней питалъ Русскій народъ. Великая Княгиня, его супруга, однакоже, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные Великіе Князья и Великія Княжны, воспитывались подъ надзоромъ своей бабки-Императрицы, которая постоянно совѣтовалась съ ихъ матерью *).

Кромѣ вышеупомянутыхъ аппартаментовъ въ двухъ императорскихъ дворцахъ, у Великаго Князя былъ очень удобный дворецъ на Каменномъ Острову; и въ этомъ загород-

*) Генералы Протасовъ и Сакенъ были гувернёрами Великихъ Князей, а баронесса Ливенъ гувернанткою Великихъ Княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

номъ домѣ Великій Князь и Великая Княгиня давали избранному обществу весьма веселые праздники, на которыхъ происходили jeux d'esprit, театральныя представленія, словомъ все то, чтò придумали остроуміе и любезность для украшенія стараго французскаго двора. Сама Великая Княгиня была красивая женщина, крайне скромная въ своемъ обращеніи,—даже до того, что казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ, скучною),—насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ, напротивъ того, былъ исполненъ остроумія, юмора и живости, и всегда отличалъ особымъ вниманіямъ тѣхъ, которые блистали тѣми-же качествами.

Самою яркою звѣздою придворнаго кружка была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ талантовъ, выказанныхъ ею во время ея воспитанія въ Смольномъ Монастырѣ: имя ея было Екатерина Ивановна Нелидова. По наружности, она составляла прямую противоположность съ Великою Княгинею, которая была высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука: между тѣмъ какъ Нелидова была маленькая брюнетка, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ, исполненнымъ выразительности. Она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ не долго остался равнодушнымъ къ столькимъ прелестямъ. Великій Князь, однако-же, не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; онъ былъ добродѣтеленъ и по убѣжденію, и по намѣреніямъ; онъ ненавидѣлъ распутство, очень былъ привязанъ къ своей прелестной супругѣ, и не могъ себѣ представить, что-бы когда-либо ловкая интриганка могла околдовать его до того, что-бы влюбить его безъ памяти въ себя. По этому онъ свободно предался тому, чтò онъ считалъ связью чисто платоническою, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человѣческое сердце гораздо лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубока огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать съ его супругою, и отдала самыя настойчивыя приказанія, что-бы эта прогулка по Европѣ была столь блистательна и интересна, какъ только можно было того достигнуть при помощи денегъ и ея вліянія на дворы, посѣщаемые молодою четою. Путешествовали они incognito, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, и всѣмъ извѣстно, что остроуміе Графа, красота Графини и обходительность обоихъ, оставили самое выгодное впечатлѣніе въ странахъ, ими посѣщенныхъ.

Не слѣдуетъ думать, что-бы раннее воспитаніе Великаго Князя было небрежно; напротивъ того, Екатерина конечно употребила все, чтò въ силахъ человѣческихъ, дабы дать своему сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою Имперіею. Графъ Панинъ, первый государственный человѣкъ своего времени, уважаемый и дома, и заграницею, за честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Сверхъ того, Его Императорское Высочество имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, изъ которыхъ многіе были иностранцы, пользующіеся почетною извѣстностію въ литературномъ мірѣ; въ особен-

ности занялись его религіознымъ воспитаніемъ, и Павелъ до дня своей смерти былъ очень набоженъ. Еще нынѣ показываютъ мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ одинокую молитву, и часто обливаясь слезами: паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ *). Графъ Панинъ былъ членомъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ, и Великій Князь былъ введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ; словомъ, было сдѣлано все возможное для физическаго, нравственнаго и умственнаго его развитія. Павелъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени, и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки славянскій, русскій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіею, географіею и математикою, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно. Два помощника главнымъ образомъ содѣйствовали графу Панину въ воспитаніи Великаго Князя: Сергѣй Плещеевъ, капитанъ флота, и баронъ Николаи, страсбурскій уроженецъ. Г. Плещеевъ служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ и человѣкомъ со свѣдѣніями, въ особенности знатокомъ русской литературы; баронъ Николаи былъ ученый, прежде жившій въ Страсбургѣ, извѣстный авторъ разныхъ сочиненій. Плещеевъ издалъ впослѣдствіи »Les Voyages du Comte et de la comtesse du Nord», и оба остались близкимъ и вліятельными людьми при Императорѣ до его кончины.

*) Офицерская комната при караулѣ, въ которой я сидѣлъ, когда бывалъ дежурнымъ въ Гатчинѣ, была рядомъ съ его частнымъ кабинетомъ; и я нерѣдко слышалъ вздохи Императора Павла во время его молитвы.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ, Павелъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и вкусами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которые довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго режима, въ то время, какъ французская революція стирала все подобное съ лица Европы. Но какъ пагубно ни подѣйствовали эти вліянія на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла, вредъ, причиненный ими, ничтò въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т.д., и т.д., словомъ все, чтò напоминало о Фридрихѣ Великомъ. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ, преслѣдовали его, какъ кошемаръ. Къ счастію Павла и его родины, онъ не заразился бездушною философіею и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ не могъ переварить и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя удержалось.

Но, что-бы вернуться ко времени, которое непосредственно предшествовало восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромѣ дачи на Каменномъ Острову, у него были великолѣпнный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ двадцати-четырехъ верстахъ отъ Царскаго Села; къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень; у жены-же его было подобное имѣніе въ Павловскѣ, съ обширными парками и богатыми деревнями. Этотъ послѣдній дворецъ находится только въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ Великій Князь и Великая Княгиня обыкновенно проводили большую часть года одни, за изъ-

ятіемъ своихъ дежурнаго каммергера и гофмаршала. Тутъ В. Князь и Княгиня не принимали никого, развѣ по особымъ приглашеніямъ. Екатерина Ивановна Нелидова, однако-же, скоро стала появляться въ этихъ частныхъ резиденціяхъ, и даже сдѣлалась наперсницею Великой Княгини, оставаясь платоническимъ идоломъ Великаго Князя. И въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Мой отецъ въ это время былъ во главѣ Государственнаго Казначейства, и въ его обязанности входило выдавать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ ихъ четвертное жалованіе, и лично принимать отъ нихъ росписку въ счетную книгу Казначейства. Въ поѣздкахъ, совершаемыхъ имъ за этимъ въ Павловскъ и въ Гатчину, онъ часто бралъ меня съ собою, и я живо помню странное впечатлѣніе, которое производило на мой умъ все то, что̀ я видѣлъ и слышалъ въ этихъ случаяхъ: это были словно поѣздки въ чужую страну; въ особенности въ Гатчинѣ, гдѣ былъ построенъ форштатъ въ точное подобіе мелкаго германскаго городка. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни; всѣ строенія были точь въ точь такія какъ въ Пруссіи; а по виду войскъ, тутъ стоявшихъ, хотѣлось побиться о закладъ, что они прямо изъ Берлина.

Я долженъ объяснить здѣсь, какимъ образомъ Великому Князю вздумалось сформировать въ Гатчинѣ эту курьозную маленькую армію. Когда Павелъ былъ еще очень молодъ, Императрица, для того, что-бы дать ему громкій титулъ, не сопряженный ни съ какимъ трудомъ или отвѣтственностію, пожаловала его въ генералъ-адмиралы Россійскаго флота; а въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ командиромъ прекраснаго кирасирскаго полка, во главѣ котораго онъ прослужилъ одну кампанію противъ Шведовъ, при чемъ имѣлъ честь, во время схватки съ непріятелемъ, видѣть, какъ надъ его головою пролетали пушечныя ядра. Когда онъ поселился въ Гатчинѣ, онъ, такъ какъ не было войскъ, расположенныхъ по близости, въ качествѣ генералъ-адмирала, потребовалъ себѣ батальонъ морскихъ солдатъ, съ нѣкоторою артиллерію; а въ качествѣ командира лейбъ-кирасировъ, онъ потребовалъ себѣ эскадронъ этого полка, что-бы составить гарнизонъ въ Гатчинѣ. И то и другое ему было разрѣшено, и таково происхожденіе пресловутой «гатчинской арміи», впослѣдствіи причинившей столько неудовольствій и вреда всей странѣ. Было также въ Гатчинѣ, на маленькомъ озерѣ, нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ, какъ военные корабли, и это послѣднее учрежденіе впослѣдствіи пріобрѣло немалое значеніе.

Этотъ батальонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый представлялъ одинъ полкъ императорской гвардіи; они всѣ были одѣты въ темнозеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ походили въ точности на прусскихъ солдатъ. Въ это время, русская пѣхота была одѣта въ свѣтло-зеленые мундиры, кавалерія въ синіе, а артиллерія въ красные; покрой этихъ мундировъ не походилъ на покрой, употребительный въ какой-либо иной европейской арміи, но былъ превосходно приспособленъ къ климату и нравамъ Россіи. Русскія войска всякаго оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ Турокъ, Шведовъ и Поляковъ, и справедливо гордились своими подвигами. Какъ всякія другія войска, они гордились и мундирами, въ которыхъ

они пожали свои лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на гатчинскую обмундировку.

Гатчинскіе моряки также были одѣты въ темно-зеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ русскаго флота былъ бѣлый, введенный самимъ Петромъ Великимъ, и это измѣненіе также возбуждало неудовольствіе. Въ гатчинскомъ батальонѣ, эскадронѣ и флотиліи офицерскія мѣста были заняты людьми темнаго происхожденія, ибо ни одинъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи не соглашался оставаться въ нихъ и подчиняться прусской дисциплинѣ. Я уже упомянулъ о томъ, что дворъ Великаго Князя былъ составленъ изъ лицъ, принадлежавшихъ также ко двору Императрицы, такъ что все, происходившее въ Гатчинѣ, тотчасъ становилось извѣстнымъ при большомъ дворѣ и въ обществѣ, и будущность, ожидавшая Россію, подвергалась не малымъ толкамъ и рѣзкой критикѣ.

Но Великій Князь, съ другой стороны, былъ восходящею звѣздою того времени, и не было недостатка въ услужливыхъ личностяхъ, готовыхъ передавать ему о невыгодномъ впечатлѣніи, производимомъ при дворѣ Императрицы его странными распоряженіями, на которыя онъ, съ своей стороны, смотрѣлъ какъ на важныя улучшенія. Далѣе, ему доносили о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія; а мягкость и материнскій характеръ Екатерининскаго управленія представляли въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ Павлу; по природѣ вспыльчивый и горячій, онъ кромѣ того былъ очень раздраженъ своимъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ своимъ законнымъ достояніемъ. Всѣмъ стало извѣстно, что онъ съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему матери.

Екатерина, съ своей стороны, становилась стара и немощна; у нея уже былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она вполнѣ не оправлялась. Она искренно любила Россію и была дѣйствительно любима всѣмъ народомъ; она не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, выдвинутое ею столь быстро на путь благоденствія, славы и образованности, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, въ особенности въ такое время, когда «комитетъ общественной безопасности» заставлялъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и еслибы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, что-бы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла-бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ-бы назначенъ наслѣдникомъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, что-бы онъ со-

блюдалъ новую конституцію *). Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однако-же говорили съ увѣренностію, что 1-го января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время было замѣчено, что Великій Князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опрусаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ Гатчинцами. Я побывалъ за границею въ 1795—96 годахъ и, проживъ нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня передразнивать, или точнѣе, корчить прусскихъ офицеровъ и солдатъ; мы тогда и не помышляли о томъ, что въ скоромъ времени мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину; но на повѣрку вышло, что знаніе этихъ подробностей очень пригодилось мнѣ въ послѣдствіи.

Ознакомленный такимъ образомъ съ положеніемъ дѣлъ, читатель пойметъ разсказъ, къ которому я теперь приступаю. По возвращеніи моемъ въ 1796 году изъ путешествія я часто ѣздилъ въ домъ г-жи Загряжской, дамы весьма модной, хотя далеко не красивой, впрочемъ весьма умной и чрезвычайно любезной. Такъ какъ ея племянница, дѣвица Васильчикова, только что была сговорена съ графомъ Кочубеемъ, то ея вечера стали интимнѣе и менѣе людны; но я былъ одинъ изъ немногихъ, которыхъ продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ, и т. д. 6-го Ноября 1796 года, я прибылъ туда по обыкновенію. Къ семи часамъ, на столѣ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «очень хорошо», и я началъ игру. Всѣ игроки, однакоже, думали повидимому о чемъ-то другомъ, и я былъ принужденъ пожурить ихъ за то, что они не отмѣчаютъ номеровъ. Вдругъ г-жа Загряжская отозвала меня въ сторону и сказала: «Vous êtes un singulier homme».—«En quoi donc, Madame?»—отвѣчалъ я.—«Vous ne savez donc rien?»—«Mais qu'y a-t-il à savoir?» «Comment donc, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie, et on la croit morte».*) Я чуть не свалился съ ногъ; г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ мой экипажъ и поскакалъ въ домъ въ отцу. Онъ уже уѣхалъ въ Сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ, капитанъ конногвардейскаго полка, который на другое-же утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также выѣхалъ изъ дому и отправился въ казармы, куда поспѣшилъ и я. По дорогѣ, я встрѣчалъ людей всѣхъ

*) Слово конституція, столь часто тутъ повторяемое, не должно быть принято въ обычномъ, слишкомъ тѣсномъ смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе демократической формы правленія. Оно означаетъ тутъ не болѣе, какъ великую хартію, или незыблемые законы.

*) „Странный вы человѣкъ!"—Почему же?—„Такъ вы ничего не знаете?" —Да что же знать?—„Какъ же, съ императрицею апоплексическій ударъ и говорятъ, что она уже не жива".

сословій, спѣшившихъ по улицамъ, пѣшкомъ или въ саняхъ и каретахъ; нѣкоторые останавливали на улицахъ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ выражали сокрушеніе о случившемся: словно у каждаго Русскаго умерла нѣжно-любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній фаворитъ Екатерины и первый ея министръ, немедленно отправилъ своего брата, графа Николая Зубова, оберъ-шталмейстера, въ Гатчину, что-бы извѣстить Великаго Князя Павла Петровича о смерти его матери. И Сенатъ, и Синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, ожидая манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго статсъ-секретаря, находился въ кабинетѣ Императрицы, а прочіе статсъ-секретари и великіе чины двора всѣ собрались въ ожиданіи прибытія Великаго Князя.

Графъ Зубовъ вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ Павла. Площадь передъ дворцомъ была наполнена народомъ, и около полуночи прибылъ Великій Князь. Въ теченіи ночи былъ изданъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось о кончинѣ Екатерины и о восшествіи на престолъ Павла I. Этотъ документъ былъ также прочитанъ въ Сенатѣ, и была принесена обычная присяга.

Нѣтъ словъ, что-бы описать скорбь, испытанную и выраженную каждымъ офицеромъ и рядовымъ конногвардейскаго полка при прочтеніи намъ манифеста. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ; многіе рыдали, словно лишились ближайшаго родственника или лучшаго друга. Мнѣ говорили, что то-же самое происходило во всѣхъ полкахъ, и что подобнымъ образомъ выразилась всеобщая печаль и въ приходскихъ церквахъ.

Весьма рано $\frac{7}{19}$ Ноября, нашъ полковой командиръ, майоръ Васильчиковъ, отдалъ приказаніе, что-бы всѣ офицеры явились слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ на парадъ передъ зимнимъ дворцомъ; отрядъ-же нашего полка, назначенный туда на караулъ, былъ осмотрѣнъ самимъ майоромъ наитщательнѣйшимъ образомъ.

Въ теченіи ночи выпалъ глубокій снѣгъ, къ утру настала оттепель и заморосилъ дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно брести вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ ко дворцу, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ лучшихъ нашихъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, еще покрывавшемъ улицы.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Какъ только дошли мы до площади, намъ было сообщено множество новыхъ постановленій. Прежде всего, ни одинъ офицеръ, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ являться нигдѣ иначе, какъ въ мундирѣ, а наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постояннаго ношенія; затѣмъ намъ сказали, что офицерамъ воспрещается ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ, либо въ саняхъ или дрожкахъ. Въ довершеніе того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ приказовъ, предписывающихъ всякому носить пудру, косичку или гарбейтель, и запрещающихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, высокихъ сапогъ, панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ или culottes; и тутъ и тамъ слѣдовало носить пряжки; волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ было велѣно

останавливаться на улицахъ при встрѣчѣ съ Императорскою фамиліею; сидящіе въ экипажахъ должны были выходить, что-бы отвѣсить свой поклонъ. Утромъ $\frac{8}{20}$, ранѣе 9 часовъ, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

До насъ также дошли любопытные слухи о томъ, что̀ произошло во дворцѣ по прибытіи новаго Императора: говорили, что онъ съ графомъ Безбородкою дѣятельно занимался жженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ Ея Величества; что Павелъ глядитъ очень пасмурно и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія собственныхъ своихъ войскъ изъ Гатчины. Всѣ эти слухи были для насъ загадками, да къ тому-же не самаго пріятнаго свойства, въ особенности послѣ счастливаго времени проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось нѣжною снисходительностію ко всему, что̀ не было прямымъ преступленіемъ. Наконецъ пробило десять часовъ, и какая тутъ пошла кутерьма! Явились новыя лица, новые сановники. И какъ они были одѣты! Не смотря на все наше горе по Императрицѣ, мы отъ смѣха держались за бока; все это казалось намъ комическимъ маскарадомъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ явились въ своихъ новыхъ мундирахъ, словно старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ вышелъ самъ Императоръ въ новомъ мундирѣ Преображенскаго полка. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ въ то время, какъ проходила мимо него гвардія, пожималъ плечами и качалъ головой въ знакъ неудовольствія; затѣмъ онъ велѣлъ подвести себѣ свою лошадь, Помпона. Въ этотъ моментъ ему доложили, что Гатчинская *армія* приближается къ заставѣ, и Его Величество поскакалъ ей на встрѣчу. Черезъ часъ времени Императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ, онъ самъ впереди того, что̀ ему было угодно называть Преображенскимъ полкомъ; Великія Князья впереди такъ называемыхъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны были подражать по возможности близко. Ихъ знаменамъ отдали честь обычнымъ образомъ, а затѣмъ ихъ отнесли во дворецъ; сами-же войска, въ качествѣ представителей всѣхъ гвардейскихъ полковъ, съ той-же минуты были включены въ нихъ и разосланы по ихъ казармамъ. Такъ окончилось утро перваго дня новаго царствованія.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ за тѣмъ намъ были представлены новые пришлецы изъ Гатчинскаго гарнизона. Что̀ за офицеры! Какія странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Всѣ они были Малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное всѣмъ этимъ на общество, состоящее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежащихъ къ лучшему Русскому дворянству. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти всеобщему осужденію. Но мы вскорѣ убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось, куда слѣдуетъ. Какая перемѣна для полка, который до тѣхъ поръ славился своимъ высокимъ тономъ, согласіемъ и единодушіемъ!

Намъ было предписано обмундироваться какъ можно скорѣе, согласно но-

вымъ предписаніямъ. Вице-мундиръ былъ квакерскаго покроя, изъ сукна кирпичнаго цвѣта. Я имѣлъ счастіе достать довольно этого сукна, чтобы сшить себѣ вице-мундиръ, и на другое утро явился въ своей новой аммуниціи, передразнивая Гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего майоръ немедленно назначилъ меня на этотъ день на караулъ. Будучи, какъ я уже сказалъ, порядочно знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостію первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, на парадѣ, такъ отличился, что Императоръ подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить и, проходя взадъ и впередъ мимо моего караула во дворцѣ въ теченіи этого дня, онъ каждый разъ останавливался, что-бы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною на караулѣ во дворцѣ. Чтò за суета происходила въ немъ! Чтò за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчащіе слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло Екатерины, то выходило изъ нея. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ; другіе самонадѣянно улыбались въ надеждѣ на хорошія мѣста. Я долженъ однако-же сознаться, что число послѣднихъ было мало, и что они старались скрывать тайныя свои мысли, не возбуждавшія ни малѣйшаго сочувствія въ большинствѣ тѣхъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Говорили, что Императоръ еще занятъ съ графомъ Безбородкомъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ; также, что послали нарочнаго за графомъ Алексѣемъ Орловымъ; и что когда будетъ обнародованъ церемоніалъ погребенія Императрицы Екатерины, будетъ велѣно выкопать тѣло Петра III, лежащее въ Невской Лаврѣ, перевезти его во дворецъ и поставить его рядомъ съ тѣломъ Императрицы.

Для того, что-бы понять побужденія, внушившія Павлу такое распоряженіе, слѣдуетъ припомнить, что Петръ III намѣревался, для того, что-бы вступить въ бракъ съ графинею Воронцовою, развестись съ императрицею Екатериною, и вслѣдствіе того заключить и мать и сына въ Шлиссельбургъ на всю жизнь. Съ этою цѣлію былъ уже составленъ манифестъ, и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына, начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ припомнятъ, то, что Екатерина была провозглашена царствующею Императрицею, и что Петръ III гласно отрекся отъ престола, о чемъ подписалъ формальный документъ. За тѣмъ онъ удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ по прошествіи шести дней, какъ говорятъ нѣкоторые, отъ кровотеченія. Его тѣло было со всѣмъ парадомъ выставлено для публики въ теченіи шести дней, но такъ какъ онъ отказался отъ престола и уже не былъ царствующимъ Императоромъ въ минуту своей смерти, то и былъ похороненъ въ Невскомъ, а не въ крѣпостномъ соборѣ, въ которомъ находится усыпальница Императоровъ.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивѣ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ тогда еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами; и Императоръ Павелъ счелъ полезнымъ, чтобы остатки его отца были перенесены изъ Невской Лавры въ крѣпостной соборъ, и такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ

дѣятелей въ событіи, возведшемъ на престолъ Екатерину, то ему велѣно было пріѣхать въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

По способу, которымъ Павелъ обошелся съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронъ (чему я самъ былъ очевидцемъ) я убѣжденъ въ томъ, что Павелъ не считалъ его лично виновникомъ гибели Петра III-го, хотя онъ конечно смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ еще живыхъ дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину, и спасшаго какъ ее, такъ и самаго Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, гдѣ до сихъ поръ можно видѣть жилище, для нихъ приготовленное.

....Наши офицеры, однако-же, не были расположены терпѣть подобное обращеніе и, въ нѣсколько недѣль, шестдесятъ или семдесятъ изъ нихъ оставили полкъ, что̀ чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ я имѣлъ счастіе попасть подъ арестъ лишь разъ, и то въ обществѣ девяти другихъ полковниковъ, послѣ манёвровъ въ 1799 году, то я не только остался въ полку, но и вскорѣ значительно повысился.

Сказавши теперь достаточно о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, я долженъ упомянуть и о нѣкоторыхъ изъ похвальныхъ мѣръ, принятыхъ тогда для благоденствія народа. Нѣсколько дней по восшествіи Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій и всякая могли бросать свои прошенія на имя Императора. Это окно было въ нижнемъ этажѣ, подъ однимъ изъ коридоровъ дворца, и Императоръ самъ хранилъ у себя ключь отъ той комнаты, и никогда не упускалъ отправляться въ нее каждое утро въ семь часовъ собирать прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ, и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать ихъ себѣ въ слухъ. Его отвѣты, или рѣшенія на эти прошенія всегда были либо написаны, либо подписаны имъ, и затѣмъ сообщены *печатно* просителю посредствомъ газетъ, и это безъ замедленія. Иногда просителю предписывалось обратиться въ какое-либо вѣдомство, или судебное мѣсто, и затѣмъ извѣстить Его Величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости, и въ такихъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ: никакія личныя или сословныя соображенія не могли избавить виновнаго отъ наказанія; остается только сожалѣть, что Его Величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые наказали-бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ то дѣлалъ Императоръ, не подвергая его тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа. Я не помню теперь въ точности, какое преступленіе совершилъ одинъ князь Сибирскій, человѣкъ высоко поставленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностію Императора. Если я не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ-бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, представленное вышеуказаннымъ способомъ, и Сибирскій подвергся формальному уголовному суду и былъ приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Императоръ тотчасъ утвердилъ этотъ приговоръ, и онъ былъ исполненъ, причемъ Сибирскій былъ публично вывезенъ, какъ преступникъ, изъ Пе-

тербурга, черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, въ средѣ которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ чиновниковъ, но произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на массу народа.

Павелъ, хотя весьма строгій во всемъ, что̀ касалось экономіи и весьма озабоченный тѣмъ, что-бы облегчить тягости, лежавшія на народѣ, былъ очень щедръ въ раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, и въ своихъ дарахъ отличался истинно царскою милостію. Во время коронаціи въ Москвѣ, онъ раздалъ многія тысячи крестьянъ изъ государственныхъ имуществъ главнымъ сановникамъ государства и всѣмъ тѣмъ, которые служили ему въ Гатчинѣ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались очень богатыми. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами; и несомнѣнно, что крестьяне считали милостію и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу дали прекрасное имѣніе, съ пятью стами крестьянъ, въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціею крестьянъ изъ имѣнія.

Прежде, чѣмъ вести далѣе мой разсказъ, нелишне будетъ ознокомить читателя съ главными лицами, привезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Петербургѣ, и которыя остались на сценѣ до его смерти. Прежде всехъ слѣдуетъ назвать Ивана Павловича Кутайсова, турченка, взятаго въ плѣнъ въ Кутайсѣ и котораго Павелъ, будучи Великимъ Княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и обучить бритью. Онъ впослѣдствіи сдѣлался Императорскимъ брадобрѣемъ, и въ этомъ качествѣ ежедневно имѣлъ въ рукахъ Императорскій подбородокъ и горло, что̀ разумѣется давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Этотъ человѣкъ былъ очень смышленъ и обладалъ большою проницательностію въ угадываніи слабостей своего господина; слѣдуетъ однако же сознаться, что онъ всегда по возможности старался о томъ, что-бы все улаживать, и постоянно предупреждалъ всѣхъ тѣхъ, которымъ приходилось говорить съ Императоромъ, о расположеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ составилъ себѣ большое состояніе и сдѣланъ графомъ. Когда Павелъ добился титула великаго мастера Малтійскаго ордена (1798) онъ возвелъ Кутайсова въ оберъ-шталмейстеры ордена. Графъ всегда былъ готовъ всѣмъ помогать и никогда никому не сдѣлалъ зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина, и у нея было значительное состояніе. У нихъ было два сына, изъ которыхъ одинъ еще живъ и сенаторъ; другой-же, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ.

Слѣдующее за нимъ, по старшинству, мѣсто занималъ между Гатчинцами адмир. Кушелевъ, возведенный, по восшествіи на престолъ Павла, въ санъ генерала-адмирала, полезный человѣкъ, поддерживавшій расположеніе Императора къ флоту. Другой честный, услужливый, добрѣйшій и благочес-

тивый человѣкъ былъ генералъ-майоръ Обольяниновъ, сдѣланный генералъ-адъютантомъ при восшествіи на престолъ. Въ теченіи своей жизни, онъ много сдѣлалъ для того, что-бы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Къ концу царствованія, онъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Сената, и много старался о томъ, что-бы возстановить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не заподозрѣвалъ людей близкихъ съ Обольяниновымъ, который и самъ ни въ комъ никогда не подозрѣвалъ ничего дурнаго. Это всѣмъ извѣстное обстоятельство впослѣдствіи сдѣлало его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ замыслѣ. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у г-на Обольянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человѣкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что когда онъ удалился въ Москву по смерти Павла, онъ былъ избранъ тамъ въ губернскіе предводители дворянства, и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянулъ о баронѣ Николаи, который до смерти Императора остался его статсъ-секретаремъ, библіотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя *Плетищевъ* также остался при Императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генералъ Донауровъ также былъ незначительнымъ Гатчинскимъ морякомъ, и тоже самое можно сказать о полковникѣ Кол—вѣ, добродушномъ гусарѣ и недурномъ фрунтовикѣ, главнымъ образомъ замѣчательномъ потому, что у него была очень красивая жена, неслишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать для этихъ господъ весьма веселый домъ. Полковникъ Котлубицкій изъ конной артиллеріи былъ также Гатчинецъ, и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостію къ себѣ Павла для того, что-бы спасать отъ наказанія молодыхъ офицеровъ. Я испыталъ это на самомъ себѣ.

Между новыми дѣйствующими лицами, выступившими на сцену, слѣдуетъ мнѣ также упомянуть о двухъ Великихъ Князьяхъ, Александрѣ и Константинѣ. Александръ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка, пѣшей гвардіи; Александръ сверхъ того былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный коммендантъ города, коммендантъ крѣпости и Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Каждое утро въ семь часовъ, и каждый вечеръ въ восемь, онъ подавалъ Императору рапортъ. При этомъ слѣдовало отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій Князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ; сверхъ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; по этому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему многихъ безсонныхъ ночей. Оба Великіе Князя смертельно боялись своего отца, и когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Они, также, искали покровительства у другихъ, вмѣсто того,

что-бы имѣть возможность (какъ можно было-бы ожидать по высокому ихъ положенію) сами его оказывать. По этому они внушали мало уваженія, и не были популярны. Оба князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ Великимъ Князьямъ, Адамъ къ Александру, Константинъ къ Константину; это возбудило много толковъ, кончившихся тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Множество полковниковъ, майоровъ и офицеровъ изъ Гатчинскихъ войскъ, какъ мы уже сказали, были включены въ разные гвардейскіе полки, и такъ какъ они были всѣ лично извѣстны Императору и имѣли связи съ придворномъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ Императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Это весьма вооружило насъ противъ этихъ господъ; мы вскорѣ открыли, что они доносили о малѣйшемъ случаѣ, о малѣйшемъ вырвавшемся словѣ. Не стоитъ исчислять всѣхъ этихъ именъ; объ одномъ изъ нихъ, однако-же, слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ онъ впослѣдствіи сдѣлался весьма важнымъ человѣкомъ. То былъ Аракчеевъ, гатчинскій артиллерійскій полковникъ, имя котораго, какъ пугала Павловскаго и Александровскаго царствованія, занесется въ исторію. По наружности, Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ, мышецъ и т. д. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону; цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Что-бы дорисовать его портретъ, у него были впалые сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ сельскаго дворянина, онъ былъ принятъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличился своими способностями и своимъ прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи; но онъ оказался такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что вскорѣ былъ переведенъ въ артиллерійскій полкъ, часть котораго, а при ней Аракчеевъ, попала въ Гатчину.

Тутъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе Павла и по своему необычайному уму, строгости и неутомимой бдительности, сдѣлался фактотумомъ гарнизона, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ, и пріобрѣлъ полное довѣріе Великаго Князя. Нужно сознаться, что онъ былъ искренно преданъ своему повелителю, чрезвычайно усерденъ къ службѣ и заботливъ о личной безопасности Императора. У него былъ большой талантъ на то, что-бы вводить во всякое управленіе методъ и порядокъ, и что-бы поддерживать его со строгостію, доходившею до фанатическаго тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При восшествіи на престолъ Павла, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ шефомъ Преображенскаго пѣшаго полка и Петербургскимъ коммендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то и сохранилъ большое вліяніе на эту отрасль военнаго вѣдомства и наконецъ былъ назначенъ

начальникомъ всей артиллеріи, и въ этомъ департаментѣ оказалъ важныя услуги. Человѣкъ этотъ былъ до того вспыльчиваго и тираническаго характера, что весьма милая молодая женщина, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ нимъ, оставила его домъ и вернулась къ своей матери. Весьма счастливо то обстоятельство, что люди жестокіе, мстительные и тираническіе всегда трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не составлялъ исключенія изъ этого правила; онъ всегда былъ окруженъ стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи сряду въ одной кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою, которая была его любовницею, и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ былъ пробовать всякое кушанье, прежде чѣмъ онъ его касался; этотъ чиновникъ исполнялъ ту-же обязанность за завтракомъ и ужиномъ. Этотъ жестокій человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, и въ то-же время велъ жизнь крайне развратную.

Тѣмъ не менѣе Аракчеевъ имѣлъ два большихъ достоинства. Онъ былъ безпристрастенъ въ исправленіи суда и бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла, онъ конечно много содѣйствовалъ тому, что-бы раздражить общественное мнѣніе и возбудить неудовольствіе противъ правительства; но Императоръ, человѣкъ по природѣ великодушный, проницательный и умный, сдерживалъ строгость Аракчеева и наконецъ удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, Александръ вновь призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія до того, что онъ на дѣлѣ сталъ первымъ министромъ, графъ Аракчеевъ по истинѣ сдѣлался бичомъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ, и которое разрѣшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при восшествіи на престолъ Императора Николая, первою мѣрою котораго, для успокоенія умовъ, было увольніе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія, упомяну только о графѣ Ростопчинѣ, впослѣдствіи, въ 1812 году, Московскомъ генералъ-губернаторѣ, человѣкѣ весьма талантливомъ и энергическомъ, насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Панинъ, человѣкъ также талантливый и благородный, но холодный и гордый, нѣкоторое время занималъ ту-же должность. Адмиралъ Рибасъ, мальтіецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ, вмѣстѣ съ графомъ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Онъ былъ человѣкъ весьма предпріимчивый... Заключу этотъ списокъ генераломъ Нелидовымъ, родственникомъ молодой дѣвушки, упомянутой выше, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на Императора и который, въ союзѣ съ Екатериною Ивановною, прилагалъ всѣ свои старанія къ тому, что-бы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые попадали въ опалу. А теперь два слова о дамахъ двора.

Мы уже видѣли, какое положеніе баронесса, впослѣдствіи графиня и княгиня, Ливенъ занимала при дворѣ. Она была воспитательницею Императорскихъ дѣтей и была одарена са-

мыми рѣдкими качествами ума и характера; откровенная и твердая, она заставляла самого Императора уважать ея мнѣніе. Она впослѣдствіи доставила двумъ своимъ друзьямъ, графинѣ Паленъ и г-жѣ фонъ Ренне, должность штатсъ-дамъ при обѣихъ Великихъ Княгиняхъ Елисаветѣ и Аннѣ. Я долженъ упомянуть тутъ и о томъ, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, также былъ приглашенъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ конногвардейскаго полка и инспекторомъ тяжелой кавалеріи; онъ впослѣдствіи, совмѣстно съ Великимъ Княземъ Александромъ, былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, а во время смерти Павла также министромъ иностранныхъ дѣлъ и управляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, такъ что на дѣлѣ, въ его рукахъ сосредоточивались ключи ко всѣмъ государственнымъ тайнамъ, и что никто не могъ ступить шага безъ его вѣдома.

Ознакомивши такимъ образомъ читателя съ необычайнымъ характеромъ этого страннаго времени и съ бóльшею частію главныхъ его дѣятелей, возвращусь къ моему разсказу и постараюсь изложить въ хронологическомъ порядкѣ событія краткаго царствованія Павла Петровича. *)

ДАЛЬНѢЙШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА

В. Галль 23 Февраля 1847.

Я опять тутъ, по прошествіи семи лѣтъ, но при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Я теперь вдовецъ, и у меня нѣтъ болѣе моей милой Юліи, что-бы придавать мнѣ жизнь и бодрость, и возбуждать во мнѣ нравственную и умственную дѣятельность. По ея желанію принялся я писать этотъ разсказъ; она находила удовольстіе въ его чтеніи, а доставить ей удовольствіе было единственнымъ желаніемъ моей жизни. Этого побужденія у меня болѣе нѣтъ; но какъ-бы я ни чувствовалъ себя мало расположеннымъ продолжать мой трудъ, мнѣ нужно однако-же постараться о его окончаніи и довести Императора Павла до конца его земнаго поприща.

Я изобразилъ Павла человѣкомъ поистинѣ благочестивымъ, исполненнымъ страха Божія; онъ дѣйствительно былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана, заботливъ о правосудіи и гонитель всякого злоупотребленія власти, въ особенности лихоимства и взяточничества. Къ несчастію, всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными, и для него и для государства, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія мѣры, крайней раздражительности и неразумной и нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе въ исполненіи его приказаній, малѣйшая неправильность по службѣ, влекли за собою строжайшій выговоръ, и даже наказаніе, и это безъ всякого различія лицъ. На Павла не легко было имѣть вліяніе; ибо, считая себя всегда правымъ, онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній, и онъ былъ до того раздражителенъ и такъ легко приходилъ въ гнѣвъ отъ малѣйшаго противорѣчія, что часто казался совершенно внѣ себя. Онъ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался,

*) Домашнія огорченія, приключившіяся въ то время, какъ рукопись была доведена до этого мѣста, помѣшали генералу С—у соблюдать этотъ хронологическій порядокъ. *Прим. Англ. изд.*

оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ достаточно силы воли, что-бы побѣдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмѣрная взыскательность и строгость къ военнымъ, дѣлали службу весьма непріятною. Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ коммандѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, что-бы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе его, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу. Вслѣдствіе всего этого, производство шло весьма быстро для тѣхъ, которые имѣли крѣпкіе нервы; я, напримѣръ, подвигался очень скоро. Отъ чина подпоручика, который я имѣлъ въ 1796 году, при восшествіи на престолъ Императора, я, черезъ всѣ промежуточныя ступени, въ Іюнѣ 1799 года добрался до чина полковника, и изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, состоявшихъ въ полку въ первый изъ этихъ сроковъ, лишь я да еще одинъ остались въ немъ до смерти Императора. Не лучше, если не хуже, было въ тѣхъ полкахъ, въ которыхъ тираннія Аракчеева и прочихъ Гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ въ нашемъ. Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Люди знатные, конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и, во время коранаціи въ Москвѣ, Императоръ не могъ его не замѣтить. За то нисшія сословія, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привѣтствовали Императора при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности со стороны дворянства лишь нравственной испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что̀ касается до этой испорченности, онъ былъ конечно правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ-же, по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ часто говорилъ, что «будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ»

Приведу тутъ, безъ извиненія, анекдотъ изъ царствованія Павла, обрисовывающій странности его характера и способа дѣйствій. Я уже упомянулъ о томъ, что въ прежнее время Русская армія имѣла свѣтло-зеленые мундиры, а флотъ бѣлые, и что Павелъ замѣнилъ оба эти цвѣта темно-зеленымъ, синеватаго оттѣнка, для того что-бы сдѣлать его болѣе схожимъ съ синимъ цвѣтомъ Прусскихъ мундировъ. Такъ какъ краска эта приготовлялась изъ минеральныхъ веществъ, осѣдающихъ на дно чановъ, то оказалось весьма труднымъ приготовить большое количество сукна въ точности одинаковаго

оттѣнка. Войска между тѣмъ должны были явиться въ новыхъ мундирахъ въ извѣстный день, на манёвры въ Гатчинѣ, и нужно было купить большое количество сукна въ кускахъ. Но все дѣло происходило такъ спѣшно, что коммисаріатскій департаментъ не имѣлъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи особый оттѣнокъ, такъ что во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвѣтѣ мундировъ. Павелъ, тотчасъ это замѣтивъ, весьма разсердился, и тутъ-же, приложивъ къ образцику свою печать, послалъ мануфактуръ-коллегіи рескриптъ, приказывая, что-бы казенныя фабрики сукнодѣлали всѣ точно такого цвѣта, какъ этотъ образцикъ. Мой отецъ былъ тогда вице-президентомъ этой коллегіи и на дѣлѣ управлялъ всѣмъ этимъ департаментомъ, ибо президентъ, князь Юсуповъ, никогда ничего не дѣлалъ. Императоръ по этому велѣлъ генералъ—лейтенанту Ламбу, президенту военной коллегіи, поручить это дѣло особому вниманію моего отца; а этотъ послѣдній, вслѣдствіе того, написалъ ко всѣмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, съ изложеніемъ воли Государя и требованіемъ немедленнаго отвѣта.

Отвѣты были получены почти одновременно, и всѣ единогласно подтверждали, что, по свойству краски, невозможно изготовить сукно крашенное въ кускахъ совершенно однороднаго цвѣта, и мой отецъ сообщилъ это генералу Ламбу. Въ самое это время въ Петербургѣ господствовалъ родъ гриппа, часто принимавшаго весьма дурной исходъ, и мой отецъ захворалъ этою болѣзнію, притомъ въ такой сильной степени, что съ нимъ сдѣлался сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Разумѣется, ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ генералъ Ламбъ повезъ свой портфель въ Гатчину, гдѣ тогда жилъ Императоръ, и по пріѣздѣ своемъ засталъ Его Величество на конѣ, собирающимся на смотръ. Императоръ спросилъ, нѣтъ-ли чего-либо новаго или важнаго, и генералъ отвѣтилъ ему:—Ничего, кромѣ письма отъ вице-президента С-а, съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые всѣ извѣщаютъ его, что рѣшительно невозможно окрашивать сукно въ кускахъ въ совершенно однородный цвѣтъ. «Какъ, невозможно!» сказалъ Императоръ, «очень хорошо!» Не сказавши другаго слова, Павелъ сошелъ съ лошади, пошелъ во дворецъ и немедленно отправилъ нарочнаго фельдъ-егеря къ графу Палену, военному губернатору Петербурга, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

«Выслать изъ города тайнаго совѣтника С-а, уволеннаго отъ службы, и немедленно отправить назадъ посланнаго съ донесеніемъ объ исполненіи этого приказанія.»

(подписано) Павелъ.

Я сидѣлъ надъ бѣднымъ моимъ отцемъ въ комнатѣ близь его кабинета, когда оберъ-полицціймейстеръ, генералъ-майоръ Лисановичъ, близкій другъ нашего дома, вошелъ и спросилъ меня: «Что дѣлаетъ вашъ отецъ?» Я отвѣчалъ: «лежитъ въ сосѣдней комнатѣ и страшусь, не на смертномъ ли одрѣ.»—«Неужели!» воскликнулъ Лисавичъ; «тѣмъ не менѣе, я долженъ его видѣть, ибо имѣю собщить ему немедленно приказаніе отъ Императора.» Съ этими словами, онъ вошелъ въ спальню, и я послѣдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое, и онъ едва сознавалъ то, что происходило вокругъ него. Лисановичъ два раза

окликнулъ его: «Александръ Александровичъ!» и отецъ, немного очнувшись, сказалъ: «Кто вы такой? Что̀ вамъ нужно?» — «Я Лисановичъ, оберъ-полиціймейстеръ. Узнаете вы меня?» Отецъ мой отвѣтилъ: «Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы. Я очень боленъ: что̀ вамъ нужно?» — «Вотъ вамъ приказаніе отъ Императора». Отецъ мой развернулъ бумагу, а я сталъ такъ, что могъ въ одно время и прочесть ее, и слѣдить за ея дѣйствіемъ на лицѣ отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза и воскликнулъ: «Господи! Да что̀ же я сдѣлалъ?» — «Я ничего не знаю, кромѣ того, что я долженъ выслать васъ изъ Петербурга». — «Но вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи». — «Этому горю я пособить не могу; я долженъ повиноваться. Я оставлю въ домѣ полицейскаго, что-бы засвидѣтельствовать вашъ отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ графу Палену, донести о вашемъ положеніи: совѣтую вамъ послать къ нему и вашего сына.»

Я возблагодарилъ Бога, видя, что мой несчастный отецъ становится блѣднымъ, бывъ передъ тѣмъ совершенно багровымъ; ибо боялся, что-бы съ нимъ не сдѣлалось апоплексическаго удара. Дорогая матушка, которая въ трудныя минуты была исполнена энергіи и присутствія духа, зная, что Императоръ сначала будетъ неумолимымъ, немедленно послала на нашу дачу, расположенную миляхъ въ двухъ отъ города, приказаніе, что-бы въ комнатѣ садовника, которая топилась, была приготовлена постель: это было зимою, но погода стояла не слишкомъ холодная; она также велѣла приготовить карету и послала за докторомъ.

Я отправился къ графу Палену, который былъ очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ ко мнѣ очень добръ. «Вотъ хорошая штука», сказалъ онъ, «хотите стаканъ лафита? *)» — «Не нужно мнѣ лафита, нужно мнѣ только, что-бы вы оставили моего отца на мѣстѣ». — «Это невозможно, dites à votre père qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien, qui si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville, coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire. Mais pourquoi diable est-il renvoyé?» спросилъ графъ. «Ni moi ni mon père n'en savons rien».**) Я пожалъ ему руку и уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ все готовымъ для отъѣзда моего отца; дорогая моя матушка распорядилась всѣмъ, закутала его въ мѣховую одежду, велѣла послать постель въ карету, въ которую его внесли, и сама сѣла съ нимъ. Докторъ слѣдовалъ за каретою въ другомъ экипажѣ. Три часа послѣ того, какъ было отдано приказаніе, отецъ мой уже проѣхалъ городскую заставу. Полицейскій чиновникъ донесъ объ этомъ Палену, какъ губернатору, а этотъ послѣдній отослалъ обратно фельдъ-егеря къ Императору съ донесеніемъ о томъ, что приказаніе его исполнено.

Вечеромъ я поѣхалъ провѣдать отца; и матушка, и докторъ были съ нимъ, и никакихъ серіозныхъ послѣдствій не было повода опасаться. Но, увы, съ нимъ сдѣлался легкій пара-

---

*) Это было постоянною шуткою графа — предлагать стаканъ лафиту всякому, кто попадалъ въ бѣду.

**) Скажите отцу вашему: онъ знаетъ, какъ я его люблю, но тутъ ничего не могу сдѣлать. Коль скоро одинъ изъ насъ двоихъ долженъ пойти къ чорту, то пусть это будетъ онъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ выѣхать изъ города; а тамъ увидимъ, что̀ можно сдѣлать. Но за какимъ чортомъ его высылаютъ? — Ни я, ни отецъ мой того не знаемъ.

личъ, отъ котораго онъ никогда не оправился. Два дни послѣ того, какъ это случилось, было повѣщено, что на другое утро прибудутъ въ городъ Императоръ и весь дворъ; по обыкновенію былъ назначенъ караулъ, и случилась моя очередь. Изъ ста шести человѣкъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться верхомъ на парадѣ: число весьма значительное. Такъ какъ обыкновенно, когда подвергался наказанію кто-либо извѣстнаго имени, всѣ прочіе, носящіе то-же имя, также подвергались опалѣ: то мое появленіе на парадѣ въ то время, какъ только что подвергся увольненію и изгнанію мой отецъ, было дѣломъ довольно щекотливымъ. Но дѣлать было нечего, я долженъ былъ явиться со всѣмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо выученъ; но могли случиться ошибки, и послѣдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона, и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Нашъ полковой командиръ, князь Голицынъ, велѣлъ наканунѣ вывести мой эскадронъ, что-бы сдѣлать репетицію парада, и офицеры и рядовые были такъ взволнованы, что все шло неладно; генералъ былъ въ отчаяньи; я попросилъ его, однако-же, успокоиться и не дѣлать выговоровъ и обѣщалъ ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ рядовыхъ, велѣлъ имъ отправиться въ баню, за тѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что̀ касается офицеровъ, подвергавшихся наибольшей опасности, я попросилъ ихъ не думать ни объ чемъ, а только прислушивать ся къ командѣ. Я въ казармахъ отдалъ строгое приказаніе, что-бы солдатъ не будили, пока я не пріѣду самъ. Въ то время солдаты всѣ носили букли и толстыя косички, со множествомъ пудры и помады, и прическа занимала долгое время, такъ какъ у насъ было лишь по два парикмахера на эскадронъ; такъ что солдаты, когда они приготовлялись къ параду, принуждены были всю ночь не спать изъ-за своей завивки. Это никуда не годилось-бы въ моемъ опасномъ положеніи, при которомъ все зависѣло отъ состоянія нервовъ моихъ солдатъ; и я по этому собралъ всѣхъ парикмахеровъ полка, что-бы причесать мой эскадронъ, что̀ дало солдатамъ возможность хорошенько выспаться. Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ девяти часамъ люди и лошади были всѣ готовы, и когда я выстроилъ ихъ передъ казармами, смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдаго мерена, Le Chevalier d'Eon, поздоровался съ людьми, за тѣмъ далъ имъ пароль, и мы отправились ко дворцу.

Сначала Императоръ Павелъ смотрѣлъ пасмурно, но я съ удвоенною энергіею далъ пароль, офицеры и солдаты исполнили свое дѣло превосходно, и Его Величество, къ собственному своему удивленію, полагаю я, былъ такъ доволенъ, что онъ два раза подъѣзжалъ меня хвалить. Все, однимъ словомъ, пошло хорошо и для меня, и для эскадрона, и для моего отца; да и вообще для всѣхъ, кому пришлось говорить въ этотъ день съ Его Величествомъ: ибо гроза такого рода падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія пола, не исключая и собственнаго его семейства.

Я теперь долженъ попросить читателя сопроводить меня опять въ Гатчину, и мы должны вернуться къ

той минутѣ, когда Императоръ подписалъ приказъ объ увольненіи и изгнаніи моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера онъ назначилъ сенатора Аршеневскаго вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи, на мѣсто моего отца, и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно привести въ исполненіе свои приказанія относительно цвѣта сукна. Аршеневскій былъ весьма разумный и прекрасный человѣкъ, и всѣ знали его за близкаго друга и почитателя моего отца. Это зналъ и самъ Императоръ, ибо они въ Сенатѣ во многихъ случаяхъ подавали голосъ вмѣстѣ, и Павелъ часто склонялся на ихъ сторону; по этому въ назначеніи Аршеневскаго очевидно не выразилось гнѣва противъ моего отца. Не откладывая ни на часъ (ибо самыя минуты были важны) новый вице-президентъ занялъ свое мѣсто въ коллегіи. Предсѣдатель князь Юсуповъ, не могъ ни объяснить того, что̀ случилось, ни дать какого либо совѣта относительно того, что̀ слѣдуетъ дѣлать. Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ и, убѣдившись въ томъ, что кромѣ того, что̀ уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ для того, что-бы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ Императору прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо къ Его Величеству, объясняющее его поводы къ этому шагу. Въ то же время Беклешовъ, оберъ-прокуроръ Сената, который на дѣлѣ былъ министромъ юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать къ Императору краткое письмо съ выраженіемъ своего горя о томъ, что онъ навлекъ на себя его тяжкій гнѣвъ. Это письмо и прошеніе Аршеневскаго онъ съ намѣреніемъ вручилъ Павлу немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы. Императоръ самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа, еще чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и, слыша, какъ жестоко былъ исполненъ приговоръ объ изгнаніи, онъ очень взволновался. Онъ тотчасъ призвалъ оберъ-прокурора, и со слезами на глазахъ попросилъ его немедленно съѣздить къ моему отцу, извиниться за него въ его опрометчивости, въ жестокой несправедливости, имъ совершенной, и просить его прощенія. Послѣ этой милостивой вѣсти, онъ посылалъ ежедневно, иногда по два раза, узнавать о здоровьѣ моего отца, и когда онъ наконецъ былъ въ силахъ выѣзжать и явиться къ Его Величеству, произошла весьма трогательная сцена примиренія въ присутствіи Беклешова, при чемъ моему отцу, разумѣется, была возвращена его прежняя должность.

Этотъ случай весьма повредилъ Императору въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ мои родители были оба весьма любимы и уважаемы. Дѣйствительно, не было въ Петербургѣ людей, пользующихся болѣе общимъ расположеніемъ, и они вполнѣ его заслуживали по своей добротѣ и участливости къ нуждающимся и угнетеннымъ, и по своей внимательности ко всѣмъ. Въ теченіи немногихъ дней опалы моего отца, и вслѣдъ за его возвращеніемъ, о немъ безпрестанно навѣдывались; и негодованіе, возбужденное испытанною имъ несправедливостію, выражалось громко и рѣзко, какъ въ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, получаемыхъ изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы въ странѣ, подчиненной самодер-

жавной власти, не ограниченной конституціонными гарантіями и обычаями и при государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимъ, могли пользоваться такою свободою порицанія. Но старинный Русскій духъ былъ еще живъ, и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мѣры.

При благородномъ характерѣ Павла, при постоянномъ желаніи его быть справедливымъ, при его великодушіи, сколь иной оборотъ могли бы принять дѣла, если бы графъ Паленъ воспользовался тяжкою болѣзнію отца и донесеніемъ полиціймейстера, чтобы дать Императору время одуматься и обсудить причину своего гнѣва! Но въ планы графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ за одно, не входило, что-бы Павелъ обращался на добро....

Часть II.

Карлсруэ $\frac{22}{10}$ Апрѣля 1847.

Окруженный всѣмъ, что̀ напоминаетъ мнѣ о моей утратѣ и заставляетъ меня испивать до дна горькую чашу печали, я ощущаю мало охоты продолжать эти Записки. Не имѣя на землѣ своего угла, я принужденъ сожигать и уничтожать всякое письмо, всякую записку, которою я обмѣнивался съ дорогою моею женою при временныхъ разлукахъ, каковымъ подвергались мы въ теченіи сорока-двухъ лѣтняго нашего супружества. Это словно повтореніе печальнаго обряда погребенія и крайне мучительно для ума и для сердца. Тѣмъ не менѣе, жаль было-бы не сообщить потомству странныхъ событій краткаго, четырехъ-лѣтняго царствованія Императора Павла, представляющаго столько противорѣчащихъ чертъ, объ извращеніи и сокрытіи которыхъ старалось столько преступныхъ дѣятелей того времени и ихъ потомковъ, для того что бы спасти свои имена отъ праведнаго нареканія. И такимъ образомъ царствованіе и конецъ Павла I остаются неизвѣстными или непонятными. Всѣ эти соображенія заставляютъ меня, какъ-бы мало ни была мнѣ по сердцу эта работа, сдѣлать надъ собою усиліе и продолжать.

Въ концѣ первой части (написанной при жизни моей дорогой Юліи), я выражалъ мое желаніе попытаться «изобразить въ хронологическомъ порядкѣ событія царствованія Павла». Этого я теперь исполнить не въ силахъ. У меня недостаетъ на это бодрости; да къ тому-же у меня нѣтъ подъ руками моихъ бумагъ и записокъ, или такихъ историческихъ сочиненій, которыя дали-бы мнѣ возможность соблюдать въ моемъ разсказѣ строгій хронологическій порядокъ. По этому я и не стану стараться о немъ, и читатель долженъ будетъ удовольствоваться рядомъ отдѣльныхъ анекдотовъ, передаваемыхъ очевидцемъ и набросанныхъ безъ метода и порядка, по мѣрѣ того, какъ я припоминалъ ихъ.

Вернемся на минуту въ Гатчину, въ это страшное мѣсто, откуда былъ присланъ рескриптъ объ увольненіи и изгнаніи моего отца, и которое было колыбелью Павловской арміи и флота, ихъ организаціи, учрежденій, выправки и дисциплины. Гатчина была его любимою осеннею резиденціею, и тутъ онъ устроивалъ свои годовые военные манёвры. Для сѣверной, деревенской резиденціи она великолѣпна. Дворецъ, или точнѣе замокъ, просторенъ и прочно построенъ изъ тесаннаго камня, въ прекрасномъ стилѣ; паркъ очень обширенъ, и въ немъ много превосходныхъ старыхъ дубовъ. Прозрачный потокъ вьется по парку

и по садамъ, во многихъ мѣстахъ расширяясь въ обширные пруды, которые почти можно было-бы назвать озерами; вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что можно считать камешки на глубинѣ двѣнадцати или пятнадцати футовъ, и въ ней плавають большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все то, что̀ имѣло рыцарскій оттѣнокъ. Къ этому въ немъ присоединялся вкусъ къ великолѣпію и роскоши, пріобрѣтенный имъ во время его пребыванія въ Парижѣ и въ Берлинѣ. Въ Гатчинѣ происходили, какъ я уже упомянулъ, большіе маневры и смотры и, пока они продолжались, большія увеселенія: концерты, балы, театральныя представленія, безпрерывно слѣдовали одни за другими; казалось, что всѣ удовольствія Версаля и Санъ-Суси сосредоточились съ Гатчинѣ. Но, увы! Эти празднества часто помрачались строгостями всякаго рода, какъ напримѣръ арестомъ офицеровъ или мгновенною ссылкою ихъ въ отдаленные полки. Случались также несчастія, какія бываютъ нерѣдко на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, и это весьма раздражало Императора. Но хотя онъ всегда приходилъ въ гнѣвъ отъ такихъ случаевъ, однако постоянно выказывалъ много человѣколюбія, когда кто-либо былъ серьозно раненъ.

Однажды, когда я былъ на караулѣ въ дворцѣ, произошла забавная сцена. Я уже упомянулъ о томъ, что офицерская караульная комната была около самаго кабинета Государя, въ которомъ я часто слышалъ его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій коридоръ велъ во внутренность дворца, и тутъ былъ поставленъ часовой, что-бы вызывать караулъ каждый разъ, какъ Императоръ шелъ оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часоваго: «На караулъ!» выбѣжалъ изъ моей комнаты, и солдаты едва успѣли схватить свои ружья, а я обнажить мою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежъ, а Императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ туже минуту дамскій башмакъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетѣлъ черезъ голову Его Величества, чуть чуть ея не задѣвши. Императоръ черезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда-же, откуда пришла.

На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, Его Величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier»—«Oui, Sire» *) отвѣтилъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я не сказалъ о немъ никому, ожидая, что за нимъ послѣдуетъ что либо не менѣе забавное, и въ этомъ ожиданіи я не былъ обманутъ. Въ тотъ же день, вечеромъ на балѣ, Императоръ подошелъ ко мнѣ, словно къ близкому другу и повѣренному, и сказалъ: «Mon cher, faites danser quelque chose de joli» **). Я тотчасъ понялъ, что Его Величеству угодно, чтобы я потанцовалъ съ Е. И. Нелидовою. Что̀ могла она протанцовать, кромѣ менуэта, или гавота сороковыхъ годовъ? Я спросилъ дирижёра оркестра, можетъ ли онъ съиграть менуэтъ и, получивъ утвер-

*) „Мой милый, у насъ вчера была ссора“.—Точно такъ, Государь.

**) Мой милый, устройте, чтобъ танцовали что нибудь хорошее.

дительный отвѣтъ, я велѣлъ ему начать его, и тотчасъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ припомнитъ читатель, отличалась своими танцами въ Смольномъ монастырѣ. Мы начали танцовать. Какую грацію выказывала она, какъ великолѣпно выдѣлывала pà и производила обороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки — точь въ точь знаменитая Лантини, учившая ее. Да и я не позабылъ уроковъ г. Канціани, моего танцовальнаго учителя, и при моемъ кафтанѣ à la Fréderic le Grand, мы должно быть имѣли точь въ точь видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ восторгѣ и слѣдилъ за нами въ теченіи всего менуэта, поощряя насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!» *) Послѣ того, какъ первый танецъ былъ благополучно оконченъ, Императоръ попросилъ меня устроить другой и привлечь къ нему другую пару. Вопросъ теперь былъ въ томъ, кого мнѣ выбрать, и кто захочетъ выставить себя на показъ при такой смущающей обстановкѣ? Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени Хитровъ; я вспомнилъ, что онъ также бралъ уроки у Канціани вмѣстѣ со мною, когда былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ; и такъ какъ онъ тогда всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ лучше соотвѣтствовать моимъ намѣреніямъ. Поэтому я сообщилъ ему желаніе Его Величества. Сперва Хитровъ колебался, хотя онъ очевидно былъ радъ случаю выставить себя на показъ; онъ согласился послѣ минутнаго размышленія и спросилъ меня, какую ему выбрать даму. «Возьмите старую дѣвицу Валуеву», сказалъ я ему, и онъ такъ и сдѣлалъ; я, разумѣется, снова пригласилъ Нелидову, и танецъ былъ исполненъ весьма успѣшно, и къ величайшему удовольствію Его Величества. Я за этотъ подвигъ былъ награжденъ лишь забавою, которую онъ мнѣ доставилъ; но Алексѣю Хитрову этотъ менуэтъ оказался весьма полезнымъ. Будучи не весьма исправнымъ офицеромъ, онъ былъ сдѣланъ придворнымъ камеръ-юнкеромъ, что̀ ввело его въ гражданскую службу, и онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался министромъ, а теперь онъ весьма снисходительный государственный контролеръ и, вообще говоря, добрѣйшій человѣкъ.

*) Восхитительно, прекрасно, отлично.

Объ Императорѣ Павлѣ обыкновенно говорятъ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ и раздражительномъ. Характеръ его былъ вовсе не таковъ. Онъ не хуже всякаго другого понималъ и цѣнилъ шутку, только бы она не была внушена недоброжелательствомъ къ нему, или какимъ либо подобнымъ побужденіемъ. Слѣдующій анекдотъ, полагаю я, послужитъ тому доказательствомъ.

Насупротивъ оконъ вышеупомянутой офицерской караульной комнаты росъ весьма старый дубъ, и полагаю я, еще ростетъ тамъ. Дерево это было покрыто странными наростами, изъ которыхъ выростали немногія вѣточки. Одинъ изъ этихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться отъ того, чтобы его не срисовать. По возвращеніи моемъ въ казармы, мой рисунокъ такъ всѣмъ понравился, что всякій пожелалъ имѣть съ него копію, и въ день слѣдующаго парада, я былъ осажденъ просьбами объ этомъ рисункѣ со стороны офицеровъ пѣшей гвардіи.

Воспроизводить его было легко, и я роздалъ не менѣе тридцати или сорока копій. При томъ соглядатайствѣ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія со стороны Гатчинскихъ офицеровъ включенныхъ въ наши полки, нѣтъ сомнѣнія, что Императору тотчасъ было донесено о моемъ рисункѣ и объ его распространеніи. Въ слѣдующій разъ, какъ я былъ на караулѣ, я забавлялся тѣмъ, что срисовывалъ два прекрасныхъ бюста, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ. Я окончилъ рисунокъ съ Генриха IV, и былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда самъ Императоръ, незамѣченный мною, вошелъ въ комнату, сталъ за мною и, хлопнувъ меня слегка по плечу, спросилъ: «Что̀ вы дѣлаете?»—«Рисую, Государь», отвѣтилъ я. «Дайте взглянуть. Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, дайте взглянуть на Сюлли. И этотъ будетъ похожъ, когда будетъ конченъ. Я вижу, что вы можете сдѣлать хорошій портретъ. Дѣлали вы когда нибудь мой?»—«Много разъ, Ваше Величество». За тѣмъ онъ разразился хохотомъ, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ: «Хорошъ для портрета!» снова дружески хлопнулъ меня по плечу, и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души. Конечно нельзя было поступить снисходительнѣе съ шутливымъ юношей, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ повода предполагать какого-либо дурнаго намѣренія.

Въ характерѣ Павла было истинное благородство и великодушіе, и хотя онъ былъ ревнивъ ко власти, но презиралъ тѣ лица, которыя слишкомъ подчинялись его волѣ въ ущербъ истинѣ и справедливости, а уважалъ тѣхъ, которые для того, что-бы защитить невиннаго, безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва. На этомъ основаніи Павелъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженіе и вниманіе Сергѣю Ильичу Муханову, оберъ-шталмейстеру.

Но довольно о Гатчинѣ, объ этомъ осеннемъ мѣстопребываніи двора, о тамошнихъ большихъ манёврахъ, блестящихъ празднествахъ и о танцахъ на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ дворца. Хотя раздражительный нравъ Павла былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (изъ которыхъ многіе связаны съ Гатчиною) но мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что столь честному, умному и патріотическому государю, человѣку, столь мало взиравшему на лица, не было дано процарствовать долѣе и очистить аристократію и служебное сословіе еще отъ нѣсколькихъ недостойныхъ членовъ. Слухъ его всегда былъ открытъ для истины, а для него слышать истину значило признать и уважить то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

Во время Павла, конечно, раздача даровъ и наградъ совершалась подъ вліяніемъ личной милости, но ею никогда не опредѣлялись служебныя повышенія, и судъ надъ начальниками и подчиненными всегда творился безъ лицепріятія. Корнетъ могъ безбоязненно требовать военнаго суда съ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ расчитывая на безпристрастное разбирательство, и это былъ тотъ щитъ, которымъ я ограждался отъ Великаго Князя Константина во все время, пока онъ командовалъ нашимъ полкомъ, и съ успѣхомъ боролся противъ его вспыльчивости и горячности. Одно упоминаніе о военномъ судѣ было Медузиною головою, которая оцѣпѣняла ужасомъ Его Им-

ператорское Высочество, какъ я испытывалъ не разъ. Слѣдуетъ мнѣ упомянуть тутъ-же о томъ, что послѣ многихъ лѣтъ разлуки съ Константиномъ, когда я явился къ нему въ Дрезденѣ въ декабрѣ 1829 года, онъ принялъ меня съ открытыми объятіями и, въ присутствіи г. Александрова, разсказалъ всѣ ссоры, которыя я имѣлъ съ нимъ, благородно признавая, что онъ былъ постоянно не правъ и отдавая полную справедливость правильности моего образа дѣйствій относительно его. Мнѣ очень пріятно писать эти строки и засвидѣтельствовать *здѣсь на землѣ*, что Великій Князь, хотя и подвергавшійся строгому осужденію, не былъ однако, какъ представляли его многіе, лишенъ добродѣтели и, прежде всего, смиренія и доброжелательства.

Для того, что-бы показать уваженіе, которое питалъ Павелъ къ военнымъ судамъ и его безпристрастіе въ дѣлѣ правосудія, приведу слѣдующій анекдотъ. Въ первый годъ его царствованія, оберъ-прокуроромъ сената былъ графъ Самойловъ, родственникъ генерала Л. женатаго на сестрѣ извѣстнаго богача Д—ова. Л. былъ человѣкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами. Жена его была женщина очень веселаго нрава, очень богата и была въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Она такъ осталась довольна ихъ вниманіями, усердіемъ и любовью, что дала каждому изъ нихъ вексель въ 30,000 рублей. Л., взбѣшенный тѣмъ, что отъ него ускользаетъ такая значительная сумма, подалъ въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ онъ представлялъ, что его дражайшая половина идіотка, неспособная прочесть сумму вписанную въ текстъ векселя; что она видѣла только цифру, вписанную во главѣ векселя, которая первоначально была 3 т., и что лишній *0* былъ прибавленъ счастливыми любовниками, которыхъ онъ обвинялъ въ подлогѣ. Сенатъ, подъ вліяніемъ Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ этомъ гнусномъ поступкѣ, и приговорилъ ихъ къ разжалованію. Этотъ приговоръ былъ поданъ на утвержденіе Его Величества; но Императоръ, вмѣсто того, что-бы утвердить приговоръ Сената, велѣлъ устроить въ нашемъ полку военный судъ. Я былъ младшимъ членомъ судилища и, какъ таковой, долженъ былъ подавать первый голосъ. Я предложилъ, что-бы спросили г-жу Л., есть-ли въ этихъ трехъ векселяхъ какой либо подлогъ? Она отвѣчала письменно, что «подлога нѣтъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ, и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ; а что мужъ ея лжецъ». За тѣмъ я подалъ голосъ, что-бы три офицера были оправданы въ подлогѣ и обманѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, и приговоръ былъ представленъ Государю, который утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе Сената и сдѣлавъ ему строгій выговоръ. Три офицера и въ послѣдствіи не разъ выражали мнѣ свою благодарность.

Павелъ, какъ я уже сказалъ выше, съ юности былъ искреннимъ христіаниномъ и отличался истинною богобоязненностію. Для такого человѣка присяга при вѣнчаніи на царство была обязательствомъ, дѣйствительно священнымъ. У насъ, при вѣнчаніи на царство, поминаются всѣ привиллегіи, дарованныя извѣстнымъ сословіямъ, какъ напримѣръ дворянству, мѣщанамъ, купцамъ, или отдѣльнымъ общинамъ, каковы казаки, или завоеваннымъ и присоединившимся по дого-

вору областямъ, въ особенности областямъ Балтійскимъ; и государь клянется соблюдать ихъ, также какъ и охранять собственность и различныя религіи царства. Павелъ всегда свято соблюдалъ свои вѣнчальные обѣты. Я служилъ во все продолженіе его царствованія, не пропустилъ ни одного ученія или парада, и могу засвидѣтельствовать положительно, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, что-бы изъ его устъ исходила обидная брань. Дѣло въ томъ, что Павелъ самъ былъ джентельменъ, зналъ какъ слѣдуетъ обращаться съ порядочными людьми, и согласно съ этимъ и дѣйствовалъ. Какъ я уже замѣтилъ, въ его характерѣ было много рыцарскаго, даже до излишества. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что онъ, вполнѣ серьозно, предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургѣ, при двухъ свидѣтеляхъ съ каждой стороны, для того, что-бы имъ покончить войны, опустошавшія Европу. Секундантами Императора должны были быть графы Паленъ и Кутайсовъ. Нельзя не сознаться, что это было весьма причудливое предложеніе; но тѣмъ не менѣе, мнѣніе всего міра, и самого Бонапарта въ особенности, отдало полную справедливость человѣколюбивымъ и геройскимъ побужденіямъ, заставившимъ Императора сдѣлать столь рыцарское предложеніе съ полною искренностію и серьозностію.

Кстати о рыцарствѣ, я долженъ описать нѣкоторые изъ случаевъ, бывшихъ въ Павловскѣ, лѣтней резиденціи Императорской фамиліи. Ихъ Величества пребывали тамъ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, ибо, во время сильныхъ Іюльскихъ жаровъ, предпочитался Петергофъ, на Финскомъ заливѣ, какъ мѣсто болѣе свѣжее. Павловскъ, личная собственность Императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма изящно, и всякій клочокъ земли въ немъ, мало мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ. Тутъ былъ розовый павильонъ, подобный Тріанонскому; были шалѐ, подобные видѣнными ею въ Швейцаріи; мельница и нѣсколько скотныхъ дворовъ въ подражаніе Тирольскимъ, и также воспоминанія о садахъ и террассахъ Италіи. Театръ и длинные проспекты были заимствованы изъ Фонтенблò, и въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны искусственныя развалины. Каждый вечеръ происходили сельскіе праздники, поѣздки, закуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а Императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки, своею привѣтливостію и изяществомъ, придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ....

La troupe dorée, т. е. офицеры нашего конно-гвардейскаго полка, были принуждены принимать участіе въ томъ, чтò происходило во дворцѣ. Какъ только былъ подписанъ союзный трактатъ съ Англіею, я, по именному приказанію, былъ отправленъ изъ Павловска въ Петербургъ, что-бы сшить себѣ мундиръ точь въ точь подобный мундиру англійской конной гвардіи, красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Къ счастію я отъискалъ англичанина, по имени Дональдсона, который былъ когда-то портнымъ принца Вэльскаго, обанкрутился въ Англіи и, путешествуя по Польшѣ, гдѣ искалъ приключеній, увезъ очень богатую и непомѣрно тучную мѣщан-

ку-польку изъ Варшавы. Этотъ человѣкъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ, и я обратился къ нему и, благодаря его дѣятельности, имѣлъ возможность вернуться въ Павловскъ менѣе, чѣмъ черезъ два дни, въ моемъ новомъ мундирѣ, которымъ восхищались всѣ, въ особенности Великія Княжны. Два или три другіе офицера едва успѣли сшить себѣ подобные мундиры, какъ намъ былъ данъ новый цвѣтъ, пурпурный. Пурпуръ былъ цвѣтомъ великаго мастера Мальтійскаго ордена, и поэтому *la troupe dorée* была одѣта въ пурпуръ.

Читатель не долженъ думать, чтобы въ то время, какъ происходили всѣ эти измѣненія мундировъ и цвѣтовъ, празднества и увеселенія — поэтому прекратились дисциплинарныя строгости, заведенныя въ Гатчинѣ и въ столицѣ. Напротивъ того, ихъ было столько-же, если не болѣе, ибо такъ какъ ежедневно происходили смотры, не надъ большими корпусами, какъ на маневрахъ, но надъ мелкими отрядами, то всякая погрѣшность становилась замѣтнѣе. Въ Павловскѣ также была такъ называемая цитадель или фортъ, по имени Бипъ, куда офицеровъ при случаѣ сажали подъ арестъ.

Два полковника изъ донскихъ казаковъ, по имени Залувецкіе, извѣстные своими подвигами въ предъидущую войну, были арестованы и посланы въ Бипъ за смѣлые отвѣты. Капитана флота Чичигова также было велѣно посадить подъ арестъ въ цитадель за рѣзкій отвѣтъ, почти граничащій съ дерзостію. Онъ воспротивился этому приказанію, ссылаясь на привилегіи, связанныя съ Георгіевскимъ крестомъ. Императоръ, раздраженный выше всякой мѣры, приказалъ сорвать съ него крестъ, а Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ, не колеблясь, исполнилъ это приказаніе. Чичаговъ, взорванный этимъ оскорбленіемъ, сбросилъ и мундиръ и отправился въ фортъ въ одномъ жилетѣ. Его держали подъ арестомъ лишь нѣсколько дней, и вскорѣ за тѣмъ его произвели къ контръ-адмиралы, и дали ему команду надъ эскадрою.

...Уваровъ прибылъ въ Павловскъ изъ Москвы съ семействомъ Лопухиныхъ, былъ переведенъ въ конную гвардію, вскорѣ произведенъ въ флигель-адъютанты и все повышался въ милости....

Ни въ одной странѣ въ мірѣ, исторія не представляетъ намъ примѣра цѣлой линіи Государей, одушевленныхъ такимъ патріотизмомъ, какъ все семейство Романовыхъ. Личными слабостями нѣкоторыхъ изъ этихъ государей, правда, пользовались и злоупотребляли сановники и царедворцы; правда также, что они часто сбивались съ истиннаго пути вслѣдствіе собственной самонадѣянности, однако-же, насколько могу я судить по моимъ личнымъ наблюденіямъ и по строгому разбору государственныхъ мѣръ въ теченіи четырехъ послѣдовательныхъ царствованій, я убѣжденъ въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ Государей было патріотическое побужденіе, разумное или ошибочное. Правители этого обширнаго государства лично гордятся его величіемъ и иногда считаютъ долгомъ дѣйствовать способомъ, который они считаютъ сообразнымъ съ этимъ величіемъ, вслѣдствіе чего славолюбіе ихъ часто обращается въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ безумную расточительность. Въ придачу къ естественной склонности, которую имѣетъ къ гордынѣ и къ тщеславію

всякій человѣкъ, будь онъ царь или сапожникъ, со временъ прародителя нашего Адама, — Русскіе государи имѣютъ еще два другихъ извиненія для своего честолюбія и страсти къ похваламъ. Вопервыхъ: всѣ отпрыски дома Романовыхъ, какъ мужчины, такъ и женщины, были замѣчательны своею красотою и физическою силою. Во вторыхъ, начиная съ 1700 года, и даже еще ранѣе, Россія была въ войнѣ съ своими сосѣдями почти безпрерывной, либо оборонительной, либо наступательной. Страна эта безпрестанно воевала, и во главѣ ея арміи постоянно стояли ея монархи, цари или императоры. Этимъ способомъ любовь къ военной славѣ передавалась отъ отца къ сыну *).

ОСЕНЬ И ЗИМА 1800. ВЕСНА 1801. КОНЧИНА ПАВЛА.

Спб. 20 Ноября (2 Дек.) 1847

Мы оставили Павла въ Павловскѣ, волнуемаго и опутаннаго кознями хитрыхъ людей. Въ томъ-же состояніи переѣхалъ онъ въ Гатчину, а за тѣмъ въ Петербургъ. Многіе изъ главныхъ дѣятелей при дворѣ знали, что положеніе ихъ въ высшей степени опасное и что въ каждую минуту Павелъ можетъ раскаяться, или перенести свою привязанность на другое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Оба Великіе Князя также были въ постоянномъ страхѣ. Оба они были командирами полковъ, и въ этомъ качествѣ ежедневно подвергались за малѣйшія ошибки на парадахъ и ученіяхъ, выговорамъ, которые они вымещали, подвергая солдатъ строгимъ наказаніямъ и сажая офицеровъ подъ арестъ. Конногвардейскій полкъ щадили болѣе другихъ; онъ былъ тогда составленъ изъ двухъ батальоновъ, каждый изъ пяти эскадроновъ, и духъ полка былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливымъ и напраснымъ нападкамъ. Этотъ товарищескій духъ былъ представленъ Государю съ мрачной точки зрѣнія, какъ настроеніе, граничащее съ крамолою и какъ дурной примѣръ для прочихъ полковъ. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса. Великій Князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ желалъ сдѣлаться инспекторомъ кавалеріи и, въ видѣ ступени къ этой должности, получить команду надъ конною гвардіею. Уваровъ, служившій въ ней, желалъ командовать особымъ полкомъ, и эти два желанія могли-быть достигнуты за разъ, черезъ уничтоженіе нашего полка. Онъ поэтому былъ устроенъ, или точнѣе разстроенъ, заново. Три эскадрона, составленные изъ лучшихъ людей и лошадей, выбраны изъ полка и составили особый «кавалергардскій» полкъ, который былъ отданъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остатокъ-же полка былъ раздѣленъ на пять эскадроновъ, поставленъ подъ начальство Константина и изгнанъ въ Царское Село, гдѣ онъ долженъ былъ учить насъ гарнизонной службѣ. *)

Нѣтъ возможности описать того жестокаго положенія, которому мы подвергались тамъ отъ Измайловскихъ мирмидоновъ. Нашего духа однакоже переломить было нельзя, и страхъ при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ не разъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ сдерживалъ горячность и

*) Напомнимъ читателю, что все это писано при императорѣ Николаѣ и на языкѣ англійскомъ.

*) Сличи разсказъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867, стр. 542 и д.

ничѣмъ не оправдываемую строгость. Благодаря моей неуступчивости и твердости въ этотъ тяжелый періодъ, пріобрѣлъ я въ полку то вліяніе, которое я сохранилъ до конца моей службы въ конной гвардіи, и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкихъ замыслахъ.

Насъ продержали въ Царскомъ Селѣ около полутора года. Нашихъ начальниковъ безпрестанно смѣняли, и мы знали, что мы подвержены строгому надзору, ибо насъ считаютъ за Якобинцевъ. Образъ жизни нашъ во время удаленія нашего изъ столицы не былъ слишкомъ пріятенъ для большинства нашихъ офицеровъ. Однакоже я съ своей стороны не былъ имъ слишкомъ недоволенъ, ибо по всему тому, что мы слышали изъ Петербурга, и по страннымъ вѣстямъ, доходящимъ оттуда, я былъ убѣжденъ, что не все тамъ ладно. Его Величество, со всѣмъ императорскимъ семействомъ, оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, устроенный, какъ укрѣпленный замокъ, окруженный рвами и подъемными мостами, полный тайными лѣстницами и подземными проходами, словомъ точь въ точь средневѣковая крѣпость.

Графы Растопчинъ и Аракчеевъ, тѣ два человѣка, которыхъ Павелъ до тѣхъ поръ считалъ самыми вѣрными и дѣятельными своими слугами, были сосланы въ ихъ деревни. Мы узнали, что графъ Паленъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а также главноуправляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, не переставъ быть губернаторомъ Петербурга, и, въ этомъ качествѣ, комендантомъ гарнизона и главою полиціи. Намъ говорили, что всѣ Зубовы, которые были сосланы въ свои имѣнія, вернулись въ Петербургъ *), и въ ихъ числѣ г-жа Жеребцова, урожденная Зубова, извѣстная по своей связи съ лордомъ Витвортомъ, что ихъ принимаютъ при дворѣ и что они сдѣлались ежедневными посѣтителями и близкими друзьями въ домѣ добраго и честнаго генерала Обольянинова, генер.-прокурора Сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ—у Талызына, у двухъ Ушаковыхъ, у Депрерадовича и у другихъ, часто бываютъ интимныя сборища и «de petits soupers fins,» длящіеся до поздней ночи, и что бывшій полковникъ Хитровъ, отличный и умный человѣкъ, но «roué», близкій къ Константину, также даетъ маленькіе рауты около самого «Palais Michel».

Всѣ эти новости, до тѣхъ поръ строго запрещенныя, доказывали намъ, что въ Петербургѣ происходитъ нѣчто совершенно необычайное, тѣмъ болѣе, что патрули и обходы около Михайловскаго замка постоянно усиливались.

Дипломатическіе кружки Петербурга были очень взволнованы въ теченіи зимы 1800 года, ибо Императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время итальянской кампаніи Суворова въ 1799 году, и образомъ дѣйствій Англіи въ Голландіи, отдѣлился отъ коалиціи и, въ качествѣ гросмейстера Мальтійскаго ордена, объявилъ Англіи войну, которую онъ собирался энергически начать весною 1801 года. Въ февралѣ этого года, мой полкъ былъ возвращенъ изъ Царскосельской ссылки и квартированъ въ домъ Гарновскаго, въ Петербургѣ. Генералъ-майоръ Кожинъ, котораго поставили надъ нами во время нашей опалы къ каче-

*) Возвращеніе Зубовыхъ могло состояться по ходатайству великаго Суворова, въ эпоху его Итальянскихъ побѣдъ; его дочь была за графомъ Николаемъ.

ствѣ строгаго исполнителя, былъ переведенъ въ линейный полкъ, а генералъ-лейтенантъ Тормазовъ, отличный воинъ и человѣкъ вполнѣ порядочный, былъ назначенъ къ намъ въ полковые командиры — милость, которую мы не знали какъ себѣ объяснить.

При возвращенiи моемъ въ городъ, я былъ принятъ весьма радушно моими старинными друзьями, самимъ графомъ Паленомъ, генераломъ Талызинымъ и многими другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня приглашали на маленькiе вечера, на обѣды...

Около этого времени, Великая Княгиня Александра, жена эрцгерцога Іосифа, Палатина Венгерскаго, была при смерти больна, и извѣстiе о ея кончинѣ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Австрiею Императоръ былъ крайне недоволенъ за ея образъ дѣйствiй въ Швейцарiи, который повелъ къ пораженiю генерала Корсакова подъ Цюрихомъ и къ совершенной неудачѣ славной кампанiи Суворова въ Италiи, откуда онъ отступалъ на сѣверъ черезъ Санъ-Готардъ. Противъ Англiи была объявлена война, на имущества Англичанъ наложено эмбарго, и производились большiя приготовленiя къ тому, что-бы, въ союзѣ съ Францiею, начать противъ нея морскую войну при открытiи навигацiи.

Всѣ эти обстоятельства приводили общество въ мрачное настроенiе. Дипломатическiй корпусъ прекратилъ свои обычные прiемы; бо́льшая часть большихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые держали что́ называется table ouverte, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертой въ Михайловскомъ замкѣ, охраняемомъ какъ средневѣковая крѣпость, также велъ жизнь весьма скучную и одинокую. Императоръ уже не выѣзжалъ, какъ дѣлывалъ онъ это прежде, и единственныя его прогулки ограничивались тѣмъ, что́ называлось «третьимъ лѣтнимъ садомъ» куда не допускался никто кромѣ его самого, Императрицы и ближайшей ихъ свиты. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ зимнихъ прогулокъ, четыре или пять дней до смерти Императора (въ это время была оттепель) Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ обершталмейстеру Муханову, ѣхавшему рядомъ съ Императрицею, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь—я не могъ вздохнуть; мнѣ показалось, что я умираю». Мухановъ отвѣтилъ ему: «Государь, это вѣроятно дѣйствiе оттепели». Императоръ ничего не сказалъ, покачалъ головой, лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ, и онъ не вымолвилъ болѣе ни единаго слова, пока не вернулся въ замокъ.

Этотъ случай былъ разсказанъ мнѣ, *въ тотъ-же вечеръ,* Мухановымъ, который сказалъ мнѣ также, что онъ обѣдалъ при дворѣ, и что Императоръ имѣлъ видъ болѣе пасмурный, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ менѣе. Я также слышалъ отъ Муханова, что г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Обольяниновыми, и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ....

11-го Марта, эскадронъ, состоявшiй подъ моею командою и носившiй мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскiй замокъ. Нашъ полкъ (конно-гвардейскiй) имѣлъ внутреннiй караулъ во дворцѣ, состоявшiй изъ двадцати четырехъ ря-

вовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача; онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ Императора, спиною къ ведущей въ него двери. Корнетъ Андреевскій былъ въ этотъ день караульнымъ.

За двѣ комнаты оттуда былъ другой внутренній караулъ, взятый изъ гренадерскаго батальона Преображенцевъ, собственнаго и любимаго государева полка, который былъ ему особенно преданъ. Этотъ караулъ былъ подъ командою подпоручика Марина и былъ, какъ кажется, съ намѣреніемъ составленъ на *одну треть* изъ старыхъ Преображенскихъ гренадеровъ, и на *двѣ трети* изъ солдатъ, включенныхъ въ этотъ полкъ по раскассированіи лейбъ-гренадерскаго полка, происшедшемъ по внушенію генерала графа Карла Ливена, человѣка весьма строгаго и вспыльчиваго. Этотъ полкъ въ теченіи многихъ царствованій считался однимъ изъ надежнѣйшихъ, храбрѣйшихъ и наилучше дисциплинированныхъ, въ особенности при Екатеринѣ, и солдаты этого полка, вслѣдствіе его раскассированія, были весьма дурно расположены къ Императору.

Главный караулъ на дворѣ замка, а также наружные караулы, были взяты изъ Семеновскаго, собственнаго Великаго Кн. Александра полка, и состояли подъ командою гатчинскаго капитана, который, словно маріонетка, исполнялъ всѣ внѣшнія формальности службы и не думалъ о томъ, для чего онѣ установлены.

Въ десять часовъ утра, я вывелъ свой караулъ на плацъ-парадъ, и между тѣмъ, какъ происходилъ разводъ, Ушаковъ, адъютантъ нашего полка, сообщилъ мнѣ, что по именному приказанію Великаго Князя Константина, я долженъ былъ на этотъ день быть *дежурнымъ полковникомъ при полкѣ*. Это было совершенно противно служебной рутинѣ, ибо полковнику, эскадронъ котораго стоитъ на караулѣ, слѣдуетъ осматривать посты, и по этому на него не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться Великому Князю, но его не было на разводѣ, такъ же какъ и его брата Александра, что всѣхъ насъ удивило. Ушаковъ не объяснялъ мнѣ причинъ всего этого, хотя онъ ихъ, повидимому, зналъ.

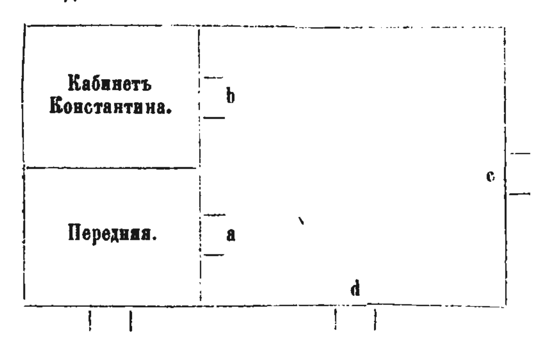
Такъ какъ этой неправильности мнѣ было исправить невозможно, то я повелъ караулъ во дворецъ и поставилъ его туда и, напомнивъ офицеру о всѣхъ нужныхъ предосторожностяхъ (такъ какъ я не могъ болѣе видѣть его въ теченіи дня) я вернулся въ казармы, что-бы исполнить мою должность дежурнаго полковника.

Въ восемь часовъ вечера, получивши рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій замокъ подать мой рапортъ Великому Князю Константину, командующему нашимъ полкомъ.

Выходя изъ саней, у большаго подъѣзда, я встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ Его Величества аппартаментовъ, который спросилъ меня, куда я иду. Я хорошо зналъ этого человѣка и, полагая, что онъ спрашиваетъ меня изъ одного любопытства, я отвѣчалъ ему, что иду къ Константину. «Пожалуйста не идите» отвѣчалъ онъ, «ибо я долженъ тотчасъ-же донести о томъ Государю.» — «Не могу не пойти, сказалъ я, ибо я дежурный полковникъ, и долженъ явиться съ рапортомъ къ Его Высочеству;

такъ и скажите Государю». Лакей взбѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, а я поднялся на другую.

Когда я вошелъ въ переднюю Константина, Рудковскій, его довѣренный лакей, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ: «зачѣмъ вы пришли сюда?» Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ: «Вы, кажется, здѣсь всѣ съ ума сошли. Я дежурный полковникъ». Тогда онъ отперъ дверь *a* и сказалъ: «хорошо, войдите.»

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери *b*: онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ какъ я рапортовалъ, Александръ вышелъ изъ двери *c*, прокрадываясь. Въ эту минуту открылась задняя дверь d, и вошелъ Павелъ in propria persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Александръ убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющими по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, которому грозитъ опасность. Я-же, повернувшись по формѣ, на каблукахъ, представилъ Императору рапортъ о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!» очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери d. Когда онъ прошелъ эту дверь, Александръ немного открылъ *свою* дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что Императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ: «Ну, братецъ, что̀ скажете вы о моихъ?» указывая на меня. «Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!» Александръ спросилъ: «Какъ? Вы не боитесь Императора?» —«Нѣтъ, Ваше Высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ Великаго Князя, и то потому, что онъ мой полковой командиръ, точно такъ же какъ мои солдаты не боятся Его Высочества, а боятся одного меня.» «Такъ вы ничего не знаете?» возразилъ Александръ.—«Ничего, В. В-о, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь.»—«Я такъ приказалъ», сказалъ Константинъ. «Къ тому-же, сказалъ Александръ, мы оба подъ арестомъ». Я засмѣялся. Великій Князь сказалъ: «Отчего вы смѣетесь?»—«Оттого, отвѣтилъ я, что вы давно желали этой чести».—«Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ, присягать въ вѣрности.» —«Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ,» сказалъ я: я вѣренъ.» —«Хорошо, сказалъ Константинъ, теперь отправляйтесь домой, и смотрите, будьте осторожны.»

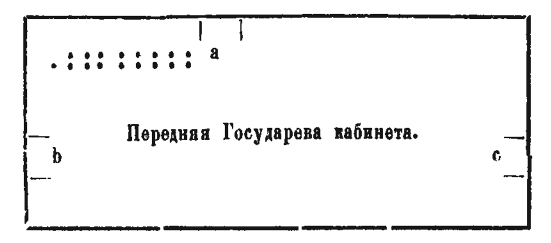
Затѣмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой; было ровно девять часовъ и, когда я сѣлъ въ свое кресло, я, какъ легко себѣ предста-

вить, предался довольно тревожнымъ мыслямъ по поводу всего того, что̀ я только что слышалъ и видѣлъ. Мои размышленія, однако-же, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго, мой слуга, Степанъ, вошелъ въ комнату, и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря. «Его Величество желаетъ, что-бы вы немедленно явились во дворецъ.» — «Очень хорошо», отвѣчалъ я и велѣлъ подать сани.

Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я однако-же не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ офицера Андреевскаго, все-ли обстоитъ благополучно. Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно, что Императоръ и Императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему, и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ Государь, и что я не приложу ума, зачѣмъ-бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіи дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго, часовой крикнулъ къ ружью, и караулъ вошелъ и выстроился. Императоръ вышелъ изъ двери *a*, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ,» а слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ко мнѣ ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ съ ласками, и Императоръ ударилъ ее шляпою, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Затѣмъ Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по французски: «Vous êtes des Jacobins.» Нѣсколько оскорбленный этимъ, я отвѣтилъ: «Oui, Sire!» Онъ возразилъ: «Pas Vous, mais le régiment!» На это я возразилъ: «Passe encore pour moi, mais Vous Vous trompez pour le régiment» [1]). Онъ отвѣтилъ по русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ!». Я скомандовалъ: «на право кругомъ, маршъ!»

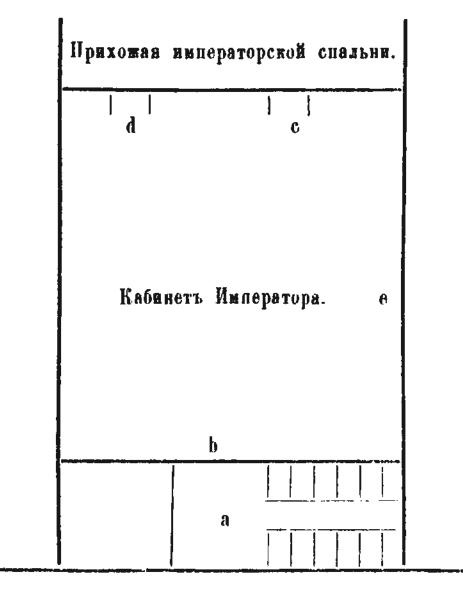

и корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь *b* и отправился съ нимъ домой. Собачка Шпицъ не шевелилась, но все время во всѣ глаза смотрѣла на меня. Затѣмъ Императоръ заговорилъ по-русски и сказалъ, что мы Якобинцы. Я противорѣчилъ ему и отвергъ истину этого обвиненія. Онъ возразилъ, какъ прежде, что онъ лучше знаетъ и что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, при чемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «Вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ, два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, что-бы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа въ полномъ походномъ порядкѣ, въ дорожной аммуниціи и съ поклажею». За тѣмъ, обращаясь къ двумъ ундеръ-лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не

[1]) Вы Якобинцы.—Да, Государь.—Не Вы, но полкъ.—Пусть я таковъ, но на счетъ полка Вы ошибаетесь.

вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ» — указывая на дверь *a*. Уваровъ все это время дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный Шпицъ, бѣдняжка, все время серьозно смотрѣлъ на меня. Хотѣлось-бы мнѣ знать, что̀ потомъ сталось съ бѣдною собакою? Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво, и ушелъ въ свой кабинетъ черезъ дверь *a*.

Тутъ быть можетъ лучшее мѣсто для того, что-бы объяснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ Императора. Это была длинная комната,

въ которую входили черезъ дверь *a* и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ за̀мка были довольно толсты, что-бы заключать внутреннюю лѣстницу, нужно было пройти еще вторую дверь, *b*. Въ толщинѣ стѣны между *a* и *b* дѣйствительно была внутренняя лѣстница, которая вела въ аппартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противуположномъ концѣ кабинета была дверь *c* ведущая въ спальню Императрицы, и рядомъ съ нею каминъ *d*; на правой сторонѣ, у *e*, стояла походная кровать Императора, надъ которою всегда висѣли шпага, трость и шарфъ Его Величества. Императоръ всегда спалъ въ калесонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ Его Величества, я вернулся въ свой полкъ и передалъ ихъ генералу Тормазову, который велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія нужныя для того, что-бы все было готово и лошади осѣдланы въ четыре часа. Это было въ одинадцать часовъ, за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьи.

Нѣсколько минутъ послѣ часу по полуночи, 12 Марта, Степанъ, мой каммердинеръ, опять вошелъ въ мою комнату, съ собственнымъ ѣздовымъ Великаго Князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную его записку, очевидно написанную весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

«Собрать тотчасъ-же полкъ верхомъ, какъ можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи и ждать моихъ приказаній». (подписано)

Константинъ, Цесаревичъ.

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною; я довелъ его и ѣздоваго до дверей казармы и попросилъ послѣдняго сказать Его Высочеству, что его приказанія будутъ исполнены. Камердинера-же я послалъ въ домъ къ отцу, разсказать все то, что̀ онъ слышалъ, и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не пріѣду.

Я зналъ то вліяніе, которое я имѣю на солдатъ, и что безъ моего согла-

сія они не двинутся съ мѣста; къ тому-же я былъ очевидно обязанъ ограждать ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенная въ видѣ пустаго четырехъ-угольника, съ двумя только воротами. И такъ какъ была еще зима, и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ него непроницаемую крѣпость, заперевъ наглухо и заколотивъ гвоздями задніе ворота и поставивъ у переднихъ воротъ двойной караулъ съ строгимъ приказаніемъ никого не впускать.

Я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедлено сѣдлать лошадей. Такъ какъ это было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, и яркій свѣтъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ.

Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я, какъ выразились они, такъ чертовски спѣшу, когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ; а такъ какъ они знали меня достаточно, чтобы разсудить, что я не сталъ-бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ. Однако-же, когда я отдалъ приказаніе заряжать картечью, всѣ они возражали, и у насъ вышелъ маленькій споръ; но такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ Его Величества, они пришли къ убѣжденію, что должно-быть я правъ, и поступили, какъ я.

Между тремя и четырьмя часами утра, меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ я нашелъ Ушакова, нашего полковаго адъютанта. «Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ?—» «Я изъ Михайловскаго замка.» — «А что тамъ дѣлается?»— «Императоръ Павелъ умеръ, и Александръ провозглашенъ Императоромъ.» — «Молчите!» былъ мой отвѣтъ, и я тотчасъ повелъ его къ генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостинную, рядомъ съ спальнею. Я крикнулъ: «Генералъ, генералъ, Александръ Петровичъ!» Жена его проснулась и спросила: «кто тамъ?» — «Полковникъ С-въ, сударыня.» — «А, хорошо», и она разбудила своего мужа. Его превосходительство надѣлъ халатъ и туфли, и вышелъ въ ночномъ колпакѣ, протирая себѣ глаза, еще полусонный. «Въ чемъ дѣло?» сказалъ онъ.—Вотъ, в-е п-во, адъютантъ, только что изъ дворца: онъ вамъ скажетъ.» — «Что-же, сударь, случилось?» — «Его Величество Государь Императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара.» — «Что такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить?» воскликнулъ генералъ. «Онъ дѣйствительно умеръ, сказалъ Ушаковъ: Великій Князь вступилъ на престолъ, и военный губернаторъ передалъ мнѣ приказъ, что-бы ваше п-во, немедленно привели полкъ къ присягѣ Императору Александру.» Онъ сказалъ намъ также, что Михайловскій замокъ окруженъ войскомъ, и что Александръ, съ женою своею Елисаветою, переѣхалъ въ Зимній дворецъ подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Генералъ Тормазовъ, убѣдившись въ истинѣ сообщеннаго извѣстія, сказалъ мнѣ по французски: «Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, preparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m'habillerai, et je descendrai tout de suite.» *)

*) И такъ, любезный полковникъ, велите выводить полкъ, пошлите за священникомъ

Ушаковъ сообщилъ намъ далѣе, что генералъ Бенингсенъ былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго замка.

$\frac{12}{24}$ Марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало свѣтать, весь полкъ былъ выстроенъ пѣшій на дворѣ казармы. Отецъ Иванъ, нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и Евангеліе на аналоѣ, и поставилъ его передъ полкомъ. Генералъ Тормазовъ за тѣмъ громко разсказалъ, что̀ случилось: что Павелъ умеръ отъ удара и что Александръ вступилъ на престолъ; и за тѣмъ онъ пригласилъ полкъ къ присягѣ. Генералъ Тормазовъ былъ человѣкомъ слишкомъ новымъ въ такомъ старомъ и вѣрномъ полку, какъ конно-гвардейцы, и рѣчь его произвела мало впечатлѣнія на солдатъ, и на нее не отвѣтили криками ура, какъ онъ того ожидалъ. Онъ затѣмъ пожелалъ, что-бы я, въ качествѣ дежурнаго полковника, поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ перваго, или лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лѣтъ, что зналъ въ лицо каждаго рядоваго. На лѣвомъ флангѣ стоялъ Григорій Ивановъ, образцовый солдатъ, ростомъ въ шесть футовъ. Я сказалъ ему: «Ты слышалъ, что̀ случилось?»—«Да».—Что̀-же, присягнете вы теперь Александру?» «Ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ онъ, видѣли-ли вы Императора Павла дѣйствительно мертвымъ?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ я. «Не чудно-ли было-бы, сказалъ Григорій Ивановъ, если-бы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?» — «Конечно», оттилъ я. За тѣмъ я обратился къ генералу и громко, по-русски, сказалъ ему: «Позвольте мнѣ замѣтить в-у п-ву, что мы приступаемъ къ присягѣ не по должному порядку; это никогда не дѣлается безъ знаменъ.» И за тѣмъ я шепнулъ ему по французски, что-бы онъ велѣлъ мнѣ послать за ними. Генералъ затѣмъ сказалъ громко: «Вы совершенно правы, полковникъ, пошлите за знаменами». Я велѣлъ первому пелотону сѣсть на лошади. Григорій Ивановъ былъ фланговымъ и, слѣдов. какъ таковой, однимъ изъ тѣхъ, которые должны были ѣхать въ дворецъ за знаменами. Я велѣлъ корнету Филатьеву (командующему пелотономъ) непремѣнно показать солдатамъ Императора Павла.

и за Евангеліемъ и устройте все это. Я одѣнусь и тотчасъ сойду.

Когда они прибыли во дворецъ, генералъ Бенингсенъ, въ качествѣ коменданта замка, велѣлъ имъ взять знамена, причемъ Филатьевъ сказалъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Бенингсенъ воскликнулъ: «Mais c'est impossible» *). Филатьевъ отвѣтилъ, что если солдаты не увидятъ его мертвымъ, полкъ отказывается присягнуть новому Государю. «Ah ma foi», сказалъ старикъ Бенингсенъ, «s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir.» **) И оба взвода были впущены и видѣли тѣло Императора.

По прибытіи знаменъ, имъ отдана была обычная честь, и соблюденъ установленный этикетъ; затѣмъ они были переданы отдѣльнымъ эскадронамъ, и я приступилъ къ присягѣ. Я прежде всего обратился къ Григорію Иванову. «Что̀ же, братецъ, видѣлъ ты Государя? Дѣйствительно онъ умеръ?» —«Умеръ, ваше высокоблагородіе!»

*) Но это невозможно.

**) Ахъ, мой Богъ; если они такъ привержены къ нему, пусть посмотрятъ.

Заключеніе.

События, послѣдовавшія немедленно за смертію Павла.

Петербургъ $\frac{3}{15}$ Дек. 1847.

Сегодня утромъ, мнѣ случилось посѣтить молодаго графа Орлова, флигель-адъютанта Е. И. В-ва, весьма любезнаго, образованнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго молодаго человѣка, для того, что-бы узнать, въ какомъ мундирѣ слѣдуетъ мнѣ позировать для альбома, заказаннаго Императоромъ миніятюрному живописцу Гау, и который долженъ содержать портреты всѣхъ остающихся въ живыхъ офицеровъ конногвардейскаго полка 1796 года (того года, когда Е. В-во самъ былъ внесенъ въ списки этого полка) и между которыми я оказался старшимъ.

По поводу этихъ временъ и событій, графъ Орловъ прочелъ мнѣ нѣсколько замѣтокъ, внесенныхъ имъ въ его дневникъ послѣ разсказа слышаннаго имъ отъ меня въ Штутгартѣ у одного нашего пріятеля, и выразилъ мнѣ живѣйшее желаніе узнать болѣе объ этомъ столь интересномъ періодѣ..

Возвращаюсь теперь къ 12-му Марта 1801-го года. Какъ только Сергѣй Ильичъ Мухановъ, обершталмейстеръ, состоявшій собственно при Императрицѣ Маріи, узналъ о томъ, что̀ случилось, онъ поспѣшилъ разбудить графиню Ливенъ, старшую статсъ-даму и воспитательницу императорскихъ дѣтей, ближайшаго и довѣреннаго друга Императрицы, даму большаго ума и твердаго характера, одаренную почти мужскою энергіею.

Графиня Ливенъ отправилась въ спальню Ея Величества (это было въ два часа утра). Императрица вздрогнула, и спросила: «Кто тамъ?»—«Это я, В-е В-во».—«О, я увѣрена, что Александра (одна изъ ея дочерей) умерла». «Нѣтъ, Государыня, не она».—«О, такъ это Императоръ.» Она выскочила изъ постели и, какъ была, безъ башмаковъ и чулковъ, побѣжала къ двери, ведущей въ кабинетъ Императора, служившій ему и спальнею. Графиня Ливенъ имѣла только время бросить салопъ на плечи Ея В-ва...

Между двумя спальнями (Императора и Императрицы) была комната съ особымъ входомъ и внутреннею лѣстницею, и въ нее былъ введенъ пикетъ Семеновцевъ для того, что-бы не допустить кого-бы то ни было входить въ кабинетъ Императора съ этой стороны. Этотъ пикетъ находился подъ командою моего двоюроднаго брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично знакомаго Императрицѣ, и пользовавшагося особымъ ея покровительствомъ...

Мухановъ, ея вѣрный другъ, былъ первымъ мужчиною, котораго она допустила въ свое присутствіе, и съ этой минуты, онъ постоянно былъ при ней до самой ея смерти (*).

Рано утромъ, изъ зимняго дворца явился посланный; если я не ошибаюсь, это былъ самъ Уваровъ. «Именемъ *Императора* и *Императрицы*,» онъ умолялъ вдовствующую Императрицу переѣхать къ нимъ...

День, послѣдовавшій за внезапною кончиною императора Павла показалъ, какъ легкомысленна бываетъ городская, придворная и гарнизонная публика. Одною изъ главныхъ непріятностей, въ которыхъ упрекали Павла, была его настойчивость и стро-

---

(*) Какъ воспоминаніе объ услугахъ Муханова въ этотъ періодъ, Императрица подарила ему свой портретъ въ траурѣ, прекрасную картину, составляющую до сихъ поръ собственность его семейства.

гость въ предписанiи старомодныхъ костюмовъ, прическокъ и экипажей и подобныхъ, относительно ничтожныхъ, мелочей. Какъ только узнали, что Государь умеръ, всѣ головы причесались à la Titus, косички исчезли, букли обрѣзались, и панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облекались въ новые костюмы, и экипажи на улицахъ перестали смотрѣть нѣмецкими и французскими attelages былыхъ временъ, но тотчасъ появилась вновь старая русская упряжь, съ кучерами въ нацiональныхъ костюмахъ и форрейторами на переднихъ лошадяхъ (что было строго запрещено Павломъ); и всѣ эти экипажи съ обычною быстротою и съ криками форрейторовъ понеслись по улицамъ. Это движенiе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ всѣхъ полицейскихъ постановленiй и уличныхъ правилъ, дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что словно какимъ-то волшебствомъ, съ рукъ ихъ свалились цѣпи, и что нацiя была вызвана изъ гроба къ жизни и движенiю.

Въ это утро, въ десять часовъ, мы были всѣ на парадѣ, и была соблюдена обычная рутина. Графъ Паленъ держалъ себя совершенно такъ-же, какъ и всегда.

Подъ конецъ парада, намъ сказали, что съ Англiею заключенъ миръ, и что въ Лондонъ, къ графу Воронцову, посланъ нарочный съ трактатомъ.

Въ тотъ-же вечеръ Императрица снова пошла въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. въ сопровожденiи только графини Ливенъ и Мухановой. Тамъ, повергшись на тѣло своего покойнаго супруга, она лежала въ горькихъ рыданiяхъ, пока едва не лишилась чувствъ, несмотря на необыкновенныя свои физическiя силы и нравственное мужество. Ея два преданные спутника наконецъ увели ее или, точнѣе, унесли назадъ въ ея аппартаменты. Подобныя посѣщенiя покойника повторялись и въ слѣдующiй день; прiѣзжалъ и Императоръ, а затѣмъ несчастную вдовствующую Императрицу перевезли въ зимнiй дворецъ а тѣло Императора со всѣмъ парадомъ было выставлено для публики.

Русскiй народъ по природѣ своей преданъ своимъ государямъ, любовь къ монарху на столько же у Русскихъ инстинктивна, какъ любовь пчелъ къ своей маткѣ. Это испыталъ на себѣ Муравьевъ, когда, во время возстанiя 1825 года, онъ объявилъ солдатамъ, будто Императоръ болѣе не царствуетъ, что учреждена республика, и установлено полное равенство. Солдаты спросили его: «Кто-же тогда будетъ Государемъ?» а Муравьевъ отвѣтилъ: «А никто»—«Батюшка, отвѣчали солдаты, ты знаешь, что это невозможно». Муравьевъ впослѣдствiи признался, что въ эту минуту онъ понялъ всю ошибочность своихъ дѣйствiй. Эти солдаты любили своего начальника и храбро дрались за него. Въ 1812 году, Наполеонъ впалъ въ ту-же ошибку въ Москвѣ, и поплатился за нее достаточно дорого, потерею всей своей армiи.

Публика вообще, въ особенности же низшiе класы, и въ томъ числѣ старовѣры и раскольники, пользовались всѣми случаями, чтобы выразить свое сочувствiе огорченной Императрицѣ. Раскольники питали къ Императору Павлу глубокую признательность и преданность, ибо онъ первый даровалъ имъ право публичнаго богослуженiя и позволилъ имъ имѣть свои церкви и общины. Какъ свидѣтельство

ихъ сочувствія, образà, съ приличными надписями изъ Священнаго Писанія, со всѣхъ сторонъ посылались вдовствующей Императрицѣ. Александръ, постоянно посѣщавшій свою горюющую мать по нѣскольку разъ въ день, проходя однажды утромъ переднюю, увидѣлъ множество этихъ образовъ, поставленныхъ въ рядъ. Онъ спросилъ свою мать, къ чему тутъ разставлены всѣ эти иконы, и она отвѣтила, что они всѣ суть приношенія, весьма для нея драгоцѣнныя, ибо выражаютъ сочувствіе возбуждаемое ея горемъ; и что она просила Александра Александровича (моего отца), директора Опекунскаго Совѣта, взять ихъ и помѣстить въ церковь Воспитательнаго Дома, чтò и было исполнено.

Къ веснѣ того-же года, вскорѣ послѣ Пасхи, вдовствующая Императрица выразила намѣреніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, въ Павловскъ, для того, что-бы пользоваться большимъ покоемъ и уединеніемъ. Ея желаніе поспѣшили исполнить, и Императоръ спросилъ свою мать, какой караулъ она желаетъ имѣть? Отвѣтъ ея былъ: «Не могу выносить вида ни одного полка, кромѣ конно-гвардейскаго.» — «Какую долю полка желаете вы имѣть при себѣ?»—«Только эскадронъ Саблукова», отвѣчала она.

Я тотчасъ былъ откомандированъ на эту службу, и эскадронъ мой былъ снабженъ, по приказанію самого Государя, новыми патронташами и чапраками, украшенными Андреевскою звѣздою. Звѣзда эта имѣетъ девизомъ надпись: «за вѣру и вѣрность». Это почетное награжденіе и справедливое свидѣтельство въ безукоризненности нашего поведенія было дано сперва моему эскадрону, а затѣмъ распространено на весь конно-гвардейскій полкъ. Кавалергардскій полкъ былъ жестоко огорченъ тѣмъ, что столь видное отличіе было дано одному нашему полку. Генералъ Уваровъ горько на это жаловался, и Императоръ, въ видахъ примиренія, велѣлъ дать туже звѣзду всѣмъ кирасирамъ, а также штабу арміи, и такъ осталось и донынѣ.

Я продолжалъ исполнять эту утомительную должность, пока Ея Величество и весь дворъ не поѣхали въ Москву, на коронацію Императора Александра. Ночь за ночью, я, какъ сторожъ, обходилъ цвѣтники и царскіе сады около дворца. Въ нихъ были разбросаны разные памятники, воздвигнутые въ воспоминаніе о событіяхъ супружеской жизни покойнаго Императора, и бѣдная Императрица, одѣтая въ глубокій трауръ и двигаясь унылымъ шагомъ, имѣла обыкновеніе посвящать свои безсонныя ночи посѣщенію этихъ пунктовъ. Какъ привидѣніе, бродила она при свѣтѣ луны между мраморными памятниками, въ тѣни плакучихъ ивъ и вѣчно-зеленыхъ кустовъ. Легко было видѣть по ея движеніямъ, до какой степени разстроены ея нервы, ибо малѣйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ ее въ бѣгство. По этому мой караулъ, въ первыя недѣли пребыванія Императрицы въ Павловскѣ, сдѣлался для меня священною обязанностію, и я исполнялъ ее съ удовольствіемъ.

Въ характерѣ Императрицы не было ничего легкаго. Она не искала смягченій своему горю въ попыткахъ удалить о немъ воспоминаніе. Напротивъ того, она искала утѣшенія въ томъ, что выпивала горькую чашу до дна. Самая кровать, на которой Павелъ испустилъ послѣднее дыханіе, съ одѣяломъ и подушками, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами въ комнату рядомъ съ спальнею Ея Ве-

личества, и пока она была жива, она не переставала посѣщать ежедневно эту комнату. Мнѣ недавно сказали, что эту кровать, послѣ ея смерти, перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Павла....

ПИСЬМО

ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ
къ Сергѣю Ивановичу Плещееву.

(Съ современнаго списка.)

26 Марта 1801.

Mon cher et digne Pleschéeff! ah! mon ami! plaignez votre malheureuse amie qui sent toute, toute la profondeur de sa perte; mon coeur est flétri, mon ame accablée, mais je ne murmure pas contre les décrets de la Providence; je baise la main qui me frappe. Je pleure mon mari, mon enfant; mais je sens toute l'étendue de mes devoirs; ils sont énormes, mais le Ciel m'accordera la force de les remplir. Je me porte bien, mais je suis faible, méconnaissable. La douleur est dans mon coeur, elle est d'un genre que le temps ne détruit pas. Mon bon fils se conduit vis-à-vis de moi comme un ange; c'est en faisant le bonheur de ses sujets qu'il peut apporter de l'adoucissement à ma peine profonde, et il le fera, j'en suis sûre; il est vertueux, bon, sensible, religieux; toutes mes bénédictions reposent sur cet être chéri. Que le Ciel nous le conserve. On me témoigne un intérêt, un attachement qui me touchent profondément; on redouble de témoignages d'affection pour moi. Oh! je les sens, je les apprécie, mais aussi tout mon coeur est à la nation. Oh! cher Pleschéeff! priez Dieu pour moi; sans Lui j'aurais succombé à ma douleur inexprimable. J'embrasse votre femme et sa soeur; il m'est impossible de leur écrire; ma tête est trop faible, et l'écriture me fatigue trop. Je suis incapable de tout. Mes nerfs sont abimés; mais on m'assure que cela reviendra. Faites mes compliments à nos Messieurs; assurez les de ma bienveillance, qu'ils redoublent de soins pour nos pauvres enfants, et qu'ils me témoignent ainsi leur respect et attachement pour mon fils. Adieu, mon bon ami. Mon cher Alexandre vous verra bientôt; ils vous aime tendrement; aimez toujours la plus malheureuse des femmes. Votre bonne amie

Marie.

Oh! mon bon Pleschéeff! souvenez vous à tout jamais des bienfaits de notre cher bon empereur, qui s'est intéressé à vous encore peu de jours avant la fin de son existence.

26 Марта 1801.

Переводъ. Мой любезный и достойный Плещеевъ! Ахъ, другъ мой! Пожалѣйте вашу несчастную пріятельницу, которая чувствуетъ всю, всю глубину своей потери. Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропщу на опредѣленіе Промысла; я лобызаю руку, меня поражающую. Оплакиваю мужа моего, дитя мое *); но чувствую всю обширность моихъ обязанностей: онѣ огромны, но Небо подастъ мнѣ силу, чтобы ихъ исполнить. Я здорова, но слаба, неузнаваема. Скорбь въ сердцѣ моемъ; она такого рода, что время не уничтожитъ ея. Добрый сынъ мой поступаетъ относительно меня какъ ангелъ; содѣлывая благо подданныхъ своихъ, онъ можетъ облегчить глубокую мою горесть, и онъ это сдѣлаетъ, я въ томъ увѣрена; онъ доблестенъ, добръ, чувствителенъ, благочестивъ; всѣ мои благословенія почіютъ на этомъ дорогомъ существѣ. Да сохранитъ намъ его Небо! Мнѣ оказы-

*) Великую Княгиню Александру Павловну.

ваютъ участіе и приверженность, глубоко меня трогающія; стараются особенно выразить любовь ко мнѣ. О, я это чувствую и цѣню, и въ свою очередь всѣмъ сердцемъ предана націи. О любезный Плещеевъ! Молитесь за меня Богу; безъ Него я бы не вытерпѣла невыразимой моей скорби. Цѣлую вашу жену *) и ея сестру; мнѣ нельзя писать къ нимъ: голова моя слишкомъ слаба, и писаніе слишкомъ утомляетъ меня. Я ни къ чему не гожусь. Нервы мои разстроены; но увѣряютъ, что это пройдетъ. Поклонитесь нашимъ господамъ; увѣрьте ихъ въ моей благосклонности. Пусть удвоятъ попеченія о нашихъ бѣдныхъ дѣтяхъ и тѣмъ засвидѣтельствуютъ предо мною свое уваженіе и приверженность къ моему сыну. Простите, мой добрый другъ. Мой милый Александръ скоро васъ увидитъ; онъ васъ нѣжно любитъ. Любите всегда несчастнѣйшую изъ женщинъ, вашу пріятельницу Марію. О, мой добрый Плещеевъ. Не забывайте никогда благодѣяній нашего дорогаго, добраго императора, который принималъ въ васъ участіе еще за нѣсколько дней до своей кончины.

ЗАПИСКА,

ПОДАННАЯ ГОСУДАРЮ

о вольныхъ земледѣльцахъ и о пенсіонахъ съ командорственныхъ доходовъ.

Изъ бумагъ графа Сергѣя Петровича Румянцова [1]).

Всемилостивѣйшій Государь! Указъ Вашего Императорскаго Величества, распространяющій право земской собственности на всѣ свободныя состоянія Государства, есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть оно поставлено въ числѣ тѣхъ, кои не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества, такъ сказать, принадлежатъ [2]).

Преддверіемъ оно будетъ у насъ преобразованія, превышающаго учиненное Петромъ Великимъ. Тогда истреблялось насильственнымъ образомъ невѣжество, состояніе, о которомъ еще могутъ быть пренія; теперь же, Всемилостивѣйшій Государь, нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе и самаго рабства, которое иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе?

Внемлите, Всемилостивѣйшій Государь, нижайшимъ моимъ представленіямъ. Не токмо не содержатъ онѣ ничего, чѣмъ бы спокойствіе подданныхъ Вашихъ, Вамъ столь дорогое, востревожено быть могло; напротивъ дерзаю сказать, что спокойствіе ихъ воспріиметъ отъ того дѣйствительность, и что ни малѣйшаго повода къ жалобамъ и неудовольствіямъ Ваше Императорское Величество тѣмъ подать не изволите, поелику въ предложеніяхъ моихъ разрѣшеніе трудностей основывается на добровольныхъ соглашеніяхъ и взаимныхъ, равно для дворянства, какъ и для крестьянъ, выгодахъ. Надлежитъ только, Всемилостивѣйшій Государь, дополнить и распространить указъ 12 Декабря, отъ чего и властенъ будетъ всякъ приступить къ распоряженіямъ таковымъ же, о которыхъ осмѣливаюсь я здѣсь трудить Ваше Императорское Величество, испрашивая дозволенія испытать то въ имѣніи, мнѣ принадлежащемъ.

*) Наталью Ѳеодоровну, ур. Веригину (+ 1855); сестра ея Марья Ѳеодоровна, была за Михаил. Иван. Донауровымъ.

[1]) См. выше, стр. 839.

[2]) Здѣсь разумѣется указъ 12 Дек. 1801 года, данный Сенату, о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать покупкою земли (П. Собр. Зак. т. XXVI, № 20. 075).

Не безъизвѣстно Вашему Императорскому Величеству, что многіе помѣщики находятъ выгоды чрезвычайныя увольнять лично крестьянъ изъ платы, слѣдственно уволили бы ихъ охотно и цѣлыми селеніями, когда бы въ томъ находили противъ продажи преимущество.

Внимая такому расположенію, кажется бы, можно было установить, что невозбранно никакому помѣщику, пользующемуся свободнымъ имѣніемъ, увольнять и цѣлыми селеніями, утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ, на такихъ условіяхъ, кои согласуются съ Государственными узаконеніями, и кои полезными найдены будутъ обоюдно. Правительству же останется тогда быть лишь безпристрастнымъ и строгимъ таковыхъ постановленій ручателемъ; а крестьянъ, покушающихся быть несостоятельными, брать въ рекруты, давая помѣщикамъ квитанціи и возвращая симъ послѣднимъ землю.

Встрѣчается еще препятствіе: недостатокъ въ Государствѣ сословія, образующаго свободнаго крестьянина; а потому въ могущихъ откупаться или дѣлать договоры пребудетъ всеконечно недовѣріе къ прочности обѣщаннаго имъ благосостоянія. Паче же страшить ихъ должно подозрѣніе попасть въ раздачу, могущую послѣдовать отъ Государей; но когда у насъ мѣщане и купцы пребывали доселѣ безопасными принадлежать частному человѣку, то воспрещаетъ ли что дать граммату крестьянамъ, желающимъ питатьсл на свободѣ продолженіемъ сельскихъ трудовъ? Въ разсужденіи же податей и обязанностей Государственныхъ, слѣдуетъ имъ въ общей всѣмъ крестьянамъ зависимости остаться. И такъ все заключается, Всемилостивѣйшій Государь:

1-е. Въ дозволеніи помѣщикамъ увольнять цѣлыми селеніями, равно какъ изъ оныхъ каждаго, съ утвержденіемъ и законнымъ крѣпостнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ условій, на которыя окажется непринужденное съ обѣихъ сторонъ согласіе, и которыя ничего противнаго Государственнымъ узаконеніямъ не содержатъ. Правительству же быть строгимъ ручателемъ таковыхъ постановленій, на основаніи вышесказаннаго.

2-е. Въ учрежденіи новаго въ Государствѣ сословія, подъ именемъ уволеннаго крестьянина, а въ разсужденіи селеній подъ названіемъ слободъ, каковыя въ Россіи уже и существуютъ.

Утрудивъ и такъ уже вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзаю я распространяться здѣсь о всѣхъ важнѣйшихъ слѣдствіяхъ, кои неминуемо будутъ истекать отъ учрежденія въ Государствѣ состоянія земледѣльческаго и дарованія свойственныхъ ему преимуществъ. Но еслибы Вашему Императорскому Величеству угодно было взойти въ дальнее разсмотрѣніе всѣхъ слѣдствій, то усмотрѣли бы еще, Всемилостивѣйшій Государь, всѣ важнѣйшія того выгоды и по всѣмъ частямъ Государственнаго хозяйства, равно какъ и политической силы. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Графъ Сергій Румянцовъ.

Проэктъ Указа о Вольныхъ Земледѣльцахъ, представленный отъ графа Румянцова Государю Императору.

Отъ предковъ нашихъ различныя дарованы преимущества знаменитому дворянскому сословію. Преимущества

таковыя мы тѣмъ вящшее имѣли удовольствіе подтвердить, что признали въ нихъ справедливыя свидѣтельства отличныхъ заслугъ и тѣхъ дивныхъ на пользу общую пожертвованій, коими блестятъ въ бытіяхъ прошедшихъ Россійскія дворянскія поколѣнія.

Движимы сими же расположеніями къ вѣрнолюбезному намъ дворянству и вникая въ обстоятельства, могущія распространить вышепомянутыя преимущества, или же способствовать къ дальнему благосостоянію сего въ Имперіи сословія, приступаемъ теперь къ допущенію его до самаго важнѣйшаго права и принадлежащаго токмо одному Нашему Самодержавному лицу; но ввѣряемъ мы употребленіе онаго тѣмъ охотнѣе дворянству, что, пользуясь выгодами отъ того истекающими, возможетъ уже оно споспѣшествовать на твердомъ и законномъ основаніи благу самаго большаго числа нашихъ подданныхъ: благу, о которомъ оно и доселѣ пещись не преставало, какъ намъ сіе очень извѣстно, но по недостатку установляемыхъ нынѣ средствъ, зависѣло то единственно отъ силы сострадательныхъ христіянскихъ добродѣтелей и возчувствія долга къ ближнему. Теперь же узаконяемъ непоколебимо слѣдующія статьи:

I.

Однимъ благороднымъ принадлежитъ навсегда исключительно владѣть крестьянами, пріобрѣтать оныхъ и распоряжать ими по формамъ узаконеннымъ.

II.

Дозволяется благороднымъ не только отпускать на волю людей или крестьянъ, имъ принадлежащихъ, какъ доселѣ указами было установлено, но еще увольнять и цѣлыми селеніями, обязывая крестьянъ крѣпостнымъ условіемъ, такъ какъ всякій изъ пользующихся господскимъ правомъ лучше то придумать можетъ къ умноженію ли дохода, или какихъ для себя личныхъ выгодъ.

III.

Указомъ нашимъ, 12-го Декабря 1801 года, повелѣно укрѣплять земли за людьми состояній свободныхъ. Въ слѣдствіе сего всякой дворянинъ, увольняющій и цѣлымъ селеніемъ, можетъ, по усмотрѣнію какой для себя особливой пользы, утверждать за каждымъ уволеннымъ такой участокъ земли, какой заблагоразсудитъ.

IV.

Между таковыми селеніями найтиться могутъ имѣющіе средства выплатить разомъ требуемую цѣну отъ господина, и тѣмъ какъ бы купить свою свободу превосходною суммою противъ той, которую бы владѣлецъ отъ продажи ожидать могъ; таковые имѣютъ уже быть включены въ число тѣхъ селеній, кои въ Государствѣ, подъ именемъ посадовъ или слободъ, существуютъ и не должны быть уже понуждены къ избранію инаго состоянія; но, продолжая упражняться въ землепашествѣ и дозволенныхъ имъ промыслахъ, никакимъ податямъ, кромѣ общихъ, подлежать не имѣютъ.

V.

Если въ соглашеніяхъ между господами съ крестьянами, имъ принадлежащими, не будетъ разумѣться полной свободы, а токмо законное утвержденіе земли съ постановленіемъ превосходнаго оброка, или же данъ будетъ срокъ къ выплатѣ суммы за полную свободу, то и таковыя условія

не токмо повелѣваемъ утверждать; но еще для безопасности господъ, желающихъ испытать сіи средства, узаконяемъ, чтобъ крестьянина, оказавшагося неисправнымъ, взявъ безъ всякаго разбирательства, если онъ годенъ, въ рекруты, если же нѣтъ, то въ какую нибудь государственную работу, дать уволившему его господину квитанцію и возвратить сверхъ того ему же землю и семейство неисправнаго.

VI.

Какъ соглашенія между господами и крестьянами могутъ по обстоятельствамъ быть столь разнообразны, что исчислить бы ихъ всѣхъ не было возможности, то, оставляя каждому изъ дающихъ свободу придумывать все то, что̀ къ выгодамъ его собственнымъ и къ благу увольняемыхъ споспѣшествовать можетъ, повелѣваемъ однакожъ вносить всегда предварительно о томъ просьбу въ Сенатъ, который, удостовѣрясь во первыхъ о настоящей пользѣ крестьянъ, разсматриваетъ, не находится ли чего разстроивающаго согласіе государственныхъ по разнымъ частямъ узаконеній. Когда же симъ подобныхъ не усматриваетъ препятствій, то имѣетъ ходатайствовать на то немедленно наше Императорское подтвержденіе. Въ случаѣ же какой проволочки отъ сего высшаго присутствія, чего однакожъ въ дѣлѣ таковой важности ожидать мы не можемъ, дозволяемъ жалобу къ намъ безпосредственно.

VII.

Препятствіями къ таковымъ распоряженіямъ почитаемъ мы только тѣ, кои закономъ опредѣлены въ случаѣ продажи, казенныхъ взысканій и частныхъ долговыхъ требованій; но различіе между родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями потому уже здѣсь не можетъ имѣть мѣста, что по свободѣ, данной дворянству, продавать и закладывать по нуждамъ всякую собственность, стѣснялось бы въ томъ его преимущество.

VIII.

Охранивъ притязанія людей постороннихъ, по долгу Самодержавной власти всякое право, законами установленное, соблюдать неприкосновеннымъ, не можемъ однако жъ не уважить, что польза кредиторовъ самихъ подвигнуть можетъ ихъ не воспрепятствовать вышеупомянутымъ распоряженіямъ. Въ такомъ случаѣ отзывъ ихъ долженъ быть отъ нихъ самихъ при просьбѣ, подаваемой въ Сенатъ, представленъ.

Прежними указами увольняющіеся дворовые люди или крестьяне понуждаются къ избранію какого-нибудь рода службы, или инаго состоянія въ Государствѣ; но какъ теперь открыта возможность увольняющимъ ихъ господамъ утверждать за ними земскую собственность, даже особымъ участкомъ, то если заблагоразсудятъ владѣльцы устроивать и частнымъ образомъ своихъ крестьянъ, дозволяется имъ вносить о томъ просьбу въ Казенныя Палаты тѣхъ губерній, которыя о заведеніи въ Государствѣ сихъ свободныхъ землепашцевъ отъ Сената нашего особливыя предписанія имѣть будутъ. Данъ въ Санктпетербургѣ.

*

Графъ Сергій Петровичъ! Удовлетворивъ прошенію вашему и съ удовольствіемъ проникая причины, побудившія васъ къ оному, нахожу я въ нихъ тѣ благородныя движенія чувствительнаго сердца и твердой ду-

ши, которыя во всѣ времена созидали благо человѣчества. Я признаю всю цѣну вашего подвига и ожидаю, отъ даннаго мною по поводу вашего прошенія указа, счастливѣйшихъ послѣдствій, которыя, соединя обоюдную пользу, послужатъ сильнѣйшимъ ободреніемъ земледѣлію и утвердятъ общее благоденствіе на незыблемомъ основаніи. Долгомъ поставляя увѣрить васъ въ совершенной моей признательности и непремѣнномъ благорасположеніи, прошу васъ, въ знакъ онаго принять табакерку съ моимъ портретомъ, пребывая навсегда вамъ благосклоннымъ.

подпись:

Александръ.

Спбургъ,
Февраля 25 дня,
1803 года.

*

Всемилостивѣйшій Государь! Когда я имѣлъ счастіе представлять Вашему Императорскому величеству объ учрежденіи въ Россіи вольно земледѣльческаго состоянія, почиталъ я мѣру сію не только прямо для Государства важною, но и, смѣю прибавить, отличающею Царствованіе.

Изображено было однакожъ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что таковое предпріятіе сопряжено съ опасными слѣдствіями, и что всеконечно увлекаюсь я движеніями неосторожной чувствительности, претящей мнѣ всѣхъ тѣхъ слѣдствій усмотрѣніе.

Нынѣ же опытъ самъ доказалъ Вашему Императорскому Величеству, что тутъ, кромѣ счастія Вашихъ подданныхъ и прибытка самыхъ помѣщиковъ, ничего не заключается.

Условіе, сдѣланное Соловымъ и законную имѣвшее уже силу, утвердило не только благоденствіе пяти тысячъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества; но споспѣшествовало еще и къ разрѣшенію такого дѣла, которое, продолжаясь нѣсколько лѣтъ, грозило кредиторамъ потерею ихъ капиталовъ и невинныхъ крестьянъ предавало гибельнѣйшему самому жребію.

Нѣтъ сомнѣнія, Всемилостивѣйшій Государь, что вскорѣ чувствительность сердца Вашего будетъ утѣшена частыми и совсѣмъ безмятежными перехожденіями изъ состоянія рабскаго въ вольно-земледѣльческое; а какъ угодно было еще Вашему Императорскому Величеству дозволить на сихъ дняхъ указомъ пріобрѣтеніе деревень людямъ, удостоеннымъ чинами изъ купечества, лишь бы пріобрѣтенія таковыя основывались на условіяхъ, соблюдаемыхъ въ разсужденіи вольныхъ земледѣльцовъ, то довершается уже тѣмъ еще и все дѣло, и мнѣніе мое, о препятствіяхъ въ Россіи промышленности, поднесенное Вашему Императорскому Величеству чрезъ г-на Новосильцова, имѣло отчасти уже тѣмъ исполненіе. Но дозвольте, Всемилостивѣйшій Государь, уповать мнѣ, что угодно Вамъ будетъ удостоить своимъ вниманіемъ и прочія статьи сего моего представленія, заключающія по части фабрикъ и вольныхъ работниковъ правила, безпорочность и пользу коихъ подвергаю я строжайшему изслѣдованію.

Но между тѣмъ испрашиваю я еще у Вашего Императорскаго Величества на просьбу нижеслѣдующую и до меня собственно касающуюся Всемилостивѣйшаго воззрѣнія.

Во время обнародыванія указа объ учрежденіи въ Государствѣ вольныхъ земледѣльцовъ, угодно было Вашему Императорскому Величеству поставить еще такія правила, которыя охраняютъ переходящихъ въ оное отъ под-

лога и принужденія; въ слѣдствіе чего и не могутъ подноситься къ подтвержденію Вашего Императорскаго Величества предполагаемыя условія безъ предварительнаго разсмотрѣнія Губернскаго Предводителя и докончательно Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но я, Всемилостивѣйшій Государь, потому дерзаю утруждать безпосредственно Высочайшую Вашу Особу, что самое существо моей просьбы явитъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что не подлежитъ она вышеизъясненнымъ предосторожностямъ, поелику я не условливаюсь, а хочу единственно пользоваться знаменитымъ закономъ Царствованія Вашего Императорскаго Величества на осчастливленіе подданныхъ Вашихъ, не стяжая никакого тутъ для себя прибытка.

Въ числѣ доставшихся мнѣ по наслѣдству имѣній, опредѣляю я деревни, состоящія въ Ярославской губерніи 39 душъ, въ Вологодской 126 и въ Рязанской 34, всего 199 душъ, на освобожденіе отъ всякой не только платы, но даже и будущаго какого либо оброка, оставляя тутъ же за сими крестьянами всѣ угодія, мнѣ принадлежащія, безъ изъятія; должно имъ взять лишь на себя пошлины по оцѣнкѣ имѣнія отъ мѣстныхъ начальствъ, равно какъ издержки межеванія на участки, если Ваше Императорское Величество ихъ тѣмъ отъ себя пожаловать изволите. Въ прибавокъ же къ сему, предстательствую я еще за нихъ въ томъ, чтобъ они были безпосредственно введены во всѣ права, вольнымъ земледѣльцамъ принадлежащія; а мнѣ бы указомъ Вашего Императорскаго Величества оставаться законнымъ ихъ во всѣхъ случаяхъ защитникомъ предъ самымъ Престоломъ; чѣмъ и воспользуюсь я съ душевнымъ удовольствіемъ быть еще стряпчимъ за тѣхъ, коихъ я по законамъ моего Отечества былъ властнымъ господиномъ графъ Сергей Румянцовъ.

Состояніе моихъ дѣлъ воспрещаетъ мнѣ теперь, Всемилостивѣйшій Государь, итти далѣе пожертвованія около 2,000 рублей самаго вѣрнаго дохода; но я, спѣша приступить къ возможному, испрашиваю Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго на то соизволенія. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

*

Графъ Сергій Петровичъ! Споспѣшествуя благому намѣренію вашему объ увольненіи крестьянъ вашихъ, въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской и Рязанской состоящихъ, указомъ вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ я, согласно просьбѣ и желанію вашему, причислить ихъ къ состоянію свободныхъ земледѣльцовъ. А какъ по новости сего состоянія, могутъ они имѣть нужду въ защитѣ и огражденіи собственности ихъ отъ всякаго стѣсненія, то и предоставляю вамъ, согласно желанію вашему, имѣть о пользахъ ихъ попеченіе, ходатайствуя объ нихъ вездѣ, гдѣ то нужнымъ быть можетъ и донося мнѣ о препятствіяхъ, еслибы каковыя въ семъ встрѣтить вы могли. Пребываю вамъ благосклонный.

подписано:

Александръ.

Въ Спбургѣ,
Ноября 13 дня
1804.

*

Всемилостивѣйшій Государь! По орденамъ Александровскому и Мальтійскому, имѣю я командорства, приносящія ежегодно, первое восемь сотъ, а второе три тысячи рублей и даю-

щія мнѣ право къ пріобрѣтенію, по старшинству, высшихъ суммъ. Но, Всемилостивѣйшій Государь, мнѣ ли, имѣющему собственный знатный доходъ, принадлежитъ пользоваться Монаршими щедротами, особливо же когда многіе, пострадавшіе при оборонѣ Отечества, не могутъ и при великодушнѣйшихъ Вашего Императорскаго Величества расположеніяхъ вознаграждены быть равными?

Въ слѣдствіе сего, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашиваю, дабы Всевысочайше повелѣно было, оную получаемую мною сумму и со всѣми будущими приращеніями обратить въ пенсіонъ или пенсіоны изувѣченнымъ на браняхъ офицерамъ. Не откажите мнѣ тутъ же, Всемилостивѣйшій Государь, въ собственномъ Вашемъ назначеніи оныхъ.

Удостоенные Вашимъ Императорскимъ Величествомъ къ полученію пенсіоновъ, должны пользоваться оными по смерть свою; почему, на случай пресѣченія моей жизни, обяжу я наслѣдниковъ моихъ къ продолженію помянутыхъ пенсіоновъ, изъ доходовъ имѣнія моего. Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

NB. Государь оказалъ желаніе, чтобъ пенсіи, мною опредѣленныя, были обращены въ пользу солдатъ. Узнавъ о томъ, писалъ я, какъ слѣдуетъ, гр. Солтыкову.

Письмо къ Графу Николаю Ивановичу Солтыкову отъ Маія.

Такъ какъ Государь Императоръ не изволилъ еще доселѣ никакого рѣшенія дать на поданное отъ меня прошеніе по моимъ командорствамъ, то я и всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство предстательствовать въ пользу сего моего распоряженія.

Впрочемъ, еслибы Его Императорскому Величеству угодно было раздробить учреждаемые мною пенсіоны и на обыкновенныхъ рядовыхъ, коихъ мужество и вѣрность Государю извѣстны, я бы съ своей стороны воспользовался при семъ случаѣ счастіемъ подчинить намѣренія свои волѣ Его Императорскаго Величества, исполненіе которой есть цѣль всѣхъ моихъ подвиговъ.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО

КЪ А. А. СТОЛЫПИНУ

1818 и 1819 годовъ *).

Въ предъидущей тетради Русскаго Архива напечатано пять писемъ Сперанскаго, въ заключеніи которыхъ я помѣстилъ нѣсколько словъ, съ цѣлію изобразить положеніе волновавшихся мыслей и понятій въ средѣ общества того времени (отчасти продолжающееся и теперь); а также желалъ я показать, что волненіе и шатанье мыслей можно успокоить и удовлетворить однимъ лишь органическимъ трудомъ. Подъ этимъ словомъ я разумѣю то что̀ въ наукѣ называется синтезисъ, въ противуположность той раздробленности и исключительности, которая, по моему мнѣнію, есть главная черта нашего времени во всѣхъ вопросахъ, касающихся общественнаго строя.—Но этотъ трудъ весьма тягостенъ, когда различныя мнѣнія не содѣйствуютъ (какъ должно было бы ожидать) всестороннему разсмотрѣнію положенія дѣла, а напротивъ положительно исключаютъ всякое другое воззрѣніе, хотя бы оно было согласно съ фактами. Чтобъ показать, до чего доходили на Западѣ Европы подобныя ученія, даже

*) См. выше, стр. 1682—1708. Въ этихъ письмахъ мы не могли помѣстить вполнѣ всѣ собственныя личныя имена. Но дѣйствія Пестеля, Трескина и др. до того уже обличены, что относительно ихъ подобная скромность была бы, кажется, излишнею. *П. Б.*

въ вопросахъ совершенно научныхъ, можно привести въ примѣръ извѣстное laisser faire, laisser passer, французскихъ экономистовъ. Отбрасывая всякій научный пріемъ, то есть наблюденіе фактовъ и соображенія на оныхъ основанныя, старались или насильно подводить факты подъ свой принципъ или же какъ бы не вѣдать про тѣ, которые не подходятъ подъ оный, что̀ есть ничто иное какъ полное отрицаніе науки. Въ политическомъ мірѣ, видна таже неурядица въ мнѣніяхъ подъ именемъ различныхъ партій: легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ и т. д. что̀ производитъ какъ бы хроническое состояніе перемежающихся потрясеній. Слѣдствіемъ высказаннаго вытекаетъ необходимость, первѣе всего, установить правильные пріемы мышленія. Я старался доказать въ другомъ мѣстѣ, что рѣшенія общественныхъ вопросовъ можно достигнуть лишь приложеніемъ историческаго метода развитія.

Но и тогда, когда мысль станетъ, такъ сказать, на вѣрный путь и пойдетъ по оному, и тогда будутъ встрѣчаться большія затрудненія. *Мысль*, вѣчно работающая, дѣлаетъ частыя открытія, положимъ хоть въ мірѣ промышленномъ, и уже это достаточная причина для столкновеній. Сколько бы ни говорили о пользѣ этихъ открытій (что̀ и несомнѣнно въ будущемъ, даже часто весьма близкомъ) все таки эти нововведенія, въ настоящемъ, отзываются иногда очень тяжело, измѣняя обычаи и привычки и лишая напримѣръ рабочій народъ, на нѣкоторое по крайней мѣрѣ время, насущнаго куска хлѣба. Внѣ всякой борьбы исключительныхъ мнѣній, самая здравая мысль, потому только что она нова, непремѣнно производитъ столкновенія и нарушаетъ болѣе или менѣе обычаи и принятыя понятія.

Трудъ, предпринятый Сперанскимъ, былъ весьма тяжелъ. Опасенія общества, по самому существу дѣла, были весьма естественны. Однакожъ, такъ какъ Сперанскій предлагалъ вести дѣло гласнымъ образомъ, то этотъ способъ самъ собою представлялъ нѣкоторыя задатки успѣха. Трудность, можетъ быть, состояла въ то время въ томъ: будутъ ли дарованы права въ всесословномъ или же въ болѣе исключительномъ видѣ, подобно тому какъ это сдѣлано на Западѣ, гдѣ всегда былъ сильный феодальный элементъ, въ сущности, составляющій главную рознь между историческимъ развитіемъ Запада и Востока Европы. Что касается до пріемовъ употребленныхъ самимъ Сперанскимъ въ его преобразованіяхъ, то извѣстно, что въ дѣлѣ законодательства онъ началъ прямо съ составленія Уложенія. Въ послѣдствіи онъ измѣнилъ пріемъ, „и отъ „теоріи, отъ чисто книжнаго, (по выра„женію барона Корфа, въ жизни графа „Сперанскаго), онъ перешелъ въ здра„вую и болѣе практическую область исто„рической школы. Отсюда родились два „великіе отечественные памятника: 1) „Полное Собраніе Законовъ...... и 2) „Систематическій Сводъ“. Этотъ послѣдній трудъ Сперанскій впрочемъ никогда не считалъ окончательнымъ.

Что касается организаціонныхъ работъ Сперанскаго, то въ противность его первоначальному мнѣнію, онѣ вводились по частямъ и по мѣрѣ того дѣлались гласными; такъ какъ нѣкоторыя только были осуществлены, то трудно судить о нихъ, и остаются однѣ лишь догадки.

Въ письмахъ, здѣсь помѣщаемыхъ, Сперанскій является какъ администраторъ. Въ эту эпоху онъ приступилъ и къ составленію Положенія о Сибири.

Д. Столыпинъ.

Москва 22 Сентября 1869.

I.

Пенза 9-го Іюля 1818.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, за указъ объ И.....вѣ; это ускромитъ и

настоящихъ и будущихъ ябедниковъ, хотя правду сказать, здѣсь ихъ менѣе нежели въ другихъ губерніяхъ; ему же отъ того никакого зла не приключится: ибо я же буду хлопотать, чтобъ его только пожурили, а не болѣе.

Цейеръ весьма меня обрадовалъ сего дня письмомъ, извѣстивъ меня, что переводъ мой пойдетъ чрезъ Тургенева, который также при семъ случаѣ писалъ ко мнѣ самое нѣжное и усердное письмо. Видите, какъ мы здѣсь помнимъ ваши отеческія наставленія, что и самую тѣнь какого либо отношенія къ Лабзину удаляемъ.

Вы увидитесь скоро съ Магницкимъ. Скажите ему, что я ни строчки отъ него не получалъ со времени отъѣзда его изъ Симбирска. Мнѣ нужно бы было однакоже знать его похожденія, какъ для себя, такъ и для него.

Собираюсь пуститься по губерніи. Сколько предметовъ къ исправленію и сколь мало способовъ; при всемъ моемъ терпѣніи, иногда мрачныя чувства и мысли берутъ верхъ надъ всѣми умствованіями. Видѣть столько безполезныхъ страданій, кои однимъ почеркомъ пера, однимъ добрымъ учрежденіемъ можно бы было отвратить, и считать все сіе въ числѣ вещей невозможныхъ. Признаюсь, бываютъ минуты, когда бѣжалъ бы съ свѣта прочь. — По счастью, это только минуты.

Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю.

II.

Пенза 16-го Іюля 1818.

Вмѣстѣ съ симъ вы получите, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, два большіе пакета, содержащіе послѣднія тетради книги Подражанія. Весьма радъ и не въ обыкновенномъ смыслѣ радъ, что переводъ вамъ понравился; но еще болѣе буду радъ, когда полюбите вы самую книгу и поставите себѣ правиломъ каждый день поутру прочитать въ ней хотя листочикъ. Это чудеснымъ образомъ укрѣпляетъ душу на весь день; а вамъ крѣпость нужна при настоящемъ вашемъ положеніи и тщетно будете вы искать ее въ другихъ источникахъ. Батюшка вашъ *) узналъ сіе опытомъ, и при закатѣ жизни, здѣсь, самъ мнѣ нѣсколько разъ о томъ говаривалъ. Переводъ не значитъ ничего. Все достоинство его—вѣрность и буквальность, коей нѣтъ ни на какомъ другомъ языкѣ. Въ семъ только разумѣ его можно считать оригинальнымъ; но и сіе происходитъ не отъ силъ переводчика, но отъ силы и гибкости нашего языка, на которомъ всѣ формы отливаются, какъ на чистомъ и мягкомъ золотѣ. Я испытывалъ (изъ одной пытливости) переводить даже съ Еврейскаго: и тутъ выходитъ буквальный смыслъ довольно ясный и вразумительный, хотя формы сего языка совершенно отдаленны отъ всѣхъ языковъ Европейскихъ. Но оставимъ сіе разсматривать и толковать Шишкову съ товарищи.

Вина въ опредѣленіи Д....а оставляется вамъ потому только, что вы чистосердечно признались и раскаялись. Но деньги взыскать съ него есть вещь невозможная. Никто на свѣтѣ ничего съ него не взыскивалъ: ибо онъ и бѣденъ и совершенный мотъ.

---

*) Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ (прадѣдъ Лермонтова) Пензенскій помѣщикъ, человѣкъ достопамятный уже по тому, что въ тогдашнее время далъ отличное образованіе своимъ дѣтямъ, которыя представляютъ собою цѣлый рядъ замѣчательныхъ характеровъ. *П. Б.*

Приложите къ 300 р. еще большую свѣчу Всѣмъ Скорбящимъ и молитесь, чтобъ Богъ простилъ вамъ сіе сугубое прегрѣшеніе. Прощайте, мой любезнѣйшій; душевно васъ обнимаю.

III.

Пенза 21-го Октября 1818.

Приношу вашему превосходительству просьбу о покровительствѣ по бумагѣ при семъ прилагаемой. Вы сами нѣкогда хвалили мнѣ Неудачина. Сынъ его стоитъ вниманія и служитъ у меня въ канцеляріи.

Дмитрій Александровичъ *) сдѣлалъ мнѣ нѣсколько довѣренныхъ порученій; я ихъ исполнилъ всѣ по присяжной совѣсти. *Во первыхъ* К....... послалъ прошеніе въ отставку. Въ прочемъ онъ дѣйствительно и опасно боленъ. *Во вторыхъ* на вопросъ его о замѣщеніи вице-губернатора, дѣйствительно слабаго, дряхлаго и служащаго уже почти по неволѣ, я никого не смѣлъ рекомендовать изъ здѣшнихъ; первое потому, что дѣйствительно нѣтъ никого; а второе, что въ послѣдствіи сіе могло бы навлечь и важныя неудобства по связямъ. Но ради Бога, изъ всѣхъ силъ постарайтесь, чтобы опредѣлены были люди порядочные, съ коими бы жить безъ слезъ было можно. Я знаю, что мѣста вице-губернатора будетъ искать М.......... По славѣ, которую онъ здѣсь оставилъ, опредѣленіе его будетъ весьма огорчительно. — Вѣроятно такъ же, что совѣтникомъ опредѣлятъ кого-либо отъ руки М. А. О....... Воля ихъ святая; но это будетъ такъ же весьма неудобно. Вы не можете себѣ представить, какъ дерзко воруютъ сіи люди съ важными протекціями. Вы знаете, что О....... здѣсь значительный заводчикъ; это будетъ человѣкъ его и Х........, а ихъ составъ и безъ того уже здѣсь съ лишкомъ силенъ. Я увѣренъ, что главная вина и К...... состояла въ томъ, что не угодилъ сей связи и что хотѣли непремѣнно имѣть тутъ преданнаго имъ чиновника. Мнѣ писать о семъ къ Д. Александровичу показалось съ лишкомъ откровенно; но въ разговорѣ я рѣшился бы ему сіе сказать: ибо онъ не можетъ желать ничего другаго, какъ только, чтобы часть сія двинулась въ порядкѣ. О здѣшнихъ совѣтникахъ и говорить нечего. Д ... отправляетъ теперь должность К........ и уже хвалится, что по протекціи Я...... мѣсто сіе будетъ принадлежать ему. Ради Бога, постарайтесь устроить все къ лучшему и по чистой совѣсти. Мнѣ стыдъ и срамъ, естьли будутъ у меня подъ глазами грабить, а я долженъ буду молчать.

Прощайте, любезнѣйшій, душевно васъ обнимаю.

Забылъ было существенное: *третіе* порученіе Министра состояло въ выборѣ управляющаго винокуреннымъ заводомъ. Я нашелъ для него сущій кладъ: И. В. Алферьева, о коемъ съ сею же почтою и представляю. Признаюсь, что я его прочилъ для себя на мѣсто А ..., но по уваженію нужды разстался. Признайтесь, что мудрено выбрать лучше. Знаніе, честность и умъ, все тутъ соединяется. Я бы желалъ, чтобъ вы дали Министру понятіе о семействѣ его. Онъ не богатъ; но имѣетъ по женѣ, княгинѣ Еникѣевой, независимое и нынѣ благоустроенное состояніе. И слѣд. идетъ въ службу не отъ нужды, и конечно не изъ корысти.

*) Гурьевъ.

IV.

Пенза 5 Ноября 1818.

Однимъ письмомъ вознаградили вы меня, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, за все продолжительное мое терпѣніе и всѣхъ насъ обрадовали наконецъ вашимъ выздоровленіемъ. Съ Григорьемъ Даниловичемъ *) пили мы ваше здоровье лучшимъ виномъ, какое у себя найти могли. Теперь все въ порядкѣ, и вы надолго пошли, расплатясь столь жестоко съ подагрою.

Какъ прекрасно разъяснили вы разныя тяготившія меня сомнѣнія. Деревню мою я считаю уже проданною: ибо какъ бы ее ни цѣнили, я увѣренъ, что не буду въ убыткѣ. Графъ А. А. **) ее самъ осматривалъ и изъ самаго Великополья написалъ ко мнѣ весьма благосклонное и даже дружеское письмо, которое весьма къ стати получилъ я съ тою же почтою. Домъ поручилъ въ полное распоряженіе Лазарева. И такъ всѣ дѣла мои почти устроены, и чрезъ шесть мѣсяцевъ большая часть долговъ моихъ будетъ уплачена: блаженство, коего нѣсколько лѣтъ съ ряду я добивался. Все прочее въ судьбѣ моей будущей есть почти бездѣлица и устроится само собою, а естли и не устроится, то все почти равно: ибо существенная цѣль моя, независимость состоянія, достигнута.

Весьма радъ, что мы встрѣтились въ мысляхъ нашихъ о вице-губернаторствѣ. Я точно тоже сдѣлалъ, что̀ и вы; отказался отъ всякой рекомендаціи, хотя и былъ къ сему вызываемъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Со всею слабостію и болѣзнями часть сія здѣсь идетъ еще лучше, нежели у моихъ сосѣдей. По искренней моей привязанности къ Дмитрію Александровичу мнѣ по истиннѣ грустно слышать по сосѣдству всѣ проказы сихъ дерзкихъ и безстыдныхъ наемниковъ. Хотя бы взяли на первый годъ нѣкоторое терпѣніе; хотя бы притворились скромными; хотя бы соблюли нѣкоторыя формы благовидности! Жадность и торопливость непонятная; хватаютъ все точно какъ изъ огня—какъ пособить сему злу!—Кричатъ: это дѣло Магницкаго; дѣло безразсудное, и особливо безполезное.

О Магницкомъ всѣ вѣсти до меня доходящія къ сожалѣнію доказываютъ, что онъ умножаетъ только число своихъ непріятелей. Съ тѣхъ поръ, какъ совѣты мои стали ему не внятны, мнѣ оставалось бы только сожалѣть; но я не знаю, почему угодно ему меня приплетать къ своимъ разсказамъ и Симбирскіе свои подвиги называть общимъ нашимъ дѣломъ. Что тутъ есть между нами общаго? Онъ воевалъ и теперь еще воюетъ; а я живу мирно и ни съ одною мельницею еще ни разу не сражался. Естьли онъ поступаетъ такъ со мною по ошибкѣ: то ошибка весьма грубая. Естьли по смѣткѣ и намѣренію: то это не благородно и несправедливо. Я писалъ о семъ къ Цейеру; но какъ вѣроятно онъ его не усовѣститъ. — Истинный смыслъ бесѣдъ его о мнѣ, все мое требованіе на него состоитъ въ томъ, чтобъ онъ бранилъ меня какъ можно болѣе; естьли же сіе для него трудно, то покрайней мѣрѣ пусть онъ говоритъ о мнѣ публично то что̀ говоритъ въ кабинетѣ друзей моихъ *), то что̀ самъ безъ сомнѣнія думаетъ; а имянно пусть называетъ меня человѣкомъ слабымъ, малодушнымъ; это можетъ быть и справедливо; пусть утверждаетъ, что я сдѣлался сущимъ про-

*) Столыпинымъ.

**) Аракчеевъ.

*) Это совершенно вѣрно *С.*

винціальнымъ помѣщикомъ и поблажаю всѣмъ провинціяльнымъ глупостямъ; вотъ чего я отъ него требую; одной искренности, и симъ окажетъ онъ мнѣ истинную услугу.—Сдѣлайте тутъ, что можете, по лучшему вашему усмотрѣнію и благоразумному вашему разчету средствъ и людей. Но знайте, что сіе смѣшеніе мнѣ весьма огорчительно. А что онъ мнѣ вредитъ и растравляетъ своею запальчивостію раны почти уже закрытыя и съ толикимъ трудомъ залѣченныя, въ этомъ не имѣю я сомнѣнія. У меня сердце вѣщее. Я предчувствовалъ всѣ послѣдствія появленія его въ Петербургѣ. И сколько тутъ глупостей! Сколько шаговъ совершенно необдуманныхъ! Къ чему полезно будетъ несчастіе, естьли не научаетъ оно насъ скромности и разборчивости. Что это за религія, которая дозволяетъ жить во враждѣ и злословіи со всѣмъ родомъ человѣческимъ! Воевать на цѣлыя провинціи! Порицать цѣлыя сословія, тогда какъ въ сихъ сословіяхъ есть люди весьма почтенные, весьма добрые, коихъ не могъ онъ ни знать, ни предполагать потому только, что ихъ не искалъ. Я бы не кончилъ, естьлибы обратился на Симбирское его управленіе. Въ заключеніе всего сдѣлайте, что̀ можете, чтобъ развязать меня съ Леонтьичемъ и успокойте одною строкою; но рѣшительно.

Объ Афанасьевѣ, я сбирался только къ вамъ писать. Поздравляю, что вы съ нимъ разстались. Его обвиняютъ и съ большою вѣроятностію въ томъ, что онъ взялъ съ крестьянъ одного Саратовскаго помѣщика Семенова $^{10}/_{т}$. р. и руководствовалъ ихъ къ отложенію и даже возмущенію.

P. S. Перечитавъ письмо, мнѣ уже и сжалилось Магницкаго. Что естьли я ошибаюсь, судя о немъ по извѣстіямъ до меня доходящимъ? Ввѣряю все сіе вамъ. Вы скажете ему не болѣе и не менѣе какъ сколько найдете нужнымъ и справедливымъ. Вы, какъ старѣйшина и патріархъ всѣхъ друзей моихъ въ Петербургѣ, распредѣляйте всё по вашему усмотрѣнію; а я и по сердцу и по уму вашему, дѣльному и опытному, ко всему вперёдъ прилагаю и руку и печать.

V.

Пенза 19 Ноября 1818.

Представляю вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, день за день отчетъ какъ дѣло здѣсь шло о вашихъ деньгахъ; не понимаю отъ чего тутъ вышла путаница. Я спрашивалъ у Алексѣя, получилъ ли онъ по крайней мѣрѣ теперь деньги изъ Городища и не имѣю еще отвѣта. По всей вѣроятности получилъ. Комаровъ (казначей) на окрикъ мой съ сокрушеніемъ сердца себя оправдывалъ; въ самомъ дѣлѣ онъ и не смѣлъ бы и не захотѣлъ сдѣлать остановки. О вице-губернаторѣ же и говорить нечего. Къ стати, съ прошедшею почтою онъ послалъ просьбу въ отставку; я коротенько просилъ Министра уволить старика съ пенсіономъ. Кого-то вы намъ пожалуйте.

Насъ здѣсь съѣдаютъ недоимки. Это предметъ, о коемъ Дмитрію Александровичу надобно будетъ заняться съ самой его основы. Я у себя какъ нибудь сберу. Я засталъ 1,500.000; а теперь остается до 200,000; но и то къ новому году будетъ кончено. Въ послѣдствіи произойдутъ вездѣ, помѣрѣ возвышенія ассигнацій, крайнія затрудненія, и никакъ нельзя предполагать, чтобъ слабая наша полиція при прочихъ безчисленныхъ ея за-

нятіяхъ, тремя полупьяными чиновниками могла собрать до $^4/_м$ податей, коихъ нынѣ никто почти безъ понужденія не вноситъ. У васъ только твердятъ: *отрѣшай и предавай суду*. Но естьли бы въ губерніяхъ васъ послушались: то знаете-ли вы, Милостивые Государи-командиры, остановилось бы все управленіе, все движеніе исполненія: ибо на мѣсто отрѣшенныхъ кого прикажете опредѣлить?—Подъ какимъ небомъ вы живете, чтобъ не знать по сію пору, что ни одинъ не только порядочной, но и посредственной, не хочетъ служить въ униженной, уподленной, бѣдственной земской полиціи; что отъ самыхъ дворянскихъ выборовъ дворяне бѣгаютъ, и скоро надобно будетъ собирать ихъ жандармами, чтобъ принудить пользоваться правами столь драгоцѣнными, столь умно и натурально и всещедро имъ данными. Сей вопросъ завелъ бы меня въ дальнія и большею частію прискорбныя размышленія. Обращаюсь къ дѣлу. Дмитрію Александровичу необходимо должно учредить свою полицію такъ, какъ она во всѣхъ на свѣтѣ Государствахъ существуетъ; или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же самыхъ судахъ земскихъ имѣть по два или по три чиновника не отъ выбора, но отъ К. Палаты опредѣленныхъ, кои бы занимались только собраніемъ податей. Я не вижу по крайней мѣрѣ другаго способа учредить сіе дѣло. Но вижу ясно какъ день, что при настоящемъ устройствѣ губернскаго управленія оно идти никакъ не можетъ; онъ готовитъ себѣ великія огорченія; а по привязанности моей и лично къ нему и по чувству общаго добра, въ составѣ коего онъ одинъ почти стоитъ твердо и существенно, огорченія сіи я чувствую почти какъ самое событіе. Не говоря о другихъ причинахъ, обратный ходъ ассигнацій необходимо предполагаетъ многія существенныя перемѣны или *усовершенія* во всѣхъ частяхъ администраціи. Никакъ нельзя себя представить, чтобъ народъ платилъ $^{1200}/_{мил}$ тѣми же средствами, какими платилъ $^{800}/_{мил.}$ Доколѣ подати съ паденіемъ ассигнацій каждой годъ уменьшались, а недоимки и недостатки закрывались новымъ ихъ выпускомъ: дотолѣ не мудрено было править финансами, дотолѣ и слабое губернское управленіе хотя спотыкалось, но какъ-нибудь тащилось въ передъ. Но къ той высотѣ, на которую поставлены или къ которой нынѣ ведутся наши финансы, сего стараго и дряхлаго коня никакъ не втащишь.

VI.

Иркутскъ 18-го Сентября 1819.

Я давно не писалъ къ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, по тому, что четыре мѣсяца съ небольшимъ былъ почти непрерывно въ дорогѣ. Двѣ недѣли какъ я здѣсь на мѣстѣ и странствованіе мое на сей разъ считаю конченнымъ. Здѣсь останусь на всю зиму; а на весну что Богъ дастъ.

Теперь время дать вамъ отчетъ въ моихъ похожденіяхъ. Начну съ Тобольска. Здѣсь нашелъ я жалобы и злоупотребленія почти обыкновенныя и всѣмъ губерніямъ общія. Губернаторъ человѣкъ старый, слабый, но добродушный и благовоспитанный; врагъ Пестелю, хотя и зять ему и хотя имъ сюда опредѣленъ; но врагъ непримиримый по домашнимъ сплетнямъ и по образу мыслей. Обозрѣвъ, замѣтивъ, исправивъ что было можно и сдѣлавъ нѣсколько примѣровъ стро-

гости надъ земскими начальниками, особливо же доправивъ въ нихъ взятки и возвративъ каждому свое, я учредилъ здѣсь изъ оппозиціи надзоръ и отправился съ Томскъ. Естьли бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ, что̀ и можно бы было сдѣлать: то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости Губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя. Почтмейстера я вопервыхъ удалилъ, толпами отдалъ подъ судъ, болѣе отрѣшилъ и перемѣстилъ; о Губернаторѣ же писалъ (отъ 31-го Іюля) къ Государю, чтобъ его по крайней мѣрѣ устранить отъ должности до окончанія начатыхъ слѣдствій; слѣдствія сіи наряжены и открыты въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Губерніи. Здѣсь должно вамъ примѣтить, что начиная съ Прокурора и восходя выше, Генералъ-Губернаторъ по инструкціи долженъ представлять, но не имѣетъ права никого удалить, хотя бы засталъ и на мѣстѣ преступленія. Той же самой мѣры испрашивалъ я и для Трескина: отвѣта еще не имѣю и по времени прежде Октября имѣть не надѣюсь. Къ кн. Алек. Ник. Голицыну писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя подробности. — Заключивъ такимъ образомъ ревизію сей Губерніи, отправился я въ Иркутскъ. Съ дороги въ сторону обозрѣлъ Енисейскъ, чтобъ сблизиться съ Туруханскомъ и послать туда особенную слѣдственную коммиссію. На границѣ Иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина, пресловутымъ *Лоскутовымъ*, исправникомъ Нижнеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрѣшилъ и тутъ же арестовавъ оставилъ за границею губерніи. Мѣра сія была нужна. Страхъ десятилѣтняго его желѣзнаго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ.—Въ Нижнеудинскѣ, маленькомъ, грязномъ, болотистомъ городкѣ, я принужденъ былъ остановиться и учредить особую слѣдственную коммиссію. Не было во всемъ уѣздѣ почти ни одного селенія, изъ коего бы не поступило жалобъ или на взятки или на жестокости. Количество *первыхъ*, по первому обозрѣнію, простиралось уже до двухъ сотъ тысячь рублей. По счастью въ самомъ началѣ мнѣ удалось схватить имѣніе виновнаго: табуны скота, знатное количество мѣховъ и серебра въ дѣлѣ и восемдесятъ тысячь чистыми наличными деньгами. Обозъ съ деньгами, мѣхами и серебромъ отправилъ я торжественною процессіею въ Иркутскъ.— Не взирая на сіе, въ Иркутскомъ уѣздѣ все молчало: такъ страхъ, укоренившійся здѣсь 13 лѣтъ, связалъ всѣ умы. Я долженъ всего доискиваться и развивать клубокъ съ медленностію и великимъ терпѣніемъ. Злоупотребленія монополіи очевидны; но дѣло въ томъ, чтобъ обличить и доказать ихъ предъ закономъ формальнымъ образомъ. Устраненіе Губернатора всему послужило бы развязкою. Что есть Трескинъ?—Человѣкъ наглой, отмѣнно смѣлый, не глупъ, хоть и худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ, какъ демонъ. Онъ составилъ себѣ здѣсь партію не только изъ всѣхъ чиновниковъ, съ коими дѣлился, но даже изъ всѣхъ почти купцовъ, съ коими производилъ торговлю. Сія связь поддерживается и усиливается еще письмами моего предмѣстника, члена Совѣта и сенатора. Вы може-

те себѣ легко представить, какой вѣсъ имѣютъ здѣсь сіи внушенія; въ нихъ онъ старается доказать, что я ему другъ совершенный, что мы съ нимъ соединены и чувствами какого-то особеннаго христіанства (онъ принадлежитъ, по словамъ его, къ Моравскимъ братьямъ, въ коихъ вѣруетъ и Трескинъ и коихъ я почти совсѣмъ не знаю) и образомъ мыслей. Письма сіи приходятъ сюда каждую недѣлю, нѣкоторыя изъ нихъ я самъ видѣлъ.—Между тѣмъ я съ Цейеромъ одинъ. Вся канцелярія составлена Пестелемъ, и перемѣнить ее здѣсь нѣтъ никакой возможности. Вотъ мое положеніе. Такова однакоже надежда моя на силу истины, что при всѣхъ затрудненіяхъ я надѣюсь къ новому году все окончить и привести дѣла и преступленія въ такую ясность, что останется только приложить законъ и опредѣлить мѣру наказанія.

Теперь я васъ вопрошаю: мое ли дѣло разыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?—Должно покориться своей судьбѣ, и по счастью я уже опытомъ и упражненіемъ сему научился. — Даже изъ кроткаго и добраго Цейера сдѣлалъ я здѣсь предсѣдателя слѣдственной коммиссіи. Я забылъ вамъ описать сію сцену. На третій день моего пріѣзда я собралъ всѣ палаты, вошелъ въ присутствіе и заставилъ прочитать три предложенія 1) что я приступаю ревизовать губернію на основаніи Сенаторской инструкціи 2) что открываю слѣдственную коммисію 3) довожу до свѣдѣнія Правительства злоупотребленія открытыя въ Нижнеудинскѣ. Бумаги сіи вы увидите въ печати. Послѣднюю желали обезобразить длинною справкою и въ семъ видѣ разослали по уѣздамъ. Сими актами я желалъ скорѣе разорвать здѣшнія связи и перемѣнить направленіе; но сила привычки и страха такова, что все сіе не произвело еще полнаго дѣйствія.

Знаетели-ли, кто сочиняетъ Пестелю въ Петербургѣ оффиціальныя бумаги?—Ѳ. П. Л—въ тотъ, что̀ былъ у графа Румянцова. Пестель самъ ничего писать не можетъ; всѣ бумаги или сочинялись здѣсь на заказъ у Трескина или Л—ымъ въ Петербургѣ. Вы можете послѣ сего судить о его связяхъ. На сихъ дняхъ въ письмѣ онъ увѣрялъ, что кн. Лопухинъ отдаетъ совершенную справедливость Трескину и увѣренъ, что я его оправдаю. При случаѣ не худо бы вамъ дать замѣтить старику, что онъ ни Трескина ни меня не знаетъ, когда такъ думаетъ *).

Прилагаю нѣсколько писемъ, кои прошу отдать лично, изъяснивъ, что они получены съ курьеромъ сенатскимъ. 1, къ к. А. Н. Голицыну. Чрезъ него веду я всю существенную переписку, прекративъ всякое сношеніе съ гр. Аракчеевымъ, чего, кажется, и онъ желалъ. Въ семъ письмѣ даю ему краткое, но ясное о дѣлахъ понятіе. Всегда *ostensible*. Я увѣренъ, что Пестель перемѣнитъ голосъ, когда услышитъ. 2) къ Д. А. Гурьеву при оффиціальномъ отношеніи объ отсрочкѣ хода ассигнацій; письмо личное — одно воспоминаніе. 3) къ гр. Нессельроду оффиціальное по дѣламъ Пекинской миссіи и откровенное по дѣламъ здѣшнимъ, *ostensible*.

Перехожу теперь къ дѣламъ домашнимъ. И во первыхъ благодарю за всѣ ваши разпорядки; но вы еще все въ долгу, доколѣ не продадите дома

---

*) Цейера Пестель лично увѣрялъ, что онъ защищалъ Трескина только въ видѣ подчиненнаго. Но это связь совсѣмъ другаго рода. Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника *С.*

Дубенскому на прежнемъ основаніи. Чего хочетъ отъ меня Бергинъ? Онъ согласился съ Жерве, чтобъ положить въ Банкъ 7/т р. — Сіе исполнено. Хочетъ ли онъ получить сіи деньги? Пусть дастъ квитанцію полную, чистую, въ томъ что всѣ счеты мои съ нимъ окончены, съ нимъ и съ его конторою, и что ни ему ни конторѣ я ничего болѣе не долженъ: въ этомъ всегда состояло все дѣло. Дай квитанцію и возми деньги; но онъ толкуетъ о векселяхъ, кои по моей словесной просьбѣ (при разчетѣ Маріанны съ Злобинымъ) даны были Злобинымъ на его имя и имъ надписаны (endossées). Изъ сего онъ выводитъ какой-то страхъ, что векселя сіи могутъ возвратиться и на него пасть взысканіе. Глупость пресовершенная: ибо ищутъ не тѣхъ, кому Злобинъ долженъ, но тѣхъ, кто ему долженъ. И впрочемъ всему, естьли не кончилось, то вскорѣ кончится десятилѣтіе.

Крайне сожалѣю, что Елисавета рѣдко бываетъ у Вѣры Николавны: но сего сообразить не возможно. Продолжайте ее любить и не вините неволи, которая есть слѣдствіемъ моего положенія. Прилагаемый при семъ ящикъ чаю прошу доставить къ ней для назначеннаго мною подарка [1]; лѣтомъ чай пересылать почти нельзя. Подождите до зимы. Я вамъ пришлю самаго лучшаго.

Курьеру, который вручитъ вамъ сіе письмо, порекомендуйте быть молчаливымъ; онъ весь преданъ Трескину, который умѣетъ людей сего рода ублажать. И въ прежнюю поѣздку онъ много развозилъ нелѣпостей, кои я встрѣтилъ на дорогѣ.

Прощайте, любезнѣйшій; душевно васъ обнимаю.

Къ Тургеневу пишу въ отвѣтъ бездѣлицы.

О здѣшнихъ дѣлахъ вы не оставите побесѣдовать съ Д. А. Гурьевымъ, что Трескинъ устраненъ и окруженъ здѣсь слѣдствіями. Ваше дѣло, дѣло всѣхъ честныхъ людей, защищать меня. Въ прочемъ я все къ Генварю окончу и по присяжной совѣсти.

Я нашелъ здѣсь Словцова, не въ счастіи, но въ спокойномъ философскомъ уединеніи; онъ совѣстный судья и директоръ гимназіи; постарѣлъ, но свѣжъ еще мыслями. Разумѣется, что мы каждый день вмѣстѣ, и совѣты его мнѣ весьма полезны.

Письмо къ С. С. Уварову есть благодарность за посвященіе меня въ члены Академіи наукъ. Я дѣйствительно ему благодаренъ.

[1]) Хоть и надписанъ онъ на ваше имя *С.*

ПОДПИСКА
НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ издаваемъ въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою г.г. иногороднымъ подписчикамъ —

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ. Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева, пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р. для Англіи — **2** р. **50** к.; для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

XII. ПРИ 1869

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1869.

Цѣна на 1870 годъ за 12 тетрадей — семь рублей.

КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ С.Петербургскихъ повременныхъ изданіяхъ, давно уже, изъ каждаго выпуска Русскаго Архива и книгъ Осмнадцатаго Вѣка перепечатываются большие отрывки, а иногда и цѣлыя статьи. Мы вынуждены просить гг. издателей не дѣлать этого. Перепечатка дозволительна лишь съ обоюднаго согласія и къ обоюдной выгодѣ; взаимности же въ настоящемъ случаѣ нѣтъ, такъ какъ въ Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ, по самому ихъ содержанію, ничего не можетъ быть перемѣщено изъ летучихъ повременныхъ изданій. Между тѣмъ. кромѣ ущерба въ подпискѣ, подобная перепечатка неудобна для насъ еще и потому, что многія статьи, умѣстныя въ исторической обстановкѣ и въ изданіи строго историческомъ, могутъ быть совсѣмъ иначе растолкованы, появляясь на столбцахъ напр. *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Наконецъ, многія почтенныя лица, удостоивая насъ сообщеніемъ подлинныхъ писемъ и бумагъ, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ихъ сообщенія не выходили изъ нашихъ изданій.

Знаемъ, что существуетъ законъ, по которому, *въ видахъ взаимности*, дозволяется перепечатка до извѣстнаго размѣра; но напр. *Новое Время*, Французскій журналъ графа Сюзора и *Отечественныя Записки*, въ годовой сложности, давно перешли и этотъ размѣръ.

Желательно, чтобы гг. издатели не придали какого либо косвеннаго толкованія сему вынужденному заявленію.

Петръ Бартеневъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ,

УМЕРШИХЪ ВЪ 1867 ГОДУ (*)

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади.)

Агамоновъ, Михаилъ Андреевичъ, инженеръ-подполковникъ, любитель садоводства и ботаникъ, помѣщавшій статьи въ Спб. Журналѣ садоводства. ум. 21 ф. 1867.

№. Илл. Газета 1867, № 9, стр. 143.

Александровъ, Петръ Александровичъ, директоръ 3-й моск. реальной гимназіи, ум. въ Москвѣ, осенью 1867 г. (Илл. Газета 1867, № 49). Въ 1849 напечатана его рѣчь, произнесенная на торж. актѣ моск. 3-й гимназіи: «О причинахъ быстрыхъ успѣховъ мануфактурныхъ производствъ въ настоящее время» и въ томъ же году онъ издалъ литографированный курсъ неорганической химіи для воспитанниковъ моск. земледѣльческой школы; въ 1852 разсужденіе на степень магистра химіи: «О сѣрной кислотѣ въ химикотехническомъ отношеніи» и участвовалъ въ составленіи аналитическаго каталога предметовъ сельско-хоз. выставки. Въ 1853—54 г. вышелъ его: «Опытъ сельской технологіи», 2 ч.

Кромѣ того были статьи его въ Моск. Вѣдомостяхъ, Современникѣ 1853 (№ 7 и 8 Обозрѣніе моск. выставки мануф. издѣлій), въ Вѣстникѣ Ест. наукъ, и нѣсколько рецензій въ Рус. Вѣстникѣ 1856 и 1858 и въ Отеч. Запискахъ 1858 и 1859. Онъ былъ также сотрудникомъ Энциклопедич. Словаря. (По сообщеннымъ свѣдѣніямъ.)

Ауэрбахъ, Иванъ Богдановичъ, геологъ, уроженецъ Москвы (р. 1815), преподаватель геологіи и минералогіи въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, былъ при основаніи моск. Петровской земледѣльческой академіи профессоромъ ея; ум. 7 ноября 1867 (Русск. Вѣдомости, № 131).—Онъ долго былъ вторымъ секретаремъ моск. общества испытателей природы, въ изданіяхъ коего есть его статьи, и много путешествовалъ; въ 1854 по порученію географическаго общества изслѣдовалъ геогностически гору Богдо близъ Чернаго Яра (Астрах. губ.)

№. *Траутшольда* изъ Бюллетеня Общ. испыт. природы—въ Соврем. Лѣтописи 1868, № 4, стр. 15. *Trautschold*, H., Gedaechtnissrede auf J. Auerbach, vorgetragen den 16 Nov. 1867 in der Sitzung der K. Natur-forscher-Gesellschaft zu Moskau.

Баженовъ, Александръ Николаевичъ, любитель театра и театральный критикъ, авторъ нѣсколькихъ водевилей и издатель въ Москвѣ театральной газеты: «Антрактъ». Ум. въ Москвѣ въ сент. 1867 г. Онъ перевелъ: Пѣсни Анакреона съ примѣчаніями. М. 1861. 8°.—Родиславскій напечаталъ въ Москвѣ

*) Свѣдѣнія о писателяхъ умершихъ въ 57 г. напечатаны въ Библіогр. Запискахъ 1-й (1858, № 12), въ 1858 г. тамъ же т. 2-й 1859, № 20); въ 1859, тамъ же т. 3-й (1861, 4); въ 1860—1862 г. въ Р. Архивѣ 1864, 5 и 6; въ 1863 г. тамъ же (1865, стр. 115—28); въ 1864 г. тамъ же (1866, стр. 561—580); въ 1865 г. тамъ же (1867, стр. 953—981); въ 1866 г. тамъ же (1868, стр. 2001—2026).

его сочиненія (т. І-й 1869), съ портретомъ (Въ І-й томъ вошли его статьи о театрѣ изъ Антракта). № Илл. Газета 1867, № 41, стр. 255.

Билярскій, Петръ Спиридоновичъ, академикъ; изъ духовнаго званія, воспитанникъ казанской семинаріи и московской духовной академіи. По переѣздѣ его въ Петербургъ онъ въ 1844 г. опредѣленъ былъ редакторомъ неофиціальной части Журнала Мин. Н. Пр., въ которомъ помѣстилъ нѣсколько статей (между прочими біографію Круга, т. 44, Сколько главныхъ частей въ предложеніи? т. 94, и переводъ Введенія во всеобщее языкознаніе В. Гумбольдта, т. 97—103, вышедшее особо въ 1859 г.); тамъ же много его рецензій и обозрѣній русскихъ газетъ и журналовъ (т. 40 — 80). Онъ служилъ въ Сенатѣ, потомъ при штабѣ военно-уч. заведеній наблюдателемъ за преподаваніемъ, а въ 1858 избранъ адъюнктомъ и въ 1860 академикомъ по отдѣленію рус. языка и слов. Онъ участвовалъ въ изданныхъ Отдѣленіемъ Словарѣ и Извѣстіяхъ и собралъ обширные матеріалы о Ломоносовѣ.—Въ 1865 онъ былъ вызванъ профессоромъ въ новороссійскій университетъ. Скончался 2 янв. 1867 г. на 50 году жизни.

1) Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическое изслѣдованіе. І. О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Спб. 1848 (Мемуары Академіи) 2-ю часть этого труда составляло изслѣдованіе о кириловской части Реймскаго Евангелія, и 2-е изд. дополненное 1-й части 1859, 8°.—2) О различіи организма человѣческаго языка по вліянію этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода. *В. фонъ -Гумбольдта*. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Переводъ. Учебное пособіе по теоріи языка и словесности. Спб. 1859 —3) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865. 8°.—Объ его трудахъ въ Отчетѣ Академіи наукъ по отд. рус. языка за 1860, *П. Плетнева* (См. Отчеты, изд. въ 1866 г. стр. 329—330).—№. въ Журналѣ Мин. Н. Пр. т. 133 (1867, № 2), лѣтопись, стр. 248—250.—Въ газетѣ Москва, № 15: Воспоминаніе о немъ *Подчиненнаго*, въ Спб. Вѣдом. 1867, № 74.—Отчетъ Академіи по отд. рус. языка акад. ***Никитенко*** за 1867 годъ (Спб. Вѣдом. 1868, № 1 и Записки Академіи, т. XIII).

Бѣляевъ, Илья Васильевичъ, профессоръ моск. семинаріи, сконч. 25 января 1867 въ Москвѣ, на 41 году.
Изъ его статей замѣчательны: Наказные списки соборнаго уложенія (1551) или Стоглава. М. 1863. 8°. Жизнь св. Кирилла и Меѳодія. М. 1865. Жизнь преп. Ѳеодосія Печерскаго М. 1865. Благовѣрная Евдокія Вел. княгиня Московская. М. 1866. Царь и В. К. Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный М. 1866. Преподобный Антоній Печерскій. (Изданіе общества распр. пол. книгъ).—Статьи въ Рус. Бесѣдѣ и Днѣ. N. Газета День 1867, № 21.

Веселовскій, Иванъ Семеновичъ, дворянинъ, уроженецъ г. Могилева, кандидатъ моск. университета (1816), получилъ степень доктора медицины по защищеніи диссертаціи: De vitiis aêris atmosphaerici corpus humanum vivum officientibus, и поступилъ лекторомъ въ медицинскій институтъ и секретаремъ въ медиц.

факультетъ московск. унив—та. Въ 1825 онъ опредѣленъ адъюнктомъ при моск. медико-хирургич. академіи; въ 1833 произведенъ въ профессоры и оставался въ академіи до 16 авг. 1838; съ 1835 до 1839 былъ профессоромъ физики въ московскомъ унив—тѣ. Сконч. въ Москвѣ 12 апрѣля 1867 г. Кромѣ диссертаціи въ біографіи его указаны двѣ его статьи въ Магазинѣ Двигубскаго и въ Вѣстникѣ естеств. наукъ и медицины Іовскаго.

Словарь професс. моск. Ун. I, 163.—N. Русскій, *М. Погодина* 1867, стр. 276.—Отчетъ Академіи наукъ по II отд. за 1867 годъ.

Горбуновъ, Орестъ Ѳедоровичъ, братъ петербургскаго актера Горбунова, разскащикъ народныхъ сценъ въ Москвѣ. Ум. 2 ф. 1867 г.

Сцены изъ народнаго быта. М. 1867. 12°. — 2-е изд. М. 1868.

Графъ (фонъ), В. Е. профессоръ лѣсоводства въ Петровской земледѣльческой академіи, завѣдывавшій болѣе 20 лѣтъ Велико-анадольскимъ лѣсничествомъ Екатериносл. губерніи. Ум. 25 ноября 1867 г. (Спб. Вѣдом. № 333).

Гречь, Николай Ивановичъ. Предки его были богемцы - протестанты; дѣдъ его былъ учителемъ въ Сухоп. кадетскомъ корпусѣ; отецъ его находился въ гражданской службѣ. Онъ р. въ Петерб. 3 авг. 1787 г. воспитывался дома, потомъ въ юнкерскомъ институтѣ, учрежденномъ Имп. Павломъ при Сенатѣ, подъ начальствомъ Оленина, который въ послѣдствіи покровительствовалъ Гречу въ началѣ его службы. Онъ слушалъ также лекціи педагогич. института и съ 1804 сталъ преподавать русскую грамматику въ частныхъ пансіонахъ. Тогда же начались его занятія по составленію учебника грамматики и первые литературные опыты, появившіеся въ «Журналѣ для пользы и удовольствія» и въ «Журналѣ росс. словесности,» Брусилова. Въ 1806 онъ поступилъ на службу въ цензурный комитетъ, въ которомъ былъ секретаремъ до 1815 г. Онъ при этомъ оставался преподавателемъ въ нѣкоторыхъ училищахъ, между прочими въ училищѣ при евангелической церкви св. Петра (1809—1813) и во второй гимназіи (1813—1817.) Въ 1818 онъ былъ прикомандированъ къ комиссіи составленія учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ, учредилъ общество образованія училищъ по методѣ взаимнаго обученія и составилъ для того руководства и таблицы. Изучивъ ланкастерскую методу за границею, онъ ввелъ ее въ 1819 г. въ воспитательныхъ домахъ спб. и гатчинскомъ, учредилъ училище для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса и былъ назначенъ директоромъ училищъ гвардейскаго корпуса, но послѣ исторіи въ семеновскомъ полку училища эти были закрыты.—Онъ участвовалъ въ составленіи цензурнаго устава 1825 г. – Въ 1829 онъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и основалъ «Журналъ мин. вн. дѣлъ,» котораго былъ редакторомъ до 1831 г.; въ 1836 онъ перешелъ въ министерство финансовъ членомъ общаго присутствія деп-та мануфактуръ и вн. торговли и въ слѣдующемъ 1837 получилъ порученіе за границу, откуда посылалъ въ Сѣверную Пчелу свои путевыя письма. Въ 1841 онъ снова былъ за границею для леченія и снова печаталъ письма, вышедшія потомъ

отдѣльною книгою. Въ 1842 и 1843 онъ преподавалъ русскій языкъ въ пажескомъ корпусѣ. Въ 1843 уволенъ изъ мин. финансовъ и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до 1848 г. живя въ Гейдельбергѣ, Боннѣ и Парижѣ и издалъ въ послѣдствіи «Парижскія письма». Возвратясь въ Петербургъ, снова занялся С. Пчелою, которую передалъ въ 1860 г. Усову, вмѣстѣ съ своею типографіею. Онъ ум. 12 янв. 1867 г.

1. *Германія* въ глубокомъ униженіи своемъ. Съ нѣм. — Изд. 2-е Спб. 1807. 8° (У Сопикова безъ имени, № 2807).—2) Нѣкоторыя мысли о современныхъ происшествіяхъ, *Шредера*, съ нѣм. Спб. 1806. 8°. — 3) Леонтина, *А. Коцебу*, съ нѣм. 4 ч. М. 1808. 3-е изд. М. 1815. 18°.— 4) Таблица русскихъ склоненій. 1808. — 5) Фараонова дочь, комедія въ 1 д. *А. Коцебу*. Съ нѣм. Спб. 1809, 8°.—6) Новое всеобщее землеописаніе... *Адама Гаспари*. Съ нѣм. Спб. 1809. 8°.—7) Опытъ о русскихъ спряженіяхъ. Спб. 1811. 12°.—8) Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ. Спб. 1812. 8°. — (Потомъ перепечатано подъ заглавіемъ: Учебная книга Р. Слов.—9) Ланкастерскія школы. Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ. Спб. 1818. 8°. — 10) Руководство къ взаимному обученію, съ таблицами и 2 чертежами. Спб. 1819.— 11) Учебная книга росс. словесности, или избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ правилъ реторики, піитики и исторіи росс. словесности. 4 ч. Спб. 1819 — 1822. 8°. Перепечатано въ 1830 и 1844 г., а Исторія дополненная вышла особо: 12) Опытъ краткой исторіи русской литературы. Спб. 1822. 8°.—Lehrbuch der Russ. Lit. von *Fr. Otto*. Berlin, 1837. (Прежде еще было помѣщено обширное извлеченіе въ St. Petersb. Zeitschrift Ольдекопа, 1822 года). — The history of Russian Literatur transl. by *G. Cox*. Oxford, 1839. 8°. — Rys hystoryczny lit. rossyyskiey. Z ros. pzez *S. Linde*... Warszawa, 1823. 8°.—13) Коректурные листы русской грамматики, 1-я тетрадь. Спб. 1823. 4°. — 14) Пространная русская грамматика. ч. I. Спб. 1827. Пространная грамматика русскаго языка. Изд. 2-е- Спб. 1830. — 15) Практическая русская грамматика Спб. 1827. 8°. — 2-е изд. исправл. Спб. 1837. 8°.—Praktisk rysk. Grammatik. Andra upplagan (ifran ryska). Tavasthus, 1848. 8°. — Grammaire raisonnée de la langue russe. Trad par *Reiff*. Spb. 1828—29. 2v. 8°.—Id. Ib. 1837.—16) Начальныя правила русской грамматики. Спб. 1828. 8°. (Съ 10-го изданія называлась Краткая рус. грамматика).—Перепечатано Спб. 1830, 1833, 1835, 1837, 1838, 1839, 1840, 1842 и 1843 г. 10-е изданіе въ Карлсруэ, 1843. Слѣдующіе за тѣмъ оттиски: Спб. 1845, 1846, 1847, 1848, 1850, 1851, 1853 и 11-е изд. (оттискъ 9-й), 1855. — Grundregeln der russ. Grammatik. Aus d. russ. von *A. Oldekop*. Spb. 1828. 8°.—Första grunderna af ryzka grammatiken af *G. Geitlin*. Helsingfors, 1829. 8°.— Poczatkowe prawidla rossyjskiej grammatyki. Warz. 1834 и 1847. 8°.— 17) Практическіе уроки русской грамматики, Спб. 1832, и Ключь къ практич. урокамъ, 1832. Новое изданіе подъ загл. Руководство къ изученію русской грамматики. Спб. 1847. — 18) Разскащикъ, или избранныя повѣсти иностранныхъ авторовъ. 5 ч. Спб. 1832. 8°.—19)

Черная женщина, романъ въ 4 ч. Спб. 1834.—La femme noire. Trad. par M-me Sophie *Conrad*. 2 v. Paris, 1838. 8°.—Die schwarze Frau. Ein Roman, übers. von C. I. *Schulz*. 4 B. Leipzig, 1837. 8°.—20) Біографія И. Александра I. Спб. 1835.- Biographie de l'empereur Alexandre, trad. par *A. Bodisko*, 1836.—21) 28 дней за границею или дѣйствительная поѣздка въ Германію, Спб. 1837. 8°.—Mes reminiscences, par N. Gretsch. Trad. par M-me Sophie Conrad. Paris, 1837. 8°.—Ausflucht eines Russen nach Deutschland. Aus d. russ. (von Eurot) Leipzig, 1837. 8°. и Reval, 1843.—22) Учебная Всеобщая Географія, 3 ч. Спб. 1838 и 1844. — 23) О четырнадцатомъ томѣ Энциклопедическаго Лексикона. Спб. 1838. 8°.—24) Литературныя объясненія. Спб. 1838. 12°.—25) Сочиненія Н. Греча, 5 ч. Спб. 1838. 8°.—26) Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи, 3 ч. Спб. 1839. 8°.—27) Königs literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt. Aus d. russ. von *W. v. O.* (*Oertel*). Berlin, 1840. 8°.—По поводу возраженія Кёнига на эту критику Гречь напечаталъ еще брошюру: 28) König und seine Lügen. Ein Gegenstück zu N. Gretth und die russ. Literatur in Deutschland. Hamburg, 1840. 12°. — 29) Чтенія о русскомъ языкѣ. 2 ч. Спб. 1840. 8°. — 30) Всемірная исторія *К. Беккера*. Переводъ *изданный* Гречемъ. 3 ч. Древняя Исторія, Спб. 1843. 8°.—31) Письма съ дороги по Германіи, Швейцаріи и Италіи, 3 ч. Спб. 1843. 8°.—32) Reponse à un article de M. St. Marc Girardin. Heidelberg, le $\frac{1}{3}\frac{8}{0}$ avril 1844. 8°. — 33) Examen de l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839. Trad. du russe par *Alex. Kouznetzoff*. Paris, 1844. 8°.—Idem, Brux. 1844. 12°. — Ueber das Werk: La Russie en 1839 par le marquis de Custine. Aus d. russ. von W. von *Kotzebue*. 2-e Ausgabe, Heidelberg, 1844.—34) Русская азбука. Карлсруэ. 1846.—35) Латинскій самоучитель. Руководство къ скорому и легкому изуч. латинскаго языка. Изд. Н. Гречемъ 2 т. Спб. 1848.—36) Учебная русская грамматика для учащихся. Спб. 1851 и 1852. — 37) Руководство къ преподаванію по учебной русской грамматикѣ. Спб. 1831.—38) Задачи учебной русской грамматики. Спб. 1852. 8°.—39) Жизнеописаніе Вас. Мих. Головнина, Спб. 1851. (Къ путешествію Головнина). — 40) Поѣздка въ Москву. (брошюра изъ Сѣв. Пчелы). 1852. 8°.—41) Сочиненія Н. Греча. 3 ч. 1855. (Изданіе Смирдина). — 42) Руководство къ преподаванію по русской грамматикѣ Н. Греча (для учащихъ), ко 2-му изданію. Спб. 1856. 8°.—43) Разсмотрѣніе книги: Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка. Спб 1856. (По поводу замѣчаній на эту критику въ Спб. Вѣдомостяхъ № 263 и 264 появился отвѣтъ Греча въ Сѣв. Пчелѣ 1857, № 7 и 8 и отдѣльною брошюрою). — 43) Воспоминанія о Д. М. Княжевичѣ. Н. Гр. Спб. 1860. 8°.—44) Замѣчанія на книгу: Опытъ русской грамматики К. Аксакова. Спб. 1860. 8°. (Съ подписью: бывшій учитель).—45) Памяти А. Востокова. Изд. 2-е Спб. 1864. (Прежде было въ газетѣ Вѣсть, № 15).—46) Русская Грамматика перваго возраста (ученическая). 3-е изд. Спб. 1865. Тоже учительская. Спб. 1865. Изд. 4-е 1868. 8°.

Гречь былъ редакторомъ и участникомъ слѣд. журналовъ: 1) Геній Временъ, съ Ѳ. Шредеромъ и И. Делакроа, 3 ч. (239 №№), съ іюня 1807 по 16 сент. 1809. — 2) Журналъ новѣйшихъ путешествій, съ Ѳ. Шредеромъ; съ окт. 1809 по окт. 1810, 4 ч. помѣсячно. 3) Европейскій музей или извлеченіе изъ иностр. журналовъ на 1810 г. 32 номера, въ 4-ку. 4) Сынъ Отечества съ 1812 по 1828 одинъ, а съ 1838 съ Булгаринымъ. 5) Альманахъ: Русская Талія на 1825 г. съ Булгаринымъ. 6) Сѣверная Пчела съ Булгаринымъ съ 1825 до кончины Булгарина, потомъ съ Усовымъ, которому ее передалъ въ 1860 г. 7) Журналъ мин. вн. дѣлъ съ іюля 1829 до 1831 года.— 8) Энциклопедическій Лексиконъ, съ 1835 до 1840 (по части литературы). — 9) Русскій Вѣстникъ въ 1841 г. по май мѣсяцъ, съ Кукольникомъ и Полевымъ, 10) Военно-Энциклопедич. Лексиконъ, съ Зеддeлеромъ (1-е изданіе). Вмѣстѣ съ Булгаринымъ онъ издавалъ также: Дѣтскій собесѣдникъ на 1826, 1827 и 1828 г. 4 ч., и подъ его же руководствомъ выходило: Новое Дѣтское Чтеніе, 2 ч., 1839 и Дѣтскій Собесѣдникъ 1840, ч. I.

Не малую услугу оказалъ Гречь корректурою множества книгъ, между прочимъ Словаря Даля.

Отрывки изъ его Записокъ: Одинъ о декабристахъ напечатанъ былъ въ Полярной Звѣздѣ ч. 7-я (Лондонъ, 1862) и потомъ въ Русс. Вѣстникѣ т. 75 (1868, № 6) и другой о книгѣ Госнера и дѣлахъ библейскаго общества въ Рус. Архивѣ 1868 года.

Къ портрету Н. И. Греча *Ѳ. Булгарина*. Спб. 1838. 12°. 31 стр. (Изъ Сѣв. Пчелы). Эта же статья приложена къ Сочиненіямъ Н. Греча Спб. 1855.—Gretsch, eine biographische Skizze. Aus d. russ. von Dr. Maximilian Heine. Lpzig. 1838. 12° 21 стр.—Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Н. И. Греча 27-го декабря 1854 г. Составлено *Кс. Полевымъ*. Спб. 1855. 8°. 98 стр. съ портретомъ и рисункомъ поднесенной ему вазы. Здѣсь описаніе юбилея, біографическій очеркъ сост. *А. Висковатовымъ* (отпечатано также особо, на 35 и 3 стр.), стихотворенія и рѣчи *В. Зотова, Н. Арбузова, Б. Ѳедорова, Ознобишина, В. Любича-Романовича, А. Кресина, Вальтера, А. Толлерта* и списокъ участвовавшихъ въ устройствѣ юбилея.

N. Въ Журналѣ Мин. Н. пр. ч. 133 (1867, № 2), лѣтопись, стр. 240—247.— Отчетъ Академіи по II отд. *Никитенко*, въ Спб. Вѣдом. 1868, № 11.—Иллюстр. Газета, № 3, стр. 47.

Демчинскій, Алексѣй Вадимовичъ, врачь, окончившій въ 1864 курсъ въ медико-хирургической академіи и бывшій однимъ изъ лучшихъ ординаторовъ въ клиникѣ, при Красовскомъ. Онъ написалъ диссертацію на степень доктора: «о родильной горячкѣ», но не успѣлъ ее защитить и ум. 25 лѣтъ въ сент. 1867, въ Москвѣ. Илл. Газета 1867, № 38, стр. 207.

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичь, изъ духовнаго званія ученикъ харьковской гимназіи и университета, прибылъ въ 1863 г. въ Петербургъ и печаталъ сатирическія статьи въ Занозѣ, Искрѣ и въ Современникѣ, составлялъ «внутреннее обозрѣніе» журнала Русское Слово, а при основаніи Степановымъ «Будильника»

составилъ его программу и редактировалъ его до марта 1866 г.—Онъ скончал. близъ Чернигова 20 февраля 1867 г. 27 лѣтъ. N. въ Искрѣ 1867, № 11.

Доббертъ, Яковъ Даниловичъ, почетный лейбъ-хирургъ, участвовавшій въ походахъ 1812—1815.—Род. 3 авг. 1787 въ Спб-гѣ; ум. 12 янв. 1867, тамъ же (Мѣсяцесловъ 1868, стр. 298).

Долгорукой князь Дм. Ив. сенаторъ, т. сов., сынъ князя Ивана Михаиловича, оставившаго записки, и внукъ извѣстной княгини Наталіи, записки которой онъ сообщилъ въ Рус. Архивѣ 1866 г.—Служилъ съ 1816 въ моск. губ. правленіи, потомъ на дипломатич. поприщѣ и съ 1845 по 1854 былъ полномочн. мин. при персидскомъ дворѣ. Ум. 19 окт. 1867 сенаторомъ въ Москвѣ.

Напеч. книжку стихотвореній. М. Вѣд. № 229.

Ершовъ, Александръ Степановичъ, изъ дворянъ зарайскаго уѣзда, р. 20 іюля 1818, учился въ рязанской гимназіи и моск. университетѣ и по окончаніи курса въ 1839 отправленъ былъ въ Петербургъ для слушанія лекцій практической механики и начертательной геометріи въ технологич. институтѣ и институтѣ корпуса путей сообщенія.—По испытаніи на степень магистра онъ въ 1841 г. посланъ былъ за границу и долго былъ въ Парижѣ. По возвращеніи въ 1843 онъ поступилъ преподавателемъ практической механики и начертательной геометріи въ московскую 3-ю гимназію, а въ слѣдующемъ году, по утвержденіи въ степени магистра, поступилъ доцентомъ этихъ же наукъ въ моск. университетъ. Въ 1848 онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, а въ 1853 исправляющимъ должность экстр. профессора, ум. 21 февраля 1867 г.

Статьи его находятся въ Журналѣ путей сообщенія (1843), въ Журналѣ Мин. Н. Пр., Моск. Вѣдомостяхъ и другихъ. 1) Диссертація его: О водѣ какъ двигателѣ. М. 1844. 2) О высшемъ технич. образованіи въ западной Европѣ М. 1857, 3) О значеніи механическаго искусства и о состояніи его въ Россіи, М. 1859. 4) Основанія кинематики, или ученіе о механизмѣ машинъ. М. 1854. съ 227 политипажами.

Біогр. Словарь Моск. професс. I, 326—328.—N. Моск. Вѣдом. 1867, № 45.

Зайковскій, Дмитрій Дмитріевичъ, медикъ изъ студентовъ моск. университета. Въ 1863 по защищеніи диссертаціи «о соляхъ мѣди въ медицинскомъ отношеніи», онъ былъ утвержденъ въ степени доктора медицины и командированъ отъ унив-та за границу. Въ 1866 г. назначенъ въ моск. унив-тетъ доцентомъ и читалъ врачебную діагностику и общую терапію (пробная лекція его въ Унив. Извѣстіяхъ 1866—67, № 1).—Онъ особенно занимался изслѣдованіями ядовъ. Напечатанныя статьи его указаны *Ал. Полунинымъ* въ его некрологѣ, въ Моск. Унив. Извѣстіяхъ 1866—67, № 7, стр. 575—577.—Сконч. 23 марта 1867.

Краткія извѣстія о его смерти въ Медиц. Газетѣ 1867, № 7 и 8 и въ Голосѣ № 87.

Зайцевъ, Александръ Егоровичъ, русскій патріотъ на Волыни, ум. въ предмѣстіи города Луцка на Красномъ, на 45 году. Родомъ изъ Казани, происхожденіемъ изъ податнаго состоянія, онъ получилъ обра-

зованіе въ казанскомъ университетѣ въ 40-хъ годахъ. Въ его некрологѣ въ Иллюстр. Газетѣ 1867, № 45, стр. 319, сказано, что, ведя «жизнь скромную и уединенную, онъ занимался литерат. трудами и печаталъ въ прозѣ и въ стихахъ въ нѣсколькихъ періодич. изданіяхъ».

Зедергольмъ, Карлъ Албертовичъ, финляндскій уроженецъ (р. 25 мая 1789), учился въ абовскомъ университетѣ. Съ 1811 онъ жилъ въ Россіи, сперва въ таврич. губерніи, потомъ на Дону и въ Харьковѣ, а съ 1819 поселился въ Москвѣ, гдѣ долго былъ лютеранскимъ пасторомъ и жилъ до кончины своей 15 іюля 1867 г. (См. Моск. Вѣдом. 1867, № 159).

Онъ долженъ занять мѣсто между русскими учеными, потому что съ молодыхъ лѣтъ, живя въ Россіи, полюбилъ ея языкъ и литературу, основательно изучилъ славяно-русскій языкъ и перевелъ на нѣмецкій языкъ Слово о полку Игореви. Онъ занимался философіею, былъ знакомъ со всѣми мыслящими и учеными людьми Москвы и собесѣдникомъ Хомякова, И. В. Кирѣевскаго и Голубинскаго.

1) Das Lied vom Heereszuge Igors. Aus dem Slavonischen metrisch übersetzt. M. 1825, 8°.—2) Nachruf an die hochselige Kaiserin Elisabeth. M. 1826. 8°.—3) Zur Feyer der Krönung des K. Nicolai Pawlowitsch. M. 1826. 8°.—4) Карманная книга Географіи для дѣтей съ 21 раскрашенными рис. и ландкартою. Пер. съ нѣм. М. 1835, 16°.—5) Ξενοφῶντος Ἀνάβασις Κύρου. Походъ Кира младшаго. По тексту разсматриваемому Кригеромъ. Съ объясненіями и словаремъ. М. 1840. 8°, (Удостоено Демидовской преміи). 6) Исторія древней философіи, приспособленная къ понятію каждаго образованнаго человѣка. 2 ч. М. 1841—1842. 8°. 7) Der Brief Pauli an die Epheser, neu übersetzt u. erklärt. M. 1845. 8°.

Воспоминанія о своей юности и о Финляндіи сообщены имъ безъ подписи имени въ Моск. Вѣдомостяхъ 1853, № 49 и 50, откуда отпечатаны въ особомъ оттискѣ (31 стр).

Игнатій (Брянчаниновъ) воспитывался въ Вологдѣ въ домѣ родителей, потомъ въ инженерномъ училищѣ въ 1822—1826 и по окончаніи курса, послѣ трудной болѣзни, избралъ иноческую жизнь; постригшись въ 1833, жилъ въ Сергіевой пустыни близъ Петербурга. Въ послѣдствіи, возведенный въ санъ архимандрита, онъ 14 лѣтъ былъ настоятелемъ этого монастыря. Въ 1857 г. его назначили епископомъ на каѳедру кавказскую и черноморскую, а въ 1861 онъ по болѣзни отпросился на покой и жилъ въ Николо-бабаевскомъ монастырѣ костромской епархіи, которымъ управлялъ и гдѣ скончался 30 апр. 1867 г.

1) Слово о смерти. Спб. 1863.—Прибавленіе къ слову о смерти. Взглядъ на мнѣніе западныхъ: о духахъ, адѣ и раѣ, и особо дополненныя свидѣтельства (цитаты) о мѣстонахожденіи ада и рая. Спб. 1864.—2) Слово о чувственномъ и духовномъ видѣніи духовъ и совѣщаніи души съ умомъ. Спб. 1863. 3) Слово о спасеніи и христіанскомъ совершенствѣ. 1863.—4) Слово о различныхъ состояніяхъ естества человѣческаго по отношеніи къ добру и злу. Спб 1863.—5) Чаша Христова. Спб. 1863.—6) Поученія. Спб. 1863.—7) Правила на-

ружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ, Спб. 1864.—8) Сочиненія. Аскетическіе опыты 4 ч. Спб. 1865.

Ѣ. Моск. Вѣдомости 1867, № 109 и дополненіе, *Ж.* тамъ же, № 161.

Илишъ, Өедоръ Самуиловичъ, надв. сов. врачь ум. 11 дек. 1867. (Спб. Вѣдом. 1867, № 345).

Искрицкій, Александръ Александровичь, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, восемь лѣтъ завѣдывалъ архивомъ военно-топографическаго депо; съ 1849 онъ поселился въ имѣніи своемъ суражскаго уѣзда, гдѣ сконч. 16 марта 1867.

Въ некрологіи его *Ив. Кокотскаго*, въ Рус. Инвалидѣ 1867 г. № 212 сказано, что онъ составилъ Памятную книжку для офицеровъ въ полѣ.

Карповъ, Василій Николаевичь, магистръ, сынъ священника села Хрѣноваго (воронежской губ.), р. 1800, учился въ воронежской семинаріи и въ кіевской академіи (1821), гдѣ потомъ преподавалъ философію. Въ 1833 г. былъ переведенъ въ спб. дух. академію, гдѣ въ 1835 утвержденъ орд. профессоромъ, преподавалъ философію до 1844, потомъ исторію философіи и логику. Ум. съ 2 на 3 дек. 1867. (Спб. Вѣдом. № 336).

Онъ привелъ въ порядокъ библіотеку академіи, которою онъ завѣдывалъ съ 1834 по 1854 г., служилъ съ 1855 цензоромъ и участвовалъ въ изд. академіею «Христіанскомъ Чтеніи». Кромѣ напечатанныхъ 4 томовъ соч. Платона, онъ приготовилъ къ изданію еще три, и написалъ Психологію, изъ которой нѣск. отрывковъ помѣщено въ Христ. Чтеніи. Въ Сборникѣ изд. для дѣтей при Страннникѣ есть нѣсколько его психологич. статей. Одна философич. статья его въ Журналѣ Мин. н. просв. т. 92 и тамъ же нѣск. разговоровъ Платона, имъ переведенныхъ, и Федонъ его въ 4-й ч. Пропилеевъ Леонтьева.

1) Исторія философіи древнихъ временъ Риттера, ч. I. Спб. 1839. 8°.—2) Введеніе въ философію г. Спб 1840 8°.—Сочиненія Платона съ греч. 2 ч. 1841—1842. Спб. 8°. изд. 2-е, 4 ч. 1863.—5) Горгіасъ, разговоръ Платона, съ греч. М. 1857. 8°.—4) Систематическое изложеніе Логики. Спб. 1856. 8°.—6) Византійскіе историки. Историч. записки Никифора Вріеннія (976—1087) Спб. 1858, и—Сокращенное сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, Анны Комниной. Съ греч. ч. I. Спб. 1859.

№. *Д. Щеглова* въ Голосѣ 1867, № 248, и дополнит. замѣтка тамъ же 1868, № 11.—Исторія русс. философіи архим. Гавріила (Казань, 1840), стр. 148—151.

Кедрскій, Алексѣй Васильевичъ, р. въ 1822 г., воспитывался въ московской семинаріи и духовной академіи, въ которой кончилъ курсъ магистромъ въ 1846 и потомъ преподавалъ словесность въ виѳанской, а съ 1850 въ московск. духовной семинаріи и оставилъ по себѣ память отличнаго наставника. Ум. 12 января 1867 г. N. въ газетѣ Москва 1867, № 20.

Кемцъ, Лудвигъ Мартыновичъ (Friedrich Ludwig Kämts), метеорологъ, р. 11 янв. 1801 въ Трептовѣ, въ Помераніи. Онъ учился въ 1819 въ Галле, гдѣ получилъ степень доктора философіи за разсужденіе о логариѳмѣ интеграловъ и былъ приватдоцентомъ, потомъ орд. про-

фессоромъ физики. Въ это время онъ напечаталъ нѣсколько статей и издалъ свои лекціи въ формѣ курса опытной физики: Lehrbuch der Experimentalphisik. Halle, 1839. 8°. — Изъ монографій его важнѣйшія: освѣтящихся метеорахъ (1825), объ измѣненіяхъ въ состояніи барометра (1825, 1827 и 1830), о вліяніи луны на барометръ (1830), объ опредѣленіи средней температуры сутокъ (1823), о причинахъ наименьшей температуры, бывающей предъ восходомъ солнца (1826), о поправкахъ при вычисленіи среднихъ температуръ (1827), о гольфстремѣ (1827), сѣверномъ сіяніи (1828—1831), о годичныхъ измѣненіяхъ температуры (1829), о радугѣ безъ видимыхъ облаковъ и пр. Они служили приготовленіемъ къ главному, извѣстнѣйшему труду: Lehrbuch der Meteorologie (3 ч. Halle 1831—1836). Въ послѣдствіи онъ издалъ сокращенное изложеніе этой книги: Vorlesungen über Meteorologie, Halle, 1840, съ таблицами) переведенное на языки французскій, англійскій, италіанскій (дважды) и русскій: Лекціи о метеорологіи, перев. *М. Спасскаго*, 2 ч. М. 1841. 8°.

По смерти Паррота, Кемцъ занялъ въ 1842 г. въ дерптскомъ университетѣ каѳедру физики. Въ 1841 онъ совершилъ по Финляндіи поѣздку для наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ, и академія наукъ издала его изслѣдованія. Послѣ того онъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ путешествій въ Россіи и по Альпамъ, но результаты его наблюденій остались ненапечатанными. По порученію спб. географическаго общества изданъ подъ его руководствомъ: Метеорологическій сборникъ (10 выпусковъ.) — По смерти Купфера (1865) онъ занялъ его мѣсто въ академіи наукъ и опредѣленъ директоромъ главной физической обсерваторіи, которую думалъ преобразовать по новымъ требованіямъ науки, но смерть прервала его труды: онъ скончал. 8 дек. 1867 г.

См. Отчетъ Академіи наукъ по физико-матем. и историко-филологич. отдѣленіямъ за 1867 г. (читанный *К. Веселовскимъ*); въ Запискахъ Академіи, т. XIII (1868), стр. 1—7.

Латкинъ, Василій Николаевичъ, потомственный поч. гражд. изъ зырянъ устьсысольскаго уѣзда, посвятившій много трудовъ и знанія на пользу печорскаго края, о которомъ много печаталъ. Онъ основалъ торговое печорское товарищество, доказалъ, что въ устьѣ р. Печоры могутъ ходить корабли. Онъ прибылъ въ Спб. въ 1837 молодымъ человѣкомъ съ своими проэктами. Объ операціяхъ печорскаго товарищества онъ подалъ въ окт. 1866 мин. вн. дѣлъ обстоят. записку (См. Илл. Газету 1867, №45) —Дневникъ во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 г, 2 ч. Спб. 1853.—О золотопромышленности въ Сибири, Спб. 1864. брош.—О нашихъ промышленныхъ дѣлахъ, Спб. 1866, брошюра изъ Бирж. Вѣдом. № 135 и 137—165).

Малыхинъ, Петръ Васильевичъ, воронежскій писатель, редакторъ Воронежскаго Листка, издатель (съ Гарденинымъ) Воронежскаго Сборника, т. I, Воронежъ, 1861, кандидатъ харьк. университета, преподаватель русскаго языка и словесности въ воронежской гимназіи, потомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Ум. въ 1867 г. на 49 году.

Иллюстр. Газета 1867, № 30, стр. 80.

Мельгуновъ, Николай Александровичь. Ум. въ Москвѣ въ мартѣ 1867, членъ моск. общества любителей росс. слов., молодость проведшій въ Москвѣ, занимался литературою, потомъ долго жилъ за границею. При основаніи Моск. Наблюдателя, онъ въ немъ участвовалъ, потомъ печатался въ Москвитянинѣ подписываясь: *Н. Л—скій*, въ Спб. Вѣдом. и Отеч. Запискахъ подъ псевдонимомъ *Н. Ливенскій*. Онъ участвовалъ съ Шевыревымъ и Титовымъ въ переводѣ книги: Объ искусствѣ и художникахъ, размышленія отшельника, любителя изящнаго, изд. *Л. Тикомъ*, М. 1826. 12°. Кромѣ того изъ его произведеній отдѣльно издано:

1) Исторія одной книги. М. 1839. 8°. (Полемич. статья, относящаяся къ книгѣ о русской литературѣ изд. въ Берлинѣ Кёнигомъ, которому Мельгуновъ сообщалъ свѣдѣнія о русс. писателяхъ). — 2) Гулянье подъ Новинскимъ Н. Л—скаго. М. 1847. 12°. — 3) Разсказы о быломъ и небываломъ. 2 ч. М. 1854. 8°.

Нѣск. словъ о немъ въ Голосѣ 1867, №. 80, фельетонъ.

Персонъ, Иванъ Ивановичь, т. сов. почетный лейбъ-медикъ, р. 12 авг. 1797 г. въ Петербургѣ, гдѣ и учился въ петропавловской школѣ и медико-хирургической академіи. По окончаніи курса онъ опредѣленъ былъ ординаторомъ въ обуховскую больницу, потомъ путешествовалъ 4 года за границею, гдѣ особенно изучалъ внутреннія болѣзни и по возвращеніи въ Спб. занялся практикою и вскорѣ получилъ большую извѣстность. Онъ состоялъ на службѣ при нѣсколькихъ казенныхъ учрежденіяхъ и особенно полезенъ былъ училищу глухо-нѣмыхъ, въ которомъ ввелъ разныя улучшенія. Дѣятельность его расширилась по назначеніи его помощникомъ инспектора медиц. части гражданскихъ больницъ (при Арендтѣ), а съ 1863 инспекторомъ ихъ; ему принадлежитъ иниціатива многихъ реформъ въ организаціи больницъ. Онъ былъ также членомъ медиц. совѣта и принималъ участіе во всѣхъ санитарныхъ распоряженіяхъ въ столицѣ, членомъ медико-филантропическаго комитета и многихъ ученыхъ обществъ и однимъ изъ усерднѣйшихъ консультантовъ максимиліановской лечебницы. Ум. 10 окт. 1867 въ Петербургѣ.

Disquisitio sterilitatis muliebris. Petrop. 1835. 8°.

N. въ Иллюстр. Газетѣ 1867, №, 42, стр. 271. (Извлечено изъ статьи Е. Пеликана въ Сѣв. Почтѣ, напеч. по поводу 50 лѣтняго юбилея Персона празднованнаго 14 авг. 1867 года).

Подгорецкій, Ричардъ Осиповичь, р. въ Одессѣ 1833 г., учился въ виленской гимназіи и моск. университетѣ и былъ учителемъ географіи, потомъ русс. словесности въ калужской гимназіи. Ум. 17 мая 1867. — Онъ авторъ нѣсколькихъ пьесъ, игранныхъ на московской сценѣ: На долго-ли, Боль врача ищетъ и Сестрица.

N. Крестный Календарь, М. 1868, стр. 33.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичь, писатель, издатель и переводчикъ, р. въ Иркутскѣ 20 іюля 1801; ум. близъ Вязьмы 9 апр. 1867. Когда братъ его, Николай, издавалъ Моск. Телеграфъ (1825-1834) онъ въ немъ участвовалъ, особенно въ отдѣлѣ

библіографическомъ; потомъ по переѣздѣ его брата въ Спб. редактировалъ Живописное Обозрѣніе, издаваемое въ Москвѣ книгопродавцемъ А. Семеномъ (съ 1835 по 1844 г.) и занимался книжною торговлею и изданіемъ книгъ. Между прочими издалъ Басни Хемницера, миньятюрное изданіе съ статьею о немъ. Спб. 1838; Горе отъ ума, Грибоѣдова, Спб. 1839, въ 64 долю листа, также съ біографич. статьею объ авторѣ; второе изданіе Дѣяній Петра Великаго Голикова, 15 т. М. 1837—1843.—По переѣздѣ въ Петербургъ онъ участвовалъ въ Отеч. Запискахъ и Сѣв. Пчелѣ, а съ 1856 издавалъ иллюстрированный журналъ: Живописная Библіотека (1857 и 1858) Послѣдніе дни жизни онъ провелъ въ своемъ вяземскомъ имѣніи.

1) Новая Греція въ отношеніяхъ своихъ къ древности, *Э. Кине* съ фр. М. 1835. 8°.—2) Записки Наполеона о походахъ Тюреня и Фридриха Великаго. Съ фр. М. 1836. 8°—3) М. В. Ломоносовъ 2. ч. М. 1836. 8 (Романъ).—4) Путешествіе Мармона, Герцога Рагузскаго, въ Венгрію, Трансильванію, южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ. Съ фр. 4 ч. М. 1840. 8°.—5) Записки Герцогини Абрантесъ, или историч. воспоминанія о Наполеонѣ и проч. 16 т. М. 1848—1849. 8°.—6) Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Н. И. Греча. 27 дек. 1854. Спб. 1855. 8°.—7) Записки о жизни и соч. Н. Полеваго, ч. I. Спб. 1860. 8°. (Здѣсь встрѣчаются извѣстія и объ авторѣ книги).

N. Голосъ 1867, № 317.

Пучкова, Екатерина Наумовна, р. въ 1792 г., скончан. въ Петербургѣ, гдѣ постоянно жила, 26 апрѣля 1867 г. (См. Голосъ № 115, стр. 4-я).

Въ молодости она печатала стихи въ Сынѣ Отечества и издала нѣсколько переводовъ и отрывковъ въ небольшой книжечкѣ: Первые опыты въ прозѣ. М. 1812. 12°

Рамазановъ, Николай Александровичь, извѣстный ваятель, р. 1815, воспитывался въ академіи художествъ, изъ которой выпущенъ былъ въ 1839 г. и отправленъ за границу; потомъ долго былъ профессоромъ скульптуры въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія. Ум. 20 ноября 1867 г.

Онъ печаталъ статьи по исторіи искусства въ Россіи, разсказы и біографіи въ Спб. и Моск. Вѣдомостяхъ, Современной Лѣтописи, Москвитянинѣ и Русс. Вѣстникѣ и часть ихъ собралъ въ 1-мъ томѣ изданныхъ имъ «Матеріаловъ для Исторіи художествъ въ Россіи.» М. 1863. Мнѣ извѣстны еще отдѣльно вышедшіе оттиски его статей: 1) Воспоминаніе о К. И. Брюловѣ, М. 1852 (Изъ Москвитянина, № 16) и 2) О реставраторѣ картинъ Н. И. Подключниковѣ, М. 1854. (Изъ Москвит. 1853, № 22).

Краткое извѣстіе о немъ въ Худож. Листкѣ 1859, № 25.—Статья о немъ *Я. Т—на* въ Русс. Инвалидѣ 1859, № 117.—№. *С. Яковлева* въ Моск. Вѣдом. 1867, № 258. — N. въ Голосѣ 1868, № 3, съ подписью.—*вз*

Рейнгольдъ. Эмилій Ивановичь, д. т. сов., лейбъ-медикъ двора Е. И. Величества, управляющій придвор-

ною медицинскою частію. Ум. 9 янв. 1867.

Рудольфъ, Михаилъ Давыдовичъ, землемѣръ, жившій въ Москвѣ, гдѣ ум. въ февралѣ 1867. Онъ издалъ нѣсколько картъ желѣзныхъ дорогъ, а именно николаевской и нижегородской, и тщательный планъ Москвы. Кромѣ того: 1) Москва съ топографическимъ указаніемъ всей ея мѣстности и окрестностей. 3 ч. съ планомъ. М. 1842. 12°. — 2) Описаніе мѣстности Москвы и С. Петербурга, М. 1852. 16°. — 3) Топографическая подробная карта Московской губерніи на 2 листахъ. М. 1866. — 4) Планъ Москвы и окрестностей... 6-е изданіе, М. 1865 и 8-е 1868. — 5) Топографическій купеческій рядскій календарь къ плану Московскихъ рядовъ и гостинныхъ дворовъ. Изданіе В. Руднева, М. 1862. 16°.

Севастьяновъ Петръ Ивановичъ, археологъ (р. 4 авг. 1811), сынъ купца пензенской губ., кончилъ въ 1829 курсъ въ моск. университетѣ кандидатомъ, служилъ 20 лѣтъ въ разныхъ вѣдомствахъ и въ частыхъ поѣздкахъ своихъ успѣлъ узнать разные края Россіи. Вышедъ въ отставку, онъ занялся археологіею, съ 1859 по 1864 снова служилъ по министерству нар. просв. и былъ членомъ археологич. коммиссіи и потомъ до кончины своей много путешествовалъ и усердно занимался собираніемъ и копированіемъ древностей, преимущественно христіанскихъ памятниковъ Востока. Первое его путешествіе было въ 1840 году по западной Европѣ; въ 1852 г. онъ поѣхалъ по Востоку и посѣтилъ Іерусалимъ, въ которомъ послѣ былъ четыре раза; нѣсколько разъ (съ 1857) ѣздилъ онъ на Аѳонъ и изученію памятниковъ его посвятилъ много времени и труда. Снимки, фотографіи и рукописи, вывезенные имъ оттуда были оцѣнены учеными въ Парижѣ въ концѣ 1858 и въ Россіи, гдѣ были сдѣланы выставки его собраній въ Петербургѣ въ синодѣ, а въ Москвѣ — въ университетѣ. *) Послѣ того въ 1859 г. онъ отправился снова на Аѳонъ, по порученію правительства съ нѣсколькими художниками и пробылъ тамъ 14 мѣсяцевъ. Древности и копіи, имъ собранныя, были доставлены академіи художествъ, а потомъ часть прежняго собранія его поступила въ московскій музей, въ которомъ заняла обширный отдѣлъ древне-христіанскихъ памятниковъ, состоявшій подъ его надзоромъ. Вышедъ въ отставку въ 1864, онъ занялся собраніемъ печатныхъ источниковъ и рисунковъ, относящихся до предметовъ его собранія, изученіемъ и класификаціею его. Ослабивъ себя усиленными занятіями, онъ, уже съ зачатками болѣзни, поѣхалъ въ 1865 въ Италію, сдѣлалъ тамъ значительныя покупки, которыя осенью 1866 привезъ въ Россію и намѣревался заняться устройствомъ своего музея, но заболѣлъ сильнѣе прежняго и скон. 10 янв. 1867 въ Петербургѣ. Его собраніе состоитъ изъ иконъ, церковной утвари, рукописей въ подлинникахъ и снимкахъ, слѣпковъ, рисунковъ и фотографій съ памятниковъ зодчества, ваянія и живописи, плановъ и картъ мѣстностей христіанскаго Востока, библіотеки

---

*) Объ этихъ выставкахъ см. Моск. Вѣдом. 1859, № 2, брошюру Шевырева и Рус. Худож. Листокъ 1859, № 6—8.

и огромнаго собранія гравюръ, относящихся до этого собранія, монетъ, предметовъ этнографическихъ и т. п. Извѣстія о нѣкоторыхъ частяхъ его собранія находимъ въ слѣд. статьяхъ: 1) Севастьяновъ и его труды, въ Рус. Худож. Листкѣ 1859, № 6—8, съ портретомъ его.— 2) Снимки съ иконъ и другихъ древностей св. горы Аѳонской изъ собранія П. И. Севастьянова. *Д. Полѣнова* Спб. 1859. 8° (Изъ Дух. Бесѣды № 12)—3) Въ Извѣстіяхъ академіи наукъ по II отд. т. VII (1859), № 5.—4) Аѳонскія иконы византійскаго стиля въ живописныхъ снимкахъ, привезенныхъ въ Спб. Севастьяновымъ *С. Шевырева*. Спб. 1859. 12°. 21 стр. (Въ этомъ же году появилось о томъ-же нѣсколько мелкихъ статей въ газетахъ; они указаны въ Литературѣ Рус. Исторіи *В. Межова*, 1866, стр. 337).—5) Записка объ археологич. экспедиціи на Аѳонъ сообщ. въ Соврем. Лѣтописи 1861, № 1. — 6) статья *Буслаева* въ Моск. Вѣдом. 1862, № 111—113. — 7) Отчетъ о Моск. Музеѣ (первый).

Одинъ изъ его снимковъ изданъ великолѣпно въ Парижѣ:—Géographie de Ptolémée. Reproduction photolithographique du manuscrit grec du monastère de Vatopedi au mont Athos, exécutée d'après les clichés obtenus sous la direction de M. Pierre de Séwastianoff, et precedée d'une introduction historique sur le mont Athos, les monastéres et les dépôts littéraires de la Presqu'ile sainte. Par Victor Langlois. In f°, avec pl. *Firmin Didot frères, fils et Ce*.

Голосъ, 1867. № 11. — Біографія и очеркъ его собранія *П. Безсонова* въ Соврем. Лѣтописи 1868, № 14. Крестный Календарь, М. 1868, стр. 35. Панихида по немъ: Русскій 1867, стр. 52—53.

Славинъ, Александръ Павловичъ, уроженецъ Москвы, состоявшій въ продолженіи 23 лѣтъ актеромъ спб. александринскаго театра. Въ концѣ 1866 онъ по болѣзни оставилъ сцену, а осенью 1867 скончался въ Петербургѣ (Иллюстр. Газета 1867. № 49)

1. Историческіе, философическіе и литературные афоризмы. М. 1839. 12°.— 2) Жизнь Вильяма Шекспира... Съ портретомъ. М. 1840, 1841, 1844, — 3) Русская критика послѣдняго пятилѣтія и какъ исполняютъ ее у насъ. М. 1841. 16°.—4) Повѣсти, М. 1842. 12° — 5) Павелъ Павловичъ Никитинъ русскій художникъ. Историческ. быль въ 1 дѣйствіи, съ прологомъ, изъ временъ Петра Великаго. Спб. 1846. 12°.—6) Черная немочь, Русская драма-былина въ 3 суткахъ. Спб. 1849. 8°.—7) Фома Фомичъ Хрюшкинъ или вотъ такъ старичокъ. Комич. сцены. Спб. 1856.—8) Осада Троицко-Сергіевой Лавры въ 1608 г. Повѣствованіе XVII вѣка 2 ч.—изд. 3-е М. 1858.— 9) Помилуй мя Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Спб. 1858 и 10) Путешествіе русскаго человѣка на поклоненіе «Господину - Государю» Великому Новгороду, святой Софіи златоглавой и ея заповѣдной святынѣ. Спб. 1858. 11) Покаянія отверзи ми двери, Жизнедавче и помилуй мя! Душевные вопли кающагося грѣшника. Спб. 1852. 2-е изд. 1862. Изд. испр. 1867.—12) Размышленіе кающагося грѣшника о страшномъ судѣ, или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю. 2° изд. Спб. 1861.—13) Историческое

повѣствованіе о св. явленныхъ и чудотворныхъ иконъ Казанскія и всѣхъ скорбящихъ радости. Спб. 1862.—Изд. 4-е, 1864.—14) Господь нашъ и его св. Евангеліе, съ обличеніемъ лживости лжепророка Магомета и алкорона его. М. 1862.—13) Свѣтлое Христово Воскресенье (Святая Пасха), съ вѣтхозавѣтными пророчествами о воскресеніи Христа Спасителя нашего и огласительнымъ словомъ на св. Пасху, св. Іоанна Злаустаго. Спб. 1862.—16) Страданіе Господа Бога и спаса нашего І. Христа (Страсти Христовы, съ изложеніемъ богослуженія во св. великую страстную седмицу) 2 е изд. 1862.—4-е Изд. 5-е дополн. 1866.—17) Историческое повѣствованіе о нерукотворенномъ образѣ Господа Бога І. Христа, именуемомъ св. Убрусъ. Спб. 1863; 2-е изд. 1864; 4-е доп. 1864.—18) Обзоръ исторіи христіанской вѣры отъ рожденія Христа Спасителя нашего до временъ просвѣтителя русской земли и вел. кн. Владиміра; а также всѣхъ главныхъ еретиковъ и гонителей Христіанства отъ первыхъ вѣковъ до XIX в... настольная книга для правосл. христіанъ Изд. 2-е пересм. и значит. пополненное. Спб. 1865. 8°.—19) Историческое повѣствованіе о благочестивомъ и святомъ обычаѣ въ православной церкви читать псалтырь по усопшемъ (три дня, девять, сорокъ и наконецъ цѣлый годъ) Спб. 1866. 8°.

Ткачевъ, Григорій Григорьевичь, студентъ медико-хир. академіи, сынъ крестьянина богучарскаго уѣзда, учился въ воронежской гимназіи и въ 1866 г. поступилъ въ академію. Онъ занимался этнографіею и печаталъ статьи въ Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ.

N. Илл. Газета 1867, № 9, стр. 143.

Толль, Феликсъ Густавовичь. Онъ р. въ Петербургѣ въ 1823 г. и по окончаніи курса въ педагогич. институтѣ былъ преподавателемъ русской словесности въ астраханской гимназіи, потомъ въ финляндскомъ корпусѣ и инженерномъ училищѣ. Въ 1849 онъ сосланъ былъ въ Сибирь по дѣлу Петрашевскаго, провелъ два года въ каторжной работѣ и пять лѣтъ въ томской губерніи, откуда возвращенъ по манифесту 1856 г. Ум. 9 ноября 1867, въ Петербургѣ.

Онъ печаталъ статьи и повѣсти въ Современникѣ, Огеч. Запискахъ, Рус. Словѣ, Илюстраціи, Учителѣ, Журналѣ мин. Н. пр. и Журналѣ для воспитанія.

1.) Два года въ Колыванскомъ заводѣ. Сибирскіе очерки. Спб. 1861.—2) Трудъ и Капиталъ, романъ. Спб. 1861.—3) Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи современной отечественной дѣтской литературы, преимущественно въ воспитательномъ отношеніи. Спб. 1862.—4) Настольный Словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія. 3 тома (12 выпусковъ), съ 4 приложеніями Спб. 1863—1866.

№. Иллюстр. Газета 1867, № 45, стр. 318.

Филаретъ, митрополитъ московскій.

— Характеристика его какъ проповѣдника въ отчетѣ II отд. Академіи за 1867 г. *Никитенко*. Спб. Вѣд. 1868, № 15.

— Б. Крестный Календарь А. Гатцуга 1868, стр. 21—23.

— Памяти Филарета (характеристика) и 12 писемъ его. Душеполезное Чтеніе 1868. № 1.

—Воспоминанія, Извѣстія Моск. Унив. 1868. № 1.

— Восп. о содѣйствіи его единовѣрію. Ник. Попова, Соврем. Лѣт. 1868, № 3.

— Біогр. очеркъ *П. Петрова* въ Портретной Галлереѣ русскихъ дѣятелей изд. Мюнстеромъ 1864, тетрадь II-я.

— Два письма его въ Душеполезномъ Чтеніи 1863, № 9.

Пятое Августа 1867. *Н. Сушкова.* Чтенія 1867, IV.

Изъ Прошлаго, статья *П. М.* въ Рус. Вѣстникѣ, ч. 74 (1868, № 4), о немъ въ концѣ статьи, о его пребываніи въ Петербургѣ.

— Ил. Газета 1867, № 47 №. съ портретомъ.

— Впечатлѣнія кончины и погребенія моск. митрополита Филарета, соч. автора путеш. по св. мѣстамъ М. 1868.

— Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго митрополита моск. Филарета. Его жизнь, труды, заслуги, проповѣди, его значеніе для прав. церкви и его кончина. М. 1868.

— Записки о жизни и времени святителя Филарета... Съ фотогр. портретомъ. Н. В. Сушкова. М. 1868.

— О блаженной кончинѣ митрополита моск. Филарета, іером. Мелетія. Съ рисункомъ.

Фроловъ, Петръ Александровичь, служилъ въ министерствѣ вн. дѣлъ, ум. 29 марта 1867 въ Петербургѣ 39 лѣтъ. Онъ былъ въ продолженіи 14 лѣтъ постояннымъ сотрудникомъ Отеч. Записокъ, Спб. Вѣдомостей (1852 — 1863) Русскаго Инвалида, Голоса и завѣдывалъ редакціею Извѣстій Спб. гор. думы и журнала: Русскій Ремесленникъ. Множество статей его въ этихъ журналахъ помѣщены безъ подписи его имени. Онъ авторъ двухъ театральныхъ пьесъ: Маленькія ласки и Быть или не быть! Голосъ 1867, № 89.

Халезовъ Ѳедоръ Антоновичъ, полковникъ корпуса штурмановъ, въ отставкѣ съ 1850; ум. въ Спб. въ началѣ 1867 г. 78 лѣтъ (Иллюстрир. N. Газета 1867, № 12, стр 190).

Онъ издалъ въ 1820 г. Испытаніе надъ примѣченнымъ неправильнымъ дѣйствіемъ магнитной стрѣлки у острова Юссари.

Чивилевъ, Александръ Ивановичъ, профессоръ, уроженецъ г. Вытегры (Олонецкой губ. въ которой служилъ отецъ его), р. въ 1808 Ноября 9-го. По окончаніи въ 1828 г. курса въ юридич. факультетѣ спб. университета кандидатомъ, Ч. поступилъ въ профессорскій институтъ учрежденный при Дерптскомъ унив-тѣ, занялся особенно политическою экономіею и въ 1833 удостоенъ степени магистра философіи по защищеніи диссертаціи: О призрѣніи бѣдныхъ. Послѣ того онъ отпросился для усовершенствованія себя въ Берлинъ и по возвращеніи въ 1835 назначенъ въ московскій унив-тъ преподавателемъ, и въ томъ же году утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Въ 1838 по защищеніи диссертаціи: О народномъ доходѣ, удостоенъ степени доктора историческихъ наукъ и утвержденъ экстр., а въ 1842 орд. профессоромъ. Въ 1849 г. онъ перешелъ на службу въ Спб. по министерству удѣловъ и былъ наставникомъ В. К. Цесаревича Александра Александровича и Владиміра Александровича.

При пожарѣ запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ онъ сгорѣлъ въ спальнѣ 16 сент. 1867 (См. газету Голосъ № 257 и Моск. Вѣдом. 258).

1) Du soulagement des pauvres... dissertation. Dorpat 1833. 8° — 2) О народномъ доходѣ, разсужденіе на степень доктора философіи. М. 1837 8°.—3) Наука о народномъ хозяйствѣ и ея порицатели, рѣчь М. 1848.

Біогр. словарь Моск. професс. II, 554.

Шевелкинъ, Иванъ Васильевичъ, кандидатъ спб. коммерческаго училища, печаталъ статьи о раскольникахъ, съ бытомъ коихъ ознакомился. Ум. въ Москвѣ 27 Дек. 1867 г. (См. Голосъ 1868, № 6).

Ѳаворскій, Максимъ Андреевичъ, профессоръ медико-хирургич. академіи, ст. сов. Ум. 5 Февраля 1867. Онъ печаталъ статьи по медицинѣ.

О СНОШЕНІИ Н. М. КАРАМЗИНА СЪ ХАРЬКОВСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

Извѣстно (и объ этомъ уже было неоднократно упоминаемо въ печати) что, спустя три мѣсяца послѣ открытія лекцій въ Харьковскомъ университетѣ (17 Января 1803 г.), Н. М. Карамзинъ, ' полтора года тому назадъ назначенный исторіографомъ (31 Окт. 1803) и только что окончившій свое Введеніе въ исторію государства Россійскаго (Погод. II, 31), получилъ приглашеніе отъ Харьковскаго университета занять каѳедру *исторіи, географіи и статистики.* Замѣчательно, что предложилъ на эту каѳедру Карамзина, «virum de Rossiae litteris bene meritum atque nunc imperialem historiographum», французъ Белленъ-де-Баллю, профессоръ греческой и французской литературы, бывшій членъ Парижской королевской Академіи Надписей и Парижскаго національнаго Института, вступившій въ Русскую службу по приглашенію попечителя Потоцкаго 8 Декабря 1803 года [1]). Предложеніе было сдѣлано въ засѣданіи Совѣта 23-го Марта 1805 года. Въ томъ же засѣданіи опредѣлено было пригласить для занятія свободныхъ каѳедръ слѣдующихъ ученыхъ: Іенскаго профессора *Гейнриха* — на Всеобщую Исторію, также Іенскаго профессора *Георгія*— на каѳедру Сельскаго хозяйства (оба предложены были профессоромъ философіи Шадомъ), Геттингенскаго профессора *Сарторія* — на каѳедру Политической экономіи (по предложенію профессора физики А. И. Стойковича), *Пармантье*—тоже на каѳедру Сельскаго хозяйства (по предложенію профессора гражданскаго и уголовнаго права Россійской имперія, И. Ѳ. Тимковскаго). Кромѣ того, по заявленію ректора И. С. Рижскаго, признано необходимымъ озаботиться немедленно замѣщеніемъ каѳедры технологіи и коммерціи. Увѣдомленіе Карамзина о состоявшемся опредѣленіи Совѣта поручено было Стойковичу, бывшему тогда секретаремъ Совѣта. Всѣ упомянутые ученые отклонили отъ себя сдѣланное имъ предложеніе, объясняя отказъ въ своихъ письмахъ на имя ректора различно. Н. М. Карамзинъ, приступившій уже тогда къ своему монументальному труду, о которомъ онъ мечталъ давно, тоже не замедлилъ отвѣчать на сдѣланное ему предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Приводимъ здѣсь съ буквальною точностію его отвѣтное письмо отъ 16 Мая 1805 года, хранящееся

[1]) Въ послужномъ спискѣ 1805 года о немъ замѣчено· „находился въ заключеніи во время революціи во Франціи восемь мѣсяцевъ, во владычество Робеспьера, а по смерти онаго освобожденъ". Поступилъ на службу 52 лѣтъ, отцемъ семерыхъ дѣтей: четверыхъ сыновей (старшій, 23-хъ лѣтъ, состоялъ во французской службѣ) и трехъ дочерей.

въ подлинникѣ въ архивѣ Харьковскаго университета.

Moscou, le 16 Maj 1805.

Monsieur!

J'ai eu l'honneur de recevoir votre obligeante lettre, et je me hâte de vous témoigner, ainsi qu'à vos respectables collègues ma très sincère reconnaissance pour la proposition qu'ils ont bien voulu me faire et que j'aurais acceptée avec beaucoup d'empressement, si ma charge d'Historiographe ne m'attachait pas à Moscou, où se trouvent les archives de l'Empire; mais occupé à remplir mon devoir actuel, qui me laisse bien peu de momens libres, je ne peux que faire des voeux pour la prospérité de Votre Académie, sans pouvoir participer à Vos travaux glorieux.

Je n'oublierai jamais, Monsieur, cette marque flatteuse de votre éstime: elle sera gravée dans ma mémoire et dans mon coeur.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration, Monsieur, votre très humble et très obéissant servitéur *N. Karamsin*.

J'ai pris la liberté de vous répondre en français, parceque je l'écris plus facilіment que le latin.

Этимъ, однако, не кончились отношенія Карамзина къ Харьковскому университету. Въ торжественномъ засѣданіи Совѣта 30-го Августа 1807 г., Карамзинъ предложенъ былъ въ почетные члены университета вмѣстѣ съ слѣдующими учеными: Франкомъ, Шлецеромъ, Шреберомъ (президентомъ Ерлангенскаго общества любителей естественной исторіи), барономъ Биберштейномъ (ботаникомъ), Пестскимъ профессоромъ Шедіусомъ, Цахомъ (астрономомъ), Геттингенскимъ профессоромъ Мейнерсомъ и Гейне, проф. Московскаго университета Страховымъ, Лейпцигскимъ корреспондентомъ Харьковскаго университета Шварцемъ, Галльскимъ профессоромъ физики и химіи Гильбертомъ, членомъ французскаго Института по исторіи Левекомъ, профессоромъ Галльскаго университета Маасомъ, Смирновымъ, священникомъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ (къ которому Харьковскій университетъ обращался неоднократно съ разными порученіями), и историкомъ Венгріи Энгелемъ. Карамзинъ получилъ при выборѣ въ почетные члены 8 избирательныхъ шаровъ и 1 неизбирательный, столько же, сколько и нѣмецкій филологъ Гейне. Въ томъ же засѣданіи избранъ былъ въ почетные члены и тогдашній президентъ Академіи наукъ Новосильцевъ, назначенный въ это время членомъ главнаго правленія училищъ. Въ опредѣленіи совѣта 30-го Августа сказано: «представить всѣхъ избранныхъ въ почетные члены и корресподенты на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, съ тою впрочемъ оговоркою, что если е. превосх. Новосильцевъ, какъ состоящій теперь членомъ главнаго правленія училищъ, не можетъ быть избираемъ университетомъ, то онъ и не будетъ представленъ на утвержденіе» [2]). О выборѣ остальныхъ членовъ отложено до Января 1808 года. Но не въ Январѣ, а въ засѣданіи 24 Ноября, Совѣтъ избиралъ этихъ остальныхъ, а именно: Державина, президента Академіи наукъ Нартова, Шишкова, Дмитріева, гр. Хвостова (celebrem poetam, весьма аккуратно

---

[2]) Senatus academicus decrevit, ut ista membra honoraria et correspondentia proponantur pro confirmatione illustr. Ministro instructionis publicae; hac tamen cum clausula, si forte Excell. Novosilzow eligi non possit ab universitate, quia jam nunc membrum est supremi directorii instructionis publicae, non proponatur pro confirmatione.

присылавшаго въ Харьк. университетъ всѣ свои сочиненія), Палицына (eruditum, in rostro gubernio degentem). Замѣчательно, что ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году всѣ поименованныя выше лица не были утверждены въ званіи почетныхъ членовъ. Только въ Январѣ 1810 года (отъ 24 Января за № 16-мъ) попечитель увѣдомляетъ университетъ, что онъ представлялъ на утвержденіе министра избранныхъ совѣтомъ въ почетные члены, *въ томъ числѣ и Россійскаго исторіографа Карамзина*, и что министръ таковой выборъ совѣта одобряетъ». Благодарственное письмо Карамзина за избраніе не сохранилось въ архивѣ, хотя сохранились письма остальныхъ Русскихъ членовъ, въ томъ числѣ и Державина.

Н. Лавровскій.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

Разсказы и Воспоминанія Московскихъ Французовъ.

(см. выше стр. 1399 и слѣд.)

Я прочелъ съ любопытствомъ разсказъ д'Изарна о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, въ 1812 году.

Все разсказанное имъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что я нѣсколько разъ слышалъ эти подробности отъ почтенной дамы изъ семейства д'Орреръ. Въ 1812 г. ей было 8 лѣтъ, и въ ея памяти врѣзались глубоко всѣ происшествія, всѣ страданія, которымъ она и ея семейство тогда подверглись. Ея дядя д'Орреръ *), капитанъ артиллеріи въ арміи Конде, эмигровалъ и поселился въ Москвѣ, гдѣ уже жили его отецъ, мать и сестры, такъ-же покинувшіе Францію въ началѣ революціи. Одна изъ его сестеръ вышла за Жеребцова, а другая за доктора Караса, имѣвшаго домъ близъ Мясницкой и Армянскаго переулка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него упирается переулокъ Кривое Колѣно: нынѣ домъ этотъ принадлежитъ П. И. Савостьянову.

Д'Орреръ выстроилъ съ д'Изарномъ, въ домѣ послѣдняго, термолампъ для добыванія газа въ новый освѣтительной снарядъ или лампу.

Въ домъ Караса прибылъ д'Изарнъ, когда пожаръ выгналъ его изъ собственнаго дома, находившагося въ Мясницкой части, въ Маломъ Трехъ-Святительскомъ переулкѣ, противъ Реформатской церкви, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Мясницкій Частный Домъ.

Д'Изарну хорошо было видно, какъ казаки и пѣхота изъ арміи Кутузова проходили по валу (нынѣ Покровскій бульваръ у Коммерческой Академіи); какъ загорѣлись дома на Солянкѣ, какъ вспыхнулъ пожаръ около Коммисаріата, по ту сторону Москвы-рѣки, какъ пламя гуляло по Гостинному двору.

Когда непріятель выгналъ всѣхъ жильцовъ изъ дома Караса, д'Изарнъ повелъ ихъ въ развалины своего дома, гдѣ они помѣстились въ подвалѣ. Но тутъ не удалось имъ долго жить, потому что они были выгнаны мародерами. Такимъ образомъ они блуждали изъ дома въ домъ, подвергаясь часто нападенію Французовъ, Нѣмцовъ, Поляковъ. Къ семейству д'Оррера присоединились другіе жители города. Это голодная, оборванная вереница блуждала такимъ образомъ до выхода Французовъ изъ Москвы.

Семейство Карасовъ было въ числѣ тѣхъ иностранцевъ, уже поселившихх-

*) Этотъ д'Орреръ былъ воспитателемъ Д. В. Веневитинова. *П. Б.*

ся въ Москвѣ, которымъ графъ Растопчинъ отказалъ выдать паспорты для выѣзда изъ Москвы до прибытія непріятеля.

Нѣсколько записокъ были продиктованы упомянутою дамою объ этихъ временахъ; къ несчастью, въ 1836 году, онѣ сгорѣли отъ пожара.

Старожилъ города Москвы.

Сентября 29 дня 1869 года.

ВОСПОМИНАНІЕ

Объ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Жуковской.

1852 г., въ сентябрѣ, провелъ я нѣсколько дней во Франкфуртѣ, приготовляя супругу покойнаго Жуковскаго ко вступленію въ нѣдра Православной Церкви. Здѣсь только въ первый разъ узналъ я, какую теплую душу послалъ Богъ въ сопутницу послѣднихъ годовъ жизни добраго Василія Андреевича. Съ нею только онъ могъ быть такъ счастливъ, какъ онъ того заслуживалъ. Смѣло можно сказать, что трудно было бы избрать для Жуковскаго, какъ истиннаго поэта по душѣ и по сердцу, другую супругу, которая бы такъ согласовалась въ своихъ чувствахъ съ его высокою душою, какъ это было дѣйствительно въ его бракѣ съ дѣвицею Рейтернъ. И дѣйствительно, надобно было, чтобы Самъ Богъ устроилъ эту связь, которая принесла столько добра для нихъ обоихъ. Вотъ что мнѣ разсказывала объ этой связи душъ сама Елисавета Алексѣевна Жуковская. «Я полюбила Жуковскаго, когда мнѣ было еще 12 лѣтъ отъ роду. Это было на Женевскомъ озерѣ, гдѣ Жуковскій проводилъ лѣто для поправленія своего здоровья. Мысль, что я только съ нимъ могла бы быть счастлива, поселилась во мнѣ съ первой минуты, какъ я его узнала. Мысль эта была тогда совсѣмъ ребяческая. Даже и теперь я стыжусь, когда подумаю, что я въ 12 лѣтъ могла имѣть подобную мысль. Но это было какое-то непреодолимое предчувствіе, что-то невольное, чего себѣ объяснить не умѣешь; тѣмъ болѣе, что онъ не подалъ мнѣ никакого повода къ тому. Онъ ласкалъ меня, какъ ребенка, и болѣе ничего. Но вотъ, онъ уѣхалъ въ Россію; я осталась и чувствовала, что остаюсь одна, безъ него.—Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и шесть лѣтъ не могли изгладить изъ души моей этой мысли.—Я чувствовала сама всю странность моихъ чувствъ. Я старалась увѣрять себя, что это наконецъ смѣшно, потому что совсѣмъ невозможно. И мой разумъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, но сердце говорило другое, даже и не сердце, но (опять повторяю), что-то такое непостижимое для меня самой, какъ будто какое-то предназначеніе свыше, которое разъ, но ясно, сказало мнѣ: «ты должна быть его.» Шесть лѣтъ боролась я всѣми силами души моей противъ этой мысли, которая часто представлялась мнѣ какимъ-то искушеніемъ.—Не разъ, сидя одна, я силилась въ слухъ повторять самой себѣ: «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! это невозможно.» Но вмѣстѣ съ звукомъ словъ моихъ разлеталась и увѣренность въ невозможности надеждъ моихъ. Наконецъ въ 1840 году Жуковскій снова пріѣхалъ за границу съ Государемъ Цесаревичемъ. Одинъ слухъ о томъ, что онъ будетъ къ намъ, потрясъ меня до глубины души. — Я ожидала отъ этого пріѣзда рѣшенія судьбы моей. Наконецъ онъ былъ у насъ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ; но онъ по прежнему ласкалъ меня, какъ дитя: онъ дарилъ мнѣ конфекты. Между

тѣмъ, въ это посѣщеніе, онъ сказалъ отцу моему: «Знаешь, что̀ я думаю? Мнѣ кажется, что я былъ бы счастливъ, еслибы дочь твоя была мнѣ женою!» Эти слова такъ удивили отца моего, что онъ принялъ это почти за неумѣстную шутку, и потому сухо отвѣчалъ: «какая странность такъ думать о ребенкѣ!» На это Жуковскій замолчалъ. Я объ этомъ ничего не знала. Съ тѣмъ мы опять разстались. Теперь только я почувствовала, что борьба моя съ собою кончилась. Я была побѣждена моею мыслію. Одно чувство наполняло меня теперь, это то, что душа моя принадлежитъ ему на вѣки, хотя бы то навсегда осталось ему неизвѣстнымъ. Во мнѣ поселилось убѣжденіе, что мнѣ суждено или жить съ нимъ, или умереть. Я видѣла въ этомъ задачу моей жизни, мое назначеніе на землѣ, безъ осуществленія котораго мнѣ не оставалось ничего болѣе на этомъ свѣтѣ. Внутренняя борьба моя не могла болѣе скрываться и отъ вниманія моихъ родителей; и я должна была сознаться въ своихъ чувствахъ передъ моею матерью. Ея добрые совѣты и наставленія немного помогли моему положенію. Ей удалось только убѣдить меня въ невозможности исполненія моихъ мечтаній. Съ тѣхъ поръ я стала жить надеждою на соединеніе души моей съ его душею въ вѣчности. Часто, глядя на небо, говорила я самой себѣ: моя душа живетъ уже съ нимъ тамъ! Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Ж. снова посѣтилъ насъ. Его приняли и на этотъ разъ, какъ стараго друга нашего семейства. Разъ вечеромъ какъ обыкновенно часто случалось, попросилъ онъ меня принести ему перо и чернила. Это было въ сумеркахъ, и я увѣрена, что только вечерній полумракъ позволилъ ему произнести при этомъ никогда мною неожиданныя отъ него слова: Хочу-ли я быть его женою? Но тутъ же, какъ-бы испугавшись самъ, онъ прибавилъ: «Однако не отвѣчай мнѣ тотчасъ ни да, ни нѣтъ; потому что это такой важный шагъ, что объ этомъ надо сперва крѣпко подумать». Каково жъ было его удивленіе, когда я тутъ-же отвѣчала ему, что мнѣ нечего было думать, потому что эта дума росла во мнѣ шесть лѣтъ и созрѣла до того, что во мнѣ давно уже на этотъ счетъ живетъ одно только: да. Здѣсь онъ позвалъ отца моего, и онъ возложилъ на насъ обоихъ свою единственную руку. Мы были обручены. Въ слѣдъ за тѣмъ Ж. уѣхалъ въ Петербургъ, и цѣлую зиму пробылъ тамъ. Но здѣсь начались его письма ко мнѣ, и что это за письма! Въ нихъ-то излилась душа его вполнѣ, какъ она есть!»

Протоіерей І. Базаровъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Какіе мы странные люди! Въ другихъ земляхъ печатаютъ всякій клочокъ бумаги исписанный извѣстнымъ человѣкомъ, — мы же не потрудимся даже хорошенько заглянуть въ печатныя изданія, чтобы справиться, не осталось ли тамъ чего нибудь отъ нашихъ любимыхъ авторовъ. Право, даже совѣстно сообщать, какъ что нибудь новое, то что̀ должно быть давно всѣмъ извѣстнымъ. Вотъ еще прекрасное напечатанное стихотвореніе Кольцова, позабытое въ полныхъ собраніяхъ его сочиненій. Оно принадлежитъ къ числу послѣднихъ его произведеній и помѣщено въ альманахѣ Утренняя Заря на 1843 годъ, изданномъ г. Владиславлевымъ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

(Посвящено кн. П. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралась рать могучая;
Стала грудью противъ недруга
За царя, за домъ, за родину...

Ты прости теперь отецъ и мать;
Ты прости теперь мой милый другъ;
Ты прости теперь и степь и лѣсъ—
Дорогая жизнь, весь бѣлый свѣтъ...

Гей, товарищъ мой! Желѣзный штыкъ!
Послужи жъ ты мнѣ по старому,
Какъ служилъ ты при Суворовѣ
Силачу-отцу,—дѣду-воину.

Гей, сестра! ты сабля острая!
Попируемъ мы у недруга;
Погуляемъ съ нимъ, потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!...

Ужь когда мнѣ добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову:
Не на землю я сложу ее,
А сложить—сложу на груду тѣлъ...

Труба бранная, военная
Что молчишь? Труби! дай воли мнѣ;
Въ груди сердце богатырское—
Закипѣло, расходилося!

А. Кольцовъ.

1840 г. 22 Августа.

Желательно, чтобы отнынѣ это стихотвореніе входило въ будущія изданіе сочиненій Кольцова.

Заговоривъ о будущихъ изданіяхъ Кольцова, я бы желалъ, чтобъ изъ отдѣла Дополненія, въ которомъ помѣщены незрѣлыя произведенія поэта, была переведена въ отдѣлъ оконченныхъ его произведеній превосходная піэса:

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ на небѣ грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ:
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.

Что погибель? Что спасенье?
Будь что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно къ ней стремленье:
Въ ней покой и тишина.

Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Биться я готовъ съ тобою,
Но не сладишь ты со мной.

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь:
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь.

Отъ чего это превосходное стихотвореніе, помѣщаемое въ хрестоматіяхъ, такъ загнано? Не за христіанскую же идею?—Мѣсто ему въ числѣ философическихъ и религіозныхъ думъ Кольцова.

Теперь позвольте вамъ принести жалобу—чуть ли не на васъ самихъ *). Въ новомъ изданіи сочиненій Баратынскаго пропущено одно стихотвореніе, помѣщенное также въ Альманахѣ Утренняя Заря и потомъ перепечатанное въ Современникѣ въ числѣ посмертныхъ стихотвореній Баратынскаго.

МОЯ ЗВѢЗДА.

Мою звѣзду я знаю, знаю,
И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю,
Какъ наливалъ.

---

*) Слагаемъ съ себя отвѣтственность. Новое изданіе сочиненій Баратынскаго принадлежитъ сыну его Льву Евгеніевичу. *П. Б.*

Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта
Смѣюся я;
Живетъ не здѣсь, въ звѣздахъ Моэта,
Душа моя.

Когда-жъ коснутся устъ прелестныхъ
Уста мои,—
Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ,
Ни звѣздъ Аи.

Постараемся же сохранить сладкіе звуки нашихъ поэтовъ, которыхъ голоса мы уже болѣе не услышимъ.

П. Ханенко.

КЪ БІОГРАФІИ В. А. ОЗЕРОВА.

Въ 1-мъ выпускѣ *Русскаго Архива* этого года помѣщенъ рядъ въ высшей степени интересныхъ писемъ В. А. Озерова къ другу его А. Н. Оленину, которыя бросаютъ новый свѣтъ на роковой переломъ въ жизни поэта, совпадающій съ появленіемъ послѣдней его трагедіи *Поликсена.* Въ письмахъ этихъ на каждомъ шагу читателя поражаютъ самые рѣзкіе переходы отъ мизантропіи и безнадежности къ полному, почти юношескому самообольщенію авторскимъ и служебнымъ самолюбіемъ: все это объясняется ненормальнымъ, тревожнымъ состояніемъ души поэта, въ которой таился уже зародышъ неизлечимой болѣзни. Изъ писемъ этихъ видно, что Озеровъ считалъ Поликсену лучшимъ своимъ произведеніемъ и, поручая Оленину заключить договоръ (объ уступкѣ въ Театральную Дирекцію Поликсены за $^{3}/_{т.}$ руб.) съ тогдашнимъ Главнымъ Директоромъ Театральныхъ зрѣлищъ А. Л. Нарышкинымъ, писалъ: «Убѣдите Александра Львовича, чтобы не спорилъ о цѣнѣ; право лишняго не прошу, считая, что на обоихъ столичныхъ театрахъ за одно представленіе Дирекція выручитъ свои деньги», и далѣе: «когда же Александръ Львовичъ не соизволитъ на просимую мною цѣну, обратите мнѣ рукопись назадъ; долежится, можетъ быть, до лучшаго времени, а я съ моей стороны ни рублемъ не спущусь».

Но суровая дѣйствительность готовила поэту горькое разочарованіе. 14 Мая 1809 года Поликсена была дана на Петербургской сценѣ.... Вотъ что пишетъ по этому поводу покойный Е. П. Ковалевскій въ книгѣ своей «*Графъ Блудовъ и его время*», въ которой, между прочимъ, онъ коснулся нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни В. А. Озерова, какъ двоюроднаго дяди Дмитрія Николаевича: «Необыкновенный успѣхъ Озерова возбудилъ зависть. Князь Шаховской, въ то время, всесильный въ мірѣ закулисномъ, затѣялъ противъ него интригу и такъ подготовилъ общественное мнѣніе, а можетъ быть самихъ актеровъ, что Поликсена потерпѣла совершенное фіаско. Это сильно подѣйствовало на бѣднаго поэта; онъ сталъ убѣгать людей; всюду чудились ему язвительныя улыбки, укоры ругательства; онъ бросилъ службу, заперся одинъ въ домѣ, но и тамъ шумъ городской будилъ его воспоминаніе о несчастномъ представленіи Поликсены». *) Возвращаясь къ письмамъ Озерова къ Оленину, въ послѣднемъ изъ нихъ отъ 2 Іюля 1809 года изъ с. Красный Яръ, встрѣчаемъ слѣдующую горькую жалобу на А. Л. Нарышкина: «Послѣднюю несправедливость терплю отъ

*) Послѣднее невѣрно: письма Озерова свидѣтельствуютъ, что онъ окончилъ Поликсену въ Октябрѣ 1808 года въ с. Казанскомъ и не былъ въ Петербургѣ при первомъ ея представленіи 14 Мая 1809 г., а слѣдовательно и не имѣлъ надобности спасаться отъ *городскаго* шума. Кн. В.

Александра Львовича; не онъ ли обѣщалъ Вамъ въ письмѣ отъ Февраля мѣсяца, съ котораго вы копію ко мнѣ доставили, что онъ дастъ предписаніе кому слѣдуетъ для доставленія къ Вамъ требуемыхъ сочинителемъ за трагедію $^3/_{т.}$ рублей послѣ втораго ея представленія, по заведенному будто порядку? Два раза Поликсена играна, почему же теперь отлагаетъ Александръ Львовичъ платежъ до 3-го представленія? Убѣдительнѣйше Васъ прошу требовать моей трагедіи отъ Дирекціи обратно, не допуская, чтобы она въ третій разъ была играна, или бы представлена была у Двора. Для моей славы довольно и двухъ представленій; для имени Александра Львовича довольно и сей его неправды противъ меня».

Разбирая недавно дѣла Театральной Дирекціи за 1810 годъ (которыя хранятся въ Архивѣ Комитета Министровъ) нашелъ я подлинный докладъ А. Л. Нарышкина, который очищаетъ память его отъ обвиненія въ несправедливости, взводимой на него Озеровымъ и возстанавливаетъ фактъ о $^3/_{т.}$ руб. въ настоящемъ свѣтѣ. Полагая, что обстоятельство это не лишено будетъ интереса для будущихъ біографовъ Озерова, выписываю докладъ отъ слова до слова:

«Трагедія Поликсена поступила на театръ отъ сочинителя г. Озерова съ условіемъ, что если она будетъ имѣть успѣхъ и принесетъ выгоды Дирекціи, то за оную слѣдуетъ заплатить 3000 рублей; въ два представленія сей трагедіи Дирекція собрала 1846 р. 25 к., изъ чего и заключая, что сія трагедія не можетъ быть выгодна для оной, остановилась ее представлять. Но дабы у автора, сдѣлавшаго уже себѣ имя прежними твореніями, не отнять охоты къ сочиненію впредь, не смотря на малый успѣхъ его послѣдней трагедіи, Дирекція, не имѣя суммъ на заплату за оную, испрашиваетъ на сіе Высочайшаго соизволенія».

По докладѣ этого дѣла 14 мая 1810 года Государю Императору княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, Его Величество, какъ сказано въ отношеніи его къ А. Л. Нарышкину, соизволилъ отозваться, что «въ условіи Дирекціи, сдѣланномъ съ г. Озеровымъ, именно сказано было: ежели трагедія его будетъ имѣть успѣхъ и принесетъ ей выгоды, тогда она должна ему заплатить 3000 руб.; но какъ усматривается, что та трагедія не можетъ быть для Дирекціи выгодна, то въ такомъ случаѣ и платить за нее ничего не слѣдуетъ».

Иванъ Варпаховскій.

По поводу предъидущей статьи.

Выше приведенная записка имѣетъ свое частное, но не менѣе того историческо-литературное значеніе. Въ ней читатель знакомится съ событіемъ, которое въ свое время возбудило довольно много толковъ, пререканій и даже страстей. Исторія литературы нашей такъ бѣдна живыми и личными подробностями, что не безполезно отмѣчать тѣ, которыя могутъ пополнять встрѣчающіеся пробѣлы.

Имя Озерова, какъ ни суди о степени драматическаго дарованія его, котораго самобытность впрочемъ никакъ отрицать нельзя, занимаетъ свѣтлое, если не единственное, мѣсто въ лѣтописяхъ Русской Трагедіи, по крайней мѣрѣ той, которую мы привыкли называть классическою. Многіе и многіе годы онъ безраздѣльно господствовалъ на трагической сценѣ те-

атра нашего. Трагедіи его: Эдипъ, Фингалъ, Димитрій Донской были любимыми представленіями публики обѣихъ столицъ. Замѣчательно, что наша публика средняя и низшая, (или высшая т. е. сидящая въ амфитеатрѣ и въ райкѣ) едва ли не предпочитаетъ трагедію всѣмъ другимъ отраслямъ драматическаго искусства. Смѣяться можетъ она и даромъ: а если заплатитъ деньги, то хочетъ, чтобъ ее заставляли плакать или вздрагивать отъ ужаса. Какъ бы то ни было, трагедіи Озерова удовлетворяли требованіямъ зрителей образованныхъ и полуобразованныхъ. Онѣ не только возбуждали общее сочувствіе, но имъ обязаны были образованіемъ актеры, воспитывавшіе искусство свое, такъ сказать, въ школѣ Озерова. Достаточно назвать Семенову. Ея умная, понятливая игра, ея вѣрное и глубокое чувство, выразительный, сладкозвучный и обработанный голосъ, не говоря о женской прелести, которою была она одарена, все оставило въ памяти знавшихъ ее сильное впечатлѣніе: это впечатлѣніе не было послѣ ни ослаблено, ни замѣнено другими новѣйшими впечатлѣніями. Съ Озеровымъ и Семеновой, какъ будто умерла только что родившаяся Русская трагедія.

Послѣднее произведеніе Озерова, Поликсена, не имѣло, какъ извѣстно, успѣха. Въ представленіи видѣть ее мнѣ не случилось; но если и въ самомъ дѣлѣ она потерпѣла пораженіе отъ невнимательности и холодности публики, то скажемъ откровенно, что это пораженіе не приноситъ чести зрителямъ. Они не умѣли оцѣнить трагедію, которая, и по содержанію и по языку, есть безъ сомнѣнія, лучшее произведеніе Озерова. Впрочемъ, если оно было и такъ, то окончательно и безусловно нельзя обвинять и публику нашу. Сколько и въ другихъ литературахъ видимъ драматическихъ твореній, которыя не съ перваго шага вступили твердою ногою на сцену. Напомнимъ между прочимъ Федру Расина. Публика часто, если не всегда, своенравна. Сегодняшній ея восторгъ не ручается за успѣхъ завтрашняго дня. Съ другой стороны, и гнѣвъ ея не рѣдко обращается на милость.

Поликсену давали только два раза. Потомъ сдали ее въ театральный архивъ, на томъ основаніи, что принесла она Дирекціи только 1846 руб. 25 к. Этотъ рублевый и копѣечный разсчетъ, этотъ взглядъ на выручку театральной кассы, уже черезчуръ несовмѣстны со взглядомъ, который должно обращать на творенія искусства. Развѣ театръ одно промышленное и торговое заведеніе? Театръ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ, и прежде всего, изящнымъ и просвѣщеннымъ развлеченіемъ публики; кромѣ того, по возможности нравственнымъ и художественнымъ училищемъ ея. Не однимъ прихотямъ публики долженъ онъ себя подчинять. Есть у него и другое, высшее призваніе. Часто, и вопреки ей самой, обязанъ онъ очищать, облагораживать ея понятія, ея требованія и наклонности. Обязанъ онъ возвышать уровень ея вкуса, воспитывать его; однимъ словомъ, такъ образовать публику, чтобы она съ просвѣщенною взыскательностію вызывала и порождала великихъ авторовъ и великихъ актеровъ.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу театральныхъ законодателей и блюстителей общественнаго благочинія, которые исключительно смотрятъ на театръ, какъ на исправительный

и смирительный домъ, куда нужно засаживать публику для укрощенія и наказанія человѣческихъ пороковъ. Мы вовсе не расположены проповѣдывать такое строгое, одностороннее и уголовно-драматическое ученіе. По мнѣнію нашему, нѣтъ никакой бѣды, нѣтъ никакого грѣха забавлять иногда публику даже и шуточными представленіями, фарсами, пародіями и т. д. Мы даже осмѣливаемся думать, что иныя такъ называемыя нравоучительныя и народныя драмы, гдѣ человѣческая испорченная природа выставляется во всей своей сырой и *реальной* наготѣ, во всей своей соблазнительной истинѣ (и то частной и случайной) гораздо вреднѣе и пагубнѣе могутъ дѣйствовать на публику и развращать ея чувственность и понятія, нежели всѣ *Прекрасныя Елены* и всевозможныя причуды и шалости, выводимыя на сцену изобрѣтательностію и плодовитостію Оффенбаха и его школы. Въ этихъ шуткахъ, если не всегда цѣломудренныхъ, по крайней мѣрѣ не оскорбляется человѣческое и Русское чувство безобразными и дикими картинами, списанными будто съ народнаго быта. Во всякомъ случаѣ, мало ли что есть въ народномъ и человѣческомъ бытѣ? Мало ли что есть и въ природѣ неблаговиднаго и отвратительнаго? Искусству незачѣмъ кидаться съ жадностію на эти непотребства и печальныя исключенія. Нѣкоторые драматурги, выставя пьянаго негодяя и безстыдную женщину, думаютъ, что драма у нихъ уже и готова. Предпочитаемъ шутки, выдаваемыя за шутки, всѣмъ этимъ притязаніямъ на какое-то преподаваніе народной нравственности въ образцахъ распутства и чувственной развратности. Но при этомъ изъявленіи широкой терпимости нашей въ отношеніи къ драматическимъ шуткамъ, мы все же окончательно думаемъ, что театръ прежде и выше всего долженъ поощрять, цѣнить и оглашать изящныя произведенія чистаго и благороднаго искусства. Внутреннее наслажденіе, развиваемое въ насъ зрѣлищемъ прекраснаго, имѣетъ уже въ себѣ свою образовательную и нравственную силу. Музыка ничему не учитъ, никакой порокъ не обличаетъ и не клеймитъ, не выставляетъ намъ образцовъ добродѣтели, которымъ слѣдуетъ подражать: но впечатлительная и чувствительная душа не безъ пользы подчиняется ея вдохновительному и благотворному дѣйствію и очарованію.

Въ «дѣлѣ о Поликсенѣ», которое отыскалъ И. П. Варпаховскій и за сообщеніе котораго мы ему обязаны и весьма благодарны, никакое Озерову враждебное имя не проглядываетъ изъ подъ канцелярской тайны. Все въ порядкѣ, и все ведено какъ слѣдуетъ. Но не чуется ли, не подразумѣвается ли, что тутъ невидимо скрыта какая-то недобрая сила и лукавая цѣль? Вотъ вопросъ, на который желали бы мы дать правдоподобное и удовлетворительное объясненіе.

Рѣшителями тяжбы проигранной Озеровымъ являются: А. Л. Нарышкинъ, князь А. Н. Голицынъ и окончательно Императоръ Александръ. Руководствуясь теоріей вѣроятностей, постараемся изслѣдовать: могли ли эти личности, по собственному побужденію и убѣжденію, постановить приговоръ, который всею своею безпощадною строгостію и, можно сказать, несправедливостію долженъ былъ обрушиться на голову несчастнаго Озерова?

Мы Нарышкина знали: да и кто, по крайней мѣрѣ, по слухамъ не зналъ и не знаетъ его? Онъ былъ добродушный, привѣтливый, беззаботный, веселый баринъ стараго покроя. Онъ былъ очень остеръ и мастеръ играть словами. Слова и остроты его переносились изъ Петербурга во всѣ края Россіи. Если собрать ихъ, вышла бы порядочная и очень веселая *Нарышкиніана*. Но при этихъ привлекательныхъ качествахъ, уже никакъ нельзя было назвать его скопидомомъ. Расточительность его, до разстройства значительныхъ и богатыхъ помѣстій, извѣстна столько же сколько и его шутки и побасенки. Онъ самъ шутилъ надъ нею, надъ собою и надъ своими заимодавцами.

Однажды на великолѣпномъ праздникѣ у него въ домѣ, Императоръ Александръ, похваляя устройство и пышность праздника, сказалъ ему: «А порядочно все это должно тебѣ стоить?»—Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ Нарышкинъ: не болѣе 25-ти рублей.—«Какъ 25-ти рублей?» —Которые придется мнѣ заплатить за вексельную бумагу.

Приглашенный на вечеръ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, пріѣхалъ онъ, не имѣя на себѣ Андреевской звѣзды алмазами украшенной. Императрица шутя ему о томъ замѣтила: Mes diamants, Madame, сказалъ онъ, s'excusent de ne pouvoir se présenter à V. M. Ils sont *engagés ailleurs* *).

Когда-то при немъ разговорился я съ кѣмъ-то о драматическихъ переводахъ. Онъ вслушался и перебилъ нашу рѣчь: «Переводите все что вамъ угодно, и Расина и Вольтера, только прошу покорно, не переводите на меня долговъ: у меня и своихъ довольно».

Нисколько не желая оскорбить память любезнаго человѣка и задѣть укоромъ гражданскую честность его, можно себѣ однакоже дозволить вопросъ: при такой личной расточительности и при такомъ презрительномъ взглядѣ на *презрѣнный металъ*, могъ ли онъ быть способенъ соблюдать казенные интересы до скряжничества и до оскорбленія человѣка, котораго дарованіе и драматическія заслуги долженъ онъ былъ уважать, и безъ сомнѣнія уважалъ?

Два представленія Поликсены принесли 1846 р. 25 коп. Что̀ стоило бы Театральной Дирекціи дать еще два-три представленія, чтобы выручкою недостающихъ 1153 р. 75 к. доколотить эту несчастную сумму, не превышающую 3000 рублей? Мы видимъ изъ писемъ Озерова къ А. Н. Оленину, какъ заботливо и болѣзненно хлопоталъ онъ о ней: разумѣется не изъ корысти и алчности къ деньгамъ, а, вѣроятно, изъ авторскаго сознанія и личнаго достоинства. Помнимъ, что въ то время еще разыгривались трагедіи Княжнина, напримѣръ Дидона. Содержаніе ея также взято изъ классической древности и не могло имѣть для зрителей современную заманчивость. О художественномъ превосходствѣ надъ нею Поликсены и говорить нечего. А собиралась же публика смотрѣть на Дидону! Во всякомъ случаѣ собиралась бы она, хотя отъ нечего дѣлать, и на представленіе Поликсены. И эти роковые 3000 руб. были бы наконецъ собраны.

Къ чему же эта торопливость Нарышкина ходить съ докладомъ къ Государю о такой ничтожной суммѣ?

*) Непереводимая игра словъ: значеніе французскаго слова *engagér* отвѣчаетъ двумъ нашимъ *пригласить* и *заложить*.

Къ чему послѣ двухъ представленій рѣшительно объявлять, что трагедія *не можетъ быть выгодна для Дирекціи* и потому она, т. е. Дирекція, *остановилась ее представлять*? Подумаешь, что публика какимъ нибудь формальнымъ заявленіемъ удостовѣрила Дирекцію, что она ни за какія блага въ мірѣ не станетъ ходить въ театръ, когда даютъ Поликсену.

Воля ваша, все это странно и невѣроятно! Все это не похоже на Нарышкина. Хотя въ докладѣ его нѣкоторымъ образомъ испрашивается Высочайшее соизволеніе на выдачу Озерову условленныхъ съ нимъ денегъ, но только не изъ Дирекціи, *потому что она не имѣетъ на то надлежащихъ суммъ*. Не имѣетъ 1153 р. 75 к, когда сотни тысячъ рублей отпускались ей изъ казны? А главное дѣло, къ чему вносить всѣ эти домашніе и ничтожные разсчеты на рѣшеніе Государя? Вѣроятно не представлялись же Ему ежедневныя репортички о выручкахъ театральной кассы. Къ чему же это предпочтеніе, оказанное бѣдной Поликсенѣ?

Далѣе: нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе благовидной обстановкѣ этого дѣла и князь А. Н. Голицынъ не далъ бы всеподданнѣйшему докладу своему той офиціальной формальности, которая выразилась въ отвѣтѣ его. Князь Голицынъ могъ не быть посѣтителемъ театровъ и мало дорожилъ успѣхами драматическаго искусства. Охотно соглашаемся. Все это было для него дѣло постороннее. Но онъ былъ умный и образованный человѣкъ; былъ вмѣстѣ съ тѣмъ мягкосердеченъ и услужливъ; болѣе былъ склоненъ иногда легкомысленно и неосторожно одолжать, нежели сухо отказывать въ добромъ участіи.

Въ императорѣ Александрѣ и сомнѣваться нечего. Будь это дѣло Ему представлено—а необходимость представленія кажется намъ очень сомнительною—не въ видѣ какого-то бухгалтерскаго разсчета по театральной кассѣ, Онъ конечно обратилъ бы на докладъ болѣе сочувственное и милостивое вниманіе. Въ кипѣ разнородныхъ, многосложныхъ и многочисленныхъ бумагъ, которыя представляли Ему ежедневно на утвержденіе, можно ли удивляться, что подобная бумага проскользнула у Него между глазъ и мыслей? Никто не далъ себѣ труда выставить предъ Нимъ съ особеннымъ благорасположеніемъ, что рѣчь идетъ о творцѣ Димитрія Донскаго. Эта трагедія имѣла въ свое время литературное и политическое значеніе, которому не могъ не сочувствовать Императоръ Александръ. Въ ней (и между прочимъ въ посвященіи этой трагедіи имени Государя) кромѣ намёковъ на современныя событія, какъ будто пророчески слышится и недалекій 1812 годъ. Нѣтъ, при мало-мальски тепломъ ходатайствѣ, Александръ рѣшилъ бы это дѣло не по строгимъ правиламъ контроля, а по внушенію сердца и по уваженію къ литературнымъ заслугамъ поэта.

Теперь, указавъ на всю несостоятельность приведенныхъ доводовъ и предположеній, которыми можно было бы объяснить законное паденіе Поликсены, должны мы домогаться болѣе правдоподобнаго объясненія этого дѣла въ какихъ нибудь побочныхъ проискахъ, прикрытыхъ канцелярскою продѣлкою.

И въ этихъ изысканіяхъ невольно, но съ какимъ-то убѣжденіемъ, натыкаешься на имя князя Шаховскаго: какъ ни дѣлай, какъ ни вертись, а окончательно приходится же произнести это имя. Князь Шаховской былъ дѣйствующимъ и дѣятельнымъ лицемъ

въ Театральной Дирекціи. Нарышкинъ былъ внѣшне Главнымъ Директоромъ зрѣлищъ: но внутренно кн. Шаховской былъ главнымъ двигателемъ міра кулиснаго и закулиснаго. Онъ, сказываютъ, былъ въ обществѣ очень пріятный, словоохотливый и забавный собесѣдникъ. Эти свойства должны были сблизить его съ Нарышкинымъ: оно такъ и было. Онъ былъ совершенно домашнимъ у доступнаго и гостепріимнаго Нарышкина. Театральная спеціальность Шаховскаго должна была вполнѣ овладѣть довѣріемъ довольно беззаботнаго начальника. Оно такъ и было. Къ тому же кн. Шаховской былъ и самъ драматическій писатель. Вотъ улики если не вещественныя, не буквально-законныя, то умозрительно-подходящія къ дѣлу. Въ то время эти улики были приняты въ соображеніе. Мнѣніе многихъ обвиняло кн. Шаховскаго въ паденіи Поликсены; а вслѣдствіе того, по роковому логическому выводу, и во всѣхъ скорбныхъ обстоятельствахъ, которыя послѣ выпали на долю чувствительнаго и злополучнаго Озерова. Это мнѣніе довольно ясно и гласно было выражено и въ литературныхъ заявленіяхъ. Въ числѣ обличителей назовемъ: Блудова, Дашкова и Жуковскаго. Кн. Шаховской не возражалъ на эти обвиненія. А имѣй онъ убѣдительныя доказательства безучастія своего въ этомъ дѣлѣ, онъ могъ, болѣе того, онъ обязанъ былъ, очистить себя отъ оскорбительнаго и несправедливаго наговора. Тутъ дѣло шло не просто о литературномъ спорѣ, о литературныхъ мнѣніяхъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ: оно отчасти касалось совѣсти и личной чести. Тутъ пренебрегать выраженнымъ мнѣніемъ нельзя. Съ этой точки зрѣнія обратили и мы пытливое вниманіе на старую тяжбу, прошедшую сквозь много давностей, а все еще окончательно нерѣшенную. Дѣло въ томъ, что если кн. Шаховской правъ и чистъ, то виноваты обвинители его: обѣ стороны совершенно правы быть не могутъ; изъ нихъ одна подлежитъ осужденію. По убѣжденію и по совѣсти выборъ для меня здѣсь не затруднителенъ. Мнѣніе, неблагопріятно выраженное для кн. Шаховскаго, принадлежитъ людямъ, которыхъ нельзя заподозрить въ зависти, въ недобросовѣстности и въ другихъ неблаговидныхъ побужденіяхъ. Можно укорить ихъ развѣ въ нѣкоторой запальчивости и рѣзкости.

Но нѣтъ ли и въ этомъ дѣлѣ какихъ нибудь облегчающихъ или послабляющихъ обстоятельствъ? Поищемъ. Эти старыя литературныя распри давно затихли. Поле битвы замолкло и остыло. Отважные и пылкіе бойцы давно сошли съ поля битвы: многіе и съ лица земли. Оставші*еся* устарѣли и холодомъ годовъ остепенились. Могъ бы я сказать оставші*йся*: это было бы еще ближе къ истинѣ. *) Одинъ изъ героевъ трагедіи Озерова, о коей идетъ здѣсь рѣчь, говоритъ:

Но жизни перейдя волнуемое поле,
Сталъ менѣ пылокъ я и жалостливъ сталъ болѣ.

Здѣсь приходится сказать не болѣ *жалостливъ*, а уступчивѣе, умѣреннѣе. На участье Шаховскаго въ этомъ дѣлѣ, если и признать его несомнѣннымъ, можно нынѣ смотрѣть безстрастнѣе и разностороннѣе. Кн. Шаховскаго я не зналъ, но по нѣкоторымъ отзывамъ о немъ могу заключить, что былъ

*) Историкъ Русской словесности и просвѣщенія вспомнитъ съ благодарнымъ умиленіемъ, что строки эти принадлежатъ тому самому перу, которымъ, сорокъ три года назадъ, написана превосходная статья „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова", помѣщенная въ собраніи его сочиненій. *П. Б.*

онъ человѣкъ не злой, а скорѣе простосердечный. Были у него друзья; они нерѣдко смѣялись надъ нимъ (что̀ видно наприм. въ разсказахъ старика Аксакова,) но любили его; слѣдовательно имѣлъ онъ качества, привлекающія сочувствіе. Но онъ былъ писатель въ исключительномъ и полномъ, хорошемъ и дурномъ, значеніи этого слова: а потому болѣе или менѣе раздражителенъ и способенъ увлекаться. Литературныя страсти и убѣжденія, какъ и политическія, часто измѣняютъ нравъ и натуру человѣка. Лица, захваченныя этими страстями, бываютъ нерѣдко односторонни, чтобы не сказать помѣшаны на одной точкѣ. Не трогай ихъ больнаго мѣста, они люди смирные и уживчивые. Коснись слегка ихъ болячки, т. е. ихъ любимой мысли, или болѣзненно гнѣздящагося въ нихъ мнѣнія, они готовы лѣзть на стѣну и вцѣпиться въ противника. Озеровъ, кажется, не былъ лично знакомъ съ Карамзинымъ; но по всему судить можно, что онъ принадлежалъ къ школѣ его т. е. къ Московской школѣ. Кн. Шаховской былъ ревностный старовѣръ Петербургскаго толка, т. е. изступленный послушникъ Шишкова. Въ то время, эти двѣ школы были два лагеря между собою враждебные. Въ комедіяхъ своихъ Шаховской задѣвалъ Карамзина, а позднѣе и Жуковскаго. Творенія Озерова, по убѣжденію или предубѣжденію, нравиться ему не могли. Это было бы съ его стороны отступничество. Легко статься, что онъ не имѣлъ и врожденнаго поэтическаго чувства, чтобы оцѣнить ихъ, чтобы сочувствовать имъ. Шишковъ также былъ человѣкъ не злой, но увлекаемый страстью. Помню, что во время о̀но видѣлъ я экземпляръ трагедіи Димитрія Донскаго, весь испещренный рѣзкими и часто бранными отмѣтками Шишкова. Вспомнимъ, съ какимъ ожесточеніемъ нападалъ онъ когда-то на Карамзина, какъ на врага Русскаго языка, и чуть ли какъ не на врага Россіи. Въ этихъ литературныхъ страстяхъ, можетъ быть, и отыщется вся разгадка дѣла о *Поликсенѣ.* На дорогѣ, извивающейся покатостью, трудно держаться средины: такъ человѣка и уноситъ къ крайностямъ. Кн. Шаховской, можетъ быть, полагалъ и въ самомъ дѣлѣ, что онъ оказываетъ услугу Русской литературѣ, затормозивъ дальнѣйшее движеніе Озерова. Во всякомъ случаѣ было бы непростительно допустить, что онъ могъ предвидѣть пагубныя и плачевныя послѣдствія, которыя повлекло за собою противодѣйствіе его успѣхамъ Озерова. Можно не любить соперниковъ и противниковъ своихъ: по человѣческой слабости можно иногда загораживать и дорогу имъ. Это видалось. При нѣкоторой зоркости зрѣнія, можетъ быть, видится и нынѣ. Но рыть яму противнику своему, такъ чтобы онъ непремѣнно въ нее рухнулся и оставилъ въ ней кости свои, подобное явленіе, къ чести человѣчества, болѣе рѣдко. Приписывать такое намѣреніе, или нѣчто въ родѣ этого намѣренія кн. Шаховскому въ отношеніи къ Озерову, мы не въ правѣ и нисколько бы не желали. Мы добросовѣстно выдѣляемъ долю человѣческой слабости и авторской запальчивости, но далѣе не идемъ и не хотѣли бы идти.

Какъ новый докладчикъ по *дѣлу о Поликсенѣ,* представляю докладъ свой, безъ формальнаго заключенія, на безпристрастное сужденіе читателей, этихъ присяжныхъ всякой литературной тяжбы. Тяжба устарѣла, согласенъ. Ни до Озерова, ни до Шахов-

скаго теперь никому нѣтъ дѣла; но въ возстановленіи истины и маловажной, или покрайней мѣрѣ въ попыткѣ возстановить то что̀ признаешь за истину, есть удовлетвореніе внутренней потребности и пріятная обязанность для тѣхъ, которые, гдѣ-бы то ни было и въ чемъ-бы то ни было, любятъ истину отыскивать.

Кн. Вяземскій.

Царское Село.
Октябрь 1869 г.

О ТРУДАХЪ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Въ нынѣшнемъ году вышла въ свѣтъ книга въ высшей степени занимательная и весьма замѣчательная въ области нашей исторической литературы: *Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Д. Полѣнова.* Періодическія изданія встрѣтили ее съ полнымъ сочувствіемъ и отнеслись о ней какъ о трудѣ добросовѣстномъ, руководимомъ глубокимъ знаніемъ дѣла. Русскому Архиву, ревностному собирателю всего, относящагося къ послѣднему періоду Русской Исторіи, пламенному поклоннику Екатерининскаго времени, было бы непростительно пропустить безъ особаго вниманія это замѣчательное повѣствованіе, въ лицахъ, словами самыхъ дѣятелей, изображающее одно изъ самыхъ крупныхъ явленій внутренней жизни Россіи, вызванныхъ самодержавною волею великой гражданки-монархини. Какъ нарочно для того, чтобъ исправить его запоздалость въ этомъ отношеніи, явился ему поводъ, строго держась своей программы, войти въ оцѣнку самаго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на заслуги редактора, ученымъ занятіямъ котораго мы обязаны появленіемъ въ свѣтъ превосходной его книги. При разборахъ ея, въ нѣкоторые изъ нихъ вкрались ошибочныя свѣдѣнія, въ другіе промахи въ сужденіи о самомъ предметѣ книги: обязанность „Русскаго Архива", исправить невѣрность свѣдѣній и указать на ошибочность сужденій.

Начнемъ съ первыхъ. Въ передовой статьѣ „Москов. Вѣдом." 15 Августа № 179 почти на первыхъ строкахъ сказано: „Прежде всего спѣшимъ отдать справедливость добросовѣстному труду который былъ положенъ Историческимъ Обществомъ на разработку матеріаловъ вошедшихъ въ это изданіе, и на просвѣщенную заботливость редакціи, которую принялъ на себя сенаторъ Полѣновъ."

Редакторомъ „Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи" былъ не сенаторъ (Матвѣй Васильевичъ) Полѣновъ, а братъ его Дмитрій Васильевичъ. Невѣрность эту можно легко объяснить тѣмъ, что вообще имя Полѣнова весьма знакомо и любезно Москвѣ по той еще недавней, прекрасной памяти, какую оставилъ по себѣ сенаторъ М. В. Полѣновъ, бывшій первымъ предсѣдателемъ Московской Судебной Палаты. Этотъ почтенный юристъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе отъ всѣхъ, кому только случалось имѣть сношенія съ новыми судебными учрежденіями Московскаго судебнаго округа, и кому дороги успѣхи, высокое значеніе и безупречные отзывы объ этихъ новыхъ учрежденіяхъ. Но вся дѣятельность его посвящена служенію практической судебности. Между тѣмъ Д. В. Полѣновъ издавна посвятилъ свои труды Русской археологіи и въ послѣднее время исключительно занялся разработкою матеріаловъ для исторіи нашего законодательства.

Въ выписанныхъ мною строкахъ передовой статьи Моск. Вѣдомостей есть еще другое невѣрное указаніе. Историческое Общество въ весьма короткое время своего существованія, именно въ три года (уставъ Высочайше утвержденъ 23 Мая 1866 года), сдѣлало столько для нашей исторіи XVIII столѣтія, сколько многія общества не дѣлаютъ и десятка-

ми лѣтъ; но „добросовѣстный трудъ,“ какъ совершенно справедливо оцѣниваютъ его Моск. Вѣдом., положенный на разработку матеріаловъ въ выше названной мною книгѣ, принадлежитъ вполнѣ Д. В. Полѣнову, а не Обществу, о чемъ ясно сказано на первой страницѣ предисловія. Указывая на эту вторую невѣрность, я никакъ ни думаю избавить читающую публику отъ глубокой благодарности Историческому Обществу за то, что оно ускорило появленіе въ свѣтъ этого добросовѣстнаго и превосходнаго труда, принявъ на себя его изданіе. Если бы не дорогая для насъ заботливость этого Общества собирать матеріалы, относящіеся къ Русской Исторіи XVIII вѣка и содѣйствовать ихъ разработкѣ, то Богъ знаетъ когда появились бы въ свѣтъ „Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи“, точно также какъ и помѣщенная тѣмъ же Историческимъ Обществомъ въ III томѣ своего Сборника весьма замѣчательная „Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ“, сообщенная *А.Н. Поповымъ*, неутомимымъ дѣятелемъ по Русской Исторіи прошедшаго столѣтія.

Казалось бы, что разработка и изданіе матеріаловъ по исторіи Русскаго законодательства всего прямѣе относятся къ заботамъ Втораго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи: и какъ главнаго, а въ большей части случаевъ и единственнаго, хранителя этихъ матеріаловъ, и какъ самаго вѣрнаго судьи о законодательно-историческомъ достоинствѣ каждаго матеріала, и наконецъ какъ законнаго объяснителя исторической необходимости измѣненій въ старыхъ законахъ и постановленіяхъ и замѣненія ихъ новыми. Такъ понимаетъ и самое это учрежденіе, что намъ извѣстно изъ небольшой книжки: „Матеріалы для исторіи Русскаго законодательства, издаваемые Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ первый. Палата о Уложеніи.“ Предисловіе къ ней начинается прямо слѣдующими словами: „Къ числу занятій, предназначенныхъ Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи, при его учрежденіи, принадлежитъ разработка матеріаловъ, относящихся къ исторіи нашего законодательства.“ Однако же, какъ мы видимъ, трудъ изданія такихъ матеріаловъ приняло на себя Историческое Общество. Тѣмъ еще болѣе заслуги со стороны его, что оно, не заботясь объ оффиціальности въ разграниченіи предметовъ изысканій, старается привлекать въ свой „Сборникъ“ замѣчательные труды дѣятелей по части исторіи прошедшаго вѣка.

Обращаясь къ самой книгѣ Д. В. Полѣнова, я долженъ сказать, что случайно мнѣ пришлось постоянно и пристально слѣдить за учеными его работами, и потому я считаю обязанностію обратить вниманіе читателей на указанную невѣрность свѣдѣнія, сообщеннаго въ Московскихъ Вѣдом. и подтвердить слова мои рядомъ фактовъ, не лишенныхъ, какъ я полагаю, занимательности для нашей библіографіи. Къ тому же мнѣ легче это исполнить, чѣмъ всякому другому, ибо работы почтеннаго редактора „Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи“ происходили, такъ сказать, на моихъ глазахъ; предметъ ихъ былъ для меня такъ любопытенъ, даже завлекателенъ, что я не могъ не только не вслушиваться внимательно, но и не выпытывать выводовъ изъ усидчивыхъ изысканій, и не требовать подтвержденія ихъ вѣрности самыми источниками, и такимъ образомъ, безъ всякаго притязанія на ученость и начитанность, съ простою любознательностію диллетанта, я могъ прослѣдить не только за ходомъ самихъ работъ, но и за всѣми источниками, изъ которыхъ извлекалось рѣшеніе сомнительныхъ вопросовъ.

Изданныя теперь „Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи“ Д. В. Полѣнова есть не начало, а продолженіе его давно начатыхъ трудовъ и изысканій по части исторіи Русскаго законодательства. Первое изъ нихъ появилось еще въ 1865 году: *„Палата о Уло-*

женіи или первая законодательная коммиссія 1700 года. Составлено Д. Полѣновымъ *). Вѣроятно въ ней думали найти черезъ чуръ спеціальное сочиненіе, мало относящееся къ современнымъ нашимъ вопросамъ, или сосредоточенное на самихъ законахъ, потому она и не обратила на себя особаго вниманія, между тѣмъ какъ она весьма любопытна. Въ ней мы находимъ совершенно новыя данныя о первой законадательной коммиссіи, учрежденной Петромъ I подъ именемъ Палаты о Уложеніи. „Кромѣ того въ ней весьма любопытны и самыя свѣдѣнія о составѣ и порядкѣ дѣйствій коммиссіи. Они даютъ наглядное понятіе объ устройствѣ тогдашнихъ правительственныхъ учрежденій, о ходѣ дѣлопроизводства и о нравахъ бюрократіи того времени" (Предисл. стр. III). Изъ нея видно, что палата не слишкомъ занимала и Петра I, и исполнителей его воли. До законовъ ли было въ то время, когда средоточіемъ ихъ, и часто единственнымъ ихъ источникомъ во всѣхъ областяхъ жизни, была его неудержимая воля. „Изъ списка (стольниковъ) видно, что и они не всегда собирались въ палату" (стр. 9). „Въ это время готовилась война съ Швеціею объявленная 19 Августа 1700 года. Петръ Первый, занятый ею во все время существованія Палаты, даже рѣдко бывалъ въ Москвѣ."

Въ подробностяхъ хода дѣлъ этой палаты патріархальность времени является со всею осязательностію „Бояре приказали: Уложенную печатную 157 года (т. е. по тогдашнему лѣтосчисленію отъ сотворенія міра 7157 года или въ 1649 „году) книгу **) изъ переплета рознять „по главамъ и къ дѣлу Новоуложенной „Книги списать на списки въ тетради, „въ Палатѣ; и къ тому дѣлу взять изо „всѣхъ приказовъ для письма подъячихъ „по одному старому, по два молодыхъ „добрыхъ, которые приказное дѣло знаютъ и писать умѣютъ." Вмѣстѣ съ тѣмъ бояре приказали, чтобы для списковъ съ Уложенія прислано было изъ каждаго приказа по стопѣ бумаги и по десяти фунтовъ свѣчь сальныхъ (стр. 16).

8 Августа подъячій Яковъ Естифеевъ ходилъ въ Ратушу и говорилъ бургомистрамъ, „чтобъ прислали въ палату „къ боярамъ стопу бумаги, сто свѣчь „сальныхъ, чернилъ кувшинъ, и они сказали: изъ Ратуши не будетъ." (стр. 51).

Бургомистръ Алексѣй Астафьевъ сказалъ, что подъячимъ велѣно „справливаться. а про бумагу и про свѣчи и „чернила отказалъ; безъ именного Великаго Государя указа покупать не смѣемъ."

„Евсигней Ѳоминъ (дьякъ) и отъ этаго (руку приложить) отказался, говоря, что безъ боярскаго вѣдома онъ руки приложить не смѣетъ, а о бумагѣ и о чернилахъ и о свѣчахъ сказалъ: „котораго приказа статьи слушаютъ, того „приказа бумаги и чернила; и свѣчь де „нынѣ не надобно для того, что нынѣ „ворота запираютъ, и подъячіе не сидятъ „по ночамъ." (стр. 52).

Изъ этихъ немногихъ выписокъ виденъ на лице весь домашній обиходъ тогдашнихъ присутственныхъ мѣстъ и вся ихъ патріархальная неурядица.

Въ общемъ итогѣ разсматриванія небольшой книжки Д. В. Полѣнова оказывается, что кромѣ доставленія намъ живыхъ красокъ для обрисовки бюрократіи петровскаго времени, она оказала существенную услугу исторіи нашего законодательства и своими указаніями историческими. Въ ней сообщены совершенно новыя свѣдѣнія и ею исправлена ошибка нашихъ весьма извѣстныхъ историческихъ дѣятелей. Устряловъ (Обозрѣніе царствованія Николая I-го, стр. 137) говоритъ, что въ продолженіи 14 лѣтъ палата *„едва успѣла разсмотрѣть три главы Уложенія царя Алексѣя Михай-*

*) Общее заглавіе этой брошюры: Матеріалы для Исторіи Русскаго законодательства, издаваемые Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ первый. Палата о Уложеніи. С. П. Б. 1865. in 8. (V. 64).

**) Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

ловича." Неволинъ въ своей Энциклопедіи Законовѣденія (Полное собраніе сочин. Неволина, т. II, стр. 483) говоритъ тоже: „*произведенія же ея* (палаты) *по 1703 годъ состояли въ неоконченномъ сводѣ на три главы Уложенія.*" „Палата о Уложеніи," составленная Полѣновымъ, опровергаетъ это вполнѣ какъ изложеніемъ хода дѣйствій палаты, такъ и прямымъ указаніемъ, что она „разсмотрѣла Уложеніе 1649 года и дополняла его новоуказными статьями и другими постановленіями" *)

Второе изысканіе Д. В. Полѣнова подъ именемъ: „Законодательная Коммиссія при Петрѣ II, 1728 года," помѣщено во II томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Чтобы дать возможность нашимъ читателямъ послѣдовательно прослѣдить за всѣмъ ходомъ нашихъ законодательныхъ коммиссій, передадимъ изъ этой статьи собственными ея словами ходъ и дѣйствія Коммиссіи 1728 г., „которая въ ряду прочихъ была четвертая."

„Для разбора указовъ и подведенія ихъ къ статьямъ Уложенія, главнѣйшей въ этомъ дѣлѣ работы, указомъ (Верховнаго Тайнаго Совѣта) повелѣвалось: „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знатныхъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи и Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства, и конечно ихъ выслать Сентября къ 1 числу нынѣшняго 1728 года, безъ всякаго отлагательства." (Сборникъ Русск. Историч. Общ. т. II, стр. 395).

„Наступило 1-е Сентября, и ни одного изъ дворянъ и офицеровъ въ Москву не прибыло." (стр. 396).

*) Источникомъ ошибки обоихъ писателей была изданная Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи книжка, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе историческихъ свѣденій, составлено изъ актовъ, хранящихся во II Отдѣленіи Собст. Е. И. В. канцеляріи. С. П-Б. 1837 года изд. 2." Она была непечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступила. Не смотря на сказанное въ заглавіи, она, по словамъ знатоковъ дѣла, преисполнена невѣрностями.

„Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ явились въ Москву весьма немногіе" (стр. 397).

„Новгородская губернская канцелярія донесла Сенату отъ 12 Сентября, что для отправленія въ Москву выбранъ изъ дворянъ новгородскій помѣщикъ Иванъ Скобельцынъ, и что за нимъ посланы въ уѣздъ солдаты уже въ третій разъ; но, не смотря на то, онъ оказался ослушенъ и въ Новгородъ не поѣхалъ. Тогда губернская канцелярія послала за нимъ подъячаго и трехъ солдатъ съ приказаніемъ, ежели онъ укроется, то взять жену его и привезти въ Новгородъ подъ карауломъ, а если она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписать на Государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе." (стр. 398).

Такими путями и средствами были собираемы выборные земли русской на дѣло государственнаго законодательства. „Офицеры, дворяне добрые и знатные люди" оказались не весьма состоятельными. Да къ тому же, видно издавна приглашеніе *тайныхъ совѣтовъ* никому не казалась особенно привлекательнымъ. Составленъ былъ списокъ тѣмъ, которымъ еще на мѣстѣ назначено было прибыть въ Москву къ 1 Января 1729 года, между тѣмъ какъ они внесены въ списокъ явившимися. Этимъ спискомъ оканчивается производство дѣла въ Сенатѣ о высылкѣ дворянъ и офицеровъ къ сочиненію Уложенія. Подробности произведеннаго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ осмотра означенымъ лицамъ не извѣстны. Только изъ указа, объявленнаго Сенату, видно, что всѣхъ этихъ офицеровъ и дворянъ велѣно отпустить по домамъ, а на мѣсто ихъ приказано губернаторамъ выбрать другихъ знатныхъ и добрыхъ людей изъ каждой губерніи по два человѣка, которые къ тому дѣлу, т. е. къ сочиненію Уложенія, были бы достойны. Изъ этого распоряженія можно покрайней мѣрѣ заключить, что высланные въ нынѣшній разъ оказа-

лись къ дѣлу неспособными. О дальнѣйшемъ послѣдствіи исполненія по сему послѣднему указу свѣдѣній не найдено. (стр. 404 и 405).

Довольно трудно сочувственно отнестись къ такой живой проніи надъ выборнымъ началомъ 1728 года и надъ дѣломъ законодательства, выказывающимъ весь деспотизмъ безурядицы того времени.

Такимъ образомъ, послѣ ряда послѣдовательныхъ работъ, частію уже напечатанныхъ, частію остающихся въ портфелѣ, Д. В. Полѣновъ перешелъ къ самому блестящему явленію въ исторіи нашего законодательства послѣднихъ вѣковъ—*Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго Уложенія*. Эта коммисія, начиная съ манифеста 14 Декабря 1766 года „объ ея учрежденіи и о созваніи въ оную со всей имперіи депутатовъ", изображена въ книгѣ, подавшей поводъ къ настоящей статьѣ, со всѣми живыми подробностями, представленными на лице, не сухимъ объ нихъ извѣстіемъ, а самою ея дѣятельностію.

Первый шагъ къ ней—созывъ депутатовъ рѣзко уже отличается отъ того насильственнаго сбора ихъ, на который мы указали въ коммиссіяхъ 1700 и 1728 годовъ. Конечно прожитая Россіею исторія, преданія тогда еще не утратившія свою свѣжесть могли бы указать на образъ созыва выборныхъ всей земли Русской болѣе близкій народному духу. Но онъ никакъ не подошелъ бы подъ понятія и требованія осмнадцатаго вѣка, не отдававшаго большаго почета не только преданіямъ, но и самой исторіи. Къ тому же ни древнее вѣче, ни жившій еще въ воспоминаніи послѣдній созывъ на соборъ, не были уже по плечу нововыправленной послѣпетровской Россіи. Подъ грозною указкою немягкаго царственнаго учителя, она успѣла уже научиться отдавать предпочтеніе внѣшности предъ внутреннимъ содержаніемъ, успѣла уже разъединить народъ и государство и начала уже привыкать считать народъ молчаливымъ исполнителемъ чуждыхъ ему предписаній. Слѣдовательно, при всей геніальности Великой Екатерины, ей было уже невозможно искать въ исторіи и въ живыхъ народныхъ преданіяхъ, путей къ свободному спросу у народа объ истинныхъ источникахъ его свободнаго благоденствія, а приходилось добиваться до нихъ путемъ уединеннаго изученія человѣческихъ правъ и гражданскихъ законовъ. „Я начала читать, потомъ писать Наказъ Коммиссіи Уложенія. Два года читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особо". Трудно и едва ли возможно желать болѣе человѣчныхъ стремленій; не вина Екатерины, а вина времени, что задачею, какую хотѣли разрѣшить эти стремленія, не была самосостоятельная жизнь народа въ государствѣ, а полная и безусловная опека народа государствомъ.

Такая человѣчность взгляда монархини выразилась какъ въ составѣ коммиссіи, такъ и въ правахъ, данныхъ депутатамъ.

„Въ учреждаемую коммиссію созывались депутаты со всѣхъ странъ имперіи. Высшія правительственныя и другія присутственныя мѣста должны были также назначить отъ себя депутатовъ. Такимъ образомъ, сенатъ, синодъ, три первыя и прочія коллегіи, канцеляріи (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ) должны были прислать по одному депутату; каждый уѣздъ, гдѣ губерніи росписаны на уѣзды и гдѣ есть дворянство, а равно и тѣ мѣста, гдѣ уѣзды назывались полки, крейсы или имѣли иное названіе, обязаны были прислать по одному депутату; жители каждаго города тоже по одному; однодворцы каждой провинціи по одному; пахатные солдаты и разныхъ службъ служивые люди и прочіе, содер-

жащіе ландмилицію, отъ каждой провинціи, по одному депутату; государственные черносошные и ясачные крестьяне изъ каждой провинціи по одному; некочующіе разные народы, какого бы они закона ни были, крещеные или некрещеные, отъ каждаго народа, съ каждой провинціи, по одному депутату".

„Они созывались не только для того, чтобы выслушать отъ нихъ нужды и недостатки каждаго мѣста, но чтобы и самимъ принять участіе въ дѣйствіяхъ Коммиссіи".

„Всякій депутатъ на всю свою жизнь, не смотря ни на какое преступленіе, освобождался отъ смертной казни *), отъ пытокъ и отъ тѣлеснаго наказанія.

„Имѣнія депутатовъ, со дня ихъ выбора въ это званіе, освобождались отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, кромѣ какъ за долги.

„Нанесшій оскорбленіе или вредъ депутату подвергался двойному наказанію противъ обыкновеннаго". (Истор. свѣд. о Екатер. Коммиссіи и пр. стр. 2 и 3).

Я выписываю только главнѣйшія преимущества, не касаясь другихъ мелкихъ.

Этотъ созывъ депутатовъ былъ уже не похожъ на созывы 1700 и 1728 годовъ; за то и не пересылались уже депутаты со стражею, а прибыли охотно сами въ числѣ 565 человѣкъ. Книга Д. В. Полѣнова передаетъ намъ всѣ подробности выборовъ петербургскихъ и московскихъ и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, какъ напримѣръ Казани и Волоколамска. Онѣ переносятъ насъ въ общественную нашу жизнь слишкомъ за 100 лѣтъ назадъ, и часто останавливаютъ на себѣ вниманіе своею особенностію. Укажемъ, напримѣръ, мимоходомъ на слѣдующія:

„Войдя съ полнымъ благочиніемъ въ залу, жители размѣстились на скамьяхъ согласно съ тѣмъ порядкомъ, который указанъ былъ въ обрядѣ, т. е. женатые и имѣющіе дѣтей впереди, потомъ женатые бездѣтные, далѣе вдовые и наконецъ холостые.

„Такимъ образомъ лица высшихъ государственныхъ чиновъ сидѣли между гражданами всякаго званія. Эти сановники, дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ, или другихъ отличій" (стр. 10).

Послѣ описанія выборовъ слѣдуетъ описаніе прибытія депутатовъ въ Москву, представленія ихъ императрицѣ и торжественнаго открытія Коммиссіи. Не останавливаясь на весьма любопытныхъ и занимательныхъ подробностяхъ тогдашняго общественнаго быта, переданныхъ въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о Екатерининской Коммиссіи", перейдемъ къ главному предмету книги, — къ этой самой Коммиссіи.

Въ этомъ отношеніи, книга Д. В. Полѣнова оказала огромную услугу исторіи, ибо „свѣдѣній объ этой коммисіи", какъ совершенно справедливо сказано въ предисловіи, „кромѣ неполныхъ, отрывочныхъ, а еще большею частію ошибочныхъ, мы до сего времени не имѣемъ. И не мудрено. Все, что доселѣ было объ ней сказано, основывалось, за нѣкоторыми исключеніями, на невѣрно переданныхъ фактахъ или на столь же невѣрныхъ преданіяхъ".

На сколько вѣрны настоящія свѣдѣнія, читатель можетъ судить по несомнѣнной вѣрности источниковъ. „Три рода изъ нихъ (документовъ, хранящихся въ архивѣ II Отд. Собст. Е. И. В. Канцеляріи) служили при составленіи труда: 1). Дневныя записки засѣданій Большаго Собранія Коммиссіи, 2). Мнѣнія депутатовъ, читанныя въ Большомъ Собраніи, и 3). Подлинные наказы, данные депутатамъ отъ всѣхъ сословій имперіи".

---

*) Падуровъ, въ послѣдствіи одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Пугачева, былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ. (*Матеріалы для исторіи коммисіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія. Мих. Лонгинова. Приложенія къ Русск. Вѣстнику 1861 №. 12 стр. 1*). Законъ не успѣлъ еще быть на столько честнымъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не измѣнять своему слову.

Кромѣ несомнительной достовѣрности, эти источники, а слѣдовательно и самая книга, соединившая ихъ въ одно цѣлое, важна для насъ еще тѣмъ, что она переноситъ насъ въ гражданскую среду того времени, голосомъ самихъ современниковъ. Если бы мы имѣли одинъ разсказъ, или, говоря словами предисловія (XIII): „если бы до насъ дошли однѣ только дневныя записки Общихъ Собраній Коммиссіи, то мы имѣли бы точныя свѣдѣнія объ ея дѣятельности, но картина была бы блѣдная. Между тѣмъ подлинныя мнѣнія депутатовъ, сохранившіяся въ довольно полномъ составѣ, устраняютъ недостатокъ, который могъ бы произойти отъ краткости дневныхъ записокъ. Въ особенности съ того времени, когда началось слушаніе законовъ, мнѣнія эти представляютъ богатый матеріалъ о дѣятельности Большого Собранія Коммиссіи".

Строгіе археологи, дорожащіе каждою іотою прошедшей жизни, укорятъ, можетъ быть, г. Полѣнова за то, что онъ передалъ намъ мнѣнія депутатовъ языкомъ теперешнимъ, а не тогдашнимъ полукнижнымъ, имѣвшимъ не русскую, а, если можно такъ сказать, какую-то особую, условную конструкцію. Я лично не могу раздѣлить ихъ безуступчиво-археологическихъ требованій; полагаю, что и читатели, за весьма развѣ небольшимъ исключеніемъ, будутъ согласны со мною и съ редакторомъ, который такъ оправдываетъ принятое имъ изложеніе депутатскихъ мнѣній:

„Мы изложили ихъ нынѣшнимъ языкомъ. Понимая то непріятное ощущеніе, которое испытываютъ читающіе старинное (я сказалъ бы прошедшаго вѣка) наше писаніе, мы имѣли въ виду устранить это чувство и сдѣлать чтеніе, а притомъ и пониманіе, доступнымъ не для однихъ спеціалистовъ. Чтобы дать понятіе объ языкѣ, которымъ большая часть депутатовъ выражалась на письмѣ, представляемъ для образца нѣсколько отрывковъ изъ ихъ мнѣній; по этимъ отрывкамъ можно также судить, на сколько мы старались быть точными въ нашемъ переложеніи".

Отставши отъ родной исторіи, послѣпетровское русское общество отстало и отъ живаго языка во всемъ относящемся не къ чисто и исключительно-бытовой, обиходной жизни. Полулатинскій составъ періодовъ и довольно напыщенный наборъ словъ точно также изгналъ изъ языка административнаго всякое понятіе о живой бесѣдѣ, какъ гражданскій порядокъ и новыя узаконенія изгоняли все, освященное преданіями старины и вышедшее изъ коренныхъ основъ народной жизни. Я указываю только на то, что было, нисколько не укоряя былаго и не осуждая его, ибо исторія не судится, а читается и изучается. Что было, то должно было быть, не по фатализму, а по исторической необходимости, которая, при глубокомъ изученіи, является самымъ строгимъ и потому самому неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ незыблемыхъ историческихъ законовъ. Прейдутъ небо и земля, но ни одной іоты или черты изъ закона не прейдетъ. Общественный или вѣрнѣе гражданскій языкъ Екатерининскаго времени есть много и ясно говорящее явленіе исторіи, но въ изложеніи предметовъ самыхъ жизненныхъ, теперь едвали не болѣе близкихъ чѣмъ тогда, нашему гражданскому быту, мы въ настоящую минуту охотнѣе допускаемъ тотъ образъ выраженія, который не вредилъ бы ихъ свободному и легкому пониманію.

Содержаніе всѣхъ депутатскихъ мнѣній, изложенныхъ въ настоящей первой книгѣ „Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской Коммиссіи„ сосредоточивается на двухъ главныхъ предметахъ: на ходатайствѣ „объ однихъ мелкихъ нуждахъ, не выходящихъ изъ тѣснаго круга обиходныхъ потребностей", вызванномъ слушаніемъ наказа отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи и другихъ крестьянъ иныхъ мѣстностей. Потомъ на правахъ дворянства, по по-

воду чтенія законовъ объ этихъ правахъ, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича по 12 Декабря 1766 года.

При чтеніи наказовъ по первому предмету, „замѣчательно въ нихъ одно заявленіе (и почти единогласное): это желаніе измѣнить существовавшій судебный порядокъ и вмѣсто его ввести мѣстный словесный судъ". (Предисл. стр. XIII—XIV). При обсужденіи второго предмета далеко не было единогласія. Одиннадцать засѣданій были посвящены этому вопросу, который если уже и потерялъ полноту жизни, то все еще часто и теперь возбуждаетъ разногласія, даже часто вызываетъ пренія при его обсужденіи, чему еще весьма недавно были примѣры въ нашихъ настоящихъ земскихъ собраніяхъ.

Большинство депутатовъ стояло за то, чтобы дворянство оставалось достояніемъ древнихъ родовъ и чтобъ чины не давали правъ на полученіе потомственнаго дворянства, какъ это было введено указомъ Петра I-го. Каждый старался подмѣтить какую нибудь невыгодную сторону въ увеличеніи числа дворянскихъ родовъ, или какое нибудь неудобство, каждый силился оправдать свою мысль и основать ее или на томъ же указѣ Петра или на наказѣ Екатерины, или на величіи монархической власти. Одинъ напр. Чаадаевъ, Муромскій депутатъ, представлялъ, что: „этимъ званіемъ должны награждаться особенныя и важныя услуги отечеству, а не обыкновенная военная или статская служба, достаточно уже награжденная чинами" (стр. 153). Другой, Казанскій депутатъ Есиповъ, что: „ежели дворянство будетъ соединено съ пожалованіемъ въ офицеры, то чрезъ сіе оно, во первыхъ, упуститъ свою драгоцѣнность и блескъ своего преимущества, а во вторыхъ и безпредѣльная власть государева будетъ какъ бы оскорблена" (стр. 183). Однимъ словомъ каждый приводилъ какія нибудь подобныя этимъ доказательства неприкосновенности дворянскаго достоинства и удержанія его въ древнихъ дворянскихъ родахъ.

Противъ того, чтобы дворянство не было исключительнымъ достояніемъ однихъ древнихъ родовъ, мнѣнія были на перечетъ. Депутатъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ, Николай Мотонисъ, въ своей рѣчи излагалъ свой взглядъ обращеніемъ Отечества къ „рожденному отъ дворянскаго колѣна младенцу": „Предки твои пріобрѣли сіе достоинство военными или гражданскими добродѣтелями. Никто ихъ подлыми да не называетъ! Подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ, трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ" (стр. 169). Зарудный, депутатъ Изюмской провинціи отъ дворянства, говорилъ еще сильнѣе. Въ довольно длинномъ своемъ мнѣніи онъ между прочимъ прямо указалъ, почему не желаютъ распространенія дворянскихъ правъ на нововыслуженныхъ. „Такая мысль скорѣе можетъ быть отнесена къ самолюбію; ибо подающіе мнѣніе объ ограниченіи способовъ достигать дворянства выказываютъ чрезъ то желаніе, чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности къ своему монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишить этого преимущества навсегда" (стр. 185).

Но главнымъ поборникомъ этого мнѣнія, противъ мнѣній большинства депутатовъ, былъ депутатъ Днѣпровскаго пикернаго полка Яковъ Козельскій. Изъ его довольно длиннаго, логически развитаго и покойно изложеннаго мнѣнія не возможно представить выдержекъ: оно все наполнено сильными опроверженіями, какъ онъ выражается, „многихъ неправыхъ доводовъ". Не увлекаясь личными чувствами и личными впечатлѣніями, онъ указываетъ на неправость мнѣній своихъ противниковъ категорически и, надобно сказать, что дѣйствительно никто изъ депутатовъ не гово-

рилъ по этому предмету такъ разсудительно и безотносительно къ своей личности.

Рюриковичь по происхожденію, родной сынъ своего времени по понятіямъ и воспитанію, депутатъ Ярославскій князь Михаилъ Щербатовъ въ томъ же засѣданіи произнесъ рѣзкое возраженіе противъ этого мнѣнія и произнесъ съ такимъ увлеченіемъ, что дневная записка не могла не замѣтить, что онъ рѣчь свою „говорилъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно" (стр. 193). Увлеченіе оратора было такъ сильно, что въ окончаніи рѣчи онъ невольно заговорилъ стихотворнымъ размѣромъ: „*Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей* и напоминающую ихъ потомкамъ тоже исполнить и такъ же жертвовать своею жизнію Отечеству, какъ они учинили". Это тотъ самый Князь Щербатовъ, который написалъ Россійскую Исторію. Если позднѣйшее время и не можетъ согласиться съ его понятіями, то никакъ не можетъ не уважать его полнѣйшей искренности и прямаго, неуклончиваго отстаиванія своихъ заповѣдныхъ убѣжденій.

При сужденіи о правахъ дворянства два мнѣнія коснулись банковъ, но только мимоходомъ.

Довольно, кажется, и этого бѣглаго очерка для того, чтобы видѣть, до какой степени занимательны „Историческія свѣдѣнія„ и какъ исторически важны мнѣнія депутатовъ, живые, наочные изобразители понятій того времени.

Въ наказахъ мы видимъ уже не только одни сужденія и взгляды, но и дѣйствительное тогдашнее гражданское и экономическое положеніе Россіи. Выписки изъ наказовъ невозможны, ибо они заняли бы десятки страницъ, а между тѣмъ прочтите любой изъ нихъ: вездѣ самыми простыми и яркими красками изображаются дѣйствительныя бѣды, безурядица, неустройство и распущенность администраціи. Тутъ найдете вы не только просьбы объ исправленіи всѣхъ такихъ непорядковъ, но часто и весьма дѣльныя указанія на способы исправленія. Вообще собраніе наказовъ есть такой драгоцѣнный источникъ не только гражданской, но экономической и даже бытовой жизни прошедшаго столѣтія, такой живой изобразитель этой жизни, что, благодаря ему, все это время воспроизводится со всѣми бѣдами и страданіями неустроенной гражданственности. Доброе старое время матушки Екатерины является куда какъ недобрымъ въ столкновеніи съ дѣйствительностію, которая въ наказахъ является не списанною, а живою и разсуждающею о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ. Съ наказами слѣдовало бы ознакомить не выписками, а очеркомъ нашей исторіи гражданскаго быта въ Екатерининское время, составленнымъ по наказамъ депутатовъ.

Въ дальнѣйшихъ книгахъ мы надѣемся найти обсужденіе множества другихъ вопросовъ, которыхъ успѣло коснуться Большое Собраніе Коммиссіи. Въ настоящей книгѣ переданы тридцать одно засѣданіе, тогда какъ всѣхъ ихъ было 203, съ 31 іюля 1767 г. по 12 января 1769, когда воспослѣдовало закрытіе Коммиссіи. Это закрытіе вызвало въ послѣдствіи и даже уже въ наше время много разсужденій о его причинахъ, которыя большею частію основаны на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ. Оно произошло прямо послѣ обычныхъ засѣданій: ибо чтеніе законовъ продолжалось до 15 декабря 1768 г., а 18 декабря 1768 г. маршалъ Бибиковъ объявилъ Собранію о полученномъ Коммиссіею именномъ указѣ, въ которомъ Императрица, объявляя, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые до выборовъ членовъ въ частныя коммиссіи, остались въ Большомъ Собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ частныхъ коммиссій остаться и продолжать свои за-

нятія, и на мѣсто членовъ этихъ коммиссій, обязанныхъ отправиться къ своимъ мѣстамь, выбрать другихъ изъ Большаго Собранія депутатовъ. (Пред. стр. XX).

Такова оффиціальная причина закрытія Коммиссіи, и въ дѣйствительности не видно никакого другаго ему повода.

Въ послѣдствіи высказалось мнѣніе, не одинъ разъ заявленное печатно, что императрица была вынуждена распустить Коммиссію потому, что въ ея засѣданіяхъ были затронуты вопросы первой важности, напримѣръ о злоупотребленіяхъ администраціи, объ уничтоженіи крѣпостнаго права и объ ограниченіи верховной власти. Просматривая всѣ мнѣнія депутатовъ, мы пока нигдѣ не встрѣтили не только ни одной рѣзкости противъ верховной власти, но даже и смиреннаго разбора ея несостоятельности. Вездѣ въ защиту каждаго положенія приводится или явно высказанное, или предполагаемое намѣреніе монарха; вездѣ, въ самыхъ смѣлыхъ заявленіяхъ, каждый старался прикрыть себя угадываніемъ воли государыни. Разумѣется, коснувшись всѣхъ непорядковъ, невозможно было обойти злоупотребленія администраціи, но и тутъ вездѣ изображались они самымъ безобиднымъ образомъ. Къ томуже и сама Екатерина просила о такихъ указаніяхъ, и ни изъ чего не видно не только какого либо ея страха, но и тѣни опасенія. Ревностный дѣятель и безпощадный раскапыватель нашихъ библіографическихъ драгоцѣнностей, М. Н. Лонгиновъ, въ статьѣ своей „Матеріалы для исторіи коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія" (Русск. Вѣстн. 1861 г. Приложеніе къ № 12 стр. 4) пишетъ, по этому поводу, не вполнѣ основательно: „Можно съ основательностію предполагать, что признаніе такихъ вопросовъ несвоевременными, а вовсе не неспособность, было главною причиною того, что общее собраніе Коммисіи было распущено подъ предлогомъ заботъ по начинавшейся турецкой войнѣ". Предполагать можно пожалуй что угодно; но надобно же имѣть основанія для предположеній, а гдѣ же они въ настоящемъ случаѣ? Въ чемъ выразилось такое признаніе несвоевременности вопросовъ, поднятыхъ Коммиссіею, и гдѣ доказательство такого признанія со стороны верховной власти? Уничтоженію крѣпостнаго права Екатерина сочувствовала болѣе, нежели тогдашнее дворянство, и отпоръ противъ этой мѣры былъ сдѣланъ въ самой Коммиссіи. Вообще такое предположеніе о закрытіи Коммиссіи не основано ни на одномъ достовѣрномъ фактѣ или документѣ. Какъ кажется, единственнымъ источникомъ такого невѣрнаго предположенія, которое безъ провѣрки принялъ и г. Лонгиновъ въ весьма дѣльной статьѣ своей, было указаніе Бибикова въ изданной имъ книгѣ „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова". Дѣйствительно, А. А. Бибиковъ, издавшій эти записки своего отца, говоритъ, что: „ нѣкоторые изъ нихъ (депутатовъ) увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти". Слѣдуетъ припомнить, что вольнодуміе того времени не имѣло и тѣни притязаній на понятія о свободѣ гражданской: въ немъ были голые выводы, часто, и даже большею частію, нисколько не продуманные, а цѣликомъ взятые у энциклопедистовъ XVIII вѣка. Атеизмъ былъ почти неизбѣжнымъ шагомъ къ страшнѣйшему ханжеству, и не только не рѣдко, а въ большей части случаевъ,—отчаянный атеизмъ братски сживался съ крайнимъ изувѣрствомъ въ одной и той же личности. Бывали попытки указаній и книжныхъ обращеній къ естественному праву, но осталась ли хоть одна попытка къ сколько нибудь обдуманному не только намѣренію, а даже порыву пріобрѣсти гражданскую свободу? Г. Лонгиновъ, стараясь разъяснить причину закрытія Коммиссіи и не находя для этого довольно данныхъ, совершенно справедливо говоритъ: „Время и обстоятельства дадутъ возможность разъяснить подробно дѣятельность

Коммиссіи 1767 года, о которой подробности скрыты подъ спудомъ, что и дало возможность представлять ее въ превратномъ видѣ, которому беззаботность и легкомысліе придавали долгое время не только вѣроятіе, но и несомнѣнность." Вышедшія теперь въ свѣтъ „Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія", и представляютъ намъ запасъ тѣхъ подробностей, безъ которыхъ невозможно было произнести основательнаго сужденія о самомъ важномъ явленіи въ исторіи нашего законодательства послѣдняго времени. Изъ нихъ мы уже ясно и осязательно убѣждаемся, что никакой страхъ и никакія опасенія не могли быть внушены засѣданіями Большой Коммиссіи, и что по этому поводомъ къ ея закрытію была дѣйствительно наступавшая война, а ничто либо другое.

Сто лѣтъ отдѣляютъ Екатерининскій созывъ депутатовъ отъ настоящихъ нашихъ земскихъ учрежденій, и ознакомленіе съ нимъ получаетъ тѣмъ бо̀льшую для насъ занимательность, что именно теперь мы невольно сопоставляемъ ихъ между собою. Въ этомъ сопоставленіи мы находимъ, нельзя даже сказать страшную разницу, а діаметральную противоположность какъ между ихъ основами и стремленіями, такъ и между отношеніями государства къ земству и на оборотъ, въ то и другое время. Земство Екатерининскаго времени, можетъ быть, само того не замѣчая, отдавало русскаго человѣка подъ полную, безусловную, такъ сказать, безконтрольную опеку государства, и этимъ самымъ просило властительнаго попечительства надъ собою, со стороны государства. Оно молило его объ исправленіи неурядицы, не только не выговоривъ самому себѣ никакой свободы дѣйствій и никакого самоуправленія, но даже не обозначивъ въ своемъ воображеніи какого либо призрака свободы самосуществованія. Государство вняло его мольбамъ; какъ оказалось послѣ, весьма горячо приняло ихъ къ своему опекунскому сердцу и мощною рукою взяло въ свое полное, безусловное и безъисключительное распоряженіе всего русскаго человѣка. То, что̀ было до Петра личнымъ деспотизмомъ власти, достигавшимъ до кровожаднаго тиранства *Грознаго*, что̀ облечено Петромъ въ произволъ законности, тому земство временъ Екатерины давало возможность систематически устроиться въ общемъ государственномъ строѣ. И вотъ мало по малу, не только гражданская распорядительность, но общественная жизнь, развитіе и дѣятельность ума, жизнь чувства въ самыхъ высокихъ ея явленіяхъ, въ области церкви, наконецъ самый домашній бытъ, когда онъ сколько нибудь переступалъ за порогъ внутреннихъ покоевъ, все сдѣлалось заботою государства, т. е. другими словами, всѣмъ завладѣло государство.

Во времена Екатерины самое то, что такое попечительство было желаемо и просимо, показываетъ уже, что оно было необходимо и неизбѣжно. Но столѣтній опытъ постояннаго уничтоженія человѣка подъ гнетомъ государства, полумолчаливый ропотъ, попытки образовать иной гражданскій порядокъ, сознаніе самаго государства въ невозможности услѣдить за всѣми требованіями общественнаго развитія, несбыточность и уродливость желанія подвести все разнообразіе жизни, раскинувшейся едва не на полсвѣта, подъ одну общую мѣрку, наконецъ вслѣдствіе соединенія всѣхъ причинъ: общій застой, общая безжизненность и неподвижность, общая во всемъ отсталость отъ современнаго развитія, все это заставило и государство и гражданъ оглянуться на самихъ себя и вникнуть въ свои взаимныя отношенія, въ конецъ уничтожившія законную ихъ гармонію. Верховная власть нашла возможность сдѣлать шагъ къ установленію такой законности и гармоніи въ основаніи настоящихъ нашихъ земскихъ учрежденій.

Ѳ. Чижовъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЛЕТНЕВЪ.

Всѣ, кому дорога̀ память Плетнева, съ особеннымъ интересомъ прочли въ *Русскомъ Архивѣ* нѣсколько страницъ, посвященныхъ ей И. С. Тургеневымъ. Не смотря на то, что отъ описываемаго имъ вечера прошло болѣе 30-ти лѣтъ, даровитый авторъ умѣлъ придать жизнь своему разсказу. Сознавая, что содержаніе слышанныхъ на этомъ вечерѣ разговоровъ почти совершенно забыто имъ, онъ тѣмъ не менѣе въ нѣсколькихъ характеристическихъ чертахъ мастерски обрисовалъ ли́ца, съ которыми тамъ встрѣтился. Жаль только, что изъ рѣчей и сужденій самого хозяина не могъ онъ привести ничего сколько-нибудь опредѣленнаго. Къ разсказу присоединена небольшая характеристика и оцѣнка Плетнева: хотя здѣсь авторъ и не обнаруживаетъ особенно-короткаго знакомства съ покойнымъ, однакожъ нельзя не согласиться, что главныя черты въ этомъ портретѣ схвачены вѣрно. Нѣкоторыя изъ замѣчаній г. Тургенева требуютъ однакоже дальнѣйшихъ поясненій и оговорокъ. Человѣкъ, въ 1820 годахъ выработавшій въ себѣ такой самостоятельный образъ мыслей и характтеръ, какъ Плетневъ, былъ именно для того времени явленіемъ довольно рѣдкимъ. Притомъ надобно было обладать особенными достоинствами, чтобы въ такой степени, какъ онъ, пріобрѣсти уваженіе и довѣріе лучшихъ тогдашнихъ писателей. Извѣстно, что Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, а впослѣдствіи Жуковскій и Гоголь отдавали на судъ Плетнева новые труды свои, дорожили его совѣтами и замѣчаніями, поручали ему свои литературныя дѣла, какъ надежному, твердому въ словѣ, опытному и безкорыстному другу. Какъ сошелся съ нимъ Пушкинъ, видно изъ сохранившихся остатковъ ихъ переписки. Чтобы дать понятіе о тонѣ бывшихъ между ними сношеній, предложу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Пушкина къ Плетневу.

Письмо 1830 года, въ апрѣлѣ (изъ Москвы):

«Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками — а ты, благодѣтель, явись къ Ф. Ф. [1]) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?). Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши».

1831 (изъ Михайловскаго): «Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось.»...

1831 г. «Чтожъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ [2]). Твоя статья о немъ прекрасна [3]).

---

[1]) Фонъ-Фокъ предшественникъ Дубельта въ III-мъ отдѣленіи Соб. Его Имп. В. Канцеляріи. Фонъ-Фокъ скончался лѣтомъ 1831 года передъ взятіемъ Варшавы, и Пушкинъ шутилъ по случаю его смерти: „Для насъ теперь важнѣе знать кто займетъ мѣсто Фонъ-Фока, нежели знать, взята ли будетъ Варшава". Извѣстно, что съ осени 1826 года сочиненія Пушкина печатались помимо обыкновенной цензуры, съ Высочайшаго соизволенія, которое получалось черезъ III-е отдѣленіе. *П. Б.*

[2]) Т. е. о томъ, чтобы вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Плетневымъ написать біографію Дельвига.

[3]) Она появилась въ *Литературной Газетѣ*.

Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній—анекдотовъ, разбора его стиховъ etc.»

1831 г. марта 26-го: «Что̀ это значитъ, душа моя? Ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало ли вновь тебѣ отъ Генералъ-Губернатора [4]) милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго? Не болѣнъ ли ты? Все ли у тебя благополучно, или просто лѣнишься да напрасно друзей своихъ пугаешь»?

1831 апрѣля 11: «Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что̀ ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла».

1831 (изъ Царскаго Села): «Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры; одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы.....»

Невольно спрашиваешь себя, какъ бы отозвались о Плетневѣ, — еслибъ его пережили — люди, такъ коротко его знавшіе. Князь П. А. Вяземскій, которому выпалъ этотъ жребій, говоритъ между прочимъ, что, примкнувъ въ началѣ 20-хъ годовъ, къ кругу этихъ писателей и уже заставъ тутъ Плетнева, онъ «скоро полюбилъ и оцѣнилъ въ немъ все, что̀ было личною и *самобытною* собственностью его самаго». -- Отъ своего духовнаго происхожденія и воспитанія Плетневъ не сохранилъ никакихъ рѣзкихъ слѣдовъ ни во внѣшнемъ своемъ существѣ, ни во взглядахъ и сужденіяхъ: это показываетъ, какъ сильны были эстетическія потребности его души. Поэтому князь Вяземскій справедливо обращаетъ вниманіе на *счастливые дары природы*, которые, «давали Плетневу особенное значеніе и почетное мѣсто» въ обществѣ литераторовъ. «Рано», продолжаетъ князь, «пріобрѣлъ онъ это мѣсто и удержалъ его до конца долговременной жизни своей. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда. Къ первоначальнымъ товарищамъ и единомышленникамъ его постепенно примыкали и новые пришельцы, отмѣченные печатью истиннаго дарованія. Въ числѣ ихъ достаточно упомянуть одно имя Гоголя» [5]). Дѣйствительно, положеніе, какое Плетневъ занималъ въ отношеніи къ писателямъ, имѣвшимъ надобность въ поддержкѣ или помощи, было для литературы чрезвычайно важно. Изъ писемъ къ нему Гоголя извѣстно, что авторъ *Мертвыхъ Душъ* нашелъ въ немъ старшаго друга, который съ отеческою заботливостію помогалъ ему во всѣхъ затрудненіяхъ, облегчалъ

[4]) Когда Пушкинъ жилъ въ Михайловскомъ, Петербургскій генералъ-губернаторъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ призвалъ къ себѣ Плетнева (тогда скромнаго преподавателя въ заведеніяхъ Императрицы Марія) и сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ переписывается съ находящимся подъ гнѣвомъ властей сочинителемъ. *П. Б.*

[5]) *Утро, лит. и полит. сборникъ.* М., 1866, стр. 154.

столкновенія съ цензурою, доставлялъ ему матеріальныя выгоды, былъ посредникомъ между нимъ и книгопродавцами. Всѣ близко стоявшіе къ Плетневу знаютъ, что онъ былъ еще болѣе человѣкъ дѣла, нежели слова; всякія пустыя формальности, изъявленія, благодаренія были изгнаны изъ сношеній съ нимъ, и онъ всегда дѣлалъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ. Это знали всѣ младшіе друзья его, а потому и сами держались съ нимъ тѣхъ же правилъ. Въ письмѣ объ опасеніяхъ, возбужденныхъ *Мертвыми Душами* въ Московской цензурѣ, Гоголь въ началѣ 1842 г. такъ между прочимъ обращался къ Плетневу: «Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись Государю. Я объ этомъ пишу къ А. О. Смирновой. Я просилъ ее дѣйствовать чрезъ Великихъ Княженъ или другими путями. Это ваше дѣло, объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ» [6]) и проч. Читатель видитъ, что Гоголь не проситъ, а только указываетъ, что́ *должно* быть для него сдѣлано. «Я твердо полагаюсь», прибавляетъ онъ, «на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить болѣе словъ». А вотъ какъ Гоголь цѣнилъ критическій даръ Плетнева и какъ любилъ его. Въ концѣ того же года, *Мертвыя Души* наконецъ появились; Гоголь писалъ къ Плетневу: «Вы вѣрно будете писать разборъ Мертвыхъ Душъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ бы этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше чѣмъ когда либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради вашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно.... Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни». [7])

Кто бы усомнился въ искренности этихъ словъ, оскорбилъ бы тѣмъ память Гоголя. Изъ прежде приведеннаго отрывка можно уже было видѣть, что Гоголь именно тогда, когда нуждался въ помощи, не имѣлъ обыкновенія принимать тонъ просителя: онъ былъ слишкомъ гордъ для этого. Минуты сердечныхъ изліяній были у него рѣдки и вынуждались только силою неподдѣльнаго чувства.

Сколько было лицъ,—и не литераторовъ, — которые подобно Гоголю считали себя обязанными Плетневу. Дѣйствовать въ пользу другихъ онъ могъ въ двоякомъ качествѣ: во 1-хъ какъ университетскій профессоръ и ректоръ; во 2-хъ какъ издатель журнала. Всякій, кто обращался къ нему, во имя ли того, или другаго его положенія, или просто какъ къ человѣку, могъ быть увѣренъ, что найдетъ не только самый сочувственный пріемъ, но и дѣятельную, по возможности, помощь. Съ полнымъ участіемъ, съ любовью входилъ онъ въ положеніе другаго, готовъ былъ служить каждому добрымъ совѣтомъ,

[6]) *Руск. Архив.* 1867, стр. 769.

[7]) *Соч. и письма Гоголя*, Т. V, стр. 499, 500.

содѣйствіемъ, а иногда и деньгами. О такихъ дѣлахъ своихъ самъ онъ никогда не говорилъ, какъ и вообще ничѣмъ не хвалился, будучи въ высшей степени скроменъ и совершенно чуждъ всякой суетности. Многіе изъ бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета могутъ подтвердить справедливость этого разсказа о радушной поддержкѣ, которую они находили въ своемъ добромъ и ласковомъ ректорѣ. Съ такимъ же радушіемъ и честнымъ дружелюбіемъ встрѣчалъ онъ молодыхъ людей, которые совѣтовались съ нимъ о своихъ литературныхъ опытахъ. Скольких новичковъ на этомъ пути поставилъ онъ на ноги; скольких вывелъ на прямую дорогу; скольких, и напротивъ, удержалъ отъ поприща, къ которому они не имѣли призванія.

При изданіи *Современника* онъ съ строгою разборчивостью относился къ предлагаемымъ ему трудамъ и давалъ ходъ только тому, что̀, по его мнѣнію, носило признаки несомнѣннаго достоинства или, по крайней мѣрѣ, развивающагося таланта. Въ бумагахъ оставшихся послѣ покойнаго, отыскалось не мало рукописей, доставленныхъ ему, но не принятыхъ имъ въ этотъ журналъ. Одно изъ лицъ, когда-то бывшихъ съ Плетневымъ въ подобныхъ сношеніяхъ, напечатало, вскорѣ послѣ его смерти [8]) нѣсколько теплыхъ строкъ, изъ которыхъ я приведу выписку въ подкрѣпленіе своего показанія.

«Я былъ», пишетъ г. Короновскій, (котораго извѣстіе объ этой утратѣ застало на службѣ въ Новгродѣ Волынскомъ) «я былъ еще студентомъ въ университетѣ Св. Владиміра, когда началось наше знакомство изъ переписки. Одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей посовѣтовалъ мнѣ послать нѣсколько своихъ стихотвореній Петру Александровичу; я послушался совѣта и получилъ отъ П. А. письмо, въ которомъ такъ много было высказано теплаго участія къ моему спѣшному и незрѣлому труду, что съ этого времени я вошелъ съ нимъ въ переписку. Живя въ Кіевѣ, я нерѣдко пользовался его совѣтами. Какъ молодой человѣкъ, я не въ состояніи былъ на первыхъ порахъ оцѣнить расположеніе его ко мнѣ. Въ его письмахъ доводилось мнѣ выслушивать горькую истину, строгую и вѣрную оцѣнку моимъ литературнымъ трудамъ и, признаюсь, я однажды вышелъ изъ себя, когда отъ него узналъ, что не всѣ мои стихотворенія могутъ быть напечатаны въ *Современникѣ*. Но за то впослѣдствіи съ какимъ вниманіемъ и наслажденіемъ я перечитывалъ тѣ самыя строки, въ которыхъ прежде по ребячеству видѣлъ *несправедливый* приговоръ себѣ!»

Далѣе г. Короновскій сообщаетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему Плетнева: «Если бы я не представлялъ васъ въ своемъ воображеніи человѣкомъ молодымъ, неопытнымъ и стремящимся ко всему прекрасному, то безъ сомнѣнія не написалъ бы вамъ того, что̀ вы сейчасъ прочитали. Я никакого не имѣю права даже совѣтовать вамъ, а не только въ чемъ-нибудь упрекать васъ. Но признавая нравственное чувство выше свѣтскихъ обыкновеній, я не могъ не сказать вамъ того, что̀ думаю. Сами вы можете отплатить мнѣ за это, какъ вамъ вздумается. Я увѣренъ однакоже, что, когда вамъ исполнится сорокъ лѣтъ, вы оцѣните нынѣшній мой поступокъ и пожа-

[8]) 29 декабря 1865 года.

лѣете, что не часто въ жизни являлись предъ вами подобныя отношенія».

Выставляя всю цѣну внимательности своего заочнаго доброжелателя, г. Короновскій восклицаетъ: «Ректоръ и заслуженный профессоръ С. п. бургскаго университета, среди множества занятій, улучаетъ минуту для письма къ студенту другаго университета; мало того, становится къ нему въ отношенія не только наставника, но и человѣка сердечно преданнаго! Можно ли удивляться, что къ такой благороднѣйшей натурѣ питали глубокую привязанность свѣтила нашей поэзіи?» [9])

Къ числу людей, которыхъ первые шаги въ литературѣ поддержалъ и направилъ Плетневъ, я долженъ отнести и себя. Вступая на это поприще, я не имѣлъ никакихъ связей въ тогдашнемъ журнальномъ мірѣ. Случайная встрѣча съ лицейскимъ пріятелемъ, поэтомъ Деларю, который былъ однимъ выпускомъ старше меня, послужила поводомъ къ моему сближенію съ Плетневымъ. Узнавъ, что я готовлю къ печати переводъ Мазепы Байрона, Деларю выпросилъ у меня этотъ трудъ для прочтенія и съ моего согласія сообщилъ мою рукопись Плетневу, который пожелалъ напечатать ее въ *Современникѣ*. Вотъ начало нашего знакомства и моего сотрудничества въ этомъ журналѣ. Почти съ тѣхъ самыхъ поръ до кончины Плетнева я стоялъ въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Статья И. С. Тургенева расшевелила во мнѣ старыя воспоминанія: прочитавъ ее, я обратился между прочимъ къ многолѣтней перепискѣ моей съ Плетневымъ; понятно, что я, будучи 20-ю годами моложе его, не во всемъ сходился съ нимъ, часто ему противорѣчилъ, вызывалъ его на объясненія. Въ этихъ-то объясненіяхъ и заключается главный интересъ его писемъ ко мнѣ. Сообщу изъ нихъ два-три отрывка, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно отражается духовный образъ Плетнева. Вотъ что онъ мнѣ, между прочимъ, писалъ о себѣ въ 1846 году:

«Твоя укоризна меня въ скупости на объясненія, можетъ быть, и справедлива; но таковъ мой характеръ. Я все предоставляю самой жизни моей: она должна за меня говорить и друзьямъ и врагамъ моимъ. Съ тобой однако я высказался довольно, особенно въ письмахъ. Это—любимое мое занятіе. Въ изустномъ разговорѣ надобно явиться очень счастливому случаю, чтобы я поохотился выяснить свои поступки». Имѣвъ такимъ образомъ всю возможность узнать Плетнева короче, нежели многіе, считаю себя счастливымъ, что могу предъ лицемъ и друзей и враговъ его свидѣтельствовать о немъ полную и чистѣйшую правду,—не потому, чтобъ онъ не имѣлъ недостатковъ, но потому что его недостатки, о которыхъ молчать я не вправѣ, не могутъ унизить его высокихъ достоинствъ.

Своеобразная личность Плетнева была результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны—глубокаго самобытнаго развитія, съ другой—литературныхъ преданій, которыя онъ почерпнулъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлью его жизни. Не

[9]) Соврем. Лѣтопись 1866, № 6.

по своему былъ онъ мудръ (какъ выразился г. Тургеневъ), но онъ приблизился, на сколько это возможно, къ той единой мудрости, которая дается человѣку, когда онъ твердо и прямо идетъ путемъ добра и истины. Эти два идеала были также дороги Плетневу, какъ и третій, — идеалъ прекраснаго; но его стремленіе къ послѣднему было замѣтнѣе, а потому и болѣе оцѣнено свѣтомъ. Вотъ начала, подъ вліяніемъ которыхъ сложился этотъ цѣльный и независимый характеръ. Ни для какихъ благъ въ мірѣ онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно.

Отъ этого понятія о достоинствѣ, отъ этой благородной гордости происходило и то довольно одинокое, но самостоятельное положеніе, которое онъ принялъ въ литературѣ 40 годовъ. Въ сторонѣ отъ всякой полемики держался онъ, частью, конечно и по мягкости своего характера, но болѣе въ силу особой системы воззрѣній, которой начало положилъ Карамзинъ, глубоко имъ уважаемый, какъ человѣкъ и литераторъ, — «творецъ, по словамъ Плетнева, идеально-прекрасной школы». Нужна была твердость для того, чтобы въ этомъ направленіи оставаться вѣрнымъ себѣ. Издавая *Современникъ*, Плетневъ очень хорошо понималъ, что, сообщивъ журналу болѣе жизненный характеръ борьбою мнѣній, онъ доставилъ бы ему и бо́льшій успѣхъ; но ему казалось почетнѣе имѣть немногихъ сочувствующихъ читателей, нежели удовлетворять массѣ публики или, какъ онъ выражался, *толпѣ*. Здѣсь нельзя умолчать *о больномъ мѣстѣ* покойнаго: сила его убѣжденій вовлекала его въ нѣкоторую нетерпимость къ тѣмъ, которые ихъ не раздѣляли; къ литераторамъ разномыслящимъ онъ относился съ строгимъ порицаніемъ, и при сужденіи о ихъ трудахъ и поступкахъ не всегда могъ сохранять безпристрастіе. Онъ самъ глубоко чувствовалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, часто выражалъ желаніе исправиться и дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни, много измѣнился въ этомъ отношеніи. Извѣщая меня о смерти Полеваго, онъ писалъ мнѣ: «Бѣдный Полевой умеръ вечеромъ въ 11 часовъ въ прошлую пятницу, 22 февраля [10]) отъ нервной горячки. Много идей волновало меня при этомъ извѣстіи. Преобладающая была та, что я недоволенъ былъ собой: все говорю я о духѣ христіанства, о любви къ человѣчеству, о самосовершенствованіи, о смиреніи—и сколько лѣтъ ношу въ сердцѣ это гнусное чувство нерасположенія къ нѣкоторымъ писателямъ, оскверняю свой языкъ ихъ бранью, и равнодушно встрѣчаю ихъ смерть. Это верхъ испорченности сердца. Кто мнѣ далъ право считать ихъ ниже себя, отъ того только, что они иначе думаютъ и иначе дѣйствуютъ, нежели я? Одно только препятствуетъ мнѣ полюбить ихъ: это продажность ихъ убѣжденій и развратъ, распространенный въ молодомъ поколѣніи. По крайней мѣрѣ, если Богъ не растворитъ мое сердце любовью къ нимъ, я буду стараться забывать ихъ, не писать о нихъ, не говорить, — а тѣмъ менѣе ругать и злословить ихъ. Братъ, поддержи меня въ этомъ намѣреніи». — Въ томъ же году, нѣсколькими мѣсяцами позже, онъ писалъ

[10]) 1846 года.

мнѣ: «Точно: *плодъ правды сѣется въ мирѣ*. Самая несомнѣнная истина, предлагаемая со злобою или даже просто съ запальчивостью, возбуждаетъ, ежели не сомнѣніе, такъ неудовольствіе. . . . .
Для меня * * * былъ точно основателемъ мирнаго общежительства, которому начало положилъ Пушкинъ въ послѣдній годъ своей жизни. Любимый со мною разговоръ его, за нѣсколько недѣль до его смерти, все обращенъ былъ на слова: *Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.* По егомнѣнію, я много хранилъ въ душѣ моей благоволенія къ людямъ; отъ того и самыя литературныя ссоры мои не носятъ характера озлобленія. А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мнѣ до титла *человѣка благоволенія*, бралъ намѣреніе дойти до того. Тутъ * * * смѣнилъ Пушкина и уже сильнѣе подѣйствовалъ на мое преобразованіе.»

Вопроса о мѣрѣ познаній Плетнева нельзя рѣшать въ двухъ словахъ. Легко, но и опасно сказать, что человѣкъ, проведшій долгую жизнь съ перомъ и книгою въ рукахъ, всю жизнь размышлявшій, учившій, а слѣдовательно и учившійся, не имѣлъ большихъ свѣдѣній. Окончивъ курсъ въ Педагогическомъ институтѣ около 1818 г., Плетневъ безъ сомнѣнія вынесъ оттуда всю ту научную подготовку, какая тогда требовалась для учительскаго званія. Въ институтѣ онъ сперва занимался предметами физико-математическаго отдѣла; но рѣшительное влеченіе къ литературѣ заставило его вскорѣ измѣнить планъ своего образованія. Многіе изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ этого заведенія пріобрѣли впослѣдствіи почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. По выходѣ оттуда, Плетневъ не былъ, подобно нѣкоторымъ изъ нихъ, посланъ за границу для довершенія своего образованія; но, вступивъ тотчасъ же на поприще учителя и писателя, бывъ принятъ въ общество замѣчательно-развитыхъ молодыхъ литераторовъ, онъ попалъ въ обстоятельства, особенно благопріятныя для продолженія гуманитарнаго образованія. Преподавая языкъ и словесность въ частныхъ домахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, читая, мѣняясь мыслями съ даровитыми сверстниками, авторствуя и уже ведя редакцію литературнаго журнала [1], могъ ли молодой человѣкъ, нелишенный способностей и хорошо подготовленный, не пріобрѣсти свѣдѣній обширныхъ и разнообразныхъ, и притомъ не такихъ только, которыя почерпаются изъ книгъ, но и свѣдѣній другаго рода, не менѣе цѣнныхъ и плодотворныхъ, между прочимъ ничѣмъ не замѣнимыхъ свѣдѣній о внутреннемъ движеніи всей тогдашней русской литературы и о личности лучшихъ ея представителей. Для той авторской дѣятельности, которой онъ тогда преимущественно посвятилъ себя,—для *критики*, эти-то познанія и имѣли особенную важность. Но и школьныя познанія Плетнева не могли быть скудны: изъ древнихъ языковъ онъ зналъ хорошо латинскій, которому учился сперва въ семинаріи, а потомъ въ Педагогическомъ институтѣ; тамъ же получилъ онъ хорошее основаніе въ исторіи и въ знакомствѣ съ древней и новой литературой. При живой любознательности молодаго человѣка, подстрекаемой и занятіями его и лите-

---

[1] *Соревнователя*, по порученію Вольнаго Общества любителей р. словесности, которое въ 1819 г. избрало его въ число своихъ членовъ.

ратурными связями, начитанность его быстро возрастала. Такъ напримѣръ, онъ глубоко изучилъ Шекспира, котораго цѣнилъ какъ знатокъ; часто говорилъ онъ, что мечтою его молодости было посвятить цѣлую жизнь критической разработкѣ этого писателя. Статья его о Шекспирѣ, напечатанная въ одномъ періодическомъ изданіи 1830-хъ годовъ, произвела впечатлѣніе, которое многіе до сихъ поръ еще помнятъ. Но спеціальный предметъ его изученія составляли съ ранней молодости исторія и критика русской литературы. Еще въ 1821 г. читалъ онъ въ обществѣ Соревнователей написанное имъ «краткое обозрѣніе русскихъ писателей». Въ началѣ своей профессорской должности (1832 г.) онъ съ большою тщательностью составилъ записки по исторіи древней русской словесности, до Петра Великаго, пользуясь всѣми доступными въ то время источниками, руководствуясь трудами Евгенія, Карамзина, Калайдовича и др. Извѣстно, что онъ, кромѣ того, при преподаваніи нынѣ царствующему Государю Императору, напечаталъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ «Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ» — заключающій въ себѣ краткій, но точный обзоръ всей русской литературы. По связи съ литературою Плетневъ находилъ время заниматься иногда и русскою исторіею. Въ одномъ письмѣ 1845 г. онъ совѣтывалъ мнѣ удѣлить время на выписки изъ Полнаго собранія законовъ относительно той или другой отрасли внутренней жизни Россіи, и прибавлялъ: «Сообщаю тебѣ только то, что̀ нѣсколько разъ дѣлалъ самъ, всегда съ величайшимъ удовольствіемъ и пользою. Для опыта положи у себя тома два, какихъ хочешь годовъ, и въ недѣлю загляни въ нихъ хоть два раза: черезъ мѣсяцъ ты удивишься, сколько идей зашевелится у тебя въ головѣ, идей плодотворныхъ для литературной дѣятельности твоей. Увидишь, что за восхитительное занятіе внутренняя исторія. А то мы со временъ Геродота до Тьера только и разсказываемъ, гдѣ было сраженіе и кто остался побѣдителемъ, забывая, что, и во время сраженій, внутри государства, народъ не перестаетъ жить, дѣйствовать, блаженствовать и страдать». Изъ другаго письма его, писаннаго немного ранѣе, видно, какъ смотрѣлъ онъ на главное условіе достовѣрности всякаго историческаго труда. «Прагматизмъ я всегда беру въ истинномъ его значеніи: достоинство историка, что каждая часть его разсказа утверждена на *подлинныхъ несомнѣнныхъ актахъ*; а не то, что̀ юноши называютъ прагматизмомъ, произвольные философскіе взгляды автора. И такъ, послѣ безчисленныхъ актовъ, собранныхъ нынѣ въ Россіи для пополненія ея исторіи, Карамзинъ теперь могъ бы сообщить своей исторіи еще болѣе *прагматизма*, могъ бы еще полнѣе оживить свои разсказы духомъ истинныхъ бытій»:...

Слѣдить за явленіями литературы не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ, всегда составляло для Плетнева умственную потребность и одно изъ самыхъ любимыхъ его занятій. Даже и прекративъ изданіе *Современника*, онъ постоянно просматривалъ всѣ русскіе журналы и многіе изъ иностранныхъ. Письма его представляютъ много свидѣтельствъ о его постоянной любви къ чтенію. Такъ, въ концѣ 1845 г. онъ писалъ мнѣ: «Наконецъ добрался я до Ні-

stoire de dix ans 1830—1840, par M. Louis Blanc. Интересная книга для политики и Францiи! Онъ держится прекрасной середины между Карломъ X и Людовикомъ Филиппомъ; обвиняя перваго въ нарушенiи хартiи, отдаетъ справедливость сердцу его и всѣмъ хорошимъ качествамъ; безпристрастно обнажаетъ происки и притворство втораго, не отнимая у него достоинствъ ума. Бездушный Талейранъ изображенъ по достоинству. Сцены iюльской революцiи очерчены поразительно-занимательно». Черезъ нѣсколько дней онъ продолжаетъ о томъ же предметѣ: «Въ Revue nouvelle участвуетъ Ледюкъ: [1]) признаюсь, это уже одно выражаетъ все достоинство журнала. Мудрено-ли, что тамъ съ презрѣнiемъ говорятъ о Revue des deux mondes? Эта сволочь должна осуждать книгу Blanc, потому что ея авторъ не пощадилъ ни одного лица, эгоизмомъ или корыстiю водимаго въ дѣлѣ послѣдней революцiи. Онъ видимо доходитъ въ каждомъ движенiи до самаго источника, сокрытаго въ сердцѣ: и такъ немного найдется въ нашу эпоху людей, которые останутся имъ довольны, особенно во Францiи, едва только онъ коснется кого. Впрочемъ и я нахожу, что самое интересное у него только въ 1-мъ томѣ, гдѣ онъ все рисовалъ, такъ сказать, съ натуры. Далѣе онъ уже сбивается на обыкновенную колею французскихъ политиковъ, наполняющихъ произвольными сужденiями тѣ разсказы о внѣшней политикѣ, для которыхъ недостаетъ имъ прагматизма».

«Только сего дня принесли Revue d. d. mondes, гдѣ статья о Тьерѣ, соч. Лерминье. Я съ жадностью прочелъ ее. И какъ еще хорошо: Les fonctionnaires publics. Вотъ образецъ статистики нашего вѣка. Да и всѣ статьи чудныя. Какъ я правъ въ отзывѣ о Ледюкѣ и Revue nouvelle».

Въ слѣдующемъ письмѣ еще о томъ же интересныя строки: «Луи Бланъ въ полномъ смыслѣ республиканецъ, но живо сочувствующiй всему возвышенному, чистому, и ненавидящiй эгоизмъ, коварство, безчестiе. Нѣсколько разъ онъ въ умиленiи, когда была рѣчь о Карлѣ X. Но предметы постоянной его ненависти—Луд. Фил., Каз. Перье и Талейранъ. Всего интереснѣе первая часть, гдѣ нарисована мастерская картина iюльской революцiи, изгнанiя Карла и восшествiя Филиппа. Въ другихъ частяхъ онъ мелочно занимается каждымъ явленiемъ парижской публики. Но какъ грустно, что почти всѣ историки, даже новѣйшихъ демократическихъ временъ, сами тонутъ и читателей топятъ исключительно въ смутахъ политики, не предавъ ихъ *проклятiю забвенiя* (по выраженiю Пушкина) и не выводя на первый планъ мирныхъ героевъ нравственности, религiи, знанiй и промышленности. А когда нибудь это должно быть [2])». Когда, въ послѣднее десятилѣтiе своей жизни Плетневъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, съ какимъ увлеченiемъ посѣщалъ онъ тамъ публичныя лекцiи

---

[1]) Французскiй литераторъ, жившiй гувернеромъ въ домѣ графини Мусиной-Пушкиной (рожд. Шернваль), въ Гельсингфорсѣ. По возвращенiи въ Парижъ онъ издалъ книгу: *La Finlande*, составленную изъ разныхъ печатныхъ пособiй, на которыя авторъ не указалъ.

[2]) Такая-то надежда, такая вѣра въ человѣчество и въ будущее составляли *ту святую мечту*, которую Пушкинъ приписываетъ Плетневу въ посвященiи Евгенiя Онѣгина. Г. Тургеневъ увидѣлъ въ этихъ словахъ неопредѣленное выраженiе: въ стихахъ Пушкина трудно найти неопредѣленность, неточность или слово безъ особеннаго значенiя, для риѳмы.

Лабулэ и другихъ ученыхъ знаменитостей! Какіе оживленные отчеты о томъ присылалъ онъ своимъ друзьямъ!

Плетневъ никогда не любилъ щеголять своими свѣдѣніями, какъ и другими преимуществами: но внимательный наблюдатель изъ бесѣдъ съ нимъ легко могъ убѣдиться, что «ученый багажъ» этаго умудреннаго наукою и жизнью человѣка былъ совсѣмъ не такъ легокъ, какъ съ перваго взгляда могло казаться. Хотя онъ, по самому литературному призванію своему и по практической дѣятельности, не былъ исключительно ученымъ, хотя не занимался постоянными изслѣдованіями, не любилъ кропотливаго анализа мелкихъ фактовъ; однакожъ всѣ его труды показываютъ, что онъ въ полной мѣрѣ обладалъ основательнымъ знаніемъ тѣхъ предметовъ, которыхъ касался, и освѣщалъ факты всегда вѣрною, а иногда и глубокою, мыслью. Многіе изъ университетскихъ его слушателей умѣли оцѣнить тѣ стороны его лекцій, которыя составляли ихъ достоинства.

«Онъ читалъ», говоритъ одинъ изъ этихъ слушателей, *) «не мертвыя лекціи, а живыя импровизаціи, исполненныя знанія и любви къ дѣлу..... Онѣ были въ высшей степени занимательны. Плетневъ являлся въ аудиторію съ Державинымъ, Фонъ-Визинымъ, Костровымъ и т. п, начиналъ читать ихъ, избирая именно особенно замѣчательное, и тутъ сыпалось множество эстетическихъ, филологическихъ, анекдотическихъ и другихъ замѣчаній, дѣлавшихъ его *вдохновеннымъ комментаріемъ*, по выраженію Пушкина.—Плетневу обязанъ я тѣмъ, что сталъ на настоящую точку зрѣнія при изученіи нашихъ старыхъ писателей. На лекціяхъ его читались также сочиненія студентовъ, велись диспуты, обсуживались замѣчательныя литературны новости». Такой-же точно отзывъ о лекціяхъ Плетнева слышалъ я и отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, между прочимъ отъ бывшаго гельсинфоргскаго профессора С. И. Барановскаго, посѣщавшаго петербургскій университетъ еще въ 30-хъ годахъ. Наконецъ, и самъ я изъ любопытства былъ на одной университетской лекціи Плетнева: онъ читалъ объ историкѣ Татищевѣ. Хотя въ ней и не было особеннаго обилія подробностей, однакожъ всѣ существенныя фактическія свѣдѣнія о жизни и трудахъ этого лица были сообщены умно, занимательно, и сдѣлана съ оживленіемъ оцѣнка его дѣятельности. Изъ представленныхъ выше постороннихъ свидѣтельствъ о лекціяхъ Плетнева очевидно, что онъ, будучи вообще врагомъ мертвой рутины, избралъ себѣ и въ этомъ дѣлѣ самостоятельный путь. Многіе взгляды его на литературу были для своего времени оригинальны и новы. Такъ онъ однажды писалъ мнѣ: «Былъ на лекціи и говорилъ о Кантемирѣ, а послѣ перешелъ къ Ломоносову. Идея та, что возвращеніе Ломоносова къ искусственному языку, къ смѣси церковнаго съ книжнымъ, отняло у литературы естественное движеніе къ самобытности, которой она конечно достигла бы по Кантемирову направленію къ языку живому, общественному и къ предметамъ собственно-русскимъ, а не школьнымъ».

По поводу своихъ лекцій онъ сообщилъ мнѣ однажды въ слѣдующихъ строкахъ замѣчательное сужденіе о самомъ себѣ. «Въ чтеніяхъ объ исто-

*) М. Н. Лонгиновъ въ *Соврем. Лѣтописи* 1866, № 2.

ріи русской литературы интереснѣйшее начинается съ Державина, не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, что̀ касается до фактовъ. Теорія у меня не занятая, не изученная, а образовавшаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ. Вотъ почему и легко мнѣ импровизировать мои лекціи. Я же безъ малѣйшей претензіи на произведеніе эффекта. Мнѣ совершенно все равно, что̀ подумаютъ или скажутъ мои слушатели. Худое въ моихъ словахъ я почувствую прежде ихъ, а пріятное чувство отъ хорошаго не пропадетъ во мнѣ, если я и замѣчу, что слушатели не оцѣнили того. Вообще я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другаго нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь отрывчато, никогда не доставятъ постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое».

Критическіе труды Плетнева имѣли несомнѣнное достоинство, котораго и до сихъ поръ не утратили. Они отличались не однимъ тонкимъ вкусомъ въ оцѣнкѣ изящнаго; они были особенно замѣчательны по своему реальному направленію, чуждому школьныхъ теорій и реторическаго характера критики Мерзлякова. Это здравое направленіе, искавшее въ искусствѣ прежде всего истины жизни и воспроизведенія дѣйствительности, было тогда новостью еще и въ западныхъ литературахъ, а у насъ оно только что возникало въ школѣ молодыхъ талантовъ, къ тѣсному кружку которыхъ принадлежалъ и Плетневъ.

Разборы его, сначала появлявшіеся почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, не могли не остановить на себѣ вниманія людей мыслящихъ и скоро доставили автору извѣстность. Уже въ 1822 году Гречь въ своей Исторіи русской литературы съ уваженіемъ привелъ нѣкоторые отзывы молодого критика.

Разумѣется, что позднѣйшіе критическіе труды Плетнева еще выше по зрѣлости и мѣткости сужденій. Въ статьяхъ о Крыловѣ, Жуковскомъ и Гоголѣ онъ высказалъ мнѣнія, совершенно чуждыя всякаго духа партій, и правильно поставилъ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ вѣрная оцѣнка этихъ писателей.

Много могъ бы я еще сказать о Плетневѣ по поводу очерка г. Тургенева, но я полагаю, что все существенное уже выражено. Позволю себѣ только отмѣтить еще двѣ черты нравственной физіономіи Плетнева. Одною изъ нихъ была высокая простота, свойство, указанное еще Пушкинымъ въ посвященіи Онѣгина. Петръ Александровичъ ни въ чемъ не терпѣлъ искусственности, а тѣмъ болѣе изысканности; онъ былъ чрезвычайно простъ въ своихъ вкусахъ и привычкахъ, въ обращеніи, въ жизни, во всей своей домашней обстановкѣ и наконецъ въ своемъ литературномъ слогѣ, о которомъ самъ отзывался съ такою неподдѣльною скромностью, что легко было принять его слова въ буквальномъ смыслѣ. Любовь къ простотѣ составляла еще одну черту его сочувствія античному духу... Другую отличительную принадлежность его природы составляло глубоко-любящее сердце; холодность и сухость были ему совершенно чужды; онъ горячо привязывался къ тѣмъ, которыхъ считалъ достойными симпа-

тіи; чувство проникало всѣ его отношенія. Этимъ объясняются съ одной стороны его литературныя предубѣжденія, съ другой его безкорыстная готовность входить въ сношенія, иногда требовавшія много времени, даже съ незнакомыми ему молодыми людьми, которые къ нему обращались. За то и самъ онъ легко внушалъ къ себѣ сочувствіе. Литературные друзья его молодости, Дельвигъ, Пушкинъ, Баратынскій, питали къ нему не уваженіе только, но горячую братскую любовь, краснорѣчиво выражавшуюся въ ихъ задушевной съ нимъ перепискѣ. Въ семействахъ и учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ являлся преподавателемъ, онъ былъ искренно любимъ всѣми: въ его обращеніи, въ его рѣчахъ и взорѣ живо чувствовалось сердечное участіе къ своему дѣлу и къ молодежи; въ его личности была неотразимо - притягательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разныхъ поколѣній, разсѣянные по всей Россіи, съ непритворнымъ чувствомъ любви вспоминали и еще теперь вспоминаютъ своего бывшаго наставника. Говорю это съ полнымъ знаніемъ дѣла, потому что сколько разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ встрѣчались съ Плетневымъ такія лица послѣ многолѣтняго отстутствія и какъ тепло выражали свою неохладѣвшую къ нему приверженность.

Я. Гротъ.

Октябрь 1869

Я не принадлежалъ къ числу учениковъ П. А. Плетнева, и познакомился съ нимъ лишь въ 1852 г. но мои непродолжительныя свиданія съ этимъ поистинѣ незабвеннымъ человѣкомъ восполнялись долгою и частою перепискою, такъ что и я имѣлъ счастливую возможность знать его. Безъ преувеличенія долженъ я сказать, что сношенія съ П. А. Плетневымъ принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніямъ моей молодости. Въ приближеніи нему было что-то облагороживающее, что-то нравственно-обязующее, и въ этомъ смыслѣ онъ, подобно Жуковскому, представлялъ собою истинную общественную силу. Подробная біографія его была бы весьма нужна и могла бы имѣть не одно историко-литературное, но преимущественно педагогическое, образовательное значеніе. Его письма бережно и свято сохраняются нами. *П. Бартеневъ.*

ЕЩЕ О ЛАФЕРМЬЕРѢ *)

Францъ Германъ Лафермьеръ, погребенный въ отчинѣ князя С. М. Воронцова, селѣ Андреевскомъ, былъ, какъ должно полагать, секретаремъ для иностранной переписки при великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; я прихожу къ этому заключенію на основаніи слѣдующихъ данныхъ: письма великой княгини 1782 г., адресованныя въ Лондонъ къ посланнику нашему Симолину, и письма 1785 г., адресованныя къ нему же, когда онъ былъ уже посланникомъ въ Парижѣ, собственноручно подписанныя ея высочествомъ, писаны рукою Лафермьера. Наконецъ его собственноручное письмо 1786 г. къ посланнику нашему въ Парижѣ Симолину, ниже сего напечатанное, кажется, вполнѣ подтверждаетъ мое предположеніе. Онъ извѣстенъ также и во Французской литературѣ; имъ издана книга: *Fables et contes par Lafermiere. Paris, Lacombe 1775, in 8°, 231 p.*

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Лафермьерѣ конечно можно отыскать въ архивахъ придворнаго вѣдомства.

Кн. М. Оболенскій.

ПИСЬМО ЛАФЕРМЬЕРА.

accus. ce 6/17 Mars.

Monsieur.

S. A. I. Madame la Grande Duchesse en m'ordonnant de vous faire part de son heureuse délivrance, me charge,

*) См. выше, стр. 1727.

Monsieur, de vous prier de faire parvenir les lettres ci-jointes à leurs adresses respectives. S. A. I. s'est servie pour l'expédition de l'envoi d'un courier de M-r de Ségur. M-e la Grande Duchesse qui est accouchée le 4 du courant vers les 9 h. du soir d'une princesse, parfaitement bien portante, qui a été nommée Marie par l'Imp., se porte Elle-même aussi bien qu'on peut le désirer après la délivrance la plus heureuse.

Je profitte avec bien de plaisir de cette agréable occasion pour me rappeller au souvenir de Votre Excellence et lui renouveller les assurances des sentimens de la considération la plus distinguée, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monsieur, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Lafermiere.

St: Pétersbourg,
ce 6 (n. s.) fevrier 1786.

Переводъ. Получ. 6 (17) марта. Милостивый государь. Е. И. В. Великая Княгиня приказала меня извѣстить васъ о благополучномъ ея разрѣшеніи отъ бремени, и поручила просить васъ, мил. гос., доставить прилагаемыя письма по соотвѣтстующимъ надписямъ. Для этой посылки Е. И. В. пользуется курьеромъ г-на Сегюра. Великая Княгиня. разрѣшась 4 текущаго мѣсяца, около 9 часовъ вечера совершенно здоровою Великою Княжною, которой Императрица дала имя Маріи, также чувствуетъ себя хорошо, на сколько можно желать послѣ благополучнѣйшаго разрѣшенія. Съ удовольствіемъ пользуюсь симъ пріятнымъ случаемъ, чтобъ напомнить о себѣ вашему превосх., возобновя увѣренія въ чувствахъ отличнаго почтенія и пр. *Лафермьеръ.* Спб. 6 февр. (н. с.,1786.

ПОПРАВКИ.

Въ изданныхъ Русскимъ Архивомъ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти", въ указателѣ собственныхъ именъ, на стр. 281 и 283-й вкралась важная ошибка: объясненіе Д. В. Дашкова съ гр. Б. отнесено къ гр. Д. Н. Блудову, между тѣмъ какъ оно могло быть развѣ съ графомъ Бенкендорфомъ.

Стр. 1659. Р. Архива сего года. Письмо б. Меллера-Закомельскаго должно быть отнесено не къ началу, а ко второй половинѣ Александровскаго царствованія.

ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ 298 № Биржев. Вѣдом. 1869 года двѣ извѣстныя эпиграммы на Полеваго несправедливо приписаны Пушкину. Первая эпиграмма принадлежитъ М. А. Дмитріеву, или А. П. Писареву, двумъ непримиримымъ врагамъ Полеваго, или, вѣрнѣе, обоимъ вмѣстѣ. Пушкинъ на первыхъ порахъ былъ расположенъ къ Полевому, и до кончины своей не считалъ его, кажется, нечестнымъ человѣкомъ. Въ одномъ письмѣ своемъ ко мнѣ, напечатанномъ въ Москвитянинѣ, онъ говоритъ это самъ, хотя въ то время и перемѣнился уже къ нему во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ.

Вторая эпиграмма принадлежитъ также не Пушкину, а другому извѣстному поэту, котораго не могу назвать, потому что не увѣренъ въ своей памяти.

Въ этой же статейкѣ Биржев. Вѣдомостей находится другая, еще болѣе странная, ошибка о Пушкинѣ, обличающая малое знакомство автора не только съ Пушкинымъ, но и съ его сочиненіями: авторъ говоритъ, будто Пушкинъ рискнулъ печатно сознать, что онъ по своему происхожденію «темный мѣщанинъ». Пушкинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, къ высшей аристократіи, а назвалъ себя мѣщаниномъ въ стихотвореніи: «Моя родословная»,

смѣясь надъ своими противниками и новыми аристократами. Все стихотвореніе, напротивъ, посвящено было прославленію его древняго дворянскаго рода:

Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ грамотой своей народъ,

Мы къ оной руку приложили..

Пушкинъ любилъ гордиться своимъ древнимъ родомъ, даже и не въ подражаніе лорду Байрону,—это его слабость; онъ не упускалъ нигдѣ случая напоминать объ немъ. Такъ и въ «Борисѣ Годуновѣ» онъ влагаетъ въ уста царя:

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный.

Онъ особенно былъ преданъ памяти о Григоріѣ Пушкинѣ (участвовавшемъ къ событіяхъ смутнаго времени), и въ честь его назвалъ своего старшаго сына.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ,
И былъ за то повѣшенъ имъ.

Онъ вспомнилъ и о дѣдѣ съ материнской стороны:

И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.

Боюсь я, впрочемъ, приводя стихи Пушкина на память, чтобъ не ошибиться: Пушкинъ терпѣть не могъ опечатокъ, и однажды писалъ ко мнѣ: «Не обижайте моихъ стишонковъ опечатками».

Кстати о Полевомъ. На сторонѣ Полеваго, во время оно, была толпа, пожалуй, большинство изъ читавшей публики, какъ на сторонѣ Бѣлинскаго молодежь корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній, создавшіе въ началѣ ихъ славу; а всѣ литераторы, собственно такъ называемые, были всегда какъ противъ того, такъ и противъ другаго.

Дмитріевъ и Писаревъ, какъ замѣчено выше, были первыми врагами Полеваго. Писаревъ въ одномъ изъ своихъ водевилей, столько любимыхъ публикою, помѣстилъ куплетъ:

Милъ намъ цвѣтъ оранжерейный,
Всѣмъ наскучилъ полевой.

Въ театрѣ поднялась буря: одни рукоплескали, требовали повторенія; другіе (съ А. А. Елагинымъ во главѣ) выражали свое негодованіе за личное оскорбленіе, и шикали. Сабуровъ, молодой талантливый актеръ, переждалъ смятеніе, и когда всѣ утихли, провозгласилъ опять:

Милъ намъ цвѣтъ оранжерейный,
Всѣмъ наскучилъ полевой.

Писаревъ былъ въ восторгѣ, и когда опустился занавѣсъ, подбѣжалъ къ Сабурову и разцѣловалъ его, восклицая: Никогда не забуду твоей услуги. (Увы, оба они умерли вскорѣ одинъ за другимъ).

Въ Москвѣ ходила еще эпиграмма о Рукѣ Всевышняго, на тему втораго стиха. Кажется, Д. В. Давыдовъ подалъ къ ней мысль. Выходя изъ театра и зѣвая отъ скуки, онъ сказалъ: «Кто сильный устоитъ противу сей десницы?» М. А. Дмитріевъ вспоминаетъ еще остроту Курбатова.

Кстати. Я перечелъ вчера «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. А. Дмитріева, которыя напечатаны были сперва въ моемъ Москвитянинѣ.

Анекдотъ о Державинѣ изложенъ, кажется, невѣрно. Михаилъ Александровичъ пишетъ, что Державинъ, по-

ручившій разсмотрѣть свои стихотворенія И. И. Дмитріеву и Капнисту, увидя, что они слишкомъ много стихотвореній бракуютъ, откладывая ихъ въ сторону, какъ негодныя для печати, смѣшалъ всѣ, и разсерженный сказалъ: Чтоже,—вы хотите, чтобы я снова началъ жить?

У меня въ памяти этотъ анекдотъ остался иначе (вѣроятно гдѣ нибудь и записанъ), и кажется, вѣрнѣе.

Дмитріевъ и Капнистъ, которымъ Державинъ отдалъ на судъ свои стихотворенія, читая и разбирая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, начали совѣтовать ему перемѣну то того стиха, то другаго. Державинъ сперва соглашался, а потомъ разсердился и сказалъ: Что же—вы хотите, чтобъ я сталъ переживать свою жизнь по вашему? Тѣмъ и кончилось совѣщаніе.

Исправлять и переживать—это понятія соотвѣтственныя, параллельныя а какая связь или какое сравненіе между исключеніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній изъ собранія и необходимостію начинать вновь прожитую жизнь?

Не помню, отъ кого я слышалъ этотъ анекдотъ: отъ Ивана Ивановича, или самого Михаила Александровича Дмитріева; но это было очень давно, въ первой молодости. Я помню только, что разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, — возвысилъ мое понятіе о Державинѣ, показалъ мнѣ, въ какомъ отношеніи стихи Державина были къ его жизни, служа ей отраженіемъ.

На стр. 17 и 18 М. А. Дмитріевъ говоритъ о недостаткахъ образованія въ обществѣ во время его дѣтства, то есть въ первыхъ осьмисотыхъ годахъ, и приводитъ нѣкоторые примѣры. Этому разсказу могу противопоставить свидѣтельство его дяди Ивана Ивановича, записанное у меня марта 11, 1826 года (и напечатанное въ «Русскомъ» 1868 года), какъ была уже распространена охота къ чтенію въ Сызрани даже во время его дѣтства, то-есть въ шестидесяхъ годахъ. Авторъ смѣшалъ, видно, свои воспоминанія и распространилъ приведенные имъ примѣры на все общество своего времени.

Разсказъ о томъ, какъ С. Н. Глинка подписалъ мою рецензію на Исторію Русскаго народа, Полеваго, невѣренъ: я разскажу послѣ, какъ это было, справясь въ моихъ бумагахъ.

Въ концѣ статьи кстати замѣчу и опечатку: въ письмѣ моемъ, стр. 156, о кончинѣ Ивана Ивановича должно читать: все уладилось, а не «удалось».

Кстати о мелочахъ изъ запаса памяти, которыхъ и у меня накопилось много, да нѣтъ времени положить ихъ на бумагу. Въ IV книгѣ XVIII вѣка помѣщена примѣчательная ода, писанная черезъ годъ по воцареніи Павла. Сообщившій ее г. Семевскій говоритъ, что она принадлежитъ «нѣкоему Степану Руссову, который подвизался въ журналахъ до 30-хъ годовъ». Имѣю честь сообщить ему, что этотъ «нѣкій Степанъ Руссовъ» есть одинъ изъ примѣчательныхъ людей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, прогрессистъ Павлова времени, какъ это очевидно и въ напечатанной его одѣ, человѣкъ глубокой учености, необыкновенной и въ наше время, примѣчательный и трудолюбивый историческій изслѣдователь, имѣвшій здравыя понятія объ исторіи, цѣнившій Карамзина, и прежде всѣхъ обличавшій его противниковъ. Вотъ его труды:

1820. Обозрѣніе критики Ходаковскаго на Исторію Россійскаго Государства, сочиненную Н. М. Карамзинымъ.

1824. Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава.

1829. О критикѣ г. Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго.

1830. Замѣчанія на книжку подъ названіемъ: Изслѣдованіе о древнѣйшей Кіевской церкви св. Иліи. Соч. Е. Остромыслинскаго.

1831. Замѣчанія на бранчивую статью въ 17 и 18 книжкахъ Московскаго Телеграфа на 1830 годъ, помѣщенную по случаю изданія г. Бантышъ-Каменскимъ Малороссійской Исторіи.

1834. О подлинности древняго Русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ.

1834. О сагахъ въ отношеніи къ Русской Исторіи, или вообще о древней Руси.

1835. Опытъ о кожаныхъ деньгахъ.

1836. Разборъ статьи, напечатанной въ Сынѣ Отечества на 1835 годъ, въ № 37, 38 и 39, о мнѣніяхъ касательно Руси.

Руссовъ издавалъ еще журналъ: *Воспоминанія*, гдѣ помѣщался, если не обманываетъ меня память, переводъ Герберштейна. Но гораздо прежде, въ 1809 году, онъ издалъ Волынскія Записки, книжку очень примѣчательную для своего времени, въ которой собрано было много свѣдѣній, не потерявшихъ своей цѣны до сихъ поръ. Выпишу одно любопытное замѣчаніе, которое попалось мнѣ на глаза теперь, когда я взялъ въ руки эту книгу для справки. Авторъ, разсуждая объ языкѣ жителей на Волыни и приводя одну пѣсню по-польски, латинскими и русскими буквами, съ русскимъ переводомъ, говоритъ: «...Такое единство представляетъ разительное доказательство, что изъ Поляковъ и Россіянъ не могло бы быть двухъ государствъ, еслибъ не раздѣлили ихъ Греки и Езуиты крещеніемъ съ различными обрядами и правилами нравственности». Я вспомнилъ о Радимичахъ и Вятичахъ, которые пришли въ незапамятныя времена въ нашу сторону, «отъ племени Ляховъ», и которыхъ никто уже не отличитъ отъ коренныхъ Русскихъ, въ губерніяхъ Орловской или Тульской.

Въ 1809 году Руссовъ служилъ губернскимъ прокуроромъ въ Житомирѣ, и находился, кажется, подъ покровительствомъ князя Лопухина, министра юстиціи, что̀ видно изъ предисловія къ Волынскимъ Запискамъ. Въ 1811 или 12 году онъ былъ уже въ Москвѣ оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ, и я ребенкомъ слышалъ тогда его имя отъ знакомаго моему отцу секретаря въ одномъ съ нимъ департаментѣ (седьмомъ) Павла Леонтьевича Пучкова, также изъ приближенныхъ князя Лопухина. Пучковъ, самъ острякъ, отзывался о Руссовѣ, какъ о знаменитомъ острякѣ. Оба они, и Руссовъ, и Пучковъ, подверглись вскорѣ какому-то взысканію и были уволены изъ 7 департамента, который былъ оставленъ, лѣтъ чрезъ 50 послѣ нихъ, и авторомъ «Мелочей», по служебнымъ непріятностямъ. Руссова я увидѣлъ въ первый разъ въ засѣданіи Россійской Академіи, передъ отъѣздомъ въ чужіе краи, въ концѣ 1838 года.

Кстати перепишу вамъ отрывокъ изъ своихъ тогдашнихъ записокъ:

«Съ большимъ удовольствіемъ провелъ я одно утро въ *Россійской Академіи.*

Что ни говорите, а имена, мѣста, преданія, обряды, имѣютъ важное значеніе, и оказываютъ свое дѣйствіе надъ нами, даже противъ нашей воли! Когда я вошелъ въ залу Академіи и увидѣлъ передъ собою бюстъ незабвенной императрицы Екатерины II, которая занималась изслѣдованіями о

Русской Исторіи, переводила книги на Русскій языкъ вмѣстѣ съ своими приближенными, сочиняла Русскія піесы, устроивала литтературныя собранія,—когда я увидѣлъ бюстъ ея, окруженный портретами первыхъ основателей Русской Словесности: Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, и потомъ въ одномъ ряду съ ними Карамзина, Пушкина, Крылова, когда я встрѣтилъ нѣсколькихъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, которыхъ имена соединены съ воспоминаніями о моей молодости, которые произвели во мнѣ первыя сильныя впечатлѣнія, и передали мнѣ первыя свѣдѣнія, я былъ очень тронутъ. Однихъ увидѣлъ я здѣсь въ первый разъ, другихъ считалъ даже давно умершими.

Вотъ *Ястребцовъ,* который лѣтъ сорокъ тому назадъ перевелъ Массильонову проповѣдь о маломъ числѣ избранныхъ, помѣщенную въ Образцовыхъ Сочиненіяхъ, поразившую меня такъ сильно своимъ знаменитымъ обращеніемъ: «О Господи, гдѣ Твои избранные?»

Вотъ *Языковъ,* который служилъ съ Дмитріевымъ въ одномъ полку гвардіи каптенармусомъ, котораго должно считать посаженнымъ отцомъ всей нашей исторической критики, по его переводу Нестора Шлецерова, у котораго всѣ мы учились, и который не перестаетъ до сихъ поръ трудиться, копаться, собирать и издавать, на пользу отечественной Исторіи.

Вотъ *Загорскій,* первый нашъ анатомикъ, который давно уже отпраздновалъ пятидесятилѣтній докторскій юбилей. Вотъ *Бутковъ* и *Руссовъ,* слушая которыхъ, я какъ будто перенесся въ средину прошедшаго столѣтія и видѣлъ предъ собою Татищева и Щербатова.

Вотъ *Полѣновъ,* который помнитъ еще Башилова, сотрудника и ученика Шлецера, и Поспѣлова, воспитаннаго Стриттеромъ.

Вотъ показывается и почтенный *Предсѣдатель,* котораго ведутъ подъ руки, чуть-чуть передвигающаго ноги. *) Вслѣдъ за нимъ идутъ два Митрополита: *Филареты, Московскій* и *Кіевскій,* которые владѣютъ Русскимъ словомъ, одинъ съ такою силою, крѣпостью, значительностью, другой съ такою простотою и искренностію.

За ними два Министра, *Дашковъ* и *Блудовъ,* только что теперь избранные, въ сопровожденіи *Жуковскаго.* Новое поколѣніе, которое было въ оппозиціи съ предыдущимъ, шутило надъ Шишковымъ и забавлялось, теперь оканчиваетъ шестой десятокъ, или готовится переступить на седьмой, и мирно соединяется съ своими предшественниками въ чувствѣ любви къ Русскому языку. А мы начинаемъ уже поколѣніе сорокалѣтнихъ...

Митрополиты, Министры,—Члены Академіи, знатоки языка, друзья просвѣщенія! Не есть ли это новое утѣшительное явленіе въ Исторіи отечества! Признаюсь, я не слышалъ ничего, что происходило, ни протокола, ни стиховъ, ни прозы: голова и сердце мои были полны.

Всѣ случайности, всѣ заблужденія, всѣ странности, прошедшія и настоящія, изчезли: я видѣлъ предъ собою только людей, живыхъ, полумертвыхъ и мертвыхъ, любящихъ, хоть и всякій по своему, Русское слово... думалъ о Ломоносовѣ, Карамзинѣ,

---

*) Бюстъ А. С. Шишкова стоитъ нынѣ съ надписью Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Пушкинѣ, которые тотчасъ предстаютъ моему воображенію, во всякую святую минуту, когда дѣло идетъ объ Отечествѣ, объ языкѣ, о литтературѣ, о Русскомъ имени...

Это утро останется для меня незабвеннымъ во всю мою жизнь. Я встрѣчу много людей, любезныхъ для меня—Шеллинга, Гизо, Тьери, Герена, я поклонюсь имъ съ почтеніемъ; но они мнѣ чужіе, а эти мнѣ родные, эти одно со мною любятъ, одного желаютъ, не смотря на различіе званій, состояній, лѣтъ, образа мыслей и всѣхъ отношеній.

Послѣ засѣданія безсмѣнный секретарь Д. И. Языковъ, третій отъ основанія Академіи *), пригласилъ меня обѣдать къ себѣ. Вотъ человѣкъ, который менѣе всѣхъ подвергся, кажется, вліянію Петербургскаго климата физически и морально. Онъ показывалъ мнѣ начатый имъ Церковный Словарь. Честь и слава старцу, который въ такихъ лѣтахъ предпринимаетъ такія изданія! Ничего не могу пожелать ему лучшаго какъ окончанія этого словаря. У него собрано множество матеріаловъ для Русскихъ Древностей. Скоро издастъ онъ Записки Желябужскаго, потомъ Нащокина. Жаль, что прекратился Энциклопедическій Словарь, въ коемъ помѣщено много его полезныхъ статей, хоть есть и лишнія».

М. Погодинъ.

ДЛЯ БІОГРАФІИ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

Когда вышло въ 1858 году собраніе сочиненій Лажечникова, я помѣстилъ о немъ статью въ журналѣ Е. Ѳ. Корша «Атеней» (1858, ч. 4, № 32, стр. 313—321). Въ ней было указано на то, когда, гдѣ и съ чѣмъ даровитый романистъ появился впервыя на литературномъ поприщѣ. По розысканіямъ моимъ, первый напечатанный опытъ его былъ статья «О безпечности», помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы» 1811 года (ч. 60, № 22, стр, 140).

Недавно напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1869, октябрь, стр. 561—601) довольна обширная статья г. Нелюбова о Лажечниковѣ. Въ ней находятся подробности о первоначальной литературной его карьерѣ (стр. 578 и 579), совершенно сходныя съ сообщенными мною въ «Атенеѣ», и между прочимъ повторено, что Лажечниковъ началъ свое поприще именно такъ, какъ мною было указано.

Не знаю, извлечено ли это извѣстіе изъ бумагъ покойнаго романиста, бывшихъ повидимому въ распоряженіи біографа, но кажется не представляющихъ собою многихъ данныхъ для жизнеописанія автора «Новика»—или же это извѣстіе почерпнуто изъ моей статьи. Въ первомъ случаѣ фактъ неопровержимъ; но во второмъ случаѣ я самъ долженъ высказать нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что считалъ безусловно-вѣрнымъ одинадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ послѣдствіи я сдѣлалъ открытіе, которое заставило меня отнести первое появленіе трудовъ Лажечникова въ печати за четыре года ранѣе 1811 года. За первый печатный опытъ его призналъ я «Мои мысли»,

*) Первый былъ Лепехинъ, второй Соколовъ. Предсѣдатель также теперь только третій: первый Дашкова, второй—Partовъ, третій—Шишковъ, съ кончиною котораго кончилась и Россійская Академія, преобразованная, по мысли министра Уварова, въ 2 отдѣленіе Академіи Наукъ, съ цѣлію обрусить сію послѣднюю, и вмѣстѣ увеличить ея средства.

помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 года (ч. 36, № 23, стр. 188) съ подписью: *И. Лаж—въ* и означеніемъ: *С. Кривякино* *). Впрочемъ я долженъ замѣтить, что никогда не случалось мнѣ передать это новое соображеніе на провѣрку самаго Лажечникова, который не возражалъ мнѣ на указаніе 1811 года; (какъ эпоху его дебюта въ печати) хотя послѣ статьи моей, которою онъ остался очень доволенъ, онъ вошелъ со мною въ пріятельскую переписку, вызванную именно этимъ поводомъ. Можетъ быть, онъ забылъ, за давностію лѣтъ, статью свою 1807 года; а можетъ быть, онъ не хотѣлъ исправлять промаха, по его мнѣнію незначительнаго и притомъ молодившаго его нѣсколькими годами; наконецъ — быть можетъ и то, что первое указаніе мое о 1811 года было вѣрно, и позднѣйшая догадка о 1807 годѣ неосновательна. Лично же видѣлись мы съ нимъ послѣ того очень рѣдко.

Во всякомъ случаѣ считаю нелишнимъ заявить эту догадку. Дѣло можетъ быть разъясниться, а оно стòитъ того, потому что если она подтвердится, то окажется (чтó я всегда и предполагалъ), что Лажечниковъ родился ранѣе 14 сентября 1794 года, какъ показываетъ его біографъ (Р. В. стр. 577); но едва ли вѣроятно, чтобы онъ напечаталъ чтó либо, имѣя только 13 лѣтъ отъ роду, въ 1807 году.

М. Лонгиновъ.

22 Ноября 1869.

*) Село Кривякино на берегу Москвы рѣки, въ 2 верстахъ отъ Воскресенской станціи Моск. Ряз. Ж. Дороги, еще лѣтъ пять тому назадъ принадлежало брату И. И. Лажечникова. П. Б.

*

Надпись на портретѣ Екатерины II-й въ селѣ Раменскомъ 2 принадлежавшемъ племяннику канцлера Бестужева кн. М. Н. Волконскому, нынѣ правнуку сего послѣдняго, князю Александру Ѳедоровичу Голицыну-Прозоровскому (3-я станція Московско-Рязанской Желѣзной Дороги)

„Отъ императрицы Екатерины Фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину въ день, въ который онъ вступилъ на 72-й годъ отъ рожденія: 22 мая 1764 года“.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ГРИГОРЬЯ ИВАНОВИЧА КОЛЫЧЕВА.

Писаное въ 1570 году.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ рабъ Божій Григорій Ивановичь Колычевъ пишу себѣ сію духовную грамоту свою цѣлымъ умомъ и разумомъ. Божія воля станется, Богъ по душу мою сошлетъ, меня въ животѣ не станетъ: положите меня у Чуднаго Богоявленія въ Китаѣ-городѣ на Москвѣ, а поставить по душѣ моей и по моихъ родителѣхъ у Богоявленія шестьнадесять образовъ складныхъ. И далъ я по своей душѣ и по своихъ родителей къ Чудному Богоявленію вотчину свою село Колычево на Пахрѣ на рѣкѣ, а въ ней церковь Воскресеніе Христово; да сельцо Семивраги, да деревня Головина, да деревня Шешовская, да деревня Подъячева, да деревня Семивражская, да деревня Жеребцовская, де деревня Проѣздевская со всѣми угодьями; да приказалъ отцу своему духовному Прову отдать свой доспѣхъ да шеломъ да саблю булатную окованную серебромъ отдать Ивану Никитичу Колычеву. Да взять было мнѣ по кабалѣ на Васильи на Дмитріевичѣ на Волынскомъ 50 руб-

левъ отдать въ Кириловъ монастырь по Иванѣ по Дмитріевичѣ Волынскомъ; да велѣлъ я отдать отцу своему духовному конь игрень съ сѣдломъ и съ уздою; да приказалъ я отцу своему духовному положить что у меня было книгъ, въ вотчинѣ, у Воскресенія Христова; да приказалъ я отдать къ Ивану Предтечѣ по матушкѣ своей сорокоусту запястье пять пуговицъ съ жемчуги, да панагія серебряна, да четыре кресты съ каменьями и жемчуги, да три перстня, да четыре пронизки; да что послѣ останется живота моего лошадей и платья и доспѣховъ, оловяннаго и мѣднаго и хлѣба стоячего, и отцу моему духовному раздати людямъ моимъ по человѣку смотря; да Богоявленскому игумену съ братьями положить ему у Воскресенія Христова на престолъ десять рублевъ. А у сей духовной граматы сидѣлъ отецъ мой духовной попъ Провъ, а сію духовную грамоту писалъ Өедька Матвѣевъ церковный дьячекъ лѣта 7078. У духовной попъ Провъ руку приложилъ.

Сообщено барономъ М. Л. Боде.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА СТИПЕНДІЮ ЕГОРА ПЕТРОВИЧА КОВАЛЕВСКАГО.

Съ высочайшаго соизволенія, Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ открываетъ публичную подписку на составленіе стипендіи въ память покойнаго своего предсѣдателя, Егора Петровича Ковалевскаго. По соглашенію съ редакторами повременныхъ изданій и извѣстными книжными магазинами обѣихъ столицъ, мѣста для принятія подписки назначены слѣдующія:

I) Въ Петербургѣ:

a) Редакція газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости», по 3-й линіи Васильевскаго Острова, д. Юнкера, и контора «Спб. Вѣдомостей», по Невскому проспекту, при книжномъ магазинѣ Черкесова. b) контора редакціи газеты «Голосъ», на Литейной, д. Краевскаго, c) контора редакціи журнала «Вѣстникъ Европы», Галерная, № 20, d) контора редакціи журнала «Военный Сборникъ», на Литейной, д. Денфера, e) книжный магазинъ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ, д. Ольхиной, f) книжный магазинъ Я. А. Исакова, Гостинный дворъ, № 24, g) книжный магазинъ Кожанчикова, Гостинный дворъ, № 4.

II) Въ Москвѣ:

a) Редакція Московскихъ Вѣдомостей, на Сстрастн. бульварѣ, въ д. унив. типографіи, b), редакція журнала «Русскій Архивъ», при Чертковской библіотекѣ, на Мясницкой, c) контора редакціи газеты «Современныя Извѣстія», близъ Москворѣцкаго моста, d) книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго, e) книжный магазинъ А. И. Глазунова, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.

Гг. иногородные могутъ присылать свои пожертвованія и прямо на имя казначея Общества Михаила Матвѣевича Стасюлевича, въ С.-Петербургъ. Галерная, № 20, которому порученъ сборъ всѣхъ суммъ и въ отчетахъ котораго будутъ приведены имена жертвователей.

Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ не считаетъ нужнымъ напоминать образованной нашей публицѣ о заслугахъ Е. П. Ковалевскаго, который, въ теченіе 57 лѣтъ своей жиз-

ни, былъ путешественникомъ по Сибири, Монголіи, Китаю, Египту, Славянскимъ землямъ, ученымъ изслѣдователемъ ихъ политическаго и экономическаго быта, мыслящимъ воиномъ Хивинской экспедиціи и Севастопольской осады, администраторомъ, призванымъ на разрѣшеніе сложныхъ международныхъ вопросовъ въ мирное время; наконецъ, замѣчательнымъ русскимъ писателемъ и ревнителемъ русскаго просвѣщенія, оставляя вездѣ, послѣ себя, глубокіе слѣды, достойные вызвать вниманіе всякаго интересующагося современною исторіею своего отечества.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщеніе собранныхъ имъ статей и въ тоже время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива, нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ «Осмнадцатый Вѣкъ», въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ превышающія размѣръ тетрадей Русскаго Архива.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка», выходятъ безсрочно и продаются каждая отдѣльно, тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.—Три циркулярвые указа: 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагахъ.—Переписка Екатерины II-й съ княземъ М. Н. Волконскимъ.—Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.—Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.—Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.—Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).—Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга.—Изъ бумагъ А. П. Мельгунова съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.—Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Ор-

ювымъ.—Выписка изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).—Письмо Екатеины II-й къ графу П. А. Палену.—Свѣдѣнія изъ С. Петербургскихъ Вѣюмостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Сербской. Извлечено *М. I. Хмыровымъ.*—Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. 'мирнова.*—Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церовныхъ древностей.—Родственное письмо Елизаветы Петровны къ графинѣ кавронской.—Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія.—«Похожд. звѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ», записка Малороссіянина о восшетвіи на престолъ Екатерины II.—Письма относящіяся къ восшествію на рестолъ Екатерины II-й: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину. б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *княземъ М. А. Оболенкимъ*).—Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).—Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова ъ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Ст. *А. Н. Радищева*, съ пожесловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дука-де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ ъ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева.*—Густавъ Биронъ, братъ Реента, статья *М. Д. Хмырова.*—Автобіографическое показаніе *Арсенія Маіевича.*—Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.—Масонскія умаги.—Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источиковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.—Іодробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ перыхъ двухъ книгахъ «Осмнадцатаго Вѣка».

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина первая, статья *В. В. Андреева.*—Письма о Россіи въ Испанію, *Іука де-Лирія.*—Письма *А. И. Остермана, графа Г. И. Головкина* и друихъ лицъ въ Испанію къ князю С. Д. Голицыну.—Письмо *А. И. Остермана* къ неизвѣстному лицу.—Восемь собственноручныхъ писемъ *императицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Осерману).—Росписка *Бирона* 1725.—Письмо *Бирона* изъ Митавы въ Петербургъ 1725 года.—Письмо *Бирона* къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1742. –Русскій генералитетъ въ 1730 году, статья *М. Н. Лонгинова.*—Изъ дѣла

о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.—Два доношенія *А. П. Сумарокова*, съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова.*—Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора.—Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*—Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, ст. *М. Н. Лонгинова.* Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.—Письмо архимандрита *Амвросія* къ преосвященному Платону.—Изъ воспоминаній графа Нельи, статья *М. Ѳ. Шугурова.*—Записки *Великаго Князя Павла Петровича* къ офиціанту Курдюкову.—Письма князя *А. Б. Куракина*, *Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. Ѳ. Вадковскому.—Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.—Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*—Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предислов. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ) — Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.* — О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ, дополнительная замѣтка *М. Н. Лонгинова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Указы Петра Великаго и Екатерины I-й Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ (Изъ мѣстнаго Архива, съ примѣчаніями Е. В. Чешихина).—Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго времени.—Современное письмо о Салтычихѣ. — Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья М. Ѳ. Де-Пуле (по найденнымъ въ Архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора бумагамъ).—Первые дни Екатерининскаго царствованія (Сообщено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ).—Манифесты по поводу восшествія на престолъ императ. Екатерины II-й.—Антидотъ (противоядіе) полемическое сочиненіе Екатерины II-й.—Императоръ Павелъ въ Казани (современный журналъ).—О пребываніи императора Павла во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. И. Ранга.—Бумаги о ссылкѣ князя и графа Зубовыхъ.—Ода императору Павлу, Степана Руссова, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго.—Подробный азбучный указатель къ книгамъ 3-й и 4-й Осмнадцатаго Вѣка. 540 стр.

ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ

ТРИ рубля.

Иногородные обращаются въ Москву къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ на пересылку за три фунта, смотря по разстояніямъ.

ТАМЪ ЖЕ:

Книга 1-я Осмнадцатаго Вѣка (516 стр.) цѣна 2 р. 50 к.
Книга 2-я (592 стр.) цѣна 3 р.
Книга 3-я (500 стр.) цѣна 3 р.
Пересылка каждой книги за три фунта, по разстояніямъ.

О ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

РОССІИ

ВЪ ЕЯ

ПОЛИТИЧЕСКОМЪ и ГРАЖДАНСКОМЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ Н. М. КАРАМЗИНА.

Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ.
Псал. 138.

Печатая Записку Карамзина о древней и новой Россіи, издатель Русскаго Архива выполняетъ долгъ, налагаемый на него какъ важнымъ значеніемъ этого сочиненія для Русской исторіи и для жизнеописанія безсмертнаго исторіографа, такъ равно и тѣмъ обстоятельствомъ, что отдѣльныя выдержки и безъ связи приводимыя выраженія этой Записки подаютъ въ нашей печати поводъ къ недобросовѣстнымъ выводамъ и кривымъ толкованіямъ о Карамзинѣ и его гражданскомъ достоинствѣ. Мы же увѣрены, что, являясь въ полномъ своемъ видѣ, сочиненіе это представляетъ собою не только важный памятникъ исторіи и словесности, но въ то же время еще одно изъ правъ Карамзина на почтительную признательность потомства. По искренности и прямотѣ, съ коими высказывалъ Карамзинъ свои убѣжденія передъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ и братьями Паниными, не помышлявшими о самосохраненіи, когда дѣло шло о благѣ Государя и Отечества. И какъ исторія славитъ Петра и Екатерину за то, что они, побѣждая въ себѣ чувство гнѣва, выслушивали правдивое слово, такъ точно и благоволеніе императора Александра Павловича къ Карамзину, который до конца, до самой послѣдней бесѣды, не переставалъ заявлять ему то что̀ считалъ правдою, принадлежитъ къ числу отраднѣйшихъ воспоминаній объ этомъ Государѣ, не даромъ остающемся въ Исторіи съ именемъ «благословеннаго». По свидѣтельству графа Д. Н. Блудова, Государь, въ 1816 году, возложивъ на Карамзина Аннинскую ленту, далъ ему знать, что награждаетъ его не столько за Исторію, сколько за его Записку о древней и новой Россіи. (Гротъ, въ книгѣ: «Торжеств. Собраніе Импер. Академіи Наукъ 1-го Дек. 1866», стр. 41).

Записка о древней и новой Россіи сочинена въ началѣ 1811 года по настоятельному внушенію и желанію Великой Княгини Екатерины Павловны и ею вручена Государю въ Твери, 18 Марта 1811 года,—въ то время, когда уже надвигалась на Россію гроза нашествія Западной Европы, отчасти привлеченная тѣмъ, что императоръ Александръ Павловичъ (можетъ-быть обольщенный княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ) не могъ послѣдовать мудрому Екатерининскому завѣту политическаго невмѣшательства, въ спасительность котораго вѣровалъ Карамзинъ.

Списокъ, съ котораго здѣсь печатается «Записка», принадлежитъ къ числу наиболѣе вѣрныхъ, такъ какъ онъ нѣкогда былъ сличенъ съ первоначальною рукописью. Въ заключеніе, слѣдуетъ замѣтить, что Записка Карамзина (въ противность граждански-честному характеру ея) попала въ число произведеній такъ называемой подпольной и враждебной печати: она была издана въ Германіи, но съ обезображеннаго списка. Судьбы самой рукописи изложены въ сочиненіи М. П. Погодина: Н. М. Карамзинъ. М. (1866, ч. II, стр. 77 и слѣд.) и въ вышеуказанной статьѣ Академика Грота.

ЗАПИСКА КАРАМЗИНА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее. Одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ, жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестію, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ сѣверныхъ. Началось новое твореніе, явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею сохраненный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго; однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую общую систему вошла и Россія. Скандинавія, гнѣздо витязей безпокойныхъ, officina gentium, vagina nationum, дала нашему отечеству первыхъ государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣла-озера и рѣки Великой. «Идите», сказали имъ Чудь и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями—«идите «княжить и властвовать надъ нами. «Земля наша обильна и велика, но по«рядка въ ней не видимъ!» Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней, то есть: во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 году Россіяне, какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что̀ произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая, романическая страсть нашихъ первыхъ князей къ завоеваніямъ и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ Святославъ, Владиміръ не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ

шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности, бѣдной и мятежной.

Въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его, въ твердой рукѣ своей, держали судьбу милліоновъ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Босфору Ѳракійскому или горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами, города избранными жителями, свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась вѣрою христіанскою; на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но, въ сравненіи съ другими, и самымъ образованнымъ государствомъ.

Къ несчастію, она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о системѣ удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только отсрочить паденіе державы, основанной единовластіемъ на завоеваніяхъ.—Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, исчезло могущество и благоденствіе народа; открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ князей, которые, забывъ славу, пользу отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городокъ къ своему удѣлу. Греція, Венгрія, Польша отдохнули. Зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности; дотолѣ боялись Россіянъ, а потомъ начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые князья великодушные, — Мономахъ, Василько, говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ, тщетно другіе,—Боголюбскій, Всеволодъ III, старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, недружны, и Россія въ теченіи двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственныя.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ князьямъ; владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ, какъ монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ князьямъ, видя, что они, для ничтожныхъ личныхъ выгодъ, жертвуютъ его кровію, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ; а князья, уже не имѣя ни довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую, позволяли ей тѣснить мирныхъ жителей сель-

скихъ и купцовъ, сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякій случай и, сею политикою утративъ нравственное достоинство государей, сдѣлались подобны судіямъ, лихоимцамъ или тиранамъ, а не законнымъ властителямъ. Итакъ, съ ослабленіемъ государственнаго могущества, ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ сохранять видъ и дѣйствія жизни государственной или независимость, изъясняемую одною слабостію нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали орды Азіатскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи; но когда воинственный народъ, образованный побѣдами хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели; смѣлые, но безразсудные князья наши съ горстью людей выходили въ поле умирать героями! Батый, предводительствуя полумилліономъ, топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества; но слабые раздѣленіемъ силъ, несогласные даже и въ общемъ бѣдствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ оные въ неровныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ ханскихъ, а государи ея трепетали баскаковъ. Сего недовольно: въ окружностяхъ Двины и Нѣмана, среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искусству воинскому и, предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра; не только возстановилъ свою независимость, но, воспріявъ образъ народа гражданскаго, основавъ державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи, т. е. Сѣверная осталась данницею Монголовъ, а Южная вся отошла къ Литвѣ по самую Калугу и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь назывались улусами ханскими; Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ — городами Литовскими. Первые хранили по крайней мѣрѣ свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка, отъ презрѣнія къ его маловажности долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество,—да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль

возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя собирателя земли Русской, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его пріемники въ теченіи вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію,—системѣ наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека и вмѣстѣ съ нею достоинство великаго князя, Калита первый убѣдилъ хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ бояръ княжескихъ; ибо Татарскіе вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними, какъ скоро они являлись: земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились; торговля пробудилась не только внутренняя, но и внѣшняя; народъ и казна обогатились, дань ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ удѣловъ къ Великому Княжеству: усыпляемые ласками властителей Московскихъ, ханы съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ князей Россійскихъ, до самого того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечомъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная политика князей Московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое; надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ. Славяне Россійскіе, признавъ князей Варяжскихъ своими государями, хотя отказались отъ правленія общенароднаго, но удерживали многія его обыкновенія. Во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ бывало такъ называемое *вѣче* или совѣтъ народный, при случаяхъ важныхъ; во всѣхъ городахъ избирались тысяцкіе или полководцы не княземъ, а народомъ. Сіи республиканскія учрежденія не мѣшали Олегу, Владиміру, Ярославу самодержавно повелѣвать Россіею. Слава дѣлъ, великодушіе и многочисленность дружинъ воинскихъ, имъ преданныхъ, обуздывали народную буйность; когда же государство раздѣлилось на многія области независимыя, тогда граждане, не уважая князей слабыхъ, захотѣли пользоваться своимъ древнимъ правомъ *вѣча* и верховнаго законодательства, иногда судили князей и торжественно изгоняли въ Новѣгородѣ и другихъ мѣстахъ. Сей духъ вольности господствовалъ въ Россіи до нашествія Батыева и въ самыхъ ея бѣдствіяхъ не могъ вдругъ исчезнуть, но ослабѣлъ примѣтно. Такимъ образомъ исторія наша представляетъ новое доказательство двухъ истинъ: 1) для твердаго самодержавія необходимо государственное могущество, 2) рабство политическое несовмѣстно съ гражданскою вольностію. Князья пресмыка-

лись въ Ордѣ, но, возвращаясь оттуда съ милостивымъ ерлыкомъ ханскимъ, повелѣвали смѣлѣе, нежели въ дни нашей государственной независимости. Народъ, смиренный игомъ варваровъ, думалъ только о спасеніи жизни и собственности, мало заботясь о своихъ правахъ гражданскихъ. Симъ расположеніемъ умовъ, сими обстоятельствами воспользовались князья Московскіе и, мало-по-малу истребивъ всѣ остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавіе. Умолкъ вѣчевой колоколъ во всѣхъ городахъ Россіи. Дмитрій Донской отнялъ власть у народа избирать тысяцкихъ и, вопреки своему рѣдкому человѣколюбію, первый уставилъ торжественную смертную казнь для государственныхъ преступниковъ, чтобы вселить ужасъ въ дерзкихъ метежникахъ. Наконецъ, что̀ началось при Іоаннѣ I, или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III. Столица ханская, на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ Рязань, Тверь присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія югозападныя княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная во время Іоанна IV, пріобрѣла три царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, ибо кромѣ Донскаго никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласною съ обстоятельствами времени: Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ.

Во глубинѣ Сѣвера, возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра, — смѣсь древнихъ восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связью съ Моголами, Византійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ. въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи; заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея, церковныхъ и придворныхъ, окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ пословъ въ *золотой палатѣ*, которая напоминала *Юстиніанову*. Такая смѣсь въ нравахъ, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною; Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя дву-вѣковое иго ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ. Бумага, порохъ, книгопечатаніе сдѣлались у насъ извѣстными весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки царская и митрополитовская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество: Москва въ XV вѣкѣ имѣла уже знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и грановитую палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства. Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV—полное уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи *торговой казни*, неизвѣстной древнимъ независимымъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало, многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: государи, папы, республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія,— одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой имперіи, Польши, Швеціи; даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ Индійской торговли была тогда общею. Политическая система государей Московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію, имѣя цѣлію одно благоденствіе народа. Они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности монарховъ, нежели полезнаго для государства, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ-сказать, величіи, не алкали завоеваній невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить, ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависили отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло *слуги царева*. Народъ, избавленный князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ; одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ, царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ. Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ государемъ добрымъ и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей славнѣйшихъ добродѣтелями. Бояре и народъ, во глубинѣ души своей, не дерзая что-либо замыслить противъ вѣнценосца, только смиренно молили Господа, да смяг-

чить ярость цареву, сію казнь за грѣхи ихъ. Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ *опричнины*, всѣ люди, знаменитые богатствомъ или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей. Время и расположеніе умовъ достопамятное! Никогда и нигдѣ грознѣе самовластіе не предлагало столько жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, втайнѣ умышленное, но открытое Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ. Татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, Годуновъ воцарился со всѣми правами монарха законнаго и съ тою же системою единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстью, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ самодержавіе въ рукахъ своихъ. Кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ; ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ монахи,— были единственнымъ наказаніемъ бояръ, виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ; но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе монархи наслѣдственные; бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной степени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ; нравственное могущество царское ослабѣло въ семъ избранномъ вѣнценосцѣ.

Немногіе изъ государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву. Разсказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени и надежда, что Небо, возвративъ престолъ Владимірову потомству, возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юному монарху и любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный католикъ, и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую и на самомъ тронѣ характеръ бродяги; любилъ иноземцевъ до пристрастія и, не зная исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши монархическія учрежденія XV и XVI вѣковъ приняли иной образъ: малочисленная Дума Боярская, служивъ прежде единственно царскимъ совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста правителей мірскихъ и духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику. Иногда являлся тамъ и спорилъ съ боярами, къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы

благоразумія и той величественной скромности, которая для самодержавцевъ гораздо нужнѣе, нежели для монаховъ Картезіанскихъ. Сего мало: Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и вѣру, пировалъ, когда народъ постился; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ, хотѣлъ угощать бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія; окружилъ себѣ не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ; говорилъ о соединеніи церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его, наконецъ возненавидѣли и, согласясь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыни своихъ предковъ,—возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи; могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти; одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали въ вѣрности. Горе его пріемнику и народу!

Отрасль древнихъ князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, угодникъ царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожнаго Самозванца, въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ самодержавію, присягнувъ безъ ея согласія не казнить никого, не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцовъ, невинно убіенныхъ симъ царемъ лютымъ, предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ неограниченную власть монаршую, которой Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства: ибо первый также думалъ болѣе о себѣ, нежели о государствѣ и, плѣняясь мыслію быть царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видѣли въ полу-монархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его; поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился къ дворцу Кремлевскому предписывать законы государю. Шуйскій изъявлялъ твердость. «Возмите вѣнецъ Мономаховъ, воз«ложенный вами на главу мою, или «повинуйтесь мнѣ» говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирялся и вновь мятежничалъ, въ самое то время, когда Самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а

вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронѣ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинною царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы и внѣ отечества, заключенный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавная гидра аристокраціи владычествовала въ Россіи. Никто изъ бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса, спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увѣдали необходимость имѣть царя и, боясь избрать единоземца, чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нешего врага Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея западными странами; но вмѣстѣ съ царствомъ предложили ему условія, хотѣли обезпечить вѣру и власть боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали тиранствовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ. Самозванцы, казаки свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, государство погибало.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества; отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти произвели общее славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ пастырями церкви и боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного—цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе, не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противурѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта. Почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери-инокини и возвели на престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцемъ и жертвою, трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себѣ ни единаго сильнаго родственника, чуждый боярамъ верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной аристокраціи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцемъ, монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: *Богъ* и *Государь!* Написали хартію и положили оную на престолъ; сія грамота,

*

внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить единовластіе. Древніе княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи; но царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую и тѣмъ ослабить самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пестуномъ на тронѣ и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго міра возсіяла надъ трономъ Россійскимъ; отечество, подъ сѣнію самодержавія, успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, то-есть совѣтомъ царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде монархъ рядилъ государство чрезъ своихъ намѣстниковъ или воеводъ; недовольные ими прибѣгали къ нему; онъ судилъ дѣло съ боярами. Сія *восточная простота* уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало посредниковъ между царемъ и народомъ; учредились въ Москвѣ Приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ устава полнаго, ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности такого дѣла, царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ для онаго мужей думныхъ и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить Судебникъ, дополнить его законами Греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими указами царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчаются въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила *Уложеніе,* скрѣпленное патріархомъ, всѣми значительнѣйшими духовными и мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ,

Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы не хотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства. Онъ сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли, достигъ, и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному государю, и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколибимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую. Исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержцевъ: дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, — надобно угадать, угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средство дѣлать великое, князья Московскіе приготовляли оное, и, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время Самозванцевъ; онъ есть ничто иное какъ привязанность къ нашему особенному, ничто иное какъ уваженіе къ своему народному достинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ замствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу «безопасность внѣ и внутри, наказы«вайте злодѣевъ, жертвуйте частію «для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невин«нымъ склонностямъ и вкусамъ въ «домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до престола, Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ, высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и Русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Въ теченіи вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ Азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ Государю. Петръ уничтожилъ достоинство бояръ, — ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто Приказовъ Коллегіи, вмѣсто дьяковъ секретари и проч. Таже безсмысленная для Россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ

и проч. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ: ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и Европейская вольность заступила мѣсто Азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне, подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ, были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что̀ дѣйствительно порочно, — однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ Европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*. Спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію, *невѣрнымъ* или *братьямъ*, т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа Россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи, — виною Петръ!

Онъ великъ безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію, сей государь, худо воспитанный, окруженный молодыми людьми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно, находя Русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображе-

ніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ Россію сдѣлать Голландіею.

Еще народныя склонности, привычки, мысли имѣли столь великую силу, что Петръ, любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженствовалъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія для обузданія своихъ, впрочемъ столь вѣрныхъ, подданныхъ. Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ; пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Многіе гибли за одну честь Русскихъ кафтановъ и бороды, ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать монарха. Симъ бѣднымъ людямъ казалось, что онъ, вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое отечество. Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу, сперва въ митрополитѣ, наконецъ въ патріархѣ. Петръ объявилъ себя главою церкви, уничтоживъ патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духовенство никогда не противуборствовало мірской власти, ни княжеской, ни царской, служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ государственныхъ и совѣстью въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право: вѣщать истинну государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать, право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости. Со временъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ; главная обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели, а чтобы сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники церкви, если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный; усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра; а съ ослабленіемъ вѣры, государь лишается способовъ владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для отечества и гдѣ пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія, внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ нею: говорю о законѣ, о правѣ. Умный монархъ, въ дѣлахъ государственной пользы, всегда найдетъ способъ согласить волю митрополита или патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе имѣетъ видъ свободы и внутренняго убѣжденія, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти отъ гражданской предполагаетъ мнѣніе, что первая безполезна или по крайней мѣрѣ не есть необходима

для государственной твердости; примѣръ древней Россіи и нынѣшней Испаніи доказываетъ совсѣмъ иное.

Утаимъ ли отъ себя еще одну блестящую ошибку Великаго Петра? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ. Еще не имѣвъ ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ заложить на берегахъ Невы купеческій городъ для ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить тамъ пребываніе нашихъ государей была, есть и *будетъ вредною*. Сколько людей погибло, сколько милліоновъ и трудовъ употреблено для приведенія въ дѣйство сего намѣренія! Можно сказать, что Петербургъ основанъ *на слезахъ и трупахъ*. Иноземный путешественникъ, въѣзжая въ государство, ищетъ столицы обыкновенно среди мѣстъ плодоноснѣйшихъ, благопріятнѣйшихъ для жизни и здравія. Въ Россіи онъ видитъ прекрасныя равнины, обогащенныя всѣми дарами природы, осѣненныя липовыми, дубовыми рощами, пересѣкаемыя рѣками судоходными, коихъ берега живописны для зрѣнія и гдѣ, въ климатѣ умѣренномъ, благорастворенный воздухъ способствуетъ долголѣтію; видитъ и, съ сожалѣніемъ оставляя сіи пріятныя страны за собою, въѣзжаетъ въ пески, въ болота, въ песчаные лѣса сосновые, гдѣ царствуютъ бѣдность, уныніе, болѣзнь. Тамъ обитаютъ государи Россійскіе, съ величайшимъ усиліемъ домогаясь, чтобы ихъ царедворцы и стража *не умирали голодомъ* и чтобы *ежегодная убыль въ жителяхъ* наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человѣкъ не одолѣетъ натуры.

Но великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе; ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ онъ на вѣки; сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!

Вторый Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники перваго, до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ. Но Меншиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія. Такъ и Долгорукіе. Меншиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону. Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на престолѣ слабую тѣнь монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристокрація, олигархія губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило нравы, утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми важными перемѣнами, которыя, удаливъ въ обычаяхъ дворянство отъ народа, ослабили власть духовную, могла ли Россія обойтись безъ государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка, и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми аристократовъ, воспріяла отъ народа дво-

рянъ и духовенства власть неограниченную. Сія государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ, недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія; часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ. Первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ государственной системѣ Европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія не доставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская, съ пытками; въ ея вертепахъ и на площадяхъ градскихъ лились рѣки крови. И кого терзали? Враговъ ли государыни? Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами; самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казались ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли, враги наушника Бирона гибли, а статный конь ему подаренный давалъ право ждать милостей царскихъ.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу. Лѣкарь-Французъ и нѣсколько пьяныхъ гренадеровъ возвели дочь Петрову на престолъ величайшей Имперіи въ мірѣ съ восклицаніемъ: «гибель иноземцамъ, честь Россіянамъ!» Первыя времена сего царствованія ознаменовались нахальствомъ славной лейбъ-компаніи, возложеніемъ голубой ленты на Малороссійскаго пѣвчаго и бѣдствіемъ нашихъ государственныхъ благодѣтелей: Остермана и Миниха, которые никогда не были такъ велики, какъ стоя на эшафотѣ подъ сѣкирою и желая счастія Россіи и Елисаветѣ. Вина ихъ состояла въ усердіи къ императрицѣ Аннѣ и во мнѣніи, что Елисавета... не могла хорошо управлять государствомъ. Не смотря на то, Россіяне хвалили ея царствованіе. Она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ. Возстановила Сената, отмѣнила смертную казнь, имѣла... страсть къ веселіямъ и нѣжнымъ стихамъ. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ канц-

леръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, монархиня давала ему волю торговать политикою и силами государства. Наконецъ свергнула его и сдѣлала новую ошибку, торжественно объявивъ народу, что сей министръ, душа почти всего ея царствованія, есть гнуснѣйшій изъ смертныхъ. Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіи, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая; но счастіе не могло спасти государство отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для выгоды частныхъ людей и ко вреду самой казны; многія изъ заведеній Петра Великаго пришли въ упадокъ отъ пебреженія, и вообще царствованіе Елисаветы не прославилось никакими блестящими дѣяніями ума государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже Дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ и, нѣсколько лѣтъ говоривъ понѣмецки, началъ употреблять языкъ Французскій. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною; но грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елисаветы или министра сильнаго; еще пытки и Тайная Канцелярія существовали.

Новый заговоръ, и несчастный Петръ III-й въ могилѣ съ своими жалкими пороками. Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка и плѣнялась характеромъ древнихъ республиканцевъ, но хотѣла повелѣвать какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ, насильствуя обычаи народные, имѣлъ нужду съ средствахъ жестокихъ. Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца; ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество или славу свою, побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа, гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли; съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства, по крайней мѣрѣ въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Мы пріучились судить, хвалить въ дѣлахъ государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести. Добродѣтель превосходная въ монархинѣ! Увѣренная

въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ сю, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милости, — Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе; а гдѣ искренность говорила правду, тамъ монархиня думала: «Я властна требовать мол«чанія отъ Россіянъ-современниковъ, «но что скажетъ потомство? И мысль, «страхомъ заключенная въ сердцѣ, «менѣе ли слова будетъ для меня «оскорбительна?» Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской исторіи, т. е. Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства; слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвышая нравственную цѣну человѣка въ своей державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго и не оставила ни единой безъ поправленія. Уставы: сената, губерній, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы: Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами,—Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ! Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ: заблужденіе славное для сей великой монархини. Она была женщина, но умѣла избирать вождей, такъ же какъ министровъ, или правителей государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ стали на ряду съ знаменитѣйшими полководцами въ мірѣ; князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго министра благоразумною государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши,—мы взяли свое. Правиломъ монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ имперіи, рожденной побѣдами.

Слабый Петръ III, желая угодить дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для государства слѣдствія. Любовь къ святой Руси, охлажденную въ насъ перемѣнами Великаго Петра, монархиня хотѣла замѣнить гражданскимъ честолюбіемъ: для того соединила съ чинами новыя прелести или выгоды, вымышляя знаки отличій, и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ св. Георгія не рождалъ, однакожъ усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, лю-

били чины и ленты гораздо болѣе корысти; симъ утвердилась нужная зависимость дворянства отъ трона.

Но согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ: тамъ отъ примѣровъ Двора.... здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елисаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лице красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная—порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія.... Требуется ли доказательствъ, что искреннее почтеніе къ добродѣтелямъ монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости... Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время: вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ Кабинетъ. Тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: «мои законы не совершенные, но лучшіе для Аѳинянъ». Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ; дала намъ суды, не образовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія.—Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; Дворъ забылъ языкъ Русскій; отъ излишнихъ успѣховъ Европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наружности. У насъ были Академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая монархиня,—не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни.

Любимецъ вельможи, рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно,—вельможа не стыдился быть развратнымъ. Торговали правдою и чинами. — Екатерина, великій мужъ въ главныхъ событіяхъ государственныхъ, являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема или себя обманывала; не видала или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, можетъ-быть, неизбѣжными и довольствуясь общимъ успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ ея царствованія.

По крайней мѣрѣ, сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едвали не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго; едвали не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время.

Слѣдствія кончины ея заградили уста строгимъ судіямъ сей великой монархини: ибо особенно въ послѣдніе годы ея жизни, дѣйствительно слабѣйшіе въ правилахъ и въ исполненіи, мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину, отъ привычки къ добру уже не чувствуя всей цѣны онаго и тѣмъ сильнѣе чувствуя противное; доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости, худое же ея собственною виною.

Павелъ восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы Французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что́ сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV; но Россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древніе завѣты власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію Россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя какъ человѣкъ природную склонность къ благотворенію, питался желчію зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился.... Замѣтимъ черту любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ Россіяне боялись даже и мыслить; нѣтъ! говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ, общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервененіе противъ злоупотребленія власти заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствія Екатеринина человѣколюбиваго царствованія; оно не могло быть истреб-

лено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россіяне смотрѣли на сего монарха какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней. Она пришла, и вѣсть о томъ въ цѣломъ государствѣ была вѣстью искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства; тужили еще нѣкоторые имъ облагодѣтельствованные, но какіе люди! Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная наконецъ свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію...

*

Доселѣ говорилъ я о царствованіяхъ минувшихъ, буду говорить о настоящемъ, съ моею совѣстію и съ государемъ, по лучшему своему уразумѣнію. Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и монарху, нѣкоторыя можетъ быть данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, то-есть въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что̀ мнѣ кажется справедливымъ и что̀ нѣкогда скажетъ Исторія.

Два мнѣнія тогда были господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ,—другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь щастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно «только поставить законъ еще выше «государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристокрацію, а не монархію. Далѣе, что̀ сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе Русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Еслибы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Го«сударь, ты преступаешь границы сво«ей власти; научепная долговремен«ными бѣдствіями, Россія предъ свя«тымъ алтаремъ вручила самодержа«віе твоему предку и требовала, да «управляетъ ею верховно, нераз«дѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе «твоей власти, иной не имѣешь; мо«жешь все, но не можешь законно «ограничить ее!»...Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы монаршей власти какой-нибудь уставъ, основанный на правилахъ общей пользы, и скрѣпилъ бы оный святостію клятвы. Сія клятва безъ иныхъ способовъ, ко-

орые всѣ или невозможны или опас-ы для Россіи, будетъ ли уздою для реемниковъ Александровыхъ? Нѣтъ, ставимъ мудрствованія ученическія и кажемъ, что нашъ государь имѣетъ олько одинъ вѣрный способъ обуз-ать своихъ наслѣдниковъ въ злоупо-ребленіи власти: да царствуетъ бла-одѣтельно, да пріучитъ подданныхъ о благу! Тогда родятся обычаи спа-ительные, правила, мысли народныя, оторыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ держатъ будущихъ государей въ пре-ѣлахъ законной власти; чѣмъ? — трахомъ возбудить всеобщую нена-исть, въ случаѣ противной системы арствованія.—Тиранъ можетъ иногда езопасно господствовать послѣ тира-а; но послѣ государя мудраго—ни-огда! «Сладкое отвращаетъ насъ отъ горькаго», сказали послы Владиміро-ы, извѣдавъ вѣры Европейскія.

Всѣ Россіяне были согласны въ доб-омъ мнѣніи о качествахъ юнаго мо-арха. Онъ царствуетъ 10 лѣтъ, и икто не перемѣнилъ о томъ своихъ ыслей; скажу еще болѣе, всѣ со-ласны, что едва ли кто-нибудь изъ осударей превосходилъ Александра въ юбви, въ ревности къ общему благу; двали кто-нибудь столь мало ослѣп-ился блескомъ вѣнца и столь умѣлъ ыть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ... Іо здѣсь имѣю нужду твердости духа, тобы сказать истину: Россія напол-ена недовольными, жалуются въ па-атахъ и въ хижинахъ; не имѣютъ и довѣренности, ни усердія къ пра-ленію; строго осуждаютъ его цѣли и ѣры. — Удивительный государствен-ый феноменъ! Обыкновенно бываетъ, то преемникъ монарха жестокаго лег-ко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостію Александра, безвинно не страшась ни тайной канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣ-ми позволенными въ гражданскихъ об-ществахъ удовольствіями, — какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное рас-положеніе умовъ? Несчастными обсто-ятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками правительства: ибо къ сожалѣнію можно съ добрымъ на-мѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра.—Увидимъ.

Начнемъ съ внѣшней политики, ко-торая имѣла столь важное дѣйствіе на внутренность государства. Ужасная Французская революція была погребена, но оставила сына, сходнаго съ нею въ главныхъ чертахъ лица. Такъ назы-ваемая республика обратилась въ мо-нархію, движимую геніемъ властолю-бія и побѣдъ. Умная Англія, испы-тавъ невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францію и дѣ-лала свое дѣло. Вѣна тосковала о Нидерландахъ и Ломбардіи, война пред-ставляла ей великія опасности и ве-ликія надежды. Берлинъ хитрилъ, до-вольствуясь учтивостями: миръ былъ для него закономъ благоразумія. Рос-сія ничего не утратила и могла ниче-го небояться, т. е. находилась въ са-момъ счастливѣйшемъ положеніи. Ав-стрія, все еще сильная, какъ величе-ственная твердыня, стояла между ею и Франціею, а Пруссія служила намъ уздою для Австріи. Основаніемъ Россій-ской политики долженствовало быть желаніе всеобщаго мира, ибо война могла измѣнить состояніе Европы; ус-пѣхи Франціи, Австріи могли имѣть

для насъ равно опасныя слѣдствія, усиливъ ту или другую. Властолюбіе Наполеона тѣснило Италію и Германію. Первая, какъ отдаленнѣйшая, менѣе касалась до особенныхъ пользъ Россіи; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобъ удалить отъ насъ вліяніе Франціи. Императоръ Александръ болѣе всѣхъ имѣлъ права на уваженіе Наполеона: слава героя Италійскаго еще гремѣла въ Европѣ и не затмилась стыдомъ Германа и Корсакова. Англія, Австрія были въ глазахъ консула естественными врагами Франціи, Россія казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германію, могла напомнить ему Требію и Нови, въ случаѣ, еслибы онъ не изъявилъ надлежащаго вниманія къ нашимъ требованіямъ. Министръ, знаменитый въ хитростяхъ дипломатической науки, представлялъ Россію въ Парижѣ: избраніе таковаго человѣка свидѣтельствовало, сколь Александръ чувствовалъ важность сего мѣста и даже могло быть пріятно для самолюбія консулова. Къ общему изумленію, мы увидѣли, что графъ Марковъ пишетъ свое имя подъ новымъ раздѣломъ Германскихъ южныхъ областей, въ угодность, въ честь Франціи и къ ея сильнѣйшему вліянію на землю Нѣмецкую; но еще съ бо̀льшимъ изумленіемъ мы свѣдали, что сей министръ, въ важномъ случаѣ оказавъ излишнюю снисходительность къ видамъ Наполеона, вручаетъ грозныя записки Талейрану о какомъ-то Женевскомъ *бродягѣ*, взятомъ подъ стражу во Франціи, дѣлаетъ разныя неудовольствія консулу въ бездѣлицахъ и, принужденный выѣхать изъ Парижа, получаетъ голубую ленту. Можно было угадать слѣдствія; но отъ чего такая перемѣна въ системѣ? Узнали опасное властолюбіе Наполеона? А дотолѣ не знали его!... Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль тогдашній разговоръ одного молодаго любимца государева и стараго министра. Первый, имѣя еще болѣе самолюбія, нежели остроумія, и весьма не сильный въ государственной наукѣ, рѣшительно объявилъ при мнѣ, — что Россія должна воевать для занятія умовъ праздныхъ и для сохраненія ратнаго духа въ нашихъ арміяхъ; вторый, съ тонкою улыбкою, давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ графу Маркову получить голубую ленту въ досаду консулу. Молодой любимецъ веселился мыслію схватить ее въ полѣ съ славнымъ Бонапарте, а старый министръ торжествовалъ, представляя себѣ безсильную ярость Наполеона. Несчастные! Однимъ словомъ, исторія Маркова посольства, столь несогласнаго въ правилахъ, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своихъ горестныхъ предчувствій, когда я, страдая въ тяжкой болѣзни, услышалъ о походѣ нашего войска.... Россія привела въ движеніе всѣ силы свои, чтобы помогать Англіи и Вѣнѣ, тоесть служить имъ орудіемъ въ ихъ злобѣ на Францію, безъ всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеонъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не вредилъ прямо нашей безопасности, огражденной Австріею и Пруссіею, числомъ и славою нашего воинства. Какіе замыслы имѣли мы въ случаѣ успѣха? Возвратить Австріи великія утраты ея,

освободить Голландію, Швейцарію? Признаемъ возможность, но только вслѣдствіе десяти рѣшительныхъ побѣдъ и совершеннаго изнуренія Французскихъ силъ. Что̀ оказалось бы въ новомъ порядкѣ вещей? Величіе, первенство Австріи, которая изъ благодарности указала бы Россіи вторую степень и то до времени, пока не смирила бы Пруссію, а тамъ объявила бы насъ державою Азіятскою, какъ Бонапарте. вотъ счастливая сторона! Несчастная уже извѣстна. Политика нашего кабинета удивляла своею смѣлостію: одну руку поднявъ на Францію, другою грозили мы Пруссіи, требуя отъ нея содѣйствія. Не хотѣли терять времени въ предварительныхъ сношеніяхъ, хотѣли однимъ махомъ все рѣшить. Спрашиваю, что̀ сдѣлала бы Россія, если бы берлинское министерство отвѣтствовало князю Долгорукому: «Молодой человѣкъ! вы желаете свергнуть деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнувъ его, предписываете законы политикѣ державъ независимыхъ; Идите своимъ путемъ, мы готовы утвердить мечемъ свою независимость». Билигсенъ, графъ Толстой ударили бы тогда на Пруссію.... Прекрасное начало, оно стоило бы конца. Но князь Долгоруковъ летѣлъ съ пріятнѣйшимъ ответом. Правда, насъ обманули, или мы сами обманули себя.

Все сдѣлалось наилучшимъ образомъ для нашей истинной пользы. Макъ въ несколько дней лишился арміи. Кутузов, вмѣсто Австрійскихъ знаменъ, увиделъ предъ собою Наполеоновы; но съ честію, славою, побѣдою отступилъ къ Ольмюцу. Два сильныя воинства стояли готовыя къ бою. Осторожный, благоразумный Наполеонъ сказалъ своему: «Теперь Европа узнаетъ, кому «принадлежитъ имя храбрѣйшихъ, вамъ «или Россіянамъ», и предложилъ намъ средства мира. Никогда политика Россійская не бывала въ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, никогда не имѣла столь мало причинъ сомнѣваться въ выборѣ. Наполеонъ завоевалъ Вѣну, но Карлъ приближался, и 80 т. Россіянъ ждали повелѣнія обнажить мечъ. Пруссія готовилась соединиться съ нами. Одно слово могло прекратить войну славнѣйшимъ для насъ образомъ. Изгнанникъ Францъ по милости Александра возвратился бы въ Вѣну, уступивъ Наполеону можетъ-быть только Венецію. Независимая Германія оградилась бы Рейномъ. Нашъ монархъ пріобрѣлъ бы имя благодѣтеля, почти возстановителя Австріи и спасителя Нѣмецкой имперіи. Побѣда долженствовала быть по крайней мѣрѣ сомнительною. Что̀ мы выигрывали съ нею? Едва ли не одну славу, которую имѣли бы и въ мирѣ. Что̀ могло бы быть слѣдствіемъ неудачи? Стыдъ, бѣгство, голодъ, совершенное истребленіе нашего войска, паденіе Австріи, порабощеніе Германіи и т. д. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Мы захотѣли битвы. Вотъ вторая политическая ошибка (молчу о воинскихъ).

Третья и самая важнѣйшая слѣдствіями есть миръ Тильзитскій, ибо она имѣла непосредственное вліяніе на внутреннее состояніе государства. Не говорю о жалкой исторіи полу-министра Убри; не порицаю ни заключеннаго имъ трактата (который былъ плодомъ Аустерлица), ни министровъ, давшихъ совѣтъ государю отвергнуть сей лаконическій договоръ; не осуждаю и

послѣдней войны съ Французами: тутъ мы долженствовали вступиться за безопасность собственныхъ владѣній, къ коимъ стремился Наполеонъ, волнуя Польшу. Знаю только, что мы въ теченіи зимы должны были или прислать новыхъ 100 т. къ Бенигсену, или вступать въ мирные переговоры, коихъ успѣхъ не былъ вѣроятенъ. Пультускъ и Прейсишъ-Эйлау одобрили Россіянъ, изумивъ Французовъ. Мы дождались Фридланда... Но здѣсь-то слѣдовало показать отважность, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ глубокомысленнымъ благоразуміемъ,— таковъ былъ сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами въ Аустерлицѣ и Фридландѣ; надлежало думать единственно о Россіи, чтобы сохранить ея внутреннее благосостояніе, т. е. не принимать мира, кромѣ честнаго, безъ всякаго обязательства разсторгнуть выгодныя для насъ торговыя связи съ Англіею и воевать со Швеціею, въ противность святѣйшимъ уставамъ человѣчества и народнымъ. Безъ стыда могли бы мы отказаться отъ Европы, но безъ стыда не могли служить въ ней орудіемъ Наполеоновымъ, обѣщавъ избавить Европу отъ его насилія. Умолчимъ ли о второмъ необходимомъ для нашей безопасности условіи, отъ коего мы долженствовали бы отступить, развѣ претерпѣвъ новое бѣдствіе на правомъ берегу Нѣмана, условіи, чтобы не быть Польшѣ ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ именемъ? Безопасность собственная есть вышній законъ въ политикѣ: лучше было согласиться, чтобъ Наполеонъ взялъ Шлезію, самый Берлинъ, нежели признать Варшавское герцогство.

Такимъ образомъ великія наши усилія, имѣвъ слѣдствіемъ Аустерлицъ и миръ Тильзитскій, утвердили господство Франціи надъ Европою и сдѣлали насъ чрезъ Варшаву сосѣдами Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская и разрывъ съ Англіею произвели неумѣренное умноженіе ассигнацій, дороговизну и всеобщія жалобы внутри государства. Мы завоевали Финляндію: пусть Монитеръ славитъ сіе пріобрѣтеніе! Знаемъ, чего оно намъ стоило, кромѣ людей и денегъ. Государству, для его безопасности, нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честію, справедливостію, вредимъ послѣднему. Мы взяли Финляндію, заслуживъ ненависть Шведовъ, укоризну всѣхъ народовъ,— и я не знаю, что̀ было горестнѣе для великодушія Александра, быть побѣжденнымъ отъ Французовъ или принужденнымъ слѣдовать ихъ хищной системѣ.

Пожертвовавъ союзу Наполеона нравственнымъ достоинствомъ великой Имперіи, можемъ ли надѣяться на искренность его дружбы? Обманемъ ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Онъ знаетъ, что мы внутренно ненавидимъ его, ибо его боимся; онъ видѣлъ усердіе наше въ послѣдней войнѣ Австрійской, болѣе нежели сомнительное. Сія двоякость была необходимымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которое мы поставили себя Тильзитскимъ миромъ и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обѣщаніе услуживать врагу естественному и придавать ему силы? Думаю, что мы, взявъ Финляндію, не посовѣстились бы завоевать Галицію, еслибы предвидѣли вѣрный

успѣхъ Наполеоновъ. Но Карлъ могъ еще побѣдить; къ тому же и самымъ усерднымъ исполненіемъ обязанности союзниковъ мы не заслужили бы искренняго доброжелательства Наполеона; онъ далъ бы намъ поболѣе, но не далъ бы средствъ утвердить нашу независимость. Скажемъ ли, что Александру надлежало бы пристать къ Австрійцамъ? Австрійцы не пристали къ намъ, когда Бонапарте въ изнуреніи удалялся отъ Прейсишъ-Эйлау и когда ихъ стотысячная армія могла бы доканать его.—Политика не злопамятна, безъ сомнѣнія; но 30 т. или 40 т. Россіянъ могли бы также не поспѣть къ рѣшительной битвѣ, какъ эрцъ-герцогъ Іоаннъ къ Ваграмской. Ульмъ, Аустерлицъ находились въ свѣжей памяти. Что̀ бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидѣвъ нашу отважность, взялъ бы скорѣйшія, дѣйствительнѣйшія мѣры для обузданія оной. На сей разъ лучше, что онъ считаетъ насъ только робкими, тайными врагами, только не допускаетъ мириться съ Турками, только изъ подъ руки стращаетъ Швеціею, Польшею. Что̀ будетъ далѣе, извѣстно Богу; но людямъ извѣстны сдѣланныя нами политическія ошибки; но люди говорятъ: для чего графъ Марковъ сердилъ Бонапарте въ Парижѣ? Для чего мы легкомысленною войною навели отдаленныя тучи на Россію? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Гласъ народа—гласъ Божій! Никто не увѣритъ Россіянъ, чтобы совѣтники трона, въ дѣлахъ внѣшней политики, слѣдовали правиламъ истинной мудрой любви къ отечеству и къ доброму государю. Сіи несчастные, видя бѣду, думали единственно о пользѣ своего личнаго самолюбія; всякій изъ нихъ оправдывался, чтобы винить монарха.

Посмотримъ, какъ они дѣйствовали и дѣйствуютъ внутри государства. Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатеринина царствованія, утвержденному опытомъ 34 лѣтъ и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени; вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, *исправлять* по основательному разсмотрѣнію,—совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правила мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо мы болѣе уважаемъ то, что̀ давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки. Петръ Великій замѣнилъ Боярскую Думу — Сенатомъ, Приказы—Коллегіями, и не безъ важнаго усилія сообщилъ онымъ стройную дѣятельность. Время открыло нѣкоторые лучшіе способы управленія, и Екатерина II-я издала *учрежденіе о губерніяхъ,* приводя его въ исполненіе по частямъ, съ великою осторожностію. Коллегіи дѣлъ судныхъ и казенныхъ уступили мѣсто Палатамъ, другія остались, и если правосудіе и государственное хозяйство при Екатеринѣ не удовлетворяли всѣмъ желаніямъ добраго гражданина, то никто не мыслилъ жаловаться на формы, или на образованіе; жаловались только на людей. Фельдмаршалъ Минихъ замѣчалъ въ нашемъ

государственномъ чинѣ нѣкоторую пустоту между трономъ и Сенатомъ, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думѣ, Сенатъ въ началѣ своемъ имѣлъ всю власть, какую только вышнее правительствующее мѣсто въ самодержавіи имѣть можетъ. Генералъ-прокуроръ служилъ связію между имъ и государемъ; тамъ вершились дѣла, которыя надлежало бы вершить монарху: по человѣчеству, не имѣя способа обнять ихъ множество, онъ далъ Сенату свое верховное право и свое око въ генералъ-прокурорѣ, опредѣливъ, въ какихъ случаяхъ дѣйствовать сему важному мѣсту по извѣстнымъ законамъ и въ какихъ требовать его высочайшаго соизволенія. Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла Коллегій, рѣшалъ ихъ сомнѣнія или спрашивалъ у государя, который, принимая на него жалобы отъ людей частныхъ, грозилъ строго казнію ему въ злоупотребленіи власти или дерзкому челобитчику въ несправедливой жалобѣ. Я не вижу пустоты, и новѣйшая исторія, со временъ Петра до Екатерины II, свидѣтельствуетъ, что учрежденіе Верховныхъ Совѣтовъ, Кабинетовъ, Конференцій, было несовмѣстно съ первоначальнымъ характеромъ Сената, ограничивая или стѣсняя кругъ его дѣятельности. Одно мѣшало другому.

Сія система правительства не уступала въ благоустройствѣ никакой иной Европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, собразныя съ мѣстными обстоятельствами Имперіи. Павелъ, не любя дѣлъ своей матери, возстановилъ разныя уничтоженныя ею Коллегіи, сдѣлалъ перемѣны и въ учрежденіи губерній, но благоразумные, отмѣнивъ малонужные Верхніе Земскіе Суды съ Расправами, отнявъ право исполненія у рѣшеній палатскихъ, и проч. Движимый любовію къ общему благу, Александръ хотѣлъ лучшаго, совѣтывался и учредилъ Министерства, согласно съ мыслями фельдмаршала Миниха и съ системою правительствъ иностранныхъ. Прежде всего замѣтимъ излишнюю поспѣшность въ семъ учрежденіи. Министерства уставлены и приведены въ дѣйствіе, а не было еще наказа министрамъ, т. е. вѣрнаго оныымъ руководства въ исполненіи важныхъ ихъ обязанностей. Теперь спросимъ о пользѣ. Министерскія бюро заняли мѣсто Коллегій. Гдѣ трудились знаменитые чиновники, президентъ и нѣсколько засѣдателей, имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность правительствующаго мѣста, тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ: директоровъ, экспедиторовъ, столоначальниковъ, которые подъ щитомъ министра дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что министръ все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ, но одно честолюбіе бываетъ неограниченно, силы и способности смертнаго заключены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Напримѣръ: министръ внутреннихъ дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ? Могъ ли даже разумѣть предметы столь различные? Начали являться одни за другими комитеты. Они служили сатирою на учрежденіе Министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго правленія. Наконецъ, замѣтили

излишнюю многосложность внутренняго министерства. Что́ же сдѣлали? Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для Русскихъ въ его составѣ! Какъ, опеки принадлежатъ министру полиціи? Ему же и медицина? и проч. и проч. Или сіе министерство есть только часть внутренняго, или названо не своимъ именемъ? И благопріятствуетъ ли славѣ мудраго правительства сіе второе преобразованіе? Учредили и послѣ говорятъ: «извините, мы ошиблись: сіе относится не къ «тому, а къ другому министерству». Надлежало бы обдумать прежде, иначе что̀ будетъ порукою и за твердость инаго устава? Далѣе, основавъ бытіе свое на развалинахъ Коллегій (ибо самая военная и адмиралтейская утратили важность свою въ семъ порядкѣ вещей) министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: «я «имѣлъ счастіе докладывать государю»—заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, тоесть, каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ: кто болѣе заслуживаетъ довѣренность, одинъ ли министръ или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которое мы обыкли считать высшимъ правительствомъ, главнымъ орудіемъ монаршей власти? Правда, министры составляли между собою комитетъ, ему надлежало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось монархомъ; но сей комитетъ не походитъ ли на совѣтъ 6 или 7 разноземцевъ, изъ коихъ всякій говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ? Министръ морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки или правила государственнаго хозяйства, торговли и проч.? Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивымъ.

«Просимъ терпѣнія», отвѣтствуютъ совѣтники монарха: «мы изобрѣтаемъ «еще новый способъ ограничить власть «министровъ» — выходитъ учрежденіе Совѣта.

И Екатерина II имѣла Совѣтъ, слѣдуя правилу: умъ хорошо, а два лучше. Кто изъ смертныхъ не совѣтуется съ другими въ важныхъ случаяхъ? Государи болѣе всѣхъ имѣютъ въ томъ нужды. Екатерина, въ дѣлахъ войны и мира, гдѣ ей надлежало произнести рѣшительное *да* или *нѣтъ*, слушала мнѣніе нѣкоторыхъ избранныхъ вельможъ: вотъ Совѣтъ ея, по существу своему *тайный*, то-есть особенный, лично императорскій. Она не сдѣлала его государственнымъ, торжественнымъ, ибо не хотѣла уничтожить Петрова Сената, коего бытіе, какъ мы сказали, несовмѣстно съ другимъ высшимъ правительствующимъ мѣстомъ. Какая польза унижать Сенатъ, чтобы возвысить другое правительство? Если члены перваго недостойны монаршей довѣренности, надобно только перемѣнить ихъ; или Сенатъ не будетъ правительствующимъ, или Совѣтъ не можетъ торже-

ственно и подъ своимъ именемъ разсматривать за нимъ дѣлъ и мимо Сената издавать съ государемъ законы. Мы читаетъ нынѣ въ указахъ монаршихъ: «внявъ мнѣнію Совѣта». И такъ Сенатъ въ сторонѣ? Чтò же онъ? Останется ли только судилищемъ? Увидимъ, ибо намъ велятъ ждать новыхъ дополнительныхъ уставовъ государственныхъ, преобразованія сенатскаго, губерній и проч. Въ монархіи, пишетъ Монтескье: «должно быть хранилище «законовъ; le conseil du Prince n'est «pas un depôt convenable, il est par sa «nature le depôt de la volonté momen«tanée du Prince qui exécute et non pas le «depôt des lois fondamentales. De plus: «le conseil du Monarque change sans «cesse; il n'est point permanant, il ne «saurait être nombreux; il n'a point à «un assez haut degrès la confiance du «peuple; il n'est donc pas en état de «l'éclairer dans les tems difficiles, ni «de le ramener à l'obéissance». Чтò ни будетъ, но сказанное нами не измѣнится въ главномъ смыслѣ: Совѣтъ будетъ Сенатомъ или его половиною, отдѣленіемъ. Сіе значитъ играть именами и формами, придавать имъ важность, которую имѣютъ только вещи. Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: «внявъ мнѣнію Совѣта»! Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее, въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головѣ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно ничьего одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя: онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, Комитеты, суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя: ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе; «le conseil d'état entendu» не имѣетъ смысла для гражданина Россійскаго; пусть Французы справедливо или несправедливо употребляютъ оное! Правда и у насъ писали: «Государь «указалъ, бояре приговорили»; но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую; воскресимъ ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились?

Совѣтъ, говорятъ, будетъ уздою для министровъ; императоръ отдаетъ ему разсматривать важнѣйшія ихъ представленія. Но между тѣмъ они все будутъ править государствомъ именемъ государя. Совѣтъ не вступается въ обыкновенное теченіе дѣлъ, вопрошаемый единственно въ случаяхъ чрезвычайныхъ или въ новыхъ постановленіяхъ; а сей обыкновенный порядокъ государственной дѣятельности составляетъ благо или зло нашего времени?

Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ, и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе Министерствъ и Совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ, авторы долженствовали изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій: читаю и вижу однѣ сухія формы; мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя мой умъ въ покоѣ. Говорятъ Россіянамъ: «было такъ, отнынѣ будетъ иначе»; для чего, не сказываютъ? Петръ Великій, въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ,

давалъ отчетъ народу: взгляните на регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава. Вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною. Издаютъ проектъ наказа министерскаго; что́ важнѣе и любопытнѣе? Тутъ безъ сомнѣнія опредѣлена сфера дѣятельности, цѣль, способы, должности каждаго министра? Нѣтъ, — брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ канцелярскимъ. Сказываютъ, какъ переписываться министерскимъ департаментамъ между собою, какъ входятъ и выходятъ бумаги, какъ государь начинаетъ и кончитъ свои рескрипты. Монтескье означаетъ признаки возвышенія или паденія Имперіи. Авторъ сего проекта съ такою же важностію даетъ правила судить о цвѣтущемъ и худомъ состояніи канцелярій; искренно хвалю его знанія въ сей части, но осуждаю постановленіе: «Если государь из«даетъ указъ несогласный съ мыслями «министра, то министръ не скрѣпля«етъ онаго своею подписью!» Слѣдственно въ государствѣ самодержавномъ, министръ имѣетъ законное право объявить публикѣ, что выходящій указъ по его мнѣнію вреденъ? Министръ есть рука вѣнценосца, не болѣе: рука не судитъ головы! Министръ подписываетъ именные указы не для публики, а для императора, во увѣреніе, что они написаны слово въ слово такъ, какъ государь приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едвали извинительны. Чтобы опредѣлить важную отвѣтственность министра, авторъ пишетъ: «министръ судится въ двухъ случаяхъ, — когда преступитъ мѣру власти своей, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращенія зла». Гдѣ же означена сія мѣра власти и сіи способы? Прежде надобно дать законъ, а послѣ говорить о наказаніи преступника. Сія громогласная отвѣтственность министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно. Худой министръ есть ошибка государева; должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ царскимъ.

Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ Сенатомъ, съ Коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. «Если число «и власть сановниковъ необходимо «должны быть перемѣнены», говоритъ умный Махіавель, «то удержите хотя «имя ихъ для народа». Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія, вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе но-

ваго, а новому добру какъ-то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около 1.000 лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ. Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если Исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иноземнымъ державамъ, то она въ наше время не будетъ ли еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франціи? Правда, тамъ есть: Conseil d'état, secrétaire d'état, Senat-conservateur, ministres de l'interieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique, de la police, des cultes; правда, что Екатерина II не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ; но гдѣ видимъ гражданское общество, согласное съ истинною цѣлію онаго, въ Россіи ли при Екатеринѣ II, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія; гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая, такъ сказать, оныя постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка. Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынѣшнему Совѣту въ глазахъ будущаго преемника Александрова: новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною.

Теперь пройдемъ въ мысляхъ нѣкоторыя временныя и частныя постановленія Александрова царствованія: посмотримъ, какія мѣры брались въ обстоятельствахъ важныхъ, и что̀ было ихъ слѣдствіемъ.

Наполеонъ, однимъ махомъ разрушивъ дотолѣ знаменитую державу Прусскую, стремился къ нашимъ границамъ. Никто изъ добрыхъ Россіянъ не былъ спокоенъ, всѣ чувствовали необходимость усилій чрезвычайныхъ и ждали, что̀ сдѣлаетъ правительство. Выходитъ манифестъ о милиціи... Вѣрю, что совѣтники государевы имѣли доброе намѣреніе, но худо знали состояніе Россіи. Вооружить 600 т. человѣкъ, не имѣя оружія въ запасѣ! Прокормить ихъ, безъ средства везти хлѣбъ за ними или изготовить его въ тѣхъ мѣстахъ, куда имъ идти надлежало! Гдѣ взять столько дворянъ для предводительства? Во многихъ губерніяхъ не доставало и половины чиновниковъ.

Изумили дворянъ, испугали земледѣльцевъ; подвозы, работы остановились; съ горя началось пьянство между крестьянами, ожидали и дальнѣйшихъ неистовствъ. Богъ защитилъ насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что благородные сыны отечества готовы были тогда на великодушныя жертвы, но скоро общее усердіе простыло: увидѣли, что правительство хотѣло невозможнаго; довѣренность къ нему ослабѣла, и люди, въ первый разъ читавшіе манифестъ со слезами, чрезъ нѣсколько дней начали смѣяться надъ жалкою милиціею. Наконецъ уменьшили число ратниковъ, имѣли 7 мѣсяцевъ времени и не дали арміи никакой сильной подмоги. За то миръ Тильзитскій... Еслибы правительство, вмѣсто необыкновенной для насъ милиціи, потребовало отъ государства 150 т. рекрутъ, съ хлѣбомъ, съ подводами, съ деньгами, то сіе бы не произвело ни малѣйшаго волненія въ Россіи и могло бы усилить нашу армію прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать въ исполненіи. Въ случаѣ государственныхъ чрезвычайныхъ опасностей и жертвъ, главное правило есть дѣйствовать стремительно, не давать людямъ образумиться, не отступать въ мѣрахъ, не раздумывать. Я читалъ переписку Русскихъ воеводъ при Лжедимитріи, когда мы не имѣли ни царя, ни совѣта боярскаго, ни столицы. Сіи воеводы худо знали грамотѣ, но знали Россію и спасли ее самыми простѣйшими средствами, требуя другъ отъ друга, что̀ каждый могъ изъ нихъ сдѣлать лучшаго по мѣстнымъ обстоятельствамъ своего начальства. Сію статью заключу особеннымъ примѣчаніемъ. Во время милиціи всѣ жаловались на недостатокъ оружія и винили безпечность начальства; не знаю, воспользовались ли мы опытомъ для нашей будущей безопасности. Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякій случай? Слышу только, что славный Тульскій заводъ приходитъ въ упадокъ, что новыя паровыя машины дѣйствуютъ не весьма удачно, и что новыя образцовыя ружья причиною раззоренія мастеровъ. Такъ ли?

Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ Латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по Нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, Гетингенѣ, надобно профессору только стать на каѳедру, залъ наполнится слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи сколько молодыхъ людей учатся въ университетахъ для того, чтобы сдѣлаться адвокатами, судьями, пасторами, про-

фессорами! Наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи Римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ; а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Вмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и въ другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призрѣнная бѣдность, чрезъ 10 или 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ инаго дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи. Строить, покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть — пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и въ Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка Русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей грамматики, а въ имянныхъ указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ. Пишутъ въ важномъ банковомъ учрежденіи: «отдать деньги безсрочно», вмѣсто à perpetuité, *безъ возврата*; пишутъ въ манифестѣ о торговыхъ пошлинахъ: «*сократить* ввозъ товаровъ и пр.» Замѣтимъ также нѣкоторыя странности въ семъ новомъ образованіи ученой части. Лучшіе профессоры, коихъ время должно быть посвящено наукѣ, занимаются подрядами свѣчъ и дровъ для университета! Въ сей кругъ хозяйственныхъ заботъ входитъ еще содержаніе ста или болѣе училищъ, подвѣдомыхъ университетскому совѣту. Сверхъ того профессоры обязаны ежегодно ѣздить по губерніямъ для обозрѣнія школъ. Сколько денегъ и трудовъ потерянныхъ! Прежде хозяйство университета зависѣло отъ его особой канцеляріи, и гораздо лучше: пусть директоръ училищъ года въ два одинъ разъ осмотрѣлъ бы уѣздныя школы въ своей губерніи; но смѣшно и жалко видѣть сихъ бѣдныхъ профессоровъ, которые всякую осень трясутся въ кибиткахъ по дорогамъ. Они, не выходя изъ совѣта, могутъ знать состояніе всякой гимназіи или школы по ея вѣдомостямъ. Гдѣ много учениковъ, тамъ училище цвѣтетъ; гдѣ ихъ мало, тамъ оно худо; а причина едва ли не всегда одна—худые учители. Для чего не опредѣляютъ хорошихъ? Ихъ нѣтъ, или мало. Чтó виною? Сонливость здѣшняго педагогическаго института (говорю только о Московскомъ, мнѣ извѣстномъ). Путешествія профессоровъ не исправятъ сего недостатка. Вообще министерство такъ называемаго просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и какъ бы не вѣдая, чтó ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя.

Сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ универ-

ситетахъ, правительство желало принудить насъ къ тому и выдало несчастный указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ ассессоры безъ свидѣтельства своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ службы знанія: науки инженеркой отъ инженера, законовѣдѣнія—отъ судьи, и проч. У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сенатскій—свойство оксигена и всѣхъ газовъ; вице-губернаторъ—Пиѳагорову фигуру; надзиратель въ домѣ сумашедшихъ—Римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни 40-лѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлію! Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающаго знать всѣмъ риторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія. Не будемъ говорить о смѣшномъ, замѣтимъ только вредное. Донынѣ дворяне и не дворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ или денегъ. Первое побужденіе невинно, второе опасно, ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ высшихъ наукъ, для чего будутъ служить титулярные и коллежскіе совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возмутъ отставку; худшіе, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живаго и мертваго. Уже видимъ и примѣры. Вмѣсто сего новаго постановленія, надлежало бы только исполнить сказанное въ уставѣ университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельство о своихъ званіяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать, но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя по справедливости дѣлать новыхъ условій для службы: онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ статскаго совѣтника, ему обѣщанный закономъ; а вы нарушаете сей контрактъ государственный. И вмѣсто всеобщихъ знаній, должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя: юнкеровъ иностранной коллегіи испытывайте въ статистикѣ, исторіи, географіи, дипломатикѣ, языкахъ; другихъ только въ знаніи отечественнаго языка и права Русскаго, а не Римскаго, для насъ безполезнаго; третьихъ въ геометріи, буде они желаютъ быть землемѣрами, и т. д. Хотѣть лишняго, или не хотѣть должнаго — равно предосудительно.

Указъ объ экзаменахъ былъ осыпанъ вездѣ язвительными насмѣшками; тотъ, о коемъ теперь хочу говорить, многихъ оскорбилъ и никого не порадовалъ, хотя самое святѣйшее человѣколюбіе внушило его мысль государю. Слыхали мы о дворянахъ-извергахъ, которые торговали людьми безчеловѣчно; купивъ деревню, выбирали крестьянъ годныхъ въ солдаты и продавали ихъ врознь. Положимъ, что такіе звѣри были въ наши времена;

надлежало бы грознымъ указомъ запретить сей промыселъ и сказать, что имѣніе дворянъ, столь недостойныхъ, будетъ отдаваемо въ опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполненіемъ. Вмѣсто сего запрещаютъ продажу и куплю рекрутъ. Дотолѣ лучшіе земледѣльцы охотно трудились 10—20 лѣтъ, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тѣмъ сохранить цѣлость семьи своей; нынѣ отнято отъ нихъ сильнѣйшее побужденіе благодѣтельнаго трудолюбія, промышленности, жизни трезвой. На что̀ богатство родителю, когда оно не спасетъ любезнаго его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семействъ плачутъ; для государства необходимы рекруты, лучше брать ихъ изъ людей злосчастныхъ, нежели счастливыхъ, ибо судьба послѣднихъ несравненно горестнѣе въ солдатствѣ. Спрашиваю: крестьяне тирана-помѣщика, который изъ жадности къ золоту могъ бы продать ихъ въ рекруты, наслаждаются ли благоденствіемъ отъ того, что сія продажа запрещена? Можетъ-быть они сдѣлались бы менѣе злополучными въ полкахъ; съ другой стороны, небогатые владѣльцы лишились средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, съ пользою для себя и для общества. Лѣнивый, невоздержный, исправился бы въ строгой школѣ воинской, а работящій, трезвый, остался бы за сохою. Примѣръ также имѣлъ бы спасительныя дѣйствія: иной унялся бы отъ пьянства, зная, что господинъ можетъ продать его въ рекруты. Чѣмъ теперь владѣлецъ мелкопомѣстный, коему нѣтъ очереди рекрутской, устрашитъ крестьянъ распутныхъ? Палкою? Изнурительнымъ трудомъ? Не полезнѣе ли имъ страшиться палки въ ротѣ? Скажутъ, что нынѣ у насъ лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивалъ у генераловъ,—они сего не примѣтили. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что крестьяне стали хуже въ селеніяхъ. Отецъ трехъ, иногда двухъ сыновей, заблаговременно готовитъ одного изъ нихъ въ рекруты и не женитъ его; сынъ знаетъ свою долю и пьянствуетъ, ибо добрымъ поведеніемъ не спасется отъ солдатства. Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла.

Такъ нынѣшнее правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства. Въ девятомъ, десятомъ, первомъ-надесять вѣкахъ, были у насъ рабами одни холопи, т. е. или военноплѣнные и купленные чужеземцы, или преступники, закономъ лишенные гражданства, или потомки ихъ; но богатые люди, имѣя множество холопей, населяли ими свои земли. Вотъ первыя въ нынѣшнемъ смыслѣ крѣпостныя деревни. Сверхъ того, владѣлецъ принималъ къ себѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ въ кабалу на условіяхъ, болѣе или менѣе стѣснившихъ ихъ естественную и гражданскую свободу; нѣкоторые, получая отъ него землю, обязывались и за себя и за дѣтей своихъ служить ему вѣчно,—вторая причина сельскаго рабства. Другіе же крестьяне и большая часть нанимали землю у владѣльцевъ только за деньги, или за опредѣленное количество хлѣба, имѣя право, по истеченіи уроч-

аго времени, идти въ другое мѣсто. iи свободные переходы имѣли свое еудобство: вельможи и богатые люи сманивали къ себѣ вольныхъ крестьянъ отъ владѣльцевъ малосильныхъ, оторые, оставаясь съ пустою землею, ишались способа платить государтвенныя повинности. Царь Борисъ отялъ первый у всѣхъ крестьянъ волю ереходить съ мѣста на мѣсто, т. е. крѣпилъ ихъ за господами: вотъ нало общаго рабства. Сей уставъ изѣнялся, ограничивался, имѣлъ исклюенія и долгое время служилъ повоомъ къ тяжбамъ, наконецъ утверился во всей силѣ, и древнее разлиіе между крестьянами и холопями овершенно исчезло. Слѣдуетъ: 1) что ынѣшніе господскіе крестьяне не бын никогда владѣльцами, т. е. не мѣли собственной земли, которая есть аконная, неотъемлемая собственность ворянъ; 2) что крестьяне холопскаго роисхожденія—также законная собстенность дворянская и не могутъ быть свобождены лично безъ особеннаго ѣкотораго удовлетворенія помѣщика;) что одни вольные, Годуновымъ крѣпленные за господами земледѣльы могутъ по справедливости требоать прежней свободы; но 4) какъ мы е знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ ольныхъ людей, то законодателю предтоитъ немалая трудность въ распуываніи сего узла Гордіева, если онъ е имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объвивъ, что всѣ люди равно свободны: отомки военноплѣнныхъ, купленныхъ аконныхъ невольниковъ и потомки рѣпостныхъ земледѣльцевъ; что перые освобождаются правомъ естественнымъ, такъ же какъ вторые правомъ монарха самодержавнаго — отмѣнять уставы своихъ предмѣстниковъ. Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными, или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Что̀ значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить имъ оброкъ, обработывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно,—однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія

поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ,—какое раззореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ—есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ, или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны начальникамъ губерній. Ежели послѣдніе вѣрно исполнятъ свою должность то первыхъ скоро не увидимъ; а еже ли не будетъ въ Россіи умныхъ и честныхъ губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ. Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не-во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя »зломъ, которое прежде тебя существо«вало (положимъ, что неволя крестье«янъ и есть рѣшительное зло), но ты бу«дешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и «потомству за всякое вредное слѣд«ствіе твоихъ собственныхъ уставов ».

Не осуждаю Александрова закона, дающаго право селеніямъ откупаться отъ господъ съ ихъ согласія; но многіе ли столь богаты, многіе ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбивыхъ помѣщиковъ довольны своею участью; крестьяне худыхъ—бѣдны; то и другое мѣшаетъ успѣху сего закона.

Къ важнѣйшимъ дѣйствіямъ нынѣшняго царствованія относятся мѣры, взятыя для уравненія доходовъ съ рас-

ходами, для приведенія въ лучшее состояніе торговли и вообще государственнаго хозяйства. Двѣ несчастныя войны Французскія, Турецкая и въ особенности Шведская, заставили казну умножить количество ассигнацій. Случилось необходимое: цѣны на вещи возвысились, и курсъ упалъ, а разрывъ съ Англіею довершилъ сіе бѣдствіе. Грузные товары наши могутъ быть единственно отпускаемы моремъ; число иностранныхъ кораблей въ Россійскихъ гаваняхъ уменьшилось, а произведенія фабрикъ Европейскихъ, легкія, драгоцѣнныя, входили къ намъ и моремъ, и сухимъ путемъ. Исчезло всякое равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ. Таково было состояніе вещей, когда показался манифестъ о налогахъ. Вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казен«ныхъ расходовъ требуетъ умноженія «доходовъ, а новыхъ ассигнацій не «хотимъ выпускать», правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи—не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!.. Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса: первое отъ новыхъ налоговъ, второе отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными векселями. Скажемъ о томъ и другомъ нѣсколько словъ.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податьми, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія, необходимыя для казны, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки; напримѣръ, за чтò коммиссаріатъ платилъ въ началѣ года 10 тыс., за то, вслѣдствіе прибавленныхъ налоговъ, подрядчики требуютъ 15 тыс.,— опять надобно умножать налоги, и такъ до безконечности. Государственное хозяйство не есть частное: я могу сдѣлаться богатѣе отъ прибавки оброка на крестьянъ моихъ; а правительство не можетъ, ибо налоги суть общіе и всегда производятъ дороговизну. Казна богатѣетъ только двумя способами: размноженіемъ вещей или уменьшеніемъ расходовъ, *промышленностію* или *бережливостію*. Если годъ отъ года будетъ у насъ болѣе хлѣба, суконъ, кожъ, холста, то содержаніе арміи должно стоить менѣе, а тщательная экономія богатѣе золотыхъ рудниковъ. Милліонъ, сохраненный въ казнѣ за расходами, обращается въ два; милліонъ, налогомъ пріобрѣтенный, уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ нулемъ. Искренно хваля правительство за желаніе способствовать въ Россіи успѣхамъ земледѣлія и скотоводства, похвалимъ ли за бережливость? Гдѣ она? Въ уменьшеніи дворцовыхъ расходовъ? Но бережливость государя не есть государственная. Александра называютъ даже скупымъ, но сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ человѣкъ беретъ изъ пяти мѣстъ жалованье; всякому столовыя деньги; множество пенсій излишнихъ; даютъ въ займы безъ от-

дачи, и кому? Богатѣйшимъ людямъ! Обманываютъ государя проектами, заведеніями на бумагѣ, чтобы грабить казну; непрестанно на государственное иждивеніе ѣздятъ инспекторы, сенаторы, чиновники, не дѣлая ни малѣйшей пользы своими объѣздами; всѣ требуютъ отъ императора домовъ и покупаютъ оные двойною цѣною изъ суммъ государственныхъ, будто бы для общей, а въ самомъ дѣлѣ для частной выгоды, и проч., и проч. Однимъ словомъ, отъ начала Россіи не бывало государя столь умѣреннаго въ своихъ особенныхъ расходахъ, какъ Александръ, и царствованія столь расточительнаго, какъ его! Въ числѣ такихъ несообразностей замѣтимъ, что мы, предписывая дворянству бережливость въ указахъ, видимъ гусарскихъ армейскихъ офицеровъ въ мундирахъ, обшитыхъ серебромъ и золотомъ! Сколько жалованья симъ людямъ? И чего стòитъ мундиръ? Полки красятся не одеждою, а дѣлами. Мало остановить нѣкоторыя казенныя строенія и работы, мало сберечь тѣмъ 20 милл. рублей,—не надобно тѣшить безстыднаго корыстолюбія многихъ знатныхъ людей; надобно бояться всякихъ новыхъ штатовъ, уменьшить число тунеядцевъ на жалованьи, отказывать невѣждамъ, требующимъ денегъ для мнимаго успѣха наукъ и, гдѣ можно, ограничить роскошь самыхъ частныхъ людей, которая въ нынѣшнемъ состояніи Европы и Россіи вреднѣе прежняго для государства.

Обратимся къ ассигнаціямъ. Многіе простодушные, впрочемъ неглупые, люди донынѣ думаютъ, что совѣтники правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостію неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше правительство занимало въ Голландіи или въ другихъ земляхъ; никто не причислялъ ассигнацій къ онымъ, и всякій считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ. Жители Мальдивскихъ острововъ не знаютъ иной монеты, кромѣ ничтожныхъ раковинъ, имѣя торговлю внутреннюю и внѣшнюю. Кто даетъ цѣну деньгамъ? Правительство, объявляя, что оно будетъ принимать ихъ въ дань народную вмѣсто такихъ и такихъ вещей. Еслибы государь далъ намъ клейменыя щепки и велѣлъ ходить имъ вмѣсто рублей, нашедши способъ предохранять насъ отъ фальшивыхъ монетъ деревянныхъ, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для дѣланія изъ нихъ сосудовъ, пуговицъ, табакерокъ, но для оцѣнки вещей и сравненія ихъ между собою. Пусть металлическая монета, какъ доказываютъ Бюшъ и другіе, есть наилучшая, уже бывъ извѣстною и во времена Іова; но сильное государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищимъ, должно ли не имѣть ни арміи, ни флотовъ, для того, что у него, по обстоятельствамъ, нѣтъ въ избыткѣ ни серебра, ни золота? Самое золото имѣетъ гораздо болѣе вообразительнаго, нежели внутренняго достоинства. Кто бы за его блесточ-

ку отдалъ зимою теплую шубу, еслибы оно цѣнилось по своей только собственной пользѣ? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись безъ первой, а на вторую купить себѣ кафтанъ; если мнѣ даютъ кафтанъ и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоцѣнны. Ассигнаціи уменьшаются въ цѣнѣ отъ своего размноженія, золото и серебро также. Открытіе Америки произвело въ оцѣнкѣ Европейскихъ товаровъ дѣйствіе подобное тому, что̀ видимъ нынѣ въ Россіи отъ ассигнацій. Сей законъ соразмѣрности не преложенъ. Отъ IX до XIV вѣка, предки наши не имѣли собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительствомъ заклеймованные, лоскутки, называемые *кунами*, т. е. ассигнаціями, и торговали съ Востокомъ и Западомъ, съ Греціею, Персіею, съ Нѣмецкою Ганзою; отъ IX вѣка до 1228 года лоскутки сіи не унижались въ цѣнѣ относительно къ серебру, ибо правительство не расточало ихъ, но унизились до крайности, бывъ послѣ того размножены неумѣренно. Достойно примѣчанія, что сіи кожаныя ассигнаціи были у насъ замѣнены серебрянною и мѣдною монетою въ самыя мятежныя и варварскія времена ига ханскаго, когда баскаковъ уважали болѣе князей. Татары не хотѣли брать *кунъ*, а требовали серебра. Россіянинъ могъ откупиться отъ мукъ, отъ смерти, отъ неволи кускомъ сего металла; отдавалъ за него все, что̀ имѣлъ, и съ презрѣніемъ отвергалъ *куны*, такъ что онѣ сами собою долженствовали исчезнуть. Прежде серебро шло въ Кіевъ изъ Греціи, послѣ въ Новгородъ изъ Сибири чрезъ Югорію, туда же изъ Нѣмецкой земли чрезъ города Ганзеатическія, наконецъ въ Москву изъ самой Орды, съ коею мы завели торговлю. Но количество добываемыхъ купечествомъ металловъ было столь невелико, что Россіяне, отмѣнивъ *куны* внутри государства, долженствовали большею частію мѣняться вещами: дѣло весьма неблагопріятное для успѣховъ торговли и слѣдствіе варварства. Царь Іоаннъ Васильевичъ истощилъ казну многими дотолѣ необыкновенными расходами и, видя недостатокъ серебра, снова думалъ ввести кожаныя деньги. Хотя торговля съ Англіею и пріобрѣтеніе богатой Сибири съ ея рудниками надѣляли насъ изряднымъ количествомъ металловъ, однакожъ Петръ Великій нуждался въ оныхъ, и серебро въ Россіи было тогда дороже, нежели въ другихъ земляхъ Европейскихъ; почему купцы иноземные охотно привозили къ намъ червонцы и талеры. Несмотря на то, рѣдкость денегъ препятствовала успѣхамъ торговли внутри государства. Изъ самыхъ отдаленныхъ губерній возили въ столицу сухимъ путемъ хлѣбъ и другія дешевыя вещи, ибо не могли продавать ихъ на мѣстѣ. Въ Петербургѣ, въ Архангельскѣ, въ Москвѣ сыпалось золото и серебро; въ Симбирскѣ, въ Пензѣ, въ Воронежѣ — едва показывалось. Въ бумагахъ временъ императрицы Анны и Правительницы видимъ жалобы умнѣйшаго изъ Россійскихъ министровъ на великій недостатокъ въ легкой монетѣ. Остерманъ предполагалъ нѣсколько разъ закупить большое количество серебра въ Голландіи, не имѣвъ мысли объ ассигнаціяхъ и едва ли знавъ, что Россія въ новомъ государственномъ

*

порядкѣ Европы первая и столь долго употребляла оныя. Наконецъ Екатерина II изданіемъ ассигнацій сперва изумила, но скоро облегчила народъ во всѣхъ платежахъ и торговыхъ сдѣлкахъ. Увидѣли удобность и пользу. Дотолѣ заемные и купеческіе обороты производились у насъ векселями, съ сего времени ассигнаціи заступили мѣсто векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлическія деньги за оныя: знало, что публика, однажды навсегда удостовѣренная въ дѣйствительности бумажекъ, станетъ требовать отъ Банка единственно малыхъ суммъ, нужныхъ для мелочныхъ расходовъ. Такъ и было въ царствованіе Екатерины, къ пользѣ государственной и народной; казна пріобрѣла знатный капиталъ и могла въ чрезвычайныхъ случаяхъ обходиться безъ умноженія податей; народъ пересталъ нуждаться въ деньгахъ, и серебро, уже менѣе необходимое, долго держалось въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями, послѣ возвысилось бездѣлицею, послѣ болѣе, и наконецъ въ $1\frac{1}{2}$ раза, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ иныхъ цѣнъ,—необходимое слѣдствіе прибавки 200 мил. къ денежной суммѣ, бывшей у насъ дотолѣ въ обращеніи. Гдѣ мало денегъ, тамъ вещи дешевы; гдѣ много первыхъ, тамъ послѣднія дороги. Серебрянная монета, замѣненная ассигнаціями, сдѣлалась въ отношеніи къ нимъ дороже, не какъ монета, предпочитаемая бумажкамъ, но какъ товаръ. Стали замѣчать общую дороговизну, которая однакожъ не выходила изъ мѣры и не была рѣшительнымъ зломъ. Справедливо жаловались на правительство, когда оно, въ послѣдніе годы Екатеринина царствованія, не могло удовлетворять народному требованію въ выдачѣ мелкой размѣнной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемѣны въ государственномъ хозяйствѣ, ибо казна не умножала ассигнацій; но въ нынѣшнее царствованіе излились оныя рѣкою, и вещи удвоились, утроились въ цѣнѣ. Не осуждаемъ правительство за выпускъ можетъ быть 500 м. бумажныхъ рублей. Находились ли иные лучшіе способы для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ—не знаю, даже сомнѣваюсь; но когда сдѣлалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять мѣры въ тишинѣ, не ахать, не бить въ набатъ, отъ чего зло увеличивается. Пусть министры будутъ искренни передъ лицемъ одного монарха, а не предъ народомъ: сохрани Боже, если они будутъ слѣдовать иному правилу—обманывать государя и сказывать всякую истину народу. Объявите, что отнынѣ фабрика ассигнаціонная останется безъ дѣла,—хорошо; но къ чему толковать слова: «объявителю платитъ государственный банкъ и проч.» Я позволилъ бы сказать вамъ, что ассигнаціи не деньги, если бы вы могли отворить банки и ящики наполненные серебромъ для вымѣна бумажекъ; позволилъ бы сказать, что ассигнаціи не деньги, еслибы у насъ были другія. Какія же? серебрянныя и мѣдныя. Сколько ихъ теперь въ Россіи, и думаете ли, что бѣдная сумма оныхъ могла бы удовольствовать государство въ торговыхъ его оборотахъ? Въ древней Россіи ходили *куны* вмѣстѣ съ серебромъ и золотомъ; въ новой

ходятъ ассигнаціи вмѣстѣ съ металлами, тогда и нынѣ рѣдкими. Кожаный лоскутокъ не лучше бумажнаго, но древніе князья Кіевскіе, Рязанскіе, Новгородскіе не изъясняли народу, что *куны*—вексель, и Россія 500 лѣтъ довольствовалась оными, благословляя сіе счастливое изобрѣтеніе. Привычка сильнѣе мудрованія; не смотря на вексельную форму ассигнацій, мы не считали государя должникомъ своимъ, не ждали отъ него платы за бумажки, не освѣдомлялись о состояніи казны, будучи довольны тѣмъ, что мы имѣли за нихъ всѣ вещи по желанію. Пусть ассигнаціи-вексель, но государственный, свойствомъ отличный отъ купеческаго или гражданскаго. Правительство выпускаетъ ихъ въ обращеніе подъ видомъ векселей; но, вошедши въ общее употребленіе, онѣ уже дѣлаются монетою тамъ, гдѣ нѣтъ иной въ достаточномъ количествѣ. Необходимость есть законъ для правительства и народа. Еслибы купецъ сказалъ о своихъ заемныхъ письмахъ то, что̀ въ манифестѣ сказано объ ассигнаціяхъ; еслибы объявилъ торжественно, что надавалъ ихъ непомѣрное множество и крайне заботится о слѣдствіяхъ: едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имѣніе на вексель; а за наши ассигнаціи и теперь продаютъ все. Онѣ унизились цѣною въ отношеніи къ вещамъ, не для того чтобы лишились довѣрія или кредита, но слѣдуя общему закону соразмѣрности между вещами и деньгами; однимъ словомъ, вопреки манифесту, ассигнаціи и теперь остаются у насъ деньгами, ибо иныхъ не имѣемъ; но купцы иноземные, купцы гораздо ученѣйшее Россіянъ въ языкѣ и въ признакѣ государственнаго банкротства, усомнились имѣть дѣло съ нами; курсъ упадалъ болѣе и болѣе, уменьшая цѣну Россійскихъ произведеній для иноземцевъ и возвышая оную для насъ самихъ.

Что̀ сказать о такъ называемомъ *разумѣ манифеста*, всюду разосланномъ вмѣстѣ съ онымъ? Надобно, чтобъ разумъ находился въ самомъ манифестѣ, а не въ особенномъ твореніи какого-нибудь школьника-секретаря, который съ смѣшною важностію толкуетъ вамъ слова повтореніемъ ихъ или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считаютъ нужнымъ переливъ монеты сообразно съ ея нынѣшнею цѣною, и что пудъ мѣди, стоющій во всѣхъ другихъ вещахъ 40 р., въ деньгахъ долженъ ходить за 16 р.; ибо если мы изъ мѣднаго рубля сдѣлаемъ два, то всѣ цѣны удвоятся. Нѣтъ, г. изъяснитель, мѣдная монета есть у насъ только размѣнная, въ коей мы теперь имѣемъ крайнюю нужду и которая уменьшается отъ тайнаго переплавливанія въ вещи, или отъ вывоза въ чужія земли. Не надобно изъ рубля мѣди, безъ необходимости, дѣлать десяти, чтобы не было фальшивой монеты: но не должно дѣлать и 16 р. изъ 40 р., чтобы монету не переплавливали въ кубы и пр. Ни въ какомъ государствѣ металлы не ходятъ въ деньгахъ ниже своей цѣны. Вопреки сему *разуму*, правительство уставило перемѣнить мѣдную монету и сдѣлать изъ 16—24 р.; для чего же не 40, не 50 рублей? Не такъ легко дѣланіе фальшивой монеты, еслибы мѣдь черезъ нѣсколько времени и весьма унизилась въ цѣнѣ, чему доказательствомъ служитъ соб-

ственный нашъ примѣръ, когда мѣдныя деньги во время Петра Великаго ходили въ Россіи несравненно выше своего внутренняго достоинства. Всѣ жалуются на правительство, что оно, имѣя дѣйствительно способъ доставить намъ все нужное для размѣна количество мѣдной монеты, позволяетъ мѣновщикамъ грабить людей. Торгуютъ даже и мелкими ассигнаціями; неужели совѣтникамъ банка трудно ихъ подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывалъ книги о государственномъ хозяйствѣ, слыхалъ, какъ люди ученые судятъ о нынѣшнемъ хозяйственномъ состояніи Россіи, и замѣчалъ болѣе словъ, нежели мыслей, болѣе мудрованій, нежели ясныхъ понятій. Зло не такъ велико, какъ думаютъ. Все дорого,—правда; но съ умноженіемъ расходовъ не прибавились ли и доходы? Владѣлецъ, имѣющій деревни на пашнѣ, или фабрики, не терпитъ отъ дороговизны; купцы—также; господинъ оброчныхъ крестьянъ терпитъ болѣе или менѣе; денежные капиталисты и люди, живущіе жалованьемъ, болѣе всѣхъ теряютъ. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынѣшняя дороговизна есть вообще зло, а какъ она произошла отъ умноженія ассигнацій, то надобно ли уменьшить ихъ количество?

Надобно,—думаетъ правительство, и взяло мѣры учредить заемный банкъ, и продаетъ казенныя имѣнія... Желательно, чтобъ сіе намѣреніе не совсѣмъ исполнилось; иначе явится другое зло, которое въ теченіи минувшаго лѣта едва ли кто-нибудь могъ предвидѣть. Цѣны на вещи возвышались не только по соразмѣрности прибавляемыхъ ассигнацій, но и по вѣроятностямъ ихъ будущаго выпуска, также вслѣдствіе новыхъ податей и низкаго курса. Дороговизна ежедневно возрастала. Въ пятницу хотѣли взять за товаръ болѣе, нежели въ четвергъ, въ субботу болѣе, нежели въ пятницу, слѣдуя иногда привычкѣ и вкусу слѣпаго корыстолюбія. Уже не дѣйствуетъ сила, приведшая въ дѣйствіе шаръ; но шаръ еще катится. Вѣрятъ и не вѣрятъ, чтобы казна перестала издавать новыя ассигнаціи. Наконецъ открывается нечаянность: большая нужда въ деньгахъ, т. е. въ ассигнаціяхъ. Купцы въ Москвѣ съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ у друга, куда онѣ дѣвались, и предлагаютъ заимодавцамъ три процента на мѣсяцъ. Ассигнацій не убыло; но по дороговизнѣ дѣлается мало, т. е. излишне-высокія цѣны въ послѣднее время вышли изъ соразмѣрности съ суммою оныхъ; напримѣръ: купецъ имѣлъ прежде 10 т. рублей въ капиталѣ, нынѣ имѣетъ 15 т.; но какъ цѣна покупаемаго имъ товара удвоилась, то онъ, чтобы не уменьшить своей торговли, долженъ призанять 5 т. рублей.

Если казна, посредствомъ банка и продажи имѣній, вынетъ теперь изъ обращенія милліоновъ 200, увидимъ страшный недостатокъ въ деньгахъ, винные откупщики раззорятся, крестьяне не заплатятъ оброка господину, купцы не купятъ или не продадутъ товара, найдется недоимка въ казенныхъ сборахъ. Не думайте, чтобы вдругъ оказалась дешевизна: нѣтъ, первые продавцы не скоро уступятъ вамъ вещь за половину ея бывшей цѣны, но сдѣлается остановка въ

торговлѣ и платежахъ. Неудовольствіямъ, жалобамъ не будетъ конца, и многіе скажутся банкрутами прежде нежели установится новый порядокъ въ оцѣнкѣ вещей, соразмѣрный съ количествомъ денегъ въ государствѣ. Великіе переломы опасны. Вдругъ уменьшить количество бумажекъ также вредно, какъ и вдругъ умножить оное. Что̀ же дѣлать? Не выпускать ихъ болѣе,—сего довольно: цѣны спадутъ безъ сомнѣнія, ибо возвысились несоразмѣрно съ прибавленіемъ ассигнацій, какъ мы сказали; но спадутъ постепенно, безъ кризиса, если Россія не будетъ имѣть какихъ-нибудь несчастій.

Вторая мысль заемнаго банка, или такъ называемаго *погашенія долговъ*, есть унизить серебро, обѣщаніемъ уплатить чрезъ нѣсколько лѣтъ рубль симъ металломъ за два бумажные. Еслибы внести въ сей банкъ милліоновъ 200, то правительство нашлось бы въ крайнемъ затрудненіи по истеченіи срока: не легко приготовить 100 милліоновъ серебромъ для расплаты! Къ счастію, взносъ не великъ, ибо у насъ нѣтъ праздныхъ капиталовъ; но достохвально ли учрежденіе, коему, для государственнаго блага, нельзя желать успѣха? Авторъ, кажется, полагалъ, что въ теченіи шести лѣтъ рубль серебрянный унизится наприм. до 150 коп. ассигнаціями и что заимодавцы съ радостію возьмутъ всю сумму бумажками. Хорошо; а если того не будетъ? Замѣтимъ, что цѣна серебра возвысилась у насъ гораздо болѣе иныхъ цѣнъ. Куль муки за 4 года передъ симъ стоилъ въ Москвѣ серебромъ $4^1/_2$ р., а теперь сто̀итъ менѣе $2^1/_2$ р. Возьмите въ примѣръ и другія Россійскія произведенія; за все платите серебромъ почти вдвое менѣе прежняго: виною то, что умножился расходъ онаго для содержанія заграничныхъ армій и для тайной покупки иноземныхъ товаровъ. Хотите ли уронить цѣну серебра, не вымѣнивайте его для армій, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету, дайте намъ болѣе размѣнныхъ денегъ,—или вы хотите невозможнаго. Теперь дороговизна благородныхъ металловъ убыточна не для народа, а для казны и богатыхъ людей, имѣющихъ нужду въ иноземныхъ товарахъ, коихъ цѣна возвышается по цѣнѣ серебра. У насъ ходитъ оно только въ столицахъ, въ городахъ пограничныхъ, въ приморскихъ. Внутри Россіи не видятъ и не спрашиваютъ его, въ противность сказанному въ манифестѣ, что единственная Россійская банковая монета есть рубль серебрянный,—нѣтъ, серебро у насъ товаръ, а не деньги. Для внѣшней законной торговли также не требуется металловъ. Англичанину нѣтъ нужды, какія ходятъ у насъ деньги, мѣдныя ли, золотыя или бумажныя; если онъ за лоскутокъ бумаги получаетъ у насъ вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, цѣною въ гинею, то Англійская гинея будетъ равняться въ курсѣ съ Россійскою бумажкою, ибо торговля государствъ основана въ самомъ дѣлѣ на мѣнѣ вещей.—Не существенная, но торговая цѣна монетъ опредѣляетъ курсъ. Напр. нашъ рубль уменьшился бы въ количествѣ своего металла; но если за него даютъ въ Россіи столько же вещей, какъ

и прежде, то сія убавка въ существенной цѣнѣ рубля не имѣетъ вліянія на курсъ, буде нѣтъ иной причины къ упадку онаго. Но если деньги намъ нужнѣе въ чужихъ земляхъ, нежели иностранцамъ — Россійскія, если болѣе впускаемъ, нежели выпускаемъ товаровъ, то курсъ нашъ упадаетъ. Сіи причины изъясняютъ, какимъ образомъ рубль могъ обратиться въ 18 су, или въ 8 штиверовъ. Кромѣ уменьшенія цѣны бумажекъ внутри государства и несоразмѣрности ввоза съ вывозомъ товаровъ, страхъ, чтобы первыя еще болѣе не унизились, заставилъ многихъ купцовъ иностранныхъ, имѣвшихъ у насъ денежные капиталы, переводить оные въ Англію, или въ другія мѣста.

Правительство наше крайне заботится о лучшемъ курсѣ, но хочетъ невозможнаго. Пока не возстановится свободная морская торговля, дотолѣ не будетъ равновѣсіе въ привозѣ и выпускѣ товаровъ, не будетъ иностранцамъ нужды въ Русскихъ деньгахъ для закупки большаго количества нашихъ произведеній.—Новымъ манифестомъ о тарифѣ мы позволяемъ все вывозить, а многое для ввоза запрещаемъ; но много ли кораблей найдемъ для перваго? Здѣсь видимъ новую неудобность. Позволяютъ напримѣръ выпускъ шерсти, т. е. сводятъ иностранныхъ купцевъ съ нашими. Бой весьма неравный! Иностранцу выгодно дать за пудъ ея 2 червонца, какъ и прежде,—тогда червонецъ стоилъ $3^1/_2$, а теперь онъ стоитъ 12 рублей; слѣдственно и мы, имѣя въ шерсти необходимую надобность для дѣланія суконъ, будемъ давать за пудъ 25 руб., гораздо болѣе, нежели втрое въ сравненіи съ прежнею цѣною и почти вдвое въ сравненіи съ нынѣшнею. Теперь спрашиваемъ: намѣрено ли правительство возвысить цѣну солдатскихъ суконъ въ Россіи, что̀ должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ вывоза шерсти? Еслибы курсъ упалъ только соразмѣрно съ уменьшеніемъ цѣны бумажекъ въ Россіи, то мы могли бы безъ убытка купечествовать съ Европою и торговаться въ цѣнѣ нашихъ собственныхъ произведеній. Но теперь Французы, Голландцы, Нѣмцы имѣютъ слишкомъ много выгодъ предъ нами и могутъ въ совмѣстномъ торгѣ раззорить покупщиковъ Русскихъ. Сошлемся на хитрыхъ Англичанъ: для общей пользы, желая у себя дешевизны нѣкоторыхъ вещей, они запрещаютъ ихъ вывозъ. Отпускъ шерсти можетъ ли примѣтно улучшить курсъ? Но весьма примѣтно возвыситъ цѣну ея въ Россіи. Давно ли правительство употребляло самыя несправедливыя средства, чтобы имѣть дешево сукна для войска? На вольныя фабрики налагали оброкъ, давали хозяину самую малую цѣну, подчиняли его закону насилія; теперь вдругъ казна подчиняетъ себя необходимости платить вдвое за сукна

Мысль ограничить ввозъ товаровъ по малому выходу нашихъ —весьма благоразумная. Я не сталъ бы жаловаться на правительство, еслибы оно вмѣстѣ съ сукнами, шелковыми и бумажными тканями запретило и алмазы, табакъ, Голландскія сельди, соленые лимоны и проч. Жалѣю только, что въ манифестѣ не назначенъ срокъ для продажи запрещенныхъ товаровъ; подъ видомъ старыхъ увидимъ въ лав-

кахъ и вновь привозимые, разумѣется тайно: не будетъ клейма, и фальшивые. А кто изъ покупщиковъ смотритъ на клеймо? Вообще надобно взять строжайшія мѣры противъ тайной торговли: она уноситъ милліоны. Всѣ говорятъ объ ней, но у знатныхъ таможенныхъ чиновниковъ уши завѣшаны золотомъ. Другое зло то, что лавочники, не ограниченные срокомъ для продажи, день ото дня возвышаютъ цѣны запрещенныхъ суконъ и тканей, а мы все покупаемъ, пока есть товаръ. Не надобно давать пищи столь алчному и безсовѣстному корыстолюбію.

Впрочемъ строгость начальства и вѣрность таможни сдѣлали бы нѣчто въ пользу нашего курса, но не многое: онъ бываетъ выше единственно для такой земли, которая болѣе продаетъ, нежели покупаетъ, сверхъ того имѣетъ безопасное существованіе государственное, не боится ничего ни внѣ, ни внутри, управляется духомъ твердаго порядка, не знаетъ опасныхъ перемѣнъ, не ждетъ ежеминутно указовъ о новыхъ мѣрахъ государственнаго хозяйства, не ждетъ новыхъ толкованій на ассигнаціи, новыхъ доказательствъ, что онѣ не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всѣхъ кораблей на свѣтѣ, надобно еще, чтобы иностранцы захотѣли переводить къ намъ капиталы, мѣнять свои гинеи и червонцы на Русскія ассигнаціи и не считали бы оныхъ подозрительными векселями.

Оставляя предметъ государственныхъ доходовъ, ассигнацій и торговли, упомяну о манифестѣ, который, думаю, вышелъ въ 1806 году, и въ коемъ опредѣляются права купеческихъ степеней; онъ названъ: *кореннымъ уставомъ*, долженствовалъ быть написанъ золотыми буквами на хартіи и положенъ въ хранилище законовъ, на память вѣкамъ. Не говорю о слогѣ, не говорю о порядкѣ мыслей; но страннѣе всего, что законодатель, описавъ права и выгоды каждой степени, отлагаетъ до другаго времени предложить обязанности или условія, на коихъ сіи права даны будутъ купечеству, а только издали стращаетъ ихъ возвышеніемъ купеческихъ податей. На что же обнародовали сей манифестъ, когда еще не время было сказать, чего потребуется отъ желающихъ имѣть описанныя въ ономъ выгоды? Трудно отгадать; а меланхолики говорили: не трудно; хотятъ безпокоить всѣ состоянія; еще не выдумали налога, спѣшатъ предвѣстить его—и въ утѣшеніе обѣщаютъ право носить сабли! Но теперь у насъ есть Совѣтъ, гдѣ разсматриваются проекты общихъ государственныхъ постановленій. Ожидаемъ впредь болѣе зрѣлости въ мысляхъ законодательныхъ.

Скоро увидимъ, какъ основательна сія надежда. Книги общаго гражданскаго законодательства готовятся для Россіи.

Уже царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ видѣлъ недостатокъ Уложенія: вышли новыя статьи въ прибавленіе. Петръ Великій, все обнимая, хотѣлъ полной книги законовъ, и собственною рукою написалъ о томъ указъ Сенату, желая, чтобы правила оныхъ были утверждены по основательномъ разсмотрѣніи всѣхъ нашихъ и чужестран-

ныхъ гражданскихъ уставовъ. Екатерина I-я нѣсколько разъ побуждала Сенатъ заниматься симъ важнымъ дѣломъ; Петръ II указалъ изъ каждой губерніи прислать для онаго въ Москву по нѣскольку выборныхъ дворянъ, знающихъ, благомысленныхъ. Императрица Анна присоединила къ нимъ и выборныхъ изъ купечества; но графъ Остерманъ, въ наставленіи Правительницѣ, говоритъ: «Уже болѣе «20 лѣтъ трудятся при Сенатѣ надъ «сочиненіемъ книги законовъ, а едва «ли будетъ успѣхъ, если не составятъ особенной для того коммиссіи «изъ двухъ особъ духовныхъ, пяти или шести дворянъ, гражданъ и «нѣкоторыхъ искусныхъ законовѣдцевъ». Прошло и царствованіе Елизаветы, миновалъ и блестящій вѣкъ Екатерины II, а мы еще не имѣемъ уложенія, несмотря на добрую волю правительства, на учрежденіе въ 1754 году особенной законодательной коммиссіи, на планъ уложенія, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собраніе депутатовъ въ Москвѣ, на краснорѣчивый Наказъ Екатерины II, испещренный выписками изъ Монтескье и Беккаріи. Чего не доставало? Способныхъ людей. Были ли они въ Россіи? По крайней мѣрѣ ихъ не находили, можетъ быть худо искали. Александръ, ревностный исполнить то, чего всѣ монархи Россійскіе желали, образовалъ новую коммиссію; набрали многихъ секретарей, редакторовъ, помощниковъ; не сыскали только одного и самаго необходимѣйшаго, — человѣка, способнаго быть ея душею, изобрѣсти лучшій планъ, лучшія средства и привести оныя въ исполненіе наилучшимъ образомъ. Болѣе года мы ничего не слыхали о трудахъ сей коммиссіи. Наконецъ, государь спросилъ у предсѣдателя и получилъ въ отвѣтъ, что медленность необходима, что Россія имѣла дотолѣ одни указы, а не законы, что велѣно переводить кодексъ Фридриха Великаго. Сей отвѣтъ не давалъ большой надежды. Успѣхъ вещи зависитъ отъ яснаго, истиннаго объ ней понятія. Какъ, у насъ нѣтъ законовъ, а только указы? Развѣ указы (edicta) не законы? И Россія не Пруссія. Къ чему послужитъ намъ переводъ Фридрихова кодекса? Не худо знать его, но менѣе ли нужно знать и Юстиніановъ или Датскій, единственно для общихъ соображеній, а не для путеводительства въ нашемъ особенномъ законодательствѣ. Мы ждали два года. Начальникъ перемѣнился; выходитъ цѣлый томъ работы предварительной, — смотримъ и протираемъ себѣ глаза, ослѣпленные школьною пылью. Множество ученыхъ словъ и фразъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, ни одной мысли, почерпнутой въ созерцаніи особеннаго гражданскаго характера Россіи. Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кромѣ того, что голова авторовъ въ лунѣ, а не на землѣ Русской! И желали, чтобы сіи умозрители или спустились къ намъ, или не писали для насъ законовъ. Опять новая декорація: видимъ законодательство въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванію и вѣрную пристань. Уже въ манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно готовы будутъ и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ

книжки подъ именемъ: *проекта уложенія.* Что же находимъ? Переводъ Наполеонова кодекса!!

Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно передъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю эксъ-адвокатами и эксъякобинцами? Петръ Великій любилъ иностранцевъ, однакожъ не велѣлъ, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напримѣръ, Шведскіе законы и назвать ихъ Русскими; ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже 9-ть уложеній, еслибы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуютъ невозможность писать для Россіянъ то, что̀ писано во Французскомъ подлинникѣ, и, дошедши въ переводѣ до главы *о супружествѣ и о разводѣ,* обращаются отъ Наполеона *къ Кормчей Книгѣ;* но вездѣ видно, что они шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Кстати ли начинать напр. Русское уложеніе главою *о правахъ гражданскихъ,* коихъ въ истинномъ смыслѣ не бывало и нѣтъ въ Россіи? У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ: дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права; общаго нѣтъ кромѣ названія Русскихъ. Въ Наполеоновомъ кодексѣ читаю: «Participation aux «droits civils ci-après», а далѣе говоритъ законодатель о правѣ собственности, наслѣдства, завѣщанія: вотъ гражданскія права во Франціи; но въ Россіи господскій, и самый казенный, земледѣлецъ имѣетъ ли оныя, хотя и называется Русскимъ? Здѣсь мы только переводимъ и въ иныхъ мѣстахъ даже неясно; напр. въ подлинномъ сказано о человѣкѣ, лишенномъ правъ гражданскихъ: il ne peut procéder en justice, ni en défendant, ni en demandant, а въ переводѣ: что онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ! Слѣдственно прибьетъ васъ, ограбитъ, и за то не отвѣтствуетъ. Переводчики многое сокращаютъ; они могли бы выпустить и слѣдующія постановленія, ими сохраненныя въ описаніи движимаго и недвижимаго имѣнія: Les glaces d'un appartement sont censées mises à perpetuelle demeure, lorsque le parquet, sur le quel elles sont attachées fait corps avec boiserie.. Quant aux statues, elles sont immeubles, lorsqu'elles sont placées dans une niche pratiquée exprès pour les recevoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture ni détérioration. Могли бы также не говорить объ Alluvion; отъ начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы

о сихъ предметахъ, и никто изъ Русскихъ, читая сей проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ наше гражданское уложеніе, еслибы не стояло того въ заглавіи: все нерусское, все не по-русски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ. Кто пойметъ, для чего при нашемъ учрежденіи опекъ — быть семейственному совѣту. Но въ семъ отдѣленіи Французскаго кодекса говорится о conseil de famille. Кто пойметъ сію краткость въ важномъ, гдѣ не надобно жалѣть словъ для ясности, и сію плодовитость въ описаніи случаевъ совсѣмъ для насъ неизвѣстныхъ? Я слышалъ мнѣніе людей неглупыхъ: они думаютъ, что въ сихъ двухъ изданныхъ книжкахъ предполагается только содержаніе будущаго кодекса, съ означеніемъ нѣкоторыхъ мыслей. Я не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія и доказывать, что это самый кодексъ; они не скоро бы мнѣ повѣрили: такъ сія Наполеоновская форма законовъ чужда для понятія Русскихъ. Есть даже вещи смѣшныя въ проектѣ, напр. «младенецъ, рожденный мертвымъ, не «наслѣдуетъ». Если законодатель будетъ говорить подобныя истины, то наполнитъ оными сто, тысячу книгъ. Я искалъ сей аксіомы въ Code Napoléon и вмѣсто ея нашелъ: celui-là n'est pas encore constitué enfant, qui n'est pas né viable. Здѣсь переводчики дѣлаются авторами. Не привязываясь къ новымъ словамъ, однакожъ скажу, что въ книгѣ законовъ странно писать о ложѣ рѣки (le lit de la rivière), вмѣсто *желобовины русла*. Самая выписка изъ нашихъ церковныхъ уставовъ о позволенныхъ бракахъ и разводахъ сдѣлана наскоро, напр. забыта главная вина развода: неспособность къ тѣлесному совокупленію. Вижу крайній страхъ авторовъ предлагать отмѣны въ дѣлахъ духовныхъ, но въ уложеніи надлежало бы по крайней мѣрѣ сказать, что епископы въ своихъ епархіяхъ могутъ, по усмотрѣнію, дозволять браки сомнительные свойствомъ жениха и невѣсты; иначе въ небольшихъ деревняхъ скоро нельзя будетъ никому жениться отъ размноженія свойства. Хвалю законъ о раздѣлѣ имѣнія между братьями и сестрами, дѣтьми и родителями, уже давно предлагаемый общимъ мнѣніемъ. Не знаю, можно ли, сверхъ того, похвалить что-нибудь въ семъ проектѣ.

Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы Французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданственному состоянію? Мы всѣ—всѣ, любящіе Россію, государя ея, славу, благоденствіе,—такъ, ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ. И въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества!

Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ. Согласно съ здравымъ смысломъ, требуемъ отъ коммиссіи систематическаго предложенія нашихъ. *Русская Правда* и *Судебникъ*, отживъ вѣкъ свой, существуютъ единственно какъ предметъ любопытства. Хотя Уложеніе царя Алексѣя Михайловича имѣетъ еще силу зако-

на; но сколько и въ немъ обветшалаго, уже для насъ безсмысленнаго, непригоднаго? Остаются указы и постановленія, изданныя отъ временъ царя Алексѣя до нашихъ: вотъ содержаніе кодекса. Должно распорядить матеріалы, отнести уголовное къ уголовному, гражданское къ гражданскому, и сіи двѣ главныя части раздѣлить на статьи. Когда же всякій указъ будетъ подведенъ подъ свою статью, тогда начнется второе дѣйствіе, соединеніе однородныхъ частей въ цѣлое, или соглашеніе указовъ, для коего востребуется иное объяснить, иное отмѣнить, или прибавить, буде опыты судилищъ доказываютъ или противорѣчіе, или недостатокъ въ существующихъ законахъ. Третье дѣйствіе есть общая критика законовъ: суть ли они лучшіе для насъ по нынѣшнему гражданскому состоянію Россіи. Здѣсь увидимъ необходимость исправить нѣкоторые, въ особенности уголовные, жестокіе, варварскіе; ихъ уже давно не исполняютъ; для чего же они существуютъ, къ стыду нашего законодательства?

Такимъ образомъ собранные, приведенные въ порядокъ, дополненные, исправленные законы предложите въ формѣ книги, систематически, съ объясненіемъ причинъ; не только описывайте случаи, но всѣ другіе возможные рѣшите *общими правилами*, безъ коихъ нѣтъ полныхъ законовъ, и которыя даютъ имъ высочайшую степень совершенства. Сихъ-то правилъ не достаетъ въ Уложеніи царя Алексѣя, и во многихъ указахъ говорятъ: если будетъ такой случай, рѣшите такъ; а если встрѣтится другой, не описанный законодателемъ, надобно идти въ докладъ. Не умствуйте высокопарно, но разсуждайте, чтобъ просвѣтить судью; лучше, удобнѣе впечатлѣть ему въ память простыя начала, нежели многообразныя слѣдствія оныхъ. Русское право также имѣетъ свои начала, какъ и Римское; опредѣлите ихъ и вы дадите намъ систему законовъ. Сіе послѣднее дѣйствіе законодательства назову *систематическимъ предложеніемъ*. О порядкѣ матерій спорить много не буду; начнете ли съ гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, съ людей или вещей, съ разсужденія или предписаній; но думаю, что лучше начать съ важнѣйшаго и послѣдовать не кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстиніанову и царя Алексѣя Михайловича. Оградите святынею закона неприкосновенность церкви, государя, чиновниковъ и личную безопасность всѣхъ Россіянъ. Утвердите связи гражданскія между нами, потомъ займитесь цѣлостію собственности, наслѣдствами, куплею, завѣщаніями, залогами и пр., наконецъ, дайте уставъ для производства дѣлъ.

Сей трудъ великъ; но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человѣкъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ творцемъ Уложенія Россійскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками, помощниками, работниками. Здѣсь единство мыслей необходимо для совершенства частей и цѣлаго, единство воли необходимо для успѣха; или мы найдемъ такого человѣка, или долго будемъ ждать кодекса.

Есть и другой способъ. Мы гово-

рили доселѣ о систематическомъ законодательствѣ; когда у насъ нѣтъ людей способныхъ для онаго, то умѣрьте свои требованія, и вы сдѣлаете еще немалую пользу Россіи; вмѣсто прагматическаго кодекса, издайте полную, сводную книгу Россійскихъ законовъ или указовъ по всѣмъ частямъ суднымъ, согласивъ противорѣчія и замѣнивъ лишнее нужнымъ, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложеніе Алексѣя Михайловича, и на Морской Уставъ, и на 20-ть указовъ, изъ коихъ иные въ самомъ Сенатѣ не безъ труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученыхъ; не будемъ хвалиться ею въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудія въ Россіи, не затруднимъ судей нашихъ галлицизмомъ и не покажемся жалкими иностранцамъ, что̀ безъ сомнѣнія заслужимъ переводомъ Наполеонова кодекса.

Прибавимъ одну мысль къ сказанному нами о Россійскомъ законодательствѣ. Государство наше состоитъ изъ разныхъ народовъ, имѣющихъ свои особенные гражданскіе уставы, какъ Ливонія, Финляндія, Польша, самая Малороссія. Должно ли необходимо ввести единство законовъ? Должно, если такая перемѣна не будетъ существеннымъ, долговременнымъ бѣдствіемъ для сихъ областей; въ противномъ случаѣ не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, безъ насилія и дѣйствуя на мягкій умъ юношества. Пусть молодые люди, хотящіе тамъ посвятить себя законовѣдѣнію, испытываются въ знаніи и общихъ законахъ Россійскихъ, особенно языка нашего,—вотъ самое лучшее приготовленіе къ желаемому единству въ гражданскихъ уставахъ. Впрочемъ, надобно изслѣдовать основательно, для чего напр. Ливонія или Финляндія имѣютъ такой-то особенный законъ? Причины, родившія оный, существуютъ ли и согласны ли съ государственнымъ благомъ? Буде существуютъ и согласны, то можно ли замѣнить ихъ дѣйствіе инымъ способомъ? Отъ новости не потерпятъ ли нравы, не ослабѣютъ ли связи между разными гражданскими состояніями той земли? «Какая нужда»—говоритъ Монтескьё,—«однимъ ли законамъ слѣдуютъ граждане, если они вѣрно слѣдуютъ онымъ?» Фридрихъ Великій, издавая общее уложеніе, не хотѣлъ уничтожить всѣхъ частныхъ статутовъ, полезныхъ въ особенности для нѣкоторыхъ провинцій; опасайтесь внушенія умовъ легкихъ, которые думаютъ, что надобно только велѣть—и все сравняется.

Мы означили главныя дѣйствія нынѣшняго правительства и неудачу ихъ. Если прибавимъ къ сему частныя ошибки министровъ въ мѣрахъ государственнаго блага (постановленіе о соли, о суконныхъ фабрикахъ, о прогонѣ скота) имѣвшія столь много вредныхъ слѣдствій, всеобщее безстрашіе, основанное на мнѣніи о кротости государя, равнодушіе мѣстныхъ начальниковъ ко всякимъ злоупотребленіямъ, грабежъ въ судахъ, наглое взяткобрательство капитанъ-исправниковъ, предсѣдателей палатскихъ, вице-губернаторовъ, а всего болѣе самихъ губернаторовъ, наконецъ, безпокойные виды будущаго, внѣшнія опасности,—

то удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ: сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ. Я совсѣмъ не меланхоликъ и не думаю подобно тѣмъ, которые, видя слабость правительства, ждутъ скораго разрушенія; нѣтъ,—государства живущи и въ особенности Россія, движимая самодержавною властію. Если не придутъ къ намъ бѣды извнѣ, то еще смѣло можемъ, и долгое время, заблуждаться въ нашей внутренней государственной системѣ; вижу еще обширное поле для всякихъ новыхъ твореній самолюбиваго, неопытнаго ума,—но не печальна ли сія возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что ихъ еще довольно въ запасѣ? Самымъ худымъ медикамъ не легко уморить человѣка, крѣпкаго сложенія,—только всякое лѣкарство, данное не кстати, дѣлаетъ вредъ существенный и сокращаетъ жизнь.

Мы говорили о вредѣ, говорить ли о средствахъ цѣлебныхъ? И какія можемъ предложить? Самыя простѣйшія.

Минувшаго не возвратить. Было время (о чемъ мы сказали въ началѣ), когда Александръ могъ бы легко возобновить систему Екатеринина царствованія, еще живаго въ памяти и въ сердцахъ по ней образованныхъ. Бурное царствованіе Павлово изгладилось бы какъ сновидѣніе въ мысляхъ. Теперь поздно: люди и вещи большею частію перемѣнились; сдѣлано столько новаго, что и старое показалось бы намъ теперь опасною новостію: мы уже отъ него отвыкли, и для славы государя вредно съ торжественностію признаваться въ десятилѣтнихъ заблужденіяхъ, произведенныхъ самолюбіемъ его весьма неглубокомысленныхъ совѣтниковъ, которые хотѣли своею творческою мудростію затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дѣло сдѣлано, надобно искать средствъ пригоднѣйшихъ къ настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности; отъ того изобрѣтеніе разныхъ Министерствъ и учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совѣтъ существуютъ,—они будутъ полезны, если въ Министерствѣ и Совѣтѣ увидимъ только мужей знаменитыхъ разумомъ и честью. Итакъ, первое наше доброе желаніе есть да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ Коллегіями, ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ, монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Ѳеофана и Остермана, славныхъ въ нашей государственной исторіи.

Обстоятельства иныя, и скромныя,

тихія свойства души отличаютъ Александра отъ Петра, который вездѣ былъ самъ, со всѣми говорилъ, всѣхъ слушалъ и бралъ на себя, по одному слову, по одному взору, рѣшить достоинство человѣка; но да будетъ тоже правило: *искать людей*. Кто имѣетъ довѣренность государя, да замѣчаетъ ихъ вдали для самыхъ первыхъ мѣстъ. Не только въ республикахъ, но и въ монархіяхъ, кандидаты должны быть назначены единственно по способностямъ. Всемогущая рука единовластителя одного ведетъ, другаго мчитъ на высоту; медленная постепенность есть законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ министра, не долженъ посѣдѣть въ столоначальникахъ или секретаряхъ. Чины унижаются не скорымъ ихъ пріобрѣтеніемъ, но глупостію и безчестіемъ сановниковъ; возбуждается зависть, но скоро умолкаетъ предъ лицемъ достойнаго. Вы не образуете полезнаго министерства сочиненіемъ наказа; тогда образуете, когда пріисковите хорошихъ министровъ. Совѣтъ разсматриваетъ ихъ предложенія, но увѣрены ли вы въ мудрости его членовъ? Общая мудрость раждается только отъ частной. Однимъ словомъ, теперь всего нужнѣе люди.

Но люди не только для Министерства или Совѣта, но и въ особенности для мѣстъ губернаторскихъ. Россія состоитъ не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ 50 или болѣе частей, называемыхъ губерніями; если тамъ пойдутъ дѣла какъ должно, то министры и Совѣтъ могутъ отдыхать на лаврахъ; а дѣла пойдутъ какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздаютъ хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Если губернаторы не умѣютъ или не хотятъ дѣлать того, виною худое избраніе лицъ; если не имѣютъ способа, виною худое образованіе губернскихъ властей.

1) Каковы нынѣ большею частію губернаторы? Люди безъ способностей и даютъ всякою неправдою наживаться секретарямъ своимъ, или безъ совѣсти и сами наживаются. Не выѣзжая изъ Москвы, мы знаемъ, что въ такой-то губерніи начальникъ глупецъ и весьма давно; въ такой-то грабитель и весьма давно. Слухомъ земля полнится, а министры не знаютъ того, или знать не хотятъ. Къ чему же служатъ ваши новыя министерскія образованія? Къ чему писать законы, развѣ для потомства? Не бумаги, а люди правятъ. 2) Прежде начальникъ губерніи зналъ надъ собою одинъ Сенатъ; теперь, кромѣ Сената, долженъ относиться къ разнымъ министрамъ: сколько хлопотъ и письма! А всего хуже то, что многія части въ составѣ губерніи не принадлежатъ къ его вѣдомству: школы, удѣльныя имѣнія, казенные лѣса, дороги, воды, почта, сколько пестроты и многочисленностей! Выходитъ, что губернія имѣетъ не начальника, а начальниковъ, изъ коихъ одинъ въ Петербургѣ, другіе въ Москвѣ: си-

стема правленія весьма не согласная съ нашею стариною, истинно монархическою, которая соединяла власти въ намѣстникѣ, для единства и силы въ ихъ дѣйствіяхъ. Всякая губернія есть Россія въ маломъ видѣ; мы хотимъ, чтобы государство управлялось единою, а каждая изъ частей онаго,—разными властями. Страшимся злоупотребленій въ общей власти, но частная развѣ не имѣетъ ихъ? Какъ въ большомъ домѣ не можетъ быть исправности безъ домоправителя, дающаго во всемъ отчетъ господину, такъ не будетъ совершеннаго порядка и въ губерніяхъ, пока столь многіе чиновники дѣйствуютъ независимо отъ губернаторовъ, отвѣтствующихъ государю за спокойствіе государства, и гораздо болѣе всѣхъ живущихъ въ Петербургѣ министровъ, членовъ совѣта, сенаторовъ. Одна сія мысль не убѣждаетъ ли въ необходимости возвысить санъ губернаторскій всеобщимъ уваженіемъ? Да будетъ губернаторъ что́ были намѣстники при Екатеринѣ. Дайте имъ достоинство сенаторовъ, согласите оное съ отношеніями ихъ къ министрамъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, долженствуютъ быть единственно секретарями государя по разнымъ частямъ,—и тогда умѣйте только избирать людей.

Вотъ главное правило. Второе, не менѣе существенное, есть: *умѣйте обходиться съ людьми*. Мало ангеловъ на свѣтѣ, не такъ много и злодѣевъ; гораздо болѣе смѣси, то есть: добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе добра или обуздывать стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, отличія: для втораго,—боязнь наказаній. Кто знаетъ человѣческое сердце, составъ и движеніе гражданскихъ обществъ, тотъ не усомнится въ истинѣ сказаннаго Макіавелемъ, что страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ. Если вы, путешествуя, увидите землю, гдѣ все тихо и стройно, народъ доволенъ, слабый не утѣсненъ, невинный безопасенъ: то скажете смѣло, что въ ней преступленія не остаются безъ наказанія. Сколько агнцевъ обратилось бы въ тигровъ, если бы не было страха! Любить добро для его собственныхъ прелестей есть дѣйствіе высшей нравственности, явленія рѣдкаго въ мірѣ: иначе не посвящали бы алтарей добродѣтели. Обыкновенно же люди соблюдаютъ правила честности, не столько въ надеждѣ пріобрѣсти тѣмъ особенныя нѣкоторыя выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженнаго съ явнымъ нарушеніемъ сихъ правилъ. Одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ золъ нашего времени есть безстрашіе. Вездѣ грабятъ, и кто наказанъ? Ждутъ доносовъ, улики, посылаютъ сенаторовъ для изслѣдованія, и ничего не выходитъ. Доносятъ плуты, честные терпятъ и молчатъ, ибо любятъ покой. Не такъ легко уличить искуснаго вора - судью, особенно съ нашимъ закономъ, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указываютъ пальцемъ на грабителей и даютъ имъ чины, ленты, въ ожиданіи, чтобы кто нибудь на нихъ подалъ жалобу; а сіи недостойные чиновники, въ надеждѣ

на своихъ, подобныхъ имъ защитниковъ въ Петербургѣ, беззаконствуютъ, смѣло презирая стыдъ и доброе имя, коего они условно лишились; въ два или три года наживаютъ по нѣскольку сотъ тысячь и, не имѣвъ прежде ничего, покупаютъ деревни. Иногда видимъ, что государь, вопреки своей кротости, бываетъ расположенъ и къ строгимъ мѣрамъ.—онъ выгналъ изъ службы двухъ или трехъ сенаторовъ и нѣсколько другихъ чиновниковъ, оглашенныхъ мздоимцами; но сіи малочисленные примѣры отвѣтствуютъ ли безчисленности нынѣшнихъ мздоимцевъ? Негодяй такъ разсуждаетъ: «братъ мой N. N. наказанъ отставкою, но собратья мои, такіе-то, процвѣтаютъ въ благоденствіи; одинъ многимъ не указъ, а если меня и выгонятъ изъ службы, то съ богатымъ запасомъ на черный день, еще найду не мало утѣшеній въ жизни». Строгость безъ сомнѣнія не пріятна для сердца чувствительнаго; но гдѣ она необходима для порядка, тамъ кротость не умѣстна. Какъ живописцы изображаютъ монарха? Воиномъ и съ мечемъ въ рукѣ, не пастушкомъ и не съ цвѣтами. Въ Россіи не будетъ правосудія, если государь, поручивъ оное судилищамъ, не будетъ смотрѣть за судьями. У насъ не Англія; мы столько вѣковъ видѣли судью въ монархѣ и добрую волю его признавали вышнимъ уставомъ. Сирены могутъ пѣть вокругъ трона: «Александръ! воцари законъ въ Россіи» и проч. Я возьмусь быть толкователемъ сего хора: «Александръ! дай намъ именемъ закона господствовать надъ Россіею, а самъ покойся на тронѣ, изливай единственно милости, давай намъ чины, ленты, деньги!» Въ Россіи государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не боятся государя—не боятся и закона. Въ монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти. Наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти. Чего Александръ не свѣдаетъ, если захочетъ вѣдать? И да накажетъ преступника, да накажетъ и тѣхъ, которые возводятъ его на степень знаменитую! Да отвѣтствуетъ министръ по крайней мѣрѣ за избраніе главныхъ чиновниковъ! Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ. Начинайте всегда съ головы: если худы капитанъ-исправники, виновны губернаторы, виновны министры! Не сему правилу слѣдовали тѣ, которые дали совѣтъ государю обезчестить, снятіемъ мундира, всѣхъ коммисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, кромѣ начальниковъ. Равные не могутъ отвѣтствовать другъ за друга. Если они всѣ причиною бѣдствій арміи, то мало лишить ихъ мундира. Если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать; а казнь виновнаго вмѣстѣ съ правымъ отнимаетъ стыдъ у казни. Малѣйшее наказаніе, но безполезное, ближе къ тиранству, нежели самое жестокое, коего основаніемъ есть справедливость, а цѣлію общее добро. Ненавидятъ тирана, но мягкосердіе

тогда есть добродѣтель въ вѣнценосцѣ, когда онъ умѣетъ превозмогать оное долгомъ благоразумной строгости. Единственно въ своихъ личныхъ, тайныхъ оскорбленіяхъ, государь можетъ прощать достохвально, а не въ общественныхъ; когда же вредно часто прощать, то еще вреднѣе терпѣть. Въ первомъ случаѣ винятъ слабость; во второмъ безпечность или непроницаніе. Мы упомянули о личныхъ оскорбленіяхъ для монарха; они рѣдко бываютъ безъ связи со вредомъ государственнымъ. Такъ напр. не должно позволять, чтобъ кто-нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно представлять лицо недовольнаго или не уважать монарха, коего священная особа есть образъ отечества. Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью; скажите имъ слово на ухо—они лежатъ у ногъ вашихъ.

Говоривъ о необходимости страха для удержанія насъ отъ зла, скажемъ нѣчто о наградахъ: онѣ благодѣтельны своею умѣренностію; въ противномъ случаѣ, дѣлаются или безполезны, или вредны. Я вижу всѣхъ генераловъ, осыпанныхъ звѣздами, и спрашиваю: сколько побѣдъ мы одержали, сколько царствъ завоевали? Нынѣ даютъ *голубую* ленту, завтра лишаютъ начальства; сей нѣкогда лестный крестъ св. Георгія виситъ на знаменитомъ ли витязѣ? Нѣтъ,—на молодушномъ и презрѣнномъ въ цѣлой арміи. Кого же украситъ теперь св. Георгій? Если въ царствованіе Павла чины и ленты упали въ достоинствѣ, то въ Александрово, по крайней мѣрѣ, не возвысились, чего слѣдствіемъ было и есть требовать иныхъ наградъ отъ государя, денежныхъ, ко вреду казны и народа, ко вреду самыхъ государственныхъ добродѣтелей. О бережливости говорили мы въ другомъ мѣстѣ; здѣсь напомнимъ двѣ аксіомы: 1) за деньги не дѣлается ничего великаго; 2) изобиліе располагаетъ человѣка къ праздной нѣгѣ, противной всему великому. Россія никогда не славилась богатствомъ; у насъ служили по должности, изъ чести, изъ куска хлѣба, не болѣе. Нынѣ не только воинскіе, но и гражданскіе чиновники хотятъ жить большимъ домомъ на счетъ государства. И какая пестрота: люди въ одномъ чинѣ имѣютъ столь различныя жалованья, что одному нечего ѣсть, а другой можетъ давать лакомые обѣды; ибо первый служитъ по старымъ, а второй по новымъ штатамъ; первый въ сенатѣ, въ губерніи, а второй у министра въ канцеляріи, или гдѣ-нибудь въ новомъ мѣстѣ. Не думаютъ о бѣдныхъ офицерахъ, удовлетворяя корыстолюбіе генераловъ орденами и пенсіями. Ставятъ въ примѣръ Французовъ; для чего же не Русскихъ, времени Петрова или Екатеринина? Но и Французскіе генералы всего болѣе недовольны Наполеономъ за то, что онъ, давъ имъ богатство, отнимаетъ у нихъ досугъ и способъ наслаждается онымъ. Честь, честь должна быть главною наградою. Римляне съ дубовыми вѣнками завоевали міръ. Люди въ главныхъ свойствахъ не измѣнились; соедините съ какимъ-нибудь знакомъ понятіе о превосходной добродѣтели, то-есть награждайте имъ людей единственно превосходныхъ,—и вы увидите, что всѣ будутъ желать онаго, несмотря на его ничтожную денежную

цѣну. Слава Богу, мы еще имѣемъ честолюбіе; еще слезы катятся изъ глазъ нашихъ при мысли о бѣдствіяхъ Россіи; въ самомъ множествѣ недовольныхъ, въ самыхъ нескромныхъ жалобахъ на правительство, вы слышите нерѣдко голосъ благородной любви къ отечеству. Есть люди, умѣйте только обуздывать ихъ въ злѣ и поощрять къ добру благоразумною системою наказаній и наградъ; но повторимъ—первое еще важнѣе.

Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя Россійскаго; безъ сего искусства тщетно будете искать народнаго блага въ новыхъ органическихъ уставахъ. Не спрашивайте, какъ писаны законы въ государствѣ, сколько министровъ, есть ли верховный совѣтъ; но спрашивайте, каковы судьи, каковы властители? Фразы для газетъ только, правила для государства.

Въ дополненіе сказаннаго нами прибавимъ нѣкоторыя особенныя замѣчанія.

Самодержавіе есть палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастія; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Оно было всегда не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣютъ слабымъ господиномъ; но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честію. Права благородныхъ суть не отдѣлъ монаршей власти, но ея главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный. Монтескьё сказалъ: Point de monarque, point de noblesse,—point de noblesse, point de monarque. Дворянство есть наслѣдственное. Порядокъ требуетъ, чтобы нѣкоторые люди воспитывались для отправленія нѣкоторыхъ должностей, и чтобы монархъ зналъ, гдѣ ему искать дѣятельныхъ слугъ отечественной пользы. Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне—служатъ, награждаемые отличіемъ и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ. Личные подвижные чины не могутъ замѣнить дворянства родоваго, постояннаго, и хотя необходимы для означенія степеней государственной службы, однакожъ въ благополучной монархіи не должны ослаблять коренныхъ правъ его, не должны имѣть выгодъ онаго. Надлежало бы не дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по дворянству, то-есть, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ, надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у насъ со временъ Петра Великаго не соблюдается: офицеръ уже есть дворянинъ! Не должно для превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи, заграждать пути къ высшимъ степенямъ; но пусть государь дастъ дворянство прежде чина и съ нѣкоторыми торжественными обрядами, вообще рѣдко и съ выборомъ строгимъ. Польза ощутительна: 1-е) Если часто будете выводить простолюдиновъ въ министры, въ вельможи, въ генералы, то съ знатностію приведется давать имъ и богатство, необходимое для ея сіянія: казна истощается. Напротивъ того, дворяне, имѣя наслѣдственный достатокъ, могутъ и въ высшихъ чинахъ обойтись безъ

казенныхъ денежныхъ пособій. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкаго происхожденія на ступеняхъ трона, гдѣ мы издревле обыкли видѣть бояръ сановитыхъ. Ни слова, буде сіи люди ознаменованы способностями рѣдкими, выспренними; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сіи высшія мѣста занимались дворянами. 3) Природа даетъ умъ и сердце, но воспитаніе образуетъ ихъ. Дворянинъ, облагодѣтельствованный судьбою, навыкаетъ отъ самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рожденія, плѣняеться знатностію, удѣломъ его предковъ и наградою личныхъ будущихъ заслугъ его. Сей образъ мыслей и чувствованій даетъ ему то благородство духа, которое, сверхъ иныхъ намѣреній, было цѣлію при учрежденіи наслѣдственнаго дворянства,—преимущество важное, рѣдко замѣняемое естественными дарами простолюдина, который въ самой знатности боится презрѣнія, обыкновенно не любитъ дворянъ и мыслитъ личною надменностію изгладить изъ памяти людей свое низкое происхожденіе. Добродѣтель рѣдка. Ищите въ свѣтѣ болѣе обыкновенныхъ, нежели превосходныхъ душъ. Мнѣніе не мое, но всѣхъ глубокомысленныхъ политиковъ есть, что твердо основанныя права благородства въ монархіи служатъ ей опорою. И такъ, желаю, чтобы Александръ имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія,—возвышать не только государственными хартіями, но и сими такъсказать невинными, легкими знаками вниманія, столь дѣйствительными въ самодержавіи. Наприм., для чего императору не являться иногда въ торжественныхъ собраніяхъ дворянства въ видѣ его главы и не въ мундирѣ офицера гвардейскаго, а въ дворянскомъ? Сіе произвело бы гораздо болѣе дѣйствія, нежели письмо краснорѣчивое и словесныя увѣренія въ монаршемъ вниманіи къ обществу благородныхъ. Но ничѣмъ Александръ не возвысилъ бы онаго столь ощутительно, какъ закономъ принимать всякаго дворянина въ военную службу офицеромъ, требуя единственно, чтобы онъ зналъ начала математики и Русскій языкъ съ правильностію; давайте жалованіе только комплектнымъ: всѣ благородные, согласно съ пользою монархіи, основанной на завоеваніяхъ, возьмутъ тогда шпагу въ руки, вмѣсто пера, коимъ нынѣ (безъ сомнѣнія ко вреду государственному) и богатые и не богатые дворяне вооружаютъ дѣтей своихъ въ канцеляріяхъ, въ архивахъ, въ судахъ, имѣя отвращеніе отъ солдатскихъ казармъ, гдѣ сіи юноши, дѣля съ рядовыми воинами и низкіе труды и низкія забавы, могли бы потерпѣть и въ здоровьи и въ нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, чего нужнаго для службы нельзя узнать офицеромъ? Учиться же для дворянина гораздо пріятнѣе въ семъ чинѣ, нежели въ унтеръ-офицерскомъ. Арміи наши обогатились бы молодыми хорошо воспитанными дворянами, тоскующими нынѣ въ повытьяхъ. Гвардія осталась бы исключеніемъ: единственно въ ней начали бы мы служить съ унтеръ-офицеровъ: но и въ гвардіи надлежало бы отличать сержанта благороднаго

отъ сына солдатскаго. Можно и должно смягчать суровость воинской службы тамъ, гдѣ суровость не есть способъ побѣды,—строгость въ бездѣлицахъ уменьшаетъ охоту къ дѣлу. Занимайте, но не утомляйте воиновъ игрушками или вахтъ-парадами. Дѣйствуйте на душу еще болѣе, нежели на тѣло. Герои вахтъ-парада оказываются трусами на полѣ битвы. Сколько знаемъ примѣровъ! Офицеры Екатерининаго вѣка ходили иногда во фракахъ, но ходили смѣло и на приступы. Французы не педантствуютъ и побѣждаютъ. Мы видѣли Прусскихъ *героевъ*!

Какъ дворянство, такъ и духовенство бываетъ полезно государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстановить патріаршество; но желаю, чтобъ Синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и дѣйствіяхъ; чтобы въ немъ засѣдали напр. одни архіепископы; чтобъ онъ, въ случаѣ новыхъ коренныхъ государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ Сенатомъ для выслушанія, для принятія оныхъ въ свое хранилище законовъ и для обнародованія, разумѣется безъ всякаго противорѣчія. Нынѣ стараются о размноженіи духовныхъ училищъ, но будетъ еще похвальнѣе законъ, чтобы 18-лѣтнихъ учениковъ не ставить въ священники, и никого безъ строгаго испытанія; законъ, чтобъ іереи болѣе пеклись о нравственности прихожанъ, употребляя на то данныя имъ отъ Синода благоразумныя дѣйствительныя средства, о коихъ мыслилъ и государь Петръ Великій. По характеру сихъ важныхъ духовныхъ сановниковъ, можете всегда судить о нравственномъ состояніи народа. Не довольно дать Россіи хорошихъ губернаторовъ, надобно дать и хорошихъ священниковъ; безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ.

Дворянство и духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилища законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей,—вотъ основаніе Россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ.

Державы, подобно людямъ, имѣютъ опредѣленный вѣкъ свой: такъ мыслитъ философія, такъ вѣщаетъ исторія. Благоразумная система въ жизни продолжаетъ вѣкъ человѣка, благоразумная система государственная продолжаетъ вѣкъ государствъ. Кто исчислитъ грядущія лѣта Россіи? Слышу пророковъ близкаго конечнаго бѣдствія; но, благодаря Всевышняго, сердце мое имъ не вѣритъ! Вижу опасность, но еще не вижу погибели.

Еще Россія имѣетъ 40 м. жителей, и самодержавіе имѣетъ государя ревностнаго къ общему благу; если онъ, какъ человѣкъ, ошибается, то безъ сомнѣнія съ добрымъ намѣреніемъ, которое служитъ намъ вѣроятностію будущаго исправленія ошибокъ.

Если лександръ вообще будетъ осторожнѣе въ новыхъ государственныхъ твореніяхъ, стараясь всего болѣе утвердить существующія и думая болѣе о людяхъ нежели о формахъ; ежели благоразумною строгостію обратитъ вельможъ, чиновниковъ къ ревностному исполненію должностей; если заключитъ миръ съ Турціею и

спасетъ Россіянъ отъ третьей, весьма опасной войны съ Наполеономъ, хотя бы и съ утратою многихъ выгодъ такъ называемой чести, которая есть только роскошь сильныхъ государствъ и не равняется съ первымъ ихъ благомъ, или съ цѣлостію бытія; если онъ, не умножая денегъ бумажныхъ, мудрою бережливостію уменьшитъ расходы казны и найдетъ способъ прибавить жалованья бѣднымъ чиновникамъ, воинскимъ и гражданскимъ; если таможенные уставы, вѣрно наблюдаемые, приведутъ въ соразмѣрность ввозъ и вывозъ товаровъ; если, (что̀ въ семъ придположеніи будетъ необходимо) дороговизна мало - помалу уменьшится: то Россія благословитъ Александра, колебанія утихнутъ, неудовольствія исчезнутъ; родятся нужныя для государства привычки; ходъ вещей сдѣлается правильнымъ, постояннымъ; новое и старое сольются въ одно; рѣже и рѣже будутъ вспоминать прошедшее; злословіе не умолкнетъ, но лишится жала. Судьба Европы теперь не отъ насъ зависитъ; перемѣнитъ ли Франція свою ужасную систему, или Богъ перемѣнитъ Францію,—неизвѣстно; но бури не вѣчны. Когда же увидимъ ясное небо надъ Европою и Александра, сидящаго на тронѣ *цѣлой* Россіи, тогда восхвалимъ Александрово счастіе, коего онъ достоинъ своею рѣдкою добротою.

Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: «да блюдетъ царя и царство Рос- «сійское!»

ВОЗЗВАНІЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

«Распространеніе въ народѣ вѣрнаго пониманія славныхъ страницъ его исторіи есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его нравственнаго воспитанія.

«Распространеніе въ войскахъ знанія великихъ подвиговъ военной доблести, съ цѣлью сроднить съ ними каждаго солдата, есть важнѣйшая сторона военнаго образованія войска.

«Чѣмъ свѣжѣе память этихъ страницъ исторіи и этихъ подвиговъ военной доблести, тѣмъ яснѣе рисуются образы великихъ людей и славныхъ дѣлъ каждаго историческаго событія, тѣмъ сильнѣе слѣдовательно могутъ они быть двигателями нравственнаго вліянія.

«Однимъ изъ подобныхъ событій новѣйшаго времени, для насъ Русскихъ, представляется безспорно Севастопольская защита.

«Смыслъ ея славы есть картина цѣлой эпохи, въ теченіе которой патріотизмъ каждаго изъ тысячей Севастопольскихъ защитниковъ является какъ несокрушимое убѣжденіе и глубокое чувство, какъ двигатель къ безграничному самоотверженію и наконецъ какъ источникъ яснаго, твердаго и благороднаго сознанія своего долга.

«Тогда эти нравственныя черты возбуждали священное соревнованіе между Севастопольскими защитниками, ежедневно рождали на бастіонахъ Севастополя новыхъ героевъ и новые подвиги, и на пространствѣ всего государства поддерживали и облагороживали духъ каждаго Русскаго.

«Теперь ихъ назначеніе быть-можетъ еще святѣе и важнѣе. Они должны составить лѣтопись цѣлую и полную, а лѣтопись эту должны читать и перечитывать всѣ мы Русскіе, дѣти и внуки наши, дабы въ ней учиться какъ исполнять свой долгъ.

«Два года тому назадъ, на собраніи Севастопольцевъ въ С.-Петербургѣ, родилась мысль о доставленіи въ Севастопольскій Музей всѣхъ имѣющихся объ осадѣ свѣдѣній. Прекрасная эта мысль стала осуществляться, и нынѣ Музей владѣетъ уже довольно-значительнымъ количествомъ рукописей и печатныхъ сочиненій объ оборонѣ Севастополя.

«Но многаго еще въ немъ нѣтъ, многія драгоцѣнныя воспоминанія и свѣдѣнія не доставлены. Есть лица которыя могли и не знать о назначеніи Севастопольскаго Музея. А между тѣмъ время уходитъ.

«Побуждаемый всѣми этими чувствами и мыслями, съ твердою увѣренностью, что всѣ Севастопольцы горячо на нихъ откликнутся, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ разрѣшенія Государя Императора, обращается ко всѣмъ знающимъ что-либо достовѣрное о Севастопольской защитѣ, съ просьбою присылать на Его имя все то, что̀ кто-либо имѣетъ писаннаго о Севастополѣ, или то, что̀ онъ знаетъ и помнитъ и можетъ написать.

«Веденные во время осады дневники, записки, воспоминанія или письма о Севастопольской оборонѣ, простой разсказъ малѣйшаго эпизода ея или подвига, или того, что̀ кто-либо помнитъ, какъ очевидецъ, безъ стѣсненія формами и формальностями—вотъ что̀ нужно.

«Одно лишь условіе должно быть свято соблюдено—истина.

«Осчастливленные Георгіевскими крестами, знаками Военнаго Ордена и другими драгоцѣнными наградами за храбрость подъ Севастополемъ—пусть сообщатъ простой разсказъ о томъ, за что̀ они ихъ удостоились.

«Написанное каждый пусть отправитъ по слѣдующему адресу: «Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу. въ Собственныя руки. Въ С.-Петербургѣ. Отъ Севастопольца».

«Цѣль этого воззванія—собрать все, что̀ еще собрать возможно, относительно славной Севастопольской обороны.

«Собравши все, что̀ будетъ доставлено, и пользуясь уже поступившими въ Севастопольскій Музей драгоцѣнными свѣдѣніями, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣетъ желаніе разработать ихъ и издать въ такой формѣ и при такихъ условіяхъ, чтобы книга о Севастопольскихъ подвигахъ сдѣлалась настольною книгою Русскаго народа и Русскаго солдата».

Въ примѣчаніи къ этому сообщенію напечатано:

«Желающій сообщить словесно то, что̀ ему извѣстно, приглашается явиться въ Аничкинъ Его Высочества дворецъ по четвергамъ и понедѣльникамъ отъ 12 до 3 часовъ пополудни.

«Само собою разумѣется, что все полученное Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ поступитъ въ вѣчную собственность Севастопольскаго Музея.

«Лица, желающія сохранить у себя свои рукописи, пусть сообщатъ ихъ для снятія съ нихъ копій».

ЗАПИСКИ
ГАВРІИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА,

съ примѣчаніями П. И. Бартенева.

М. 1860. 8°. 520 стр. Цѣна 2 р., пересылка за 3 фунта.

СОЧИНЕНІЯ
Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1р. 75 к.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Изданіе Русскаго Архива. Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к. Къ этому второму изданію прибавлены:

1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ «Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова».
2) «Тайныя Наставленія» въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.
3) Польскій Катихизисъ.
4) Подробное оглавленіе всей книги.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ издаваемъ въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою г.г. иногороднымъ подписчикамъ—

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева, пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р. для Англіи — **2** р. **50** к.; для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**